Многоуважаемому С. К. Шамбинаго
от автора
М. Любав[illegible]

ЛИТОВСКО-РУССКІЙ СЕЙМЪ.

Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства.

МАТВѢЯ ЛЮБАВСКАГО.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **М. К. Любавскаго.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства ко времени Люблинской уніи; его компетенція и составъ. § 2. Научные интересы, связанные съ изученіемъ его исторіи.

---

§ 1.

Въ числѣ основныхъ законовъ великаго княжества Литовскаго, нашедшихъ себѣ мѣсто въ статутѣ 1566 г., наибольшее вниманіе останавливаютъ на себѣ законы, относящіеся до «великаго вальнаго сойма» этого государства: въ нихъ выраженъ, можно сказать, наиболѣе общій итогъ соціально-политической исторіи этого государства за время его самостоятельнаго существованія. По этимъ законамъ оказывается, что ко времени Люблинской уніи власть литовско-русскаго господаря подверглась сильному ограниченію со стороны общества. Господарь не только единолично, но даже и при согласіи своего совѣта—пановъ рады, не имѣлъ права начинать войну и налагать на землевладѣльцевъ великаго княжества серебщину или какую-нибудь другую подать на военные расходы. Онъ обязанъ былъ дѣлать это съ совѣта и согласія («съ порядою и призволеньемъ») князей, пановъ рады духовныхъ и свѣтскихъ, маршалковъ и другихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, а также пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на «великій вальный соймъ» [1]). Постановленіемъ же этого великаго вальнаго сойма («ухвала земская») опредѣлялись и размѣры военной повинности, отправлявшейся со всѣхъ земскихъ имѣній, т. е. количество ратниковъ, которое обязаны были выставлять на войну ихъ владѣльцы [2]). Мало того: статутъ обязывалъ господаря всякіе новые «уставы», которыхъ потребуетъ благо

---

[1]) Раздѣлъ II, артикулъ 2.

[2]) Разд. II, арт. 1.

государства, издавать не иначе, какъ съ совѣта пановъ рады и дозволенья («призволенья») всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, другими словами—того же великаго вальнаго сойма [3]). Поэтому господарь обязывался созывать великіе вальные соймы всякій разъ, когда явится въ томъ нужда, по совѣту пановъ рады или по просьбѣ рыцарства шляхты [4]).

Въ этомъ ограниченіи верховной власти литовско-русскаго господаря участвовали далеко не всѣ классы литовско-русскаго общества, а только нѣкоторые, имѣвшіе право и обязанность собираться на вальный соймъ—«станы, сойму належачіе», какъ зовутся они на тогдашнемъ канцелярскомъ языкѣ. Къ нимъ принадлежали: всѣ духовные и свѣтскіе сановники, составлявшіе господарскую раду, или государственный совѣтъ великаго княжества, маршалки и другіе урядники земскіе и дворные, а также и вся вообще землевладѣльческая знать—князья и паны хоруговные, т. е. тѣ крупные землевладѣльцы шляхетскаго званія, которые не становились на войнѣ съ своими отрядами подъ общею хоругвью повѣта, а вели свои «почты» подъ собственною хоругвью [5]). Всѣ эти лица вызывались на вальный соймъ поголовно, особыми листами, адресованными каждому изъ нихъ порознь. Въ общемъ совѣтѣ («радѣ посполитой») имъ принадлежали мѣста и голоса по изстари заведенному порядку («водлѣ звычаю стародавного»). Кромѣ нихъ, въ составъ великаго вальнаго сойма входили послы земскіе, или депутаты, выбираемые всѣми землевладѣльцами шляхетскаго званія на повѣтовыхъ соймикахъ. Имъ принадлежали мѣста и голоса въ порядкѣ, установленномъ при изданіи второго статута. При ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что всѣ эти «станы, сойму належачіе», были различными разрядами одного и того же общественнаго класса, пользовавшагося отличіями («оздобою»), правами и вольностями «шляхетства». Это былъ въ полномъ составѣ тотъ «народъ шляхетскій», размноженью вольностей котораго былъ посвященъ литовскій статутъ. На великомъ вальномъ соймѣ не получили участія и представительства ни духовенство, какъ таковое, ни мѣщанство, ни крестьянство, ни тотъ низшій военно-служилый классъ, который не былъ отличенъ «оздобою» шляхетства.

---

[3]) Разд. III, арт. 12.

[4]) Разд. III, арт. 6.

[5]) Раздѣлъ II, арт. 7, 11. На этихъ хоругвяхъ, какъ это явствуетъ изъ привилея, выданнаго пану Ерониму Ходкевичу на графство (10 іюня 1568 г.). изображались *гербы* владѣльцевъ (Литов. Метр. Кн. Запис. L, л. 170—172).

Если отъ статута 1566 г. обратимся къ актамъ и свидѣтельствамъ, изображающимъ государственную практику великаго княжества Литовскаго, современную появленію этого статута, то найдемъ въ нихъ только подтвержденіе, дополненіе и разъясненіе тому, что даетъ о великомъ вальномъ соймѣ статутъ. По этимъ актамъ и свидѣтельствамъ великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства выступаетъ въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности. Не проходитъ года, чтобы онъ не собирался, а по нѣкоторымъ годамъ собирается даже два и три раза и совѣщается подолгу. Въ 1563 году великій вальный соймъ собирался *въ Вильнѣ* и засѣдалъ почти полтора мѣсяца (съ 12 мая по 24 іюня включительно [6]); въ слѣдующемъ, 1564-мъ, году—*въ Бѣльскѣ* и продолжался также болѣе мѣсяца (іюнь и по 10 іюля [7]). Въ 1565 г. великій вальный соймъ собрался *въ Вильнѣ* къ 18 ноября и продолжился почти четыре мѣсяца, до 11 марта 1566 года [8]); прерванный недѣль на девять—на десять, онъ снова возобновился въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая *въ Берестьѣ* и продолжился около четырехъ мѣсяцевъ, по 27 августа включительно [9]). Къ 1-му декабря того же года собрался уже новый вальный соймъ *въ Городнѣ* и продолжился до 6 января 1567 года [10]). Въ 1568 году великій вальный соймъ собирался также *въ Городнѣ* и продолжался около $2^1/_2$ мѣсяцевъ (съ 25 апрѣля по 12 іюля включительно [11]); въ концѣ этого года, 10 декабря собрался соймъ *въ Люблинѣ* и продолжился съ нѣкоторымъ перерывомъ восемь мѣсяцевъ, по 12 августа 1569 года включительно [12]).

---

[6]) Акты Зап. Рос. III, № 32—34; Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, 145—155. Москва 1897; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 423, 424; XXXIX, л. 479, 484; Судныхъ дѣлъ кн. XIV, л. 55. Въ одномъ актѣ отъ 29 іюня 1563 г. соймъ названъ уже «теперешнимъ, недавно минулымъ» (кн. Запис. XLV, л. 16, 17).

[7]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; XLI, л. 261, 326; XLV, л. 76; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 346.

[8]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, 160—192; Акты Зап. Рос. III, № 38; Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 638—645; XLI, л. 376; L, л. 2; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 518; XLVII, л. 136, 137.

[9]) Документы Москов. Арх. Мин. Юст. т. I, 197—204; Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 19, 33—35; XLVIII, л. 35.

[10]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VII, л. 125—134. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, 449—463.

[11]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 42—45, 86, 87, 121; Документы Москов. Арх. Мин. Юст., т. I, 464—496.

[12]) Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, 497—505.

Эти частые созывы и продолжительныя совѣщанія великаго вальнаго сойма указываютъ, что это учрежденіе стало необходимымъ двигателемъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ великаго княжества.

На перечисленныхъ вальныхъ соймахъ не только дѣлались постановленія о начатіи войны (на Виленскомъ соймѣ 1563 г. [13]), о сборѣ серебщины и другихъ податей и налоговъ на военныя нужды, о размѣрахъ и порядкѣ отбыванія военной службы, но обсуждались и рѣшались и другіе, болѣе или менѣе важные вопросы, выдвигавшіеся внѣшнею и внутреннею жизнью государства, напр., вопросъ объ уніи съ Польшею (на Берестейскомъ соймѣ 1566 г. [14]) и Люблинскомъ 1569 г.), о поправкахъ и дополненіяхъ къ новому статуту [15]) и т. д. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи сеймы 1567 и 1568 годовъ, собиравшіеся въ Городнѣ, на которыхъ, какъ показываютъ ихъ рецессы, состоялось множество постановленій по различнымъ вопросамъ внутренняго управленія, которые такъ или иначе связаны были съ текущею войною [16]). Участіе великаго вальнаго сойма въ правительственной дѣятельности выражалось не только въ тѣхъ «ухвалахъ», которыя дѣлали сами «станы» сейма, но и въ тѣхъ просьбахъ, которыя они подавали господарю, и которыя вызывали съ его стороны соотвѣтствующія постановленія и распоряженія. Въ этомъ отношеніи великій вальный соймъ разсматриваемаго времени проявлялъ самую широкую иниціативу, которой обязано было своимъ появленіемъ множество общихъ постановленій и частныхъ распоряженій правительства.

Что касается состава великаго вальнаго сойма, то акты обозначаютъ гораздо точнѣе и подробнѣе «станы, сойму належачіе», чѣмъ это сдѣлано въ статутѣ, ни въ чемъ ему, однако, не противорѣча. По актамъ оказывается, что на великомъ вальномъ соймѣ участвовали высшіе сановники господарской рады: кн. бискупы, воеводы (въ числѣ нихъ и староста Жмудскій), каштеляны, маршалки земскій и дворный, гетманъ, подскарбій земскій, и другіе высшіе урядники земскіе и дворные: подчашій, крайчій, стольникъ, подстолій, мечникъ, хоружій земскій и дворный, маршалки и писари; изъ второстепенныхъ—старосты, дер-

---

[13]) Акты Зап. Рос. III, № 34.

[14]) *Kojatowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 471—473. Antverpiae MDCLXIX.

[15]) *С. Л. Пташицкаго* Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута, стр. 9, 10. Спб. 1893; *Ѳ. И. Леонтовича* Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права, стр. 7—11, Спб. 1863.

[16]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст. т. I; 449—482.

жавцы, тивуны, хоружіе, и затѣмъ—княжата, панята и шляхта рыцарство [17]). Изъ князей кромѣ тѣхъ, которые занимали какіе-либо уряды, вызывались на соймъ всѣ князья Вишневецкіе, Гедройтскіе, Деречинскіе, Друцкіе, Збаражскіе, Курцевичи, Лукомскіе, Масальскіе, Ружинскіе, Сангушки, Свирскіе, Слуцкіе, Соколепскіе, Четвертенскіе, и Чорторыйскіе; изъ пановъ—всѣ паны Воловичи, Глѣбовичи, Горностаи, Довойны, Завиши, Ильиничи, Кишки, Нарбуты, Остиковичи, Пацы, Сологубы, Сопѣги, Тишкевичи, Хребтовичи и Шеметы [18]). Что касается рыцарства шляхты, то его представляли послы повѣтовые; кромѣ того, на нѣкоторые соймы, какъ, напр., на Бѣльскій, съѣзжалось множество шляхты лично, ибо на соймѣ господарь обыкновенно отправлялъ и суды [19]).

Наканунѣ Люблинской уніи получили мѣсто на соймѣ и мѣщане стольнаго города Вильны по примѣру мѣщанъ важнѣйшихъ польскихъ городовъ. Имъ предоставлено было право посылать на вальный соймъ двухъ или трехъ бурмистровъ, которые должны были сидѣть ниже земскихъ пословъ и высказывать свое мнѣніе только тогда, когда на соймѣ зайдетъ рѣчь о Виленскомъ мѣстѣ [20]).

§ 2.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что ко времени Люблинской уніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ сложилось представительное учрежденіе, какъ по своей компетенціи и значенію, такъ и по составу, довольно близкое къ польскому сейму. За этимъ учрежденіемъ такъ же, какъ и за польскимъ сеймомъ, было признано право «вольнаго

---

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 32, 34; Докум. Моск. Архив. Мин. Юст., т, I, 161—192.

[18]) Литов. Метр. кн. Пуб. дѣлъ VII, л. 82—84, 92—94, 181—186.

[19]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493.

[20]) Въ привилеѣ, даннемъ Вильнѣ 15 іюня 1568 г., читаемъ между прочимъ: Volumus etiam insuper, ut magistratus saepe nominatus Vilnensis ad omnia commitia generaliter tam in magno ducatu Lituaniae, quam etiam in regno Poloniae, si unio istorum dominiorum debitum sorbita fuerit effectum, binos vel ternos consules ex collegio suo mitant, qui secundum nuncios terrestres residendi et de rebus ad statum civitatis Vilnensis pertinentibus dicendae sententiae jus, potestatem facultatemque perpetuis temporibus sunt habituri (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 173 об.—175).

обранья» господаря [21]), и оно de jure и de facto сдѣлалось главнымъ носителемъ верховной власти государства и распорядителемъ его судебъ. Поэтому оказалась возможною и та самая унія, которую великое княжество заключило съ Польшею въ 1569 году, и которая по своей сущности была *парламентарною уніею*: литовско русскій великій вальный соймъ, сдѣлавшійся болѣе или менѣе близкимъ къ польскому по своему составу и государственному значенію, легко могъ слиться съ польскимъ въ одно учрежденіе. Какъ ни велико было въ настоящемъ случаѣ вліяніе войны съ Москвою, которая толкала Литву въ объятія Польши, но безъ этого внутренняго условія, безъ этихъ успѣховъ по части ассимиляціи съ Польшею въ государственномъ строѣ и бытѣ, великое княжество едва ли соединилось бы съ Польшею столь тѣсными узами, какъ это состоялось въ 1569 году. И прежде великое княжество бывало не въ лучшемъ, если не въ худшемъ положеніи, чѣмъ во время Ливонской войны. Стоитъ, напр., припомнить войну съ Москвою при Сигизмундѣ I, которая потребовала крайняго напряженія государственныхъ силъ и средствъ великаго княжества Литовскаго и чуть было не исчерпала до конца эти силы и средства. И тѣмъ не менѣе, великое княжество не соединялось тѣсно съ Польшею, какъ ни прельщали поляки литовцевъ различными выгодами «братского злученья». Очевидно, что для этого соединенія не доставало еще данныхъ во внутреннемъ строѣ и бытѣ великаго княжества, въ тѣхъ учрежденіяхъ и общественныхъ силахъ, которыя были хозяевами положенія и направляли государственную жизнь. Тѣсное и прочное соединеніе Литвы съ Польшею стало возможнымъ только тогда, когда и въ этихъ отношеніяхъ, а не въ однихъ только внѣшнихъ интересахъ, Литва близко подошла къ Польшѣ, когда литвинъ въ Польшѣ сталъ находить то же самое, что дома, и дома то же самое, что въ Польшѣ.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи, является наилучшимъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало это государство во внутренней ассимиляціи своей съ Польшею до Люблинской уніи. Съ другой стороны, какъ было уже сказано выше, этотъ великій вальный соймъ въ томъ составѣ и значеніи, съ какими онъ выступаетъ ко времени Люблинской уніи, является наиболѣе общимъ итогомъ соціально-политическаго развитія Литовско-Русскаго государства въ періодъ его самостоятельнаго существованія. Изъ этого видно, какой высокій научный

---

[21]) См., напр. Бѣльскій привилей 1564 года. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII л. 485—493.

интересъ связанъ съ изученіемъ его исторіи, которая вводитъ изслѣдователя въ кругъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго соціально-политическаго развитія Литовско-русскаго государства и даетъ возможность уясненія самыхъ характерныхъ его особенностей. Этотъ интересъ, высокій самъ по себѣ, усугубляется сравненіемъ съ другимъ русскимъ государствомъ—Московскимъ, гдѣ въ то самое время, когда окончательно слагался литовско-русскій вальный соймъ, зарождалось учрежденіе, его напоминавшее, но вышедшее въ концѣ концовъ съ неодинаковымъ составомъ и значеніемъ,—я разумѣю великую земскую думу, или земскій соборъ Московскаго государства.— Почему это учрежденіе, носившее одинаковое имя съ литовско-русскою «посполитою радою» (великій земскій совѣтъ) или «великимъ вальнымъ соймомъ» (соборъ), вышло такъ не похоже на него, отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать во внутренней соціально-политической исторіи не только Московскаго, но и Литовскаго государства.

Изложенныя соображенія и побудили автора настоящаго труда, не юриста по спеціальности, взяться за изслѣдованіе исторіи разсматриваемаго учрежденія. Этотъ сюжетъ по самой сущности своей требуетъ широкой постановки изслѣдованія, экскурсовъ въ разнообразныя области внѣшней и внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, и потому вполнѣ оправдываетъ рѣшимость общаго историка взяться за его разработку. Вопросъ о великомъ вальномъ соймѣ Литовско-Русскаго государства есть вопросъ о внутреннемъ развитіи этого государства вообще. Съ этой точки зрѣнія настоящее изслѣдованіе является въ качествѣ естественнаго дополненія и продолженія перваго труда автора «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута». Въ первомъ трудѣ авторъ главное вниманіе удѣлялъ мѣстной организаціи и мѣстной политической жизни по различнымъ областямъ Литовско-Русскаго государства. Въ настоящемъ трудѣ главное вниманіе удѣляется государственному центру и развивавшейся въ немъ политической жизни и организаціи, и сравнительно меньше вниманія удѣляется областямъ, ихъ учрежденіямъ и политическому быту. Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, такъ и въ настоящемъ, авторъ большое вниманіе удѣлялъ организаціи литовско-русскаго общества, на почвѣ которой складывалось и самое государственное устройство великаго княжества. Данныя для настоящаго очерка, какъ и для первой своей книги, авторъ почерпалъ преимущественно въ актахъ и документахъ, содержащихся въ книгахъ Литовской Метрики. Весьма большимъ подспорьемъ для настоящей работы послужило опубликованіе въ I томѣ

«Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи» нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до исторіи литовско-русскихъ сеймовъ и содержащихся въ книгахъ той же Метрики, за что авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую благодарность учрежденію, издавшему въ свѣтъ названный сборникъ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе литовско-русскаго сейма, его составъ и функціи въ начальной стадіи его развитія.

§ 1. Унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею въ 1385 году; роль областныхъ князей при ея установленіи.—§ 2. Агитація Витовта противъ заключенной уніи и ея успѣхъ среди второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и литовскаго боярства; борьба Литвы съ Польшею и поправка уніи въ Островскомъ соглашеніи 1392 года.—§ 3. Крушеніе системы областныхъ княженій; политическое усиленіе и возвышеніе второстепенныхъ князей и литовскаго боярства.—§ 4. Новое подтвержденіе уніи въ 1401 году и первый литовско-русскій сеймъ; его составъ и признанная компетенція.—§ 5. Городельскій сеймъ 1413 года и новая поправка уніи; расширеніе функцій литовско-русскаго сейма.—§ 6. Данныя предшествующаго соціально-политическаго развитія великаго княжества Литовскаго, объясняющія первоначальный составъ и самое возникновеніе литовско-русскаго сейма.

Въ исторіи литовско-русскаго сейма приходится имѣть дѣло не столько съ эволюціонною трансформаціею этого учрежденія, сколько съ простымъ *наслоеніемъ* данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Литовско-русскій сеймъ въ послѣдней стадіи своего развитія, т. е. ко времени Люблинской уніи, былъ, можно сказать, историческимъ сооруженіемъ изъ послѣдовательныхъ напластованій предшествующихъ стадій. Это справедливо какъ относительно его наименованія, такъ и относительно состава и значенія въ государственной жизни великаго княжества. Литовско-русскій сеймъ прежде, чѣмъ сталъ называться «великимъ вальнымъ соймомъ», назывался просто «соймомъ» или «вальнымъ соймомъ». Прибавленіе въ названіи обусловилось прибавленіемъ въ самомъ его составѣ. «Великимъ» это учрежденіе стало называться тогда, когда къ его первоначальному составу—къ князьямъ, панамъ и боярамъ великаго княжества въ древнѣйшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова, присоединились князья, паны и бояре изъ всѣхъ остальныхъ земель, когда сеймъ сталъ, такимъ образомъ, «посполитою радою» великаго

княжества въ позднѣйшемъ и обширномъ смыслѣ [1]). Какъ и наименованіе, составъ литовско-русскаго сейма усложнялся чрезъ простое присоединеніе къ прежнимъ «станамъ», или чинамъ, новыхъ, которые не вытѣсняли ихъ, но становились рядомъ съ ними. Точно такъ же росло и значеніе сейма въ государственной жизни: вновь достигнутые успѣхи, новыя завоеванія по этой части присоединялись къ прежнимъ, давно признаннымъ правамъ его. Такое развитіе разсматриваемаго учрежденія вполнѣ согласуется съ общимъ ходомъ литовско-русской исторіи, въ которой новое сплошь и рядомъ ложилось на старое, новый порядокъ строился не на развалинахъ, а на фундаментѣ стараго, въ которой прецедентъ постоянно служилъ источникомъ и основаніемъ права. Въ первомъ нашемъ изслѣдованіи «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута» разсѣяно не мало доводовъ въ пользу этого утвержденія. Надѣемся представить ихъ и въ настоящемъ изслѣдованіи.

На первой очереди остановимъ наше вниманіе на начальной стадіи въ развитіи литовско-русскаго сейма и постараемся выяснить условія и обстоятельства, вызвавшія къ жизни это учрежденіе, его первоначальный составъ и политическое значеніе.

§ 1.

Литовско-русскій сеймъ, какъ государственное учрежденіе съ извѣстнымъ признаннымъ значеніемъ, зародился въ эпоху установленія уніи великаго княжества съ Польшею. Событія этой эпохи вызвали къ политической дѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ правъ за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма. Такое признаніе даетъ себя выслѣдить по источникамъ отъ 1401 года, и къ этому году и можно пріурочить рожденіе литовско-русскаго сейма.

Въ 1385 году 14 августа въ Кревѣ великій князь Литовскій Ягайло выдалъ прибывшимъ къ нему отъ матери польской королевы Ядвиги, королевы Елизаветы, письменное подтвержденіе тѣхъ условій, на которыхъ его послы высватали за него Ядвигу съ короною Поль-

[1]) Великимъ княжествомъ Литовскимъ въ тѣсномъ смыслѣ называлось Литовско-Русское государство безъ земель—аннексовъ, имѣвшихъ свои привилеи (Акты Зап. Рос. II, № 30, 54); въ обширномъ смыслѣ—со всѣми этими землями (Статутъ 1566, разд. I, арт. II).

скою въ приданомъ. Ягайло обязался принять католическую вѣру со всѣми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми отъ мала до велика, выложить свою казну на нужды Польши и въ частности на возвращеніе отторгнутыхъ отъ Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвиги неустойки 200 т. флориновъ, выпустить плѣнныхъ христіанъ на свободу и навсегда присоединить свои земли къ коронѣ Польской [2]). Этотъ договоръ принятъ былъ и польскими панами, какъ это явствуетъ изъ письменнаго заявленія ихъ пословъ, учиненнаго въ Волковыйскѣ 11 января 1386 года [3]).

Можно предположить, что на такой рѣшительный шагъ, опредѣлявшій всю дальнѣйшую судьбу великаго княжества, Ягайло отважился, заручившись согласіемъ всей земли. И древнѣйшая литовско-русская лѣтопись подтверждаетъ это предположеніе, разсказывая, что Ягайло совѣтовался объ этомъ съ матерью своею великою княгинею Ульяною, съ братьею своею «и со всими кнзми и бояры Литовския земли» [4]). Но внимательный анализъ другихъ, и при томъ современныхъ данныхъ, не позволяетъ, однако, принять это сообщеніе лѣтописи въ буквальномъ смыслѣ и заставляетъ видѣть здѣсь не передачу дѣйствительнаго факта, а его литературную реконструкцію, другими словами—предположеніе составителя лѣтописи [5]). Изъ документа, выданнаго Ягайломъ въ Кревѣ, можно заключить, что на унію съ Польшею Ягайло рѣшился по совѣту и соглашенію только съ братьями, областными князьями, да и то не всѣми (una cum fratribus nostris infrascriptis, videlicet domino Skirgalone, Coribut, Vitoldo, Liguen ducibus Lithvanorum et in persona aliorum fratrum nostrorum praesentium et absentium). Здѣсь нѣтъ и рѣчи о боярахъ, и никакого совѣщанія, подобнаго тому, о которомъ говоритъ лѣтопись, очевидно, и не происходило; въ противномъ случаѣ документъ не преминулъ бы сказать и о согласіи боярства, какъ о фактѣ, подкрѣпляющемъ его юридическую силу.

---

[2]) Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tom. II, № III.

[3]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 6.

[4]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ въ 1 кн. Записокъ Второго отдѣленія Император. Академіи Наукъ, стр. 34.

[5]) Этотъ составитель былъ «младъ» въ самомъ концѣ XIV в. и не помнилъ тогдашнихъ событій. Онъ воспроизводитъ ихъ на основаніи чужихъ записей и пересказовъ, а отчасти и оффиціальныхъ документовъ. См. предисловіе къ Лѣтописи великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ; *St. Smolki* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego (Pamiętnik Ak. Umiej. w Krakowie, tom. VIII, 1—55); *A. Prochaski* Latopis litewski, Lwów 1890.

По всему видно, что Ягайло въ данномъ случаѣ шелъ по стопамъ своего отца, который важнѣйшія государственныя дѣла рѣшалъ по совѣту и соглашенію съ нѣкоторыми наиболѣе сильными и вліятельными областными князьями, въ предположеніи, что остальные будутъ ему послушны. Извѣстно, что и на великокняжескомъ столѣ Ольгердъ сѣлъ по частному соглашенію съ братомъ своимъ Кейстутомъ; по такому же соглашенію онъ обезпечилъ великокняжескій столъ и за Ягайломъ. Подобнымъ же образомъ поступалъ онъ и въ вопросахъ внѣшней политики, привлекая къ ихъ рѣшенію тѣхъ только князей, которые въ данномъ случаѣ были подъ рукою, или которыхъ онъ считалъ нужнымъ привлечь. Очевидно, что Ольгердъ былъ и чувствовалъ себя такою политическою величиною, которая не нуждалась въ непремѣнномъ содѣйствіи всѣхъ остальныхъ князей при рѣшеніи разныхъ государственныхъ вопросовъ [6]). Такою же величиною, по всѣмъ признакамъ, чувствовалъ себя и Ягайло, заключая съ Поляками унію, уничтожавшую самостоятельность и самобытность великаго княжества, по совѣту и соглашенію съ нѣсколькими, наиболѣе сильными и вліятельными областными князьями, въ предположеніи, что остальные князья должны принять совершившійся фактъ. Если уже не всѣ князья привлекались къ рѣшенію вопроса объ уніи, тѣмъ менѣе можно ожидать этого относительно бояръ. Ягайло и его братья, по всѣмъ признакамъ, мало еще цѣнили литовское боярство, какъ самостоятельную политическую силу, съ которой необходимо считаться. До сихъ поръ литовское боярство большею частью покорно шло за своими князьями, находилось у нихъ въ такомъ подчиненіи, которое Ягайло впослѣдствіи приравнивалъ къ игу рабства (jugum servitutis). Этому боярству для того, чтобы играть значительную роль въ рѣшеніи обще-государственныхъ вопросовъ, не доставало пока еще необходимаго единства, ибо оно было политически разбито, группировались вокругъ нѣсколькихъ вождей. Какъ мало еще значили бояре въ глазахъ великаго князя, лучше всего показываютъ суровые указы Ягайла относительно обязательнаго крещенія въ католическую вѣру всѣхъ безъ исключенія литовцевъ, даже тѣхъ, которые уже были христіанами греческаго исповѣданія [7]). Что касается боярства земель - аннексовъ, то въ силу обособленнаго поло-

---

[6]) Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в. (Изданія Историческаго Общества при Импер. Московск. Университ., годъ I, стр. 68—98).

[7]) *Daniłowicza* Scarbiec diplomatów I, № 540. Wilno 1860.

женія этихъ земель, оно имѣло пока значеніе только въ сферѣ мѣстныхъ дѣлъ и вопросовъ, но не обще-государственныхъ.

Итакъ, договоръ 1385 года не былъ дѣломъ всѣхъ литовско-русскихъ князей и бояръ, какъ можно было бы представлять его на основаніи вышеприведеннаго сообщенія древнѣйшей литовско-русской лѣтописи. Поляки хорошо понимали эту особенность договора и, считая ее недостаткомъ, старались обставить его всевозможными гарантіями. Во-первыхъ, они заставили всѣхъ пріѣхавшихъ съ Ягайломъ и крестившихся въ католическую вѣру бояръ присягнуть въ соблюденіи вѣрности королю, королевѣ и коронѣ Польской [8]). Во-вторыхъ, они взяли въ качествѣ заложниковъ тѣхъ князей, которые пріѣхали съ Ягайломъ на свадьбу и коронацію [9]). Вынужденные обстоятельствами отпустить ихъ на родину, поляки взяли съ нихъ записи въ томъ, что они по первому требованію явятся въ Польшу [10]). Затѣмъ, послѣ того какъ возстаніе Андрея Полоцкаго и переходъ его въ ленную зависимость отъ Ливонскаго Ордена наглядно показали полякамъ, что Ягайло въ сущности не имѣлъ права договариваться отъ лица отсутствующихъ братьевъ, они принялись собирать съ литовско-русскихъ князей отдѣльныя записи на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской. Такая запись, насколько намъ извѣстно въ настоящее время, взята была прежде всего съ князя Заславскаго Михаила Явнутьевича (1 марта 1386 года [11]), а затѣмъ съ князя Луцкаго и Владимірскаго Өедора Любартовича (22 мая 1386 г. [12]). Послѣ нихъ записи выдали князь Новгородка Сѣверскаго Димитрій-Корибутъ (23 октября 1386 г.) и князь Пинскій Василій Михайловичъ [13]). Въ слѣдующемъ 1387-мъ году запись на вѣрность выдалъ братъ Ягайла, которому онъ болѣе другихъ довѣралъ, князь Троцкій Скиргайло Ольгердовичъ по случаю пожалованія ему Полоцка и такъ называемой Руси Литовской [14]). Въ 1388 году взяты были записи съ князя Семена-Лингвенья (31 января [15]), съ

---

[8]) Объ этомъ можно заключать изъ текста той грамоты, которую выдали полякамъ литовскіе князья, паны и бояре въ 1401 году. *Dzialyńskiego* Zbiór praw litevskich, str. 3—7. Poznan 1841.

[9]) *L. Golębiowskiego* Panovanie Wł. Jagietly, str. 5, 6. Warszawa 1846.

[10]) *Dra F. Konecznego* Jagiełło i Witołd, str. 46—47. Lwów 1893. Monumenta medii aevi, tomus II, № IV, V; tomus VI, № XXV.

[11]) Scarbiec diplomatów I, № 516.

[12]) Ibidem, № 526.

[13]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXIX, XXX.

[14]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXIII.

[15]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XIII.

князя Керновскаго Александра Вигунта (3 мая [16]), съ князя Городенскаго, Луцкаго и Берестейскаго Витовта (3 мая [17]), вторично съ князя Новгородскаго Дмитрія-Корибута (22 мая [18]), съ князя Кіевскаго Владиміра Ольгердовича (12 іюля [19]), съ Димитрія Ольгердовича князя Брянскаго и Трубчевскаго (13 декабря [20]). Въ слѣдующемъ, 1389-мъ, году должны были выдать записи на вѣрность кн. Семенъ Явнутьевичъ Заславскій (29 января [21]), вторично князь Семенъ-Лингвеній (25 апр. [22]), какой то князь Семенъ Юрьевичъ (25 апр. [23]).

Все это были наиболѣе значительные князья, большею частью крупные владѣльцы, братья и родственники Ягайла. Но кромѣ нихъ въ великомъ княжествѣ было еще много другихъ князей, менѣе значительныхъ по своимъ владѣніямъ, какъ изъ той же династіи, такъ и изъ другихъ. Таковы были въ собственной Литовской землѣ: князья Гольшанскіе, Гедройтскіе, Свирскіе, князь Клецкій Ямунтъ, князь Вейшашскій Судимонтъ [24]), князь Юрій Довговтъ [25]); на Руси Литовской—кн. Соломерецкіе, Слуцкій и Степаньскій [26]); въ земляхъ Полоцкой и Витебской—князья Лукомскіе и Друцкіе [27]); въ землѣ Волынской кн. Ѳедоръ Ольгердовичъ Ратненскій, кн. Александръ Четвертеньскій, кн. Иванъ Несвицкій, кн. Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій [28]); въ землѣ Черниговo-Сѣверской—кн. Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій, кн. Семенъ Романовичъ Новосильскій и Одоевскій, князья Мосальскіе и др. [29]). Этихъ князей, по всѣмъ даннымъ, не привлекали къ какому

---

[16]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XL.

[17]) Scarbiec diplomatów I, № 554.

[18]) Archiwum Sanguszków, tom I, № X. Lwów 1887.

[19]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIV.

[20]) *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, № 14; *Wolffa* Ród Gedimina, str. 90—92. Kraków 1886.

[21]) Scarbiec diplomatów I, № 565.

[22]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № LI; Акты Зап. Рос. I, № 10.

[23]) Scarbiec diplomatów, I, № 567.

[24]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 65, 94, 95, 504, 505.

[25]) Ibidem, str. 55; Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

[26]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XXXV.

[27]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 56, 57, 213.

[28]) Ibidem, str. 35, 275, 343.

[29]) Ibidem, str. 231, 278. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 48, 53, 54. Тамъ же (очерки I и II) и о владѣніяхъ всѣхъ этихъ князей.

либо участію при установленіи уніи, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что они подчинятся совершившемуся факту. Точно такъ же совершенно пассивную роль играли въ данномъ случаѣ и литовскіе бояре. Ихъ старались, впрочемъ, расположить къ принятію уніи и выполненію ея условій дарованіемъ (20 февраля 1387 года) нѣкоторыхъ правъ и вольностей, которыми пользовалась польская шляхта (ne videantur in juribus dispares, quos eidem coronae subjectos fecit unum [30]). По отношенію къ боярамъ русскихъ земель, какъ не католикамъ, обошлись даже и безъ этой поощрительной мѣры, считая достаточнымъ брать записи только съ ихъ князей. Исключеніе было сдѣлано только для князей и бояръ, служившихъ Сѣверскому князю Димитрію-Корибуту: съ нихъ взято было письменное ручательство въ томъ, что ихъ князь, приступившій къ уніи ихъ «радою» и всего поспольства бояръ «примовленіемъ», останется вѣренъ королю, королевѣ и коронѣ Польской [31]). Но это исключеніе было сдѣлано, очевидно, въ виду особеннаго значенія этого класса въ окраинной области, отдаленной отъ Литвы и близкой къ Москвѣ, области, воспитывавшей въ своемъ населеніи независимый духъ и привычку къ политической самодѣятельности.

§ 2.

Итакъ, первая унія Литвы съ Польшей была почти исключительно дѣломъ крупныхъ, областныхъ князей Гедиминова рода. Событія, послѣдовавшія вскорѣ послѣ заключенія уніи, наглядно показали, что Ягайло и поляки слишкомъ высоко цѣнили значеніе этихъ князей и мало—значеніе второстепенныхъ литовскихъ и русскихъ князей и литовскаго боярства, что они сдѣлали ошибку, обойдя эти общественные классы при рѣшеніи вопроса объ уніи обоихъ государствъ. Эти классы вовсе не были такъ безсильны и податливы, какъ они думали, но ихъ силы и энергія находились, такъ сказать, въ скрытомъ потенціальномъ состояніи и ждали только благопріятныхъ условій и вызововъ для своего обнаруженія. Эти условія и вызовы даны были Витовтомъ.

Витовтъ не доволенъ былъ тѣмъ, что не получилъ отъ Ягайла всего, чѣмъ владѣлъ его отецъ и не занялъ при немъ того же положенія, которое занималъ Кейстутъ при Ольгердѣ. Ягайло, помирившись съ нимъ въ 1384 году, не додалъ ему Троцкаго княжества. Это Троцкое

---

[30]) Zbiór praw litewskich, str, 1, 2.

[31]) Archiwum Sanguszków I, № IX. *Cromeri* De origine et rebus gestis Polonorum, p. 635. (*Pistorii* Polonicae historiae corpus, tomus II).

княжество получилъ отъ Ягайла его родной братъ Скиргайло, болѣе всѣхъ имъ любимый и къ нему приближенный. Въ 1387 году Ягайло далъ ему, кромѣ того, Полоцкъ, въ то время отнятый у кн. Андрея Ольгердовича, и значительную часть такъ называемой Руси Литовской [32]); при этомъ формально обязался держать его выше и слушать его болѣе всей остальной братьи и пріятелей. Это переполнило чашу горечи Витовта. Правда, что и онъ въ томъ же 1387 году получилъ отъ Ягайла въ прибавленіе къ своимъ владѣніямъ Луцкую землю, но получилъ ее безъ письменнаго документа, выдачею котораго Ягайло почему-то медлилъ. Но главное, что возмущало Витовта,—это положеніе, которое занялъ при Ягайлѣ Скиргайло, и которое по смыслу договора Кейстута съ Ягайломъ относительно ихъ сыновей должно было бы принадлежать ему, Витовту. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Витовтъ, какъ это видно изъ его меморіала, представленнаго Ордену въ разъясненіе его возмущенія противъ Ягайла [33]).

Витовтъ рѣшился добиться своего силою. Среди литовскихъ второстепенныхъ князей и бояръ у него было довольно много приверженцевъ и испытанныхъ друзей, которые и ранѣе дѣлили съ нимъ его невзгоды и помогали ему доискиватьси своей отчины. Они вмѣстѣ съ Витовтомъ отъѣзжали въ 1384 году къ нѣмцамъ и заключали съ Орденомъ договоръ касательно возвращенія Витовту его отчины. Наиболѣе видными изъ нихъ были: племянникъ Витовта Юрій, князь Новгородскій [34]), зять Витовта Левъ, князь Друцкій, Судемунтъ изъ Вейшишекъ, и бояре: Доркги (Jorgen), Свиргайло, Гинбутъ (Gybut), тивунъ Жейменскій (kemmerer czu Seymen), Рекуть (Roeukutte), Михель, Милейко (Mylegaude) и нѣкоторые другіе (und andir vil erbarer unser

---

[32]) О значеніи этого имени см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго статута», стр. 12—15. Москва 1893.

[33]) Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 711—714. Leipzig 1863. См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода», стр. 86—89.

[34]) Мы принимаемъ его за сына Войдата, который вмѣстѣ съ братомъ Товтивиломъ владѣлъ Новгородомъ и въ 1384 году, повидимому, не былъ уже въ живыхъ. Вольфъ, которому принадлежитъ установленіе этого родства (Ród Gedimina, str. 55), въ послѣднемъ своемъ трудѣ «Kniaziowie litewsko-ruscy» отступилъ отъ первоначальнаго своего утвержденія и считаетъ Юрія сыномъ другого брата Витовтова Бутовта (стр. 160). Первое предположеніе, на нашъ взглядъ, болѣе вѣроятное, ибо сходится съ данными о владѣніяхъ князей.

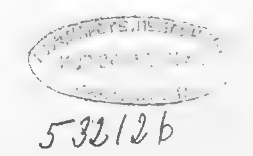
lute [35]) Витовтъ могъ разсчитывать и на поддержку другихъ князей и бояръ великаго княжества, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, уже господствовало неудовольствіе по поводу заключенія такой уніи съ Польшею, которая уничтожала самое существованіе великаго княжества, какъ отдѣльнаго государства. Первые шаги Витовта предприняты были прямо въ разсчетѣ на это неудовольствіе. Когда Скиргайло уѣхалъ въ Полоцкъ,—разсказываетъ древнѣйшая литовско-русская лѣтопись,—Витовтъ собралъ къ себѣ многихъ князей и бояръ литовскихъ и сталъ передъ ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладѣли великимъ княжествомъ. На этомъ совѣщаніи рѣшено было овладѣть Вильною, и только послѣ того, какъ эта попытка не удалась, Витовтъ съ своими приверженцами уѣхалъ въ Пруссію за нѣмецкою помощью [36]). Разсказъ литовско-русской лѣтописи вполнѣ подтверждается и нѣмецкими хрониками, и Длугошомъ. По ихъ сообщеніямъ, въ заговорѣ Витовта участвовали его родные братья Сигизмундъ и Товтивилъ, князь Юрій Наримунтовичъ Бельзскій, кн. Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій, кн. Вейшишекъ Судемунтъ и множество бояръ и военнаго люда (рыцарей [37]). Успѣхъ, которымъ въ концѣ концовъ увѣнчалось возстаніе Витовта, обусловился прямою и косвенною поддержкою, которую нашло это возстаніе въ Литвѣ. Войска Витовта всюду находили въ Литвѣ и Жмуди дружественный пріемъ: жители привозили имъ вдоволь всякихъ съѣстныхъ припасовъ—муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Ягайло для спасенія своей власти долженъ былъ ввести въ Литву польскія войска и разставить ихъ чуть не по всѣмъ городамъ гарнизонами, назначить старостою въ Вильну поляка Клемента Москоржевскаго, а потомъ даже намѣстникомъ всей Литвы (wielkorządcą) поляка Яска Олесницкаго.—Но литовцы, соединясь съ войсками Витовта, нападали на польскіе отряды и истребляли ихъ. Преслѣдуя свои личныя цѣли, Витовтъ выставилъ на своемъ знамени возстановленіе самобытности великаго княжества Литовскаго и находилъ поэтому всеобщее сочувствіе и поддержку. Ягайло увидалъ себя въ необходимости пойти на уступки. Онъ попытался было отдѣлить дѣло литовцевъ отъ дѣла Витовта и, удовлетворивъ литовцевъ, заставить ихъ отступить отъ Витовта. Послѣдовало назначеніе Вигунта-Але-

---

35) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XIII.

36) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 36, 37.

37) См. *F. Konecznego* Jagiełło i Witołd, str. 130, nota I. Срав. *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XII, 479, 480. Kraków 1876; Scarbiec diplomatów I, № 578, 579, 583, 612, 613.



ксандра, кн. Керновскаго, великимъ княземъ Литовскимъ. Но Вигунтъ умеръ прежде, чѣмъ вступилъ во власть, и Ягайлу поневолѣ снова пришлось считаться съ Витовтомъ. Посовѣтовавшись съ Скиргайломъ, Ягайло рѣшился помириться съ Витовтомъ и назначить его великимъ княземъ. Это примиреніе состоялось на съѣздѣ въ Островѣ 5 августа 1392 года, на которомъ участвовала и королева Ядвига въ качествѣ представительницы интересовъ Польской короны [38]).

Ягайло вернулъ Витовту всю его отчину и сверхъ того пожаловалъ нѣсколько другихъ державъ и имѣній [39]). Онъ принялъ его къ соучастію въ управленіи государствомъ, вручивъ ему великое княженіе на Литвѣ и другихъ земляхъ своего государства по конецъ его жизни [40]). Съ своей стороны Витовтъ поновилъ запись въ вѣрности, которую далъ при восшествіи Ягайла на польскій престолъ, обѣщался стоять неотступно при королѣ, коронѣ и земянахъ королевства Польскаго. Условлено было, что по смерти Витовта всѣ его владѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ тѣхъ, которыя Витовтъ выдѣлитъ съ согласія короля брату своему Сигизмунду; съ этихъ владѣній Сигизмундъ будетъ обязанъ повиноваться и служить королю, его преемникамъ и коронѣ Польской, подобно всѣмъ другимъ литовскимъ и русскимъ князьямъ. Кромѣ того, оговорено было, что король и его преемники по смерти Витовта не лишатъ жены его Анны тѣхъ имѣній, которыя онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе «въ вѣнѣ»: эти имѣнія перейдутъ къ королю, его преемникамъ и коронѣ Польской только по смерти княгини Анны. По особому желанію Ягайла Витовтъ выдалъ особую запись королевѣ Ядвигѣ, въ которой обѣщалъ никогда не покидать королевы и короны Польской, не искать мимо нея другой государыни, но способствовать совѣтомъ и дѣломъ ея возвышенію, пользѣ, чести и славѣ, и всѣми силами оборонять ее противъ всѣхъ непріятелей [41]).

---

[38]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 15—17.

[39]) Monumenta medii aevi, tomus VI, appendix № II, tomus XIV, appendix № 1.

[40]) «Nos in partem sue solicitudinis assumpsit,—свидѣтельствуетъ самъ Витовтъ въ одномъ изъ своихъ документовъ,—supremumque principatum terrarum suarum Littwaniae et ceterorum dominiorum suorum de manu sua nobi dedit et contulit ad tempora vite nostre. Monumenta medii aevi VI, № CCXXXIII. Срав. tomus XII, № 179.

[41]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIII, appendix № II; tomus XIV, app. № 1.

Островское соглашеніе 1392 года, какъ видно изъ всего сказаннаго, если не измѣнило Кревскій договоръ 1385 года въ принципѣ, то внесло въ него существенную поправку и дополненіе въ интересахъ великаго княжества Литовскаго. Оставаясь соединеннымъ неразрывно съ Польшею, великое княжество пріобрѣтало теперь извѣстную автономію, по крайней мѣрѣ, на время жизни Витовта, которому въ качествѣ великаго князя предоставлялось болѣе самостоятельная роль, чѣмъ простому старостѣ, хотя бы и генеральному (wielkorządca). Эта поправка, положившая начало возстановленію самостоятельности и самобытности великаго княжества Литовскаго, была результатомъ вмѣшательства литовскаго второстепеннаго княжья и первостепеннаго боярства, обойденныхъ при заключеніи уніи 1385 года. Это было ихъ дѣло, въ которомъ они наглядно показали свою общественную силу и политическое значеніе.

§ 3.

Съ возстановленіемъ великаго княженія на Литвѣ сила и значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые болѣе другихъ поработали для этого дѣла, не только не уменьшились, но естественно должны были еще болѣе возрасти. Ближайшимъ образомъ этотъ ростъ стоялъ въ связи съ крушеніемъ того общественнаго класса, который до 1392 года возвышался надъ всѣми остальными,—я разумѣю областныхъ князей.

Какъ уже сказано было выше, унія 1385 года, уничтожившая политическую индивидуальность великаго княжества Литовскаго, была дѣломъ крупныхъ князей и, кромѣ записи самого Ягайла, держалась de jure на тѣхъ отдѣльныхъ записяхъ, которые они дали на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской.

Движеніе 1389—1392 года, направленное противъ этой уніи, косвенно направлялось, такимъ образомъ, и противъ политическаго господства областныхъ князей, родственниковъ Ягайла. Островское соглашеніе 1392 г., внесшее существенную поправку къ договору 1385 года, было первымъ ударомъ, нанесеннымъ политическому господству Ягайловой родни. За этимъ ударомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Областные князья не могли быть довольны возстановленіемъ великаго княженія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, это сдѣлалось безъ ихъ участія и вопреки тому, что было установлено ими въ 1385 году. Во-вторыхъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ могла быть непріятна самая личность новаго великаго князя, обошедшаго родныхъ братьевъ верховнаго государя Литвы. Но самое главное, — съ возстановленіемъ великаго княженія прекращалась и та свободная и независимая жизнь, къ ко-

торой они привыкли за семь лѣтъ, протекшихъ со времени заключенія уніи 1385 года. Унія 1385 года, втянувъ Ягайла въ кругъ интересовъ и заботъ новаго обширнаго государства, естественно заставила его предоставить областнымъ литовскимъ князьямъ болѣе свободы и независимости. Кромѣ того, унія измѣнила и ихъ матеріальное положеніе. Сдѣлавшись вассалами Польши, литовскіе областные князья перестали платить ту дань, которую они платили великому князю Литовскому [42]); по крайней мѣрѣ, ихъ записи на вѣрность ничего не говорятъ о платежѣ этой дани. Поэтому, когда Витовтъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, захотѣлъ вступить во всѣ свои права, онъ натолкнулся на общее противодѣйствіе областныхъ князей: ему не хотѣли ни денегъ платить, ни помогать войскомъ противъ нѣмцевъ. Прежде другихъ поднялся князь Новгорода Сѣверскаго Димитрій - Корибутъ, который нѣкогда возставалъ и противъ Кейстута, сдѣлавшагося великимъ княземъ, и отказывалъ ему въ платежѣ дани. Корибутъ не сталъ ждать къ себѣ Витовта, но самъ пошелъ къ нему навстрѣчу. При Докудовѣ близъ Лиды Корибутъ потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ въ Новгородокъ и здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ съ женою и дѣтьми и отосланъ Витовтомъ къ Ягайлу. Заступничество тестя его, Рязанскаго князя Олега Ивановича, возвратило ему личную свободу, но не вернуло отчины [43]). Вслѣдъ за Корибутомъ отказали Витовту въ «покорѣ» князь восточнаго Подолья Ѳедоръ Коріатовичъ и Кіевскій кн. Владиміръ Ольгердовичъ. Послѣдній отказался идти съ Витовтомъ въ походъ противъ непокорнаго князя Ѳедора Коріатовича. Но когда Витовтъ взялъ у него Житоміръ и Овручъ, Владиміръ пріѣхалъ къ Витовту и покорился ему. Витовтъ пока оставилъ его въ Кіевѣ, но спустя нѣкоторое время вывелъ его изъ Кіева и далъ ему Копыль, а въ Кіевѣ посадилъ Скиргайла, гдѣ тотъ въ скоромъ времени и умеръ [44]). Ѳедоръ Коріатовичъ также за непослушаніе лишился своей области и, взятый въ плѣнъ, посаженъ былъ въ заключеніе. Кромѣ этихъ князей лишился своей отчины, Витебской земли, и Свидригайло Ольгердовичъ. Свидригайло

---

[42]) О платежѣ этой дани см., напр., разсказъ нѣмецкой хроники о борьбѣ Кейстута съ Ягайломъ и Корибутомъ. *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 181, nota 409. Срав. *St. Smolki* Kiejstut i Jagiello, str. 7, 68.

[43]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 38, 39. *Stryjkowskiego* Kronika, tom. II, str. 100, 101. Warszawa 1846; Scarbiec diplomatów I, № 643.

[44]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 39. Это случилось уже въ 1394—1395 году. См. Scarbiec diplomatów I, № 623, 647.

жилъ при матери своей, великой княгинѣ Ульянѣ, въ Витебскѣ, который данъ былъ ей въ пожизненное владѣніе. Когда великая княгиня Ульяна умерла, Ягайло поручилъ управленіе Витебскою землею своему сокольничему Веснѣ. Но Свидригайлу хотѣлось самому править землею, и онъ убилъ Весну. Витовтъ, по порученію Ягайла, отправился на него съ войскомъ, взялъ его въ плѣнъ и отослалъ въ Краковъ [45]). Изъ Волынской земли Витовтъ вывелъ въ 1393 году остававшагося тамъ Владимірскаго князя Өедора Любартовича и далъ ему взамѣнъ Владиміра Новгородокъ Сѣверскій. Өедоръ Любартовичъ пробылъ здѣсь, однако, недолго и въ 1398 году былъ уже въ Венгріи, около князя Свидригайла [46]). Вся эта расправа съ областными князьями несомнѣнно была вмѣстѣ съ тѣмъ и подавленіемъ мятежей самихъ областей, населеніе которыхъ увлекалось въ борьбу съ князьями, а иногда и само увлекало ихъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою. Это справедливо, напр., относительно Свидригайла, Корибута и Өедора Коріатовича [47]). Можно сказать поэтому, что побѣда Витовта надъ областными князьями знаменовала собою утвержденіе политическаго преобладанія поддерживавшей его Литовской земли (съ такъ называемою «Русью» включительно) надъ всѣми остальными землями порознь и въ совокупности.

Къ концу XIV в. сошли со сцены почти всѣ крупные князья Гедиминовичи, игравшіе въ свое время первенствующую политическую роль, при чемъ мѣста ихъ большею частью остались незанятыми. Въ 1399 году погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ бывшій Полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ. Протомивъ его въ заключеніи около семи лѣтъ, Ягайло и Витовтъ выпустили его на свободу, но не вернули ему его княженія, такъ что онъ вынужденъ былъ кормиться въ Псковѣ или подачками братьевъ; въ Псковѣ же кормился и сынъ его Иванъ, а въ Полоцкѣ послѣ удаленія оттуда Скиргайла стали править великокняжескіе намѣстники. Въ битвѣ же на Ворсклѣ погибъ и другой братъ Ягайла—Димитрій, князь Брянскій; послѣ его смерти сыновья его получили одинъ только Трубчевскъ. Третій братъ Ягайла—Константинъ умеръ (до 1393 года), не получивъ княженія, и только сыну его Василію данъ былъ Чорторыйскъ на Волыни. Владиміръ Ольгердовичъ умеръ княземъ Копыльскимъ, не возвративъ себѣ Кіева (послѣднее

---

[45]) Лѣтопись, стр. 39; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 50.

[46]) *Wolffa* Ród Gedimina, str. 75.

[47]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 38—40, 45. *Срав. Ө. И. Леонтовича* Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 160, прим. 4; 371, 372. Спб. 1894.

упоминаніе объ немъ относится къ 1398 г.). Его сыновья размѣщены были также на сравнительно мелкихъ владѣніяхъ: Александръ въ Слуцкѣ и Копыли, Иванъ въ Бѣлой, Андрей въ Каменцѣ и нѣсколькихъ другихъ волостяхъ Руси Литовской, а Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ 1399—1400 г. умеръ шестой братъ Ягайла—Θедоръ, который по общей сложности своихъ владѣній былъ довольно крупнымъ княземъ (ему принадлежали Ратно, Любомль, Кобринъ, Жидачевъ и нѣкоторыя другія волости на Руси Галицкой). Сыновья его, подѣлившіе отцовскія владѣнія, да и то не всѣ (Жидачевъ, напр., отобранъ былъ отъ нихъ и отданъ кн. Θедору Любартовичу), низошли уже въ разрядъ сравнительно мелкихъ князей (отъ нихъ пошли князья Кобринскіе, Сангушки-Ратненскіе и Гурковичи, владѣвшіе Красничиномъ въ Галицкой землѣ). Скиргайло Ольгердовичъ умеръ бездѣтнымъ, послѣ чего Кіевская земля перешла подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ; Димитрій-Корибутъ, хотя еще и жилъ, но не владѣлъ уже Сѣверскою землею. Не долго продержался въ ней и Θедоръ Любартовичъ, которому Ягайло далъ ее взамѣнъ Владимірскаго княжества, такъ что и Сѣверская земля въ самомъ концѣ XIV в. была безъ князя. Θедоръ Любартовичъ получилъ, какъ мы видѣли, кормленіе въ Галицкой землѣ. Прекратилось княжество и въ Керновѣ со смертью бездѣтнаго Вигунта-Александра. Великокняжескій намѣстникъ сидѣлъ въ Витебскѣ на мѣстѣ Свидригайла Ольгердовича, скитавшагося за границею [48]). Князь Семенъ Явнутьевичъ еще въ 1390 году попался въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оттуда не вернулся, а братъ его Михаилъ погибъ въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 году, оставивъ свое Заславское княжество не одному, а двумъ преемникамъ [49]). Изъ прежнихъ значительныхъ князей оставался только князь Мстиславскій Семенъ-Лингвеній; кромѣ того, въ Пинскѣ на мѣстѣ умершаго князя Василья Михайловича сидѣлъ князь Юрій. Такимъ образомъ, политическія бури и бѣды, постигшія Литовско-Русское государство въ послѣднее десятилѣтіе XIV вѣка, смели и разсѣяли съ политической арены великаго княжества крупныхъ князей, родню и пріятелей Ягайла. Уцѣлѣли изъ нихъ только немногіе, большая же часть крупныхъ княжествъ оказалась въ рукахъ великаго князя Витовта. Его сила и значеніе вслѣдствіе этого должны были возрости непомѣрно, ибо въ его непосредственномъ распоряженіи очутились и военныя, и финансовыя средства большей части земель Литовско-Русскаго государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и

48) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 336—339.

49) Ibidem, str. 587.

политическое значеніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые на своихъ плечахъ подняли Витовта на эту высоту.

Здѣсь прежде всего необходимо принять въ разсчетъ самый фактъ объединенія этихъ классовъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за крушеніемъ областныхъ княженій. Второстепенные литовскіе и русскіе князья и литовское боярство собрались теперь вокругъ одного вождя и, объединенные, естественно стали болѣе могущественною силою, чѣмъ были прежде. Съ устраненіемъ крупныхъ князей Гедиминовичей они заняли ихъ мѣсто при великомъ князѣ Литовскомъ, сдѣлались его главною опорою и поддержкою, главными совѣтниками и сотрудниками какъ въ будничной правительственной работѣ, такъ и въ рѣшеніи чрезвычайныхъ и особо важныхъ вопросовъ государственной жизни. Если прежде, когда великимъ княземъ былъ Ягайло, «ко старымъ думамъ» пріѣзжалъ къ нему дядя его Кейстутъ, родные и двоюродные братья [50]), то теперь «рада» великаго князя стала наполняться преимущественно второстепенными литовско-русскими князьями и первостепенными литовскими боярами [51]). Эти князья и бояре заступили мѣсто прежнихъ крупныхъ князей не только въ центрѣ государства, въ великокняжескомъ совѣтѣ, но и въ областяхъ въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ качествѣ великокняжескаго намѣстника бывшаго Виленскаго княжества сѣлъ въ Вильнѣ первостепенный литовскій бояринъ или, согласно польской терминологіи, *панъ* Монивидъ; на Троцкомъ княженьѣ Скиргайла сѣлъ панъ Кимунтъ Гинвилъ, на Полоцкомъ панъ Монтыгирдъ [52]); на Кіевскомъ—князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій [53]); на Смоленскомъ княженьѣ послѣ изгнанія оттуда въ 1395 году туземныхъ князей сѣли литовскій князь Ямунтъ и бояринъ Василій Борейковичъ [54]) и т. д. Какъ замѣстители князей, эти областные намѣстники изъ князей и бояръ литовскихъ въ земляхъ - аннексахъ стали выше мѣстнаго

---

[50]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 29; Monumenta medii aevi. tomus II, № III. *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 59 60 и др.

[51]) Терминъ «рада» перешелъ въ литовско-русскій словесный оборотъ изъ Польши почти одновременно съ уніею. Примѣръ наиболѣе ранняго его употребленія см. въ актѣ поручительства сѣверскихъ князей и бояръ за кн. Димитрія Корибута отъ 26 апр. 1388. Archiwum Sanguszków I, № IX.

[52]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 44, 55, 72. Kraków 1885.

[53]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 95.

[54]) Ibidem, str. 151. Срав. *Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 91—92. Спб. 1885.

боярства, изъ котораго набирались только второстепенныя должностныя лица, ихъ помощники по управленію областями, и мѣстныя ополченія. Въ общемъ, такимъ образомъ, можно сказать, что боярство земель-аннексовъ подчинено было литовской знати. Даже сохраненіе и торжественное подтвержденіе областной старины, мѣстныхъ правъ и вольностей, при удаленіи областныхъ князей, косвеннымъ образомъ содѣйствовало политическому возвышенію литовскихъ князей и бояръ, ибо замыкало боярство земель—аннексовъ въ мѣстной жизни и въ мѣстныхъ интересахъ [55]). Съ объединеніемъ вокругъ одного вождя, съ расширеніемъ сферы дѣятельности на все государство, и политическій кругозоръ, и чувства означенныхъ литовскихъ князей и бояръ должны были выйти изъ прежнихъ узкихъ рамокъ и обнять все государство. Они увидали и почувствовали себя до извѣстной степени хозяевами государства и вершителями его судебъ. Витовтъ, стремившійся къ независимости отъ Ягайла и Польши, какъ видно изъ всего его образа дѣйствій, только поощрялъ это самосознаніе и самочувствіе.

(Въ 1398 году, въ бытность короля Ягайла въ Вильнѣ, въ Польшѣ пронесся слухъ, что Ягайло хочетъ вполнѣ сравнять съ собою Витовта и провозгласить его королемъ. Слухъ этотъ порожденъ былъ, конечно, наблюденіями, имѣвшимися въ Польшѣ относительно стремленій Витовта къ независимости. Польскіе паны научили Ядвигу отвѣтить на это намѣреніе, грозившее разрывомъ уніи Литвы съ Польшею, требованіемъ къ Витовту объ уплатѣ дани съ Подолья, которое будто бы записалъ ей въ вѣнѣ Ягайло. На самомъ дѣлѣ Ягайло записалъ Ядвигѣ земли Куявскую и Русскую, т. е. Червонную Русь (25 января 1386 года) [56]). Но Поляки къ составу этой послѣдней причислили и Подолье. Это требованіе страшно возмутило Витовта. Онъ собралъ своихъ бояръ и, прочтя имъ грамоту Ядвиги, спросилъ, желаютъ ли они быть данниками Польши. Буря негодованія разразилась тогда въ совѣтѣ литовскихъ бояръ, которые заявили, что ничьими данниками они не были и не будутъ [57]). Витовтъ сталъ послѣ этого готовиться къ борьбѣ съ Польшею. Чтобы имѣть свободныя руки со стороны Ор-

---

[55]) О сохраненьѣ и подтвержденьѣ Витовтомъ областной старины см. наше изслѣдованіе «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 26—28, 30, 32, 37.

[56]) Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus II, pars I, № CCCXXXIII. Varsaviae 1848.

[57]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 74, 75; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 20; Scarbicc diplomatów I, № 689.

дена, Витовтъ поспѣшилъ войти съ нимъ въ переговоры о мирѣ, причемъ собственною властью, не спрашиваясь Ягайла, уступилъ Ордену часть Жмуди. Въ прелиминарномъ договорѣ отъ 23 апрѣля 1398 года было оговорено, что Орденъ обратится къ Ягайлу за подтвержденіемъ этой уступки лишь въ томъ случаѣ, если это не будетъ непріятно Витовту [58]). Договоръ этотъ подтвержденъ былъ при личномъ свиданіи Витовта съ магистромъ на островѣ Салинѣ 12 октября 1398 г., причемъ прибывшіе съ Витовтомъ литовцы дали ручательство въ томъ, что договоръ будетъ свято выполняться какъ самимъ Витовтомъ, такъ и его преемниками, что этому они будутъ содѣйствовать убѣжденіемъ и дѣломъ (et ad quelibet tacta capittula predictum dominum nostrum Alexandrum, suos heredes, coheredes et successores fideliter hortabimur et efficacifer inducemus) [59]).

Кто же были эти поручители, взявшіе на себя столь авторитетное и властное обязательство? Договоры Витовта съ магистромъ перечисляютъ ихъ поименно. То были: Владиміръ, двоюродный братъ Витовта, слѣдовательно — Владиміръ Ольгердовичъ, князь Копыльскій; князь Сигизмундъ, родной братъ Витовта, князья: Юрій Пинскій, Михаилъ Заславскій (dux de Salsa), Александръ (Патрикѣевичъ) Стародубскій, Иванъ Гольшанскій (de Gloschaw), Иванъ Друцкій, Ямунтъ Клецкій; бояре (bajoren): Минигайло, намѣстникъ Ошменскій (capitaneus in Aschnim), Монивидъ, намѣстникъ Виленскій, Бартошъ (Bratusz de Mies), извѣстный уже Василій Борейковичъ, Чупурно, маршалокъ двора, Гаштольдъ, намѣстникъ Кревскій, Кинмунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Троцкій (in Tranken), Сунгайло, намѣстникъ Ковенскій, Волимунтъ Бушкевичъ (Wallmund filius Bussky), Вежкгайло, намѣстникъ Вилькомирскій (Wigaik capitaneus in Willkomir), Остикъ, намѣстникъ Упшольскій (Astik capitaneus in Uffpale), Корейка, намѣстникъ Мѣдницкій, конюшій Немиръ (Namur marschalcus equorum), Ройвидъ, намѣстникъ Пенянскій (in Peunaw), Гирдъ Скаматовичъ (Girde Scammati filius), Готардъ Толтигиндъ (filius Gyncawi), Гинтовтъ Мингайловичъ, Зайстольдъ и Сельвинъ [60]). Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ подручныхъ Витовту князей, мы видимъ здѣсь все лицъ изъ

---

[58]) Scarbiec diplomatów I, № 690—694. Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

[59]) Scarbiec diplomatów I, № 695. *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 253—257.

[60]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

состава литовской правительственной знати, составлявшей высшій слой литовскаго боярства.

Итакъ, вотъ кто ручался за исполненіе договора 1398 года, вотъ кто считалъ себя вершителемъ судебъ государства. Какъ настроены были эти люди, очень хорошо показываетъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій на этомъ же дипломатическомъ съѣздѣ. По окончаніи переговоровъ великій магистръ позвалъ Витовта съ женою и со всею свитою къ себѣ на пиръ. На пиру литовцы и русскіе провозгласили Витовта королемъ Литвы и Руси, торжественно показывая, что они сами себѣ господа и знать не хотятъ ни Ягайла, ни поляковъ съ ихъ претензіями [61]). Хотя это провозглашеніе и не имѣло практическихъ послѣдствій, такъ и осталось застольнымъ эпизодомъ, но оно во всякомъ случаѣ характерно для политическаго самочувствія и самосознанія бывшихъ съ Витовтомъ князей и бояръ.

Послѣ всего этого естественно ожидать, что судьбами великаго княжества Литовскаго уже не будутъ распоряжаться, не спрашиваясь этихъ князей и бояръ. И факты вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

§ 4.

Обстоятельства сложились для Витовта такъ неблагопріатно, что ему пришлось не только покинуть мысль объ отдѣленіи отъ Польши, но поновлять унію съ нею. Въ 1399 году умерла королева Ядвига, и Ягайлу, державшемуся въ Польшѣ въ качествѣ ея супруга, стала угрожать опасность лишиться Польской короны. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что опасенія на этотъ счетъ у него были [62]). Эти опасенія имѣли свое основаніе въ томъ, что Ягайло не выполнилъ точно своихъ обязательствъ передъ Польшею, данныхъ въ 1385 году, и не соединилъ еще съ нею во едино великое княжество Литовское. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, Ягайло сталъ хлопотать о поновленіи уніи Литвы съ Польшею, дабы разсѣять всякія сомнѣнія поляковъ на этотъ счетъ. Въ данномъ случаѣ онъ вполнѣ сошелся и съ Витовтомъ, которому не могла улыбаться перспектива возвращенія въ Литву государя, посадившаго его вмѣсто себя на великомъ княженіи. Кромѣ того, погромъ на Ворсклѣ уже достаточно вразумилъ Витовта въ невыгодности отдаленія отъ Польши. Разсерженные предшествующимъ

---

[61]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 87.

[62]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XII, p. 537, 538. Cracoviae MDCCCLXXVI.

поведеніемъ Витовта поляки не оказали ему должной помощи въ борьбѣ съ татарами, и Витовтъ потерпѣлъ полное пораженіе [63]). Пользуясь этимъ поднялъ голову и Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ освободившійся изъ заключенія и получившій часть Подолья, и началъ обнаруживать неріязненные замыслы противъ Витовта. Опасность со стороны Свидригайла была тѣмъ значительнѣе, что онъ успѣлъ сдѣлаться популярнымъ у русскихъ людей великаго княжества [64]). Все это заставило и Витовта искать сближенія съ Ягайломъ и Польшею и скрѣпленія уніи. Для этого Ягайло и Витовтъ обратились прежде всего къ старому, уже испытанному средству,—сбору записей на вѣрность королю и коронѣ Польской. Такая запись взята была (31 декабря 1400 г.) съ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго, который обязался по смерти господаря своего Витовта не искать себѣ другихъ господарей, помимо короля Владислава, и не отлучаться отъ короны Польской «никоторымъ веременемъ» [65]). Подобныя же записи выдали князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій (5 февраля 1401 г.), князья Юрій и Андрей Заславскіе (24 февраля 1401 г.), князь Юрій Довкговдъ (24 февраля 1401 г.), князь Семенъ Друцкой (11 мая 1401 г.) [66]). Все это были князья, вновь выступившіе на политическое поприще къ 1401 году и не выдававшіе еще записей на вѣрность королю и коронѣ Польской, или обойденные при заключеніи уніи 1385 года (напр. кн. Иванъ Гольшанскій). Въ то же время (18 января) и самъ Витовтъ новою грамотою подтвердилъ свое прежнее соглашеніе съ Ягайломъ [67]), состоявшееся въ Островѣ 5 августа 1392 года.

Въ 1392 году за исполненіе договора со стороны Литвы при жизни и по смерти Витовта поручилась его жена, княгиня Анна [68]). Но въ 1401 году поляки уже не были столь наивными, какъ въ 1392 году, и потребовали гарантій въ соблюденіи уніи съ тѣхъ, кто уже показалъ на дѣлѣ свою силу и авторитетъ по этой части, и кто уже фигурировалъ въ качествѣ договаривающейся стороны въ 1398 году на островѣ Салинѣ. Я разумѣю второй слой литовско-русскихъ кня-

---

[63]) *Барбашева* Витовтъ и его политика, стр. 101, 102.

[64]) Scarbiec diplomatów I, № 731; срав. *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 52, 53.

[65]) Акты Зап. Рос. I, № 17.

[66]) Акты Зап. Рос. I, № 18, 19, 20; Monumenta medii aevi, tomus II, № XXVII—XXXII.

[67]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIII.

[68]) Ibidem, № XCII.

зей и литовское боярство. На ихъ долю и выпала теперь главная роль при возобновленіи той уніи, которая заключена была ранѣе, въ 1385 г., областными князьями.

Съ этою цѣлью въ началѣ 1401 года ихъ собрали въ Вильнѣ. Въ одинъ день съ Витовтомъ (18 генваря) они выдали отъ себя письменныя гарантіи въ соблюденіи уніи. Они клятвенно обѣщались помогать королю, коронѣ и земянамъ королевства Польскаго противъ нападеній враговъ и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, радѣть объ ихъ добрѣ и пользѣ, какъ о своемъ собственномъ; по смерти Витовта обязались не искать себѣ другого государя, помимо польскаго короля, къ которому согласно договору должно перейдти великое княжество; но при этомъ оговорили, что въ случаѣ смерти короля Владислава поляки не выберутъ себѣ короля безъ ихъ и Витовтова вѣдома и совѣта (sine scitu et consilio ejusdem domini ducis Wytowdi et nostra pariter) [69]).

Въ записи довольно подробно обозначена совокупность тѣхъ лицъ, которые въ настоящемъ случаѣ были стороною, договаривавшеюся съ Ягайломъ и поляками. Тутъ были тѣ же самыя лица, которыя участвовали въ договорѣ съ Орденомъ въ 1398 году и другія того же круга, и кромѣ того масса второстепеннаго, рядоваго боярства Литвы и Руси. Здѣсь были: бискупъ Яковъ, князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій съ сыновьями Андреемъ, Семеномъ и прочими, Минигайло Гедигольдовичъ съ братомъ Свивилономъ, уже извѣстный Бартошъ съ сыномъ Зеновіемъ, Монивидъ съ братомъ Гедигольдомъ и прочими, маршалокъ Чупурна, князь Семенъ Ямонтовичъ, сынъ уже извѣстнаго намъ князя Ямонта, погибшаго на Ворсклѣ въ 1399 г., Ѳедоръ Львовичъ съ братомъ Юшкомъ (князья Воротынскіе) [70]), Гаштольдъ съ сыномъ Тальвошемъ, Гинейтъ съ сыномъ Милусомъ и прочими, Кимунтъ съ сыномъ Давкшею (Dawkha), Стригивилъ Борейковичъ, Гинтовтъ (Gyntolt), Остикъ съ братомъ Доркгемъ, Застольдъ съ братомъ (cum Przezhgindo), Немиръ съ братьями, Шугайло, Олизаръ Васильевичъ, Войнатъ Руссиловичъ, Кезгайло и Жвинвольтъ Волимунтовичи съ прочими братьями, Голигинъ, Романъ Милейковичъ съ братомъ Волчкомъ и прочими, Войшвидъ съ сыномъ Радивиломъ, Володко Толтигиновичъ съ братьями, Бутовтъ, Монтигайло, Ганусъ Монтыгирдовичъ съ своими братьями, Довойно Вышигердовичъ, Дровмутисъ съ сыномъ Вешкомъ, Волчко Велутевичъ, Волчко Тонсовтовичъ (Контовтовичъ?), Довгердъ,

---

[69]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCXXXIV.

[70]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 151, 585.

Войнисъ, Водычъ съ братьями, Голыгиндъ (Голигунтъ?), Выидимпнъ, Ешисъ Шкливровичъ съ своею роднею (cum cognacionibus et genealogiis suis)[71]. Сверхъ поименованныхъ лицъ, принадлежавшихъ, очевидно, къ первостепенной литовской знати, въ качествѣ участниковъ обязательства обозначается вся остальная знать и все вообще боярство Литвы и Руси, хотя и не перечисляемое поименно, но давшее свое согласіе (quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, tamen consensus ad subscripta adest). Это боярство, такимъ образомъ, несомнѣнно было на собраніи, хотя, конечно, врядъ ли въ буквальномъ смыслѣ въ полномъ составѣ (tota universitas).

Какъ бы то ни было, въ 1401 году впервые на политической аренѣ Литовско-Русскаго государства выступаетъ собраніе князей и бояръ Литвы и Руси въ качествѣ *правоспособнаго* участника въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, съ извѣстною признанною по этой части *компетенціею*. По смыслу того договора, въ который вступили съ поляками перечисленные князья и бояре[72], предполагалось и впредь ихъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ уніи, въ частности въ выборѣ общаго государя Польши и Литвы. Такимъ образомъ, собранія, подобныя настоящему, предполагались и на будущее время. Если такъ, то и собраніе 1401 года нельзя не признать народившимся новымъ учрежденіемъ, которому отнынѣ предстояло занять извѣстное мѣсто въ системѣ государственныхъ органовъ великаго княжества и отправлять извѣстныя политическія функціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшей исторіи этого учрежденія, присмотримся сначала къ его физіономіи въ данный моментъ и сравнимъ его черты съ чертами литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія.

Прежде всего бросается въ глаза его мѣстный составъ. Хотя сеймъ выступаетъ въ роли общегосударственнаго представительнаго учрежде-

---

[71]) Въ спискахъ акта 1401 года имена литовскихъ пановъ, его подтверждавшихъ, искажены. Наиболѣе исправный въ этомъ отношеніи списокъ напечатанъ Прохаскою въ Monum. medii aevi, tomus VI, № CCXXXIV. Приведенныя здѣсь имена ближе, чѣмъ въ другихъ спискахъ, подходятъ къ литовскимъ именамъ, приводимымъ въ болѣе позднихъ документахъ латинскихъ и русскихъ, ближайшимъ образомъ въ актахъ, выданныхъ въ 1413 году въ Городлѣ. Zbiór praw litewskich, str. 7—24.

[72]) Польскіе паны и шляхта съ своей стороны выдали литовско-русскимъ князьямъ и боярамъ аналогичную запись на сеймѣ въ Радомѣ 11 марта 1401 г. Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus I № CLI.

денія, но въ немъ участвуютъ князья и бояре почти исключительно изъ собственной Литовской земли и тѣсно соединенной съ нею управленіемъ, землевладѣніемъ и населеніемъ «Руси» Литовской (по Березинѣ и ея притокамъ, по Припяти и ея лѣвымъ притокамъ, по среднему Днѣпру и Сожу). Кромѣ князей и бояръ изъ этихъ областей, на сеймѣ присутствуетъ, повидимому, еще только нѣсколько старшихъ бояръ изъ Жмудской земли (Кезгайло, Остикъ, Гинейтъ, Дровмутисъ)[73]) и князья Воротынскіе. Другихъ представителей отъ земель-аннексовъ великаго княжества на этомъ сеймѣ мы не видимъ. Эта особенность перваго литовско-русскаго сейма вполнѣ объясняется тѣми обстоятельствами, о которыхъ было уже говорено выше. Въ ней сказался съ полною наглядностью тотъ же самый фактъ, который проявился въ уничтоженіи большинства областныхъ княженій и отчасти воспослѣдовалъ за этимъ уничтоженіемъ, т. е. политическій перевѣсъ и установленіе политическаго преобладанія земель, составлявшихъ государственное ядро великаго княжества Литовскаго, надъ всѣми остальными.

Присматриваясь къ наличному составу участвовавшей на этомъ сеймѣ первостепенной знати, мы открываемъ здѣсь родоначальниковъ нѣсколькихъ фамилій, члены которыхъ и позже приглашались на сеймы, принадлежали viritim къ «станамъ, сойму належачимъ», какъ въ силу своего должностнаго и общественнаго значенія, такъ и въ силу традиціи, прецедентовъ. Таковы были: *князья Гольшанскіе*, потомки которыхъ чуть не до самой уніи занимали первостепенныя должности и высокое положеніе въ господарской радѣ; Зеновій Бартошевичъ, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Зеновъевичей; Гаштольдъ*, потомки котораго совмѣстно съ князьями Гольшанскими долгое время были первыми воротилами въ великомъ княжествѣ; Остикъ, отъ котораго пошли двѣ линіи первостепенныхъ фамилій—*Радивиловъ* и *Остиковичей*, члены которыхъ были и панами радными, и обязательными участниками сеймовъ; *Немиръ*, давшій начало раду пановъ Немировичей, изъ которыхъ выходили также члены рады господарской и разные урядники земскіе и дворные; Кезгайло, потомки котораго — *Кезгайловичи* были обязательными участниками сеймовъ въ качествѣ Жмудскихъ старостъ; *Монтыгирдовичи*, потомки которыхъ также должны были участвовать на сеймахъ въ качествѣ пановъ радныхъ; Довойно, давшій начало роду пановъ хоруговныхъ *Довойновъ*, изъ котораго выходили и паны радные, и другія должностныя лица; Волчко, давшій начало подобному же роду па-

[73]) Срав. Monumenta medii aevi, tomus VI, № LXVII.

новъ *Волчковичей* [74]). Болѣе тщательныя генеалогическія розысканія, быть можетъ, откроютъ въ составѣ сойма 1401 года и еще какихъ-нибудь родоначальниковъ позднѣйшихъ фамилій изъ «становъ, сойму належачихъ».

Переходя къ компетенціи народившагося учрежденія мы видимъ, что здѣсь пока опредѣлилось только право его участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ самостоятельностью и самобытностью великаго княжества Литовскаго и намѣтилось право его избирать государя для этого государства. Эти права, какъ увидимъ ниже, составили прочное пріобрѣтеніе литовско-русскаго сейма, съ которымъ онъ не разставался до самаго конца своего существованія.

§ 5.

Наблюденія, вынесенныя нами изъ разсмотрѣнія состава и дѣяній перваго литовско-русскаго сейма, находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ томъ, что даетъ по этой части второй литовско-русскій сеймъ, собиравшійся въ 1413 году въ Городнѣ на Бугѣ вмѣстѣ съ польскимъ. Этотъ сеймъ былъ созванъ для пересмотра договора объ уніи и новаго ея подтвержденія. Новый договоръ понадобился вслѣдствіе перемѣнъ, совершившихся къ тому времени во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи великаго княжества и въ его отношеніяхъ къ сосѣдямъ, и особенно къ Польшѣ. Къ тому времени великое княжество Литовское успѣло уже совершенно оправиться отъ послѣдствій пораженія на Ворсклѣ. Оно возстановило свой престижъ среди татаръ и заняло твердое и внушительное положеніе по отношенію къ сѣверо-восточной Руси. Витовтъ, какъ и прежде, до битвы на Ворсклѣ, сталъ вмѣшиваться въ борьбу, происходившую въ Ордѣ между разными претендентами на ханскій престолъ и вліять на ея исходъ въ интересахъ великаго княжества. Смоленская земля, выбившаяся было изъ-подъ власти великаго князя Литовскаго, въ 1405 году вновь была покорена и отдана въ въ управленіе литовскимъ намѣстникамъ; подчинились великому князю Литовскому и различные удѣльные князья ея, владѣнія которыхъ облегали ее съ сѣвера, востока и юга (Вяземскіе, Ѳоминско-Березуйскіе и др.) [75]). Съ княжествами и землями сѣверо-восточной Руси, т. е. съ

---

[74]) *Boniecniego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem, str. 48—50, 56—60, 76—83, 119—123, 185—187, 205—208, 223—227, 269—280, 417—419. Warszawa 1887.

[75]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 282—285.

Новгородомъ, Псковомъ, Москвою и Рязанью послѣ нѣкоторыхъ столкновеній заключены были большею частью благопріятные для великаго княжества договоры. Послѣ Грюнвальденской побѣды, которая принесла равную честь Польшѣ и великому княжеству Литовскому, послѣднее сдѣлалось крупною политическою величиною и въ мнѣніи запада. Съ Витовтомъ завязалъ сношенія и старался сблизиться императоръ Сигизмундъ; Орденъ, хлопоча о мирѣ, больше всего обращался также къ Витовту прямо или черезъ посредство императора [76]). Параллельно съ политическими успѣхами росло и чувство самостоятельности у Витовта и его подданныхъ, переходившее такъ или иначе и въ ихъ образъ дѣйствій, особенно во внѣшней политикѣ. И хота Витовтъ въ общемъ держалъ себя корректно въ отношеніи къ Ягайлу, какъ своему сюзерену, тѣмъ не менѣе его поведеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ возбуждало въ Полякахъ тревогу и опасеніе. Поэтому въ 1403 году они заставили Витовта дать формальное обязательство въ томъ, что безъ вѣдома, воли и согласія Ягайла онъ не будетъ заключать договора съ Прусскимъ орденомъ и Ливонскимъ; въ слѣдующемъ же году заставили его подтвердить новымъ актомъ прежнія записи на вѣрность королю и коронѣ Польской, дабы разсѣять всякія сомнѣнія, опасенія и безпокойство на этотъ счетъ [77]). Эти опасенія и безпокойство питались происками нѣмцевъ, всячески старавшихся разорвать унію Польши и Литвы. Въ этомъ направленіи дѣйствовали не только должностныя лица и агенты Прусскаго и Ливонскаго Орденовъ [78]), но даже самъ императоръ Сигизмундъ. Во время дипломатическаго съѣзда въ Кезмаркѣ въ 1410 году онъ предлагалъ Витовту возвести его въ королевское достоинство, освободить отъ всякой зависимости отъ Польши и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощь противъ Ягайла и всѣхъ другихъ враговъ [79]). Хотя Витовтъ уклонился въ данномъ случаѣ отъ переговоровъ и даже довелъ до свѣдѣнія Ягайла о сдѣланномъ ему предложеніи, тѣмъ не менѣе нѣмцы не покидали своего намѣренія и въ послѣдующее время. Когда въ слѣдующемъ году Витовтъ отправился въ Венгрію на новый дипломатическій съѣздъ въ Шрамовицахъ, Ливонскій магистръ Фитингофъ писалъ великому магистру, что хорошо было

---

[76]) *Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 112—116; Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 103—113. Спб. 1891.

[77]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XXXI; VI, № CCLXVIII, CCCII.

[78]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № XDIII.

[79]) *Dlugosz* Opera omnia, tomus XIII, p. 5—7.

бы послать къ Витовту письмо съ жалобами на поляковъ, дабы оттолкнуть его отъ Польши [80]). Всѣ эти махинаціи, направленныя къ расторженію уніи Литвы съ Польшею, побудили поляковъ позаботиться о новомъ ея подтвержденіи и скрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что отношенія къ нѣмцамъ послѣ Торунскаго мира 1411 года прогрессивно ухудшались и вели къ неизбѣжной войнѣ [81]).

Наученные событіями касательно того, отъ кого зависитъ поддержаніе добрыхъ отношеній Литвы къ Польшѣ, Ягайло и Поляки привлекли къ акту подтвержденья уніи не только самого Витовта, но также и литовскихъ вельможъ и весь военно-служилый классъ. Актъ этотъ состоялся въ Городнѣ на Бугѣ въ началѣ октября 1413 года, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ. По разсказу Кояловича, находящему себѣ подтвержденіе отчасти и въ самыхъ актахъ уніи, на этотъ сеймъ пріѣзжали изъ Литвы не только князья и вельможи, но и многіе изъ рыцарскаго класса (equestris ordinis) [82]). Ягайло и поляки повели дѣло такимъ образомъ, чтобы литовцы скрѣпили унію въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Съ этою цѣлью они связали подтвержденіе уніи для литовскихъ «бароновъ» и «шляхты» (barones et nobiles) съ полученіемъ новыхъ правъ и вольностей, которыми пользовались польскіе паны и шляхта, мотивируя это тѣмъ, что подданные одного государства должны пользоваться и одними правами и вольностями. Кромѣ того, они сдѣлали уступку и автономическимъ привязанностямъ литовцевъ. Условлено было, что по смерти Витовта литовцы никого не возьмутъ себѣ въ великіе князья, помимо того, кого дастъ имъ король Ягайло по совѣту съ польскими и литовскими прелатами и баронами; съ своей стороны и поляки въ случаѣ прекращенія рода Ягайла не выберутъ никого въ короли безъ вѣдома и согласія великаго князя Литовскаго, прелатовъ, бароновъ и шляхты великаго княжества. До-

---

[80]) Scarbiec diplomatów II, № 960.

[81]) *L. Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom. I, str. 209—230. Въ актѣ уніи 1413 года прямо указана причина новаго ея подтвержденья: Volentes tamen terras praedictas Lyttwaniae, propter hostiles insultus et insidias cruciferorum et eis adhaerentium, ac aliorum quorumcunque inimicorum (намекъ на Сигизмунда), qui praefatas terras Lyttwaniae et regnum Poloniae demolliri nituntur et in ipsorum destructionem machinantur, in certitudine, securitate et tutela melioribus reponere et eis perpetuum commodum procurare... Zbiór praw litewskich, str. 10.

[82]) *Kojałowicza* Historiae Litwanae pars II, p. 90, 91. Antverpiae MDCLXIX.

говоръ устанавливалъ, такимъ образомъ, что Литва всегда будетъ имѣть своего государя, отдѣльнаго отъ Польши, которому король Польскій будетъ делегировать свою власть. По сравненію съ предшествующими договорами, устанавливавшими особое великое княженіе на Литвѣ только на время Витовтовой жизни, здѣсь была сдѣлана крупная уступка литовскому сепаратизму. Тѣмъ сильнѣе старались поляки подчеркнуть въ подтвердительномъ документѣ фактъ уніи и вложили въ уста Ягайла и Витовта чуть не всѣ глаголы, какими только можно было обозначить соединеніе. Ягайло и Витовтъ заявляли въ документѣ, что свои земли, кои находились и до сихъ поръ находятся въ ихъ полномъ распоряженіи, на чистомъ и смѣшанномъ правѣ, они вновь инкорпорируютъ и внѣдряютъ въ королевство Польское, присвоиваютъ ему, соединяютъ и объединяютъ съ нимъ, связываютъ союзомъ и навсегда скрѣпляютъ и т. д. Весьма знаменательнымъ при этомъ является признаніе, что сдѣлано ими это по волѣ, одобренію и согласію пановъ и бояръ шляхты великаго княжества Литовскаго [83]).

Итакъ, и на этотъ разъ въ качествѣ правоспособнаго политическаго дѣятеля выступаетъ собраніе литовскихъ «бароновъ» и «шляхты», т. е. вельможныхъ и знатныхъ бояръ. Извѣстная группа наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ этого класса выдала, какъ и въ 1401 году, за себя и за всю шляхту бояръ и обывателей великаго княжества формальную запись въ соблюденіи уніи съ Польшею и всѣхъ ея условій [84]). Съ литовской стороны эта запись должна была служить эквивалентомъ подобной же записи, выданной литовцамъ сеймомъ польскихъ бароновъ,

[83]) Easdem terras, quas semper cum pleno dominio, ac jure mero et mixto, hactenus habuimus et habemus, usque modo a progenitoribus nostris, et ordine geniturae, tanquam domini legitimi, baronum, nobilium, boyarorum voluntate, ratihabitione et consensu adhibitis, praedicto regno Poloniae iterum de nouo incorporamus, invisceramus, appropriamus, conjungimus, adjungimus, confoederamus et perpetue annectimus... Zbiór praw litewskich, str. 11, 12.

[84]) Кромѣ исполненія вышеизложенныхъ условій относительно избранія великаго князя Литовскаго и короля польскаго, литовцы клятвенно обѣщались никогда не покидать прелатовъ, пановъ, шляхту и все королевство Польское во всѣхъ ихъ бѣдахъ, помогать имъ противъ козней и нападеній враговъ совѣтомъ, дѣломъ и асположеніемъ, не начинать ссоръ, войнъ и столкновеній безъ ихъ вѣдома и желанія, совѣта и разслѣдованія; не покидать никогда короля Ягайла и великаго князя Витовта и помогать имъ совѣтомъ, дѣломъ и расположеніемъ. Zbiór praw litewskich, str. 20—24.

или пановъ, и шляхты [85]). Устанавливая унію съ Литвою, польскіе паны имѣли сначала дѣло только съ ея князьями. Но когда обязательства князей оказались недостаточными, польскіе паны вызвали къ договору и другія крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, сеймъ литовскихъ бояръ. Съ ними они намѣревались и впредь вершить всѣ дѣла, касающіяся общихъ интересовъ обѣихъ государствъ. Ягайло и Витовтъ объявляли поэтому въ своемъ привилеѣ, что прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго и земель Литовскихъ будутъ имѣть сеймы для совѣщаній (conventiones et parlamenta) о благѣ и пользѣ обѣихъ государствъ въ Люблинѣ или Парчовѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ, всякій разъ, когда будетъ необходимо, съ ихъ государева согласія и воли. Сеймы, такимъ образомъ, узаконялись и на будущее время, какъ для избранія государей Польши и Литвы, такъ и для рѣшенія другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ уніею Польши и Литвы.

По перечню лицъ, получившихъ въ Городлѣ польскіе гербы, можно до извѣстной степени судить и о томъ, кто былъ на сеймѣ 1413 года съ литовской стороны. Здѣсь были: воевода Виленскій Монивидъ, воевода Троцкій Явнисъ, каштелянъ, или панъ, Виленскій Мингайло, каштелянъ Троцкій Сунигайло; намѣстникъ, или староста, Полоцкій Немиръ; Остикъ, Бутримъ, Голигунтъ, Николай Былиминъ, Альбрехтъ Корейво, Вышегердъ, Петръ Монтигирдъ, Николай Тавтигердъ, Янъ Гаштольдъ, Волчко Кульва, Бутовтъ, Ядатъ, Калонъ, Янъ Римовидовичъ, Гинейтъ Кончевичъ, Давкша, Николай Бойнаръ, Волчко Кокутовичъ, Гетовтъ, Дангель, Якубъ Мингайло, Войшнаръ Вилколевичъ, Юрій Сангавъ, Сака, Нацко, Твирбутъ, Монствилъ, Станиславъ Вышигинъ, Войсымъ Дапейковичъ, Монстольдъ, Андрей Девкнетовичъ, Мынимунтъ Сосниковичъ, Родивилъ, Кочанъ, Мщугъ, Гербудъ, Чуппа, Войдылъ Кусоловичъ, Кочанъ Суковичъ, Янъ Эвилдъ, Станиславъ Бутовтовичъ, Сируть (Surgutas) изъ Рѣшникъ и т. д. [86]). Изъ этого перечня видно, что на сеймѣ 1413 года въ Городлѣ участвовала чиновная литовская знать и другіе первостепенные бояре изъ собственной литовской земли. Все это были частью тѣ же самыя лица, которыя участвовали и на сеймѣ 1401 года, а частью новыя, но все же изъ того круга первостепеннаго литовскаго боярства. Среди нихъ можно узнать еще нѣсколько лицъ изъ фамилій, принадлежавшихъ позднѣе

[85]) Codex diplomaticus Poloniae, ed. Rzyszczewski et Muczkowski, tomus I, № CLXII.

[86]) Zbiór praw Litewskich, str. 20—24.

къ «станамъ, сойму належачимъ». Таковы: Янъ Римовидовичъ изъ рода, давшаго позже чиновныя фамиліи пановъ *Заберезинскихъ*, *Кухмистровичей*, *Дорогостайскихъ*, *Олехновичей*; Сака, родоначальникъ знатной фамиліи *Саковичей*, изъ которой выходили различные урядники земскіе и дворные [87]); Спруть, родоначальникъ фамиліи *Спрутевичей*, поднявшейся въ ряды литовской знати при Сигизмундѣ Августѣ [88]).

Сопоставляя то, что извѣстно намъ о составѣ литовско-русскаго сейма въ послѣдней стадіи его развитія, съ тѣмъ, что выяснилось относительно первоначальнаго его состава, приходимъ къ заключенію, что изъ всѣхъ «становъ, сойму належачихъ», раньше другихъ заняли въ немъ свои мѣста: католическіе бискупы, литовско-русскіе князья и литовскіе первостепенные бояре, или паны, состоявшіе и не состоявшіе въ разныхъ должностяхъ (позднѣе: паны рада, княжата, панята, или паны хоруговные), и рядовые литовскіе бояре (позднѣе—шляхта), въ случайномъ составѣ собиравшіеся на сеймъ. Послѣдніе, по всѣмъ признакамъ, играли на сеймѣ еще чисто пассивную роль, приглашались или допускались на сеймъ для моральной поддержки сейму, для приданія вящщаго авторитета его постановленіямъ. Эти постановленія исходили изъ круга князей и пановъ, а рядовое боярство, не имѣвшее еще постояннаго и правильнаго представительства на сеймѣ, вѣроятно, давало только свое молчаливое или громкое (per acclamationen) согласіе или одобреніе. Поэтому и первоначальный литовско - русскій сеймъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ.

Такой составъ первоначальнаго литовско - русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что именно съ этими князьями и панами главнымъ образомъ и пришлось считаться ихъ государямъ и полякамъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, касающихся политическаго бытія великаго княжества. Это были самые сильные люди въ литовско-русскомъ обществѣ, коимъ принадлежали власть и вліяніе, вожди, которые въ состояніи были подчинять себѣ и вести за собою остальное литовско-русское общество. Что такое значеніе принадлежало князьямъ, это очевидно, и едва ли требуетъ подробнаго разъясненія. Литовско-русскіе князья владѣли не однимъ только титуломъ, но и извѣстными населенными территоріями, болѣе или менѣе значительными, гдѣ они были не только хозяевами, но и государями. Но на чемъ основывалось политическое значеніе того класса, который получилъ польское

---

[87]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 46, 160, 161, 218, 219, 290, 291, 391—395.

[88]) Ibidem, str. 313; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 243.

названіе пановъ? Договоръ съ нѣмцами 1398 года, гдѣ дается перечень этихъ пановъ, можетъ навести на мысль, что это значеніе основывалось на занимаемыхъ панами государственныхъ должностяхъ, что мы имѣемъ предъ собою литовскую чиновничью знать, достигшую своею службою высокаго положенія въ государствѣ и обществѣ. Но болѣе тщательныя розысканія въ источникахъ приводятъ къ мысли, что это правительственное значеніе литовскаго панства въ свою очередь было производное, что оно основывалось на томъ положеніи, которое помимо того занимали литовскіе паны въ окружавшемъ ихъ обществѣ, и которое во многихъ отношеніяхъ было близко къ положенію князей. Великій князь потому и окружалъ себя панами, потому и набиралъ изъ нихъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, что это были люди, независимо отъ того сильные и вліятельные въ обществѣ, его давнишніе и привычные вожди и руководители.

§ 6.

Такихъ людей мы встрѣчаемъ по источникамъ въ литовскомъ обществѣ еще въ XII в., до появленія великокняжеской власти, и затѣмъ въ теченіе всего XIII и XIV вѣка, уже при великихъ и областныхъ князьяхъ. Предъ созданіемъ великаго княжества Литовскаго Мендовгомъ общественный бытъ литовцевъ уже довольно далеко былъ отъ примитивности. Въ мелкихъ обществахъ, на которыя распадалась литовская народность, и которыя, по всѣмъ признакамъ, развились изъ родовыхъ союзовъ, чрезъ естественное размноженіе родичей и приселеніе чужеродцевъ [89]), господствовало уже имущественное и соціальное раздѣленіе и неравенство [90]). Здѣсь были и мелкіе земледѣльцы, сами воздѣлывавшіе свои участки, и крупные землевладѣльцы, владѣвшіе боль-

[89]) На это намекаютъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., *Корковичей*, которыхъ разорилъ Даніилъ Галицкій въ 1256 году (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 551—553. Спб. 1872). О томъ, что родовая организація общества предшествовала на Литвѣ организаціи политической, можно заключить по свидѣтельству Дюсбурга о существованіи у литовцевъ кровной мести, въ которой нельзя не видѣть переживанія родового быта (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 54).

[90]) О раздѣленіи земель у Пруссовъ въ XII в. сообщаетъ польскій хронистъ того же вѣка Мартинъ Галлъ (Monumenta Poloniae historica, tomus I, p. 455). О наслѣдственныхъ земляхъ, имуществѣ и рабахъ знати даетъ показанія Петръ Дюсбургскій (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 54, 132, 145, 146); съ этими показаніями согласуется вполнѣ и свидѣтельство Генриха Латыша о литвинѣ Свелгатѣ, участвовавшемъ въ 1204 году въ походѣ на Ригу: homo

шими вотчинами со множествомъ челяди, коней, охотничьихъ собакъ и и птицъ и разныхъ предметовъ, потребныхъ для войны; были и рабы, и свободные, а среди послѣднихъ благородные и знатные люди. Эти сильные и знатные люди (prepotentes, pociores domini, famosi domini, nobiles, die edelsten, какъ называютъ ихъ хроники [91]) и были вождями окрестнаго населенія, около которыхъ оно собиралось для отраженія враговъ или для нападеній [92]), его старшинами и представителями въ сношеніяхъ съ другими обществами. Нѣкоторые изъ этихъ сильныхъ и знатныхъ людей, по всѣмъ признакамъ, даже успѣли уже подчинить себѣ окрестное населеніе и сдѣлаться настоящими князьками и царьками въ мѣстности. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло, путемъ ли преемственности и развитія власти родоначальниковъ или какъ-нибудь иначе. Очень можетъ быть, что этотъ фактъ стоялъ въ связи съ выдѣленіемъ особаго военнаго класса въ литовскихъ обществахъ. Дѣло въ томъ, что въ XII в. война сдѣлалась для литовцевъ не только актомъ обороны отъ нападеній извнѣ, но и промысломъ. Польскія и нѣмецкія хроники и наши лѣтописи полны извѣстіями о набѣгахъ Литвы съ цѣлью грабежа. Литовцы стали воевать даже въ чужихъ войскахъ, иногда противъ своихъ. Такимъ образомъ, напр., Ятвяги и Жмудь ходили въ войскахъ Даніила Романовича противъ Мендовга, наемные литовцы служили нѣмцамъ, польскимъ и поморскимъ князьямъ и т. д. [93]). Изъ среды общества при этомъ естественно долженъ былъ выдѣлиться особый классъ военныхъ людей по ремеслу, соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Вожди этого класса, выходившіе изъ того же круга землевладѣльческой знати, изъ котораго выходили и общенародные вожди и старшины, обогащаясь на войнѣ [94])

---

dives et praepotens (Scriptores rerum livonicarum I, p. 86. Riga und Leipzig 1853).

[91]) Scriptores rerum prussicarum I, p. 64, 135, III, p. 284 и др.

[92]) Отсюда и названія ихъ: duces, capitanei, castellani. Петръ Дюсбургскій, говоря объ этихъ capitanei, прибавляетъ къ этому имени обыкновенно homo или vir prepotens et dives. Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 143, 146.

[93]) *Н. П. Дашкевича* Княженіе Даніила Галицкаго, стр. 133, прим. 3. Кіевъ 1873 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года).

[94]) По свидѣтельству Петра Дюсбургскаго у прусскихъ nobiles были castra, т. е. укрѣпленныя усадьбы, гдѣ они помѣщали свою добычу, домашній скотъ и другія вещи (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 132). Наша лѣтопись въ разсказѣ объ истребленіи и изгнаніи Мендовгомъ другихъ князей говоритъ о безчисленномъ имѣньѣ ихъ, захваченномъ Мендовгомъ (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 541).

и опираясь на свои дружины [95]), легко могли покорять себѣ и все окрестное населеніе, становиться властителями, династами. Вслѣдствіе этого и хронисты называютъ нерѣдко литовскую знать (nobiles, die edelsten) *королями, царями или царьками* (kunige, reges, reguli), мѣшая эти названія и употребляя одно вмѣсто другого) [96]). Наши русскія лѣтописи говорятъ обыкновенно о литовскихъ князьяхъ. Но показаніе ихъ о многочисленности этихъ князей наводятъ на мысль, что это имя прилагается ими ко всѣмъ вообще вождямъ и старѣйшинамъ литовскихъ обществъ безъ различія [97]).

Внутренняя борьба, сопровождавшая объединеніе Литвы подъ властью великаго князя, смела и разсѣяла извѣстную часть этихъ князей и старшинъ. Извѣстно, что Мендовгъ побилъ своихъ братьевъ и племянниковъ, а другихъ изгналъ вонъ изъ отечества. По смерти Мендовга, павшаго жертвою княжеской реакціи, сынъ его Войшелкъ началъ истреблять «вороги своѣ», т. е. тѣхъ же литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. По словамъ лѣтописи, онъ избилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались [98]). Но было бы ошибкою ду-

---

[95]) Генрихъ Латышъ подъ 1204 годомъ разсказываетъ, что къ Ригѣ подступалъ Свелгате homo dives et praepotens *cum suis sodalibus* (Scriptores rerum livonicarum I, p. 86).

[96]) *Krumbholtz* Samaiten und der deutsche Orden bis zum Frieden am Melnosee, s. 13, 14. Königsberg 1890. Впрочемъ, хронисты иногда и различаютъ оба класса и говорятъ de regibus et nobilibus et communi populo, какъ напр. Петръ Дюсбургскій (Scriptores rerum prussicarum, tomus I, 53—54).

[97]) Подъ 1215 годомъ читаемъ въ Ипатьевской лѣтописи: «Божиимь повеленіемь прислаша князи Литовьскии къ великой княгинѣ Романовѣ и Данилови и Василкови, миръ дающе. Бяху же имена Литовьскихъ князей: се старѣйшей, Живинъбудь, Довъятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаилъ; а Жемонтьскыи князи: Ерьдивилъ, Выкынтъ; а Рушьковичевъ: Кинтибудь, Вонибутъ, Бутовить, Вижѣйкъ и сынъ его Василій, Китений, Пликосова; а се Булевичи Вишимутъ, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юдьки, Пукѣикъ, Бикши, Ликиикъ. Си жи вси миръ даша князю Данилови и Василку (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 492). Александръ Невскій въ 1245 году побилъ подъ Торопцомъ, по разсказу нашей лѣтописи, 8 князей (Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. VII, 152); а князь Даніилъ Романовичъ въ 1248 году побилъ сорокъ Ятяжскихъ князей (Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 531).

[98]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 541, 567, 569. Описывая этотъ фактъ, лѣтопись говоритъ: «И поиде въ силѣ тяжьцѣ и нача городы имати по Дявелътвѣ,

мать, что истребленъ былъ весь этотъ классъ, и что вслѣдствіе этого великій князь и сдѣлался «самодержьцемъ» въ Литовской землѣ, какъ выражается лѣтопись. Истребленіе постигло только противниковъ и конкуррентовъ утверждавшагося великаго князя. Всѣ другіе остались и продолжали быть и при великомъ князѣ вождями мѣстныхъ обществъ, которые по временамъ дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ великаго князя и даже увлекали его за собою. Такіе вожди остались, напр., въ Жмудской землѣ. Извѣстно, что Мендовгъ уступилъ эту землю Ливонскому Ордену. Но Жмудскіе князья и старшины знать не хотѣли этой уступки и мужественно боролись съ нѣмцами за самостоятельность своего племени, а въ концѣ концовъ увлекли въ эту борьбу и самого Мендовга [99]). Въ Литовской землѣ по смерти Мендовга встрѣчаемъ по источникамъ также не мало этихъ «князей». Въ 1266 году Псковскій князь Довмонтъ сдѣлалъ нападеніе на Литовскую землю, повоевалъ ее и поплѣнилъ, и между прочимъ захватилъ жену князя Герденя и двухъ княжичей, пользуясь тѣмъ, что самого Герденя и другихъ «князей» въ то время не было дома. Прослышавъ о нападеніи, «князья» вернулись домой и немедленно снарядились въ погоню за врагомъ. Кромѣ самаго Герденя тутъ были Гогортъ, Люмбей, Люгайло и прочіе «князья» Литовскіе—всего въ общей сложности отправилось въ погоню до 700 человѣкъ. Такъ разсказываетъ наша лѣтопись [100]). Двѣнадцать лѣтъ спустя, по разсказу Петра Дюсбургскаго нѣкій Пелюза, отверженный своимъ отцомъ, знатнымъ княземъ литовскимъ, вторгся въ Литву, захватилъ въ одномъ мѣстѣ около семидесяти литовскихъ царьковъ (regulos), собравшихся на свадьбу, и истребилъ ихъ съ женами и дѣтьми [101]). Такимъ образомъ, Мендовгъ и его сынъ Войшелкъ истребили и разогнали далеко не всѣхъ литовскихъ князьковъ и знатныхъ людей. То же самое нужно сказать и про избіеніе Пелюзы. Три года спустя послѣ этого избіенія встрѣчаемъ по разсказу нашей лѣто-

---

въ Литвѣ, и въ Налщанехъ; городы же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша въ своясн» (стр. 570). Такимъ образомъ и въ собственной Литвѣ, какъ и въ Пруссіи, мѣстные князьки и знатные люди имѣли укрѣпленія (срав. стр. 613, 614).

[99]) *Krumbholtz* Samaiten und der Deutsche Orden, s. 21—43; *J. Latkowskiego* Mendog, król Litewski, str. 81—101. Kraków 1892 (Osobnie odbicie z tomu XXVIII Rozpraw i sprawozdań Wydz. historychno-filozoficznego Ak. Umej. w Krakowie).

[100]) Полное Собраніе Русск. Лѣт., томъ VII, 166.

[101]) Scriptores rerum prussicarum, tomus I, p. 149.

писи князей Бурдикида и Будивида, заключающихъ миръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Васильковичемъ и уступающихъ ему свой городъ Волковыйскъ [102]).

Изъ всего этого видно, что и съ установленіемъ великаго княженія остались на Литвѣ люди, управлявшіе или руководившіе мѣстными обществами. Нѣкоторая часть ихъ уцѣлѣла до самыхъ позднихъ временъ съ значеніемъ мѣстныхъ князей. Таковы были, напр., упоминавшіеся выше князья въ Гольшанахъ, Гедройти, Свирѣ и т. д. Но большинство вошло въ составъ военно-служилаго класса новообразовавшагося государства—бояръ, какъ высшій его слой, изъ котораго преимущественно набирались различныя должностныя лица. Такой переходъ съ полною ясностью даетъ себя выслѣдить по источникамъ въ Жмудской землѣ. Въ той роли народныхъ вождей, въ какой въ XIII-мъ и даже отчасти въ XIV вѣкѣ являются жмудскіе *царьки* (kunige) [103]), или *знатные люди* (nobiles) [104]), къ концу XIV-го и въ началѣ XV-го вѣка выступаютъ уже жмудскіе *бояре* [105]). Несомнѣнно, что подобное же превращеніе прежнихъ *сильныхъ, знатныхъ, благородныхъ* людей въ *бояръ* имѣло мѣсто и въ собственной Литовской землѣ. Совершилось это,

---

[102]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 612, 613.

[103]) Scriptores rerum livonicarum, tomus I, p. 601—602 (Reimschronik 4625—4629, 4653—4671).

[104]) Характеризуя дѣятельность Людвига фонъ Либенцеля, какъ командира Рагнеты, Петръ Дюсбургскій говоритъ: Infra sex annos (1294—1300), quibus dicto castro prefuit, coegit omnes Lethowinos, qui supra litus Memele habitabant a fluvio Nare usque ad terram Lamutinam, ut pacem cum christianis haberent sub hiis pactis, ut certum censum singulis annis darent ei, Ecce mira res, quantacunque iis, tamen diligebunt eum in tantum, ut eciam *nobiles, per quos Samethia tunc regebatur,* populum communem contra regem Lithowinorum provocarent.., Nec unquam temporibus suis rex Lithowie cum Samethis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres (Scriptores rerum prussicarum I, p. 159).

[105]) См. выше перечень лицъ, выдавшихъ въ 1401 обязательство на вѣрность королю и коронѣ Польской. У Посилге подъ 1401 годомъ читаемъ: Anno domini 1401 am sontage noch epyphanie domini quomen ken Marienborg *die bestin bajorin* der lande von Samaythin (Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 340). О цѣли ихъ прихода узнаемъ изъ фрагмента одного орденскаго мемуара, разсказывающаго объ измѣнѣ Витовта: „woren czu Marienburg bei unserm homeister und boten in, das her die bajoren liesse bajoren bliben, die freien frei und die gebuwer gebuwer, und der maister gap das den landen allen einen brieff und gab in sulch recht als die Prussen in unsern landen haben (Monumenta medii aevi, t. VI, № CCXLI).

по всѣмъ соображеніямъ, уже при Гедиминѣ, когда вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ присоединеній русскій элементъ возобладалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала большіе успѣхи и культурная ассимиляція Литвы съ Русью, когда великій князь Литовскій сталъ именовать себя и Русскимъ и вошелъ, очевидно, въ чувства, воззрѣнія и права русскихъ князей по отношенію къ различнымъ классамъ литовскаго общества. Тогда-то, по всей вѣроятности, эти классы и получили русскія имена, тогда-то и появились на Литвѣ и *бояре*, и *смерды* [106]). При Ольгердѣ и Кейстутѣ эти имена являются уже извѣстными и нѣмцамъ, изъ разсказовъ которыхъ почерпаемъ довольно опредѣленныя данныя о боярахъ. Бояре выступаютъ по этимъ разсказамъ землевладѣльцами и при томъ иногда крупными. Такимъ землевладѣльцемъ является, напр., бояринъ Иванъ, захваченный въ плѣнъ рыцарями въ 1365 г. во время нападенія ихъ на Литву. У него былъ дворъ на р. Невяжѣ, были свои люди, которыхъ рыцари перебили на его дворѣ [107]). Въ военныхъ столкновеніяхъ съ Литвою рыцарямъ приходится чаще всего имѣть дѣло именно съ боярами литовскими, которые являются, такимъ образомъ, и военнымъ классомъ [108]). Нѣкоторые изъ этихъ бояръ являются даже начальниками въ тѣхъ укрѣпленныхъ городахъ, по близости отъ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такъ, напр., въ Веленѣ въ моментъ нападенія на нее рыцарей въ 1368 году начальствовалъ бояринъ Гаштольдъ съ Сурминомъ и Маттевикомъ. Онъ погибъ во время этого нападенія, послѣ чего и родъ его переселился въ окрестности Вилькомира [109]). Это свидѣтельство чрезвычайно любопытно, какъ указаніе на то, какъ рано великіе князья Литовскіе начали держаться обыкновенія отдавать въ держанье города мѣстнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ этомъ обыкновеніи нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса центральной власти съ тѣмъ значеніемъ и вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми они изстари пользовались въ мѣстныхъ обществахъ. Впрочемъ, къ тому же могло приводить и простое удобство подобныхъ назначеній какъ для самой центральной власти, такъ и для этихъ землевладѣльцевъ, которые получали возможность нести свою службу государству въ привычной географической и общественной обстановкѣ, не удаляясь отъ своего дома, семьи и хозяйства. Какъ бы то ни было, но послѣдствіе отсюда

---

106) Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 533.

107) Ibidem p. 552.

108) Ibidem, p. 536, 603 и др.

109) Ibidem, p. 540—547, 709—711.

выходило одно: мѣстные крупные землевладѣльцы уже въ качествѣ уполномоченныхъ агентовъ центральной власти продолжали быть для мѣстныхъ обществъ тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ въ старину, до созданія самой центральной власти,—т. е. вождями и руководителями, и даже сдѣлались болѣе того—правителями. Современные нѣмецкіе хронисты отчетливо замѣчали это значеніе мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ—бояръ, и потому иногда величаютъ ихъ *сатрапами* [110].

Но въ центрѣ государства до поры до времени они играли малую роль. Ихъ заслонили собою князья Гедиминова рода, получившіе въ управленіе цѣлые области государства. При Ольгердѣ и Кейстутѣ, какъ уже было сказано выше, всѣ важнѣйшіе общегосударственные вопросы разрѣшались частными и общими соглашеніями этихъ князей. Такимъ образомъ, напр., вопросъ о разграниченіи съ Мазовіею въ 1358 году разрѣшенъ былъ по совѣту и соглашенію Кейстута съ Ольгердомъ, Явнутомъ, Коріатомъ, Юріемъ и другими старшими князьями. Услуги бояръ потребовались только при производствѣ самаго разграниченія на мѣстѣ: нѣкоторые изъ нихъ назначены были вмѣстѣ съ княземъ Патрикѣемъ (сыномъ Кейстута) членами разграничительной коммиссіи съ литовской стороны [111]. Но по смерти Ольгерда роль бояръ становится болѣе замѣтною и въ центрѣ государства. Они присутствуютъ при совершеніи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ актовъ и перечисляются въ нихъ послѣ князей. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи Ягайломъ и Кейстутомъ договора съ нѣмцами въ 1379 году, кромѣ князей Лингвенья и Витовта, приложившихъ къ договорной грамотѣ свои печати, въ качествѣ свидѣтелей (geczuge) упоминается нѣсколько бояръ съ Ягайловой и Витовтовой стороны [112]. Но въ общемъ князья Гедиминовичи продолжаютъ попрежнему быть главными вершителями судебъ государства, какъ объ этомъ уже упоминалось выше, пока возгорѣвшаяся

---

[110]) Германъ Вартбергскій, разсказывая подъ 1367 годомъ о нападеніи Ливонскаго магистра на землю Упитскую, говоритъ: Excitus autem per hoc rex Letwinorum filium suum congregata malvia *cum melioribus regni satrapis* exploratum emisit... Разсказывая подъ 1378 годомъ о другомъ нападеніи ливонскихъ рыцарей на Упитскую землю, говоритъ: Fuit eciam tunc capta uxor Villegaylen *satrape* cum filia tribusque aliis filiis, item Schoweminne cum filio, item Monthewinne, item Rankene et Dunghele, Billene et Heghert (Scriptores rerum prussicarum, tomus II, p. 88, 116).

[111]) *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 207—209. Lwów 1870.

[112]) Jorge Kasusna, Waydelo, Iwan Augmenten son, Buseke, Saymunt Girdutten son, Jadut Surkanten son unde andir vil unsir Baiaren... *Raczyńckiego* Kodex dyplomatychny Litwy, str. 55.

между этими князьями междоусобная борьба и затѣмъ унія съ Польшею не вызываютъ къ политической самодѣятельности и бояръ и не даютъ имъ возможность проявить на дѣлѣ свою силу и общественно-политическое значеніе. Крушеніе, постигшее областныхъ князей Гедиминовичей къ концу XIV в., бывшее отчасти послѣдствіемъ этого выступленія литовскаго боярства на политическое поприще, очищаетъ этому боярству мѣсто при великомъ князѣ, въ высшемъ совѣтѣ государства. Первостепенные литовскіе бояре становятся на ряду съ уцѣлѣвшими князьями ближайшими совѣтниками и сотрудниками великаго князя, а когда представляются особенно важныя дѣла, собирается весь сонмъ литовскаго боярства и рѣшаетъ судьбы государства.

Мы подошли теперь къ окончательному отвѣту касательно причинъ, обусловившихъ возникновеніе учрежденія, исторію котораго мы изучаемъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что когда сложилось литовско-русское государство, въ немъ оказалась значительная наличность крупныхъ землевладѣльцевъ съ политическимъ вліяніемъ и нерѣдко съ политическою властью (князья, великокняжескіе намѣстники изъ бояръ) въ мѣстныхъ обществахъ. Особенно много было такихъ людей въ собственной Литовской землѣ (включая сюда и Жмудь) и съ нею объединенной Руси. Внѣшнія опасности заставили всѣхъ этихъ мѣстныхъ вождей сомкнуться воедино и сплотиться вокругъ одного старшаго, или великаго, князя, и его родственниковъ. Пока этотъ князь и его родственники правильно служили національнымъ интересамъ, и мѣстные вожди охотно подчинялись имъ и служили вѣрою и правдою. Они не только ходили по ихъ зову на войну, но несли въ пользу ихъ и другія повинности, напр., давали имъ кормы, когда они останавливались въ мѣстности, строили и ремонтировали укрѣпленія, мосты и дороги, давали деньги на государственныя нужды и даже посылали своихъ людей работать въ ихъ усадьбахъ [113]). Великій князь вершилъ всѣ государственныя дѣла по совѣту и соглашенію съ своими родными, не встрѣчая со стороны другихъ князей и бояръ противодѣйствія. Но когда совѣтъ и согласіе покинули правящій княжескій родъ вмѣстѣ съ должнымъ пониманіемъ національныхъ интересовъ, тогда и мѣстные вожди литовско-русскаго общества проявили политическую самодѣятельность и заставили своихъ государей признать за ними право на участіе при распоряженіи судьбами государства. Такъ и возникъ литовско-русскій сеймъ, какъ органъ, черезъ который это право должно было осуществляться въ жизни.

---

[113]) Объ этомъ можно заключать по тѣмъ привилегіямъ, которые получили литовскіе бояре въ 1387 и 1413 г.

Возникновеніе этого учрежденія облегчено было двумя обстоятельствами: неразвитостью великокняжеской власти и воздѣйствіемъ порядка, дѣйствовавшаго въ томъ государствѣ, съ которымъ соединилась Литва. Не смотря на то, что великокняжеская власть на Литвѣ въ разсматриваемый моментъ считала за собою около полтораста лѣтъ возраста, она все еще носила преимущественно военно-политическій, а не гражданскій характеръ. Великій князь Литовскій въ своемъ наскоро и слабо объединенномъ государствѣ не успѣлъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сталъ великій князь Московскій послѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, и все еще былъ болѣе главнымъ вождемъ, самымъ сильнымъ и вліятельнымъ среди другихъ вождей, чѣмъ владѣтельнымъ государемъ своего государства. Этимъ и объясняется между прочимъ тотъ фактъ, что не существовало никакого порядка въ преемствѣ его власти, и на великокняжескій столъ садился всякій разъ тотъ, кто въ данный моментъ былъ сильнѣе и вліятельнѣе другихъ князей. При такихъ условіяхъ великіе князья не могли чувствовать себя и сознавать полными собственниками и устроителями своего государства, не могло признавать ихъ таковыми и литовское общество. Поэтому и всѣ важнѣйшія дѣла государства великіе князья должны были рѣшать по совѣту и согласію съ другими сильными и вліятельными вождями общества. Послѣ разгрома, постигшаго въ концѣ XIV вѣка крупныхъ, областныхъ князей, таковыми вождями оказались князья волостные и бояре, и великіе князья принуждены были сообща съ ними устроивать судьбу государства, соединяя его съ Польшею. Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ потребовалось тѣмъ болѣе, что съ польской стороны въ качествѣ договаривающейся стороны выступили не только лица, коимъ принадлежала корона, но также епископы и высшіе свѣтскіе сановники—паны. Эти епископы и высшіе сановники вмѣстѣ съ шляхтою и впредь имѣли на своихъ сеймахъ рѣшать важнѣйшіе вопросы, связанные съ уніею обоихъ государствъ. Ясное дѣло, что по требованіямъ равноправности, провозглашеннымъ въ актѣ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ рѣшеніи такихъ вопросовъ участвовать собраніе, подобное польскому сейму, благо что и въ литовскомъ обществѣ были налицо элементы, сходные съ польскими панами и шляхтою [114]).

---

[114]) Польскій сеймъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и представителей отъ крупныхъ «мѣстъ» въ то время уже собирался довольно часто и рѣшалъ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики и внутренняго управленія. См. *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów, str. 32—38, 44—46. Kraków 1898 (Osobnie odbicie z Rozpraw Wydz. histor.-filoz. Ak. Umiej., tomus XXXVIII).

Итакъ, литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особеннаго соціально-политическаго строя великаго княжества, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ сходство *съ феодализмомъ* западно-европейскихъ обществъ [115]). Въ этомъ уподобленіи нельзя не признать значительной доли истины, по скольку здѣсь разумѣется не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ, а тотъ порядокъ, на почвѣ котораго выросъ настоящій феодализмъ. Если такъ, то и первоначальный литовско-русскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ князей и пановъ, является аналогіею къ тѣмъ собраніямъ епископовъ и бароновъ, изъ которыхъ развились западно-европейскія представительныя учрежденія. Какъ и въ этихъ учрежденіяхъ, такъ и въ литовско-русскомъ сеймѣ съ самаго начала получили мѣсто тѣ землевладѣльцы, за которыми была вооруженная сила, вліяніе и власть въ окружающемъ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ литовско-русскій сеймъ разошелся съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Въ послѣднихъ съ теченіемъ времени получили мѣсто представители сословія, возвысившагося силою мирнаго труда, капитала, интеллекта и крѣпкой общинной организаціи. Въ литовско-русскомъ сеймѣ остались одни только военно-служилые землевладѣльцы разныхъ разрядовъ, если не считать католическихъ бискуповъ, которые выходили изъ того же класса, и въ концѣ концовъ онъ подошелъ близко къ польскому сейму, который съ теченіемъ времени также сдѣлался въ сущности односословнымъ учрежденіемъ.

---

115) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 24—26 (Оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій 1885 года); *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 312, 313 (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. VIII, Кіевъ 1886).

ГЛАВА II.

Національно-политическая борьба въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XV в. и происхожденіе „великаго вальнаго сойма“.

§ 1. Положеніе, занятое литовскою боярскою знатью и высшимъ католическимъ духовенствомъ въ обществѣ и государствѣ послѣ Городельской уніи; политическое господство собственной Литвы. — § 2. Разрывъ съ Польшею и сближеніе правящей литовской знати съ русскими князьями и боярами; возведеніе на великое княженіе Свидригайла и политическое возвышеніе русскихъ князей и бояръ.—§ 3. Реакція со стороны Литвы: возведеніе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича и новая унія съ Польшею; компромиссъ съ «Литовскою Русью»: привилей 15 окт. 1432 года.—§ 4. Борьба Свидригайла и русскихъ областей великаго княжества съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ и Литвою; привилеи, полученные литовцами и русскими во время этой борьбы и ихъ значеніе для дальнѣйшаго внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства.—§ 5. Возведеніе на великое княженіе Казимира и неустойчивость его первоначальнаго положенія на Литвѣ; земскій привилей 2 мая 1447 года и его значеніе въ соціально-политической исторіи великаго княжества Литовскаго. —§ 6. Сепаратистическія движенія областей Литовско-Русскаго государства въ великокняженіе Казимира и ихъ усмиреніе; новые привилеи областей и распространеніе въ нихъ польскаго шляхетскаго права.—§ 7. Литовско-русскіе сеймы въ великокняженіе Казимира; начало «великаго вальнаго сойма».—§ 8. Сеймы при Александрѣ; великіе вальные соймы 1492, 1499, 1505 и 1506 г. и ихъ составъ.—§ 9. Соціально-политическая организація областныхъ обществъ, какъ условіе происхожденія и первоначальнаго состава «великаго вальнаго сойма».—§ 10. Резюме и общіе выводы.

§ 1.

Въ предшествующей главѣ мы установили, что въ поправкахъ Кревской уніи 1385 года выдающаяся роль, кромѣ самого Витовта и второстепенныхъ литовско-русскихъ князей, принадлежала и высшему литовскому боярству изъ Литвы и соединенной съ нею Руси, составлявшихъ великое княжество въ тѣсномъ и древнѣйшемъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ унія великаго княжества съ Польшею установилась окончательно на Городельскомъ сеймѣ 1413 года, соціально-политическое значеніе высшаго литовскаго боярства, обусловливавшее его выдающуюся роль при установленіи уніи, еще болѣе возросло. Городель-

ская унія принесла съ собою этому классу цѣлый рядъ правъ и вольностей, которыя не только юридически оформили и закрѣпили, но до извѣстной степени и возвысили положеніе, занятое имъ въ обществѣ и государствѣ. Дарованіе правъ и вольностей было необходимымъ, такъ сказать, логическимъ постулятомъ уніи и потому вошло въ самый ея актъ. Унія устанавливала включеніе Литвы въ корону Польскую, если не полное уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ большое ограниченіе политической самобытности великаго княжества. Чтобы такой сильный и вліятельный классъ великаго княжества, какъ высшее литовское боярство, могъ согласиться на подобную унію, необходимо было, чтобы эта унія давала ему какія-либо выгоды и во всякомъ случаѣ не ставила его въ положеніе низшее по сравненію съ соотвѣтствующимъ классомъ Польши. Къ сравненію высшаго литовскаго боярства въ правахъ и вольностяхъ съ польскою шляхтою и направленъ актъ Городельской уніи.

Переходя къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить фактъ консолидаціи высшаго литовскаго боярства, какъ извѣстнаго *сословія.* Городельскій привилей превратилъ высшее литовское боярство изъ класса, *фактически* пользовавшагося властью, политическимъ вліяніемъ и почетомъ, въ сословіе, члены котораго получали на все это *право* въ силу своего рожденія, въ силу принадлежности къ той или другой фамиліи. Совершилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу видныхъ литовскихъ боярскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты вмѣстѣ съ разными правами и вольностями. Такимъ путемъ литовская боярская знать обособилась внѣшнимъ образомъ отъ остальной боярской массы и выдѣлилась, какъ привилегированный его слой.

Данныя этому сословію права и вольности прежде всего укрѣпили и усилили его положеніе, какъ землевладѣльческаго класса. Привилей 1413 года гарантировалъ литовскимъ «баронамъ и знатнымъ боярамъ», принявшимъ католическую вѣру и получившимъ польскіе шляхетскіе гербы, ненарушимое владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и свободное распоряженіе ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей. Конечно, фактически литовская боярская знать и прежде владѣла своими имѣніями наслѣдственно, какъ о томъ было уже сказано нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторые изъ литовскихъ бояръ носили даже и прозвища отъ своихъ имѣній, напр. Юрій, или Бутримъ, съ Жирмунъ, Михаилъ, или Минигайло, съ Девенишекъ и

---

[1]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 550, 551.

т. д.[2]). Но при всемъ томъ, по всѣмъ признакамъ, недостаточно еще выяснилось самое *право* литовской боярской знати на свои земельныя имущества, и понятіе о земельной боярской собственности не отдѣлилось еще въ должной степени отъ владѣнія по допущенію или пожалованію верховнаго владѣтеля государственной территоріи—великаго князя. Это обстоятельство на практикѣ, вѣроятно, приводило иногда къ отобранію земель у того или другого владѣльца по простому желанію великаго князя, къ ограниченію въ распоряженіи ими. Теперь высшее литовское боярство получило отъ великаго князя удостовѣреніе въ томъ, что этого впредь не будетъ, что своими отчинами и выслугами оно будетъ владѣть неприкосновенно и свободно распоряжаться ими. Но эта гарантія въ свою очередь усиливала экономическую независимость литовской землевладѣльческой знати отъ великаго князя, а такимъ путемъ повышала и ея политическое значеніе, въ особенности если принять во вниманіе, что въ рукахъ этой знати были довольно крупныя имѣнія (привилей 1387 года предполагалъ во владѣніи литовскихъ бояръ castra, districtus, villas atque domos [3]). Въ томъ же направленіи дѣйствовало и освобожденіе литовскихъ привиллегированныхъ бояръ отъ барщинныхъ работъ въ великокняжескихъ дворцовыхъ хозяйствахъ. Увеличеніе экономической независимости литовской знати неминуемо приводило къ возвышенію ея положенія и по отношенію къ другимъ классамъ литовско-русскаго общества, не пользовавшимся таковою же независимостью.

Привилей 1413 года укрѣпилъ и усилилъ положеніе литовской боярской знати не только, какъ землевладѣльческаго, но и какъ правительственнаго класса литовско-русскаго общества. Выше было уже указано на то, что съ устраненіемъ областныхъ князей отъ власти ихъ мѣсто при особѣ великаго князя и въ областяхъ заняли частью второстепенные литовско-русскіе князья, но главнымъ образомъ литовскіе бояре. Привилей 1413 года устанавливалъ, какъ правило, что на должности воеводъ, каштеляновъ и проч. должны назначаться изъ бояръ впредь только католики; они же исключительно должны допускаться и къ совѣщаніямъ при великомъ князѣ (ad consilia nostra), когда дѣло будетъ идти о благѣ государства. Но католикъ и знатный литовскій бояринъ въ данномъ случаѣ являются почти синонимами. Извѣстно, что еще 22 февраля 1387 года Ягайло приказалъ всѣмъ «родовитымъ»

---

[2]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCXXI; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 173; Scarbiec diplomatów I, № 959.

[3]) Zbiór praw litewskich, str. 1.

литовцамъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, принять католическую вѣру и присоединиться къ римской церкви подъ угрозою тѣлесныхъ каръ [4]). Русскія лѣтописи сохранили извѣстіе, что только «два болшая литвина Ягайлова, крещени въ крестьянскую вѣру» не захотѣли принять латинскую вѣру и за то были наказаны смертью [5]). Остальные, по всѣмъ признакамъ, подчинились требованію Ягайла. Если такъ, то и вышеприведенныя политическія привилегіи, имѣвшія въ виду католиковъ, въ сущности распространялись на литовскую боярскую знать. Эти привилегіи несомнѣнно укрѣпляли и усиливали ея положеніе, какъ правительственнаго класса: то, чѣмъ она пользовалась прежде de facto, становилось ея достояніемъ de jure.

Если отъ анализа привилея 1413 г. перейдемъ къ практикѣ литовской государственной жизни послѣ 1413 г., то найдемъ не мало подтвержденій высказаннымъ соображеніямъ. Высшее литовское боярство въ теченіе всего великокняженія Витовта сохраняетъ занятую имъ и укрѣпленную привилеемъ 1413 года позицію. На всѣхъ видныхъ административныхъ постахъ великаго княжества источники послѣ 1413 г. указываютъ знатныхъ литовскихъ бояръ, изрѣдка князей. Такимъ образомъ, воеводою Виленскимъ является сначала панъ Войтехъ Монивидъ (до 1424—1425), а затѣмъ—панъ Юрій Гедигольдъ (съ 1425—1426 г.); воеводою Троцкимъ — Янъ или Явнисъ; каштеляномъ Виленскимъ—сначала панъ Минигайло (до 1416—1419), а потомъ Остикъ Кристинъ; каштеляномъ Троцкимъ—Янъ Сунигайло; старостою Жмудскимъ—Михаилъ Кезгайло; воеводою Кіевскимъ—кн. Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій [6]); намѣстникомъ Новгородскимъ—панъ Петрашъ Монтыгирдовичъ [7]); Полоцкимъ—Товтко (Thoyto); Витебскимъ—Румбольдъ, Смоленскимъ—Янъ Бутримъ, а затѣмъ Юрій Гедигольдъ (въ 1424—1425 г.), Городенскимъ—Михайло Монтвидъ [8]), Ковенскимъ—сначала Сунгайло въ 1414 и 1415 гг.), а затѣмъ—Матисъ Шедиборъ (въ 1418 г.), позднѣе являющійся намѣстникомъ Вилкомирскимъ; намѣстникомъ Подоль-

---

[4]) *Wapowskiego* Dzieje korony Polskiey i W. K. Litewskiego, wyd. i tłumacz. Malinowskiego, tom. I, str. 74, nota I. Warszawa 1845.

[5]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 95; V, 242.

[6]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 18, 55, 56, 62, 72, 77, 91.

[7]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCDXVIII; XII, № 180. Senatorowie i dygnitarze, str. 34.

[8]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litwaniae, tomus IV, p. 115. Vilnae MDCCLXIV. Senatorowie i dignitarze, str. 49.

скимъ видимъ пана Юрія Гедигольда [9]), Солечницкимъ (1422 г.) Александра Монтовта; Дорсунишскимъ Ивашка Гаштольда [10]) и т. д. На вновь учрежденныхъ по польскому образцу придворныхъ должностяхъ видимъ также знатныхъ литовскихъ бояръ. Маршалкомъ земскимъ при Витовтѣ является Румбольдъ [11]); маршалками дворными (marschalci curiae)—Юрій Бутримъ съ Жирмунъ, Петрашъ (Монтыгирдовичъ?), Радивилъ, Янъ Гаштольдъ [12]) и т. д.

Но не только на отдѣльныхъ должностяхъ и въ будничной правительственной работѣ сотрудничаетъ высшее литовское боярство съ великимъ княземъ. Послѣдній не рѣшаетъ безъ совѣщанія съ этимъ боярствомъ ни одного, сколько-нибудь изъ ряда выходящаго государственнаго дѣла. Въ 1421 году, въ бытность короля Ягайла въ Литвѣ, явилось торжественное посольство отъ гусситовъ съ предложеніемъ ему чешской короны. Когда Ягайло категорически отказался отъ нея, послы обратились съ тѣмъ же предложеніемъ къ Витовту. По разсказу Кояловича предложеніе пословъ слушалось публично въ собраніи литовской знати (in senatu), созванной тогда на сеймъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ (indicta ordinum Lithuaniae conventu). Этотъ разсказъ подтверждается однимъ современнымъ извѣстіемъ, идущимъ со стороны ливонскихъ нѣмцевъ. Гонецъ, отправленный однимъ изъ орденскихъ начальниковъ къ воеводѣ Виленскому Монивиду, какъ онъ самъ доносилъ, нашелъ воеводу въ Трокахъ, гдѣ были Ягайло и Витовтъ со множествомъ бояръ и князей (mit vil beiaren und hertigen) [13]). Вслѣдствіе заявленнаго литовскою знатью нежеланія впутываться въ международныя осложненія Витовтъ отвѣчалъ гусситскимъ посламъ, что онъ не отказывается отъ чешской короны, если только чехи примирятся съ господствующею церковью, а пока пусть возьмутъ къ себѣ его племянника Сигизмунда Корибутовича, который и будетъ защищать ихъ отъ

---

[9]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCVIII, DCXLV, DCLI, DCCLXXXIV, MCL, MCCVI; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 7.

[10]) Dogiel, loco citato.

[11]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № DLXI, MCCCLXII; tomus XII, № 180; *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317. Wrocław 1845.

[12]) Senatorowie i dygnitarze, str. 173; Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317; *Daniłowicza* Scarbiec diplomatów II, № 1427, 1515, 1516; Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXXI; Dogiel, tomus IV, p. 115.

[13]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXXXII.

Сигизмунда. На этомъ же сеймѣ подтверждена была фундація бискупства Жмудскаго и католическихъ костеловъ на Жмуди, по словамъ Кояловича, для того, чтобы она имѣла болѣе силы и значенія у потомковъ [14]). Едва ли, однако, къ этому не привели соображенія политическаго характера. Дѣло въ томъ, что крестоносцы не переставали утверждать предъ папою и Констанцскимъ соборомъ, что Жмудь остается въ язычествѣ, хотя уже было въ 1417 году учреждено епископство въ Жмуди, поставлены костелы въ Эйраголѣ, Крожахъ, Росейняхъ, Видукляхъ, Веленѣ, Колтынянахъ, Лукникахъ и въ другихъ селеніяхъ, хотя съ заявленіемъ объ этомъ и съ просьбою объ утвержденіи новаго епископства ѣздили послы отъ самой Жмуди въ Констанцъ въ 1418 г. [15]). Утверждая, что Жмудь остается еще въ язычествѣ, крестоносцы хотѣли придать не только юридическое, но и религіозно-нравственное оправданіе своимъ стремленіямъ оторвать Жмудь отъ Литвы и утвердить въ ней свое господство, долженствующее повлечь и насажденіе въ ней христіанства. Въ своемъ утвержденіи крестоносцы опирались до извѣстной степени на дѣйствительное положеніе вещей. На другой же годъ послѣ утвержденія епископства въ Жмуди, когда вниманіе Витовта было отвлечено дѣлами внѣшней политики, въ Жмуди произошла сильная языческая реакція. Простой народъ, возбуждаемый бывшими жрецами частью перебилъ, частью повыгналъ изъ страны великокняжескихъ урядниковъ и католическихъ ксендзовъ, осквернилъ и поджогъ христіанскіе храмы. Витовтъ отрядилъ войско, которое подавило возстаніе и принудило жмудиновъ вернуться къ христіанству, при чемъ 60 зачинщиковъ были казнены. Но лишь только войско Витовта вышло изъ страны, простой народъ почти поголовно возсталъ на бояръ, которые оставались вѣрными христіанству и содѣйствовали усмиренію мятежа. Витовту вторично пришлось, и на этотъ разъ уже лично, подавлять мятежъ въ Жмуди. Чтобы засвидѣтельствовать предъ западнымъ христіанствомъ о прочномъ насажденіи христіанства въ Жмуди, Витовтъ рѣшилъ подтвердить фундацію епископства Жмудскаго особымъ актомъ, совершеннымъ въ собраніи литовской знати и подкрѣпленнымъ ея свидѣтельствомъ. Его маневръ удался, и папа, признавъ совершившійся фактъ насажденія христіанства въ Жмуди, буллою отъ 3 октября 1421 года санкціонировалъ учрежденіе новаго епископства [16]).—Въ

---

[14]) Historiae Litvanae pars II, p. 111, 112.

[15]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 95, 104.

[16]) *Ks. bis. M. Wolonczewskiego* Biscupstwo Żmujdzkie, str. 24—26. Kraków 1898.

1426 году Витовтъ съ своими князьями и старшими литовскими боярами (cum omnibus Ducibus et Bojaris majoribus) принималъ польскихъ пословъ, прибывшихъ къ нему по дѣлу объ уступкѣ Прусскому Ордену мельницы Любича. Витовтъ обѣщалъ магистру выхлопотать для него эту мельницу у Ягайла и поляковъ. Но это возбудило сильное неудовольствіе Ягайла и его совѣтниковъ, что въ свою очередь разсердило Витовта, который обѣщалъ магистру уступить ему Полонгу на Жмуди, если поляки не согласятся отдать ему Любичъ. Прослышавъ о посольствѣ Витовтъ и собралъ на всякій случай своихъ князей и бояръ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій въ случаѣ отказа поляковъ [17]).—Когда въ 1427 году прибыли къ Витовту новгородскіе послы съ богатыми дарами для него и его бояръ, Витовтъ, по донесенію орденскаго шпіона, собиралъ къ себѣ во дворецъ всѣхъ высшихъ бояръ для переговоровъ съ новгородскими послами [18]); до чего договорились на этомъ собраніи, шпіонъ не могъ разузнать, ибо совѣщанія велись въ строгой тайнѣ.—Въ 1429 году, послѣ того, какъ Ягайло отказалъ Витовту въ своемъ согласіи на вѣнчаніе его королевскою короною, ссылаясь на то, что это противорѣчитъ положенію, занимаемому великимъ княжествомъ въ силу уніи съ Польшею, Витовтъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ вмѣстѣ съ своими подданными обсуждать, какимъ образомъ избѣжать того посрамленія и неволи, какими король Польскій пытался покрыть его самого и его земли [19]). Эти совѣщанія въ концѣ концовъ привели Витовта къ рѣшенію короноваться въ короли вопреки волѣ Ягайла и поляковъ. Но и этого рѣшительнаго шага Витовтъ не захотѣлъ сдѣлать безъ поддержки своихъ бояръ. Поэтому къ назначенному дню коронаціи съѣхалось было много князей и пановъ изъ Литвы и Руси [20]). Хотя самая коронація, какъ извѣстно, не состоялась, но во всякомъ случаѣ самый фактъ созыва на коронацію литовскихъ пановъ (barones) остается весьма характернымъ въ кругѣ явленій, подлежащихъ въ настоящемъ случаѣ нашему разсмотрѣнію.

По условіямъ уніи, подтвержденной въ Городлѣ, дѣла, касавшіяся общихъ интересовъ Польши и Литвы, впредь должны были обсуждаться и рѣшаться на совѣщаніяхъ или сеймахъ (conventiones et parlamenta) пановъ и шляхты соединенныхъ государствъ. Литовская боярская знать

---

[17]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIII, p. 339.

[18]) Und Vytovt hadde to der tid sin *upersten Beyaren* all to hope gheladen. Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCLIX.

[19]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCLVIII.

[20]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIII, p. 406.

дѣйствительно нерѣдко участвовала въ такихъ общихъ польско-литовскихъ сеймахъ послѣ 1413 г. Унія такъ тѣсно связала Литву съ Польшею, что все важное, происходившее въ Польшѣ и касавшееся ея интересовъ, такъ или иначе, но всегда довольно близко, затрогивало и интересы великаго княжества, и обратно. Поэтому Ягайло и его польскіе совѣтники довольно часто привлекали Витовта и литовскихъ «бароновъ» къ совмѣстному обсужденію и рѣшенію различныхъ государственныхъ вопросовъ, большею частью по внѣшней политикѣ Польши и Литвы, и довольно часто устроивали общіе польско-литовскіе «сеймы». Такой «вальный сеймъ» (dieta generalis) происходилъ, напр., въ Люблинѣ, во второй половинѣ августа 1421 года. Ягайло и Витовтъ съѣхались туда, каждый съ большимъ числомъ пановъ радныхъ (in frequentia consiliariorum), для рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно чеховъ, предлагавшихъ корону своего госудурства Ягайлу и потомъ, послѣ его отказа, Витовту [21]).— Въ слѣдующемъ году литовскіе паны вмѣстѣ съ нѣсколькими литовско-русскими князьями и представителями столичнаго города Вильны сообща съ польскими панами и представителями крупныхъ польскихъ мѣстъ участвовали въ заключеніи мирнаго договора съ Прусскимъ орденомъ при озерѣ Мельнѣ и выдавали поручительство въ томъ, что договоръ будетъ точно выполняться ихъ государями. Литовскіе князья, паны и Виленскіе мѣщане, участвовавшіе въ заключеніи договора, какъ сторона, очевидно, прибыли въ составѣ литовскаго войска, вмѣстѣ съ польскимъ воевавшаго тогда съ Прусскимъ Орденомъ. Въ договорномъ актѣ показаны слѣдующія лица: Свидригайло-Болеславъ, князь Черниговскій, Сигизмундъ, князь Стародубскій; Матвѣй, бискупъ Виленскій, и Николай, избранный бискупъ Жмудскій (Мѣдницкій); Александръ (Олелько) Владиміровичъ, Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Ѳедоръ Корибутъ, Юрій Лингвеньевичъ, Иванъ Святославичъ, Семенъ Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Михаилъ Ивановичъ, кіевскій намѣстникъ, Григорій Семеновичъ и Иванъ Путята—князья изъ Литвы и Руси; бароны Литвы: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Кристинъ Остикъ, каштелянъ Виленскій (въ актѣ неправильно: capitaneus), Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло (въ актѣ: Skirgall), староста Жмудскій, Янъ Сунигайло (въ актѣ: Swidrigal), каштелянъ Троцкій, староста Ковенскій; какой-то Wiowe Бартошевичъ (Bratoschec), Янъ Немиръ (въ актѣ: Weymier), Михаилъ Waszusz, Юрій Бедигольдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко Полоцкій; мар-

---

[21]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 274.

шалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтъ, Дорсунишскій (Durazenevsis) Ивашко Гаштольдъ (Guzald), Городенскій Михаилъ Монтвидъ, Янъ Грихальдъ [22]). Разбирая этотъ перечень, мы видимъ, что въ заключеніи договора съ нѣмцами принимали участіе все тѣ же классы литовско-русскаго общества, которые играли крупную роль въ поправкахъ уніи 1385 г. и послѣ разгрома областныхъ князей заняли первое мѣсто подлѣ великаго князя, то-есть, второстепенные литовско-русскіе князья и первостепенные литовскіе бояре. Изъ князей сравнительно крупнымъ владѣльцемъ былъ Свидригайло, незадолго предъ тѣмъ получившій отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ [23]). Остальнымъ принадлежали маленькія княжества: Александру Владиміровичу Слуцкъ, брату его Ивану [24])—Бѣлая въ Смоленской землѣ, Андрею Владиміровичу—имѣнья по близости отъ Слуцка, Семену Ивановичу съ братомъ Михаиломъ—Гольшаны; кн. Ивану Семеновичу, Григорію Семеновичу и Ивану Путятѣ—Друцкъ; кн. Юрій Лингвеньевичъ жилъ еще, вѣроятно, при отцѣ въ Мстиславлѣ; кн. Өедоръ Корибутовичъ и Иванъ Святославичъ Смоленскій, шуринъ Витовта, едва ли не находились на иждивеніи сего послѣдняго [25]). Большинство должностныхъ лицъ великаго княжества, фигурирующихъ въ договорномъ актѣ 1422 года, являются все изъ того же круга знатнаго литовскаго боярства, которое и прежде выступало на политической аренѣ.—На слѣдующій годъ послѣ заключенія мира при озерѣ Мельнѣ литовскіе паны радные (consiliarii) вмѣстѣ съ Витовтомъ и польскими панами пріѣзжали въ Велюнъ для заключенія дополнительнаго трактата съ уполномоченными Ордена и проведенія границъ между Польшею и Литвою съ одной стороны и Орденомъ съ другой согласно договору [26]).—Лѣтомъ 1424 литовскіе паны участвовали въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Сѣрадзи, на которомъ вырабатывались различныя мѣропріятія противъ распространенія гуситской ереси въ Польшѣ и Литвѣ. Сеймъ этотъ отличался, если судить по

---

[22]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniæ et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115. Актъ напечатанъ или по неисправной или по плохо разобранной рукописи. Мы старались, по возможности, исправить чтеніе именъ, сообразуясь съ другими современными и позднѣйшими актами.

[23]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 65.

[24]) Иванъ ошибочно въ договорѣ 1422 года названъ Казимировичемъ.

[25]) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 3, 59, 61, 96, 97, 263, 327, 337, 405, 459, 461.

[26]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 314.

эдикту его постановленій, экстраординарною полнотою. На немъ присутствовали прелаты, князья, паны и разные сановники (proceres) шляхта, бояре и земяне, слуги (homagiales, vasalli), мѣщане и посполь-ство (communitates). Трудно сказать, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала этому перечню, и въ какой степени этотъ перечень опредѣлился редакціоннымъ стремленіемъ придать эдикту особую обязательность и силу. Во всякомъ случаѣ участіе прелатовъ, князей, пановъ и шляхты на этомъ сеймѣ является несомнѣннымъ [27]).—Литовская боярская знать участвовала и въ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ (conventio generalis), собиравшемся осенью 1425 года въ Берестьѣ Литовскомъ. Сюда съѣзжались, по словамъ Длугоша, Ягайло и Витовтъ съ прелатами, князьями, панами и боярами Польши и Литвы (praelati, principes, barones, bojari). Сеймъ собирался для суда надъ Мазовецкимъ княземъ Земовитомъ, который сталъ оказывать непослушаніе королю [28]).

Всѣ эти факты въ общей сложности показываютъ, что высшее литовское боярство являлось постояннымъ участникомъ разнообразныхъ собраній, устраивавшихся для рѣшенія важныхъ государственныхъ вопросовъ Ягайломъ и Витовтомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ собраній по количеству участвовавшихъ въ нихъ лицъ были несомнѣнно *сеймами*, т. е. чрезвычайными съѣздами всѣхъ или большинства лицъ, имѣющихъ власть и значеніе въ обществѣ. На этихъ собраніяхъ съ литовской стороны участвовали и другіе общественные элементы—князья, высшее духовенство, а изрѣдка даже и мѣщане. Но постояннымъ и главнымъ участникомъ ихъ является знатное литовское боярство. Видно, что оно выросло и окрѣпло, какъ общественная сила, и сдѣлалась устойчивымъ факторомъ политической жизни страны. Въ этомъ отношеніи знатное литовское боярство, по всѣмъ признакамъ, начинало брать верхъ даже надъ литовско-русскими князьями. Послѣдніе также участвовали въ рѣшеніи различныхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни, но гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По мѣсту своего жительства большинство князей было болѣе удалено отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, чѣмъ знатное литовское боярство. Разбросанные по своимъ имѣньямъ и сосредото-

---

[27]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCLV. Въ концѣ эдикта именно прелаты, князья, паны и шляхта заявляютъ, что настоящими постановленіями они не имѣютъ въ виду нарушить въ чемъ-нибудь или умалить свои земскія права. Ср. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 147.

[28]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 335.

чившіеся главнымъ образомъ на судебно-административной и хозяйственной дѣятельности въ своихъ имѣніяхъ, литовско-русскіе князья въ большинствѣ сравнительно мало имѣли дѣла съ центромъ и съ производившеюся въ немъ и около него правительственною дѣятельностью; мало имѣли и взаимнаго единенія и общихъ интересовъ. Прошло то время, когда великій князь Литовскій держалъ всѣ земли своего государства при помощи родственныхъ князей и сообща съ этими родственниками и вершилъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Эта система оказалась, какъ мы уже говорили, неудобною и великій князь Литовскій сталъ держать земли великаго княжества главнымъ образомъ при помощи своихъ намѣстниковъ изъ знатнаго литовскаго боярства, которое въ трудную минуту оказало ему поддержку. Князьямъ же родственникамъ предоставлены были сравнительно небольшія волости, и притомъ не столько въ общегосударственныхъ интересахъ, какъ ранѣе давались князьямъ области, сколько въ ихъ личныхъ, для прокормленья ихъ. По этимъ владѣніямъ, разбросаннымъ по отдаленнымъ областямъ государства, Гедиминовичи естественно стали соединяться не столько съ тѣмъ, что группировалась вокругъ великаго князя, сколько съ окружавшими ихъ мѣстными землевладѣльцами, среди которыхъ не мало было также князей другихъ династій. Нѣкоторые изъ Гедиминовичей позже прямо низошли на положеніе титулованныхъ землевладѣльцевъ областей великаго княжества и, какъ таковые, получили извѣстное мѣсто въ ихъ политической организаціи. Таковы были, напр., кн. Сангушки, потомки кн. Ѳедора Ольгердовича, кн. Чорторыйскіе, потомки Константина Ольгердовича, и кн. Корецкіе, потомки кн. Александра Патрикѣевича (Наримунтовича),—крупные землевладѣльцы Волынской земли, ходившіе съ своими отрядами въ ея ополченіи, участвовавшіе въ мѣстныхъ «соймахъ» и державшіе высшіе уряды въ этой землѣ [29]). Но если литовско-русскіе князья при Витовтѣ разсыпались по областямъ, литовская боярская знать, наоборотъ, сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и, все болѣе и болѣе сближаясь въ этомъ центрѣ и проникаясь общими интересами и стремленіями, выростала въ первенствующую послѣ великаго князя политическую силу.

При Ягайлѣ и Витовтѣ въ рядахъ правительственнаго класса великаго княжества Литовскаго нашло себѣ мѣсто и высшее католическое духовенство, т. е. «князья бискупы». Католическое епископство

---

[29]) О князьяхъ русской династіи и говорить нечего: тѣ издавна связаны были болѣе съ областями, чѣмъ съ центромъ.

учреждено было, какъ извѣстно сначала въ Вильнѣ (въ 1387 г.), потомъ во Владимірѣ на Волыни (номинально католическое епископство учреждено было здѣсь еще въ 1375 году, но фактически существовало съ конца XIV или начала XV в.: первый епископъ Григорій упоминается подъ 1404 г.), затѣмъ въ Кіевѣ (первый епископъ Бориславъ упом. подъ 1405 г.) и наконецъ въ Мѣдникахъ въ землѣ Жмудской, въ 1417 г.; вмѣсто Владимірскаго въ 1429 году было учреждено епископство Луцкое [30]). Католическіе епископы въ Польшѣ пользовались въ то время громаднымъ значеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Они принадлежали къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся притомъ всевозможными изъятіями отъ государственныхъ податей и повинностей, занимали первое мѣсто въ королевскомъ сенатѣ и принимали живѣйшее участіе въ политической жизни страны, можно сказать, давали ей общій тонъ и направленіе [31]). Уряжая великое княжество Литовское по образцу Польши, распространяя въ немъ католическую вѣру, Ягайло и Витовтъ постарались естественно поставить и новоназначенныхъ католическихъ епископовъ въ положеніе, приличествующее ихъ высокому сану и соотвѣтствующее положенію польскихъ епископовъ. Католическіе «бискупы» въ великомъ княжествѣ получили къ своимъ каѳедрамъ большія имѣнья [32]) съ освобожденіемъ ихъ населенія отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ и отъ подсудности великому князю и его урядникамъ [33]). Такимъ обра-

---

[30]) *Напьерскаго* Русско-ливонскіе акты, № CXI; Scarbiec diplomatów, tom I, № 538, 856; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCCXX, DCCXLIII, DCCCXLV; tomus XII, № 89; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *И. Чистовича* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. I, стр. 46. Спб. 1882.

[31]) *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów, str. 20—22 (Osobnie odbicie z tomu XXXVIII Rozpraw Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętnosci w Krakowie); *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 258—312. Kraków 1887.

[32]) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIII, p. 536; Scarbiec diplomatów I, № 538, 540; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5; *Ks. bisk. Wołonczewskiego* Biscupstwo żmujdzkie, str. 27—29. Kraków 1898.

[33]) Scarbiec diplomatów, I, № 540; *Stryjkowskiego* Kronika, tom. II, str. 80—81: od wschelkich podatków, serepcizn, podwód, wyprawy wojennej, strażej, oprawowania mostów, dziakłów i wszelkich inszych, ktorychkolwiek powinności świeckich. Имѣнья каѳедры Луцкой были освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей, за исключеніемъ *воловщины,* которую епископскіе крестьяне

зомъ, католическіе епископы сдѣлались крупными землевладѣльцами съ княжескими правами на своихъ имѣніяхъ и даже безъ тѣхъ обязанностей, которыя несли въ пользу государства князья. Все это, помимо ихъ относительной образованности и духовнаго авторитета, придавало имъ большой вѣсъ въ обществѣ и государствѣ. Въ совѣтѣ великаго князя имъ отведено было почетное мѣсто, и они сдѣлались обычными участниками правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ великаго князя и его совѣта. Такимъ образомъ, напр., въ 1407 г. Витовтъ совершилъ мѣну имѣньями съ Виленскою капитулою въ присутствіи Григорія, бискупа Владимірскаго, Николая, избраннаго епископа Виленскаго, и пановъ: Минигайла, Монивида, Румбольда и Видимина [34]); въ 1426 г. Витовтъ пожаловалъ войтовство въ Тыкотинскомъ мѣстѣ Петру съ Гумолка въ присутствіи Матвѣя, бискупа Виленскаго, Михаила, бискупа Кіевскаго, Гедигольда, воеводы Виленскаго, Яна или Явниса, воеводы Троцкаго, Якуба съ Кобылянъ и Ивашки, маршалковъ двора [35]) и проч. Въ тѣхъ случаяхъ, когда происходило общее польско-литовское совѣщаніе, литовскіе католическіе бискупы занимали мѣста между бискупами польскими, подобно тому, какъ свѣтскіе литовскіе сановники занимали мѣста среди польскихъ пановъ [36]). Церковные интересы, землевладѣніе и государственная дѣятельность очень рано сблизили католическихъ бискуповъ тѣснѣе всего именно съ литовскимъ знатнымъ боярствомъ, съ которымъ вмѣстѣ они и стали именоваться *панами* духовными и свѣтскими (domini spirituales et saeculares). Очень рано оба эти класса стали сплетаться другъ съ другомъ и генеалогическими связями; въ бискупы стали попадать люди изъ среды литовскихъ пановъ или шляхты; второй, напр., Жмудскій епископъ—Николай вышелъ, повидимому, изъ литовскаго шляхетскаго рода Держковичей [37]).

Что касается мѣщанства, то его участіе въ политической жизни страны было, можно сказать, ничтожнымъ. Изъ мѣщанъ только Виленскіе, среди которыхъ было не мало богатыхъ и вліятельныхъ купцовъ изъ нѣмцевъ и русскихъ, представляли болѣе или менѣе значительную

должны были платить в. князю. См. Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

[34]) Scarbiec diplomatów I, № 856.

[35]) Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[36]) См., напр., перечень пановъ радныхъ, участвовавшихъ въ заключеніи союзнаго договора съ королемъ датскимъ Эрикомъ 15 іюня 1419 года. Monumenta medii aevi, tomus VI, № DCCCXLV.

[37]) Wolonczewski, str. 29; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 45.

общественную силу. Это обнаружилось съ полною ясностью еще въ событіяхъ 1382 года, предшествовавшихъ вторичному утвержденію Ягайла на великомъ княженіи. «Мѣстичи» Виленскіе, въ частности «Ганюлева чадь», въ отсутствіе Кейстута, отправившагося противъ князя Новгородъ-Сѣверскаго Димитрія-Корибута, «засѣли» Вильно для Ягайла [38]). Во вниманіе къ этимъ услугамъ и для преуспѣянія своей столицы Ягайло, даруя въ 1387 году высшему литовскому боярству права польской шляхты, счелъ справедливымъ и необходимымъ пожаловать и столичныхъ мѣщанъ правами польскихъ мѣщанъ, т. е. самоуправленіемъ по магдебургскому праву [39]). Позже, когда стали собираться общіе польско-литовскіе сеймы, въ виду того, что на этихъ сеймахъ участвовали иногда представители наиболѣе значительныхъ польскихъ мѣстъ [40]), и съ литовской стороны стали приглашаться къ участію въ нихъ Виленскіе мѣщане. Но это участіе было сравнительно рѣдкимъ и едва ли активнымъ среди подавляющаго большинства, набиравшагося изъ среды военно-служилаго класса.

Итакъ, на мѣсто главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ великаго князя, занимавшееся прежде князьями, при Витовтѣ стали знатные литовскіе бояре. Вмѣстѣ съ этою перемѣною и политическое преобладаніе собственной Литвы въ составѣ земель великаго княжества Литовскаго опредѣлилось еще рѣзче и сильнѣе почувствовалось, чѣмъ прежде. Пока въ областяхъ были собственныя княженья, а общегосударственныя дѣла вершились великимъ княземъ по совѣту и согласію съ областными князьями, это политическое преобладаніе собственной Литвы не било рѣзко въ глаза. Областные князья Гедиминовичи нерѣдко проникались мѣстными интересами и привязанностями, берегли самобытность областей и въ общіе совѣты вносили не только свои личные голоса, но и голоса мѣстнаго правящаго класса, подчиненныхъ

---

[38]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 31. Этотъ самый «Ганюль» сдѣлался поэтому приближеннымъ лицомъ при Ягайлѣ и Скиргайлѣ и присутствовалъ вмѣстѣ съ князьями въ ихъ совѣтѣ. При подтвержденьѣ 1382 г. перемирья съ Орденомъ и совершеніи въ его пользу дарственнаго акта на Жмудь, кромѣ Ягайла и Скиргайла, были князья Корибутъ, Лингвеній, Коригайло, Вигантъ, Свидригайло, «und Hannike bürger zcur Wilne unser getruwer dyner». См. *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 57, 58, 61.

[39]) Scarbiec diplomatów, tom I, № 541.

[40]) Участіе мѣщанства въ польскихъ сеймахъ XIV и первой половины XV в. было довольно частымъ явленіемъ. См. *A. Prochaski* Geneza i rozwój parlamentaryzmu, str. 36, nota I; str. 44—46, 134.

имъ князей и бояръ, съ которыми они думали свои думы [41]). Иное стало, когда области потеряли своихъ князей и стали болѣе, чѣмъ прежде, зависѣть отъ центральной власти, когда эта власть стала посылать для управленія ими литовскихъ пановъ и съ этими же панами преимущественно рѣшать общегосударственные вопросы. При такихъ условіяхъ политическое преобладаніе собственной Литовской земли начинало превращаться уже въ настоящее господство. Послѣдовавшія послѣ смерти Витовта общественно-политическія движенія въ нѣдрахъ великаго княжества Литовскаго привели сначала къ смягченію, а потомъ и къ извѣстному ограниченію политическаго господства собственной Литвы, что въ свою очередь сказалось и въ измѣненіи состава изучаемаго учрежденія, т. е. литовско-русскаго сейма.

§ 2.

Порядокъ вещей, утверждавшійся въ Литовско-Русскомъ государствѣ со времени Городельской уніи со всѣми сопровождавшими его послѣдствіями, долженъ былъ порождать и накоплять въ русскихъ людяхъ великаго княжества непріязненныя къ себѣ чувства. Высшее боярство русскихъ областей, состоявшее изъ православныхъ людей, не могло быть довольно прямымъ исключеніемъ его отъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя пожалованы были высшему литовскому боярству, состоявшему изъ католиковъ, не могло быть довольно и устраненіемъ его отъ высшихъ государственныхъ должностей и отъ участія въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ [42]). Фактическое же предпочтеніе, оказывавшееся въ этомъ отношеніи высшему литовскому боярству, должно было по временамъ задѣвать непріятно и многочисленныхъ литовско-русскихъ князей, которые не стояли въ такомъ приближеніи къ Витовту, какъ знатные литовскіе бояре, или «паны», и во всякомъ случаѣ возбуждать во многихъ изъ нихъ чувства зависти и ревности. Наконецъ, многихъ русскихъ людей должны были задѣвать за живое и посягательства на ихъ религіозную совѣсть, исходившія отъ правительства, состоявшаго изъ католиковъ. Извѣстно, что Витовтъ

---

[41]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły. str. 45, n. 16.

[42]) Боярству русскихъ областей оставлены были его прежнія должности, или «волостки», въ областяхъ. Объ этомъ можно заключать по тѣмъ даннымъ, которыя находимъ въ позднѣйшихъ источникахъ, главнымъ образомъ въ уставныхъ грамотахъ областей, начало которыхъ восходитъ къ Витовту. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 30—32, 37, 240, 242, 243, 248, 249, 254, 267—269, 274 и др.

вмѣстѣ съ Ягайломъ прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы соединить съ римскою церковью своихъ подданныхъ греческой вѣры и высылали съ этою цѣлью на Констанцскій соборъ митрополита Григорія Цамблака съ русскими епископами [43]). Но пока былъ живъ Витовтъ, недовольнымъ трудно было что-нибудь сдѣлать противъ всего этого. Витовтъ опирался не только на собственную Литву, но и на Польшу. Онъ былъ не только замѣстителемъ Ягайла на Литвѣ, но и его главнымъ и авторитетнымъ совѣтчикомъ по управленію польскимъ королевствомъ, любилъ поляковъ, пользовался ихъ услугами въ управленіи Литвы и самъ въ свою очередь пользовался ихъ симпатіями и уваженіемъ [44]). Въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ замѣшательствъ Витовтъ всегда могъ разсчитывать на поддержку короля Ягайла и поляковъ.

Только по смерти Витовта русскіе люди получили возможность дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе какъ внѣшней судьбы, такъ и внутренней жизни государства въ своихъ интересахъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для этого послужилъ разрывъ правящей литовской знати съ Ягайломъ и поляками. Этотъ разрывъ начался еще при жизни Витовта, которому поляки помѣшали короноваться королевскою короною. Вмѣстѣ съ Витовтомъ въ натянутыя отношенія къ полякамъ стала и правящая литовская знать, которая сочувствовала планамъ Витовта, клонившимся къ охраненію великаго княжества, какъ отдѣльнаго отъ Польши и равноправнаго съ нею государства, горячо поддерживала его въ этихъ стремленіяхъ и должна была почувствовать себя оскорбленною и униженною наравнѣ съ великимъ княземъ [45]).—Самъ Витовтъ, какъ извѣстно,

---

[43]) *Барбашева* Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ его княженія, стр. 131, 132; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 27—31.

[44]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 26, 27, 29, 30; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 348, 365.

[45]) Польскій представитель на имперскомъ германскомъ сеймѣ 1430 года прямо указывалъ на то, что на коронаціи настаивали Витовтъ и литовскіе прелаты, князья, паны и бояре шляхта, что это — общее ихъ дѣло. «Nichilominus,—говорилъ онъ, — prefati dominus dux Allexander alias Wythowdus *necnon prelati, principes barones, bojari et nobiles terre Lithvanie* etc, dictis eorum sponsionibus et promissionibus ut creditur obliti, preter et contra voluntatem dicti domini Wladislai regis Polonie suorumque regnicolarum, apud illustrissimun principem dominum Sigismundum regem Ungarorum, ut dicitur electum in regem Romanorum, instituerunt ac instituunt, ut in dictis terris Lithwanie ad ipsum dominum Wladislaum regem Poloniae et ad suum regnum predictum spectantibus, regnum erigeret et dictun dominum Allexandrum alias Vitoldum in regem crearet et decerneret coronari» и т. д. (Monumenta

передъ самою смертью († 27 окт. 1430 г.) помирился съ поляками и торжественно объявилъ Ягайлу, что возвращаетъ ему обратно изъ рукъ въ руки полученное отъ него великое княжество [46]). Но не помирились съ Ягайломъ и поляками бывшіе совѣтники и сотрудники Витовта. Имъ вовсе не хотѣлось, чтобы великое княжество перешло подъ управленіе польскаго короля и такимъ путемъ утратило свою особность и самобытность. Поэтому они поспѣшили сблизиться съ русскими князьями и боярами и привлечь ихъ къ рѣшенію конфликта съ Ягайломъ и поляками. Эти князья и бояре во множествѣ наѣхали въ Вильну отчасти на предполагавшуюся коронацію Витовта, отчасти на зовъ Свидригайла, который хотѣлъ опереться на нихъ въ своемъ стремленіи получить великое княженіе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, какъ только умеръ Витовтъ, польскіе паны, находившіеся при Ягайлѣ, начали настаивать, чтобы Ягайло никому не отдавалъ великаго княженія, а взялъ бы его въ свои руки. Но земли Руси и Литвы не захотѣли принять самого Ягайла на великое княженіе, указывая на то, что онъ уже покинулъ ихъ, принимая корону польскую [47]). Русскіе люди выставили своего кандидата, который уже около тридцати лѣтъ тщетно добивался великаго княженія,— князя Свидригайла Ольгердовича. Къ нимъ примкнули и литовцы, не желавшіе стоять особнякомъ противъ поляковъ.

Свидригайло вмѣстѣ съ другими князьями и боярами пріѣхалъ въ Вильну на предполагавшуюся коронацію Витовта. Когда Витовтъ серьезно заболѣлъ, Свидригайло, по словамъ Длугоша, поднялъ голову и сталъ еще при жизни Витовта агитировать въ пользу своего избранія на великое княженіе, чѣмъ не мало огорчилъ умирающаго Витовта [48]). Ему собственно надо было расположить въ свою пользу только литовскихъ пановъ, ибо русскіе князья и бояре были уже на его сторонѣ. Среди нихъ Свидригайло уже давно сталъ популярною личностью. Судьба много разъ бросала Свидригайла съ одного конца Литовско-

---

medii aevi, tomus XII, № 179). И Витовтъ въ письмахъ къ Ягайлу и полякамъ разсматривалъ ихъ поведеніе въ вопросѣ о коронаціи, какъ униженіе и порабощеніе его самого и литовскихъ бояръ, заявлялъ, что съ ними онъ совѣтуется, какъ бы избѣжать этого униженія и порабощенія (Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXLV, MCCCLVIII).

[46]) *Dlugosz*, Opera omnia. tomus XIII, p. 414; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 191; Sriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 494.

[47]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 208.

[48]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 414.

Русскаго государства на другой, изъ одной области въ другую. Но больше всего пришлось ему имѣть дѣла съ русскими людьми великаго княжества. При самомъ началѣ великокняженія Витовта, въ 1392—1393 г. онъ самовольно вокняжился въ Витебскѣ, откуда былъ прогнанъ Витовтомъ. Помирившись съ Ягайломъ и Витовтомъ, онъ получилъ отъ нихъ около 1398 года княженье на Подольѣ, въ восточной его части. Здѣсь онъ пробылъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ, и въ 1402 году былъ уже въ Пруссіи, въ качествѣ претендента на великое княженіе, хлопотавшаго о помощи Ордена. Послѣ примиренія съ Ягайломъ и Витовтомъ, Свидригайло вторично получилъ восточное Подолье, а въ 1408 году переведенъ былъ въ Черниговскую область, на княженье въ Стародубѣ и Брянскѣ. Отсюда онъ въ самомъ скоромъ времени ушелъ въ Москву. Воротившись въ Литву и помирившись съ братьями, Свидригайло снова завелъ тайныя сношенія съ Орденомъ, за что попалъ въ Кременецкій замокъ, гдѣ просидѣлъ около восьми лѣтъ. Года два послѣ освобожденія изъ Кременца онъ скитался на чужбинѣ, а затѣмъ, въ 1420 году, получилъ отъ Витовта Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Трубчевскъ [49]). За время ихъ скитаній и перемѣнъ Свидригайло пріобрѣлъ множество пріятелей и друзей между русскими князьями и боярами. Неутомимо стремясь къ великокняжескому престолу, Свидригайло заискивалъ у всѣхъ и дружилъ со всѣми, кто могъ быть ему полезнымъ. Русскихъ людей онъ привлекалъ къ себѣ своею щедростью, гостепріимствомъ и расположеніемъ, какое оказывалъ ихъ вѣрѣ и обрядамъ, несмотря на то, что самъ оставался все время католикомъ, и повидимому вполнѣ искреннимъ [50]). Неудивительно, поэтому, что русскіе люди горою стояли за Свидригайла и по временамъ жертвовали для него всѣмъ. Когда онъ, напр. въ 1408 г. бѣжалъ изъ Черниговской земли въ Москву, за нимъ послѣдовали владыка Брянскій, князья Патрикѣй и Александръ Звенигородскіе, Ѳедоръ Александровичъ Путивльскій, Семенъ Перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій, князь Урустай Минскій и бояре Черниговскіе, Брянскіе, Любуцкіе и Рославльскіе [51]) Въ то время, когда онъ сидѣлъ въ заключеніи въ Кременцѣ, его навѣщали постоянно русскіе князья и бояре. Эти же князья и бояре и освободили его въ концѣ концовъ изъ заключенія. Въ великую пятницу 1418 года князья Дашко, Александръ

---

[49]) *Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 50—65.

[50]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 417; Scarbiec diplomatów II, № 1523; *Lewicki*, op. cit., str. 51.

[51]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. V, 257; VI, 136; VIII, 82.

Носъ и другіе вторглись въ замокъ, одолѣли мѣстнаго старосту, польскаго шляхтича Конрада Франкенберга, и вывели Свидригайла на волю [52]). Не только русскіе люди, но даже и литовское простонародье сочувствовало Свидригайлу: по донесенію нѣмецкихъ агентовъ изъ Литвы, простые люди заявляли постоянно, что они желали бы имѣть великимъ княземъ Свидригайла, а не Витовта, подъ управленіемъ котораго они сильно обнищали [53]). При такихъ условіяхъ литовскому панству не оставалось выбора, и оно volens-nolens примкнуло къ Свидригайлу. Литовскіе и русскіе бояре, по свѣдѣніямъ, полученнымъ Орденомъ, единодушно провозгласили его великимъ княземъ. Ягайлу въ виду этого ничего не оставалось дѣлать, какъ только дать свое согласіе, что онъ и выразилъ посылкою своего перстня Свидригайлу [54]).

Возведеніе на великое княженіе Свидригайла было крупнымъ ударомъ, нанесеннымъ жизнью уніи 1413 г. и положенію литовскаго панства, созданному этой уніею. Это возведеніе совершилось не только помимо воли Ягайла и польскихъ пановъ, но и съ участіемъ русскихъ людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельскимъ привилеемъ 1413 года. Собраніе, избиравшее Свидригайла, не было сеймомъ польскихъ и литовскихъ прелатовъ, пановъ и шляхты, а собраніемъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ, предвѣстникомъ позднѣйшаго «великаго вальнаго сойма» всѣхъ земель великаго княжества [55]). При этомъ ясно обнаружилось, что исключительность политическаго господства собственной Литвы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, большая часть котораго была заселена русскими людьми, могла имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ собственной Литвы съ крупною внѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ собственная Литва теряла поддержку из-

---

[52]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 217.

[53]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CMLXLIX: Ok ersame leve her meister,—писалъ динабургскій командоръ Ливонскому магистру,— so hebben se gehort von deme gemenen volke und geburen dat se Splyttergaglen lever to ereme herren hedden denne vyttowten, wente se clagen, dat se sere vorarmen bi desseme vorsten.

[54]) Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 424; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 417.

[55]) Прусскій гроссмейстеръ писалъ повѣренному Ордена въ Римѣ: «По смерти же помянутаго князя Витовта, Литовскіе вельможи, съ общаго согласія всѣхъ князей и бояръ Русскихъ, избрали на великокняжескій престолъ Литовскій пресвѣтлѣйшаго князя Болеслава, иначе Свидригайла». См. *Коцебу* Свидригайло, стр. 105.

внѣ и становилась одинъ на одинъ съ подчиненною ей Русью, разъ общественныя силы русскихъ областей такъ или иначе соединялись, то и судьбы великаго княжества должны были опредѣляться уже не исключительно одною Литвою, но Литвою и Русью вмѣстѣ, по общему ихъ согласію и рѣшенію.

Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и бояръ, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его «вѣрная рада» состояла не изъ однихъ только католиковъ-литовцевъ, но и изъ схизматиковъ, русскихъ. Онъ не держался того мнѣнія, что различіе вѣроисповѣданія можетъ порождать политическія разногласія и оглашеніе того, что должно храниться въ секретѣ [56]). Православные русскіе люди участвовали въ совершеніи всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, исходившихъ отъ Свидригайла. Такимъ образомъ, напр., для заключенія оборонительно-наступательнаго союза съ Прусскимъ Орденомъ (19 іюня 1431 года) вмѣстѣ съ Свидригайломъ ѣздили въ Скерстомонь (Kirsmemel) католическіе бискупы: Матвѣй Виленскій, Николай Жмудскій, Андрей Луцкій, и князья: Семенъ Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владиміровичъ, Ѳедоръ Корибутовичъ, Семенъ Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ и Путята Семеновичъ; паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, староста Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троцкій, Сунгайло, панъ Троцкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ дворный. Всѣ эти лица и перечисляются въ договорномъ актѣ, какъ сторона, какъ представители и уполномоченные великаго княжества [57]). Правда, что большею частью здѣсь мы встрѣчаемъ литовскихъ князей и бояръ, старыхъ сотрудниковъ и приближенныхъ Витовта. Но въ рядахъ ихъ, кромѣ русскихъ князей, мы видимъ и русскихъ бояръ, выслужившихся уже у Свидригайла, каковъ, напр., упомянутый Ходко Юрьевичъ. Этотъ Ходко Юрьевичъ, родоначальникъ пановъ Ходкевичей, поднялся въ ряды литовской аристократіи изъ кіевскихъ бояръ [58]).—

---

[56]) Этимъ мнѣніемъ, какъ извѣстно, мотивировано въ Городельскомъ привилеѣ 1413 г исключеніе православныхъ людей изъ государственныхъ совѣщаній. Zbiór praw litewskich, str. 15.

[57]) *H. Hildebrand*, Liv-Est-und Curländisches Urkundenbuch, B. VIII, № 462. Riga, Moscau 1884.

[58]) Древняя Россійская Вивліоѳика, томъ XV, № 2; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 20, 21.

Прелиминарный договоръ, заключенный 8 сентября того же года съ поляками подъ Луцкомъ, скрѣпили своими печатьми князья: Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владимировичъ, Юрій Лингвеньевичъ, Иванъ Владиміровичъ, Семко Ивановичъ, Иванъ Семеновичъ, Иванъ Путята, Василій Семеновичъ, и паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Яшко (Янъ) Монивидовичъ, Ходко Юрьевичъ, Петрашъ Монтыгирдовичъ, Евлашко Дев, нетовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Судимонтъ Доркгевичъ, Андрей Немировичъ (Nieworowicz), Монтовтъ, Монтримъ, Юрій Сольдовичъ (Soldowicz) Довгялъ, хоружій Виленскій, Ягайло Gedoroskowicz (?), Судивой Волимунтовичъ, Тальятъ Вежгайловичъ (Wygaylowicz), Андрей Саковичъ, Нацко Кгинвиловичъ (Giniwolowicz), Васко Довойновичъ, Яшко Корсаковичъ, Некрашъ Бутвидовичъ [59]). Все это также большею частью лица изъ литовской правительственной знати. Но, какъ видно изъ письма Ягайла къ магистру Прусскому, въ заключеніи договора принимали участіе князья и бояре не только литовскіе, но и русскіе, приславшіе къ Ягайлу парламентеровъ Андрушка Немировича и Рагозу для начатія переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира [60]). Перечисленныя же лица попали въ актъ договора не потому, что они одни участвовали въ его совершеніи, а потому, что только у нихъ нашлись съ собою печати.—Прелиминарный договоръ, заключенный подъ Луцкомъ, устанавливалъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ на Срѣтеніе Господне будущаго 1432 года между Берестьемъ и Парчовомъ. На этотъ съѣздъ, по извѣстію Длугоша, Свидригайло отправлялся не только съ литовскими, но

---

[59]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CXVIII. Petropoli 1848.

[60]) *Raczyńkiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 252—254: Notificamus, писалъ Ягайло магистру, quomodo ejusdem Ducis nuncii videlicet Andruschko Nyemyrowycz et Bahosa milites die hesterna ut prefertur ad nos uenientes uigore litterarum credencialium ex parte et nomine predicti ducis *ac ceterorum Ducum et Boyarorum Magni Ducatus Littwanie et Russie* petiierunt Maiestatem nostram requirentes, quatenus ex utra parte in duodecim Consiliarios compromittere ipsorumque decisioni, discussioni et arbitrio stare et consentire dignaremur". *Bagosa* въ настоящемъ мѣстѣ ошибоч. вм. *Ragosa*, какъ это оказывается изъ сравненія съ актомъ поручительства, даннымъ литовскими и русскими боярами за пановъ Петра Гаштольда. Протаса, Корейву. Станислава и Першка попавшихся въ плѣнъ къ полякамъ. См. Monumenta medii aevi, tomus II. № LXXIII, LXXV.

и съ русскими боярами (cum suis bojaris Lithuanis et Ruthenis) [61]). Еще яснѣе обозначается участіе русскихъ людей въ подтвержденіи договора съ Орденомъ въ 1432 году 15 мая. Договоръ этотъ обязались соблюдать и всячески содѣйствовать его выполненію князья: Иванъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Иванъ Путята Семеновичъ, Василій Семеновичъ (его братъ), Глѣбъ Киндеровичъ, Ѳедко Несвицкій и паны (Manne): Зиновей Братошичъ, Ивашко Монивидовичъ, Сакъ Тальятъ, Gudigort Волимунтовичъ, Шедиборъ Волимунтовичъ, Юшко Римовидовичъ, Довгялъ Чижъ (Czysis), Андрей Саковичъ, Войнусъ Гедройтскій, Golgen Gostywoynowitz, Александръ Свирскій, Жигмунтъ Доркгевичъ, Сакъ Дырмейтовичъ, Девклисъ Кимонтовичъ, Некрашъ Бутвидовичъ, Довмунтъ Волковичъ, Михайло Довгердовичъ, Юрій Кучукъ (Konschalk), Ивашко Коревичъ, Иснадъ Шумоковичъ, Аврамъ Доброгостовичъ, Ивашко, Михаило Ясмановичъ, Ивашко Волотовичъ, Ананія Вяшковичъ (Wyaschkowicz), Шило Кирдѣевичъ (Schidlo Kerdowicz), Иванъ Гулевичъ, Димитрій Непоковъ (Nepoakow), Александръ Полозовъ, Остафій Ѳедоровичъ, Іосифъ Synaw, Миколай Курейшовичъ, Веселый Корсакъ (Korsach), Ивашко Лававичъ, Григорій Патрикѣевичъ, Григорій Протасій, Sathar Jaschko, Хребетъ (Threbet), Пацъ Гирдивидовичъ, Грицко Ясмановичъ, Андрейко Масковичъ, Волчко Строчевичъ, Васко Волчковичъ Скердо, судья земскій Дорогичинскій Насута, и мѣщане Виленскіе, Троцкіе, Жмудскіе, Кіевскіе, Черниговскіе, Владимірскіе, Луцкіе, Смоленскіе, Брянскіе, Витебскіе, Полоцкіе, Мценскіе, Новгородскіе, Брацлавскіе, Брестскіе, Ковенскіе, Дорогицкіе [62]). Перечень знакомыхъ намъ фамилій литовской боярской знати испещренъ здѣсь уже значительнымъ числомъ именъ русскихъ фамилій, изъ которыхъ нѣкоторые и позже занимаютъ видное положеніе въ областяхъ великаго княжества, каковы, напр., Шиловичи, Гулевичи (на Волыни), Корсаковичи и Курейшовы (въ Полоцкой землѣ), Полозовичи (въ Кіевской землѣ) [63]) и т. д. Любопытнымъ является въ настоящемъ случаѣ участіе литовскихъ и русскихъ мѣщанъ, какъ общественныхъ элементовъ, на которые опирается Свидригайло. Впрочемъ, едва ли это участіе мѣщанъ не было вызвано стремленіемъ сообщить договору съ Орденомъ, такъ сказать, эквивалентную силу, ибо со стороны Ордена въ договорѣ участвовали, кромѣ должностныхъ лицъ (Kumpture, Voyte, Pflegir) и ры-

---

[61]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 470.

[62]) *Напьерскаго*, Русско-Ливонскіе акты, № CCXXXII.

[63]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 21; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 145, 251.

царей (Manne), также и города (Stete). Какъ бы то ни было, но участіе русскихъ людей въ политической жизни центра при Свидригайлѣ является фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Свидригайло сталъ назначать русскихъ людей и на разныя должности, которыя согласно привилею 1413 года должны были отдаваться только литвинамъ-католикамъ. Такъ, на должность воеводы, или намѣстника, Витебскаго, которую при Витовтѣ занималъ Румбольдъ, Свидригайло назначилъ русскаго князя Василія Семеновича Краснаго (изъ Друцкихъ)[64]; на должность старосты Луцкаго русскаго боярина Юршу[65]; намѣстникомъ Мценскимъ при немъ былъ русскій бояринъ Григорій Протасій[66] и т. д. Въ январѣ 1432 года бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій писалъ къ кардиналу Юліану Цезарини, что Свидригайло во всемъ слушается русскихъ схизматиковъ и роздалъ имъ почти всѣ важнѣйшія замки и уряды, чего не было при покойномъ Витовтѣ, ибо въ актахъ уніи Литвы съ Польшею выразительно гарантировано, что русскіе схизматики не будутъ никогда держать замковъ на Литвѣ и не будутъ допускаться до государственныхъ совѣщаній[67].

Итакъ, политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Литовская правящая знать, чтобы удержать пріобрѣтенную позицію, поспѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола.

§ 3.

По донесенію одного изъ агентовъ Ордена великому магистру, низвергнувшіе Свидригайла воеводы и намѣстники жаловались, что онъ не имѣлъ надлежащаго почтенія къ римской вѣрѣ и тѣмъ болѣе ослаблялъ ее, что даже женѣ своей позволилъ жить по ея собственной волѣ и не по христіански; разсказывали, что жена его дошла до того, что издѣвалась надъ образомъ св. Георгія, присланнымъ ей въ

---

[64]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 58.

[65]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 436; Monumenta medii aevi, t. II, № LXXV.

[66]) *А. Коцебу* Свидригайло, великій князь Литовскій, стр. 222. Спб. 1835.

[67]) Item etenim dux Switrigal in omnibus predictorum scismaticorum consiliis ducitur et uxorem eorum ritu viventem novissime duxit.. Quod in vita ducis Withaudi noviter defuncti non fiebat, ymmo per expressum cautum fuit in litteris concordie inter regnum Polonie et ducatum Lythwanie

даръ отъ в. магистра [68]). И преемникъ Свидригайла на великокняжескомъ столѣ-Сигизмундъ Кейстутьевичъ въ письмѣ къ великому магистру объяснялъ низверженіе Свидригайла тѣмъ, что онъ не старался о распространеніи римской вѣры и благоволилъ болѣе къ греческой вѣрѣ, подъ вліяніемъ своей жены, сестры князя Тверского [69]). Конечно, все это были только благовидные предлоги, коими естественно старались оправдать свою измѣну Свидригайлу лица, устранившія его съ великаго княженія. Едва ли, напр., князья Александръ и Иванъ Владиміровичи (Ольгердовича), державшіеся греческой вѣры, принимали участіе въ низверженіи Свидригайла потому, что онъ благоволилъ болѣе къ греческой, чѣмъ къ римской вѣрѣ. Истинная и болѣе дѣйствительная причина переворота заключалась въ другомъ. По словамъ того же агента Ордена, литовскіе вельможи сверхъ неуваженія къ римской вѣрѣ ставили Свидригайлу въ вину испытанныя отъ него униженія и притѣсненія [70]) Съ этимъ сходится и объясненіе, какое далъ перевороту въ своемъ разсказѣ о немъ Длугошъ [71]). Въ чемъ состояли эти униженія и притѣсненія литовскихъ вельможъ, на это прямой отвѣтъ даетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій: Свидригайло допускалъ различныя жестокости по отношенію къ литовцамъ и болѣе благоволилъ къ русскимъ, которымъ раздавалъ уряды, по наущенію жены своей [72]). Это объясненіе стоитъ весьма близко къ истинѣ, ибо подтверждается всѣми извѣстіями о характерѣ Свидригайла и его симпатіяхъ къ русскимъ, идущими отъ современниковъ [73]). Если такъ, то, слѣдовательно, и низверженіе Свидригайла съ великокняжескаго престола было не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ литовской національно-политической реакціи противъ политическаго возвышенія Руси. Вѣроисповѣдные мотивы выступали въ данномъ случаѣ только по тѣсной связи своей съ національно-политическими побужденіями.

---

facte, quod scismatici Rutheni nunquam castra in Lythwania tenere nec eciam ad consilium publicum et commune admitti debuerunt... Monumenta medii aevi, tomus XII, № 204.

[68]) *А. Коцебу* Свидригайло, стр. 142.

[69]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[70]) Scarbiec diplomatów II, № 1622.

[71]) Opera omnia, tomus XIII, p. 479, 480.

[72]) Kronika, tom II, str. 185.

[73]) Свидригайло, по словамъ Длугоша, былъ человѣкъ капризный и вспыльчивый, какъ вѣтеръ непостоянный и т. д. Opera omnia, tomus XIII, p. 417.

Такое пониманіе дѣла оправдывается и послѣдовавшими вслѣдъ за низверженіемъ Свидригайла событіями. Власть новаго великаго князя нашла себѣ скорое признаніе въ предѣлахъ собственной Литовской земли. На сторону его передались Вильна, Троки, Ковно, Городно и нѣсколько другихъ замковъ [74]). Но почти вся Русь осталась вѣрна Свидригайлу, который изъ Полоцка, куда онъ бѣжалъ послѣ нападенія на него въ Ошменѣ, писалъ магистру: «ежедневно къ намъ стекаются начальники и бояре изъ Смоленска, Витебска, Подолья и Луцка» [75]). Свидригайло въ настоящемъ случаѣ не хвастался, ибо и агентъ Ордена доносилъ своему начальству, что всѣ русскіе вообще остаются при Свидригайлѣ [76]). Такимъ образомъ Литва и Русь раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, и современный литовско-русскій лѣтописецъ довольно мѣтко изобразилъ тогдашнее положеніе дѣлъ, говоря, что Литва посадила на великое княженіе въ Вильнѣ и Трокахъ Сигизмунда Кейстутьевича. а русскіе князья и бояре посадили Свидригайла на великое княженіе Русское [77]).

Литовскіе вельможи отважились на государственный переворотъ, нарушавшій интересы большинства русскаго населенія великаго княжества, по подстрекательству Ягайла и польскихъ пановъ, которые обѣщались не только не мѣшать имъ въ этомъ дѣлѣ, но и оказывать прямую поддержку и помощь. При Свидригайлѣ великое княжество Литовское не только порвало свою унію съ Польшею, но выступило въ качествѣ соперника и врага Польши, стремившагося отнять у нея Подолье, которое Польша считала своимъ достояніемъ. Дѣло дошло до открытой войны между обоими государствами, тѣмъ болѣе опасной для Польши, что въ ней союзникомъ великаго княжества выступилъ Прусскій Орденъ. Поляки, такимъ образомъ, еще болѣе, чѣмъ литовскіе вельможи имѣли основаній быть недовольнымъ порядкомъ, порожденнымъ ихъ взаимною распрею и отчужденіемъ. Поэтому поляки при первомъ благопріятномъ случаѣ пошли на примиреніе и сближеніе съ литовцами. По разсказу Длугоша, Ягайло и поляки, прослышавъ о томъ, что литовцы сильно тяготятся Свидригайломъ, дали тайное порученіе Зарембѣ, посланному въ Литву для переговоровъ съ Свидригайломъ, войти въ сношенія съ литовскими панами и побудить ихъ къ низвер-

---

[74]) Scarbiec diplomatów II, № 1620.

[75]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, Band VIII, № 624.

[76]) „Und die Rewssen gemeynlich bey im seyn bleben“. Scriptores rerum prussicarum, tomus III, p. 498.

[77]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50.

женію Свидригайла. Заремба долженъ былъ отъ имени Ягайла завѣрить литовцевъ, что онъ не только ничего не будетъ имѣть противъ низверженія, но и окажетъ имъ затѣмъ всяческое содѣйствіе и помощь [78]) Заремба успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, и Свидригайло въ ночь съ 31 августа на 1 сентября 1432 года подвергся внезапному нападенію въ Ошменѣ, которое заставило его бѣжать изъ Литвы въ Полоцкъ съ нѣсколькими панами, оставшимися ему вѣрными. Нападеніе на Свидригайла произвелъ Стародубскій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ въ сообщничествѣ кн. Семена Ивановича Гольшанскаго, дяди и опекуна королевы Софьи, князей Александра и Ивана Владиміровичей, воеводы Новгородскаго Петраша, Гаштольда и многихъ другихъ литовскихъ пановъ. Но главными организаторами заговора, по заявленію самого Свидригайла, были кн. Семенъ Ивановичъ и бискупъ Виленскій Матвѣй [79]).

Послѣ низверженія Свидригайла литовцы очутились лицомъ къ лицу съ враждебною Русью, которая стояла за Свидригайла, и Орденомъ, который не отказывалъ въ своей помощи Свидригайлу. Затруднительное положеніе, въ какое они попали, заставило ихъ покинуть старые счеты съ поляками и поскорѣе соединиться съ ними для полученія отъ нихъ помощи. Сигизмундъ Кейстутьевичъ немедленно отправилъ посольство къ Ягайлу въ Люблинъ съ просьбою объ утвержденіи его великимъ княземъ на Литвѣ. Съ своей стороны Ягайло и поляки поспѣшили воспользоваться случаемъ для возстановленія уніи великаго княжества съ короною Польскою. Король снарядилъ въ Литву торжественное посольство, которому далъ полномочія возобновить и подтвердить прежнія записи и документы, касавшіеся уніи обоихъ государствъ, поправить въ нихъ нѣкоторыя статьи, если то окажется нужнымъ, присутствовать при избраніи Сигизмунда на великое княженіе и дать на него согласіе отъ имени короля, а если Сигизмундъ уже выбранъ великимъ княземъ, подтвердить его въ этомъ званіи, церемоніально возвести его на престолъ и облечь властью (intronizandi et investiendi) [80]).

Въ началѣ октября 1432 г. польскіе уполномоченные съ Збигнѣвомъ Олесницкимъ во главѣ отправились въ Литву и прибыли въ Городно. Сигизмундъ выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу «со всѣми литовскими прелатами

---

[78]) Opera omnia, tomus XIII, p. 479, 480. Извѣстія, идущія со стороны Ордена, также приписываютъ иниціативу въ дѣлѣ низверженія Свидригайла Ягайлу и полякамъ. См. *Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 328, nota 41.

[79]) *Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 147, 148, 328, nota 42, 43.

[80]) Monumenta medii aevi, tomus XII № 206.

и панами» (cum omnibus Praelatis et baronibus Lithuaniae) [81]). Послѣ восьмидневныхъ переговоровъ польскіе уполномоченные заключили съ литовцами новый трактатъ уніи, въ основу котораго были положены, впрочемъ, прежніе договоры на этотъ счетъ. Сигизмундъ въ этомъ трактатѣ признанъ былъ великимъ княземъ, котораго Ягайло назначилъ пожизненно въ соправители (in partem sollicitudinis suae), по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ. Установлялось, что по смерти Сигизмунда великое княжество Литовское должно перейти къ королю Ягайлу, его намѣстникамъ и къ коронѣ Польской, за исключеніемъ Трокъ и другихъ отчинныхъ владѣній Сигизмунда. Эти владѣнія переходятъ къ сыну его Михаилу и его законнымъ наслѣдникамъ, которые, однако, вмѣстѣ съ своими подданными должны повиноваться и служить королю, его преемникамъ, коронѣ Польской и будущимъ великимъ князьямъ Литовскимъ, подобно тому, какъ повинуются и служатъ и прочіе литовскіе и русскіе князья. Сигизмундъ отступался совершенно отъ Подолья, которое должно принадлежать Польшѣ; если поляки возьмутъ осаждавшійся ими замокъ Олеско, онъ будетъ принадлежать имъ, равно Ратно, Ветлы и Лопатинъ. Но Луцкъ, Владиміръ и другіе волынскіе замки по завоеваніи ихъ у Свидригайла поляки обязываются отдать Сигизмунду, который съ своей стороны обѣщается не отдавать эти замки никому, кто не присягнетъ и не дастъ записи, что будетъ служить ему вѣрно, а послѣ смерти его сдастъ ихъ королю Ягайлу или его преемникамъ въ Польшѣ. Сигизмундъ обязался никогда не покидать короля Ягайла, его преемниковъ и обывателей короны Польской и оказывать имъ помощь противъ нападеній враговъ, не требуя за то ничего, кромѣ необходимаго пропитанія для людей и пастьбы для коней; въ особенности Сигизмундъ обязывался помогать совѣтомъ и дѣломъ противъ прусскихъ и ливонскихъ крестоносцевъ, разорвать всякія лиги съ ними и договорныя записи, сдѣланныя подъ давленіемъ Свидригайла. Въ заключеніе Сигизмундъ давалъ обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ на великомъ княженіи не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома, воли и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Въ исполненіи договора Сигизмундомъ и его преемниками дали ручательство отъ себя и за всѣхъ своихъ братьевъ, друзей и родичей—прелатовъ и бояръ-шляхту великаго княжества Литовскаго (de certa scientia, voluntate, mandato, ratihabitione et consensu aliorum omnium fratrum, amicorum et consanguineorum nostrorum praelatotum, boyaro-

---

[81]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 481.

rum et nobilium) бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Луцкій Андрей, князья Александръ и Иванъ Владиміровичи, Семенъ Ивановичъ, Ѳедоръ Корибутовичъ; панъ Виленскій Остикъ, староста Жмудскій Михаилъ Кезгайло, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, Зиновей Братошичъ, маршалокъ Румбольдъ, Петрашъ Монтигирдовичъ, Гаштольдъ, Радивилъ Остиковичъ, Гудигирдъ, Юрга, Нацко (Nacrus) Гинвиловичъ, Олехно Довойновичъ, Сакъ, хоружій Довгялъ (Dorgal), Гойлимиръ Нардобовичъ [82]). Всѣ эти лица скрѣпили договоръ приложеніемъ своихъ печатей.

Такъ возстановлена была унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Это возстановленіе было дѣломъ литовскаго панства, которому разрывъ съ поляками сталъ угрожать потерею пріобрѣтеннаго положенія. Источники опредѣленно указываютъ, что съ Сигизмундомъ въ Городнѣ находились литовскіе князья, паны и шляхта, которые участвовали въ переговорахъ объ уніи и затѣмъ присутствовали при торжественной интронизаціи и инвеституре Сигизмунда. Этотъ актъ совершенъ былъ въ тотъ же самый день, когда послѣдовало заключеніе уніи, т. е. 15 октября. Глава польскихъ уполномоченныхъ Збигнѣвъ Олесницкій отъ имени короля вручилъ Сигизмунду Кейстутьевичу мечъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ лица папы объявилъ всѣмъ панамъ литовскимъ, русскимъ, жмудскимъ разрѣшеніе отъ присяги, которую они приносили Свидригайлу [83]).

Устраняя Свидригайла съ великаго княженія и возобновляя унію съ Польшею, литовскіе паны разсчитывали вмѣстѣ съ тѣмъ возстано-

---

[82]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CCXVII. Особымъ актомъ, составленнымъ того же 15 окт. 1432 года, Сигизмундъ отказался отъ всякихъ притязаній на Городло съ его повѣтомъ. Три дня спустя выдалъ грамоту сынъ Сигизмунда Михаилъ, коею обязывался соблюдать заключенный договоръ (Scarbiec diplomatów II, № 1632, 1633). Кромѣ того, по извѣстіямъ, идущимъ отъ прусскихъ нѣмцевъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ обязался платить своему сюзерену ежегодную дань. Въ 1440 г. марта 14 маршалъ Ордена писалъ великому магистру: Ouch so hat uns derselbe knecht wol gesagt, wie das die Polen stargk beym grosfursten legen und vaste ab und zcu czihen und (er) sie sere kostlichen und gros pfleet zcu begoben, und manen von em huntert towsent schogk und sprechen, er habe dem konige zcu Polan edliche jar nicht seyne gerechtigkeit geben, also das sich der grossfurste wol edlicher masz dorin hat gegeben, dach nich gantez dies (elb) uber sich genomen, sonder eyn teyls davon czu geben. *Bunge*, Urkundenbuch, B. IX, № 574.

[83]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 186.

вить и свое прежнее положеніе въ государствѣ. Это имъ удалось только отчасти. Русскіе люди оказались такою политическою силою, съ которою поляки и литовцы сочли за лучшее войти въ извѣстный компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привилегій дарованныхъ высшему литовскому боярству въ 1413 году, распространеніе ихъ и на русское некатолическое боярство.

Уничтоженіе исключительности привилегій, дарованныхъ литовскому панству, по всѣмъ признакамъ, въ принципѣ рѣшено было въ Польшѣ, предъ отправленіемъ въ Литву уполномоченныхъ для возобновленія уніи. Ягайло и поляки хорошо понимали, что эта исключительность и породила оппозицію русскихъ князей и бояръ, которая, въ связи съ недовольствомъ самихъ литовцевъ, привела къ разрыву уніи великаго княжества съ Польшею. Для упроченія уніи необходимо было, чтобы она давала извѣстныя выгоды не одному только литовскому панству, но и русскимъ князьямъ и боярамъ великаго княжества. Этого можно было достигнуть распространеніемъ на русскихъ православныхъ князей и бояръ тѣхъ правъ и вольностей, которыя были пожалованы литовскимъ панамъ и боярамъ въ 1413 году. Поэтому Ягайло и поляки, отправляя своихъ пословъ въ Литву для возобновленія уніи, дали имъ полномочіе измѣнить нѣкоторыя статьи въ предшествующихъ записяхъ уніи. Въ силу этого полномочія польскіе послы въ тотъ же самый день, когда заключенъ былъ договоръ объ уніи, т. е. 15 октября, отъ имени короля Ягайла и съ согласія в. кн. Сигизмунда выдали привилей, коимъ русскіе князья и бояре (principes, nobiles et bojari), подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ католиками - литовцами. Имъ такъ же, какъ и литовскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ гарантировалось неприкосновенное владѣніе отчинными и пожалованными имѣніями и право свободнаго распоряженія ими, съ соблюденіемъ только необходимыхъ формальностей; давалось освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, кромѣ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ и доставленія кормовъ проѣзжающему государю, его посламъ и гонцамъ; предоставлялось право брать у литовцевъ тѣ же самые гербы или клейноты, которые тѣ получили отъ польскихъ пановъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношенію съ своими польскими одногербовниками (habito cum illis fratribus sue geneologie de regno Polonie tractatu). Въ привилеѣ ясно обозначенъ и мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: дабы на будущее время не было между обоими народами раздѣленія или какого - нибудь неравенства (dispendium), коими можетъ наноситься ущербъ государству, но чтобы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостя-

ми, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства и ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайла и брата его, великаго князя Сигизмунда[84]).

Хотя въ привилеѣ прямо не указывалось на то, что русскимъ князьямъ и боярамъ предоставляется отнынѣ на ряду съ литовцами занимать важныя правительственныя должности и участвовать въ государственныхъ совѣщаніяхъ, но это разумѣлось само собою, вытекало изъ общаго положенія привилея, въ силу котораго русскимъ князьямъ и боярамъ предоставлялись тѣ же самыя права, какими пользовались и литовскіе князья, паны и бояре (predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithvaniae pociuntur ac fruuntur). Такимъ образомъ, привилей 1432 года, выданный уполномоченными короля Ягайла на сеймѣ литовской знати, устранялъ тѣ преграды, которыя ставилъ участію русскихъ бояръ въ политической жизни великаго княжества Литовскаго Городельскій привилей 1413 г., и открывалъ возможность государственныхъ совѣщаній съ участіемъ въ нихъ православныхъ русскихъ бояръ великаго княжества. Правда, что этотъ привилей относился собственно только къ такъ называемой Литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся еще на обывателей остальныхъ русскихъ областей великаго княжества, остававшихся вѣрными Свидригайлу, такъ что отъ него нельзя еще вести начало литовско-русскаго сейма въ обширномъ смыслѣ, или «великаго вальнаго сойма»;—но во всякомъ случаѣ онъ залагалъ въ государственную жизнь великаго княжества принципы, коими облегчилось установленіе этого учрежденія. Отъ уравненія въ правахъ съ Литвою литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ былъ уже одинъ шагъ къ уравненію въ правахъ и остальныхъ русскихъ земель. Этотъ шагъ очень скоро сдѣланъ былъ Ягайломъ по отношенію къ обывателямъ Луцкой земли. Когда король находился въ Львовѣ, къ нему явилась депутація отъ обывателей Луцкой земли съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ вѣчнаго подданства коронѣ Польской. Король принялъ это предложеніе и 30 октября 1432 года пожаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, коими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго, а мѣщанамъ право магдебургское, ко-

---

[84]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 155, 156.

имъ пользуются мѣщане Польскіе, жидамъ и армянамъ тѣ же самыя права, какими пользуются они и въ Польшѣ. Между прочимъ Ягайло обѣщалъ не сносить церквей русскихъ греческаго закона и не превращать эти церкви въ костелы, не принуждать никого насильно къ переходу въ римскую вѣру, освобождалъ владѣльческихъ крестьянъ отъ доставленій кормовъ старостамъ, ограничивая эту повинность только на время пребыванія въ Луцкой землѣ самого короля [85]) и т. д. Хотя этотъ привилей не вошелъ въ силу вслѣдствіе перехода обывателей Луцкой земли на сторону Свидригайла, во всякомъ случаѣ онъ является характернымъ предвозвѣстникомъ новаго положенія, которое готовились занять русскія области великаго княжества Литовскаго, и которое должно было отразиться перемѣнами и въ составѣ изучаемаго нами учрежденія. Если вѣрить извѣстію, занесенному въ такъ называемую Густынскую лѣтопись, король Ягайло въ томъ же 1432 году пожаловалъ и кіевскимъ обывателямъ приблизительно тѣ же права, что и луцкимъ, въ частности гарантировалъ, что имъ не будетъ никакого насилья въ вѣрѣ, что никто не будетъ пакостить ихъ церквамъ и принуждать ихъ къ иной вѣрѣ [86]). Это извѣстіе весьма правдоподобно, такъ какъ согласуется съ общимъ направленіемъ тогдашней польской политики, стремившейся задобривать русскихъ людей, разсѣевать въ нихъ предубѣжденія противъ возобновленія уніи съ Польшею и новаго великаго князя, выдвинутаго Польшею и католическою Литвою.

§ 4.

Недовѣріе русскихъ людей къ союзу великаго княжества съ Польшею и къ новому великому князю, выдвинутому Польшею и католическою Литвою, однако, прочно утвердилось въ нихъ, и они въ большинствѣ продолжали крѣпко держаться Свидригайла, несмотря на всѣ заискиванія поляковъ и Сигизмунда. Въ началѣ декабря 1432 года уполномоченный Ордена Людвигъ фонъ Ланзее доносилъ великому магистру, что русскіе паны (heren zu Rwssen) находятся на сторонѣ Свидригайла и готовы съ нимъ жить и умереть [87]). Свидригайлу оставались вѣрными земля Полоцкая, Витебская, Смоленская, Мстиславская, Чернигово-Сѣверская (здѣсь Сигизмунду удалось овладѣть только Брянскомъ), Кіевская, часть Волынской и восточное Подолье. Въ южной Руси интересы Свидригайла оберегали энергическіе и опытные въ во-

---

[85]) Monumenta medii aevi, tomus II, № LXXXII.
[86]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 134, nota 22.
[87]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 650.

енномъ дѣлѣ люди — князь Ѳедько Несвицкій и воевода Кіевскій кн. Владиміръ. И на самой Литвѣ общественное настроеніе стало поворачиваться въ пользу Свидригайла. Въ первой половинѣ ноября агенты Ордена писали своему правительству, что «вся земля Литовская вопіетъ противъ поляковъ, и простолюдины говорятъ, что они покорились Сигизмунду, не зная, что Свидригайло живъ; многіе жители, оставивъ женъ и дѣтей, стекаются къ Свидригайлу»[88]). Даже литовскіе паны, участвовавшіе въ низверженіи Свидригайла, начинали думать о его возвращеніи, и среди нихъ составился даже заговоръ противъ Сигизмунда. Гонецъ, отправленный заговорщиками къ Свидригайлу, былъ перехваченъ Сигизмундомъ и на пыткѣ выдалъ участниковъ заговора—воеводу Троцкаго Явниса, маршалка Румбольда, пановъ Шедибора и Кезгайла. Первыхъ двухъ Сигизмундъ приказалъ умертвить, а Шедибора и Кезгайла посадилъ въ заключеніе [89]). По всѣмъ признакамъ, часть литовскаго панства недовольна была уступками, сдѣланными полякамъ при возобновленіи уніи въ Городнѣ.

Все это въ общей сложности вызвало со стороны Свидригайла попытку вернуть себѣ великое княженіе. Съ своими приверженцами вступилъ онъ въ Литовскую землю, при чемъ города Борисовъ, Минскъ, Крево и другіе сдались ему безъ боя. Въ концѣ ноября онъ писалъ великому магистру изъ Ошмены, что по просьбѣ русскихъ и литовскихъ бояръ и вельможъ отправился онъ въ отеческое наслѣдіе свое въ Литву, гдѣ многіе города и крѣпости добровольно сдались ему [90]). Но конецъ предпріятія не увѣнчался успѣхомъ.

Восьмого декабря 1432 года Свидригайло двинулся изъ Ошмены на Вильну и скоро натолкнулся на войско Сигизмунда, составленное изъ литовцевъ, жмудиновъ и поляковъ изъ Дорогицкой земли [91]). Произошелъ бой, въ которомъ побѣда осталась на сторонѣ литовцевъ и поляковъ. И помогъ Богъ великому князю Сигизмунду,—говоритъ современный литовско-русскій лѣтописецъ,—и побили князя великаго Свидригайла и князей русскихъ, а иныхъ поймали: князя Юрья Лингвеньевича взяли въ плѣнъ, князя Василья Семеновича, Ѳедька Одинцевича, пана Гедигольда, воеводу Виленскаго, и другихъ [92]). Въ числѣ этихъ другихъ полная литовско-русская лѣтопись перечисляетъ кн. Митка

---

[88]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 151, 152.

[89]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 159.

[90]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 148—153.

[91]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 491.

[92]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 50, 51.

Зубревицкаго, пана Юшка Кгойцевича, пана Ивана Вяжевича [93]), а Сигизмундъ въ своемъ письмѣ къ великому магистру отъ 9 декабря еще и пана Ходка [94]). Свидригайло слишкомъ понадѣялся на свои силы и двинулся въ Литву, не дождавшись обѣщанной ему помощи отъ князей Тверского и Московскаго, отъ Нѣмецкаго Ордена и татаръ. Вспомогательные отряды прибыли къ нему уже тогда, когда онъ потерпѣлъ пораженіе, и потому мало принесли ему пользы. Съ помощью ихъ Свидригайло произвелъ только сильныя опустошенія въ Литовской землѣ [95]).

Положеніе Сигизмунда Кейстутьевича послѣ Ошменской побѣды казалось уже упрочившимся, и Ягайло счелъ возможнымъ утвердить прелиминарный договоръ уніи, заключенный съ Сигизмундомъ польскими уполномоченными 15 октября 1432 года. 3 января 1433 года Ягайло выдалъ грамоту, подтверждавшую Городенскій трактатъ [96]). Но и Свидригайло не падалъ духомъ послѣ понесеннаго пораженія, и русскіе люди не покидали его. Въ началѣ апрѣля 1433 года на сторону Свидригайла перешелъ князь Александръ Носъ, оставленный поляками начальникомъ въ Луцкѣ, и передалъ этотъ городъ во власть Свидригайла [97]). Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на окрестное населеніе, и русскіе люди со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ этотъ городъ. Тѣмъ временемъ и Прусскій Орденъ началъ открытую войну съ Польшею. Свидригайло поспѣшилъ воспользоваться всѣмъ этимъ и лѣтомъ 1433 года съ ополченіями русскихъ земель, съ тверскими полками и ливонскимъ войскомъ вторгнулся снова въ Литовскую землю. Но и на этотъ разъ ему не удалось овладѣть главными литовскими городами — Вильною и Троками. Результатомъ похода было только страшное опустошеніе Литвы и соединной съ нею Руси. Привилей, выданный уполномоченными Ягайла въ Городнѣ, очевидно, достигъ своей цѣли и удержалъ эту Русь на сторонѣ Сигизмунда. Свидригайло изъ всѣхъ силъ постарался дать этой Руси почувствовать всѣ невыгоды ея вѣрности Сигизмунду. Онъ взялъ и сжегъ Крево, Заславль, Минскъ

---

[93]) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 46. Wilno 1846.

[94]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, 645.

[95]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 51.

[96]) *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, № CLXXV. Съ своей стороны и Сигизмундъ выдалъ грамоту (въ Трокахъ, 20 января 1433 г.), подтверждающую прелиминарный договоръ 1432 г. (Scarbiec diplomatów II, № 1649).

[97]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 173.

и другіе здѣшніе города, побилъ и увелъ въ плѣнъ много народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей [98]). Дойдя до Лукомля Свидригайло распростился съ Ливонскимъ магистромъ, который ушелъ съ своимъ войскомъ домой, распустилъ русскихъ князей и бояръ, а самъ отправился въ Кіевъ [99]).

Послѣ этого вторженія Свидригайла Сигизмундъ находился въ критическомъ положеніи. Отъ него одинъ за другимъ отпадали вѣрнѣйшіе бояре и люди, дотолѣ бывшіе на его сторонѣ. Жмудины прямо отказались отъ участія въ борьбѣ и вернулись домой, чтобы защищать свою землю [100]). Сигизмундъ не зналъ, чѣмъ онъ будетъ платить «гостямъ», которыхъ держалъ у себя на службѣ и безъ помощи которыхъ не могъ обойтись: все, что было у него, онъ роздалъ имъ, а всѣ «данныя мѣста, медъ, серебро, куницы и всякую дань» у него отнялъ его соперникъ. Сообщая объ этомъ королю Ягайлу, Сигизмундъ просилъ его прислать какъ можно скорѣе помощь и извѣщалъ, что онъ идетъ уже на своего врага, что многія «данныя волости» прислали къ нему съ изъявленіемъ своей вѣрности, а намѣстники и старцы этихъ волостей находятся уже у него (рѣчь идетъ, очевидно, о Поднѣпрскихъ волостяхъ, составлявшихъ часть Руси Литовской въ тѣсномъ смыслѣ) [101]). Поляки откликнулись на зовъ Сигизмунда и очень скоро прислали ему вспомогательный отрядъ. Съ польскимъ и литовскимъ войскомъ Сигизмундъ прошелъ почти черезъ всю «Литовскую Русь» и вернулъ подъ свою власть всѣ города и волости, которыя занялъ было Свидригайло. Только мстиславцы отсидѣлись въ своемъ городѣ и не поддались Сигизмунду, который, простоявъ подъ Мстиславлемъ три недѣли (съ 26 октября), вернулся въ Литву [102]).

Чтобы упрочить свое положеніе на Литвѣ Сигизмундъ упросилъ короля Ягайла пріѣхать въ Литву и лично вручить ему великое княженіе. Очевидно, что и на Литвѣ многіе недоумѣвали, почему Ягайло обошелъ своего родного брата и отдалъ великое княженіе двоюродному,

---

[98]) Между прочимъ пойманъ былъ въ Борисовѣ князь Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій, котораго Свидригайло велѣлъ утопить въ Двинѣ въ Витебскѣ.

[99]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 51, 52. *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 519, 520.

[100]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, 720.

[101]) *Gołębiowskiego* Panowanie Wł. Jagiełły, str. 549—551, nota 699.

[102]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52. Въ Мстиславлѣ, повидимому, находился самъ князь Юрій Лингвеньевичъ, бѣжавшій отъ Сигизмунда изъ заключенія вмѣстѣ съ 14 товарищами. *Коцебу* Свидригайло, стр. 186.

и склонны были питать на этотъ счетъ всякія сомнѣнія. Ягайло исполнилъ желаніе Сигизмунда Кейстутьевича и въ началѣ 1434 года отправился въ Литву. Встрѣченный Сигизмундомъ и литовскими панами въ Кринкахъ, Ягайло объявилъ имъ, что свою милость и помощь онъ даруетъ Сигизмунду, минуя своего брата, и облекаетъ его великокняжескою властью, а князьямъ, прелатамъ и панамъ литовскимъ приказываетъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Изъ Кринокъ Ягайло вернулся въ Польшу, и 10 февраля былъ уже въ Люблинѣ [103]). Во время свиданія было условлено подтвердить новымъ актомъ унію великаго княжества съ Польшею, чтобы и на этотъ счетъ разсѣять всякія сомнѣнія. И съ той, и съ другой стороны унія подтверждена была актами, составленными одновременно, 27 февраля, въ Городнѣ и въ Корчинѣ. Оба акта были простымъ повтореніемъ предшествующихъ актовъ отъ 15 октября 1432 и 3 января 1433 г. Съ литовской стороны актъ утвердили, кромѣ Сигизмунда, 36 литовскихъ бояръ, а съ польской стороны, кромѣ Ягайла, польскіе прелаты и паны [104]). Въ цѣляхъ большаго привлеченія на свою сторону князей и бояръ Литвы и Руси Сигизмундъ Кейстутьевичъ 6 мая того же года выдалъ имъ привилей на различныя права и вольности. Прежде всего Сигизмундъ обѣщалъ, что не будетъ никого карать и наказывать по доносу тайному или явному, а только по суду, отправленному по обычаю земли (nisi prius in judicio manifesto juris ordine terre Lithwanie servato realiter fuerint convicti). Очевидно, что его крутая расправа съ четырьмя панами, оговоренными въ заговорѣ, оттолкнула отъ него многихъ литовскихъ пановъ, и Сигизмундъ старался теперь исправить послѣдствія своей несдержанности. Его преемники подтверждали эту гарантію въ издававшихся ими земскихъ привилеяхъ [105]), и она сдѣлалась первымъ основнымъ закономъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ Литовскомъ Статутѣ [106]). Всѣ остальныя права и вольности, дарованныя Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, были ничѣмъ инымъ, какъ подтвержденіемъ и болѣе точнымъ обозначеніемъ того, что предоставлялъ литовскимъ и русскимъ князьямъ и боярамъ привилей отъ 15 октября 1432 года. Сигизмундъ гарантировалъ имъ ненарушимое владѣніе отчинными имѣньями и право.

---

[103]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 521, 522.

[104]) *A. Lewickiego* Powstanie Świdrygiełły, str. 217, nota 17; *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXVI.

[105]) Акты Зап. Рос. I, № 61, 103, 204; II, № 30, 70; Zbiór praw Litewskich, str. 59; Лит. Метр. кн. VIII, л. 135—137.

[106]) Статутъ 1529, разд. I, арт. 1; Статутъ 1566, разд. I, арт. 2.

свободнаго распоряженія ими; гарантировалъ права вдовъ и законныхъ наслѣдниковъ по отношенію къ отчиннымъ имѣньямъ умершаго князя или боярина; имѣньями, пожалованными отъ князя Витовта, предоставилъ владѣть согласно его грамотамъ; освободилъ «кметей и подданныхъ» княжескихъ и боярскихъ отъ уплаты великому князю «дякла» и отъ всѣхъ работъ, за исключеніемъ постройки и ремонта укрѣпленій и военныхъ дорогъ; предоставилъ князьямъ и боярамъ русскимъ принять отъ литовцевъ, по соглашенію ихъ съ поляками-одногербовниками, гербы, или знаки шляхетства (seu nobilitatis clenodia), и наконецъ подтвердилъ князьямъ и боярамъ всѣ вообще права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками [107]). Цѣль Сигизмунда была достигнута, и литовскіе паны заявляли уполномоченному Ордена Гансу Балгу, что они готовы умереть за Сигизмунда. «Посмотри,—говорили они ему,—какъ любитъ насъ нашъ господарь», при чемъ показывали привилеи на «магдебургское право», выданные всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ отчинныя или пожалованныя отъ Витовта имѣнья; «этого Свидригайло намъ не даетъ»,—прибавляли они [108]). Повидимому, Сигизмундъ сверхъ общаго привилея, выданнаго 6 мая 1434 года, выдавалъ еще отдѣльнымъ панамъ частные привилеи, содержащіе изъятія ихъ имѣній отъ податей и повинностей, шедшихъ на господаря [109]). Гансъ Балгъ писалъ великому магистру, что ему показывали шесть такихъ привилеевъ, при чемъ прибавлялъ: этимъ онъ (Сигизмундъ) располагаетъ къ себѣ людей.

Смерть короля Ягайла, послѣдовавшая 1 іюня 1434 года, не поколебала положенія Сигизмунда. Польскіе паны обратились именно къ нему, какъ къ настоящему великому князю, съ просьбою, чтобы онъ

---

[107]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, dod. № 22. Сигизмундъ кромѣ того подтвердилъ особымъ листомъ права и вольности, пожалованныя Ягайломъ и Витовтомъ жмудинамъ. Жмудь на ряду съ «верхнею» Литвою ранѣе другихъ земель признала его великимъ княземъ. Но затѣмъ въ ней не разъ, по свидѣтельствамъ агентовъ Ордена, начиналась реакція въ пользу Свидригайла. Подтвердительная грамота дана была Сигизмундомъ, очевидно, для умиротворенія Жмуди. См. Акты Зап. Рос. I, № 103.

[108]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 855; Scarbiec diplomatów, II, № 1623.

[109]) Такъ какъ изъятія отъ различныхъ государственныхъ податей и повинностей давались обыкновенно при пожалованіи магдебургскаго или вообще нѣмецкаго права, то Балгъ и назвалъ привилеи, данные литовскимъ панамъ, привилеями на магдебургское право, сообщая этому понятію общій смыслъ.

или самъ пріѣхалъ, или выслалъ уполномоченныхъ для участія въ избраніи и короновании новаго короля, согласно съ условіями уніи обоихъ государствъ. Сигизмундъ только что оправился отъ тяжелой болѣзни и кромѣ того опасался нападенія Свидригайла и его союзниковъ. Поэтому онъ не поѣхалъ лично въ Польшу, а выслалъ своихъ уполномоченныхъ, — архидіакона Виленскаго Мартина съ Шадка и воеводу Виленскаго Довгерда, которые отъ его имени и изъявили согласіе на избраніе и коронацію Владислава III, а своимъ присутствіемъ на торжествѣ подтвердили единеніе Литвы съ Польшею [110]).

Тѣмъ временемъ дѣла Свидригайла шли все хуже и хуже. Лѣтомъ 1434 года онъ снова собрался было въ походъ па Литву съ русскими князьями и боярами и со всею силою русскою. На помощь къ нему подоспѣлъ и магистръ Ливонскій, соединившійся съ нимъ въ Браславлѣ Литовскомъ. Но пошли такіе дожди, установилась такая распутица, что не было никакой возможности совершать походъ въ такой странѣ, какъ Литва. Магистръ вернулся къ себѣ домой, а Свидригайло, распустивъ свое ополченіе, отправился въ Кіевъ [111]). Къ этой неудачѣ вскорѣ присоединились другія огорченія. Враги Свидригайла завели сношенія съ его сторонниками и успѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ перетянуть на свою сторону. Свидригайлу измѣнилъ намѣстникъ Луцкій князь Александръ Носъ и предалъ Луцкъ Сигизмунду, который отправилъ для занятія его пана Гаштольда. Князь Олелько пытался занять Кіевъ на Сигизмунда, но его предупредилъ панъ Ивашко Монивидовичъ, отправленный Свидригайломъ, и Кіевъ остался за Свидригайломъ [112]). На Подольѣ измѣнилъ ему вѣрный дотолѣ соратникъ кн. Ѳедко Несвицкій. Самъ Свидригайло, повидимому, толкнулъ его въ объятія своихъ враговъ. Узнавъ о сношеніяхъ съ нимъ своихъ враговъ и «не досмотрѣвъ его вѣрной службы», Свидригайло, если вѣрить заявленію самого князя Ѳедка (отъ 14 сентяря 1434 г.), вознамѣрился лишить его чести и жизни, жены, дѣтей и имущества, и только паны Викентій Шамотульскій и Михаилъ Бучацкій вмѣстѣ съ другими панами и земянами коронныхъ русскихъ земель избавили его отъ неволи и предстоявшей гибели. Вслѣдствіе этого Ѳедко присягнулъ на вѣрность королю и коронѣ Польской съ городами Кременцомъ и Браславомъ, находившимися въ его держаньѣ, и получилъ ихъ отъ короля въ доживотное держанье, а отчинныя его имѣнья—волости Збаражскую, Вин-

---

110) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 529, 542.

111) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52.

112) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 855.

пицкую и Соколицу король утвердилъ за нимъ и его потомками навсегда [113]). Впрочемъ, Брацлавъ полякамъ не удалось занять въ то время, и онъ остался пока за Свидригайломъ. Стремленіе къ отпаденію отъ Свидригайла проявилось и въ Бѣлоруссіи. Нѣкоторые русскіе князья и бояре, находившіеся въ лагерѣ Сигизмунда, дали знать Свидригайлу, что хотятъ передаться на его сторону, и выпросили у него разрѣшеніе повидаться съ митрополитомъ Герасимомъ, проживавшимъ въ Смоленскѣ, и переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Свидригайло не подозрѣвая злого умысла, далъ свое согласіе. На самомъ дѣлѣ князья и бояре пріѣзжали къ Герасиму для переговоровъ о занятіи Смоленска и Смоленской земли для Сигизмунда. Имъ удалось привлечь къ заговору какъ самого Герасима, такъ и другихъ сторонниковъ Свидригайла. Если вѣрить тому, что писалъ по этому поводу Свидригайло папѣ и Базельскому собору, заговорщики условились убить его и окружающихъ его лицъ. Но Смоленскій воевода Юрій Бутримъ во время провѣдалъ о заговорѣ, ворвался въ митрополичьи палаты, арестовалъ митрополита и его соучастниковъ и захватилъ листы, доказывающіе ихъ вину, или «перевѣтныя грамоты», какъ выражается псковскій лѣтописецъ [114]). Свидригайло приказалъ отослать арестованныхъ въ оковахъ въ Витебскъ. Дѣло это происходило въ мартѣ 1435 года. Четыре мѣсяца спустя, 26 іюля 1435 года, будучи со всѣмъ войскомъ своимъ въ Витебскѣ, Свидригайло приказалъ сжечь митрополита-измѣнника [115]).

Свидригайло останавливался въ Витебскѣ мимоходомъ, идя на соединеніе съ Ливонскимъ магистромъ для совмѣстнаго вторженія въ Литву. Съ нимъ были русскіе князья и бояре изъ Смоленска и его пригородовъ, изъ Кіевской земли, Витебской, Полоцкой и много татаръ. Около Браславля союзники соединились и направились въ глубь Литвы по Завилейской сторонѣ, по направленію къ Вилькомиру. 30 августа у Вилькомира они встрѣтили сына Сигизмунда Михаила съ войскомъ, состоявшимъ изъ литовцевъ, жмуди, небольшаго числа татаръ и 15 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Якуба Кобылянскаго. Перваго сентября 1435 года на рѣкѣ Свентѣ произошло жестокое побоище, како-

---

[113]) *Krupowicza* Zbiór dyplomatów rządowvch i aktów prywatnych, № 16. Wilno 1858.

[114]) *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 363—368. Издатель въ оглавленіи письма неправильно приписалъ его королю Польскому и поставилъ невѣрную дату—1432 г. По сопоставленію съ другими данными источниковъ, письмо относится къ 1435 году.

[115]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209; V, стр. 28.

вого уже давно не бывало въ Литовской землѣ, по словамъ псковскаго лѣтописца. Сраженіе кончилось полнымъ разгромомъ силъ Свидригайла. Въ битвѣ палъ племянникъ Свидригайла Сигизмундъ Корибутовичъ, пришедшій на помощь дядѣ вмѣстѣ съ нѣмцами; кн. Ярославъ Лингвеньевичъ, князь Михаилъ Болобанъ Семеновичъ, кн. Данило Семеновичъ, кн. Михаилъ Львовичъ Вяземскій и другіе—всего тринадцать князей; сорокъ два князя было взято въ плѣнъ, между ними князья Иванъ Владиміровичъ, перешедшій отъ Сигизмунда на сторону Свидригайла, и кн. Ѳедоръ Корибутовичъ. Убиты были магистръ Ливонскій Керскорфъ, ландмаршалъ, много «коунторовъ» и рыцарей, такъ что ливонцевъ мало осталось въ живыхъ. Русскихъ болѣе всего погибло въ бѣгствѣ по дорогамъ и лѣсамъ, гдѣ ихъ около двухъ недѣль преслѣдовали и ловили побѣдители. Перебито было и много «гостей», нанятыхъ Свидригайломъ,— ракушанъ, силезцевъ, чеховъ и другихъ. Самъ Свидригайло съ кн. Юрьемъ Лингвеньевичемъ «въ малѣ дружинѣ въ 30 мужь» убѣжалъ сначала въ Полоцкъ, а оттуда вскорѣ удалился въ Витебскъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его по источникамъ уже 24 сентября [116]).

Свидригайло передвинулся изъ Полоцка въ Витебскъ для того, чтобы оборонять его отъ Сигизмундовой рати. Недѣли три спустя послѣ битвы на р. Свентѣ Сигизмундъ собралъ всю свою литовскую силу и отправилъ съ нею сына своего Михаила на Русь. Когда онъ прибылъ въ Оршу, къ нему явились Смольняне съ изъявленіемъ покорности великому князю Сигизмунду, и во главѣ ихъ самъ воевода Юрій Бутримъ. Михаилъ, назначивъ въ Смоленскъ намѣстникомъ пана Януша Гаштольда, направился отъ Орши подъ Витебскъ. Шесть недѣль простоялъ онъ подъ Витебскомъ, но безрезультатно: Витбляне не сдались, и Михаилъ вынужденъ былъ вернуться домой. Точно такъ же кончился и походъ на Полоцкъ, подъ которымъ рать Сигизмунда простояла понапрасну около недѣли: начальствовавшіе въ Полоцкѣ князья Михаилъ и Василій на предложеніе поддаться великому князю Сигизмунду отвѣтили отказомъ и заявленіемъ, что они головы свои положатъ за великаго князя Свидригайла [117]).

---

[116]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 562—565; Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 52, 53; Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 209, 210; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 981, 1006.

[117]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53; *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 998, 999.

Свидригайло послѣ того отправился на югъ и долгое время пропадалъ безъ вѣсти, такъ что разошлась даже молва о его смерти. Повидимому, Свидригайло ѣздилъ къ татарамъ звать ихъ къ себѣ на помощь. Вслѣдствіе распространившихся слуховъ о его смерти отъ него отпали Стародубъ и Мценскъ, гдѣ воеводою былъ Григорій Протасій. Поэтому Свидригайло поспѣшилъ объявиться. Панъ Немиръ и воевода Кіевскій Юрша вернули ему Стародубъ, а Мценскъ поддалъ самъ воевода Протасій [118]). Одновременно съ тѣмъ люди Свидригайла вмѣстѣ съ татарами напали на Подолье, побили и побрали разставленныхъ по городамъ поляковъ, опустошили страшно все «Малое Подолье» и много народа забрали въ неволю [119]). Самъ Свидригайло 1 апрѣля 1436 года сообщалъ великому магистру, что въ его власти находится городъ Кременецъ и вся Подольская земля, куда онъ послалъ намѣстникомъ пана Ивашка Монивидовича, что всѣ крѣпости, города и уѣзды и прочія владѣнія его въ Русской землѣ, которыя отклонились было и отторглись отъ его престола, съ помощью Божью снова возвращены и покорены, за исключеніемъ одного только Смоленска [120]). Свидригайлу, однако, не долго пришлось утѣшаться всѣмъ этимъ. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что прусскіе и ливонскіе нѣмцы заключили миръ съ Польшею (31 декабря 1435 года) и обязались не поддерживать болѣе Свидригайла, русскіе люди потеряли вѣру въ успѣхъ его дѣла. Лѣтомъ 1436 года,—разсказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ,—Полочане и Витбляне, «не чуя себѣ помочи ни отколе», сдались великому князю Сигизмунду, который сталъ теперь княжить на великомъ княженьѣ Литовскомъ и Русскомъ [121]). Чтобы тѣснѣе привязать къ себѣ поддавшіяся русскія земли, Сигизмундъ подавалъ имъ различныя «доброволеньства», по всѣмъ признакамъ далъ имъ письменныя обязательства держать ихъ по старинѣ, какъ были за великаго князя Витовта [122]).

Послѣ отпаденія Полоцка и Витебска за Свидригайломъ оставались Волынь, Кіевщина, Подолье и Чернигово-Сѣверская земля. Лѣтомъ слѣдующаго 1437 года Сигизмундъ сдѣлалъ попытку нанести ему окон-

---

[118]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 2; *Коцебу* Свидригайло, стр. 220—222.

[119]) Объ этомъ сообщалъ великому магистру Прусскому магистръ Ливонскій въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1436. *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 39.

[120]) *Коцебу* Свидригайло, стр. 222, 223.

[121]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 53.

[122]) Упоминанья и намеки на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ привилеяхъ Полоцкой и Смоленской земель. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; II, № 70.

чательный ударъ и отправилъ два сильныхъ отряда на Кіевъ и Луцкъ. Хотя люди Свидригайла храбро и успѣшно отбивались отъ Сигизмундовыхъ войскъ и совершенно уничтожили отрядъ ихъ, подступавшій къ Кіеву [123]), тѣмъ не менѣе Свидригайло почувствовалъ, что одному ему, и при томъ съ уменьшенными силами, не удержаться противъ Сигизмунда и помогавшей ему Польши. Въ критическомъ положеніи Свидригайло съ своими князьями и боярами предпринялъ смѣлый шагъ— рѣшился во что бы то ни стало примириться съ Польшею. Съ этою цѣлью онъ лично отправился въ Польшу и 15 августа онъ былъ уже въ Краковѣ; при немъ находились и знатнѣйшіе люди изъ числа его сторонниковъ, между прочимъ панъ Юрша и Кіевскій архимандритъ Авраамій. Въ Краковѣ ихъ приняли холодно и отложили переговоры съ ними до сейма, который долженъ былъ собраться въ Сѣрадзѣ къ 15 октября [124]). Свидригайло послѣ того отправился въ Львовъ для того, чтобы заручиться поддержкою на предстоящемъ сеймѣ русскихъ пановъ, среди которыхъ у него было, повидимому, не мало знакомыхъ и пріятелей. Его переговоры съ ними увѣнчались полнымъ успѣхомъ, выразившимся въ заключеніи письменнаго договора 4 сентября 1437 г. Свидригайло по волѣ и единодушному соизволенію своихъ князей и пановъ рады и всѣхъ земянъ (de unanimique nostrorum principum, strenuorumque ac nobilium consiliariorum et terrigenarum consilio et assensu) поддался королю и коронѣ Польской со всѣми своими подданными, замками, мѣстами и селами, а паны русскіе за себя и короля обязались помогать Свидригайлу совѣтомъ и дѣломъ противъ всѣхъ его враговъ, а на предстоящемъ сеймѣ въ Сѣрадзѣ хлопотать, чтобы ему дано было вознагражденіе за Луцкъ, который онъ уступаетъ Польшѣ. Если этого вознагражденія не удастся выхлопотать, Свидригайло обязывался удовлетвориться тѣмъ, что присудятъ четверо посредниковъ, выбранныхъ русскими панами, и четверо, назначенныхъ самимъ Свидригайломъ, и, несмотря ни на что, оставаться вѣрнымъ королю и коронѣ Польской. По смерти Свидригайла отчина его и всѣ владѣнія, которыя принадлежатъ и будутъ принадлежать ему, должны перейти къ королю и коронѣ Польской [125]). Этотъ договоръ обязались соблюдать во всѣхъ статьяхъ воевода Кіевскій Юрша, староста Каменецкій и Подольскій Монивидъ (Ивашко), кн. Борисъ Глинскій, маршалокъ дворный Свидригайла Дашко Тубачовичъ

[123]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 227; *Коцебу* Свидригайло, стр. 229.

[124]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 579.

[125]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XCI.

и Василій Полочанинъ за себя и за всѣхъ обывателей земли Кіевской (pro omnibus aliis in terra Kiioviensi et ejus districtibus manentibus) [126]).

Сѣрадзьскій сеймъ, однако, не принялъ договора, заключеннаго Свидригайломъ съ русскими панами. Постановлено было только выслать посольство на Литву, постараться помирить Сигизмунда съ Свидригайломъ и добиться отъ Сигизмунда согласія на матеріальное обезпеченіе Свидригайла отъ короны. Сигизмундъ выѣхалъ навстрѣчу отправленнымъ посламъ въ Городно, принялъ ихъ съ честью, но категорически отказался отъ примиренія съ Свидригайломъ и слезно умолялъ поляковъ не нарушать прежняго договора и не помогать его врагу. Послы,—очевидно, по данной имъ тайной инструкціи,—не стали настаивать на своихъ предложеніяхъ и 6 декабря 1437 г. заключили съ Сигизмундомъ договоръ, подтверждавшій и дополнявшій прежнее соглашеніе [127]). Сигизмундъ съ своими панами вновь призналъ, что по смерти его великое княжество должно перейти къ королю и коронѣ польской. Условлено было, что всѣ державцы литовскихъ замковъ безъ исключенія выдадутъ отъ себя письменныя обязательства въ томъ, что по смерти Сигизмунда сдадутъ эти замки только королю и коронѣ Польской, каковыя записи должны быть пересланы въ Польшу. Если бы королю и коронѣ Польской эти записи показались недостаточными, державцы должны будутъ принести въ томъ же присягу передъ польскимъ посломъ, спеціально съ этою цѣлію отправленнымъ на Литву, и выдать ему записи [128]). Польскіе послы съ своей стороны обязались передъ Сигизмундомъ, что король отзоветъ бароновъ, рыцарей и другихъ людей, состоящихъ на службѣ у Свидригайла въ Луцкомъ замкѣ и иныхъ мѣстахъ, запретитъ имъ впредь поступать къ нему на службу, не будетъ пропускать къ нему черезъ королевство людей, оружіе и товары и даже будетъ помогать противъ него Сигизмунду вмѣстѣ съ князьями Мазовецкими, Луцкъ же согласно прежнему договору отдастъ Сигизмунду въ пожизненное владѣніе [129]).

По возвращеніи посольства польскіе паны пригласили русскихъ пановъ очистить Луцкъ для Сигизмунда. Но тѣ не послушались и

---

[126]) Ibidem, № XCII.

[127]) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIII, p. 580, 581.

[128]) Monumenta medii aevi, tomus II, № XCIII. Въ исполненіи договора давали свое ручательство: бискупъ Виленскій Матвѣй, панъ Виленскій Кристинъ Остикъ, воевода Виленскій Довгердъ и Кезгайло Волимунтовичъ.

[129]) *Rzyszczewski i Muczkowski,* Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXVII; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 171, 172.

продолжали занимать Луцкъ сообща съ Свидригайломъ; повидимому, и поляки не особенно настоятельно требовали отъ нихъ этого, несмотря на неоднократныя напоминанія Сигизмунда: имъ было удобнѣе, чтобы Луцкъ оставался при коронѣ и не переходилъ даже временно къ Литвѣ [130]). Только въ январѣ 1439 года Сигизмундъ получилъ, наконецъ, Луцкъ. По его словамъ, обыватели Луцкой земли сами обратились къ нему съ просьбою прислать имъ своего старосту, и такимъ путемъ Богъ далъ ему Луцкъ помимо воли поляковъ, которые не хотѣли отдавать ему этого города [131]). Одновременно съ Луцкомъ и Кіевъ призналъ, наконецъ, надъ собою власть великаго князя Сигизмунда, который, по всѣмъ признакамъ, подтвердилъ при этомъ старину Кіевской земли, подобно тому, какъ сдѣлалъ это ранѣе относительно земель Полоцкой и Смоленской и, вѣроятно, Витебской [132]). За Свидригайломъ послѣ того оставался, повидимому, только Кременецъ и восточная часть Подольской земли [133]).

Такой исходъ имѣла борьба Сигизмунда Кейстутьевича съ Свидригайломъ за власть въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Побѣда досталась Сигизмунду и поддерживавшимъ его литовцамъ не только цѣною человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, принесенныхъ войнѣ, но и цѣною различныхъ уступокъ, данныхъ русскимъ князьямъ и боярамъ съ цѣлью отклонить ихъ отъ поддержки Свидригайла и расположить въ пользу Сигизмунда. Для русскихъ людей великаго княжества это былъ, можно сказать, положительный результатъ, совершенно иначе опредѣлившій ихъ положеніе въ этомъ государствѣ, чѣмъ Городельскій привилей 1413 года. Если русскимъ людямъ и не удалось удержать на великомъ княженіи Свидригайла, за то имъ удалось снести тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 года обставилъ политическое преобладаніе въ великомъ княжествѣ литовскаго панства. Въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалась дорога и къ высшимъ урядамъ, и въ господарскую раду, и въ раду «посполитую», общегосударственную, т. е. въ сеймъ великаго княжества.—Короче сказать, русскимъ людямъ

[130]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 601, 602.

[131]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. IX, № 414. Вѣроятно вмѣстѣ съ Луцкомъ подъ власть Сигизмунда, перешелъ и Владиміръ, который согласно договорамъ 1432 и 1434 долженъ былъ такъ же, какъ и Луцкъ, принадлежать Сигизмунду пожизненно.

[132]) Акты Зап. Рос. II, № 30. Соображенія о переходѣ Кіева подъ власть Сигизмунда см. у Левицкаго въ его Powstanie Świdrygiełły, str. 358, nota 38.

[133]) Акты Зап. Рос. I, № 36 37; Акты Южн. и Зап. Россіи I, № 20.

удалось уничтожить въ привилеѣ 1413 года все, что придавало политическому господству Литвы націонало-исключительный характеръ.

Какъ уже было сказано выше, привилеи 1432 и 1434 г. уравнивали въ правахъ и вольностяхъ съ Литвою пока только Литовскую Русь въ тѣсномъ смыслѣ. Но при всемъ томъ они имѣли значеніе и для остальной Руси. Ихъ дѣйствіе распространялось и на тѣхъ князей и бояръ русскихъ областей великаго княжества, которымъ удавалось такъ или иначе пріобрѣтать земельныя имущества въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и примыкавшей къ ней Руси. Такимъ образомъ, ихъ принципіальное значеніе было гораздо шире ихъ прямого юридическаго содержанія и распространялось на великое княжество не въ тѣсномъ только, а и въ обширномъ смыслѣ.

Изъ сравненія этихъ привилеевъ съ привилеемъ 1413 года обнаруживается, кромѣ того, и еще одна крупная новость въ соціально-политической жизни великаго княжества—распространеніе различныхъ гарантій, данныхъ знатному боярству, и на князей, сравненіе обоихъ классовъ въ правахъ и вольностяхъ. Въ привилеяхъ 1387 и 1413 г. о князьяхъ не было помину, ибо правительство въ то время опиралось главнымъ образомъ на знатное литовское боярство, и кромѣ того самое положеніе князей до извѣстной степени могло казаться безспорнымъ, не требующимъ гарантій. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ политическое возвышеніе литовскаго панства и оттѣсненіе на задній планъ литовско-русскихъ князей наглядно показало неустойчивость положенія послѣднихъ. Поэтому литовско-русскіе князья приняли самое дѣятельное участіе въ разрушеніи порядка, созданнаго уніею 1413 года. Выше упоминалось о многихъ князьяхъ, дружившихъ съ Свидригайломъ и вмѣстѣ съ нимъ воевавшихъ съ поляками и Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ. Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ подъ знаменемъ Свидригайла сражалось болѣе 50 князей, — изъ которыхъ тринадцать были убиты, сорокъ два князя взяты въ плѣнъ, одинъ бѣжалъ съ Свидригайломъ (сколько бѣжало самихъ по себѣ—неизвѣстно). По источникамъ можно насчитать свыше сорока именъ князей бывшихъ въ разное время сторонниками Свидригайла, такъ что и все политическое движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, пріобрѣтаетъ окраску какъ бы княжеской реакціи противъ политическаго возвышенія литовскаго панства. Сотрудниками и соратниками Свидригайла были и Гедиминовичи, и князья другихъ литовскихъ династій, и Рюриковичи. Изъ Гедиминовичей источники называютъ: племянниковъ Свидригайла — Ивана Владиміровича Бѣльскаго,

Александра Владиміровича Слуцкаго и брата ихъ Андрея [134]), Ивана, Сигизмунда и Өедора Корибутовичей [135]), кн. Юрія и Өедора Лингвеньевичей [136]), кн. Сангушка Өедоровича [137]); двоюроднаго племянника Андрея Михайловича Жеславскаго [138]); внучатныхъ племянниковъ: Семена Романовича Кобринскаго [139]), кн. Ивана, Михаила и Александра Чорторыйскихъ [140]). Даже самъ Сигизмундъ Кейстутьевичъ на первыхъ порахъ былъ сторонникомъ Свидригайла и поддерживалъ его въ борьбѣ съ поляками. Изъ князей другихъ литовскихъ династій источники называютъ: Михаила и Семена Ивановичей Гольшанскихъ, кн. Данила Семеновича Гольшанскаго [141]), Ягайла и Войнуса Гедройтскихъ, Александра Свирскаго [142]). Изъ Рюриковичей въ числѣ сторонниковъ Свидригайла встрѣчаемъ по источникамъ: князей Друцкихъ—Михаила Семеновича Болобана, Димитрія и Василія Семеновичей, Ивана Семеновича Бабу, Ивана Семеновича Путяту [143]); Смоленскихъ—кн. Глѣба Киндеровича, кн. Ивана Романовича Крошинскаго, кн. Михаила Львовича Вяземскаго [144]); Черниговo-Сѣверскихъ—кн. Михаила Ивановича Хотетовскаго, Патрикѣя и Александра Звенигородскихъ, Семена Перемышльскаго, Василія Одоевскаго [145]); князей Пинскихъ и Волынскихъ—Константина Курча и сына его Михаила Ольшаницкаго, Ивана Александровича Четвертеньскаго, Митка Давидовича Городецкаго, Өедора Козеку, Өедка Несвицкаго, Александра Носа, Дашка и Андрюшка Өедоровичей Острожскихъ, Григорія Кожановича [146]) и др. Если классъ князей принималъ столь значительное участіе въ борьбѣ противъ порядка установившагося послѣ 1413 года, естественно, что и всѣ положительные результаты борьбы должны были распространиться и на этотъ классъ. Вотъ почему и привилеи 1432 и 1434 года даны были

---

[134]) *Wolffa* Kniaziowie litewsco-ruscy, str. 3, 328, 337.
[135]) Ibidem, str. 178, 179.
[136]) Ibidem, str. 263.
[137]) Ibidem, str. 444.
[138]) Ibidem, str. 587.
[139]) Ibidem, str. 162.
[140]) Ibidem str. 18, 19, 22, 23.
[141]) Ibidem str. 96, 97, 98.
[142]) Ibidem str. 65, 66, 505,
[143]) Ibidem str. 57, 58, 60, 61.
[144]) Ibidem str. 161, 186, 550.
[145]) Ibidem str. 17, 279.
[146]) Ibidem str. 14, 15, 35, 135, 180, 275, 276, 344, 548.

уже не однимъ только панамъ и шляхтѣ-боярамъ, но и князьямъ (principibus, baronibus et bojaris) литовскимъ и русскимъ. Князья нуждались въ такихъ привилеяхъ не меньше бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ по своему общественному положенію не возвышались надъ боярами, владѣли приблизительно такими же имѣніями, какъ и бояре, пріобрѣтали боярскія имѣнія и несли боярскую службу. Размноженіе князей, измельчаніе ихъ владѣній, полученіе имѣній за службу все болѣе и болѣе сближали этотъ классъ съ боярствомъ, вслѣдствіе чего и гарантіи, права и вольности, даруемыя боярству, оказались не только не лишними, но даже потребными и для князей.

Итакъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ съ 1392 года, въ составѣ и расположеніи высшихъ классовъ литовско-русскаго общества произошли большія перемѣны. Классъ крупныхъ областныхъ князей потерпѣлъ разгромъ отъ великаго князя, который въ борьбѣ съ нимъ опирался на второстепенныхъ, болѣе мелкихъ, князей, а главнымъ образомъ на первостепенное литовское боярство. Это боярство едва было не затерло и уцѣлѣвшихъ второстепенныхъ князей. Князьямъ по смерти Витовта удалось поправить свое положеніе, но въ общемъ имъ не удалось стать выше знатнаго боярства, а пришлось удовольствоваться приблизительно тѣмъ же общественнымъ и политическимъ положеніемъ, которое занимало и высшее боярство.

Сигизмундъ утвердилъ за собою великое княженіе Литовское не только черезъ компромиссъ съ русскими князьями и боярами, но и цѣною крупныхъ территоріальныхъ уступокъ Польшѣ и заключенія съ нею тѣсной уніи. Этой уніи какъ бы опредѣлено было судьбою возбуждать противъ себя литовцевъ всякій разъ послѣ того, какъ она устанавливалась. Очевидно, что при заключеніи ея поляки и литовцы стояли на различныхъ точкахъ зрѣнія, которыя они не желали или не умѣли другъ другу разъяснить. Такъ случилось и при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Въ октябрѣ 1439 года въ письмѣ къ римскому королю Альбрехту II Сигизмундъ жаловался на то, что поляки трактуютъ великое княжество, какъ несамостоятельное, подчиненное Польшѣ государство, и уже изъявлялъ готовность войти въ союзъ съ нимъ помимо и противъ поляковъ [147]). Поэтому едва ли съ охотою и искренно онъ поновлялъ унію великаго княжества съ Польшею въ записи, выданной 31 октября того же года, по случаю достиженія совершеннолѣтія Владиславомъ III [148]). Съ выдачею этой записи онъ медлилъ цѣлый годъ,

[147]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 261.

[148]) Ibidem № 262.

ибо Владиславъ III съ своей стороны выдалъ Сигизмунду подтвержденье всѣхъ прежнихъ привилеевъ еще 16 декабря 1438 года [149]). Знаменательнымъ является и то обстоятельство, что въ подтвердительной записи Сигизмунда не упоминается о ручательствѣ князей и бояръ въ ея исполненіи. По всѣмъ признакамъ, подготовлялся новый разрывъ съ Польшею, который и произошелъ на самомъ дѣлѣ, но уже не при жизни Сигизмунда, а послѣ его смерти.

§ 5.

По современнымъ извѣстіямъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ послѣ окончательной побѣды надъ Свидригайломъ и подчиненія всѣхъ областей великаго княжества, въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ и панамъ сдѣлался настоящимъ тиранномъ. Предшествовавшая продолжительная борьба, богатая измѣнами и переходомъ князей и пановъ съ одной стороны на другую, накопила въ немъ большой запасъ раздраженія и недовѣрія къ этому классу. Отъ этихъ чувствъ онъ естественно не смогъ отдѣлаться и послѣ того, какъ всѣ князья и паны покорились ему и признали его великимъ княземъ. Ему казалось, что эта покорность чисто притворная, и что они постоянно замышляютъ противъ него что нибудь недоброе. Его подозрительность сдѣлалась въ концѣ концовъ настоящею маніею, и онъ охотно слушалъ не только доносчиковъ, но и разныхъ чародѣевъ и ворожбитовъ и каралъ невинныхъ людей согласно ихъ показаніямъ. Самого ничтожнаго повода было достаточно для того, чтобы попасть подъ опалу великаго князя, за которою слѣдовало тюремное заключеніе, пытки, конфискація имѣній и даже смертная казнь. На ряду съ жестокостью въ великомъ князѣ объявились и другія страсти, дававшія тяжело себя чувствовать окружающимъ людямъ, — любострастіе, несмотря на преклонный возрастъ, и необыкновенное корыстолюбіе заставлявшее его прибѣгать постоянно къ конфискаціямъ княжескихъ и панскихъ имуществъ. Стремясь жить и править на полной своей волѣ, Сигизмундъ началъ окружать себя преимущественно людьми низкаго званія, конюхами и холопами, и раздавать имъ разные уряды, а отъ князей и пановъ все болѣе и болѣе отдаляться и замыкаться. Онъ поселился въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ и рѣдко кого допускалъ въ свои покои. Его тираннія въ концѣ концовъ сдѣлалась невыносимой и вызвала среди князей и пановъ дѣйствительное стремленіе избавиться отъ него. Князья и паны настолько

---

[149]) Volumina legum I, 63. Petersburg 1859; Zbiór praw litewskich, str. 25, 27; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 173.

были запуганы поведеніемъ великаго князя, что въ свою очередь стали подозрѣвать его въ самыхъ злодѣйскихъ намѣреніяхъ. Послѣ того, какъ онъ посадилъ въ заключеніе Мстиславскаго князя Юрія Лингвеньевича и Копыльскаго князя Олелька Владиміровича съ женою и сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и вслѣдъ затѣмъ сталъ созывать къ себѣ въ Троки князей и пановъ на сеймъ, прошелъ слухъ, что этотъ сеймъ и созывается для того, чтобы погубить всѣхъ князей и пановъ разомъ. Тогда среди князей и пановъ образовался заговоръ съ цѣлью избавиться отъ тиранна. Душею заговора были кн. Иванъ Чорторыйскій, правнукъ Ольгерда, воевода Виленскій Довгердъ и воевода Троцкій Лелюшъ. Но и другіе князья и паны литовскіе и русскіе принимали участіе въ заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, зная объ немъ, молчали. Заговоръ по убѣжденію поляковъ современниковъ, былъ дѣломъ чуть не всѣхъ литовскихъ и русскихъ князей и пановъ. Въ немъ участвовали даже такія лица, которыя обязаны были своимъ возвышеніемъ Сигизмунду Кейстутьевичу. Для всѣхъ его тираннія сдѣлалась невыносимою, въ высшей степени опасною, и всѣ рады были какъ можно скорѣе избавиться отъ нея [150]). Заговоръ имѣлъ успѣхъ, и великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ погибъ насильственною смертью въ вербное воскресенье 1440 г. (20 марта).

Не такъ согласны и единодушны оказались князья и паны относительно преемника Сигизмунду Кейстутьевичу. Пока зрѣлъ заговоръ противъ Сигизмунда, вопросъ о его преемникѣ не поднимался между участниками заговора. Всѣ они поглощены были одною мыслью — избыть наличнаго великаго князя и, вѣроятно, инстинктивно избѣгали переговоровъ о будущемъ его преемникѣ, чувствуя, что это можетъ породить между ними раздоры и несогласія и повредить успѣху заговора. Тѣмъ менѣе могли образоваться какіе-либо планы у тѣхъ, кто не участвовалъ въ заговорѣ и былъ застигнутъ врасплохъ событіями. Вотъ почему послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича князья и паны

---

[150]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIII, p. 619—621; Лѣтопись Быховца (*Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, Wilno 1846), str. 48—50; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 202—204. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Ш, 113. Въ недавнее время сдѣлана была попытка освѣщенія заговора противъ Сигизмунда Кейстутьевича, какъ реакціи со стороны православныхъ русскихъ людей противъ католическаго фанатизма и религіозныхъ притѣсненій Сигизмунда Кейстутьевича. О неосновательности этой попытки мы имѣли случай говорить въ разборѣ книги г. Ярушевича «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій», помѣщ. въ іюльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1898 г.

выдвинули нѣсколько кандидатовъ на великое княженіе. Главари заговора — кн. Чорторыйскій, Довгердъ и Лелюшъ имѣли въ виду вернуть на великое княженіе Свидригайла и заняли на его имя большой Троцкій замокъ и нижній Виленскій. Малый Троцкій замокъ, лежавшій на островѣ озера, занялъ сынъ покойнаго великаго князя — Михаилъ Сигизмундовичъ, а верхній Виленскій замокъ занялъ на его имя панъ Нарбутъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими панами прочившій его въ преемники отцу. Бискупъ Виленскій Матвѣй, Остикъ, Гаштольдъ, Монивидъ, Петръ Монтыгирдовичъ и нѣкоторые другіе старшіе паны литовскіе постановили было выполнить данныя обязательства, въ силу которыхъ по смерти Сигизмунда великое княженіе должно было перейти къ королю и коронѣ Польской, и позаняли нѣкоторые замки на имя Владислава. Но паны: Янъ Гаштольдъ, намѣстникъ Смоленскій, староста Жмудскій Кезгайло, Николай Немировичъ и маршалокъ земскій Радивилъ съѣхались у князя Юрія Семеновича Гольшанскаго и положили взять господаремъ другого сына Ягайлова—королевича Казимира, доводившагося по матери двоюроднымъ племянникомъ (сыномъ двоюродной сестры) кн. Юрію Семеновичу [151]). Къ нимъ примкнуло много другихъ князей и пановъ. Свидригайло обрѣтался на чужбинѣ, и уже упала вѣра въ его счастіе. Михаила Сигизмундовича боялись взять господаремъ, опасаясь, что онъ будетъ мстить многимъ за смерть отца. Владиславу III не хотѣли подчиняться непосредственно, ибо это влекло за собою потерю самостоятельности великаго княжества. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вокругъ лицъ, выставившихъ кандидатуру королевича Казимира, собралась самая многочисленная и сильная партія.

Приверженцы Казимира, не медля долго, отрядили въ Польшу пословъ къ королю Владиславу съ просьбою отпустить Казимира на великое княженіе въ Литву, а сами поѣхали вслѣдъ за послами въ Берестье, чтобы встрѣтить и проводить Казимира въ Вильну. Владиславъ, собиравшійся въ то время уѣзжать въ Венгрію, гдѣ его избрали королемъ, согласился отпустить Казимира въ Литву, но не въ качествѣ великаго князя, а въ качествѣ простого намѣстника польскаго короля. Этимъ онъ въ сущности нарушалъ условія договора 1432 года, который предусматривалъ въ этомъ случаѣ избраніе новаго великаго князя по обоюдному согласію Польши и Литвы. Поэтому и литовскіе князья уже не стѣснялись въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Съ прибытіемъ Казимира въ Литву паны, державшіе сторону Свидригайла и Владислава, примкнули къ сторонникамъ Казимира, и всѣ рѣшили возвести его на

[151]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 115.

великое княженіе. Когда въ Вильну собрались также и паны изъ разныхъ земель, подвластныхъ великому княжеству, литовцы стали просить прибывшихъ съ Казиміромъ польскихъ пановъ, чтобы они разрѣшили посадить Казиміра на престолѣ и провозгласить его великимъ княземъ. По словамъ Длугоша, литовскіе паны опасались, что сторонники Михаила Сигизмундовича возведутъ на великое княженіе этого князя, если Казиміръ останется въ Вильнѣ только намѣстникомъ польскаго короля. Кромѣ того, они считали униженіемъ для великаго княжества, если Казиміръ лишенъ будетъ титула и власти великаго князя и будетъ подчиняться распоряженіямъ короля Владислава, который даже и въ Польшѣ не живетъ, а гдѣ-то на сторонѣ, въ Венгріи. Когда польскіе паны отвѣтили категорическимъ отказомъ на просьбу литовцевъ, послѣдніе самовольно провозгласили Казиміра великимъ княземъ [152]).

Такъ разорвана была унія Литвы съ Польшею, заключенная въ 1432 году. Поэтому естественно, что Владиславъ III, къ которому литовцы обратились за утвержденьемъ избраннаго ими великаго князя, отказалъ имъ въ своемъ согласіи и не призналъ Казиміра великимъ княземъ Литовскимъ. По извѣстію Длугоша, у него созрѣлъ въ то время планъ раздѣлить великое княжество на нѣсколько частей, чтобы тѣмъ легче держать его въ подчиненіи, а именно: для себя и короны Польской удержать нѣкоторые замки, между прочимъ Берестье и Каменецъ; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачею ему владѣній, гарантированныхъ договоромъ 1432 г.[153]); Болеслава Мазовецкаго утвердить во владѣніи Дорогицкою землею, которую онъ захватилъ послѣ смерти Сигизмунда Кейстутьевича, а остальныя княжества Литвы и Руси отдать королевичу Казиміру [154]).

Отказъ Владислава въ утвержденьѣ усугубилъ и безъ того затруднительное положеніе новаго великаго князя. Уже не говоря о томъ,

---

[152]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 656, 580, 606—608; Лѣтопись Быховца, str. 50, 51. *Stryjkowskiego* Kronika, tom. II, str. 206, 207.

[153]) Изъ этихъ владѣній Михаилъ Сигизмундовичъ въ 1435 году съ согласія отца своего Сигизмунда, князей, прелатовъ, бароновъ и бояръ литовскихъ записалъ въ качествѣ вѣна женѣ своей Евфиміи Берестье, Каменецъ, Слонимъ и Волковыйскъ. Евфимія получила право пожизненнаго пользованья этими имѣньями по смерти мужа; послѣ ея смерти ея прямые наслѣдники должны были получить 40 т. золотыхъ угорскихъ, а самыя имѣнья отойти къ великому княжеству; если бы она умерла prole non relicta, тогда 20 т. золотыхъ угорскихъ получалъ ея братъ, Мазовецкій князь Болеславъ. Monumenta medii aevi, tomus XII, № 232, 233.

[154]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 657, 658.

что отъ него отпало нѣсколько областей,—даже въ предѣлахъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на Литвѣ и Руси Литовской, у Казимира все еще было много противниковъ, стоявшихъ за Михаила Сигизмундовича. На жизнь Казимира съ ихъ стороны было сдѣлано даже нѣсколько покушеній. Казимиръ попытался обезоружить эту партію примиреніемъ съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ. Онъ отдалъ ему значительную часть его отчины—Бѣльскъ, Брянскъ и Суражъ на Подляшьѣ, Клецкъ и Койдановъ на Руси Литовской, Брянскъ и Стародубъ въ землѣ Чернигово-Сѣверской. Но это примиреніе не достигло цѣли. Михаилъ не пересталъ интриговать противъ Казимира и едва было не погубилъ его измѣннически на охотѣ, наславъ на него вооруженный отрядъ подъ начальствомъ князей Воложинскихъ [155]). Но особенно затруднительнымъ стало положеніе Казимира, когда поляки на Сѣрадзьскомъ сеймѣ 1445 года выбрали его королемъ Польши. Уѣхать въ то время изъ великаго княжества значило дать благопріятный случай своему противнику къ новымъ попыткамъ утвердиться на великомъ княженіи. Эти попытки, въ виду тогдашняго нерасположенія литовцевъ къ возобновленію уніи съ Польшею на основаніи договора 1432 года, могли кончиться успѣхомъ Михаила Сигизмундовича. Поэтому и самъ Казимиръ на первыхъ порахъ не рѣшался принять Польской короны и подъ разными предлогами оттягивалъ окончательный отвѣтъ на предложеніе поляковъ, и приверженные къ нему литовскіе паны не пускали его въ Польшу, опасаясь, что вмѣстѣ съ Казимиромъ они потеряютъ пріобрѣтенную свободу [156]). Казимиръ далъ утвердительный отвѣтъ лишь только тогда, когда избраніе въ польскіе короли мазовецкаго князя Болеслава, шурина Михаила Сигизмундовича, стало угрожать ему еще большею опасностью. Предъ отъѣздомъ изъ Литвы на коронацію, чтобы успокоить литовцевъ въ ихъ опасеніяхъ касательно предстоявшаго тѣснаго союза съ Польшею (подъ однимъ государемъ), а также, чтобы еще болѣе привязать ихъ къ своей персонѣ, Казимиръ 2 мая 1447 г. выдалъ новый привилей прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ Литовской, Русской, Жмудской и другихъ земель великаго княжества. Этотъ привилей имѣетъ огромное значеніе какъ въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества вообще, такъ въ частности и въ исторіи изучаемаго учрежденія.

---

[155]) Лѣтопись Быховца, стр. 55; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 211, 212.

[156]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 10: et transmigrare simul cum Kazimiro partam libertatem rebantur.

Въ вознагражденіе за испытанную вѣрность къ нему, какъ къ прирожденному государю и законному наслѣднику, а также, чтобы и па будущее время заохотить ихъ къ тому же, Казимиръ пожаловалъ названнымъ чинамъ всѣ вообще права, вольности и изъятія (generaliter et omnino eadem jura, libertates et emunitates), какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства польскаго. Но, чтобы на будущее время не возникало никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, Казимиръ счелъ нужнымъ подробно и точно обозначить даруемыя права и вольности. Въ его грамотѣ сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которыя дарованы были предшественниками Казимира, и которыя онъ только подтверждалъ, распространяя ихъ на всѣхъ вообще военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, находимъ и нѣкоторыя новыя, и притомъ чрезвычайно важныя, права. Казимиръ освобождалъ всѣхъ княжескихъ, панскихъ, шляхетскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ крестьянъ (kmethones et subditos principum, baronum, nobilium, boyarorum et civium) не только отъ платежа натуральныхъ податей («дякла») и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати, «серебщины»; обязывался не принимать на свои земли владѣльческихъ крестьянъ—отчичей и невольныхъ (orienarios kmethones, manucipiorum obnoxios), запрещая то же самое владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ; устанавливалъ, что судъ надъ владѣльческими «подданными» принадлежитъ владѣльцамъ, и эти «подданные не должны впредь привлекаться къ суду великаго князя или его урядниковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, при чемъ судебныя пени во всякомъ случаѣ должны идти въ пользу владѣльцевъ. Католическому духовенству дана была гарантія въ томъ, что впредь вакантныя духовныя должности будутъ замѣщаться предпочтительно подходящими людьми изъ уроженцевъ великаго княжества и только при неимѣніи таковыхъ—иностранцами. Въ интересахъ свѣтскихъ пановъ Казимиръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не давать никому, помимо уроженцевъ великаго княжества, земель, замковъ и мѣстъ въ полную собственность, временное владѣнье или въ державье, равно не раздавать иноземцамъ уряды или почетныя званія (officia sive personatus dignitates). Наконецъ, въ виду притязаній поляковъ на Волынь и Подолье Казимиръ обязался не уменьшать владѣній великаго княжества, но сохранить его въ цѣлости въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ оно заключалось при великомъ князѣ Витовтѣ [157]).

---

[157]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 16. *Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 38, nota 51. Этотъ же привилей напечатанъ въ разныхъ

Итакъ, сверхъ политическихъ гарантій, вытекавшихъ изъ признанія великаго княжества особымъ и независимымъ государствомъ, военнослужилый классъ получилъ отъ Казимира почти тѣ же права, которыя отецъ его пожаловалъ католическому духовенству, т. е. освобожденіе его «подданныхъ» отъ платежа всякихъ податей въ пользу великаго князя и о юрисдикціи великаго князя и его урядниковъ. Едва ли эти вольности идутъ отъ предшественниковъ Казимира. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это въ отношеніи пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ. Извѣстно, что Городельскій привилей прямо подтвердилъ обязанность пановъ и шляхты платить великому князю подати съ своихъ имѣній согласно старому обычаю (et tributa dare iuxta antiquam consuetudinem)[158]. Привилей Сигизмунда Кейстутьевича отъ 1434 г. освободилъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ отъ платежа одного только «дякла», которое предъ тѣмъ платилось ему самому и его предшественникамъ (quos ab ante nobis et predecessoribus nostris dare consueverant et astricti fuerunt)[159].—Что касается великокняжеской юрисдикціи, то объ освобожденіи отъ нея панскихъ и боярскихъ людей не упоминаетъ ни одинъ изъ предшествующихъ привилеевъ. Это освобожденіе нельзя подразумѣвать въ пожалованіи литовскимъ и русскимъ панамъ и шляхтѣ-боярамъ всѣхъ тѣхъ правъ и вольностей, коими пользуются паны и шляхта королевства Польскаго. Правда, что въ Польшѣ въ то время владѣльческіе «подданные» большею частью уже не подлежали юрисдикціи королевскихъ урядниковъ (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, составлявшихъ «старостинскіе артикулы»). Но это изъятіе гарантировалось *не общимъ закономъ, а частными привилеями*, полученными владѣльцами. Такъ какъ этихъ привилеевъ было роздано великое множество, то и владѣльческая юрисдикція стала *обычнымъ* содержаніемъ рыцарскаго права[160]. Но въ общихъ писанныхъ узаконеніяхъ Польши владѣльческая юрисдикція опредѣлялась только позднѣе вышеуказаннаго привилея 1447 года, а именно: въ Нешав-

изданіяхъ подъ датою 2 мая 1457 года (см., напр., Акты Зап. Рос. I, № 61; Zbiór praw litewskich, str. 28—35; *Rzyszczewski i Muczkowski* Codex diplomaticus Poloniae, № CLXXXVIII). Неправильность этой даты доказалъ уже Каро (Geschichte Poleus, Theil IV, s. 278, Anmerk. 2).

[158]) Zbiór praw litewskich, str. 13.

[159]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, appendix № 22.

[160]) *Fr. Piekosińskiego* Rycerstwo polskie wieków średnich, tom I, str. 211—233, 331—333. Kraków 1896.

скомъ статутѣ (великопольскомъ) Казимира IV [161]), въ Петрковскомъ статутѣ 1496 г. и послѣдующихъ сеймовыхъ конституціяхъ до конституціи 1573 года включительно [162]). Если такъ, то едва ли можно думать, что и литовскіе земскіе привилеи 1413 и 1434 г., уравнивавшіе литовцевъ въ правахъ съ поляками, шли далѣе того, что существовало въ польскомъ правѣ, и implicite содержали общій законъ о юрисдикціи свѣтскихъ владѣльцевъ надъ своими людьми, котораго еще не было у самихъ поляковъ. Въ силу этихъ соображеній мы считаемъ долгомъ отступиться здѣсь отъ утвержденія, высказаннаго нами ранѣе, на стр. 630 книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», и признать, что привилеи, предшествовавшіе привилею 1447 года, не опредѣляли еще юрисдикціи для всѣхъ свѣтскихъ владѣльцевъ даже въ предѣлахъ собственной Литвы, что даже и здѣсь эта юрисдикція не была еще правомъ, опредѣленнымъ въ общемъ законѣ.

Привилею 1447 г. принадлежитъ весьма важное мѣсто въ соціально-политической исторіи Литовско-Русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Прежде всего бросается въ глаза его особый характеръ. Привилей прямо и опредѣленно утверждаетъ извѣстныя права и вольности только Литвы, соединенной съ нею Руси и Жмуди, но глухо и, такъ сказать, принципіально и всѣхъ вообще земель великаго княжества Литовскаго. Вслѣдствіе этого его можно разсматривать, какъ *первый общеземскій привилей*, отъ котораго ведутъ начало права и вольности князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ (военно-

---

[161]) Статутъ, данный великопольскому рыцарству въ 1454 г., гласилъ: Statuimus insuper, ne castellani, prout ante consueverunt, sua judicia exerceant, quorum judiciis nobiles terrigenae aut ipsorum kmethones deinceps non parebunt neque aliquas poenas ratione contumaciae luant, sed castellani predicti coram judicio terrestri jure convincant. Insuper pecunias quas antea ea pro capitibus a nostrorum terrigenarum hominibus recipiebant, a modo exigere non debebunt, sed unusquisque haeres hujusmodi pecuniam alias Glowne jure sibi id decernendo recipiat (*R. Hube* Statuta Nieszawskie z 1454 roku. Warszawa 1876).

[162]) Статутъ 1496 г. опредѣлялъ, чтобы долги съ крестьянъ взыскивались предъ судомъ пана; конституція 1501 г. опредѣляла, чтобы старосты не привлекали къ своему суду владѣльческихъ крестьянъ pro injuria, но направляли ихъ къ панскому суду; конституція 1573 г. подтверждала право каждаго пана карать своего хлопа по своему усмотрѣнію tam in spiritualibus quam in saecularibus. См. *M. Bobrzyńskiego* Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce, str. 169—173. (Rocznik Akad. Umiej. w Krakowie, Rok 1891/2).

служилыхъ) великаго княжества въ обширномъ смыслѣ. Этотъ привилей не только юридически оформилъ и укрѣпилъ ихъ положеніе, какъ землевладѣльцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ юридически опредѣлилъ и усилилъ то положеніе, которое успѣли къ тому времени занять военнослужилые землевладѣльцы по отношенію къ населенію своихъ имѣній. Великій князь не только обязался за себя и своихъ урядниковъ не принимать ихъ крестьянъ отчичей (orienarios) и невольныхъ людей (mancipiorum obnoxios)[163], но и отказался въ пользу военнослужилыхъ землевладѣльцевъ отъ важнѣйшихъ своихъ правъ по отношенію къ населенію ихъ имѣній—отъ права суда и взиманія судебныхъ пеней, отъ денежныхъ и натуральныхъ податей и барщинныхъ повинностей. По существу своему эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослужилыми землевладѣльцами. Благодаря этимъ уступкамъ добрая половина населенія, если не большинство, почти совсѣмъ вышла изъ подъ непосредственной власти великаго князя и попала подъ власть землевладѣльцевъ, которые стали въ отношеніи къ ней чуть не такими же *господарями*, какъ самъ великій князь по отношенію къ остальной части[164]). Въ Литовско-Русскомъ государствѣ установился соціально-политическій строй, сильно напоминающій средневѣковой западно-европейскій *феодализмъ*. Въ тогдашней канцелярской латыни это сходство стало отмѣчаться западно-европейскою феодальною терминологіею еще ранѣе, чѣмъ названный строй установился окончательно. Въ различныхъ грамотахъ, писанныхъ въ первой половинѣ XV в., встрѣчаемъ упоминанія о «баронахъ», «рыцаряхъ», «вассалахъ», «присяжникахъ» (homagiales), «феодальныхъ службахъ»[165]). Позже эта терминологія проникла и въ русскій канцелярскій языкъ великаго княжества[166]).

---

[163]) Населеніе боярскихъ имѣній уже въ началѣ XV в. составляли люди czinshaftige und eigen. Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCLI.

[164]) Этотъ фактъ нашелъ себѣ выраженіе и въ оффиціальномъ языкѣ: названіемъ «господарь» или «панъ» стали одинаково именоваться какъ великій князь, такъ и землевладѣлецъ въ отношеніи къ людямъ, населявшимъ ихъ имѣнье и называвшимся одинаково ихъ «подданными». См., напр., Monumenta medii aevi, tomus XIV, appendix № 22; Zbiór praw litew., str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61, 67 и др.

[165]) Zbiór praw litewskich, str. 7, 20, 195; Monumenta medii aevi, tomus XII, № 232.

[166]) Лит. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 183, 184; XXXV, л. 144, 145, 263, 264; XXXVIII, л. 249, 250; XXXIX, л. 248, 249, 415; XLVIII, л. 16, 17.

Точно такъ же по западному феодальному обычаю, ближайшимъ образомъ по польскому примѣру, знатные литовскіе бояре стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имѣньямъ, имъ принадлежавшимъ. Такимъ образомъ, напр., въ актѣ поручительства Свидригайла и литовскихъ пановъ за Румбольда, Гаштольда и другихъ плѣнныхъ, выданномъ полякамъ 15 дек. 1431 г., перечислены: Протасій *съ Островка*, Корева *съ Солечникъ*, Станиславъ *съ Вяжнина*, Першко *съ Домановичъ*. Самъ Румбольдъ въ своемъ личномъ письменномъ обязательствѣ (отъ 26 іюня 1432 г.) величалъ себя Румбольдомъ *съ Вильтова* [167]). Въ привилеѣ земскомъ 1447 г. выдававшій его канцлеръ Михаилъ Кезгайловичъ названъ *съ Дявилтова* [168]). То же самое встрѣчаемъ и послѣ изданія этого привилея. Въ записи о приданомъ, выданномъ королемъ Казимиромъ за своею дочерью Штетинскому князю Богуславу, обозначены присутствовавшіе при совершеніи ея паны: воевода Виленскій Олехно Судимонтовичъ *съ Хожова*, воевода Троцкій Богданъ Андреевичъ *съ Груздова*, панъ Виленскій Миколай Радивиловичъ *съ Мушникъ* [169]). Та же самая претензія на княжеское значеніе, которая проявилась въ этихъ величаніяхъ по имѣньямъ, позже стала искать себѣ болѣе опредѣленныхъ выраженій и привела къ принятію знатными литовскими панами соотвѣтствующихъ титуловъ. Такимъ образомъ, напр., извѣстный панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, величалъ себя *графомъ* Обмурованныхъ Гераноинъ (Groff de Murata Gieranon) [170]); панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ, воевода Виленскій и канцлеръ, во время пребыванія своего въ Австріи въ 1515 году (ѣздилъ съ королемъ Сигизмундомъ на Вѣнскій конгрессъ государей) досталъ себѣ отъ императора Максимиліана титулъ *князя* Священной Римской имперіи *на Гонязѣ и Мяделѣ*. Императоръ Карлъ V въ 1547 году пожаловалъ титулъ *князей на Несвижѣ и Олыкѣ* братьямъ Миколаю Яновичу Радивилу, маршалку земскому, и Яну Яновичу Радивилу, литовскому крайчію, а ихъ двоюродному брату Миколаю—*князя на Биржахъ и Дубинкахъ* [171]); въ 1568 году король Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ пану Яну Еро-

---

[167]) Monumenta medii aevi, tomus II, № LXXV, LXXIX.

[168]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, app. № 76.

[169]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CCLIV.

[170]) *Balińskiego i Lipińskiego* Starożytna Polska, tom IV, str. 185.

[171]) *Znieckiego* Poczet rodów, str. 271, 276, 279; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 675; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 386; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, № XIX; Литов. Метр. кн. L, л. 222.

нимовичу Ходкевича носить пожалованный ему отъ императора титулъ *графа на Шкловѣ, Быховѣ, Глуску и Мыши* [172]) и т. д.

Соціально-политическій строй, закрѣпленный привилеемъ 1447 г., представилъ въ высшей степени благопріятную почву для дальнѣйшаго роста и преуспѣянія того учрежденія, зарожденіе котораго мы выслѣдили въ предыдущей главѣ. Если и до изданія привилея 1447 г. литовско-русскій господарь долженъ былъ при рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ обращаться за совѣтомъ и согласіемъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ великаго княжества, къ князьямъ и знатнымъ литовскимъ боярамъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ дѣлать это послѣ того, какъ подѣлился своею государственною властью надъ народною массою со всѣми военнослужилыми землевладѣльцами и тѣмъ возвысилъ непомѣрно ихъ значеніе въ обществѣ. Съ того времени онъ, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ, и nolens-volens долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего, конечно, наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно была чревата послѣдствіями та статья привилея 1447 г., которая освобождала самихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ и ихъ «подданныхъ» отъ платежа въ казну великаго князя постоянной «серебщины». Благодаря этому литовскій скарбъ очень скоро почувствовалъ нужду въ деньгахъ, и уже въ 1450 году Казимиръ долженъ былъ прибѣгнуть къ экстренному обложенію на военныя нужды [173]). Позже, когда продолжительная борьба съ Москвою и татарами въ конецъ истощила финансовые рессурсы литовско-русскаго государя, и когда чуть не ежегодно ему пришлось прибѣгать къ этому экстренному обложенію, онъ уже не счелъ возможнымъ дѣлать это единоличнымъ распоряженіемъ и даже

---

[172]) Лит. Метр. кн. Запис. L, л. 170—172. О другихъ аналогіяхъ соціально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ см. «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 614—624.

[173]) Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae pars II, № 1835. Riga und Dorpat 1835. Литовское правительство по примѣру западной Европы въ то время уже пользовалось наемными войсками въ своихъ войнахъ. Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что «жолнеры» употреблялись Казимиромъ уже въ войнѣ, которую онъ въ началѣ своего великокняженія велъ съ Москвою. Kronika, tom II, str. 210.

съ согласія пановъ рады, а сталъ созывать для этого князей, пановъ и шляхту всѣхъ земель великаго княжества на великіе вальные соймы и заручаться ихъ соизволеніемъ какъ относительно сбора экстренной подати, или «серебщины», такъ и относительно размѣровъ ея и порядка взиманія. Но давая своему господарю денежныя субсидіи на нужды государства, князья, паны и бояре шляхта съ своей стороны стали пользоваться случаемъ и выхлопатывать отъ господаря новыя права и вольности, а также обращаться къ нему съ требованіями разныхъ государственныхъ улучшеній, новыхъ законовъ и новыхъ учрежденій. Литовско-русскій великій вальный соймъ съ теченіемъ времени получилъ благодаря всему этому огромное значеніе въ государственной жизни великаго княжества Литовскаго, и сдѣлался высшимъ учрежденіемъ, которое сильно ограничивало власть литовско-русскаго государя.

§ 6.

Какъ было сказано выше, привилей 1447 года былъ первымъ общеземскимъ привилеемъ, который, хотя прямо и опредѣленно утверждалъ права и вольности только Литвы, Руси и Жмуди, но глухо—и всѣхъ остальныхъ земель великаго княжества. Такая особенность этого привилея объясняется тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ выданъ. Казимиру приходилось располагать къ себѣ не только Литву и объединенную съ нею Русь, но и остальныя земли великаго княжества, среди которыхъ въ самомъ началѣ его великокняженія обнаружились сепаратистическія движенія,—стремленія устроиться самостоятельно и независимо отъ господствующей земли, т. е. отъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ.

Области-аннексы великаго княжества Литовскаго не участвовали въ возведеніи Казимира на великое княженіе. Это возведеніе было собственно дѣломъ самой сильной партіи литовскихъ пановъ, совершено было наскоро и скорѣе въ формѣ coup d'état, чѣмъ правомѣрно, по общему совѣту и согласію. Что касается пановъ, пріѣхавшихъ къ Казимиру изъ разныхъ земель великаго княжества,—о которыхъ говоритъ Длугошъ,—то, по всѣмъ признакамъ, это были все тѣ же литовцы, державшіе намѣстничьи уряды, въ родѣ, напр., Яна Гаштольда, намѣстника Смоленскаго. И въ разсказѣ древнѣйшаго литовско-русскаго лѣтописца, современника описываемому событію, возведеніе Казимира на великое княженіе представлено, какъ дѣло литовскаго сейма въ тѣсномъ смыслѣ. «Радаж Литовская,—говоритъ онъ,—великаго княженья князи и панове и вся земля дорадившеся, и взяли з Ляховъ Казимира королевичь на великое княженье Литовьское». Въ другихъ земляхъ, судя

по его разсказу, литовскіе намѣстники брали съ обывателей присягу не отступать отъ того великаго князя, кого посадятъ на великомъ княженьѣ въ Вильнѣ князья, паны и вся земля Литовская [174]). Слѣдовательно, представители этихъ земель не приглашались на сеймъ въ Вильну.

Такой образъ дѣйствій господствующей земли и на этотъ разъ, какъ и при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича, вызвалъ въ областяхъ великаго княжества оппозицію, хотя на этотъ разъ оппозиція проявилась по разному и поэтому сравнительно легко была подавлена. Возмущеніе противъ Литвы поднялось прежде всего въ Смоленскѣ. Первоначально всѣ смольняне—владыка, князья, бояре, мѣстичи и черные люди цѣловали крестъ не отступать отъ Вильны и держать пана Андрея Саковича, пріѣхавшаго въ Смоленскъ на мѣсто Гаштольда, честно, какъ воеводу. Но уже въ среду на святой недѣлѣ (30 марта) настроеніе смоленской черни рѣзко измѣнилось. Черные люди—кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники и др. ремесленники вооружились, собрались на вѣче и вступили въ бой съ намѣстникомъ и боярами, которые остались вѣрными Литвѣ. Хотя въ первой стычкѣ побѣда осталась за намѣстникомъ и боярами, но уже на другой день они принуждены были уѣхать изъ Смоленска, намѣстникъ—въ Литву, а бояре по своимъ имѣньямъ. Черные люди сначала посадили воеводою въ Смоленскѣ князя Андрея Дорогобужскаго, а затѣмъ призвали къ себѣ «государемъ» мстиславскаго князя Юрія Лингвеньевича. Послѣдній похваталъ смоленскихъ бояръ, посажалъ ихъ въ оковы, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ мстиславскимъ боярамъ, намѣреваясь, по всѣмъ признакамъ, отдѣлиться совсѣмъ отъ великаго княжества и возстановить древнее Смоленское княжество въ полномъ объемѣ [175]). Въ то же время онъ, «возгордясь», какъ говоритъ лѣтописецъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Полоцкъ и Витебскъ [176]). Точно такъ же и земля Волынская на первыхъ порахъ обнаружила стремленія устроить свою судьбу независимо отъ Литвы. Правда, что князья Сангушковичи и нѣкоторые бояре Волынскіе по полученіи вѣсти о смерти Сигизмунда Кейстутьевича отправились въ Вильну и ударили челомъ на службу в. кн. Казимиру [177]), но это было меньшинство. Князья и бояре Луцкой земли приняли къ себѣ на княженіе

---

[174]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[175]) Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ, стр. 54, 55.

[176]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 113.

[177]) *Narbutta* Pomniki do dziejów litewskich, str. 51.

Свидригайла [178]), который уже 6 іюня принесъ вассальную присягу не великому князю Казимиру, а королю Польскому Владиславу III [179]). Свидригайло еще въ мартѣ 1445 года распоряжался въ Луцкѣ, какъ вассалъ Владислава III,—«съ приказаньемъ кроля Владислава Польского и Вгорского» [180]). Есть данныя и на то, что и Владиміръ съ своимъ округомъ, равно и Кременецъ въ это время были подъ властью Польши, а не Литвы [181]).—Одновременно съ Смоленскою и Волынскою землею отторглось отъ великаго княжества Подляшье, или земля Дорогицкая съ городами Дорогичиномъ, Бѣльскомъ и Мельникомъ. Начальствовавшій въ этой землѣ староста Дорогицкій и Мельницкій Носута, мазуръ по происхожденію, поддался со всѣми названными городами князю мазовецкому Болеславу, къ которому эта земля должна была перейти по смерти Сигизмунда Кейстутьевича вслѣдствіе особаго договора съ нимъ [182]). Вскорѣ и земля Жмудская не захотѣла подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали отъ себя намѣстниковъ старосты Кезгайла, выбрали себѣ сами старосту—племянника Контовтова Довмонта, а княземъ надъ собою признали Михаила Сигизмундовича [183]). Даже и Кіевская земля обнаружила склонность къ отдѣленію отъ великаго княжества. Послѣ неудавшейся попытки погубить Казимира на охотѣ Михаилъ Сигизмундовичъ бѣжалъ сначала въ Брянскъ, а затѣмъ въ Москву и отсюда съ вспомогательнымъ московскимъ войскомъ подступилъ къ Кіеву, при чемъ кіевляне легко поддались ему и приняли его намѣстниковъ и гарнизонъ [184]).

---

[178]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 621.

[179]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars I, № CXIII.

[180]) Акты Зап. Рос. I, № 45.

[181]) Въ 1443 г. 19 мая Владиславъ III отобралъ у кн. Сангушка Кошерскъ, находившійся во Владимірскомъ повѣтѣ; въ 1442 г. тотъ же Владиславъ III подтверждалъ городу Кременцу магдебургское право. Scarbiec diplomatów II, № 1783, 1791.

[182]) *Narbutta* Pomniki, str. 51, 52; *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 622. Мазовецкіе князья растили притязанія на Подляшье со временъ дарственныхъ записей на Подляшье, выданныхъ имъ Ягайломъ въ 1391 и 1396. См. *Caro* Geschichte Polens, Th. IV, s. 258—261.

[183]) *Narbutta* Pomniki, str. 52; Scarbiec diplomatów, II, № 1772.

[184]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 212. Случилось это, судя по всему ходу событій, въ 1442—1443 г., а не въ 1449—1451, какъ полагаетъ Каро (Geschichte Polens, Theil IV, s. 268).

Счастіемъ для Казимира было то, что ему не пришлось считаться съ тѣмъ единодушіемъ и солидарностью, которую проявили области въ борьбѣ съ его предшественникомъ. При Казимирѣ области дѣйствовали розно и независимо другъ отъ друга, преслѣдуя разныя цѣли. Поэтому Казимиръ сравнительно легко справился съ ихъ сепаратистическими поползновеніями и подчинилъ ихъ своей великокняжеской власти. Прежде всего онъ выслалъ войско для усмиренія смольнянъ (въ Филиповъ постъ 1440 г.). Это войско подѣлало много зла Смоленской землѣ, но не выполнило своей миссіи, не покорило Смоленска. Казимиръ долженъ былъ для этого вторично снаряжать войско и лично повелъ его на Смоленскъ. На этотъ разъ походъ достигъ своей цѣли. Князь Юрій Лингвеньевичъ увидалъ, что онъ не въ состояніи будетъ удержаться на Смоленскомъ княженіи и покинулъ Смоленскъ ранѣе, чѣмъ подошелъ Казимиръ. Казимиръ взялъ Смоленскъ силою и посадилъ въ немъ воеводою Андрея Саковича [185]). Для окончательнаго замиренія смольнянъ онъ выдалъ имъ грамоту, въ которой подтвердилъ ихъ старинныя права и вольности [186]). Точно такъ же скоро раздѣлался Казимиръ и съ возстаніемъ Жмуди. Онъ собралъ было большое войско въ Ковнѣ съ намѣреніемъ вторгнуться отсюда въ Жмудь. Но сопровождавшій его Янъ Гаштольдъ посовѣтовалъ ему послать къ жмудинамъ того самаго Контовта, племянникъ котораго былъ избранъ ими въ старосты, и попытаться склонить ихъ къ покорности. Контовтъ успѣшно выполнилъ свое порученіе, и Жмудь «призволила» служить великому князю Казимиру, и всѣ «единодушно» пріѣхали въ Ковно, «вдарили чоломъ служить ему вѣрне» и принесли въ томъ присягу. Казимиръ съ своей стороны далъ имъ присягу «заховать ихъ въ ласце своей зо всими ихъ имѣніи» и выдалъ на то особый привилей. Въ этомъ привилеѣ онъ между прочимъ торжественно признавалъ, что жмудины не черезъ мечъ «альбо черезъ оные валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали»; кромѣ того, пожаловалъ жмудинамъ право избирать себѣ старосту, оставляя за собою утвержденіе его, и обратно—право принимать отъ него только такого воеводу и тивуновъ, которые будутъ имъ любы. На этотъ разъ Казимиръ оставилъ у нихъ старостою пана Контовта [187]). Легко удалось Казимиру вернуть подъ свою власть и Кіевъ. Кіевляне поддались Казимиру, какъ только прибыло къ нимъ литовское войско подъ начальствомъ Яна Гаштольда. Тѣмъ не менѣе

---

[185]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., III, 113; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, 209
[186]) Акты Запад. Рос I, № 213.
[187]) *Narbutta* Pomniki, str. 53; Акты Зап. Рос. I, № 103.

Казимиръ и его рада сочли необходимымъ въ государственныхъ интересахъ великаго княжества удовлетворить желаніе кіевлянъ имѣть у себя правителемъ князя. Поэтому, когда вскорѣ послѣ покоренія Кіева, въ Вильну пріѣхалъ изъ Копыля кн. Олелько Владиміровичъ съ сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и большою свитою и сталъ просить о возвращеніи ему отчины его Кіева, Казимиръ, по ходатайству пановъ рады, далъ ему Кіевъ со всѣми пригородками. По Стрыйковскому это имѣло мѣсто въ 1442 году [188]). Больше хлопотъ доставило Казимиру и литовскимъ панамъ Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирнымъ путемъ, и съ этою цѣлью литовскіе паны съѣзжались съ поляками въ ноябрѣ 1441 г. въ Парчовѣ. Но происходившіе здѣсь переговоры не привели ни къ чему [189]). Литовцы послѣ того не разъ пытались вернуть Подляшье силою оружія, но безуспѣшно. Имъ удалось сдѣлать это только въ 1444 году посредствомъ соглашенія съ мазовецкимъ княземъ Болеславомъ, которому они заплатили 6000 копъ широкихъ пражскихъ грошей. При этомъ для удовлетворенія мѣстныхъ земянъ польскаго происхожденія Казимиръ пожаловалъ имъ права и вольности, которыя содержатся въ статутахъ королевства Польскаго [190]). Послѣ того, какъ всѣ эти области воротились къ великому княжеству Литовскому, и Свидригайло съ волынянами не захотѣли отставать отъ прочихъ. Мы видѣли, что въ мартѣ 1445 года Свидригайло все еще оставался вассаломъ польскаго короля. Но въ слѣдующемъ 1446 году Свидригайло уже увѣдомлялъ великаго магистра, что онъ сталъ вѣрнымъ слугою Казимира [191]); слѣдовательно въ концѣ 1445 г. или въ началѣ 1446 г. Волынская земля перешла на сторону Литвы. Вмѣстѣ съ Волынью къ Литвѣ примкнуло и восточное Подолье, остававшееся, какъ было сказано, въ рукахъ Свидригайла послѣ погрома его силъ при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ.

Итакъ, къ 1447 году подъ верховною властью Казимира собрались снова всѣ земли Литовско-Русскаго государства, разсыпавшіяся было въ началѣ его великокняженія въ разныя стороны. Выдавая 2 мая 1447 года привилей на различныя права и вольности для военнослужилаго класса великаго княжества, Казимиръ не могъ обойти въ немъ князей, бояръ и военнослужилыхъ мѣщанъ областей-аннексовъ. И эти

---

[188]) *Narbutta* Pomniki, str. 56; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, s. 212.

[189]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 670.

[190]) *Caro* Geschichte Polens, Theil IV, s. 269—279; Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[191]) Scarbiec diplomatów II, № 1810.

области приходилось задобривать, располагать къ вѣрности разными пожалованіями, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Сигизмундовичъ не прекращалъ своей борьбы съ Казиміромъ, не переставалъ наводить противъ него враговъ извнѣ и интриговать противъ него внутри государства [192]). Этимъ и объясняется та особенность привилея 1447 года, о которой упомянуто было выше. Но такъ какъ въ общеземскомъ привилеѣ 1447 года области-аннексы, за исключеніемъ Жмудской земли, не были названы прямо, а только подразумѣвались въ выраженіи «и прочихъ», то чтобы устранить всякія сомнѣнія, которыя могла порождать общность выраженія, Казимиръ счелъ нужнымъ удостовѣрить пожалованіе областямъ «вольныхъ, добрыхъ христіанскихъ правъ, какъ въ корунѣ Польской», въ тѣхъ самыхъ привилеяхъ, въ коихъ онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, подтверждалъ старину областей. Указанія на это встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ подтвержденіяхъ этихъ привилеевъ. «А которое право,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ Смоленской земли отъ 1505 г.,— далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тое жъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ» [193]). Подобныя же выраженія встрѣчаемъ и въ другихъ подтвердительныхъ грамотахъ, выданныхъ, напр., областямъ Кіевской въ 1507 году и Полоцкой въ 1511 году [194]). Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержаніе ихъ привилеевъ показываетъ, что и на эти области распространилось то самое право, которое было дано Литвѣ, Руси и Жмуди въ 1447 г., ибо нѣкоторыя статьи этихъ привилеевъ прямо соотвѣтствуютъ статьямъ привилея 1447 г.[195]).

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская, по всей вѣроятности, получили отъ Казимира новые привилеи въ 1451 г. Въ началѣ этого года Казимиръ собиралъ въ Вильнѣ общій сеймъ земель великаго княжества (conventionem generalem in Wilno omnium terrarum Lithuaniae egit) для устроенія различныхъ внутреннихъ дѣлъ великаго княжества Литовскаго. Весьма возможно, что на этомъ общемъ сеймѣ Казимиръ и выдалъ привилеи Смоленской, Полоцкой и Витебской землямъ въ лицѣ ихъ представителей, пріѣзжавшихъ на сеймъ. Можетъ быть, впрочемъ, Казимиръ сдѣлалъ это и во время своего объѣзда названныхъ

---

[192]) Въ самомъ началѣ 1446 года Мемельскій командоръ доносилъ великому магистру, что Литва и Жмудь имѣютъ серьезное желаніе взять на великое княженіе Михаила Сигизмундовича. Scarbiec diplomatów, II, № 1808.

[193]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[194]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 70.

[195]) Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 54; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

земель, который онъ предпринималъ въ томъ же году, непосредственно послѣ роспуска сейма [196]). Нѣкоторое подтвержденье нашей догадкѣ относительно Полоцкой земли даетъ судная грамота Казимира отъ 1456 года, содержащая рѣшеніе спора между боярами Полоцкими съ одной стороны, мѣщанами и черными людьми Полоцка съ другой, касательно отправленія земскихъ повинностей. Изъ этой грамоты видно, что Казимиръ во время судебнаго разбирательства наводилъ справки не только въ «листѣ», данномъ полочанамъ Витовтомъ, но и въ своемъ листѣ, «которое жъ право мы имъ дали» [197]). Этотъ «листъ» всего вѣроятнѣе полочане получили отъ Казимира именно въ 1451 году. Волынской землѣ, по всѣмъ даннымъ, Казимиръ выдалъ привилей съ новыми правами и вольностями въ 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайла добровольно отдалась подъ власть Литвы, а не Польши [198]). Дарованіе новыхъ правъ и вольностей со стороны литовскаго правительства могло быть своего рода наградою за вѣрность, а можетъ быть было и средствомъ привлеченія на свою сторону волынскихъ князей и бояръ. Что касается Кіевской земли, то привилей съ новыми правами и вольностями выданъ былъ ей по смерти кн. Семена Олельковича въ 1471 г., какъ это видно изъ подтвержденья его отъ 1507 года. Судя по этому подтвержденью, привилей Казимира гласилъ между прочимъ: «А што придали князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чюжыи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то подтвердимъ зъ ласки нашое» [199]). Утвержденіе за Кіевскою землею новыхъ правъ и вольностей было также средствомъ ея замиренія и привлеченія къ великому княжеству, ибо, какъ извѣстно, Кіевляне въ высшей степени были недовольны отмѣною у нихъ княженія и приняли къ себѣ литовскаго воеводу, только уступая силѣ.

Привилеи, розданные при Казимирѣ областямъ великаго княжества, окончательно выяснили и утвердили для высшихъ классовъ областныхъ обществъ положеніе, начертанное въ привилеѣ 2 мая 1447 года для всего вообще военнослужилаго класса Литовско-Русскаго государства. Какъ было уже сказано выше, это положеніе приводило этотъ классъ къ непремѣнному участію въ политической жизни страны, въ распоряженіи судьбами государства и въ его внутреннемъ управленіи.

---

[196]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 80, 81.

[197]) Акты Зап. Рос. I, № 60.

[198]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 104, 105.

[199]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

Другими словами,—права и вольности, дарованныя Казиміромъ военно-служилому классу, обезпечивали и на будущее время ту роль, которую при немъ игралъ этотъ классъ въ государственной жизни. Эта роль съ особенною ясностью сказывалась въ сеймахъ, которые созывались при Казимирѣ для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.

§ 7.

Для рѣшенія различныхъ вопросовъ государственной жизни Казимиръ созывалъ на сеймы правительственную и землевладѣльческую знать Литвы и соединенной съ нею Руси, т. е. великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, а въ особо важныхъ случаяхъ также и областную знать. Области великаго княжества въ началѣ великокняженія Казимира настолько дали почувствовать Литвѣ ихъ силу и значеніе, что литовское правительство въ послѣдующее время уже не считало возможнымъ рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы безъ ихъ вѣдома и согласія и приглашало въ важныхъ случаяхъ ихъ знать на литовскій сеймъ.

Первый случай такого приглашенія имѣлъ мѣсто уже въ концѣ 1445 и началѣ 1446 года. 15 октября 1445 года прибыли къ Казимиру въ Городно польскіе послы съ предложеніемъ ему короны Польской. Хотя при Казимирѣ въ данное время находились литовскіе паны, съ которыми онъ и совѣщался тайно по поводу предложенія поляковъ, однако они сочли невозможнымъ дать польскимъ посламъ какой-либо положительный отвѣтъ. Условились только, что Казимиръ соберетъ вальный сеймъ Литовской, Жмудской и Русской земель (conventionem generalem cum terris Lithuaniae et Samagittiae ac Russiae teneat) для обсужденія предложенія поляковъ и отвѣтъ этого сейма передастъ полякамъ на Петрковскомъ сеймѣ, который долженъ былъ собраться къ 6 января 1446 г.[200]). Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ сообщаетъ, что условленный сеймъ имѣлъ мѣсто въ Вильнѣ въ январѣ 1446 года, что съѣзжались на него *литовскіе и русскіе паны* [201]). Это извѣстіе подтверждается и сообщеніемъ самого Казимира въ письмѣ отъ 8 января 1446 г. къ великому магистру [202]).

Сеймъ не разрѣшилъ Казимиру принимать корону Польскую. По словамъ Длугоша, литовцы опасались, что съ отъѣздомъ Казимира въ Польшу великимъ княженіемъ овладѣетъ Михаилъ Сигизмундовичъ,

---

[200]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XVI, p. 11.
[201]) Kronika, tom II, str. 224.
[202]) Scarbiec diplomatów II, № 1809.

что этотъ князь будетъ имъ мстить за смерть отца, и они потеряютъ при немъ пожалованія, которыми съ юношескою щедростью одарилъ ихъ Казимиръ, а равно окажется напрасною и надежда ихъ вернуть къ великому княжеству земли Луцкую и Подольскую [203]). Какъ бы то ни было, но литовскіе послы, прибывшіе на Петрковскій сеймъ, отъ имени великаго князя Казимира заявили, что онъ не желаетъ себѣ другого государства, что вполнѣ доволенъ своимъ отчиннымъ великимъ княжествомъ, которымъ онъ правитъ не временно и не въ качествѣ намѣстника, а какъ природный государь, по праву, полученному отъ предковъ [204]).

Послѣ этого отказа поляки на вальномъ сеймѣ, собравшемся 27 марта въ Петрковѣ, выбрали королемъ Болеслава мазовецкаго. Рѣшено было, однако, повременить съ оффиціальнымъ приглашеніемъ избранника и попытаться вновь склонить Казимира къ принятію Польской короны. Полякамъ во что бы то ни стало хотѣлось заполучить Казимира, чтобы такимъ путемъ спасти унію Польши съ Литвою. Кромѣ того, если вѣрить Длугошу, часть пановъ опасалась, что Болеславъ, при извѣстной его энергіи и оборотливости постарается отобрать у нихъ коронныя имѣнія въ интересахъ королевскаго скарба. Вслѣдствіе этого въ Литву отправлено было новое посольство къ Казимиру съ просьбою прибыть на съѣздъ съ польскими панами въ Парчовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Берестье ко дню св. Михаила (29 сентября) для дальнѣйшихъ переговоровъ о коронѣ [205]).

На этотъ разъ Казимиръ и его литовскіе совѣтники оказались болѣе благосклонными къ предложенію поляковъ. Избраніе Болеслава мазовецкаго, шурина и пріятеля кн. Михаила Сигизмундовича, грозило имъ большою опасностью: можно было ожидать, что Польша послѣ того будетъ поддерживать Михаила Сигизмундовича въ его стремленіяхъ получить свою отчину, а можетъ быть, — и великое княженіе. Поэтому къ назначенному времени Казимиръ отправился со множествомъ своихъ литовскихъ совѣтниковъ (in frequenti consiliariorum Lithuaniae numero) въ Берестье. Узнавъ о его прибытіи, поляки послали къ нему пословъ звать его въ Парчовъ вмѣстѣ съ литовскими панами. Но Казимиръ и литовцы не поѣхали и въ свою очередь запросили къ себѣ поляковъ. Поляки также не поѣхали, но выслали къ

---

[203]) *Dlugosz* Opera omnia, tomus XIV, p. 16.

[204]) Ibidem, p. 12, 13.

[205]) Ibidem, p. 17—24.

Казимиру делегатовъ съ полномочіемъ (cum plena et omnimoda potestate) условиться съ нимъ относительно принятія короны [206]). Эти делегаты заключили съ Казимиромъ и литовцами договоръ и обмѣнялись взаимными письменными обязательствами. Обязательство, данное Казимиромъ 17 сентября 1446 года, гласило, что на Брестскомъ сеймѣ, имѣвшемъ мѣсто въ день Рождества Богородицы и въ послѣдующіе дни, по единодушному совѣту и изволенію всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, онъ соединилъ оба государства въ братскій союзъ (in unionem fraternam), желая по милости Божіей быть имъ государемъ и правителемъ и защищать ихъ по мѣрѣ возможности отъ нападеній враговъ, откуда бы они ни послѣдовали; для принятія же короны польской онъ обѣщается своимъ княжескимъ словомъ прибыть въ Краковъ ко дню Іоанна Крестителя, короноваться тамъ и подтвердить права и привилегіи, вольности и изъятія князей, прелатовъ, пановъ, шляхты и мѣщанъ и всѣхъ вообще обывателей обоихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго; въ томъ случаѣ, если бы онъ не прибылъ къ назначенному дню, поляки имѣютъ право дать ходъ своему рѣшенію на послѣднемъ Петрковскомъ съѣздѣ (т. е. вручить корону Болеславу Мазовецкому); настоящая запись выдается съ согласія и утвержденія прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и всѣхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, въ удостовѣреніе чего прилагаются ихъ печати (къ акту приложено было 19 печатей)[207]). Съ своей стороны послы отъ имени всѣхъ прелатовъ, бароновъ, шляхты и поспольства (communitatum) королевства Польскаго дали Казимиру запись въ томъ, что вольно ему будетъ держать при себѣ слугъ (familiares) какого угодно языка, пребывать въ Польшѣ, сколько ему будетъ угодно, отъѣзжать и снова пріѣзжать, когда будетъ угодно [208]). Литовскіе паны, находившіеся на Брестскомъ сеймѣ, взяли съ Казимира предварительно клятвенную запись, въ силу которой онъ, соединяя оба государства постояннымъ союзомъ (liga perpetua) для борьбы съ врагами, въ качествѣ короля Польскаго признавалъ владѣніями великаго княжества земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско, признавалъ право литовцевъ послѣ его смерти избрать себѣ отдѣльнаго или общаго съ поляками государя [209]). Казимиръ потребовалъ, чтобы и поль-

---

[206]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XVI, p. 25, 26; *Caro*, Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, str. 245, appendix G.

[207]) Monumenta medii aevi, tomus XII, pars II, № VI.

[208]) Liber cancellariae Stanislai Ciołek, pars II, appendix G, str. 245.

[209]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 5.

скіе уполномоченные скрѣпили эту запись и подтвердили содержащіяся въ ней уступки для великаго княжества. Но польскіе послы категорически отказались отъ этого и собрались уѣзжать изъ Берестья въ Парчовъ. Переговоры готовы были кончиться безъ всякаго результата. Тогда нѣкоторые изъ польскихъ уполномоченныхъ стали уговаривать Казимира не поднимать вопроса о территоріальныхъ уступкахъ, выставляя ему на видъ, что, сдѣлавшись королемъ, онъ будетъ имѣть полную возможность (plenam facultatem) уступить и подарить Литвѣ эти земли, при чемъ указывали на примѣръ его отца, который отдавалъ Подолье Спытку Мельштынскому, Свидригайлу и, наконецъ, Витовту, и обѣщали къ тому свое полное содѣйствіе. Казимиръ поддался на лукавыя рѣчи, пересталъ ставить вопросъ объ уступкахъ, какъ conditionem sine qua non, надѣясь дѣйствительно уладить это дѣло впослѣдствіи, и заявилъ о своемъ согласіи на принятіе короны [210]). Литовцы остались съ одною записью Казимира, не скрѣпленною поляками. О подтвержденіи этой земли они хлопотали потомъ въ теченіе всего царствованія Казимира, но безрезультатно. И самъ Казимиръ не могъ добиться отъ поляковъ подтвержденья своего обязательства, даннаго въ качествѣ избраннаго польскаго короля великому княжеству Литовскому [211]).

---

210) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 26, 27.

211) Покойный проф. Краковскаго университета Анатолій Левицкій въ статьѣ „Wstąpienie na tron polski Kazimierza Jagiełłończyka (Rozprawy i sprawozdania z posiedzień Wydz. histor.-filozof. Akad. Umiej. w Krakowie, tom XX) высказалъ разныя соображенія въ пользу того, что запись Казимира будто бы подтверждена была польскими уполномоченными и только позже отвергнута была поляками. На основаніи этихъ соображаній Левицкій обвинилъ Длугоша въ утайкѣ истины, въ невѣрной передачѣ того, что происходило на Брестско-Парчовскомъ сеймѣ 1446 года. На нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою ученую Ueber-kritik. Длугошъ вовсе не умолчалъ о записи Казимира. Онъ объ ней прямо говоритъ въ словахъ: „Sed et ipse Dux Kazimirus consiliis et ingeniis Lithuanorum inescatus, veteribus quoque et *novis juramentis* de uniendis terris praefatis pro Ducatu Magno Lithuaniae constrictus, non nisi cessione per Regnum Poloniae de terris hujusmodi subsecuta, se regni Poloniae regimen declarabat suscepturum (tomus XIV, p. 26). Какими это новыми присягами связанъ былъ Казимиръ? Очевидно, здѣсь подразумѣвается та самая запись Казимира, которая приведена выше, и которую Казимиръ обязался соблюдать sub honore et fide et juramento... Въ сокращеніи этой записи она прямо обозначена, какъ запись Казимира, безъ упоминанія о польскихъ панахъ. Точно такъ же и въ тѣхъ намекахъ источниковъ, которыя приводитъ Левицкій, запись эта высту-

Итакъ, *въ сентябрѣ 1446 г. въ Берестьѣ собирался второй сеймъ* для рѣшенія вопроса о припятіи Казимиромъ короны Польской. Судя по разсказу Длугоша и указанію акта, выданнаго польскими уполномоченными на этомъ сеймѣ, въ немъ участвовала главнымъ образомъ литовская правительственная и землевладѣльческая знать (consiliarii Lithwaniae, praelati, principes, bojari et nobiles magni ducatus Lithwaniae). Присутствіе князей и бояръ изъ остальныхъ земель великаго княжества незамѣтно. Очень можетъ быть, что отношеніе остальныхъ земель великаго княжества къ вопросу объ уніи съ Польшею достаточно выяснилось уже на предшествующемъ общемъ сеймѣ въ Вильнѣ, вслѣдствіе чего Казимиръ не счелъ нужнымъ собирать вторично представителей русскихъ земель на сеймъ въ Берестьѣ. Нѣтъ извѣстій и о томъ, чтобы передъ отъѣздомъ въ Польшу Казимиръ созывалъ новый сеймъ для подтвержденья того, что рѣшено было уже въ Берестьѣ. Онъ ограничился только тѣмъ, что выдалъ великому княжеству извѣстный привилей 2 мая 1447 года, въ коемъ торжественно обѣщалъ не уменьшать предѣловъ великаго княжества и сохранять его такимъ, какимъ оно было при великомъ князѣ Витовтѣ.

Казимиръ сдѣлался королемъ польскимъ, не рѣшивъ предварительно вопроса объ отношеніяхъ между короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Запись, которую онъ выдалъ литовцамъ, не была еще подтверждена согласіемъ со стороны польскаго сейма. Вслѣдствіе этого Казимиръ на первомъ же вальномъ сеймѣ, собравшемся въ Петрковѣ послѣ его коронаціи, отказался подтвердить права и вольности поляковъ, прежде чѣмъ не выяснятся отношенія между Польшею и Литвою, указывая на то, что требованія поляковъ—не отрывать отъ Польши земель Луцкихъ, Русскихъ и Подольскихъ не согласуются съ его обязательствами, данными Литвѣ. Недовольный новыми подданными, Казимиръ 14 августа 1447 года уѣхалъ изъ Польши въ Литву, гдѣ провелъ осень, зиму и весну до самой Троицы (12 мая) слѣдующаго 1448 г., предоставивъ свое новое государство на произволъ судьбы [212]). Поляки вынуждены были вступить съ литовцами въ переговоры относительно обоюдныхъ отношеній и съ этою цѣлью 25 мая 1448 года съѣхались съ ними въ Люблинѣ.

паетъ въ качествѣ акта, выданнаго только Казимиромъ. На основаніи всего этого мы считаемъ ее обязательствомъ Казимира, не подтвержденнымъ, а только въ будущемъ долженствовавшимъ получить подтвержденье поляковъ. Такое пониманіе вполнѣ согласуется со всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ Длугошъ о дальнѣйшихъ пререканіяхъ литовцевъ съ поляками относительно уніи и уступки Волыни и Подолья.

[212]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 38—42.

На Люблинскій сеймъ съ литовской стороны пріѣзжали бискупъ Виленскій Матвѣй, кн. Юрій Лингвеньевичъ, кн. Юрій Семеновичъ (Гольшанскій), кн. Василій Красный (изъ Друцкихъ)[213], князь Острожскій, воевода Виленскій Гаштольдъ, воевода Троцкій Монивидъ, маршалокъ великаго княжества Петръ Монтыгирдовичъ и много другихъ литовскихъ пановъ и шляхтичей. Слѣдовательно, на этомъ польско-литовскомъ сеймѣ представлены были отчасти и русскія области великаго княжества (князьями Юріемъ Лингвеньевичемъ, Василіемъ Краснымъ, Острожскимъ). Въ переговорахъ, происходившихъ на этомъ сеймѣ, ярко выступило различіе стремленій литовцевъ и поляковъ. Литовцы желали установить между обоими государствами ту самую «братскую унію», о которой говорили записи Казимира, данныя полякамъ и литовцамъ до коронаціи, другими словами — постоянный оборонительно-наступательный союзъ съ сохраненіемъ политической индивидуальности каждаго государства. Они заявили полякамъ, что считаютъ себя обиженными тѣми выраженіями предшествующихъ актовъ уніи, гдѣ говорится объ инкорпораціи Литвы въ Польшу, и требовали исключенія этихъ выраженій изъ текста договоровъ объ уніи. Литовцы желали не только сохраненія самобытности, но и цѣлостности великаго княжества въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ владѣлъ имъ Витовтъ, и потому требовали отъ поляковъ возвращенія Подольской земли, замка Олеска, Ветелъ, Лопатина и Городла. Поляки, выставляя на видъ литовцамъ неосновательность ихъ требованій съ юридической и исторической точекъ зрѣнія, предлагали имъ одинъ способъ, который, по ихъ мнѣнію, разомъ устранялъ всякія споры и недоразумѣнія между обоими государствами, а именно: пусть оба государства сольются въ одно, въ королевство Польское, пусть уничтожится самый титулъ великаго княжества, и литовскія области станутъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ и земли Краковская, Сандомирская, Сѣрадзьская и т. д., т. е. воеводствами Польши; пусть литовцы возьмутъ себѣ тѣ же права и вольности, что и поляки, сдѣлаются подданными единаго государства, и тогда имъ не о чемъ будетъ спорить, не изъ-за чего ссориться. Способъ дѣйствительно былъ вѣрный, но онъ не понравился литовцамъ, которые заявили, что для нихъ будетъ позоромъ, потерею славы и имени уничтоженіе титула великаго княжества и полное сліяніе его съ Польшею. На этомъ и кончились переговоры въ Люблинѣ [214].

---

213) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 58, 98.

214) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 45—49.

Въ томъ же 1448 году литовскіе паны еще разъ собирались на *сеймъ въ Новгородкѣ Литовскомъ*, но уже безъ поляковъ, и тайно совѣщались съ Казимиромъ, нарочно пріѣзжавшимъ сюда къ условленному дню (24 августа). Какія приняты были здѣсь рѣшенія, осталось неизвѣстнымъ [215]).

На Петрковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ декабрѣ 1449 года, поляки снова приступили къ королю съ требованіемъ подтвержденія своихъ правъ. Казимиръ и на этотъ разъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что это подтвержденіе было бы въ ущербъ великому княжеству Литовскому [216]). Полякамъ, слѣдовательно, предстояло такъ или иначе рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ къ Литвѣ и достигнуть какого-либо соглашенія съ литовцами. Происшедшая въ слѣдующемъ году война съ Молдавіею отвлекла ихъ вниманіе отъ этого вопроса. Въ слѣдующемъ 1451 г. его подняли сами литовцы. Въ началѣ этого года Казимиръ въ Вильнѣ собиралъ *вальный сеймъ всѣхъ земель великаго княжества* (conventionem generalem in Wilno omnium terrarum Lithuaniae) для устроенія различныхъ литовскихъ дѣлъ. На этомъ сеймѣ по иниціативѣ нѣкоторыхъ литовскихъ пановъ поставленъ былъ для обсужденія вопросъ объ окончательномъ отторженіи отъ Польши Луцкой и Подольской земель. Въ виду трудности и опасности этого дѣла рѣшено было пока оставить вопросъ открытымъ и возобновить переговоры съ поляками на общемъ сеймѣ въ Берестьѣ въ маѣ мѣсяцѣ, въ день св. Станислава. Но поляки отклонили это приглашеніе, ссылаясь на отдаленность и необычность назначеннаго мѣста съѣзда [217]).

Отклонивъ приглашеніе литовцевъ, поляки не перестали, однако, настойчиво и шумно (non prece solo, sed clamore) требовать отъ Казимира подтвержденія правъ и вольностей королевства Польскаго. Казимиръ отвѣчалъ на это требованіемъ, чтобы поляки предварительно пришли къ соглашенію съ литовцами относительно спорныхъ пунктовъ. Вслѣдствіе этого требованія въ сентябрѣ того же года состоялся въ

---

[215]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 56. М. Бѣльскій въ четвертой книгѣ своей хроники (Zbiór pisarzów polskich, tom XIV, str. 14) говоритъ, что здѣсь рѣшенъ былъ походъ противъ Тверского князя. Эта догадка—весьма вѣроятна въ виду того, что вслѣдъ затѣмъ литовское войско дѣйствительно отправлено было противъ Тверского князя. Но едва ли объ этомъ одномъ совѣщался Казимиръ въ Новгородкѣ съ литовскими панами. Судя по тому, что совѣщанія велись втайнѣ, можно полагать, что главнымъ предметомъ ихъ были отношенія къ Польшѣ.

[216]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 70.

[217]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 80, 81.

Парчовѣ съѣздъ польскихъ и литовскихъ уполномоченныхъ, по 12 человѣкъ съ каждой стороны. Этотъ съѣздъ, какъ и предшествующіе, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только еще болѣе выяснилъ противоположность обоюдныхъ интересовъ и стремленій, взаимное недовѣріе и подозрѣніе. Литовскіе делегаты сначала не хотѣли даже ѣхать въ Парчовъ безъ охранныхъ грамотъ отъ поляковъ, такъ что Казміръ долженъ былъ самъ выѣхать къ нимъ навстрѣчу на границу и затѣмъ проводить ихъ до Парчова. На общемъ собраніи литовцы уже прямо и открыто потребовали кассаціи прежнихъ актовъ уніи, которые ихъ предшественники утверждали, не зная объ ихъ содержаніи, по одному только приказу князя, и замѣны ихъ новымъ актомъ, изъ котораго должны быть исключены такія выраженія, какъ jugo servitutis obnoxios, incorporamus, invisceramus, approprіamus et unimus terras Lithuaniae et Russiae Regno Poloniae, и который утверждалъ бы не инкорпорацію или подчиненіе Литвы, а союзъ ея съ Польшею (non incorporationem, aut subjectionem terrarum Lithuaniae et Russiae, sed societatem et ligam cum Regno Poloniae); кромѣ того, потребовали возвращенія великому княжеству земель Луцкой, Подольской, Олеска, Ратна и Ветель съ ихъ повѣтами. Отъ имени поляковъ отвѣчалъ литовцамъ Збигнѣвъ Олесницкій. Онъ указалъ на то, что литовцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ настоящихъ делегатовъ (бискупъ Виленскій Матвѣй), не разъ подтверждали договоры объ уніи и потому не могли не знать ихъ содержанія; указалъ далѣе и на то, что поляки владѣли Волынью и Подольемъ, отбивъ ихъ у татаръ въ то самое время, когда о литовцахъ не было и слуха, и въ концѣ концовъ сослался на недавній договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, въ силу котораго эти земли по смерти его должны перейти къ Польшѣ, и который подтвержденъ былъ также согласіемъ литовскихъ пановъ, въ томъ числѣ и самихъ делегатовъ. Но всѣ эти доводы не убѣдили литовскихъ уполномоченныхъ, и они уѣхали изъ Парчова, не придя ни къ какому соглашенію съ поляками [218]). Вслѣдъ за ними уѣхалъ въ Литву и Казиміръ.

Вопросъ о Волыни и Подольѣ принималъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Свидригайло ослабѣлъ совершенно отъ старости, и

---

[218]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 95—98. Если вѣрить сообщенію литовско-русской лѣтописи, литовцы уѣхали изъ Парчова внезапно, прослышавъ о намѣреніи поляковъ захватить ихъ въ плѣнъ и перебить, при чемъ знатнѣйшіе литовскіе паны, какъ Янъ Гаштольдъ, Ивашко Монивидъ, Кезгайло, Петръ Монтыгирдовичъ и Радивилъ отослали даже полякамъ полученные отъ нихъ гербы, не желая быть съ ними въ братствѣ. *Narbutta* Pomniki, str. 57, 58; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 232, 233.

можно было съ часу на часъ ожидать его смерти. Предстояло уже не только de jure, но и de facto рѣшить, кому быть владѣльцемъ Волыни и Подолья, Литвѣ или Польшѣ, и это обстоятельство угрожало обоимъ государствамъ не только полнымъ разрывомъ, но даже и войною. Поэтому Казимиръ и его ближайшіе совѣтники не рѣшились взять на себя всю отвѣтственность въ предстоящемъ столкновеніи и въ концѣ 1451 года созвали *въ Вильнѣ сеймъ литовскихъ земель* (conventionem terrarum Lithuaniae) для рѣшенія вопроса о Волыни и Подольѣ. Рѣшено было заблаговременно, еще при жизни Свидригайла, занять Луцкъ литовскимъ войскомъ и съ этою цѣлью поскорѣе отправить въ Луцкъ князя Юрія Пинскаго, Радивила Остиковича и Юршу съ значительнымъ отрядомъ. Такая предусмотрительность литовцевъ получила себѣ должную награду. Съ прибытіемъ литовскаго войска симпатіи къ великому княжеству возобладали на Волыни. Самъ Свидригайло, умирая († 10 февраля 1452 г.), наказалъ волынскимъ князьямъ и боярамъ сдать замки Литвѣ и оставаться въ подданствѣ у великаго князя Литовскаго, что тѣ охотно и исполнили [219]). Споръ о Волыни, а также и восточномъ Подольѣ, находившемся въ рукахъ Свидригайла, фактически рѣшился въ пользу Литвы. Теперь оставалось только оформить это рѣшеніе юридически и добиться отъ Польши уступки западнаго Подолья, которое она крѣпко держала въ своихъ рукахъ.

Съ этою цѣлью въ Польшу на Сѣрадзьскій сеймъ, назначенный въ началѣ сентября 1452 г., отправлены были послы Андрушко Довойновичъ и Михайло Монтовтовичъ (Mintoltowicz). Но и это посольство кончилось безъ всякаго результата, какъ и предшествующе: поляки и литовцы стояли на прежнихъ точкахъ зрѣнія и не хотѣли уступать другъ другу [220]) Казимиръ отправился лично въ Литву и *въ маѣ* слѣдующаго *1453 г. созвалъ въ Вильнѣ великій сеймъ* для переговоровъ съ своими подданными великаго княжества. По донесеніямъ агентовъ Ордена, зорко и внимательно слѣдившаго за всѣмъ, что происходило тогда въ Польшѣ и Литвѣ, совѣщанія на этомъ сеймѣ имѣли бурный характеръ. Литовцы обнаружили даже намѣреніе выбрать себѣ другого великаго князя; произошла даже вооруженная свалка, во время которой король былъ раненъ и едва не поплатился жизнью [221]). Все это объясняется тѣмъ, что на Сѣрадзьскомъ сеймѣ 1452 года поляки вынудили Казимира дать имъ письменное обязательство въ томъ, что черезъ годъ онъ

---

219) *Długosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 102, 104, 105.

220) Ibidem, p. 114, 115.

221) Scarbiec diplomatów II, № 1904, 1907, 1908.

подтвердить права короны Польской. Казимиръ упорно отказывался было отъ этого, на тайномъ засѣданіи съ польскими панами представлялъ, что, какъ только литовцы узнають объ этомъ подтвержденіи, откажутъ ему въ повиновеніи и явно и тайно будутъ посягать на его жизнь. Но всѣ эти доводы не помогли, и Казимиръ долженъ былъ уступить [222]). На Виленскомъ сеймѣ 1453 года, такимъ образомъ, готово было исполниться то, что предсказывалъ самъ Казимиръ въ сентябрѣ 1452 года. Какъ бы то ни было, ему удалось уговорить литовцевъ поѣхать на сеймъ въ Парчовѣ для новыхъ переговоровъ съ поляками.

На этотъ сеймъ, назначенный въ іюнѣ 1453 года, отправились не только литовскіе паны, но князья и бояре изъ областей великаго княжества. Въ Парчовъ такимъ образомъ переѣзжалъ, хотя, быть можетъ и въ уменьшенномъ составѣ, тотъ же великій сеймъ, который засѣдалъ въ Вильнѣ. Впрочемъ, литовцы доѣхали только до Берестья и не захотѣли въ полномъ составѣ ѣхать въ Парчовъ, опасаясь козней со стороны поляковъ. Они выслали въ Парчовъ нѣсколькихъ князей и пановъ изъ Литвы и «пословъ отъ воеводствъ» (какъ выражается Стрыйковскій) для переговоровъ съ поляками. Длугошъ въ качествѣ делегатовъ съ литовской стороны называетъ князей Юрія Семеновича (Гольшанскаго) и Бориса, пановъ Онаца, Андрея Саковича и Яна Немировича, а Стрыйковскій — Яна Ходкевича (ошиб. вм. Кгойцевича), намѣстника Витебскаго, Радивила, Миколая Паца, старосту Лидскаго, маршалковъ изъ трехъ повѣтовъ и пословъ отъ воеводствъ. Переговоры и на этотъ разъ кончились безъ всякаго результата. Поляки предлагали предоставить рѣшеніе спора Казимиру, какъ общему государю и защитнику одинаково какъ Польши, такъ и Литвы, или, если пожелаютъ литовцы, цесарю, папѣ или кому-нибудь изъ другихъ христіанскихъ государей, заявляя, что въ противномъ случаѣ они будутъ добиваться своихъ правъ и справедливости и при благопріятномъ случаѣ напомнятъ литовцамъ о своихъ обидахъ. Литовцы не испугались угрозъ и въ свою очередь спросили поляковъ, не желаютъ ли они передать дѣло на судъ татарскаго хана. Поляки сочли для себя насмѣшкою подобное предложеніе и прекратили переговоры [223]).

Обстоятельства далѣе сложились для поляковъ такимъ образомъ, что имъ не только не приходилось напоминать литовцамъ объ ихъ

---

[222]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 115, 116.

[223]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 135—137; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 236, 237; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85.

«кривдахъ», а наоборотъ всячески стараться о томъ, чтобы литовцы позабыли о своихъ обидахъ. Началась продолжительная и упорная борьба съ Пруссіею, которая потребовала отъ Польши напряженія всѣхъ военныхъ и финансовыхъ силъ и заставила Казимира обращаться даже за помощью къ литовцамъ. Это обращеніе имѣло мѣсто уже въ самомъ началѣ войны. Въ началѣ апрѣля 1454 года король прибылъ въ Берестье на условленный сеймъ съ литовскими панами (ad agendum conventionem cum Lithuanis institutam). Объявивъ литовскимъ панамъ (Lithuaniae baronibus) о томъ, что Пруссія отдалась подъ власть Польши, Казимиръ приказалъ имъ не пропускать черезъ Литву ливонцевъ, которые пожелаютъ отправиться на помошь къ великому магистру, и съ наступленіемъ лѣта быть готовыми, если будетъ нужно, къ войнѣ съ нѣмцами [224]). По даннымъ Стрыйковскаго, литовцы посылали на помощь полякамъ пятитысячный отрядъ подъ главнымъ начальствомъ пана Судимонтовича (Олехна); этотъ отрядъ участвовалъ въ извѣстной битвѣ подъ Хойницами, кончившейся, какъ извѣстно, пораженіемъ поляковъ [225]). При такихъ обстоятельствахъ полякамъ не время было возобновлять прерѣканія съ литовцами относительно записей уніи, Волыни и Подолья, и если споръ обо всемъ этомъ продолжался, то по иниціативѣ уже самихъ литовцевъ, стремившихся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши.

Главнымъ агитаторомъ по этой части явился Янъ Гаштольдъ. По разсказу Стрыйковскаго, почерпнутому изъ литовско-русскихъ лѣтописей и находящему себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ Длугоша, Гаштольдъ возбудилъ другихъ пановъ и литовскую шляхту къ добыванію Подолья и нѣкоторыхъ волынскихъ замковъ, занятыхъ поляками, вооруженною силою. Прослышавъ объ этомъ, Казимиръ поспѣшилъ на Литву (въ февралѣ 1455 г.) и не только уговорилъ литовцевъ отказаться отъ этого намѣренія, но и склонилъ ихъ къ обѣщанію военной помощи въ дальнѣйшей борьбѣ съ Пруссіею [226]). Но уже въ слѣдующемъ году волненія въ Литвѣ возобновились. Литовцы подѣлились на двѣ партіи. Панъ Монивидъ (воевода Троцкій) вмѣстѣ съ канцлеромъ (Михаиломъ Кезгайловичемъ) и нѣкоторыми другими панами оставались вѣрными Казимиру и не желали участвовать *въ сеймахъ и совѣщаніяхъ* (conventionibus et consiliis communibus), которыя устраивала партія,

[224]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 174.

[225]) Kronika, tom II, str. 241—247.

[226]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 198; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 248.

враждебная Казиміру и полякамъ. Во главѣ этой партіи стояли воевода Виленскій Янъ Гаштольдъ, кн. Юрій Семеновичъ Гольшанскій и панъ Олехно Судимонтовичъ. Они поддерживали сношенія съ Пруссіею и подстрекали литовцевъ къ окончательному разрыву съ Польшею и избранію отдѣльнаго отъ Польши государя въ особѣ кіевскаго князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. Настроенные ими литовцы очень рѣзко и грубо заговорили съ Казиміромъ и поляками. Въ бытность короля въ Ленчицѣ 1 сентября прибыли къ нему изъ Литвы Тотвилъ, Николай Немировичъ и Остафій и отъ имени прелатовъ, пановъ и всего народа литовскаго потребовали, чтобы король вернулся въ Литву и отдалъ великому княжеству землю Подольскую согласно присягѣ, которую далъ передъ отправленіемъ въ Польшу на коронацію. Къ этимъ требованіямъ они присоединили угрозу, что литовцы не будутъ долѣе терпѣть своихъ обидъ и оружіемъ напомнятъ о Подольѣ и другихъ владѣніяхъ, оторванныхъ отъ великаго княжества, а короля просили памятовать, что, слушаясь поляковъ, погибъ братъ его Владиславъ, и самъ онъ уже вовлеченъ былъ въ опасность, отъ которой избавилъ его Богъ; поэтому пусть лучше возвращается въ Литву, гдѣ его ожидаетъ безмятежная, спокойная и счастливая жизнь. Казиміръ не далъ никакого отвѣта посламъ, щедро одарилъ ихъ и отпустилъ, обѣщая прислать въ Литву собственныхъ пословъ [227]). Но въ виду серьезности положенія вещей Казиміръ потомъ передумалъ и предпочелъ лично отправиться въ Литву для успокоенія литовцевъ. Поляки сильно противились этому и передъ самымъ отправленіемъ Казиміра въ Литву, 25 октября 1456 г., взяли съ него письменное обязательство въ томъ, что онъ никому не уступитъ и не подаритъ земель, принадлежащихъ коронѣ Польской, и не измѣнитъ ничего въ актахъ уніи, утвержденныхъ его предшественниками [228]).

Въ первой половинѣ ноября Казиміръ прибылъ въ Литву и къ Рождеству Христову собралъ *въ Вильнѣ вальный сеймъ* (conventionem generalem) *бояръ великаго княжества*. На этомъ сеймѣ король сдѣлалъ строгій выговоръ литовцамъ за то посольство, которое они снарядили къ нему въ Польшу. Большинство заявили, что они ничего не знаютъ объ этомъ посольствѣ, никому не давали никакихъ полномочій къ королю, и требовали строгаго разслѣдованія и наказанія виновныхъ. Га-

---

[227]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 227, 228, 235; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 56, 72, 160; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 98.

[228]) Monumenta medii aevi, tomus II, pars II, № CLVII.

штольду приказано было дать объясненія по настоящему дѣлу. Но король поспѣшилъ замять все это дѣло, опасаясь, какъ бы не вспыхнулъ открытый мятежъ, и распустилъ сеймъ. Вліятельныхъ литовцевъ онъ старался послѣ того умиротворить и расположить къ себѣ уговорами и щедрыми пожалованіями и въ началѣ марта 1457 года уѣхалъ въ Польшу [229]).

На этотъ разъ королю удалось замирить Литву на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде. Въ данномъ случаѣ, по всей видимости, не осталась безъ вліянія и смерть главнаго вожака литовской оппозиціи Яна Гаштольда, послѣдовавшая въ 1458 году [230]). Но въ 1460 году, когда король, въ поискахъ помощи для борьбы съ Пруссіею, прибылъ *на сеймъ въ Берестье (5 апрѣля)*, находившіеся тамъ литовскіе паны (primores) опять подняли вопросъ о Подольѣ, и королю стоило большихъ трудовъ отговорить ихъ отъ начатья войны съ Польшею [231]). Не покинули литовцы и мысли своей объ отдѣльномъ отъ Польши государѣ. Поэтому, когда въ слѣдующемъ, 1461-мъ, году Казимиръ прибылъ въ Литву *и на Пасхѣ (5 апрѣля) созвалъ сеймъ литовской и русской земель* (conventum terrarum Lithuaniae et Russiae), участвовавшіе на немъ лица единогласно (uniformi sententia) просили Казимира, чтобы онъ или самъ постоянно пребывалъ въ Литвѣ, или отдалъ бы великое княженіе Кіевскому князю Семену Олельковичу. Казимиръ уклонился отъ отвѣта, отложивъ рѣшеніе вопроса на другое время [232]). Два года спустя литовцы снова подняли вопросъ о Подольѣ и Волыни. На Петрковскій сеймъ, происходившій въ январѣ 1463 года, прибыли отъ нихъ послы съ требованіемъ, чтобы поляки возвратили имъ землю Подольскую и повѣты Бѣльзскій, Олесскій и Ратненскій и тѣмъ предупредили разлитіе крови христіанской. Это требованіе было въ сущности объявленіемъ войны. Поляки постановили отправить въ Литву особыхъ пословъ на предположенный тамъ *вальный сеймъ* (ad conventum generalem illic tenendum) и опровергнуть притязанія литовцевъ. Послы дѣйствительно пріѣзжали въ Литву и имѣли переговоры съ литовскими панами, но, какъ и прежде, не договорились ни до чего. При посредничествѣ самого короля Казимира былъ только условленъ новый съѣздъ польскихъ и литовскихъ пановъ въ Парчовѣ на Михаиловъ день (29

[229]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 240, 241.

[230]) *Narbutta* Pomniki, str. 61.

[231]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 304.

[232]) Ibidem, p. 314.

сентября) 1463 г. или на Срѣтеніе 1464 г. (2 февраля)[233]. Но когда приблизился послѣдній срокъ, Казимиръ, находившійся тогда въ Городнѣ, отложилъ съѣздъ до Рождества Богородицы (8 сентября), а потомъ до Мартинова дня (11 ноября). Крайнее возбужденіе литовцевъ противъ поляковъ не обѣщало ничего хорошаго отъ предстоящаго съѣзда. По словамъ Длугоша, литовцы, видя, что борьба поляковъ съ Пруссіею приходитъ къ концу, спѣшили воспользоваться послѣднимъ благопріятнымъ случаемъ и хотѣли объявить Польшѣ войну. Насилу Казимиру удалось отклонить ихъ отъ этого намѣренія. Ко дню св. Мартина собрались польскіе паны въ Парчовѣ, а литовскіе въ Берестьѣ. Такъ какъ литовцы не хотѣли ѣхать въ Парчовъ, то съ той и другой стороны съѣхались делегаты въ Ломазахъ, на полпути между Парчовомъ и Берестьемъ, и вели здѣсь переговоры въ присутствіи самого короля Казимира. Переговоры и на этотъ разъ не привели ни къ какому результату [234].

Съѣздъ въ Ломазахъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ. Хотя и послѣ того поляки и литовцы не отказывались отъ своихъ притязаній, взаимно исключавшихъ другъ друга, но споръ между ними уже утратилъ свою остроту. Съ своими требованіями они обращались уже теперь къ одному Казимиру [235]), избѣгая непосредственныхъ переговоровъ. Очевидно, что обѣ стороны уже утомились продолжительнымъ безплоднымъ споромъ. При томъ же и дальнѣйшія историческія обстоятельства не дозволяли ни той, ни другой сторонѣ выступать рѣзко и настойчиво съ своими требованіями. Вниманіе и силы поляковъ отвлечены были сначала прусскою войною, а по окончаніи ея широкою династическою политикою Казимира, силившагося посажать своихъ сыновей на престолахъ Чехіи и Венгріи. Литовцы послѣ того, какъ поляки развязались, наконецъ съ трудною прусскою войною, всецѣло ихъ поглощавшею, естественно должны были сдѣлаться скромнѣе въ своемъ поведеніи и понизить свой тонъ относительно поляковъ. Кромѣ того, пропаганда церковной уніи, начавшаяся съ 1458 года, съ назначенія въ митрополиты Кіевскіе Григорія Болгарина, принявшаго Флорентійскую

---

[233]) Ibidem, p. 366, 372.

[234]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 385, 386, 408.

[235]) Это имѣло мѣсто, напр., на Петрковскомъ сеймѣ 1470 г., на которомъ малополяне требовали отъ Казимира, чтобы онъ вернулъ имъ, наконецъ, Волынь и Подолье. См. Хронику *Март. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XV, str. 189).

унію, испортила отношенія между католическою Литвою и православною Русью въ великомъ княжествѣ и снова возбудила между ними улегшуюся было національно-политическую вражду. Нагляднымъ выраженіемъ этой вражды служитъ извѣстный заговоръ князей Михаила Олельковича, Ѳедора Бѣльскаго и Ивана Юрьевича Гольшанскаго, которые хотѣли погубить Казимира или «отсѣсть» для великаго князя Московскаго часть литовской земли по р. Березину [236]). Эта вражда, какъ это явствуетъ изъ свидѣтельства самого Казимира, связывала руки Литвѣ въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Когда литовцы послѣ покоренія Новгорода великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 г. хотѣли взяться за оружіе и воевать съ Москвою, Казимиръ, по разсказу Длугоша, сталъ уговаривать ихъ, чтобы они не начинали войны, не обезпечивши себя предварительно польскою помощью, и не полагались на русскихъ людей, которые, какъ вѣдомо имъ самимъ, не благоволятъ къ нимъ по причинѣ различія вѣроисповѣданій (quos sibi propter disparitatem ritus suapte infestos nossent) [237]). При такихъ условіяхъ никакія крайности въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ полякамъ стали невозможными для литовцевъ. Они уже не поднимали вопросовъ о Подольѣ и Волыни и ограничивались только тѣмъ, что по временамъ обращались къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ великіе князья кого-либо изъ своихъ сыновей. И въ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ эти отношенія перестаютъ играть ту главенствующую роль, какую они играли прежде.

Послѣ вальнаго сейма 1463 г. источники указываютъ на созывъ *сейма въ Вильнѣ въ февралѣ 1468 года.* Это — тотъ самый сеймъ, на которомъ Казимиръ выдалъ цѣлый рядъ законовъ касательно отправленія правосудія въ великомъ княжествѣ, «съ князьями и съ паны радою... великого князьства Литовского и съ всимъ посполъствомъ согодавши» [238]). Въ слѣдующемъ, 1469-мъ году, по сообщенію Длугоша, Казимиръ собиралъ *сеймъ въ Городнѣ на 8-е сентября,* но съ какою спеціально цѣлью,—неизвѣстно, повидимому для рѣшенія всѣхъ накопившихся текущихъ дѣлъ, такъ что и сеймъ былъ собраніемъ однихъ только должностныхъ лицъ [239]).

---

[236]) Объ этомъ заговорѣ см. *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 193—197; Scarbiec diplomatów II, № 212; нашу статью о книгѣ г. Ярушевича въ іюльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1898, стр. 187, 188.

[237]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 698.

[238]) Акты Зап. Рос. I, № 67.

[239]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 527.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ мы о *Виленскомъ сеймѣ*, собиравшемся *въ мартѣ 1473 года*. На этомъ сеймѣ постановлено было дать королю субсидію со всѣхъ земель великаго княжества (de universis Magni Ducatus Lithuaniae terris) въ размѣрѣ шести пражскихъ грошей съ плуга. Эти деньги давались королю на войну съ Венгріею [240]. Кромѣ денежной субсидіи, на этомъ сеймѣ, повидимому, рѣшено было оказать помощь и людьми. По крайней мѣрѣ, осенью того же года въ походъ съ Казимиромъ на выручку Силезіи ходило нѣсколько тысячъ литвы и татаръ подъ начальствомъ Витебскаго намѣстника Ивана Ходкевича [241]).

Въ 1478 году Казимиръ собиралъ *на сеймъ литовскихъ пановъ* (dy Littouwisschen hern) *въ Берестьѣ* къ *15 марта*. Судя по донесенію, полученному великимъ магистромъ Прусскаго Ордена, Казимиръ собиралъ этотъ сеймъ главнымъ образомъ для обсужденія того, что предпринять противъ великаго князя Московскаго, который захватилъ Новгородъ и во время похода подѣлалъ много зла и Литовской землѣ [242]). На этомъ сеймѣ, по разсказу Длугоша, литовскіе паны (barones Lithuaniae) обратились снова къ Казимиру съ просьбою дать имъ въ правители (in suum vicarium) кого-нибудь изъ бывшихъ при немъ сыновей, Казимира или Альбрехта. Но Казимиръ наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ, говоря, что при жизни своей онъ никому не сдастъ управленіе великимъ княжествомъ [243]). Въ слѣдующемъ, 1480-мъ, году, когда Казимиръ послѣ Пасхи собрался уѣзжать изъ Литвы, литовцы усиленно стали просить его, чтобы онъ или самъ не уѣзжалъ изъ Литвы, или далъ имъ въ правители кого-либо изъ своихъ сыновей, но и на этотъ разъ получили отказъ [244]). Ихъ желаніе имѣть отдѣльнаго отъ Польши правителя, исполнилось только по смерти Казимира, при чемъ, если вѣрить разсказу полной литовско-русской лѣтописи, самъ Казимиръ

---

[240]) Ibidem, p. 578. Очевидно, въ счетъ этой субсидіи король и взялъ авансомъ изъ литовскаго скарба 24 т. золотыхъ червонныхъ, какъ сообщаетъ на основаніи своихъ источниковъ Стрыйковскій (Kronika, tom II, str. 277).

[241]) Хроники Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich, tom XV, str. 212) и Стрыйковскаго (tom II, str 277).

[242]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 263.

[243]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 669, 670. Кояловичъ относитъ этотъ фактъ къ Виленскому сейму, происходившему въ мартѣ 1477 г. (Historiae Litvanae pars II, p. 246). Мы отдаемъ предпочтеніе современнику-Длугошу.

[244]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 698.

передъ смертью рекомендовалъ имъ взять господаремъ сына его Александра [245]).

Мы перечислили всѣ литовско-русскіе сеймы, собиравшіеся въ великокняженье Казимира, относительно которыхъ встрѣтили прямыя указанія въ источникахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ, число этихъ сеймовъ было гораздо значительнѣе, и они происходили почти что каждый годъ съ того времени, какъ Казимиръ сталъ королемъ Польскимъ. Сдѣлавшись государемъ двухъ государствъ, Казимиръ обыкновенно часть года проводилъ въ Польшѣ (большею частью лѣто и осень), а часть въ Литвѣ (зиму и весну). Какъ страстный охотникъ, Казимиръ значительную часть своего пребыванія въ Литвѣ отводилъ «ловамъ», разъѣзжая по литовскимъ пущамъ и останавливаясь въ разбросанныхъ по всему государству великокняжескихъ дворахъ и дворцахъ. Благодаря этому накоплялся значительный запасъ текущихъ дѣлъ, которые ждали господарскаго рѣшенія. Чтобы покончить съ ними разомъ и по возможности скорѣе, Казимиръ обыкновенно назначалъ общій съѣздъ всѣмъ должностнымъ и вліятельнымъ лицамъ великаго княжества, литовско-русскимъ князьямъ и панамъ, въ Вильнѣ или какомъ-нибудь другомъ значительномъ городѣ, гдѣ онъ предполагалъ остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. На этотъ съѣздъ, или сеймъ, могли прибывать и всѣ тѣ, у кого было какое нибудь дѣло до господаря, такъ что, кромѣ князей и пановъ, на сеймахъ бывали нерѣдко и простые бояре-шляхта. На такихъ собраніяхъ Казимиръ и рѣшалъ всѣ накопившіяся дѣла, обращаясь въ нужныхъ случаяхъ къ совѣту и содѣйствію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всей ихъ совокупности, всего сейма. Намеки на такія обычныя причины созыва сеймовъ при Казимирѣ встрѣчаются у Длугоша даже въ разсказѣ его о такихъ сеймахъ, на которыхъ происходили какія либо чрезвычайныя совѣщанія о дѣлахъ, выходящихъ изъ сферы будничной правительственной дѣя-

---

[245]) *Narbutta* Pomniki, str. 62. Полная литовско-русская лѣтопись отличается значительною тенденціозностью въ своихъ сообщеніяхъ. Въ сущности эта лѣтопись не что иное, какъ историческій панегирикъ литовскому можновладству, имѣвшій своею цѣлью возвеличеніе и оправданіе политической дѣятельности и значенія литовскихъ пановъ—«властелей» великаго княжества. По нѣкоторымъ даннымъ, она составлена лицомъ, близкимъ къ Гаштольдамъ, и потому съ особенною старательностью отмѣчаетъ дѣянія этой фамиліи, а также и всего круга ея родственниковъ (напр., князей Гольшанскихъ) и пріятелей, удѣляя сравнительно мало мѣста для другихъ фамилій, напр., Радивиловъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ подробнѣе надѣемся сказать въ другомъ мѣстѣ.

тельности. Такимъ образомъ, напр., сеймъ 1451 года, на которомъ обсуждался вопросъ объ отторженіи отъ Польши Волыни и Подолья, созванъ былъ, по словамъ Длугоша, для устроенія литовскихъ дѣлъ (ad res Lithuaniae ordinandas); на Брестскомъ сеймѣ 1478 года Казимиръ, по его словамъ, урядилъ множество литовскихъ дѣлъ (rebus plurimis Lithuanicis... providit). Если такъ, то мы въ правѣ предполагать созывъ сеймовъ и въ другіе годы, сверхъ упомянутыхъ выше, и относить къ нимъ всѣ тѣ упоминанія объ устройствѣ литовскихъ дѣлъ, которыя встрѣчаются въ разсказѣ Длугоша и другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, напр., мы въ правѣ предполагать, что въ началѣ 1466 года происходилъ въ Вильнѣ сеймъ, ибо Длугошъ прямо говоритъ, что король проводилъ святки въ Вильнѣ, занимаясь литовскими дѣлами (rebus Lithuanicis providendo)[246]. Такой же сеймъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто и въ 1475 году въ Вильнѣ, гдѣ король проводилъ Пасху и слѣдующіе дни, уряжая государственныя дѣла великаго княжества и отвѣчая на посольства князей (publica negotia Lithuaniae Ducatus curando et legationibus Principum respondendo)[247]. Сеймы, можно сказать, собирались въ Литвѣ при Казимирѣ чуть не каждый годъ [248]). Въ данномъ случаѣ великое княжество Литовское шло по стопамъ Польши, гдѣ вслѣдствіе частаго отсутствія государей и постояннаго передвиженія ихъ съ мѣста па мѣсто уже давно установился обычай устраивать ежегодные съѣзды, или сеймы, прелатовъ и бароновъ съ участіемъ шляхты и даже мѣщанъ для разрѣшенія накопившихся текущихъ дѣлъ. Ту практику, которая установилась въ этомъ отношеніи въ Польшѣ, Казимиръ по необходимости, вслѣдствіе того, что ему приходилось разрываться на двѣ стороны, долженъ былъ примѣнять и въ великомъ княжествѣ. Здѣсь мы имѣемъ новый доводъ въ пользу того положенія, что унія съ Польшею оказала большое вліяніе на установленіе обычая сеймованія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. На ряду съ этимъ несомнѣнно, что нѣкоторые сеймы созывались ad hoc и всецѣло посвящались обсужденію и рѣшенію какого-нибудь одного важнаго вопроса,

---

[246]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIV, p. 424.

[247]) Ibidem, p. 621.

[248]) Литовско-русскій лѣтописецъ, разсказывая объ обращеніи Казимира къ литовскимъ панамъ за помощью, довольно ясно отмѣчаетъ обычность литовско-русскаго сейма того времени. «А в тот час,—говоритъ онъ,—никого не было панов Литовских, толко Ян Гаштолт, воевода Виленский, у Вилни а Ивашко Монвид, воевода Троцкий, у Троцех, а иных панов не было, *бо в тот час сейму не было*» (*Narbutta* Pomniki, str. 60).

выдвинутаго ходомъ событій на первую очередь. Такимъ образомъ, напр., на сеймѣ, происходившемъ въ концѣ 1451-го и началѣ 1452 года, все время ушло на обсужденіе распри съ Польшею о Волыни и Подольѣ (de negotiis cum Regno Poloniae in differentiam pro terra Podoliae et Luczensi et districtibus positis, omnis tractatus absumptus est)[249]).

Главными участниками всѣхъ этихъ сеймовъ были литовскіе паны, которые занимали высшіе уряды земскіе и дворные и считались спеціальными совѣтчиками господаря, составляли его *раду*. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ сеймовъ несомнѣнно были только болѣе или менѣе полными собраніями этихъ пановъ радныхъ (consiliarii). Таковъ былъ, напр., сеймъ, собиравшійся въ Новгородкѣ Литовскомъ въ 1448 году: на немъ, по словамъ Длугоша, присутствовали только прелаты и бароны; таковъ же и Берестейскій сеймъ 1460 года, на которомъ находились первѣйшіе люди государства (primores)[250]). Но на нѣкоторыхъ сеймахъ тотъ же Длугошъ и другіе источники отмѣчаютъ сверхъ того шляхту-рыцарство великаго княжества; таковы были, напр., Берестейскій сеймъ 1446 года, Виленскій сеймъ 1456 года, Виленскій сеймъ 1468 года. Но сверхъ того, Длугошъ и другіе источники очень опредѣленно говорятъ и о созывѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ вальныхъ сеймовъ князей, пановъ и бояръ со всего великаго княжества, отъ всѣхъ его земель. Таковы вышеуказанные сеймы: Виленскій 1446 года, Виленскій 1451 года и Виленскій 1453 года и др.

Эти факты убѣждаютъ насъ, что уже при Казимирѣ возникло то самое учрежденіе, съ которымъ намъ придется встрѣчаться довольно часто въ дальнѣйшей исторіи Литовско-Русскаго государства: я разумѣю «великій вальный соймъ». Въ настоящемъ случаѣ Литовско-Русское государство не отстало далеко отъ своего союзника—Польши, гдѣ въ то время также организовывалось учрежденіе, аналогичное и параллельное «великому вальному сойму» Литовско-Русскаго государства. Возникновеніе этого учрежденія при Казимирѣ подготовлено было, какъ уже сказано, тою національно-политическою борьбою, которая велась въ великомъ княжествѣ между господствующею землею и ея аннексами, между Литвою и Русью, подвластною Литвѣ, и знаменовало собою компромиссъ между ними. Необходимо, однако, отмѣтить, что народившееся новое учрежденіе не вытѣснило собою стараго, возникновеніе котораго было разсмотрѣно въ первой главѣ. Прежній литовско-русскій сеймъ

[249]) *Dlugosz,* Opera omnia, tomus XIV, p. 102.

[250]) Ibidem, p. 56, 304.

временъ Ягайла и Витовта продолжалъ собираться и при Казимирѣ, расширяясь въ великій вальный соймъ въ особо важныхъ случаяхъ, когда согласіе и поддержка областей - аннексовъ великаго княжества были необходимы. Можно даже замѣтить значительное расширеніе дѣятельности этого первоначальнаго сейма, особенно въ его уменьшенномъ составѣ (т. е., господарской рады). Мы видѣли, что при Ягайлѣ и Витовтѣ компетенція этого сейма признана была по части устроенія внѣшней судьбы государства и избранія господаря, и сеймы собирались тогда именно для этихъ цѣлей. При Свидригайлѣ и затѣмъ при Казимирѣ эта компетенція перешла уже къ сеймамъ расширеннаго состава, или къ великимъ вальнымъ соймамъ, какъ назывались они позже. Тѣмъ не менѣе не прекратилась дѣятельность по этой части и сеймовъ первоначальнаго состава. На нихъ велись предварительные переговоры и совѣщанія, обсуждались и рѣшались различные частные вопросы, такъ или иначе связанные съ предметами, подлежавшими рѣшенію на великихъ вальныхъ соймахъ, и такимъ путемъ подготовлялись постановленія, состоявшіяся на этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, компетенція и практика сеймовъ первоначальнаго состава расширилась въ другихъ направленіяхъ: на этихъ сеймахъ и съ ихъ участіемъ господарь сталъ издавать новые законы, налагать временныя подати, рѣшать разнообразные вопросы внутренняго управленія и внѣшней политики. Привилеи, данные имъ князьямъ, прелатамъ, панамъ и боярамъ великаго княжества, какъ уже было сказано выше, поставили его въ сильную зависимость отъ этихъ классовъ, болѣе всего—отъ высшихъ классовъ собственной Литовской земли и тѣсно связанной съ нею Литовской Руси, которые представляли наиболѣе сплоченную массу наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Національно-политическая борьба, развивавшаяся въ XV вѣкѣ, привела такимъ образомъ, не къ уничтоженію политической гегемоніи Литвы, а только къ ограниченію исключительности литовскаго господства въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

§ 8.

Положеніе вещей, создавшееся въ великокняженіе Казимира продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти, до начатія напряженной и продолжительной борьбы съ Москвою при Сигизмундѣ I. Великій князь Александръ въ привилеѣ, который онъ выдалъ въ 1492 году прелатамъ, князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ великаго княжества, обязался не дѣлать безъ совѣта съ панами радою довольно многихъ дѣлъ, а именно: не посылать пословъ въ чужія страны, не отнимать ни у кого урядовъ и державъ, не раздавать въ держанье пограничныхъ зам-

ковъ, не производить расходовъ изъ земскаго скарба, не судить судовъ[251]). Вслѣдствіе этого онъ довольно часто собиралъ пановъ радныхъ и сообща съ ними вершилъ всѣ накопившіяся къ данному времени дѣла. Надо замѣтить при этомъ, что подобно своему отцу Александръ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и потому не могъ регулярно, изо дня въ день, рѣшать государственныя дѣла. Въ теченіе своего великокняженія онъ постоянно кочевалъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе значительное время въ большихъ городахъ. Въ стольномъ городѣ Вильнѣ онъ живалъ чаще и дольше, чѣмъ въ другихъ городахъ и мѣстахъ, но все-таки не былъ тамъ постояннымъ жителемъ[252]). Это—

---

[251]) Zbiór praw litewskich, str. 61—66.

[252]) По датамъ актовъ, содержащихся въ III, V и VI кн. Записей Лит. Метр. и въ Архивѣ кн. Сангушковъ, в. князь Александръ пребывалъ въ августѣ 1492 г. *въ Вильнѣ*, 3 и 4 сент. *въ Марковѣ*, 13 и 20—*въ Минскѣ*, 20 окт. *въ Лидѣ*, 30 окт. по 12 декабря *въ Трокахъ*, 19 декабря и далѣе *въ Вильнѣ*; 8 іюля 1493 г. и далѣе *въ Трокахъ*, 26 октября и далѣе *въ Вильнѣ*, 30 декабря и далѣе *въ Городнѣ*; 20 марта 1494 г. и далѣе *въ Вильнѣ*, 7 іюня и далѣе *въ Трокахъ*; 28 іюля *въ Ейшишкахъ*, 10 августа *въ Волковыйскѣ*, 9 и 11 сентября *въ Берестьѣ*, 14 сент. *въ Каменцѣ*, 1 окт. *въ Городнѣ*, 6 окт. *въ Меречи*, 14 окт. *въ Пуни*, 16 окт. *въ Бирштанахъ*, 26 окт. *въ Ковнѣ*, 12 ноября *въ Трокахъ*, 21 декабря и далѣе *въ Вильнѣ*; 26 августа 1495 г. *въ Волькиникахъ*, 30 авг. и 2 сент. *въ Меречи*, 16 сент. и далѣе до 1 марта 1496 г. включит. *въ Городнѣ*; съ 5 по 21 марта включит. *въ Берштахъ*; съ 23 марта по конецъ апрѣля *въ Меречи*; 13 мая по 10 іюня включит. *въ Трокахъ*; съ 15 мая по 31 августа включит. *въ Вильнѣ*; 28 и 29 сент. *въ Бѣльскѣ*; 6 окт. *въ Дорогичинѣ*; 10 ноября и далѣе *въ Берестьѣ*; 6 янв. 1497 г. *въ Каменцѣ*, 29 янв. *въ Новгородкѣ*, 5 марта *въ Смоленскѣ*, 10 марта *въ Полоцкѣ*, 17 и по 28 включит. *въ Витебскѣ*, съ 5 по 11 апрѣля опять *въ Полоцкѣ*, 25 апр. и по 24 іюля включит. *въ Вильнѣ*; 27 іюля *въ Заславѣ* на Волыни, 11 сент. *въ Брацлавѣ* на *Подольѣ*, 30—*въ Топорищахъ*, 2 окт. *въ Походаковичахъ*, 6—*въ Овручи*, 13—*въ Мозыри*, 28—*въ Новгородкѣ*; 15 декабря и по 2 марта 1498 г. *въ Городнѣ*; 9 марта 1498 г. *въ Берштахъ*, 14 и 15—*въ Меречи*, 1 апр. и по 21 іюля влючит. *въ Вильнѣ*; 27 іюля и по 12 сент. включит. *въ Трокахъ*; 2 ноября *въ Ковнѣ*, 14—*въ Олитѣ*, 19—*въ Меречи*, 21—*въ Перевалкѣ*; 26 ноября и по 16 февр. 1499 г. включит. *въ Городнѣ*, 12 марта 1499 г. и по 7 сент. *въ Вильнѣ*, 12—21 сент. *въ Воранахъ*; 29 сент. и по 26 окт. включит. *въ Вильнѣ*, 2 ноября *въ Ковнѣ*, 18—21 ноября *въ Слонимѣ*, 10 дек. *въ Городнѣ*; 9 янв. 1500 г. *въ Минскѣ*, 24 янв. и по 30 марта *въ Городнѣ*, 24 апрѣля и по 4 іюня включительно *въ Вильнѣ*; 6—8 августа *въ Обольцахъ*; 1 сент. *въ Городнѣ*, 14 сент. и по 6 окт. включит. *въ Полоцкѣ*, 20 октября *въ Браславлѣ*; съ 21 окт. и по 6 марта 1501 г. включит. *въ Вильнѣ*; 17 марта и по 2 апр. 1501 г. *въ Тро-*

любопытная и чрезвычайно важная черта великокняжескаго быта, которая несомнѣнно имѣла большое значеніе въ государственной жизни великаго княжества. Съ другой стороны, и тѣ совѣтники, паны радные, съ которыми ему нужно было совѣщаться, въ большинствѣ не были въ сборѣ, ибо они бывали обыкновенно въ то же время воеводами, старостами, державцами и намѣстниками по господарскимъ замкамъ, дворамъ и волостямъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно должны были накопляться государственныя дѣла, для рѣшенія которыхъ великій князь и собиралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ на сеймы.

Чаще всего это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда Александру приходилось принимать иностранныхъ пословъ или гонцовъ и вести дипломатическіе переговоры или же отправлять изъ Литвы пословъ и гонцовъ и снабжать ихъ инструкціями [253]). Такой сеймъ имѣлъ мѣсто, напр., *въ Берштахъ* въ мартѣ 1496 года [254]). На этомъ сеймѣ господарь совѣщался съ панами радою относительно того, что отвѣчать брату своему королю Польскому Яну Альбрехту, матери королевѣ Елизаветѣ и братьямъ—королевичу Сигизмунду и кардиналу Фридриху по поводу домогательствъ королевича Сигизмунда получить «дѣлъ» въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Указаніе на это содержится въ тѣхъ самыхъ посольскихъ рѣчахъ, съ которыми отправленъ былъ къ назван-

---

кахъ; 6 апр. и по 24 іюля включит. *въ Вильнѣ;* 2 августа *въ Трокахъ;* 18—28 августа *въ Городнѣ;* 20 сент. и по 6 ноября включит. *въ Мельникѣ;* 5 янв. 1502 г. и по 25 апрѣля включит. *въ Краковѣ;* 31 мая и 5 іюня *въ Вильнѣ;* 17 іюня *въ Люблинѣ;* 24—*въ Каменцѣ;* 27—*въ Новомъ Дворѣ,* 29—*въ Слонимѣ;* 2 іюля и по 26 включит. *въ Новгородкѣ;* 7 авг. и 9 сент. *въ Минскѣ;* 14 окт. 1502 г. и по 29 сент. 1503 г. включительно *въ Минскѣ;* 20 и 21 окт. 1503 г. *въ Мельникѣ;* 7 ноября *въ Люблинѣ;* 4—22 января 1504 г. *въ Краковѣ;* 3 февраля и по 14 марта включит. *въ Петрковѣ;* 1 апрѣля *въ Брестѣ Куявскомъ;* 22—*въ Торуни,* 9 авг. и по 14 окт. включит. *въ Краковѣ;* 21 окт. *въ Мельникѣ,* 25 ноября *въ Городнѣ,* 12—31 декабря *въ Краковѣ;* 27 января 1505 г. *въ Ломазахъ;* 4 февр. и по 19 апр. включит. *въ Берестьѣ,* 9 іюня и по 26 сент. включительно *въ Краковѣ;* 12 октября *въ Сандомирѣ,* 21—*въ Люблинѣ;* 3 ноября и по 13 дек. *въ Краковѣ;* 15—24 дек. *въ Городнѣ;* 12 января 1506 г. и по 5 марта включительно *въ Люблинѣ;* 7 апрѣля и по 23 іюля *въ Вильнѣ.*

[253]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 61, 62; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 46, 47. Симферополь 1898 г.

[254]) В. князь Александръ проживалъ въ Берштахъ съ 5 по 21 марта. Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58—62, 71; VI, л. 64; Акты Вилен. Археогр. Комм., т. VII, стр. 61.

нымъ лицамъ панъ Литаворъ Хребтовичъ въ первой половинѣ апрѣля [255]). «Ачъ быхмо,— наказывалъ говорить королю Яну Альбрехту, в. кн. Александръ,—и хотѣли то вчинити для нашого брата, ино панове рада наша и вся земля никако не хотять того дозволити и допустити до горлъ своихъ, и то мовять завжды передъ нами, ижъ не звыкли двухъ пановъ мѣти [256]) и т. д. Очевидно, Александръ ссылался на то, что ему говорили паны рада въ Берштахъ (указаніе же *на всю землю*, вѣроятно, простая licentia diplomatica). Впослѣдствіи, когда Александръ сдѣлался польскимъ королемъ, паны рада собирались на сеймы и въ отсутствіе господаря, въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояло принимать или отпускать пословъ и гонцовъ [257]). Но кромѣ различныхъ вопросовъ внѣшней политики, на подобныхъ сеймахъ при в. князѣ Александрѣ вершились текущія дѣла и вырабатывались важнѣйшія мѣры по внутреннему управленію. Такъ, напр., на Новгородскомъ сеймѣ господарь съ прелатами и панами радою установилъ, чтобы впредь князья, паны, земяне и дворяне выставляли съ каждыхъ десяти служебъ крестьянъ ратника «у зброи, на кони, зъ древцомъ» [258]). Этотъ Новгородскій сеймъ прелатовъ и пановъ происходилъ, по всѣмъ даннымъ, въ іюлѣ 1502 года, когда господарь около двухъ недѣль пребывалъ въ Новгородкѣ, направляясь въ Минскъ для личнаго руководства военными дѣйствіями противъ Москвы [259]). Въ это именно время, послѣ понесенныхъ территоріальныхъ утратъ и пораженій, и требовалось особенное напряженіе военныхъ силъ государства [260]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла внѣшней политики обсуждались на вальныхъ сеймахъ съ участіемъ не только пановъ рады, но и шляхты-рыцарства изъ Литвы и соединенной съ нею Руси. Такой «вальный соймъ», повидимому, имѣлъ мѣсто въ ноябрѣ 1493 г. [261]). Въ это самое

---

[255]) Рѣчи эти написаны были въ Меречи, куда Александръ пріѣхалъ прямо изъ Берштъ, и гдѣ онъ пробылъ съ 23 марта до конца апрѣля. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64, 65; 74—77; 170, 284.

[256]) Акты Зап. Рос. I, № 135, I.

[257]) Литовскіе упоминки, стр. 42.

[258]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 507.

[259]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 208; Акты Зап. Рос. I, № 198; Акты Вилен. Археогр. Комм. VII, стр. 62.

[260]) Любопытно, что и въ сосѣдней Мазовіи въ то время конный ратникъ шелъ на войну de quibuslibet X mansis. См. *Bandtkie* Historya prawa polskiego, str. 194.

[261]) Привилей воеводѣ Троцкому Петру Яновичу на имѣнье Душманы выданъ

время (6 ноября) литовское правительство снаряжало посольство для окончательнаго заключенія мира съ Москвою, который предполагалось скрѣпить брачнымъ союзомъ великаго князя Александра съ дочерью Ивана III—Еленою [262]). Ясное дѣло, что и вальный сеймъ собирался въ Вильнѣ для полученія согласія на задуманное политическое предпріятіе. Это согласіе было тѣмъ болѣе необходимымъ, что великому князю, вопреки данному имъ обязательству (въ привилеѣ 1492 г.) не уменьшать предѣловъ великаго княжества, приходилось поступаться въ пользу Москвы значительною частью населенной государственной территоріи, которой неотступно добивалась Москва.

Но въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ устроеніи судьбы всего государства, на вальный сеймъ приглашались князья, паны и бояре со всего государства, не только изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, но и изъ его земель-аннексовъ. Такіе *великіе* вальные сеймы въ разсматриваемое время собирались въ 1492, 1499, 1505 и 1506 г.г.

Первый изъ этихъ сеймовъ собирался для возведенія на великое княженіе Александра

Мы уже видѣли, какъ тяготились литовцы частыми и продолжительными отсутствіями Казимира изъ великаго княжества, какъ недовольны были уступками, которыя онъ въ ущербъ великому княжеству дѣлалъ полякамъ, и какъ стремились заполучить себѣ отдѣльнаго отъ Польши правителя. Седьмого іюня 1492 года умеръ въ Городнѣ король Казимиръ, и литовцы поспѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. Паны рада упросили королевича Александра не сопровождать тѣло отца въ Польшу. Они мотивировали свою просьбу «пригодами и нагабаніями» на великое княжество со стороны непріятелей, опасеніемъ, что враги нападутъ на великое княжество, оставшееся безъ главы [263]). Въ этомъ была доля правды, ибо отношенія къ Москвѣ и Крыму въ послѣдніе годы великокняженія Казимира дѣйствительно были въ высшей степени натянуты. Но съ другой стороны несомнѣнно, что паны рада, оставляя у себя Александра, имѣли умыселъ возвести его на великое княженіе помимо поляковъ и вопреки ихъ желаніямъ. Паны рада не рѣшились само-

---

былъ въ 1493 году in conventione generali Vilnensi feria quinta post festum Omnium Sanctorum, т. е. 7 ноября. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35.

[262]) *Г. Карпова* Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 14; Акты Зап. Рос. I, 114.

[263]) Акты Зап. Рос. I, № 100, I.

лично предпринять такой шагъ, который грозилъ полнымъ разрывомъ съ Польшею, въ высшей степени опаснымъ при тогдашнемъ международномъ положеніи великаго княжества. Кромѣ того, памятны были и тѣ внутреннія замѣшательства, которыя произошли послѣ возведенія на великое княженіе Казимира вслѣдствіе того, что дѣло это рѣшено было одними литовцами, безъ участія земель-аннексовъ. Подобныхъ же внутреннихъ замѣшательствъ можно было опасаться и въ данное время, при существованіи въ государствѣ многочисленной партіи князей и бояръ, которые не прочь были возвести на великокняжескій столъ Семена Михайловича (Олельковича) Слуцкаго [264]). Эти замѣшательства при тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, какія установились во вторую половину великокняженія Казимира между Литвою и подвластною ей Русью, могли быть еще болѣе опасными, чѣмъ въ началѣ великокняженія Казимира, могли повести къ отпаденію русскихъ областей великаго княжества и соединенію ихъ съ Москвою. Только избраніе великаго князя при участіи всѣхъ земель великаго княжества могло дать панамъ радѣ надлежащую опору при будущихъ переговорахъ съ поляками и устранить до извѣстной степени внутреннія замѣшательства. Поэтому уже изъ Городна разосланы были по всѣмъ землямъ великаго княжества грамоты отъ королевича Александра и пановъ рады съ извѣщеніемъ о смерти короля Казимира и съ приглашеніемъ на сеймъ для избранія новаго господаря [265]). Королевичъ Александръ въ грамотѣ своей напоминалъ князьямъ и панамъ о присягѣ, которую они дали его покойному отцу не имѣть никого своимъ господаремъ, «нижьли сына его милости,... которого ваша милость, зголившися пополу зъ братьею своею, съ паны радою великого княжьства Литовского, оберете», и выражалъ увѣренность, что они будутъ вѣрны этой присягѣ. Это напоминаніе, очевидно, обращено было преимущественно къ тѣмъ, которые принадлежали къ партіи Олельковича. Паны рада съ своей стороны напоминали князьямъ, панамъ и земянамъ, что они были «завжды за одинъ посполу зъ великимъ князьствомъ Литовскимъ» и выражали надежду, что и на этотъ разъ они будутъ также «посполу» съ великимъ княжествомъ и сообща съ нимъ выберутъ одного изъ сыно-

---

[264]) *Kojałowicza* Historiae Litwanae pars II, p. 259.

[265]) «По смерти короля Казимера въ Городне початы посолства писа(ти): до Киева Петром Өедковичом, до Смоленска паномъ Сенкомъ Олизаровичом, а до Витебска княземъ Михайлом Ивановичом Жеславским, а до Полоцка паном Войтехом Ивашковичом, а до Луцка»... (Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 126). Эти посольства напечатаны въ Актахъ Зап. Рос., т. I, № 100.

вей покойнаго короля. Паны извѣщали затѣмъ, что для этого избранія они положили соймъ въ Вильнѣ — «землямъ всимъ зъѣхатися на день святого Ильи» (20 іюля) и просили старшихъ изъ этихъ земель, «десять або двадцать, або колько ся вамъ увидить» пріѣхать на соймъ, а остальныхъ — остаться при замкѣ на всякій случай, «для часу пригоды».

Когда собрался сеймъ, приверженцы кн. Семена Олельковича выставили было кандидатуру. Самъ князь пріѣхалъ съ цѣлымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ для большей внушительности. Но паны рада объявили сейму, что послѣднимъ желаніемъ покойнаго короля, высказаннымъ предъ смертью, было, чтобы литовцы выбрали себѣ на великое княженіе сына его Александра, а поляки Яна Альбрехта. Это заявленіе разбило всѣ шансы Олельковича, и сеймъ единодушно провозгласилъ Александра великимъ княземъ [266]).

30 іюля совершился обрядъ возведенія Александра на великое княженіе. При этомъ литовскіе паны дали понять новому господарю, чего они желаютъ отъ его правленія. Маршалокъ земскій, подавая ему мечъ и скипетръ, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой призывалъ новаго господаря быть мужественнымъ, строго карать за дурныя дѣла и милостиво награждать за добрыя. «Въ заключеніе,—сказалъ маршалокъ, *по изволенію всѣхъ становъ великаго княжества* просимъ тебя рядить и судить насъ не по римскому или чешскому, или нѣмецкому обычаю, но по правдивому литовскому и Витовтову обычаю [267]). Великій князь благодарилъ и далъ обѣщаніе поступать именно такъ, какъ его просили. Станы сейма, и паны рада прежде всего, не удовольствовались, впрочемъ, этою неопредѣленною просьбою и обѣщаніемъ: 6 августа новый господарь, очевидно, по ихъ настоянію выдалъ прелатамъ, князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ великаго княжества привилей, въ которомъ подтвердилъ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками, и съ своей стороны придалъ цѣлый рядъ новыхъ, коими, какъ уже было сказано, въ значительной степени ограничилъ свою власть обязательнымъ совѣтомъ и согласіемъ пановъ рады великаго княжества [268]). Присутствовавшіе на сеймѣ жмудскіе паны и бояре

---

[266]) Хроники М. Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 31, 32); Стрыйковскаго (tom. II, str. 293); Кояловича (pars II, p. 259).

[267]) *J. Lodowici Decii* De Jagiellonum familia (Pistorii Polonicae historiae corpus, tomus II, p. 294); *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 295.

[268]) Zbiór praw litewskich, str. 58—66; *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae tomus I, № CXCIV; *Hr. de Broel-Plater* Zbiór pamiętników do dziejów polskich, tom I, str. 17—29. Warszawa, 1858.

помимо того выпросили у новаго господаря подтвержденіе правъ и вольностей Жмудской земли, дарованныхъ в. княземъ Витовтомъ и Казимиромъ [269]).

Итакъ, въ концѣ іюля 1492 года въ Вильнѣ собирался общегосударственный сеймъ великаго княжества Литовскаго, въ которомъ участвовали паны рада и «старшіе» землевладѣльцы—князья, паны и бояре изъ всѣхъ областей-аннексовъ. Сеймъ собирался для избранія новаго господаря, и на немъ происходили совѣщанія какъ относительно самаго кандидата на великокняжескій престолъ, такъ и относительно тѣхъ требованій, которыя имѣлось въ виду къ нему предъявить. Результатомъ этихъ совѣщаній и было избраніе великимъ княземъ королевича Александра и тѣ ограниченія великокняжеской знати, на которыя онъ согласился, и которыя подтвердилъ въ земскомъ привилеѣ 1492 г.[270]).

Такіе же общегосударственные сеймы, какъ сеймъ 1492 г., собирались въ 1499 и 1505 годахъ для заключенія уніи съ Польшею. Мы видѣли, что въ теченіе всего царствованія Казимира поляки добивались возобновленія уніи, заключенной при его предшественникахъ между Польшею и Литвою. Но литовцы упорно отказывались отъ подтвержденья прежнихъ записей и предлагали взамѣнъ договора, устанавливавшаго инкорпорацію великаго княжества въ Польское государство, простой оборонительно-наступательный союзъ обоихъ государствъ при полной внутренней самостоятельности и самобытности великаго княжества. Такую именно унію они признали, давая свое согласіе на коронацію Казимира королемъ польскимъ, и такую унію подтвердилъ имъ самъ Казимиръ въ качествѣ избраннаго польскаго короля. Но поляки, какъ мы видѣли, не дали своей санкціи Казимировой записи, вслѣдствіе чего между обоими государствами установились неопредѣленныя и даже враждебныя отношенія, хотя у нихъ и былъ общій государь. Съ избраніемъ Александра на великое княженіе, а Яна Альбрехта на королевство Польское, порвалась и эта единственная связь, поддерживавшая нѣкоторое единеніе между обоими государствами. Но отношенія къ сосѣдямъ въ самомъ скоромъ времени заставили и Польшу, и

---

[269]) Привилей выданъ былъ 22 августа 1492 г. Zbiór praw litewskich, str. 67—72.

[270]) Приведенныя нами подробности возведенія на великое княженіе Александра не оправдываютъ представленія этого факта, какъ дѣла тѣснаго круга литовско-русской знати. Срав. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* «Польская унія на сеймахъ до 1569 года, стр. 4. Москва 1897 (Труды Славянской Комиссіи при Импер. Моск. Археол. Общ., т. II).

Литву болѣзненно почувствовать взаимный разрывъ и предпринять шаги къ возобновленію уніи.

Уже въ мартѣ 1493 года великій князь Александръ отправилъ Литавора въ Польшу съ просьбою о помощи. Онъ извѣщалъ брата и коронную раду о томъ, что великій князь Московскій многихъ людей своихъ «моцне вослалъ» въ великое княжество Литовское, побралъ замки и полонилъ многихъ людей. Ссылаясь на прежнее обѣщаніе короля и пановъ рады, великій князь просилъ ихъ, чтобы они были теперь «радни и помоцни великому княжеству», и выражалъ надежду, что они не покинутъ великое княжество на произволъ судьбы и помогутъ ему деньгами и людьми. Въ заключеніе великій князь просилъ увѣдомить его, какое количество людей и денегъ онъ можетъ разсчитывать получить отъ Польши [271]).

Поляки дали отвѣтъ на это посольство только въ концѣ 1493 г. Они извинялись тѣмъ, что весь годъ заняты были важными дѣлами и не имѣли времени отвѣтить на посольство великаго князя: нужно де было устроивать миръ съ турками, столь необходимый для безопасности не только Польши, но и Литвы, съѣзжаться съ королемъ Венгерскимъ для переговоровъ объ общихъ дѣлахъ обоихъ государствъ, вести переговоры съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и т. д. Что касается помощи великому княжеству, король и паны рада, отвѣчали, что они будутъ помогать противъ всякаго непріятеля, какъ это условлено въ старыхъ «записахъ», но только необходимо возобновить эти «записы»; обозначать же размѣры помощи нѣтъ надобности, разъ будетъ установлено, что одно государство должно всѣми силами помогать другому [272]).

Польскій посолъ прибылъ въ Литву въ то время, когда уже начались переговоры съ Московскимъ государемъ о заключеніи съ нимъ мира и брачнаго союза литовскаго господаря съ дочерью Ивана Васильевича. Въ помощи поляковъ не было теперь нужды, и литовцы не обнаружили готовности возобновить «старые записы», существовавшіе между Польшею и Литвою.

Переговоры о возобновленіи этихъ «записовъ» начались снова въ 1495 году, и на этотъ разъ уже по иниціативѣ поляковъ, которые въ свою очередь почувствовали нужду въ помощи Литвы. Въ концѣ сентября 1494 г. большіе татарскіе отряды вторглись на Волынь и Подолье, сожгли много селеній и набрали множество добычи и плѣн-

---

271) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 140.

272) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 150—152.

ныхъ. Янъ Альбрехтъ отправилъ въ погоню за ними своихъ дворянъ и небольшое число жолнеровъ; къ нимъ примкнула и мѣстная шляхта. Поляки нагнали татаръ подъ Вишневцемъ. Произошла ожесточенная битва, въ которой поляки, подавленные числомъ, потерпѣли полное пораженіе [273]). И послѣ того татарскіе загоны безпрестанно тревожили украинныя области Польши и Литвы. Для болѣе успѣшной борьбы съ ними необходимо было войти въ соглашеніе съ Литвою и дѣйствовать противъ нихъ общими силами. Поэтому Янъ Альбрехтъ отправилъ къ брату въ Литву своего приближеннаго совѣтника Филиппа Каллимаха съ предложеніемъ сдѣлать «записы» между обоими государствами «слушнымъ а раднымъ обычаемъ, безъ ображенья чести и безъ шкоды» какъ короны Польской, такъ и великаго княжества Литовскаго, и «споломъ» чинить отпоръ поганству татарамъ.

Съ отвѣтомъ на это предложеніе великій князь Александръ отправилъ въ Польшу пана Станислава Петрашковича. Онъ извѣщалъ брата, что обо всемъ онъ «намовлялъ» съ панами радою великаго княжества, и тѣ изъявили согласіе на предложеніе короля. Александръ просилъ брата только сообщить ему, какого рода «записовъ» онъ желаетъ. Касательно совмѣстной обороны отъ татаръ Александръ выражалъ мнѣніе, что въ виду трудности находить татарскаго царя въ полѣ лучше всего будетъ разставить постоянныя войска на пограничныхъ замкахъ и, кромѣ того, занять Бѣлгородъ и Килію: отсюда удобно будетъ перенимать татарскіе загоны [274]).

Послѣ этого король и паны рада отправили въ Литву пановъ Поповскаго и Миколая Тенчинскаго съ условіями уніи [275]). Они предложили возобновить старый «записъ», существовавшій между обоими государствами, на основаніи котораго они были «злучены ровнымъ злученьемъ», и прислали копію этого «записа» прося поправить его, если въ немъ окажется какой-нибудь «выступъ и противность» для великаго княжества. Поляки настоятельно просили литовцевъ возобновить унію въ виду страшной опасности, угрожающей отъ турокъ: находясь въ мирѣ съ Польшею, они постоянно направляютъ татаръ на корону и великое княжество, пустошатъ и обезсиливаютъ оба государства; что же будетъ съ ними, когда выйдетъ перемирье, и когда Турец-

---

[273]) Хроника Ваповскаго (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 20, 21): *K. Pulaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 42, 43. Kraków-Warszawa 1881.

[274]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 161.

[275]) «Посольства» эти внесены въ книгу Литов. Метр. среди актовъ 1496.

кій царь нападетъ на нихъ, обезсиленныхъ и истомленныхъ предшествующею борьбою? [276])

Александръ и паны рада вел. княжества выразили полную готовность подтвердить имъ старый «записъ», копію котораго принесли послы, находя, что въ немъ нѣтъ ничего «шкоднаго» обоимъ государствамъ. Паны рада только оговорили, что они согласны подтвердить тотъ именно старый «записъ», копія котораго имъ доставлена, но не другіе старые «записы», которые были составлены прежде «нераднымъ а неслушнымъ обычаемъ, чсти внимаючы а чсти нарушаючы одное стороны» (паны рада, очевидно, разумѣли акты уніи, предшествующіе Городельскому и послѣдующіе, времени Сигизмунда Кейстутьевича). Поповскій заявилъ по этому поводу, что онъ не знаетъ этихъ другихъ «записовъ» и не уполномоченъ вести объ этомъ какіе-либо переговоры [277]). Въ виду того, что литовцы выставили новое, непредусмотрѣнное условіе, Поповскій не пожелалъ кончать дѣла и не взялъ у литовцевъ «записа», составленнаго ими на основаніи присланной изъ Польши копіи [278]). Поэтому въ августѣ 1496 г. литовская рада отправила въ Польшу новыхъ пословъ — бискупа Луцкаго Яна и пана Семена Олизаровича [279]) съ полномочіемъ заключить унію на предложенныхъ уже поляками условіяхъ. Посламъ дана была и «минута», т. е., проектъ того акта, который долженъ былъ содержать договоръ объ уніи съ Польшею [280]). Но и на этотъ разъ тому дѣлу «конца не сталося» [281]). Очевидно, указаніе литовской рады на старые «записы» между Литвою и Польшею навело поляковъ на раздумье и возбудило въ нихъ желаніе пересмотрѣть акты уніи и составить новый проектъ, болѣе выгодный для Польши, чѣмъ проектъ «ровнаго злученья» обоихъ государствъ.

Какъ бы то ни было, но унія на этотъ разъ не состоялась. Обстоятельства, впрочемъ, скоро заставили поляковъ не откладывать этого дѣла. Весною 1498 года на границахъ Польши появились страшные

---

[276]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 171—174.

[277]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 174—175.

[278]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 422. Актъ этотъ составленъ in conventione Vilnensi отъ имени пановъ радныхъ, которые давали обязательство и за свою братью-шляхту.

[279]) Предположено было послать пана Станька Костевича, но посланъ былъ Сенько Олизаровичъ. Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 176.

[280]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 423.

[281]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 323, 324.

турки. Они опустошили Подолье и Галицкую землю и увели въ полонъ до 100 т. человѣкъ. Пораженная паническимъ ужасомъ страна не защищалась; нѣсколько тысячъ шляхты собралось уже тогда, когда турки повернули во-свояси. Это шляхетское ополченіе ознаменовало себя лишь тѣмъ, что опустошило окрестности Сандомира. Польша нуждалась въ посторонней помощи, и потому, когда въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыли послы отъ Венгерскаго короля Владислава съ предложеніемъ союза противъ турокъ, Янъ Альбрехтъ съ большею готовностью принялъ это предложеніе. Въ союзъ принятъ былъ и воевода Волошскій Стефанъ; кромѣ того постановлено было пригласить къ союзу и третьяго брата—в. князя Литовскаго Александра. Послѣ того, какъ турки глубокою осенью того же 1498 г. повторили свое нападеніе на Польшу, Владиславъ отправилъ въ Краковъ новое посольство для окончательнаго утвержденія союза и привлеченія къ нему Александра. Вслѣдствіе настояній брата Янъ Альбрехтъ отправилъ въ Литву архіепископа Львовскаго Розу и каштеляна Сѣрадзьскаго Поповскаго съ приглашеніемъ къ союзу противъ турокъ[282]).

Александръ съ своей стороны выразилъ полную готовность помогать брату и лично выступить въ походъ «со всими моцами своими», если на лѣто турокъ самъ вздумаетъ напасть на Польшу или пошлетъ своего пашу. Но паны рада не соглашались быть своей братьи-полякамъ «зупелне радни и помоцны», такъ какъ между обоими государствами нѣтъ «ровныхъ и слушныхъ записовъ», и требовали, чтобы такіе «записы» были, наконецъ, сдѣланы «безъ уйму почесности обѣюх панствъ». Кромѣ того, паны рада требовали, чтобы польскіе прокураторы, пребывающіе въ Римѣ, не мѣшались въ назначеніе бискуповъ на Литву, и чтобы поляки выслали, наконецъ, своихъ коммиссаровъ для разбора жалобъ пограничныхъ съ Польшею волынскихъ землевладѣльцевъ на обиды и «шкоды», починенныя имъ сосѣдями - поляками.

Съ предложеніями въ этомъ смыслѣ въ началѣ февраля 1499 г. отправлены были изъ Литвы послы — бискупъ Жмудскій Мартинъ и воевода Троцкій Янъ Заберезинскій на сеймъ, собравшійся въ Люблинѣ [283]). Посольство на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ, и поляки приняли то «ровное злученье», которое предлагали имъ литовцы. Шестого и четырнадцатаго мая на Краковскомъ вальномъ сеймѣ составлены были

---

[282]) *D-r Fr. Czerny,* Panowanie Jana Olbrachta i Alexandra Jagiellończyków, str. 69—78. Kraków 1871.

[283]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 322—325; Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 442—444; *L. Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 390, nota 55.

«реверсалы», т. е. грамоты, содержащія согласіе поляковъ на условія, предложенныя литовцами, и обязательство ихъ составить актъ уніи въ этомъ смыслѣ со включеніемъ въ него, если пожелаютъ литовцы, и старыхъ «записовъ» уніи. Теперь литовцамъ предстояло съ своей стороны написать подобный актъ и тѣмъ окончательно закрѣпить договоръ [284]).

Для рѣшенія этого дѣла литовское правительство распорядилось созвать въ Вильнѣ въ іюлѣ 1499 г. сеймъ всѣхъ земель великаго княжества. Это дѣло было такой первостепенной важности, что великій князь и паны рада не сочли возможнымъ взять его всецѣло на свою отвѣтственность, а обратились за согласіемъ, ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Это обращеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что какъ разъ въ это самое время сказывалось въ русскихъ областяхъ великаго княжества сильное неудовольствіе на Литву по поводу церковной политики правительства, принуждавшаго православныхъ къ уніи съ Римомъ. При такихъ обстоятельствахъ заключать унію съ Польшею безъ согласія земель великаго княжества значило еще болѣе усиливать неудовольствіе, національно-политическій антагонизмъ въ государствѣ, и толкать русскихъ подданныхъ в. княжества въ объятія Москвы. Поэтому литовское правительство и распорядилось созваніемъ великаго сейма въ Вильнѣ для окончательнаго подтвержденья заключенной уніи.

Станы сейма дали свое согласіе на эту унію, и 24 іюля написана была грамота, подтвердившая актъ Городельской уніи, съ болѣе точнымъ обозначеніемъ порядка избранія королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Въ грамотѣ опредѣлялось, что литовцы на будущее время не будутъ приступать къ избранію великаго князя безъ вѣдома и участія поляковъ, лишь бы они пожелали прибыть въ Литву ко времени избранія; точно такъ же и поляки съ своей стороны не будутъ обходить литовцевъ при выборѣ королей [285]).

Полоцкіе бояре воспользовались приглашеніемъ ихъ на сеймъ для того, чтобы получить отъ господаря «вырокъ», опредѣляющій ихъ отношенія къ мѣщанамъ, которые отдѣлились отъ земства вслѣдствіе пожалованья имъ магдебургскаго права [286]).

Вѣчный союзъ, подтвержденный въ 1499 году, въ сущности мало гарантировалъ и Польшѣ, и Литвѣ взаимную поддержку. Оба государ-

---

[284]) *L. Gołębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 432, nota 93; Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 448, 449

[285]) Zbiór praw litewskich, str. 72—76.

[286]) Акты Зап. Рос. I, № 175.

ства обязывались не покидать другъ друга во всѣхъ превратностяхъ, помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ по мѣрѣ всѣхъ силъ—omni consilio, auxilio et fauore. Но пока сохранялось ихъ отдѣльное существованіе, пока они не сливались въ одно государство съ однимъ правительствомъ, эта поддержка всегда должна была сводиться до minimum'a, а иногда и на нѣтъ. У каждаго государства были свои враги, которыхъ оно должно было остерегаться; каждое государство естественно должно было всячески щадить и приберегать свои силы для самого себя. Все это обнаружилось въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ заключенія уніи 1499 года и заставило на этотъ разъ уже литовцевъ сдѣлать попытку къ болѣе тѣсному соединенію съ Польшею.

Весною 1500 г. московскія войска вторгнулись въ великое княжество Литовское и заняли множество городовъ и волостей. Высланное противъ нихъ литовское войско 14 іюля потерпѣло полное пораженіе на р. Ведрошѣ, близъ Дорогобужа. Поляки не оказали никакой помощи великому княжеству, потому что собирались въ это время идти въ походъ на турокъ и должны были оборонять свои земли отъ татаръ, два раза въ этомъ году,—лѣтомъ и осенью, вторгавшихся въ юго-западную Русь [287]). Янъ Альбрехтъ оказалъ своему брату Александру только дипломатическое содѣйствіе въ переговорахъ съ великимъ княземъ Московскимъ, отправивъ въ Москву своего посла хлопотать о мирѣ,—помощь, по размѣрамъ и значенію своему не превышавшую того, что сдѣлалъ для Александра и другой его братъ, Венгерскій король Владиславъ [288]).

Борьба съ Москвою продолжалась, когда умеръ король Янъ Альбрехтъ (17 іюня 1501 г.). Хотя Литва успѣла къ тому времени пріобрѣсти союзниковъ въ лицѣ ливонскаго магистра Плеттенберга и заволжскаго хана Шигъ-Ахмата, тѣмъ не менѣе литовцы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы для этой борьбы соединиться болѣе тѣсными узами съ Польшею. По обстоятельствамъ времени этого можно было достигнуть возведеніемъ на польскій престолъ великаго князя Александра и заключеніемъ новой уніи съ Польшею. Литовскій сеймъ, собравшійся въ Городнѣ, отправилъ въ концѣ августа 1501 года пословъ на Петрковскій сеймъ для поддержанія кандидатуры Александра и съ полномочіями на заключеніе новой уніи [289]). Перспектива этой уніи, ко-

---

[287]) *Fr. Czerny*, op. cit., str. 82; *Карпова* Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, ч. II, стр. 69, 70.

[288]) Акты Зап. Рос. I, № 186.

[289]) Въ качествѣ пословъ отъ в. князя Александра и отъ прелатовъ, пановъ

торую предлагали литовцы полякамъ въ случаѣ избранія Александра, болѣе всего подѣйствовала на избирателей, и Александръ восторжествовалъ надъ своими соперниками [290]).

Еще ранѣе формальнаго избранія Александра литовскіе послы вмѣстѣ съ поляками уложили прелиминарныя статьи договора, который имѣлъ быть заключенъ между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будутъ имѣть одного общаго государя; этотъ государь будетъ избираться въ Польшѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ; оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастьи; будутъ имѣть одну монету, но отдѣльные суды и должности; прежніе договоры, заключенные однимъ государствомъ, будутъ имѣть обязательную силу и для другого; съ той и другой стороны договоръ уніи долженъ подтверждаться присягою; новоизбранный государь долженъ подтверждать права и вольности обоихъ государствъ. Когда уже состоялось избраніе и провозглашеніе Александра королемъ Польскимъ, написанъ былъ актъ уніи на основаніи вышеизложенныхъ прелиминарныхъ статей и подтвержденъ присягою чиновъ польскаго сейма. Литовскіе послы съ своей стороны дали клятвенное обѣщаніе въ томъ, что склонятъ великаго князя и остальныхъ братьевъ своихъ—литовцевъ къ принятію, подтвержденію присягою и выполненію заключеннаго договора [291]).

Это обѣщаніе на дѣлѣ исполнено было только отчасти. Литовскіе послы и польскіе, отправленные звать Александра на королевство, нашли его по близости отъ Польши, въ Мельникѣ, куда онъ нарочно прибылъ для того, чтобы въ случаѣ избранія поскорѣе явиться въ

и рыцарства шляхты (praelatorum, baronum, procerum, militum et nobilium) отправились: Войтехъ, бискупъ Виленскій, кн. Александръ Юрьевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій; Янъ Заберезинскій, воевода Троцкій и маршалокъ земскій; Николай Николаевичъ, подчашій, староста Бѣльскій; Петръ Олехновичъ, кухмистръ. См. *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CXCVII.

[290]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum tom II, p. 44—47), *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 65—68), *Стрыйковскаго* (II, str. 314—316), *Кояловича* (pars II, p. 288—290); *Golębiowskiego* Dzieje Polski, tom III, str. 457, nota 7. 8.

[291]) *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CXCVI, CXCVII; *Golębiowskiego*, Dzieje Polski, tom III, str. 457—459, nota 7, 8; *D-ra Augusta Mossbacha* Początki unii Lubelskiey, str. 102—105. Poznań 1872.

Польшу. При немъ находились паны рада и различные урядники великаго княжества. Но это собраніе далеко не отличалось полнотою сейма. На немъ не было даже нѣкоторыхъ первостепенныхъ пановъ радныхъ, напр., воеводы Виленскаго пана Миколая Радивиловича, пана Троцкаго и старосты Жмудскаго Станислава Яновича и др., не говоря уже о томъ, что отсутствовали представители отъ русскихъ земель великаго княжества. По смыслу того обязательства, которое дали полякамъ литовскіе послы, для подтвержденья заключенной уніи слѣдовало созвать великій сеймъ изъ всѣхъ «становъ» великаго княжества. Этого нельзя было сдѣлать по случаю продолжавшихся военныхъ дѣйствій съ Москвою. Кромѣ того, и самъ Александръ торопился какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу для принятія короны и тѣмъ парализовать возможныя попытки къ ея захвату со стороны своихъ соперниковъ. Поэтому 23 октября (sabbato proximo ante beatorum Simonis et Iudae apostolorum) онъ принялъ и подтвердилъ своею присягою новозаключенную унію только съ тѣми панами, которые находились при немъ въ Мельникѣ, и обѣщалъ привести къ тому же и всѣхъ остальныхъ и побудить ихъ выдать соотвѣтственныя записи, скрѣпленныя ихъ печатями [292]).

Это обѣщаніе Александра осталось неисполненнымъ, хотя и по независящимъ отъ него причинамъ. Продолжавшаяся война съ Московскимъ государствомъ и Крымомъ не давала возможности литовскому правительству созвать на сеймъ князей, пановъ и бояръ-шляхту всѣхъ земель великаго княжества. Мало того, даже опасно было для государственной цѣлости великаго княжества поднимать такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ объ уніи съ Польшею. И безъ того много русскихъ княжествъ отпало отъ великаго княжества и добровольно пошло подъ власть Москвы. Провозглашеніе національно-политическаго единства съ католическою Польшею, — ut sit una gens, unus populus, et communia consilia eidemque corpori unum caput, могло сдѣлаться поводомъ къ еще большему отпаденію православнаго русскаго населенія, могло толкнуть въ объятія Москвы цѣлыя русскія земли, особенно пограничныя съ Москвою, какъ, напр., Полоцкая, Витебская и въ особенности Смоленская, больше другихъ расплачивавшаяся за свою вѣрность литовскому государю. Поэтому все время, пока продолжалась война, литовское правительство не созывало великаго сейма для подтвержденія заключенной уніи. И поляки съ своей стороны не торопили литовцевъ, очевидно, понимая ихъ положеніе. Когда же окончилась война,

---

[292]) Zbiór praw litewskich, str. 77—81.

и заключено было перемиріе съ Москвою (25 марта 1503 г.), сами литовцы охладѣли къ уніи и не прочь были кассировать сдѣланныя уже записи. Унія вовсе не принесла великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую разсчитывали литовскіе паны при ея заключеніи. Правда, вернувшись изъ Польши лѣтомъ 1502 г.[293]), Александръ привелъ съ собою вспомогательный польскій отрядъ, который и отправилъ вмѣстѣ съ наемными «служебными» на театръ военныхъ дѣйствій впередъ себя. Но уже съ дороги онъ принужденъ былъ вернуть этотъ отрядъ назадъ въ Польшу, такъ какъ отъ Волошскаго воеводы Стефана была получена вѣсть о движеніи турокъ въ предѣлы Польши. Это обстоятельство въ связи съ пораженіемъ литовскаго союзника—Шигъ-Ахмата и склонило литовское правительство къ заключенію перемирія съ Москвою [294]). Поляки не только не помогли литовцамъ, но даже оказали на нихъ давленіе, понуждая ихъ къ миру во что бы то ни стало [295]). Перемиріе, заключенное при ихъ посредничествѣ, стоило Литвѣ множества городовъ и волостей, которыя она должна была уступить Москвѣ. Естественно, что литовскіе паны потеряли всякую охоту доводить до конца начатое дѣло и, по всѣмъ даннымъ, стремились даже къ уничтоженію того, что уже было сдѣлано.

Какъ бы то ни было, по заключеніи перемирія съ Москвою поляки не преминули напомнить Александру о его обѣщаніи, данномъ въ Мельникѣ въ 1501 году. Кромѣ того, польскіе послы, пріѣзжавшіе въ 1505 году звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ, долженствовавшій собраться въ концѣ 1505 года для устройства совмѣстной обороны государствъ [296]), также потребовали отъ литовцевъ присылки желанныхъ «реверсаловъ». Изъ отвѣта литовской рады, отправленнаго на Люблинскій сеймъ, узнаемъ, какой конецъ имѣло дѣло, начатое въ 1501 г., при избраніи Александра королемъ польскимъ. Оказывается, что Александръ обращался за этими «реверсалами» какъ къ панамъ

---

[293]) По актамъ Александръ находился въ Люблинѣ 17 іюня 1502 года, а затѣмъ направился чрезъ Каменецъ, Новый Дворъ, Слонимъ, Новгородокъ къ Минску, куда прибылъ въ началѣ августа (Archiwum Sanguszków III, № LII; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, 20; Archiwum Sanguszków I, № CXXII; Акты Вилен. Археогр. Ком. VII, 62; Акты Зап. Рос. I, № 198; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 207—209).

[294]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

[295]) *Caro*, Geschichte Polens, V Theil, II Hälfte, s. 909—913. Gotha 1888.

[296]) *Fr. Czerny*, op. cit., str. 131.

радѣ, такъ и ко всѣмъ землямъ великаго княжества. Но «тыи, которыи при тыхъ записех не были, и теж многии земли, которыи жъ прислухають къ великому князству, тыхъ реверсаловъ послати не хотѣли для некоторыхъ причинъ, въ которых же ся их милости трудно виделo»[297]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ литовцы отвергли унію, заключенную ихъ послами и подтвержденную ихъ господаремъ въ 1501 году. Этимъ и объясняются тѣ хлопоты и старанія, которыя прилагали поляки къ заключенію уніи на основаніяхъ, установленныхъ въ 1501 г., какъ въ царствованіе Сигизмунда I, такъ и въ послѣдующее время до 1569 г. включительно. Унія 1501 г. вовсе не разрушалась въ 1506 г., при избраніи Сигизмунда на великое княженіе, какъ принято утверждать въ исторической литературѣ, ибо унія не была принята подданными великаго княжества [298]).

Но когда и при какихъ обстоятельствахъ могли вестись переговоры объ уніи съ подданными великаго княжества? По соображенію со всѣми обстоятельствами времени и данными источниковъ выходитъ, что это происходило на Берестейскомъ сеймѣ, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1505 года [299]). Послѣ заключенія перемирія съ Москвою, въ концѣ 1503 г. Александръ уѣхалъ въ Польшу и оставался тамъ до начала 1505 года [300]). Въ свое отсутствіе изъ Литвы онъ едва ли могъ собирать вальный сеймъ для рѣшенія такого дѣла, которое требовало его личнаго вліянія и воздѣйствія. Всего вѣроятнѣе, требованіе дать реверсалы предъявлено было на Берестейскомъ сеймѣ 1505 года. Мы знаемъ, что на этомъ сеймѣ находился Янъ Ласкій, коронный канцлеръ. Этотъ Ласкій вмѣстѣ съ нареченнымъ бискупомъ Холмскимъ Костелецкимъ отправленъ былъ въ Литву звать литовскихъ пановъ на Люблинскій сеймъ и между прочимъ потребовать у нихъ обѣщанныхъ «реверсаловъ» на унію [301]). Очевидно, что полученіе этихъ реверсаловъ и

---

[297]) Литов. Метр. кн. Запис. 254—255.

[298]) См., напр. *K. Pułaskiego* Przyczynek de elekcyi Żygmunta I w Litwie i w Polsce (Szkice i poszukiwania historyczne. Serya I. Kraków 1887, str. 76—79).

[299]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 236—242; Акты Зап. Рос. I, № 213, 214; Archiwum Sanguszków I, № CXXVIII; III, № LIX, LX, LXII; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки, стр. 44.

[300]) Акты Зап. Рос. I, №, 208—210; Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 54, 276 (выѣхалъ изъ Кракова 11 января 1505 г.).

[301]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 254—255.

было главною причиною созыва Берестейскаго сейма 1505 г.[302]). Этотъ сеймъ не былъ только сеймомъ пановъ радныхъ, какъ онъ изображается въ хроникахъ [303]), но великимъ сеймомъ, на которомъ присутствовали и землевладѣльцы изъ разныхъ земель великаго княжества. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на немъ были смольняне, выпросившіе у своего господаря подтвержденье всѣхъ правъ и вольностей своей земли [304]). Но, по всѣмъ даннымъ, и на этотъ соймъ пріѣзжали преимущественно, если не исключительно, «старшіе» изъ областей великаго княжества. Гурскій въ своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что въ Берестье съѣзжались optimates et consiliarii, отмѣчая такимъ образомъ аристократическій характеръ сейма [305]).

По смерти Александра, послѣдовавшей 19 августа 1506 года въ Вильнѣ, паны-рада назначили сеймъ всѣмъ землямъ великаго княжества для избранья и «поднесенья» на великое княженіе новаго господаря. Уже вошло въ обычай рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы на великихъ сеймахъ. Въ данномъ случаѣ былъ и прямой прецедентъ—избраніе великаго князя Александра, которое совершено было также на великомъ сеймѣ, при участіи землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества. При томъ же и обстоятельства разсматриваемаго момента были таковы, что заставляли литовское панство, какъ и при избраніи Александра, искать опоры въ другихъ общественныхъ силахъ великаго княжества, избирать господаря по общему согласію и рѣшенію князей, пановъ и бояръ всѣхъ земель великаго княжества. Въ государствѣ существовала многочисленная партія, которая не прочь была посадить на великокняжескомъ столѣ кн. Михаила Львовича Глинскаго. Поляки настаивали на обязательности для Литвы уніи, заключенной въ 1501 году, и теперь должны были предпринять новую попытку къ ея осуществленію на дѣлѣ. Избраніе господаря общенародною волею въ значительной мѣрѣ парализовало и ту, и другую опасность.

---

[302]) Кромѣ того, побужденіемъ къ созыву этого сейма могли быть и новыя домогательства Сигизмунда на полученіе «дѣла» въ великомъ княжествѣ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что какъ разъ въ это самое время (2 февраля) король Владиславъ Чешскій выдавалъ ему привилей на свою часть въ великомъ княжествѣ. См. *Hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników, tom I, str. 32—34.

[303]) Хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 54, 55); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 71—79); *Стрыйковскаго* (II, str. 321, 322).

[304]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[305]) Acta Tomiciana I, p. 16.

Коронные сенаторы получивъ извѣстіе о смерти Александра и приготовленіяхъ литовцевъ къ избранію новаго господаря, отправили въ Вильну Краковскаго хоружія Фирлея напомнить литовцамъ о договорѣ 1501 г. и просить, чтобы они не приступали отдѣльно отъ поляковъ къ избранію господаря [306]). Но литовцы не послушались. Впослѣдствіи ихъ послы, которымъ поручено было просить помощи у поляковъ, увѣряли ихъ, что литовцамъ невозможно было медлить съ избраніемъ господаря и дожидаться собранія общаго польско-литовскаго сейма въ виду тѣхъ опасностей, которыя угрожали великому княжеству какъ извнѣ, такъ и внутри [307]) Въ этомъ дипломатическомъ объясненіи несомнѣнно была доля правды, но далеко не вся правда. Мы уже знаемъ, какъ относились литовцы къ уніи 1501 года, и потому едва ли одна только необходимость заставила ихъ приступить къ избранію господаря безъ поляковъ.

Какъ бы то ни было, 20 октября 1506 года всѣ литовскіе «паны и княжата со всими землями, прислухаючими къ великому князству», «едностайною волею» избрали на великое княженіе королевича Сигизмунда, дѣдичнаго и прироженаго господаря своего [308]). Земли великаго княжества представлены были на этомъ сеймѣ, по словамъ Стрыйковскаго, *послами отъ воеводствъ и повѣтовъ*. Эти послы послѣ избранія принесли вмѣстѣ съ князьями и панами присягу новому господарю [309]). Врядъ ли здѣсь можно разумѣть пословъ въ собственномъ смыслѣ, для избранія которыхъ по отдѣльнымъ землямъ слишкомъ мало было времени. Скорѣе всего это были такіе же «старшіе» землевладѣльцы, которые участвовали и въ избраніи великаго князя Александра, и которые могли пріѣхать на сеймъ безъ процедуры избранія, немедленно по полученіи приглашенія.

Передъ торжественнымъ «поднесеньемъ» Сигизмунда на великое княженіе паны-рада духовные и свѣтскіе и всѣ подданные великаго княжества, присутствовавшіе на сеймѣ, били Сигизмудомъ челомъ о подтвержденіи правъ и вольностей, дарованныхъ имъ его предшествен-

---

306) Acta Tomiciana, tomus I, № VI, VII.

307) *Kaz. Pułaskiego* Przyczynek de elekcyi Żygmunta I (Szkice i poszukiwania historyczne, str. 78—83).

308) Рѣчь литовскихъ пословъ кн. Войтеха, бискупа Луцкаго, Станислава Петровича и Яна Заберезинскаго, отправленныхъ въ Польшу послѣ избранія Сигизмунда великимъ княземъ. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 104, 105. Срав. комментарій Станислава Гурскаго въ Acta Tomiciana I, № XIII.

309) Kronika, tom II, str. 338, 339.

никами. Сигизмундъ обѣщалъ исполнить эту просьбу и 18 октября выдалъ письменное обязательство въ этомъ смыслѣ [310]), а затѣмъ уже послѣ восшествія на великое княженіе, 7 декабря 1506 г., находясь въ Городнѣ, на пути въ Польшу, выдалъ подтвердительный привилей князьямъ, прелатамъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ на права и вольности, утвердивъ его личною присягою предъ св. евангеліемъ [311]). Между прочимъ Сигизмундъ обѣщалъ не рѣшать вопросовъ о сохраненіи старинныхъ постановленій и обычаевъ и объ изданіи новыхъ законовъ и распоряженій ко благу господарскому и земскому безъ зрѣлаго обсужденія и согласія съ панами радою великаго княжества Литовскаго [312]).

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно общегосударственнаго литовско-русскаго сейма въ промежуткѣ времени отъ 1492 г. по 1506 г. включительно обнаруживается съ полною ясностью, что это учрежденіе окрѣпло и окончательно установилось въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и что выяснилась и опредѣлилась извѣстная его компетенція. Компетенція эта признана была въ двухъ дѣлахъ: въ дѣлѣ избранія новаго господаря и въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею. Ни тотъ, ни другой вопросъ паны рада великаго княжества Литовскаго, державшіе кормило правленія въ своихъ рукахъ, не считали возможнымъ рѣшать безъ совѣта и согласія съ князьями и боярами всѣхъ земель великаго княжества и поэтому созывали ихъ въ такихъ случаяхъ на «посполитую раду». Ходъ вещей въ дальнѣйшемъ привелъ къ расширенію компетенціи этой «посполитой рады», къ обязательному ея участію въ обложеніи населенія военными и денежными повинностями и въ выработкѣ новыхъ законовъ. Первое опредѣлилось уже при Сигизмундѣ какъ фактически, такъ и юридически, а второе—только фактически, юридически же только при Сигизмундѣ-Августѣ (въ статутѣ 1566 г.).

---

[310]) *Rzyszczewski et Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I № CXCVIII.

[311]) Acta Tomiciana I, appendix № 8; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 391, 392; *Rzyszczewski et Muczkowski*, Codex diplomaticus Poloniae I, № CC; *Hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników, tom I, str. 35—40.

[312]) Item super statutis et consuetudinibus approbatis et laudatis, antiquis servandis aut novis condendis promulgandisque et plurimis, quae erunt ordinanda pro communi utilitate Reipulblicae ac Nostra, non nisi cum matura deliberatione ac cum scitu et consilio consensuque dominorum consiliariorum Nostrorum Magni Ducatus Lithuaniae tractabimus ac disponemus.

§ 9.

Великій вальный соймъ Литовско-Русскаго государства былъ порожденіемъ компромисса, въ который господствующая Литовская земля вынуждена была вступить съ областями-аннексами великаго княжества. Въ той борьбѣ, которую эти области вели противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст., онѣ наглядно показали свою силу и не разъ угрожали Литвѣ отпаденіемъ. Чтобы примирить ихъ съ собою и уничтожить ихъ сепаратистическія наклонности, Литва должна была поступиться своимъ исключительнымъ господствомъ и привилегированнымъ положеніемъ, сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія ихъ съ собою и привлеченія къ совмѣстному рѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ соціально-политической организаціи. Эта организація сложилась частью еще до литовскаго владычества, частью уже при князьяхъ Гедиминовичахъ, и продолжала существовать и послѣ упраздненія областныхъ княженій, при великокняжескихъ намѣстникахъ. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать изъ центра, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ мѣстныхъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы.

Въ предшествующемъ нашемъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» мы привели не мало доводовъ въ подтвержденіе этого положенія. Отсылая читателя за этими доводами къ названной книгѣ, въ настоящемъ случаѣ ограничимся только общимъ изображеніемъ соціально-политической организаціи областей, дополняя его нѣкоторыми фактическими указаніями, не нашедшими себѣ мѣста въ предшествующемъ нашемъ трудѣ.

Мы видѣли, что въ оппозиціи къ господствующей землѣ стояла по временамъ и единоплеменная ей Жмудская земля. Предшествующая исторія выработала въ этой землѣ вліятельный и солидарный классъ землевладѣльческой аристократіи, которая подчинила своей власти и престижу народную массу и, опираясь на нее, крѣпко отстаивала мѣстную самобытность и мѣстные интересы. Это были тѣ самые знатные люди, которые, по выраженію Петра Дюсбургскаго, управляли Жмудью, тѣ «благородные люди, царьки», которые по свидѣтельству нѣмецкихъ

хроникъ XIII—XV вв. съѣзжались часто для защиты страны и для обсужденія и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ, объявляли войну, вели переговоры и заключали миръ;—тѣ самые *бояре*, или *паны*, которые владѣли крѣпостными и оброчными людьми въ своихъ имѣньяхъ [313]). Когда Жмудская земля окончательно соединилась съ великимъ княжествомъ, классъ этотъ не потерялъ въ ней своего прежняго значенія. Это значеніе подтверждено было за нимъ отчасти,—а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже усилено,—тѣми грамотами на права и вольности, которыя выданы были Жмудской землѣ. Попрежнему онъ остался правящимъ классомъ въ Жмудской землѣ. Какъ главный правитель Жмудской земли—староста, такъ и второстепенные—тивуны назначались господаремъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ мѣстной землевладѣльческой знати и угодныхъ боярамъ Жмудской земли. Всѣ эти лица чувствовали и вели себя не столько великокняжескими памѣстниками, сколько земскими правителями, призванными землею радѣть о земскомъ дѣлѣ. Вслѣдстіе этого по временамъ они становились въ прямую оппозицію по отношенію къ центральному правительству, на стражѣ правъ и интересовъ Жмудской земли [314]). Для рѣшенія различныхъ вопросовъ мѣстной жизни они собирались вмѣстѣ и сообща вершили различныя дѣла [315]), собирая въ экстренныхъ случаяхъ на мѣстный сеймъ и остальныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Въ военное время эти лица (староста и старшій тивунъ, носившій хоругвь земскую) собирали и вели на войну всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Жмудской земли, которые въ общемъ войскѣ («въ гуфѣ вальномъ») стояли особымъ полкомъ [316]).

Много общаго съ этою организаціею имѣла соціально-политическая организація и остальныхъ земель-аннексовъ великаго княжества. Въ нихъ также имѣлся въ наличности извѣстный контигентъ болѣе

---

313) *Krumbholz*, Samaiten und der deutsche Orden, str. 13—18, 47; 88, Anmerk. I; 137, 165.

314) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 37, 28, 50; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 89.

315) По уставѣ 1529 года староста и тивуны должны были съѣзжаться четыре раза въ годъ для отправленія судовъ «посполитыхъ». На этихъ съѣздахъ они рѣшали, однако, и другія дѣла. Такъ, въ 1530 году старосты и тивуны на одномъ изъ такихъ съѣздовъ написали господарю представленіе о пожалованіи тивунства Шовдовскаго Якубу Юшковичу. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 329.

316) Акты Запад. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (стр. 101); *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 390.

или менѣе крупныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, которые принимали участіе въ мѣстномъ управленіи, были душею мѣстныхъ собраній, или сеймовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя дѣла областей, командирами въ областныхъ ополченіяхъ и т. д., короче сказать—были вождями и заправилами въ областныхъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавалась Волынская земля, гнѣздо многочисленныхъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей и значительнаго числа крупныхъ панскихъ родовъ. Къ нимъ принадлежали князья: Острожскіе и Заславскіе, Сангушки, Дубровицкіе, Чорторыйскіе, Збаражскіе и Вишневецкіе, Четвертеньскіе и Сокольскіе, Корецкіе, Курцевичи и Буремскіе, Ружинскіе, Козеки, Любецкіе, Велицкіе; паны: Кирдѣевичи, Резановичи, Монтовтовичи, Хребтовичи, Боговитиновичи, Чапличи, Гулевичи, Мукосѣевичи, Гостьскіе, Козинскіе, Джусичи, Бѣлиговичи, Волотовичи, Еловичи и др.[317]). Изъ круга этихъ фамилій вышло много лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Волынской землѣ, когда тамъ существовало особое княженіе, и составлявшихъ «вѣрную раду» Свидригайла. Таковы были: панъ Немиръ Резановичъ, *староста Луцкій* (въ 1445—1451)[318]); панъ Козаринъ Резановичъ, *маршалокъ Луцкой земли* (1438—1446)[319]); панъ Петрашъ (Кирдѣевичъ) Мыльскій, *маршалокъ земскій* (1446—1451)[320]); князь Михайло Константиновичъ Ольшаницкій (родоначальникъ Курцевичей), *староста Владимірскій* (1451)[321]), панъ Өедко Козловскій, *канцлеръ* (1446—1451)[322]); кн. Борисъ Глинскій, *подканцлеръ* (1446)[323]); панъ Өедко Хомичъ, *крайчій* (1446—1451)[324]); панъ Юшко Войдатовичъ, *ключникъ Луцкій* [325]); панъ Юрій, *маршалокъ* (1438—1444) [326]); панъ Бернатъ, *маршалокъ* (1438—

---

[317]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 209—235; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy; *Bonieckiego* Poczet rodów; Акты Вил. Археогр. Комм. XIII, № 6; Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXL.

[318]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

[319]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

[320]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII; III, № VIII.

[321]) Archiwum ks. Sanguszków III, № VII.

[322]) Ibidem, № VII—X; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18.

[323]) Archiwum ks. Sanguszków I, XLIV.

[324]) Ibidem, № XLVII, XLIX; tom III, № VIII; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 19, nota 20.

[325]) Archiwum ks. Sanguszków I, № XLIX.

[326]) Акты Зап. Рос. I, № 36; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLI.

1445)[327]); князь Михайло (*маршалокъ дворный*) и Иванъ Васильевичъ Чорторыйскіе; князья Василій (*державца Бряславскій*) и Александръ Сангушковичи, кн. Иванъ Четвертеньскій, кн. Өедоръ Козека, кн. Александръ Носъ, князья Василій Андреевичъ и Андрей Васильевичъ—*маршалки* (1438 г.); паны: Иванъ и Маско Гулевичи, Иванъ Волотовичъ, Ивашко и Дениско Мукосѣевичи, Грицко и Гаврило Шило Кирдѣевичи, Андрей Джуса, Семашко Епифановичъ, Богушъ, Севастьянъ и др.[328]). Когда со смертью Свидригайла прекратилось особое княженіе на Волыни, волынскіе уряды тѣмъ не менѣе продолжали замѣщаться лицами изъ мѣстной княжеской и панской аристократіи. Старостами Луцкими, Владимірскими и Кременецкими, маршалками Волынской земли являются по актамъ представители княжескихъ родовъ—Острожскихъ, Сангушковъ, Чорторыйскихъ, Дубровицкихъ, панскихъ—Монтовтовичей, Кирдѣевичей, Хребтовичей, Боговитиновичей; на болѣе мелкихъ урядахъ видимъ представителей второстепенныхъ родовъ изъ мѣстной аристократіи, напр., на *ключѣ Луцкомъ* пановъ Гостьскихъ, на *городничествѣ* Луцкомъ—Мушатичей и т. д.[329]). Всѣ эти лица и другіе, принадлежавшіе къ мѣстной землевладѣльческой аристократіи, попрежнему составляли ту раду земли, *при обязательномъ участіи* которой отправлялись мѣстные суды [330]) и рѣшались различные вопросы мѣстной жизни. Участіе въ политической жизни области сплачивало эту землевладѣльческую знать въ солидарный классъ, стоявшій на стражѣ областныхъ интересовъ. Господствующая земля, державшая въ своихъ рукахъ центральное управленіе государствомъ, поэтому не могла не считаться съ этимъ классомъ и при рѣшеніи важнѣйшихъ общегосударственныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе что этотъ классъ имѣлъ за собою и всѣхъ вообще военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Волынской земли, съ которыми онъ встрѣчался и соединялся на мѣстныхъ сеймахъ и въ войскѣ. На областные сеймы, собиравшіеся въ главномъ городѣ земли для отправленія судовъ и соотвѣтствовавшіе польскимъ «вѣчамъ» или «генеральнымъ рокамъ», съѣзжались не только князья и паны, но и простые земяне, имѣвшіе тяжбы или какіе-нибудь другія

---

[327]) Акты Зап. Рос. I, № 36, 45.

[328]) Акты Зап. Рос. I, № 36, 37; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18, 24, 25; Archiwum ks. Sanguszków I, № XXXVI, XXXVIII, XLI, XLIV, XLVII—XLIX; tom III, № VII—XI.

[329]) *Bonieckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników; Archiwum ks. Sanguszkow I, № XCIX, CXXXI.

[330]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

дѣла [331]). Здѣсь они пріобщались къ политической жизни страны, входили въ курсъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ интересовъ и сообща съ князьями и панами рѣшали различные вопросы, выдвигавшіеся на очередь областною или общегосударственною жизнью [332]). Кромѣ мѣстныхъ сеймовъ, князья, паны и земяне шляхта соединялись и въ мѣстномъ ополченіи, которое собиралъ и водилъ на театръ военныхъ дѣйствій маршалокъ земли Волынской [333]). Это ополченіе при общегосударственной мобилизаціи не разбивалось по частямъ, а составляло особый полкъ земли Волынской, стоявшій подъ своею земскою хоругвью [334]). Такая военная организація, бывшая прямымъ наслѣдіемъ той эпохи, когда Волынская земля была особымъ княжествомъ, также содѣйствовала сближенію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и развитію среди нихъ чувствъ товарищества и солидарности, общности интересовъ какъ внѣ, такъ и внутри великаго княжества.

Мѣстную аристократію находимъ и въ землѣ Кіевской. Ея существованіе констатируетъ самый привилей выданный *князьямъ*, *панамъ* и *боярамъ* Кіевской земли [335]). Къ этой аристократіи по актамъ принад-

---

[331]) Участіе въ отправленіи правосудія представляло и матеріальный интересъ, ибо, судя по одному акту отъ 23 марта 1523 года, участники получали отъ суда нѣкоторые доходы — «помочное». Это «помочное» съ теченіемъ времени отошло къ одному маршалку Волынской земли. Archiwum ks. Sanguszków III, № CCLV. О значеніи помочнаго см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 684.

[332]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872. Въ дополненіе къ приведеннымъ здѣсь фактамъ укажемъ еще на нѣкоторые случаи собранія мѣстныхъ «соймовъ» въ Волынской землѣ. Въ декабрѣ 1536 года господарь приказалъ своимъ волынскимъ урядникамъ собрать на «соймъ» князей, пановъ и всю шляхту Волынской земли и произвести на этомъ соймѣ «обыскъ и каранье» всѣхъ тѣхъ, кто занимался разбоями и кражами или не унималъ отъ этого своихъ людей, отобрать со всѣхъ присягу въ томъ, что не будутъ передерживать у себя въ имѣньяхъ разбойниковъ и воровъ и будутъ тщательно слѣдить за своими людьми, «абы ся злодѣйство не множило» (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 55 об.—57). Въ 1544 году мѣстные владыки, старосты, князья и паны на соймѣ избрали кандидата для замѣщенія вакантной должности архимандрита Жидичинскаго монастыря (кн. Запис. XXIV, л. 215 об.—216).

[333]) Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCCLIX; tom IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII, CIV, CV; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96 об.—97, XLV, л. 15.

[334]) Эта хоругвь находилась въ рукахъ хоружія земли Волынской, который по временамъ заступалъ маршалка. См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 231, 232; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 708.

[335]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

лежали князья Глинскіе и Капусты, паны Полозовичи, Кмиты, Календиковичи, Тышкевичи, Дашковичи (родон. Дашко Тубачевичъ, маршалокъ Свидригайла), Горностаи и др.[336]). Изъ этого класса выходили различные урядники Кіевской земли; намѣстники пригородовъ и волостей [337]), *тивунъ, ключникъ, городничій, ловчій.* Это, какъ извѣстно, гарантировано было привилеемъ Кіевской земли, который утверждалъ, что городки кіевскіе, а равно и волости будутъ раздаваться только кіевлянамъ и никому иному. Такимъ образомъ, мѣстная землевладѣльческая знать осталась правящимъ классомъ въ Кіевской землѣ и съ отмѣною тамъ княженія. Ей же принадлежало первое мѣсто и руководящая роль на мѣстныхъ сеймахъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, принимали участіе даже мѣщане главнаго города земли—Кіева [338]). Эти сеймы, а равно военная служба подъ однимъ знаменемъ объединяли эту знать со всею остальною массою военнослужилаго люда и превращали ее въ значительную политическую силу, съ которою должна была считаться литовская правящая знать при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ.

Въ Смоленской землѣ, болѣе многолюдной, чѣмъ Кіевская земля, существовала и болѣе многочисленная княжеская и боярская аристократія. Къ ней принадлежали — кн. Вяземскіе, Козловскіе, Жилинскіе, Глинскіе, Крошинскіе, Глазыничи, Глушонки и другіе потомки смоленскихъ Рюриковичей, а также князья Черниговскаго рода—Воротынскіе, Одоевскіе, Перемышльскіе, Мосальскіе, Мезецкіе, получившіе владѣнія въ Смоленской землѣ; бояре — Сопѣги, Басичи, Полтевы, Плюсковы, Баки, Кошки, Синцовы, Плѣшкины, Скипоревы, Чертовы и др.[339]). Изъ лицъ этихъ фамилій назначались намѣстники смоленскихъ пригородовъ и волостей и различные урядники, оставшіеся въ главномъ городѣ земли отъ того времени, когда тамъ сидѣли князья Рюриковичи, какъ-то:

---

[336]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 19, n. 20; 77, 78, 86—88, 157, 158; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 42, 46, 86, 115, 116, 132, 133, 354—356 и др.; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 237—247; Archiwum ks. Sanguszków I, № XLVII.

[337]) На староствахъ Черкасскомъ и Каневскомъ въ концѣ XV и нач. XVI в. мы видимъ, напр., представителей родовъ кн. Глинскихъ и Капустъ, пановъ Кмитъ Дашковичей, Полозовичей, Горностаевъ, Тишковичей и т. д. *Bonieckiego* op. cit., Spis dygnitarzy i urzędników.

[338]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 868, 874.

[339]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, стр. 19, 20—24, 33—36.

окольничій, казначей, конюшій, городничій, ловчій, тивунъ, чашникъ, данничій и писарь [340]). Всѣ эти лица не только отправляли свои спеціальныя должности, но и составляли обычный совѣтъ Смоленскаго намѣстника, съ которымъ онъ судъ судилъ и рѣшалъ различныя дѣла, подобно тому, какъ нѣкогда ихъ предшественники составляли думу Смоленскаго князя [341]). Слѣдовательно, и въ Смоленской землѣ мѣстная землевладѣльческая знать осталась правящимъ и руководящимъ классомъ по отношенію къ остальному населенію [342]). Служба въ различныхъ должностяхъ по мѣстному управленію, а равно и участіе въ мѣстномъ ополченіи, которое собиралось подъ знаменемъ намѣстника, соединяли и сплачивали эту знать и остальную массу военнослужилаго люда области въ одно областное общество, которое въ состояніи было постоять за свои права и интересы, какъ это не разъ обнаруживалось и на дѣлѣ. Съ этимъ фактомъ Литвѣ приходилось считаться тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ Смоленскою землею лежало великое княжество Московское, сильно ее къ себѣ притягивавшее. Все это должно было обезпечивать и Смоленской землѣ участіе въ собраніяхъ, на которыхъ рѣшались общегосударственные вопросы первостепенной важности.

Своя мѣстная аристократія существовала и въ землѣ Витебской. Здѣсь находилось гнѣздо сильно размножившагося и развѣтвившагося рода князей Друцкихъ, къ которому, кромѣ собственно Друцкихъ, въ XV в. принадлежали кн. Путятичи, Зубревицкіе, Прихабскіе, Соколинскіе, Озерецкіе, Сѣнскіе, Шишевскіе, Горскіе, Толочинскіе и др. [343]). Впрочемъ, вслѣдствіе измельчанія своихъ владѣній и бѣдности страны кн. Друцкіе большею частью уходили въ другія области великаго княжества, пріобрѣтали тамъ выслугою, бракомъ и покупками имѣнья и

---

[340]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 267—284, 334, 456, 650, 651, 838—843; *Bonieckiego* op. cit., Spis dygnitarzy i urzędników.

[341]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 864. Въ составъ этого совѣта входилъ и староста мѣста Смоленскаго, представитель мѣщанъ главнаго города земли.

[342]) Это положеніе гарантировано было ей и впредь въ привилеѣ Смоленской земли: «А што волости держивали бояре Смоленскіе, то таки держати имъ по старому, какъ пожалуемъ которого боярина Смоленского которою волостью». Акты Зап. Рос. I, № 213.

[343]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 253, 254; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 55—64, 135, 136, 360, 361, 396, 456, 457, 536, 537 и др.

сплетались службою и интересами съ тамошними владѣльцами, а на родинѣ у себя, за небольшими исключеніями, не играли видной роли. Гораздо большее значеніе имѣли въ Витебской землѣ нѣкоторые боярскіе роды, какъ, напр., Глѣбовичи, Ильиничи, Немировичи, Ромейковичи, Шапки, Ольферьевичи, Олехновичи, Митковичи, Коптевичи, Володковичи, Дашковичи, Милошевичи, Зеленуги [344]) и др. Глѣбовичи, Немировичи и Ильиничи поставляли Витебскихъ намѣстниковъ-воеводъ и Оршанскихъ старостъ [345]); изъ другихъ фамилій выходили лица, которымъ раздавались мелкія витебскія волости въ держанье, какъ, напр., Жижецъ, Велижъ, Дубна, а равно и земскіе уряды, сохранявшіеся здѣсь отъ княжеской эпохи, какъ-то: *конюшее, городничее, ключництво, ловчее, бобровничее и сокольничее* [346]). Всѣ эти должностныя лица, кромѣ отправленія своихъ спеціальныхъ обязанностей, обыкновенно присутствовали вмѣстѣ съ другими князьями и боярами и старшими витебскими мѣщанами на судѣ намѣстника - воеводы и составляли его совѣтъ, съ которымъ онъ совѣщался по разнымъ дѣламъ земли. Князья и старшіе бояре Витебской земли дорожили своимъ политическимъ значеніемъ въ области, ибо оно удовлетворяло не только ихъ любви къ мѣстной самобытности и старинѣ, но и сопряжено было для нихъ съ существенными матеріальными выгодами. Всѣ должности, которыя они отправляли въ области, приносили имъ извѣстный доходъ; въ пользу ихъ шла даже часть «пересуда», который взимался воеводою или его намѣстникомъ, на судѣ которыхъ они присутствовали. Поэтому они ревниво оберегали свои права отъ нарушенія со стороны центральнаго правительства или его органовъ [347]). Этой мѣстной ари-

---

[344]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 10, 11, 16; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе стр. 249—254; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI, л. 4, 7—11, 16—21, 22, 24, 34, 35, 45—49, 69, 74, 75 и др.

[345]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 85, 86; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 252.

[346]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109; XVI. л. 7—11, 16—19, 21—24, 34, 35, 45—49, 74, 75 и др.; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 96, 283; Spis dygnitarzy i urzędników.

[347]) Въ 1516 году, жалуясь господарю на воеводу Януша Костевича, витебскіе князья и бояре заявляли, «што жъ съ першими воеводами Витебскими всякие дела наши и земскии справовали и тежъ съ ними суживали и ряживали и пересудъ съ ними на полы деливали, одна половица пересуда на воеводу, а другая половица имъ, и зъ наместникомъ воеводинымъ тая жъ дельница, наместнику его што и боярину, который при суде будетъ». Это показаніе было подтверждено предшествен-

стократіи принадлежала и руководящая роль на областныхъ сеймахъ, которые собирались въ Витебской землѣ для рѣшенія, кого просить у господаря въ воеводы, для составленія различныхъ просьбъ и жалобъ господарю, касающихся общихъ интересовъ, и для выработки постановленій, вводившихъ какія-нибудь новыя обязанности. На эти сеймы собирались всѣ вообще князья и бояре, кто хотѣлъ и могъ пріѣхать, и мѣщане главнаго города земли [348]). Сеймы, какъ и военная служба подъ однимъ знаменемъ, носившимся хоружимъ Витебской земли [349]), сближали князей, бояръ и мѣщанъ въ одно солидарное общество и образовывали изъ нихъ крупную политическую силу.

Въ Полоцкой землѣ къ составу мѣстной аристократіи принадлежали князья Лукомскіе, отчина которыхъ находилась въ Полоцкомъ повѣтѣ, и пришлые князья Соколинскіе, Подберезскіе, Озерецкіе, Глинскіе, Осовицкіе и нѣкоторые другіе, пріобрѣтшіе тамъ имѣнья [350]); изъ боярскихъ родовъ—Корсаковичи, Зеновьевичи, Быстрейскіе, Ѳедьковичи, Рагозы, Епимаховичи, Коробовичи, Радковичи, Селявы, Быковскіе, Невельскіе и нѣкоторые другіе [351]). Изъ этихъ фамилій выходили второстепенные урядники Полоцкой земли — *хоружій, городской тивунъ, городничій, ключникъ, бобровничій и мостовничій*, а также *намѣстники*

никами Януша Костевича по Витебскому воеводству, панами Юріемъ Глѣбовичемъ и и Иваномъ Сопегою, вслѣдствіе чего господарь съ панами радою постановилъ, что и впредь такъ должно быть. Кромѣ того, по жалобѣ князей и бояръ, рѣшено было, чтобы уряды Витебскіе—городничее, конюшее, ключъ и ловчее не отдавались воеводою своимъ слугамъ, а витебскимъ князьямъ и боярамъ. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204 об.—206. Сравн. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 865—868.

[348]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 873—875. Сравн. Памятники Временной Кіевской Комм., т. I, отд. 2-е, стр. 1—7.

[349]) *Bonieckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników, str VII; Въ Витебской землѣ многіе мѣщане владѣли земскими имѣньями и потому обязаны были вмѣстѣ съ боярами отправлять военную службу. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 216—219.

[350]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 255—261; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 163, 168, 169, 461—463; Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 210—216; Записей XVI, л. 118, 134, 135, 183, 184, 207—210, 247, 248, 270, 271 и др.

[351]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 13, 15; Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I, л. 210—216; кн. Записей XVI, л. 114, 115, 118, 140, 141, 145, 147, 149, 150, 173, 174, 178, 179, 183, 184, 207, 210 и др.

нѣкоторыхъ Полоцкихъ волостей [352]). Полоцкіе князья и старшіе бояре такъ же, какъ и въ другихъ земляхъ, обязательно присутствовали на судѣ намѣстника-воеводы и составляли совѣтъ, съ которымъ онъ совѣщался и относительно другихъ дѣлъ [353]). Они же главнымъ образомъ собирались и на сеймы, или вѣча, когда приходилось рѣшать какія-нибудь важныя дѣла области, напр., кого просить у господаря въ воеводы (это было, какъ извѣстно, право Полоцкой земли) или на освободившуюся архіерейскую каѳедру [354]), кого и съ какимъ отвѣтомъ послать къ нѣмцамъ въ Ригу,—когда приходилось издавать постановленія, вводившія что-нибудь новое и т. д.[355]). На сеймахъ, или вѣчахъ, Полоцкой земли кромѣ князей и бояръ участвовали войтъ, старшіе мѣщане и все «поспольство» города Полоцка [356]). Итакъ, верхніе слои населенія въ Полоцкой землѣ, стоявшіе надъ народною массою и державшіе ее въ разнообразной отъ себя зависимости, организованы были въ довольно сплоченное и потому сильное политическое общество. Литва не могла не принимать во вниманіе желанія и симпатіи этого общества и должна была поэтому въ важныхъ случаяхъ выслушивать и его голосъ.

Вниманія къ своему голосу требовала и земля Подляшская. Въ этой землѣ испомѣстилось огромное количество мелкаго военно-служилаго люда—земянъ, переселившихся сюда большею частью, изъ сосѣдней Мазовіи и тяготѣвшихъ къ этому княжеству [357]). Весь этотъ людъ организовался въ три провинціальныхъ общества, пользовавшихся значительною долею самоуправленія. Земяне Дорогицкаго, Мельницкаго и

---

[352]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 255, 798, 799, 809, 850, 865, 866; *Bonieckiego* op. cit., spis dygnitarzy i urzędników.

[353]) Акты Зап. Рос. II, № 69; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 865, 866. Намѣстникъ-воевода съ старшими Полоцкими боярами и мѣщанами отправлялъ, напр., пословъ. Акты Зап. Рос. I, № 175.

[354]) Въ 1531 году, по смерти архіепископа Наѳанаила, воевода, князья и бояре Полоцкіе ходатайствовали за архимандрита Островскаго Предтеченскаго монастыря въ Полоцкѣ Мисаила (Литов. Метр. кн. Записей XVII, л. 72, 73). Подобныя же ходатайства представлялись и при замѣщеніи игуменствъ въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ (Запис. XXXV, л. 229 об.—230).

[355]) Русско-Ливонскіе акты, № CCLXV; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 872; Памятники Врем. Кіев. Комм. I, отд. 2-е, стр. 1—7.

[356]) Акты Зап. Рос. I, № 60.

[357]) Земяне Подляшскихъ повѣтовъ въ 1528 г. выставляли на войну 1539 коней, слишкомъ вдвое болѣе, чѣмъ бояре и мѣщане Полоцкой земли. См. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 117—193, 210—216.

Бѣльскаго повѣтовъ получили право выбирать изъ среды себя кандидатовъ для представленія господарю на освободившіяся мѣста *земскаго судьи, подсудка и писаря* (per liberam electionem indigenarum et omnium nobilium *conuentionaliter* congregatorum); изъ среды нихъ же обязательно назначались и другіе второстепенные урядники, какъ, напр., *хоружіе, войскіе* [358]), *лѣсничіе, гаевники, бобровничіе*. Это обѣщано было уже въ грамотѣ, выданной Казиміромъ Дорогицкой землѣ послѣ возвращенія ея отъ Мазовіи [359]). Акты конца XV и начала XVI в. показываютъ, что это обѣщаніе дѣйствительно исполнялось: перечисленные уряды замѣщались лицами изъ видныхъ земянскихъ родовъ Подляшья, каковы были: Грималы, Сѣкирки, Лубы, Цыбулки, Корыцкіе, Вольскіе, Пучицкіе, Водынскіе, Сарнецкіе, Копытовскіе, Малиновскіе, Гусовскіе, Вербицкіе, Рачковскіе, Фальковскіе, Дубровскіе, Свентицкіе, Оленьскіе, Борыховскіе, Каменьскіе, Щитовичи, Заранковичи, Скирмиковичи, Мискевичи, Ковалевичи [360]) и др. Нѣкоторые изъ этихъ родовъ возвышались даже до старостинскихъ урядовъ въ области, каковы были Грималы. Но вообще же на должности мѣстныхъ старостъ назначались лица изъ стороннихъ княжескихъ и панскихъ родовъ (изъ Литвы, Волыни, Кіевской земли и даже Витебской), пріобрѣтшихъ имѣнья на Подляшьѣ. Таковы были: кн. Глинскіе, Гаштольды, Радивилы, Заберезинскіе, Ильиничи, Кишки, Сопѣги, Хребтовичи, Довойновичи, Боговитиновичи, Стецковичи [361]). Эти фамиліи, составлявшія мѣстную землевладѣльческую аристократію, держались особнякомъ отъ остальной массы военнослужилаго люда и не играли роли мѣстныхъ вождей и руководителей. Они занимали въ области привилегированное и изолированное положеніе, освобождались обыкновенно отъ присуда мѣстныхъ

---

[358]) Обязанность *войскаго* довольно ясно опредѣлена въ привилеѣ на эту должность въ Берестьѣ, выданномъ земянину Мартину Туру 20 февраля 1534 года: «масть онъ тое войское держати и въ небытности старосты нашого Берестейского часовъ небезпечныхъ отъ неприятелей, або естли бы служба наша и земская зашла, при томъ замку нашомъ мешкати и въ доброй опатрности его мети и во всемъ справоватися такъ, яко иншии войскии на замкахъ нашихъ ся справують» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 469 об.—470).

[359]) Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[360]) *Bonieckiego* Poczet rodów; spis dygnitarzy i urzędników; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 188, 189, 637, 653, 672, 700, 806 и др.; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 117—193.

[361]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 183—190; *Bonieckiego* op. cit., spis dygnitarzy i urzędników.

замковыхъ и земскихъ урядниковъ, несли военную повинность не въ ополченіи земли, а равно не несли сообща съ землею замковыхъ, денежныхъ и другихъ повинностей [362]). Но подляшскіе земяне и помимо этихъ пришлыхъ пановъ, съ которыми они пребывали большею частью во враждебныхъ отношеніяхъ, въ своей собственной средѣ находили вождей и руководителей и группировались въ сплоченныя и солидарныя общества, собираясь на земскіе «роки» (суды) и сеймы, совершая вмѣстѣ военные походы подъ своими повѣтовыми хоругвями и т. д.

Изложенная нами соціально-политическая организація областей-аннексовъ великаго княжества Литовскаго уясняетъ не только происхожденіе, но и первоначальный составъ великаго вальнаго сойма. На этотъ соймъ, по нѣкоторымъ указаніямъ источниковъ, съѣзжались изъ областей великаго княжества первоначально только «старшіе» люди. Послѣ ознакомленія съ соціально-политическою организаціею областей, мы можемъ сказать, кто эти были «старшіе», можемъ добавить далѣе, что такой составъ первоначальнаго общегосударственнаго сейма былъ вполнѣ естественнымъ. Старшину областей составляли мѣстные крупнѣйшіе землевладѣльцы, князья и бояре, или паны, державшіе различные уряды въ областяхъ и вообще бывшіе заправилами въ мѣстныхъ обществахъ. Эти люди имѣли больше другихъ интереса, средствъ и досуга посѣщать обшегосударственные сеймы и предпринимать для

---

[362]) Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1517 году 2 ноября за паномъ Миколаемъ Радивиломъ имѣнья Ганязь, Ванево и Райгородъ, изъялъ владѣльца и его подданныхъ „ab omni jurisdictione, cohertione et angaria ceterisque servitijs, quibuscunque nominibus vociferentur, et alimentorum seu stationum provisione palatinorum, castellanorum, capitaneorum, marschalcorum et pignoratorum alias dziecki ab eisque in id ministerium deputatorum *et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, juribusque et consuetudinibus* districtuum eximimus, libertamus; itaque de se querulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissariis ad id specialiter deputatis per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum conjuge et legittima posteritate sua et incolis praedictorum bonorum tenebitur et tenebuntur respondere... Volumus, ut etiam ad expeditionem bellicam, quam etiam ad exactionem pecuniariam ex quacunque necessitate Reipublicae ejus Magni Ducatus Lithuaniae institutam et instituendam... non per alios cogi et compelli praedictaque bellica expeditio et exaccio imposita seu ponenda denunciari, quam per nos et eos, quibus nos eius rei ministerium et curationem literaliter vel vivae vocis oraculo duxerimus committendum“... Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 175 об.—177.

этого отдаленныя и дорогія путешествія въ Вильну и другіе города, гдѣ собирались эти сеймы. Съ другой стороны и центральному правительству важнѣе всего было имѣть на своей сторонѣ этихъ властныхъ и вліятельныхъ въ мѣстныхъ обществахъ людей, за которыми шла и остальная масса населенія. Поэтому и на великихъ вальныхъ соймахъ первоначально фигурируетъ только эта областная аристократія. Но потребности государственной жизни съ теченіемъ времени заставили привлечь на общегосударственный сеймъ великаго княжества и остальную массу военнослужилаго люда. Такъ какъ эта масса не могла всегда и въ полномъ составѣ являться на сеймы, то съ теченіемъ времени стало вырабатываться шляхетское правительство на общегосударственныхъ сеймахъ, которое и установилось окончательно въ 1565 году.

§ 10.

Резюмируемъ теперь все, что мы пытались установить въ настоящей главѣ.

Со времени Городельской уніи возросло соціально-политическое значеніе литовской боярской знати, принимавшей наиболѣе дѣятельное участіе въ поправкахъ уніи 1385 и въ установленіи уніи 1413 года. Прежде всего эта знать консолидировалась, какъ высшее сословіе, выдѣлилась явственно изъ остальной массы военнослужилаго люда. Случилось это вслѣдствіе дарованія извѣстному числу знатныхъ литовскихъ фамилій гербовъ и клейнотовъ польской шляхты. Вслѣдствіе дарованія этимъ фамиліямъ правъ польской шляхты юридически оформилось и укрѣпилось ихъ положеніе, какъ землевладѣльческаго класса, увеличилась ихъ экономическая независимость отъ великаго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно поднялось и ихъ политическое значеніе. Односторонность привилея 1413 года, предоставлявшаго права и вольности польской шляхты только боярамъ-католикамъ, получившимъ польскіе гербы, и только такихъ бояръ допускавшаго до высшихъ должностей въ государствѣ и до политическихъ совѣщаній, расширила соціально-политическое значеніе литовской боярской знати въ ущербъ высшему боярству русскихъ областей великаго княжества. Съ упраздненіемъ областныхъ княженій это боярство потеряло возможность косвеннаго воздѣйствія на ходъ общегосударственныхъ дѣлъ, черезъ областныхъ князей, которые думали съ нимъ свои думы. Привилей 1413 года лишилъ это боярство возможности принять и прямое участіе въ высшемъ государственномъ управленіи и въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ на общегосударственныхъ совѣщаніяхъ. Поэтому главными сотрудниками и совѣтчиками великаго князя по управленію государ-

ствомъ сдѣлались знатные литовскіе бояре. По источникамъ они являются постоянными и главными участниками разнообразныхъ совѣщаній, созывавшихся Ягайломъ и Витовтомъ для обсужденія и рѣшенія различныхъ политическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи они стали даже брать верхъ надъ уцѣлѣвшими литовскими и русскими князьями. Князья, хотя и не исключались отъ государственныхъ совѣщаній, но участвовали въ нихъ гораздо рѣже, чѣмъ знатное литовское боярство. По своимъ владѣніямъ князья удалены были отъ государственнаго центра и развивавшейся въ немъ политической жизни, имѣли мало единенія другъ съ другомъ и общихъ интересовъ и соединялись не столько съ тѣмъ, что группировалось вокругъ великаго князя, сколько съ областными землевладѣльцами. Между тѣмъ литовская боярская знать наоборотъ — сбивалась по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ центру, около котораго сосредоточивалось и ея землевладѣніе, и все болѣе и болѣе сближаясь въ этомъ центрѣ и проникаясь общими интересами и стремленіями, выростала въ первенствующую послѣ великаго князя политическую силу. Прочное и постоянное мѣсто въ рядахъ этой знати нашли только католическіе бискупы великаго княжества, выходившіе нерѣдко изъ среды той же литовской знати. При такихъ условіяхъ и политическое преобладаніе собственной Литовской земли въ великомъ княжествѣ начинало превращаться въ настоящее господство.

И высшее боярство русскихъ земель, и многочисленные литовско-русскіе князья не могли быть довольны порядкомъ вещей, который устанавливался со времени Городельской уніи. Но пока при жизни Витовта поддерживалось тѣсное единеніе Литвы съ Польшею, они ничего не могли предпринять противъ этого порядка. Подъ конецъ великокняженія Витовта, однако, произошелъ разрывъ между Польшею и правящею Литвою по вопросу о коронаціи Витовта. Этотъ разрывъ продолжался и по смерти Витовта вслѣдствіе желанія Ягайла и поляковъ присоединить великое княжество непосредственно къ коронѣ Польской, не выбирая преемника Витовту. Литовско-русскіе князья и русскіе бояре воспользовались этимъ конфликтомъ, поставившимъ литовскую правящую знать въ изолированное положеніе, для того, чтобы дѣятельно вмѣшаться въ устроеніе судьбы государства и обезпечить себѣ въ немъ лучшее положеніе. Ихъ соединила въ общемъ дѣйствіи личность кн. Свидригайла, добивавшагося и на этотъ разъ великаго княженія. Этотъ князь давно уже сталъ популярнымъ лицомъ среди русскаго населенія великаго княжества. Въ теченіе предшествовавшей бурной жизни судьба перебрасывала Свидригайла изъ одной русской области великаго княжества въ другую и сталкивала со многими рус-

скими князьями и боярами. Добиваясь во что бы то ни стало великаго княженія, Свидригайло дружился съ ними и привлекалъ ихъ къ себѣ своею щедростью, радушіемъ и уваженіемъ къ греческой религіи. Поэтому, когда открылась наконецъ великокняжеская вакансія, русскіе люди выдвинули своего любимца, надѣясь, что при немъ пойдутъ иные порядки въ великомъ княжествѣ, и они не будутъ въ такомъ пренебреженіи, какъ при его предшественникѣ. Литовская боярская знать съ своей стороны пошла навстрѣчу желанію русскихъ князей и бояръ, которое при данныхъ условіяхъ обезпечивало государственную самобытность великаго княжества. Литовскіе и русскіе бояре на общемъ собраніи единодушно провозгласили Свидригайла великимъ княземъ. Избраніе Свидригайла на великое княженіе на общемъ литовско-русскомъ сеймѣ наглядно показало, что въ государствѣ, населенномъ преимущественно русскими людьми, исключительное господство Литвы могло имѣть мѣсто только при тѣсномъ союзѣ Литвы съ крупною внѣшнею силою и раздѣленіи общественныхъ силъ русскихъ областей. Но разъ эти условія исчезали, то и судьбы великаго княжества должны были уже опредѣляться не одною только Литвою, но Литвою и Русью вмѣстѣ, по общему ихъ согласію.

Возведенный на великое княженіе при поддержкѣ русскихъ князей и бояръ, Свидригайло опирался на нихъ и въ своей правительственной дѣятельности. Его рада состояла не только изъ литовцевъ, но и русскихъ людей; русскіе люди участвовали при немъ въ различныхъ государственныхъ совѣщаніяхъ, рѣшавшихъ важные политическіе вопросы; русскихъ людей онъ назначалъ и на различныя государственныя должности. По извѣстіямъ, идущимъ отъ современниковъ, онъ даже отдавалъ во всемъ предпочтеніе православнымъ русскимъ людямъ. Политическій перевѣсъ отъ собственной Литвы сталъ уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Тогда литовская правящая знать, чтобы удержать пріобрѣтенную при Витовтѣ позицію, поспѣшила примириться съ поляками и въ союзѣ съ ними устранить Свидригайла съ великокняжескаго престола. На великое княженіе литовцами при моральной поддержкѣ Ягайла и поляковъ возведенъ былъ Сигизмундъ Кейстутьевичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена была тѣсная унія великаго княжества Литовскаго съ Польшею.

Но при всемъ томъ литовскимъ панамъ не удалось возстановить въ полной мѣрѣ свое прежнее привилегированное положеніе въ обществѣ и государствѣ. Русскіе люди оказались такою политическою силою, такъ стойко держались и боролись за Свидригайла, что литовцы по иниціативѣ поляковъ сочли за лучшее войти съ ними въ извѣстный

компромиссъ. Результатомъ этого было уничтоженіе исключительности привилегій, дарованныхъ высшему литовскому боярству, и распространеніе ихъ на православныхъ русскихъ князей и бояръ великаго княжества.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Ягайломъ, какъ наивысшимъ государемъ Литвы. Его уполномоченные, заключавшіе съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ договоръ объ уніи Польши съ Литвою, 15 октября 1432 г. выдали отъ его имени грамоту, въ силу которой русскіе князья и бояре получали тѣ же права и вольности, что и католики литвины. Этимъ имѣлось въ виду устранить основную причину междоусобія, происходившаго въ нѣдрахъ великаго княжества, и на будущее время обезпечить миръ и согласіе между обоими народами. Примѣру Ягайла послѣдовалъ вскорѣ и великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ. Почувствовавъ настоятельную необходимость упрочить свое положеніе въ великомъ княжествѣ предоставленіемъ новыхъ правъ и вольностей князьямъ и боярамъ этого государства, Сигизмундъ Кейстутьевичъ 6 мая 1434 года выдалъ привилей всѣмъ князьямъ и боярамъ великаго княжества,—какъ литовцамъ, такъ и русскимъ. По этому привилею князья и бояре сверхъ тѣхъ правъ и вольностей, которые были дарованы въ 1413 году и подтверждены въ 1432 году, получили гарантію личной неприкосновенности и освобожденіе ихъ крестьянъ отъ платежа натуральныхъ податей великому князю. Хотя этотъ привилей, какъ и предшествующій (1432 года) распространялся только на Русь Литовскую въ тѣсномъ смыслѣ и не относился къ русскимъ областямъ-аннексамъ, все еще сохранявшимъ вѣрность Свидригайлу, но при всемъ томъ онъ имѣлъ значеніе и для этихъ послѣднихъ. Содержащимися въ немъ правами и вольностями могли пользоваться и всѣ тѣ князья и бояре изъ областей-аннексовъ, которымъ удалось бы пріобрѣсти имѣнья на Литвѣ и соединенной съ нею Руси. Такимъ образомъ принципіальное значеніе привилеевъ 1432 и 1434 года было гораздо шире ихъ прямого юридическаго содержанія и распространялось на русскихъ людей великаго княжества не въ тѣсномъ только, но и въ широкомъ смыслѣ слова. Эти привилеи совершенно иначе опредѣлили положеніе русскихъ людей въ этомъ государствѣ, чѣмъ привилей 1413 года. Тѣ юридическія огражденія, коими привилей 1413 года обставилъ соціально-политическое преобладаніе литовскаго панства были снесены, и въ дальнѣйшемъ русскимъ людямъ открывалась уже свободная, закономъ не воспрещенная, дорога и къ высшимъ должностямъ, и въ господарскую раду, и въ раду «посполитую», т. е. въ сеймъ великаго княжества.

Тираннія Сигизмунда Кейстутьевича кончилась его гибелью. По смерти его правящая литовская знать распорядилась судьбами государства безъ совѣта и согласія съ областями-аннексами великаго княжества и возвела на великое княженіе королевича Казиміра. Это обстоятельство въ связи съ новымъ разрывомъ Литвы съ Польшею вызвало сепаратистическія движенія въ областяхъ-аннексахъ великаго княжества, которыя обнаружили стремленія устроиться отдѣльно и независимо отъ великаго княжества подъ управленіемъ собственныхъ государей. Даже и въ предѣлахъ собственной Литовской земли оказалось много вліятельныхъ людей, державшихъ сторону Казимирова соперника Михаила Сигизмундовича. Хотя Казиміру на первыхъ порахъ и удалось справиться со всѣми враждебными движеніями въ великомъ княжествѣ, но положеніе его въ этомъ государствѣ вскорѣ сдѣлалось неустойчивымъ вслѣдствіе того, что ему пришлось volens-nolens принять и корону Польскую при враждебномъ настроеніи литовско-русскаго общества по отношенію къ Польшѣ. Для упроченія своего положенія въ великомъ княжествѣ, Казиміръ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ дарованію высшимъ классамъ литовско-русскаго общества новыхъ правъ и вольностей. Это было сдѣлано имъ сначала въ общеземскомъ привилеѣ отъ 2 мая 1447 года, а затѣмъ и въ привилеяхъ, которые онъ повыдавалъ отдѣльно областямъ-аннексамъ великаго княжества. Этимъ привилеямъ принадлежитъ весьма важное мѣсто въ соціально-политической исторіи литовско-русскаго государства, и въ частности въ исторіи литовско-русскаго сейма. Въ этихъ привилеяхъ Казиміръ отказался не только отъ барщинныхъ работъ и сбора натуральныхъ податей съ владѣльческихъ крестьянъ, но и отъ сбора съ нихъ денежной подати, или серебщины, въ великокняжескую казну, а равно и отъ юрисдикціи по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ. По существу своему всѣ эти уступки были не чѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ государственной власти надъ народною массою между великимъ княземъ и военнослужилыми землевладѣльцами. Значеніе послѣднихъ послѣ этого сильно должно было возрасти и въ области общегосударственнаго управленія. Послѣ изданія общеземскаго привилея 1447 г. и подтвержденья его силы для областей великаго княжества литовско-русскій наивысшій господарь, можно сказать, безповоротно утратилъ шансы на то, чтобы стать единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ и долженъ былъ для рѣшенія болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ государственной жизни созывать и другихъ «господарей», чаще всего наиболѣе крупныхъ и знатныхъ, но въ особо важныхъ случаяхъ и всѣхъ остальныхъ. Благодаря освобожденію вла-

дѣльческихъ крестьянъ отъ платежа податей въ государственную казну литовско-русскій господарь скоро сталъ терпѣть нужду въ деньгахъ и вынужденъ былъ прибѣгать къ экстренному обложенію владѣльческихъ имѣній. Но повторять это часто единоличными распоряженіями или даже съ согласія пановъ рады было невозможно, не нарушая дарованныхъ привилегій. Поэтому съ теченіемъ времени, когда финансовая нужда приняла уже хроническій характеръ, и въ скарбѣ великаго княжества стало постоянно не хватать денегъ на удовлетвореніе неотложныхъ государственныхъ нуждъ, литовско-русскій господарь сталъ созывать князей, пановъ и шляхту бояръ на сеймъ и заручаться ихъ согласіемъ на сборъ серебщины въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ какъ новыя права и вольности распространялись уже не только на великое княжество въ тѣсномъ смыслѣ, но и на области-аннексы, то и къ сеймовымъ совѣщаніямъ стали привлекаться, кромѣ прелатовъ, князей, пановъ и шляхты Литвы и объединенной съ нею Руси, также и военнослужилые землевладѣльцы областей-аннексовъ великаго княжества. Вслѣдствіе этого и «вальный соймъ» Литовско-Русскаго государства превратился въ «великій вальный соймъ».

Образованіе великаго вальнаго сойма Литовско-Русскаго государства знаменовало собою уничтоженіе исключительности политическаго господства собственной Литовской земли. Это уничтоженіе было результатомъ той энергической борьбы, которую вели области-аннексы великаго княжества противъ господствующей земли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV ст. Во время этой борьбы они наглядно показали свою силу и значеніе и заставили господствующую землю пойти на компромиссъ и сдѣлать имъ рядъ уступокъ въ смыслѣ уравненія въ правахъ и вольностяхъ и участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Источникъ той силы, которую обнаружили области великаго княжества въ борьбѣ съ господствующею землею, заключался въ ихъ соціально-политической организаціи. Благодаря этой организаціи населеніе областей представляло изъ себя не разбитую народную массу, надъ которой легко было властвовать, а рядъ довольно крупныхъ и компактныхъ обществъ, имѣвшихъ своихъ вождей и руководителей и бывшихъ въ состояніи постоять за свои права и интересы. Военнослужилые землевладѣльцы областей, державшіе въ зависимости отъ себя мѣстное крестьянство и отчасти даже и мѣщанство, объединялись въ мѣстныхъ ополченіяхъ и на мѣстныхъ сеймахъ, гдѣ рѣшались различные вопросы областной жизни, въ солидарныя общества, способныя къ дѣятельному вмѣшательству въ общегосударственныя дѣла въ своихъ интересахъ. Эти общества имѣли своихъ вождей и руководителей въ лицѣ мѣст-

ныхъ князей и старшихъ бояръ, или пановъ, владѣвшихъ относительно крупными имѣньями и участвовавшихъ въ мѣстномъ управленіи на разныхъ урядахъ частью по назначенію господаря, а частью по выбору своей братьи.

Эти князья и старшіе бояре естественно и попали прежде всего въ качествѣ представителей отъ областей на великіе вальные соймы Литовско-Русскаго государства. Соймы эти, какъ показываетъ государственная практика великаго княжества за великокняженіе Казимира и Александра, сначала созывались только въ особо важныхъ случаяхъ, а именно: когда приходилось избирать новаго господаря и заключать договоры, рѣшавшіе судьбу государства. Всѣ другія важныя дѣла государства рѣшались либо на сеймахъ господаря съ панами-радою, либо на сеймахъ съ участіемъ шляхты бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Обычныя текущія дѣла господарь рѣшалъ частью единолично, частію по совѣту съ тѣми панами-радою, которыя въ данный моментъ находились при его особѣ.

Сопоставляя приведенныя здѣсь факты и указанія, съ фактами и указаніями, данными въ первой главѣ, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ касательно происхожденія изучаемаго нами учрежденія.

1. Литовско-русскій сеймъ былъ порожденіемъ особой организаціи литовско-русскаго общества, въ составѣ котораго оказалось съ одной стороны много аристократическихъ элементовъ изъ крупныхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ съ вліяніемъ и властью въ обществѣ, а съ другой стороны рядъ крѣпкихъ и сильныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ съ своими вождями и руководителями.

2. Его возникновеніе облегчилось тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣльческій элементъ недостаточно еще былъ развитъ въ составѣ великокняжеской власти, носившей преимущественно военно-политическій характеръ, и великій князь, имѣвшій значеніе національнаго вождя, ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества не былъ еще собственникомъ и полнымъ хозяиномъ государства, могущимъ распоряжаться его судьбами.

3. Литовско-русскій сеймъ возникъ во время установленія уніи великаго княжества Литовскаго съ Польшею. Событія этой эпохи вызвали къ политической самодѣятельности крупнѣйшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ политическихъ правъ и на будущее время за ихъ совокупностью въ лицѣ литовско-русскаго сейма.

4. Фактъ этотъ опредѣлился первоначально только по отношенію къ великому княжеству Литовскому въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Литвѣ и объединенной съ нею Руси. Но дальнѣйшій ходъ событій привелъ къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ и относительно областей - аннексовъ, которыя нашли въ себѣ силы и средства ограничить политическое преобладаніе Литвы и отнять у ея господства характеръ исключительности.

5. Унія съ Польшею не только пріостановила дальнѣйшій ростъ власти литовско-русскаго господаря надъ обществомъ, но даже стала прогрессивно умалять эту власть и увеличивать общественную силу и политическое значеніе военнослужилаго класса литовско-русскаго общества, чѣмъ содѣйствовала росту и преуспѣянію изучаемаго учрежденія.

6. Благодаря уніи великокняжеская династія въ Литовско-Русскомъ государствѣ вообще потеряла твердую позицію, не успѣвъ еще, какъ слѣдуетъ, и утвердить ее за собою. Унія воспрепятствовала установленію какого-либо опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія, предоставивъ замѣщенія великокняжескаго стола избранію князей, пановъ и бояръ-шляхты великаго княжества; тѣхъ великихъ князей, которые становились одновременно и королями Польши, унія отвлекала отъ великаго княжества и оставляла въ немъ хозяевами и распорядителями его судебъ все тѣхъ же прелатовъ, князей, пановъ и шляхту, чѣмъ косвенно содѣйствовала развитію изучаемаго учрежденія.

7. Это содѣйствіе было не только косвенное, но и прямое. Со стороны Польши договоръ объ уніи заключалъ сеймъ, который избиралъ литовскихъ князей на королевскій престолъ и рѣшалъ разные другіе вопросы, касавшіеся отношеній Польши къ Литвѣ; по требованіямъ равноправности, вытекавшимъ изъ самыхъ договоровъ уніи, и со стороны великаго княжества должно было въ такихъ случаяхъ выступать и дѣйствовать аналогичное съ польскимъ сеймомъ учрежденіе.

ГЛАВА III.

Великіе вальные соймы при Сигизмундѣ I, ихъ составъ и функціи.

§ 1. Приготовленія къ войнѣ съ Москвою и неудовлетворительное состояніе литовскаго скарба; великій вальный соймъ 1507 г. и постановленія объ отбываніи военной службы и сборѣ серебщины.—§ 2. Великій Виленскій соймъ по окончаніи войны съ Москвою: судъ надъ сторонниками Глинскаго и устава объ имѣньяхъ государственныхъ измѣнниковъ; уставы о «вѣнѣ» и «пересудахъ»; назначеніе комиссіи для разбора пограничныхъ столкновеній съ поляками и подтвержденье привилеевъ Витебской и Волынской земель.—§ 3. Обостреніе борьбы съ татарами и вопросъ о совмѣстной съ Польшею оборонѣ Украйны и подтвержденіи уніи обоихъ государствъ; великій Берестейскій соймъ 1510 г. и мѣры по оборонѣ и внутреннему замиренію государства. Великій Виленскій соймъ 1512 г. и неудачные переговоры о подтвержденіи уніи; первые признаки шляхетскаго представительства.—§ 4. Возобновленіе борьбы съ Москвою и трудное положеніе великаго княжества; великій Виленскій соймъ 1514 г. и его постановленія о сборѣ поголовщины и военной службѣ; уклоненіе литовцевъ отъ подтвержденія уніи съ Польшею и просьба о сводѣ законовъ.—§ 5. Потеря Смоленска и старанія Сигизмунда о его возвращеніи; великій Берестейскій соймъ 1515—1516 г. и отказъ литовцевъ господарю въ денежной субсидіи; «застава» господарскихъ имѣній. Великій Виленскій соймъ 1516 и его постановленія о мобилизаціи земскаго ополченья и сборѣ серебщины; назначеніе комиссіи для разбора пограничныхъ дѣлъ съ поляками и подтвержденіе привилея Дорогицкой земли.—§ 6. Новыя военныя и политическія неудачи и финансовыя затрудненія литовцевъ; великій Берестейскій соймъ 1518—1519 г. и его постановленія о сборѣ поголовщины; дальнѣйшія «заставы» господарскихъ имѣній.—§ 7. Вторженія москвитянъ въ Литву и уклоненіе шляхты отъ военной службы; созывъ великаго сойма въ 1519—1520 г. для принятія мѣръ по защитѣ государства и постановленія этого сойма; сеймъ въ лагерѣ подъ Минскомъ въ 1520 г. и «ухвала» серебщины.—§ 8. Перемиріе съ Москвою и вопросъ о дальнѣйшей борьбѣ; великій Виленскій соймъ 1521 г. и уклоненіе шляхты отъ военныхъ тягостей. Вопросъ объ оборонѣ отъ крымскихъ татаръ; сеймъ въ лагерѣ подъ Минскомъ.—§ 9. Великій Городенскій соймъ 1522 г.; «ухвала» серебщины для продолженія борьбы съ Москвою и постановленія противъ уклоненія отъ военной службы и захвата господарскихъ имѣній; просьбы о дарованіи писаныхъ законовъ и разграниченіи съ Мазовіею.—§ 10. Великій Виленскій соймъ 1522 г. и его участіе въ составленіи статута; «ухвала» новой серебщины и мѣры по оборонѣ отъ татаръ; избраніе Сигизмунда Августа наслѣдникомъ престола. Просьба о разграни-

ченіи съ Польшею и тяжба Жмудской земли съ своимъ старостою.—§ 11. Вопросъ о дальнѣйшемъ содержаніи служебныхъ на украйнѣ и отправленіи Шихъ-Ахмата къ ногаямъ; великій Виленскій соймъ 1524 г. и «ухвала» новой серебщины; отсрочка введенія новосоставленнаго статута. Великіе Виленскіе соймы 1525 и 1526 г. по вопросамъ объ оборонѣ отъ татаръ и борьбѣ съ Москвою; отказъ литовцевъ рѣшать ихъ въ отсутствіе господаря.—§ 12. Приближеніе турецкой грозы и нападеніе татаръ на польско-литовскую украйну въ 1526—1527 гг.; хлопоты Сигизмунда объ установленіи постоянной обороны этой украйны. Великій Виленскій соймъ 1528—1529 г. и его постановленія о военной службѣ, о «пописѣ» имѣній, о сборѣ серебщины и дополненія къ статуту; уставы объ управленіи господарскими дворами и волостями; подтвержденіе привилея Кіевской земли. Участіе шляхты въ дѣлахъ внѣшней политики. Великій Виленскій соймъ осенью 1529 г.: опредѣленіе новой денежной субсидіи, установленіе судовыхъ сеймовъ и возведеніе на великое княженіе Сигизмунда-Августа.—§ 13. Вопросы о совмѣстной съ поляками оборонѣ отъ татаръ, о помощи противъ Волошскаго воеводы и дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Москвѣ; великій Виленскій соймъ 1532 г. Отправка посольства для переговоровъ съ поляками о защитѣ отъ татаръ и отказъ въ помощи противъ Волошскаго воеводы; жалобы становъ сейма на нарушеніе правъ и просьба объ облегченіи военной повинности.—§ 14. Смерть великаго князя Московскаго Василія Ивановича; великій Виленскій соймъ 1534 г. и его постановленія о войнѣ съ Москвою и сборѣ серебщины; организація шляхетскаго представительства. Война и ея требованія; великій Виленскій соймъ 1536 г. и нерасположеніе литовцевъ къ несенію военныхъ тягостей; перемиріе съ Москвою.—§ 15. Усиленіе опасности отъ крымскихъ татаръ и вопросъ о дальнѣйшей борьбѣ съ Москвою; великій Виленскій соймъ 1538 г. и «ухвала» новаго «податка». Предложенія, посланныя на обсужденіе «становъ» сейма въ лагерѣ подъ Новгородкомъ: ихъ просьбы къ господарю о ненарушеніи различныхъ правъ и вольностей великаго княжества и замѣщеніи вакансій въ радѣ господарской; политическое воспитаніе шляхты.—§ 16. Великій Виленскій соймъ 1540 г. и «ухвала» серебщины.—§ 17. Наступленіе турокъ и хлопоты Сигизмунда объ организаціи совмѣстной обороны отъ нихъ Польши и Литвы; великій Берестейскій соймъ 1544 г. и его постановленія на этотъ счетъ. Просьбы становъ сейма о порядкѣ обложенія военною повинностью, о пополненіи господарской рады и раздачѣ урядовъ въ великомъ княжествѣ, объ исправленіи статута и различныхъ улучшеніяхъ въ отправленіи правосудія; тенденціи къ ограниченію власти господаря и расширенію правъ сейма и начало шляхетской оппозиціи можновладству.—§ 18. Общіе выводы о составѣ, дѣятельности и значеніи великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

§ 1.

Трудная борьба, которую вело Литовско-Русское государство съ Москвою и крымскими татарами при великомъ князѣ Александрѣ, до конца исчерпала финансовыя средства этого государства и обременила его значительными долгами. Когда умеръ Александръ и на великокня-

жескій престолъ вступилъ братъ его Сигизмундъ, эта борьба возобновилась съ новою силою и съ извѣстными промежутками продолжалась въ теченіе всего великокняженія Сигизмунда. При недостаткѣ финансовыхъ средствъ литовскому правительству во время этой затяжной борьбы пришлось много разъ обращаться за помощью къ военнослужилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества и привлекать ихъ къ различнымъ жертвамъ въ пользу государства, сверхъ ихъ обычныхъ повинностей. Это обстоятельство привело къ расширенію значенія и нѣкорымъ измѣненіямъ въ организаціи того политическаго учрежденія, происхожденіе котораго мы выслѣдили въ предшествующей главѣ, т. е. великаго вальнаго сойма Литовско-Русскаго государства. Фактъ этотъ опредѣлился до извѣстной степени уже въ самомъ началѣ борьбы, на первомъ великомъ вальномъ соймѣ, созванномъ въ началѣ 1507 года въ Вильнѣ.

Къ концу 1506 г. обстоятельства сложились въ высшей степени благопріятно для великаго княжества Литовскаго. Новый господарь его—Сигизмундъ 6 декабря избранъ былъ королемъ польскимъ. Это избраніе подавало надежды на союзъ съ поляками и помощь ихъ въ будущей борьбѣ. Изъ Крыма прибылъ посолъ Якубъ Ивашенцовичъ, отправленный туда еще при Александрѣ для заключенія союза съ Менгли-Гиреемъ, и привезъ извѣстіе о полномъ успѣхѣ своей миссіи. Ханъ заключилъ съ посломъ и подтвердилъ присягою договоръ, въ которомъ онъ обязывался за себя, своихъ сыновей и всѣхъ своихъ людей не нападать на Польшу и Литву и на предстоящее лѣто быть готовымъ къ вторженію въ предѣлы Московскаго государства, если на то будетъ королевская воля; для себя онъ выговаривалъ обычные «упоминки». Вмѣстѣ съ литовскимъ посломъ прибыли и послы ханскіе, въ присутствіи которыхъ предстояло самому польско-литовскому государю подтвердить присягою заключенный договоръ. Одновременно съ крымскими послами прибылъ посолъ и отъ Казанскаго царя Мегметъ-Аминя съ предложеніемъ союза противъ Москвы. Литвѣ, такимъ образомъ, представлялся удобный моментъ для возобновленія борьбы съ Москвою и возвращенія того, что было утрачено при Александрѣ. Но съ другой стороны предстояло потратить не мало денегъ на упоминки хану, его сыновьямъ и мурзамъ, татарскимъ посламъ и гонцамъ, и потратить съ рискомъ, въ виду обычнаго вѣроломства татаръ. Сигизмундъ находился въ то время въ Мельникѣ, куда онъ прибылъ въ ожиданіи своего избранія королемъ Польскимъ, съ тѣмъ, чтобы по полученіи объ немъ извѣстія поскорѣе явиться въ Польшу. При немъ находились ли-

товскіе паны и польскіе, пріѣхавшіе звать его на коронацію [1]). Всѣ они и привлечены были Сигизмундомъ къ обсужденію вопроса о союзѣ съ татарами. Въ Литовской Метрикѣ сохранилась запись совѣтовъ, какіе дала Сигизмунду соединенная литовская и польская рада въ настоящемъ случаѣ. Паны единодушно посовѣтовали войти въ тѣсный союзъ съ обоими царями, Перекопскимъ и Казанскимъ, и затѣмъ ударить со всѣхъ сторонъ на Москву. Воевода Познанскій совѣтовалъ даже прибавить что нибудь царю Перекопскому, лишь бы заохотить его къ войнѣ съ Москвою, а другіе сенаторы предлагали призвать на помощь Ливонскаго магистра и войти по этому поводу въ переговоры съ шведскимъ «губернаторомъ».—Сигизмундъ послѣдовалъ совѣту и въ присутствіи крымскихъ пословъ и казанскаго гонца принесъ присягу въ соблюденіи договора. Въ Крымъ и въ Казань отправлены были гонцы съ извѣщеніемъ о принятіи договора и съ просьбою на весну быть готовыми къ вторженію въ Москву [2]) На этомъ же Мельницкомъ «сеймѣ» литовскіе паны рѣшили отправить пословъ къ полякамъ на коронаціонный сеймъ съ просьбою, чтобы они не задерживали долго Сигизмунда въ Польшѣ, дабы онъ имѣлъ возможность не нарушить своей «умовы» съ Перекопскимъ царемъ, которая «черезъ долгій часъ и презъ великие наклады ледве справена» и весною же, съ Божьею помощью, могъ начать расправу съ непріятелемъ Московскимъ. Сверхъ того, посламъ было поручено просить у поляковъ для предстоящей войны помощи людьми или деньгами, въ виду того, что литовцы съ своей стороны всегда помогали полякамъ въ ихъ войнахъ, просить также и о принятіи участія въ расходахъ великаго княжества на татаръ Перекопскихъ, Заволжскихъ и Ногайскихъ, такъ какъ эти расходы дѣлаются не только въ интересахъ великаго княжества, но и въ интересахъ короны, ибо одинаково вредятъ татары какъ Литвѣ, такъ и Польшѣ [3]).

Итакъ, война съ Москвою была рѣшена на Мелницкомъ сеймѣ конца 1506 и нач. 1507 г., по совѣщаніи господаря съ панами радою великаго княжества Литовскаго и присутствовавшими польскими па-

---

[1]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 341. По датамъ актовъ, Сигизмундъ находился въ Мельникѣ съ 20 декабря по 7 января включительно. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 140—144; 260—267; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 1—8.

[2]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich, str. 102—112; Acta, № 76. Kraków 1881.

[3]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 3—4; VIII, л. 54—55; *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 82, 113; Acta № 84.

ними. Предстояло затѣмъ снаряжаться къ этой войнѣ, готовить для нея средства. Въ то время Литва въ большихъ и продолжительныхъ войнахъ уже привыкла пользоваться услугами наемныхъ войскъ, по примѣру Польши и другихъ западноевропейскихъ государствъ [4]). Люди, посвящавшіе себя военному ремеслу, солдатской профессіи, оказывались въ битвахъ болѣе искусными и стойкими, чѣмъ рыцарская дворянская или городская милиція. Съ другой стороны съ этою милиціею трудно было оперировать во всѣхъ сколько-нибудь продолжительныхъ и затягивавшихся войнахъ. На западѣ, какъ извѣстно, существовали прямые сроки, по истеченіи которыхъ рыцари могли уѣхать съ войны. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ такихъ сроковъ, правда, не было, но собиравшіеся на войну бояре сплошь и рядомъ разъѣзжались по домамъ по необходимости, вслѣдствіе истощенія привезенныхъ изъ дома съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и денегъ, или просто для свиданья съ семьями. Поэтому уже при Казимирѣ и Александрѣ въ войнахъ съ Москвою употреблялись наемные «*служебные*» или «жолнеры». Какимъ цѣннымъ элементомъ въ войскѣ они считались лучше всего показываетъ порученіе, данное великимъ княземъ Александромъ послу Литавору, отправленному въ Польшу въ мартѣ 1493 г. съ просьбою о помощи противъ Москвы. Поручая послу войти въ предварительные переговоры съ ротмистрами касательно найма на службу жолнеровъ, на тотъ случай, если въ нихъ будетъ нужда, Александръ приказывалъ послу, чтобы на этотъ разъ онъ нанялъ хотя бы триста жолнеровъ и привелъ ихъ въ Берестье, гдѣ они и получатъ приказъ о дальнѣйшемъ движеніи [5]). Итакъ, и триста жолнеровъ считались цѣннымъ вспомогательнымъ отрядомъ. Очевидно, ихъ цѣнили не за количество, а за качество, за то моральное дѣйствіе, которое оказывали они въ битвахъ своимъ искусствомъ и стойкостью на остальное войско. Это были передовые бойцы, увлекавшіе въ аттаку остальныхъ и удерживавшіе ихъ на полѣ битвы въ случаѣ встрѣчнаго натиска. Какъ важно было ихъ участіе въ бою, показала Ведрошская битва, въ которой сражалось одно только земское ополченіе великаго княжества Литовскаго: въ этой битвѣ литовцы, какъ извѣстно, не обнаружили стойкости, были разбиты на-голову, много людей было побито, много побрано въ плѣнъ

---

[4]) Въ Польшѣ наемныя войска были въ ходу уже съ начала XV в., а можетъ быть и ранѣе. См. *D-ra Alfreda Blumenstoka* Płany reform scarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Żygmunta Starego, str. 20, 27. Lwów 1888.

[5]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 141.

москвитянами. Хотя съ литовской стороны это пораженіе объяснялось превосходствомъ непріятельскихъ силъ, превосходившихъ литовскія будто бы болѣе, чѣмъ въ десять разъ (40 т. противъ 3½ тыс.) [6], тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ недостаткѣ стойкости земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго. Этотъ недостатокъ обнаружился и въ другихъ пораженіяхъ, испытанныхъ въ томъ же году литовскими войсками, напр., подъ Мстиславлемъ [7]. Вотъ почему Александръ послѣ этихъ пораженій навербовалъ для продолженія войны множество служебныхъ людей въ Польшѣ, Моравіи и Силезіи за дорогую цѣну [8]. Хотя эти служебные на первыхъ порахъ не принесли пользы (вслѣдствіе наступившей осенней непогоды и распутицы москвитяне ушли домой) и только учинили грабежи и опустошенія литовскимъ подданнымъ, тѣмъ не менѣе Александръ не разочаровался въ нихъ, и въ последующее время мы видимъ у него на службѣ этихъ жолнеровъ. Въ 1501 г. онъ обѣщалъ Ливонскому магистру, собиравшемуся ударить на Псковъ, выслать на помощь шляхту Полоцкаго повѣта подъ начальствомъ намѣстника Станислава Глѣбовича и 5000 жолнеровъ (stipendiariorum) подъ начальствомъ чеха Цырна (Cyrna). Во время лѣтняго похода противъ москвитянъ въ 1502 г. Александръ, лично участвовавшій въ походѣ, напередъ себя послалъ служебныхъ людей [9]. Служебные люди въ то же время были разставлены на пограничныхъ замкахъ, напр., въ Полоцкѣ и Смоленскѣ и оставались тамъ и по окончаніи войны съ Московскимъ государемъ, на всякій случай [10]. Польское правительство уже давно пользовалось услугами наемныхъ войскъ въ своихъ войнахъ вслѣдствіе систематическаго уклоненія шляхты отъ военной службы. Такимъ образомъ и чужой, и собственный опытъ при-

---

[6]) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 59) и *Стрыйковскаго* (tom II, str. 311).

[7]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, т. V, 1467. Изд. Т-ва «Общественная Польза».

[8]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 39, 40).

[9]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № CXXIV; Литов. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1; Акты Зап. Рос. I, № 199.

[10]) Изъ квитанціи, выданной 1505 г. 28 іюня лентвойту Полоцкому Якубу Кезмарковичу, видно, что онъ изъ 400 копъ грошей, собираемыхъ ежегодно съ мѣста Полоцкаго на господаря, выдалъ «за жолнировъ» Скелевскому 15 копъ, нѣмцу Якубу Рику Барберу 15 копъ безъ 2 грошей, Харитону 5 копъ. Метр. кн. Запис. V, л. 241—243.

водилъ Сигизмунда и пановъ раду къ мысли употребить наемныя войска въ замышляемой войнѣ съ Москвою.

Для наема «служебныхъ» нужны были деньги, и деньги не малыя. Между тѣмъ покойный Александръ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ оставилъ въ наслѣдство своему брату одни долги [11]). Война съ Москвою не только поглотила всю наличность литовскаго скарба, но и повлекла за собою уменьшеніе поступленій вслѣдствіе уступки Москвѣ множества городовъ и волостей по договорамъ 1494 и 1503 г. [12]) и вслѣдствіе того разстройства, которое она внесла въ хозяйственную жизнь страны. Въ послѣдніе годы своего правленія для покрытія текущихъ расходовъ Александръ принужденъ былъ отдавать «въ заставу» государственныя имѣнія, т. е. занимать деньги у частныхъ лицъ съ предоставленіемъ имъ права взимать въ свою пользу вмѣсто процентовъ господарскіе доходы съ извѣстныхъ господарскихъ замковъ или дворовъ съ волостями до уплаты долга [13]). Такимъ образомъ, напр., у маршалка земскаго Яна Юрьевича Александръ занялъ для своей и земской потребы 3000 золотыхъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворы Олиту и Немонойти. Въ 1506 г. онъ погасилъ 1000 золотыхъ тѣмъ, что пожаловалъ Яну Юрьевичу дворъ Олиту съ дворцомъ Симномъ на вѣчность. Въ то же время, взявъ у него еще 300 копъ грошей въ добавленіе къ остававшемуся долгу, 2000 золотымъ, Александръ всю эту сумму записалъ на дворѣ Немонойтяхъ [14]). Въ 1505 г. Александръ взялъ у охмистра королевы Войтеха Яновича 1000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ Кормялово Ковенскаго повѣта [15]). У старосты Владимірскаго пана Ѳедора Янушевича Александръ занялъ «для великое земъское потребы» 1000 золотыхъ, предоставивъ ему

---

[11]) Въ Польшѣ 94132 золотыхъ угорскихъ. *Lubomirskiego* Trzy rozdziały historyi scarbowości w Polsce. str. 4. Kraków 1868.

[12]) Уступлены были волости, бывшія хорошими плательщиками скарба, напр. Задвинскія волости Торопецкаго повѣта, населенныя «данщиками».

[13]) И въ данномъ случаѣ оказала свое вліяніе практика государственной жизни Польши, гдѣ этотъ способъ удовлетворенія финансовымъ нуждамъ государства практиковался въ широкихъ размѣрахъ въ XV вѣкѣ. *A. Blumenstoka* Płany reform, str. 26—31.

[14]) Литов. Метр. кн. Записи. VI, л. 13.

[15]) Литов. Метр. кн. Записи. VI, л. 1, 2. Этотъ долгъ по смерти Александра оставался непогашеннымъ; Сигизмундъ могъ только продолжить «заставу» и 23 ноября 1507 г. выдалъ Войтеху Яновичу соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186).

получать вмѣсто процентовъ господарскіе доходы съ замка Владиміра и всего Владимірскаго повѣта [16]). Несмотря на всѣ эти займы, текущіе расходы въ послѣдніе годы великокняженія Александра не покрывались, и Александръ умеръ, не расплатившись, напр., съ служебными за ихъ службу. Сигизмундъ долженъ былъ занять у краковскаго бурмистра Бонара 5000 золотыхъ, чтобы заплатить служебнымъ людямъ за ихъ «старую службу» покойному Александру [17]). Но и этимъ разчеты съ «служебными» не были покончены, и послѣ приходилось нѣсколько разъ расплачиваться мелкими суммами [18]).

Итакъ, денегъ, необходимыхъ для веденія войны въ литовскомъ скарбѣ не было. Правительство рѣшилось прибѣгнуть въ данномъ положеніи къ испытанному уже средству — къ полученію субсидіи отъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Мы видѣли, что къ этому средству прибѣгалъ уже король Казиміръ: въ 1473 г. сеймъ, собравшійся въ Вильнѣ, опредѣлилъ дать ему субсидію со всѣхъ земель великаго княжества по 6 пражскихъ грошей съ плуга. Это средство литовскому господарю подсказывалось и логикою вещей, и хорошо знакомою ему государственною практикою Польши. Тамъ уже давно, со времени освобожденія шляхты отъ платежа постоянной подати (за исключеніемъ 2 гр. съ лана въ знакъ подданства) правительство обращалось къ шляхтѣ за денежными субсидіями [19]). Литовскіе князья, паны и бояре съ 1447 г. были также освобождены отъ платежа въ скарбъ постоянной серебщины съ своихъ людей. Естественно поэтому, что и литовскій государь вынужденъ былъ съ теченіемъ времени обратиться къ нимъ за субсидіею на нужды государства, какъ это дѣлалось и въ Польшѣ. При Казимірѣ, по всѣмъ даннымъ, субсидія опредѣлена была

[16]) Archiwum Sanguszków III, № LXXXVI. По смерти пана Өедора Янушевича король Сигизмундъ 26 мая 1508 г. дозволилъ кн. Андрею Александровичу Сангушку отложить 1000 золотыхъ вдовѣ Янушевича, взять Владиміръ къ своимъ рукамъ и держать его въ «заставѣ» до уплаты ему долга. Отъ кн. Андрея Владиміръ перешелъ въ «заставѣ» къ сыну его Өедору въ 1529 г. Кн. Өедоръ Андреевичъ нашелъ выгоднымъ для себя «спустить» долгъ (21 авг. 1531 г.) королю и получить отъ него взамѣнъ привилей на «держанье» замка Владиміра до живота съ правомъ пользоваться одними только старостинскими доходами (Ibidem, № CCCLVI, CDXIX).

[17]) Деньги были уплачены Бонару подскарбіемъ земскимъ Аврамомъ Езофовичемъ въ 1509 г. декабря 13 (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 112).

[18]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115.

[19]) *A. Blumenstoka* Płany reform scarbowo-wojskowych, str. 26, 27.

на простомъ литовскомъ сеймѣ, панами радою и литовскою шляхтою, собравшеюся на сеймъ. При Сигизмундѣ рѣшено было оборудовать это дѣло на великомъ вальномъ соймѣ, при участіи землевладѣльцевъ изъ областей-аннексовъ. Слишкомъ серьезно было положеніе вещей, слишкомъ близко затрогивало оно интересы всего государства, чтобы можно было рѣшать предстоявшіе вопросы безъ участія князей и бояръ изъ областей-аннексовъ. И безъ того эти князья и бояре недовольны были дѣйствіями правительства, связанными съ пропагандою церковной уніи, и безъ того во время предшествующей борьбы съ Москвою обнаруживали по временамъ шатость и стремленія къ отпаденію отъ Литвы. Привлечь ихъ къ жертвамъ для государства, и притомъ тяжелымъ, легче всего, конечно, было, войдя съ ними въ переговоры, заручившись ихъ добровольнымъ согласіемъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что, кромѣ «ухвалы» серебщины, правительство вознамѣрилось, по примѣру Польши, составить на сеймѣ и военную «уставу» относительно снаряженія на войну и мобилизаціи и придать ей больше авторитета и силы въ формѣ опредѣленія сейма [20]). Въ виду всего этого разослано было приглашеніе на сеймъ князьямъ, панамъ и боярамъ всѣхъ земель великаго княжества.

Сеймъ собрался къ началу февраля 1507 г. и продолжился въ теченіе всего этого мѣсяца [21]). На немъ прежде всего выработаны были строгія постановленія касательно отбыванія военной службы. Рѣшено было, чтобы всѣ паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта переписали своихъ людей и списки отдали господарю подъ присягою, что ничего не утаили, дабы господарь могъ точно знать, какъ кто долженъ служить [22]). Постановлено затѣмъ, что неявившійся къ сроку на войну, въ назначенное заблаговременно господаремъ мѣсто, подвергается штрафу въ 100 рублей; а кто не выѣдетъ на войну недѣлю спустя послѣ срока «надѣючися на свое богатство и упоромъ своимъ», тотъ «шыю тратитъ»; вдовы, не приславшія своихъ людей къ сроку, также наказываются штрафомъ въ 100 рублей, а если не пришлютъ

---

[20]) Обычай вырабатывать на сеймѣ «ординаціи» на предстоящую войну утвердился въ Польшѣ при Казимирѣ Ягеллончикѣ. См. *A. Blumenstoka* Płany reform, str. 15—19; его же Ordinatio bellicae motionis ex anno 1506. Kraków 1888.

[21]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 56.

[22]) Очевидно, что постановленіе, сдѣланное на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. о томъ, чтобы съ каждыхъ 10 служебъ людей выставлялся конный ратникъ, оставалось въ силѣ, и съ нимъ-то и долженъ былъ сообразоваться господарь.

недѣлю спустя послѣ срока, лишаются имѣній, которыя спадаютъ на ихъ дѣтей или ближнихъ; кто уѣдетъ съ войны безъ вѣдома господаря или гетмана, наказывается смертію. Всѣ эти постановленія мотивированы «сплошенствомъ и нерядомъ», которые распространились въ средѣ подданныхъ великаго княжества за прежніе годы. Наконецъ, всѣмъ приказано быть готовыми ко дню Пасхи, съ тѣмъ, чтобы по первому зову господаря выступить въ походъ въ назначенное имъ мѣсто. Такой короткій срокъ положенъ для того, чтобы имѣть возможность отразить непріятеля, если бы онъ, прослышавъ о намѣреніяхъ господаря, захотѣлъ предупредить его и вторгнулся въ великое княжество. Эту «уставу», по словамъ записи сеймовыхъ постановленій, уставили паны-рада, воеводы и княжата, бывшіе на сеймѣ.

Другое постановленіе сдѣлано уже при несомнѣнномъ участіи всѣхъ «становъ», бывшихъ на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. Князь бискупъ и паны-рада, воеводы и княжата, земяне, вдовы (sic!) и вся шляхта, бывшіе на сеймѣ, «зволили» дать господарю серебщину съ своихъ людей за текущій годъ, съ воловой сохи по 6 грошей, а съ конской по 3 гроша; съ тѣхъ, кто не имѣлъ ни воловъ, ни клячъ, но держалъ землю, также по 3 гроша [23]). Срока отдачи серебщины не было установлено, но рѣшено просить господаря собирать эту серебщину не ранѣе осени, когда поспѣетъ хлѣбъ, на день «Матки Божьи послѣднее» въ виду того, что теперь хлѣбъ дорогъ, и притомъ же землевладѣльцу приходится снаряжаться на войну. Присутствовавшіе на сеймѣ жмудскіе землевладѣльцы заявили, что и они въ этомъ не отстанутъ отъ другихъ, но теперь не могутъ дать своего согласія «безъ иншихъ пановъ, *старшихъ* своихъ, которыхъ на тотъ часъ на соймѣ не было» [24]).

Послѣднее заявленіе чрезвычайно важно. Оно указываетъ на то, что на сеймѣ были не одни только «старшіе» изъ разныхъ земель великаго княжества, какъ бывало на вальныхъ соймахъ при Алексан-

---

[23]) Любопытно, что и въ размѣрахъ своихъ денежныхъ субсидій правительству литовцы старались придерживаться размѣровъ субсидій, ассигнуемыхъ польскими сеймами (6—12 грошей съ пахотнаго лана). См. *A. Blumenstoka* Płany reform, str. 25. О степени тяжести этого обложенія можно получить нѣкоторое представленіе по цѣнамъ на продовольствіе, которое закупалось ратными людьми. Для 1507 г. цѣны были установлены такія: за вола 30 грошей, за яловицу 20, за вепря 12, за барана 2 гроша, за пару гусей 1 грошъ, за четыре курицы 1 грошъ, за копу ржи 3 гр., за копу овса 2 гроша. См. Акты Зап. Рос. II, № 25. Срав. № 31.

[24]) Акты Зап. Рос. II, № 12.

дрѣ и при избраніи самого Сигизмунда, но и простая рядовая шляхта. Вообще великій Виленскій соймъ 1507 г. открываетъ собою новую эпоху въ исторіи литовско - русскаго сейма. «Великіе вальные соймы» съ этого времени созываются главнымъ образомъ для полученія денежныхъ субсидій отъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Рядовая шляхта, которая на ряду съ знатью привлекается къ платежу этой субсидіи, принимаетъ въ этихъ соймахъ постоянное участіе. На первыхъ порахъ рядовая шляхта изъ областей-аннексовъ присутствуетъ, повидимому, viritim, поголовно, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ. Но съ теченіемъ времени вырабатывается правильное представительство ея. Правительство, созывая великіе соймы для полученія субсидіи, начинаетъ относиться къ «станамъ» сойма съ особою предупредительностью и привлекать ихъ къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій. Высшіе станы сойма въ свою очередь начинаютъ проявлять интересъ къ государственнымъ вопросамъ, составляютъ и подаютъ различныя просьбы правительству какъ о своихъ сословныхъ, такъ и о общегосударственныхъ нуждахъ. Въ этомъ частомъ сеймованьѣ совершается политическое воспитаніе шляхты, которая входитъ понемногу въ курсъ внутренней и внѣшней политики, сознаетъ свою сословную солидарность, свои сословные интересы и начинаетъ предъявлять требованія государственныхъ преобразованій въ духѣ этихъ интересовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи фактической исторіи литовско-русскихъ сеймовъ читатель найдетъ подтвержденіе всему сказанному.

§ 2.

Великій князь Московскій предупредилъ Сигизмунда, и уже въ апрѣлѣ 1507 года московскія войска вторглись въ предѣлы великаго княжества. Начавшаяся война оказалась въ высшей степени несчастливою для великаго княжества Литовскаго. Она осложнилась опаснымъ мятежомъ Глинскаго и его многочисленной партіи и нападеніями Крымскихъ татаръ въ предѣлы великаго княжества лѣтомъ 1508 г.[25]). Вслѣдствіе всего этого Сигизмундъ принужденъ былъ заключить съ Москвою вѣчный миръ и при этомъ уступить Москвѣ окончательно города и волости, завоеванныя Иваномъ III [26]).

По заключеніи мира (8 октября 1508 г.) Сигизмундъ распустилъ войска и 8 ноября 1508 года прибылъ въ Вильну [27]). По прибытіи въ

---

[25]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 138, 139.

[26]) Акты Зап. Рос. II, № 43.

[27]) Acta Tomiciana I, № XI.

Вильну король назначилъ «станамъ» великаго княжества сеймъ въ Вильнѣ. Объ этомъ сообщаетъ извѣстіе Кояловичъ [28]), и оно вполнѣ подтверждается показаніями актовыхъ датъ о «великомъ Виленскомъ соймѣ» конца 1508 и начала 1509 г. [29]). По этимъ показаніямъ сеймъ продолжался съ 13 декабря 1508 г. по 16 февраля 1509 г. [30]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о цѣляхъ, для которыхъ созывался этотъ сеймъ, и можемъ заключать о нихъ на основаніи косвенныхъ указаній источниковъ. Сигизмундъ желалъ имѣть въ полномъ сборѣ свою раду великаго княжества, чтобы сообща съ нею рѣшить государственные вопросы великой важности, стоявшіе на очереди. Литвѣ трудно было помириться съ своею неудачею въ войнѣ съ Москвою. Но для того, чтобы возобновить борьбу, надо было устранить все, что могло тормозить будущіе успѣхи, а именно: надо было покончить съ внутреннимъ политическимъ броженіемъ, поднятымъ Глинскимъ, уладить прочно отношенія къ Крыму, и наконецъ заручиться согласіемъ и готовностью землевладѣльцевъ великаго княжества нести новыя финансовыя и военныя тягости. Полученіе этого согласія тѣмъ болѣе было необходимо, что не улеглась еще окончательно смута, возбужденная Глинскимъ. Но для полученія этого согласія недостаточно было полнаго сбора рады; необходимо было пополнить ее и другими военнослужилыми землевладѣльцами государства. Вотъ почему Сигизмундъ и созвалъ не простой, а великій сеймъ.

Вопросъ о денежныхъ средствахъ вообще былъ тогда самымъ главнымъ. Въ только что кончившейся войнѣ великому княжеству пришлось держать 5000 человѣкъ наемнаго польскаго войска подъ начальствомъ Фирлея [31]). Расходы по содержанію этихъ служебныхъ не были еще оплачены, такъ какъ серебщины, ухваленной на сеймѣ 1507 г., не хватило для расплаты съ служебными, а «пенязей» въ литовскомъ скарбѣ не было [32]). Значитъ, нужно было расплачиваться по этимъ

[28]) Vilnam deinde ordinibus Lithuaniae comitia indicta (Historiae Litvanae pars II, p. 335).

[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292.

[30]) Литов. Метр. Судн. дѣлъ кн. II, л. 35; Записей кн. III, л. 94; Stosunki z Mendli-Girejem, Acta, № 106.

[31]) Хроника *Ваповскаго*, годъ 1509 (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 77, 78).

[32]) Косвенное указаніе на это даетъ постановленіе короля и пановъ-рады относительно пріема польской монеты отъ поляковъ-жолнеровъ въ уплату «за живность» (Акты Зап. Рос. II, № 31).

долгамъ. Кромѣ того, деньгами же предстояло ублаготворять крымскаго хана, его сыновей и мурзъ. Въ первую половину 1508 г. литовское правительство воздерживалось отъ посылки въ Крымъ «упоминковъ», желая понудить хана исполнить его обѣщанія относительно вторженія въ московскіе предѣлы [33]. Но это привело только къ тому, что ханъ помирился съ Московскимъ государемъ и послалъ значительные отряды для грабежа и полона въ литовскихъ и польскихъ областяхъ. Литовское правительство должно было измѣнить тактику и уже осенью 1508 года израсходовало на татаръ Крымскимъ около 4000 к. гр. [34]. Эти расходы предстояло продолжать и въ будущемъ, чтобы сколько-нибудь обезопасить государство съ этой стороны.

Когда собрался сеймъ, состоялся прежде всего судъ надъ соучастниками заговора Глинскаго. Арестованы были панъ Альбрехтъ Гаштольдъ [35], Мартинъ Хребтовичъ, конюшій дворный, Ѳедко Хребтовичъ, подскарбій земскій, Александръ Ходкевичъ, князь Полубенскій и много другихъ, которыхъ оговорили казначей Глинскаго Ульрихъ, Видра, Колонтай и кн. Лукомскій. По разсказу Кояловича, всѣ означенныя лица рѣшеніемъ «становъ» сойма (ex publico ordinum consilio) были присуждены къ лишенію рыцарской чести и затѣмъ брошены въ тюрьмы, а имѣнья ихъ отобраны на господаря и затѣмъ съ утвержденья сейма (auctoritate comitiorum) розданы господаремъ разнымъ заслуженнымъ особамъ [36]. Кояловичъ, очевидно, внесъ въ этотъ разсказъ черты современной ему сеймовой практики, не подходящіе для разсматриваемаго времени. Въ разсматриваемое время раздача имѣній всецѣло была дѣломъ господаря, и никакой санкціи сейма для нея не требовалось [37]. Точно также и судъ производился господаремъ совмѣстно съ панами-радою, безъ участья другихъ «становъ» сейма. Современникъ Сигизмунда, близко стоявшій къ описываемымъ событіямъ, Станиславъ Гурскій въ

---

[33]) До 1508 г. правительство Сигизмунда уже истратило на хана, его сыновей и мурзъ, пословъ и гонцовъ около 7000 копъ грошей. См. *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 52—74.

[34]) Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 75—80.

[35]) Гаштольду, впрочемъ, удалось оправдаться, и онъ былъ выпущенъ на свободу (Acta Tomiciana VII, № XXXVI).

[36]) Historiae Litvanae pars II, p. 335.

[37]) Имѣнья, конфискованныя у Глинскихъ, раздавались королемъ не только на сеймѣ 1509 г., но и гораздо ранѣе. См. *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 85, 86.

своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда прямо говоритъ, что соучастниковъ Глинскаго судили король и паны-рада (rex et senatus) [38].

Измѣна Глинскаго и судъ надъ соучастниками въ его заговорѣ дали поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать и обнародовать на сеймѣ общую «уставу» относительно имѣній измѣнниковъ. Господарь «розмовлялъ» съ панами-радою, «о имѣнья зрадецкіи, што ся дотычетъ зрадецъ», и постановили: если отецъ учинитъ измѣну, тогда имѣнье его отходитъ на господаря, а отдача его дѣтямъ измѣнника уже будетъ «въ ласцѣ господарской»; если учинитъ измѣну одинъ изъ братьевъ, тогда на господаря отбирается только та доля, которая принадлежитъ или приходится измѣннику, а остальные не терпятъ отъ измѣны брата. Дѣйствіе этой уставы предположено на два года [39]. Это законоположеніе выработано было даже не въ полномъ собраніи пановъ-рады, не говоря уже о другихъ «станахъ» сойма.

Точно также и вопросы внѣшней политики, и въ частности объ отношеніяхъ къ Крыму, въ своихъ деталяхъ разрабатывались на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою. Господарь съ панами-радою рѣшили возобновить переговоры съ Менгли-Гиреемъ о союзѣ на условіи ежегодной уплаты отъ Польши и Литвы упоминковъ по 5—6 т. золотыхъ. Вести переговоры объ этомъ поручено было литовскимъ посламъ, пребывавшимъ въ Крыму,— Ратомскому и Абрагиму, къ которымъ съ этимъ порученіемъ долженъ былъ отправиться писарь Юхно Дашкевичъ [40].

Король и паны-рада рѣшили вести переговоры въ этомъ направленіи, уже заручившись, повидимому, согласіемъ князей, пановъ и шляхты дать новую серебщину господарю. Для полученія этого согласія пришлось, конечно, знакомить «станы» сойма въ общихъ чертахъ съ положеніемъ политическихъ дѣлъ и съ настоятельными государственными нуждами. Можно сказать поэтому, что и остальные «станы» сойма участвовали въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, насколько они связаны были съ опредѣленіемъ денежныхъ субсидій правительству.

На сеймѣ 1508—1509 г. состоялись какія-то постановленія относительно военной службы. Повидимому, въ связи съ этими постановленіями стоитъ разсылка великокняжескихъ писарей по областямъ и повѣтамъ великаго княжества для «пописанья» земель. Запись объ этой разсылкѣ внесена «про память» въ книгу Метрики и стоитъ тамъ

---

[38]) Acta Tomiciana I, № XVIII.

[39]) Zbiór praw litewskich, str. 114; Акты Зап. Рос. II, № 51.

[40]) Stosunki z Mendli-Girejem, str. 139—141.

какъ разъ среди актовъ, совершенныхъ во время великаго сойма 1509 г.[41]).

Разбирательство одного казуснаго дѣла дало поводъ господарю и панамъ-радѣ выработать на этомъ сеймѣ «уставу» относительно «опра-вы» женамъ на имѣньяхъ. Постановлено было, что впредь женамъ мо-жно записывать въ вѣнѣ не всѣ имѣнья, а только третью часть ихъ по оцѣнкѣ. Вдова по смерти мужа имѣетъ право удерживать за собою эту третью часть, а двѣ другихъ части идутъ къ дѣтямъ; по смерти ея и эта третья часть идетъ на дѣтей; если по смерти мужа не оста-нется дѣтей, вдова его, если пожелаетъ остаться на вдовьемъ стольцѣ, можетъ владѣть всѣми имѣньями мужа «до живота», а по смерти ея имѣнья спадаютъ на близкихъ мужа, которые должны выплатить за-писанную ей въ вѣнѣ на третьей ихъ части сумму тому, кому она откажетъ [42]).

На этомъ же сеймѣ господарь съ панами-радою отмѣнили «не-слушное» взиманье «пересуда» въ великомъ княжествѣ. Этотъ пере-судъ прежде взимался въ размѣрѣ 10% съ суммы иска отъ всякаго, выигрывшаго процессъ, будь то истецъ или отвѣтчикъ. Теперь поста-новлено не брать пересуда съ отвѣтчика, отведшаго отъ себя судеб-нымъ порядкомъ искъ, а исключительно только съ истца, доискавшагося своего по суду [43]). Это постановленіе, судя по аналогіи съ тѣмъ, что происходило на сеймахъ послѣдующаго времени, сдѣлано было едва ли не по просьбѣ становъ сейма.

Повидимому, по просьбѣ же становъ сейма господарь съ панами-радою назначили комиссаровъ-судей «на разграниченье и поправенье границъ» между великимъ княжествомъ и короною Польскою и для разбора сообща съ польскими комиссарами-судьями дѣлъ о пограничныхъ обидахъ и столкновеніяхъ между подданными обоихъ государствъ [44]). По крайней мѣрѣ позже подобныя просьбы очень часто подавались «станами» на сеймахъ.

Пріѣзжавшіе на этотъ сеймъ князья и бояре Витебскіе совокупно съ слугами и мѣщанами подавали господарю отъ имени всей земли просьбу о подтвержденьѣ ихъ правъ и вольностей. Господарь удовле-творилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ соотвѣтствующій привилей уже на

---

41) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291.

42) Scarbiec diplomatów II, № 2207. Это постановленіе съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями вошло потомъ въ Статутъ 1529 (раздѣлъ IV, арт. I).

43) Акты Зап. Рос. II, № 52.

44) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291—292.

пути своемъ въ Польшу, во время остановки въ Городнѣ, 18 февраля. Повидимому, и выданный въ томъ же году подтвердительный привилей Волынской землѣ обязанъ своимъ появленіемъ просьбамъ Волынскихъ князей, пановъ и земянъ, пріѣзжавшихъ на сеймъ [45]).

§ 3.

Переговоры съ Крымскимъ ханомъ о мирѣ и союзѣ затянулись надолго. Сигизмундъ въ теченіе всего 1509 г. занятъ былъ войною съ Волошскимъ воеводою Богданомъ и сравнительно мало уже удѣлялъ вниманія другимъ дѣламъ короны и великаго княжества. Съ другой стороны обѣ стороны никакъ не могли договориться объ упоминкахъ. Литовскіе послы согласно инструкціямъ своего правительства предлагали платить хану ежегодно по 5000 золотыхъ отъ великаго княжества и короны. Ханъ запрашивалъ какъ разъ втрое—15000 золотыхъ, указывая на то, что пятью тысячами ему не удовлетворить своихъ сыновей, внуковъ, улановъ и князей и не удержать ихъ отъ нападеній на королевскія державы. Въ этомъ заявленіи была значительная доля правды. У хана было девять сыновей, множество взрослыхъ внуковъ и родственниковъ, помимо улановъ и князей. Всѣ они съ обычною татарамъ жадностью стремились поживиться на счетъ сосѣднихъ государствъ. Такими же чувствами и стремленіями преисполнена была и вся остальная орда.

Неудивительно поэтому, если, несмотря на продолжавшіеся переговоры и обѣщанія Менгли-Гирея, осенью 1510 года его сыновья съ 50 тысячами татаръ ворвались въ глубь великаго княжества. Сигизмундъ принялъ мѣры предосторожности на Подольѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ весною показывались татары. Но татары обманули его бдительность и вторглись съ той стороны, откуда ихъ не ожидали, съ лѣваго берега Днѣпра, чрезъ который они переправились выше Кіева. Великое княжество было застигнуто врасплохъ этимъ нападеніемъ, и татары, разбившись на отряды, страшно опустошили страну. Набравъ множество плѣнныхъ и всякой добычи, они ушли безпрепятственно къ себѣ домой, не встрѣтивъ сопротивленія. Одновременно съ тѣмъ другой татарскій отрядъ подъ начальствомъ царевича Беты-Гирея вторгнулся въ Молдавію и страшно опустошилъ ее, уведя до 70 т. человѣкъ

---

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 54; Zbiór praw litewskich, str. 99—101. Примѣръ въ данномъ отношеніи подали обыватели Жмудской земли, которые еще въ 1507 году (23 ноября) выхлопотали себѣ подтвердительный привилей на права и вольности (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 35—37).

въ ясырь. Правда, что вскорѣ затѣмъ Менгли-Гирей прислалъ къ королю гонца съ увѣреніями, что нападеніе сдѣлано помимо его воли и вѣдома, что онъ посылалъ своихъ сыновей собственно воевать Волоховъ, но злые де люди соблазнили ихъ и увлекли въ другую сторону, что, наконецъ, онъ готовъ вернуть королю весь полонъ и награбленное имущество, но Сигизмунду и его подданнымъ мало было въ томъ успокоенія. Изъ Крыма предупреждали короля, чтобы онъ не вѣрилъ хану; ходили даже грозные слухи, что нападеніе сдѣлано было татарами по наущенію турокъ. Но даже если бы въ увѣреніяхъ хана и была правда, все равно становилось очевиднымъ, что отъ татаръ нельзя ожидать покоя, несмотря ни на какіе договоры съ ихъ ханомъ. Приходилось поэтому серьезно заняться вопросомъ объ организаціи обороны украинныхъ земель Польши и Литвы со стороны татаръ и объ оказаніи помощи воеводѣ Волошскому, который просилъ ее у Сигизмунда на основаніи заключеннаго въ началѣ 1510 г. трактата [46]).

Для рѣшенія этихъ вопросовъ Сигизмундъ въ началѣ 1511 года созвалъ польскій сеймъ въ Петрковѣ. На этомъ сеймѣ рѣшено было поставить на Подольѣ 3000 наемнаго войска, а на слѣдующій годъ 2000 для защиты края отъ нападенія татаръ и для оказанія помощи Волошскому воеводѣ. Кромѣ того, опредѣлено согласиться на требованіе хана объ уплатѣ ежегодныхъ поминковъ въ 15 т. золотыхъ, съ тѣмъ, чтобы половину этой суммы выплачивала корона, а другую половину великое княжество. Для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ чины Петрковскаго сейма установили сборъ съ рыцарскихъ имѣній, духовенства и мѣщанъ на два года. Рѣшено было затѣмъ, чтобы король отправился на лѣто въ Берестье Подляшское для того, чтобы тамъ устроить оборону великаго княжества и имѣть возможность при первыхъ вѣстяхъ о нападеніи татаръ выступить противъ нихъ съ дворомъ своимъ [47]).

Въ половинѣ мая король въ сопровожденіи нѣкоторыхъ коронныхъ сенаторовъ [48]) прибылъ въ Берестье [49]). Здѣсь короля уже до-

---

[46]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 124—156.

[47]) Хроники *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 100); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 128—130); *Стрыйковскаго* (tom II, str. 361, 362); *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 156, 157; Acta Tomiciana I, № CCXL; *A. Blumenstoka* Płany reform, str. 68—69.

[48]) Съ королемъ поѣхали въ Берестье: кн. Деревицкій, бискупъ Перемышльскій; панъ Криштофъ Шидловецкій, канцлеръ, панъ Судомирскій и охмистръ; панъ Селицкій, подканцлеръ, панъ Воинскій, охмистръ и староста Рапельскій (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 66).

[49]) По сообщенію Гурскаго, 15 мая (Acta Tomiciana I, № CLVII,

жидались паны-рада великаго княжества Литовскаго, вѣроятно, уже заранѣе вызванные королемъ. Но такъ какъ предстояло рѣшать вопросы, связанные съ наложеніемъ новыхъ финансовыхъ и военныхъ тягостей, то король призвалъ въ Берестье на сеймъ и другіе «станы» великаго княжества, и Берестейскій сеймъ такимъ образомъ превратился въ «великій соймъ» [50]).

По прибытіи въ Берестье Сигизмундъ началъ совѣщаться съ панами-радою великаго княжества о посылкѣ ежегодныхъ упоминковъ хану въ 15 т. золотыхъ, согласно съ опредѣленіемъ Петрковскаго сейма. Всѣ они одобрили это опредѣленіе и изъявили согласіе на уплату половины этой суммы изъ скарба великаго княжества. Но при этомъ стали настаивать, чтобы и другіе расходы на татаръ поляки несли пополамъ съ великимъ княжествомъ. Между прочимъ они потребовали, чтобы поляки выслали къ Кіеву 2000 войска для сопровожденія пословъ, которые повезутъ хану упоминки. По уговору съ ханомъ послѣдній долженъ былъ выслать одного изъ своихъ сыновей и внуковъ въ качествѣ заложниковъ къ Кіеву въ сопровожденіи пословъ. Здѣсь царевичи должны были встрѣтиться съ послами, везшими упоминки, которые, сдавъ упоминки посланнымъ хана, сами вмѣстѣ съ царевичами должны были ѣхать къ королю. По прибытіи въ Берестье король получилъ извѣстіе, что заложники выѣзжаютъ къ Кіеву, но въ сопровожденіи 6000 татаръ. Это возбудило опасенія и сомнѣнія, и паны-рада рѣшили, чтобы и господарскихъ пословъ, которые повезутъ упоминки, сопровождалъ сильный отрядъ въ 4000 человѣкъ. Но не желая, чтобы эта тягость пала исключительно на великое княжество, паны-рада потребовали, чтобы и поляки съ своей стороны выслали съ Подолья 2000 человѣкъ къ Кіеву для обереганья пословъ. Сигизмундъ, не имѣя на то разрѣшенія польскаго сейма, не могъ удовлетворить требованію литовцевъ. Послѣдніе обращались къ сенаторамъ короннымъ, находившимся съ королемъ въ Берестьѣ, предполагая, что они уполномочены постановлять сообща съ литовцами о подобныхъ вещахъ, но тѣ также уклонились, и дѣло было отложено до полученія согласія отъ остальныхъ сенаторовъ, остававшихся въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что и ханъ, какъ оказалось, еще не выслалъ заложниковъ.

CCXXVIII). По актамъ Литовской метрики король былъ въ Берестьѣ уже 13 мая (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42).

[50]) Акты говорятъ о великомъ Берестейскомъ соймѣ съ 23 мая 1511 года. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 65.

Паны-рада великаго княжества настаивали, чтобы король переѣхалъ изъ Берестья въ Вильну. Но король не согласился на ихъ просьбы, желая въ точности выполнить то, что рѣшено было на Петрковскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что приходили извѣстія о движеніяхъ татаръ по направленію къ Волынской землѣ и Подолью, объ опасномъ союзѣ Менгли-Гирея съ сыномъ турецкаго султана Селимъ-беемъ. Литовцы послѣ того приступили къ совѣщаніямъ относительно обороны великаго княжества. Когда король сообщилъ имъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Польшѣ предъ самымъ отъѣздомъ его на случай вторженія большихъ татарскихъ силъ [51]), то и литовцы постановили ко дню св. ап. Петра и Павла собрать войско въ Петриковичахъ около Мозыря. Это мѣсто выбрано было потому, что отсюда удобно было идти противъ татаръ въ разныя стороны, откуда бы они ни показались [52]). Во главѣ войска поставленъ былъ гетманъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Король «съ порадою пановъ-рады» далъ ему «зуполную моцъ» надъ всѣми тѣми, кто будетъ подъ его начальствомъ, на все время, пока войско будетъ находиться въ полѣ. Всѣ воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство шляхта должны были слушаться его, какъ самого господаря; князь-гетманъ съ своей стороны долженъ былъ ласково обходиться съ ними, держать въ чести и представлять къ наградамъ всѣхъ «цнотливыхъ», а упорныхъ и непослушныхъ карать заключеньемъ и даже смертною казнью, кто чего заслужилъ. Чтобы подданные великаго княжества вмѣсто обороны не приняли отъ войска «сказу и впадку большого», господарь съ панами-радою выдали особую уставу относительно реквизиціи провіанта и цѣнъ, по которымъ разрѣшалось забирать у населенія съѣстные припасы» [53]).

И потомъ все лѣто приходили тревожные слухи о движеніяхъ татаръ на украйны великаго княжества. Хотя эти слухи не оправда-

---

[51]) На малопольскомъ сеймикѣ въ Новомъ Корчинѣ рѣшено было въ такомъ случаѣ на первый зовъ воеводы собираться третьей части шляхты, а въ крайности собираться и идти на татаръ посполитымъ рушеньемъ (Acta Tomiciana I, № CCXXVI, CCXXVII).

[52]) Acta Tomiciana I, № CCXL.

[53]) Эта «ўстава» въ записи Литов. Метрики датирована «лѣта Божъего тисяча пятьсот второгонадесять месеца июн. 13 индик. 14 (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 281—282). Эта дата, конечно, ошибочна. Въ іюнѣ 1512 г. не было никакого «великого сойму Берестейского»: король пребывалъ въ то время въ Краковѣ (Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 553, 554; л. 40); индиктъ 14 приходится какъ разъ на 1511 годъ. Съ ошибочными датами напечатана эта устава и въ изданіи Дзялынскаго Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

лись, тѣмъ не менѣе литовское войско до глубокой осени простояло въ Петриковичахъ. «Для шкодливыхъ частыхъ новыхъ непріятельскихъ и для небезпеченьства вторгненя въ землю поганьства» многіе не могли быть на великомъ соймѣ Берестейскомъ, который, такимъ образомъ, не отличался полнотою своего состава. Вслѣдствіе всего этого, хотя соймъ продолжался въ теченіе всего іюня, іюля, августа, сентября и до 10 октября включительно [54]), на немъ не состоялось никакихъ окончательныхъ постановленій объ оборонѣ государства отъ татаръ, подобныхъ постановленіямъ Петрковскаго сейма въ Польшѣ. Король въ виду малолюдности сейма не захотѣлъ «радить въ конецъ» «о способѣ, што ся дотычеть обороны отъ всихъ неприятелей на прийдучое лѣто и напотомъ» [55]). Коронные сенаторы, прибывшіе съ королемъ, имѣли порученіе въ связи съ вопросомъ объ общей оборонѣ отъ татаръ начать переговоры объ уніи великаго княжества съ короною. Но по малолюдству сейма и эти переговоры не состоялись [56]).

На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. господарю подавались различныя просьбы отъ становъ сейма. Прежде всего кн. бискупъ Виленскій и паны-рада литовскіе и польскіе ходатайствовали предъ королемъ о прощеніи лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу Глинскаго, и по этому ходатайству король освободилъ ихъ изъ заключенія и возвратилъ имъ свои милости [57]). Затѣмъ, повидимому, по просьбѣ шляхты Дорогицкой земли король по совѣщанію съ панами-радою опредѣлилъ точно компетенцію старостинскаго суда въ Дорогицкой землѣ («члонки, которые маетъ судити староста») [58]). Высшее православное духовенство, а также князья и паны греческаго закона, бывшіе на соймѣ, просили господаря о подтвержденіи правъ духовныхъ митрополита, владыкъ и всѣхъ людей греческой вѣры, и 2 іюля получили соотвѣтствующій привилей [59]). Полоцкіе бояре и вся земля Полоцкая ходатайствовали о подтвержденіи своего земскаго привилея и получили таковое 23 іюля [60]). Всѣ

---

[54]) Акты Зап. Россіи II, № 65, 68, 69—71, 73, 75; Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 174; VIII, л. 486—503.

[55]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506; Москва 1897 г.

[56]) Acta Tomiciana II, № XXXVI.

[57]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 101); комментарій Гурскаго (Acta Tomiciana I, № CLVI); *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 342.

[58]) Акты Зап. Рос. II, № 64.

[59]) Тамъ же, № 65.

[60]) Тамъ же, № 70.

эти правительственныя мѣры, при всемъ ихъ разнообразіи, клонились къ одной цѣли,— къ внутреннему умиротворенію государства, потрясеннаго пропагандою уніи и мятежомъ Глинскаго.

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ убѣдилъ Сигизмунда, что татаръ можно удержать отъ нападеній только устройствомъ надлежащей обороны въ украинныхъ областяхъ. Несмотря на продолжавшіеся переговоры съ ханомъ о заключеніи союза, несмотря на его дружественныя завѣренія, татары и лѣтомъ 1511 года кружились около польскихъ и литовскихъ украинныхъ селеній съ намѣреніемъ поживиться на счетъ христіанъ. Но узнавъ, что поляки и литовцы готовы къ ихъ встрѣчѣ, не посмѣли вторгнуться въ предѣлы короны и великаго княжества. Сигизмундъ вознамѣрился поэтому поставить дѣло государственной обороны на прочныхъ основаніяхъ какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ Польшѣ. Такъ какъ на великомъ Берестейскомъ соймѣ относительно этого не состоялось никакихъ окончательныхъ рѣшеній, то король при своемъ отъѣздѣ въ Польшу [61]) разослалъ всѣмъ державцамъ, князьямъ, панамъ и дворянамъ великаго княжества оповѣщеніе о прибытіи въ Вильну на сеймъ къ 1 января 1512 года. Воеводы и державцы пограничныхъ замковъ должны были приказать земянамъ своихъ повѣтовъ съѣхаться въ одно мѣсто, выбрать двухъ земянъ отъ повѣта и послать ихъ на сеймъ, давши имъ «суполную моцъ»; сами же съ остальными земянами должны были оставаться на мѣстѣ для береженья отъ непріятелей. Державцы «неграничные» съ земянами должны были пріѣхать лично на сеймъ и тамъ «споломъ» съ панами-радою совѣщаться объ оборонѣ рѣчи посполитой. «И што колвекъ на томъ сойме врядите,—гласилъ универсалъ короля,—... ку обороне посполитое речи земское, абы они вси ку тому зволили» [62]).

Одновременно съ тѣмъ вопросъ объ оборонѣ земской долженъ былъ разсматриваться и поляками, которыхъ Сигизмундъ созывалъ на сеймъ въ Краковъ къ 14 февраля 1512 года. Въ посольскихъ рѣчахъ, отправленныхъ на сеймики, король обращалъ особенное вниманіе на то, что татары, по слухамъ, соединяются съ турками, что скудныхъ силъ, стоящихъ на Подольѣ, не хватитъ для ихъ отраженія [63]).

Такимъ образомъ, въ созывѣ сеймовъ 1512 года мы опять встрѣчаемся съ фактомъ взаимодѣйствія во внутренней политической жизни

---

[61]) Выѣхалъ изъ Берестья 10 окт. 1511 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 174, 175, 177).

[62]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

[63]) *K. Pułaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem, str. 168, 169.

Польши и Литвы, которое вызывалось тѣснымъ сближеніемъ этихъ государствъ. Общій государь Польши и Литвы прибѣгалъ къ одному и тому же средству, чтобы рѣшить вопросъ, касавшійся обоихъ государствъ и одинаково для нихъ важный.

Въ половинѣ декабря король отправилъ изъ Кракова гонца въ Вильну съ особымъ посланіемъ къ прелатамъ и панамъ-воеводамъ—своей высокой радѣ, княжатамъ, панамъ, державцамъ, намѣстникамъ и тивунамъ, дворянамъ и земянамъ всѣхъ повѣтовъ великаго княжества, которые должны были собраться на сеймъ въ Вильнѣ къ первому января 1512 года. Въ этомъ посланіи король обращаетъ вниманіе чиновъ сейма на то, что великое княжество Литовское со всѣхъ сторонъ имѣетъ «тяжкихъ великихъ моцныхъ» непріятелей, которые день и ночь мыслятъ о томъ, какъ бы привести это государство въ совершенный упадокъ и забрать его землю, въ чемъ при королѣ Александрѣ они не мало и успѣли. Все это, по словамъ королевскаго посланія, произошло отъ того, что своевременно не обращалось на это должнаго вниманія и не было думы о томъ, чтобы противъ непріятелей найти «слушный а готовый способъ»... Король изъявлялъ поэтому горячее желаніе, чтобы на престоящемъ сеймѣ станы тщательно обдумали и измыслили «способъ ку обороне» какъ на ближайшее лѣто, такъ и на будущее время, чтобы каждый зналъ, какъ ему служить съ своего имѣнья и какъ отправлять своихъ людей на войну. Указавъ далѣе на то, что король Александръ на Новгородскомъ сеймѣ установилъ съ прелатами и панами радою, чтобы всѣ землевладѣльцы съ 10 служебъ выставляли въ поле пахолка «въ зброи», на конѣ, съ древцомъ,—Сигизмундъ писалъ, что «зъ стаковое выправы» едва ли можно учинить отпоръ «таковымъ моцнымъ» непріятелямъ, и предлагалъ установить, чтобы каждый князь и панъ, урядникъ, дворянинъ, земянинъ, вдова на военную службу всегда, когда понадобится, изъ своихъ имѣній выправляли съ десяти дымовъ пахолка «на кони в зброи з древцомъ»; если же это покажется обременительнымъ, то съ десяти служебъ два молодца—конно и збройно. Кромѣ того король предлагалъ сейму рѣшить вопросъ относительно военной повинности мѣстъ великаго княжества, «которымъ бы обычаемъ на нихъ выправа мяла бы положона быти, пенязьми або людми». Свою «ухвалу» сеймъ долженъ дать записать «въ реистры», дабы каждый зналъ, какъ ему поступать во время войны согласно съ сеймовою уставою [64]).

---

[64]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 506, 507.

Король желалъ такимъ образомъ, чтобы и великое княжество, и Польша одновременно устроили у себя надлежащую оборону противъ ихъ общаго врага. Но желанія его коронныхъ совѣтниковъ пошли дальше: они захотѣли, чтобъ эта оборона была устроена сообща, по совмѣстному совѣту и рѣшенію, захотѣли на этой почвѣ тѣснѣе соединить оба государства. Вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ они отправили на Виленскій «вальный сеймъ» свое особое посланіе къ литовскимъ панамъ раднымъ [65]). Въ этомъ посланіи коронные сенаторы указывали литовцамъ, что необходимо блюсти установленіе братства и соединенія, которое урядили ихъ предки между обоими государствами, и особенно въ настоящее тревожное время, необходимо показать непріятелю, что поляки и литовцы подданные одного государя. Они напоминали литовцамъ, какія тѣ понесли потери отъ того, что не соблюдали должнымъ образомъ прежнія постановленія объ уніи между обоими государствами, и предлагали поновить и поправить эти постановленія и на основаніи ихъ сообща установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства отъ упадка. Поэтому они просили, чтобы литовцы на своемъ собраніи подумали обо всемъ этомъ и прислали четырехъ или шестерыхъ пановъ съ письменными полномочіями для подтвержденія уніи и постановленія объ оборонѣ земской [66]). Такимъ образомъ Виленскій великій соймъ 1512 г. долженъ былъ заняться и щекотливымъ вопросомъ касательно взаимныхъ отношеній Польши и Литвы. Королю, повидимому, не хотѣлось возбуждать этого вопроса, обыкновенно служившаго яблокомъ раздора между поляками и литовцами. Въ своемъ посланіи къ панамъ-радѣ великаго княжества онъ не поддерживалъ предложенія коронныхъ сенаторовъ и просилъ только прислать на предстоявшую свадьбу его двухъ пановъ знаменитыхъ «отъ рады обравши», и имъ же поручить отказъ на посольство польской рады [67]).

Намъ не удалось найти указаній на то, какое постановленіе принято было на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1512 г. относительно военной службы. Среди записей Литовской Метрики, относящихся къ 1512 году, находится только списокъ мѣстъ великаго княжества, которыя должны были посылать на войну конныхъ ратниковъ съ обозначеніемъ

---

[65]) Съ этимъ посланіемъ отправлены были въ Вильну воевода Подольскій Отто Ходецкій и Юрій Крупскій, каштелянъ и староста Бельзскій (Acta Tomiciana II, № XXXVI).

[66]) Acta Tomiciana I, № CCCXIV.

[67]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 508.

числа ратниковъ. Повидимому, эта роспись сдѣлана была именно на основаніи «ухвалы» сейма. Сеймъ высказался, повидимому, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ настоятельной необходимости мѣста должны посылать конныхъ ратниковъ; а если можно обойтись и безъ нихъ, тогда должны платить деньгами. Въ 1512 г. многія мѣста были освобождены отъ посылки конныхъ ратниковъ, но зато должны были заплатить въ скарбъ деньги. Перечень этихъ мѣстъ съ показаніемъ того, что ими уплачено, стоитъ въ записи Литовской Метрики какъ разъ рядомъ съ вышеуказаннымъ обозначеніемъ военной повинности тѣхъ же мѣстъ [68]).

Что же касается предложенія поляковъ относительно подтвержденія уніи и установленія совмѣстной обороны противъ непріятелей, то эти вопросы обсуждались только въ кругу пановъ-рады и, по всѣмъ признакамъ, не были предметомъ совѣщаній остальныхъ «становъ» сойма. Послы, отправленные къ полякамъ въ мартѣ 1512 года [69]), передали отъ имени пановъ-рады великаго княжества, но не отъ имени всего сойма, «артикулы», на основаніи которыхъ должна быть поновлена унія и установлена совмѣстная оборона. Эти артикулы очень мало удовлетворили поляковъ, такъ какъ не содержали того, чего добивались поляки,—желанія дѣйствительнаго соединенія обоихъ государствъ въ одно на основаніи договора 1501 г. Литовцы предлагали простой оборонительно-наступательный союзъ съ обязанностью взаимно помогать другъ другу, и притомъ по мѣрѣ возможности, нести издержки по оборонѣ отъ татаръ пополамъ, сообща стараться о возвращеніи потерянныхъ земель и дѣлить пополамъ вновь пріобрѣтенныя. Коронные паны-рада прямо объявили литовскимъ посламъ, что они ждали не такого отвѣта отъ своихъ братьевъ - литовцевъ; что они, поляки, желаютъ возобновленія той уніи, которая уже была заключена при королѣ Александрѣ, ибо отъ несоблюденія ея и обрушились всѣ бѣды какъ на корону, такъ и на великое княжество. Поэтому они вновь настаивали, чтобы литовцы прислали уполномоченныхъ для заключенія уніи на сеймъ, который долженъ былъ собраться въ Краковѣ ко дню св. Іоанна Крестителя (24 іюня) [70]). Посылка этихъ пословъ, однако, не состоялась. Но обстоятельства вскорѣ дали возможность полякамъ поставить этотъ вопросъ снова на очередь.

---

[68]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 509; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 134.

[69]) Иванъ Сопѣга, воевода Витебскій, Янъ Лятаворъ, староста Дорогицкій, и Янъ Кунцевичъ, державца Радуньскій.

[70]) Acta Tomiciana II, № XXXV, XXXVI.

§ 4.

Отношенія великаго княжества къ татарамъ сложились довольно благопріятно. Разгромъ татарскихъ полчищъ, произведенный соединенными польско-литовскими войсками подъ Вишневцомъ 28 апрѣля 1512 года, на время обуздалъ дерзость татаръ и принудилъ ихъ оставить въ покоѣ западную Русь. Менгли-Гирей прислалъ заложникомъ внука Джелалъ-аль-дина и пословъ для заключенія мира и союза съ польско-литовскимъ государемъ, что, наконецъ, и состоялось на условіи ежегодной посылки хану 15 т. золотыхъ отъ Литвы и Польши [71]). Но въ то самое время, какъ миновала одна опасность, надвинулась другая, и притомъ еще большая. Въ Москвѣ узнали о союзѣ Литвы съ Крымскимъ ханомъ и этому союзу приписали нападеніе крымскихъ татаръ на приокскую украйну, произведенное въ маѣ 1512 года. Это дало поводъ московскому государю къ возобновленію военныхъ дѣйствій противъ великаго княжества. Въ самомъ концѣ 1512 года, московскія войска подъ личнымъ начальствомъ великаго князя вступили въ литовскіе предѣлы, облегли Смоленскъ и пытались взять его приступомъ. Литва застигнута была врасплохъ этимъ нападеніемъ. Не было даже господаря, который пребывалъ въ Польшѣ, занятый проведеніемъ своихъ проектовъ объ оборонѣ государства на сеймахъ и сеймикахъ. Поэтому паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу пословъ, воеводу Полоцкаго Альбрехта Мартиновича Гаштольда и маршалка Александра Ивановича Ходкевича, съ извѣстіемъ о нападеніи москвитянъ и съ просьбою, чтобы поляки отпустили поскорѣе короля въ великое княжество и были «радни и помоцни напротивко тому неприятелеви королевского маестату» [72]). Коронные паны выразили сожалѣніе относительно «пригоды жалобливое», которая сталась великому княжеству отъ непріятеля Московскаго, заявили, что они принимаютъ эту «пригоду» такъ же близко къ своему сердцу, какъ если бы она случилась съ ихъ собственною страною, и обѣщали въ томъ случаѣ, если непріятель не отстанетъ отъ своего злого умысла, съ королемъ и со всѣми землями «ся поразумѣти и радити», какъ учинить ему отпоръ, и помочь великому княжеству по мѣрѣ возможности. Но короля они отказались отпустить подъ тѣмъ предлогомъ, что въ данный мо-

---

[71]) *K. Pulaskiego* Stosunki z Mendli-Girejem str. 175—183.

[72]) Это посольство было принято въ Познани, гдѣ находился тогда король, около половины марта (Acta Tomiciana II, № CCIV).

ментъ его пріѣздъ въ Литву будетъ безполезенъ: непріятель врядъ ли можетъ долго вести свое предпріятіе въ такое неудобное время; между тѣмъ король чрезвычайно нуженъ Польшѣ. При этомъ коронные сенаторы не преминули напомнить литовцамъ о томъ, что надо наконецъ привести къ доброму концу «зъедноченье» короны съ великимъ княжествомъ: чѣмъ большая «ласка и милость певнейшая» будетъ сохраняться съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ успѣшнѣе и славнѣе будетъ и оборона обоимъ государствамъ, которою будетъ устрашонъ каждый непріятель [73]).

Москвитяне дѣйствительно отстали отъ своего предпріятія и отступили отъ Смоленска, какъ только стала приближаться весенняя распутица. Но въ іюнѣ 1513 г. московскія войска снова подошли къ Смоленску подъ личнымъ начальствомъ великаго князя и возобновили попытки овладѣть этимъ городомъ [74]). На этотъ разъ поляки ужъ не удерживали Сигизмунда, и король 27 іюня прибылъ въ Мельникъ съ небольшимъ числомъ своихъ дворянъ. Здѣсь короля уже встрѣтили паны-рада великаго княжества, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе его возвращенія. Безъ малаго мѣсяцъ король пробылъ въ Мельникѣ, совѣщаясь съ панами-радою о положеніи дѣлъ, и продолжалъ это въ Вильнѣ, куда пріѣхалъ 11 августа [75]). Кояловичъ говоритъ, что король въ Мельникѣ и Вильнѣ совѣщался cum ordinibus, такъ что по разсказу его выходитъ, что въ Мельникѣ и Вильнѣ въ 1513 г. собирался великій соймъ [76]). Но всѣ данныя заставляютъ думать, что въ Мельникѣ и Вильнѣ во вторую половину 1513 года происходилъ сеймъ только пановъ-рады, а не великій соймъ. Акты Литовской Метрики говорятъ только о бытности при господарѣ пановъ-рады и не упоминаютъ о другихъ «станахъ» великаго княжества [77]) Съ ихъ показаніями вполнѣ сходится и извѣстіе Мартина Бѣльскаго, который говоритъ, что король, прибывъ изъ Польши въ Литву въ августѣ, созвалъ на сеймъ литовскихъ пановъ (w Wilnie na Pany Litewskie seym złożył), и совѣщался съ ними сначала о мирѣ, а потомъ о войнѣ съ Московскимъ государемъ; на совѣщаніи рѣшено было нанять 10 т. польской конницы и 2 тысячи пѣхоты, а ранѣе наемнаго войска двинуть земское ополченіе великаго княжества [78]).

---

[73]) Acta Tomiciana II, № CCIV.

[74]) *Карамзинъ*, т. VII, стр. 35 по изд. Эйнерлинга.

[75]) Acta Tomiciana II, № CCLVI—CCLXXXIX; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572, 573, 575; IX, л. 41, 69—71, 169.

[76]) Historiae Litvanae pars II, p. 351.

[77]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 143, 145, 156.

[78]) Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 144. Изъ посланія короля Сигизмунда на Петрковскій сеймъ, собиравшійся въ мартѣ 1514 года, видно, что

Кояловичъ на основаніи своихъ источниковъ дополняетъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что первѣйшіе паны радные (principes senatus) убѣдили короля предварительно испробовать мирныя средства и послать къ великому князю Московскому гонца съ просьбою объ опасной грамотѣ для великихъ пословъ, которыхъ и уполномочить вести переговоры о мирѣ [79]). Все это такія совѣщанія, которыя обыкновенно имѣли мѣсто въ кругѣ пановъ-рады. Великаго сойма не было еще и въ январѣ 1514 года. Въ этомъ мѣсяцѣ господарь съ панами-радою разбиралъ одно сложное дѣло о наслѣдствѣ. На это наслѣдство предъявляли притязанія нѣсколько лицъ, и у каждаго изъ нихъ было духовное завѣщаніе умершаго владѣльца, который, кромѣ того, одному изъ нихъ двѣ трети имѣнья записалъ «въ сумѣ пенязей». Король, прослушавъ съ панами-радою это казусное дѣло, не постановилъ по немъ рѣшенія, но отложилъ его *«до великого сойму»*: «маемъ то с паны *и со всею землею* обмовити, которымъ обычаемъ то встановити, какъ бы и на потомъ потому жъ было сужено» [80]). Итакъ, великому сойму, имѣвшему собраться въ непродолжительномъ времени, предстояло установить новый законъ. Фактъ—въ высшей степени знаменательный, какъ новое свидѣтельство того, что компетенція великаго сойма расширялась по иниціативѣ самого правительства, передававшаго на обсужденіе и рѣшеніе князей, пановъ и шляхты различные вопросы, близко касавшіеся ихъ интересовъ.

Въ настоящемъ случаѣ главными такими вопросами, которыми предстояло заняться великому сойму, были вопросы, связанные съ предстоящею войною. Хотя высланныя противъ москвитянъ войска одержали надъ ними нѣсколько побѣдъ, освободили отъ осады Полоцкъ и заставили великаго князя Московскаго удалиться отъ Смоленска восвояси [81]), но все это еще не предвѣщало окончанія войны. Сигизмунду было извѣстно, что Московскій государь надѣется на помощь цесаря Максимиліана, съ которымъ у него уже давно шли переговоры о союзѣ противъ Польши, а также на помощь Альбрехта Прусскаго,

---

литовскіе паны остановились на нѣсколько меньшей цифрѣ, на 7000 жолнеровъ (Acta Tomiciana III, № XLVII).

[79]) Historiae Litvanae pars II, p. 351. Гонецъ былъ посланъ, и съ нимъ вмѣстѣ паны радные отправили письмо къ московскимъ боярамъ съ просьбою о содѣйствіи имъ въ заключеніи мира между обоими государствами (Акты Зап. Рос. II, № 84).

[80]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 149, 150.

[81]) Acta Tomiciana II, № CCCXXIII, CCCXXV, CCCL, CCCLIX.

желавшаго вернуть Ордену земли Поморскую и Прусскую, завоеванныя Казимиромъ IV, и освободиться отъ вассальнаго подчиненія Польшѣ. Приходилось, слѣдовательно, готовиться къ борьбѣ, и притомъ, по всѣмъ признакамъ, еще болѣе тяжкой, чѣмъ предыдущая. Мы видѣли, что на совѣщаніи съ панами-радою рѣшено было нанять польскую конницу и пѣхоту. Но для расплаты нужны были деньги, а денегъ въ скарбѣ не было, какъ это видно изъ письма польскаго подканцлера Томицкаго, находившагося при королѣ въ Вильнѣ, къ воеводѣ Краковскому и коронному гетману Николаю Каменецкому [82]). Поэтому еще въ началѣ ноября 1513 г. Сигизмундъ съ панами-радою рѣшили созвать въ Вильнѣ вальный соймъ (conventum generalem), который долженъ былъ дать правительству денежную субсидію для предстоящей борьбы [83]).

Великій соймъ собрался къ началу февраля 1514 года и, судя по датамъ актовъ, продолжался весь февраль и въ первыхъ числахъ марта [84]). Король предложилъ станамъ сейма вопросъ, желаютъ ли они продолжать войну съ великимъ княземъ Московскимъ или принять миръ на тяжкихъ и позорныхъ условіяхъ. Тѣ отвѣчали, что они предпочитаютъ бороться до послѣднихъ силъ, чѣмъ покупать миръ цѣною уступки Смоленска или перемирія цѣною выдачи плѣнныхъ. Для веденія войны постановили нанять семь тысячъ польскихъ жолнеровъ, а для уплаты имъ жалованья дать *поголовщину* въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и золотого съ урядниковъ и сановниковъ государства (ex procerum demum et primorum omnium per florenum) [85]). Другое постановленіе, состоявшееся на томъ же соймѣ, касалось отправленія военной службы. Король съ панами-радою «и тежъ со всими землями и поддаными великого князьства Литовского» установили строгую «уставу» относительно

---

[82]) Acta Tomiciana III, № C.

[83]) Acta Tomiciana III, № III.

[84]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 252, 580, 581; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII.

[85]) Acta Tomiciana III, № XLVII, C. Срав. *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 60. Спб. 1882. Здѣсь эта поголовщина названа *серебщиною*. 26 мая того же 1514 г. были установлены слѣдующія цѣны для закупки продовольствія жолнерамъ: за вола 40 гр., за яловицу 20, за вепра 15, за барана 6, за три курицы 1 грошъ, за пару гусей 1 грошъ, за копу жита стараго 6 грошей, новаго — 3 гроша, за копу овса 3, за бочку овса 5, за бочку жита 8 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653).

тѣхъ, кто не посиѣетъ къ сроку на господарскую службу: постановлено было карать таковыхъ «шіями и имѣньи»[86]).

На этомъ сеймѣ, по сообщенію бывшаго тогда въ Вильнѣ бискупа Перемышльскаго Петра Томицкаго, станы сойма подали господарю три просьбы, а именно: чтобы при господарѣ въ бытность его въ великомъ княжествѣ отправляли свои должности литовскіе урядники, а не польскіе; чтобы господарь далъ имъ писаныя права и законы, и наконецъ, чтобы оставался въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не прекратится война[87]). Такъ уже рано заявлены были тѣ требованія, съ которыми выступала шляхта и на послѣдующихъ сеймахъ до самой Люблинской уніи. Просьба о дарованіи писаныхъ правъ и законовъ едва ли не была внушена обращеніемъ правительства къ станамъ сейма по поводу разныхъ казусныхъ дѣлъ, встрѣтившихся въ судебной практикѣ, на подобіе того, о которомъ было сообщено выше. При этомъ съ особою рѣзкостью обнаружилась необходимость для судебной практики имѣть руководство въ кодексѣ писанныхъ законовъ. Что касается перваго требованія, то инициатива его, конечно, вышла изъ среды тѣхъ самыхъ урядниковъ, которые оскорблены были предпочтеніемъ, оказываемымъ полякамъ, и станы сейма только поддерживали ихъ требованіе. Такъ разнообразно сеймовая практика будила въ станахъ сейма политическую мысль, развивала въ нихъ политическіе интересы и стремленія. Все работало въ этомъ направленіи: и тѣ предложенія, которыя дѣлалъ на сеймѣ господарь, и тѣ желанія, которыя предъявляли государственные сановники, и то вообще знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, которое выносилось съ сейма.

Сильная опасность, угрожавшая великому княжеству, заставила литовцевъ обратиться за помощью въ Польшу и вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости отвѣтить и на послѣднее предложеніе коронныхъ сенаторовъ касательно подтвержденія уніи. Паны-рада, бывшіе на сеймѣ, отправили съ этою цѣлью въ Польшу пословъ, пана Александра Ивановича Ходкевича и каноника Стефана (Щепана), господарскаго секретаря. Чрезъ этихъ пословъ литовцы напоминали полякамъ, что предки ихъ всегда помогали коронѣ Польской, и не только деньгами, но и «сами своими персунами», отъ каковой помощи корона польская получила много чести и пользы. Поэтому они просили поляковъ оказать помощь, не откладывая ее на другое время, «безъ жадное вымовы», такъ

[86]) Акты Зап. Рос. II, № 88.

[87]) Acta Tomiciana III, № C.

какъ обстоятельства не терпятъ промедленія, и обѣщали съ своей стороны впредь оказывать таковую же помощь полякамъ. Что касается «стародавныхъ списовъ» и утвержденія уніи обоихъ государствъ, то паны-рада великаго княжества обѣщали устроить все это на свободѣ, когда кончится война, «порозумене оземши с княжаты и паняты и з землями, которыи суть привлащоны ку панству господаря нашого великому князству Литовскому», и притомъ такъ, «какъ бы было на обе стороне равно, безъ пониженя чти обоихъ паньствъ какъ корупы Полское, такы великого князьства Литовского».

Коронные сенаторы съ отвѣтомъ на эти рѣчи въ половинѣ марта отправили въ Вильну Люблинскаго воеводу и маршалка королевства. Послы должны были напомнить литовцамъ, что и великое княжество получило не мало помощи отъ поляковъ, особенно противъ Москвы и татаръ, и выставить на видъ, что о поновленіи уніи надо де стараться прежде всего, такъ какъ «черезъ тое розлучене панове литовские смѣльшихъ неприятелей чынять напротивку собе и напротивку насъ»; когда же узнана будетъ «слушная едность панствъ», тогда и непріятели будутъ страшиться. Что касается помощи великому княжеству, то коронные сенаторы объявляли, что у нихъ на предстоящій годъ принято на службу людей больше, чѣмъ нужно для короны; этими людьми королю предоставлено распоряжаться такъ, какъ если бы они наняты были на собственныя средства короля, и направлять ихъ всюду, «гдѣ бы большие шкоды были»; кромѣ того, если бы король, «некакою великою и кгвалтовною потребою тамъ бы былъ утисканъ», то многіе изъ пановъ-рады и рыцарства обѣщали лично придти на помощь къ королю [88]).

Дѣло о подтвержденіи уніи и на этотъ разъ не пошло далѣе предварительныхъ переговоровъ. Литовцамъ дѣйствительно было не время совѣщаться объ этомъ предметѣ, когда необходимо было все вниманіе обратить на востокъ, откуда съ наступленіемъ весны приходилось ожидать нападенія.

§ 5.

Въ апрѣлѣ 1514 года король отправилъ Польшу листы къ извѣстнымъ тогда «ротмистрамъ» съ порученіемъ навербовать 2200 конныхъ и 2000 пѣшихъ жолнеровъ и привести ихъ въ Берестье къ 20 мая [89]).

---

[88]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569, прил. № 1. Москва 1897 (Оттискъ изъ II тома Трудовъ Славянской Комиссіи при Импер. Москов. Археол. Общ.); Acta Tomiciana II, № XLIX.

[89]) Feria proxima post festum ascensionis Domini proximum. Но этотъ день въ 1514 году приходился какъ разъ на 20-е мая.

Каждому конному жолнеру обѣщано было по десяти злотыхъ польскихъ на четверть года, а ротмистрамъ за труды и службу по десяти злотыхъ за каждые 30 коней; пѣшимъ жолнерамъ обѣщано было по 6 злотыхъ за каждую четверть года. Король отправилъ подскарбія дворнаго Ивашка съ деньгами для уплаты аванса жолнерамъ и ротмистрамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми ними онъ назначилъ Яна Свирчевскаго, которому поручилъ произвести жолнерамъ смотръ и перепись въ Берестьѣ [90]) и вести ихъ подъ своею командою на театръ военныхъ дѣйствій [91]). Но прежде, чѣмъ это произошло, московскія войска вторгнулись въ предѣлы великаго княжества и осадили Смоленскъ («по святомъ Николѣ о тыйждень»). Сигизмундъ немедленно (20 мая) послалъ въ Польшу деньги и листы новымъ ротмистрамъ съ порученіемъ навербовать еще 1600 конницы и 1000 пѣхоты и привести ихъ въ Берестье ко дню ап. Петра и Павла (29 іюня) [92]); тѣмъ же, которые уже собрались въ Берестьѣ, король приказалъ двинуться къ Минску, куда ко дню Іоанна Предтечи (24 іюня) должно было собраться и земское ополченіе великаго княжества [93]). Это ополченіе собиралось, по словамъ Томицкаго, медленно и лѣниво. Отъ литовской шляхты не отставали въ этомъ отношеніи и жолнеры. Послѣ смотра, произведеннаго въ Минскѣ, оказалось, что многіе изъ нихъ остались въ Берестьѣ. Король, скрѣпя сердце, принужденъ былъ посылать съ нимъ особый листъ съ приказомъ поспѣшить на службу [94]). Въ концѣ іюля король самолично прибылъ къ войску въ Минскъ съ тѣмъ, чтобы вести его на выручку Смоленска. Но оказалось уже поздно. Пока литовцы не спѣша собирались на войну, Московскій государь лично выступилъ въ походъ на помощь своему войску, осаждавшему Смоленскъ. Съ удвоенными усиліями москвитяне принялись теперь осаждать Смоленскъ, который и сдался имъ, наконецъ, 30 іюля.

Извѣстіе о взятіи Смоленска тронуло поляковъ, которые теперь ясно поняли серьезную опасность, угрожавшую великому княжеству. Опасались, что примѣръ смолнянъ подѣйствуетъ заразительно и на другихъ русскихъ подданныхъ великаго княжества и побудитъ ихъ также отдаться подъ власть могущественнаго единовѣрнаго государя. Поэтому поляки поспѣшили на помощь къ своему королю въ Минскъ.

---

[90]) Acta Tomiciana III, № LXXIII, LXXV, CXXII, CXXXI.

[91]) Acta Tomiciana III, № CLXXI; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 653.

[92]) Acta Tomiciana III, № CXXXI.

[93]) Acta Tomiciana III, № LXXXI; Акты Зап. Рос. II, № 88.

[94]) Acta Tomiciana III, № CLXXVI.

Кромѣ войска, нанятаго на счетъ короннаго скарба, къ королю прибыли добровольцы изъ знатныхъ польскихъ фамилій съ отрядами своихъ слугъ. Со всѣмъ этимъ войскомъ король двинулся изъ Минска къ Борисову. Произведя здѣсь смотръ и подсчетъ войску, король отправилъ его противъ непріятеля подъ главнымъ начальствомъ кн. Константина Ивановича Острожскаго, а самъ остался въ Борисовѣ ожидать исхода борьбы.

На этотъ разъ счастье повезло литовцамъ, и они нанесли москвитянамъ страшное пораженіе подъ Оршею 8 сентября 1514 года и заставили великаго князя московскаго поспѣшно отступить во-свояси. Но всѣ усилія ихъ отвоевать обратно Смоленскъ остались тщетными. Наступившая зима, утомленіе и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, заставили литовцевъ снять осаду Смоленска и разойтись по домамъ. Король по представленію гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго разрѣшилъ ему распустить земское ополченіе великаго княжества. Но наемныя войска на всякій случай разставлены были по украиннымъ городамъ [95]).

Пораженіе, нанесенное москвитянамъ подъ Оршею, заставило ихъ на время прекратить военныя дѣйствія, и король, не предвидя въ ближайшемъ будущемъ большой опасности для великаго княжества со стороны Москвы, въ началѣ января 1515 года уѣхалъ въ Польшу. За этотъ годъ ему удалось достигнуть одного существеннаго результата въ своей внѣшней политикѣ — расположить въ свою пользу цесаря Максимиліана. Въ іюлѣ 1515 г. Сигизмундъ и братъ его Владиславъ, король Венгерскій и Чешскій, съѣхались въ Вѣнѣ съ Максимиліаномъ для совѣщанія объ установленіи общаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. На этомъ конгрессѣ Максимиліанъ, по своимъ политическимъ видамъ на Венгрію и Чехію желавшій дружить съ обоими братьями, обѣщалъ Сигизмунду свое посредничество въ примиреніи съ Москвою. Кромѣ того, литовцамъ оказали не малую услугу Крымскіе татары, которые весною 1515 года сдѣлали вторженіе въ Сѣверскую украйну Московскаго государства и вывели оттуда много полона [96]). Москва казалась столь обезсиленной и неопасной, что наемныя войска, разставленныя по украиннымъ городамъ великаго княжества, перешли въ наступленіе и начали вторгаться въ пограничныя москов-

---

[95]) Acta Tomiciana III, № CCCXXXV, CCCLXXXI.

[96]) *K. Pułaskiego* Machmet-Girej, chan Tatarów perekopskich i stosunki jego z Polską (Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 285, 286. S. Petersburg 1898).

скія волости, жечь селенія, грабить жителей и уводить ихъ въ плѣнъ[97]). Но несмотря на все это, борьба съ Московскимъ государствомъ продолжала ставить такія трудныя задачи литовскому правительству, для рѣшенія которыхъ оно нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ великаго княжества. Поэтому къ началу декабря 1515 года Сигизмундъ созвалъ въ *Берестъѣ великій соймъ*, на который и самъ лично прибылъ 5 декабря [98]).

Хотя не всѣ еще станы сойма были въ сборѣ (по словамъ одного изъ лицъ польской свиты, прибывшей съ королемъ, боялись ѣхать въ Берестье по случаю мародеровъ), но собраніе все-таки было многолюдное. Прибывшіе съ королемъ поляки едва могли найти себѣ помѣщенія, такъ какъ всѣ уголки въ городѣ были заняты литовцами. Съѣстные припасы страшно вздорожали. Народу стеклось множество, а подвозъ почти прекратился по случаю зимней распутицы и блужданія мародеровъ. Кромѣ становъ сойма, въ Берестьѣ находились ротмистры и другіе офицеры наемныхъ войскъ. Давно уже не получая условленнаго жалованья, они свели свои роты съ украинныхъ замковъ въ глубь государства, а сами прибыли въ Берестье и здѣсь вымаливали у пановъ радныхъ свое «заслуженое». Денегъ въ скарбѣ по обычаю не было, а между тѣмъ государство и впредь не могло обойтись безъ услугъ этихъ жолнеровъ. Необходимость въ полученіи для этой цѣли новой субсидіи и была, очевидно, причиною созыва *великаго Берестейскаго сойма конца 1515 и начала 1516 года.*

Станиславъ Гурскій въ своемъ комментаріи о дѣяніяхъ Сигизмунда I и вслѣдъ за нимъ М. Бѣльскій въ своей хроникѣ разсказываютъ, что по прибытіи въ Литву король нашелъ настроеніе умовъ, неблагопріятное войнѣ: истощенные продолжительною войною и частыми поборами, литовцы не согласились устанавливать никакого побора для военныхъ надобностей, стараясь отдѣлаться отъ польскихъ жолнеровъ, и рѣшили продолжать борьбу собственными силами. Очевидно, что это имѣло мѣсто именно на великомъ Берестейскомъ соймѣ, который созывался для полученія субсидіи на содержаніе жолнеровъ. Вслѣдствіе этого король, расплатившись съ жолнерами, распустилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что надѣялся на скорое заключеніе мира при посредствѣ цесаря Максимиліана [99]).

---

[97]) Acta Tomiciana III, № CDXXXIII.

[98]) Acta Tomiciana III, № DXCVII, DXCVIII.

[99]) Acta Tomiciana IV, № I; Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 170.

Акты Литовской Метрики даютъ намъ возможность узнать, откуда король досталъ средства для расплаты съ жолнерами. Оказывается, что король прибѣгъ въ настоящемъ случаѣ къ займамъ у отдѣльныхъ лицъ литовской аристократіи, которымъ въ обезпеченіе долга «заставилъ» свои земли и дворы съ правомъ получать съ нихъ господарскіе доходы въ качествѣ процентовъ, впредь до уплаты долга. Такимъ образомъ, у воеводы Новгородскаго, старосты Дорогицкаго Яна Яновича Заберезинскаго король взялъ 1000 золотыхъ угорскихъ, «добрыхъ а важныхъ», и въ обезпеченіе этой суммы заставилъ ему дворъ *Немонойти* съ волостью (23 дек. 1515 г.) [100]); у него же король взялъ 900 копъ грошей подъ заставу замка *Дорогичина* съ волостью [101]). У маршалка Яна Якубовича Щитовича король взялъ 600 копъ грошей и заставилъ ему дворъ Троцкаго повѣта *Василишки* со всѣми людьми Василишскаго повѣта (29 декабря 1515 г.); у подкоморія, намѣстника Ейшишскаго, пана Андрея Якубовича Довойновича—500 коп. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Ейшишки* со всѣми людьми Ейшишскаго повѣта (3 января 1516 г.) [102]); у маршалка и писаря пана Богуша Боговитиновича 600 копъ гр. съ заставою ему двора Троцкаго повѣта *Довкговъ* (5 янв. 1516 г.); у пана Миколая, старостича Жомойтскаго, намѣстника Оникштенскаго, 1000 копъ гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ *Оникшты* (7 янв. 1516 г.) [103]); у подчашія, старосты Городенскаго, пана Юрія Миколаевича Радивиловича—500 к. грошей съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Скидель* (9 января 1516 г.) [104]); у конюшія дворнаго и Троцкаго, намѣстн. Волкиницкаго и Лепунскаго, пана Якуба Кунцовича—400 к. гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворы *Волкиники и Лепунь* (25 янв. 1516 г.) [105]).

---

[100]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229.

[101]) Судья и всѣ земяне Дорогицкаго повѣта, узнавъ объ этомъ, выпросили было у короля дозволенье отложить пану Заберезинскому 900 копъ и въ погашеніе этого долга брать господарскіе доходы съ Дорогичина въ теченіе пяти лѣтъ, по окончаніи которыхъ Дорогичинъ долженъ былъ снова вернуться въ пользованіе господаря (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118). Но этотъ выкупъ почему-то не состоялся, и Дорогичинъ отъ Заберезинскаго перешелъ въ заставу къ пану Яну Миколаевичу Радивиловича, а послѣ его смерти, въ 1522 г., къ воеводѣ Подляшскому Янушу Костевича (*Bonieckiego* Poczet rodów, str. 148).

[102]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229—231.

[103]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. прилож. № 25, 26.

[104]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111.

[105]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, № 27.

у кн. Василья Андреевича Полубенскаго 600 копъ гр. съ правомъ держать въ заставѣ дворъ Троцкаго повѣта *Жолудокъ* (26 янв. 1516 года) [106]; у воеводы Троцкаго 300 копъ грошей [107]. Кромѣ займовъ у отдѣльныхъ лицъ, король распорядился собрать серебщину съ своихъ имѣній «на середопостье прийдучье». Объ этомъ можно заключить по записямъ Литовской Метрики. Первая изъ этихъ записей гласитъ: «Въ Берестьи на сойме великомъ Берестейскомъ, месеца генв. 24 день, индык. 4 господаръ корол его милость взял к великой потребе и земъской въ пана воеводы Троцкого трыста копъ грошей литовскихъ; на то далъ ему листъ до подскарбего пана Аврама, абы заплатилъ съ скарбу *съ серебщинныхъ пенязей* на рокъ *на середопостье прыдучое»* [108]. Ясно, такимъ образомъ, что къ середопостью должна была собраться въ скарбѣ серебщина. Но другая запись, относящаяся къ той же самой серебщинѣ, приводитъ къ заключенію, что ее положено было собрать только съ господарскихъ имѣній, съ земскихъ же имѣній взамѣнъ ея предполагалось выставить опредѣленное число ратниковъ для постоянной службы. Запись эта гласитъ: «Господаръ король его милость казалъ про паметь записати: што положилъ его милость—на свою землю, отчизну его милости великое князьство Литовское, *серебщину* брати, ино татарамъ его милость всимъ, которыи суть у великомъ князьстве, серебщину отпустилъ; нижли мають они тыми разы выправити на службу его милости сто коней, какъ слушить ку службе, а на весну за ся мають быти готовы на службу его милости и земъскую безъ всякого датку его милости и вымовенья» [109]. Хотя эта запись относится къ татарамъ, но она, очевидно, имѣетъ въ виду приравненіе ихъ въ отношеніи повинностей къ остальнымъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ, какъ это всегда бывало и до, и послѣ настоящаго случая. Распоряженіе господаря имѣло въ виду распространить сеймовую ухвалу и на татаръ, которые, не принадлежа къ станамъ сейма, были, однако, съ ними равны въ отношеніи государственныхъ повинностей. Такое толкованіе вполнѣ сходится съ извѣстіями Гурскаго и Бѣльскаго и дополняетъ ихъ существенною подробностью. Выходитъ, такимъ образомъ, что станы сойма, отказавъ королю въ серебщинѣ на содержаніе польскихъ жолнеровъ, взялись замѣнить ихъ и нести гарнизонную постоянную службу въ опредѣленномъ числѣ ратниковъ.

---

[106]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113—114.
[107]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.
[108]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 593, 594.
[109]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 334.

Ходъ событій въ самомъ непродолжительномъ времени вызвалъ созывъ новаго великаго вальнаго сойма. Послы императора Максимиліана, отправленные къ великому князю Московскому для переговоровъ о заключеніи мира между воюющими сторонами, принесли отъ него такія условія мира, на которыя Сигизмунду, недавнему побѣдителю, было трудно согласиться: Василій требовалъ, чтобы король по старинѣ прислалъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Не желая исполнять это унизительное требованіе и предвидя продолженіе борьбы, Сигизмундъ *въ маѣ того же 1516 года* созвалъ второй *великій соймъ въ Вильнѣ* [110]). Очевидно, Сигизмундъ хотѣлъ заручиться и на этотъ разъ поддержкою землевладѣльцевъ великаго княжества. Изъ письма короля Сигизмунда къ короннымъ сенаторамъ мы узнаемъ, что станы сейма (consiliarii et subditi) взялись кровью и достояніемъ своимъ нести бремя войны и приняли извѣстныя рѣшенія, чтобы во всеоружіи встрѣтить врага, откуда бы онъ ни появился [111]). Эти рѣшенія касались сбора и отправленія на войну земскаго ополченія великаго княжества. Между прочимъ здѣсь была выработана такса, по которой военные люди имѣли право брать у населенія съѣстные припасы реквизиціоннымъ путемъ [112]). Кромѣ того, станы сойма рѣшили дать господарю серебщину на наемъ служебныхъ людей [113]).

На Виленскомъ сеймѣ 1516 г. королю, очевидно, подавались жалобы отъ пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ на различныя насилія и обиды, чинимыя съ польской стороны. Поэтому король для разбирательства этихъ дѣлъ назначилъ на этомъ же сеймѣ комиссаровъ со стороны великаго княжества. Комиссарами по границѣ начиная отъ Тыкотина и далѣе до Дорогичина, Мельника, Берестья и Ратна должны были быть пограничные литовскіе старосты, т. е. Городенскій, Бѣльскій, Дорогицкій, Мельницкій и Ковельскій, судьи подляшскихъ повѣтовъ и подсудки и земяне добрые старые, знающіе границы; комиссарами для разбирательства дѣлъ по границѣ отъ Ратна и далѣе на югъ

---

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125; *М. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141.

[111]) Acta Tomiciana IV, № XXXVIII.

[112]) Zbiór praw litewskich, str. 117.

[113]) Объ этомъ сообщаетъ самъ Сигизмундъ въ письмѣ къ польскимъ сенаторамъ изъ-подъ Полоцка, куда онъ прибылъ съ войскомъ въ августѣ 1517 г.: confecimusque non vulgarem exercitum militum mercenariorum nullo alio adminiculo quam contributione horum subditorum nostrorum (Acta Tomiciana IV, № CCXLIII). Срав. *Lubomirskiego* Trzy rozdziały w history, Scarbowisci, str. 57.

назначены были кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича и староста Владимірскій кн. Андрей Сангушковичъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи, содержащееся въ записи Литовской Метрики [114]), является прямымъ опроверженіемъ сообщенія Кояловича, будто на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 года Сигизмундъ даровалъ коронѣ Польской землю Дорогицкую, и будто бы эта уступка санкціонирована была станами сойма [115]). Кояловичъ, очевидно, понялъ, какъ актъ присоединенія къ коронѣ, привилей, выданный въ мартѣ 1516 года, въ силу котораго въ Дорогицкой землѣ должны были дѣйствовать польскія узаконенія, появившіяся послѣ выдачи этой землѣ первыхъ привилеевъ при Казимирѣ и Александрѣ [116]).

§ 6.

Заручившись денежною субсидіею на наемъ служебныхъ, господарь и паны-рада великаго княжества отправили въ Польшу уполномоченныхъ вербовать жолнеровъ. Но по этой части они встрѣтили большія затрудненія въ постановленіи польскаго сейма, чтобы монета литовская принималась въ Польшѣ по ея нарицательной стоимости, между тѣмъ какъ дѣйствительная ея цѣнность была выше. Жолнеры не хотѣли принимать литовскую монету по ея вѣсовой цѣнѣ, и это обстоятельство затормозило наборъ [117]). Великое княжество въ теченіе всего 1516 г. оставалось безъ наемныхъ войскъ, что въ свою очередь отразилось самымъ невыгоднымъ образомъ на ходѣ войны. Въ августѣ этого года бояре Витебской земли вздумали отправиться въ Вильну съ жалобами на притѣсненія своего воеводы Януша Костевича. Москвитяне, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, напали на Витебскъ, сожгли мѣсто, окрестныя села и жатву и едва было не овладѣли замкомъ, гдѣ оставалась горсть людей, было мало провіанта и боевыхъ припасовъ. Только вѣсть о вторженіи Крымскихъ татаръ въ предѣлы Московскаго государства [118]) и приближеніи земскаго ополченія великаго княжества Литовскаго заставила москвитянъ снять осаду Витебска. Освободивъ Витебскъ, литовское войско отправилось добывать Гомель, но не имѣло

---

[114]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 350.

[115]) Historiae Lytvanae pars II, p. 367.

[116]) Zbiór praw litewskich, str. 118—121.

[117]) Acta Tomiciana IV, № LXVI.

[118]) Объ этомъ вторженіи см. *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 300, 301.

успѣха въ этомъ предпріятіи по неопытности и нераспорядительности начальниковъ, по отсутствію стойкости въ рядовыхъ воинахъ. Кромѣ того, при отсутствіи наемныхъ войскъ оказывалось невозможнымъ сосредоточивать военныя силы великаго княжества: приходилось нѣкоторыя мѣстныя ополченія держать въ предѣлахъ ихъ собственныхъ земель. Такимъ образомъ, Жмудская шляхта должна была подъ командою своего старосты оберегать свою землю отъ магистра Прусскаго, придвинувшаго къ ней свое войско, Волынская шляхта и Кіевская—стеречь свои земли отъ татаръ, которые, несмотря на договоръ, заключенный съ Махметъ-Гиреемъ въ 1516 г., вторгались въ польскія и литовскія украинныя области и натворили въ нихъ не мало бѣдъ [119]). Дѣла литовцевъ поправились нѣсколько только къ началу 1517 г., когда устранены были затрудненія съ пріемомъ монеты, и въ ихъ распоряженіи оказалось значительное наемное войско подъ начальствомъ все того же Яна Свирчевскаго [120]).

Съ наступленіемъ весны предполагалось возобновить военныя дѣйствія съ Москвою. Готовясь къ войнѣ, паны-рада великаго княжества отправили къ коронной радѣ на Петрковскій сеймъ, собиравшійся къ 10 февралю, пословъ съ просьбою о помощи и съ требованіемъ, чтобы поляки участвовали въ платежѣ поминковъ и другихъ расходовъ на Крымскихъ татаръ въ половинной суммѣ, какъ было нѣкогда условлено [121]). Поляки отказали литовцамъ по обоимъ пунктамъ: въ помощи—потому, что самой Польшѣ угрожаютъ враги, магистръ Прусскій и татары, въ уплатѣ расходовъ на татаръ—потому, что татары не перестаютъ нападать на Польшу, а слѣдовательно и поляки не обязаны уплачивать имъ поминковъ [122]). Литовцамъ слѣдовательно приходилось разсчитывать исключительно на свои собственныя силы и средства. Несмотря на это Сигизмундъ и его литовскіе совѣтники рѣшили возобновить наступательныя дѣйствія, чтобы заставить великаго князя Московскаго быть сговорчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Этимъ и объ-

---

[119]) Ibidem, str. 297, 298, 302—304.

[120]) Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 151; Acta Tomiciana IV, № CCLXXX. По извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, въ литовскомъ войскѣ въ 1517 г. были «Чахи, Ляхи и Угрове, Литва и Нѣмцы,... да иныхъ земель много Мураве, Мозошане, Волохи и Сербове и Татарове». См. Полное Собр. Рус. Лѣт. IV, 291, 292. Срав. также Scarbiec diplomatów II, № 2272.

[121]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 356—359.

[122]) Acta Tomiciana IV. № CCIII, CCIV; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 359—362.

ясняется тотъ странный, на первый взглядъ, фактъ, что почти одновременно съ посылкою въ Москву Яна Щита и Богуша для переговоровъ о мирѣ, Сигизмундъ изъ подъ Полоцка [123]) отправилъ свою рать въ предѣлы Московскаго государства для завоеванія Опочки. Въ этомъ войскѣ кромѣ земскаго ополченія великаго княжества были и наемные отряды подъ начальствомъ Яна Свирчевскаго.

Но эта диверсія не только не достигла своей цѣли, но имѣла, можно сказать, прямо противоположные результаты,—затянула переговоры о мирѣ и сдѣлала москвитянъ еще болѣе неуступчивыми. Василій, получивъ свѣдѣнія о вторженіи литовскаго войска, не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ литовскими послами, пока его воеводы не перевѣдаются съ литовскими людьми; когда же это случилось, и литовскіе люди вездѣ понесли уронъ, сдѣлался еще неуступчивѣе въ переговорахъ о мирѣ. Цесарскій посолъ Герберштейнъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, не добившись никакихъ положительныхъ результатовъ въ своей примирительной миссіи [124]). Точно также уѣхали ни съ чѣмъ и вторые послы, присланные Максимиліаномъ, Францискъ да Колло и Антоній де Конти. Василій требовалъ отъ короля присылки въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ, непремѣннымъ условіемъ котораго онъ ставилъ уступку Смоленской земли; для заключенія же перемирія требовалъ также присылки пословъ и взаимнаго обмѣна плѣнными. Сигизмундъ считалъ эти условія унизительными для великаго княжества Литовскаго и опасался, что всякія уступки Москвѣ поведутъ къ еще большимъ притязаніямъ съ ея стороны [125]). Въ переговорахъ прошелъ конецъ 1517 года и почти весь 1518 годъ, въ теченіе которыхъ происходили стычки между литовскими войсками, находившимися въ Полоцкой землѣ, и московскими отрядами, вторгавшимися въ предѣлы великаго княжества [126]). Къ концу 1518 года выяснилось, что нѣтъ надежды па скорое заключеніе мира или перемирія. Можно

---

[123]) Полоцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Сюда пріѣзжалъ и самъ король въ началѣ августа 1517 г. и пробылъ здѣсь до конца сентября; здѣсь онъ производилъ ревизію войску и назначилъ главныхъ его вождей, кн. К. И. Острожскаго и Яна Свирчевскаго (Acta Tomiciana IV, memorab. anni 1517, p. 194; Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 157).

[124]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. I, 1621—1625.

[125]) Acta Tomiciana IV, № CCCLXXXVI.

[126]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1029; *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 309—310.

было даже предвидѣть, что въ слѣдующемъ году война возгорится съ новою силою. Магистръ Прусскій Альбрехтъ объявилъ императору, что онъ не можетъ дальше отлагать разрѣшенія своей распри съ Польшею и будетъ добиваться своего при помощи оружія. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ переговоры съ Московскимъ государемъ, у котораго просилъ денежной субсидіи для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Сигизмунда. Съ другой стороны и въ Крыму взяли верхъ сторонники Московскаго государя, и ханъ Махметъ-Гирей помирился съ великимъ княземъ Василіемъ и заключилъ съ нимъ союзъ [127]). Литвѣ, такимъ образомъ, приходилось опять усиленно готовиться къ войнѣ.

Въ этой войнѣ, конечно, нельзя было обойтись безъ наемныхъ «служебныхъ» людей. Между тѣмъ средства литовскаго скарба были уже исчерпаны, и правительство расплачивалось съ «служебными», занимая у богатыхъ пановъ деньги подъ заставу господарскихъ имѣній. Очевидно, что серебщины, ухваленной на сеймѣ 1516 года, далеко не хватило на расплату съ служебными. Такимъ образомъ еще 25 апр. 1518 года король взялъ у пана Богуша Боговитиновича, маршалка и писаря, 400 копъ грошей въ добавленіе къ прежнимъ 600 копамъ, взятымъ на великомъ Берестейскомъ соймѣ 1516 г. подъ заставу двора *Довкговъ*, и во всей суммѣ—1000 копахъ заставилъ ему дворъ *Каменецъ* съ правомъ получать большую часть господарскихъ доходовъ и всѣ намѣстничьи [128]); 12 мая король взялъ у кн. Матѳея Микитинича, намѣстника Бирштанскаго, 2500 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Бирштаны* [129]); 4 іюля того же года господарь заставилъ въ 700 копахъ грошей пану Юрью Немировичу дворъ Троцкаго повѣта *Довкги*, спущенный ему паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ, пану Станиславу Григорьевичу Остику дворъ Троцкаго повѣта *Меречъ* въ 1000 копахъ грошей [130]); 7 іюля 1518 года заставленъ былъ пану

---

[127]) K. Pułaski, op. cit., str. 311.

[128]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 28.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7. Кн. Матѳей Никитиничъ «спустилъ» королю сумму, записанную на Бирштанахъ, 4 сентября 1536 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 216.

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 10, 11. По смерти Станислава Григорьевича, въ 1519 году, Меречъ перешелъ въ той же суммѣ къ пану Яну Яновичу Заберезинскому (Тамъ же, л. 27). Въ слѣдующемъ году 2 іюня король дозволилъ пану Юрью Миколаевичу отложить пенязи Яну Яновичу Заберезинскому и взять Меречъ въ держанье до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40—41).

Гринку Исаевичу Громыкѣ, намѣстнику Свислоцкому, замокъ *Свислочъ* съ волостью въ 600 копахъ грошей [131]); въ то же время паны-рада взяли у старосты Городенскаго пана Юрія Миколаевича тысячу копъ гр. и заставили ему дворы Городенскаго повѣта *Озера и Кринки* [132]); у него же взяли еще 200 копъ грошей въ добавленіе къ 400 копамъ и 300 золотымъ червонцамъ, которые взяты были у него подъ заставу *Мойшакголы* [133]); у пана Яна Заберезинскаго, воеводы Новгородскаго и державцы Марковскаго, господарь взялъ 2 августа 1000 копъ и заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ *Марково* [134]); у пана Юрія Ивановича Ильинича 1 октября взято было 500 копъ грошей подъ заставу «замка *Берестья* з мѣстомъ и з иншими пожитки» [135]); у воеводы Троцкаго пана Григорія Станиславовича Остика господарь взялъ 600 копъ грошей и заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ *Дорсунишки* съ мѣстомъ и волостью [136]); тогда же перезаставленъ былъ замокъ *Свислочъ* съ мѣстомъ и волостью уже въ 1000 копахъ грошей пану Войтеху Носиловскому [137]). Но всѣхъ этихъ средствъ не хватало для расплаты съ служебными, которые грозили уходомъ съ украинныхъ замковъ, буде не получать во время своего заслуженаго. Сигизмундъ долженъ былъ въ концѣ концовъ обратиться за субсидіею къ своимъ подданнымъ великаго княжества *и ко дню св. Мартина (11 ноября) 1518 г. созвалъ великій соймъ въ Берестьѣ*, куда и самъ прибылъ 15 ноября [138]). На этомъ соймѣ, продолжавшемся до 3 января 1519 г. [139]), господарь съ панами-радою и со всѣми подданными великаго княжества для тогдашней великой «потребы» господарской и земской «ухвалили» собрать *поголовщину* не только въ срединныхъ областяхъ великаго княжества, но и въ украинныхъ. Каждый панъ и каждый урядникъ долженъ былъ дать съ головы своей, жены и дѣтей по золотому, т. е. по 30 грошей; каждый шляхтичъ—по 2 гроша; простые люди по грошу [140]). Урядники

---

131) Лит. Метр. кн. Запис. X, л. 12.

132) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прил. № 29.

133) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 14.

134) Тамъ же, л. 13.

135) Тамъ же, л. 16.

136) Тамъ же, л. 16, 17.

137) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 18.

138) Acta Tomiciana V, № I, II.

139) Archiwum Sanguszków III, № CXCII, CXCIII, CXCV; Acta Tomiciana V, № 1.

140) Въ предшествующемъ 1517 г. цѣны продовольствія для жолнеровъ таксировались такимъ образомъ: волъ 60 грошей, корова дойная 40, яловица 20, ба-

господарскіе должны были сами выбрать съ своихъ людей поголовщину и отнести ее въ Вильну «вступивши въ постъ две недели», при чемъ должны были представить списки людей, съ которыхъ брали поголовщину, и принести присягу въ томъ, что ничего не утаили. Всѣ остальные землевладѣльцы должны были такимъ же порядкомъ вручить поголовщину особымъ бирчимъ, которыхъ должны были установить намѣстники господарскихъ дворовъ, а бирчіе должны были представить собранныя деньги панамъ Янушу Костевичу и Павлу Нарушевичу вмѣстѣ съ полученными отъ землевладѣльцевъ реестрами и принести присягу въ томъ, что отдаютъ сполна собранную поголовщину. За утайку поголовщины опредѣлено было отнимать имѣнье и отдавать тому, кто донесетъ объ этой утайкѣ [141]).

Кояловичъ разсказываетъ, что на этомъ же Берестейскомъ сеймѣ 1518 г. станы позволили пану Миколаю Радивиловичу II, воеводѣ Виленскому, принять княжескій титулъ, пожалованный ему цесаремъ Максимиліаномъ, какъ дядѣ князей Мазовецкихъ по матери [142]). Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ современнаго Кояловичу порядка вещей на болѣе раннее время. Въ дѣйствительности подобныя дозволенія до самой Люблинской уніи давались только господаремъ [143]).

Но служебнымъ надо было платить прежде, чѣмъ могла поступить въ скарбъ поголовщина, опредѣленная на великомъ Берестейскомъ соймѣ. Поэтому господарь на этомъ же соймѣ, «вчинившы раду с паны радами», сдѣлалъ новые займы подъ заставу своихъ имѣній «на выплаченье и для захованья служебныхъ». У пана Юрія Миколаевича Радивиловича, старосты Городенскаго и «гетмана дворянского», господарь взялъ 2800 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему *Городенъ* со всѣмъ повѣтомъ, дворами и волостями, кромѣ тѣхъ, которые

ранъ 4, вепръ 8, пара гусей 1 гр., три курицы 1 грошъ, копа жита стараго 6 гр., новаго—4 гр., копа пшеницы 8 гр., ячменю 4 гр., овса 3 гроша (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 345).

[141]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 262—264; Scarbiec diplomatów II, № 2279.

[142]) Historiae Litvanae pars II, p. 174. Миколай Радивиловичъ сталъ лично извѣстнымъ Максимиліану со времени Вѣнскаго конгресса 1515 года, на которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя великаго княжества (Acta Tomiciana III, p. 310).

[143]) См., напр., привилей пану Яну Еронимовичу Ходкевича на «кграбство» отъ 10 іюня 1568 года (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 170—172).

были отданы ему въ заставу особо [144]); у пана Якуба Кунцовича господарь взялъ 1000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Василишки* [145]); кн. Василью Семеновичу Жилинскому заставилъ замокъ *Кричовъ* въ 733 копахъ грошей (8 янв. 1519 г.) [146]); у кн. Василья Андреевича Полубенскаго взялъ (29 дек. 1518 г.) еще 100 копъ грошей подъ заставу двора *Жолудка*, уже заведеннаго раньше въ 600 копахъ грошей [147]); у кн. Петра Масальскаго 60 копъ грошей въ добавленіе къ 1000 копамъ, взятымъ подъ заставу двора *Стоклишекъ* (28 дек. 1518 г.) [148]); у пана Яна Завишича—500 копъ, которыя тотъ долженъ былъ выбрать съ *Любошанъ* въ теченіе шести лѣтъ [149]); у Яна Юрье-

---

[144]) Позже, въ мартѣ 1523 г., король взялъ у него въ добавленіе къ первоначальной суммѣ еще 200 копъ. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78, 79.

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19. Въ 1523 году ноября 12 король разрѣшилъ пану Якубу Кунцовичу взять 1000 копъ у подчашія пана Яна Миколаевича Радивиловича и передать ему дворъ Василишки въ заставу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ самъ держалъ (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 54—56).

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44. Въ 1521 г. іюля 22 князь Жилинскій получилъ Кричевъ «на выбиранье пенязей», т. е. съ правомъ погашать получаемыми доходами капитальную сумму долга, въ теченіе трехъ лѣтъ, а затѣмъ уже «врядомъ», т. е. на правахъ державцы «до живота» (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 53).

[147]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29.

[148]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 25, 26. Въ 1521 мая 1 король дозволилъ пану Якубу Кунцовичу отложить пенязи кн. Масальскому и взять дворъ Стоклишки въ заставу, а по уплатѣ ему долга держать «въ держаньѣ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 41, 42). Вскорѣ, однако, король нарушилъ этотъ привилей, отобралъ у Кунцовича Стоклишки и отдалъ ихъ въ держанье кн. Рязанскому. Кунцовичу король велѣлъ выдать деньги изъ скарба. Но Кунцовичъ умеръ, не получивъ своихъ денегъ, такъ какъ «зъ скарбу иншие а многие и пильные потребы справованы». Вдова его 18 окт. 1524 г. получила право выбрать эти деньги съ корчомъ въ дворахъ Мерецкихъ, Ейшишскихъ, Коневскихъ, Дубицкихъ, Волкиницкихъ и Пуньскихъ (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 79, 80).

[149]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44, 45. Но уже 7 іюля 1519 г. Янъ Завишичъ долженъ былъ взять свои 500 коп. грошей у кн. Василья Соломерецкаго и уступить ему Любошаны. Кн. Соломерецкій взялъ Любошаны «на выбиранье пенязей» въ теченіе трехъ лѣтъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л 42, 43). 21 февраля 1520 волость Любошаны перешла въ заставу къ пану Юрію Немировичу въ 500 коп. грошей; въ слѣдующемъ году онъ получилъ ее на выбиранье пенязей въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ въ держанье до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 40).

вича Глѣбовича также 500 копъ грошей подъ заставу *Жижморъ* [150]); у воеводы Троцкаго пана Григорія Станиславовича Остиковича 1000 копъ грошей подъ заставу двора *Утены* [151]); у сына его, крайчія Станислава Григорьевича, 2000 копъ грошей подъ заставу *Ушполь и Пенянъ* [152]); у маршалка Миколая Станиславовича, старостича Жмудскаго, 600 к. гр. подъ заставу двора *Ошмены* [153]); у пана Александра Ивановича Ходкевича 500 копъ подъ заставу *Остри̇ны* [154]); у пана Яна Юндиловича 600 копъ грошей подъ заставу дворовъ *Коневы и Дубичъ* [155]); у пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда (20 марта 1519 г.) 1500 копъ грошей подъ заставу замка *Мозыря* съ волостью Мозырскою и Бчицкою [156]). Повидимому, тогда же заставленъ былъ въ 1100 копахъ грошей *Высокій дворъ* Янушу Свирщовскому, гетману наемныхъ «служебныхъ» [157]); *Ковенъ* пану Авраму Езофовичу въ 10 ты-

---

[150]) Въ 1519 ав. 18 король дозволилъ пану Яну Завишичу отложить эту сумму Глѣбовичу и взять у него Жижморы на выбиранье пенязей въ теченіе 5 лѣтъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 56, 57).

[151]) По смерти его, въ 1519 г., король дозволилъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду выкупить Утену у наслѣдниковъ покойнаго воеводы и держать ее въ заставѣ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 38).

[152]) Въ 1519 году 9 сентября король дозволилъ пану Мик. Мик. Радивиловича, воеводѣ Виленскому, отложить пенязи вдовѣ умершаго Станислава Григорьевича и выбирать съ Ушполь и Пенянъ эти пенязи въ теченіе 9 лѣтъ, а затѣмъ держать ихъ «врядомъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57, 58).

[153]) Въ 1521 г. іюля 29 король дозволилъ пану Яну Юндиловичу отложить Миколаю Станиславовичу пенязи и взять Ошмену «на выбиранье пенязей» въ теченіе семи лѣтъ, а затѣмъ держать «врядомъ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 55). Въ 1522 году дворъ Ошмена попалъ было въ заставу къ паньѣ Войтеховой Юрьевича Носиловской въ 800 копахъ грошей, но панъ Янъ Яновичъ Забережинскій выхлопоталъ у короля дозволенье отложить ей пенязи и взять дворъ въ заставу въ 500 копахъ грошей, «спустивъ» такимъ образомъ королю 300 копъ (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85).

[154]) Въ 1520 іюня 11 король далъ Ходкевичу Остриину «на выбиранье пенязей» въ теченіе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ «въ держанье» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 45).

[155]) Въ 1520 іюня 20 король дозволилъ пану Андрею Якубовичу Довойновича выкупить эти дворы и держать ихъ «врядомъ» до живота (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54).

[156]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 37.

[157]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 10.

сячахъ золотыхъ «черленыхъ»[158]); *Бѣльскъ*—пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [159]).

§ 7.

Опасенія Сигизмунда касательно москвитянъ вполнѣ оправдались. Какъ только магистръ Прусскій началъ готовиться къ войнѣ съ Польшею, и московскія войска усилили свои наступательныя дѣйствія. Въ теченіе 1519 г. они съ разныхъ сторонъ вторгались въ предѣлы великаго княжества и опустошили страну до самой Вильны [160]). Изъ посланія пановъ-рады великаго княжества, отправленнаго къ королю въ началѣ 1520 г., видно, чѣмъ въ значительной степени обусловились успѣхи москвитянъ. Оказывается, что противъ москвитянъ выходили почти одни только паны-рада съ своими «почтами» и боролись «безъ жадного способу» другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества [161]); изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что въ борьбѣ принимали участіе и наемныя войска, разставленныя по украиннымъ замкамъ и состоявшія подъ главнымъ начальствомъ Яна Свирчевскаго [162]). Но большинство литовскаго служилаго люда уклонилось отъ военной службы, пользуясь тѣмъ, что гетманъ наивысшій кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій въ качествѣ маршалка Волынской земли долженъ былъ въ этомъ году сообща съ поляками отбивать нападенія татаръ на Волынь и Подолье [163]). Поэтому, какъ только съ наступленіемъ зимы прекратились военныя дѣйствія, господарь назначилъ *вальный соймъ* панамъ-радѣ и другимъ станамъ великаго княжества, на которомъ они должны были принять соотвѣтствующія мѣры для защиты государства на будущее время [164]).

На этотъ «съемъ» король отправилъ маршалка дворнаго пана Юрія Ивановича Ильинича и подскарбія земскаго, маршалка и писаря, пана

---

[158]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, 26, 27. Отъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича Ковенъ перешелъ къ пану Янушу Костевичу.

[159]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.

[160]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1628, 1629; Acta Tomiciana V, № LXXVIII; Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 162, 163).

[161]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

[162]) Acta Tomiciana V, № LXXIX.

[163]) Хроника *Ваповскаго* въ Script. rer. polon. II, p. 159—162; *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 313—316.

[164]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 28. Гдѣ происходилъ этотъ соймъ конца 1519 и начала 1520 г., по актамъ не видно; всего вѣроятнѣе въ Вильнѣ.

Богуша Боговитиновича съ своими предложеніями. Прежде всего король предлагалъ панамъ-радѣ «зголдивѣ, одностойною радою и одностайнымъ умысломъ радити и мыслити», какъ бы учинить отпоръ непріятелю Московскому въ томъ случаѣ, если онъ снова пошлетъ свое войско подъ украинные замки. При этомъ король заявлялъ, что въ настоящую минуту онъ не можетъ прибыть въ великое княжество: до него дошли достовѣрные слухи о томъ, что магистръ Прусскій нанялъ множество солдатъ въ нѣмецкихъ земляхъ и собирается начать съ нимъ войну; поэтому и онъ съ своей стороны идетъ съ войскомъ на прусскую границу въ Торунь и будетъ воевать съ нимъ и добиваться отъ него той же «повинности», которую онъ чинилъ прежде его предкамъ и ему самому. Король предлагалъ затѣмъ «мыслити и радити» на вальномъ соймѣ, какимъ бы образомъ и на какихъ условіяхъ заключить миръ или перемирье съ Московскимъ, а если вести войну, то «которымъ способомъ ее вести». Король предлагалъ далѣе подумать «объ оборонѣ и наспижованьѣ» украинныхъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, о расплатѣ съ служебными, находящимися на украинныхъ замкахъ и отставными за ихъ прежнюю службу, объ уплатѣ поминковъ Крымскимъ татарамъ [165]), о содержаніи царя Заволжскаго и т. д. Король просилъ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, не взирая на его отсутствіе: какъ извѣстно, онъ не жалѣлъ своихъ средствъ для государственныхъ надобностей и позаставлялъ почти всѣ свои дворы и волости; поэтому теперь онъ уже ничего не можетъ дать на военныя надобности, развѣ только заставить Могилевъ. Король просилъ пановъ-раду взять у кого-нибудь тысячи три или четыре подъ заставу Могилева и обернуть эти деньги на земскія потребы. Кромѣ того онъ просилъ, чтобы паны, держащіе въ заставѣ господарскіе дворы и волости, прибавили пенязей къ первоначальной суммѣ, у нихъ взятой, заплатили за жмудскія куницы и этими пенязьми какъ можно скорѣе «оправили» замковыхъ служебныхъ. Король предлагалъ также взыскать черезъ дѣцкихъ поголовщины съ тѣхъ, кто ихъ не уплатилъ, а въ случаѣ надобности конфисковать у таковыхъ землевладѣльцевъ имѣнья; тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не явились прошлый разъ на войну, король совѣтовалъ разложить на зиму по украиннымъ замкамъ. Наконецъ, король предлагалъ, чтобы староста Жмудскій въ виду того, что магистръ Прусскій началъ войну, отобралъ у него людей и земли, «которыи

---

[165]) Съ Крымомъ какъ разъ въ то время возобновились мирные переговоры. *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania, serya II, str. 312—321.

мистръ прусскій черезъ границы забралъ», и снова бы привернулъ ихъ къ великому княжеству [166]).

Паны-рада не только обсудили на соймѣ предложенія короля, но и по собственной иниціативѣ вмѣстѣ съ другими станами сойма приняли нѣкоторыя рѣшенія, касающіяся злобы дня. Съ отвѣтомъ на предложенія короля и съ своими собственными предложеніями и просьбами они отправили къ королю въ Польшу пановъ Юрія Миколаевича и Яна Миколаевича Радивиловъ. Указывая на «некарность» и «непослушенство» военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, паны-рада просили короля приказать гетману кн. Конст. Иван. Острожскому ѣхать къ своему уряду, а подданнымъ разослать листы, чтобы они ѣхали на мѣсто положенное къ гетману и становились на службу господарскую: и прежде всегда подданные великаго княжества—«земля»—«къ земскому гетману на рокъ положеный збирали, а за тымъ паповерада ежчивали и споломъ отпоръ неприятелю давали». На предложеніе короля изыскать средства для уплаты упоминковъ татарамъ и жалованья служебнымъ паны-рада отвѣчали, что они въ отсутствіе короля «такъ великимъ рѣчамъ досыть вчинити» не могутъ и отлагаютъ это до пріѣзда господарскаго въ Литву. Предложеніе же короля о возвращеніи людей и земель, забранныхъ у великаго княжества магистромъ Прусскимъ, паны-рада отклонили совсѣмъ, на томъ основаніи, что неудобно навлекать на себя третьяго врага, когда имѣешь двухъ сильныхъ—Москву и татаръ; притомъ же, по слухамъ, и магистръ Ливонскій стоитъ на границахъ съ людьми и орудіями, намѣреваясь вторгнуться въ великое княжество, какъ только литовцы начнутъ непріязненныя дѣйствія по отношенію къ магистру Прусскому. Затѣмъ паны-рада сообщали господарю о своемъ постановленіи касательно тѣхъ землевладѣльцевъ которые не были на войнѣ въ прошлое лѣто: они должны уплатить по 30 гр. съ человѣка. Поэтому паны-рада предлагали господарю разослать всѣмъ державцамъ распоряженіе о взысканіи этихъ 30 грошей и пересылкѣ ихъ въ скарбъ, «которыми жъ пенязьми служебныи замковыи и посполитая речъ можетъ справована быти». Замокъ *Могилевъ* они заставили кн. Василью Ивановичу Соломерецкому на выбиранье пенязей на три года [167]). Въ заключеніе паны-рада настоятельно просили короля поскорѣе пріѣхать въ отчину свою великое княжество: война съ Прусскимъ магистромъ, по милости Божіей пошла удачно,

---

[166]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 190—192.

[167]) Въ 1520 февр. 21 король выдалъ ему въ Торуни соотвѣтствующій привилей (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28).

и король «за тою ласкою Божіей можетъ беспечно хотя на малый часъ да здешнего панства приехати и уставить ряды и способъ и оборону» [168]).

Но король не пріѣхалъ даже и на короткое время въ великое княжество, вслѣдствіе чего панамъ-радѣ пришлось однимъ безъ господаря устроивать «ряды и способъ и оборону». Они собрали земское ополченіе великаго княжества въ Минскѣ, куда и сами прибыли головами своими. Отсюда они отправили въ Москву пословъ, воеводу Подляшскаго Януша Костевича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича, для веденія переговоровъ о мирѣ. Пока послы ѣздили въ Москву, паны-рада, пользуясь сборомъ рыцарства - шляхты въ Минскѣ, стали склонять его къ ухвалѣ серебщины на военныя издержки. Большинство шляхты, бывшей на этомъ *полевомъ сеймѣ*, согласилось дать серебщину съ своихъ подданныхъ; только земля Жмудская не хотѣла дать серебщину, «выламаючи своими правы» [169]). Тѣмъ временемъ и послы, отправленные въ Москву, заключили перемиріе на полгода (въ концѣ 1520 г.) [170]). Москвитяне, утомленные борьбою и обезпокоенные враждебными шагами Крымскаго хана, который интриговалъ противъ Москвы въ Казани и возобновилъ союзный договоръ съ Сигизмундомъ [171]), охотно согласились на перемиріе.

§ 8.

Но этимъ не устранялись заботы о государственной безопасности великаго княжества, и потому Сигизмундъ, получивъ увѣдомленіе отъ пановъ-рады касательно всего, что имъ удалось сдѣлать, назначилъ снова *великій соймъ въ Вильнѣ въ началѣ 1521 года*. На этотъ соймъ Сигизмундъ отправилъ подчашія Яна Миколаевича Радивила съ своими предложеніями и просьбами, адресованными къ панамъ-радѣ и отчасти къ другимъ станамъ сойма [172]).

Первое предложеніе касалось необходимыхъ приготовленій къ войнѣ. Въ Москву посланъ былъ дворянинъ Миколай Шостаковичъ съ ко-

---

[168]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 379—383.

[169]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 192—195.

[170]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. I, 1629.

[171]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania, serya II, str. 326—335.

[172]) Отвѣтъ на посланіе короля былъ отправленъ панами-радою съ тѣмъ же паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиломъ передъ самою Пасхою, которая въ 1521 г. была 31 марта. Паны-рада въ то время уже разъѣзжались изъ Вильны; сеймъ, слѣдовательно, къ тому времени уже кончился.

ролевскою грамотою къ великому князю Московскому. Король предлагалъ панамъ-радѣ ознакомиться съ содержаніемъ отвѣта, который долженъ былъ привести гонецъ, и смотря по тому, куда будетъ клониться дѣло — къ войнѣ или миру, намѣтить, кого отправить въ Москву въ посольствѣ, или же принимать мѣры къ оборонѣ государства. Для этой цѣли король рекомендовалъ какъ можно скорѣе снабдить украинные замки людьми и провіантомъ и приказать воеводамъ и державцамъ украинныхъ замковъ ѣхать туда «самимъ своими головами»; всѣмъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ объявить, чтобы собрались въ одно назначенное мѣсто для того, чтобы чинить отпоръ непріятелю. Король предлагалъ и на украинные замки послать часть тѣхъ же землевладѣльцевъ; если же они не послушаются, паны-рада должны дать знать о таковыхъ ему, королю, а онъ уже будетъ знать, какъ поступать ему съ такими непослушными подданными. Затѣмъ король извѣщалъ пановъ-раду, что Перекопскій царь Махметъ-Гирей шлетъ къ нему посла своего Авліяръ-мурзу со свитою въ 104 человѣка, кромѣ слугъ, и предлагаетъ ему заключить вѣчный миръ и союзъ противъ всякаго врага, при чемъ обѣщаетъ ближайшимъ же лѣтомъ вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства; онъ требуетъ, чтобы король далъ ему немедленно отвѣтъ и отпустилъ его пословъ, но пріятели изъ Крыма совѣтуютъ королю позадержать пословъ. Король просилъ пановъ-раду посовѣтовать, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, подъ какими предлогами задержать пословъ и гдѣ ихъ содержать, и свой отвѣтъ поскорѣе прислать ему, чтобы онъ имѣлъ возможность переговорить объ этомъ съ коронными панами-радою. Увѣдомляя о томъ, что въ данное время онъ вступилъ съ магистромъ Прусскимъ въ переговоры о мирѣ и слѣдовательно не можетъ прибыть въ великое княжество, король просилъ пановъ-раду, чтобы они, принимая во вниманіе его великія затрудненія, «рачили на том соймѣ въ справы вступити и дѣла его милости и земскии зголдивѣ справовати, как бы было зъ его милости господарьскимъ добрым и пожиточным зѣмьским».

Въ частности король предлагалъ снабдить приличнымъ гарнизомъ изъ служебныхъ или прибылыхъ людей замокъ Кіевъ, на которомъ, по слухамъ, пребываетъ не болѣе 30 человѣкъ. Увѣдомляя о томъ, что ему часто докучаютъ ротмистры служебныхъ ѣздныхъ—паны Миколай Пилецкій, Мышковскій, Баратынскій, Вильжинскій и другіе «о службы свои, абы имъ заплата ся стала», и грозятъ въ противномъ случаѣ съ товарищами своими «тягнути» до великаго княжества «и сами собе за свою службу мети», король предлагалъ панамъ-радѣ войти съ ними въ соглашеніе и заплатить имъ хотя бы часть изъ той серебщины, кото-

рая ухвалена на Минскомъ съѣздѣ. Король просилъ собрать эту серебщину какъ можно скорѣе и установить наказаніе для тѣхъ, кто не отдастъ во время, ибо «за тыхъ непослушенствомъ а омешканемъ датковъ» многіе подданные подляшскіе за послѣдніе годы отъ служебныхъ «у великии шкоды и впады» пришли. Къ панамъ и земянамъ жмудскимъ король предлагалъ послать листы, чтобы и они дали «датокъ», разъ вся земля рѣшила его дать; этотъ «датокъ» пойдетъ вѣдь не на господаря, а на потребу рѣчи посполитой, и они не имѣютъ права отказываться отъ этой жертвы; если же будутъ упорствовать, пусть паны-рада пошлютъ дворянъ «править» на нихъ этотъ «датокъ». Такъ какъ поголовщины и серебщины, ухваленныя раньше, поступали въ свое время неисправно, господарь предлагалъ панамъ-радѣ по реестрамъ навести справки о недоимщикахъ и забрать ихъ имѣнья на господаря. Паны-рада должны были снабдить инструкціею пана Халецкаго, отправлявшагося въ Крымъ, и принять извѣстное рѣшеніе на тотъ случай, если бы ханъ Крымскій, отправляясь на войну съ Москвою, потребовалъ, чтобы съ нимъ шелъ воевода Кіевскій или староста Черкасскій; на замки украинные король предлагалъ разослать листы, чтобы были въ великой «опатрѣности и въ осторожности», а старостѣ Жмудскому принять мѣры къ тому, чтобы изъ Ливоніи не переходили люди черезъ Жмудскую землю въ Пруссію [173]).

Всѣ эти предложенія короля и были предметомъ совѣщаній пановъ радныхъ, собравшихся на вальномъ соймѣ въ началѣ 1521 года, при чемъ по нѣкоторымъ пунктамъ паны-рада обращались и къ собравшейся шляхтѣ рыцарству. Отвѣтъ паны-рада отправили къ королю черезъ того же пана Яна Миколаевича Радивила, который привезъ предложенія короля. Такъ какъ гонецъ Миколай Шостакъ все еще не возвращался изъ Москвы, то паны-рада не стали и совѣщаться о томъ, кого послать въ Москву для переговоровъ о мирѣ. Они уполномочили рѣшить это дѣло бискупа Виленскаго, воеводу Виленскаго и воеводу Троцкаго, которые должны съѣхаться съ этою цѣлью въ Городнѣ, и отписать о своемъ рѣшеніи господарю, какъ только пріѣдетъ Шостакъ и привезетъ вѣсти. Принимая во вниманіе, что, сидя на коняхъ, и о мирѣ удобнѣе толковать, и войну начинать, чѣмъ сидя дома, паны-рада назначили всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества сборъ въ Минскѣ, откуда легче отражать непріятеля, съ какой бы стороны не явился; срокъ сбора назначенъ былъ спустя десять недѣль послѣ Пасхи, когда можно разсчитывать на траву для коней. Урядникамъ украинымъ паны-

---

[173]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 192—195.

рада приказали ѣхать на свои замки. Но что касается снабженія этихъ замковъ провіантомъ, то паны-рада не могли найти, гдѣ достать его. Они спрашивали городничихъ, но тѣ объявили, что у нихъ нѣтъ ни жита, ни овса, такъ какъ господарскіе дворы «мало не вси» въ заставѣ. Паны-рада предлагали королю написать тѣмъ панамъ, у которыхъ дворы въ заставѣ, чтобы они послали по нѣскольку бочекъ въ Полоцкъ, откуда провіантъ легко распредѣлить и по другимъ замкамъ. На предложеніе короля «посилить» украинные замки людьми паны-рада отвѣчали, что тамъ стоятъ служебные люди; что же касается отправки шляхты на эти замки, то *«они не хотѣли призволить для того, ижъ дали серебщину сами зъ себе, которою серебщиною вжо тыхъ служебныхъ отправили»*. Паны-рада представляли королю, что разъ шляхта будетъ находиться съ ними въ сборѣ въ Минскѣ, они всегда могутъ отправить часть ея туда, гдѣ понадобится. Относительно Кіева паны-рада увѣдомляли короля, что мѣры для снабженія его людьми и провіантомъ приняты: панъ Александръ Солтановичъ далъ изъ скарба денегъ на полтораста драбовъ; другіе полтораста отправилъ изъ Берестья маршалокъ дворный Юрій Ильиничъ; воевода Кіевскій съ своей стороны обязался навербовать 200 коней, по 5 копъ грошей на коня, и уже послано ему изъ скарба на это дѣло 500 копъ; провіантъ отправленъ въ Кіевъ изъ Поднѣпрскихъ волостей. Пословъ Крымскихъ меньшихъ, прибывшихъ отъ царицъ, мурзъ, улановъ и другихъ князей татарскихъ, паны-рада совѣтовали королю отпустить съ подарками, а Авліяръ-мурзу задержать подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя отпустить его, не переговоривъ съ панами-радою великаго княжества; держать его паны-рада предлагали королю при себѣ, въ Польшѣ, ибо великое княжество и безъ того много расходуетъ на содержаніе царя Заволжскаго, его племянника и слугъ. Паны-рада думали, что воеводѣ Кіевскому не слѣдуетъ идти съ ханомъ въ походъ, а послать вмѣсто себя старосту Черкасскаго съ двумя сотнями конницы и пѣхоты и съ двумя гаковницами, большую же часть гарнизона и пушки оставить при себѣ; если нельзя будетъ отговориться, то идти самому въ такомъ же «маломъ» почтѣ, а въ Кіевѣ оставить своего брата Юрія. На предложеніе короля расплатиться съ служебными изъ серебщины, ухваленной въ Минскѣ, паны-рада отвѣчали, что этой серебщины не хватитъ, если ее не будетъ платить Жмудская земля. Они просили короля написать о томъ старостѣ Жмудскому, который скорѣе послушается господаря, чѣмъ пановъ-раду. Относительно взысканія недоимокъ по прежнимъ поголовщинамъ и серебщинамъ паны-рада отвѣчали королю, что это дѣло нельзя исполнить въ отсутствіе господаря: требуется тщательное раз-

слѣдованіе, а между тѣмъ реестры сборовъ не всѣ въ наличности, нѣкоторые остались у покойнаго подскарбія Аврама Езофовича и хранятся за господарскою печатью. На приглашеніе господаря «зголливымъ обычаемъ» справлять господарскія и земскія дѣла,—такъ, чтобы онъ могъ быть спокоенъ, паны-рада отвѣчали, что они всегда «охотне а пилне» дѣла господарскія и земскія дѣлали и стерегли, многократно выносили на своихъ плечахъ тяжкія бремена, оберегая государство отъ великихъ и сильныхъ непріятелей, посылавшихъ по 70 и 80 тысячъ войска, но тѣмъ не менѣе не могутъ взять на себя всецѣло отвѣтственности, возлагаемой на нихъ господаремъ, при столь продолжительномъ отсутствіи господаря: вѣдь не только въ такомъ обширномъ государствѣ, но и въ монастырѣ «безъ небытности старшого не могут ся добре законы справовати». Поэтому они усердно просили господаря прибыть въ великое княжество и сообща съ ними найти «способъ», какъ бы учинить «конецъ» съ непріятелемъ Московскимъ. При этомъ паны-рада указывали, что и прусской войны, которая теперь удерживаетъ короля въ Польшѣ, не было бы, если бы своевременно господарь покончилъ дѣло съ Московскимъ: магистръ Прусскій набрался смѣлости не отъ чего другого, какъ отъ того, что король въ такое продолжительное время не учинилъ никакого конца съ Московскимъ [174]).

Но король не тронулся и этимъ вѣскимъ доводомъ. Лѣтомъ 1521 г. до него дошли «новины», что царь Перекопскій вошелъ въ соглашеніе съ царемъ Турецкимъ и покинулъ свое намѣреніе помогать королю противъ Московскаго, а наоборотъ хочетъ заодно съ Московскимъ опустошать великое княжество. Король съ извѣщеніемъ объ этомъ отправилъ къ панамъ-радѣ Павла Нарушевича и просилъ ихъ, чтобы они, отложивши на сторону всѣ свои личныя «розтырки и мерзячки», совѣтовались и мыслили о томъ, «какъ бы речъ наша (господарская) и земская въ добромъ станьѣ и покою отъ неприятелей нашихъ захована была»; въ частности, король просилъ позаботиться о снабженіи украинныхъ замковъ живностью и боевыми снарядами и о заплатѣ служебнымъ ихъ жалованья, чтобы они не сошли прочь съ замковъ. Король предлагалъ затѣмъ послать къ магистру Ливонскому посла и постараться завязать съ нимъ дружественныя отношенія [175]).

Слухи о союзѣ Крымскаго хана противъ великаго княжества Литовскаго не подтвердились. Махметъ-Гирей прислалъ къ Сигизмунду гонца съ извѣстіемъ, что онъ согласно данному слову идетъ войною на

---

[174]) Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи, т. I, стр. 509—514.

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 420, 421.

великаго князя Московскаго, и съ требованіемъ, чтобы и Сигизмундъ съ своей стороны пошелъ съ войскомъ въ его землю и чтобы прислалъ съ его посломъ немедленно упоминокъ, 15 т. золотыхъ. Находившійся у Сигизмунда посолъ хана—Авліяръ-мурза совѣтовалъ королю во что бы то ни стало исполнить требованіе хана, такъ какъ въ противномъ случаѣ отъ хана не будетъ никакой пріязни королю, и ханъ склонится къ Турецкому султану противъ короля. И польская рада, въ виду надвигавшейся опасности со стороны турокъ, посовѣтовала королю исполнить требованіе хана и приготовила свою половину требуемой ханомъ суммы. Все дѣло теперь стояло за тѣмъ, заплатитъ или нѣтъ свою долю великое княжество. Поэтому Сигизмундъ отправилъ въ великое княжество посла Скопа къ панамъ-радѣ, которые, по его расчету, должны были уже съѣхаться въ Минскѣ вмѣстѣ съ подданными земель и повѣтовъ великаго княжества. Посолъ отъ его имени долженъ былъ изложить положеніе дѣлъ и настоятельно просить пановъ-раду, чтобы они «о томъ-то поминку и отправе того посла рачили на томъ зъезде вси весполокъ панове-рада наша и со всими землями поддаными нашими мыслити и радити такъ, какъ бы тая речъ загамована не была, а тотъ бы посолъ убордзе со всимъ былъ отправленъ». Король желалъ, чтобы паны-рада на этомъ съѣздѣ обсудили, изъ какихъ средствъ уплачивать этотъ упоминокъ и на будущіе годы, и кромѣ того, чѣмъ расплатиться съ служебными, которые стоятъ по украинным замкамъ, и наконецъ, какъ укрѣпить Кіевъ, который, по слухамъ, хочетъ взять себѣ Перекопскій царь. При этомъ король объяснялъ, что онъ имѣлъ уже давно намѣреніе пріѣхать въ великое княжество «для великихъ а потребныхъ справъ» этого государства, но «злая пригода» задержала его въ Польшѣ: Турецкій султанъ придвинулся съ войскомъ къ границамъ королевства Угорскаго и добываетъ замки; а поэтому ему, королю, согласно «стародавнымъ записамъ» приходится помогать своему племяннику, королю Угорскому, и сообща отражать врага, угрожающаго и Польшѣ [176].

Итакъ, собравшееся подъ Минскомъ земское ополченіе великаго княжества Литовскаго и на этотъ разъ должно было превратиться въ великій соймъ и заняться обсужденіемъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Мы не знаемъ, какія постановленія состоялись на этомъ *полевомъ сеймѣ*. Но главное желаніе короля—относительно изысканія средствъ на уплату $7\frac{1}{2}$ тысячъ золотыхъ Крымскому хану было удовлетворено, и въ концѣ 1521 года въ Крымъ

---

[176]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 421, 422.

отправились литовскіе послы Оникей Горностай и Остафій Дашковичъ съ Авліяръ-мурзою и съ 15 т. золотыхъ для хана [177]).

§ 9.

Къ началу 1522 г. королю удалось покончить со всѣми главными дѣлами въ Польшѣ. Съ магистромъ Прусскимъ заключенъ былъ миръ еще въ мартѣ 1521 года. Турки отхлынули изъ Венгріи и болѣе не тревожили поляковъ. Для обороны отъ татаръ сеймъ, собиравшійся въ Петрковѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1521 года, опредѣлилъ дать королю налогъ съ мѣщанъ и крестьянъ, достаточный для содержанія 4000 жолнеровъ. Теперь предстояло устроить дѣла великаго княжества, и король назначилъ *великій соймъ* всѣмъ станамъ великаго княжества *въ Городнѣ*, куда и самъ прибылъ 2 февраля *1522 года* [178]).

Первый вопросъ, обсуждавшійся на этомъ соймѣ, касался дѣла съ Москвою. Рѣшено было отправить въ Москву посла съ предложеніемъ, чтобы великій князь, если согласенъ на вѣчный миръ или перемирье, прислалъ своихъ пословъ въ Вильну для переговоровъ [179]). Въ виду неизвѣстности отвѣта рѣшено было готовиться къ войнѣ. Господарь со всѣми панами-радою и со всѣми землями великаго княжества Литовскаго для великой потребы господарской и земской положили на все великое княжество, не исключая и украинныхъ областей, *серебщину*. Всѣ землевладѣльцы какъ свѣтскіе, такъ и духовные должны были отъ каждой сохи воловой дать 15 грошей, отъ конской вдвое меньше, отъ людей, не имѣющихъ сохъ, но держащихъ землю, по 6 грошей съ человѣка (хозяина?), отъ огородниковъ по три гроша. Опредѣленъ былъ и самый порядокъ сбора серебщины: съ господарскихъ людей должны были собирать серебщину державцы, съ боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ—хоружіе, съ людей князей и пановъ-радныхъ—ихъ намѣстники. Сборщики должны были представить серебщину въ скарбъ не позднѣе 12 недѣль «отъ масленыхъ русскихъ запустъ», при чемъ должны были передъ подскарбіемъ земскимъ принести присягу, что выбрали серебщину правильно и не утаили ни одной сохи, ни одного гроша. Всѣхъ, кто утаитъ какое-либо изъ своихъ имѣній или часть своихъ людей и отдастъ серебщину не сполна, господарь съ панами-радою постановили наказывать отнятіемъ утаеннаго имѣнья или людей,

---

[177]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania, serya II, str. 339.

[178]) Хроника *Вапозскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 183, 186, 187).

[179]) Акты Зап. Рос. II, № 111.

а имѣнья и людей отдавать въ вѣчное владѣніе лицамъ, донесшимъ объ утайкѣ [180]).

Серебщина, ухваленная на сеймѣ, могла только частью и притомъ временно покрыть государственные расходы. Между тѣмъ постоянный источникъ для покрытія государственныхъ расходовъ—скарбъ великаго княжества почти совершенно изсякъ вслѣдствіе прекращенія притока въ него государственныхъ доходовъ, а это произошло отъ того, что почти всѣ господарскія имѣнія и мыта «въ долзѣхъ зашли». Положеніе дѣлъ становилось невозможнымъ, такъ какъ у господаря не было средствъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Тогда нѣкоторые паны и державцы, державшіе въ заставѣ господарскія имѣнія, принесли патріотическія жертвы, и спустили господарю свои «заставы», такъ что господарскіе доходы съ ихъ державъ съ того момента должны были поступать уже въ скарбъ. Такимъ образомъ вернулись снова господарю доходы съ Утены, Дорсунишокъ, Мозыря, Мельника, Ейшишокъ, Вилкомира, Меречи, Пуни, Жижморъ, Лиды и Бѣлицы, Оникштъ, Перевалки, Острыни, Крева, Любошанъ, Могилева, Кричова, Ушполь и Пенянъ [181]). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ изъ кредиторовъ, спустившихъ господарю свои пенязи, жертва была не такъ тяжела, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что должность державцевъ въ нѣкоторыхъ господарскихъ имѣніяхъ была настолько доходна, что паны, получившіе эти имѣнія въ заставу, находили для себя выгоднымъ освободить господаря отъ уплаты данной ему суммы, лишь бы господарь обезпечилъ имъ «держаніе» извѣстнаго имѣнія до живота съ правомъ получать одни только намѣстничьи доходы. Такая сдѣлка въ сущности была замаскированною дачею господарю «челобитья» за пожалованіе держанья. Такимъ образомъ, напр., въ 1520 году іюня 20, господарь дозволилъ пану Андрею Якубовичу Довойновича отложить 600 копъ грошей пану Яну Юндиловичу и взять у него дворы Копеву и Дубичи; при этомъ панъ Ан-

---

[180]) Акты Зап. Рос. II, № 17. Издатели отнесли этотъ актъ къ 1507 году на томъ основаніи, что онъ носитъ дату 10 индикта, не обративъ вниманія на то, что актъ вписанъ въ книгу Литовской Метрики среди актовъ 1522 года, когда тоже былъ 10-й индиктъ. Въ первые мѣсяцы 1507 г. (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ) Сигизмундъ находился въ Краковѣ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могъ издавать окружной грамоты, въ которой говорится: «тыми разы, будучи на соймѣ въ Городнѣ» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 89—95; 147—155, 268, 272; Судныхъ дѣлъ II, л. 9; Acta Tomiciana I, p. 14).

[181]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 234, 235.

дрей спустилъ господарю свои пенязи, а господарь обѣщалъ не «рушать» его съ державы до живота его [182]). Но большею частью паны заставленныя у нихъ имѣнья брали со всѣми доходами «на выбиранье пенязей» на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ господарь обязывался отдать имъ эти имѣнья «въ держаніе» до живота съ намѣстничьими доходами. Въ такую сдѣлку съ королемъ вошелъ, напр., панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, получившій въ 1520 г. дворъ Острину, заставленный у него въ 600 к., на выбиранье пенязей на три года [183]). Какъ бы то ни было, но извѣстныхъ пожертвованій со стороны литовской знати въ данномъ случаѣ нельзя отрицать. Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, напр., спустилъ королю съ Утены, Дорсунишокъ и съ Мозыря въ общей сложности болѣе 3000 копъ грошей, при чемъ держаніе Мозыря до живота обезпечено было ему независимо отъ этого пожертвованія, а Утена и Дорсунишки совсѣмъ отошли отъ него. Дворы Ушполи и Пеняны поступили въ 1519 г. 9 сентября къ пану Миколаю Миколаевичу Радивиловичу «на выбиранье пенязей» на 9 лѣтъ [184]). Между тѣмъ сынъ его Станиславъ пересталъ выбирать эти пензи уже въ 1522 году и т. д.

Кромѣ пополненія скарба денежными средствами, великому Городенскому сойму 1522 года пришлось принимать мѣры противъ повальнаго уклоненія литовскихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ отъ военной службы. Мы видѣли, что на это жаловались королю въ началѣ 1520 года паны-рада. Въ 1521 году обнаружилось то же самое «непослушенство», которое подвергло серьезной опасности государство. Вслѣдствіе этого господарь съ панами-радою и всѣми землями ухвалили и установили наказывать отнятьемъ имѣнья всѣхъ тѣхъ, кто не явится къ сроку на положенное мѣсто конно и збройно, или кто, заявившись предъ гетманомъ и записавшись въ его реестръ, потомъ самовольно уѣдетъ домой или отошлетъ часть своихъ людей, а самъ останется «у маломъ почте»; имѣнья таковыхъ лицъ постановлено отдавать тѣмъ отличившимся лицамъ, за кого будетъ ходатайствовать панъ гетманъ. Въ виду того, что война продолжалась, всѣмъ землевладѣльцамъ предписано было быть готовыми съ тѣмъ, чтобы по первому требованію ѣхать съ своими почтами къ гетману на положенное мѣсто [185]).

---

[182]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.

[183]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 45.

[184]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57—58.

[185]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275, 276.

Конфискація имѣній опредѣлена была Городенскимъ сеймомъ 1522 года и за захватъ господарскихъ земель. Постановлено было отбирать на господаря и присоединять къ господарскимъ дворамъ отчинныя, пожалованныя и купленныя имѣнія у тѣхъ лицъ, которыя захватятъ къ нимъ неправильно часть господарскихъ земель [186]). Это постановленіе потомъ вошло и въ статутъ 1529 (раздѣлъ I, арт. 8).

Просьба о дарованіи статута подана была господарю вновь на этомъ же Городенскомъ сеймѣ 1522 г. Незадолго предъ тѣмъ, на Петрковскомъ сеймѣ 1519 г., поляки предъявили Сигизмунду требованіе о составленіи полнаго свода законовъ. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ назначилъ цѣлую комиссію, которая должна была редактировать сводъ законовъ, исправить въ нихъ несоотвѣтствія и противорѣчія, устранить вышедшіе изъ употребленія, *привести къ однообразію обычаи и формы судопроизводства во всѣхъ земляхъ и воеводствахъ королевства Польскаго* [187]). И на Петрковскомъ сеймѣ конца 1521 и начала 1522 г. снова поднимался тотъ же самый вопросъ и состоялось постановленіе, ut jura, statuta et consuetudines regni in meliorem formulam redigerentur [188]). Повидимому, въ связи съ этимъ шляхта поднимала вопросы о своихъ привилегіяхъ и домогалась расширенія своихъ правъ [189]). Литовцы не хотѣли въ данномъ случаѣ отстать отъ своей братьи-поляковъ и съ своей стороны предъявили подобное же требованіе, воспользовавшись тѣмъ, что правительство такъ сильно нуждалось въ общественной помощи и содѣйствіи. Господарь съ панами-радою «право имъ прирекли дати и тыи вси члонки, какъ ся подданыи наши маютъ справовати и радити, казали... выписати» [190]).

Кромѣ этой общей просьбы, пограничные съ Мазовіею землевладѣльцы великаго княжества подавали господарю жалобу на подданныхъ князей Мазовецкихъ, которые, перейдя старинную границу, позабирали у нихъ земли пашныя, сѣножати и дерево бортное и подѣлали имъ много другихъ кривдъ. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и князья Мазовецкіе прислали подобную же жалобу на пограничныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, то господарь назначилъ нѣкоторыхъ пановъ радныхъ комиссарами «на поправенье стародавныхъ справедливыхъ границъ». Эти комиссары должны были съѣхаться съ

---

186) *Hr. Broel-Plater* Zbiór pamiętników, tom I, str. 147.

187) Acta Tomiciana, V, № XV.

188) Acta Tomiciana VI, p. 1.

189) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 187).

190) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516.

уполномоченными князей Мазовецкихъ и на мѣстѣ разобрать всѣ тяжбы и провести границы. При этомъ литовскимъ комиссарамъ рекомендовалось не принимать во вниманіе тѣхъ привилеевъ, которые князья Мазовецкіе подавали своимъ подданнымъ на имѣнья въ Бѣльской и Дорогицкой землѣ, когда держали ихъ въ заставѣ [191]).

§ 10.

По актовымъ указаніямъ великій Городенскій соймъ 1522 г. продолжался въ теченіе февраля и марта [192]). Прошло два мѣсяца послѣ этого, и въ Вильнѣ снова былъ собранъ «*великій вальный соймъ*» [193]). Этотъ соймъ продолжался по актовымъ указаніямъ до самаго отъѣзда Сигизмунда въ Польшу, послѣдовавшаго 9 или 10 декабря 1522 г. [194]).

Почему этотъ сеймъ затянулся на столь продолжительное время? Отвѣтъ на это даютъ посланіе Сигизмунда на слѣдующій великій соймъ, происходившій въ концѣ 1523 и въ началѣ 1524 г., и эдиктъ того же Сигизмунда, предписывающій, чтобы всѣ подданные великаго княжества какъ духовные, такъ и свѣтскіе судились однимъ писаннымъ правомъ. Оказывается, что на этомъ сеймѣ читались «члонки» составлявшагося статута и подвергались обсужденіямъ, поправкамъ и дополненіямъ, и вся предварительная редакція статута была одобрена общимъ голосованіемъ становъ сейма [195]). Вотъ почему впослѣдствіи статутъ самимъ

---

[191]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 280—282.

[192]) Акты Зап. Рос. II, № 17, 109, 110; Archiwum Sanguszków III, № CCXXX, CCXXXI; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; XII, л. 494.

[193]) На этомъ соймѣ между прочимъ былъ выработанъ законъ «о выводѣ шляхетства за примовою». Запись этого закона въ книгѣ Литовской Метрики стоитъ среди актовъ начала іюня 1522 г. (Судныхъ дѣлъ II, л. 309). Вполнѣ опредѣленно о великомъ соймѣ Виленскомъ 1522 г. начинаютъ говорить акты за іюль мѣсяцъ (кн. Запис. XI, л. 64—67).

[194]) Acta Tomiciana VI, p. 191; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 90, 103, 109; Судн. IV, л. 24.

[195]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 516; Zbiór praw litewskich, str. 121—123. Эдиктъ Сигизмунда гласитъ: Imo de singulari pietate innataque benignitate et virtute regia nostra decrevimus omnibusque et singulis incolis et indigenis, quacunque nobilitate et praeminentia fulgentibus, unum ius scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in sripta redactis, *communi deliberatione atque consilio ultro citroque communicato, pro celeriore ac aequiore administratione iustitiae unicuique sancitis laudatis, et omni voto approbatis* dicere, dare et largiri in perpetuum

правительствомъ признавался учиненнымъ «за ухвалою всей земли»[196]). Повидимому, и самый созывъ великаго сойма въ такомъ непродолжительномъ времени послѣ распущенія Городенскаго сойма объясняется именно тѣмъ, что правительство имѣло въ виду подвергнуть на разсмотрѣніе становъ сойма составлявшійся статутъ, который они себѣ выпросили.

Такъ великій вальный соймъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ началъ принимать участіе въ законодательствѣ гораздо ранѣе, чѣмъ формальнымъ образомъ было признано его право на это участіе [197]). Правительство сильно нуждалось въ содѣйствіи князей, пановъ и шляхты великаго княжества и потому не только откликалось на ихъ просьбы и заявленія, но и привлекало ихъ къ участію въ выработкѣ мѣръ, въ которыхъ они такъ или иначе были заинтересованы. Землевладѣльцы великаго княжества несли на себѣ тягости и бремена не меньшія, но гораздо большія, чѣмъ польская шляхта, и потому господарь естественно сталъ съ такимъ же вниманіемъ и предупредительностью относиться къ литовцамъ, какъ и къ полякамъ. Практика польской государственной жизни вліяла въ одинаковой мѣрѣ какъ на литовскую шляхту, такъ и на господаря: если первая, заражаясь примѣромъ сосѣдей, становилась притязательнѣе, то второй, стремясь одинаково относиться къ подданнымъ обоихъ государствъ, долженъ былъ становиться уступчивымъ. Такъ какъ въ Польшѣ шляхта уже давно принимала участіе въ законодательствѣ, и это участіе гарантировано было ей даже закономъ[198]), то и въ Литвѣ господарь счелъ справедливымъ подвергнуть издававшіеся законы разсмотрѣнію и обсужденію великаго сойма.

Кромѣ статута на Виленскомъ вальномъ соймѣ 1522 г. подвергались обсужденію и другіе вопросы, поставленные жизнью, и приняты были по нимъ извѣстныя рѣшенія. Отъ Волошскаго воеводы и литовскихъ пословъ, отправленныхъ въ Крымъ, еще раннею весною пришли тревожныя вѣсти о намѣреніяхъ турокъ и татаръ вторгнуться въ предѣлы королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. Сигизмундъ мобилизировалъ польскую шляхту для обороны украйны [199]). Но въ Литвѣ сдѣлать этого было нельзя, такъ какъ нужно было держать

---

[196]) Акты Зап. Рос. II, № 4.

[197]) Это было сдѣлано, какъ извѣстно, только во второмъ статутѣ (раздѣлъ III, арт. 12).

[198]) Радомскою конституціею 1505 г. „Nihil novi“.

[199]) *K. Pulaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 340—344.

на готовѣ войско противъ Москвы. Сеймъ по предложенію короля рѣшилъ послать на украйну для обороны отъ татаръ 2000 коней съ земель и повѣтовъ [200]). Остальному же войску король велѣлъ собираться въ Минскѣ ко дню св. Спаса, т. е. 1 августа [201]).

9 сентября 1522 года литовскіе послы, отправленные въ Москву, заключили пятилѣтнее перемиріе отъ Рождества Христова 1522 до Рождества Христова 1527 года. Но тягости войны вмѣстѣ съ этимъ еще не снимались съ великаго княжества, такъ какъ приходилось расплачиваться съ служебными за прошлую службу и часть ихъ на всякій случай удерживать и на будущее время. Непрекращавшіяся, несмотря на заключенное перемиріе, пограничныя столкновенія всегда могли привести къ возобновленію войны до срока [202]). Поэтому Виленскій сеймъ ухвалилъ дать господарю новую *серебщину* въ томъ же размѣрѣ, какъ опредѣлено было на прошломъ Городенскомъ сеймѣ. Серебщина должна была собираться тѣмъ же порядкомъ, какъ и предшествующая; для взноса ея въ скарбъ установлены были два срока — на Крещенье 1523 года и спустя недѣлю, «уступившы в постъ». За «омешканье» въ платежѣ серебщины установленъ былъ штрафъ въ размѣрѣ 20 грошей съ каждой сохи, а за утайку — отнятіе имѣнья; сборщикамъ за утайку серебщины и присвоеніе ея въ свою пользу опредѣлено было «каранье шиею» [203]). Паны-рада обязались дать серебщину не только съ своихъ людей, но и съ своего капитала («съ своихъ пенязей»): кн. Янъ, бискупъ Виленскій, 100 золотыхъ, кн. Павелъ, бискупъ Луцкій 100 золотыхъ, кн. бискупъ Жомойтскій 50 золотыхъ, панъ Виленскій, гетманъ кн. Константинъ 100 золот. и т. д., всего—960 золотыхъ [204]).

Сигизмундъ воспользовался настоящимъ сеймомъ для того, чтобы обезпечить будущее положеніе своего малолѣтнаго сына Сигизмунда-

---

[200]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 515. Срав. «Список имен тых панят и дворан, которие мают въ заставу до Киева ехати», помѣщенный среди актовъ за іюль (Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 89).

[201]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

[202]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 381; Acta Tomiciana VII, № LI; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 521; Акты Зап. Рос. II, № 134, 143.

[203]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты литовско-русскаго государства (XIV—XVI ст.), вып. I, № 163.

[204]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 320, 321. У Даниловича (Scarbiec diplomatów II, № 2282) обложеніе пановъ рады серебщиною съ капитала отнесено неправильно къ 1519 г.

Августа (родился 1 августа 1520 г.). Не задолго до окончанія сейма, 4 декабря, господарь въ многолюдномъ собраніи пановъ-рады духовныхъ и свѣтскихъ предложилъ имъ, чтобы они въ случаѣ его смерти не признавали и не принимали никого другого своимъ господаремъ, кромѣ его возлюбленнаго сына. Вельможи (optimates) единодушно и согласно (unanimi consensu et voluntate) дали просимое обѣщаніе и принесли присягу вмѣстѣ со всѣмъ рыцарствомъ (consiliarii tam spirituales quam seculares, barones, proceres et tota nobilitas) не признавать и не выбирать никого въ господари, кромѣ Сигизмунда-Августа [205]).

На этомъ же сеймѣ Волынскіе землевладѣльцы подавали господарю просьбу объ исправленіи границъ между землею Волынскою и короною Польскою и о судѣ съ поляками «о кгвалты и крывды», ими подѣланныя. Король назначилъ для разбирательства этихъ дѣлъ комиссаромъ со стороны Волынской земли кн. Константина Ивановича Острожскаго [206]).

Паны, тивуны и бояре Жмудской земли воспользовались благопріятнымъ случаемъ [207]) для того, чтобы принести жалобу на своего старосту Станислава Яновича, который нарушалъ ихъ права и вольности, подтвержденныя предками господаря и имъ самимъ. Во-первыхъ, они указывали на то, что по привилеямъ дворы и тивунства въ Жмудской землѣ долженъ раздавать господарь, а не панъ староста; во-вторыхъ, жаловались на то, что староста, раздавая тивунства, отбираетъ ихъ назадъ безъ всякой вины; въ третьихъ, указывали на то, что староста возбраняетъ имъ пользоваться ихъ стародавними «входами и пожитками» въ господарскихъ пущахъ, рѣкахъ и озерахъ; и наконецъ, жаловались на то, что намѣстники старосты ѣздятъ по волостямъ Жмудской земли съ женами, дѣтьми и слугами, «въ великомъ подчстѣ» и людей господарскихъ судятъ и рядятъ безъ тивуновъ и вины великія на нихъ берутъ, обременяютъ ихъ подводами, чего прежде не бывало. Эти жалобы господарь разсматривалъ съ панами-радою и выслушивалъ по поводу ихъ объясненія старосты. По поводу первой жалобы староста объяснилъ, что предшественники его раздавали тивунства въ Жмудской землѣ, за исключеніемъ дворовъ Вилькеи, Велены, Скерстомони, Ясвойни и волости Шовленской, которые раздавалъ господарь, и противъ этого

---

[205]) Acta Tomiciana VI, № CXV, CLXIII; Zbiór praw litewskich, str. 121—123; Литов. Метр. кн, Запис. XI, л. 103 (присяга становъ сойма).

[206]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 110, 111.

[207]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 38.

никто не протестовалъ. Господарь съ панами-радою постановили не нарушать установившагося обычая, относительно котораго паны, тивуны и бояре земли Жмудской «такъ отъ давныхъ часовъ у молчаньи были». Чтобы не нарушать, однако, привилея земли, господарь облекъ это постановленіе въ форму пожалованія по особой милости пану Станиславу Яновичу [208]). По поводу второй жалобы господарь съ панами-радою постановили, что староста не долженъ самовольно отбирать тивунства: если кто изъ тивуновъ въ чемъ-нибудь учинитъ «выступъ», староста долженъ, «седши посполъ с паны тивуны», разсмотрѣть и учинить справедливость [209]). На третью жалобу староста отвѣчалъ, что онъ не возбраняетъ Жмудскимъ землевладѣльцамъ пользоваться своими пожитками и входами въ господарскихъ пущахъ, рѣкахъ и озерахъ, а возбраняетъ имъ только касаться господарскихъ лововъ, гдѣ ловили звѣря великій князь Витовтъ и другіе предки господаря. Господарь подтвердилъ, что и впредь такъ должно быть [210]). Но относительно намѣстниковъ старосты предписалъ ему, чтобы онъ «повстягнулъ» ихъ отъ того, на что жаловались Жмудскіе паны и бояре, и приказалъ имъ, чтобы они ѣздили по волостямъ «самотретъ або самочетвертъ», безъ тивуновъ суда не судили, не обременяли жителей подводами [211]).

§ 11.

Перемиріе, заключенное съ Москвою, какъ уже было сказано, не избавило великое княжество отъ необходимости содержать служебныхъ по украинымъ замкамъ. Серебщина, ухваленная на Виленскомъ соймѣ 1522 г., ушла на расплату съ ними, и къ началу 1524 г. литовское правительство снова должно было изыскивать средства для уплаты служебнымъ «заслужоного» и для удержанія ихъ на украинныхъ замкахъ на будущее время. Кромѣ того, предстояли расходы по отправленію хана Шигъ-Ахмата къ Заволжскимъ и Ногайскимъ татарамъ, которые просили литовское правительство отпустить къ нимъ царя. Для великаго княжества былъ большой интересъ поставить во главѣ Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ исконнаго врага Гиреевъ. Незадолго предъ тѣмъ Заволжскіе и Ногайскіе татары перебили Перекопскихъ татаръ,

---

[208]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 34.

[209]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 13—14.

[210]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 10.

[211]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 35.

пришедшихъ подъ начальствомъ своего хана Махметъ-Гирея добывать Астрахань, при чемъ погибъ и самъ Махметъ-Гирей съ сыномъ Богатыремъ и многими мурзами [212]). Отношенія между татарскими ордами установились самыя враждебныя. Это было какъ разъ на руку великому княжеству Литовскому, потому что преемникъ Махметъ-Гирея—Саадетъ-Гирей скоро взялъ высокомѣрный и угрожающій тонъ въ сношеніяхъ съ литовскимъ правительствомъ, писалъ Сигизмунду «вельми прикро, праве с отповедью». Но при такихъ обстоятельствахъ нельзя было отправить Шигъ-Ахмата съ пустыми руками. Надо было ублаготворить вполнѣ не только его самого, но и всѣхъ татарскихъ князей и мурзъ, которые его приглашали, надо было дать ему средства упрочить свое положеніе въ ордѣ. Между тѣмъ, по сознанію самого господаря, въ скарбѣ пенязей не было, «а коморы и мыта и иныи доходы... вси у долзехъ зашли, которыи браны и даваны на земскую посполитую потребу». Господарю ничего не оставалось дѣлать въ такомъ положеніи, какъ снова обратиться къ содѣйствію землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому *въ началѣ 1524 года* онъ созвалъ *великій соймъ въ Вильнѣ* [213]).

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ своего секретаря Михаила Вежкгайла съ особымъ посланіемъ. Въ этомъ посланіи господарь, изложивъ положеніе дѣлъ, обращался къ панамъ-радѣ духовнымъ и свѣтскимъ, княжатамъ, панятамъ и всему рыцарству съ предложеніемъ, чтобы они на сеймѣ «радили и мыслили и то нашли, чѣмъ быхмо мяли первое царя Завольского выправили и тымъ служебнымъ на тотъ рокъ имъ положеный за ихъ службу заплату вчинити и тежъ служебныхъ по замкамъ украиннымъ заховати». Затѣмъ, напомнивъ постановленіе прошлаго великаго сойма Виленскаго объ отправкѣ на украйну 2000 коней съ земель и повѣтовъ, господарь просилъ на теперешнемъ соймѣ эти 2000 коней «установити и зготовити» и назначить надъ ними старшого—въ виду враждебнаго настроенія Перекопскаго царя и въ виду того, что поляки рѣшили не посылать ему упоминковъ, а содержать вмѣсто того наемныя войска на украйнѣ. Панамъ-радѣ король поручалъ по связи съ этимъ привести Кіевъ въ оборонительное состояніе, послать туда орудія и боевые запасы, а также хлѣбные за-

[212]) *K. Pułaskiego* Szkice i poszukiwania historyczne, serya II, str. 348—350.

[213]) Объ этомъ Виленскомъ соймѣ находимъ упоминанье въ одномъ актѣ, писанномъ въ Краковѣ 7 іюня 1524 (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 96).

пасы съ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и людей для починки укрѣпленій съ Поднѣпрскихъ волостей.

На этомъ же сеймѣ посолъ короля долженъ былъ вручить канцлеру великаго княжества статутъ въ окончательной редакціи. Канцлеръ въ свою очередь въ присутствіи пановъ-рады долженъ былъ «выдать» статутъ поданнымъ великаго княжества, бывшимъ на сеймѣ, и приказать господарскимъ словомъ, «абы вже тымъ правомъ справовалися и радили».

Вопросъ объ «отправѣ» Заволжскаго царя не былъ рѣшенъ на Виленскомъ сеймѣ 1524 года. Литовское правительство отправило къ Заволжскимъ и Ногайскимъ татарамъ дворянина Заморенка съ предложеніемъ, чтобы сынъ Шигъ-Ахмата вышелъ въ степь съ обѣими ордами на встрѣчу своему отцу. Но Заморенка задержали въ ордѣ, и не было никакихъ извѣстій, на чемъ порѣшили татары. Для расплаты съ служебными за прошлую службу и для содержанія ихъ на будущее время сеймъ ухвалилъ *серебщину.* Эту серебщину должны были заплатить всѣ землевладѣльцы великаго княжества. Исключеніе сдѣлано было господаремъ для бояръ Витебской земли, которые упросили господаря отпустить имъ эту серебщину, такъ какъ «имѣнья и люди ихъ собраны и сказоны от людей неприятелскихъ». Кромѣ того, господарь отпустилъ мѣщанамъ Витебскимъ 30 рублей грошей изъ той же серебщины [214]). Ухвала серебщины и дала возможность господарю и панамъ-радѣ снова «панять» служебныхъ людей для украинныхъ замковъ [215]) и послать вмѣсто 2000 коней съ земель и повѣтовъ, какъ рѣшено было на предыдущемъ соймѣ, 2000 господарскихъ дворянъ «на пенязехъ».—Что касается статута, то паны-рада и другіе станы сойма «на тотъ часъ того для некоторыхъ члонковъ» не приняли и отложили до пріѣзда господаря въ великое княжество [216]).

Въ концѣ 1524 года господарь, оставаясь въ Польшѣ, снова созывалъ *великій соймъ въ Берестьѣ.* Къ этому времени накопилось много важныхъ государственныхъ дѣлъ, по которымъ ему нужно было имѣть «пораду» отъ пановъ-рады, сдѣлать распоряженія и напоминанія мѣст-

---

[214]) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 106, 107.

[215]) Напр., 28 іюня 1524 года король принялъ на службу ротмистра Несецкаго съ 50 пѣхотинцами для гарнизонной службы въ Полоцкѣ ab eo tempore, quo per consiliarios nostros M. D. Lithuaniae seruitium est indictum usque ad in finem (Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 462).

[216]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 521, 522, 524.

нымъ урядникамъ, предостереженія землевладѣльцамъ великаго княжества; къ послѣднимъ, кромѣ того, необходимо было обращаться за субсидіею при безденежьѣ скарба и неспособности его удовлетворить настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ. Всѣ эти побужденія и заставили господаря созвать не простой сеймъ пановъ-рады, а великій вальный соймъ въ Берестьѣ [217]).

На этотъ сеймъ господарь отправилъ съ своимъ посланіемъ все того же кн. Вежкгайла, къ тому времени назначеннаго бискупомъ Кіевскимъ. Прежде всего посолъ долженъ былъ говорить съ панами-радою объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя. Дѣло въ томъ, что отправленный къ Ногаямъ дворянинъ Заморенокъ все еще не вернулся; не вернулись и послы самого Шигъ-Ахмата, отправленные къ Ногаямъ вслѣдъ за Заморенкомъ. Поэтому король просилъ пановъ-раду подумать о томъ, что ему дѣлать въ томъ случаѣ, если эти послы и далѣе «омешкаютъ». На тотъ случай, если бы они вернулись отъ Ногаевъ съ новою просьбою отпустить къ нимъ Шигъ-Ахмата, король просилъ пановъ-раду заблаговременно рѣшить, кого послать вмѣстѣ съ нимъ въ орду, чтобы сдѣлать это уже безъ всякаго промедленія. Затѣмъ король выставлялъ на видъ панамъ-радѣ, что Крымскій ханъ, не дождавшись пословъ отъ короля, со множествомъ людей своихъ и съ помощью отъ царя Турецкаго вторгнулся въ корону Польскую, разлилъ много христіанской крови и починилъ подданнымъ короля великія «шкоды» [218]); то же самое, по слухамъ, намѣревается онъ сдѣлать и на будущее лѣто. Король указывалъ на то, что полякамъ и литовцамъ необходимо

---

[217]) Литов. Метр. кн. Запис. л. 208, 210. Сеймъ пановъ-рады имѣлъ мѣсто въ іюлѣ и августѣ того же года, и также въ Берестьѣ, гдѣ назначенъ былъ сборъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ и пановъ-рады, по случаю ожидавшагося вторженія въ великое княжество Крымскаго хана Сайдетъ-Гирея (Акты Зап. Рос. II, № 129). Этотъ сеймъ совѣщался объ отпускѣ къ Ногаямъ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата и требованіяхъ Крымскаго хана объ уплатѣ ему тѣхъ самыхъ ежегодныхъ упоминковъ, которые платились его отцу и брату, о вознагражденіи въ 5000 золотыхъ за разрушенье казаками его города Ослама и о возвращеніи пограбленныхъ съ кораблей пушекъ, 4000 золотыхъ и 90 т. аспръ (Документы Москов. Арх. Мин. Юстиціи т. I, стр. 518).

[218]) Лѣтомъ 1524 года турки и Бѣлгородскіе татары въ числѣ 12 т., а затѣмъ Крымскіе татары въ количествѣ 40 т. повоевали и опустошили земли Львовскую, Саноцкую, Бельзскую, Подольскую и отчасти Волынь. Хроника *Вановскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 193—197); *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVI, str. 222—224); *Стрыйковскаго* (tom II, str. 393); Acta Tomiciana VII, № XXXIX.

устроить оборону отъ татаръ и турокъ сообща: ни поляки одни безъ литовцевъ, ни литовцы безъ поляковъ противъ этихъ сильныхъ поганскихъ царей и ихъ войскъ ничего не могутъ подѣлать. Поэтому онъ просилъ пановъ-раду подумать и посовѣтоваться о томъ, какимъ бы образомъ сообща устроить отпоръ непріятелю и оборону обоимъ государствамъ, при чемъ извѣщалъ, что онъ, король, о томъ же самомъ будетъ совѣтоваться съ панами-радою коронными. Въ частности король просилъ пановъ-раду посовѣтовать, что отвѣчать хану на его требованіе относительно вознагражденія за разрушеніе казаками Осламова города и ограбленіе кораблей. Далѣе король указывалъ панамъ-радѣ на большую пользу, которую принесли казаки, стоявшіе прошлое лѣто на низу Днѣпра около Тавани подъ начальствомъ пановъ Семена Полозовича и Криштофа Кмитича, и просилъ пановъ-раду снарядить и на будущее лѣто такую же сторожу на низовые перевозы, для чего заблаговременно отправить въ Кіевъ сукна и нѣсколько сотъ копъ грошей.

Кромѣ опасности отъ татаръ, король обращалъ вниманіе пановъ-рады на опасности, которымъ великое княжество подвергается со стороны восточнаго сосѣда: вопреки перемирному договору пограничные намѣстники Московскаго государя вступаются во владѣнія великаго княжества, побрали не мало людей и земель Рѣчицкой и другихъ волостей и чинятъ себѣ рубежъ по Днѣпръ [219]). Король предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ выбрать «кого годного а доброго человѣка» и послать его къ великому князю Московскому съ напоминаньемъ, чтобы онъ «слова и присяги свое и листу перемирного полнилъ». Затѣмъ король выражалъ желаніе, чтобы паны-рада, пока стоитъ перемирье, обсудили, какъ бы привести къ доброму концу дѣло съ Московскимъ государемъ, ибо объ этомъ уже поздно будетъ думать, когда выйдутъ перемирныя лѣта.

Предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ мѣръ по оборонѣ и безопасности государства, Сигизмундъ съ своей стороны указывалъ на плохое состояніе украинныхъ замковъ Кіева, Полоцка, Витебска, Орши и другихъ, которые недостаточно оправлены и снабжены провіантомъ и боевыми припасами. Все это, по словамъ короля, произошло отъ нерадѣнья и недосмотрѣнія урядниковъ, которые, несмотря на неоднократныя приказанія, не посылали ни людей на работу къ этимъ

---

[219]) О наступательныхъ дѣйствіяхъ Московскаго государя сообщали Сигизмунду сами паны-рада въ посланіи отъ 10 августа 1524 г. (Acta Tomiciana VII, № LI).

замкамъ, ни живность. Поэтому король предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ «грозно» приказать урядникамъ, чтобы они озаботились посылкою людей на работы къ замкамъ и хлѣбныхъ припасовъ. Сверхъ того король выражалъ желаніе, чтобы паны-рада подумали о средствахъ для содержанія по примѣру прошлаго года двухъ или трехъ тысячъ дворянъ господарскихъ на украинныхъ замкахъ. Наконецъ, король указывалъ на то, что княжата, панята, урядники и шляхта оказываютъ мало послушанія господарю, не являются во время или даже совсѣмъ не пріѣзжаютъ на службу въ назначенное мѣсто, когда господарь обсылаетъ ихъ своими листами. Король предлагалъ панамъ-радѣ на этомъ же сеймѣ «грозно» приказать всѣмъ имъ, чтобы они явились на службу «з великою спешностью без каждого замешканья на першии листы», и объявить, что за непослушаніе господарь будетъ карать «безъ каждого милосердья», «горлы и именьи ихъ».

Княжата, панята, урядники и шляхта приглашались на этотъ сеймъ не для того только, чтобы выслушать всѣ эти грозные приказы и предостереженія. Король имѣлъ въ виду обратиться къ нимъ и за денежною помощью на предстоящіе государственные расходы, т. е. на уплату жалованья служебнымъ, службѣ которыхъ кончился срокъ, и на посылку нѣсколькихъ тысячъ дворянъ и казаковъ на будущее лѣто на украинные замки. Посолъ долженъ былъ отъ имени господаря просить пановъ-раду духовныхъ и свѣтскихъ, княжатъ, панятъ и все рыцарство, чтобы они на сеймѣ «радили, мыслили и то нашли», чѣмъ бы можно было заплатить служебнымъ за ихъ службу, а также и о томъ, на какія средства можно было бы содержать на украйнѣ нѣсколько тысячъ дворянъ и казаковъ на предстоящее лѣто.

Послѣднее порученіе, данное послу на сеймъ, касалось статута. Посолъ долженъ былъ предложить станамъ сейма принять статутъ безъ тѣхъ «члонковъ», которые не приняты были на прошломъ Виленскомъ сеймѣ и которые господарь обѣщалъ «поправити», когда пріѣдетъ въ великое княжество [220]).

Великій соймъ въ Берестьѣ едва ли состоялся. Король разсчитывалъ, повидимому, на то, что изъ Берестья не разъѣхалось еще земское ополченіе великаго княжества, и поэтому рѣшился воспользоваться сборомъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ для сеймоваго совѣщанія. Повидимому, этотъ планъ не удался, потому что вскорѣ послѣ того король долженъ былъ назначить сеймъ въ Новгородкѣ. И этотъ сеймъ,

---

[220]) Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 517—524.

какъ кажется, пріурочивался къ собранію земскаго ополченія великаго княжества, которое должно было имѣть мѣсто съ наступленіемъ весны 1525 г. въ виду ожидавшагося нападенія со стороны Крымскихъ татаръ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на этотъ сеймъ прибылъ первымъ гетманъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Но другіе станы сейма собрались тѣмъ временемъ *въ Вильнѣ*, гдѣ и состоялись совѣщанія по поводу текущихъ государственныхъ вопросовъ, такъ что сеймъ и въ Новгородкѣ не состоялся.

По словамъ пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, дѣло это произошло такимъ образомъ. Гаштольдъ написалъ королю, что необходимо собрать сеймъ въ Вильнѣ и, не сомнѣваясь въ согласіи короля, чтобы не тратить времени, разослалъ приглашеніе панамъ-радѣ и всѣмъ станамъ прибыть на сеймъ въ Вильну. Тѣмъ временемъ пришло распоряженіе короля о собраніи сейма въ Новгородкѣ. Но выполнить его было уже невозможно. Въ Вильнѣ уже находились въ сборѣ одиннадцать пановъ-радныхъ, маршалки, старосты, хоружіе, подкоморіе, державцы и почти вся Литовская и Жмудская шляхта. Ѣхать изъ Вильны въ Новгородокъ всему этому собранію было крайне затруднительно. Прибывшіе на сеймъ отослали по домамъ подводы, на которыхъ привезли себѣ съѣстные припасы: пришлось бы все бросить въ Вильнѣ, а въ Новгородкѣ покупать все дорогою цѣною. При томъ же въ Новгородкѣ собрались только трое пановъ радныхъ и немного шляхты, и большинство не хотѣло въ угоду меньшинству переѣзжать въ Новгородокъ. Поэтому рѣшено было продолжать совѣщанія въ Вильнѣ [221]). Отсюда паны-рада и отправили отвѣтъ королю на его предложенія [222]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точно, въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ, и какія сдѣланы были постановленія на этомъ Виленскомъ сеймѣ начала 1525 года.

Есть основаніе думать, что отвѣтъ, посланный королю панами-радою съ Виленскаго сейма начала 1525 г., не содержалъ какихъ-либо опредѣленныхъ рѣшеній по поводу предложеній короля. По крайней мѣрѣ приблизительно черезъ годъ король снова назначилъ сеймъ въ Вильнѣ [223]), на которомъ предлагалъ обсудить почти тѣ же самые во-

---

[221]) Гаштольдъ разсказалъ объ этомъ въ письмѣ къ королевѣ Бонѣ, посланномъ 3 іюня 1525 г., въ которомъ онъ просилъ ее защитить его предъ королемъ отъ навѣтовъ князя Острожскаго. Acta Tomiciana, tomus VII, anno MDXXV, № XXXVI.

[222]) Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 524.

[223]) Король назначилъ этотъ сеймъ, находясь на Петрковскомъ сеймѣ. Этотъ

просы, которые должны были обсуждаться на предшествующемъ соймѣ: «первое—о московскомъ, ижъ ужо перемирье борздо выйдеть, другое—о границахъ Лиөлянтскихъ и о цари Заволжскомъ и тежъ о цари Перекопскомъ и о замкохъ украинныхъ, абы были всими речьми осмотрены,... и тежъ о служебныхъ, чимъ бы мяла имъ служба плачона быти». Послѣднее предполагаетъ, что на сеймъ вызывались не одни паны-рада, но и другіе станы. Съ тѣми же самыми послами, которые привезли предложеніе короля, паны-рада отвѣчали, что они «такъ великихъ а важныхъ справъ... безъ небытности его милости господарское жадною мерою на томъ сойме справити не могли а не могутъ». Поэтому они просили короля, чтобы онъ, видя такія нетерпящія отлагательства дѣла, соблаговолилъ «на тое панство Великое князство Литовское ласкаве а милостиве возрети» и безъ замедленія пріѣхать съ королевою и королевичемъ, чтобы сообща съ ними мыслить обо всѣхъ этихъ дѣлахъ [224]). Едва ли не подобный же отвѣтъ послали королю паны-рада и съ предшествующаго Виленскаго сейма начала 1525 года. Между панами-радою не было согласія и единодушія. Самыя знатныя и вліятельныя лица среди нихъ враждовали другъ съ другомъ и при всякихъ случаяхъ сводили личные счеты. Воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ враждовалъ съ кн. Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, который вопреки установившемуся порядку пересѣлъ его въ радѣ господарской (кн. Константинъ Ивановичъ, будучи воеводою Троцкимъ, занялъ первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, на которомъ обыкновенно сиживали воеводы Виленскіе) [225]). Радивилы не могли помириться съ возвышеніемъ Гаштольда и дѣйствовали противъ него заодно съ Острожскимъ и его партіею [226]). При такихъ условіяхъ паны-рада оказывались не въ состояніи приходить къ согласнымъ рѣшеніямъ, иногда, какъ мы видѣли выше, не могли даже съѣхаться на сеймъ. При отсутствіи авторитетнаго и властнаго руководства, какое принадлежало на сеймахъ господарю и панамъ-радѣ, и

послѣдній происходилъ въ декабрѣ 1525 г. и въ январѣ 1526. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 287, 290, 292, 293; XIV, л. 164, 166, 170, 172, 174; Судныхъ дѣлъ IV, л. 125—128; Acta Tomiciana VIII, № XIV.

[224]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

[225]) Archiwum Sanguszków III, № CCXXX; Acta Tomiciana, t. VI, № XVIII, CLXVII.

[226]) Судныхъ дѣлъ IV, л. 107: «Зарука воеводе Виленскому пану Кгаштолту против подчашего пана Яна Миколаевича Радивила о безпечност здоровья». Краковъ 1525 іюля 14.

другіе станы не могли содѣйствовать рѣшенію текущихъ государственныхъ вопросовъ. Паны-рада совершенно справедливо представляли королю, что въ его отсутствіе они не могутъ ничего «справовати на соймахъ».

Королю между тѣмъ трудно было и почти невозможно вырваться изъ Польши и пріѣхать въ великое княжество. Сначала его задерживало прусское дѣло—необходимость во что бы то ни стало уладить отношенія къ магистру Прусскому и возстановить суверенитетъ Польши надъ Пруссіею. Кончилось это дѣло, и сейчасъ же появилось другое: пришлось заняться усмиреніемъ мятежа, возникшаго въ польской Пруссіи въ связи съ распространеніемъ реформаціи. Тѣмъ временемъ подоспѣли хлопоты по принятію наслѣдства отъ Мазовецкихъ князей, умершихъ безъ потомковъ мужского пола. Поэтому, несмотря на неоднократныя представленія пановъ-рады, что они безъ короля ничего не могутъ рѣшать и дѣлать, Сигизмундъ отправилъ къ нимъ снова тѣхъ же пословъ, какихъ посылалъ на Виленскій сеймъ, съ просьбою, чтобы паны-рада во всѣхъ дѣлахъ, какія будутъ касаться великаго княжества, «рачыли пилне а охотне справоваться и радити такъ, какъ бы было зъ его милости господарскимъ и вашее милости пановъ-радъ и земскимъ пожиткомъ». Съ своей стороны король обѣщалъ «то паметовати ласкою своею господарскою и всимъ добримъ, яко паномъ-радамъ своимъ вернымъ».

Въ то время при посредствѣ пословъ папскаго, цесарскаго и австрійскаго возобновились уже переговоры съ Москвою о мирѣ [227]). Сигизмундъ просилъ пановъ-раду, чтобы они, какъ только получатъ извѣстіе отъ этихъ пословъ, къ чему склоняется Московскій государь, къ миру или перемирію, немедленно рѣшили, кого послать къ нему въ посольствѣ и дали знать обо всемъ ему, господарю, а онъ уже пришлетъ отъ себя инструкцію для веденія переговоровъ. Затѣмъ Сигизмундъ просилъ пановъ-раду назначить магистру Ливонскому срокъ, когда должны съѣхаться съ обѣихъ сторонъ комиссары для исправленія границъ, въ виду того, что срокъ предложенный самимъ магистромъ оказался неудобнымъ «для небезпечности отъ поганства татаръ». Си-

---

[227]) Папскій посолъ Іоаннъ, епископъ Скаренскій, былъ принятъ королемъ въ Маріенбургѣ и снабженъ надлежащею инструкціею (Acta Tomiciana VIII, № XXXII). Это происходило въ промежутокъ времени между 24 и 30 іюля 1526 г. (Acta Tomiciana VIII, № CXXIX). Къ панамъ-радѣ великаго княжества король отправилъ пословъ, очевидно, уже послѣ ухода папскаго посла, въ первой половинѣ августа 1526 г.

гизмундъ увѣдомлялъ далѣе о томъ, что, по достовѣрныхъ слухамъ, татары предпринимаютъ вторженіе въ украинныя области, и что онъ отдалъ уже приказъ полякамъ быть готовыми къ войнѣ съ ними [228]), а на Подолье послалъ впередъ нѣсколько тысячъ служебныхъ людей. Онъ просилъ, чтобы и паны-рада разослали по великому княжеству тѣ военные листы, которые король ранѣе прислалъ, обозначивъ въ нихъ мѣсто и время сбора ополченія, а по украинпымъ городамъ наказали «великую чуйность мети», чтобы непріятель безвѣстно не вторгся въ великое княжество. Въ заключеніе король приказывалъ отпустить немедленно царя Заволжскаго, какъ только за нимъ придутъ люди отъ сына его, давши ему «датокъ» изъ скарба земскаго, какой ранѣе былъ назначенъ, и небольшой отрядъ войска для сопровожденія его до Кіева [229]).

Но еще прежде, чѣмъ прибыли эти послы отъ короля, паны-рада съ своей стороны отрядили къ королю кн. Яна, бискупа Виленскаго, и пана Юрія Миколаевича Радивила, звать короля въ великое княжество. Эти послы приняты были королемъ въ бытность его въ Варшавѣ, въ концѣ августа или въ сентябрѣ 1526 года. [230]). Отъ имени своей братьи, они настаивали, что королю необходимо прибыть въ великое княжество для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся этого государства. Прежде всего необходимо имѣть совѣтъ о томъ, пропускать или нѣтъ въ Москву папскаго посла, который ѣдетъ съ обѣщаніемъ великому князю Московскому короны и, по всѣмъ признакамъ, съ этою именно цѣлью, а не «для еднанья покою», и посланъ въ Москву [231]). Паны-рада выражали мнѣніе, что допускать великаго князя Московскаго «къ таковому повышенью чти» едва ли удобно и ссылались при этомъ на то, какъ поступилъ въ подобномъ же случаѣ король Казиміръ, когда папа Сильвестръ посылалъ въ Москву своего легата, и самъ Сигизмундъ, когда пріѣзжалъ отъ папы Льва X легатъ Захарія. Затѣмъ паны-рада указывали на необходимость имѣть совѣщанія относительно требованій Перекопскаго царя, который домогается упоминковъ, платившихся его предкамъ. При этомъ сообщали, что, по слухамъ, царь Турецкій согласился съ Перекопскимъ царемъ добывать Кіева, а потому

---

[228]) Acta Tomiciana VIII, № CXXXII, CXXXIII.

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 487—489.

[230]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531; XII, л. 314—333; XIV, л. 264—275.

[231]) Это опредѣляетъ время отправленія пословъ литовской рады. Повидимому, это имѣло мѣсто въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1526 г., предъ ожидавшимся прибытіемъ въ Вильну папскаго посла.

надо во что бы то ни стало озаботиться укрѣпленіемъ этого замка, снабженіемъ его провіантомъ и боевыми запасами, что не можетъ статься «достаточнѣ» въ отсутствіе господаря. Кромѣ того, въ отсутствіе господаря не можетъ быть «добрѣ отправленъ» и царь Заволжскій: приближается срокъ отправки его къ Ногайскимъ и Заволжскимъ татарамъ, а онъ не желаетъ уѣхать изъ великаго княжества, не повидавъ господаря; если отпустить его безъ этого, онъ усмотритъ въ томъ недостатокъ къ нему милости королевской и обиду, вслѣдствіе чего врядъ ли будетъ полезнымъ великому княжеству, и всѣ расходы на него, такимъ образомъ, пойдутъ даромъ. Наконецъ, паны-рада указывали королю, что приближается конецъ перемирію съ Московскимъ государемъ, который, по всѣмъ признакамъ, не хочетъ прекращать войны, и даже во время перемирія дѣлаетъ великія и частыя кривды подданнымъ в. княжества; подобное же терпитъ великое княжество и отъ магистра Ливонскаго: всѣ эти дѣла также требуютъ прибытія господаря въ великое княжество.

Намѣреніе папы предложить Московскому государю корону сильно взволновало и обезпокоило литовскихъ пановъ. Они поручили своимъ посламъ наединѣ передать королю, чтобы онъ никоимъ образомъ не пропускалъ въ Москву этой короны. Все это дѣло поляковъ, которые стараются унизить великое княжество, чтобы тѣмъ легче «втѣлить» его въ корону, господарское «дѣдитство» присоединить къ польскому государству. Указывая на то, что великое княжество Литовское настоящій оплотъ династіи, что литовцы давно «обрали» себѣ «за пана» королевича Сигизмунда, между тѣмъ какъ поляки до сихъ поръ и не подумали объ этомъ, паны-рада предлагали королю вытребовать у нихъ корону, которую они нѣкогда перехватили у Витовта, и вѣнчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будутъ имѣть «жадости» унижать великое княжество и присоединять его къ коронѣ, но будетъ «ровное братство и пріязньь» противъ всѣхъ непріятелей; если же поляки не выдадутъ короны, пусть король пошлетъ за нею къ папѣ, а они, литовцы, не пожалѣютъ никакихъ «накладовъ» на это дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ литовская рада совѣтовала королю присоединить Мазовецкое княжество не къ Польшѣ, а «къ парсунѣ» своей и посадить въ немъ своего сына: тогда поляки—рады-не рады—должны будутъ признать его своимъ государемъ—, чтобы не потерять Мазовіи [232]).

---

[232]) Акты Зап. Россіи II, № 144. Литовцы, повидимому, предпринимали нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи и въ самой Мазовіи. Быть можетъ, не безъ ихъ совѣтовъ мазовецкіе чины въ слѣдующемъ году подавали королю просьбу от-

§ 12.

Но и это приглашеніе не ускорило пріѣздъ короля въ великое княжество. Осенью 1526 года надвинулась на Польшу страшная гроза со стороны турокъ, которые разгромили венгровъ и ихъ союзниковъ, въ томъ числѣ и польскій отрядъ, подъ Могачемъ, при чемъ погибъ и племянникъ Сигизмунда, Чешско-Венгерскій король Людовикъ. Сигизмундъ долженъ былъ усиленно готовиться къ защитѣ Польши отъ турокъ и ихъ союзниковъ татаръ. Завѣтнымъ желаніемъ короля была организація прочной и постоянной обороны украйны силами и средствами всего государства. Въ 1525 году ему удалось добиться отъ Петрковскаго сейма постановленія (11 апрѣля) о производствѣ таксаціи всѣхъ имѣній королевства съ цѣлью равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Таксаціи не подлежали одни только столовыя имѣнья короля, доходъ съ которыхъ и безъ того шелъ на нужды государства. Къ концу 1525 года таксація была окончена, и всѣ переписныя книги представлены были на сеймъ, собравшійся также въ Петрковѣ. На этомъ сеймѣ шляхетскіе послы подняли цѣлую бурю протестовъ противъ этихъ книгъ и добились того, что таксація была отвергнута, а книги сожжены [233]). Сеймъ, какъ всегда, установилъ временный поборъ на содержаніе на украйнѣ наемныхъ отрядовъ, которые должны были навербовать воеводы подъ своею отвѣтственностью. Поборъ установленъ былъ на два года, а количество войска опредѣлено было въ 2000 человѣкъ [234]).

Опытъ вскорѣ доказалъ ничтожность этого средства обороны. Въ то самое время, когда часть этого войска (1500 человѣкъ) отправлена была на помощь Венгерскому королю, выступившему противъ турокъ, крымскіе татары перешли черезъ Днѣпръ и жестоко опустошили Волынскую, Бѣльзскую и Люблинскую земли [235]). Въ началѣ 1527 года татары въ количествѣ 26 тысячъ ворвались въ великое княжество Литовское и, пользуясь зимнимъ временемъ, проникли до Пинска, въ самую глубь болотистаго Полѣсья, а отсюда проникли до Бѣльзской и

пустить къ нимъ на княженіе королевича Сигизмунда-Августа (Acta Tomiciana IX, № 80).

[233]) Acta Tomiciana VII, anno MDXXV, № XXXI.

[234]) Acta Tomiciana VIII, № VI.

[235]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 213, 214).

Люблинской земель. Въ этихъ областяхъ, а также на Подгорьѣ и Подольѣ они набрали до 40 тысячъ полону, множество скота и всякой добычи. За ними погнался кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ кн. Слуцкимъ, князьями и панами Волынской земли, нагналъ ихъ подъ Каневомъ, положилъ на мѣстѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ и отнялъ весь полонъ и добычу [236]). Эта побѣда одержана была отчасти благодаря тактикѣ Острожскаго, который напалъ на татаръ, когда они спѣшились въ глубокомъ снѣгу, и не допустилъ ихъ до своихъ коней, а отчасти благодаря содѣйствію плѣнныхъ, которые при нападеніи Острожскаго бросились на татаръ и стали вырывать у нихъ оружіе. Хотя король и его подданные были въ восторгѣ отъ этой побѣды, тѣмъ не менѣе самый фактъ безпрепятственнаго вторженія татаръ въ самыя нѣдра Литвы и Польши въ связи съ угрожающею опасностью отъ турокъ заставилъ снова взяться за рѣшеніе вопроса о постоянной и надежной оборонѣ южной украйны.

На Краковскомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1527 года, снова былъ поднятъ вопросъ о таксаціи имѣній для установленія равномѣрнаго обложенія военными тягостями. Рѣшено было произвести эту таксацію тѣмъ же порядкомъ, какъ опредѣлено было на Петрковскомъ сеймѣ два года тому назадъ. Воевода, каштеляны, урядники и вся шляхта воеводства должны были съѣхаться въ назначенный срокъ на сеймикъ и выбрать двухъ шляхтичей на каждый повѣтъ, который вмѣстѣ съ каштеляномъ повѣта или другимъ урядникомъ по выбору (тамъ, гдѣ не было каштеляна) и должны производить таксацію, предварительно принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать при этомъ вполнѣ безпристрастно и добросовѣстно. Начало долженъ былъ положить воевода съ старшимъ каштеляномъ и двумя избранными таксаторами. Они должны были объѣхать главный повѣтъ воеводства, осматривая, оцѣнивая и таксируя имѣнье каждаго владѣльца, какое бы оно ни было—отчинное или заставное. Они должны были заѣхать въ каждый приходъ, а если нужно, то и въ села, мѣстечки и города, тщательно взвѣшивая доходность каждаго имѣнья и изслѣдуя его стоимость, для чего

---

[236]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 212) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 1, 2). *Стрыйковскій* (tom II, str. 394) и *Кояловичъ* (pars II, p. 385) число отбитыхъ плѣнныхъ опредѣляютъ въ 80 тысячъ; но это число преувеличено. О 40 тысячахъ отбитыхъ плѣнныхъ говорилъ папѣ въ своей рѣчи епископъ Францискъ на благодарственной мессѣ, которую служилъ папа по полученіи отъ Сигизмунда извѣстія о пораженіи татаръ (Acta Tomiciana IX, № 82).

должны опрашивать плебана или его викарія и другихъ окольныхъ людей, благородныхъ и простыхъ. Всѣ добытыя данныя они должны были вѣрно записать и помѣтить въ книгѣ. Такимъ же порядкомъ должна была производиться таксація и въ другихъ повѣтахъ воеводства. Чтобы дать возможность тѣмъ землевладѣльцамъ, которые имѣютъ земли въ разныхъ повѣтахъ, лично присутствовать при таксаціи всѣхъ своихъ имѣній, положено было начинать таксацію не одновременно во всѣхъ повѣтахъ, а постепенно, черезъ недѣлю по очереди. Таксаціи подлежали и церковныя имѣнья, такъ какъ духовные владѣльцы рѣшили заодно со свѣтскими нести жертвы на оборону государства. Вслѣдствіе этого постановлено было, чтобы архіепископы и епископы выбрали для каждаго воеводства двухъ лицъ, которые и должны были участвовать въ таксаціи вмѣстѣ съ свѣтскими таксаторами, переѣзжая изъ одного повѣта въ другой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда таксаторы разойдутся въ своихъ мнѣніяхъ, они должны были составить подробный протоколъ и доложить его королю на вальномъ сеймѣ для окончательнаго рѣшенія дѣла. Таксаціи не подлежали столовыя королевскія имѣнія, съ которыхъ доходы и безъ того шли на нужды государства. Но имѣнія королевскія, заставленныя кому-либо въ извѣстной суммѣ, за-одно съ другими владѣльческими имѣніями подлежали таксаціи и обложенію военною повинностью, которую король имѣлъ въ виду установить на вальномъ сеймѣ послѣ окончанія таксаціи [237]). Пока не былъ еще установленъ новый способъ обороны, сеймъ, какъ всегда, опредѣлилъ временный поборъ на содержаніе на украйнѣ постояннаго войска [238]).

Кромѣ хлопотъ объ устройствѣ постоянной и надежной защиты украйны отъ татаръ Сигизмунда удерживали въ Польшѣ и чешсковенгерскія дѣла. Послѣ смерти короля Людовика чехамъ и венграмъ предстояло выбрать себѣ короля. Сигизмундъ, какъ ближайшій родственникъ покойнаго короля Людовика, могъ быть избранъ королемъ, хотя съ своей стороны онъ не хлопоталъ объ этомъ и прямо заявлялъ, что не желаетъ новыхъ коронъ. Какъ бы то ни было, но приходилось дожидаться результата выборовъ. Чехи избрали королемъ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда, а большинство венгровъ седмиградскаго воеводу Яна Заполію. Но Фердинандъ не хотѣлъ помириться съ этимъ фактомъ и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы овладѣть и венгерскимъ престоломъ. Заполія съ своей стороны искалъ себѣ союзниковъ на сторонѣ и между прочимъ сносился съ Турецкимъ султаномъ,

---

[237]) См. универсалъ отъ 19 марта 1527 г. Acta Tomiciana IX, № 73.
[238]) Ibidem, № 74.

обѣщая ему платить дань. Это соперничество, такимъ образомъ, принимало оборотъ, небезопасный и для Польши, которая находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Венгріею. 27 сентября 1527 года Янъ Заполія проигралъ битву подъ Токаемъ и удалился въ Седмиградье, а отсюда на Подолье; Фердинандъ занялъ Венгрію и Седмиградье и короновался венгерскою короною [239]).

Послѣ того, какъ рѣшился такимъ образомъ вопросъ о чешско-венгерскомъ наслѣдіи, Сигизмундъ долженъ былъ снова заняться вопросомъ объ оборонѣ украйны, для чего созвалъ вальный сеймъ въ Петрковѣ ко дню св. Екатерины (25 ноября) [240]). На этомъ сеймѣ по примѣру предшествующихъ лѣтъ установленъ былъ временный поборъ на содержаніе наемнаго войска; отъ побора избавлена была только русская и подольская шляхта, обязанная во всякое время являться на войну съ татарами и турками [241]). По распущеніи сейма король воротился въ Краковъ, а оттуда отправился, наконецъ, въ великое княжество Литовское, гдѣ не былъ уже пять лѣтъ, и куда, по собственнымъ словамъ, призывала его величайшая необходимость (summa necessitas). Къ этому времени въ великомъ княжествѣ накопилось не мало важныхъ государственныхъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ нельзя было обойтись безъ содѣйствія князей, пановъ и шляхты великаго княжества. Поэтому *къ концу апрѣля 1528 года въ Вильнѣ созванъ былъ великій вальный соймъ* [242]). Этотъ сеймъ былъ самый продолжительный изъ всѣхъ, какіе собирались въ великомъ княжествѣ, ибо продолжался до конца 1528 г. и въ теченіе января и февраля 1529 года [243]). Такая продолжительность сейма объясняется во-первыхъ тѣмъ, что господарь и паны-рада слишкомъ долго заняты были разбирательствомъ тяжбъ и взаимныхъ обвиненій, порожденныхъ партійною враждою въ средѣ ли-

---

[239]) *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str, 210, 211. Kraków 1862.

[240]) Acta Tomiciana IX, № 285, 286.

[241]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 225); Acta Tomiciana X, № 72, 73.

[242]) Въ 1527 году король пытался собрать «вальный сеймъ» въ Берестьѣ. Но этотъ сеймъ, по всѣмъ признакамъ, не состоялся по случаю мобилизаціи всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества для обороны государства отъ татаръ. Archiwum ks. Sanguszków III, № CCCXXI.

[243]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 386, 387, 389; Акты Зап. Рос. II, № 152, 161; Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 384, 386, 409, 417, 418, 513, 519, 520; XIV, л. 332; XV, л. 31; Судныхъ дѣлъ XV, л. 224.

товской аристократіи [244]), во-вторыхъ, болѣзнью господаря, во время которой пріостанавливались всѣ дѣла на сеймѣ [245]), и наконецъ, многочисленностью и важностью вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на сеймѣ.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ оборонѣ государства. Хотя перемиріе съ Москвою въ 1526 году продолжено было до 25 декабря 1532 года [246]), тѣмъ не менѣе при безпрестанно повторяющихся пограничныхъ столкновеніяхъ всегда возможно было ожидать возобновленія войны съ Москвою. Съ другой стороны татары и турки угрожали въ одинаковой мѣрѣ великому княжеству Литовскому, какъ и коронѣ Польской. Сигизмундъ задумалъ поэтому и въ великомъ княжествѣ, какъ и въ Польшѣ, поставить дѣло государственной обороны на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, на почвѣ опредѣленнаго и равномѣрнаго обложенія военною повинностью землевладѣльцевъ государства. Господарь съ панами-радою на совѣщаніи на сеймѣ 1 мая 1528 года постановили, что паны-рада, княжата, панята и вся шляхта должны «къ службѣ земской завжды поготову быти» и съ каждыхъ 8 служебъ людей выставлять въ поле «пахолка на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, павеза и острогп двѣ» [247]). Дѣйствіе этой уставы предположено было на десять лѣтъ. Чтобы привести въ извѣст-

---

[244]) Дворянинъ королевскій Янъ Шамбоцкій 20 іюня 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Петру Томицкому: Interim usque in diem hodiernam praeter innumeras querelas, calumnias, clamores et quidvis potius, quam judicia, effectum hic est nihil. audivi aliquoties regem ipsum ea se molestia affici queritantem. Summa rerum multorum et pene omnium judicio penes Gastoldum. Conventus jam pridem semel atque iterum Lithuanis indictus nondum initium cepit, ajunt proximo die Lunae inchoandum, ad quem quidem conventum satis frequens multitudo provincialium huc confluxit teritque tempus non sine molestia... (Acta Tomiciana X, № 292). 30 іюля Шамбоцкій писалъ ему же: Occultis inimicitiis, simultatibus, technis et calumniis plena sunt omnia. Contra Gastoldum omnes fere vociferantur... Illud certum est, eundem Gastoldum velut rupem Marpesiam hactenus firmum et fixum in sua dignitate subsistere (Ibidem, № 361).

[245]) 20 декабря Шамбоцкій писалъ Томицкому о болѣзни короля: Durabat malum illud continuum paene mensem. Interea omnes actiones intermissae erant et tam miserabilis rerum facies, ut interregnum esse quispiam suspicaretur (Acta Tomiciana X, № 471).

[246]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145.

[247]) Акты Зап. Россіи II, №, 152.

ность, кто какъ долженъ служить, а равно въ цѣляхъ правильнаго поступленія денежныхъ «податковъ», установляемыхъ на сеймахъ, господарь съ панами-радою «и со всими поддаными всихъ панствъ великого князьства Литовского» умыслили и установили произвести во всемъ государствѣ «пописъ» земскихъ имѣній. Для этого въ каждомъ повѣтѣ державца долженъ былъ выбрать двухъ земянъ, «годныхъ вѣры», которые должны были вмѣстѣ съ дьякомъ объѣхать всѣ имѣнья, переписать владѣльцевъ ихъ и отобрать у нихъ подъ присягою свѣдѣнія относительно количества людей въ ихъ имѣньяхъ, ихъ воловыхъ и конскихъ сохъ и вообще относительно «маемости» каждаго человѣка. Державцы вмѣстѣ съ выбранными земянами и дьяками должны были представить реестры «попису» воеводѣ или главному старостѣ (въ Жмудской, напр., землѣ) и принести присягу въ томъ, что производили опись справедливо и никого и ничего не утаили. Для переписи господарскихъ людей, которые подлежали обложенію серебщиною и отчасти военной повинности (слуги путные, бояре посѣдные въ Жмудской землѣ) разосланы были особые переписчики изъ центра [248]).

Къ концу 1528 года «пописъ» былъ оконченъ, и принесены были къ господарю реестры съ обозначеніемъ, кто какъ долженъ служить[249]). Господарь съ панами-радою великаго княжества 21 января 1529 года подтвердили окончательно и разъяснили такимъ образомъ новую уставу объ «оборонѣ земской»: съ каждыхъ 8 служебъ долженъ выставляться ратникъ «конно и збройно, водлѣ уставы и ухвалы земское»; у кого имѣется только 8 служебъ, тотъ обязанъ выѣзжать только лично (женщина-землевладѣлица выставляетъ пахолка добраго); у кого имѣется менѣе восьми служебъ или даже совсѣмъ нѣтъ людей, тотъ обязанъ выѣзжать на войну «не водлѣ уставы, але водле можности своее»; въ счетъ служебъ за-одно съ тяглыми людьми должны идти слуги путные, данники и службы волочныя Подляшскія; исключались мѣщане, бояре, огородники князей, пановъ и шляхты; но мѣщане Подляшскіе, сидѣвшіе на волокахъ, должны были идти въ счетъ за-одно съ крестьянами; за неявку на военную службу и за неисправность постановлено было отбирать имѣнья на господаря цѣликомъ или частью [250]). Такъ рѣшенъ былъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ вопросъ объ оборонѣ, поста-

---

[248]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 44.

[249]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ I.

[250]) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI в.), № 198.

вленный на очередь по примѣру союзнаго съ нимъ государства. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, вопросъ былъ только поставленъ, но не рѣшенъ, и хотя таксація имѣній была произведена, но никакого новаго «способа» обороны на основаніи этой таксаціи не было установлено. Благія намѣренія короля разбились о сопротивленіе шляхты, которая требовала всего отъ государства, но всячески уклонялась отъ жертвъ на благо государства [251]).

«Пописъ» земскихъ и господарскихъ имѣній, производившійся въ 1528 г., долженъ былъ служить основаніемъ не только для обложенія военною повинностью, но и для раскладки «податка», который былъ установленъ на этомъ сеймѣ для расплаты съ «служебными» и выкупа замковъ и дворовъ господарскихъ. Сигизмундъ съ большими усиліями добился отъ становъ сейма «ухвалы» новой серебщины въ концѣ іюля 1528 года [252]). На сеймѣ обнаружилось сильное неудовольствіе противъ тѣхъ магнатовъ, которые воспользовались затруднительнымъ положеніемъ скарба для собственной наживы и, ссужая правительство деньгами подъ заставу господарскихъ имѣній, выхлопотали вмѣстѣ съ тѣмъ право держать эти имѣнья «до живота». Нѣкоторые изъ этихъ государственныхъ кредиторовъ усовѣстились и поспѣшили отступиться отъ своего права, несмотря на то, что оно гарантировано было въ заставныхъ привилеяхъ; но другіе ни за что не хотѣли отказаться отъ своего. Въ виду этого паны радные, у которыхъ не было подобныхъ привилеевъ, вмѣстѣ съ прочею шляхтою не хотѣли давать серебщину на выкупъ господарскихъ имѣній, если господарь не согласится исполнить слѣдующихъ условій: во-первыхъ, кассировать всѣ заставные привилеи, предоставляющіе кредиторамъ право держать господарскія имѣнья «до живота» и даже «до дву животовъ», т. е. пожизненно для себя и для одного изъ наслѣдниковъ; во-вторыхъ, не отдавать въ держанье «врядомъ» выкупленныхъ имѣній тѣмъ самымъ лицамъ, у кого эти имѣнья находились «въ заставѣ», а отдавать ихъ другимъ заслуженнымъ людямъ; въ-третьихъ, взыскивать въ пользу скарба на расплату съ служебными все, что кредиторы собрали съ заставныхъ имѣній не

[251]) *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom II, str. 59. Kraków 1890.

[252]) Упоминавшійся выше Шамбоцкій 30 іюля 1528 г. писалъ Томицкому: In conventu, qui tot dies actus est, *magna demum contentione* id perfectum est, pro quo omnes fere conventus agi solent, videlicet contributio, que Serepczina dicitur decreta. Hodie pronuntiari debent conventus decreta, ita heri regiam Mtem narrantem audivi (Acta Tomiciana X, № 261).

по уставѣ и не по условіямъ заставы, и наконецъ, конфисковать отчинныя, пожалованныя или купленныя имѣнія у тѣхъ, кто къ своимъ имѣніямъ прихватывалъ земли больше, чѣмъ слѣдовало, расширяя ихъ границы на счетъ господарскихъ земель. Станы сейма упорно стояли на этихъ требованіяхъ. Сигизмундъ, принимая во вниманіе, что онъ не можетъ наложить серебщину вопреки ихъ волѣ и правамъ, даннымъ имъ самимъ и его предками (nec subditos ultra privilegia per nos et praedecessores nostros eis concessa ad aliquas contributiones invitos compellere), не можетъ и обойтись безъ этой серебщины, и находя требованія становъ сейма резонными и клонящимися къ пользѣ государства, изъявилъ свое согласіе на поставленныя условія. По совѣту и сонзволенію многихъ пановъ радныхъ (de unanimi consensu et voluntate plurimorum consiliariorum) 1 августа 1528 г. онъ выдалъ грамоту, въ коей обязывался предъ станами сейма (ducibus, nobilibus totique communitati) выполнять всѣ эти условія (cautelas et conditiones superius expressas in omnibus punctis clausulis), въ свою очередь обязывая и станы сейма собрать сумму, необходимую для выкупа господарскихъ имѣній [253]). Этотъ *договоръ*, заключенный литовско-русскимъ государемъ съ своими подданными, какъ нельзя лучше подтверждаетъ наши соображенія о томъ значеніи, которое имѣлъ общеземскій привилей 1447 г. въ исторіи государственнаго развитія великаго княжества Литовскаго, и въ частности въ исторіи изучаемаго учрежденія. Этотъ привилей, поставивъ литовско-русскаго государя въ зависимость отъ добровольныхъ субсидій князей, пановъ и шляхты, обезпечилъ послѣднимъ возможность самаго дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи, во внутренней и внѣшней политикѣ, и пріобрѣтенія широкихъ политическихъ правъ.

Станы сейма опредѣлили собирать серебщину въ размѣрѣ 11 грошей и $2^1/_2$ пенязей со службы, или полторы копы съ 8 службъ, выставляющихъ одного коннаго ратника на военную службу. При этомъ обложенію подлежали только тѣ службы, которыя шли въ счетъ при обложеніи военною повинностью. Шляхтичи, не имѣвшіе людей, ничего не платили, ибо вообще съ барской запашки («съ домовыхъ сохъ») не взималось никакихъ налоговъ [254]). Землевладѣльцы должны были собрать деньги и представить въ скарбъ не позднѣе двухъ недѣль «по Велицѣ дни», о чемъ рѣшено было немедленно же объявить по всей

---

[253]) *Hr. Broel-Plater*, Zbiór pamiętników do dziejów polskich, tom I, str. 144—149. Warszawa 1858.

[254]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 96, 97.

землѣ и разослать листы по повѣтамъ и хоружимъ.—Кромѣ того, господарь, паны и вся земля «зволили» «не въ обычай серебщизнъ а ни ордыпщинъ, але къ помочи посполитоѣ рѣчи земскоѣ» положить платъ на всѣ мѣста господарскія и на всѣхъ частновладѣльческихъ людей, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. На каждое мѣсто наложена была опредѣленная сумма, которую оно обязано было внести въ скарбъ; раскладка же этой суммы между обывателями была уже дѣломъ мѣстскихъ властей. Всѣ жиды, жившіе въ господарскихъ мѣстахъ,—Троцкіе, Городенскіе, Пинскіе, Берестейскіе, Кобринскіе, Клецкіе, Луцкіе, Владимірскіе и Новгородскіе, должны были всѣ вмѣстѣ внести въ скарбъ на Великъ день 1000 копъ грошей, разложивъ эти деньги «сами на себе, якъ вѣдаючи, водлѣ можности кождого». Изъ всѣхъ этихъ денегъ 3½ тысячи копъ должны были пойти въ уплату служебнымъ (другія 3½ тысячи сеймъ просилъ короля выдать изъ скарба), а все остальное — на выкупъ заставленныхъ замковъ, мѣстъ и дворовъ господарскихъ [255]). Для пополненія недостающей суммы паны-рада духовные и свѣтскіе «вси зволили и прирекли» дать платъ съ своихъ людей «повторнѣ» на будущую осень «о святомъ Мартинѣ»; тогда же обѣщались внести въ скарбъ «готовыми пѣнязьми» за сукна, выданныя служебнымъ людямъ. Двадцать перваго января 1529 года эта «ухвала» получила окончательную санкцію господаря, какъ и военная устава [256]).

Воздѣйствіе Польши на государственную жизнь великаго княжества Литовскаго проявилось въ разсматриваемое время не въ одной только постановкѣ вопроса объ организаціи государственной обороны. Какъ уже было сказано, литовскіе князья, паны и бояре по примѣру польской шляхты стали добиваться отъ своего государя кодификаціи, дополненія и исправленія дѣйствующихъ законовъ. Въ удовлетвореніе этой просьбы и составленъ былъ статутъ великаго княжества Литовскаго. Но князья, паны и бояре не были довольны его редакціею и не приняли его для нѣкоторыхъ «члонковъ», вслѣдствіе чего статутъ все еще не былъ введенъ въ дѣйствіе. На сеймѣ 1528 и 1529 года продолжалась работа надъ окончательною редакціею статута. Въ нашемъ распоряженіи есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, почему станы

---

[255]) На великомъ Городенскомъ соймѣ 1522 г. далеко не всѣ заставы «спущены» были королю. Кромѣ того, нѣкоторыя державы отданы были въ заставу и послѣ Городенскаго сойма, напр., дворъ *Ошмена* (Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85), *Радунь, Ожа и Переломъ* (Archiwum Sanguszków III, № CCCLIII).

[256]) Акты Зап. Рос. II, № 161; *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 198.

сейма не приняли первую редакцію статута, и чего они добивались. Изъ листа господарскаго отъ 30 августа 1530 г., адресованнаго къ земянамъ Волковыйскаго повѣта, видно, что на этомъ сеймѣ господарь съ панами-радою «намыслили, ухвалили и установили», чтобы каждый державца въ своемъ повѣтѣ выбралъ двухъ земянъ для постояннаго присутствованія на судѣ его собственномъ и на судѣ его намѣстника [257]). Такое постановленіе сдѣлано было въ интересахъ шляхты для обезпеченія ей правосудія, и можно съ увѣренностью утверждать, что это постановленіе состоялось въ отвѣтъ на просьбу шляхты. Весьма вѣроятно, что были и другіе подобные же «члонки», внесенія которыхъ въ статутъ добивалась литовская шляхта, стремившаяся оградить себя отъ судебнаго неустройства и произвола магнатовъ [258]). Слишкомъ уже былъ удобенъ моментъ для расширенія правъ и вольностей шляхты, ибо отъ согласія этой шляхты зависѣло исполненіе завѣтнаго желанія, съ которымъ король обращался тогда къ станамъ сойма—возведенія на великокняжескій престолъ малолѣтнаго королевича Сигизмунда-Августа. Какъ бы то ни было, на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. была выработана окончательная редакція статута и принята станами сейма. Господарь послѣ того приказалъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что «новыя права» входятъ въ силу со дня св. Михаила, т. е. съ 29 сентября 1529 года, и когда наступило 29 сентября, вновь подтвердилъ свое распоряженіе [259]).

Господарь воспользовался сборомъ старостъ и державцевъ для того, что объявить имъ новую «уставу» относительно управленія господарскими дворами и волостями (прежняя была выдана въ 1514 г.)[260]). Устава предназначалась для обезпеченія интересовъ господарскаго скарба съ одной стороны и господарскихъ подданныхъ съ другой. Выдача ея,

---

[257]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 23.

[258]) Королевскій секретарь Шамбоцкій 20 декабря 1528 г. писалъ польскому подканцлеру Томицкому: *De neglectu justiciae etiam lamentantur multi,* at hoc ipsum negligi justiciam multis profuit. Itaque, ut ubique terrarum, sic hic in Lithuania divites regnant, pauperes famo pereunt, mediocres mussant, judicant, majoribus se taciti invident—sic se res habent (Acta Tomiciana X, № 471).

[259]) Акты Зап. Рос. II, № 165. Такимъ образомъ великое княжество Литовское въ данномъ случаѣ опередило Польшу. Въ Польшѣ новый статутъ также былъ составленъ, но единогласно отвергнутъ чинами Петрковскаго сейма 13 декабря 1534. Archiwum Sanguszków V, № CCIV.

[260]) *М. Любавскаго* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 23.

очевидно, вызвана была предстоящимъ возвращеніемъ изъ-подъ «заставы» господарскихъ дворовъ и волостей, для выкупа которыхъ станы сейма асссигновали извѣстную сумму [261]). Очень можетъ быть, что и составлялась эта устава при содѣйствіи самихъ державцевъ, для которыхъ она предназначалась. Заботясь о правильномъ и возможно большемъ поступленіи доходовъ скарба, Сигизмундъ рѣшилъ дать такую же уставу державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, подданные которой терпѣли «великое утисненье и обтяжливость» отъ старосты и тивуновъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ «велико собѣ стоскнули» и «зъ мѣстецъ своихъ прочь ся разошли и земли многіе опустили» [262]). Эта устава также объявлена была на великомъ Виленскомъ соймѣ въ началѣ 1529 года.

На этомъ соймѣ князья, паны, бояре и земяне—вся шляхта Кіевская били челомъ господарю о подтвержденьѣ правъ и вольностей Кіевской земли и о выдачѣ имъ новаго привилея (старые привилеи—короля Казимира, Александра и самаго Сигизмунда—сгорѣли въ Берестьѣ вмѣстѣ съ вещами писаря господарскаго пана Ивашка Горностаевича, у котораго они были «въ захованьи»). Король исполнилъ ихъ просьбу и выдалъ имъ новый привилей 1 сентября 1529 г. [263]).

На великомъ вальномъ соймѣ 1528—1529 г. подвергались обсужденію и рѣшенію не только дѣла внутренняго управленія, но и отчасти внѣшней политики. Магистръ Ливонскій прислалъ пословъ къ Сигизмунду съ просьбою, «абы чимъ налепей былъ впокой вчиненъ и границы бы были поправены стародавныи». Господарь «зъ суполными радами его милости якъ духовными, такъ и свѣтцкими, паны хоруговными, рыцерствомъ и шляхтою и со всими земяны, поддаными того великого князьства Литовского», «согленувши въ стародавный звычай», котораго держались его предки по отношенію къ магистру Лифляндскому, «умысливши зъ паны радами *и зъ волею рыцерства* шляхты», «для поправленья границъ и утвержденья старозвычайного покою» послалъ въ условленное мѣсто пана Троцкаго, старосту Жмудскаго

---

[261]) Акты Зап. Рос. II, № 159.

[262]) Тамъ же, № 160.

[263]) Акты Зап. Рос. II, № 164. Въ книгѣ Судныхъ дѣлъ Литовской Метрики № IV, л. 267—270 привилей Кіевской земли датировалъ 24 октября 1529 года. Вѣроятно, что привилей былъ изготовленъ къ 1 сентября и тогда же вписанъ въ книгу Метрики. Но выдача его состоялась на соймѣ, который собрался къ 15 октября 1529 г., при чемъ онъ вторично былъ внесенъ въ книгу Метрики другимъ писаремъ.

Станислава Станиславовича, подчашаго пана Яна Миколаевича Радивиловича и подскарбія земскаго Богуша Боговитиновича. Въ этотъ моментъ, когда состоялась эта посылка, на сеймѣ, какъ гласитъ запись Литовской Метрики, находились всѣ паны-рада великаго княжества Литовскаго, князья, паны-рада земли Русской—Кіевляне, Смольняне, Полочане, Витбляне и Жмудь [264]).

Въ настоящемъ случаѣ сказалась необычная предупредительность въ отношеніи рыцарства шляхты, ибо подобные вопросы разрѣшались обыкновенно господаремъ на совѣщаніяхъ съ панами-радою. Эта необычная предупредительность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ это время господарь сильно нуждался въ содѣйствіи шляхты по осуществленію своего намѣренія — возвести еще при жизни своей на великое княженіе королевича Сигизмунда-Августа. Въ послѣдніе годы Сигизмундъ сталъ прихварывать и даже на этотъ разъ по пріѣздѣ въ Литву болѣлъ сильнѣйшею горячкою, грозившею опасностью его жизни [265]). Въ виду этого и въ виду уже довольно преклоннаго возраста своего король вознамѣрился обезпечить за сыномъ своимъ, по крайней мѣрѣ, отчинное свое государство и возвести его на великое княженіе Литовское. Судьба сына безпокоила его тѣмъ болѣе, что поляки не дали ему никакихъ обѣщаній относительно сына его на подобіе тѣхъ, какія дали ему литовцы на Виленскомъ сеймѣ 1522 года [266]). Возведя сына на великое княженіе, Сигизмундъ разсчитывалъ, что и поляки поспѣшатъ избрать его королемъ, чтобы сохранить единеніе съ Литвою. Сигизмунда въ его намѣреніяхъ горячо поддерживала его супруга Бона, привыкшая къ власти, роскоши и почету и не желавшая со смертію мужа вернуться въ частную жизнь. Но въ данномъ случаѣ приходилось дѣйствовать исподволь, осторожно и секретно, чтобы безъ нужды не раздражать поляковъ и заставить ихъ считаться уже съ совершившимся фактомъ. Приходилось подготовлять литовцевъ къ совершенію акта въ частныхъ и тайныхъ совѣщаніяхъ. За всѣмъ этимъ должно было пройти не мало времени. Шляхтѣ, бывшей на сеймѣ, трудно было

---

[264]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199; *Hr. Broel - Plater*, Zbiór pamiętników I, str. 150—154.

[265]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 225). По свидѣтельству Шамбоцкаго, король хворалъ чѣмъ-то въ родѣ ишіаса или остраго ревматизма: Defluxerat suae Mti nescio quid mali in dextram coxam, quod eam adeo cruciabat, ut innixa duobus rugatissima fronte vix se e lectulo movebat (Acta Tomiciana X, № 471).

[266]) Акты Зап. Рос. II, № 144.

выносить продолжительное сеймованіе безъ перерыва, ибо на сеймѣ она должна была жить на собственномъ иждивеніи, и поэтому естественно, что къ веснѣ 1529 года простые шляхтичи разъѣхались съ сейма. Господарь не препятствовалъ этому, ибо ему важно было добиться согласія собственно литовской знати, за которой слѣдовала рядовая шляхта.

Такимъ образомъ, великій вальный соймъ 1529 года на лѣто прервался. Но паны-рада и знатнѣйшіе землевладѣльцы (proceres) оставались въ Вильнѣ при королѣ, и съ ними господарь велъ интимныя совѣщанія о задуманномъ торжествѣ, выдавалъ различные привилеи и разбиралъ текущія судебныя дѣла. Къ осени 1529 года Сигизмундъ увидалъ, что уже достаточно подготовлена почва для открытаго и рѣшительнаго дѣйствія и разослалъ всѣмъ «станамъ» приглашеніе явиться на сеймъ въ половинѣ октября 1529 года [267]).

Когда сеймъ собрался, то въ публичныхъ общихъ собраніяхъ его стали обсуждаться и рѣшаться различныя текущія дѣла. Король съ панами-радою «вмыслили и положили» платъ на людей господарскихъ, княжескихъ и панскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ съ каждой службы людей по 2 гроша, т. е., съ коня по 16 грошей, «на выправенье служебныхъ ку обороне» [268]). Обложенію не подлежали земяне-шляхта, которые не имѣли людей. Новый «платъ» должны были собрать хоружіе безвозмездно, по своей должности («съ ураду») [269]). Кромѣ того, «панове рады какъ духовныи и свѣтскии, такъ и вси земли подданыи его милости Великого князьства Литовского обецали и прыректи тыи городы и дворы, и волости его милости, которые суть еще у заставе, с подданыхъ своих плат положити и то его милости окупити». Тогда же король съ панами-радою «и со всими землями поддаными» установили ежегодный «съемъ судовый» въ Вильнѣ, «уступившы у постъ великий, у дву неделяхъ» [270]). Въ тайныхъ и частныхъ собраніяхъ тѣмъ временемъ рѣчь шла о предстоящемъ возведеніи Сигизмунда-Августа на великое княженіе. Всѣ станы сейма отнеслись къ этому съ сочувствіемъ,

---

[267]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 386—389.

[268]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 119—122; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530. 30 октября 1529 г., по записи Литовской Метрики, разосланы были дворяне съ листами, «што положенъ платъ на вси земли ку обороне земьской, с коня по шестьнадцати грошей» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 232).

[269]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 330.

[270]) Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 525—530.

и 18 октября состоялся этотъ торжественный актъ. При этомъ князья, паны и шляхта-рыцарство просили Сигизмунда выдать отъ себя и отъ сына новое подтвержденье всѣхъ правъ и вольностей, которыми пользовалось все великое княженіе, отдѣльныя его земли и отдѣльныя лица. Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу и выдалъ соотвѣтствующій эдиктъ, въ которомъ торжественно обязался сохранять въ неприкосновенности всѣ права великаго княжества какъ публичныя, такъ и частныя и обѣщалъ, что и сынъ его дастъ подобное же обязательство, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ [271]).

§ 13.

Въ началѣ ноября 1529 года [272]) Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу на Петрковскій сеймъ. Его расчеты на то, что возведеніе сына на великое княженіе Литовское заставитъ и поляковъ поторопиться его избраніемъ, оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Петрковскій сеймъ объявилъ Сигизмунда-Августа королемъ Польскимъ [273]). По окончаніи сейма король пріѣхалъ въ Краковъ, и здѣсь 20 февраля состоялась торжественная коронація Сигизмунда-Августа.

Внѣшнія и внутреннія дѣла Польши надолго задержали короля въ этомъ государствѣ. Приходилось съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за исходомъ борьбы за венгерское наслѣдство, въ которой принимали участіе турки, и которая могла затянуть въ себя и Польшу. Въ 1531 году подоспѣла война съ Волошскимъ воеводою Петрилою, которая затянулась и на 1532 годъ. Тѣмъ временемъ и татары продолжали тревожить своими набѣгами польскую украйну. Для устройства обороны королю приходилось попрежнему собирать сеймы и выпрашивать у нихъ субсидій, такъ какъ прочной и постоянной обороны государства,

---

[271]) Zbiór praw litewskich, str. 124—126.

[272]) 5 ноября король былъ еще въ Вильнѣ, но 10-го уже въ Городнѣ, 20—28 въ Мельникѣ. 10 декабря мы видимъ его уже въ Петрковѣ. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 278—296; Запис. XV, л. 220; XVII. л. 30.

[273]) Этотъ сеймъ по составу своему не былъ избирательнымъ, на который съѣзжалась шляхта viritim. Въ виду этого старый король 26 марта 1530 года далъ чинамъ королевства письменную гарантію въ томъ, что избраніе его сына не служитъ прецедентомъ на будущее время, что впредь, какъ бывало и прежде, короли будутъ избираться на избирательныхъ соймахъ, а не на обыкновенныхъ. Королева Бона съ своей стороны гарантировала чинамъ королевства, что сынъ ея, какъ только придетъ въ совершенный возрастъ, подтвердитъ присягою права и вольности королевства Польскаго (Archiwum ks. Sanguszków V, № CC, CCI).

составлявшей завѣтную мечту Сигизмунда, все еще не было установлено на сеймахъ. Нужно было, наконецъ, кончить такъ или иначе дѣло съ изданіемъ новаго кодекса, котораго требовала шляхта [274]). Всѣ эти дѣла продержали короля въ Польшѣ до 11 іюня 1533 года, когда онъ счелъ возможнымъ отправиться въ великое княжество [275]).

Во время своего отсутствія изъ Литвы король въ частныхъ случаяхъ поручалъ принятіе мѣръ по охраненію великаго княжества панамъ-радѣ. Но для рѣшенія главныхъ вопросовъ по охранѣ государства Сигизмундъ, какъ и прежде, созывалъ великій вальный соймъ. Таковой собирался *въ Вильнѣ въ началѣ 1532 года.*

На этотъ сеймъ Сигизмундъ отправилъ съ своими предложеніями подскарбія земскаго Горностая [276]). Упомянувъ о томъ, что Крымскій ханъ Сайдетъ-Гирей требуетъ тѣхъ же самыхъ «упоминковъ», которые платились его брату Махметъ-Гирею, король сообщалъ, что по этому поводу онъ имѣлъ совѣщанія съ панами-радою коронными, и они рѣшили не давать болѣе поминковъ Крымскому хану въ виду безполезности этого средства для обороны государства и постановили взамѣнъ

---

[274]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum tomus II, p. 230—247) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 9—30); *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 219—223.

[275]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 335; Scriptores rerum polonicarum II, p. 247.

[276]) Г. Довнаръ-Запольскій, напечатавшій «посольство» Горностая въ I томѣ Документовъ Архива Министерства Юстиціи, отнесъ его къ 1528 году (стр. 525, прим. I). Основаніемъ для него послужило указаніе, находящееся въ текстѣ «посольства», на то, что перемирію съ Московскимъ царемъ «отъ Божъего нароженья, што минуло, остаточный годъ выходитъ». Но этимъ остаточнымъ годомъ не могъ быть 1528 годъ, такъ какъ первое первое перемиріе съ Москвою истекло уже 25 декабря 1527 года (Акты Зап. Рос. II, № 120; *Н. Горбачевскаго* Археографическій Календарь, стр. VII). Другія указанія, находящіяся въ текстѣ разсматриваемаго документа, заставляютъ здѣсь видѣть «остаточный» годъ второго перемирія, заключеннаго до 25 дек. 1532 (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 143—145; Акты Зап. Рос. II, № 172), а самый документъ пріурочить къ концу 1531 г. Въ немъ говорится о коронаціи Сигизмунда, какъ уже о фактѣ прошломъ, и притомъ имѣвшемъ мѣсто въ «минуломъ» году, а эта коронація, какъ извѣстно, состоялась 20 февраля 1530 г.; говорится далѣе о войнѣ съ Волошскимъ воеводою, которая началась въ 1531 г. (въ 1528 г. не дѣлалось никакихъ приготовленій къ Волошской войнѣ, ибо незадолго передъ тѣмъ Петрило возобновилъ союзный договоръ съ Польшею) и т. д. И въ самой книгѣ Литовской Метрики это «посольство» записано среди документовъ 1531 года.

того держать на украйнѣ служебныхъ «а къ тому прылеглымъ землямъ къ тымъ служебнымъ конно и збройно ку помочы поготову быти». Такъ какъ вслѣдствіе этого надо опасаться, что Перекопскій царь, «доводячы собе тыхъ вноминковъ», вторгнется съ большимъ войскомъ въ великое княжество и можетъ надѣлать тамъ большіе убытки и разоренія, то король предлагалъ панамъ-радѣ и всѣмъ подданнымъ, которые будутъ на сеймѣ, принять такое же рѣшеніе, какое приняли поляки. При этомъ Сигизмундъ счелъ своимъ долгомъ предупредить станы, чтобы они не разсчитывали на помощь изъ господарскаго скарба: всѣмъ имъ вѣдомо, что господарь для земскихъ потребъ не только не щадилъ наличныхъ средствъ скарба, но и позаставлялъ свои города, дворы, мыта и волости, которые вернулись къ его рукамъ «вельми скажены и субожены», а иные и совсѣмъ еще не вернулись, такъ что надолго ему не будетъ съ нихъ прежнихъ «пожитковъ». При этомъ господарь напоминалъ объ обѣщаніи, данномъ на прошломъ сеймѣ касательно выкупа заставленныхъ господарскихъ имѣній и просилъ станы сейма, чтобы они согласно своему обѣщанію соблаговолили «на подданыхъ своихъ тую суму пенязей на томъ то сойме встановити и разложити» и выкупить эти города, дворы и волости. Затѣмъ господарь указывалъ на то, что онъ потратилъ массу денегъ изъ скарба на поправленье Кіевскаго замка, разорилъ совсѣмъ свои Поднѣпрскія волости ежегодными посылками на работы этого замка и все-таки не могъ привести его въ надлежащее оборонительное состояніе. Такъ какъ въ старину этотъ замокъ въ виду его особой важности исправлялся всѣми подданными великаго княжества Литовскаго, то господарь предлагалъ и на этотъ разъ обсудить и рѣшить, какъ и на какія средства достроить этотъ замокъ Кіевъ, чтобы можно было быть спокойными на случай непріятельскаго нападенія. Въ связи съ этимъ король предлагалъ панамъ-радѣ объявить князьямъ, панамъ и земянамъ Кіевской земли, чтобы они безъ замедленья пріѣзжали къ воеводѣ на замокъ «часу прыгоды» и занимали свои мѣста. Державцамъ замковъ Рошскаго, Мстиславскаго и Кричевскаго господарь предлагалъ приказать, чтобы они поправляли замки тамошними людьми и на деньги, которыя отпущены имъ изъ скарба, позаботились о снабженіи ихъ провіантомъ «и тамъ мешкали въ добромъ осмотреньи и осторожи». Въ заключеніе господарь предлагалъ объявить собравшейся на сеймъ шляхтѣ всѣхъ земель и грозно приказать, подъ страхомъ конфискаціи имѣнья, чтобы каждый изъ нихъ снарядился къ войнѣ «конно и збройно» съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться на назначенное мѣсто, какъ только разосланы будутъ господарскіе военные листы. Въ цѣляхъ безопасности государства король

предлагалъ панамъ-радѣ грозно приказать урядникамъ пограничныхъ съ Пруссіею и Ливоніею имѣній, чтобы они не занимали земель и водъ и не чинили никакихъ «зачепокъ» сосѣдямъ. Такъ какъ купцамъ Виленскимъ и Полоцкимъ стали въ послѣднее время чиниться въ Ригѣ притѣсненія и «новины», то король предлагалъ въ качествѣ временной мѣры «загамовати» дорогу изъ Полоцка и Вильны до Риги, другими словами — прервать непосредственныя торговыя сношенія съ Ригою, пока купцамъ великаго княжества не дано будетъ удовлетворенія.

Король желалъ далѣе, чтобы паны-рада на сеймѣ «мыслили и радили» о томъ, посылать ли пословъ къ великому князю Московскому для заключенія новаго перемирья, ибо заключенное ранѣе кончается черезъ годъ, и если посылать, то на какихъ условіяхъ мириться, и кого отправить послами. На необходимость рѣшать всѣ эти дѣла указывали господарю сами паны-рада, собиравшіеся предъ этимъ на сеймъ въ Меречи, для чего приглашали господаря пріѣхать хотя бы въ Берестье. Въ настоящемъ случаѣ, предлагая панамъ-радѣ заняться обсужденіемъ этихъ вопросовъ, господарь объявлялъ имъ, что онъ не можетъ исполнить ихъ просьбу и лично явиться въ великое княжество, такъ какъ на этотъ разъ «справы великии того паньства коруны Полское его милости упередили», именно—война съ Волошскимъ воеводою.

Дальнѣйшія предложенія короля касались нѣкоторыхъ вопросовъ внутренняго управленія. Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ на сеймѣ измѣнить состоявшееся ранѣе постановленіе относительно судоваго сейма,—вмѣсто одного установить два судовыхъ сейма ежегодно: первый на Рождество Христово, такъ какъ въ это время бываетъ хорошая зимняя дорога, и всѣ подданные съ замковъ украинныхъ: съ Полоцка и съ Витебска, съ Кіева, Жмуди и Волыни могутъ къ тому времени прибыть на этотъ сеймъ и привести съ собою съѣстные припасы, а побывъ на сеймѣ вернуться до домовъ своихъ по хорошей дорогѣ; а второй—на седьмую субботу, въ виду того, что въ то время бываютъ вѣсти о вторженіи людей непріятельскихъ, и паны-рада могутъ лично объявить собравшейся на сеймъ шляхтѣ, чтобы готовились идти на войну, и такимъ образомъ избѣжать лишней проволочки. Король предлагалъ панамъ-радѣ въ томъ случаѣ, если они рѣшатъ вопросъ о судовыхъ сеймахъ въ смыслѣ его предложеній, объявить о своемъ рѣшеніи собравшейся шляхтѣ. Далѣе король обращалъ вниманіе пановъ-рады на неисправное поступленіе «плата», установленнаго на прошломъ сеймѣ въ размѣрѣ 2 грошей со службы, такъ что воевода Виленскій на собранныя деньги могъ выправить на украйну только 200 коней. Король предлагалъ панамъ-радѣ призвать къ себѣ бирчихъ и довѣ-

даться отъ нихъ, кто не заплатилъ, а затѣмъ доправить «моцно» на имѣньяхъ таковыхъ неисправныхъ плательщиковъ [277]).

Вслѣдъ за Горностаемъ король, по желанію коронныхъ сенаторовъ, отправилъ въ Литву пана Холмскаго просить литовцевъ, чтобы они оказали помощь Польшѣ противъ Волошскаго воеводы и прислали уполномоченныхъ для установленія «обороны зуполное коруны Полской и великому князьству».

Всѣ эти предложенія и были предметомъ совѣщаній пановъ-рады и отчасти другихъ становъ, собравшихся на сеймѣ 1532 года. Какія рѣшенія были приняты на этомъ сеймѣ, и что отвѣчала королю литовская рада, объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтовъ короля, данныхъ на письмо пановъ-рады и на рѣчи, которыя говорили отъ имени литовской рады послы—кн. Миколай, бискупъ Жомойтскій, и панъ Иванъ Сопѣга, воевода Подляшскій [278]).

По вопросу объ оборонѣ отъ татаръ литовцы уполномочили своихъ пословъ войти въ соглашеніе съ поляками. По поводу другихъ предложеній короля, касающихся обороны границъ, паны рада отвѣчали, что они во всѣхъ этихъ дѣлахъ «пилность и печу великую маютъ», но не могутъ «тымъ справамъ досыть вчинити», такъ какъ многіе урядники ихъ не слушаютъ, и прежде всего подскарбій земскій, который не выдаетъ денегъ на земскія потребы, вслѣдствіе чего украин-

---

[277]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I, стр. 525—530.

[278]) Г. Довнаръ-Запольскій отнесъ прибытіе этихъ пословъ и «отказъ» отъ короля сначала къ 1537 году (Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 г., стр. 7). Но если бы этотъ «отказъ» данъ былъ дѣствительно въ 1537 году, въ немъ не могло бы находиться никакой фразы: «што ся дотычеть речы з Московскимъ, с которымъ вже перемирье выходить». Въ 1537 году перемирье не выходило, а вновь устанавливалось на пять лѣтъ послѣ военныхъ дѣйствій. Точно такъ же невѣрна и другая дата (1529 г.), установленная г. Довнаръ-Запольскимъ для того же «отказа» позже, въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.)», гдѣ напечатанъ и самый документъ (№ 199). Сигизмундъ почти весь 1529 г. пробылъ въ великомъ княжествѣ (въ Польшу попалъ въ началѣ декабря), и панамъ-радѣ не зачѣмъ было переговариваться съ нимъ черезъ пословъ. Второй датѣ г. Довнаръ-Запольскаго противорѣчитъ и содержаніе документа, изъ котораго явствуетъ, что паны-рада звали господаря въ великое княжество. Такой призывъ едва ли могъ быть посланъ вслѣдъ за уѣхавшимъ господаремъ. Вообще все содержаніе документа связываетъ его хронологически съ «посольствомъ Горностая», относящимся къ 1531 г., и притомъ такъ, что «отказъ» могъ быть данъ только послѣ, а не до этого «посольства». Наконецъ, и волошская война, о которой говорится въ «отказѣ», началась только въ 1531 г.

ные замки очень опали и не снабжены никакими запасами. Что касается предложенія короля достраивать Кіевъ силами и средствами всѣхъ землевладѣльцевъ государства, то паны-рада совсѣмъ уклонились отъ отвѣта, видимо считая постройку Кіева обязанностью господаря. На приказаніе короля не чинить никакихъ «зачепокъ» Прусскимъ и Ливонскимъ нѣмцамъ, паны-рада отвѣчали заявленіемъ, что съ земель нѣмецкихъ, съ Ливоніи и Пруссіи, «кривды ся великие деютъ в забраньи земль и въ иншихъ речах», и просьбою, чтобы король выслалъ поскорѣе на границы комиссаровъ, которыхъ выбрали паны-рада. Къ этому паны-рада присоединили просьбу, чтобы таковые же комиссары высланы были и для исправленья границъ съ короною Польскою, при чемъ съ польской стороны должны быть назначены для этого паны радные, у которыхъ по этимъ границамъ нѣтъ ни староствъ, ни имѣній. Такъ какъ приказъ короля о томъ, чтобы со стороны великаго княжества не чинилось никакихъ «зачепокъ» нѣмцамъ, адресованъ былъ ко всѣмъ станамъ сейма, то мы въ правѣ предположить, что и паны-рада въ настоящемъ случаѣ передавали общія заявленія и желанія землевладѣльцевъ великаго княжества, выраженныя на сеймѣ, ближайшимъ образомъ тѣхъ, у кого были имѣнья на границахъ съ Ливоніею, Пруссіею и Польшею. Такимъ же общимъ заявленіемъ со стороны становъ сейма является, очевидно, и представленіе, которое дѣлали королю паны-рада по поводу того, что въ данное время землевладѣльцы не могутъ выѣзжать на войну съ тѣмъ «почтомъ», который установленъ за ними на основаніи произведеннаго пописа ихъ имѣній, такъ какъ «мало не половицу того почту отмерло». Это заявленіе сдѣлано было, очевидно, по поводу предложенія короля, чтобъ всѣ готовились къ отправкѣ на войну по первому приказу короля. Кромѣ того, княжата, панята и все рыцарство, по сообщенію пановъ-рады, жаловались на сеймѣ, что «много речей повстало» вопреки тѣмъ вольностямъ, которыя король далъ имъ во время «поднесенія» на великое княженіе его сына.

Паны-рада совѣщались на сеймѣ и о московскомъ дѣлѣ. Въ то время отъ украинныхъ урядниковъ получены были вѣсти, что въ землѣ Московскаго государя «великій замятокъ ся сталъ», у великаго князя произошелъ «розтыркъ» съ братьями, изъ которыхъ одинъ, Андрей, захватилъ Бѣлоозеро съ великокняжескою казною, а другой, Юрій, взялъ Рязань и другіе украинные города и поднялъ на старшаго брата татаръ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей паны-рада не могли согласиться между собою, заключать ли миръ или перемирье съ Москвою или же начинать войну. Они отправили въ Москву дворянина Бокея для провѣрки на мѣстѣ полученныхъ извѣстій, а господаря просили поторо-

питься пріѣздомъ въ великое княжество для рѣшенія этого важнаго вопроса. На просьбу поляковъ о помощи противъ воеводы Волошскаго паны-рада отвѣчали, что они «около того намовяли зъ землею, то есть, рыцерствомъ великого князьства», но оно «произволить на то» не хотѣло, принимая во вниманіе «записы стародавныи покою звечыстого и прысяги между великимъ княжествомъ а воеводствомъ Волошскимъ».

Изъ всего этого видно, что совѣщанія, происходившія на сеймѣ въ началѣ 1532 г., не были богаты положительными результатами въ смыслѣ желаній короля. Единственнымъ результатомъ была посылка уполномоченныхъ для соглашенія съ поляками касательно совмѣстной обороны отъ татаръ. Мы не знаемъ къ какимъ результатамъ привели эти переговоры; повидимому, ни къ какимъ [279]).

Итакъ, королю не удалось получить отъ литовцевъ, чего онъ желалъ, а наоборотъ—пришлось самому исполнять разныя ихъ просьбы и давать разныя обѣщанія. Такимъ образомъ, король долженъ былъ приказать подскарбію земскому снабдить припасами замокъ Кіевскій и служебнымъ тамошнимъ за службы заплатить изъ скарба земскаго. Для ремонта замка Орши король также долженъ былъ дать деньги изъ скарба и послать людей Любошанской волости, а для снабженія провіантомъ замковъ Полоцкаго и Витебскаго приказать нѣкоторымъ державцамъ отослать туда жита по нѣскольку бочекъ. Относительно поправленья границъ съ Ливоніею и Пруссіею король предложилъ панамъ-радѣ снестись предварительно съ обоими магистрами и установить по взаимному соглашенію мѣсто и время для съѣзда комиссаровъ съ той и другой стороны, которые и должны будутъ исправить границы и учинить «розсудокъ» обо всѣхъ «кривдахъ» тамошнимъ подданнымъ. Точно такъ же король предлагалъ панамъ-радѣ выбрать комиссаровъ и на польскую границу, обѣщая сдѣлать то же самое со стороны Польши съ коронными панами-радою. Выразивъ недоумѣніе по поводу жалобъ становъ литовскаго сейма на то, что будто бы нарушаются ихъ права и вольности, король тѣмъ не менѣе обѣщалъ по пріѣздѣ своемъ въ великое княжество «ширей о томъ мовити» какъ съ панами-радою, такъ и со всѣмъ рыцарствомъ великаго княжества

[279]) Г. Довнаръ-Запольскій въ своей статьѣ «Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1589 года» (стр. 6) сообщаетъ, что литовскіе уполномоченные 26 марта 1532 года заключили формальный договоръ о совмѣстной оборонѣ отъ татаръ, ссылаясь на запись, помѣщенную на 14 и 15 лл. IV книги Коронной Метрики Архива Мин. Иностр. дѣлъ. Но помѣщенная тамъ запись излагаетъ не договоръ, а кондиціи, предложенныя литовскими уполномоченными 26 марта 1512, а не 1532 года.

Литовскаго. Въ одной только просьбѣ король далъ литовцамъ категорическій отказъ, именно, не согласился уменьшить размѣръ «почтовъ», съ которыми литовскіе землевладѣльцы должны являться на войну. Король мотивировалъ свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что землевладѣльцу, у котораго умеръ подданный, достается «домъ и вси статки его и земля и вси пожитки»: «и онъ, того вжпваючи, про которую бы прычыну не мял сполна того почту водле попису и ухвалы земское ку службе становити».

На просьбу пановъ-рады пріѣхать въ великое княжество для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ съ Московскимъ государемъ или, по крайней мѣрѣ, дать имъ инструкцію относительно этого дѣла король отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, онъ никоимъ образомъ не можетъ въ данное время прибыть въ великое княжество: воевода Волошскій безъ всякой причины началъ съ нимъ войну и уже занялъ не малый край государства Польскаго; не перевѣдавшись съ этимъ непріятелемъ, ему нельзя уѣхать изъ Польши и «опустить» свое дѣло, которое потомъ трудно будетъ и поправить. Указавъ на неподготовленность великаго княжества Литовскаго къ войнѣ и на оборонительный союзъ, который Московскій государь, по слухамъ, заключилъ съ магистромъ Ливонскимъ, король посовѣтовалъ панамъ-радѣ отправить въ Москву великихъ пословъ для заключенія перемирія года на три-на четыре, чтобы тѣмъ временемъ можно было надлежащимъ образомъ приготовиться къ войнѣ. Король совѣтовалъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе выяснилось положеніе дѣла съ Москвою [280]).

Литовская рада поступила согласно совѣту короля и немедленно отправила въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ. Имъ удалось только продолжить перемиріе до 25 декабря 1533 года [281]). Но и это въ положеніи Сигизмунда было великимъ благомъ, потому что дало ему возможность на время развязаться съ волошскою войною и подготовиться къ войнѣ съ Москвою.

§ 14.

Въ концѣ іюня 1533 года король пріѣхалъ въ великое княжество [282]). Его встрѣтило съ великою радостью множество собравшейся

---

280) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 199.

281) Акты Зап. Рос. II, № 172.

282) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 385, 386, 390.

литовской знати. Послѣдовало совѣщаніе короля съ панами-радою, находившимися въ полномъ составѣ (frequenti senatu, какъ выражается Ваповскій). Рѣшили отправить въ Москву новыхъ пословъ для заключенія мира на условіи возвращенія Смоленска и другихъ, оторванныхъ отъ Литвы областей. Но Москва не имѣла обыкновенія выпускать легко то, что разъ уже попало въ ея руки, и послы скоро вернулись изъ Москвы ни съ чѣмъ [283]).

Въ концѣ 1533 г. паны-рада еще разъ попытались возобновить съ Москвою переговоры о мирѣ. Въ началѣ ноября они отправили къ боярамъ московскимъ кн. Димитрію Ѳедоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину посланника Клиновскаго съ просьбою уговорить великаго князя отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія или же прислать опасную грамоту для великихъ пословъ литовскихъ. Клиновскій уже не засталъ Василія въ живыхъ. Хотя новое правительство московское и выразило желаніе установить между обоими государствами такія же отношенія, какія существовали при в. князѣ Иванѣ Васильевичѣ и королѣ Казимирѣ, но въ Литвѣ настроеніе уже измѣнилось не въ пользу мира [284]). Обстоятельства въ Московскомъ государствѣ сложились такимъ образомъ, что побуждали литовцевъ къ начатію войны. Новый великій князь былъ ребенокъ; при дворѣ происходили смуты и несогласія между боярами; готовилась удѣльная усобица со стороны дядей малолѣтняго великаго князя. Литвѣ представлялся удобный случай вернуть назадъ все то, что Москва оторвала отъ великаго княжества. Внѣшнія обстоятельства сложились также благопріятно для великаго княжества. Война съ волохами прекратилась; охмистръ молодого короля Сигизмунда-Августа Опалинскій заключилъ перемиріе съ турками «до дву животовъ», т. е. до конца жизни Сигизмунда и его сына съ одной стороны, султана и его сына съ другой [285]). Однако, господарь не рѣшился взять на свою отвѣтственность возобновленіе войны, тѣмъ болѣе, что у него не было для нея и необходимыхъ средствъ, и потому для рѣшенія этого вопроса постановилъ съ панами-радою созвать великій соймъ.

Въ началѣ января 1534 года разосланы были «соймовые» листы, въ которыхъ господарь приглашалъ пановъ радныхъ и всѣхъ урядниковъ, княжатъ, панятъ и рыцарство-шляхту всѣхъ земель великаго княжества на вальный сеймъ въ Вильну на масленое заговѣнье (15 фев-

[283]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 247).
[284]) Акты Зап. Рос. II, № 175.
[285]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII, л. 91, 92.

раля). Приглашеніе мотивировано кратко: «бо маемъ некоторые дела нашы и земъские пилные справовати». Шляхта не вся приглашалась на сеймъ, но хоружіе въ своихъ повѣтахъ должны были выбрать двухъ «добрыхъ» земянъ и съ ними пріѣхать на сеймъ; въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр., въ Полоцкой, этотъ выборъ предписывалось сдѣлать воеводамъ. Воеводамъ и державцамъ украинныхъ замковъ предписывалось не пріѣзжать на сеймъ, но оставаться на своихъ замкахъ съ служебниками, пребывать «у доброй опатрности и в осторожы», уряжать все такъ, чтобы было «з нашымъ господарскимъ добромъ и земскимъ пожиточнымъ» [286]).

На сеймѣ господарь съ панами-радою рѣшили воевать съ Москвою, для чего мобилизировать земское ополченіе великаго княжества. Крайнимъ срокомъ для сбора войска назначена была седьмая суббота, приходившаяся въ тотъ годъ на 23 мая; мѣстомъ для сбора земскаго ополченія великаго княжества назначенъ былъ Минскъ. Въ половинѣ марта разосланы были о томъ листы по всему великому княжеству [287]). Но такъ какъ въ предстоящей войнѣ нельзя было обойтись безъ наемныхъ войскъ, то господарь съ панами-радою и со всѣми подданными великаго княжества, находившимися на сеймѣ, положили «платъ» на всѣхъ подданныхъ господаря, королевы, духовенства, княжескихъ, панскихъ и земянскихъ. «Платъ» этотъ опредѣленъ былъ въ такомъ размѣрѣ: съ каждаго рабочаго вола или коня—6 грошей [288]); кто имѣетъ землю, но не имѣетъ ни вола, ни коня, долженъ заплатить 6 грошей; огородники платятъ по три гроша; побору подлежатъ и люди, сидящіе «на воляхъ». Землевладѣльцы должны были сами собрать съ своихъ людей поборъ и вручить его особымъ бирчимъ, присланнымъ отъ господаря въ каждый повѣтъ, при чемъ принести присягу въ томъ, что поборъ выбрали правильно и ничего не утаили. Повѣтовые бирчіе должны были отдать собранныя суммы главнымъ бирчимъ — пану Александру Ивановичу Ходкевичу, старостѣ Берестейскому, державцѣ Вилькейскому, Остринскому и Кнышинскому, и секретарю Павлу Нарушевичу, державцѣ Жижморскому, и въ свою очередь присягнуть, что взяли поборъ правильно и ничего не утаили. Съ тѣхъ, кто не отдастъ во время поборъ, опредѣлено было взыскивать его вдвойнѣ. Бирчимъ за труды положено было

---

[286]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99.

[287]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 115.

[288]) Варіантъ: съ каждой сохи воловой по 12 грошей, а съ конской по 6 гр. (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201; Судн. VIII, л. 165—167).

вознагражденіе въ размѣрѣ одного гроша съ двухъ воловъ [289]). Поборъ былъ ухваленъ на три года. На мѣста господарскія серебщина положена была общею суммою [290]).

Лѣтомъ 1534 года начались военныя дѣйствія между великимъ княжествомъ и Москвою. Въ войнѣ участвовало не только земское ополченіе великаго княжества, но и «пеняжные дворяне» и «служебные жолнеры», навербованные за деньги въ Польшѣ [291]). Война въ общемъ пошла успѣшно для литовцевъ, которымъ удалось не только вытѣснить московскія войска, но и перенести войну въ предѣлы Московскаго государства, сжечь нѣсколько городовъ и разбить московскую рать подъ Стародубомъ [292]). Но едва только литовскія войска послѣ того разошлись по домамъ, москвитяне опять вторглись въ Литву, сожгли Полоцкъ и Витебскъ, нѣсколько селъ и безнаказанно удалились во свояси. Сигизмундъ почувствовалъ съ особенною силою необходимость увеличить количество наемнаго постояннаго войска для обороны украинныхъ замковъ. Этого нельзя было достигнуть безъ увеличенія средствъ, ассигнованныхъ сеймомъ на веденіе войны. Но такъ какъ вновь собирать вальный сеймъ было несвоевременно, Сигизмундъ рѣшилъ извернуться такимъ образомъ: увеличить размѣръ второй серебщины и уменьшить размѣръ третьей — въ надеждѣ, что новый сеймъ дастъ средства для покрытія расходовъ, которые не покроетъ третья серебщина. 20 ноября 1534 года онъ разослалъ по всему великому княжеству листы съ приказаніемъ, чтобы землевладѣльцы вторую серебщину заплатили въ размѣрѣ 15 грошей съ воловой сохи и 7½ съ конской; кто не имѣетъ ни воловъ, ни коней, а одну только землю, платитъ также 7½ гр.; кто не имѣетъ земли, но однихъ только рабочихъ воловъ, платитъ по 7½ гр. съ вола; съ огорода должно платить 3 гроша [293]). Срокомъ отдачи новой серебщины король назначалъ 6 ян-

---

[289]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 125, 126. Срав. хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 247) и *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 31).

[290]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 164; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

[291]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

[292]) Хроники *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum II, p. 251); *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 34, 35); *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 394, 395.

[293]) Изъ сопоставленія настоящаго универсала съ предшествующимъ можно вывести заключеніе, что воловая соха обкладывалась вдвое по сравненію съ конской потому, что въ нее впрягалась пара воловъ.

варя 1535 года. Каждый державца съ хоружимъ долженъ былъ объѣхать свой повѣтъ, переписать въ каждомъ имѣньѣ людей и количество ихъ сохъ и по этому реестру выбрать серебщину. Такимъ же порядкомъ они должны были собрать серебщину и съ господарскихъ людей. Эту серебщину вмѣстѣ съ реестрами они должны были привезти лично и вручить главнымъ бирчимъ, учинивъ присягу, что выбрали ее правильно и ничего не утаили. Въ повѣтахъ, составлявшихъ держанія воеводъ, перепись шляхетскихъ людей и сохъ и сборъ съ нихъ серебщины должны были произвести хоружіе съ земяниномъ, «вѣры годнымъ», а съ господарскихъ и собственныхъ людей воеводъ ихъ—урядники. Все это они должны сдѣлать даромъ, не взимая ни съ кого «жадного пенязя бирчого и пищого». Господарь обѣщалъ на будущій годъ брать серебщину въ размѣрѣ только 10 грошей съ воловой сохи и такимъ недоборомъ погасить настоящій переборъ. Въ виду предстоящей необходимости при сборѣ серебщины принимать и польскую монету, которая приливала разнообразными путями въ великое княжество, между прочимъ приносилась и польскими жолнерами, господарь счелъ нужнымъ опредѣлить точно отношенія между польскимъ и литовскимъ грошемъ. Онъ объявлялъ, что пять польскихъ грошей будутъ приниматься за четыре литовскихъ, такъ что въ копѣ литовской будетъ считаться 75 польскихъ грошей [294]).

Чрезвычайное напряженіе финансовыхъ и военныхъ силъ великаго княжества и помощь, полученная отъ поляковъ, приславшихъ семь тысячъ войска подъ начальствомъ гетмана Яна Тарновскаго и каштеляна Калишскаго Андрея Горки, принесли свои плоды. Лѣтомъ 1535 г. литовцы взяли Гомель и Стародубъ, при чемъ въ послѣднемъ городѣ погибло около 13 т. человѣкъ москвитянъ и множество захвачено было въ плѣнъ [295]). Тѣмъ не менѣе москвитяне не обнаруживали желанія прекратить войну, и ихъ войска съ другой стороны, съ сѣвера, наступали на великое княжество и воздвигали укрѣпленія на занимаемыхъ земляхъ, между прочимъ построили городокъ Себежъ при озерѣ того же имени и крѣпко засѣли въ этомъ городкѣ. Литовцы тщетно пытались выбить ихъ оттуда. 27 февраля 1536 года литовскія войска потерпѣли сильное пораженіе подъ Себежомъ и вернулись во свояси съ большимъ

---

[294]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 157—258; 164—167; 172—173; 267—269.

[295]) Хроника *Ваповскаго* (Scriptores rerum polonicarum, tomus II, p. 256) и *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 42, 43).

урономъ [296]). Войнѣ не предвидѣлось конца, и Сигизмундъ вскорѣ послѣ этого созвалъ вальный сеймъ въ Вильнѣ [297]).

Въ источникахъ мы находимъ только одно извѣстіе о дѣяніяхъ сейма 1536 года. На этомъ сеймѣ въ день св. Марка Евангелиста (25 апрѣля) молодой король Сигизмундъ-Августъ принесъ торжественно присягу въ соблюденіи правъ и вольностей великаго княжества [298]). Весьма возможно, что это сдѣлано было согласно просьбѣ становъ сейма, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ и ранѣе, и послѣ того. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ былъ побочнымъ, произошелъ кстати и не былъ причиною созыва сейма. Сеймъ, очевидно, созывался для рѣшенія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ текущею войною. Какъ разъ наканунѣ торжественной присяги Сигизмунда-Августа, 24 апрѣля, написанъ былъ универсалъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества, чтобы они ѣхали на службу «конно и збройно», имѣя въ полной исправности коней и вооруженіе, съ достаточнымъ количествомъ припасовъ, и становились на Друцкихъ поляхъ подъ команду гетмана наивысшаго ко дню св. Петра (29 іюня) [299]). Этотъ универсалъ, повидимому, былъ результатомъ тѣхъ совѣщаній относительно войны, которыя имѣли мѣсто на сеймѣ. По всѣмъ признакамъ, станы сейма не обнаружили уже того патріотическаго воодушевленія и готовности къ продолженію борьбы, какія проявили на сеймѣ 1534 года. Новой серебщины не было ухвалено на этомъ сеймѣ [300]). Поэтому правительству представился трудный вопросъ,—какъ отбиваться отъ нападеній москви-

---

[296]) Соловьева Исторія Россіи кн. II, т. VI, стр. 15, 16.

[297]) Сеймъ былъ въ сборѣ уже 4 апрѣля. Archiwum Sanguszków IV, № XXVI; Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 42.

[298]) Хроника *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 46.

[299]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260.

[300]) Въ мартѣ 1537 г., по заявленію Сигизмунда, въ скарбѣ совершенно не было денегъ и не на что было нанимать служебныхъ людей для обереганья пограничныхъ зàмковъ. Поэтому Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ посылать въ заставы повѣты, т. е. части земскаго ополченія, согласно старому обычаю (Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 82, 83). «На отъправу жолнеровъ» на зàмки украинные король въ 1536 году принужденъ былъ брать взаймы у Виленскихъ мѣщанъ на 2000 копъ грошей суконъ (Запис. XIX, л. 274). Война быстро поглощала наличность скарба. Изъ отчета, представленнаго подскарбіемъ земскимъ Иваномъ Горностаемъ 20 мая 1535 г., видно, что уже въ то время одна серебщина изъ трехъ, ухваленныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1534 г., была израсходована безъ остатка, всего 26345 копъ 40 гр. Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200—201.

тянъ прежде, чѣмъ соберется «великое войско». 23 мая господарь имѣлъ относительно этого совѣщаніе съ панами-радою. Онъ предложилъ имъ, чтобы они «зъ себе початокъ тое поволности вчинили и тыхъ часовъ, ничего не мешкая, выправили и послали половицу почтовъ своихъ, колко повиненъ хто ставити, а затымъ къ великому войску на светый Петръ другую половицу послали *водлугъ уфалы земское*». Паны-рада, обсудивъ предложеніе короля, выразили готовность сдѣлать это, но подъ условіемъ, чтобы господарь приказалъ сдѣлать то же самое и другимъ урядникамъ и державцамъ, заявляя, что въ противномъ случаѣ они не пошлютъ на войну ни одного служебника ранѣе срока. Этотъ отвѣтъ характеризуетъ достаточно настроеніе и отношеніе литовцевъ къ текущей войнѣ. Господарь согласился на требованіе рады и составилъ роспись тѣхъ державцевъ, которые должны были лично отправиться на войну или послать половину своихъ почтовъ [301]).

Утомленіе войною и неохота продолжать ее, обнаружившіяся на Виленскомъ сеймѣ 1536 года, заставили Сигизмунда завязать снова мирные переговоры съ Москвою. Къ тому же побуждали короля и враждебные поступки со стороны Волошскаго господаря Петрила. Послѣ нѣскольких предварительныхъ пересылокъ съ московскимъ правительствомъ Сигизмундъ отправилъ въ Москву великихъ пословъ, воеводу Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича съ товарищами, которымъ удалось заключить перемиріе на пять лѣтъ отъ 25 марта 1537 года до 25 марта 1542 года, на условіяхъ удержанія каждою стороною того, чѣмъ она владѣла [302]).

§ 15.

Прекращеніе войны съ Москвою дало возможность королю уѣхать изъ великаго княжества (въ концѣ октября 1536 г.) [303]) въ Польшу и заняться внутренними и внѣшними дѣлами этого государства. Но едва лишь устранилась одна опасность, выдвинулась на мѣсто ея другая. Въ теченіе послѣдней войны съ Москвою великое княжество Литовское пребывало въ покоѣ со стороны Крымскихъ татаръ. Крымская орда въ то время раздѣлилась между Саипъ-Гиреемъ и братомъ его Осламомъ, и это раздѣленіе, сопровождавшееся усобицею, обезсиливало орду и не давало ей возможности нападать на украйны русскихъ го-

---

[301]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

[302]) *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 15—18.

[303]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 533; XIX, 274—278; XXI, л. 2—4; *J. Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 226.

сударствъ, Литовскаго и Московскаго. Въ 1537 году одинъ изъ Ногайскихъ князей, дружившій съ Саипъ-Гиреемъ, нечаянно напалъ на Ослама и убилъ его. Вся орда соединилась послѣ того подъ властью Саипъ-Гирея, который, почувствовавъ теперь свою силу, отправилъ одновременно въ Москву и Литву пословъ съ предложеніемъ своей дружбы и съ требованіемъ уплаты упоминковъ. Отъ литовскаго правительства ханъ требовалъ уплаты упоминковъ и за прошлые три года. Но такъ какъ по опыту предшествующихъ лѣтъ было извѣстно, что платежъ упоминковъ былъ плохою гарантіею безопасности государства, то Сигизмундъ рѣшился созвать въ Вильнѣ вальный сеймъ на середопостье (22 марта) 1538 г. для обсужденія и принятія мѣръ по оборонѣ государства. Онъ приказалъ разослать по всему государству листы, чтобы каждый воевода, староста и державца выбралъ въ своемъ повѣтѣ двухъ земянъ и отправилъ ихъ на сеймъ вмѣстѣ съ хоружимъ повѣта. Къ панамъ-радѣ король отправилъ въ половинѣ февраля подскарбія земскаго Ивана Горностая съ предложеніемъ, чтобы они, будучи на сеймѣ со всѣми князьями, панами и рыцарствомъ-шляхтою, «обмову коло того вчынили и пильне о томъ мыслили и радили», какъ дать отпоръ царю Перекопскому и оборонить отъ нападенія татаръ государство.—Кромѣ этого главнаго вопроса король предлагалъ заблаговременно, пока стоитъ перемирье, подумать и о будущей войнѣ съ Московскимъ государствомъ и изыскать средства для веденія ея, ибо, когда возобновится война, уже поздно будетъ совѣщаться обо всемъ этомъ [304]).

Изъ посланія короля къ войску, собравшемуся въ Новгородкѣ осенью 1538 года, узнаемъ, что паны-рада, княжата, панята и земяне, бывшіе на Виленскомъ сеймѣ 1538 года, «зволили» дать «на оборону земскую» платъ съ своихъ людей и выбрали для сбора этого плата особыхъ «бирчихъ» [305]). Платъ этотъ установленъ былъ въ размѣрѣ 20 грошей съ коня, т. е. съ восьми служебъ, съ которыхъ выставлялся конный ратникъ. На эти деньги отправлены были 1000 конныхъ ратниковъ на украинные замки. Но такъ какъ этихъ людей было мало, паны-рада послали къ королю просьбу, чтобы и онъ съ своей стороны выставилъ 1000 коней на средства скарба. Король согласился и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе подскарбію земскому [306]). Кромѣ того рѣшено

[304]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 147—149. Срав. *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 19—22.

[305]) Акты Южн. и Зап. Рос. № I, № 101.

[306]) Акты Зап. Россіи II, № 221; Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 32.

было въ случаѣ настоятельной необходимости собраться всему земскому ополченію великаго княжества въ назначенномъ мѣстѣ для отраженія общими силами врага. Такъ рѣшенъ былъ одинъ изъ двухъ вопросовъ, предложенныхъ господаремъ Виленскому сейму 1538 года. Но въ обсужденіе другого вопроса сеймъ, по всѣмъ даннымъ, вовсе не входилъ. Обстоятельства вскорѣ возбудили опасеніе, что и первая задача рѣшена не совсѣмъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ совѣщаній и новыхъ мѣръ.

Посолъ Сигизмунда Михаилъ Тишковичъ, ѣздившій къ Саипъ-Гирею съ предложеніемъ союза и полученія тѣхъ же упоминковъ, какія давались его предкамъ, Менгли-Гирею и Махметъ-Гирею, выслушалъ отъ хана гордую и суровую отповѣдь и вернулся, не успѣвъ умиротворить хана [307]). Лѣтомъ 1538 года староста Черкасскій и воевода Кіевскій писали панамъ-радѣ, что стража ихъ «на око» видѣла огромное татарское войско, которое переправлялось черезъ Днѣпръ «зъ дѣлы и гаковницами», и что, по всѣмъ признакамъ, съ войскомъ двигался и самъ царь [308]). По полученіи этихъ вѣстій созвано было земское ополченіе великаго княжества въ Новгородкѣ [309]), которое должно было оставаться здѣсь до полученія новыхъ вѣстей о татарахъ съ тѣмъ, чтобы или двинуться противъ нихъ, или расходиться по домамъ, если извѣстія будутъ успокоительныя. Сигизмундъ и задумалъ воспользоваться сборомъ пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты для того, чтобы вновь предложить на ихъ обсужденіе тѣ самые вопросы, которые предлагались имъ на обсужденіе Виленскаго вальнаго сойма 1538 г.

Въ сентябрѣ король отправилъ въ Новгородокъ пана Ивана Горностая съ своими предложеніями. Указавъ на то, что черезъ три года съ небольшимъ кончается перемиріе съ Московскимъ государемъ, Сигизмундъ выставлялъ на видъ, что необходимо заблаговременно приготовляться къ будущей войнѣ, дабы не повторилось то же самое, что произошло въ послѣднюю войну, которую начали, «не способившися на то за часу»: хотя на эту войну и давались деньги, но такъ какъ «впередъ не былъ скарбъ запоможенъ пѣнязьми», то и пришлось, начавъ войну, прекратить ее. Король полагалъ, что обыватели великаго княжества не могутъ чинить оборону «безъ помочи прибылыхъ людей», и потому изъявлялъ желаніе («волю нашу господарскую, ижъ што ся намъ видитъ»), чтобы въ теченіе оставшихся трехъ лѣтъ собиралась

---

307) Акты Зап. Рос. II, № 192.

308) Срав. Archiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

309) Archiwum Sanguszków IV, № CXXXI.

серебщина съ господарскихъ и владѣльческихъ людей: въ первый годъ по 15 грошей съ сохи, во второй—по 12, въ третій—по 10. Король обѣщалъ хранить эти деньги въ скарбѣ и не обращать ихъ ни на какіе другіе государственные расходы. Впрочемъ, король отдавалъ все это на разсужденіе пановъ-рады и просилъ, чтобы они «къ тому пильно и хтиво причинили и на теперешнемъ спольномъ собранью со всею землею обмову въ томъ учинили, и тую рѣчь обороны земскоѣ на доброй мѣрѣ и концы постановили». «И што ся въ томъ вашой милости будетъ видѣти,—просилъ король,—абы ваша милость панове-рада наша, съ княжаты и паняты и зъ земяны обмовившися, на чомъ тую рѣчь хочете застановити, и на который рокъ, и по чому тую серебщизну зволите, если большъ або мнѣй, естли зъ сохъ або зъ служобъ людей маетъ давана быти,—о томъ о всемъ намъ черезъ листъ свой не мѣшкая вѣдомо дали».

Король вновь указывалъ и на угрожающую опасность со стороны Перекопскаго царя, опасность тѣмъ большую, что въ данное время ханъ не испытываетъ никакихъ внутреннихъ затрудненій и помѣхъ въ своей ордѣ и кромѣ того пользуется довѣріемъ и расположеніемъ Турецкаго царя. Сигизмундъ полагалъ поэтому, что его нельзя ублаготворить легкими упоминками, да едва ли полезно будетъ прибѣгать къ этому средству въ виду отношеній его къ султану Турецкому: какъ вассалъ султана, ханъ принужденъ будетъ идти туда, куда ему велитъ его властелинъ, а этотъ властелинъ собирается на многія христіанскія государства и уже выступилъ съ 250 тысячами войска и съ 300 пушками въ Валахію и Молдавію, откуда намѣревается вторгнуться въ Венгрію. Король выражалъ опасеніе, какъ бы онъ послѣ занятія этихъ земель не направилъ хана на Польшу и Литву и самъ съ нимъ не прибылъ. Поэтому онъ предлагалъ панамъ-радѣ «о томъ съ пильностью мыслити, и то въ себе найти и постановити», какъ и какимъ образомъ защищать великое княжество отъ всѣхъ непріятелей и давать имъ отпоръ, посылать или не посылать упоминковъ хану и предаться на милость Божью. Въ заключеніе король просилъ пановъ-раду принять мѣры по исправленію украинныхъ замковъ и снабженію ихъ всякими запасами: расписать волостныхъ людей и на будущее лѣто разослать ихъ на работы къ Кіеву, Полоцку, Витебску и Мстиславлю, а хлѣбные запасы послать изъ господарскихъ дворовъ или же, продавъ жито въ господарскихъ дворахъ, послать въ украинные замки деньги для закупки хлѣбныхъ припасовъ [310]).

---

[310]) Акты Зап. Рос. II, № 191.

Предложенія короля не обсуждались въ лагерѣ подъ Новгородкомъ. Прежде, чѣмъ прибылъ посолъ короля, здѣсь получены были вѣсти, что татары, на этотъ разъ навѣстившіе Волошскую землю, возвращаются домой по направленію къ Очакову [311]). Паны-рада послѣ того стали разъѣзжаться изъ-подъ Новгородка по домамъ, и Горностай не засталъ уже никого изъ нихъ въ лагерѣ. Но и независимо отъ того, королевскія предложенія едва ли могли подвергнуться обсужденію и вызвать какія-либо окончательныя постановленія собравшихся подъ Новгородкомъ князей, пановъ и шляхты. Дѣло въ томъ, что въ Новгородкѣ собралось только ополченіе великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ. Отсутствовали ополченія земель Полоцкой и Витебской, которыя стерегли свои замки; князья, паны и земяне Кіевскіе также не пріѣхали въ Новгородокъ, потому что были «напереди противъ поганьству татаръ»; ополченіе Волынской земли по распоряженію господаря должно было оберегать свои земли отъ татаръ [312]). Изъ земли Жмудской пріѣхали только четыре тивуна, а остальные не явились подъ тѣмъ предлогомъ, что они уже дали серебщину на оборону земскую по 20 грошей съ коня [313]). Кромѣ того, и старшихъ пановъ радныхъ съѣхалось только пять: воевода Виленскій, панъ Виленскій [314]), староста Жмудскій, воеводы Новгородскій и Подляшскій; воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій оставались на своихъ замкахъ.

Но хотя предложенія короля и не поспѣли во время въ Новгородокъ, тѣмъ не менѣе въ Новгородкѣ имѣли мѣсто продолжительныя и оживленныя совѣщанія среди собравшихся пановъ радныхъ, княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты. Паны-рада, прибывшіе въ войско, воспользовались сборомъ шляхты для того, чтобы составить и адресовать королю отъ имени всей земли, всего великаго княжества, рядъ просьбъ объ удовлетвореніи различныхъ государственныхъ нуждъ, объ устраненіи разныхъ непорядковъ и о ненарушеніи правъ и вольностей великаго княжества.

Первою просьбою пановъ-рады, княжатъ, панятъ и шляхты, собравшихся въ Новгородкѣ, была просьба, чтобы господарь, принимая во вниманіе великія опасности, угрожающія странѣ отъ хана Крымскаго и великаго князя Московскаго, прибылъ въ свое государство и

---

[311]) Archiwum Sanguszków IV, № CXXXII.

[312]) Aschiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII.

[313]) Акты Зап. Рос. II, № 221, арт. 3.

[314]) Въ Актахъ Южн. и Зап. Рос. (т. I, № 101) напечатано ошибочно «староста Виленскій». Сравн. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ II, л. 15.

поставилъ его «въ покою и въ оборонѣ», чтобы оно и на будущее время отъ этихъ непріятелей «въ цѣлости было заховано». Станы сейма выражали увѣренность и надежду, что король свое «дѣдичное» государство будетъ цѣнить не менѣе, чѣмъ корону Польскую, о безопасности которой онъ за все это время постоянно и ревностно хлопоталъ, мыслилъ и совѣщался, и прибудетъ въ великое княжество, ибо всѣ дѣла, касающіяся обороны земли, не могутъ быть надлежащимъ образомъ справлены ни «черезъ писанье листовъ», ни черезъ пословъ «для многихъ нѣкоторыхъ причинъ». Нельзя не видѣть въ этой просьбѣ открытаго протеста противъ того, что господарь ради Польши сталъ забывать Литву.

Къ этой просьбѣ примыкаетъ нѣсколько другихъ, проникнутыхъ тѣмъ же чувствомъ національной ревности, заботою, чтобы великое княжество ни въ чемъ не терпѣло ущерба отъ поляковъ. До какой степени приподнято было это чувство у литовцевъ, показываетъ отношеніе ихъ къ поступку вдовы пана Богуша, бывшаго подскарбія земскаго. Вдова эта сосватала одну изъ дочерей своихъ за польскаго пана Тенчинскаго. Невѣста должна была принести съ собою въ приданомъ нѣсколько имѣній, перешедшихъ къ ней по наслѣдству отъ отца. Но въ статутѣ, выданномъ великому княжеству, было опредѣлено, что панны, выходящія замужъ въ Польшу или Мазовію, не могутъ съ своими мужьями чужеземцами владѣть имѣньями («дѣдичити») по отцѣ или матери, а должны получить съ своихъ родныхъ четвертую часть стоимости имѣнья, а самое имѣнье уступить имъ. Поэтому паны-рада еще ранѣе собранья въ Новгородкѣ обратили на это сватовство вниманіе короля и просили, «абы ся тою одною персоною право всее земли не рушило». Король отвѣчалъ, что онъ не хочетъ нарушать правъ земли и приказалъ обослать листомъ вдову Богуша, чтобы она въ своемъ сватовствѣ во всемъ поступала «подлѣ права». Паны-рада согласно этому приказу объявили ей, чтобы она не отдавала имѣній въ «посагѣ», если хочетъ выдать дочь замужъ въ Польшу, а только деньгами четвертую часть стоимости. Это объявленіе сдѣлано было оффиціально передъ вознымъ Бѣльскаго повѣта, въ присутствіи стороннихъ людей, лично панѣ Богушовой, подъ закладомъ на господаря въ 10 т. копъ грошей. Всѣмъ этимъ, повидимому, имѣлось въ виду разстроить бракъ. Но вдова Богуша, тѣмъ не менѣе, выдала дочь за Тенчинскаго почти въ то самое время, когда происходилъ сборъ войска въ Новгородѣ, и «за веселіемъ» даже не выправила «почтовъ» съ своихъ и дочерниныхъ имѣній. Это привело литовцевъ въ негодованіе, и они просили короля взыскать съ нихъ за «таковое непослушенство» 10 т. копъ

грошей и до уплаты этой суммы привернуть ея именья къ замкамъ господарскимъ и держать ихъ къ рукѣ господарской. Любопытно, что мотивомъ этой просьбы выставлена не неисправность въ военной службѣ, а то, что вдова Богуша выдала замужъ дочь за поляка, хотя изъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы она преступила при этомъ объявленное ей повелѣніе и такимъ образомъ законно подлежала взысканію «заклада» въ 10 т. копъ гр. Станы сейма настойчиво требовали, чтобъ господарь не «пропускалъ» ей этого заклада: ибо, если не наказывать за такое ослушаніе, то не только панамъ-радѣ, но и самому господарю не будетъ впредь оказываться повиновенія; притомъ же и «закладъ» настоящій принесетъ не малый «пожитокъ» господарскому столу. По поводу настоящаго случая паны-рада и «все посполъство» вообще обращали вниманіе короля на то, что никакой пользы нѣтъ великому княжеству отъ ляховъ, берущихъ себѣ женъ съ имѣньями въ Литвѣ: сами они лично не ѣздятъ и людей не выправляютъ на военную службу; а если жены ихъ и выправляютъ «почты», то обыкновенно «досыть надзнѣ, на клячахъ на боронницахъ, зъ рогатинками», почты, которые не годятся ни на сторожу, ни на бой. Притомъ же, будь мужьями такихъ владѣлицъ литовцы, и съ имѣній ихъ шла бы не одна военная служба, а и всякая другая, какъ, напр., посольства въ земскихъ дѣлахъ до постороннихъ земель, а равно и всякія другія государственныя обязанности, которыхъ ляхи не хотятъ и не могутъ выполнять.

Станы сейма указывали королю, что отъ подобныхъ брачныхъ связей можетъ происходить ущербъ великому княжеству и другимъ путемъ. Они приводили королю на память слѣдующее обстоятельство. Пани Тенчинская, тетка кн. бискупа Виленскаго, выпросила себѣ у короля Александра нѣсколько селъ во Владимірскомъ повѣтѣ, съ которыхъ она обязалась выполнять всѣ повинности «до великого князства», а обо всѣхъ обидахъ «права достоивать» передъ старостою Луцкимъ; позже на этихъ селахъ сталъ замокъ Крыловъ, и тогда «оные вси повинноватости перестали», и села присоединены къ коронѣ. Указывая на этотъ примѣръ, паны-рада представляли королю, что то же самое можетъ случиться и съ имѣньемъ Семятицкимъ, лежащимъ на границѣ съ Польшею, если бы оно досталось по женѣ пану Тенчинскому. Поэтому паны-рада и всѣ присутствовавшіе въ собраніи просили короля не допускать подобныхъ вещей, которыя клонятся къ ущербу великаго княжества, такъ какъ король обѣщалъ «не помножати коруны князствомъ, а ни тежъ короною князства».

Паны-рада и «все поспольство» указывали затѣмъ королю, что воевода Люблинскій въ качествѣ опекуна дѣтей пана Немиры забралъ много земель и людей Мельницкаго повѣта; а когда староста Мельницкій, согласно господарскому листу, потребовалъ отъ него документовъ на владѣніе, онъ отказался представить ихъ, такъ какъ господарь вызволилъ его какъ отъ земскаго суда, такъ и отъ суда пановъ-рады великаго княжества, и заявилъ, что документы будутъ представлены имъ господарю на Петрковскомъ сеймѣ. Признавая, что король, «яко панъ звирхный», могъ взять его подъ свой присудъ, паны-рада, княжата, панята и шляхта просили короля не допускать злоупотребленія этимъ изъятіемъ, чтобы никто не смѣлъ такимъ путемъ «втеляться въ присудъ корунный», и чтобы такіе новые обычаи не заводились въ великомъ княжествѣ,—чтобы не выдавались грамоты, нарушающія дѣйствующій законъ, и сохранялся въ силѣ статутъ, «который естъ ясьнѣ описанъ».

Указывая на то, что король пожаловалъ въ вотчину слезцу Претвицу имѣнье Воначичи недалеко отъ Вѣницы, и что это село, по слухамъ, имѣетъ быть «втѣлено въ корону», литовцы просили короля разсудить, не будетъ ли это нарушеніемъ правъ и статута всего великаго княжества Литовскаго. Съ своей стороны они выражали вѣру и надежду, что король «ласковѣ а милостивѣ» сохранитъ великое княжество при его правахъ и вольностяхъ.

Далѣе литовцы дѣлали представленіе королю по поводу пожалованья чашничества ляху Ясеньскому. Это, по ихъ словамъ, фактъ новый, небывалый при предкахъ короля и въ его собственное царствованіе. Литовцы просили короля не вводить такихъ «новинъ», тѣмъ болѣе, что у короля много княжатъ, панятъ и рыцарства, болѣе достойныхъ, нежели этотъ «ляшокъ», не только на такой урядъ, но и на высшій. Поэтому,—заключали они свою просьбу,—пусть господарь отдастъ этотъ урядъ «прироженцу» великаго княжества Литовскаго; они де надѣются, что господарь не допуститъ противнаго къ ихъ сожалѣнію.

Затѣмъ идетъ рядъ «просьбъ», касающихся различныхъ внутреннихъ непорядковъ, и прежде всего по поводу неявки на военную службу. Литовцы указывали господарю, что въ Новгородокъ собралось мало войска, при чемъ много землевладѣльцевъ не явилось безъ всякихъ уважительныхъ причинъ: изъ Жмудской земли прибыло всего три-четыре тивуна, тогда какъ прежде изъ этой земли выходило въ поле около 12 т. человѣкъ; не выставили «почтовъ» съ своихъ литовскихъ имѣній нѣкоторые княжата и панята Волынскіе, напр., староста Владимірскій съ имѣнья Полоной, кн. Андрей Коширскій съ имѣнья

Лущева, Мирптичъ, Серебряной, Кустина. Эти князья не только не прислали почтовъ, но и не пожелали явиться къ гетману для объясненія причинъ своей неисправности, хотя и были отъ Новгородка въ двадцати съ небольшимъ миляхъ «на весельѣ» у паньи Богушовой. «Пильнѣйшая, подобно, имъ была речъ, милостивый королю,—прибавляли литовцы,—веселья помогать, нижли за панство вашое милости противъ непріятелю вашое милости застановятися». Паны-рада «и все поспольство» просили короля не спускать имъ безъ должнаго наказанья такого «непослушенства», чтобы и другіе впредь не брали «похопу» къ таковому же «непослушенству», и чтобы на всѣхъ одинаково ложились «бремена» государства, какъ военная служба, такъ и податокъ.

Относительно тѣхъ, кто не заплатилъ податковъ, опредѣленныхъ на прошломъ вальномъ сеймѣ, паны-рада предлагали королю навести справку по реестрамъ, и покарать таковыхъ по своей волѣ, прибавляя, что кара должна быть «съ милосердьемъ». Съ своей стороны паны-рада находили достаточнымъ взыскать съ нихъ недоимку вдвойнѣ: «то станеть имъ истѣ за особливое каранье»,... и кромѣ того прибавится пенязей «на потребу земскую».

Слѣдующая просьба касалась вызова на судъ господарскій. Паны-рада представляли господарю, что многіе князья, паны и земяне жалуются на великое «обтяженье» по части вызова на судъ господарскій: ихъ не только вызываютъ «позвами» изъ великаго княжества до короны, но даже ставятъ приводомъ черезъ дѣцкихъ, а иныхъ даже сводятъ со службы земской, вслѣдствіе чего они подвергаются не только большимъ расходамъ и матеріальнымъ тратамъ, но и различнымъ опасностямъ на дальней дорогѣ. Если это продолжится и далѣе, то, по мнѣнію пановъ-рады, и безъ непріятельской «сказы» все государство обнищаетъ и придетъ «къ сильному убозству». Вѣдь можетъ статься, что какой-нибудь упорный «сутяжій» будетъ вызывать въ корону изъ-за нѣсколькихъ копъ, вызванному придется израсходовать на путешествіе вдвое, втрое; а кто поважнѣе, тотъ и нѣсколькими десятками копъ не обойдется; пану же радному тяжба можетъ обойтись и въ тысячу копъ. Деньги такимъ образомъ будутъ уплывать изъ страны, государство будетъ бѣднѣть, и служба земская не будетъ отправляться въ исправности. Паны-рада усматривали въ такомъ порядкѣ и «ущипокъ» права земскаго», выданнаго великому княжеству при возведеніи на великое княженіе Сигизмунда-Августа. Если, — аргументировали они, — отъ суда урядниковъ земскихъ по статуту можно аппеллировать къ господарю на первый сеймъ его съ панами-радою или, при отсутствіи господаря, на первый сеймъ пановъ-рады, но нельзя аппеллировать къ господарю

въ Польшу, то тѣмъ болѣе никого нельзя прямо вызывать на судъ въ Польшу. Этого «шкодливаго» обычая, по словамъ пановъ-рады, не было ни при королѣ Ягайлѣ, ни при Казимирѣ, ни при Александрѣ, ни при самомъ Сигизмундѣ, и завелся онъ съ прошлаго года, когда кн. Илья Острожскій вызвалъ пана Виленскаго на судъ передъ господаря въ Польшу, и когда за паномъ Виленскимъ, не явившимся по болѣзни, даже посланъ былъ дѣцкій. Этотъ панъ Виленскій сверхъ того повѣдалъ передъ панами-радою и всѣмъ посполъствомъ «тяжкость и жаль свой великій» по поводу того, что господарь приказалъ ему поставить на свой судъ господарскій нѣкоторыхъ его служебниковъ по жалобѣ на нихъ подданныхъ королевы, при чемъ не обсылалъ его предварительно и не требовалъ у него, какъ пана этихъ служебниковъ, суда на нихъ, какъ того требуетъ все то же «посполитое право». Указывая на всѣ эти факты, паны-рада отъ своего имени и отъ имени всѣхъ князей, пановъ и всего посполъства просили господаря, чтобы онъ, памятуя объ ихъ вѣрной службѣ ему самому и предкамъ его, благоволилъ держать ихъ при вольностяхъ, имъ данныхъ, и при давныхъ обычаяхъ великаго княжества.

Паны-рада еще ранѣе Новгородскаго сейма выражали господарю свое неудовольствіе по поводу вызова на судъ въ Польшу. Король черезъ подскарбія Горностая отвѣчалъ имъ, что въ этомъ они виноваты сами, такъ какъ не съѣзжаются на «роки судовые» и не чинятъ справедливости. Паны-рада теперь заявляли королю, что они не пропускали судебныхъ «роковъ», но мало кто судился предъ ними: однихъ дѣцкіе уводили въ Польшу, а другіе предъявляли листы господарскіе, чтобы ихъ паны не судили; и хотя «подлѣ права», они, паны-рада, не обязаны были принимать такіе листы (вѣдь не принимаютъ же такіе листы суды Подляшскіе; а если это въ правѣ дѣлать повѣт великаго княжества, тѣмъ болѣе такое право можно признать за всѣмъ великимъ княжествомъ),—тѣмъ не менѣе, не желая оказывать господарю «непослушенства», они принимали эти листы и отсылали предъявителей къ господарю. Поэтому пусть господарь не думаетъ объ нихъ, будто они не чинятъ справедливости обывателямъ великаго княжества: этого никогда не было и, дастъ Богъ, не будетъ.

Паны-рада передавали затѣмъ королю жалобу старосты Жомойтскаго, заявленную на сеймѣ, на намѣстника Брянскаго и Суражскаго Миколая Корицкаго, который прислалъ старостѣ «листъ позовный» съ приказомъ явиться на судъ предъ нимъ или его урядникомъ и тѣмъ оскорбилъ званіе старосты Жмудскаго, «непослѣднѣйшее рады» господаря. По этому поводу паны-рада обращали вниманіе короля на то,

что они находятся подъ правомъ «посполитымъ», которое король пожаловалъ всему великому княжеству и имъ судятся, а подъ право польское, которое себѣ земяне повѣту Бѣльскаго выпросили, не подданы ни паны-рада, ни вся земля Литовская. Вслѣдствіе этого и панъ староста Жмудскій,—согласно правилу, признанному и въ духовномъ и въ цесарскомъ правѣ, что истецъ долженъ преслѣдовать отвѣтчика по тому праву, подъ которымъ состоитъ отвѣтчикъ, а не самъ истецъ,—обязанъ отвѣчать на «рокахъ судовыхъ» передъ панами радными, а не передъ Корицкимъ. Со стороны де Корицкаго вызовъ старосты Жмудскаго—дерзость, «зельженье стану»; и дай Богъ, чтобы паны-рада болѣе не подвергались «такому зниженью становъ своихъ». Поэтому пусть господарь грозно прикажетъ своимъ урядникамъ Бѣльскаго повѣта, чтобы они были учтивы по отношенію къ особамъ господарской рады и не посылали къ нимъ «позвовъ»: если кому-нибудь изъ обывателей Бѣльского повѣта станется обида отъ пана раднаго, пусть преслѣдуетъ его по суду «посполитымъ правомъ великого князства», ибо нельзя же допустить, чтобы господарь тѣмъ особливымъ правомъ, которое далъ одному повѣту, могъ нарушать право всей земли Литовской.

Наконецъ, паны-рада, княжата, панята и вся шляхта, указывая на то, что на вальныхъ сеймахъ бываетъ мало пановъ радныхъ, такъ какъ воеводы Кіевскій, Полоцкій и Витебскій постоянно проживаютъ на замкахъ своихъ воеводствъ, просили короля раздать вакантныя должности воеводы Троцкаго, пана Троцкаго и маршалка земскаго и тѣмъ помножить свою раду, чтобы тѣмъ лучше рѣшалось каждое государственное дѣло, ибо, по старинной пословицѣ, «гдѣ много головъ, тамъ больше розумовъ».

Свои просьбы паны-рада, княжата, панята, шляхта-рыцарство и «все поспольство» заключали выраженіемъ увѣренности, что господарь во вниманіе къ ихъ постояннымъ и вѣрнымъ службамъ, къ тѣмъ жертвамъ, которыя они приносятъ для государства, давая платъ на военныя нужды и лично выѣзжая на войну, ласково и милостиво выслушаетъ и исполнитъ ихъ просьбы, а въ особенности «о речи слушные и праву посполитому оного панства пристойные». Съ своей стороны, просители обѣщали «то заслуговать ещо повольнѣйшими послугами своими» самому королю и сыну его «до надолжшихъ животовъ своихъ» и постоянно молить Бога «за счастное здоровье и за долгое пanованье» господаря.

Таковы были просьбы, составлявшіяся въ собраніи литовскаго войска въ Новгородкѣ осенью 1538 г. Эти просьбы, инициаторами которыхъ были несомнѣнно находившіеся въ войскѣ паны-рада, живо изо-

бражаютъ намъ, какіе политическіе уроки получала отъ своихъ «старшихъ братьевъ», пановъ радныхъ, литовская шляхта. Паны-рада въ совѣщаніяхъ съ шляхтою ставятъ и обсуждаютъ довольно тонкіе вопросы государственнаго права, при чемъ пропагандируютъ мысль, что великое княжество Литовское—самостоятельное и отдѣльное отъ Польши государство, живущее само по себѣ и само для себя, по своимъ законамъ и обычаямъ, которыхъ не можетъ нарушать даже великій князь, какъ государь христіанскій. Всѣ просьбы проникнуты идеею правоваго государства, въ которомъ не должно быть ни произвола власти, ни нарушенія чьихъ-либо правъ, ни уклоненія отъ обязанностей, въ которомъ господствуетъ законъ и обычай.

Съ посольствомъ отъ пановъ-рады и всего рыцарства поѣхали къ королю въ Краковъ паны Станиславъ Орвидъ и Миколай Юндилъ. Они прибыли въ Краковъ 1 ноября, а 20 были отправлены обратно съ отвѣтами короля на вышеизложенныя просьбы. Король отказался прибыть лично въ великое княжество Литовское, такъ какъ де не увѣренъ въ мирѣ со стороны воеводы Волошскаго и кромѣ того занятъ неотложными и важными дѣлами въ коронѣ, которыя касаются не только короны Польской, но и другихъ окрестныхъ государствъ,—всего христіанства [315]). Онъ обѣщалъ прибыть въ великое княжество, какъ только управится съ этими дѣлами. Относительно дѣла паньи Богушовой король объявилъ, что онъ не освободитъ панью отъ платежа заклада, если онъ наложенъ панами-радою законно, согласно статуту, и вообще намѣренъ держаться въ этомъ дѣлѣ статута: пусть паны-рада обошлютъ ближнихъ пана Богуша и назначатъ имъ срокъ, когда они должны отложить деньги пану Тенчинскому и его женѣ; если они въ этотъ срокъ не выкупятъ имѣній, то панъ Тенчинскій будетъ держать ту часть имѣній пана Богуша, которая приходитъ на его жену, до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ заплачено за нее деньгами. Относительно замка Крылова король обѣщалъ произвести слѣдствіе по пріѣздѣ своемъ въ великое княжество и разсмотрѣть привилеи, на основаніи которыхъ имъ владѣетъ панъ Тенчинскій, прибавляя, что никакого «ущипку» великому княжеству онъ не допуститъ въ настоящемъ случаѣ. По поводу жалобы литовцевъ на то, что съ имѣній, находящихся въ рукахъ

---

[315]) Король разумѣлъ, очевидно, дѣла венгерскія, въ которыхъ Польша особенно была заинтересована какъ по близкому сосѣдству и завязывавшимся родственнымъ отношеніямъ короля съ обоими тогдашними государями Венгріи, такъ и по вмѣшательству въ эти дѣла турокъ. См. *Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 223, 233, 234.

поляковъ, не отбывается полностью земская служба, король разъяснилъ, что вдовы, вышедшія замужъ за поляковъ, тѣмъ, что замужъ пошли, не выступили еще изъ предписаній статута; если же съ ихъ имѣній неисправно отбывается земская служба, пусть паны-рада поступаютъ съ ними по статуту. На жалобы литовцевъ по поводу вызововъ на судъ господарскій въ Польшу, король отвѣчалъ, что самъ онъ лично никого не вызываетъ въ Польшу, но имѣетъ «великое набѣганье и докуки» отъ самихъ литовцевъ, «яко зъ высокихъ преложоныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого человѣка», которые просятъ у него суда въ «кривдахъ своихъ» и берутъ у него «позовные листы». Онъ де не можетъ имъ отказывать въ судѣ, потому что было бы несправедливо, если бы король не обращалъ вниманія «на докуки» подданныхъ своихъ и возбранялъ имъ добиваться справедливости. Хотя онъ и выдалъ имъ статутъ, но въ немъ не сказано, чтобы господарь не могъ вызывать на судъ въ Польшу. Притомъ же не безъ основаній онъ говорилъ черезъ Горностая панамъ-радѣ «о нечастое зъѣждчанье ихъ милости на роки судовые»: ему на это много разъ жаловались подданные великаго княжества, прося, чтобы онъ самъ учинилъ имъ справедливость. И наконецъ, если нѣкоторые паны-рада, владѣющіе имѣньями на Подляшьѣ, считаютъ себя подсудными только господарю, тогда и король обязанъ каждому изъ подданныхъ своихъ, а особливо тѣмъ, которые съ жалобами своими къ нему приходятъ, справедливость дѣлать «зъ вирхности своее господарское», и паны - рада и рыцарство не могутъ за то претендовать на короля. Относительно жалобы старосты Жмудскаго на намѣстника Брянскаго и Суражскаго, который вызывалъ старосту на свой судъ, король разъяснялъ, что самъ староста «початкомъ тое речи естъ»: онъ вызывалъ многихъ земянъ до уряда Бѣльскаго и тамъ доходилъ на нихъ справедливости; а если такъ, то и самъ долженъ «о кривды ихъ», которыя имъ отъ него дѣлаются «въ правѣ тамошнемъ отказывати и правъ быти»; а уряду Бѣльскому можно его судить, и въ томъ для него нѣтъ никакой «обтяжливости». По поводу отказа опекуна дѣтей Немировыхъ представить документы на владѣніе, мотивированнаго тѣмъ, что будто бы господарь изъялъ его изъ присуда великаго княжества, король заявилъ, что такого изъятія опекуну не было дано. О Претвицѣ король сообщилъ, что имѣнье Вонячинъ дано ему королевою Боною только «до часу». По поводу отдачи чашничества Ясеньскому король велѣлъ передать, что онъ сдѣлалъ это «за причинами и жеданьемъ высокихъ радъ его милости тамошнего панства великого князства Литовского». Съ неявившимися на сборъ войска въ Новгородкѣ безъ уважительныхъ причинъ король предлагалъ

поступить по статуту—отобрать имѣнья на господаря и приверпуть къ ближайшимъ замкамъ господарскимъ. Тѣхъ, кто не внесъ плату, положеннаго на прошломъ вальномъ сеймѣ, король соглашался покарать взысканіемъ недоимки вдвойнѣ. Точно также соглашался и даже благодарилъ за совѣтъ помножить раду свою и раздать вакантныя должности воеводы и пана Троцкихъ [316]).

Такимъ образомъ, если паны-рада указывали королю на нѣкоторыя нарушенія правъ и обычаевъ великаго княжества, то и король съ своей стороны указывалъ на то, что паны-рада неправильно толкують права великаго княжества, и сами повинны въ неисполненіи своихъ обязанностей. Это препирательство короля съ своею радою должно было оставлять извѣстное впечатлѣніе въ умахъ князей, пановъ и земянъ-шляхты, должно было порождать мысль, что въ государствѣ творится много неладнаго, что необходимо самимъ князьямъ, панамъ и шляхтѣ заботиться о государствѣ и охранять свои права, въ виду того, что правящія сферы не дѣлаютъ этого, какъ слѣдуетъ. Здѣсь и лежитъ отчасти корень той оппозиціи, которую проявляли на послѣдующихъ сеймахъ княжата, панята и земяне-шляхта по отношенію не только къ королю, но и къ самимъ панамъ-радѣ, корень тѣхъ стремленій къ «направѣ речи посполитой» и къ расширенію политическихъ правъ шляхты, которыя оказались на этихъ сеймахъ.

Ни на одномъ изъ предшествовавшихъ вальныхъ сеймовъ, насколько намъ извѣстны ихъ дѣянія, не составлялось столько просьбъ къ королю, сколько было отправлено ихъ съ Новгородскаго военнополевого сейма. И весьма знаменательно, что литовцы обнаружили наибольшую притязательность, наибольшій оппозиціонный духъ какъ разъ въ то самое время, когда и польская шляхта съ особенною настойчивостью стала добиваться отъ короля различныхъ уступокъ, съ особенною рѣзкостью выступила противъ королевской власти. Очевидно, что въ Литвѣ сказалось моральное воздѣйствіе того шляхетскаго движенія, которое разыгралось въ Польшѣ въ 1536—1538 годахъ, и наиболѣе яркимъ симптомомъ котораго былъ шляхетскій «рокошъ» подъ Львовомъ, окрещенный именемъ «пѣтушиной войны» [317]).

§ 16.

Предложенія короля, отправленныя на Новгородскій сеймъ, какъ уже было сказано выше, остались неразсмотрѣнными. Поэтому король

---

[316]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 101.

[317]) *Szujskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 255—233.

заявилъ посламъ Новгородскаго сейма, что онъ назначаетъ сеймъ великій вальный панамъ-радѣ и всей землѣ въ Вильнѣ для обсужденія тѣхъ предложеній, которыя повезъ Иванъ Горностай. О времени сбора на сеймъ король обѣщалъ объявить особыми листами. Время шло, а между тѣмъ обѣщанные листы не присылались. Воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, всегда старавшійся заявить себя передъ королемъ первымъ радѣтелемъ государственныхъ интересовъ, отправилъ къ королю гонца съ листомъ, въ которомъ писалъ, что необходимо созвать вальный сеймъ «для многихъ великихъ и пилныхъ потребъ». Король въ началѣ марта отвѣчалъ ему, что онъ самъ желалъ того же самаго, но замедлилъ потому, что отъ старостъ украинныхъ приходятъ тревожныя вѣсти о татарахъ, которые перешли на правую сторону Днѣпра и готовятся вторгнуться либо въ Польшу, либо въ великое княжество: при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно идти противъ врага, неудобно созывать вальный сеймъ. Король извѣщалъ, что онъ разослалъ листы военные по всему великому княжеству съ приказомъ готовиться къ походу противъ татаръ. Сеймъ же обѣщалъ созвать тогда, когда минуетъ опасность, и просилъ своевременно дать ему о томъ знать [318]).

Одновременно съ этимъ отвѣтомъ король дѣйствительно послалъ въ великое княжество листы съ приказомъ готовиться къ походу. Въ началѣ мая король отправилъ къ панамъ-радѣ новые листы съ приказомъ всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества выступать въ походъ; мѣсто и время сбора должны были обозначить въ этихъ листахъ паны-рада и разослать ихъ немедленно, какъ только получатся вѣсти о приближеніи татаръ [319]). Хотя уже въ іюнѣ пришли успокоительныя вѣсти, тѣмъ не менѣе приказъ быть наготовѣ противъ татаръ оставался въ силѣ [320]), и сеймъ не созывался поэтому въ теченіе всего 1539 года. Тѣмъ временемъ переговоры, которые велись съ Саипъ-Гиреемъ, приняли благопріятный оборотъ. Ханъ отпустилъ Сигизмундова посла Михаила Тишковича и съ нимъ отправилъ своего великаго посла съ докончальною грамотою. Въ Краковѣ въ началѣ 1540 г. заключенъ былъ договоръ съ ханомъ, по которому онъ обязался быть за одинъ съ королемъ Сигизмундомъ и его сыномъ противъ всѣхъ непріятелей ихъ, отобрать у великаго князя Московскаго всѣ города и волости, отторгнутыя ими

[318]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 72—74.

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 54—56, 84—89; Archiwum Sanguszków IV, № CLIV.

[320]) Archiwum Sanguszków IV, № CLIX.

у Литвы, и не отдавать ихъ великому князю Литовскому, не всылать своихъ войскъ въ великое княжество Литовское и королевство Польское, а король съ своей стороны обязался выплачивать ежегодно поминки суднами на 15 т. золотыхъ въ два срока 24 іюня и 1 ноября [321]). Теперь можно было и не опасаться въ ближайшемъ будущемъ татаръ. Король рѣшилъ, наконецъ, привести въ исполненіе свое обѣщаніе относительно созыва великаго вальнаго сойма. Къ тому времени и въ Польшѣ улеглась внутренняя политическая буря, поднятая шляхтою. Равно и внѣшнія дѣла Польши приняли благопріятный оборотъ вслѣдствіе успокоенія сосѣдняго Венгерскаго государства и заключенія брачныхъ союзовъ съ обоими Венгерскими государями [322]). Въ виду всего этого король счелъ возможнымъ лично отправиться въ великое княжество Литовское и заняться дѣлами этого государства на предстоявшемъ вальномъ сеймѣ.

Около 20 мая 1540 г. король прибылъ въ Вильну [323]) и разослалъ «соймовые листы» по всѣмъ землямъ великаго княжества. Вальный сеймъ состоялся въ іюнѣ и въ началѣ іюля 1540 г. [324]). О его постановленіяхъ мы узнаемъ изъ грамоты короля отъ 6 іюля 1540 г., разосланной по всѣмъ державцамъ господарскихъ волостей [325]) и отчасти изъ привилея, выданнаго въ томъ же году 13 ноября Луцкимъ мѣщанамъ. Господарь съ панами-радою и со всѣми землями «для великихъ а пилныхъ потребъ земскихъ, а наболей для обороны» великаго княжества отъ непріятелей «призволили и установили» серебщину съ людей, слугъ путныхъ и конюховъ господарскихъ и королевы Боны, равно съ людей бискупьихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ и духовныхъ римскаго и греческаго закона, «кромъ ихъ слугъ путныхъ, бояръ и слугъ бояръ ихъ». Серебщина должна была собираться подъ-рядъ три года въ такомъ размѣрѣ: кто пашетъ одною сохою на двухъ волахъ или клячахъ, долженъ дать 12 грошей; кто пашетъ одною сохою на одномъ волѣ или клячѣ,—шесть грошей; у кого нѣтъ воловъ и клячъ, а есть только земля, съ земли шесть грошей; у кого есть только ого-

---

[321]) Акты Зап. Рос. II, № 200; Scarbiec diplomatów II, № 2328, 2329.

[322]) Сигизмундъ выдалъ свою дочь Изабеллу за Яна, короля Венгерскаго, и сосваталъ за своего сына Сигизмунда-Августа Елизавету, дочь Фердинанда Австрійскаго, владѣвшаго частью Венгріи. *Szujskiego* Dzieje Polski II, str. 234.

[323]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 28.

[324]) Тамъ же, л. 40.

[325]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 24—26. Срав. Archiwum Sanguszków IV, № CCXLI.

родъ, и нѣтъ ни скота, ни другой земли, три гроша; «воляне», которые «ново осѣли», но пашню уже запахали и хлѣбъ съ своей земли ѣли платятъ по общему правилу; тѣ же изъ нихъ, которые еще не ѣли хлѣба съ пашни своей, не должны платить ничего. Сроки для взноса первой серебщины установлены были слѣдующіе: первый—на римскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ или на русскій праздникъ Козьмы и Демьяна, второй — на день Николы зимняго, третій — на Рождество Христово, которое придется въ 14 индиктѣ (1540 г.). Съ господарскихъ людей серебщину должны были собирать старосты и державцы, а съ боярскихъ старосты и державцы совмѣстно съ хоружими. Они должны были составить реестръ имѣній бояръ, слугъ путныхъ, вдовъ и татаръ, находящихся въ той или другой державѣ, переписать поименно людей въ этихъ имѣньяхъ, и чѣмъ кто изъ нихъ пашетъ, и согласно съ этимъ выбрать серебщину. Переписи и платежу серебщины подлежали и люди земянскіе и мѣщанскіе, живущіе по фольваркамъ ихъ. Земяне, владѣющіе имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, должны были вносить серебщину тому старостѣ или державцѣ, «подъ которымъ поветомъ именье свое головнейшое мети будетъ». Каждый земянинъ, отдавши серебщину съ своихъ людей, долженъ былъ передъ державцею и хоружимъ присягнуть, что онъ никого изъ людей и слугъ путныхъ не утаилъ и серебщину отдалъ сполна. Собравши серебщину, державцы должны были лично вмѣстѣ съ хоружими отвозить ее въ скарбъ и отдавать въ руки подскарбія земскаго, подъ присягою, что серебщину собирали сполна, «никому не фолькгуючи». При сборѣ серебщины державцы и хоружіе не должны были брать «писчее»; господарь обѣщалъ впослѣдствіи вознаградить ихъ за трудъ «слушнымъ даткомъ». Что касается подданныхъ пановъ-радъ духовныхъ и свѣтскихъ, княжатъ, панятъ, княгинь, паней вдовъ, «преложоныхъ особъ», съ нихъ должны были собирать серебщину урядники владѣльцевъ и относить ее къ двумъ «зацнѣйшимъ» урядникамъ, «которые бы были люди добрыи, годныи вери, шляхта», и присягать передъ ними, что собрали платъ вѣрно, ничего не утаивая, со всѣхъ людей пановъ своихъ и съ людей бояръ ихъ и мѣщанскихъ отъ всѣхъ сохъ, а эти два урядника-шляхтичи должны зъ свою очередь относить серебщину къ подскарбію земскому и присягать тѣмъ же порядкомъ, какъ и господарскіе урядники. Послѣднимъ предоставлено было «моцно» ввязываться въ имѣнья тѣхъ земянъ шляхты, вдовъ и татаръ, которые окажутся неисправными въ платежѣ серебщины, и держать эти имѣнья къ рукѣ господарской до тѣхъ поръ, пока серебщина не будетъ получена вдвойнѣ («совито»). Кто утаитъ людей или сохи ихъ, и не сполна отдастъ серебщину, будь это князь, панъ или

кто-нибудь другой изъ подданныхъ великаго княжества, тотъ тратитъ «вѣчно» свое имѣнье. Урядниковъ своихъ, которые будутъ виновны въ утайкѣ или присвоеніи серебщины, господарь опредѣлилъ карать «безъ всякаго милосердья ничимъ инымъ, только шиею».

Изъ грамоты, выданной въ ноябрѣ того же года Луцкимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что одновременно съ тѣмъ господарь положилъ серебщину и на свои мѣста, какъ обычно, общею суммою на каждое мѣсто. На Луцкихъ мѣщанъ, какъ на христіанъ римскаго и греческаго закона, такъ на армянъ и жидовъ господарь положилъ было 60 копъ грошей. Но такъ какъ они предъ этимъ получили вольность на шесть лѣтъ отъ даванья серебщинъ, ордынщинъ и подводъ по случаю своего «впада», который приняли отъ огня, и такъ какъ вольность эта въ то время еще не вышла, то король и освободилъ ихъ отъ платежа серебщины, ухваленной на сеймѣ 1540 г., и выдалъ имъ соотвѣтствующій листъ[326]). Для тогдашняго отношенія королевской власти къ постановленіямъ вальнаго сейма характеренъ также и привилей, выданный королемъ Сигизмундомъ въ декабрѣ того же года (17 числа) владыкѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Симеону. Владыка просилъ короля отпустить ему серебщину «на оправенье церкви Божее светого Соѳея въ Полоцку, которая ся розърысовала». Челобитье поддержалъ воевода Полоцкій и другіе паны-рада, и король пожаловалъ ему серебщину[327]). Это пожалованье въ существѣ своемъ противорѣчило обѣщанію, данному королемъ въ посланіи къ Новгородскому сейму, не употреблять серебщину, ухваленную сеймомъ, на что либо иное, кромѣ обороны земской. Но, какъ видно, король и ходатайствовавшіе паны-рада не замѣчали этого противорѣчія или не хотѣли замѣчать.

Литовское правительство накопляло денежныя средства, какъ уже было сказано, на случай возобновленія войны съ Москвою по истеченіи перемирія, которому истекалъ срокъ 25 марта 1542 г. Эта война не возобновилась. Литовскіе послы, отправленные въ Москву въ началѣ 1542 г., заключили новое перемиріе на семь лѣтъ, отъ 25 марта 1542 г. до 25 марта 1549 г. Москвѣ тогда въ пору было управляться только съ Крымскими и Казанскими татарами, соединившимися подъ властью Гиреевъ. Съ юга и востока огромныя татарскія полчища вторгались въ предѣлы Московскаго государства и производили страшныя опустошенія. Лѣтомъ 1541 года Крымскій ханъ Саипъ-Гирей со всею своею ордою, съ турецкимъ вспомогательнымъ войскомъ, съ ногаями, астра-

---

[326]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 87.

[327]) Тамъ же, л. 90—91.

ханскими и бѣлгородскими татарами, съ цѣлою сотнею тысячъ въ общей сложности, подходилъ къ Окѣ и едва было не напалъ на самую Москву. Татары связали руки Москвѣ, и потому Московское правительство оказалось миролюбивымъ по отношенію къ западному сосѣду и согласилось на предложеніе перемирія, послѣ того какъ переговоры о заключеніи вѣчнаго мира не привели ни къ какимъ результатамъ [328]).

Съ заключеніемъ новаго перемирія съ Москвою всѣ важнѣйшія дѣла великаго княжества Литовскаго были покончены. Въ скарбѣ, какъ обнаружилось изъ отчета подскарбія земскаго Ивана Горностая, накопились значительные остатки отъ поступленій предшествующихъ 6 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, а именно: 29499 копъ, 38 грошей и 1 пенязь отъ обыкновенныхъ доходовъ и 58386 копъ 53 гр., 3 пенязя отъ четырехъ предшествующихъ серебщинъ [329]). Съ этой стороны великое княжество было готово ко всякой случайности. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ счелъ возможнымъ покинуть великое княжество и уѣхать въ Польшу, гдѣ онъ не былъ уже два года, съ мая 1540 года [330]). Отъѣзжая въ Польшу, Сигизмундъ счелъ нужнымъ удовлетворить просьбу, которую посылали къ нему литовцы съ Новгородскаго сейма 1538 года. Мая 23 онъ велѣлъ записать въ книги и объявить всѣмъ княжатамъ, панятамъ и всѣмъ подданнымъ великаго княжества, что никто изъ нихъ не долженъ позывать своихъ противниковъ на судъ господаря въ корону; каждый долженъ доискиваться своего передъ судомъ воеводы, старосты или державцы, въ повѣтѣ котораго находится имѣнье отвѣтчика; позванный на судъ старосты (за исключеніемъ Жмудскаго, равнаго воеводамъ) или державцы, можетъ, «не вступаючи въ рѣчь» или «по сказаньи» отозваться до воеводы, а отъ воеводы «по сказаньи» до пановъ-рады «на роки судовые», а отъ пановъ-рады «по сказаньи» до господаря, согласно съ статутомъ, ни въ чемъ отъ него не отступая [331]). Эта устава «о непозываньѣ» съ великаго княжества до короны сначала имѣла значеніе личнаго распоряженія господаря, сдѣланнаго ad hoc. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. она «ухвалена» была, какъ постоянный законъ и затѣмъ подтверждена Сигизмундомъ-Августомъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года [332]).

---

[328]) *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 52—56.

[329]) Акты Зап. Рос. II, № 220.

[330]) По датамъ актовъ, содержащихся въ XXIV и XXVIII книгахъ Записей Литов. Метр. Сигизмундъ пребывалъ въ Вильнѣ съ 20 мая 1540 г. по 24 мая 1542 года.

[331]) Акты Зап. Рос. II, № 222.

[332]) Акты Зап. Рос. III, № 4, арт. 12.

§ 17.

Сигизмундъ вызванъ былъ въ Польшу специальнымъ посольствомъ, которое отрядили къ нему коронные сенаторы и шляхта, собиравшіеся на Петрковскомъ сеймѣ въ февралѣ 1542 года. Дѣло въ томъ, что незадолго предъ тѣмъ на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ и чешскомъ сеймѣ въ Прагѣ рѣшено было начать борьбу съ турками, которые въ предшествующемъ году заняли Буду и Пештъ съ большею частью Венгріи. Ихъ призвали опекуны малолѣтняго внука Сигизмундова—Яна Сигизмунда (сынъ Яна Заполіи и Изабеллы, дочери Сигизмунда) на помощь противъ австрійцевъ, осаждавшихъ вдовствующую королеву Изабеллу въ Будѣ. Турецкій султанъ Солиманъ лично привелъ въ Венгрію большое войско, отогналъ австрійцевъ, провозгласилъ Яна Сигизмунда королемъ Венгріи, а до совершеннолѣтія его занялъ большую часть Венгріи и подѣлилъ ее на санджаки. Турки, такимъ образомъ, врѣзались въ средину христіанскаго міра и грозили распространить свое иго далѣе. Вслѣдствіе этого христіанскія государства начали готовиться къ борьбѣ съ ними. Все это сильно встревожило поляковъ, которые опасались, что турки начнутъ свои погромы съ ихъ страны. Поэтому они и отрядили къ королю въ Литву пословъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ Польшу для принятія необходимыхъ мѣръ по оборонѣ государства [333]).

Къ этому приглашенію поляки присоединили просьбу, чтобы съ Польшею соединено было и великое княжество Литовское для борьбы съ общимъ врагомъ и для поддержанія добраго сосѣдства и братства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ [334]). Въ виду того, что эта просьба не содержала опредѣленныхъ предложеній, Сигизмундъ и съ своей стороны ограничился общими обѣщаніями постараться объ этомъ дѣлѣ. На всякій случай предъ отъѣздомъ въ Польшу онъ условился съ панами-радою «съемъ мѣти у Вильни», на праздникъ Новолѣтія, т. е. 1 сентября 1542 г.[335]). На этомъ сеймѣ, очевидно, и предполагалось заняться обсужденіемъ предложеній поляковъ послѣ того, какъ оно достаточно выяснится въ деталяхъ.

---

[333]) Хроника *Мартина Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom VII, str. 65—67).

[334]) Volumina legum I, 277.

[335]) Акты Зап. Рос. II, № 224.

Намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, состоялся ли этотъ сеймъ и какія сдѣланы были на немъ постановленія. Если этотъ сеймъ и собирался, то едва ли на немъ приняты были какія-либо положительныя рѣшенія касательно союза съ Польшею. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что на Краковскомъ сеймѣ въ началѣ 1543 года поляки снова поднимали вопросъ объ уніи съ Польшею и устройствѣ общей обороны государствъ. Сигизмундъ отвѣчалъ имъ, что, такъ какъ сами они не пришли еще къ рѣшенію относительно постоянной обороны государства и установили ее только на годъ, то нельзя пока рѣшать вопроса и объ уніи Польши и Литвы, которая предполагаетъ постоянную оборону обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что и пановъ-рады великаго княжества въ настоящее время при немъ нѣтъ. Сигизмундъ обѣщалъ полякамъ склонить литовцевъ къ тому, чтобы на предстоящій годъ они приняли такія же мѣры по оборонѣ своей украйны, какія приняли и поляки [336]).

Хотя опасенія поляковъ относительно турокъ оказались преувеличенными, и турки не трогали Польши, тѣмъ не менѣе нельзя было ручаться, что этого не будетъ въ ближайшемъ же будущемъ. Вопросъ объ оборонѣ отъ нихъ государства не сходилъ поэтому съ очереди и подвергался обсужденію и на слѣдующемъ Петрковскомъ сеймѣ, собиравшемся въ декабрѣ 1543 и въ началѣ января 1544 (съ 30 ноября по 7 января) [337]). На этомъ же сеймѣ сенаторы и послы снова подали просьбу королю о соединеніи Литвы съ Польшею въ цѣляхъ общей обороны. Изъ письма каноника Станислава Гурскаго къ своему пріятелю узнаемъ, что противъ плана уніи сильно агитировала королева Бона. Бона опасалась, что если унія осуществится, ей придется нести большія военныя тягости съ своихъ огромныхъ имѣній въ Литвѣ, что поляки не дозволятъ ей уклоняться отъ повинностей, которыхъ до сихъ поръ она счастливо избѣгала. Поэтому она отговаривала и короля, и пановъ радныхъ отъ того, чтобы поднимать вопросъ объ уніи [338]), и, повидимому, имѣла въ томъ успѣхъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что на великомъ Берестейскомъ соймѣ 1544 г. литовцамъ сдѣланы были предложенія только объ устройствѣ сообща съ поляками обороны отъ турокъ и татаръ, а не объ уніи обоихъ государствъ.

---

[336]) Volumina legum I, 277, 278.

[337]) Хроника *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 70—72).

[338]) *J. U. Niemciewicza* Zbiór pamiętników, tom IV, str. 31, 34.

Великій Берестейскій соймъ собрался къ половинѣ іюня 1544 г. и продолжился до половины октября [339]). Берестье выбрано было мѣстомъ сбора отчасти во вниманіе къ старости короля, которому уже не подъ силу были дальнія поѣздки въ Литву, а отчасти вслѣдствіе царившаго въ Литвѣ голода, недостатка «живности» для людей и скота [340]). Станы собрались на сеймъ въ многолюдномъ числѣ (frequentes ordines, по выраженію Кояловича) [341]).

На обсужденіе собравшагося сейма и былъ предложенъ королемъ вопросъ объ организаціи совмѣстной съ Польшею обороны отъ турокъ. Указавъ станамъ сейма на грозящую опасность отъ врага Креста Христова—Турецкаго султана который, покоривъ сосѣднія съ нимъ государства и жестоко разоряя Венгрію, набирается все большей и большей смѣлости по отношенію къ другимъ христіанскимъ государствамъ, король выставлялъ на видъ, что необходимо заранѣе принять мѣры противъ всякихъ случайностей и поставить государство въ оборонѣ противъ возможнаго нападенія султана, сдѣлавшагося уже почти сосѣдомъ Польши и Литвы. Поэтому король просилъ станы сейма, чтобы они «едностайными умыслы радили и около того мыслили», какимъ образомъ съ Божьею помощью обороняться сообща съ панами коронными, братьями и сосѣдями ихъ, противъ этого врага.

Станы сейма прежде всего выразили свою великую благодарность королю за то, что онъ, не щадя своего здоровья и лѣтъ, изъ любви къ своимъ государствамъ потрудился пріѣхать въ великое княжество по вышеизложенной общей надобности. Но въ своемъ отвѣтѣ по существу на предложенія короля литовцы не преминули посчитаться съ поляками. Они указывали королю, что ихъ предки никогда не покидали поляковъ, своихъ братьевъ и сосѣдовъ, и помогали имъ противъ всѣхъ непріятелей, безъ всякаго вознагражденія и заплаты, не щадя своей крови и даже жизни. Это де не только значится на письмѣ, но даже происходило у всѣхъ на памяти, въ счастливое царствованіе короля.

---

[339]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 400; Лит. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 219, 221, 223, 225, 226, 229, 231, 232, 234; Archiwum Sanguszkow IV, № CCCXVIII, CCCXXIII, CCCXXVI, CCCXXVIII.

[340]) Сообщеніе Ст. Гурскаго (*Niemciewicza* Zbiór pamiętników, tom IV, str. 29, 30). Гурскій сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что короля направила въ Берестье Бона, не желавшая свиданія его съ Фердинандомъ, королемъ Римскимъ, который собирался въ Польшу, чтобы уладить отношенія своей дочери Елизаветы съ мужемъ, молодымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ.

[341]) Historiae Litvanae pars II, p. 404.

Великое княжество за это время имѣло не мало великихъ затрудненій и невзгодъ, но поляки съ своей стороны не благоволили оказывать ему помощи ни людьми, ни деньгами, хотя о томъ къ нимъ всегда посылались послы. Только въ самое недавнее время, на Стародубскую войну, поляки выслали за свои деньги на помощь великому княжеству тысячу конныхъ и пятьсотъ пѣшихъ ратниковъ, при чемъ просить о помощи къ нимъ ѣздили изъ Литвы знаменитыя особы, важные сановники. Такъ какъ поляки съ своей стороны не прислали пословъ просить о помощи, то и предложеніе короля они, литовцы, склонны понимать, какъ личное дѣло короля, желающаго добра обоимъ государствамъ. Не видя пословъ и не слыша желаній пановъ коронныхъ они, литовцы, полагали бы, что и о помощи нечего принимать какихъ-либо рѣшеній. Но такъ какъ они привыкли охотно исполнять волю и приказъ короля, и по пріятельски относиться къ панамъ коронным, братьямъ и сосѣдямъ своимъ, чтобы и ихъ къ себѣ расположить на будущее время, то обѣщаютъ на нынѣшнее время оказывать такую помощь: если турки покажутся со стороны Бѣлгорода или Волынской земли, то литовцы всѣ сядутъ на коней своихъ и всѣми силами своими будутъ помогать полякамъ; но если турки будутъ вступать въ Польшу черезъ Силезію или отъ Кошицъ, литовцы не пойдутъ всѣмъ ополченіемъ на помощь полякамъ, такъ какъ иначе имъ пришлось бы покинуть безъ защиты собственное государство, окруженное могущественными непріятелями: въ такомъ случаѣ они пошлютъ полякамъ 4000 наемной конницы на полгода; если же въ это время сами будутъ нуждаться въ людяхъ, то пошлютъ полякамъ денегъ на 4000 человѣкъ по 10 золотыхъ польскихъ на человѣка. Въ заключеніе станы сейма просили короля, чтобы онъ склонилъ и поляковъ къ подобному же постановленью о помощи великому княжеству, особенно противъ Москвы; если де они въ этомъ дознаютъ отъ господаря ласку, а отъ пановъ поляковъ пріятельскую «вчинность», то еще съ большею готовностью и усердіемъ будутъ помогать полякамъ, когда прикажетъ господарь, и пожелаютъ сами поляки.

Такова была «еднностайная воля и вмыслъ» пановъ-рады, княжатъ, панятъ и всего рыцарства, собравшихся на сеймѣ въ Берестьѣ. Свое рѣшеніе чины сейма просили короля выслушать благосклонно и все это обнять своею господарскою милостью [342]).

Это рѣшеніе сейма было сообщено королю 11 сентября. Между тѣмъ по указаніямъ актовъ видно, что сеймъ былъ въ сборѣ уже

---

[343]) Zbiór praw litewskich, str. 414—417.

14 іюля. Значитъ и совѣщанія о совмѣстной оборонѣ отъ турокъ велись довольно продолжительное время. Впрочемъ, предметомъ сеймовыхъ совѣщаній было не одно только вышеизложенное предложеніе короля. Княжата, панята и земяне-шляхта воспользовались случаемъ, чтобы выработать и представить королю рядъ коллективныхъ просьбъ относительно сохраненія ихъ правъ и вольностей и устраненія изъ правительственной практики различныхъ непорядковъ. Эти коллективныя просьбы являются какъ бы итогами политическаго воспитанія, которое литовская правительственная знать при Сигизмундѣ и отчасти самъ господарь давали собиравшимся на сеймъ князьямъ, панамъ и земянамъ, знакомя ихъ съ государственными нуждами и интересами, вовлекая ихъ во взаимныя препирательства по вопросамъ государственнаго права и практики.

Первыя просьбы князей, пановъ и шляхты рыцарства касались обороны земской. Король съ панами-радою постановилъ, чтобы всѣ землевладѣльцы выправляли съ девяти людей десятаго на военную службу. Чины сейма указывали королю, что какъ при предкахъ его, такъ и при немъ самомъ подобныя постановленія дѣлались на вальныхъ сеймахъ, на которые созывались всѣ паны-рада, княжата, панята, старосты, хоружіе и шляхта, «съ которыхъ призволеніемъ и радою завжды оборона была доконывана». Поэтому они просили, чтобы король какъ теперь, такъ и на будущее время оставилъ ихъ при правахъ ихъ и вольностяхъ, и чтобы паны-рада, «безъ оповѣданья и призволенья княжатъ, панятъ, всего рыцарства», и особливо въ данное время, когда не всѣ мѣста ихъ «осажены», будучи при господарѣ не соизволяли на такія тяжкія бремена. Впрочемъ, они изъявляли готовность повиноваться королю и просили только увеличить количество людей, съ которыхъ долженъ выставляться ратникъ, а если этого нельзя, то опредѣлить срокъ дѣйствія этой «уставы».

Отвѣчая на эту просьбу, король выразилъ удивленіе по поводу такого «непотребнаго напоминанья»: онъ де съ того времени, какъ осѣлъ на отчинѣ своей, великомъ княжествѣ Литовскомъ, всегда «обороны панства своего и иншие речи, прислухаючие того панства, рядилъ и справовалъ» вмѣстѣ съ панами-радою; все что онъ устанавливалъ съ ними, устанавливалъ для общаго блага, и уставу объ оборонѣ земской онъ учинилъ для ихъ же спокойнаго «мѣшканья». «И на томъ его милость естъ нине и на потомные часы,—заключался отвѣтъ короля,—ижъ его милость хочетъ всякие речи и о васъ подданыхъ своихъ съ паны радами своими справовати, яко здавна бывало».

Отвѣтъ короля бросаетъ свѣтъ на предшествующую практику по части постановленій объ оборонѣ земской. Очевидно, что эти постановленія выходили отъ господаря и пановъ-рады, а остальные станы сейма только выслушивали ихъ и, такъ сказать, молча давали согласіе. Весьма возможно, что иногда запрашивали предварительно ихъ мнѣнія о тягости устанавливаемой повинности. Такимъ образомъ, и уставы объ оборонѣ были въ сущности рѣшеніями господаря и пановъ-рады, хотя и назывались «земскими», въ виду того, что создавались на вальномъ сеймѣ, при нѣкоторомъ участіи остальныхъ чиновъ сейма. Теперь эти чины стали добиваться, чтобы это участіе было постояннымъ и непремѣннымъ, чтобы уставы объ оборонѣ были дѣйствительно, а не номинально только «земскими». Хотя король и далъ имъ суровую отповѣдь, но все-таки сдѣлалъ и нѣкоторую уступку въ смыслѣ участія ихъ въ окончательной формулировкѣ уставы. Во-первыхъ, по предложенію ихъ король опредѣлилъ срокъ дѣйствія новой уставы въ 8 лѣтъ; во-вторыхъ, хотя и не измѣнилъ количества людей, съ котораго долженъ выставляться ратникъ, но сослался при этомъ на ихъ же согласіе. Наконецъ, по иниціативѣ становъ сейма король издалъ разныя дополнительныя постановленія, касающіяся обороны земской, такъ что въ общемъ вся «устава» вышла плодомъ совмѣстной работы господаря, пановъ-рады и другихъ становъ сейма.

Князья, паны и шляхта просили, чтобы никто не назначался переписывать людей въ ихъ имѣньяхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ вѣры, какъ и тотъ, кого пошлютъ переписывать; если же кто позволитъ себѣ дать неправильное показаніе, пусть наказывается такъ же, какъ и за неисполненіе военной повинности. Согласно этой просьбѣ король опредѣлилъ, что всѣ князья, паны и земяне, хоружіе и всѣ шляхтичи, а также хоружіе татарскіе должны сами переписать своихъ людей и реестры отдать старостамъ и державцамъ, въ чьихъ повѣтахъ лежатъ ихъ имѣнья, и принести предъ ними присягу, что правильно переписали своихъ людей. Старосты и державцы должны передать эти реестры воеводамъ, въ повѣтахъ которыхъ находятся ихъ державы; а сами воеводы и тѣ старосты, которые присягали королю «на раду», должны передать эти реестры въ скарбъ вмѣстѣ съ реестрами собственныхъ имѣній. Всѣ землевладѣльцы на день св. Креста осенняго должны показываться съ «почтами» своими передъ воеводами и старостами повѣтовыми; князья, паны и вся земля Волынская передъ маршалкомъ Волынской земли; а князь Слуцкій, Друцкіе и Лукомскіе и иные княжата и панята передъ воеводою Виленскимъ въ Минскѣ; земли Подляшскія—передъ старостами въ своихъ

повѣтахъ, причемъ «отъ попису» должны платить по полугрошку съ коня. Король обѣщалъ издать спеціальное распоряженіе о томъ, какъ должна быть «заступована» военная служба, какіе должны быть кони, вооруженіе и цвѣтъ одежды.

Князья, паны и шляхта просили далѣе, чтобы господарь, на обязанности котораго лежитъ давать оборону и справедливость своимъ подданнымъ, далъ что-нибудь изъ скарба своего на это дѣло и несъ военную службу съ земскихъ имѣній, которыя на него спали. Въ отвѣтъ на это король выразилъ удивленіе, что ему напоминаютъ о томъ, что онъ всегда дѣлалъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ несъ и несетъ охрану великаго княжества отъ непріятелей московскаго и татарскаго «съ великимъ утисненемъ и ущипкомъ» скарба своего, что для этого онъ позаставлялъ многія мѣста и дворы свои. Что касается службы со спадковыхъ имѣній, то ему, господарю, дивно, что осмѣливаются его имѣнья равнять съ другими: «бо то естъ речь незвычайная ани пристойная господару, жебы его милость мелъ зъ вами, поддаными своими въ оной службе зъ именей спадковыхъ быти ровнанъ». Впрочемъ, противъ врага Креста Христова, Турка король обѣщалъ учинить «выправу» со спадковыхъ имѣній, какая ему заблагоразсудится (sic!)

Слѣдующая просьба登 становъ сейма состояла въ томъ, чтобы духовные римскаго и греческаго закона отправляли военную службу съ своихъ отчинныхъ и церковныхъ имѣній и съ десятины по оцѣнкѣ наравнѣ съ шляхтою: ибо, если вторгнется непріятель, особливо Турокъ, онъ одинаково не спуститъ какъ свѣтскому, такъ и духовному, а отъ его разоренья и десятинъ не съ чего будетъ брать. Король отвѣчалъ, что онъ объ этомъ говорилъ съ князьями бискупами, и они отложили это дѣло до собора духовнаго, который будетъ въ Петрковѣ; на чемъ рѣшитъ по этой части коронное духовенство, на то же и они согласятся и будутъ нести вмѣстѣ съ другими оборону земскую. Съ имѣній же отчинныхъ, купленныхъ и заставныхъ духовенство и теперь обязано нести военную службу по той уставѣ, которую господарь установилъ съ панами-радою.

Князья, паны и шляхта пожелали, чтобы и мѣщане, которые владѣютъ земскими имѣньями, наравнѣ съ другими несли военную службу, а съ куплей и маетностей своихъ по оцѣнкѣ и приказу короля. Господарь выразилъ на это согласіе и постановилъ, что на смотръ мѣщане должны являться къ тѣмъ воеводамъ, въ чьихъ повѣтахъ они владѣютъ имѣньями.

Наконецъ, станы сейма просили, чтобы земская служба отправлялась и съ воеводствъ, староствъ и всякихъ урядовъ по стародавнему,

«водле важностей врядовъ», а особливо съ имѣній стола господарскаго, данныхъ въ заставу или въ какое-нибудь другое держанье. Король отложилъ рѣшеніе этого вопроса до другого времени и только объявилъ, что отнынѣ воеводы, старосты, державцы, намѣстники, войскіе, гаевники, тивуны жмудскіе и всѣ урядники должны быть на службѣ земской «головами своими», «водле тое уфалы земское».

Слѣдующій рядъ просьбъ касался пополненія господарской рады и назначенія на разныя должности. Станы сейма въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просили господаря, «абы его королевская милость завжды суполное рады того панства его милости рачилъ мети, а звлаща жадного сойму абы кролевская милость николи не рачилъ починати, алижбы зуполна панове рада на местцахъ своихъ были осажоны». Свою просьбу станы сейма мотивировали не только тѣмъ общимъ соображеніемъ, что гдѣ много головъ, тамъ много совѣта, но и спеціально шляхетскимъ интересомъ,—чтобы шляхтѣ было у кого служить и тѣмъ богатѣть и множиться. «А теперь,— прибавляли просители,—хотя бы и хотели, але не маютъ кому» служить. Станы сейма настаивали на томъ, чтобы господарь осадилъ мѣста въ радѣ прежде, «нижли бы черезъ вырокъ свой господарскій тую оборону замкнути рачилъ». На это король отвѣчалъ, что такія вещи ему приходится выслушивать еще впервые, и онъ не радъ ихъ слушать; онъ хорошо самъ знаетъ, какъ править своимъ государствомъ и держать свою раду: когда будетъ на то его воля, онъ раздастъ эти уряды, кому слѣдуетъ.

Затѣмъ станы сейма просили, чтобы господарь не раздавалъ урядовъ въ великомъ княжествѣ чужеземцамъ полякамъ, и чтобы урядники коронные, пріѣзжающіе съ господаремъ, не мѣшались въ правительственныя дѣла великаго княжества, но слагали бы съ себя всякую власть на границахъ этого государства. Король отвѣчалъ, что при немъ таковыхъ урядниковъ и не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ нимъ обыкновенно урядники дворные, какъ, напр., подчашій, подкоморій, «што въ ложницахъ на впокою при его милости бываютъ», для личныхъ услугъ королю, а не для какихъ-либо государственныхъ потребностей. Такихъ де урядниковъ мѣнять неудобно: то было бы «съ трудностію и невчастностію» для господаря. При томъ же дворные урядники великаго княжества—кухмистръ, подчашій, подстолій, конюшій всегда находятся при королѣ и «врадовъ своихъ догледаютъ и ими справуютъ, водле давного звычаю». Станы сейма просили, кромѣ того, чтобы господарь не раздавалъ свѣтскихъ урядовъ духовнымъ лицамъ, хотя бы и туземцамъ, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ ихъ сану, и кромѣ того отъ нихъ «большее утисненіе люди маютъ, нижли отъ светскихъ, для того, ижъ

ихъ право не естъ скончоное». Король взялъ эту просьбу на размышленіе и волю свою.

Всѣ эти просьбы, очевидно, вышли изъ круга тѣхъ «княжатъ и панятъ», которые сами расчитывали на мѣста въ лавицѣ рады господарской и на различные уряды. Политическая притязательность, которую обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ литовско-русскій сеймъ, объясняется именно тѣмъ, что въ его составѣ былъ тотъ аристократическій кругъ, изъ котораго господарь набиралъ своихъ совѣтниковъ и чиновниковъ.

Дальнѣйшія просьбы касались матеріальныхъ интересовъ «становъ» сейма. Они просили, чтобы въ тѣ годы, пока будетъ продолжаться дѣйствіе новой уставы объ оборонѣ, господарь не привлекалъ ихъ къ платежу серебщины, просили, чтобы на ихъ имѣньяхъ не устанавливались господарскія мытныя коморы. Господарь обѣщалъ не привлекать ихъ къ платежу серебщины, «кромъ наглое, кгвалтовное и великое потребы» великаго княжества: тогда они обязаны будутъ не только исполнять уставу объ оборонѣ земской, но и все другое, что потребуется отъ нихъ, какъ отъ добрыхъ и вѣрныхъ слугъ и подданныхъ господаря. По поводу коморъ мытныхъ господарь выразилъ недоумѣніе, какой можетъ быть отъ нихъ вредъ владѣльцамъ. Коморы уставлены «ку розмноженю скарбу и пожитковъ его милости господарскихъ»; если же кому-нибудь дѣлается отъ нихъ «кривда», пусть жалуется господарю и получитъ отъ него «справедливость».

Группа слѣдующихъ просьбъ относится къ судопроизводству и судоустройству. Во главѣ ихъ стоитъ просьба, чтобы былъ исправленъ статутъ и въ исправленномъ видѣ напечатанъ, «абы черезъ писаные статута не были люди омылены и справедливость ни передъ кимъ не была закрыта». Станы сейма просили ввести въ статутъ и привилеи земскіе, «для того, абы всимъ яко скарбъ посполитый былъ ведомъ, и для того тежъ, абы черезъ старость, моль и иные пригоды, которыхъ много естъ на свете, не были скажоны». Король изъявилъ свое согласіе на поправленье статута и выразилъ желаніе, чтобы станы сейма выбрали изъ среды себя десять особъ «людей добрыхъ, поважныхъ» какъ греческаго, такъ и римскаго закону. Эти выборные должны «тые артыкулы водле потребы и водлугъ Бога и речи справедливое поправити, а иншие учинити» и представить ихъ на первомъ сеймѣ передъ панами-радою и всѣми княжатами, панятами и рыцарствомъ. На сеймѣ эти артикулы должны быть «уфалены» «черезъ посполитый съемъ, на што вся земля зволить», и приняты «зъ его милости господарскимъ дозволенемъ, што ся его милости слушного будеть видети». Но вписы-

вать въ статутъ земскіе привилеи господарю «не видѣлося для многихъ причинъ»; привилеи всегда находятся при панахъ радѣ и во всякое время могутъ быть представлены, когда только потребуется.

Къ общей просьбѣ о «поправѣ» статута примыкаетъ рядъ частныхъ просьбъ. Станы сейма просили, чтобы изъ канцеляріи не выдавались заручные листы «на заочные повести», и чтобы это было гарантировано статутомъ, ибо благодаря заочной выдачѣ заручныхъ листовъ многіе терпятъ великое «утисненіе», поступаются даже своими имѣньями, чтобы какъ-нибудь не преступить «заруки»; съ другой стороны, слуги и люди, «зрадивши пана своего и его невчтивши», взявъ заруки, смѣло ходятъ предъ глазами своихъ пановъ, а тѣ имъ ничего не могутъ сдѣлать. Поэтому пусть заруки будутъ устанавливаемы только на тѣхъ, «хто бы не хотелъ речи осужоное платити або суду досыть чинити». Король отвѣчалъ, что отнынѣ не будутъ выдаваемы изъ канцеляріи заручные листы на заочную жалобу, если дѣло касается имѣній давняго владѣнія. Заручные листы будутъ выдаваться на тѣхъ, кто не захочетъ подчиняться судебнымъ рѣшеніямъ или кто будетъ угрожать жизни другихъ. Что касается слугъ, которые прибѣгаютъ къ господарю съ жалобами на пановъ своихъ, господарь не будетъ отказывать имъ въ защитѣ, и оставляетъ «тую речь водлугъ давного обычаю, яко и передъ онымъ бывало». Впрочемъ, тѣ слуги, которые будутъ защищаться заручными листами отъ своихъ пановъ, должны въ теченіе четырехъ недѣль отъ предъявленія заручнаго листа во всемъ «ся усправедлити» панамъ своимъ «передъ стороною, людми добрыми», если паны въ чемъ-нибудь ихъ будутъ обвинять.

Затѣмъ станы сейма просили господаря издать распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ позывать другаго «о речь светскую» до духовнаго суда, а особливо духовные, которые это обыкновенно дѣлаютъ; чтобы мѣщане согласно статуту отвѣчали шляхтѣ «о раны ихъ самихъ и подданныхъ ихъ и о грабежи» правомъ земскимъ, а не своимъ нѣмецкимъ; чтобы шляхтичъ, «не будучи правомъ поконанъ», т. е. до суда, «не былъ иманъ и каранъ». Король постановилъ такъ, какъ того желали станы сейма.

Дальнѣйшая просьба ихъ состояла въ томъ, чтобы въ земскихъ тяжбахъ съ господаремъ доводъ не шелъ за одною стороною господарскою, но чтобы доказывать листами или свидѣтелями предоставлено было той сторонѣ, которая будетъ имѣть на то большее право по статуту, и чтобы при этомъ съ господарской стороны въ качествѣ свидѣтелей выставлялись не одни только хлопы, но по крайней мѣрѣ двое шляхтичей, достойныхъ вѣры и ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ. Король

отвѣчалъ, что это дѣло великое и важное, ближе всего его касающееся, и потому надобно объ немъ подумать.

Затѣмъ станы сейма указывали господарю, что многіе самозванно зовутся и пишутся дворянами господарскими, «въ чомъ великие омыльности и потвары въ справедливостяхъ людскихъ ся деють», и просили положить этому конецъ: пусть маршалокъ дворный составитъ реестръ настоящихъ дворянъ, и кто послѣ того будетъ самозванно величаться дворяниномъ, пусть горло тратитъ, а настоящіе дворяне уже служатъ только господарю и никакому другому пану подъ страхомъ той же кары. Король сдѣлалъ постановленіе въ томъ родѣ, какъ просили станы сейма.

Далѣе они просили, чтобы въ каждомъ господарскомъ дворѣ были установленные вижи, достойные вѣры и присяжные, которые бы брали необременительную плату за свой трудъ. Король отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ возможности въ данное время учинить по этому поводу постановленіе «для иншихъ большихъ а важнѣйшихъ справъ» и передаетъ это дѣло тѣмъ, кто будетъ исправлять статутъ: пусть они выработаютъ этотъ артикулъ и представятъ его на первомъ сеймѣ для того, чтобы вписать въ статутъ «съ призволеньемъ всее земли».

Шляхта, присутствовавшая на сеймѣ, представила королю на письмѣ рядъ своихъ особенныхъ просьбъ и желаній, чрезвычайно характерныхъ для ея настроенія. Видно, что, хотя во многомъ она и солидарна была съ княжатами и панятами и вмѣстѣ вырабатывала различныя просьбы, но эта солидарность простиралась только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми начинался антагонизмъ, оппозиція, стремленіе къ расширенію и обезпеченію собственныхъ правъ, и къ ограниченію преимуществъ высшаго класса и огражденію отъ его злоупотребленій.

Прежде всего шляхта просила, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были избранные отъ нея судья и писарь, съ которыми воеводы, старосты и державцы могли бы судить каждаго князя, пана и духовнаго въ своемъ повѣтѣ. Господарь отвѣчалъ, что онъ не видитъ надобности измѣнять первое постановленіе по этой части, содержащееся въ статутѣ. Шляхта требовала далѣе, чтобы воеводы, старосты и державцы давали ей судъ въ своихъ повѣтахъ, а не по своимъ имѣніямъ. Господарь послѣ «обмовы» съ панами-радою постановилъ такъ, какъ того требовала шляхта, исключивъ тѣ случаи, когда тяжущіеся по доброй волѣ захотятъ стать предъ судьею въ его имѣньѣ. Въ связи съ этимъ шляхта просила, чтобы воеводы, старосты и державцы не увозили съ собою изъ повѣтовъ судовыхъ книгъ, и господарь высказался опять согласно съ же-

ланіемъ шляхты. Шляхта предлагала далѣе измѣнить постановленье о вижахъ, указывая на то, что многіе сильные и своевольные люди укрываются отъ «позвовъ» на судъ или не допускаютъ до себя этихъ позвовъ. Господарь, оставляя въ силѣ прежнее постановленіе о вижахъ, разъяснилъ, что вижи въ тѣхъ случаяхъ, когда кто уклоняется отъ вызова въ судъ, могутъ «позвы» вручить урядникамъ, тивунамъ и «рыкунамъ» имѣній, «съ которыхъ ся кривда деетъ»; а если и эти послѣдніе не захотятъ принять, могутъ просто положить ихъ въ имѣньѣ при свидѣтеляхъ. Шляхта просила господаря издать уставу относительно платы за листы въ канцеляріи и за присягу въ костелѣ. Господарь обѣщалъ издать уставу о платѣ въ канцеляріи съ установленіемъ присяжнаго писаря, а отъ присяги въ костелѣ постановилъ платить по два гроша. Наконецъ, шляхта жаловалась, что паны воеводы, старосты и державцы при взысканіи «винъ» сажаютъ шляхтичей «у везенье» и всылаютъ въ домъ ихъ разныхъ лицъ на постой («лежни»). Король опредѣлилъ, что воеводы, старосты и державцы не должны впредь этого дѣлать «безъ слушныхъ причинъ и безправне»; взыскивать «вины» они должны «зъ милосердьемъ, побожне, безъ крику и тяжкости людское, чинячи ласку»; кто не захотѣлъ бы платить «вину» господарскую, у того должны взять людей до заплаты; а у кого нѣтъ людей, того самого должны посадить въ заключеніе, но не всылать къ нему въ домъ лежней [343]).

Какъ видно, всѣ эти просьбы шляхты имѣютъ въ виду огражденіе ея отъ притѣсненій администраціи. Но такъ какъ персоналъ этой администраціи выходилъ преимущественно изъ среды «княжатъ» и «панятъ», то и въ просьбахъ нельзя не видѣть нѣкоторой соціально-политической оппозиціи шляхты противъ высшаго класса, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ просьбъ сказывается прямо и стремленіе къ юридической нивеллировкѣ различныхъ разрядовъ военнослужилаго класса, къ приравненію князей и пановъ съ рядовою шляхтою.

Кромѣ общихъ просьбъ отъ князей, пановъ и шляхты всего великаго княжества, на Берестейскомъ сеймѣ подавались господарю представленія и отъ отдѣльныхъ земель. Такъ, паны и земяне Полоцкой земли жаловались господарю на своего владыку Симеона, который отправляетъ свою должность «нерадно и неслушно», чинитъ «кривды и шкоды великіе» церквамъ Божьимъ и въ монастыряхъ архимандритамъ, игуменамъ и старцамъ, крылошанамъ святой Софіи, попамъ и мірянамъ въ мѣстѣ и по селамъ, по всей своей епархіи (слѣдуетъ перечень этихъ

---

[343]) Zbiór praw litewskich, str. 397—413.

шкодъ и кривдъ). Король отрядилъ дворянина своего Александра Дмитріевича и земянина Полоцкаго Войну Петровича, которымъ поручилъ довѣдаться «о тыхъ всихъ кривдахъ и шкодахъ и тяжькостяхъ» владыки Полоцкаго, списать ихъ на реестръ и пригласить владыку дать по нимъ полное удовлетвореніе. На тотъ же случай, если бы владыка ослушался и не «справился» передъ посланцами господарскими, король распорядился, чтобы паны-рада, «будучи на первомъ року судовомъ», пригласивъ къ себѣ митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси, вызвали владыку Полоцкаго, «о томъ о всемъ межи ними досмотрѣли, и разузнали и справедливость тому на конецъ безъ отволоки учинили, водлѣ обычаю закону ихъ и права писаного земского». Если бы владыка не захотѣлъ стать передъ судомъ, король уполномочивалъ пановъ-раду заочно обвинить его и «моцно» отправить на немъ всѣ шкоды и кривды, показанныя жалобщиками»[344]).

Послѣ того, какъ разсмотрѣны были и рѣшены всѣ вопросы, поднятые на сеймѣ, Сигизмундъ торжественно передалъ управленіе великимъ княжествомъ молодому королю Сигизмунду-Августу, съ согласія становъ сейма (de consensu ordinum)[345]). Эта передача состоялась недѣлю спустя послѣ Покрова Богородицы, т. е. 8 октября[346]). Недѣлю спустя старый король уѣхалъ въ Польшу, а молодой съ женою въ Вильну.

Берестейскій сеймъ 1544 г. былъ послѣднимъ въ правленіе Сигизмунда I въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію сеймовъ, бывшихъ при его преемникѣ, полезно будетъ остановиться нѣсколько и дать себѣ отчетъ въ пройденной уже сеймомъ стадіи развитія, подвести общіе итоги его успѣхамъ какъ по внѣшней формировкѣ, такъ и по значенію въ политической жизни страны, отмѣтить зародившіяся въ немъ тенденціи и такимъ образомъ подготовиться къ уясненію послѣдняго фазиса въ развитіи этого учрежденія.

§ 18.

Начнемъ прежде всего съ состава великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I. Наблюденія, сдѣланныя нами въ этомъ отношеніи надъ великими вальными соймами предшествующаго времени, привели

---

[344]) Акты Зап. Рос. II, № 234.

[345]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 404.

[346]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 400.

насъ къ заключенію, что первоначально на эти соймы, кромѣ князей, пановъ и бояръ шляхты изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, приглашались только «старшіе» изъ областей - аннексовъ, крупные и родовитые землевладѣльцы, составлявшіе областную аристократію. При Сигизмундѣ I на великомъ вальномъ соймѣ получила мѣсто и рядовая шляхта изъ областей - аннексовъ. Мы видѣли, что такіе шляхтичи изъ Жмудской земли находились уже на первомъ великомъ сеймѣ, собиравшемся послѣ возведенія Сигизмунда на великое княженіе. Простые рядовые земяне по выбору своей братьи находились и на Виленскомъ сеймѣ 1512 года. О военно-полевыхъ сеймахъ 1520 и 1521 годовъ и говорить нечего въ виду того, что тамъ находились, по словамъ актовъ, подданные великаго княжества изъ земель и повѣтовъ. На великомъ Виленскомъ сеймѣ 1522 г. изъ Жмудской земли находились не только паны и тивуны, но и простые бояре, что съ полнымъ правомъ можемъ предполагать и относительно другихъ земель. Жмудская рядовая шляхта находилась и на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1525 г. На великомъ Виленскомъ сеймѣ 1534 года кромѣ чиновной аристократіи находились также и рядовые шляхтичи изъ всѣхъ земель великаго княжества, по два отъ каждаго повѣта по выбору своихъ хоружихъ. Всѣ эти факты приводятъ къ заключенію, что рядовая шляхта изъ земель-аннексовъ заняла постоянное и прочное мѣсто на великомъ вальномъ соймѣ на ряду съ своею братьею изъ собственной Литовской земли. Эта новость въ исторіи литовско-русскаго сейма находитъ себѣ объясненіе въ той преобладающей цѣли, для которой стали созываться великіе вальные соймы при Сигизмундѣ I. До Сигизмунда I великіе вальные соймы созывались для рѣшенія политическихъ вопросовъ, имѣвшихъ для большинства шляхетской массы отдаленный интересъ. Поэтому и правительство не считало нужнымъ привлекать на эти сеймы рядовую шляхту изъ областей-аннексовъ и ограничивалось только вызовомъ мѣстной аристократіи. Съ самаго начала великокняженія Сигизмунда великіе вальные соймы стали созываться для рѣшенія преимущественно такихъ вопросовъ, которые близко касались шляхетскаго кармана, а именно: обложенія шляхетскихъ имѣній серебщиною на военныя нужды и размѣровъ военной повинности съ этихъ имѣній, т. е. съ какого количества крестьянскихъ «службъ» долженъ выставляться конный ратникъ. Естественно, поэтому, что правительство стало считать необходимымъ присутствіе на великихъ вальныхъ соймахъ и рядовой шляхты какъ изъ великаго княжества въ собственномъ смыслѣ, такъ и изъ областей-аннексовъ, для отобранія отъ нея мнѣній и заявленій по этимъ вопросамъ и для полученія согласія какъ на

сборъ серебщины, такъ и на обложеніе новыми военнослужебными тягостями. Такая политика литовскаго правительства, какъ мы уже имѣли случай указывать, была естественнымъ послѣдствіемъ распространенія на все государство привилея 1447 года, освободившаго всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества Литовскаго отъ платежа въ казну постоянной денежной подати, или серебщины. По отношенію къ землевладѣльцамъ окраинныхъ областей-аннексовъ эта политика предписывалась и тѣмъ страхомъ, который внушали національно-религіозныя симпатіи русскихъ подданныхъ великаго княжества къ Москвѣ [347]). Литовскому правительству volens-nolens приходилось быть предупредительнымъ къ русскому военнослужилому люду, принимать въ расчетъ его настроеніе, считаться съ его мнѣніями и желаніями. Можно сказать, поэтому, что результаты московской политики въ отношеніи къ западной Руси были далеко не тожественны съ ея территоріальными пріобрѣтеніями. Эта политика сильно вліяла на улучшеніе положенія западно-русской народности, остававшейся и въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, и тѣмъ парализовала свои дальнѣйшіе успѣхи по части территоріальныхъ присоединеній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нѣкоторыхъ великихъ вальныхъ соймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ I рядовая шляхта присутствовала поголовно, viritim. Таковы были военно-полевые сеймы подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 г. и подъ Новгородкомъ въ 1538 г. На сеймахъ, собиравшихся въ первые годы великокняженія Сигизмунда I,

---

[347]) О значеніи этого фактора мы имѣли случай говорить въ предшествующей главѣ. Въ дополненіе къ даннымъ тамъ указаніямъ приведемъ въ настоящемъ мѣстѣ свидѣтельство Станислава Гурскаго, показывающее, что страхъ предъ русскою измѣною былъ распространенъ въ Литвѣ и Польшѣ во время борьбы съ Москвою: „Quod vero Ruthena gens,—пишетъ Гурскій,—imperio regi in Lithuania tam facile ad Moscos deficiat, plures sunt ejus rei cause, prima: quod Russi ipsi, gens barbara, nature vitio insitam habet lubricitatem in fide et mutandi dominos studium, secunda causa: quod Russiis cum Moscis lingua est communis, communis morum feditas, communis religio, communis in Moscovia patriarchia, commune odium in sedem ac religionem romanam contraque gentem Polonam victoriosam, a qua sepe olim fusi sunt, tertia: quod prefecti regii sevum in eos exercent imperium et in spoliandis eis inhumanam crudelitatem idque impune... Hinc fit, ut homines male tractati ab imperio regis ad Moscum deficiant. Nec dubium est, quid universi, quicunque sunt ruthene religionis in Lithuania, malint Moscum dominum quam suum, nisi eos a dedendo se sevissima tyrannis moscitia deterreret“. См. Acta Tomiciana III, № I.

шляхетское представительство, по всѣмъ даннымъ, еще не было правильно организовано, и изъ рядовой шляхты пріѣзжалъ на сеймъ, кто хотѣлъ и имѣлъ возможность или какую-нибудь надобность до господаря. Вотъ почему и на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. имѣлъ мѣсто тотъ инцидентъ, о которомъ разсказано выше: присутствовавшіе въ случайномъ составѣ жмудскіе бояре не рѣшились дать согласія на сборъ серебщины, такъ какъ имъ не дано было на то полномочія, а на свою отвѣтственность, безъ своихъ «старшихъ», они не рѣшились принять такое дѣло. Представительство отъ шляхты не было организовано и на великомъ Берестейскомъ сеймѣ 1511 г. Въ противномъ случаѣ мобилизація шляхты не помѣшала бы совѣщаніямъ на этомъ сеймѣ, какъ было это въ дѣйствительности. Испытанныя неудобства отъ поголовнаго привлеченія шляхты на сеймы не замедлили повести къ организаціи правильнаго шляхетскаго представительства. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ уже въ томъ же 1511 г., когда мобилизація разстроила великій вальный соймъ, собравшійся въ Берестьѣ. Задумавъ собрать новый сеймъ въ Вильнѣ для рѣшенія вопросовъ, не конченныхъ въ Берестьѣ, Сигизмундъ распорядился, чтобы державцы собрали шляхту въ своихъ повѣтахъ и предложили ей выбрать двоихъ представителей, давши имъ «зуполную моцъ». Съ того времени избраніе шляхетскихъ пословъ входитъ въ обычай и окончательно устанавливается въ сеймовой практикѣ. Въ 1534 г. выборъ шляхетскихъ представителей поручено было произвести не державцамъ, а хоружимъ, которые для этого, конечно, должны были собирать мѣстную шляхту. Но это едва ли не былъ исключительный случай. По крайней мѣрѣ, двадцать пять лѣтъ спустя хоружіе на Виленскомъ сеймѣ добивались себѣ, какъ права, «абы шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и на съемъ слали»[348]. Господарь отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранять въ этомъ отношеніи давній обычай (т. е. чтобы шляхта выбирала своихъ пословъ подъ руководствомъ мѣстныхъ державцевъ). Однако, несмотря на организацію правильнаго представительства, шляхтѣ не возбранялось присутствовать на сеймахъ и лично. Вслѣдствіе этого нѣкоторые сеймы, какъ, напр., Берестейскій 1515—1516 г. и Берестейскій 1544 г. отличались большимъ многолюдствомъ. Господарь, пользуясь собраніемъ своей рады, рѣшалъ на сеймахъ множество текущихъ дѣлъ, выдавалъ пожалованія на имѣнья, производилъ судъ и т. д.[349]. Поэтому на сеймы

---

[348]) Акты Зап. Рос. III, № 24.

[349]) См., напр., относительно Виленскаго сейма 1522 г. кн. Запис. X, л. 79—89; XI, л. 41—109; XII, л. 1—52; XXV, л. 46, 94; Судн. дѣлъ кн. II, л. 311,

съѣзжалось множество шляхты по своимъ личнымъ дѣламъ. Эту шляхту также привлекали къ занятіямъ сейма.

Документы, относящіеся къ великимъ вальнымъ соймамъ Сигизмундовой эпохи, даютъ возможность ознакомиться ближе и съ аристократическими элементами, входившими въ составъ этихъ соймовъ. Оказывается, что, кромѣ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, составлявшихъ господарскую раду, на сеймы собирались и другіе урядники: старосты и державцы (на сеймахъ 1512 и 1525 г.), тивуны Жмудскіе (на Виленскомъ сеймѣ 1522 года), хоружіе и подкоморіе (на сеймѣ 1525 г.), всѣ вообще княжата и панята (на Виленскихъ сеймахъ 1524 и 1538, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), такъ что въ общемъ великій соймъ составляли: паны-рада, урядники, княжата, панята и рыцарство-шляхта всѣхъ земель великаго княжества (такъ обозначается въ актахъ составъ великаго Виленскаго сойма 1534 г.). Запись о томъ, кому разсылались приглашенія на сеймъ 1534 г. («листы соймовые») даетъ возможность судить о томъ, кто входилъ въ категорію «княжатъ и панятъ». Оказывается, что сверхъ князей и пановъ, состоявшихъ въ различныхъ должностяхъ и званіяхъ и по этимъ должностямъ и званіямъ имѣвшихъ мѣсто на сеймѣ, туда вызывались князья Слуцкій и Дубровицкій, всѣ князья Друцкіе, Лукомскіе, Свирскіе, Гедройтскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи [350]), и др. Все это лица старинныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій, предки которыхъ участвовали на сеймахъ временъ Витовта и Свидригайла. Очевидно, что по отношенію къ этимъ фамиліямъ установилась уже извѣстная политико-юридическая традиція, признававшая ихъ «станами сойму належачими». Эти князья и паны были крупными землевладѣльцами великаго княжества (многіе изъ нихъ выводили даже свои «почты» на войну подъ собственными, а не повѣтовыми хоругвями, какъ мелкая, рядовая шляхта). Они принадлежали къ тому соціальному слою, изъ котораго набирался правящій классъ,—«властели» великаго княжества, и потому вызывались на сеймы лично, какъ и эти «властели».

Сопоставляя то, что мы узнали о составѣ великаго вальнаго сейма Сигизмундовой эпохи, съ тѣмъ, что извѣстно намъ о его составѣ предъ Люблинской уніей, приходимъ къ заключенію что уже при Си-

---

323; IV, л. 1—24; Archiwum Sanguszków III, № CCXL—CCXLII, CCXLV; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 10, 11.

[350]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 96—99.

гизмундѣ этотъ составъ опредѣлился въ полномъ объемѣ. Позднѣйшія реформы коснулись только организаціи шляхетскаго представительства, но не коснулись самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался сеймъ, если не считать введеніе на сеймъ Виленскихъ бурмистровъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, относившимся до Виленскаго мѣста.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности великихъ вальныхъ соймовъ при Сигизмундѣ I.

Мы видѣли, что до Сигизмунда I общегосударственные сеймы созывались въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приходилось избирать новаго государя; во-вторыхъ, когда приходилось заключать унію съ Польшею. Рѣшеніе этихъ вопросовъ было уже признано правомъ общегосударственнаго сейма. Это ясно обнаруживается изъ грамоты пановъ-рады, содержащей приглашеніе областныхъ землевладѣльцевъ на сеймъ по смерти короля Казимира, а также изъ объясненій, которыя дали паны-рада полякамъ по поводу уніи 1501 г. Въ первомъ случаѣ паны-рада заявляли, что господаремъ будетъ тотъ изъ сыновей Казимира, кого эти землевладѣльцы выберутъ сообща съ панами-радою великаго княжества; во второмъ случаѣ объясняли полякамъ, что не могутъ принять окончательно договоръ объ уніи, заключенной въ 1501 г., потому что этого не хотятъ нѣкоторыя земли, «которыи жъ прислухають къ великому князству». Въ разсматриваемое время право это оставалось въ силѣ, и общегосударственному сейму, какъ и ранѣе, приходилось избирать господаря и выступать въ качествѣ договаривающейся стороны въ переговорахъ объ уніи съ Польшею. Сигизмундъ-Августъ избранъ былъ преемникомъ своему отцу на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 года, а на великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года уже былъ возведенъ на великое княженіе, «за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великого князьства», по позднѣйшему сознанію самого Сигизмунда-Августа [351]). Переговоры о подтвержденіи

---

[351]) См. Бѣльскій привилей 1564 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493; Временникъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 4—11). Ср. Статутъ 1566 г., раздѣлъ III, арт. 2. Въ книгѣ Записей королевы Боны извѣстная статья Городельскаго привилея объ избраніи великаго князя передана въ сокращеніи, очевидно, съ точки зрѣнія распространенныхъ тогда въ литовскомъ обществѣ понятій: Item Praelati, Barones et Nobiles Magni Ducatus Lithuaniae Magnum Ducem suum sine liberis et successoribus legittimis decedentem Magnum Ducem Lithuaniae *libera electione* quem voluerint eligent (Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 10; *Ѳ. И. Леонтовича* Акты Литовской Метрики, вып. I, № 1).

уніи велись на Берестейскомъ сеймѣ 1511, на великихъ Виленскихъ соймахъ 1512, 1514, 1532 гг., и если это подтвержденіе не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякамъ не удалось взять «порозумене» съ панами-радою великаго княжества, съ княжатами, панятами и со всѣми землями, которыя «привлащоны» къ великому княжеству.

При Сигизмундѣ общегосударственный сеймъ рѣшалъ и такіе вопросы, которые при Казимирѣ и Александрѣ рѣшались на сеймахъ панов-рады и военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить вопросъ о веденіи войны. Мы видѣли, что въ 1514 году продолженіе войны съ Москвою рѣшено было на великомъ Виленскомъ соймѣ; подобное же рѣшеніе состоялось и на великомъ Виленскомъ соймѣ 1516 г. Точно также и въ 1534 году рѣшеніе о начатіи войны съ Москвою состоялось на великомъ Виленскомъ соймѣ, который опредѣлилъ собрать для этой цѣли серебщину со всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Можно сказать что за великимъ вальнымъ соймомъ стало уже признаваться извѣстное *право* въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что война съ Волошскимъ воеводою въ 1532 году не состоялась потому, что ея не захотѣла шляхта-рыцарство, собранное на великомъ Виленскомъ соймѣ.

Расширеніе компетенціи великаго вальнаго сойма въ этомъ направленіи было вполнѣ естественно. Войны для литовскаго правительства въ XVI в. были уже почти немыслимы безъ денежныхъ субсидій, безъ наложенія экстраординарныхъ военныхъ тягостей на землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому правительство и старалось заручиться предварительнымъ согласіемъ ихъ на начатіе или продолженіе войны для того, чтобы легче было получить и самую субсидію или согласіе на болѣе тяжкое обложеніе военною повинностью въ натурѣ. Большая часть великихъ вальныхъ соймовъ въ правленіе Сигизмунда созывалась именно съ этою послѣднею цѣлью. Казимиръ, какъ мы видѣли, наложилъ одинъ разъ (въ 1450 г.) чрезвычайную подать на военныя нужды собственною властью, но въ другой разъ (въ 1473 г.) собиралъ для этого сеймъ князей, пановъ и бояръ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. Его преемникъ издалъ новую «уставу» касательно количества крестьянскихъ служебъ, съ которыхъ долженъ выставляться конный ратникъ, на Новгородскомъ сеймѣ 1502 г. по совѣту съ панами-радою. Но Сигизмундъ уже не считалъ возможнымъ обходиться въ такихъ случаяхъ безъ великаго вальнаго сойма и предоставлялъ эти вопросы рѣшенію не мѣстнаго литовскаго сейма, а общегосударствен-

наго. Вопросы эти близко касались землевладѣльцевъ всѣхъ земель великаго княжества, добрымъ расположеніемъ которыхъ литовское правительство въ эпоху борьбы съ Москвою, какъ было уже сказано, должно было поневолѣ дорожить. «Ухвала» серебщины и военныхъ «уставъ» на великихъ вальныхъ соймахъ изъ области практики перешла въ право, признана была законнымъ порядкомъ. Сигизмундъ въ своей грамотѣ 1528 г., изданной по поводу выкупа господарскихъ имѣній на субсидію сейма, торжественно призналъ, что онъ не можетъ, не нарушая законовъ, облагать серебщиною военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества безъ ихъ воли и согласія; но эта воля и согласіе могли быть получены, конечно, только на великомъ вальномъ соймѣ. Статутъ 1529 г. косвеннымъ образомъ призналъ дѣломъ великаго вальнаго сойма и опредѣленіе размѣровъ военнной службы съ земскихъ имѣній. Первый артикулъ II раздѣла этого статута гласилъ, что каждый человѣкъ, владѣющій земскимъ имѣніемъ, долженъ служить съ него и выправлять на войну ратниковъ «подле уфалы земское, яко на тот час будетъ потреба указывати». Станы сейма признавали за собою это право и дорожили имъ. Поэтому, когда господарь, уже послѣ изданія статута 1529 г., сталъ отступать отъ установившагося порядка и опредѣлять размѣры военной службы по совѣту съ панами-радою, станы сейма, собравшагося въ Берестьѣ въ 1544 г., не преминули сдѣлать господарю по поводу этого представленіе. Они заявили, что и при предкахъ Сигизмунда, и при немъ самомъ оборона устанавливалась не иначе, какъ на вальномъ соймѣ, при участіи княжатъ, панятъ, старостъ, хоружихъ и шляхты, «съ которыхъ *произволеньемъ и радою* завжды оборона быта доконывана». Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тотъ же порядокъ. Хотя правительство дало суровую отповѣдь на эту просьбу, какъ на неумѣстное притязаніе, но тутъ же косвенно признало за станами сейма то право, на торое они претендовали. Господарь объявилъ, что онъ оставляетъ въ силѣ свое прежнее постановленіе о посылкѣ на войну съ девяти десятаго, «на што вжо сами есте зволили». Позже постановленіе объ оборонѣ земской дѣлалось не иначе, какъ въ формѣ земскихъ «ухвалъ». Статутъ 1566 года уже устранилъ всякія недоразумѣнія и неясности въ этомъ отношеніи, опредѣливъ, что господарь съ панами радою не имѣютъ «мочы» одни, безъ вальнаго сейма, установлять оборону земскую, налагать серебщину или какой-либо «поплатъ».

При участіи великаго вальнаго сойма и съ его одобренія изданъ былъ при Сигизмундѣ и сводъ законовъ великаго княжества, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута. Самая инициатива этого дѣла

принадлежитъ станамъ сейма, которые подавали объ этомъ господарю просьбы въ 1514 и 1522 гг. Мы видѣли, что новосоставленный статутъ читался по статьямъ и подвергался обсужденію на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 г. и до тѣхъ поръ не вошелъ въ законную силу, пока не принятъ былъ окончательно, во всѣхъ «артикулахъ» станами сейма (въ 1529 г.) [352]). Привлеченіе сейма къ этой законодательной работѣ было почти необходимостью. Статутъ имѣлъ своею цѣлью кодифицировать и пополнить всѣ наличныя права и вольности военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, всѣ дѣйствующіе законы и обычаи, коими регулировались отношенія ихъ къ господарю, между собой и къ другимъ классамъ общества [353]). При кодификаціи легко было нарушить въ чемъ-нибудь эти законы, а потому и производить эту работу необходимо было подъ контролемъ тѣхъ, кого эти законы, ближайшимъ образомъ касались. Кромѣ того, поскольку эта работа состояла въ формулировкѣ существующихъ юридическихъ обычаевъ, требовалось и прямое содѣйствіе становъ сейма. Мы видѣли, что уже Казимиръ издавалъ свой судебникъ, «согадавши» съ князьями и панами радою великаго княжества и «со всѣмъ посполъствомъ». Подобнымъ же образомъ поступалъ и Сигизмундъ. Разбирая въ январѣ 1514 года одно казусное дѣло и не зная, какъ его рѣшить согласно съ существующими обычаями, Сигизмундъ отложилъ его рѣшеніе до будущаго великаго сейма, на которомъ пожелалъ переговорить объ этомъ «со всею землею». Приступивъ къ кодификаціи существующихъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, Сигизмундъ счелъ нужнымъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ экспертизою становъ сейма и прямымъ ихъ участіемъ въ составленіи свода законовъ. Въ данномъ случаѣ со стороны литовско-русскаго господаря обнаружилось признаніе за станами сейма права слѣдить за сохраненіемъ своихъ правъ и вольностей и допускать измѣненіе и отступленіе отъ нихъ не иначе, какъ по добровольному согласію, за своею «ухвалою», т.-е. обнаружилось то же самое признаніе, которое проявлялось и въ обращеніи къ станамъ сойма за «ухвалою» серебщины и опредѣленіями обороны земской. Но дальше этого пока еще не шли уступки господаря сейму. Шестой артикулъ третьяго раздѣла статута 1529 г., обязывая господаря соблюдать старинные законы и обычаи, въ то же время предоставлялъ ему издавать

---

[352]) Слѣды участія сейма въ составленіи статута отразились и въ самой редакціи нѣкоторыхъ статей. Первый артикулъ второго раздѣла гласитъ: «Уставуемъ с призволенем рад наших суполных и всих подданых» и т. д.

[353]) См. предисловіе отъ имени господаря къ Статуту.

новые законы ко благу государства «з ведомостью и порадою и с призволеньемъ» однихъ только пановъ-рады, но не всѣхъ становъ сейма. Можно сказать поэтому, что при Сигизмундѣ выяснилось и установилось право великаго вальнаго сойма участвовать въ законодательствѣ постольку, поскольку съ этимъ связано было сохраненіе существующихъ законовъ и обычаевъ или отступленіе отъ нихъ [354]). Право же участвовать въ созданіи всѣхъ вообще новыхъ законовъ опредѣлилось гораздо позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ статутѣ 1566 г.

Впрочемъ, фактическое участіе великаго вальнаго сойма въ законодательствѣ уже при Сигизмундѣ I было гораздо шире его признаннаго права по этой части. Оно проявлялось въ «ухвалахъ» тѣхъ предложеній, которыя правительство считало нужнымъ вносить на разсмотрѣніе сейма, и въ тѣхъ «уставахъ», которые устанавливалъ господарь съ панами-радою по просьбѣ становъ сейма. Такимъ образомъ, напр., на Городенскомъ сеймѣ 1522 г. по предложенію правительства опредѣлена была конфискація имѣній за уклоненіе отъ военной службы и неправильный захватъ господарскихъ имѣній; на Виленскомъ сеймѣ 1529 г. установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ въ Вильнѣ пановъ-рады для разбора накопившихся тяжебъ. На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. по просьбѣ становъ сейма издана была господаремъ и панами-радою новая «устава» о пересудахъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. господарь издалъ «уставу» относительно порядка переписи шляхетскихъ имѣній въ томъ именно родѣ, въ какомъ пожелали станы сейма, и такія же уставы относительно несенія мѣщанами военной службы съ земскихъ имѣній, о прекращеніи выдачи изъ канцеляріи заручныхъ листовъ по заочной жалобѣ, о неподсудности шляхты суду духовному по свѣтскимъ дѣламъ, о привлеченіи мѣщанъ къ земскому суду по дѣламъ о грабежахъ и ранахъ, нанесенныхъ шляхтѣ и ея подданнымъ, о прекращеніи вызововъ на судъ въ Польшу и т. д.

Просьбамъ становъ сейма обязаны были своимъ происхожденіемъ не только извѣстныя законодательныя опредѣленія, соотоявшіяся при Сигизмундѣ I, но и нѣкоторыя частныя правительственныя распоряженія. Можно сказать, поэтому, что великій вальный сеймъ принималъ нѣкоторое участіе и въ административной дѣятельности центральнаго

---

[354]) Сами станы сейма сознавали себя стражами старинныхъ правъ и вольностей и считали своимъ правомъ и обязанностью указывать господарю на нарушенія этихъ правъ и вольностей, какъ это имѣло мѣсто, напр., на великомъ Виленскомъ сеймѣ 1532 г., на Новгородскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1538 г. и великомъ Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.

правительства. Такимъ образомъ, напр., по просьбѣ становъ сейма не разъ назначались комиссіи для разбора пограничныхъ столкновеній землевладѣльцевъ великаго княжества съ поляками и нѣмцами, для исправленія границъ съ Польшею, Мазовіею, Пруссіею и Ливоніею, а одинъ разъ (въ 1528 г) назначеніе такой комиссіи состоялось въ формѣ сеймоваго постановленія господаря, пановъ-рады духовныхъ и свѣтскихъ, пановъ хоруговныхъ и шляхты-рыцарства; по просьбѣ становъ Берестейскаго сейма 1544 г. господарь приказалъ составить реестръ своихъ дворянъ и т. д.

Особенно много различныхъ требованій и просьбъ подано было станами на послѣднихъ великихъ соймахъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда I. Къ тому времени подъ вліяніемъ частаго сеймованія сдѣлало уже значительные успѣхи политическое воспитаніе сеймовыхъ сословій. Эти сословія отчасти самимъ господаремъ, отчасти своими «старшими братьями», панами-радою великаго княжества, понемногу втянуты были въ курсъ политической жизни, черезъ правительство и другъ черезъ друга ознакомились съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, прониклись политическими интересами и стремленіями. Эти стремленія въ общемъ направились къ обезпеченію національно-политической особности великаго княжества отъ Польши, къ утвержденію и развитію въ немъ порядка, гарантированнаго земскими привилеями, къ дальнѣйшему «размноженью» шляхетскихъ правъ и вольностей. Проводникомъ этихъ политическихъ стремленій и сталъ великій вальный соймъ къ концу Сигизмундова правленія.

ГЛАВА IV.

Составъ и политическое значеніе господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ.

§ 1. Роль литовско-русской аристократіи въ лицѣ пановъ-рады на великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I.—§ 2. Генезисъ господарской рады, какъ особаго правительственнаго учрежденія; должности и званія, соединившіяся съ мѣстами въ радѣ господарской, и іерархія этихъ мѣстъ.—§ 3. Фамильный составъ великокняжеской рады; преобладаніе князей и пановъ литовскаго происхожденія и историко-соціальныя основанія этого преобладанія.—§ 4. Правительственная роль и политическое значеніе господарской рады; сеймы пановъ-рады.—§ 5. Учрежденія при господарѣ и радѣ великаго княжества: канцелярія и скарбъ.—§ 6. Высшіе земскіе и дворные уряды.—§ 7. Общія заключенія.

§ 1.

Въ концѣ предшествующей главы мы подвели итогъ тѣмъ политическимъ успѣхамъ, которые сдѣлало изучаемое нами учрежденіе за время великокняженія Сигизмунда Стараго. Сравнивая въ этомъ отношеніи литовско-русскій соймъ съ современнымъ ему польскимъ, на первый взглядъ открываемъ между ними значительное сходство. Подобно послѣднему литовско-русскій соймъ избираетъ государей, заключаетъ договоры уніи, устанавливаетъ поборы съ землевладѣльцевъ на военныя нужды, издаетъ военныя «уставы», по временамъ рѣшаетъ вопросы о войнѣ или мирѣ, издаетъ законы и даже правительственныя распоряженія частнаго характера. Было бы, однако, ошибкою заключать отсюда, что великое княжество Литовское уже при Сигизмундѣ I ассимилировалось политически съ Польскимъ королевствомъ. Сходство между литовско русскимъ сеймомъ и польскимъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается пока только внѣшнимъ, формальнымъ, а не внутреннимъ. Правда, что оба учрежденія дѣлаютъ одно государственное дѣло; но при этомъ и то, и другое выполняютъ не одинаковое назначеніе съ общественной точки зрѣнія. Польскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется политическая сила и осуществляется политическое

значеніе премущественно шляхетскаго класса. Шляхта доминируетъ на польскомъ сеймѣ, смѣло и энергично выступаетъ противъ короля и чиновныхъ магнатовъ, горячо и упорно отстаиваетъ свои интересы и въ оборонѣ ихъ является могущественною союзницею можновладства противъ королевской власти и королевской власти противъ можновладства. Рѣшенія на сеймахъ ставятся большею частью по ея волѣ, согласно ея требованіямъ и желаніямъ. Она оказывается въ высшей степени неподатливымъ элементомъ, отъ котораго приходится имѣть много хлопотъ и непріятностей какъ королю, такъ и чиновной аристократіи [1]. Шляхта, можно сказать, даетъ тонъ и направленіе всей государственной жизни Польши при Сигизмундѣ I. Не то мы видимъ за это время въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Литовско-русскій сеймъ является органомъ, черезъ который проявляется въ наибольшей полнотѣ и осуществляется политическое значеніе преимущественно крупной землевладѣльческой знати, князей и пановъ. Шляхта имѣетъ на этомъ сеймѣ постоянное мѣсто, но не играетъ на немъ первенствующей роли. Ее приглашаютъ на сеймъ для того, чтобы ознакомиться съ ея настроеніемъ, мнѣніями и желаніями по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ, заручиться ея одобреніемъ для принимаемыхъ мѣропріятій и тѣмъ сообщить имъ большую юридическую обязательность и фактическую силу, какъ «ухваламъ земскимъ». Но починъ, главная роль и рѣшающій голосъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ принадлежатъ по большей части панамъ радѣ, составлявшимъ государственный совѣтъ великаго княжества. Даже тѣ постановленія, инціатива которыхъ исходитъ отъ шляхты, вырабатываются большею частью въ кругу пановъ-рады и сообщаются шляхтѣ къ свѣдѣнію. Въ этомъ кругу лежитъ пока центръ политической тяжести литовско-русскаго сейма. Великій вальный соймъ по существу своему въ разсматриваемое время является полнымъ собраніемъ господарской рады, пополненнымъ всѣми аристократическими элементами, не вошедшими въ ея составъ, совѣщающимся въ присутствіи шляхты и до извѣстной степени прислушивающимся къ ея голосамъ. Свои голоса шляхта, впрочемъ, не всегда подаетъ, молчаливо соглашаясь или подчиняясь рѣшеніямъ своей старшей братьи, князей и пановъ.

---

[1]) *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom I, str. 329—342; II, str. 1—61, wyd. 3-ie; *Wl. Grabieńskiego* Dzieje narodu Polskiego, część I, str. 97—117. Kraków 1897. Срав. *A. Pawińskiego* Sejmiki ziemskie. Warszawa. 1895.

Этотъ фактъ даетъ себя выслѣдить съ полною ясностью по источникамъ, относящимся къ сеймамъ Сигизмундовой эпохи. Возьмемъ первый изъ великихъ вальныхъ соймовъ, собиравшихся въ великокняженіе Сигизмунда, — Виленскій 1507 г., происходившій въ отсутствіе господаря. На немъ, какъ извѣстно, выработана была военная устава и сдѣлано постановленіе о сборѣ серебщины. Военную уставу, по словамъ оффиціальной записи, уставили «князь бискупъ Виленскій и панове рада, воеводы, княжата», бывшіе на этомъ сеймѣ. Что касается сбора серебщины, то онъ рѣшенъ былъ также, по всѣмъ признакамъ, въ этомъ же кругу, а «земяне, вдовы, и вся посполите шляхта, которые на тотъ часъ на томъ сеймѣ были, зволили», т. е. дали свое согласіе [2]). На Виленскомъ сеймѣ 1509 г. цѣлый рядъ законовъ былъ выработанъ господаремъ и панами-радою, остальные станы только приняли ихъ къ свѣдѣнію. Таковы были уставы, касающіяся записи вѣна женамъ, имѣній государственныхъ измѣнниковъ и взиманія «пересуда» [3]). На великомъ Берестейскомъ соймѣ 1511 г. чрезвычайно важная устава, близко касающаяся всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ,—о правахъ и власти гетмана и реквизиціи провіанта и фуража установлена была «съ порадою пановъ-радъ», а другіе станы только приняли ее къ свѣдѣнію и руководству [4]). Въ виду такого значенія пановъ радныхъ и господарь, пересылая свои предложенія на сеймы, собиравшіеся въ его отсутствіе, обращался главнымъ образомъ къ панамъ-радѣ, имъ предлагалъ обсудить и рѣшить различные вопросы, стоящіе на очереди, «вземши порозумене» съ княжатами, панятами и шляхтою-рыцарствомъ въ особо важныхъ случаяхъ. Такъ было дѣло, напр., передъ сеймами 1520 г., 1521, 1525 и 1526 г. На сеймахъ 1520 и 1521 г. паны рада приняли самостоятельно цѣлый рядъ мѣръ по оборонѣ государства, а къ шляхтѣ обращались только по поводу предложенія короля послать ее на украинные замки на гарнизонную службу и касательно сбора серебщины [5]). На Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 г. уставу о размѣрахъ военной повинности съ земскихъ имѣній уставили господарь и паны рада великаго княжества, духовные и свѣтскіе. Даже въ постановленіи о сборѣ серебщины, состоявшемся на этомъ же сеймѣ, починъ несомнѣнно принадлежалъ панамъ-радѣ, вслѣдствіе чего и оффи-

---

[2]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[3]) Scarbiec diplomatów II, № 2207, 2209, 2210; Акты Зап. Россіи II № 50, 52.

[4]) Zbiór praw litewskich, str. 115—117.

[5]) См. выше, стр. 217—224.

ціальная запись говоритъ объ этомъ постановленіи, какъ объ уставѣ господаря и пановъ-рады (изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что эта устава съ большимъ трудомъ получила признаніе остальныхъ становъ сейма [6]). Точно такимъ же постановленіемъ господаря и пановъ-рады является въ оффиціальной записи и ухвала новаго «плата», состоявшаяся на осеннемъ сеймѣ 1529 [7]). Эта неточность и неустойчивость оффиціальной терминологіи находитъ себѣ объясненіе именно въ томъ, что постановленіе пановъ-рады и сеймовая ухвала фактически нерѣдко совпадали. Какую роль играла знать на великихъ вальныхъ сеймахъ того времени, объ этомъ даетъ понятіе заявленіе пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, чрезвычайно характеристическое и въ самомъ своемъ преувеличеніи факта. На вопросъ, предложенный ему однимъ полякомъ, почему въ Литвѣ не должно быть такихъ же судей, какъ въ Польшѣ, Гаштольдъ отвѣчалъ, что шляхта занимаетъ тамъ другое положеніе, чѣмъ въ Польшѣ, и между прочимъ заявилъ: «И сеймы наши отправляются совершенно иначе: что рѣшается господаремъ и панами, то шляхтою обязательно принимается къ исполненію. Мы вѣдь приглашаемъ шляхту на наши сеймы какъ будто бы для чести, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы всѣмъ было явно то, что мы рѣшимъ» [8]). Это заявленіе не совсѣмъ точно изображаетъ положеніе вещей. Шляхта приглашалась на сеймы не для того только, чтобы принимать къ свѣдѣнію постановленія господаря и пановъ, но и для того, чтобы дать свое согласіе на эти постановленія. Шляхта вовсе не держала себя такъ пассивно, какъ это выходитъ по заявленію Гаштольда, и по временамъ отказывала въ своемъ согласіи, разстраивая

---

[6]) Очень хорошо отмѣчается этотъ починъ пановъ-рады при наложеніи серебщины въ подтвердительномъ привилеѣ Волынской земли, выданномъ въ 1509 году: «коли панове-рада наша великого князства Литовского, для которое великое потребы земское, зволять который платъ съ своихъ людей дати: тогды князи и панове и вся шляхта Волыньское земли мають намъ также тотъ платъ съ своихъ людей давати» (Акты Зап. Рос. II, № 54).

[7]) См. выше, стр. 255.

[8]) Acta Tomiciana, ks. XII, Reps. R. 1529. Ration Gastoldi, cur judices in Lithuania non sint constituendi, ut est in Polonia... Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones et quidquid per Mtem Regiam concluditur et Dominos, Nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, revera autem, ut singulis palam sit quidquid concluserimus. См. Ks. L. Trzy rozdziały z historyi scarbowości w Polsce, str. 35, n. 2. Kraków 1868.

планы господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., на Виленскомъ сеймѣ 1521 г. шляхта отвергла проектъ посылки ея въ украинные замки на гарнизонную службу на томъ основаніи, что она уже дала серебщину для найма на эту службу жолнеровъ [9]). Въ 1532 г. рыцарство великаго княжества не захотѣло «призволить» на войну съ Волошскимъ воеводою, для которой король просилъ у литовцевъ помощи, и великое княжество осталось въ мирѣ съ Волошскимъ воеводою [10]). Очень можетъ быть, что и отказъ господарю въ денежной субсидіи на Виленскомъ сеймѣ 1515—1516 г. вышелъ изъ рядовъ той же шляхты, находившейся на сеймѣ [11]). Какъ мы уже говорили въ предшествующей главѣ, частое сеймованіе въ великокняженіе Сигизмунда несомнѣнно должно было содѣйствовать политическому воспитанію шляхты, пробужденію въ ней политическихъ интересовъ и стремленій, превращенію ея въ активную политическую силу. Къ концу великокняженія Сигизмунда шляхта, какъ мы видѣли, выступаетъ на сеймѣ уже вполнѣ самостоятельно и независимо. Но съ отдѣльными проявленіями этой самостоятельности приходится встрѣчаться и ранѣе. Какъ бы то ни было, но въ общемъ нельзя не признать, что при Сигизмундѣ I на великихъ вальныхъ соймахъ Литовско-Русскаго государства князья и паны, если не господствовали безраздѣльно, то имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ шляхтою. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что эти князья и паны и внѣ великаго вальнаго сойма оставались въ то время первенствующею политическою силою. Ими замѣщались всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ; они же составляли и такъ называемую раду, т. е. государственный совѣтъ великаго княжества. Главнымъ органомъ ихъ политическаго преобладанія внѣ великаго вальнаго сейма была именно господарская рада великаго княжества. Эта рада, какъ мы видѣли, занимала главное мѣсто и играла руководящую роль и въ составѣ «посполитой рады», т. е. великаго вальнаго сейма. Если это справедливо относительно Сигизмундова великокняженія, тѣмъ съ большимъ правомъ можно предполагать это относительно предшествующихъ великокняженій Александра и Казимира, когда шляхта не призывалась такъ часто и въ такомъ количествѣ на сеймы, когда она не получила еще постояннаго и правильнаго представительства. Въ виду всего этого намъ необходимо поближе ознакомится съ этимъ учрежденіемъ, съ которымъ такъ тѣсно

---

[9]) См. выше, стр. 221.

[10]) См. выше, стр. 262.

[11]) См. выше, стр. 203.

сплетается предметъ нашего спеціальнаго изученія, т. е. великій вальный сеймъ Литовско-Русскаго государства.

§ 2.

Господарская рада, какъ *особое учрежденіе* съ извѣстнымъ составомъ членовъ и признанною компетенціею, народилась уже при Казимирѣ, но окончательно сформировалась только въ началѣ великокняженія его сына Сигизмунда I. Къ этому времени постепенно установилась наличность должностей и званій, соединенныхъ съ мѣстами въ «лавицѣ» рады господарской. Къ этому же времени выяснилось окончательно и ея политическое значеніе, а отчасти даже и закрѣпилось юридически, въ земскихъ правилеяхъ 1492 и 1506 гг.

Предшественница господарской рады — великокняжеская дума XIV в. не была еще самостоятельнымъ, обособленнымъ отъ великаго князя, учрежденіемъ и потому не представляла изъ себя какой-либо опредѣленной корпораціи. Это былъ совѣтъ, составлявшійся при великомъ князѣ, такъ сказать, нарочито, изъ разныхъ лицъ, кого онъ считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть около себя въ данное время, при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., въ совѣтѣ Гедимина въ 1324 г. постоянно засѣдалъ доминиканецъ Николай, а годъ тому назадъ Виленскіе минориты, которые въ 1324 г. уже не пользовались этою честью [12]). Сынъ Гедимина Ольгердъ и внукъ Ягайло совѣтовались съ своими родичами, областными князьями, какіе при нихъ въ данное время находились или какихъ они считали нужнымъ пригласить. Такимъ образомъ, напр., посылка уполномоченныхъ для заключенія мира съ Орденомъ въ 1358 г. рѣшена была на совѣтѣ Ольгерда съ братьями Кейстутомъ, Явнутомъ, Коріатомъ и племянникомъ Юріемъ [13]). Больше всего Ольгердъ совѣтовался съ братомъ своимъ Кейстутомъ, который часто пріѣзжалъ къ нему на думу, былъ его правою рукою, главнымъ совѣтчикомъ и помощникомъ по управленію гусударствомъ [14]) При Ягайлѣ такое же положеніе занималъ братъ его Скиргайло [15]). Но и другіе князья при-

---

[12]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 142, прим. 3.

[13]) *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 208, 469.

[14]) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, изд. Поповымъ, стр. 27—29.

[15]) См. нашу статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.» (Изданія Историч. Общества при Импер. Москов. Университетѣ, годъ I, стр. 86, 87. Москва 1896).

нимали участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ 1379 году въ заключеніи мира съ Орденомъ, кромѣ Ягайла, участвовали братъ его Лингвеній и дядя Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, которые привѣсили къ договорному акту и свои печати [16]). Въ 1382 году отдача Жмуди Ордену рѣшена была на совѣтѣ Ягайла съ братьями—Скиргайломъ, Корибутомъ, Лингвеньемъ, Коригайломъ, Вигунтомъ, Свидригайломъ (въ этомъ совѣтѣ принималъ также участіе и мѣщанинъ Виленскій Ганнеке) [17]). Выше (стр. 11) мы указывали на то, что и унія съ Польшею была принята окончательно на совѣщаніи Ягайла съ Скиргайломъ, Корибутомъ, Витовтомъ и Лингвеньемъ, происходившемъ въ Кревѣ въ августѣ 1385 года. Выдача извѣстнаго привилея 1387 г., предоставлявшаго разныя права и вольности боярамъ-католикамъ, состоялась на совѣщаніи, въ которомъ, кромѣ Ягайла и пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Польши князей (Олесницкаго и Мазовецкихъ) и пановъ, принимали участіе и литовскіе князья—Скиргайло Троцкій, Витовтъ Городенскій, Корибутъ Новгородскій, Казимиръ-Коригайло Мстиславскій и Александръ-Вигунтъ Керновскій [18]). Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XIV в. не происходило еще настоящаго удѣльнаго дѣлежа территоріи, что въ рукахъ великихъ князей сосредоточивалась сильная центральная власть надъ всѣмъ неразъединеннымъ, хотя и плохо еще сплоченнымъ комплексомъ земель и владѣній, что областные князья были не столько самостоятельными владѣтелями, сколько помощниками великихъ князей по управленію отдѣльными частями государства, ихъ намѣстниками [19]). Съ этими ближайшими своими сотрудниками и помощниками великіе князья рѣшали по совѣту и соглашенію и важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего государства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе князья совѣтовались по временамъ и съ своими боярами. Не всѣ области государства раздавали они въ управленіе своимъ родичамъ, — часть оставляли подъ своею непосредственною властью. Каждый великій князь былъ не только верховнымъ главою всего государства, но и правителемъ извѣстной его части, такимъ же областнымъ княземъ, какъ и другіе его родичи. Ве-

---

[16]) Scarbiec diplomatów I, № 464.

[17]) Ibidem, № 480; *Raczyńskiego* Kobex dyplomatyczny Litwy, str. 56—60.

[18]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[19]) См. цитированную статью «О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в.».

ликіе князья имѣли значеніе областныхъ князей въ Виленскомъ княженіи, обнимавшемъ восточную половину собственной Литовской земли и западную часть такъ называемой Руси Литовской. Въ управленіи этимъ княженіемъ они пользовались услугами своихъ бояръ: ихъ они посылали намѣстничать по пригородамъ этого княженія и тивунить по волостямъ въ своихъ дворахъ или дворцахъ, имъ же поручали завѣдывать нѣкоторыми спеціальными отраслями управленія, каковы были: *городничее, конюшее, подконюшее, ключъ, подключництво* [20]) и т. подоб. Весьма вѣроятно, что съ этими боярами великій князь совѣтовался въ разныхъ вопросахъ правительственной практики, касавшихся Виленскаго княженія, какъ объ этомъ можно заключать по аналогіи съ другими областными княженіями [21]) и отчасти по фактамъ позднѣйшаго времени. Но при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ участіе бояръ въ великокняжескомъ совѣтѣ не замѣтно до Витовта. Какъ было уже сказано выше (стр. 43), вершителями судебъ государства до эпохи Витовта были князья Гедиминовичи. Одинъ разъ, при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1379 г. выступаютъ и бояре, но пока только въ качествѣ простыхъ свидѣтелей (geczuge).

Съ утвержденіемъ на великокняжескомъ престолѣ Витовта крупныхъ областныхъ князей Гедиминовичей, какъ мы уже видѣли, постигъ настоящій погромъ. Нѣкоторые изъ нихъ лишились совершенно владѣній, нѣкоторые перемерли безъ потомства, нѣкоторые измельчали, низошли на положеніе второстепенныхъ князей. Какъ бы то ни было, уцѣлѣвшіе изъ этихъ князей или ихъ потомки продолжали участвовать въ великокняжескомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ нѣмцами въ 1398 году около великаго князя находились между прочимъ кн. Владиміръ Ольгердовичъ, кн. Сигизмунтъ Кейстутьевичъ, князья Юрій Пинскій, Михаилъ (Явнутьевичъ) Заславскій, Але-

---

[20]) Эти уряды, бывшіе несомнѣннымъ наслѣдіемъ эпохи областныхъ княженій, сохранялись въ XV и XVI ст. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 841—844, 852.

[21]) «Раду» князья Новгородъ-Сѣверскаго Корибута въ 1388 г. составляли слѣдующія лица: князь Давидъ Дмитріевичъ, князь Русанъ Плаксичъ и бояре: Василій Данильевичъ, Федоръ Евлашковичъ, Хвороща съ братомъ Иваномъ, *воевода* Глѣбъ Евдокимовичъ, Скушь, *воевода Новгородскій* и т. д (Archiwum Sanguszków I, № IX, X). Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій жаловалъ имѣнья духовенству, погадавъ *съ своими боярами, съ своею вѣрною радою* (Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 227, 228). О думахъ областныхъ князей см. также выше, стр. 153—160.

ксандръ (Патрикѣевичъ) Стародубскій [22]). При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1422 году въ совѣтѣ великаго князя присутствовали между прочимъ кн. Свидригайло Черниговскій, Сигизмундъ Стародубскій, Александръ, Иванъ и Андрей Владиміровичи (Ольгердовича), Өедоръ Корибутовичъ, Юрій Лингвеньевичъ [23]). Витовтъ привлекалъ къ совѣщаніямъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ не однихъ только Гедиминовичей, но и другихъ литовскихъ и русскихъ князей, которые помогали ему въ достиженіи великаго княженія на Литвѣ и охраненіи цѣлостности и самобытности Литовско-Русскаго государства. Таковы были: князья Гольшинскіе, кн. Вейшишскій, кн. Клецкій, кн. Юрій Довкговдъ, кн. Друцкіе, Воротынскіе и др. (см. выше, стр. 16, 17, 25, 27, 28, 54). Но чаще всего и больше всего совѣтъ Витовта составлялся изъ первостепенныхъ литовскихъ бояръ, или пановъ. Эти бояре играли главную роль въ возведеніи Витовта на великое княженіе и въ дальнѣйшемъ сдѣлались его главною опорою и поддержкою. Въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя они заступили мѣсто прежнихъ областныхъ князей; ими стали замѣщаться нѣкоторыя высокія должности, созданныя по примѣру Польши, какъ, напр., уряды маршалковъ, каштеляновъ и т. д. Всѣ эти бояре, сдѣлавшіе Витовта великимъ княземъ и сами сдѣлавшіеся его сотрудниками по управленію великимъ княжествомъ, естественно сдѣлались обычными и частыми его совѣтниками. Число этихъ совѣтниковъ необходимо должно было увеличиться вслѣдствіе того политическаго объединенія, которымъ сопровождалось возведеніе Витовта на великое княженіе. Передъ тѣмъ, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, собственная Литва и та часть Руси, гдѣ распространено было землевладѣніе литовскаго боярства, распадалось на четыре княжества: Виленское, находившееся въ непосредственной власти Ягайла, Троцкое, отданное имъ брату Скиргайлу, Керновское, принадлежавшее другому брату Вигунту, Городенское, принадлежавшее Витовту. Съ утвержденіемъ Витовта на великомъ княженіи это дѣленіе уничтожилось и все знатное литовское боярство, отправлявшее различныя должности и участвовавшее въ совѣтахъ при четырехъ князьяхъ, собралось теперь вокругъ одного господаря и стало участвовать въ его совѣтахъ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи договора съ Орденомъ въ 1398 г., кромѣ князей, въ совѣтѣ великаго

---

[22]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczny Litwy, str. 256; Monumenta medii aevi, tomus VI, № CLXXIX.

[23]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115.

князя участвовали: намѣстникъ Ошменскій Минигайло, намѣстникъ Виленскій Монивидъ, маршалокъ двора Чупурна, намѣстникъ Кревскій Гаштольдъ, намѣстникъ Троцкій Кинмунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Ковенскій Сунгайло, намѣстникъ Вилькомирскій Вежкгайло, намѣстникъ Ушпольскій Остикъ, намѣстникъ Мѣдницкій Корейка, конюшій Немиръ, намѣстникъ Пенянскій Ройвидъ [24]) и др. Знатное литовское боярство, какъ было уже сказано, преобладало въ совѣтѣ великаго князя при заключеніи договоровъ объ уніи съ Польшею въ 1401 и 1413 году (см. выше стр. 28, 29, 35). Перемиріе съ Орденомъ въ 1410 г. Витовтъ подтверждалъ сообща (mitsampt) съ бискупомъ Виленскимъ Николаемъ, намѣстникомъ Виленскимъ Альбертомъ, или Монивидомъ, маршалкомъ Станиславомъ, или Чупурною, намѣстникомъ Вилькомирскимъ Михайломъ, или Кезгайломъ, намѣстникомъ Ковенскимъ Сунгайломъ, или Ганусомъ [25]). Въ заключеніи договора съ датскимъ королемъ Эрихомъ въ 1419 г. съ литовской стороны, кромѣ Витовта и бискуповъ Петра Виленскаго, Матвѣя Мѣдницкаго, Григорія Владимірскаго, Михаила Кіевскаго, участвовали: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Станиславъ Ивановичъ, воевода Троцкій, Христинъ Остикъ, панъ (каштелянъ) Виленскій, Сунгайло, панъ Троцкій [26]). Миръ, заключенный съ Орденомъ при озерѣ Мельнѣ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта и нѣкоторыхъ князей, подтвердили: Альбертъ Монивидъ, воевода Виленскій, Кристинъ Остикъ, панъ Виленскій, Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Михаилъ Кезгайло, староста Жмудскій, Янъ Сунигайло, панъ Троцкій, староста Ковенскій, Юрій Гедиголъдъ, староста Подольскій, Румбольдъ—Витебскій, Янъ Бутримъ—Смоленскій, Товтко — Полоцкій; маршалокъ дворный Петръ, намѣстникъ Солечницкій Александръ Монтовтовичъ, намѣстникъ Дорсунишскій Ивашко Гаштольдъ, намѣстникъ Городенскій Михаилъ Монтвидъ [27]) и др. При заключеніи договора съ Орденомъ въ 1425 году о границахъ, съ литовской стороны, кромѣ Витовта, присутствовали: Янъ, или Явнисъ, воевода Троцкій, Остикъ, панъ Виленскій, Сунигайло, панъ Троцкій, Кезгайло, староста Жмудскій, Румбольдъ, маршалокъ Литовскій, Якубъ Кобылянскій, маршалокъ двора [28]). При выдачѣ великимъ княземъ при-

---

[24]) *Raczyńskiego* Kodex diplomatyczy Litwy, str. 256.

[25]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № CCCCXLI.

[26]) Ibidem, № DCCCXLV.

[27]) *Dogiel,* Codex diplomaticus Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus IV, p. 115.

[28]) *Raczyńskiego* Kodex dyplomatyczny Litwy, str. 317.

вилея на войтовство въ Тыкотинѣ нѣкоему Петру съ Гумолка 31 декабря 1426 года находились: бискупы Виленскій Матвѣй и Кіевскій Михаилъ, воевода Виленскій Гедигольдъ, воевода Троцкій Янъ, или Явнисъ, маршалки двора Якубъ Кобылянскій и Ивашко (Гаштольдъ) [29]. Въ 1430 году, октября 21, Витовтъ записалъ каѳедрѣ Виленской свое имѣнье Гумень въ присутствіи Юрія Гедигольда, воеводы Виленскаго, и Явниса, воеводы Троцкаго, маршалка Литовскаго Румбольда и маршалка двора Гаштольда [30]. — Кромѣ князей и знатнаго литовскаго боярства, совѣтниками Витовта, какъ было уже сказано выше (стр. 59) и какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, бывали нерѣдко и католическіе бискупы.

Весь этотъ кругъ лицъ, изъ которыхъ составлялся совѣтъ Витовта, пока еще не былъ очерченъ точно и замкнутъ. По временамъ въ этотъ совѣтъ входили и разныя другія лица, обычно въ немъ не участвовавшія, которыхъ великій князь считалъ полезнымъ или возможнымъ имѣть при себѣ при совершеніи того или другого правительственнаго акта. Такимъ образомъ, напр., дарственную запись на замокъ Соколовъ въ землѣ Дорогицкой съ селами Купятиномъ и Роговомъ въ пользу своего секретаря и совѣтника (secretario et consiliario) Николая Дембинскаго Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 9 апр. 1422 г. въ присутствіи Яна, воеводы Троцкаго, Гнѣвоша изъ Далевичъ, подстолія Краковскаго, Гинтовта изъ Жирунтина, Довгерда, маршалка двора, Андрушка, подчашія, Бартоломея изъ Горки, писаря, и др. [31]. Дарственную запись на имѣнья бискупству Луцкому Витовтъ совершилъ въ Городнѣ 1 апр. 1428 г. въ присутствіи находившихся у него на службѣ польскихъ шляхтичей: Петра Медвѣдскаго, Мщуга Скржинскаго, Якуба Кобылянскаго, маршалка двора, Николая Цибульки Чеховскаго, секретаря; Юрія Стромила, ложничія (supremus cubicularius), и литвина Юрія съ Жирмунъ, маршалка двора [32], и др. При этихъ же лицахъ, со включеніемъ маршалка двора Радивила, совершилъ Ви-

[29] Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[30] Ibidem, № 1514.

[31] Praesentibus magnificis et strenuis Ioanne Palatino Trocensi, Gnielbosio de Dalenicz subdapifero cracoviensi, Gintoldo de Ziruntin, Dorigerdo marschalco curiae, Andruszkone suppincerna, Bartholomeo de Gorka notario alysque pluribus fidelibus nostris dilectis. Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 265—267.

[32] *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 5.

товтъ тогда же и вѣновную запись въ пользу жены своей Ульяны [33]. Въ 1429 году, 28 декабря, въ Городнѣ Витовтъ пожаловалъ Станиславу Дзядку войтовство въ Дорогичинѣ въ присутствіи Гнѣвоша изъ Далевичъ, Николая Сланки, маршалка двора Якуба Кобылянскаго, Гаштольда, ложничія Юшка Стромила, Радивила, Николая Мальдржика, секретаря и совѣтника и др. [34]). Всѣ эти факты находятъ себѣ объясненіе во-первыхъ въ томъ, что великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не организовался еще въ особое, отдѣльное отъ господаря учрежденіе. Великокняжескій совѣтъ составлялся при господарѣ, существовалъ для его потребностей и естественно набирался изъ всѣхъ тѣхъ, кого господарь считалъ для себя полезнымъ или возможнымъ допустить къ совѣщаніямъ. Строгаго ограниченія по этой части не существовало еще и потому, что въ то время роль великокняжескаго совѣтника не отдѣлялась еще рѣзко отъ роли простого свидѣтеля при совершеніи того или другого правительственнаго акта [35]). То или другое правительственное распоряженіе великій князь издавалъ нерѣдко по единоличному усмотрѣнію, безъ совѣщанія съ находившимися при немъ лицами. Эти лица были, такимъ образомъ, простыми свидѣтелями акта, который благодаря ихъ присутствію пріобрѣталъ большую обязательность и юридическую силу. Это сліяніе роли совѣтника съ ролью простого свидѣтеля, продолжавшееся долгое время и послѣ Витовта, нашло себѣ выраженіе и въ языкѣ актовъ, которые заканчиваются нерѣдко стереотипною фразою: «А при томъ были свѣдоки паны-рада наша» [36]). Но если совѣтъ великаго князя игралъ нерѣдко такую чисто пассивную роль, то естественно, что и доступъ въ него былъ широкій и открытый. До роли «свѣдоковъ» легко допускались и стороннія лица, не принадлежавшія къ великокняжескимъ совѣтникамъ въ собственномъ смыслѣ [37]). При простотѣ тогдашнихъ отношеній могло случаться, что эти «свѣдоки» принимали участіе и въ совѣщаніяхъ, происходившихъ

---

[33]) Monumenta medii aevi, tomus VI, № MCCCXXI.

[34]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 6. Срав. № 7.

[35]) На это обстоятельство уже обращено было вниманіе въ исторической литературѣ. См. *В. О. Ключевскаго* Боярская дума древней Руси, стр. 153—157, изд. 2-ое.

[36]) См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2; Акты Зап. Рос. I, № 36, 37, 53, I и др.

[37]) Это бывало и въ послѣдующее время, когда великокняжескій совѣтъ сложился уже въ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ. См., напр., Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 88; Акты Зап. Рос. II, № 231.

при господарѣ, и изъ простыхъ свидѣтелей превращались въ совѣтниковъ великаго князя.

Но хотя великокняжескій совѣтъ при Витовтѣ не представлялъ еще установившейся корпораціи, тѣмъ не менѣе уже при этомъ государѣ за нѣкоторыми лицами утвердилось званіе господарскихъ совѣтниковъ, или пановъ рады. Этотъ фактъ обнаруживается прежде всего изъ заявленій въ различныхъ актахъ, изданныхъ отъ имени Витовта. Выше было указано на то, что Николай Мальдржикъ, *секретарь* Витовта, величается въ грамотѣ, выданной Дзядку на войтовство Дорогицкое, «совѣтникомъ» Витовта (Datum per manus nobilis Nicolai Maldrzyk, secretarii et consiliarii nostri fidelis dilecti). Въ грамотѣ, выданной на различныя имѣнья пану Ильѣ Вячковичу, читаемъ: «А при том были светки, рада наша: *воевода виленскій* панъ Дидиктолдъ, панъ Остикъ (*панъ Виленскій*), панъ Бутримъ (*маршалокъ двора*), панъ Кгезкгалъ (*староста Жмудскій*)» [38]). Въ письмѣ къ Ягайлу отъ 14 іюня 1430 г. Витовтъ называетъ своими совѣтниками (consiliarii) *маршалка земскаго* Румбольда, *намѣстника Новгородскаго* Петраша, *маршалка двора* Гаштольда и *секретаря* Мальдржика [39]). Признаніе нѣкоторыхъ высшихъ должностныхъ лицъ совѣтниками господаря открывается также изъ дарованія имъ титуловъ, съ которыми въ Польшѣ связано было званіе пана раднаго. Таковы были титулы *воеводъ,* которые присвоены были при Витовтѣ намѣстникамъ Виленскому, Троцкому, Новгородскому, Кіевскому, и титулы *каштеляновъ* Виленскаго и Троцкаго, которыя жаловались (съ 1413 года) наиболѣе заслуженнымъ лицамъ послѣ воеводъ Виленскаго и Троцкаго [40]).

Итакъ, при Витовтѣ званіе господарскихъ совѣтниковъ упрочилось за лицами, занимавшими высшія должности въ государствѣ, каковы были: намѣстники, замѣнившіе собою областныхъ князей, и придворные сановники, заведенные по польскому примѣру и состоявшіе въ Польшѣ въ званіи пановъ радныхъ, каковы были маршалки земскій и дворные и др. Съ этими лицами великій князь чаще другихъ совѣщался по дѣламъ управленія, и они фактически сдѣлались его спеціальными совѣтчиками, что должно было привести и къ юридическому признанію ихъ въ этомъ званіи.

---

[38]) *М. В. Довнаръ-Запольскаго* Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 2. Грамота эта выдана не въ 1407 г., а гораздо позже, въ концѣ великокняженія Витовта, ибо Гедигольдъ сталъ воеводою Виленскимъ около 1426 г. См. Scarbiec diplomatów II, № 1427.

[39]) Monumenta medii aevi, tomus XII, № 181.

[40]) См. *Bandtkie* Historya prawa polskiego, str. 320.

Подводя итогъ всему, что даютъ источники относительно совѣта Витовта, приходимъ къ заключенію, что при этомъ государѣ, хотя и не образовалось великокняжескаго совѣта въ смыслѣ корпоративнаго учрежденія, но все-таки намѣтился извѣстный персоналъ государевыхъ совѣтниковъ по званію или должности, послужившій ядромъ, изъ котораго при благопріятныхъ обстоятельствахъ выросла господарская рада, какъ особое учрежденіе въ ряду правительственныхъ органовъ великаго княжества. Этотъ персоналъ составился изъ князей, католическихъ бискуповъ и высшихъ свѣтскихъ сановниковъ великаго княжества.

Такое же положеніе вещей наблюдаемъ и при преемникахъ Витовта, при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Тѣ же самыя лица, которыя были совѣтниками Витовта, были на первыхъ порахъ совѣтниками и у Свидригайла, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ знатныхъ русскихъ бояръ. Такимъ образомъ, напр., при заключеніи оборонительно-наступательнаго союза съ Орденомъ въ 1431 году 19 іюня около Свидригайла находились: бискупъ Виленскій Матвѣй, бискупъ Жмудскій Николай, бискупъ Луцкій Андрей и князья: Семенъ Ольгердовичъ, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Олелько Владиміровичъ, Θедоръ Корибутовичъ, Семенъ и Михаилъ Ивановичи (Гольшанскіе), Иванъ и Путята Семеновичи (Друцкіе); паны: Остикъ, панъ Виленскій, Гедигольдъ, воевода Виленскій, Кезгайло, староста Жмудскій, Явнисъ, воевода Троцкій, Сунгайло, панъ Троцкій, Румбольдъ, маршалокъ земскій, Ходко Юрьевичъ, Петрашко Монтыгирдовичъ, намѣстникъ Новгородскій, Ивашко Гаштольдъ, маршалокъ двора [41]). Послѣ низверженія Свидригайла его рада перешла по наслѣдству къ Сигизмунду Кейстутьевичу. Такимъ образомъ, напр., при пожалованіи Виленскому мѣсту магдебургскаго права 17 сенября 1432 г. около новаго великаго князя встрѣчаемъ прежнихъ совѣтниковъ Свидригайла: князя Олелька, князя Семена Ивановича (Гольшанскаго), пана Виленскаго Остика, старосту Жмудскаго Кезгайла, маршалка земскаго Румбольда, воеводу Троцкаго Явниса, пана Троцкаго Сунгайла, воеводу Новгородскаго Петраша Монтыгирдовича, Ивашка Гаштольда, Радивила Остиковича и др. [42]). Эти старые совѣтники, какъ было уже указано выше (стр. 73, 74), подтверждали приложеніемъ своихъ печатей и договоръ объ уніи съ Польшею, заключенный Сигизмундомъ 15 окт. 1432 года. Въ 1434 году Сигизмундъ выдавалъ Виленской каѳедрѣ привилей на

[41]) *Hildebrand*, Urkundenbuch, B. VIII, № 462.

[42]) Scarbiec diplomatów II, № 1626.

имѣнья въ повѣтѣ Мѣдницкомъ въ присутствіи пана Виленскаго Остика, воеводы Виленскаго Довгерда, воеводы Троцкаго Лелюша, Кезгайла съ Дявилтова, Петрашка Монтыгирдовича, Ходка Юрьевича, Ивашка Гаштольдовича, Олехна Довойновича и писаря дворнаго Миколая [43]). Въ 1436 году Сигизмундъ совершалъ дарственную запись капитулѣ Виленской на имѣнье Войняговъ въ присутствіи воеводы Виленскаго Довгерда, Троцкаго Лелюша, маршалка земскаго Петраша Монтыгирдовича, Андрушка Саковича, Олехна Довойновича [44]). Все это лица того же ранга, какъ и совѣтники Витовта.

Какъ извѣстно, Свидригайло послѣ низверженія своего съ престола не покидалъ притязаній на великое княженіе, такъ что съ осени 1432 года въ великомъ княжествѣ Литовскомъ было собственно двое великихъ князей, оспаривавшихъ другъ у друга власть надъ всѣмъ государствомъ. У Свидригайла такъ же, какъ и Сигизмунда Кейстутьевича, была своя «вѣрная рада», съ которою онъ совѣтовался въ своей правительственной дѣятельности. Эта новая рада составилась преимущественно изъ русскихъ людей; но помимо этого отличія, въ общемъ походила на раду Витовта и Сигизмунда. Главную, основную часть ея составляли князья, высшія духовныя лица и высшіе свѣтскіе сановники,—придворные урядники и намѣстники областей, оставшихся вѣрными Свидригайлу. Такимъ образомъ, напр., въ составъ той «вѣрной рады», съ которою Свидригайло совѣтовался въ Кіевѣ 17 окт. 1437 года при пожалованіи пану Каленику Мишковичу имѣній, входили: *архимандритъ Печерскій* Аврамій, *князь* Иванъ Путята, *воевода Кіевскій* панъ Юрша, князь Борисъ Глинскій, *староста Каменецкій*, панъ Ластавскій; паны: Петръ Войницкій, Войдило, Гринко Сурвиловичъ, Еско Мишковичъ, Ромейко, Михайло Мошенскій [45]). Въ составѣ той рады, съ которою Свидригайло совѣщался 4 февраля 1438 года, при пожалованіи своему кухмистру Петру Мышчичу имѣній въ Кременецкомъ повѣтѣ, находились: панъ Монивидъ, *староста Подольскій и Кременецкій, воевода Кіевскій* панъ Юрша, *староста Луцкій и Олескій* панъ Янъ Войницкій, *маршалокъ* панъ Юрій, панъ Хохлевскій, панъ Иванъ Гулевичъ, *маршалокъ* Луцкой земли панъ Козаринъ; паны: Маско Гулевичъ, Иванъ Волотовичъ, Иванъ Чорный, Иванко Мукосѣевичъ [46]). При пожалованіи пану Григорію Сгреченовичу имѣній

[43]) Ibidem, № 1692.

[44]) Ibidem, № 1726.

[45]) Archiwum Sanguszków I, № XXXV; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 19.

[46]) Акты Зап. Рос. I, № 36.

2 сентября 1438 года находились «свѣдоки», рада Свидригайла: *владыка Луцкій* Θеодосій, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ, *маршалокъ* князь Василій Андреевичъ, *маршалокъ* князь Андрей Васильевичъ, панъ Окушко Толкачевичъ [47]).

Эта рада осталась при Свидригайлѣ приблизительно въ такомъ же составѣ и послѣ того, какъ на великомъ княженіи утвердился Казимиръ, а Свидригайло остался областнымъ Волынско-Подольскимъ княземъ подъ рукою своего племянника. Надо сказать, что Свидригайло, хотя и низошелъ на положеніе областного князя, продолжалъ титуловаться великимъ княземъ и въ обстановкѣ своего двора замѣтно старался не отставать отъ великаго князя. Онъ держалъ у себя тѣхъ же должностныхъ лицъ, какія были у великаго князя въ Вильнѣ, и учреждалъ новыя должности по образцу Виленскаго двора. Такимъ образомъ, при немъ появились новыя должности канцлера и даже подканцлера, подскарбія, крайчаго, и т. д. Естественно, что и его «вѣрная рада» была довольно точною копіей рады настоящаго великаго князя. Въ составъ ея съ 1442 года и по 1452 годъ входили: *владыка Луцкій* Θеодосій и затѣмъ Ефремъ, различные *волынскіе князья*, какъ-то: князья Михайло и Иванъ Васильевичи Чорторыйскіе, кн. Иванъ Четвертеньскій, кн. Александръ Сангушковичъ, кн. Иванъ и Семенъ (Романовичи) Звягольскіе, кн. Александръ Носъ; намѣстники областей Волынской земли, какъ-то: *староста Луцкій* Немиръ Резановичъ, *староста Владимірскій*—кн. Михайло Константиновичъ, а затѣмъ панъ Пашко Дахновичъ, *староста Подольскій и Кременецкій* панъ Монивидъ; придворные сановники, какъ-то: *канцлеръ* панъ Θедко Козловскій, *подканцлеръ* кн. Борисъ Глинскій, а затѣмъ панъ Сенько Калениковичъ, *подскарбій* панъ Сенько Калениковичъ, *крайчій* панъ Θедко Хомичъ, *маршалокъ земскій* панъ Козаринъ Резановичъ, а затѣмъ Петрашъ Кирдѣевичъ Мыльскій; *маршалки*: панъ Андрей Джуса, панъ Юрій, панъ Бернатъ, панъ Пѣшко, панъ Сава Стоянъ; *ключникъ Луцкій* панъ Юшко Война́товичъ; паны: Иванъ и Маско Гулевичи, Иванъ Волотовичъ, Ивашко и Дениско Мукосѣевичи, Грицко и Гаврило Шило Кирдѣевичи, Семашко Епифановичъ, Богушъ, Севастьянъ, Васюта, Тептюковичъ, принадлежавшіе къ тому же кругу мѣстной землевладѣльческой аристократіи, къ которому принадлежали и перечисленные сановники и должностныя лица [48]).

---

[47]) Archiwum Sanguszków I, № XXXVI; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 20.

[48]) Акты Зап. Рос. I, № 45; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 21, 24; II, № 69; Археографическій сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 3; Акты Литовской Метрики,

Обращаясь теперь къ радѣ самого Казимира, находимъ въ ней тѣ же категоріи признанныхъ совѣтниковъ, съ какими мы встрѣчались уже при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Такимъ образомъ, раду Казимира въ 1441 году 7 апрѣля, при подтвержденіи привилея мѣсту Виленскому, составляли: *князья* Глѣбъ Довгольдовичъ и Юрій Семеновичъ (Гольшанскій), *воевода Виленскій* Довгердъ, *воевода Троцкій* Ивашко Гаштольдъ, *маршалокъ земскій* Петрашъ Монтыгирдовичъ, Судивой Волимунтовичъ (намѣстникъ Ковенскій?), Андрейко Немировичъ, Андрейко Саковичъ (*намѣстникъ Смоленскій*), Ивашко Кгойцевичъ (намѣстникъ Витебскій?) и др. [49]). Въ 1443 году 23 марта, при подтвержденіи князю Сангушку его отчины Ратна и Ветелъ, «раду литовскую» составляли: панъ Гаштольдъ, *воевода Виленскій,* панъ Монивидъ, *воевода Троцкій,* панъ Петрашъ, *маршалокъ земскій* и др. [50]). Въ 1450 году 24 іюля, при пожалованіи имѣнья пану Олизару Шиловичу, Казимиръ совѣщался съ своею «вѣрною радою», въ составъ которой входили: *князь* Юрій Семеновичъ, воевода Троцкій панъ Монивидъ, *намѣстникъ Полоцкій* панъ Андрей Саковичъ [51]). Въ составѣ рады, съ которою Казимиръ совѣщался 2 и 9 ноября того же года, при пожалованіи имѣній пану Немиру Резановичу, находились: воевода Виленскій Гаштольдъ, Троцкій—Монивидъ; *воевода Новгородскій,* маршалокъ земскій панъ Петрашъ; *намѣстникъ Ковенскій* панъ Судивой, намѣстникъ Смоленскій панъ Сенько Гедигольдовичъ, *канцлеръ* панъ Михаилъ [52]). При выдачѣ грамоты митрополиту Іонѣ на управленіе Кіевскою митрополіею въ совѣтѣ Казимира были: «*стрыйко* нашъ князь Швитригайло, *братъ* князь Александръ Володимеровичъ; князь Матей, *бискупъ Виленьскій*; воевода Виленьскій панъ Кгастовтъ; воевода Троцкій панъ Монивидъ; воевода Новгородскій, маршалокъ земскій панъ Петрашъ Монтикгирдовичъ; панъ Судивой, *намѣстникъ Ковеньскій, панъ Виленьскій*; намѣстникъ Смоленьской панъ Семенъ Кгедикгольдовичъ; панъ Ондрей Немировичъ; панъ Ондрей Исаковичъ, намѣстникъ Полоцкій; панъ Юрша, *староста Бряславскій,* панъ Михайло, *канцлеръ* и иныхъ многихъ нашихъ князей и

изд. Леонтовичемъ, вып. I, № 10; Archiwum Sanguszków I, № XXXVIII, XLI, XLIV, XLVII, XLVIII, XLIX; tomus III, № VII—XI; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 18, 19, nota 20.

[49]) Scarbiec diplomatów II, № 1768.

[50]) Archiwum Sanguszków I, № XXXIX.

[51]) Акты Зап. Рос. I, № 53, I.

[52]) Тамъ же, № 54.

пановъ»[53]). При пожалованіи имѣній различнымъ лицамъ 3, 4 и 8 января и 2 марта 1452 г. раду Казимира составляли: *бискупъ Виленскій* Матвѣй; князья Андрей Владиміровичъ (Ольгердовича) и Юрій Семеновичъ; упомянутые уже воеводы Виленскій, Троцкій и Новгородскій, *панъ Виленскій* (намѣстникъ Ковенскій) Судивой, *панъ Троцкій* Пацъ, намѣстникъ Полоцкій Андрей Саковичъ, панъ Радивилъ Остиковичъ (*маршалокъ*, намѣстникъ Пенянскій), панъ Олехно Довойновичъ (*староста Берестейскій*), панъ Ивашко Кгойцевичъ (*намѣстникъ Витебскій*), панъ Лелюшъ (*намѣстникъ Городенскій*), панъ Михаилъ, канцлеръ и намѣстникъ Смоленскій, панъ Андрей Немировичъ (староста Дорогицкій?), панъ Миколай Немировичъ, панъ Станко Мордасъ и др.[54]). Перечисленныя здѣсь лица обозначены панами радою и въ подтвердительномъ привилеѣ на отчину, выданномъ Казимиромъ въ 1455 году 28 марта князю Ѳедору Воротынскому[55]). По актамъ 1483 и 1484 годовъ составъ господарской рады обозначается такимъ образомъ: бискупъ Виленскій Андрей; воевода Виленскій и канцлеръ панъ Олехно Судимонтовичъ; воевода Троцкій панъ Мартинъ Гаштольдъ; панъ Виленскій, *староста Жмудскій* панъ Янъ Кезгайловичъ; панъ Троцкій, намѣстникъ Новгородскій панъ Михайло Монтовтовичъ; маршалокъ земскій, намѣстникъ Полоцкій панъ Богданъ Андреевичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Берестейскій панъ Якубъ Немировичъ; намѣстникъ Витебскій панъ Иванъ Ильиничъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Лидскій панъ Петрашко Пашковичъ; *маршалокъ*, намѣстникъ Слонимскій панъ Солтанъ Александровичъ; *маршалокъ*, панъ Станиславъ Михайловичъ; *намѣстникъ Бѣльскій* панъ Бартошъ Монтовтовичъ[56]). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при Казимирѣ совѣтниками великаго князя считались католическіе бискупы, нѣкоторые значительные князья, намѣстники, заступившіе мѣсто князей въ областяхъ и получившіе титулъ воеводъ и старостъ, а равно и вообще правители крупныхъ территорій, позже также названные старостами (намѣстники Берестейскій, Дорогицкій, Бѣльскій, Ковенскій), нѣкоторые высшіе сановники, состо-

---

[53]) Акты Историческіе, т. I, № 42.

[54]) Archiwum Sanguszków I, № L; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29; Акты Литовской Метрики. вып. I, № 14; Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 10, 11; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 267, 268. См. *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 8, 85, 174.

[55]) Акты Зап. Рос. I, 57.

[56]) Акты Зап. Рос. I, № 80, 81, 85; Archiwum Sanguszków I, № LXXXVII.

явшіе при господарѣ для потребностей центральнаго управленія и придворнаго величія, каковы были: маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, маршалки, канцлеръ и др. Такимъ образомъ, тѣ элементы, которые намѣтились въ составѣ великокняжескаго совѣта при Витовтѣ, при Казимирѣ окончательно въ немъ утвердились.

Образованіе извѣстнаго контингента великокняжескихъ совѣтниковъ по званію или должности облегчило господарской радѣ превращеніе въ самостоятельное, отдѣльное отъ господаря правительственное учрежденіе. Это обособленіе произошло уже при Казимирѣ и было естественнымъ послѣдствіемъ той чисто личной уніи, какая установилась при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою. При частыхъ отсутствіяхъ Казимира изъ великаго княжества его рада по необходимости становилась и выступала въ роли высшаго правительства страны. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году паны рада, а не самъ Казимиръ, увѣдомляли начальство Прусскаго Ордена о томъ, что по случаю морового повѣтрія не можетъ состояться съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія вѣчнаго мира между великимъ княжествомъ и Орденомъ [57]). И самъ Казимиръ признавалъ до извѣстной степени за своею радою вышеуказанное значеніе. Выданный имъ въ 1468 году судебникъ предписывалъ подавать жалобы на тѣхъ, кто будетъ самовольно захватывать земли и наѣзжать на имѣнья, непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе панамъ-радѣ, которые должны разслѣдовать дѣло по существу и посадить виновнаго «у казнь» до прибытія господаря, когда долженъ рѣшиться окончательно вопросъ о наказаніи [58]). Паны рада признавались при Казимирѣ высшимъ правительствомъ страны въ отсутствіе господаря и за границею. Заключая договоръ съ Казимиромъ въ 1470 году, новгородцы между прочимъ внесли въ договорную грамоту слѣдующую статью: «А коли, господине честный король, не умиривъ Великого Новагорода съ Великимъ Княземъ (Московскимъ), а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую; а безъ тебя, господине, пойдетъ Князь Великій или его

---

[57]) То были: Янъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій и канцлеръ панъ Михаилъ Кезгайловичъ, маршалокъ земскій и воевода Троцкій Радивилъ Остиковичъ, староста Жмудскій Янъ Кезгайловичъ, намѣстникъ Полоцкій панъ Олехно Судимонтовичъ, маршалокъ и намѣстникъ Городенскій Станько Судивоевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Браславскій Богданъ Андреевичъ, маршалокъ и намѣстникъ Лидскій Янъ Кучукъ и другіе князья и паны. См. Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 188.

[58]) Акты Зап. Рос. I, № 67.

сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Великій Новгородъ, ино *твоей Радѣ Литовской* всѣсти на конь за Великій Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ». Литовская рада въ глазахъ новгородцевъ является отдѣльною отъ великого князя политическою силою, за которую Казимиръ даетъ имъ различныя обязательства. «А на томъ на всемъ, честный король,—пишутъ они въ концѣ договорной грамоты,—крестъ цѣлуй ко всему великому Нову-городу за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую въ правду безъ всякаго извѣта»[59]).—Можно сказать, такимъ образомъ, что господарская рада стала не только личнымъ великокняжескимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго. Это обстоятельство въ свою очередь должно было закрѣпить тверже составъ рады, сообщить ему большую устойчивость и опредѣленность. Членами этого государственнаго совѣта, дѣйствовавшаго не только при господарѣ, но и безъ него, и признаны были всѣ тѣ элементы, которымъ удалось ко времени Казимира занять болѣе или менѣе постоянное мѣсто въ великокняжескомъ совѣтѣ. По примѣру Польши, гдѣ основное ядро государственнаго совѣта составляли воеводы, и литовскіе паны радные стали называться *воеводами*, тѣмъ болѣе, что главные изъ нихъ по своему должностному рангу (высшіе правители и военачальники областей) близко подходили къ польскимъ воеводамъ, а нѣкоторые даже и носили титулы воеводъ[60]). Съ примѣромъ наименованія пановъ рады воеводами встрѣчаемся уже въ судебникѣ Казимира. Вслѣдъ за предписаніемъ о подачѣ жалобъ на самовольный захватъ земель и наѣздъ на имѣнья непосредственно самому господарю, а въ его отсутствіе «панамъ радѣ», судебникъ говоритъ: «*и паномъ воеводамъ нашимъ* по того послати и велѣти предъ собою моцно поставити, а и досмотрѣти»[61]). Такое словоупотребленіе, въ которомъ имя глав-

---

[59]) *Карамзина* Исторія государства Россійскаго, томъ VI, прим. 42, по изд. Эйнерлинга; Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, № 87.

[60]) Титулъ воеводы утвердился за Виленскимъ, Троцкимъ и Кіевскимъ намѣстниками. Но это же имя прилагалось иногда и къ старостѣ Жмудскому, намѣстнику Новгородскому, а при Александрѣ по временамъ къ намѣстникамъ Смоленскому, Полоцкому и Витебскому, пока не утвердилось за ними окончательно. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 18, 19, 34, 45, 49, 51, 56, 72, 86; Акты Зап. Рос. I, № 103, 189.

[61]) Акты Зап. Рос. I, № 67. Срав. также привилей, выданный въ 1450 году пану Немирѣ Резановичу на различныя имѣнья, въ которомъ читаемъ между прочимъ: «и при насъ были воеводы: Троцкій панъ Монвитъ, а наместникъ Смоленскій—

ной части относится ко всему цѣлому, по временамъ встрѣчается и въ актахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., въ записи постановленій Виленскаго сейма 1507 года читаемъ: «Съ полецанья господаря короля его милости Жикгимонта, князь бискупъ Виленскій *и панове рада, воеводы,* княжата, на томъ соймѣ нынѣшнемъ оную уставу уставили»[62]). Несомнѣнно, что не одни только воеводы въ собственномъ смыслѣ составляли въ то время раду господарскую, и тѣмъ не менѣе этимъ названіемъ обозначается вся рада господарская[63]).

Положеніе господарской рады, какъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ господаря, правительственнаго учрежденія окончательно закрѣплено было земскими привилеями 1492 и 1506 г. По этимъ привилеямъ рада получила значеніе учрежденія, ограничивающаго власть господар и стоящаго на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества противъ возможнаго нарушенія ихъ отъ великокняжескаго произвола и усмотрѣнія. То политическое значеніе, которымъ до этого времени рада пользовалась фактически, закрѣплено было за нею юридически, и рада выдѣлилась окончательно, какъ особый правительственный органъ въ системѣ государственныхъ учрежденій великаго княжества. За это время окончательно сформировался и ея составъ т. е. опредѣлилась вся наличность должностей и званій соединенныхъ съ мѣстами въ радѣ господарской.

панъ Семенъ Медыкгордовичъ, панъ Михаило Кезькайло канцлеръ». Впрочемъ. быть можетъ, правильнѣе чтеніе: «воевода Троцкій» и т. д. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, стр. 10.

[62]) Акты Зап. Рос. II, № 12. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что король Александръ при смерти, староста Луцкій, маршалокъ Волынской земли панъ Өедоръ Янушевичъ послалъ слугу своего *«до князя бискупа и до пановъ воеводъ рады господарское»* и приказалъ ему передать: «будучи на томъ замъку господарскомъ со всими князи и паны земли Волыньское, ихъ милости пановъ рады господарской ни въ чомъ есмо не отступни». Этимъ заявленіемъ имѣлось въ виду поддержать партію, противную Глинскому, и потому слуга долженъ былъ сдѣлать это заявленіе лишь въ томъ случаѣ, если узнаетъ, что кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій «не въ згодѣ» съ *маршалкомъ земскимъ* паномъ Яномъ Юрьевичемъ, съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ, съ паномъ Александромъ Ходковичемъ и другими панами (Литов Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 26).

[63]) Въ другихъ актахъ получаемъ прямое указаніе, что воеводы составляли только часть господарской рады. Послы этой рады, отправленные по смерти короля Казимира къ польскимъ панамъ, говорили: «Велебный отецъ, князь бискупъ Виленскій, и княжата и вельможныи панове воеводы, и иньшіи вси панове рада великого князьства Литовского казали вашой милости, братьѣ своей, повѣдати» и т. д. (Акты Зап. Рос. I, № 101, I.

По актамъ, выданнымъ изъ великокняжеской канцеляріи въ правленіе Александра и въ первую половину правленія Сигизмунда и совершеннымъ въ присутствіи пановъ рады, можно выслѣдить детально всю наличность этихъ должностей и званій. Въ составъ рады великаго княжества прежде всего входили *князья бискупы* въ такомъ порядкѣ: *Виленскій* [64]), *Луцкій и Берестейскій* [65]), *Жмудскій или Мѣдницкій* [66]), *Кіевскій* [67]). Изъ свѣтскихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ первыя мѣста въ радѣ господарской занимали лица, замѣнившія собою до извѣстной степени прежнихъ областныхъ князей, каковы были: *воевода Виленскій* обыкновенно также и *канцлеръ* [68]), *панъ, или каштелянъ, Виленскій* [69]), *воевода Троцкій* [70]), *панъ Троц-*

---

[64]) *Вотехъ Таборъ* до 1507 г. и *Войтехъ Радивилъ* до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II; 120, 126, 159, 163; II, № 4, 8, 65, 93; Акты Литовской Метрики, изд. *Ѳ. И. Леонтовичемъ*, вып. I, № 85, 287; Акты Литовско-Русскаго государства, изд. *М. В. Довнаръ-Запольскимъ*, № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 276; IX, л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56, 60, 179; *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników.

[65]) *Войтехъ Радивилъ* до 1507 г., а затѣмъ *кн. Павелъ Гольшанскій* до 1536 г. См. Акты Зап. Рос. II, № 8, 109, 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXCII, CDVI; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; XV, л. 4; XVII, л. 551; Судн. дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[66]) *Мартинъ* до 1513 г. включительно, а затѣмъ *Николай Радивилъ*. См. Акты Зап. Рос. I, № 213; Archiwum Sanguszków I, № CXVII; tom III, № CXXXIV; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[67]) Въ 1507 г. *Бартломей*, въ 1522 г. *Янъ*. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 276; Акты Зап. Рос. II, № 110; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[68]) *Миколай Радивиловичъ* до 16 іюля 1509 г. и *Миколай Миколаевичъ Радивиловичъ* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 101, II; 120, 126, 144, I; 163, 213; томъ II, № 8, 64, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 85, 203, 287, 380; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 147; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 54; IX, л. 17; X, л. 51; Судн. дѣлъ кн. II л. 56, 179; XII, л. 60.

[69]) *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій* до 4 мая 1510 г., а затѣмъ кн. *Константинъ Ив. Острожскій* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 163; II, № 4, 8, 90, 93, 109; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203, 238, 246, 380; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 580; Судн. дѣлъ II, л. 179; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[70]) *Петръ Яновичъ Монтыгирдовичъ* до 1497 г., *Янъ Юрьевичъ Забезинскій* до 1504 г., *Миколай Миколаевичъ Радивиловича* до 20 іюня 1510 г.,

кій [71]), *староста Жмудскій* [72]), *воевода Кіевскій* [73]), *староста Луцкій* [74]), *намѣстникъ Смоленскій*, переименованный въ 1508 году въ *воеводу* [75]), *намѣстникъ*, съ 1505 года *воевода, Полоцкій* [76]), *намѣст-*

Григорій Станиславовичъ Остиковича до 1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, 120, 159, 163; II, № 8, 53, 65, 99; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 203; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 80; VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[71]) *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій* до 1498 года, *Станиславъ Яновичъ Кезгайло* до 1522 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 120, 126, 213; II, № 4, 8, 31, 53, 65, 93, 99, 101; Акты Литов. Метр., вып. I, № 287; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Акты Литовско-Русскаго государства, № 141; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232; IX, л. 17; X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, л. 60: *Bonieckiego* Poczet rodów.

[72]) *Станиславъ Яновичъ Кезгайло*, удержавшій эту должность и съ возведеніемъ въ званіе пана Троцкаго, а затѣмъ Виленскаго до самой смерти своей въ 1527 году. См. Акты Зап. Рос. I, № 100, II; 120, 126, 170; Акты Литов. Метрики, вып. I, № 287, 355, 380. *Bonieckiego* Poczet rodów.

[73]) *Кн. Димитрій Путятичъ* съ 1492 и по 1505 г., *кн. Иванъ Лвзовичъ Глинскій* до 1507 года, *панъ Юрій Михайловичъ Монтовтовича, кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій* съ 24 окт. 1508 г. до 1511 г., *Юрій Миколаевичъ Радивилъ* до 1514 или 1515 года, *Андрей Якубовичъ Немировича* до 1541 года. См. Акты Зап. Рос. I, № 145, 165, 207; II, № 79: Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 72; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 100; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII—CCCLIV; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 19, 20; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[74]) *Кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій* до 1500 г., *кн. Михаилъ Ивановичъ Острожскій* въ 1500—1501 гг., снова *кн. Семенъ Юрьевичъ* до 1505 г., *Ѳедоръ Янушевичъ* въ 1505—1507 гг., *кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій* съ конца 1507 и до 1522 года включительно. См. Акты Литов. Метрики, вып. I, № 246; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 22, 23.

[75]) *Панъ Юрій Глѣбовичъ* до 1499 г., *Миколай Ивановичъ Ильинича* въ 1499—1500 г., *Станиславъ Петровичъ Кишка* въ 1500—1503 г., *Юрій Андреевичъ Сологубъ* въ 1503—1507 г., *Юрій Ивановичъ Зеновьевича* въ 1507—1508 г., снова *Юрій Глѣбовичъ* въ 1508—1514 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 172; Акты Литов. Метр., вып. I, № 403; Archiwum Sanguszków III, № XCI, CXXXVIII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95, 119; VI, л. 231; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 50, 51.

[76]) *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, бывшій одновременно паномъ Троцкимъ, до іюля 1496 г.; *Юрій Пацевичъ* до 1501 г., *Станиславъ Глѣбовичъ* въ 1502—1513 г., *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1513—1519 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 172, 209, 213; II, № 65; Archiwum Sanguszków I,

никъ, или староста, Городенскій [77]), *намѣстникъ—воевода Новгородскій* [78]), *намѣстникъ, съ 1511 года воевода, Витебскій* [79]). Съ 1513 года къ этимъ сановникамъ присоединился еще *воевода Подляшскій* [80]).

Если въ составъ рады входили лица, замѣнившія собою областныхъ князей, то естественно встрѣтить въ ней уцѣлѣвшихъ значи-

---

№ CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 119; IX, л. 17; XI, л. 44; XXV, л. 118; Судныхъ дѣлъ II, л. 14, 56, 179; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 44, 45.

[77]) *Кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій*, одновременно панъ Виленскій, до 1505 года; *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, маршалокъ земскій, въ 1505—1507 г., *Станиславъ Петровичъ Кишка* въ 1508—1512 г., *панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича*, занимавшій эту должность вмѣстѣ съ другими высшими до самой смерти въ 1541 году. См. Zbiór praw litewskich, str. 72; Акты Зап. Рос. II, № 31, 53, 64, 65, 112; Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 49, I; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 56; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[78]) *Юрій Пацевичъ* въ 1492—1496, *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій*, панъ Троцкій, въ 1496—1498, *Янъ Литаворъ Хребтовичъ* въ 1498—1500 г., *кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій*, гетманъ наивысшій, въ 1500—1501 г., *Петръ Глѣбовичъ* въ 1502 г., *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1503—1506 г., *кн. Иванъ Львовичъ Глинскій* въ 1507—1508 г., вторично *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ* въ 1508—1509 г., *Янъ Яновичъ Заберезинскій* съ 26 фев. 1509 г. и до конца 1530 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 126; II, № 65, 93, 99, 112; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 290; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII, CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 1; VIII, л. 232; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 179; XII, л. 60; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 35, 36.

[79]) *Кн. Ѳедоръ Ивановичъ Жеславскій* въ 1492—1494 г., *кн. Михаилъ Ивановичъ Жеславскій* въ 1494—1495 г., *Станиславъ Глѣбовичъ* въ 1495—1501 г., *Юрій Глѣбовичъ* въ 1503—1508 г., *Иванъ Семеновичъ Сопега* въ 1508—1514 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 70; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 202, 325; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 136; Archiwum Sanguszków III, № XCI; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 45, 310; IX; л. 17; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 134; Senatorowie i dygnitarze, str. 86, 87; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[80]) *Иванъ Семеновичъ Сопега* до 1517 г., *Янушъ Станиславовичъ Костевича* въ 1514—1520 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 575; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 179; Archiwum Sanguszków III, № CXXXVIII; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Senatorowie i dygnitarze, str. 42.

тельныхъ князей. И дѣйствительно, какъ при Александрѣ, такъ и при Сигизмундѣ источники въ числѣ пановъ рады называютъ и этихъ князей. Князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій въ своей складной грамотѣ, адресованной великому князю Александру, писалъ между прочимъ: «Служилъ есми твоеи милости отцу, королю небожчику, дръжалъ мя его милость во чти, въ ластцѣ и въ дапинѣ своей, а *мѣстьца у его милости въ радѣ мѣвалъ есми...* А опослѣ отца твоеи милости, короля небожчика, служилъ есми твоеи милости государю вѣрно и справедливо, *и у твоеи милости, государя, мѣстца въ радѣ мѣвалъ есми*»[81])... Въ радѣ короля Сигизмунда занималъ извѣстное мѣсто князь Юрій Семеновичъ Слуцкій[82]). Сына его кн. Юрія коронная рада обошла было приглашеніемъ на конвокаціонный сеймъ по смерти Сигизмунда-Августа, на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ сенаторскаго уряда, а слѣдовательно и не принадлежалъ къ числу пановъ рады. Тогда князь Юрій подалъ сейму письменную жалобу, въ которой доказывалъ, что онъ въ силу данной имъ присяги и давняго своего привилея, который служилъ ему самому и его предкамъ, и который былъ подтвержденъ королемъ Сигизмундомъ, всегда имѣлъ мѣсто въ радѣ господарской. Сеймъ постановилъ, чтобы и впредь онъ засѣдалъ въ радѣ Рѣчи Посполитой, какъ присяжный *сенаторъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, которое и прежде ему принадлежало, т. е. подлѣ князя бискупа Виленскаго[83]).

Изъ остальныхъ мѣстныхъ правителей въ радѣ великаго княжества въ разсматриваемое время видимъ уже только тѣхъ, которымъ сверхъ того пожалованы были высшіе земскіе уряды и придворныя званія. Обзоръ такихъ лицъ приводитъ къ заключенію, что эти именно высшіе уряды и придворныя званія, а не должности ихъ по мѣстному управленію, дали имъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами этой рады были: *гетманъ наивысшій, или великій*[84]); *гетманъ*

---

[81]) Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общества, т. XXXV, стр. 994, 995.

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 196, 202; XVII, л. 492; Archiwum Sanguszków III, № CCCXXIII.

[83]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagiełły, str. 183.

[84]) *Кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій*, намѣстникъ Браславскій и Вѣницкій, въ 1497—1500 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 132, 133). По возвращеніи изъ плѣна въ 1507 году онъ сдѣланъ былъ сверхъ того старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли, въ 1511 г. сверхъ того паномъ Виленскимъ, а въ 1522 г. воеводою Троцкимъ. Во время его плѣна гетманами великими были лица, и безъ того уже занимавшіе мѣста въ радѣ господарской: *кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій*, воевода Новгородскій, намѣстникъ Каменецкій, въ 1500—

польный, или дворный [85]); *маршалокъ земскій, или наивысшій* [86]); *маршалокъ дворный* [87]) и *маршалки господарскіе,* число которыхъ въ разсматриваемое время было довольно значительное (при великомъ князѣ Александрѣ это званіе въ разное время носило болѣе 30 лицъ [88]),

---

1501 г., *Станиславъ Яновичъ Кезгайло,* панъ Троцкій, староста Жомойтскій, въ 1501—1502 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 189; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 148, 149).

[85]) *Станиславъ Петровичъ Кишка,* намѣстникъ Василишскій, въ 1503—1507 г., *Юрій Миколаевичъ Радивилъ.* См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 149, 154; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 130; Судныхъ дѣлъ II, л. 25; XII, л. 224.

[86]) *Янъ Миколаевичъ Радивилъ,* державца Слонимскій, а затѣмъ также Дорогицкій, въ 1514—1522 г. (Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków III, № CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 51; Судныхъ дѣлъ кн. XII, л. 60, 179, 279). До него эту должность занимали лица, уже вошедшія въ раду господарскую: *Петръ Яновичъ Монтыгирдовичъ,* воевода Троцкій, въ 1490—1497 г., *Янъ Юрьевичъ Заберезинскій,* панъ Троцкій, намѣстникъ Новгородскій, затѣмъ воевода Троцкій, позже староста Городенскій, въ 1498—1508 г.; *Станиславъ Петровичъ Кишка,* староста Городенскій, въ 1512—1513 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 168).

[87]) *Григорій Станиславовичъ Остиковича,* намѣстникъ Оникштенскій, а затѣмъ Мерецкій и Оникштенскій, въ 1494—1500 г.; *кн. Михаилъ Львовичъ Глинскій,* намѣстникъ Утенскій, затѣмъ Мерецкій и Утенскій и, наконецъ, Бѣльскій и Утенскій, въ 1500—1507 г.; вторично *Григорій Станиславовичъ Остиковича* въ 1509—1518 г.; *Юрій Ивановичъ Ильинича,* староста Берестейскій, Лидскій и Ковенскій, въ 1519—1526 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 159, 163, 191, 213; II, № 112, 118; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 238; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 206, 239; XXIII, л. 50; XLI, л. 372; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 178.

[88]) *Станиславъ Михайловичъ Петъковича,* староста Берестейскій (1498—1503),—въ 1483—1503 г.; *Солтанъ Александровичъ,* намѣстникъ Слонимскій (1483—1492), Бѣльскій (1493—1494),—въ 1483—1494 г.; *Янъ Литаворъ Хребтовичъ,* намѣстникъ Утенскій (1489—1492), Слонимскій (1493—1500), Дорогицкій (1509—1512), Кобринскій (1512—1513),—въ 1483—1513 г.; *Григорій Станиславовичъ Остиковича,* намѣстникъ Оникштенскій, въ 1492—1494 годахъ; *Станиславъ Глѣбовичъ,* намѣстникъ Мерецкій (1492—1495), Витебскій (1495—1501), Полоцкій (1502—1513),—въ 1492—1513 годахъ; *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій,* подстолій (1487—1500), намѣстникъ Браславскій (1500—1502), Мерецкій (1506—1507),—въ 1492—1507 годахъ; *Станиславъ Костевичъ,* намѣстникъ Ковенскій,—въ 1492—1499 годахъ; *Янъ Довойновичъ,* намѣстникъ Волковыйскій (1484—1497), Дорсунишскій (1499), — въ

а при Сигизмундѣ сверхъ маршалковъ, назначенныхъ при Але-

1492—1499 годахъ; *Станиславъ Бартошевичъ* (Монтовтовичъ), намѣстникъ Пуньскій (1493—1499),—въ 1493—1516 годахъ; *Бартошъ Таборовичъ*, намѣстникъ Мойшагольскій и Дубинскій,—въ 1494—1505 годахъ; *Войтехъ Кучуковичъ*, намѣстникъ Волкиницкій,—въ 1494—1505 годахъ; *Юрій Зеновьевичъ*, намѣстникъ Браславскій (1494—1499, 1503), Смоленскій (1507—1508), Могилевскій (1514—1516),—въ 1494—1516 г.; *Миколай Ивановичъ Ильинича*, намѣстникъ Минскій,—въ 1495—1498 годахъ; *Янъ Миколаевичъ Радивилъ*, намѣстникъ Вилкейскій (1495—1505), Слонимскій (1505—1514),—въ 1495—1514 годахъ; *Войтехъ Яновичъ Клочко*, охмистръ королевы (magister curiae reginalis), намѣстникъ Утенскій (1493—1499), Ковенскій (1499—1512) и Бѣльскій (1506—1512),—въ 1495—1512 годахъ; *Янъ Юрьевичъ Глѣбовича*, намѣстникъ Жижморскій (въ 1519 г.), Мстиславскій и Радуньскій (1527), въ 1498—1529; *Янъ Петровичъ Кишка* Техоновскій въ 1498 году; *Якубъ Довойновичъ*, намѣстникъ Дорогицкій,—въ 1499—1501 годахъ; *Александръ Монтыгирдовичъ*, *Юрій Монтовтовичъ и Некрашъ Володковичъ*, намѣстникъ Бѣлицкій,—въ 1499 году; *Немира Грималичъ*, намѣстникъ Мельницкій,—въ 1499—1533 годахъ; *Миколай Юндиловичъ*, кухмистръ королевы, намѣстникъ Коневскій и Дубицкій,—въ 1499—1505 годахъ; *Юрій Ивановичъ Ильинича*, намѣстникъ Лидскій (1501—1510), Берестейскій и Лидскій (1510—1526), въ 1501—1526 г.; *Янъ Стецковичъ*, намѣстникъ Дорогицкій (1501—1508), Минскій (1533—1541),—въ 1501—1541 годахъ; *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ*—въ 1501—1502 годахъ, въ 1511—1514 годахъ; *Юрій Остиковичъ*; *Юрій Якубовичъ Довойновичъ*, намѣстникъ Довговскій (1517 г.), Вилкомирскій (1517—1522),—въ 1501—1522 годахъ; *кн. Иванъ Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Ожскій и Переломскій (1495—1507), хоружій земскій (1501), воевода Кіевскій (1505—1506), воевода Новгородскій (1507 г.),—въ 1495—1507 годахъ; *Иванъ Семеновичъ Сопега*, секретарь, намѣстникъ Жижморскій (1500—1507), Браславскій (1502—1517), Витебскій (1508—1513), воевода Подляшскій (1513—1517),—въ 1505—1517 годахъ; *Янъ Щитовичъ*, намѣстникъ Васплишскій,—въ 1506—1518 годахъ; *Войтехъ Нарбутовичъ*, намѣстникъ Ясвоинскій (1498—1509), Ожскій и Переломскій (1507—1509),—въ 1506—1509 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій*, намѣстникъ Кричевскій (1506—1507) и Волковыйскій (1506—1509),—въ 1506—1511 г.; *Александръ Ивановичъ Ходкевича*, намѣстникъ Пуньскій (1501—1506), Остринскій (1518—1549), Вилкейскій (1522—1549), Берестейскій (1529—1549), Кнышинскій (1530—1549), воевода Новгородскій (1544—1549),—въ 1506—1549 г. См. Акты Зап. Рос. I, № 159, 163, 165, 167, 183, 189, 199, 207, 224; II, № 22, 29, 61, 70, 79, 89, 164; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37, 56, 57; Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. V, т. I, стр. 16; Акты Литов. Метрики, вып. I, № 83, 85, 106, 153, 154, 157, 211, 236, 325, 371, 374, 378, 381, 390, 405, 417, 418; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 47, 83, 141, 142; Zbiór praw litewskich, str.

ксандрѣ, вновь получили званіе маршалка господарскаго около 20 лицъ) [89].

72, 73, 81; Archiwum Sanguszków I, № CL; III, № XCII, XCVIII, CLXXXI, CXCII; Литовской Метр. кн. Запис. III л. 80; V, л. 12, 17, 19, 21, 33, 38, 45, 50, 51, 52, 61, 72, 93, 110, 119, 121, 298; VI, л. 2, 5, 11, 37, 44, 46, 53, 54, 61, 72, 74, 77, 88, 110, 111, 134, 135, 151, 154, 163, 190, 242; VII, л. 555, 561, 564, 572, 575; VIII, л. 130, 135, 137, 139, 182, 209, 227, 232, 256, 273, 305, 354; IX, л. 17; X, л. 51; XII, л. 326, 416; XXIII, л. 50; XXV, л. 118, 125, 127, 260; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 19—22, 56, 105, 124, 134, 179, 297; IV, л. 192; XII, л. 60; *Bonieckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 80.

[89]) *Янушъ Костевичъ*, намѣстникъ Радуньскій (1498—1527), воевода Витебскій (1514—1520) державца Ожскій и Переломскій (1520—1527), староста Ковенскій (1523—1525), воевода Подляшскій (1520—1527),—въ 1510—1527 годахъ; *Богушъ Боговитиновичъ*, писарь (1500—1530), намѣстникъ Довговскій (1509—1518), Каменецкій (1518—1530), Слонимскій (1522—1530),—въ 1511—1530 годахъ; *Венцлавъ Костевичъ*—въ 1511—1532 годахъ; *Миколай Станиславовичъ Яновича Кезгайло*—въ 1513—1520 г. и братъ его *Янъ* въ 1513 году; *Иванъ Богдановичъ Сопега*, писарь, городничій Троцкій, воевода Витебскій (1520—1528), Подляшскій (1529—1541), староста Дорогицкій (1532—1541 г.),—въ 1515—1541 годахъ; *Миколай Михновичъ Рачковичъ*, секретарь, намѣстникъ Шовленскій,—въ 1515—1519 г.; *Александръ Солтановичъ*,—въ 1519—1541 годахъ; *Павелъ Ивановичъ Сопега*, державца Браславскій (1517—1547),—въ 1520—1556 годахъ; *Копоть Васильевичъ*, писарь, державца Перевальскій (1516—1529),—въ 1522—1529 годахъ; *Матей Войтеховичъ Клочко*, державца Волковыйскій (1522—1543), Мерецкій (1532—1533), воевода Витебскій (1532—1542), староста Жмудскій (1542—1543),—въ 1522—1543 годахъ; *кн. Андрей Михайловичъ Сангушковичъ Кошерскій*, староста Луцкій (1542—1560),—въ 1522—1547 годахъ; *кн. Василій Андреевичъ Полубенскій*, державца Жолудскій (1518—1535), Коневскій и Дубицкій (1523—1527), староста Мстиславскій (1535—1550),—въ 1521—1550 годахъ; *Юрій Немировичъ*, державца Любошанскій,—въ 1523—1533 годахъ; *Миколай Юрьевичъ Заберезинскій*, державца Дорсунишскій,—въ 1524—1527 годахъ; *Мартинъ Хребтовичъ*, конюшій Троцкій,—въ 1524—1526 годахъ; *Миколай Щитовичъ* въ 1524—1531 г.; *Иванъ Горностай*, писарь, державца Дорсунишскій (съ 1527 г.), Слонимскій (съ 1531), Мстибоговскій (съ 1534) и Зельвенскій (съ 1535), подскарбій земскій (съ 1531 г.),—въ 1530—1541 годахъ; *Янъ Яновичъ Заберезинскій* младшій, державца Сомилишскій (1538—1546),—въ 1533—1546 годахъ; *Матвѣй Юндилъ* въ 1537 году; *Миколай Войтеховичъ Нарбутъ*, державца Мозырскій,—въ 1542—1547 годахъ. См. Акты Зап. Рос. II, № 164; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 128, 136; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572; IX, л. 224; XII; л. 76, 520;

Многочисленность господарскихъ маршалковъ объясняется тѣмъ, что *маршальство* и раздавалось главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы провести того или другого пана въ раду господарскую (маршальскія обязанности лежали на земскомъ и дворномъ маршалкахъ). Это ясно можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: панъ Ѳедоръ Янушевичъ получилъ отъ короля Александра староство Луцкое и маршальство земли Волынской въ держанье до живота и вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и мѣсто въ радѣ господарской. Когда возвратился изъ плѣна кн. Конст. Иван. Острожскій, державшій эти уряды до Янушевича, король Сигизмундъ счелъ справедливымъ вернуть ему эти уряды, а Янушевичу отдалъ взамѣнъ Луцка Владиміръ съ мѣстечкомъ Литовижемъ, съ монастыремъ св. Спаса, со всѣми дворами, фольварками и волостями. Но такъ какъ Владимірское намѣстничество само по себѣ не давало мѣста въ радѣ великаго княжества, то Сигизмундъ, чтобы не лишить его этого мѣста, возвелъ его въ званіе маршалка и написалъ въ привилеѣ (отъ 23 декабря 1507 года): «Такожъ напротивъ тое чти, староства Луцкого, маршалства Волынское земли, дали есмо ему *маршалство* наше до живота его держати, *а местце даемъ въ раде нашой седати межи паны радами нашими*»[90]). Кромѣ маршалковъ, членами господарской рады сдѣлались также *подскарбій земскій*[91]) и *подскарбій дворный*[92]), а также такъ называемые *столовые и дворные* урядники:

XXIV, л. 32; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 200; IV, л. 199; VII, л. 88; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 29, 86, 112, 131, 148, 207, 306, 331, 344, 370, 371, 392; spis dygnitarzy i urzędników; *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 438—441.

[90]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

[91]) *Андрей Александровичъ Солтанъ* въ 1492—1497 г.; *Ѳедко Богдановичъ Хребтовичъ*, намѣстникъ Бѣлицкій (1502), Берестейскій и Остринскій (1507),—въ 1501—1506 г.; *Богушъ Боговитиновичъ*, намѣстникъ Жижморскій и Довговскій,—въ 1509 году; *Аврамъ Езофовичъ*, староста Ковенскій, въ 1510—1519 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 184, 185; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 307; XXV, л. 127; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 200; VIII, л. 207.

[92]) *Ѳедко Богдановичъ Хребтовичъ* въ 1493—1501 г.; *Мартинъ Богдановичъ Хребтовичъ*, конюшій дворный, намѣстникъ Жолудскій, въ 1501—1504; *Иванъ Андреевичъ Солтанъ*, намѣстникъ Мойшакгольскій (1507—1508), Веленскій (1509—1554),—въ 1505—1554 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 101; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 125; Акты Зап. Рос. II, № 164.

подчашій [93]), *крайчій* [94]), *крайчій великой княгини* [95]), *кухмистръ* [96]) *кухмистръ великой княгини* [97]), *стольникъ* [98]), *подстолій* [99]), *подкомо-*

---

[93]) *Миколай Миколаевичъ Радивиловича*, намѣстникъ Бѣльскій, въ 1493—1504; *Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ*, намѣстникъ Новгородскій (1505—1506),—въ 1505—1509 г.; *панъ Юрій Миколаевичъ Радивилъ*, намѣстникъ Мерецкій и Утенскій (1508—1514), воевода Кіевскій (1511—1514), староста Городенскій (1514—1540),—въ 1510—1520 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 289; Акты Зап. Рос. I, № 213; II, № 31, 93; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 141; Archiwum Sanguszków I, № CL; III, № CXCII; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 82; VIII, л. 354; IX, л. 202; X, л. 35; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 178.

[94]) *Кн. Янушъ Александровичъ Гольшанскій*, намѣстникъ Слонимскій (1501—1504),—въ 1496—1505 г.; *кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій*, воевода Кіевскій (1508—1510),—въ 1507—1509 годахъ; *Станиславъ Григорьевичъ Остиковича*—въ 1518—1519 годахъ; *Григорій Григорьевичъ Остиковича*—въ 1519—1542 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 226; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 102, 103; Archiwum Sanguszków III, № XCI, XCII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 72; VI, л. 3; XXV, л. 122; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 207.

[95]) *Кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій* въ 1506 году. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37.

[96]) *Петръ Олехновичъ*, намѣстникъ Олитскій и Немоноитскій (1494—1503), Скерстомоньскій (1505—1512), Утенскій (1512—1516),—въ 1494—1516 г.; *Юрій Миколаевичъ Едко*, мечникъ, намѣстникъ Мойшакгольскій, въ 1522—1531 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 231; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 111; VI, л. 2; XXV, л. 125; Акты Зап. Рос. II, № 79; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[97]) *Миколай Юндиловичъ*, намѣстникъ Коневскій и Дубицкій, въ 1415—1505 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 231.

[98]) *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій* въ 1501 г., *Янъ Завиша* въ 1524—1529 г., *Янъ Войтеховичъ Нарбутъ* въ 1529 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 317; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[99]) *Станиславъ Яновичъ Заберезинскій*, намѣстникъ Браславскій (1500—1501), въ 1487—1501 годахъ; *кн. Василій Львовичъ Глинскій*, намѣстникъ Василишскій (1501—1504), Слонимскій (1505—1506), Берестейскій (1506—1507), въ 1501—1507 годахъ; *Юрій Александровичъ* въ 1508 г.; *Янъ Завишичъ*, державца Жижморскій, въ 1519—1524 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 300; Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 85, 86; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232; Судн. дѣлъ кн. XII, л. 224.

рій [100]), *ловчій* [101]), *конюшій дворный* [102]), *хоружій земскій* [103]), *хоружій дворный* [104]), *мечникъ* [105]). Помимо частныхъ указаній актовъ, приведенныхъ нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, мы имѣемъ и общее указаніе на то, что всѣ эти столовые дворные урядники имѣли мѣста въ радѣ господарской. Пожаловавъ въ 1569 году пану Лаврину Войнѣ подскарбство дворное великаго княжества, король Сигизмундъ писалъ въ выданномъ ему (19 января) привилеѣ: «маеть онъ подскарбство дворное великого князства Литовского во владности, справе, въ держанью и заведыванью мети и местце свое въ раде зъ врадниками нашими дворными столовыми заседати, такъ же и всякие справы, тому враду нашому належачии, за волею и ведомостью нашою радити и

---

[100]) *Янозичъ Петръ,* намѣстникъ Марковскій,—въ 1493 году; *Петръ Радивиловичъ,* намѣстникъ Ейшишскій,—въ 1496—1500; *Петръ Нарбутовичъ*—въ 1506 г.; *Андрей Якубовичъ Довойновича,* намѣстникъ Ейшишскій,—въ 1506—1527 годахъ. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 295; Archiwum Sanguszków III, № XCII; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569.

[101]) *Векневичъ Левъ* въ 1496 году; *Мартинъ Хребтовичъ,* конюшій дворный, намѣстникъ Жолудскій, въ 1504—1508 году; *Миколай Юрьевичъ Пацевича,* намѣстникъ Ожскій и Переломскій (1510—1516), подкоморій (1527—1542), державца Каменецкій (1532—1546),—въ 1510—1542 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 236; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354; Судн. дѣлъ кн. VIII, л. 178; XII, л. 224.

[102]) *Мартинъ Хребтовичъ,* намѣстникъ Изблянскій (1497 г.), Жолудскій (1501—1508), подскарбій дворный (1501—1504), ловчій (1504—1508),—въ 1495—1509 годахъ; *Якубъ Кунцевичъ,* конюшій Троцкій (1509—1524), намѣстникъ Волкиницкій и Лепуньскій (1511—1527), Василишскій (1518—1524), Стоклишскій (1520—1524), лѣсничій Городенскій (1511—1524),—въ 1511—1524 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 221; *Ånieckiego* Poczet rodów; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 564; X, л. 35; Судныхъ дѣлъ кн. VIII, л. 207.

[103]) *Кн. Иванъ Львовичъ Глинскій*—въ 1501—1502 г.; *Миколай Юндиловичъ,* намѣстникъ Коневскій и Дубицкій,—въ 1509—1511 г.; *Добекъ Скимондовичъ*—въ 1514—1522 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 201; *Bonieckiego* Poczet rodów.

[104]) *Войтехъ Нарбутовичъ,* державца Ясвоинскій,—въ 1501—1505 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 204.

[105]) *Войтехъ Ивашковичъ,* намѣстникъ Дорсунишскій и Ездненскій,—въ 1499 году; *Янушъ Станиславовичъ Костевича,* намѣстникъ Радуньскій,—въ 1505—1508 г.; *Янъ Щитовичъ*—въ 1509 г.; *Юрій Миколаевичъ Едко,* намѣстникъ Мойшакгольскій,—въ 1514—1537 г. См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 242, 243; *Bonieckiego* Poczet rodów; Archiwum Sanguszków III, № XCII.

справовати потому, яко першие подскорбие дворные владности, тому враду належачии, вживали, радили и справовали и местца свои заседали»[106]). Изъ приведенной выдержки явствуетъ, что участіе подскарбія дворнаго, какъ и другихъ дворныхъ столовыхъ урядниковъ, въ господарской радѣ въ 1569 году было уже давнишнимъ фактомъ, обычаемъ, установившимся со времени учрежденія самыхъ урядовъ. Наконецъ, въ составѣ господарской рады акты обозначаютъ въ разсматриваемое время и нѣкоторыхъ *секретарей*[107]), *писарей*[108]), а также *тивуна Виленскаго*[109]).

Итакъ, рада великаго княжества составилась изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ Литовско-Русскаго государства, отправлявшихъ высокія должности и носившихъ высокія званія. Такой составъ господарской рады, помимо многочисленныхъ частныхъ свидѣтельствъ актовъ, указанныхъ нами въ предшествующихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, отмѣчается и въ нѣкоторыхъ общихъ выраженіяхъ актовъ, относящихся къ радѣ господарской. Такимъ образомъ, напр., въ привилеѣ на воеводство Виленское, выданномъ 20 іюня 1510 года пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, читаемъ между прочимъ: «А для того вамъ всимъ и посполитымъ *прелатомъ духовнымъ и светскимъ честникомъ и врадникомъ рады нашое великого князъства Литовъского* тое наше дарованье объявляемъ»[110])... Съ перечисленными должностями и званіями уже связалось званіе члена господарской рады, такъ что всякій, получившій какой либо урядъ или «достоинство» изъ перечисленныхъ выше, вмѣстѣ съ тѣмъ становился и членомъ господарской рады. Пожаловавъ въ 1532 году пану Петру Станиславовичу, воеводѣ Полоцкому, званіе пана Троцкаго, Сигизмундъ писалъ въ выданномъ ему привилеѣ (10 ноября); «Маемъ его заховати въ той чти и важности и достойности и на томъ местцы *въ ряде промежку пановъ*

---

[106]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 249, 250.

[107]) Напр., пробоща Виленскаго *Эразма Тцолка* (Ciołek) въ 1503 г. (Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 231), державцу Скерстомоньскаго *Станислава Скопа* и державцу Дорсунишскаго *Ивана Горностая* въ 1528 году (Запис. кн. XII, л. 520).

[108]) Напр., *Коптя Васильевича*, державцу Жижморскаго, въ 1512—1513 г. (Запис. кн. VII, л. 564, 572).

[109]) Напр., *Бутрима Якубовича Немировича*—въ 1502—1506, *Шимка Мацкевича*—въ 1536 г. См. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 135; XXIV, л. 27.

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.

радъ нашихъ преложеныхъ и высокихъ и важныхъ справъ нашихъ господарскихъ земъскихъ всякихъ потому, какъ и предковъ его, первшихъ пановъ Троцкихъ, ажъ до его живота»[111]). Въ привилеѣ, выданномъ 18 декабря 1542 года кн. Андрею Михайловичу Сангушковича Коперскому, Сигизмундъ гарантировалъ ему: «Маетъ онъ тотъ замокъ нашъ Луцкий... держати... и местцо свое такъ при бытности нашой господарьской въ тамошнемъ паньстве нашомъ, князстве великомъ Литовскомъ, яко и безъ бытности нашое, межи паны радами нашими оного панства, водле давного обычаю маетъ мети, яко *и предкове его, старостове Луцкии, местца межи паны радами нашими мевали*»[112]). Связь перечисленныхъ должностей и званій съ мѣстами въ лавицѣ радѣ господарской уже настолько упрочилась въ разсматриваемое время, что даже лица незнатнаго происхожденія, пожалованныя однимъ изъ перечисленныхъ урядовъ и «достоинствъ» за свои заслуги, попадали вмѣстѣ съ тѣмъ въ господарскую раду. Такимъ путемъ проникали въ господарскую раду такія лица, какъ крещеный еврей Аврамъ Езофовичъ, сдѣлавшійся подскарбіемъ земскимъ великаго княжества[113]), или Сапеги, составившіе себѣ карьеру въ великокняжеской канцеляріи, позже Иванъ Горностай, выслужившійся изъ дьяковъ великокняжеской канцеляріи, и др.

Всѣ перечисленные сановники и должностныя лица разсаживались «въ лавицѣ» рады господарской въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣлявшемся важностью занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ ими званій. Чѣмъ выше былъ урядъ или «достоинство» пана раднаго, тѣмъ ближе къ господарю было и его мѣсто[114]). Въ этомъ отношеніи уже

---

[111]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 268, 269.

[112]) Archiwum Sanguszków IV, № CCLXVI.

[113]) Его карьера была предметомъ спеціальныхъ монографій *г. Вольфа* (Żyd ministrem króla Żygmunta) и покойнаго проф. *С. А. Бершадскаго* (Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества Литовскаго, въ Кіевской Старинѣ 1888, № 9, 10, 11, 12).

[114]) Поэтому и въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Александровичу Ходкевичу на каштелянію Троцкую 16 октября 1559 года читаемъ между прочимъ: «Даемъ пану Григорью Александровичу Ходкевичу паньство, а польскимъ языкомъ названное каштелянство Троцкое, то есть *зъвоеводства Кіевского помкнувшы его милость на тое вышшое достоенство, ближей боку нашого господаръского переносимъ*, хотечы мети и пожиточного его милость разумеючы, уставичне абы былъ пры насъ господары для обмышленья важныхъ а завжды потребъ и справъ великихъ нашыхъ господарьскихъ и земскихъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 228, 229).

въ разсматриваемое время можно замѣтить дѣйствіе нѣкотораго обычая, который съ годами все болѣе и болѣе упрочивался, все менѣе и менѣе нарушался господаремъ, пока, наконецъ, не отвердѣлъ окончательно къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа. Такимъ образомъ, первыя мѣста въ радѣ господарской занимали католическіе бискупы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечислены выше, т. е. Виленскій, Луцкій и Берестейскій, Жмудскій или Мѣдницкій, Кіевскій [115]). Изъ свѣтскихъ сановниковъ первое мѣсто въ радѣ господарской занималъ воевода Виленскій, за нимъ панъ Виленскій, далѣе воевода Троцкій, панъ Троцкій, староста Жомоитскій, воевода Кіевскій, староста Луцкій, намѣстникъ-воевода Смоленскій, намѣстникъ-воевода Полоцкій, намѣстникъ староста Городенскій, намѣстникъ-воевода Новгородскій, Витебскій и воевода Подляшскій. Такой порядокъ мѣстъ открывается изъ перечисленій пановъ радныхъ, содержащихся въ различныхъ актахъ: писари обыкновенно перечисляли пановъ радныхъ, присутствовавшихъ при совершеніи акта, въ порядкѣ занимавшихся ими мѣстъ. Кромѣ того, этотъ порядокъ констатируется и самымъ движеніемъ пановъ радныхъ по службѣ: панъ Виленскій возводился только въ воеводы Виленскіе, воевода Троцкій въ паны или воеводы Виленскіе, панъ Троцкій въ воеводы Троцкіе, паны и воеводы Виленскіе [116]) и т. д. Высшіе земскіе уряды, какъ гетманство, маршальство земское и дворное раздавались большею частью лицамъ, уже имѣвшимъ мѣсто въ радѣ господарской, и вліяли только на повышеніе этого мѣста, сообразно степени знатности и заслугамъ пожалованнаго ими лица. Такимъ образомъ, напр., *староста Луцкій* кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій по возвращеніи изъ плѣна въ званіи гетмана наивысшаго занялъ въ радѣ господарской мѣсто *выше пана Троцкаго* [117]). Выше пана Троцкаго занималъ мѣсто въ радѣ господарской и *староста Городенскій* Янъ Юрьевичъ Заберезинскій въ званіи маршалка земскаго [118]). Но Янъ Миколаевичъ Радивилъ, державца Слонимскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1514 году, занималъ мѣсто въ радѣ уже

---

[115]) Въ такомъ порядкѣ они, вѣроятно, вошли хронологически въ составъ великокняжескаго совѣта.

[116]) См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, str. 6—96. Этотъ порядокъ мѣстъ былъ принятъ во вниманіе и при составленіи порядка мѣстъ въ соединенной польско-литовской радѣ, образовавшейся въ силу Люблинской уніи 1569 года (Volumina legum II, p. 93).

[117]) Акты Зап. Рос. II, № 31, 53; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232.

[118]) Акты Зап. Рос. I, № 224; II, № 8, 29.

ниже пана Троцкаго, но выше воеводы Полоцкаго [119]); воевода же Новгородскій Янъ Яновичъ Заберезинскій, сдѣлавшійся маршалкомъ земскимъ въ 1522 году, занималъ мѣсто въ радѣ великаго княжества ниже старосты Городенскаго, сидѣвшаго въ радѣ большею частію ниже воеводы Полоцкаго [120]). Державца Бѣльскій и Утенскій князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, любимецъ короля Александра, въ качествѣ маршалка дворнаго занималъ мѣсто въ радѣ великаго князя выше воеводы Полоцкаго [121]). Но староста Берестейскій, Ковенскій и Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича въ званіи маршалка дворнаго сидѣлъ ниже воеводы Полоцкаго [122]) и т. д. Званіе маршалка господарскаго только вводило въ раду господарскую, но мѣсто каждаго маршалка, при ихъ многочисленности, опредѣлялось уже степенью его знатности и личныхъ заслугъ. Въ общемъ можно сказать, что маршалки въ радѣ сидѣли ниже воеводъ, каштеляновъ, гетмана и маршалковъ земскаго и дворнаго. Въ среду маршалковъ, а иногда и выше ея вдвигались придворные сановники, какъ подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, ловчій. Такимъ образомъ, напр., намѣстникъ Бѣльскій Миколай Миколаевичъ въ званіи подчашія сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка дворнаго Григорія Станиславовича Остиковича и выше маршалка Якуба Довойновича, Станислава Петрашковича [123]) и т. д. Но подчашій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ 1508 г. сидѣлъ ниже маршалка Станислава Петровича [124]). Крайчій кн. Янушъ Александровичъ занималъ мѣсто въ радѣ ниже маршалка Войтеха Кучуковича, выше маршалка Ивана Сопеги [125]), братъ его Юрій Александровичъ—выше маршалка Яна Яновича Заберезинскаго, Александра Ивановича Ходкевича, Ивана Сопеги [126]) и т. д. Кухмистръ Петръ Олехновичъ въ 1502 году сидѣлъ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, а въ 1505 выше маршалка Яна Стецковича, въ 1512 году

---

[119]) Акты Южной и Западной Россіи I, № 60; Акты Зап. Рос. II, № 93, 109; Archiwum Sanguszków III, № CXLIX, CXCII.

[120]) Акты Зап. Рос. II, № 112.

[121]) Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 115.

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 47, 48.

[123]) Акты Зап. Рос. I, № 163; Zbiór praw litewskich, str. 73.

[124]) Акты Зап. Рос. II, № 31.

[125]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 72; VI, л. 3; Archiwum Sanguszków III, № XCI, XCII.

[126]) Литов. Метр. кн. Запис. V; л. Ш; XXV, л. 125.

выше маршалка и писаря Богуша Боговитиновича [127]). Подстолій Станиславъ Яновичъ Заберезинскій въ 1446 году сидѣлъ въ радѣ ниже крайчія кн. Януша и маршалка Войтеха Кучуковича. Его преемникъ кн. Василій Львовичъ Глинскій сидѣлъ въ 1504 году выше маршалка, охмистра королевы Войтеха Яновича Клочка, маршалка Ивана Сопеги, а слѣдующій подстолій—Юрій Александровичъ въ 1508 году сидѣлъ выше маршалковъ Александра Ивановича Ходкевича, Войтеха Нарбутовича. Подкоморій Петръ Радивиловичъ сидѣлъ въ 1499 году ниже маршалка Некраша Володковича и выше маршалковъ Немиры Грималича, Миколая Юндиловича, Юрія Монтовтовича, Александра Монтыгирдовича [128]). Его преемникъ Якубъ Довойновичъ въ 1508 году сидѣлъ ниже маршалка Немиры Грималича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [129]). Ловчій Миколай Юрьевичъ Пацевича въ 1510 году сидѣлъ ниже маршалка Яна Богдановича, Литавора Хребтовича и выше Немиры Грималича [130]). Въ такомъ же положеніи находился и подскарбій земскій. Аврамъ Езофовичъ, напр., въ 1518 году сидѣлъ въ радѣ ниже маршалка Юрія Ивановича Ильинича, но выше маршалка Богуша Боговитиновича [131]). Что касается остальныхъ должностей и званій, каковы были: конюшій дворный, подскарбій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ, секретари и писари, тивунъ Виленскій, то носившія ихъ лица въ актахъ перечисляются обыкновенно въ концѣ пановъ рады, ниже маршалковъ. Къ этому нужно присовокупить, что придворные сановники, сидѣвшіе въ рядахъ маршалковъ, разсаживались такимъ образомъ, что между ними соблюдалась извѣстная іерархія: подчашій, напр., сидѣлъ выше крайчія, крайчій выше кухмистра, кухмистръ выше стольника, стольникъ выше подстолія, подстолій выше подкоморія, подкоморій выше ловчія, ловчій выше конюшаго дворнаго и т. д.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что извѣстный порядокъ мѣстъ держался наиболѣе устойчиво въ той части господарской рады, которая носила названіе *передней* или *наивысшей рады* [132]), и которая состояла

---

[127]) Литов. Метр. кн. Запис. V; л. 72; XXIII, л. 50; VIII, л. 232.

[128]) Zbiór praw litewskich, str. 73.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 569; Archiwum Sanguszków III, № XCII.

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 354.

[131]) Archiwum Sanguszków III, № CLXXXI.

[132]) Акты Зап. Рос. II, № 93; Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 167; L, л. 1, 2.

изъ воеводъ, каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго, старостъ Жмудскаго, Луцкаго и Городенскаго, гетмановъ и маршалковъ земскаго и дворнаго. Но и здѣсь этотъ порядокъ нарушался иногда спеціальными распоряженіями господаря, сдѣланными во вниманіе къ заслугамъ того или другого лица. Князь Иванъ Львовичъ Глинскій, будучи въ 1505—1507 годахъ воеводою Кіевскимъ, по установившемуся обычаю сидѣлъ подлѣ старосты Жмудскаго. Въ 1507 году Сигизмундъ взялъ у него Кіевъ и далъ ему Новгородъ. Не желая «рушать» его «во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее... мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ», король оговорилъ въ выданномъ ему привилеѣ: «и тежъ мѣстца его отъ него не отдаляючи, маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ писати; а мѣстцо въ радѣ, межи пановъ рады нашое великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана старосты Жомоитского»[133]). Такимъ образомъ, благодаря спеціальному распоряженію господаря воевода Новгородскій оказался въ радѣ великаго княжества на необычномъ мѣстѣ. Въ 1522 году, пожаловавъ кн. Константину Ивановичу Острожскому, бывшему передъ тѣмъ паномъ Виленскимъ, воеводство Троцкое и не желая его понижать въ чести и въ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ радѣ господарской, а наоборотъ—повысить, король Сигизмундъ далъ ему первое мѣсто среди свѣтскихъ пановъ радныхъ, выше воеводы Виленскаго, которому ранѣе принадлежало это мѣсто. Такое отступленіе отъ установившагося обычая сдѣлано было для кн. Острожскаго лично, во вниманіе къ его великимъ военнымъ заслугамъ, и не имѣло служить прецедентомъ по отношенію къ его преемникамъ[134]).

§ 3.

Мѣста въ господарской радѣ связались съ извѣстными званіями и должностями, такъ что лица, достигшія этихъ званій и должностей, вмѣстѣ съ тѣмъ садились и въ лавицѣ рады господарской. Бывали, какъ мы видѣли, случаи, что такимъ путемъ проникали въ господарскую раду люди, выдвинувшіеся впередъ исключительно своими способностями и заслугами на службѣ господарской. Таковъ былъ, напр., при Сигизмундѣ крещеный еврей Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій великаго княжества, снискавшій расположеніе Сигизмунда своимъ

---

[133]) Акты Зап. Рос. II, № 7.

[134]) Archiwum Sanguszkow III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVIII, CLXVII. Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ см. наши рецензіи на книгу г. Ярушевича въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1898, № 7 и 1899, № 10.

усердіемъ и радѣніемъ, своимъ безкорыстіемъ при завѣдываньѣ таможенными пошлинами и другими статьями казенныхъ доходовъ. Но такіе случаи сравнительно рѣдки. Большею же частью при пожалованіи званій и должностей, дававшихъ мѣста въ радѣ господарской, обращалось вниманіе не только на «послуги» жалуемаго лица, но и на «зацность» его дома и «послуги знаменитыи» его предковъ. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1532 году староство Жмудское пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, усмотрѣвъ «доброе и цнотливое захованье» его предковъ къ предшествующимъ господарямъ, въ частности службу его покойнаго отца пана Станислава, равно такъ же и его самого «доброе захованье» къ господарю и «важныя и накладныя послуги», которыя онъ оказывалъ господарю и рѣчи посполитой, не щадя своей жизни и имущества,—принимая затѣмъ во вниманіе, что за такія «важныя послуги» предки его «на высокихъ и важныхъ местахъ и въ почтивостяхъ были хованы» «и бачачи его къ тому цноту и годность»[135]). Если при назначеніи на высшія государственныя должности дѣйствовали соображенія, подобныя только что приведенному, то и рада господарская неминуемо должна была выйти аристократическою корпораціею а не простымъ совѣтомъ изъ преуспѣвшихъ чиновниковъ-служакъ. Наблюденія надъ личнымъ составомъ господарской рады за время великокняженія Казимира и его сыновей вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе.

Присматриваясь къ этому составу, открываемъ въ немъ преобладаніе извѣстныхъ фамилій, которыя преемственно, въ цѣломъ рядѣ поколѣній, занимаютъ мѣста въ радѣ господарской. Такимъ образомъ, членами господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ являются *князья Гольшанскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ кн. Ивана Ольгимунтовича, сподвижника Витовта: Юрій Семеновичъ, сыновья его—Александръ и Семенъ Юрьевичи, внуки: Янушъ, Юрій и Павелъ Александровичи (Юрьевича); правнукъ Янушъ Юрьевичъ (Александровича)

---

[135]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 269—271. Въ 1542 году 20 мая Сигизмундъ пожаловалъ пану Станиславу Альбрехтовичу Гаштольду воеводство Троцкое, «узнавши верное а цнотливое захованье и послуги предковъ и отца воеводы Новгородского пана Станислава Ольбрахтовича Кгаштолта, которые они завжды уставичне предкомъ нашимъ, першимъ господаремъ и великимъ княземъ, за животовъ своихъ справедливо оказывали, такъ тежъ и пана воеводы его милости самого захованье и верные послуги, которое онъ къ намъ, господару и пану своему прироженому, такежъ уставичне, не преслѣдуючи ни въ чомъ послугъ и захованья предковъ своихъ, указуеть»—и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 83.

Гольшанскій-Дубровицкій; паны *Радивиловичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ другого сподвижника Витовта—Остика: Радивилъ Остиковичъ; его сыновья—Миколай и Петръ; внуки—Миколай, Янъ, Войтехъ, Юрій Миколаевичи; правнуки—Янъ и Миколай Миколаевичи, Миколай и Янъ Яновичи; паны *Остиковичи*, младшая вѣтвь Радивиловъ: внукъ Остика—Григорій Станиславовичъ; правнуки—Станиславъ, Юрій и Григорій Григорьевичи; *Гаштольды*, потомки маршалка Витовта: Янъ, сынъ Мартинъ, внукъ Альбрехтъ Мартиновичъ, правнукъ Станиславъ Альбрехтовичъ; *Кезгайловичи*, ведущіе свое происхождвніе отъ старосты Жмудскаго при Витовтѣ Кезгайла Волимунтовича: Михаилъ, Добеславъ и Янъ Кезгайловичи; сынъ Яна—Станиславъ, внуки—Миколай и Станиславъ Станиславовичи; одного съ ними происхожденія—Судивой Волимунтовичъ и сынъ его Станко Судивоевичъ; *Монивидовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Виленскаго при Витовтѣ Монивида: Янъ, сынъ его Войтехъ, и одного съ ними рода Сенько Гедигольдовичъ; *Заберезинскіе*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина Витовтова Римовида: Янъ Юрьевичъ (Римовидовича), сыновья его Янъ и Станиславъ, внуки—Миколай Юрьевичъ, Станиславъ Яновичъ; *Олехновичи-Кухмистровичи*, идущіе отъ одного съ Заберезинскими родоначальника: Олехно Римовидовичъ, сынъ его Петръ, внукъ Миколай Петровичъ Дорогостайскій; *Саковичи*, идущіе отъ знатнаго Витовтова боярина Сака: Сачко, Адрей Саковичъ, сынъ его Богданъ; повидимому, одного съ ними рода Якубъ *Кунцевичъ; Монтыгирдовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Полоцкаго при Витовтѣ: Якубъ Ганусовичъ, внукъ Монтыгирда, Петръ Яновичъ, правнукъ его, Александръ; *Кишки*: Станиславъ и Янъ Петровичи, Петръ Станиславовичъ, Никодимъ Яновичъ Техоновскій; *Пацы*, идущіе отъ знатнаго боярина Свидригайлова Паца Гирдивидовича [136]): Пацъ, сынъ его Юрій, внукъ Миколай Юрьевичъ Пацевича; *Ходкевичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина Свидригайлова Ходка Юрьевича: Иванъ Ходкевичъ, сынъ его Александръ, внукъ Еронимъ; одного съ ними рода Грицко *Воловичъ; Монтовтовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ намѣстника Дорсунишскаго при Витовтѣ Монтовта: Михаилъ, Бартошъ и Тотвилъ Монтовтовичи, сынъ Михаила Юрій, сынъ Бартоша Станиславъ; *Немировичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ конюшаго Витовта Немира: Миколай и Андрей Немировичи, ихъ племянникъ Якубъ Яновичъ, сыновья Якуба Бутримъ и Андрей, двоюродный племянникъ Юрій; *Довойновичи*, ведущіе свое происхожденіе

---

[136]) См. выше, стр. 68.

отъ одного изъ сподвижниковъ Витовта: Олехно, Янъ, Якубъ; Андрей и Юрій Якубовичи, Станиславъ Станиславовичъ; *Ильиничи*, ведущіе свой родъ отъ выслужившагося при Витовтѣ могилевскаго боярина Ильи [137]): Иванъ Ильиничъ, сыновья его Миколай и Юрій; *Глѣбовичи:* Юрій, Петръ, Станиславъ; Янъ Юрьевичъ; одного съ ними рода: Ивашко *Вяжевичъ*, сынъ его Войтехъ Ивашковичъ; *Нарбутовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ знатнаго боярина вел. князя Сигизмунда: Войтехъ и Петръ Нарбутовичи; сыновья Войтеха—Войтехъ, Миколай и Янъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ; *князья Жеславскіе*: Иванъ Юрьевичъ, сыновья его Өедоръ и Михаилъ; *Вешторптовичи*: Мишко и сынъ его Янъ; *Соллогубы*: Андрей и сынъ его Юрій; *Стромилы*, потомки ложничія Витовта: Петрашко Пашкевичъ, Станиславъ Петрашковичъ [138]); *Сопеги*, ведущіе свое происхожденіе отъ выслужившагося при Казимирѣ писаря Семена: Иванъ Семеновичъ, его сынъ Павелъ, племянникъ Иванъ Богдановичъ; *Солтаны*: Солтанъ Александровичъ и сынъ его Александръ; *Стретовичи*, другая линія того же рода: Александръ Юрьевичъ, родоначальникъ; Андрей и Иванъ Александровичи, Иванъ Андреевичъ; *Петькевичи*: Станиславъ Михайловичъ, Юрій Миколаевичъ; *Клочко*: Войтехъ Яновичъ и его сынъ Матей; *Юндиловичи*: Миколай, его племянникъ Матей Яновичъ; *Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ. Къ этимъ фамиліямъ надо присоединить еще нѣсколько родовитыхъ фамилій, которыя въ разсматриваемое время представлялись въ господарской радѣ спорадически, отдѣльными лицами: Таковы были: Олехно *Судимонтовичъ*, сынъ знатнаго боярина в. кн. Сигизмунда Судимонта; Миколай *Гинвиловичъ*, вѣроятно, потомокъ намѣстника Троцкаго при Витовтѣ Гинвила [139]); Ивашко *Юрша*, вѣроятно, потомокъ извѣстнаго сподвижника Свидригайлова, воеводы Юрши; Янъ *Насутичъ*, сынъ знатнаго пана Свидригайлова Насуты; Олизаръ *Шиловичъ-Кирдѣевичъ*, отецъ котораго принадлежалъ къ правительственной знати при Свидригайлѣ [140]); *Гойцевичъ* Иванъ, вѣроятно, сынъ сподвижника Свидригайлова Юшка, павшаго въ битвѣ подъ Ошменою въ 1432 году [141]); *Хребтовичи*, ведущіе свое происхожденіе отъ Свидригайлова знатнаго боярина Хребта: Иванъ, Мартинъ, Өедко Богдановичи; кн. Димитрій

---

137) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 26.

138) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 47.

139) См. выше, стр. 25, 67.

140) См. выше, стр. 68.

141) *Narbutta* Pomniki, str. 46.

Путятичъ, изъ рода Друцкихъ князей, находившихся въ приближеніи у Витовта; *князья Глинскіе*, родъ которыхъ началъ подниматься уже при Витовтѣ: Иванъ, Михаилъ и Василій Львовичи [142]); *князья Острожскіе*: Константинъ и Михаилъ, потомки знаменитаго Өедора Даниловича Острожскаго, выслужившагося у Ягайла и Витовта [143]); Богушъ *Боговитиновичъ*, внукъ одного изъ знатныхъ бояръ Свидригайла; Юрій *Зеновьевичъ*, потомокъ одного изъ сподвижниковъ Витовта—Зиновія Братошича, участвовавшаго въ первомъ литовско-русскомъ сеймѣ [144]); Василій Богдановичъ *Чижъ*, вѣроятно потомокъ хоружія Виленскаго при Свидригайлѣ Довгяла Чижа; Миколай *Вежгайло*, потомокъ одного изъ Витовтовыхъ бояръ,—намѣстника Вилькомирскаго [145]); князь *Өедоръ Михайловичъ Чорторыйскій*, потомокъ кн. Константина Ольгердовича [146]); кн. Андрей Михайловичъ *Сангушковича*, потомокъ кн. Өедора Ольгердовича [147]); Юрій *Волчковичъ*, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ Волчковичей, предки которыхъ фигурировали на политической аренѣ еще при Витовтѣ [148]). Сверхъ перечисленныхъ 142 лицъ въ радѣ Казимира и его сыновей можно насчитать лишь около 40 лицъ частью неизвѣстныхъ, частью новыхъ фамилій, впервые поставившихъ своихъ представителей въ раду господарскую [149]).

Итакъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія на 35—50 мѣстахъ въ лавицѣ рады господарской разсиживались большею частью представители какихъ-нибудь 50 княжескихъ и панскихъ фамилій. Всматриваясь въ ихъ контингентъ, замѣчаемъ сравнительно небольшое число фамилій завѣдомо русскаго происхожденія. Таковы были: Ходкевичи, происходившіе отъ Кіевскихъ бояръ [150]), и родственная имъ фамилія Воловичей; Ильиничи, Глѣбовичи и родственная имъ фамилія Вяжевичей, происходившіе изъ Витебской земли [151]); Сопеги, происходившіе по всѣмъ даннымъ изъ бояръ Смоленской земли [152]); Кирдѣевичи, происходившіе изъ

---

[142]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 77—86.
[143]) Ibidem, str. 343—354.
[144]) См. выше, стр. 28.
[145]) См. выше, стр. 25, 67, 68.
[146]) Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 18, 24.
[147]) Ibidem, str. 422, 437—441.
[148]) См. выше, стр. 28.
[149]) См. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze; Bonieckiego Poczet rodów.
[150]) См. выше, стр. 66.
[151]) См. выше, стр. 156.
[152]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 270, 271, 278.

Волынской земли[153]); кн. Друцкіе, Острожскіе, Глинскіе; быть можетъ, Юрши, Стромилы, Солтаны, Стретовичи и Петькевичи. Изъ остальныхъ фамилій—двѣ, Кишки и Насуты, по всѣмъ даннымъ мазовецко-подляшскаго происхожденія[154]), всѣ же прочія,—изъ которыхъ вышло большинство членовъ господарской рады въ разсматриваемое время (100 изъ 182)—происхожденія литовскаго.

Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Казимиръ и его сыновья набирали свой совѣтъ преимущественно изъ литовскихъ князей и пановъ? Въ исторической литературѣ долгое время господствовалъ взглядъ, что русскіе люди попадали въ господарскую раду только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, что по отношенію къ пополненію ея при Казимирѣ и его сыновьяхъ и до самаго 1563 года дѣйствовало многократно подтверждавшееся постановленіе Городельскаго привилея, предоставлявшее мѣста въ радѣ господарской только католикамъ[155]). Этотъ взглядъ опровергается прежде всего самою грамотою 1563 г., отмѣнившею названное постановленіе. Изъ этой грамоты видно, что это постановленіе, несмотря на неоднократное подтвержденіе Городельскаго привилея, не соблюдалось, и не только «Римского костела послушныи, але и Грецкого» бывали въ лавицѣ рады какъ при предшественникахъ Сигизмунда-Августа, такъ и при немъ самомъ[156]). Подробное ознакомленіе съ личнымъ составомъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ вполнѣ подтверждаетъ это заявленіе привилея 1563 г.: оказывается, что православные русскіе люди въ радѣ великаго княжества Литовскаго все-таки были далеко не рѣдкимъ исключеніемъ. Да это и понятно. Со времени сравненія православныхъ русскихъ людей во всѣхъ правахъ и вольностяхъ съ литвинами-католиками въ земскихъ привилеяхъ 1432 и 1434 годовъ, статья Горородельскаго привилея, преграждавшая имъ доступъ въ господарскую раду, утратила свою юридическую силу и сдѣлалась уже отжившимъ закономъ. Этотъ отжившій законъ по извѣстной редакціонной косности, а не потому, что

---

[153]) См. выше, стр. 153.

[154]) О Насутѣ см. выше, стр. 106; родовое владѣніе Кишковъ—Техановецъ находился на Подляшьѣ.

[155]) *Н. П. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 127, Кіевъ 1885; *П. Д. Брянцева* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ, стр. 330, 353. О мнѣніяхъ, высказывавшихся ранѣе, см. *А. Ярушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163, 164, прим. 414.

[156]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

бы онъ имѣлъ дѣйствительное значеніе, повторялся въ Городельскомъ привилеѣ всякій разъ, когда этотъ привилей подтверждался, подобно тому, какъ повторялся при этомъ и другой также отжившій (послѣ выдачи земскаго привилея 1447 года) законъ—о платежѣ податей великому князю съ панскихъ и шляхетскихъ имѣній. Литовско-русскіе паны и шляхта считали Городельскій привилей родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей, цѣнили его, какъ политическое сокровище («скарбъ посполитый»), какъ своего рода святыню и реликвію, и потому-то и упрашивали своихъ государей вписывать его въ свои земскіе привилеи, несмотря на то, что въ этихъ привилеяхъ уже содержались тѣ права и вольности, которыя содержалъ и Городельскій привилей, и даже болѣе того. Городельскій привилей подтверждался литовско-русскими государями не какъ дѣйствующій законъ (послѣдній содержался въ ихъ собственныхъ земскихъ привилеяхъ), а какъ его историческое оправданіе, какъ санкціонирующій этотъ законъ голосъ старины. Не только въ названныхъ двухъ статьяхъ, но и въ другихъ, напр., въ статьѣ, предоставлявшей шляхетскія права и вольности только боярамъ-католикамъ получившимъ гербы отъ поляковъ, въ статьяхъ, касающихся взаимныхъ отношеній между Польшею и Литвою, Городельскій привилей былъ уже анахронизмомъ, противорѣчившимъ дѣйствительному положенію вещей, и тѣмъ не менѣе этотъ привилей продолжалъ подтверждаться литовско-русскими государями. Объясняется это именно тѣмъ, что при этомъ преслѣдовалась не юридическо-практическая цѣль, — признаніе обязательной силы за всѣми статьями Городельскаго привилея, а юридическо-моральная,—признаніе вящей силы и обязательности за статьями, содержащимися въ собственномъ привилеѣ подтверждавшаго государя и имѣвшими столь давнее происхожденіе. Если такъ, то неудивительно, что въ общей совокупности правъ и вольностей вмѣстѣ съ другими статьями повторялись и статьи, несомнѣнно утратившія свою юридическую обязательность, противорѣчившія позднѣйшимъ узаконеніямъ. Возможно, впрочемъ, что по временамъ имъ старались придать и дѣйствительную силу, какъ это было, напр., во время борьбы честолюбій, вызванной въ 1522 году назначеніемъ князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады господарской. Протестовавшіе противъ этого назначенія паны, и во главѣ нихъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, въ разгарѣ борьбы могли схватиться и за это археологическое оружіе и указывать королю, что въ сущности онъ не имѣетъ права даже допускать схизматиковъ въ раду господарскую, а не то что назначать ихъ на первое мѣсто. Мы считаемъ разсказъ объ этомъ Кояловича весьма правдоподобнымъ

и сомнѣваемся только въ томъ, чтобы Сигизмундъ дѣйствительно выдалъ обязательство впредь не назначать схизматиковъ въ раду господарскую. Дошедшій до насъ въ сборникахъ Скарги и Гарасевича привилей Сигизмунда, содержащій это обязательство, мы считаемъ простымъ проектомъ, составленнымъ Гаштольдомъ и его партіею, а не оффиціальнымъ документомъ, получившимъ санкцію короля (если только дошедшій привилей не есть іезуитское сочиненіе, составленное въ эпоху установленія уніи, съ цѣлью доказать, что православные не имѣютъ историческаго права на сенаторскія кресла въ Рѣчи Посполитой), ибо въ дошедшихъ до насъ, и дѣйствительно оффиціальныхъ, документахъ нѣтъ ничего подобнаго въ этомъ смыслѣ [157]).

Итакъ, преобладаніе князей и пановъ литовскаго происхожденія въ радѣ Казимира и его сыновей не можетъ быть объясняемо дѣйствіемъ Городельскаго привилея, преграждавшаго доступъ въ раду господарскую православнымъ русскимъ людямъ. Это преобладаніе выросло не изъ мертваго, отжившаго закона, сдѣлавшагося, какъ мы видѣли, простымъ историческимъ переживаніемъ, политическою реликвіею, а изъ живыхъ историческимъ традицій, державшихся своими корнями и въ почвѣ тогдашней общественной дѣйствительности.

Казимиръ и его сыновья вполнѣ естественно набирали своихъ совѣтниковъ, своихъ сотрудниковъ и помощниковъ по устроенію государства преимущенно изъ тѣхъ же фамилій, съ которыми строили свое государство ихъ предшественники, изъ фамилій, которыя обладали для этого сотрудничества наибольшими духовными и матеріальными рессурсами, и за которыми прецеденты установили нѣкоторое право на это сотрудничество. Мы видѣли, что князья и знатные литовскіе бояре представляли при Витовтѣ самыя значительныя общественныя силы въ Литовско-Русскомъ государствѣ,—классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и властью въ мѣстныхъ обществахъ, настоящихъ герцоговъ и бароновъ, какъ нерѣдко величаютъ ихъ современные нѣмецкіе и польскіе источники. Это же значеніе классъ этотъ сохранялъ и въ разсматриваемое время, а отчасти даже и увеличилъ его. Литовскіе князья и паны не только сохранили свои имѣнья, но даже и расширили ихъ отчасти покупкою, но главнымъ

---

157) Подробнѣе объ этомъ см. *А. Ярушевича* Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, стр. 163—169, 236, 237; наши рецензіи на эту книгу въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1898, № 7, стр. 205, 206, за 1899, № 10, стр. 166—168; Archiwum Sanguszków III, № CCXXX; Acta Tomiciana, tomus VI, № XVIII, CLXVII.

образомъ благодаря щедрымъ пожалованіямъ своихъ господарей, покупавшихъ такимъ путемъ и вознаграждавшихъ ихъ службу и вѣрность. Въ этомъ отношеніи, кромѣ частныхъ указаній источниковъ на крупныя имѣнія литовскихъ князей и пановъ разсматриваемаго времени [158]), весьма характерны показанія реестра 1528 г. относительно количества ратниковъ, которые должны были выставляться съ различныхъ «земскихъ» имѣній. Эти показанія даютъ ясно понять, кто такое по общественному своему положенію были паны-рада, и почему господарь набиралъ свой совѣтъ преимущественно изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія. Оказывается, что кругъ фамилій, изъ которыхъ преимущественно выходили паны-рада, представлялъ собою классъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Приведемъ относящіяся сюда цифры.

Первѣйшая княжеская фамилія изъ этого круга—*кн. Гольшанскіе* выставляютъ въ общей сложности съ своихъ имѣній 154 коня [159]); *паны Радивилы*—621 конь [160]); родственная имъ фамилія *Остиковичи*—337 коней [161]); *Гаштольды*—466 коней [162]); *Кезгайлы*—768 коней [163]); *Заберезинскіе*—258 коней [164]); ихъ младшая вѣтвь *Олехновичи-Кухмистровичи*—36 коней [165]); младшая вѣтвь Саковичей *Кунцевичи*—47 коней [166]); *Костевичи* (Венцлавъ и вдова Януша) — 124 коня

[158]) Эти указанія сгруппированы въ значительномъ количествѣ во второмъ очеркѣ нашего труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства».

[159]) Кн. Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій—122; кн. Юрій Ивановичъ Дубровицкій—28 коней, а его сыновья Иванъ и Өедоръ—4 коня.

[160]) Юрій Миколаевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій,—261 конь; его племянникъ, подчашій Янъ Миколаевичъ—69; братъ послѣдняго Станиславъ, державца Пенянскій—39 коней, а мать ихъ Елизавета—260 коней.

[161]) Григорій Григорьевичъ—116 коней; братъ его Юрій—131, а мать Елизавета—90 коней.

[162]) Альбрехтъ Мартиновичъ съ сыномъ Станиславомъ.

[163]) Панъ Троцкій, староста Жмудскій, Станиславъ Станиславовичъ—371 конь; его жена съ падчерицею—246 коней; двоюродный братъ Миколай Миколаевичъ—151 конь.

[164]) Панъ Янъ Яновичъ, маршалокъ земскій—197 коней; вдова его племянника Миколая—61 конь.

[165]) Миколай (Петровичъ) Кухмистровичъ—12 коней; Станиславъ Петровичъ 7 коней; Юрій Михайловичъ Олехновича—17 коней.

[166]) Мацко Кунцевичъ, намѣстникъ Лепуньскій и Волкиницкій,—7 коней; вдова Якуба Кунцевича, конюшаго дворнаго,—38 коней; Касперъ Кунцевичъ—2 коня.

Кишки—224 коня [167]); *Пацы*—97 коней [168]); *Ходкевичи*—198 коней [169]); *Монтовты*—37 коней [170]); *Немировичи*—115 коней [171]); *Довойны*—33 коня [172]); *Ильиничи*—160 коней [173]); *Глѣбовичи*—279 коней [174]); *Нарбуты*—65 коней [175]); *Сологубы*—45 коней [176]); *Сопеги*—153 коня [177]); *Солтаны*—37 коней [178]) *Стретовичи*—46 коней [179]); *Петьковичи*—72 коня [180]); *Клочко*—66 коней [181]); *Юндиловичи*—46 коней [182]); *Хребтовичи*—112 коней [183]); *Боговитиновичи*—125 коней [184]);

---

[167]) Петръ Станиславовичъ, воевода Полоцкій.

[168]) Панъ Миколай Пацевичъ, подкоморій.

[169]) Александръ Ивановичъ, маршалокъ, староста Берестейскій.

[170]) Якубъ Михайловичъ Монтовтовича, намѣстникъ Кременецкій.

[171]) Воевода Кіевскій Андрей—43 коня; его жена—17 коней; панъ Юрій, маршалокъ—16, Миколай, братъ его,—4; Бутримъ Якубовичъ—2; дочери Вацлава Немировича—33.

[172]) Панъ Станиславъ, коморникъ королевы, 33 коня.

[173]) Янъ Юрьевичъ—55 коней; Станиславъ—55 коней; съ ихъ недѣленаго имѣнья 7 коней; Шчасный Юрьевичъ—32; Миколай Миколаевичъ, ихъ двоюродный братъ,—6 коней; его жена—5 коней.

[174]) Янъ Юрьевичъ, воевода Витебскій,—148, его жена—88; Миколай Глѣбовичъ, воеводичъ Полоцкій,—31 коня; братъ его Янъ Станиславовичъ—12 коней.

[175]) Войтехъ—16 коней; Петръ—13; Станиславъ Станиславовичъ—3 коня; Миколай Войтеховичъ—15; вдова Матуша Нарбутовича—1 коня; дочь Войтеха—Ганна—17 коней.

[176]) Миколай, Войтехъ и Станиславъ Юрьевичи—43 коня; Юрій Миколаевичъ—2 коня.

[177]) Павелъ Ивановичъ—21 конь; Иванъ Васильевичъ—9; Янушъ Сопега съ тещею—26; Михаилъ Ивановичъ—47; Ѳедоръ Ивановичъ—19; Иванъ Васильевичъ—4; Иванъ Богдановичъ—27.

[178]) Александръ Солтановичъ.

[179]) Иванъ Андреевичъ, подскарбій дворный, 25 коней; вдова Кмиты Стретовича—21.

[180]) Матей Михайловичъ—25 коней; братъ его Мартинъ—16; Станиславъ—13; Станиславъ Яновичъ съ Андрушкомъ Рыковичемъ—5 коней; Григорій Петковичъ—4 коня; вдова Бартоша Петковича Екатерина—6 коней; вдова Януша Богдана—3 коня.

[181]) Матей Охмистровичъ.

[182]) Павелъ Юндиловичъ—28 коней; жена его—10; Матей и Миколай—8.

[183]) Богданъ Мартиновичъ—20; Иванъ Олехновичъ—3; Юрій Ѳедковичъ—8; вдова Яна Литавора—76; вдова Ѳедка—5.

[184]) Богушъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій—78; Боговитинъ—14; Иванъ Боговитиновичъ—32; его жена—1.

Вежкгайлы—80 коней [185]); *Чижи*—38 коней [186]); *Зеновъевичи*—155 коней [187]); вдова Петра Яновича *Монтыгирдовича*—32 коня.—Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо знать, что немного княжескихъ фамилій въ Литовско-Русскомъ государствѣ выставляли «почты», подобные только что приведеннымъ. Таковы были: *князь Слуцкій*, выставлявшій съ своихъ имѣній 433 коня, кн. Конст. Ивановичъ *Острожскій*, выставлявшій 426 коней, *князь Мстиславскій*—152 коня, *Сангушки*—въ общей сложности—170 коней [188]); *князья Вишневецкіе*—84 коня [189]); кн. Матѳей *Микитиничъ*—79 коней; *кн. Полубенскіе*—55 коней [190]); *кн. Чорторыйскіе*—55 коней [191]); *кн. Жеславскіе*—45 коней [192]); *кн. Лукомскіе*—65 коней [193]); *кн. Соколинскіе* (изъ Друцкихъ)—40 коней [194]); *Одинцевичъ* Богданъ Ѳедоровичъ—33 коня; *кн. Свирскіе*—41 коня [195]) и только. Всѣ остальныя княжескія фамиліи выставляютъ уже меньшіе «почты»: *кн. Подберезскіе-Ямонтовичи* (Семенъ)—24 коня; князья *Горскіе и Багриновскіе*—35 коней [196]); князья

---

[185]) Кн. Миколай, бискупъ Жмудскій,—79 коней; Войтехъ Вежкгайлъ—1.

[186]) Василій Богдановичъ—25 коней; Левъ Чижевичъ—13 коней.

[187]) Михайло—28 коней; его жена—1 конь; Юрій—33; Янъ Хрщоновичъ—19; Янъ Юрьевичъ—41; всѣ они сверхъ того—3 коня; вдова Миколая—30.

[188]) Кн. Андрей Михайловичъ Коширскій—85 коней; его сынъ Александръ—5 коней; кн. Василій Михайловичъ Ковельскій—38; кн. Андрей Александровичъ—42.

[189]) Кн. Иванъ—52 коня; Александръ—15; Ѳедоръ—12; Ѳедоръ—5.

[190]) Кн. Василій Андреевичъ—43 коня; Иванъ Андреевичъ—6 коней; его жена—4.

[191]) Кн. Ѳедоръ Михайловичъ—33 коня; вдова его двоюроднаго брата Семена Александровича—22 коня.

[192]) Кн. Ѳедоръ—31 конь; Богданъ—14 коней.

[193]) Кн. Андрей Андреевичъ—10 коней; кн. Михайло—2 коня; кн. Семенъ—1; Петръ—1; Юрій—1; кн. Андрей Ивановичъ—9; кн. Семенъ Романовичъ—5; кн. Михайло Романовичъ—5 коней; его жена—13; Петръ Романовичъ—14; кн. Богушъ—4.

[194]) Кн. Андрей Соколинскій съ племянниками и племянницами—23 коня; княжна Гальшка Ѳедоровна—2 коня; вдова Василія—9, вдова Ивана—4; Павелъ—2 коня.

[195]) Богданъ Дмитріевичъ—5 коней; вдова хоружія Якуба—11 коней; Петръ Духничъ—7 коней; Андрей Юхновичъ—3 коня; вдова Романа—5 коней; Жданъ Александровичъ—5 коней; Михаилъ Мартиновичъ—4 коня; Янъ Мартиновичъ—1 коня.

[196]) Багриновскіе—6 коней; Горскіе Ѳедоръ и Иванъ—21; Иванъ Дуда—14.

Сѣнскіе—8 коней [197]); князья *Толочинскіе*—18 коней; кн. *Соломерецкій*—15 коней; *Озерецкіе*—12 коней [198]); князья *Жижемскіе*—13 коней; князья *Глинскіе*—11 коней [199]); *кн. Крошинскіе*—17 коней [200]); кн. *Жилинскіе* (Василій)—12 коней; *Кропотка* (Василій)—2 коня; *Вяземскіе* (Янъ)—4 коня; *кн. Барятинскіе* (Иванъ)—7 коней; кн. *Пузына* (Тимоѳей)—10 коней; кн. *Масальскіе*—17 коней [201]); *кн. Пронскіе*—25 коней [202]); *кн. Четвертинскіе*—22 коня [203]); *Сокольскіе*—9 коней [204]); кн. *Капусты*—15 коней [205]); кн. *Козеки*—10 коней [206]); кн. *Любецкіе и Веденицкіе*—18 коней [207]); кн. *Роговицкіе*—4 коня [208]); кн. *Збаражскіе* (Андрей Семеновичъ)—14 коней; кн. *Порыцкіе* (Василій)—5 коней; кн. *Велицкій*—1 коня; кн. *Заславскіе*, младшая вѣтвь Острожскихъ,—29 коней; кн. *Корецкіе*—20 коней [209]); кн. *Курцевичи*—8; кн. *Буремскіе*—4; кн. *Галичиньскіе*—3 [210]); вдова кн. Андрея Ивановича *Можайскаго*—14 коней; кн. Богданъ Дмитріевичъ—3; Володко Ивановичъ—3; вдова князя Тура—6 коней; кн. *Бердибяка*—1 коня; кн. *Лыко*—1 коня. Такимъ образомъ, большинство князей въ Литовско-Русскомъ государствѣ по сравненію съ вельможными панами были средними и мелкими землевладѣльцами. Еще болѣе станетъ яснымъ значеніе вышеприведенныхъ цифръ, если мы примемъ, напр., во вниманіе, что паны Кезгайлы (трое владѣльцевъ) выставляли на войну только на 53 ратника меньше, чѣмъ всѣ князья (за исключеніемъ Острожскаго) паны и земяне (282 владѣльца), водившіе свои «почты» на войну подъ хоругвью земли Волынской (всего они выставляли

---

197) Сыновья Ивана—6 коней; Иванъ—2.

198) Кн. Андрей—8; Семенъ—4.

199) Кн. Семенъ—5; братъ его Михаилъ—4; вдова Ѳедора—2.

200) Кн. Тимоѳей.

201) Кн. Юрій Тимоѳеевичъ—3; Иванъ Тимоѳеевичъ—2; Богушъ—8; Василій—4.

202) Вдова кн. Глѣба Пронскаго.

203) Василій Ѳедоровичъ—12; Андрей—4; Ѳедоръ—6.

204) Солтанъ—3; Юрій—2; Андрей—4.

205) Андрей Тимоѳеевичъ—14; Петръ—1 коня.

206) Андрей Михайловичъ—5; Иванъ—5.

207) Василій и Богданъ Любецкіе—15 коней; Димитрій Романовичъ Виденицкій—3 коня.

208) Иванъ—2; Василій—1; Ѳедоръ 1 коня.

209) Княгиня Корецкая—12 коней; князь Иванъ Масальскій Корецкій—8 коней.

210) Кн. Иванъ—1 коня; Григорій—1 коня; Григорій Ивановичъ—1 коня.

821 коня),—на 36 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ паны и земяне (245 семей), составлявшіе хоругвь земли Дорогицкой (всего они выставляли 732 коня), на 56 ратниковъ больше чѣмъ князья, бояре и мѣщане (194 владѣльца), составлявшіе хоругвь Полоцкой земли (всего они выставляли 712 ратниковъ), и на цѣлыхъ 80 ратниковъ больше, чѣмъ всѣ земяне и бояре (1995 владѣльцевъ), составлявшіе хоругвь Бѣльскаго повѣта (выставляли всѣ вмѣстѣ 688 коней). Одинъ панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ сыномъ выставлялъ съ своихъ имѣній на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы (331 человѣкъ), составлявшіе хоругвь Вилкомирскаго повѣта (выставляли 402 ратника) и приблизительно въ $7\frac{1}{2}$ разъ болѣе всѣхъ бояръ и мѣщанъ (59 человѣкъ) служившихъ подъ хоругвью Витебской земли и выставлявшихъ въ общей сложности 91 ратника. Одинъ панъ Станиславъ Станиславовичъ Кезгайло выставлялъ ратниковъ только на пять человѣкъ меньше, чѣмъ всѣ бояре (364 владѣльца), составлявшіе хоругвь Ошменскаго повѣта, и на 21 ратника болѣе, чѣмъ всѣ бояре (255 землевладѣльцевъ), служившіе подъ хоругвью повѣта Новгородскаго (выставляли 350 коней) и т. д., и т. д. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы продолжить это сравненіе прилагаемъ здѣсь данныя о числѣ землевладѣльцевъ и выставляемыхъ ими ратниковъ подъ другими повѣтовыми хоругвями [211]). Изъ сравненія наглядно обнаруживается, какими

---

[211]) 114 бояръ *Мѣдницкаго* хоружства выставляли 139 коней; 34 владѣльца *Мѣнскаго* повѣта—79 коней; 13 бояръ *Аинскаго* повѣта—14 коней; 80 бояръ *Лидскаго* повѣта—86 коней; 19 бояръ *Марковскаго* повѣта—27 коней; 40 князей и бояръ *хоружства Кревскаго и Свирскаго*—96 коней; 222 боярина *Рудоминскаго* хоружства—329 коней; 49 бояръ *Мемижскаго* хоружства—92 коня; 188 бояръ и слугъ путныхъ *Керновскаго* повѣта—262 коня; 55 бояръ хоружства *Мойшакгольскаго*—98 коней; 166 бояръ *Пенянскаго* хоружства—169 коней; князья и бояре *Гедройтскіе*, 84 персоны,—234 коня; 25 бояръ *Судеревскихъ*—47 коней; 23 боярина *Неменчинскаго* повѣта—40 коней; 21 бояринъ *Оникштенскаго* повѣта—24 коня; 15 бояръ *Браславскаго* повѣта—32 коня; 314 бояръ *Ковенскаго* хоружства—321 конь; 56 бояръ *Жижморскаго* повѣта—116 коней; 135 бояръ *Сомилишскаго* хоружства—151 конь; 45 бояръ *Лепунскаго* хоружства—46 коней; 111 бояръ *Высокодворскаго* хоруж.—117 коней; 238 бояръ *Ейшишскаго* хоружства—263 коня; 118 бояръ *Радуньскаго* повѣта—122 коня; 26 бояръ *Перелайскихъ*—26 коней; 17 бояръ *Коневскихъ*—17 коней; 31 бояр. *Дорсунишскаго* повѣта—31 конь; 32 бояр. *Вирштанскаго* хоружства—32 коня; 49 землевладѣльцевъ *Мерецкаго* хоружства—59 коней; 96 бояръ *Василишскаго* хоружства—193 коня; 69 бояръ *Остринскаго* хор.—73 коня; 36 бояръ *Жолуд-*

крупными величинами были въ окружавшемъ ихъ обществѣ княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набиралась рада великаго княжества Литовскаго. Эти князья и паны дѣйствительно, а не по одному только титулу, были «вельможными», настоящими «магнатами» среди окружавшей ихъ землевладѣльческой мелкоты, такими же reguli, homines praepotentes, viri famosi, какими были ихъ предки въ XII—XIII в., тѣми же «баронами», какими были ихъ прадѣды, дѣды и отцы въ XIV и XV в., а со времени выдачи привилея 1447 г., предоставившаго въ ихъ руки государственную власть надъ нанесеніемъ ихъ имѣній, даже и болѣе того.

Итакъ, великокняжеская рада при Казимирѣ и его сыновьяхъ набиралась преимущественно изъ извѣстнаго круга князей и пановъ потому, что эти князья и паны были самыми крупными землевладѣльцами, самыми знатными, сильными и вліятельными людьми въ литовско-русскомъ обществѣ. До какой степени этотъ факторъ дѣйствовалъ при подборѣ членовъ господарской рады, видно изъ того, что обѣднѣвшія, хотя бы и знатныя фамиліи, переставали ставить господарю совѣтниковъ, которые набирались изъ новыхъ, но непремѣнно уже богатыхъ фамилій. Такимъ образомъ, напр., перестала посылать своихъ представителей въ господарскую раду знатная волынская фамилія Кирдѣевъ. Кирдѣи въ XV в. принадлежали къ крупнымъ землевладѣльцамъ Волынской земли и имѣли мѣсто и въ радѣ Свидригайла, и въ

скаго повѣта—36 коней; 189 бояръ *Городенскаго* повѣта—243 коня; 216 бояръ *Волковыйскаго* повѣта—248 коней; 32 боярина *Слонимскаго* повѣта—96 коней; 44 боярина *Каменецкаго* повѣта—69 коней; 106 земянъ *Берестейскаго* повѣта—165 коней; 294 бояр. *Упитскаго* повѣта—379 коней; 51 бояр. *Троцкаго* хоружства—55 коней; 43 боярина *Курклевскаго хоружства*—69 коней. Литовскіе татары выставляли: 75 владѣлецевъ *хоружства князя Ивана*—126 коней; 96 татаръ *Абрагимова* хоружства—118 коней; 53 человѣка *хоружства князя Сейдчала*—82 коня; 116 татаръ *хоружства Ахметъ-Влана Санчуковича*—139 коней; 78 татаръ *хоружства* Олишкова—85 коней; 24 *Новгородскихъ* татарина—51 конь; 38 татаръ *хоружства Банна Сенковича*—66 коней. Земяне *Мельницкаго* хоружства, 36 семей, выставляли 116 коней; 89 бояръ *Пинскаго* повѣта—102 коня; 49 бояръ и татаръ *Клецкаго* повѣта—57 коней; 19 бояръ и татаръ *Городецкаго* повѣта—21 конь; 3 бояръ и слугъ путныхъ *Рогачовскихъ*—3 коня; 30 бояръ *Кобринскаго* повѣта—83 коня; 8 бояръ *Грушовскихъ и Черевачицкихъ*—14 коней; 1748 бояръ изъ 24 волостей *Жмудской земли* выставляли въ общей сложности 1839 коней. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ 1. Эта книга, сколько намъ извѣстно, напечатана Археографическою Коммиссіею и выйдетъ въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

радѣ Казимира. Но въ 1529 году эта фамилія выставляла въ поле уже всего 7 коней; ясное дѣло, что она захудала, разорилась и потому потеряла свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ великаго княжества. Присматриваясь теперь къ тѣмъ homines novi, которые проскальзываютъ въ среду пановъ радныхъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, открываемъ, что и эти лица выходятъ большею частью изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ, выдающихся изъ средняго уровня. Такъ, конюшимъ дворнымъ при Казимирѣ является Михаилъ *Вагановскій* изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Берестейскаго повѣта (его сынъ Ѳедоръ въ 1529 году выставлялъ съ своего родового имѣнья Ваганова 19 коней) [212]) маршалокъ Александра и Сигизмунда Немира *Грималичъ* вышелъ также изъ крупныхъ сравнительно землевладѣльцевъ Подляшья (въ 1528 году двое землевладѣльцевъ изъ этого рода, Немира и Щастный, выставляли 44 коня); подскарбій земскій Сигизмунда Иванъ *Горностай* вышелъ изъ рода старшихъ кіевскихъ бояръ, въ 1528 году выставлявшаго 26 коней (самъ Иванъ—22 и братъ его Онкей—4); хоружій дворный Сигизмунда Иванъ Савичъ *Корсакъ* вышелъ изъ богатой, хотя и сильно разросшейся, полоцкой боярской фамиліи Корсаковъ (по переписи 1528 г. 16 землевладѣльцевъ этой фамиліи выставляли 275 коней изъ всѣхъ 712 коней, которыхъ выставляла Полоцкая земля); маршалокъ и секретарь Сигизмунда Михаилъ Васильевичъ *Копоть* вышелъ тоже изъ «старшихъ» бояръ Витебской земли и въ 1528 году выставлялъ 38 коней; *Янъ Стецковичъ*, маршалокъ Александра и Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи Цыбулька, ставившей по переписи 1528 года 39 коней (Янъ—30 коней; Станиславъ 6; Матей 3); Янъ *Завишичъ*, подстолій и затѣмъ стольникъ Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, бывшей въ состояніи выставлять въ 1528 году 63 коня (самъ Янъ—29, братъ его Юрій—34); кухмистръ и мечникъ Сигизмунда Юрій Миколаевичъ *Едко* вышелъ изъ фамиліи, ставившей въ 1528 году 29 коней; Миколай Михновичъ *Рачковичъ*, маршалокъ и секретарь Сигизмунда, вышелъ изъ фамиліи, въ 1528 году выставлявшей 23 коня; Юрій Войтеховичъ *Носиловскій*, въ концѣ царствованія Сигизмунда сдѣлавшійся воеводою Витебскимъ, вышелъ изъ рода, съ котораго въ 1528 г. шло 56 коней (съ 6 владѣльцевъ).

Теперь мы можемъ объяснить и фактъ преобладанія въ радѣ господарской князей и пановъ литовскаго происхожденія. Это преобладаніе объясняется именно тѣмъ, что главнымъ образомъ въ собственной

---

[212]) См. областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 181.

Литовской землѣ создалось и держалось крупное землевладѣніе, здѣсь народилась и выросла крупная землевладѣльческая аристократія, съ теченіемъ времени охватившая своими владѣніями и области—аннексы. Литовско-русскій господарь въ разсматриваемое время набиралъ себѣ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ изъ князей и пановъ литовскаго происхожденія не потому, что они были литовцы и католики, а потому, что они были самые богатые и знатные землевладѣльцы. Какъ скоро находились таковые среди русскихъ князей и бояръ, онъ привлекалъ и ихъ къ совѣту и правительственному сотрудничеству, и мы видѣли, что нѣкоторые первостепенные паны радные при Казимирѣ и его сыновьяхъ вышли изъ среды русскихъ князей и бояръ. Да иначе и быть не могло. Не нужно забывать того, что въ то время не было постоянныхъ окладовъ для членовъ господарской рады. Ихъ вознаграждали отдѣльными «дачами», раздававшимися по усмотрѣнію господаря [213]), и пожалованіемъ староствъ и державъ. При такихъ условіяхъ и участіе въ господарской радѣ, особенно на первыхъ порахъ, въ званіи маршалка или какого нибудь придворнаго сановника въ родѣ подстолія или крайчія, было не однимъ почетнымъ отличіемъ, но и «накладною» службою, требовавшею значительной предварительной затраты собственныхъ средствъ (въ особенности, если примемъ еще въ разсчетъ кочевой образъ жизни литовскаго двора, эти постоянные переѣзды по государству, частые сеймы и т. д.). Но эта затрата могла быть подъ силу только состоятельнымъ фамиліямъ.

Зная преобладающій составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, мы можемъ объяснить себѣ, почему не получило въ ней мѣста высшее православное духовенство. Одной католической нетерпимости едва ли достаточно для объясненія факта. Мотивъ этотъ былъ достаточно силенъ только на первыхъ порахъ, при Ягайлѣ и Витовтѣ и, быть можетъ, при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Но затѣмъ, съ того времени, когда западнорусская церковь начала обнаруживать наклонность къ подчиненію папѣ, этотъ мотивъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и едва ли оказался бы въ состояніи самъ по себѣ, безъ содѣйствія другого фактора, преградить православнымъ архіереямъ доступъ въ раду господарскую. Этимъ факторомъ мы считаемъ относительную бѣдность и незнатность русскихъ архіереевъ. Католическіе бискупы выходили большею частью изъ тѣхъ же князей и пановъ, изъ какихъ набирались и ихъ свѣтскіе коллеги по господарской радѣ. Они

---

[213]) См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15; Литов. Метр. кн. Запис. IV.

ѣли не только свой «духовный хлѣбъ», но и «хлѣбъ» доставлявшійся имъ съ ихъ обширныхъ свѣтскихъ имѣній. При такихъ условіяхъ они легко могли состоять и членами государственнаго совѣта великаго княжества, имѣя свои каѳедры въ Мѣдникахъ, Луцкѣ и Кіевѣ, проживать въ Вильнѣ и переѣзжать за господаремъ по разнымъ замкамъ и дворамъ. Они чувствовали себя въ своей средѣ, и среда эта видѣла въ нихъ своихъ людей, которые не пестрили ея. Православные архіереи выходили большею частію изъ мелкаго люда, изъ духовенства или простонародья, мѣщанъ и крестьянъ, и изрѣдка изъ мелкой или средней шляхты. Какъ на исключеніе, можно указать только на владыку Смоленскаго, сдѣлавшагося митрополитомъ, Іосифа Солтана, происходившаго изъ фамиліи, хотя и не первостепенной, пановъ-радныхъ. Но большинство русскихъ архіереевъ,—всѣ эти Глѣзны, Болгариновичи, Пестручи, Окушковичи-Боскіе и т. д.—невѣдомые люди, поднявшіеся на архіерейскія каѳедры своими личными качествами и заслугами, а не знатностью и богатствомъ. Они питались исключительно своимъ «духовнымъ хлѣбомъ», который, надо полагать, не былъ обильнѣе хлѣба католическаго духовенства, получавшаго въ числѣ другихъ доходовъ «десятину» со многихъ господарскихъ и частновладѣльческихъ имѣній на Литвѣ, Жмуди, Подляшьѣ, Волыни и отчасти даже на «Руси». При такихъ условіяхъ и у литовско-русскаго господаря не могло являться побужденій къ привлеченію православныхъ архіереевъ въ свою раду, и сами они не могли туда особенно стремиться. По своему соціальному происхожденію и положенію они слишкомъ не подходили къ тому обществу, которое засѣдало въ лавицѣ рады господарской, и едва ли могли бы чувствовать себя хорошо среди богатыхъ, знатныхъ и проникнутыхъ спѣсью богатства и знатности католическихъ бискуповъ, князей и пановъ. Поэтому православные архіереи вполнѣ довольствовались частными приглашеніями на совѣщанія къ господарю, когда дѣло касалось ихъ «правъ духовныхъ» (чаще всего приглашался митрополитъ, проживавшій въ Вильнѣ или Новгородкѣ) [214]) и не стремились занять постоянныя мѣста въ радѣ господарской. Эти стремленія православная іерархія обнаружила въ то время, когда до епископскихъ каѳедръ какъ до хлѣбныхъ мѣстъ, добралась знатная русская и даже литовская шляхта, когда епископіи стали получать Гулевичи [215]), Борзобогатые-Крас-

[214]) Акты Зап. Рос. II, № 67, 212.

[215]) Въ 1541 году король Сигизмундъ «за причиною» королевы Боны, князей и пановъ Волынской земли «осмотрѣлъ» хлѣбомъ духовнымъ пана Ѳеодора Гулевича, далъ ему епископью Луцкую и Острожскую. Гулевичъ умеръ въ 1548 г.

ненскіе [216]), Жоравницкіе [217]), Протасовичи [218]), Корсаки, Воловичи [219]) и Хребтовичи по чьему либо ходатайству и въ видѣ вознагражденія за государственную службу,—когда на епископскія каѳедры стали выдаваться «экспектативы», когда изъ за нихъ стали вестись даже войны и заключаться договоры и т. д. «Шляхотные» и «борзобогатые» владыки и стали скучать тою скромною политическою ролью, которая отводилась

(Литов. Метр. кн. Зап. XXIV, л. 107, 108; Акты Зап. Рос. Ш, № 7). Его сынъ Михаилъ 4 ноября 1554 года получилъ отъ Сигизмунда-Августа привилей «на владыцтво Луцкое або Володимерское зъ Берестейскимъ, которое бы се первей отворило» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVШ, л. 65).

[216]) Борзобогатые-Красненскіе попали въ среду Волынскихъ пановъ изъ богатыхъ Красноставскихъ мѣщанъ. Въ 1546 году Сигизмундъ-Августъ выдалъ Олехну Борзобогатому привилей «на епископью Володимерскую або Луцкую по смерти владыки которого». (Литов. Метр. кн. Зап. XXX, л. 66). Въ 1548 году привилей на каѳедру Владимірскую получилъ его братъ Иванъ Яцковичъ, который, однако, не посвятился въ духовное званіе. По жалобѣ князей, пановъ и земянъ Волынской земли на то, что онъ расточаетъ церковныя имѣнья, король отнялъ у него владычество и отдалъ Іосифу. Іосифъ отказался въ 1562 году отъ каѳедры по старости, и король, по ходатайству воеводы Виленскаго отдалъ епископью Владимірскую снова Борзобогатому, бывшему въ то время ключникомъ, городничимъ, мостовничимъ Луцкимъ, справцею мытъ коморы Волынской. Борзобогатый и на этотъ разъ не принялъ духовнаго сана. Въ 1564 году его позвалъ на судъ короля владыка Холмскій Ѳеодосій, получившій на Владимірскую епископью «экспектативу» раньше Борзобогатаго. На судѣ между ними состоялось полюбовное соглашеніе: Ѳеодосій уступилъ каѳедру за 1000 золотыхъ (считая по 30 грошей въ золотомъ, а въ грошѣ по 8 пенязей «бѣлыхъ»). Борзобогатый не исполнилъ «угоды», и Ѳеодосій въ 1565 году съ 2500 человѣкъ и 9 пушками взялъ замокъ Владимірскаго епископа и выгналъ оттуда Борзобогатаго. Послѣдній въ 1568 г. сдѣлался Луцкимъ епископомъ. См. *И. Чистовича* Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви, часть I, стр. 165, 174; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 153—155; Литов. Метр. кн. XLIV, л. 66, 67; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 371—376, 424—426.

[217]) Панъ Маркъ Васильевичъ Жоравницкій получилъ отъ короля привилей «на владыцтво Луцкое» до живота 16 мая 1559 года (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVШ, л. 208, 209).

[218]) Изъ этого рода выслужившихся бояръ Пинскихъ (см. Boniecki, str. 236) происходилъ *Іона*, сдѣлавшійся митрополитомъ въ 1568 году.

[219]) Въ 1558 году марта 18 король пожаловалъ пану Глѣбу Ивановичу Корсаку архіепископью Полоцкую за его службу и по просьбѣ воеводы и бояръ Полоцкихъ (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVП, л. 139, 140). Его преемникомъ былъ Григорій Марковичъ *Воловичъ* (кн. Запис. XLIV, л. 64, 65). См. *И. Чистовича* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, стр. 155, 156.

доселѣ ихъ предшественникамъ. Поэтому на Городенскомъ сеймѣ 1568 года митрополитъ Іона и подалъ просьбу, чтобы и владыки греческаго закона, по примѣру князей бискуповъ «римскаго послушенства» одержали «мѣстцо и вотумъ» въ радѣ господарской. Хотя митрополитъ и сослался при этомъ на «обычай звыклый», по которому имѣли мѣсто въ радѣ господарской его предшественники, но, какъ видно, это не представлялось господарю обычнымъ явленіемъ, и потому онъ отложилъ все дѣло «на иншій часъ» [220]). По актамъ разсматриваемой эпохи не видно, чтобы православные архіереи имѣли мѣста въ радѣ господарской. Они довольствовались тѣмъ участіемъ, которое отводилось имъ въ областномъ управленіи. Здѣсь имъ принадлежали первыя и почетныя мѣста въ совѣтахъ, дѣйствовавшихъ при главныхъ правителяхъ областей, а равно и на мѣстныхъ сеймахъ [221]). Но пока не произошло извѣстной аристократизаціи православной іерархіи, въ ея средѣ не зарождалось притязаній на болѣе высокую политическую роль, на участіе въ высшемъ общегосударственномъ управленіи.

Вышеприведенныя конкретныя данныя объ общественномъ положеніи нѣкоторыхъ княжескихъ и панскихъ фамилій вполнѣ объясняютъ намъ не только личный составъ господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, но и рѣшительный перевѣсъ, какой имѣла рада на великихъ вальныхъ соймахъ разсматриваемаго времени. Мы не станемъ удивляться тому, что рѣшающій голосъ на сеймахъ принадлежалъ панамъ радѣ, если примемъ во вниманіе, что ихъ сравнительно немногочисленныя фамиліи располагали такими же военными и матеріальными рессурсами, какими располагали всѣ остальные землевладѣльцы Литвы и объединенной съ ней Руси, являвшіеся лично на сеймъ или посылавшіе своихъ представителей, и больше, чѣмъ землевладѣльцы земель-аннексовъ, взятыхъ вмѣстѣ. По переписи 1528 года княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ выходили паны радные, выставляли въ общей сложности 7190 коней, на 21 коня больше, чѣмъ всѣ остальные князья, «значнѣйшая шляхта» и рядовое боярство изъ собственной Литовской земли и примыкавшей къ ней Руси, включенныхъ въ границы двухъ воеводствъ, Виленскаго и Троцкаго, и на 2023 человѣкъ болѣе, чѣмъ всѣ остальныя земли, взятыя вмѣстѣ, за исключеніемъ Кіевской, реестръ которой до насъ не дошелъ. Отсутствіе этого реестра, впрочемъ, не можетъ измѣнить вывода. Полагая даже, что

---

[220]) Акты Зап. Рос. III, № 43.

[221]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 864, 865, 869, 871.

Кіевская земля выставляла такую же сумму коней, какъ и Волынская,—что невѣроятно, ибо Кіевская земля въ то время была не въ примѣръ рѣже населена, чѣмъ Волынская,—получимъ такой итогъ для всѣхъ областей аннексовъ, который все таки далеко будетъ ниже общаго числа коней, выставлявшагося фамиліями князей и пановъ радныхъ. При томъ же часть въ этомъ итогѣ приходится на долю все тѣхъ же фамилій князей и пановъ (въ Полоцкой землѣ, и особенно Волынской, отчасти на Подляшьѣ), переписанныхъ вмѣстѣ съ другими землевладѣльцами земель. Понятно теперь, почему рѣшенія сейма обусловливались главнымъ образомъ голосами князей и пановъ-рады. Въ такихъ вопросахъ, напр., какъ вопросы о начатіи или продолженіи войны, раскладкѣ серебщины или обложеніи военною повинностью, князья и паны рада съ княжатами и панятами бросали на вѣсы не только свой правительственный авторитетъ, но и свои «почты» и свои «пенязи». Естественно, что господарь больше всего внималъ и слѣдовалъ голосу этихъ князей и пановъ, которые по временамъ въ состояніи были вести войну своими собственными средствами, «безъ жадного способу» другихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, какъ это было, напр., въ 1519 году (стр. 215). Естественно затѣмъ, что эти послѣдніе, пока не сблизились и не сплотились въ солидарный общественный классъ, большею частью слѣдовали за своими «старшими братьями», а если по временамъ и обнаруживали противодѣйствіе, то не всегда съ успѣхомъ (см. выше стр. 218, 220).

Знакомство съ общественнымъ положеніемъ фамилій, изъ которыхъ набиралась господарская рада, помогаетъ уясненію и того значенія, которое съ теченіемъ времени пріобрѣла господарская рада внѣ великаго вальнаго сойма въ своихъ отношеніяхъ къ господарю. Состоя изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, въ рукахъ которыхъ находилась большая военная сила и денежныя средства, а также и государственная власть надъ многочисленнымъ населеніемъ ихъ имѣній (со времени изданія земскаго привилея 1447 года), господарская рада носила въ себѣ тенденцію стать болѣе, чѣмъ простымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при господарѣ. Эта тенденція при благопріятныхъ обстоятельствахъ повела къ превращенію рады въ учрежденіе, раздѣлявшее съ господаремъ верховную власть и формально его ограничивавшее.

§ 4.

Господарская рада въ первоначальномъ значеніи своемъ была совѣтомъ, къ содѣйствію котораго великій князь обращался, *когда чувствовалъ въ этомъ нужду*, при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ

вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія. Такое значеніе имѣла господарская рада при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ. Такое же значеніе господарская рада сохраняла отчасти и при Казимирѣ. По совѣту съ панами радою Казимиръ велъ внѣшнюю политику, заключалъ договоры, давалъ «отказы» на присылаемыя къ нему посольства. Такимъ образомъ, напр., сообща съ панами радою Казимиръ заключилъ союзный договоръ съ Молдавскимъ воеводою Ильею въ 1442 году [222]). Выслушавъ рѣчи Псковскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ августѣ 1480 года въ Троки, Казимиръ отвѣчалъ имъ: «о всемъ томъ хочемъ номыслити съ паны радою нашою, и своимъ посломъ откажемъ» [223]). По совѣту съ панами радою Казимиръ жаловалъ и подтверждалъ различнымъ лицамъ крупныя имѣнья. Такимъ образомъ, напр., въ 1442 году онъ пожаловалъ пану Дениску Мукосѣевичу Збаражъ съ прилегающими селами въ пожизненное владѣніе, «погадавши съ князьми, съ рицеры—съ паны, со всею радою» [224]). Въ 1450 году онъ утвердилъ за панами Олизаромъ Шиловичемъ и Немирою Резановичемъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ имѣній, выслуженныхъ ими у Свидригайла,—«подумавши съ князьми и паны, съ вѣрною радою» [225]). Важнѣйшія судебныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны были интересы сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, или которыя были новыми казусами, требовавшими тщательнаго разсмотрѣнія и авторитетнаго рѣшенія, Казимиръ также рѣшалъ, совѣщаясь съ панами радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1456 году Казимиръ совмѣстно съ панами радою разсматривалъ жалобу Полоцкихъ мѣщанъ, городскихъ бояръ и черныхъ людей на бояръ, которые будто бы мало, не соразмѣрно съ своимъ достаткомъ, помогали имъ въ платежѣ субсидій, требовавшихся на государственныя нужды со всего мѣста Полоцкаго, при чемъ не приносили установленной присяги. Казимиръ съ панами радою не только постановилъ извѣстное рѣшеніе по этой жалобѣ, но и выдалъ рядъ другихъ предписаній, имѣвшихъ цѣлью урегулировать взаимныя отношенія между различными классами Полоцкой общины [226]).—Въ 1459 году

---

[222]) «И слюбили есмо и цѣловали (крестъ), зъ нашыми паны и зъ нашою радою, съ нимъ быти у прыязни и въ единачествѣ»,—гласитъ договорная грамота Казимира. См. Акты Зап. Рос. I, № 40, II.

[223]) Акты Зап. Рос. I, № 74, II.

[224]) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 73.

[225]) Акты Зап. Рос. I, № 53, 54. Срав. также Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28, 29.

[226]) Акты Зап. Рос. I, № 60.

Казимиръ съ панами радою судилъ княгиню Марью, жену кн. Андрея Владимiровича, тягавшуюся съ своею племянницею изъ-за имѣнья Полозовичей, и присудилъ это имѣнье племянницѣ»[227]).—Въ 1483 году 17 апрѣля Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ князей Андрея и Семена Ивановичей къ Полоцкому намѣстнику Богдану Андреевичу объ имѣньяхъ Даниловичахъ, Дуровичахъ и Волосовичахъ, выслуженыхъ отцомъ Богдана у князя Свидригайла, и присудилъ имѣнья пану Богдану[228]).—Въ слѣдующемъ 1484 году 25 августа Казимиръ съ панами радою разбиралъ тяжбу князя Семена Ивановича Владимiровича (Бѣльскаго) съ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ объ имѣньяхъ Айнѣ, Могильной, Словенскѣ, Ильменицѣ и Полоной, на которыя первый объявлялъ притязанія, какъ племянникъ прежняго владѣльца ихъ—кн. Андрея Владимiровича, а второй, какъ мужъ его внуки; Казимиръ присудилъ имѣнья женѣ кн. Ивана Семеновича[229]).—Въ 1486 году 24 мая Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ игумена Архангельскаго монастыря въ Смоленскѣ къ окольничію Борису Семеновичу, отецъ котораго выпросилъ у Казимира монастырское селище Мокѣевское, утаивъ, что оно церковное. Казимиръ рѣшилъ тяжбу въ пользу монастыря [230]).—Въ 1490 году 30 марта Казимиръ съ панами радою разсматривалъ искъ Смоленскаго владыки Іоакима къ писарю Ваську Басѣ, получившему отъ короля имѣнье Погоновичи, въ которомъ прежняя владѣлица, вдова Богдана Свирунича Настасья, записала на церковь 5 человѣкъ и «мутвицу» на Колоднѣ. Казимиръ отказалъ владыкѣ въ искѣ на томъ основаніи, что Настасья по смерти мужа не имѣла права распоряжаться его имѣньемъ [231]). Въ сложныхъ и запутанныхъ дѣлахъ приходилось не только рѣшать данный казусъ, но и устанавливать преюдикатъ, который долженъ былъ служить руководствомъ и на будущее время,—другими словами: не только судить, но и законодательствовать. По этому къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ Казимиръ и считалъ нужнымъ привлекать свою раду.

Но сохраняя значеніе вспомогательнаго учрежденія, къ содѣйствію котораго господарь прибѣгалъ при обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и внутренняго управленія, господарская

---

[227]) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 72, II.

[228]) Акты Зап. Рос. I, № 81.

[229]) Акты Зап. Рос. I, № 85.

[230]) Тамъ же, № 87.

[231]) Тамъ же, № 70. Относительно даты акта см. Senatorowie i dygnitarze, str. 57.

рада при Казимирѣ на ряду съ этимъ, какъ было уже указано выше, пріобрѣла значеніе самостоятельнаго учрежденія, представлявшаго собою въ отсутствіе господаря высшее правительство страны. Дипломатическими сношеніями въ отсутствіе господаря стала завѣдывать рада великаго княжества. Ей же стало принадлежать и распоряженіе военными силами государства. Паны-рада стали раздавать даже имѣнья военнослужилымъ людямъ [232]), творить высшій судъ и т. д. Значеніе рады, какъ самостоятельнаго учрежденія, пошло даже далѣе простого замѣстительства господаря въ его отсутствіе, подъ его верховнымъ надзоромъ и руководствомъ. Рада стала при Казимирѣ не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго, который взялъ на себя попеченіе объ его интересахъ и защиту ихъ не только отъ посягательствъ извнѣ, но и отъ возможнаго нарушенія со стороны самого господаря, бывшаго одновременно и великимъ княземъ Литовскимъ, и королемъ Польскимъ. Такую роль играла рада въ эпоху продолжительнаго конфликта съ Польшею, въ которомъ Казимиръ не прочь былъ по временамъ становиться на сторону Поляковъ. Только энергіи и патріотизму пановъ-рады удалось отстоять цѣлостность и самобытность великаго княжества. Личная унія, установившаяся при Казимирѣ между Литвою и Польшею, поставила на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества господарскую раду преимущественно и тѣмъ способствовала ея эмансипаціи отъ господаря, пріобрѣтенію ею извѣстной самостоятельности и независимости. Благодаря этой уніи паны-рада изъ господарскихъ совѣтниковъ выросли во «властелей» великаго княжества, которые стали считать себя настоящими его хозяевами и распорядителями его судебъ [233]).

---

[232]) Въ записи земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: «Васку Радивоновичю десеть чоловековъ к отъчине его придал княз бискупъ, а панъ Довкгирдъ. Сопега». См. Документы Москов. Архива Мин. Юст., т. I, стр. 8.

[233]) Этимъ сознаніемъ проникнута полная литовско-русская лѣтопись, напечатанная Нарбутомъ (см., напр., Pomniki do dziejów litewskich, str. 57). Вся начальная исторія Литвы въ этой лѣтописи обнаруживаетъ стремленіе составителя доказать, что знатнѣйшіе панскіе роды на Литвѣ одинаковаго происхожденія съ великокняжескою династіею и вообще съ княжескими литовскими родами, что паны издавна распоряжались судьбами государства, выбирали великихъ князей и т. д. Такимъ образомъ, напр., по его генеалогіи выходитъ, что великокняжеская династія ведетъ происхожденіе отъ того же рода Колюмновъ, отъ котораго происходятъ и Гаштольды (Pomniki, str. 4, 13). Ихъ общій предокъ Прешпоръ Цезаринусъ при-

По смерти Казимира порвалась та личная унія, которая существовала при немъ между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою, и Литва получила для себя особаго, отдѣльнаго отъ Польши государя въ лицѣ Александра Казимировича. При такомъ условіи радѣ великаго княжества предстояло вернуться къ своей первоначальной роли совѣщательнаго учрежденія при господарѣ. Но паны-рада уже слишкомъ привыкли чувствовать себя и распоряжаться, какъ самостоятельные хозяева въ государствѣ, и потому никакъ не могли помириться съ тою подчиненною ролью, которая ихъ ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княженіе, они воспользовались случаемъ для того, чтобы оградить юридически пріобрѣтенное ими политическое значеніе и ограничить формально власть великаго князя въ свою пользу. По ихъ настоянію великій князь Александръ не только подтвердилъ обывателямъ великаго княжества различныя права и вольности, пожалованныя его предшественниками и суммированныя въ земскомъ привилеѣ 1447 года, но и «отъ своей щедрости», какъ выражается его грамота, придалъ къ нимъ новыя права и вольности. Эти права и вольности содержали цѣлый рядъ ограниченій великокняжеской власти совѣтомъ и согласіемъ пановъ-рады.—Александръ обязался вести дипломатическія сношенія съ иностранными государствами не иначе, какъ по совѣщанію съ панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. Въ дѣлахъ внутренняго управленія великій князь прежде всего обязался помимо пановъ-рады не измѣнять и не поправлять ничего, что уже было постановлено имъ вмѣстѣ съ панами-радою; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ не держать на нихъ за это гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Затѣмъ Александръ обязался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и безъ совѣта съ панами-радою, раздавать державы по представленію воеводъ, а въ украинныхъ областяхъ по совѣщанію съ панами-радою; всѣ доходы съ мытъ, корчомъ, судныхъ штрафовъ, или винъ, и другіе обращать на государственныя

шелъ въ Литву въ составѣ дружины Палемона изъ Италіи; къ составу этой дружины принадлежали Довспрункъ, герба Китоврасовъ (Hippocentaurus), родоначальникъ князей Гедройтскихъ и Гольшанскихъ, Юліанъ герба Урсиновъ, отъ котораго пошли Довойны, Таурусъ герба Розъ, отъ котораго пошли Монивиды (str. 1, 4, 11) и т. д. «Паны», по его разсказу, выбирали великихъ князей послѣ прекращенія династіи Палемона, по смерти Тройдена изъ династіи Довспрунка и т. д. (str. 10, 13).

нужды по совѣту пановъ-рады и не расходовать ихъ безъ надобности, не вывозить изъ страны безъ воли пановъ-рады. Наконецъ, привилей 1492 года утверждалъ и участіе пановъ-рады въ господарскомъ судѣ при разбирательствѣ важныхъ дѣлъ (causae graues) [234]).

Всѣ эти ограниченія великокняжеской власти подтверждены были и въ земскомъ привилеѣ, выданномъ преемникомъ Александра, Сигизмундомъ, въ 1506 году. Этотъ привилей даже яснѣе и категоричнѣе, чѣмъ привилей 1492 года, подтверждалъ непремѣнное участіе пановъ-рады въ законодательствѣ. Земскій привилей 1492 года устанавливалъ только, что господарь не властенъ единолично измѣнять постановленія, сдѣланныя имъ совмѣстно съ панами-радою, а только съ совѣта и согласія пановъ-рады; но привилей не говорилъ прямо, что господарь обязанъ всѣ важнѣйшія постановленія дѣлать непремѣнно совмѣстно съ панами-радою. Привилей Сигизмунда устранилъ эту недомолвку: на основаніи его всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленныя ко благу государства, должны издаваться не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи съ панами-радою, съ ихъ вѣдома, совѣта и согласія [235]). Позже, въ Статутѣ 1529 года Сигизмундъ, сверхъ всѣхъ этихъ обязательствъ, далъ еще новое—выдавать привилеи на вѣчное владѣніе («на вечную реч») только въ бытность свою на вальномъ сеймѣ съ панами-радою («олижъ кгды будемъ весполокъ с папы радами нашими на валномъ соймп») [236]).

Итакъ, съ теченіемъ времени господарская рада стала самостоятельнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, которое стало охранять государственные интересы великаго княжества отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ, которое ограничило власть господаря и изъ его помощника превратилось въ равноправнаго товарища и носителя верховной власти. Но быть можетъ, этотъ переворотъ произошелъ только на бумагѣ, въ земскихъ привилеяхъ, а не въ жизни, какъ это не разъ случалось съ разными конституціями? Утвержденіе въ этомъ родѣ было высказано въ исторической литературѣ покойнымъ проф. С. А. Бершадскимъ въ его изслѣдованіи о литовскихъ евреяхъ. Поэтому намъ необходимо остановиться на немъ и провѣрить, насколько оно согласуется съ данными источниковъ.

---

[234]) Zbiór praw litewskich, str. 61—66.

[235]) Zbiór praw litewskich, str. 98; Acta Tomiciana I, app. № 8; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 391, 392.

[236]) Раздѣлъ I, артикулъ 25.

Констатировавъ ограниченія великокняжеской власти въ земскихъ привилеяхъ 1492 и 1506 годовъ, Бершадскій говоритъ: «Ограниченія великокняжескихъ правъ, находящіяся въ земской привилегіи Александра, не перешли, однако, въ жизнь. Не только король Сигизмундъ, но и самъ Александръ отдаютъ таможенные откупа, раздаютъ земли, принимаютъ отчеты отъ мытниковъ и проч. безъ всякаго участія пановъ радъ. Въ царствованіе Сигизмунда I еще яснѣе можно видѣть, что стремленія Литовскихъ магнатовъ къ обращенію Литовскаго княжества въ аристократическую республику, а В. Князя въ предсѣдателя Рады не осуществились. В. Князь раздаетъ высшія и низшія должности, не испрашивая совѣта пановъ Радъ, какъ того требуетъ земская привилегія 1492 года... Какъ въ старину, одному только В. Князю принадлежатъ права на открытіе ярмарокъ, торговъ, постройку корчомъ, мостовъ, перевозовъ и пр. Установленіе и взиманіе таможенныхъ пошлинъ какъ на границахъ, такъ и внутри государства, а равно и отдача этихъ пошлинъ на откупъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ прерогативъ В. князя. Доходы съ откуповъ, монетнаго дѣла и вообще королевскихъ регалій собираются и расходуются по королевскому усмотрѣнію. Король и его подскарбій распоряжаются этимъ дѣломъ безотчетно, какъ это, напр., видно изъ того, что откупныя контракты выдаются отъ имени Короля и за скрѣпою только королевскаго секретаря... То же слѣдуетъ сказать и о монетной регаліи. Чеканка монеты разсматривалась, какъ одинъ изъ личныхъ доходовъ В. Князя, и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ В. князья поручали, по своему усмотрѣнію то частнымъ лицамъ, то кому либо изъ земскихъ членовъ, иногда же отдавали чеканку монеты на откупъ... Точно также въ безотчетное распоряженіе В. Князя поступали: какъ разъ навсегда опредѣленные, огульные, денежные взносы съ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, такъ чинши и поборы натурою съ небольшихъ городовъ, не имѣвшихъ магдебургскаго права. Къ этимъ же источникамъ доходовъ должны быть причислены сверхъ того исключительное Вел. Князя право разрѣшать основаніе и постройку монастырей, костеловъ, церквей, синагогъ и мечетей, а равнымъ образомъ назначеніе къ нимъ, въ особенности же къ монастырямъ, настоятелей, архимандритовъ и проч., или, какъ выражается литовское право, «подаванье хлѣбовъ духовныхъ... Пошлины съ суда, а также пени и штрафы отъ преступленій и проступковъ поступаютъ, по прежнему, въ В. княжескую казну... Не слѣдуетъ думать, что на В. княжескомъ судѣ участіе В. Князя было номинальное; нѣтъ, мы знаемъ изъ актовъ, что Рада, рѣшавшая дѣла въ отсутствіе В. Князя въ нарочно для того назначен-

ные сроки, обращалась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ къ рѣшенію В. Князя,—тоже было, если стороны подавали жалобу на самихъ пановъ Радъ или же вопросъ касался противорѣчія въ Вел. Княжескихъ привилегіяхъ... В. Князь не только безотчетно распоряжался государственными доходами и расходами, но и собираніе оныхъ производилось не членами Рады, а В. Княжескими чиновниками, т. е. «державцами и хорунжими», какъ показываетъ универсалъ Сигизмунда I отъ 18 марта 1508 г... В. Князь былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ В. Княжества. По его приказанію собиралось какъ земское ополченіе, такъ точно на его «послуги» и за его приказаніемъ нанимались въ службу иностранные полки, по королевскимъ распоряженіямъ содержались спеціальные роды войскъ, напр., въ замкахъ пушкари и постоянное замковое войско... Что касается законодательной власти, то здѣсь права В. Князя были фактически ограничены участіемъ «Рады» В. Княжества Литовскаго... Главное право Рады Вел. Княжества Литовскаго было совмѣстное съ В. Княземъ обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, безъ ограниченія какою бы то ни было областію. Соотношеніе правъ В. Князя и Рады въ сферѣ законодательства не было опредѣлено точнымъ образомъ: неизвѣстно также, насколько при изданіи того или иного закона В. Князь былъ связанъ согласіемъ Рады. Изъ дошедшихъ къ намъ актовъ мы можемъ заключить, что согласіе Рады требовалось безусловно лишь въ случаѣ назначенія чрезвычайныхъ податей, падавшихъ на имѣнья пановъ Радъ. Въ остальныхъ случаяхъ, согласіе или несогласіе Рады не имѣло для В. Князя юридическаго значенія. Вліяніе Рады было поэтому обусловлено не столько закономъ, сколько фактическимъ значеніемъ ея членовъ»[237]).

По поводу всей этой аргументаціи приходится прежде всего замѣтить, что она идетъ гораздо далѣе того, что содержится въ земскихъ привилеяхъ 1492 и 1506 г. Высказывая свои положенія, Бершадскій считается не столько съ тѣми прямыми ограниченіями великокняжеской власти, которыя устанавливаютъ названные привилеи, сколько со всѣми возможными ограниченіями ея, другими словами: оспариваетъ то, что привилеи и не утверждаютъ. Большинство его указаній таковы, что между ними и содержаніемъ земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. по существу нѣтъ противорѣчій, ибо эти привилеи вовсе не стремятся ограничить великокняжескую власть во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Таково, напр., указаніе Бершадскаго на то, что великій

---

[237]) *С. А. Бершадскаго* Литовскіе евреи, стр. 274—288. Спб. 1883.

князь начальствовалъ надъ военными силами страны. Привилеи 1492 и 1506 г. совершенно не касаются этого права господаря и не ставятъ ему въ этомъ отношеніи никакихъ препонъ. Тѣмъ ограниченіямъ великокняжеской власти, которыя содержатся въ названныхъ привилеяхъ, Бершадскій придаетъ такой общій смыслъ, котораго они не имѣли. Такъ, статью о раздачѣ пограничныхъ замковъ въ держаніе по совѣту съ панами радою, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія господаря при раздачѣ всѣхъ высшихъ и низшихъ должностей вообще и въ этомъ смыслѣ строитъ и свои возраженія, доказывающія, что ограниченія этого на практикѣ не было. Статью, ограничивающую господаря по части *расходовъ* государственныхъ средствъ, Бершадскій понимаетъ въ смыслѣ ограниченія финансовой власти господаря вообще и въ опроверженіе фактическаго значенія этого ограниченія приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, что великій князь единолично и по своему усмотрѣнію принималъ различныя мѣры къ полученію государственныхъ *доходовъ* и т. д.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, необходимо замѣтить, что съ чисто внѣшней стороны аргументація Бершадскаго покоится на шаткомъ основаніи. Бершадскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ единоличныхъ распоряженій господаря въ такихъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, на основаніи земскихъ привилеевъ 1492 и 1506 г. требовалось согласіе пановъ-рады. Эти примѣры Бершадскій извлекаетъ изъ тѣхъ записей Литовской Метрики, въ которыхъ не упоминается объ участіи рады въ томъ или другомъ распоряженіи господаря. Но ненужно забывать того, что эти записи далеко не всегда съ полною аккуратностью и точностью излагали тотъ или другой правительственный актъ. Писарь иногда вносилъ въ книгу только содержаніе правительственнаго распоряженія, не упоминая о томъ, въ какой обстановкѣ оно состоялось, при чьемъ участіи и въ чьемъ присутствіи (особенною краткостью отличаются записи расходовъ, сдѣланныхъ по распоряженію высшей власти). Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ-рады, каковой имѣютъ подлинные акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи.

Аргументація Бершадскаго представляется намъ несостоятельною и по существу дѣла. Возможно, что великій князь распоряжался иногда единолично въ такихъ вещахъ, гдѣ по смыслу привилеевъ 1492 и 1506 г. требовались совѣщаніе и соглашеніе съ панами-радою. Но чтобы доказать надлежащимъ образомъ свое положеніе о неограниченности власти литовско-русскаго господаря, Бершадскій долженъ былъ бы доказать, что господарь въ этихъ случаяхъ распоряжался не только

единолично, но и вопреки волѣ пановъ-рады. Но такого доказательства мы не находимъ у Бершадскаго. Что же показываютъ приводимые имъ примѣры единоличныхъ распоряженій великаго князя, если только они были дѣйствительно единоличныя? Эти примѣры показываютъ только то, что ни самъ господарь, ни паны-рада не понимали содержащихся въ привилеяхъ 1492 и 1506 г. ограниченій великокняжеской власти въ смыслѣ обязанности пановъ-рады постоянно участвовать въ распоряженіяхъ господаря, слѣдить, такъ сказать, за каждымъ шагомъ въ его правительственной дѣятельности. Привилеи гарантировали участіе пановъ-рады въ правительственной дѣятельности для обезпеченія государственныхъ интересовъ отъ возможнаго нарушенія ихъ господаремъ. Естественно, поэтому, что въ будничномъ текущемъ дѣлопроизводствѣ, шедшемъ по обычной колеѣ, господарь считалъ возможнымъ обходиться и безъ участія пановъ-рады, а паны-рада съ своей стороны не считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія распоряженія, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакого ущерба ни для нихъ самихъ, ни для государства. Высказывая свои соображенія, Бершадскій прилагаетъ къ литовскимъ панамъ ригористическую мѣрку современнаго конституціонализма, слишкомъ многаго требуетъ отъ нихъ, не по ихъ политической зрѣлости и развитости, не по степени того интереса, который они могли имѣть къ государственнымъ дѣламъ. Не нужно, кромѣ того, забывать, что ни господарь, ни паны-рада не жили постоянно въ Вильнѣ. Господарь проживалъ часто въ другихъ городахъ великаго княжества или въ Польшѣ, а паны-рада въ своихъ имѣньяхъ или въ замкахъ и дворахъ господарскихъ, находившихся въ ихъ держаньѣ. При такихъ условіяхъ нерѣдко случалось, что при господарѣ не было никого изъ пановъ радныхъ, и онъ по необходимости долженъ былъ распоряжаться единолично. Примѣры, приводимые Бершадскимъ, относятся къ текущей административной практикѣ великаго князя. Но онъ не указалъ ни одного закона, изданнаго великимъ княземъ безъ совѣта и соглашенія съ панами-радою. Съ своей стороны мы можемъ указать, что паны-рада, какъ только господарь своими единоличными распоряженіями нарушалъ по существу ихъ права, вступались и ограничивали великокняжескій произволъ. Великій князь Александръ позволилъ было себѣ отнять волость Лиду у пана Ильинича и передать эту волость Дрожжѣ, по ходатайству своего любимца кн. Михаила Львовича Глинскаго. «И панъ Ильиничъ,—разсказываетъ литовско-русская лѣтопись,—втекся до пановъ рады великого князства Литовского... И тыи вси панове подлугъ прывилья своего земского, што имъ король далъ, садечися на великое княженіе, и Лиды не поступили Дрожжы, простому

человику, а Ильнича пры ней зоставили, бо на то бачыли, ижъ въ прывилеи описано, ижъ никому не маеть чты и враду отняты, толко з гербомъ»[238]) Едва ли въ виду этого можно говорить, что ограниченія, содержащіяся въ земскомъ привилеѣ 1492 года не перешли въ жизнь. Самъ Бершадскій, наконецъ, долженъ былъ признать, что господарь всѣ важнѣйшіе вопросы обсуждалъ и рѣшалъ совмѣстно съ панами-радою.

Фактическія указанія и нѣкоторыя признанія, разсѣянныя въ источникахъ отъ эпохи Александра и Сигизмунда, ясно обнаруживаютъ, что, хотя литовскимъ панамъ и не удалось превратить великое княжество въ магнатскую республику, а великого князя въ предсѣдателя рады, все же удалось въ большой мѣрѣ ограничить его власть въ свою пользу. Въ 1497 году великій князь Александръ по тайному уговору съ братомъ своимъ, Польскимъ королемъ Яномъ-Альбрехтомъ, «безъ ведомости всихъ пановъ радъ своихъ», отправился было въ походъ на воеводу Волошскаго Стефана. Паны-рада, не знавшіе о намѣреніяхъ великаго князя, стали спрашивать его, куда онъ ихъ ведетъ. Александръ отвѣчалъ: «если бы о томъ вѣдала моя рубаха, я и ту сжегъ бы». Тогда паны-рада заявили: «колижъ ты, господаръ нашъ, намъ рады а вмыслу своего не поведаешъ, мы, вои, не хочемъ за реку Бугъ иты». Это заявленіе сильно напоминаетъ то, что говаривала въ подобныхъ случаяхъ древне-русскимъ князьямъ ихъ дружина: «о собѣ еси, княже замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали»[239]). Вслѣдствіе оппозиціи пановъ рады походъ всею землею не состоялся, и Александръ смогъ только отправить брату вспомогательный отрядъ изъ княжатъ и дворянъ[240]). Тайный договоръ съ Польскимъ королемъ, безъ участія пановъ-рады, былъ нарушеніемъ земскаго привилея 1492 года, и потому паны-рада сочли себя въ правѣ не послушаться господаря въ данномъ случаѣ, и господарь оказался не въ состояніи привести въ исполненіе свое единоличное рѣшеніе. Наученный опытомъ, Александръ уже ничего не рѣшалъ въ дѣлахъ внѣшней политики безъ совѣщанія съ панами-радою. Въ 1503 году, въ бытность свою въ Мельникѣ, Александръ рѣшилъ отпустить домой прибывшихъ къ нему Ногайскихъ пословъ. Но предварительно онъ счелъ нужнымъ запросить объ этомъ мнѣнія пановъ-рады. Поэтому онъ отправилъ къ бискупу Виленскому, воеводѣ Виленскому, пану Виленскому, воеводѣ

---

[238]) *Narbutta* Pomniki, str. 74.

[239]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 367.

[240]) *Narbutta* Pomniki, str. 65.

Троцкому и пану Троцкому письмо, въ которомъ, высказавъ свои соображенія о необходимости отпустить пословъ, окончательное рѣшеніе предоставлялъ этимъ панамъ. «Намъ ся такъ видѣло,—писалъ онъ:—ино пакъ все покладаемъ на розумъ и умыслъ вашое милости: што ся лѣпшого о томъ дѣлѣ увидите, пустити ль, задержати ль ихъ, ваша милость такъ и вчините: *бо мы безъ порады вашой милости ничого въ земскомъ дълъ не справуемъ*»[241]). Подобное же признаніе слышимъ и отъ преемника Александра, короля Сигизмунда. На Петрковскомъ сеймѣ 1543 г. Поляки между прочимъ добивались подтвержденія уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Королевское резюме дѣяній этого сейма гласитъ: «Что же касается договоровъ и общихъ записей между этимъ княжествомъ и королевствомъ, въ томъ мы ничего еще опредѣленнаго не могли сдѣлать, ибо не имѣли при насъ пановъ-рады этого княжества»[242]). Не только въ дѣлахъ внѣшней политики, но и въ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по внутреннему управленію Сигизмундъ считалъ для себя обязательною «пораду» пановъ-рады. Въ 1539 году онъ писалъ панамъ-радѣ, что не надо отпускать людей съ работъ на украинныхъ замкахъ, пока не сдѣлаютъ все «добре», что не стоитъ посылать на эти замки, въ такую даль, «живность» изъ господарскихъ дворовъ, а гораздо лучше продать эту живность и вырученныя деньги переслать на украинные замки для закупки провіанта на мѣстѣ. Это предложеніе король сдѣлалъ, однако, только въ видѣ выраженія своего мнѣнія, предоставивъ окончательное рѣшеніе панамъ-радѣ: «И будеть ли ся то и вашей милости видети, ваша бы милость о томъ до насъ отписали и раду свою намъ ознаймили». Согласно съ этою «радою» король обѣщалъ сдѣлать и свое распоряженіе[243]). Сигизмундъ признавалъ необходимымъ совѣщаніе съ панами-радою и въ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлахъ. Въ 1511 году, въ бытность на Берестейскомъ сеймѣ, Сигизмунду пришлось разбирать мѣстническую тяжбу владыки Полоцкаго съ владыкою Владимірскимъ: Владимірскій хотѣлъ садиться выше Полоцкаго, а послѣдній не хотѣлъ сидѣть ниже его. Владыка Владимірскій не хотѣлъ на этотъ разъ «правоваться» передъ королемъ. Тѣмъ не менѣе король счелъ возможнымъ поставить рѣшеніе, допросивъ князей Друцкихъ и бояръ Полоцкихъ, которые показали въ пользу владыки Полоцкаго. Но при этомъ король оговорилъ, что это рѣшеніе не окончательное: «а будетъ владыцѣ Володимерскому о томъ которое

---

241) Акты Зап. Рос. I, № 206.

242) Volumina legum I, p. 277.

243) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 33.

до него дѣло: ино, коли будемъ мѣти пного часу *съемъ великій со всими паны радами нашими*, а митрополитъ и вси владыки въ насъ же будутъ: и онъ нехай ся намъ на него жалуетъ, мы хочемъ тому межи ними справедливость вчинити»[244]). Поручая въ 1539 году панамъ-радѣ разыскивать по еврейскимъ домамъ людей, перешедшихъ изъ христіанства въ жидовскую вѣру, Сигизмундъ просилъ извѣщать его о таковыхъ людяхъ съ присовокупленіемъ «порады», «какого бы каранья тыи люди винныи заслужили». «А кгды мы,—заключалъ король,—съ писанья и порады вашой милости справу въ томъ возмемъ, тогды таковыи люди винныи тамъ же, водлѣ выступовъ своихъ, будутъ караны»[245]).

Источники даютъ множество указаній на участіе пановъ-рады въ высшей правительственной дѣятельности при Александрѣ и Казимирѣ. Непосредственно по смерти Казимира рада великаго княжества выступаетъ въ роли высшаго правительства страны, которое задерживаетъ въ Литвѣ королевича Александра, какъ кандидата на великокняжескій престолъ, организуетъ его избраніе на великое княженіе и сносится по этому поводу съ польскою радою[246]). Въ подобной же роли выступаетъ рада и по смерти Александра, до избранія на великое княженіе королевича Сигизмунда[247]). Когда господарь уѣзжалъ изъ великаго княжества, высшая распорядительная власть оставалась обыкновенно въ рукахъ пановъ-рады. Рада принимала мѣры по оборонѣ государства[248]), руководила военными дѣйствіями[249]), отправляла пословъ за границу и составляла для нихъ инструкціи[250]), распоряжалась въ важнѣйшихъ внутреннихъ дѣлахъ, напр., раскладывала на мѣста серебщину и ордынщину[251]), отдавала въ заставу господарскія имѣнья для

---

[244]) Акты Зап. Рос. II, № 68.

[245]) Акты Зап. Рос. II, № 194.

[246]) Акты Зап. Рос. I, № 100, 101

[247]) См. выше, стр. 148, 149.

[248]) Акты Зап. Рос. II, № 10.

[249]) Тамъ же, № 93.

[250]) Тамъ же, № 11.

[251]) 27 апрѣля 1524 г. король писалъ изъ Кракова подскарбію земскому Богушу Боговитиновичу: «Присылали къ намъ войтъ и бурмистры и рядцы и вси мещане места Берестейского, чоломъ бьючи о томъ, што жъ коли мы *и панове рады великого князства Литовского безъ небытности нашое покладаютъ на места наша серебщызну и ордынщызну*, ино деи дворане наши, которые приежчають тое серебщины и ординщины на нихъ правити, они деи того часу, скоро прыехавши, правять на нихъ децкованей своихъ и кажуть деи имъ собе и кони свои тамъ у места стравовати, и на то деи имъ много накладу выходить, и тяжкость ся

пополненія скарба [252]) и проч. Въ рукахъ пановъ-рады въ отсутствіе господаря сосредоточивался и высшій судъ, на разсмотрѣніе котораго поступали тяжбы между родственниками объ имѣньяхъ, жалобы на наѣзды, кгвалты, грабежи и т. д., жалобы на неправый судъ мѣстныхъ судей, на разоренье господарскими урядниками имѣній, взятыхъ на господаря временно, до окончанія изъ-за нихъ тяжбы [253]) и т. д. Постановленіе, сдѣланное на этотъ счетъ въ судебникѣ Казимира, статутъ 1529 года расширилъ и усилилъ. Въ статутѣ было опредѣлено, что никто не имѣетъ права уклоняться отъ суда пановъ-рады,—даже тѣ, у кого есть листы, «абы его ни хто не судил, кромѣ нас господара»: «бо мы,—гласитъ постановленіе короля,—з рамени нашего господарского оставляемъ комисарми панов рад наших, абы справедливост подданым нашим чинили» [254]).—Когда господарь оставался въ великомъ княжествѣ, то всѣ важнѣйшія дѣла онъ дѣлалъ обыкновенно по совѣту съ панами-радою. Мы уже слышали на этотъ счетъ признаніе самихъ великихъ князей по поводу дѣлъ внѣшней политики и суда по важнѣйшимъ дѣламъ [255]). По совѣщанію съ панами господарь жаловалъ имѣнья, особенно если эти имѣнья были крупныя. Такъ въ 1505 году 15 декабря, въ бытность свою въ Городнѣ, король Александръ по просьбѣ Азяхмата, царя Заволжскаго, *«съ порады и воли пановъ радъ»*, пожаловалъ пану Яну Заберезинскому людей Некрашевичей, Голагодовичей, Пилипковичей, Комсичей и Терешковичей съ братьею ихъ «обаполъ реки Сервца» на вѣчность съ полнымъ правомъ распоряженія [256]). «Зъ умысломъ и порадою пановъ радъ» господарь

имъ въ томъ великая деетъ»... Король приказывалъ подскарбію извѣщать мѣщанъ о сборѣ серебщины и ордынщины заблаговременно, чтобы они могли сами представлять ее. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 61.

[252]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 29: Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 147.

[253]) Статутъ 1529, раздѣлъ IV, арт. 7; разд. VI, арт. 1, 6; разд. VIII, арт. 23.

[254]) Раздѣлъ VI, арт. 8.

[255]) Въ дополненіе къ указанному уже случаю судебнаго разбирательства господаря совмѣстно съ панами-радою можно указать, напр., еще на приведенные въ Актахъ Зап. Рос. I, № 126, 163, 173, 191; II, № 53; Актахъ Южн. и Зап. Рос. I, № 62, II; Актахъ Литовско-Русскаго государства, № 69, 191, 193, 195, 196. Срав. также Статутъ 1529 г., раздѣлъ I, арт. 14, 20.

[256]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 223, 224. «Пры томъ были вельможныи и врожоныи панове: Миколай Миколаевичъ, воевода Троцкий, Михайло Львовичъ, маршалокъ дворный Литовский, Станиславъ Глѣбовичъ, староста Полоцкий,

отдавалъ обыкновенно и въ заставу свои имѣнья «ку великой потребе господарской и земской, а наболей для заплаты служебныхъ»[257]). Сообща съ панами-радою принималъ отчетъ въ государственныхъ приходахъ и расходахъ отъ подскарбія земскаго[258]), вѣдалъ монетное дѣло и вообще все свое финансовое хозяйство[259]), принималъ мѣры по оборонѣ страны постройкою замковъ и укрѣпленій[260]) и т. д. Всѣ постановленія законодательнаго характера издавались господаремъ не иначе, какъ по совѣту съ панами-радою. Такимъ образомъ, напр., въ 1500 году Александръ выдалъ новую «уставу», опредѣляющую взаимныя отношенія между Полоцкими мѣщанами, сельскими путниками и владѣльческими людьми и ремесленниками, живущими въ мѣстѣ Полоцкомъ, по части отбыванія повинностей и присуда, «помысливши съ паны радами»[261]). Въ 1507 году 13 августа, отпуская пана Станислава Петровича съ войскомъ на театръ военныхъ дѣйствій, король сообща съ панами-радою установилъ уставу, которая опредѣляла права и власть гетмана, распорядокъ въ войскѣ, наказанія за нарушеніе военной дисциплины и грабежи, а также цѣны на провіантъ, забираемый у жителей[262]). Подобная же устава вмѣстѣ съ опредѣленіемъ курса польской монеты, принимаемой въ Литвѣ, выработана была господаремъ, «помысливши съ паны радами», и въ 1508 году 5 іюня, передъ отправленіемъ въ походъ гетмана кн. Константина Ивановича Острожскаго[263]). Уставу Поднѣпрскимъ волостямъ относительно сбора дани Сигизмундъ выдалъ 2 окт. 1511 года также «съ паны радами помысливши»[264]). Выше (стр. 184, 185) приведены были примѣры выработки господаремъ совмѣстно съ радою уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Эта работа производилась обыкновенно при разбирательствѣ казусныхъ судебныхъ дѣлъ, при которыхъ обнаруживался недостатокъ

Станиславъ Петровичъ, *гетманъ польный* и маршалокъ великого князства Литовского, Василей Львовичъ, *подстолий* и державца Слонимский, Мартинъ Хребътовичъ, *ловъчый* тогожъ князства Литовского и инъшые *панове рада* наши».

[257]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145. См. выше, стр. 212.

[258]) Тамъ же, № 133, 136.

[259]) Акты Зап. Рос. III, № 4, стр. 6, 7, 13.

[260]) Тамъ же, № 11, стр. 26.

[261]) Акты Зап. Рос. I, № 185.

[262]) Акты Зап. Рос. II, № 25.

[263]) Тамъ же, № 31.

[264]) Тамъ же, № 75.

или неясность закона. Вѣроятно, результатомъ такой работы былъ законъ, на который ссылалась въ 1529 году панья Литаворова при разбирательствѣ ея дѣла господаремъ, а именно, что вдовы, оставшіяся по смерти мужа безъ «вѣна» и «оправы», получаютъ во всемъ имѣньѣ мужа равную долю съ дѣтьми въ пожизненное владѣніе [265]). Этотъ законъ, какъ и указанные выше, вошелъ въ статутъ 1529 г. (раздѣлъ 4, арт. 4). Вообще постановленія или «уставы» господаря и пановъ-рады послужили не маловажнымъ источникомъ при составленіи Статута. Многія изъ его статей такъ прямо и обозначены, какъ «уставы», выработанныя господаремъ и панами-радою [266]). Статутъ предусматривалъ и въ будущемъ совмѣстную законодательную дѣятельность господаря и пановъ-рады. Шестой артикулъ VI раздѣла между прочимъ устанавливаетъ, что всѣ дѣла, относительно которыхъ въ статутѣ нѣтъ статей, должны рѣшаться «подле старого обычая» до тѣхъ поръ, «поколе мы господаръ с паны радами нашими тые дела уфалим я тые права уписать кажем». Статутъ предписывалъ судьямъ (арт. 37), чтобы они о такихъ дѣлахъ докладывали господарю или панамъ-радѣ на первомъ сеймѣ: «и естли бы мы або панове рада наша тые члонки уфалят, тогды мают теж приписаны быти к тым правам». Статутъ, такимъ образомъ, допускаетъ возможность законодательной дѣятельности пановъ-рады и въ отсутствіе господаря.

Въ обычное время господарскую раду составляли всѣ тѣ члены ея, которые въ данный моментъ находились при господарѣ, а въ отсутствіе господаря—въ Вильнѣ [267]). Чаще всего поэтому господарская рада составлялась изъ бискуповъ Виленскаго и Жмудскаго, воеводы и пана Виленскихъ, воеводы и пана Троцкихъ, старосты Жмудскаго, маршалковъ земскаго и дворнаго и подскарбія земскаго, которые пребывали либо въ Вильнѣ, либо въ недалекомъ отъ нея разстояніи и потому легче и скорѣе другихъ могли быть въ сборѣ. Но по временамъ Сигизмундъ выдавалъ спеціальныя распоряженія, кому изъ пановъ

---

[265]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 55, 56: «Такежъ пани Литаворовая била намъ чоломъ о томъ, ижъ *мы съ паны радами нашыми* перво сего такъ семъ летъ установили: которая вдова по мужы своемъ останеть и вена записаного ани жадное оправы отъ мужа мети не будеть, таковая межы детми часть ровную маеть мети и тую часть маеть держати а вжывати до своего живота, а по ее смерти тая часть зася на дети маеть спасти».

[266]) Раздѣлъ I, арт. 17; разд. III, арт. 6.

[267]) Акты Зап. Рос. II, № 229. Въ актѣ Сигизмундъ обращается къ панамъ-радѣ великаго княжества, «которыи тыхъ часовъ у Вильни будутъ».

рады оставаться въ Вильнѣ. Поэтому, напр., и свой приказъ разсудить пана Юрія Миколаевича Радивила съ его невѣсткою объ имѣньяхъ Сигизмундъ отдалъ (7 окт. 1530 г.) панамъ-радѣ великаго княжества «тымъ, которимъ тыхъ часовъ для справъ земскихъ казали есьмо зъехати ся до Вильни» [268]).

Въ особо важныхъ случаяхъ, или, какъ говорилось тогда, «для великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ», рада собиралась въ болѣе или менѣе полномъ составѣ. Такой *сеймъ пановъ-рады* имѣлъ, напр., мѣсто въ Городнѣ въ августѣ 1501 года. Паны-рада съѣзжались сюда для обсужденія вопроса о поддержкѣ кандидатуры великаго князя Александра на польскій престолъ и объ условіяхъ новой уніи между великимъ княжествомъ Литовскимъ и короною Польскою [269]). Такой же сеймъ пановъ-рады собирался въ Городнѣ и въ ноябрѣ 1506 года для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ [270]). Этотъ сеймъ переѣхалъ вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Мельникъ, гдѣ совѣщался о начатіи войны съ Московскимъ государемъ (см. выше, стр. 174). Въ Мельникѣ же собирался сеймъ пановъ-рады въ іюнѣ и іюлѣ 1513 года для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго этою войною; этотъ сеймъ переѣхалъ затѣмъ вмѣстѣ съ господаремъ въ Вильну (стр. 196, 197). Сеймъ пановъ-рады господарь собиралъ и въ 1530 году, послѣ полученія извѣстія отъ державцы Кричевскаго Василія Богдановича Чижа о нарушеніи перемирія Московскимъ государемъ, который всылалъ въ волость Кричевскую нѣсколько тысячъ людей, чтобы вывести оттуда измѣнника Ивана Ботвиньевича со всѣмъ его имуществомъ, и причинилъ тамошнимъ обывателямъ черезъ этихъ людей «шкоды великіи» [271]). Лѣтомъ 1532 года паны-рада съѣзжались на сеймъ по приглашенію короля для обсужденія вопросовъ, въ какихъ размѣрахъ платить хану Сайдетъ-Гирею упоминки, кого и съ какимъ «посольствомъ» къ нему отправить [272]). Но и помимо «великихъ и пильныхъ потребъ», паны-рада съѣзжались обыкновенно къ господарю, какъ только онъ пріѣзжалъ въ великое княжество, для рѣшенія всѣхъ накопившихся дѣлъ. Мы уже видѣли, что при Александрѣ такіе сеймы пановъ-рады были обыч-

---

[268]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 75, 76.

[269]) *A. Mosbacha* Początki unii Lubelskiéj, str. 101.

[270]) Ibidem, str. 115.

[271]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 91, 92.

[272]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VII, л. 29—31. Грамота съ предложеніями короля была написана въ Краковѣ 28 мая 1532 г. (тамъ же, л. 20, 21).

нымъ явленіемъ. Собирались въ такихъ случаяхъ сеймы пановъ-рады и при Сигизмундѣ (см. выше, стр. 263, 265). На великомъ Виленскомъ соймѣ 1529 года, какъ уже было сказано выше, сверхъ всѣхъ этихъ экстренныхъ сеймовъ, установленъ былъ ежегодный судовый сеймъ пановъ-рады въ Вильнѣ для разбирательства накопившихся важныхъ дѣлъ (какъ выражается Статутъ: «для кривдъ шляхты, которые ся от пановъ деють або урядников наших панских в землях в грабежох у кгвалтехъ и въ головщинахъ, або теж и межи паны самыми и их поддаными») [273]. Сеймовое постановленіе объ этомъ вошло и въ Статутъ 1529 г. Позже господарь, какъ мы видѣли, добивался установленія вмѣсто одного двухъ судовыхъ сеймовъ, одного на Рождество Христово, другого на седьмую субботу. Какъ показываютъ нѣкоторые списки статута 1529 года и акты, его желаніе было удовлетворено,—съ тою отмѣною, что первый сеймъ былъ назначенъ не на Рождество Христово, а на Покровъ [274]). Это измѣненіе произведено было на Виленскомъ соймѣ 1532 года; до этого же времени, какъ показываютъ судные акты, оставалось въ силѣ прежнее постановленіе на этотъ счетъ» [275]).

§ 5.

Присматриваясь къ правительственной работѣ, которую производила господарская рада совмѣстно съ господаремъ и въ его отсутствіе, въ обычномъ неполномъ составѣ и на своихъ сеймахъ, поражаешься разнообразіемъ и порою незначительностью дѣлъ, которыми ей приходилось заниматься.

Государственному совѣту великаго княжества приходилось не только законодательствовать, обсуждать сложные вопросы внѣшней политики, устраивать оборону государства и руководить военными дѣйствіями, но и разбирать множество судебныхъ дѣлъ лишь потому, что тяжущіяся стороны не захотѣли судиться у низшихъ судей, а отозвались до самого господаря,—непосредственно распоряжаться такими вещами, какъ посылка мужиковъ съ топорами изъ Поднѣпрскихъ волостей на работу къ украинскимъ замкамъ или спускъ по рѣкамъ хлѣба изъ господарскихъ дворовъ для снабженія провіантомъ этихъ замковъ, сыскъ

273) Раздѣлъ VI, арт. 5—по изд. Дзялынскаго—Zbiór praw litewskich, str. 347.

274) См. 5 арт. VI раздѣла по изданію Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. (Временникъ, кн. XVIII, стр. 44); Archiwum Sanguszków IV, № CCLXX, CCLXXIX; Акты Зап. Рос. II, № 234.

275) Archiwum Sanguszków III, № CCCLXXV, CCCLXXX, CDVI.

по еврейскимъ дворамъ христіанъ, перешедшихъ въ жидовскую вѣру и т. д. Это разнообразіе дѣлъ объясняется тѣмъ, что господарская рада, не считая самого господаря, въ разсматриваемое время была въ сущности единственнымъ органомъ центральнаго управленія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Здѣсь не произошло такого раздѣленія занятій и обособленія вѣдомствъ, какое замѣчается въ то время въ Московскомъ государствѣ, не образовалось и такихъ органовъ управленія, какими были московскіе приказы даже въ первую пору своего существованія. Правда, что и въ Литовско-Русскомъ государствѣ большинство членовъ рады имѣло свои спеціальныя обязанности, но эти обязанности либо совсѣмъ не относились къ высшему центральному управленію государства, либо имѣли въ виду чисто техническую, исполнительную сторону дѣла, а не распорядительную и рѣшающую. Къ такому выводу приводитъ ближайшее разсмотрѣніе спеціальныхъ обязанностей членовъ господарской рады.

Мы видѣли, что высшую или «преднѣйшую» раду господарскую составляли главные правители областей великаго княжества, замѣнившіе собою областныхъ князей, воеводы и нѣкоторые старосты. Этихъ воеводъ и старостъ нельзя приравнивать къ начальникамъ московскихъ областныхъ приказовъ, въ родѣ, напр., начальника приказа Казанскаго дворца. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ областные «дворцы», какъ мы уже имѣли случай указывать прежде, съ упраздненіемъ областныхъ княженій не переносились въ центръ государства, а оставались на мѣстѣ, въ стольныхъ городахъ бывшихъ областныхъ княжествъ. Въ этихъ городахъ продолжала совершаться большая часть той правительственной работы, какая шла и при князьяхъ, при содѣйствіи преимущественно мѣстныхъ силъ. Областное управленіе Литовско-Русскаго государства съ этой точки зрѣнія было болѣе мѣстнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ приказнымъ управленіемъ, и главные областные правители были не только органами центральной государственной власти и поборниками ея интересовъ въ областяхъ, но и главами областнаго самоуправленія и поборниками мѣстныхъ земскихъ интересовъ, которые далеко не всегда совпадали съ общегосударственными.

Воевода Виленскій, какъ мы видѣли, былъ обыкновенно въ то же время и *канцлеромъ*. Но въ этомъ значеніи онъ не былъ начальникомъ самостоятельнаго вѣдомства, а только правителемъ государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго, состоявшей при господарѣ и его радѣ. Чиновники этой канцеляріи облекали въ письменную форму, зарегистрировали и выдавали по адресу всѣ постановленія и распоряженія господаря и пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., писарь

Мартинъ съ Лужка изготовлялъ по приказанью канцлера Михаила Кезгайла извѣстный земскій привилей 1447 года, который и выданъ былъ панамъ радѣ [276]) черезъ руки канцлера, приложившаго къ нему государственную печать [277]). И позже выдача общеземскихъ привилеевъ производилась такимъ же порядкомъ. Когда въ 1547 году станы сейма били челомъ Сигизмунду-Августу о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей, король отвѣчалъ, что онъ благосклонно принялъ ихъ просьбу и уже приказалъ канцлеру «справити» «тотъ свой новый привилей» [278]). Писари подъ надзоромъ и руководствомъ канцлера изготовляли и областные привилеи, которые канцлеръ также скрѣплялъ приложеніемъ государственной печати «для лепшого свѣдомья и большее твердости» [279]). Чиновники государственной канцеляріи облекали въ письменную форму и «уставы», выработанныя на совѣщаніяхъ господаря съ панами-радою, и «земскіе ухвалы», состоявшіяся на великомъ вальномъ соймѣ, послѣ того какъ господарь съ панами-радою окончательно утверждалъ эти «ухвалы»,—«замыкалъ свою раду господарскую». Этими же чиновниками записывались вмѣстѣ съ просьбами становъ сейма и тѣ отвѣты, какіе давалъ на нихъ господарь лично или по совѣту съ панами-радою. О состоявшихся на сеймахъ «уставахъ», «ухвалахъ» и рѣшеніяхъ первоначально разсылались изъ канцеляріи оповѣщенія, или «листы», по областямъ и повѣтамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти «ухвалы» и рѣшенія подлежали немедленному исполненію, какъ напр., ухвалы о сборѣ серебщины, о мобилизаціи земскаго ополченія [280]). Впослѣдствіи, когда шляхта стала надоѣдать правительству повтореніемъ однихъ и тѣхъ же просьбъ, на которыя господарь уже далъ отвѣтъ, Сигизмундъ-Августъ распорядился, чтобы шляхтскіе послы брали изъ канцеляріи письменные отвѣты на ихъ просьбы и относили ихъ до своей братьи [281]). Въ государственной канцеляріи подъ «справою» канцлера изготовлялись и различные дипломатическіе документы, грамоты

[276]) О томъ, что паны рада были хранителями земскихъ привилеевъ, см. выше стр. 296.

[277]) Акты Зап. Рос. I, № 61.

[278]) Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба I.

[279]) Акты Зап. Рос. I, № 190, 204, 214; II, № 70 и т. д.

[280]) Въ 1552 году листы о мобилизаціи противъ Крымскаго хана король прислалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, Миколаю Радивилу съ приказаньемъ: «А панъ воевода ку розосланью ихъ не мешкаючи отошлеть, *яко ся сдавна заховывало*». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 16—17.

[281]) Акты Зап. Рос. III, № 13, просьба 3.

къ сосѣднимъ государямъ и правительствамъ, «науки», или инструкціи посламъ и гонцамъ, отправлявшимся за границу и т. д. Такъ какъ грамоты къ сосѣднимъ государямъ посылались за подписью руки господарской, то господарь иногда, находясь въ Польшѣ, пересылалъ канцлеру «марърамъ», т. е. бланкъ съ своею подписью для вписанія въ него текста грамоты [282]). Чиновниками государственной канцеляріи изготовлялись привилеи на магдебургское право, жалуемое городамъ, привилеи на различныя льготы, даруемыя городамъ или волостямъ, дипломы на разныя должности и званія, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ, привилеи на имѣнья, пожалованныя господаремъ разнымъ лицамъ, заставные листы на имѣнья, отданныя «въ сумѣ пенязей», арендные листы на мыта, коморы, корчмы, «мынцу», рыбныя озера и другія регаліи и доходныя статьи, протоколы судебныхъ разбирательствъ господаря и пановъ-рады и состоявшіяся по нимъ рѣшенія. Наконецъ, изъ государственной канцеляріи исходили такъ называемые «мандаты», т. е. судебные повѣстки къ отвѣтчикамъ о явкѣ на судъ къ господарю на «року завитомъ» (на первый и окончательный срокъ) по дѣламъ, разбиравшимся господаремъ въ первой инстанціи [283]), листы «кглейтовные», гарантирующіе безопасность лицамъ, желающимъ очиститься судомъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій [284]); листы «заповѣдные», отсрочивающіе частнымъ лицамъ явку на судъ по уважительнымъ причинамъ [285]); листы «желѣзные», отсрочивающіе по уважительнымъ причинамъ расплату съ долгами [286]); листы «заручные», гарантирующіе имущественную и личную безопасность со стороны противника до суда и послѣ суда, подъ «закладомъ» на господаря извѣстной суммы, которая должна была выплачиваться лицомъ, нарушившимъ заруку [287]); листы «закривальные», освобождающіе отъ подсудности всѣмъ судьямъ, кромѣ господаря [288]) и т. д. Всѣ эти листы писались отъ имени господаря.

Всѣ документы, изготовлявшіеся чиновниками великокняжеской канцеляріи, а равно и присылавшіеся къ господарю и панамъ-радѣ

---

[282]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, № 527.

[283]) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.

[284]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 79, 80.

[285]) Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 9.

[286]) Тамъ же, арт. 23.

[287]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 275; Статутъ 1566, раздѣлъ I, арт. 21. Въ Статутѣ 1529 года эти листы названы «заповѣдными».

[288]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 8.

отъ мѣстныхъ агентовъ или изъ за границы, въ копіяхъ вносились въ особыя книги, которыя составляли архивъ этой канцеляріи, или такъ называемую Метрику великаго княжества Литовскаго. Эти книги стали вестись настоящимъ образомъ только во второй половинѣ великокняженія Казимира [289]). До этого же времени въ великокняжеской канцеляріи хранились только нѣкоторыя подлинные документы и отдѣльныя копіи исходящихъ документовъ [290]), а также краткія записи состоявшихся пожалованій и судебныхъ рѣшеній самого Казимира и пановъ рады [291]). Въ книги Метрики вносились всевозможные документы: и договоры съ чужеземными государствами, и грамоты, полученныя отъ сосѣднихъ государей или посланныя къ нимъ отъ в. князя, и «рѣчи» чужеземныхъ пословъ, и «рѣчи» литовскихъ пословъ, отправленныхъ за границу, и отписки украинныхъ воеводъ и старостъ по внѣшнимъ дѣламъ, и общеземскіе привилеи, привилеи областные, привилеи, выданные городамъ, уставы, выданныя волостямъ объ ихъ повинностяхъ и льготахъ, привилеи на должности, званія и имѣнья, выданные отдѣльнымъ лицамъ, записи о состоявшихся судебныхъ рѣшеніяхъ господаря или пановъ-рады, сеймовыя ухвалы, просьбы становъ, поданныя на сеймахъ, и отвѣтъ господаря на эти просьбы, различныя «уставы» по вопросамъ уголовнаго и гражданскаго права, выработанныя господаремъ и панами-радою, инвентари или описи господарскихъ замковъ и волостей, составленныя на мѣстѣ по порученію господаря или пановъ-рады. Въ книги Метрики вносились, наконецъ, и тѣ заявленія, которыя дѣлали господарю и панамъ радѣ частныя лица, согласно закону,—о продажахъ своихъ имѣній, мѣнахъ ими, дареніяхъ или завѣщаніяхъ, о дѣлежѣ и другихъ имущественныхъ сдѣлкахъ, которыя черезъ это пріобрѣтали юридическую силу [292]).

---

[289]) Первою книгою въ этомъ смыслѣ можно считать IV книгу Записей.

[290]) Это видно по перечню документовъ Метрики, составленному во второй половинѣ XVI в. (кн. Записей I и II). Въ этомъ перечнѣ попадаются и древніе документы, отъ конца XIV и первой половины XV в.

[291]) Эти краткія записи, или реестры, при заведеніи книгъ Метрики были переписаны въ одну книгу въ хронологическомъ безпорядкѣ. На оставшихся бѣлыхъ листахъ этой книги при Александрѣ написаны были копіи нѣсколькихъ документовъ, вышедшихъ изъ канцеляріи въ его время, и нѣсколькихъ документовъ, присланныхъ въ канцелярію. Литов. Метр. кн. Запис. III.

[292]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 585, 586. См. Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

Первоначально не было никакой сортировки при внесеніи документовъ въ книги Литовской Метрики, и въ одну и ту же книгу вписывались въ перемежку разнородные документы: и привилеи на имѣнья, и дипломатическіе документы, и судебныя рѣшенія господаря и пановъ рады и т. д. Книга состояла не при столѣ, завѣдывавшимъ дѣлопроизводствомъ извѣстнаго рода, а при писарѣ, который вносилъ въ нее копіи всевозможныхъ оффиціальныхъ бумагъ, выданныхъ при его посредствѣ отъ господаря и пановъ-рады или поступившихъ къ господарю въ бытность его при немъ [293]). Этимъ и объясняется необыкновенное разнообразіе древнѣйшихъ книгъ Литовской Метрики. Позже, съ послѣднихъ лѣтъ великокняженія Сигизмунда стали дѣлаться нѣкоторыя попытки группировать документы по ихъ роду. Такимъ образомъ, стали составляться книги «справъ судовыхъ», книги посольствъ [294]), сеймовыхъ «ухвалъ» [295]), книги «листовъ поточныхъ», разсылавшихся во время Ливонской войны о мобилизаціи, сборѣ серебщины, къ гетманамъ и т. под. [296]). Эта классификація документовъ по роду очевидно стояла въ связи съ нѣкоторою спеціализацією и раздѣленіемъ труда самихъ писарей. Но такъ какъ эта спеціализація и раздѣленіе труда не проявились еще рѣзко, то и классификація документовъ не выдерживалась строго. Въ нѣкоторыхъ книгахъ «справы судовые» являются среди привилеевъ на имѣнья и должности, универсаловъ о сеймовыхъ «ухвалахъ», отвѣтовъ сеймовымъ посламъ и разныхъ листовъ «поточныхъ» [297]).

Всѣ исходившія отъ господаря и пановъ-рады бумаги а также и поступавшія къ нимъ переписывались въ книги Метрики для различныхъ справокъ по копіямъ и для возстановленія по нимъ актовъ въ случаѣ утраты подлинниковъ. Такимъ образомъ, напр., при пріемѣ от-

---

[293]) На это прямо указывается въ нѣкоторыхъ книгахъ. Напр., книга V Записей въ началѣ содержитъ слѣдующее заявленіе: «Какъ господаръ его милость великий князь Александръ селъ на великомъ княжени Литовскомъ августа 1 дня индиктъ 10, росказывалъ ми его милость листы судовыи и данину свою писати писарю своему Федку Янушковичу. И я, што отъ того часу листовъ написалъ ажъ до тыхъ часовъ судовыхъ и данины его милости, то тыми разы въ тыи книги вписываю».

[294]) Книга Публичныхъ дѣлъ II, а также книги Литовской Метрики, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

[295]) Публичныхъ дѣлъ кн. IV и V.

[296]) Переписей Литовскихъ кн. VII; Публичныхъ дѣлъ VII, IX, X.

[297]) См., напр., книги Судныхъ дѣлъ XII, XLIV, LII, LIII.

чета отъ державцевъ и тивуновъ, которымъ пожалована была часть господарскихъ доходовъ сверхъ обычныхъ намѣстничьихъ, подскарбій земскій провѣрялъ заявленія державцы или тивуна по записямъ Метрики [298]). На основаніи этихъ записей возстановленъ былъ и текстъ областного привилея Кіевской земли, подлинники котораго, выданные Казиміромъ, Александромъ и Сигизмундомъ и находившіеся у писаря Ивашка Горностая въ господарскомъ домѣ въ Берестьѣ, сгорѣли во время бывшаго тамъ пожара [299]). На основаніи этихъ же записей и частныя лица возстановляли выданные имъ документы, подлинники которыхъ у нихъ сгорѣли, подмокли или изъѣдены были мышами. Частныя указанія на это разсѣяны въ записяхъ различныхъ подтвержденій, внесенныхъ въ тѣ же книги Метрики [300]).

Насколько можно судить по различнымъ указаніямъ, содержащимся въ документахъ Литовской Метрики, дѣлопроизводство государственной канцеляріи великаго княжества Литовскаго шло по извѣстному заведенному порядку. Находившійся въ данное время при господарѣ писарь или секретарь, т. е. тотъ же писарь, но умѣвшій писать по латыни и по польски [301]), изготовлялъ тотъ или другой документъ по приказу самого господаря [302]) или канцлера [303]), или кого-либо изъ

---

[298]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 30.

[299]) Акты Зап. Рос. II, № 164.

[300]) Въ 1566 г. такимъ путемъ возстановилъ свой привилей на усадьбу въ Вильнѣ, на улицѣ Оптокольской, господарскій «юркгельтникъ» Мальхеръ Граница «зе Спижы и Кгермарку», у котораго этотъ привилей сгорѣлъ «пригодне» съ другими вещами. «А такъ мы, господаръ,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ (отъ 3 марта 1566 г.),—делаючи ему въ томъ ласку нашу господарскую и казавши углянути *у книги метрики канцлереи нашое*, велели есмо оный листъ нашъ, перво сего ему на тотъ домъ его даный, съ книгъ канцлереи нашое вынемши, слово отъ слова въ сесь нашъ листъ уписати... (Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 658—660; XLIV, л. 107—109).

[301]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 251—266.

[302]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 4, 25, 29, 33, 38, 48; Акты Зап. Рос. II, № 185; Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76.

[303]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 3, 16, 27, 32, 46; Акты Зап. Рос. I, № 64, 129, 130, 144, 146, 158; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 45, 47, 54, 57, 77, 177, 191, 206, 213, 214, 235, 244, 245, 277, 301, 318; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 21, 31.

остальныхъ пановъ радныхъ [304]), уполномоченнаго на то господаремъ [305]), а иногда даже и всѣхъ пановъ, находившихся при совершеніи акта [306]). Со времени Сигизмунда писари и секретари при вступленіи въ должность приносили присягу между прочимъ и въ томъ, что не будутъ писать никакихъ листовъ безъ приказанья канцлера или самого господаря [307]). Документъ писарь составлялъ или на основаніи устныхъ сообщеній лица, отдававшаго приказъ, или на основаніи того, что самъ слышалъ, присутствуя въ радѣ господаря. Если документъ былъ составленъ писаремъ, на основаніи устнаго сообщенія кого-либо изъ пановъ радныхъ, писарь отмѣчалъ это стереотипною формулою: «правилъ» такой-то, а писалъ такой-то [308]); или: «справа» такого-то, писарь такой-то [309]). Правилъ или канцлеръ [310]), или кто-нибудь другой изъ пановъ радныхъ [311]), или сразу нѣсколько лицъ [312]). Но очень часто

---

[304]) «А писати приказал панъ Станко Судивоевич, маршалъко». См. Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 10. Срав. тамъ же, стр. 2, 4, 7, 17, 18, 29, 30, 52; Акты Литовской Метрики, вып. I, № 18, 43, 71, 73, 129, 134, 168. 174, 185, 284, 286; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 43, 137.

[305]) Землю пустую въ Кременецкомъ повѣтѣ Берегъ пожаловалъ Кузмѣ Волошину самъ король, «а указал пану Довкшю росказати грамоту», которую и написалъ писарь Копоть. См. Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 30.

[306]) «Приказъ усих пановъ»; или «А при тыхъ же панех, а приказ тыхъ же пановъ. Якубъ». См. тамъ же, стр. 42, 43, 51; срав. стр. 32.

[307]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

[308]) Въ записи о пожалованіи Казимиромъ пану Ивашку Вяжевичу 12 человѣкъ на Уздѣ читаемъ: «Правил панъ Михайло канъцлер, а пис. Якубъ»; въ записи о пожалованіи нѣсколькимъ лицамъ крестьянъ въ Браславлѣ Подольскомъ читаемъ: «И всимъ тымъ правил панъ Юрьша у Вильни о сойме». Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 43, 46.

[309]) Акты Зап. Рос. II, № 121, 122.

[310]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 83, 113, 115, 120, 124, 158, 166, 289, 308, 311; Акты Зап. Рос. II, № 17; Документы Московскаго Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 26, 56.

[311]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 121, 127, 130, 136, 137, 140, 211, 226, 229, 250, 389, 422; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 20, 42, 80, 96.

[312]) Акты Литовской Метрики, вып. I, № 125, 126, 141, 142, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 34, 149; Документы Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, стр. 7, 24.

писари составляли документы на основаніи того, чему были сами свидѣтелями въ радѣ господарской. Какъ видно изъ различныхъ привилеевъ на писарство и секретарство, писари и секретари допускались «до таемницъ» рады господарской, но не постоянно, а когда господарь считалъ это возможнымъ, «водлѣ уподобанья» своего [313]). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и самая формула присяги, которую они приносили при вступленіи въ должность,—быть вѣрными господарю «и вси рады его, которые бы колвекъ мне были допущоны або объявены, таемне заховати а жадному человѣку ихъ... не объявляти» [314]). Нѣкоторые секретари и писари, впрочемъ, какъ уже было сказано выше, имѣли постоянное мѣсто и голосъ въ радѣ господарской. Изготовленный документъ скрѣплялся приложеніемъ или большой, «маестатной», печати великаго княжества, находившейся у канцлера, или малой «сыкгнетной» [315]), находившейся всегда при господарѣ, и подписью писаря, изрѣдка канцлера. Сигизмундъ, кромѣ того, многіе документы сталъ скрѣплять подписью своей господарской руки [316]). Послѣ скрѣпы документъ поступалъ къ тому же писарю, который вписывалъ его копію въ метрическую книгу. Эту работу онъ поручалъ большею частью уже своему дьяку [317]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда при писарѣ не было

---

[313]) Въ привилеѣ на секретарство, выданномъ пану Ивану Харитоновичу 28 февраля 1567 г., читаемъ: «А мы тежъ, господаръ, во всякой учтивости пристойной его, яко присяглаго и привильеваного врадника нашого мети *и до рады нашое припускати и таемницъ нашихъ водле уподобанья нашого зверитися ему маемъ*». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91.

[314]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 156.

[315]) Акты Зап. Рос. II, № 14.

[316]) Акты Зап. Рос. II, № 106, 108, 109, 115, 118, 127, 136, 139, 160; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 145, 152, 154, 161, 166, 180, 181, 192, 196.

[317]) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаются такія помѣты: «То справа пана Громычина жъ (писаря), которая почалася въ тые книги писати *за Митка дьяка*, лета Божего тисяча пятсотъ пятогонадесять месеца марта 13 дня, индиктъ 4. (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101). Или:«Тые справы початы въ тыи книги быть записываны, будучы господару и великому князю его милости Жикгимонту у Кракове, за пана Михайла писара, державцу Впитского. Лета Бож. Нарож. 1540 мца мар. 7 дня индиктъ 13». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 1). «Приехавши господару королю и великому князю его милости Жикгимонту съ Кракова до здешнего панства своего князства великого Литовского къ Вилни тые справы почалисе въ тую книгу быть записованы за пана Михайла писара, державцу Упитского» 1540 г. 10 іюля (тамъ же, л. 7). «По выеханью пана Михайла писара, деръжавцы

метрической книги, онъ присылалъ всѣ изготовленные имъ документы въ канцелярію, гдѣ они и вписывались въ книгу по приложенному къ нимъ реестру [318]). Вообще по правилу писари должны были всѣ подлинники сдавать въ государственную канцелярію, откуда они и выдавались уже на руки просителямъ. Писарь Нарушевичъ, позволившій себѣ выдать пану Янушу Костевичу привилей на державу Ковенскую непосредственно, минуя канцелярію, по жалобѣ канцлера получилъ жестокую головомойку отъ короля Сигизмунда. Изъ листа короля, написаннаго по этому поводу Нарушевичу, узнаемъ отчасти и объ основаніяхъ указаннаго порядка. Подлинные документы направлялись въ канцелярію для взысканія при ихъ выдачѣ съ просителей канцлерскаго дохода [319]). Кромѣ того, несомнѣнно имѣлась при этомъ въ виду

Упитского, зъ Вильни до Волыни тые речы за росказаньемъ пана Горностая подскарбего справованы и вписываны *черезъ дьяка его Бенедыкта*». 1540 г. 20 окт. (тамъ же, л. 22).«Потомъ, кгды панъ Михайло писарь зъ Волыня до двора господарского засе прыехалъ, тогды тые справы початы быть справованы». 1540 генваря 20 (тамъ же, л. 30).

[318]) Поэтому и въ книгахъ Метрики встрѣчаемся, напр., съ такими помѣтами: «Тые *листы*—справа пана Богушова Боговитиновича—уписаны зъ реистровъ Сопотковыхъ, которыи Сопотко привезъ зъ Ляховъ». (Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60). «Тотъ вырокъ короля его милости прислалъ до мене панъ Горностай, подскарбій земскій, въ себе справивъши и подъ печатью господаръскою, абы былъ уведенъ у книги господарскіе, который жо былъ справенъ тымъ обычаемъ, яко нижей описано». (Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79).

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 76. Безъ уплаты этой пошлины канцлеръ не выдавалъ документовъ не только частнымъ лицамъ, но и городамъ, какъ это видно изъ жалобы «поспольства» мѣста Виленскаго на свое начальство, которое, проигравъ тяжбу съ этимъ «поспольствомъ» у господаря, не хотѣло выкупать у канцлера «за посполитые пенези местскіе» выданный по сему случаю всему мѣсту Виленскому привилей (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 51, 52). Въ этомъ порядкѣ сдачи подлинниковъ въ канцелярію надо искать объясненія нѣкоторыхъ особенностей книгъ Литовской Метрики. Сплошь и рядомъ документы повторяются въ одной книгѣ или въ двухъ и даже въ трехъ (см., напр., X и XI книги Записей). Очевидно одинъ и тотъ же документъ попадался два раза въ руки одному и тому же дьяку или по разу нѣсколькимъ дьякамъ и записывался ими въ книги нѣсколько разъ по ошибкѣ. Впрочемъ, это могло дѣлаться и по просьбѣ частныхъ лицъ, желавшихъ вѣрнѣе гарантировать себѣ и потомкамъ возможность возстановленія своихъ привилеевъ. Нѣкоторые документы въ подлинникахъ и копіяхъ писари сдавали, повидимому въ неготовомъ видѣ, безъ датъ времени и мѣста, которыя отмѣчались позднѣе. Этимъ и объясняются хронологическія несообразности, встрѣчающіяся въ актахъ Метрики. Документъ, напр., писанъ въ Краковѣ, а помѣченъ та-

и канцлерская провѣрка. Въ 1536 году писарь Горностай прислалъ въ канцелярію господарскій «вырокъ» по дѣлу между паномъ Патеемъ Тишковичемъ и паномъ Миколаемъ Пацемъ «о покажене границъ» имѣнья. Канцлеръ, осмотрѣвъ документъ, не нашелъ въ немъ подписи Горностая и доложилъ объ этомъ королю, указавъ, «же бы въ томъ выроку» рука писарская была подписана. Король велѣлъ подписать вырокъ находившемуся при немъ писарю Михаилу [320]). По формулѣ присяги, установленной при Сигизмундѣ-Августѣ для канцлера и подканцлера, ни тотъ, ни другой не имѣли права выдавать пергаментовыхъ листовъ и мембранъ (бланокъ, за подписью господаря) безъ вѣдомости, воли и устнаго приказанья господаря, не имѣли права выдавать никакихъ листовъ и бумажныхъ («паперевыхъ») ко вреду королю, великому княжеству и посполитымъ правамъ и вольностямъ и къ уменьшенію «достойности, зацности и поваги» государя и государства [321]).

Изъ приведенныхъ выше подробностей обнаруживается, что государственная канцелярія великаго княжества Литовскаго съ канцлеромъ во главѣ, со всѣмъ ея штатомъ секретарей, писарей [322]) и дья-

---

кимъ числомъ, когда господарь тамъ уже не находился. Очевидно, что дата была проставлена впослѣдствіи по памяти или же въ моментъ выдачи изъ канцеляріи подлинника.

[320]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 79.

[321]) Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

[322]) Писарей было довольно много. Они дѣлились на *русскихъ и латинскихъ*; кромѣ того упоминаются и *писари татарскіе*, или *арабскіе*, для переписки съ восточными государями и перевода ихъ грамотъ (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 115, 116). Писарямъ такъ же, какъ и канцлеру, въ видѣ вознагражденія за службу давались «въ держанье» господарскіе дворы и волости, съ которыхъ они пользовались намѣстничьими доходами, такъ что писарь часто былъ въ то же время и державцею. (*Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 255—266). Кромѣ того, они имѣли и свои *писарскіе доходы* съ документовъ, которые они по просьбѣ частныхъ лицъ вносили въ книги Метрики, и съ «выписовъ», которые они давали со вписанныхъ уже документовъ (Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 6). По временамъ имъ давались «отправы», когда приходилось ѣхать съ господаремъ въ Польшу (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 106, 107), или жаловались за службы небольшія суммы денегъ, сукна, шубы, хлѣбъ, лошади и т. под. Король Сигизмундъ-Августъ сталъ давать нѣкоторымъ изъ нихъ въ видѣ наградъ за службу ежегодное жалованье, или «юркгельтъ», до живота. (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 383, 384; LI, л. 296). Въ секретари и писари попадали нерѣдко отличившіеся *дьяки*, какъ, напр., при Сигизмундѣ-Августѣ Матѳей Ивановичъ Протасовичъ, Иванъ Андреевичъ Харитоновичъ (кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 90, 91, 205, 206). Дьяки

ковъ не была особымъ органомъ управленія, а состояла при господарѣ и радѣ, какъ вспомогательное, технически-исполнительное учрежденіе. Эта канцелярія была только канцеляріею и ничѣмъ инымъ, не походила, напр., на разрядъ, посольскій и помѣстный приказы Московскаго государства, которые также были отдѣленіями государственной канцеляріи при боярской думѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и самостоятельную распорядительную и судебную власть.

Такимъ же вспомогательнымъ, технически-исполнительнымъ учрежденіемъ, былъ въ разсматриваемое время и *скарбъ* великаго княжества съ *подскарбіемъ земскимъ* во главѣ и его помощниками—*скарбными.*

Необходимо прежде всего замѣтить, что скарбъ въ разсматриваемое время соединенъ былъ самыми тѣсными узами съ государственною канцеляріею великаго княжества. Это были какъ бы два отдѣленія одного и того же учрежденія, состоявшаго при господарѣ и панахъ-радѣ. Скарбъ собственно былъ только хранилищемъ разныхъ цѣнностей, которыя стягивалъ господарь въ свое и пановъ-рады распоряженіе, для удовлетворенія «потребъ его милости господарскихъ и земскихъ». Но письменное дѣлопроизводство по приходу и расходу государственныхъ суммъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, къ числу которыхъ съ 1509 года принадлежалъ обыкновенно и самъ подскарбій земскій. За главнымъ же начальникомъ канцеляріи канцлеромъ, признавалась «повинность тыхъ доходовъ господарскихъ и земскихъ стеречы» [323]). Для этой канцеляріи скарбъ былъ архивомъ, въ которомъ хранились ея документы и книги. До 1547 года въ скарбѣ сохранялись привилеи земскіе, выданные всему великому княжеству. На Виленскомъ сеймѣ, происходившемъ въ этомъ году, шляхта просила господаря для облегченія доступа къ этимъ привилеямъ хранить ихъ не въ скарбѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подъ печатью пановъ-рады, и господарь изъявилъ свое согласіе, предоставивъ шляхтѣ сговориться о подробностяхъ съ панами-радою [324]). Но по всѣмъ даннымъ, перемѣщеніе привилеевъ земскихъ въ другое мѣсто не состоялось. Этимъ, вѣроятно, объясняется просьба становъ Виленскаго сейма 1554 года, чтобы господарь приказалъ дословно переписать привилеи зем-

---

получали обыкновенно небольшое постоянное жалованье, «юркгельтъ», изъ скарба (кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 45, 46).

[323]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

[324]) Акты Зап. Рос. III, № 4, просьба 3.

скіе въ статутъ [325]). Формула присяги, которую при Сигизмундѣ-Августѣ приносилъ подскарбій земскій, выражала между прочимъ и обѣщаніе его сохранять въ числѣ другихъ цѣнностей и привилеи великаго княжества [326]). Кромѣ привилеевъ земскихъ, въ скарбѣ сохранялись подлинники договоровъ съ иностранными государствами, разные другіе подлинные акты, а также и книги Метрики, уже заполненныя записями [327]). Изъ формулы присяги, которую приносилъ подскарбій земскій, узнаемъ затѣмъ, что скарбъ былъ не только государственнымъ архивомъ, но и хранилищемъ государственныхъ регалій, «клейнотъ и оздобъ» великаго княжества, подъ которыми, вѣроятно, разумѣются шапка Гедимина, скипетръ или «ласка», мечъ, хоругвь земская и проч. Скарбъ былъ и главнымъ арсеналомъ, въ которомъ хранилось огнестрѣльное оружіе и боевые припасы—«дела, гаковницы, салетра, свинецъ, аркебузы, формы желѣзныя для литья куль, сѣра» и т. д. [328]). Отсюда господарь и паны-рада, по мѣрѣ надобности, разсылали орудія и боевые припасы на украинные и другіе замки. Вслѣдствіе этого при скарбѣ состояли различные мастера, которые изготовляли для него «слесарскіе рѣчи» и т. под. [329]).

---

[325]) Тамъ же, № 13, просьба 1.

[326]) Эта формула внесена была въ книгу Литов. Метрики гораздо позднѣе, въ царствованіе Владислава IV. Литов. Метр. Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 3.

[327]) *С. Л. Пташицкаго* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4, 5; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466.

[328]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 138; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 33—35.

[329]) Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 57, 58. При этомъ арсеналѣ позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, находился особый *оружничій*, получавшій жалованье изъ скарба. Его обязанности въ привилеѣ, выданномъ (1 января 1568 года) на эту должность Андрею Матысу, опредѣляются такъ: „Tenebitur praefatus Andreas Matys armamentarii nostri Vilnensis.., munitiones ac omnem suppellectilem atque apparatum ad armamentarium pertinentem fideliter custodire ac nil eorum negligere, quae od officium armamentary spectare videntur. Tenebitur quosque proficisci in singulas et omnes expeditiones bellicas atque itinera quotiescunque id ei a nobis injunctum fuerit, ita tamen, ut in itinere pro tot equis atque famulis, quod ei a nobis concessi fuerint, solvatur ei tantum, quantum alijs ex thesauro nostro solui consuevit, qui in eo servitio apud tormenta nostra versantur. Debebit quoque et obligatus erit spatulas armamentarias, globos tormentarios quotquot iis opus erit et id ejusmodi alia sine vllo pretio nobis conficere, saltem materiam resque necessarias ei operi nos ipsi dare atque praestare debemus. Insuper tenebitur semper in

Но главнымъ образомъ скарбъ былъ все таки государственнымъ казначействомъ, куда сдавались остатки всѣхъ государственныхъ доходовъ, не израсходованныхъ на мѣстѣ,—въ распоряженіе господаря и пановъ-рады, «на потребы господарскіе и земскіе». Кромѣ серебщины, собиравшейся экстренно, большею частью для военныхъ нуждъ, въ скарбъ поступали разнообразныя таможенныя пошлины (census theloneorum), «корчомные пенязи» (census tabernarum), судебныя пошлины («вины и пересуды») и разные другіе доходы [330]), какъ то: дань, чинши, пенязи осадные, пенязи за проданный хлѣбъ съ господарскихъ гуменъ, за проданный скотъ и животные продукты съ господарскихъ «стаенъ», табуновъ и «оборъ»; пенязи, вырученные отъ распродажи или замѣны натуральныхъ сборовъ съ господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ (дякла, мезлевы и т. д.), отъ сдачи въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей, какъ напр., лѣсныхъ «куповъ» или «будъ» (производства смолы, дегтя, клепокъ и поташа), «рыбныхъ озеръ [331]), доходы съ «мынцы», т. е. монетнаго двора [332]). Короче сказать: въ скарбъ земскій въ разсматриваемое время шли всевозможные доходы, которые только получалъ литовско-русскій государь на свои и государственныя надобности. Высказывая это утвержденіе, мы сильно расходимся съ тѣмъ, что высказалъ по этому поводу покойный С. А. Бершадскій въ своей статьѣ «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій Великаго княжества Литовскаго». По словамъ г. Бершадскаго, тѣ доходы съ господарскихъ дворовъ и волостей, какіе собирались и частными владѣльцами въ своихъ имѣньяхъ, собирались не въ земскій скарбъ, а въ

---

armamentario famulum vnum expensis suis proprys alere, qui opera et seruitio nostro facienda esse videbuntur". (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VIII, л. 47, 48).

[330]) Zbiór praw litewskich, str. 64

[331]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 12, 23; Акты Зап. Рос. II, № 159; III, № 19; Архивъ Юго-Зап. Рос. часть VI, т. I, № VII.

[332]) Мѣщанинъ Краковскій Ульрихъ Гоза билъ монету въ Вильнѣ съ 9 февраля 1509 г. по 24 августа 1510 г. «И положилъ передъ нами,—читаемъ въ записи Метрики,—на личбѣ, ижъ въ тые годы далъ ему подскарбій нашъ земскій панъ Аврамъ Езофовичъ серебра до мынцы тринадцать тисечей гривенъ и шестьсотъ гривенъ и деветьнадцать гривенъ и дванадцать лотовъ и квинтъ о пенязь. И выбивши тое серебро все, и далъ прибытка съ того дванадцать тисечей золотыхъ, личачи золотый по полукопѣ грошей, до скарбу нашого въ руки подскарбему жъ пану Авраму кромѣ того, што на роботники выдалъ и на иншии всякии обыходы тое-то мынцы нашое». Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 114.

дворный, находившійся въ завѣдываньѣ подскарбія дворнаго, считались не государственными, а собственными господарскими доходами. Этому противорѣчатъ и факты, и прямыя заявленія источниковъ. Въ записяхъ Литовской Метрики разсматриваемаго времени можно найти множество примѣровъ расходованія на государственныя нужды тѣхъ статей, которыя по классификаціи г. Бершадскаго были собственными господарскими доходами. Въ видѣ жалованья за службу урядникамъ, дворянамъ и разнымъ лицамъ раздавались, напр., жита, овсы, сѣна дякольные, лошади и жеребята съ господарскихъ дворовъ [333]); для «великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ», на уплату жалованья наемнымъ солдатамъ, заставлялись господарскіе дворы не только съ государственными, но и вотчинными доходами господаря [334]). Съ господарскихъ дворовъ отправлялся на «оспижованье» украинныхъ замковъ дякольный хлѣбъ и т. д. [335]). Устава на волоки, выданная при Сигизмундѣ-Августѣ прямо заявляетъ, что всѣ пожитки съ господарскихъ дворовъ шли въ скарбъ *земскій* [336]). Самъ Бершадскій долженъ былъ ограничить свое сужденіе въ томъ смыслѣ, что принципъ раздѣленія государственныхъ и господарскихъ доходовъ въ началѣ XVI вѣка не проводился съ безусловною послѣдовательностью [337]). Съ своей стороны мы должны заявить, что этого раздѣленія въ то время вовсе не было, не замѣтно даже и «тенденціи къ ихъ разграниченію», вопреки утвержденію г. Довнаръ-Запольскаго [338]). Эта тенденція стала обнаруживаться только при Сигизмундѣ-Августѣ. Когда Ливонская война стала поглощать всѣ средства земскаго скарба, и господарю нечѣмъ стало содержать себя и свой дворъ, Сигизмундъ-Августъ въ отношеніи «спадковыхъ» имѣній, доставшихся ему по смерти частныхъ владѣльцевъ, сталъ приравнивать себя къ остальнымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Такія имѣнія стали считаться не столовыми господарскими, а личными, «власной особе его королевской милости належачими». Съ такихъ имѣній вотчинные доходы и стали идти непосредственно въ скарбъ дворный, минуя скарбъ земскій, прямо въ руки

---

[333]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15.

[334]) Тамъ же, № 147, 163; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 25—29, 33.

[335]) См. выше, стр. 221, 234, 262, 272; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 197.

[336]) Акты Зап. Рос. Ш, стр. 82.

[337]) Кіевская Старина за 1888 г., № II, стр. 236—241.

[338]) Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, стр. 3.

подскарбія дворнаго. До этого же времени скарбъ дворный черпалъ свои средства на личные расходы господаря изъ средствъ того же земскаго скарба [339]), и подскарбій дворный велъ только отчетность по этимъ поступленіямъ общегосударственныхъ средствъ на нужды двора, или расходамъ земскаго скарба, былъ въ этомъ отношеніи простымъ помощникомъ подскарбія земскаго, котораго онъ и замѣщалъ собою въ его отсутствіе [340]).

Какъ уже было сказано выше, въ скарбъ приливали только остатки государственныхъ доходовъ, не израсходованныхъ на мѣстѣ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ разсматриваемое время практиковался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ способъ уплаты жалованья и разныхъ казенныхъ долговъ путемъ выдачи ассигновокъ, или «квитовъ», на мѣстныя кассы, по соображенію съ удобствами жалуемаго лица или кредитора и по соображенію со средствами, которыми располагали мѣстныя кассы. Такіе «квиты» выдавались на старостъ, державцевъ и тивуновъ господарскихъ дворовъ и волостей, на казначеевъ (въ Смоленскѣ и Брянскѣ), на ключниковъ, городничихъ, арендаторовъ разныхъ мытъ и корчомъ или на лицъ, державшихъ мыта и корчмы «къ вѣрной

[339]) Великій князь Александръ на мытные пенязи Кіевскіе покупалъ между прочимъ у кафинскихъ купцовъ «перла, шолки, тафты, ковры, чомлоты» для великой княгини. Изъ этихъ же мытныхъ пенязей оплачивались «квитацеи», выданныя разнымъ лицамъ, упоминки Перекопскому царю и его посламъ, пушкари Кіевскаго замка и «городовые речи». Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 64.

[340]) Такъ было въ Польшѣ. Конституція Петрковскаго сейма 1504 г. называетъ подскарбія дворнаго прямо vicethesaurarius Regni, tanquam thesaurorum Curiae secretarius (Volumina legum 1, 136). Такъ какъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ центральные уряды земскіе и дворные заводились по польскому образцу, надо полагать, что и здѣсь подскарбій дворный значилъ то же, что и въ Польшѣ. Это подтверждается и фактами. Подскарбій дворный Станиславъ Влошекъ въ маѣ 1561 года, когда мѣсто подскарбія земскаго оставалось вакантнымъ, является завѣдующимъ земскимъ скарбомъ, принимаетъ въ скарбъ земскій листы пана Миколая Юрьевича Радивила на имѣнье Роконтишки, которое панъ «спустилъ» королю, и выдаетъ передавшему эти листы пану Остафью Воловичу «квитъ» въ полученіи (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 465, 466). Въ роли завѣдующаго скарбомъ земскимъ выступаетъ Влошекъ и ранѣе того, въ 1559 г., когда также не было подскарбія земскаго: король извѣщаетъ его и писаря Маковецкого о томъ, что хлѣбъ съ господарскихъ гуменъ, отправленный бывшимъ старостою Бранскимъ и Саражскимъ Сеньковскимъ, дошелъ по назначенію и не подлежитъ взысканію съ этого старосты (Тамъ же, л. 232).

руцѣ». Въ этихъ квитахъ содержались приказы названнымъ урядникамъ и арендаторамъ о выдачѣ извѣстному лицу жалованья или о заплатѣ ему казеннаго долга изъ тѣхъ средствъ, какія были въ ихъ распоряженіи: съ «винъ», т. е. судебныхъ пошлинъ (у старостъ, державцевъ и тивуновъ), съ «ключа» (у ключниковъ), съ «дякла» (у городничихъ), съ мытныхъ и корчомныхъ пенязей и т. д. Такъ какъ господарскіе доходы мѣстными урядниками и арендаторами собирались не только деньгами, или «готовизною», но и натурою—хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ (дякло), медомъ и мѣхами (дань), воскомъ, солью, сукнами (мыто), то и ассигновки писались не только на деньги, но и на эти натуральныя статьи: на извѣстное число бочекъ жита или овса, на извѣстное число возовъ сѣна, на шубы, на то или другое количество меду и соли, на сукна и т. д. Всѣ эти выдачи опредѣлялись господаремъ лично или по совѣту съ панами радою, а «квиты» изготовлялись и выдавались писарями государственной канцеляріи великаго княжества. Каждый писарь велъ реестръ «квитамъ», выданнымъ при его посредствѣ [341]), съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія, а иногда, когда этотъ реестръ становился значительнымъ, чтобы возстановить его въ случаѣ утраты, приказывалъ своему дьяку переписать его въ книгу Метрики. Поэтому среди записей разнообразныхъ документовъ въ книгахъ Метрики встрѣчаемъ и копіи этихъ реестровъ [342]).

---

[341]) Поэтому и въ реестрахъ господарскихъ «отправъ» встрѣчаемъ такія помѣты: «При Богуши писари *на квитацеяхъ* почато давати у Смоленску княжатомъ, панятомъ Волыньскимъ съ соленыхъ пенязей Луцкихъ месеца сентебря 8 индиктъ 12» (1508 г.). Или: «Отправа, давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопегою, княземъ и паномъ, и дворяномъ лета Божъего 1509 месеца февраля 18 день, индиктъ 12, какъ король его милость ехалъ зъ Литвы до Польски» (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 426, 431).

[342]) «Ѳедковъ реестръ» квитовъ, выданныхъ въ разное время Казимиромъ, заполняетъ большую половину книги Записей № IV (часть его напечатана г. Довнаръ-Запольскимъ въ Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 15). Такіе же реестры попадаются и въ книгахъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, напр., «отправы» короля Сигизмунда князьямъ, панамъ, дворянамъ «и всимъ землямъ» великаго княжества въ промежуткѣ времени отъ 1506 г. по 7 ноября 1511 г. записаны въ VIII книгѣ Записей (л. 413—416). Сравнительно небольшое число этихъ реестровъ въ книгахъ Метрики объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что не всѣ реестры «отправъ» вносились въ книги Метрики, а оставались въ особыхъ тетрадяхъ, которые и уничтожались по минованіи въ нихъ надобности, т. е. послѣ принятія отчета отъ тѣхъ, на кого выданы были квиты.

Квиты, оплаченные мѣстными урядниками и арендаторами господарскихъ доходовъ, предъявлялись ими при сдачѣ отчета въ доходахъ и расходахъ и остаточныхъ суммъ въ скарбъ земскій великаго княжества [343]). Но кто принималъ эти отчеты отъ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ? Естественно ожидать, что это было дѣло земскаго подскарбія великаго княжества. На самомъ дѣлѣ въ разсматриваемое время было не такъ. Подскарбій земскій принималъ только участіе, и притомъ сравнительно ограниченное, какъ одинъ изъ нѣсколькихъ контролеровъ, въ учетѣ мѣстныхъ финансовыхъ агентовъ. Этотъ учетъ производилъ прежде всего самъ господарь одинъ или съ панами-радою. Такимъ образомъ, король Казимиръ 20 мая 1489 года въ Краковѣ «бралъ личбу» у мытниковъ Кіевскихъ и Путивльскихъ, при чемъ не только ничего не получилъ отъ нихъ, но и остался долженъ 324 копы [344]). Великій князь Александръ въ бытность свою въ Берестьѣ въ 1497 году дѣлалъ «личбу» съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, «што держали от его милости мыто Берестейское к верной руце» [345]). Онъ же принималъ «личбу» отъ ключника и мытниковъ Кіевскихъ, державшихъ мыто «къ верной руце», въ Вильнѣ 2 мая 1499 г. и выдалъ имъ «квитацію», по которой признавалъ себя должникомъ ихъ въ суммѣ 10 копъ 16 грошей [346]); 9 іюля того же года Александръ принималъ личбу отъ маршалка Литавора Хребтовича «зъ минцы» и выдалъ ему «квитацію» [347]); 7 іюня 1508 года въ Слупѣ принималъ «личбу» отъ арендатора мыта Луцкаго Никеля Прокоповича и выдалъ ему «квитацію» въ удостовѣреніе, что остался ему долженъ $41\frac{1}{2}$ копу грошей [348]); 28 іюня того же года принималъ отчетъ отъ лентвойта Полоцкаго Якуба Кезмарковича въ израсходованіи той суммы, которую лентвойтъ собиралъ на господаря съ мѣста Полоцкаго, по 400 копъ грошей въ годъ, и выдалъ соотвѣтствующую «квитацію» [349]). Король Сигизмундъ 26 іюня 1508 года въ Минскѣ считался съ откупщикомъ Ковенской соляной коморы Аврамомъ Езофовичемъ въ деньгахъ, которыя у него побрали

---

343) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 60.

344) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 22.

345) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 52.

346) Тамъ же, № 64.

347) Тамъ же, № 67.

348) Тамъ же, № 89.

349) Тамъ же, № 90.

паны-рада въ отсутствіе господаря «для господарское великое потребы и земское»[350]); 29 іюня 1509 года въ Краковѣ король принималъ «личбу» отъ того же Аврама Езофовича въ израсходованіи пенязей съ корчомъ Смоленскихъ[351]); 27 марта 1513 года въ Вильнѣ Сигизмундъ дѣлалъ «личбу» съ восковничими Берестейскими Данькомъ и Михелемъ Ребичковичемъ, которые держали отъ него «къ вѣрной руцѣ» восковую и соляную комору въ Берестьѣ, и выдалъ имъ квитацію, удостовѣряющую, что за выдачею ими денегъ «на послы и на квитаціи и на иншіи потребы» король остался имъ долженъ 1068 копъ и 24 гроша, каковую сумму они имѣютъ выбрать съ мыта Берестейскаго на будущіе годы[352]). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ король принималъ отчетъ единолично, въ присутствіи только писаря, который записывалъ въ книгу Метрики результатъ «личбы» или копію той «квитаціи», которую онъ выдавалъ лицу, представлявшему отчетъ, подъ печатью господарскою. Но иногда король принималъ «личбу» совмѣстно съ панами-радою, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось учитывать расходы, сдѣланные по приказанію пановъ-рады. Такимъ образомъ, напр., въ 1528 году 25 октября въ Вильнѣ Сигизмундъ вмѣстѣ съ панами-радою принималъ отчетъ отъ Андрея Прокоповича и Огрона Нахимовича въ приходахъ съ коморы восковой и соляной Ковенской и въ расходахъ, сдѣланныхъ на «потребы» земскія по приказанью господаря или пановъ-рады, и выдалъ имъ соотвѣтствующую квитацію[353]).

Сплошь и рядомъ, однако, господарь поручалъ сведеніе счетовъ съ мѣстными агентами разнымъ лицамъ, и между ними *иногда и подскарбію земскому*. Такимъ образомъ, напр., подскарбій Андрей и писарь Ивашко Владыка 12 ноября 1494 года усчитывали откупщика мыта Смоленскаго; 7 февраля 1495 года—ключника Кіевскаго Сенька Полозовича и его товарища, завѣдывавшихъ Кіевскимъ мытомъ, и одного Сенька Полозовича съ ключа Кіевскаго. Тѣ же лица 2 апрѣля 1495 года принимали «личбу» отъ ключника Берестейскаго «з восковых грошей, што ему дано на воскъ»; 6 мая—отъ дьяка Зенька съ «чижового» Ковенскаго; того же числа—отъ городничія Троцкаго[354]),

[350]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 110.

[351]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I. № 56. См. еще для 1509 г. Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 94—96.

[352]) Документы и регесты, т. I, № 81.

[353]) Тамъ же, № 126.

[354]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 165; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 26—28.

Но въ 1496 году 20 августа ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ представлялъ отчетъ о приходахъ и расходахъ ключа Кіевскаго одному уже *писарю* Ивашкѣ Владыкѣ, который результатъ отчета и внесъ въ книгу Метрики съ помѣтою: «Ключникъ Кіевский Сенько Полозовичъ делалъ личбу мне, Ивашку Владыце»[355]). Въ томъ же году 27 сентября великій князь приказалъ принять «личбу» отъ мытниковъ Минскихъ Евлашка и Өедора *маршалку* Григорію Остиковичу и писарю Ивашкѣ Владыкѣ[356]). Въ слѣдующемъ 1497 году «личбу» отъ Сенюты и войта Владимірскаго Өедора Лудовича въ израсходованіи Владимірскаго мыта, капщинныхъ (корчомныхъ) пенязей, верховщины и «цинціовыхъ» Литовижскихъ пенязей принималъ одинъ *писарь* Өедко[357]). Въ томъ же году отчетъ отъ Кіевскаго ключника и мытниковъ Кіевскихъ брали *маршалокъ* Литаворъ Хребтовичъ и писарь Өедко[358]). Въ 1503 году 24 марта господарь приказалъ у мытника Луцкаго Лерина Гереша «личбу взяти маршалку своему князю Михайлу и писарю своему Янушу»[359]). Въ слѣдующемъ 1504 году маршалокъ кн. Михайло, писарь Ивашко Сопега и *подскарбій* (дворный) Ивашко усчитывали того же мытника Луцкаго, «што давалъ въ тыи два годы княземъ, паномъ, двораномъ, земяномъ, капланомъ, пушкаремъ, роботникомъ»[360]). При Сигизмундѣ въ 1507 году подобный же отчетъ отъ восковничихъ Полоцкихъ принимали *маршалокъ* Иванъ Сопега и *подскарбій* (земскій) панъ Өедко[361]). Въ 1521 году Сигизмундъ поручалъ принять личбу отъ мытника Михеля Шписа съ коморы восковой и соляной въ Луцкѣ и Владимірѣ *подскарбію дворному* Ивану Андреевичу и *маршалку и писарю* Коптю[362]) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что подскарбій земскій иногда усчитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ, но не въ силу своей должности, а въ силу спеціальнаго порученія господаря. Непремѣннымъ членомъ такихъ коммиссій былъ одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, который результатъ провѣрки вписывалъ «на память» въ книгу Метрики.

---

[355]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

[356]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 78.

[357]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 53.

[358]) Тамъ же, № 54.

[359]) Тамъ же, № 79.

[360]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 180.

[361]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 98.

[362]) Тамъ же, № 151. Срав. № 153.

До сихъ поръ рѣчь шла большею частью о мытникахъ, ключникахъ, городничихъ и войтахъ мѣстъ. Но то же самое наблюдаемъ и въ отношеніи другихъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ податей. Въ числѣ этихъ агентовъ были между прочимъ *старцы* Задвинскихъ и Поднѣпрскихъ волостей, населенныхъ данниками и плативших дань въ опредѣленной суммѣ, по «розметамъ» и «розрубамъ» между своими членами. Отъ этихъ старцевъ принимали дань и усчитывали ихъ писари великокняжеской канцеляріи. Такимъ образомъ, напр., въ 1496 году въ бытность свою въ Берштахъ великій князь Александръ приказалъ писарю Ивашку Яцковичу побрать дань съ волостей Задвинскихъ, которую, очевидно, принесли господарю старцы этихъ волостей (и отчасти прислалъ дьякъ Зенько). Писарь принялъ и по приказанью господаря записалъ въ книгу Метрики. Часть собранной дани «готовизною» и мѣхами писарь отослалъ въ скарбъ, а часть израсходовалъ по приказамъ короля [363]). Въ томъ же году въ Трокахъ дань отъ намѣстниковъ и старцевъ Поднѣпрскихъ волостей принималъ деньгами и куницами писарь Ѳедко, который и записалъ въ книгу Метрики приходъ и расходъ этой дани и остатокъ куницами, который онъ сдалъ подскарбію (дворному) Ѳедку [364]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда дань приносилась не сполна, тѣ же писари великокняжеской канцеляріи посылались господаремъ «править недополнковъ» [365]). По исполненіи своей миссіи писари отдавали отчетъ передъ комиссіей, которую назначалъ господарь, и въ составъ которой далеко не всегда входилъ подскарбій земскій, принимавшій отъ нихъ деньги, бобры и куницы [366]).

---

[363]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 38.

[364]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 376, 377.

[365]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 342, 343; прил. № 10, 12, 16, 51; Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 92.

[366]) «Панъ Копоть Васильевичъ, писаръ господара короля его милости, выдалъ личбу передъ паномъ Иваномъ *подскарбеемъ (дворнымъ)* и передъ паномъ Иваномъ Сопегою зъ доходовъ, которые жъ бралъ на волостехъ его милости Поднепрскихъ зъ недополнковъ зъ дани грошовое и медовое, и бобровъ, и съ куницъ, што до подскарбего земского пана Ѳедка Хребтовича готовизною далъ и на квитацеи роздалъ, а иное до господара привезъ: тисеча копъ безъ пятидесяти копъ грошей и безъ полупяты копы; а бобровъ карихъ до подскарбего жъ земского далъ семъдесятъ и одинъ, а чорныхъ бобровъ пять, а куницъ шерстью сто и деветнадцать; а до ключа Виленского выгналъ дани медовое сорокъ уставовъ, а до ключа Троцкого сто колодъ безъ четырехъ колодъ меду. И на то на все вызнанье отъ пана подскарбего и отъ ключниковъ и квитацеи на личбе положилъ и со всего съ

Что касается старостъ, державцевъ и тивуновъ, которые были также сборщиками доходовъ, поступавшихъ въ своихъ остаткахъ въ скарбъ, то и этихъ агентовъ усчитывалъ не подскарбій земскій. Это дѣло выполняли паны радные, которыхъ господарь разсылалъ для отобранія отъ старостъ и державцевъ своихъ доходовъ и взысканія недоимковъ [367]), отчасти писари, великокняжеской канцеляріи, которыхъ господарь разсылалъ «пописывать и установлять пожитки своихъ дворовъ» [368]), маршалокъ дворный и, наконецъ, постоянныя комиссіи, образованныя по уставѣ 1529 года и состоявшія: изъ воеводы, въ воеводствѣ котораго находились староства и державы, маршалка дворнаго и подскарбія земскаго [369]).

Если подскарбій земскій даже не усчитывалъ мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ доходовъ великаго княжества, тѣмъ менѣе могъ онъ оказывать какое-либо вліяніе на ихъ выборъ и назначеніе. Это дѣло въ разсматриваемое время выполнялось господаремъ и отчасти панами-радою. На должности старостъ, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, ключниковъ, конюшихъ и др. назначалъ господарь частью по единоличному усмотрѣнію, частью по совѣщанію съ панами-радою, частью по представленію отдѣльныхъ пановъ радныхъ (воеводъ). На должности мытниковъ, которые собирали дань «къ верной руце», назначалъ также самъ господарь; онъ же сдавалъ въ аренду мыта, корчмы, «мынцу», «купы» или «буды» въ лѣсахъ, рыбныя озера и разныя другія хозяйственныя статьи [370]), избиралъ агентовъ по продажѣ своихъ товаровъ [371]) и т. д. Точно также господарь назначалъ

того личбу выдалъ» (1508 г.). Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 102; Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 91.

[367]) См. земскій привилей в. кн. Александра 1492 г.

[368]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 23.

[369]) Тамъ же, прилож. № 49.

[370]) Многочисленные примѣры этихъ назначеній и сдачъ въ аренду см. въ «Актахъ Южной и Западной Россіи», т. II, «Документахъ и регестахъ по исторіи литовскихъ евреевъ», т. I, а также въ «Актахъ Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.); Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19—35; V, л. 326, 327; VI, л. 163—185; 263—290; VIII, л. 84—118; XIV, л. 15—16, 28, 204—205; XV, л. 163—168; XVII, л. 130—131, 137—139, 139—141, 344—345; XIX, л. 191—192; XXIV, л. 127; XXV, л. 128, 129; XXVIII, л. 74, 75, 79; Судныхъ дѣлъ IV, л. 10—11, 24, 118, 123—124, 143—144, 183, 332; VIII, л. 209, 210.

[371]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 135.

и тѣхъ агентовъ, на которыхъ возлагалась обязанность не только собирать, но и находить господарскіе «пожитки», устанавливать ихъ вновь. Таковы были писари, которые по уставѣ 1529 г. стали назначаться для отдѣльныхъ областей: для дворовъ и волостей Виленскаго повѣта и Троцкаго, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей [372]). Письменное дѣлопроизводство по этимъ назначеніямъ велось писарями великокняжеской канцеляріи, которые изготовляли привилеи на указанныя выше должности, а также и арендные листы, и вносили ихъ въ книги Метрики.

Всѣ мѣстные агенты по сбору государственныхъ доходовъ, назначаемые господаремъ при участіи пановъ-рады, и подчинялись непосредственно господарю и панамъ-радѣ. Мы уже видѣли, что распоряженія о выдачѣ разнымъ лицамъ находившихся въ ихъ распоряженіи государственныхъ цѣнностей они получали отъ господаря или пановъ-рады; господарю и панамъ-радѣ или назначеннымъ отъ нихъ коммиссарамъ они сдавали отчетъ по пріему и выдачѣ государственныхъ доходовъ. Господарю и панамъ-радѣ всѣ эти лица были и подсудны по должностнымъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ. Старосты, державцы и тивуны, заявившіе себя «шкодниками» и «роспрошителями» господарскихъ «пожитковъ», судились господаремъ и лишались своихъ мѣстъ по приговору пановъ-рады [373]); арендаторы мытъ, корчомъ и другихъ доходныхъ статей, собиравшіе доходы не по уставѣ, по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ судились господаремъ единолично [374]) или съ панами-радою [375]), или, наконецъ, одними панами-радою «по компсеи» отъ господаря [376]). Когда должность подскарбія земскаго получилъ (въ 1530 г.) писарь Ивашко Горностай, Сигизмундъ по особому довѣрію къ его уму распорядительности и радѣнію о государственныхъ интересахъ, сталъ поручать ему судъ надъ арендаторами государственныхъ доходовъ въ свое отсутствіе [377]) и выдачу на нихъ кви-

---

[372]) Акты Зап. Рос. II, № 149, II; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1, 2, 81, 82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333, 339—340, 346—347.

[373]) См. земскіе привилеи 1492 и 1506 г.

[374]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, томъ I, № 14, 47, 53, 81, 108, 109; Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 81, 93.

[375]) Документы и регесты т. I, № 130.

[376]) Тамъ же, № 134, 135.

[377]) Тамъ же, № 142.

товъ [378]). Поэтому и въ арендныхъ листахъ короля стало содержаться предписаніе мытникамъ, чтобы они были послушны пану подскарбію [379]) и выдавали деньги на квитаціи за его подписью [380]). Но это подчиненіе продолжалось сравнительно не долго: въ концѣ 1536 года Сигизмундъ отдалъ всѣ мытныя коморы въ завѣдыванье женѣ своей, королевѣ Бонѣ, а та съ своей стороны пораздала ихъ дворянамъ «къ верной руце» [381]). Эти агенты королевы Боны, разумѣется, уже подчинялись непосредственно ей, а не подскарбію земскому великаго княжества.

Подведя итогъ всему, что сказано выше, приходимъ къ заключенію, что въ разсматриваемое время, помимо господаря и пановъ-рады, не создалось еще никакого другого постояннаго органа для центральнаго управленія финансовою частью Литовско-Русскаго государства. Подскарбій земскій въ разсматриваемое время не былъ министромъ финансовъ, а только главнымъ казначеемъ при центральной государственной кассѣ, куда поступали изъ мѣстныхъ кассъ всѣ средства, не израсходованныя на мѣстѣ. Его функціи состояли въ пріемѣ этихъ остатковъ, въ выдачѣ ихъ по приказанью господаря или пановъ-рады и веденію кассовой отчетности. Подскарбій, принимая деньги или вещи, выдавалъ лицу, доставившему ихъ, расписку или «вызнанье» въ полученіи, которое тѣмъ и предъявлялось при сдачѣ отчета господарю или лицамъ, на то уполномоченнымъ отъ господаря. Выдачи изъ скарба денегъ и вещей подскарбій производилъ или «на устное росказанье» господаря или пановъ-рады, но чаще всего на «листы» и «квиты», взятые получателемъ отъ великокняжескихъ писарей. Реестръ сдѣланнымъ расходамъ вмѣстѣ съ листами и квитами подскарбій предъявлялъ при сдачѣ «личбы» господарю и панамъ-радѣ, какъ оправдательные документы, при чемъ писарь результатъ личбы вносилъ въ книгу Метрики [382]). Кассовыя вѣдомости скарба велъ особый *скарбный писарь*,

---

[378]) Тамъ же, № 82.

[379]) Тамъ же, № 141.

[380]) Тамъ же, № 142.

[381]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 12—14.

[382]) «Какъ вжо мы сели господаремъ на великомъ князьствѣ Литовскомъ,— гласитъ запись Сигизмунда—отъ 4 января 1508 г.,—ино отъ тыхъ местъ и до сихъ часовъ, *што пришло до него до скарбу нашого* (до подскарбія Ѳедка Хребтовича) пенязей восковыхъ, соляныхъ, серебщиныхъ и иныхъ, со всего съ того онъ намъ личбу выдавши, и назвышъ того положилъ передъ нами на личбе, што бралъ въ долгъ на свои руки *зъ нашого росказанья* и на погребъ тела брата нашого

всегда находившійся при скарбѣ. Такимъ писаремъ былъ, напр., при Сигизмундѣ Мановскій Ѳедоровичъ, «справца коморы восковое Виленское». Писаремъ скарбнымъ его опредѣлилъ подскарбій Богушъ Боговитиновичъ и поручилъ ему «яко приходы, такъ и росходы скарбу... на реистра записывати». Мановскій оставался въ должности писаря скарбнаго и справцы коморы Виленской и при преемникѣ Богуша—Горностаѣ, при чемъ за свой трудъ получалъ изъ скарба «врочистый

Александра короля и великого князя его милости и тежъ ку потребе земской готовыми пенязьми и оксамиты, отласы и одамашки и сукны и иными речми, того всего набралъ за тисечу копъ безъ тридцати и безъ трехъ копъ грошей». (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 97, 98). 20 октября 1511 г. король съ панами радою на сеймѣ въ Берестьѣ принималъ личбу отъ подскарбія земского Аврама «у великой свѣтлици». Результатъ личбы: «И онъ вси тые пенези до того дня, до светого Фрaнтишка, роздалъ *на листы и на устное росказанье* нашо княземъ и паномъ, и служебнымъ, и дворяномъ нашомъ и на иные потребы наши; и назвышъ того остали семо ещо ему винни семъ тисечъ копъ грошей и двадцать копъ грошей». Деньги получались подскарбіемъ съ «мынцы» и мытныхъ коморъ восковыхъ и соляныхъ: Ковенской, Виленской, Полоцкой, Смоленской, Берестейской, Владимірской, Бѣльской, а также съ корчомъ и другихъ источниковъ (Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 116). 20 мая 1535 года подскарбій земскій Иванъ Горностай сдавалъ господарю отчетъ въ израсходованіи серебщинныхъ пенязей, собранныхъ бирчими земскими паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ и писаремъ Павломъ Нарушевичемъ на основаніи «ухвалы» Виленскаго сейма 1534 г. и переданныхъ ими подскарбію въ суммѣ 26345 копъ грошей. «Гдѣ жъ онъ,—гласитъ запись Метрики,—съ тыхъ всихъ пенязей, што кому выдалъ на росказанье нашо яко на дворянъ пеняжныхъ и на служебныхъ жолнерей и на иныи многии росходы, што *въ реистрехъ* своихъ ясне оказалъ, и водле тыхъ реистровъ своихъ личбу онымъ пеняземъ всимъ... передъ нами вчынилъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200). См. Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 189; Акты Зап. Рос. II, № 220. Эти скарбные реестры послѣ сдачи отчета, очевидно, становились уже не нужными, а потому и не сохранялись такъ тщательно, какъ, напр., книги Метрики, а быть можетъ даже прямо уничтожались. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется малочисленность дошедшихъ до насъ приходо-расходныхъ записей скарба, на которую жалуется г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки, стр. 1). Напечатанная имъ приходо-расходная запись скарбнаго сохранилась потому, что она внесена была въ книги Метрики для руководства прецедентами на будущее время при разсылкѣ упоминковъ татарамъ. Другія приходо-расходныя записи, сохранившіяся въ книгахъ Метрики,—вовсе не кассовыя вѣдомости скарба, какъ склоненъ думать г. Довнаръ-Запольскій, а записи доходовъ, принятыхъ черезъ посредство чиновъ канцеляріи, и расходовъ, сдѣланныхъ черезъ нихъ же наличностью и «на квитацеяхъ».

платъ» сначала по 80 копъ грошей въ годъ, а потомъ по 60 копъ и сукна для себя и слугъ [383]). Повидимому, такіе скарбные писари существовали и ранѣе при подскарбіяхъ земскихъ [384]). Кромѣ писаря скарбнаго въ Вильнѣ, въ качествѣ помощника при подскарбіи земскомъ состоялъ *скарбный*, хранитель той кладовой скарба, которая находилась въ крѣпкомъ Троцкомъ замкѣ [385]). Этотъ скарбный, по противоположенію съ Виленскимъ помощникомъ подскарбія, въ актахъ называется иногда, хотя и не всегда, скарбнымъ Троцкимъ [386]). Его обязанностью было хранить порученныя ему цѣнности и выдавать ихъ по устному или письменному приказу подскарбія земскаго, а также, конечно, и вести приходо-расходные «реестры» по своей кладовой [387]).

Итакъ, роль подскарбія земскаго въ финансовомъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ разсматриваемое время была незначительная. Въ этомъ отношеніи, не говоря уже о господарѣ и радѣ великаго княжества, его по временамъ затмѣвалъ собою даже канцлеръ великаго княжества. Вотъ, напр., характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Въ 1520 году произошли нѣкоторыя измѣненія во внѣшней торговлѣ великаго княжества вслѣдствіе войны съ Пруссіею: соль и другіе товары, которые прежде шли изъ-за границы на Ковно и здѣсь облагались пошлиною, повернулись на Бугъ и Наревъ и пошли въ

---

[383]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 73.

[384]) Этотъ скарбный писарь, очевидно, и составлялъ тотъ реестръ, который напечаталъ г. Довнаръ-Запольскій (Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ). Изъ этого реестра видно, что, когда писарь уѣзжалъ изъ Вильны, писарь иногда по его приказанію, выдавалъ изъ скарба разныя вещи (стр. 81).

[385]) *С. Л. Пташицкаго* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 4.

[386]) Просто скарбный—на л. 35 и 69 книги Запис. IV; скарбный Троцкій—Литовскіе упоминки, стр. 71; кн. Запис. VIII, л. 319. *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy, str. XXIV.

[387]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 9. Г. Довнаръ-Запольскій въ предисловіи къ напечатанному имъ скарбовому реестру высказалъ утвержденіе, что во время передвиженій господаря передвигался за нимъ и скарбъ, изъ котораго производились выдачи. Что часть скарба слѣдовала за господаремъ для текущихъ расходовъ, это несомнѣнно, и на это имѣются указанія въ самомъ документѣ, напечатанномъ г. Довнаръ-Запольскимъ (Литовскіе упоминки, стр. 81). Но совершенно невѣроятно, чтобы двигался за господаремъ весь скарбъ, и чтобы онъ не имѣлъ, такимъ образомъ, постояннаго мѣстопребыванія. Скарбъ несомнѣнно находился постоянно въ Трокахъ и въ Вильнѣ, а отсюда, по мѣрѣ надобности, и посылались къ господарю и подскарбію деньги и вещи (Литовскіе упоминки, стр. 81).

великое княжество черезъ Подляшье; равно такъ же и воскъ, шедшій изъ великаго княжества за границу черезъ Ковно и здѣсь облагавшійся вывозною пошлиною, направился другими путями за границу. Чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые получались прежде съ Ковенскихъ мытныхъ «коморъ», Сигизмундъ позаботился объ учрежденіи новыхъ мытныхъ коморъ на Подляшьѣ. Онъ поручилъ временно собирать мыто съ соли, воска и другихъ товаровъ въ Техоновцѣ и Высокомъ земянину Миклашу Скирвину и мѣщанину Бѣльскому Іонѣ Сегеневичу, а въ Тыкотинѣ—дворянину Ленарту Косинскому и мѣщанину Бѣльскому Ивану Сегеневичу, придавъ имъ на помощь своихъ дворянъ для преслѣдованія контрабанды. Но затѣмъ онъ счелъ болѣе удобнымъ передать коморы Подляшскія въ завѣдываніе одному лицу, приставивши къ нему дьяка или двухъ. Это окончательное устройство таможеннаго дѣла на Подляшьѣ король поручилъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, который, какъ канцлеръ, по заявленію короля, имѣлъ «повинность тыхъ доходовъ нашихъ господарскихъ и земскихъ стеречы». По приказанію короля канцлеръ долженъ былъ пригласить къ себѣ подскарбія земскаго пана Богуша Боговитиновича и вмѣстѣ съ нимъ выбрать одного или двухъ грамотныхъ дворянъ и приставить ихъ къ Ганусу Судорману для помощи по сбору мытъ на Подляшьѣ, давъ имъ предварительную инструкцію о порядкѣ сбора и храненія таможенныхъ пошлинъ и уполномочивъ ихъ устанавливать въ подходящихъ мѣстахъ коморы для сбора пошлинъ съ воска, съ общимъ наказомъ «пильне» стеречь господарскіе доходы. Король мотивировалъ свой приказъ канцлеру тѣмъ, что «ничія иная речь того смотрети, только твоее милости, канцлера нашого, а наболѣй безъ небытности нашой у великомъ князьствѣ Литовскомъ». Король просилъ канцлера приложить все стараніе къ устройству таможеннаго дѣла на Подляшьѣ и извѣщалъ, что Судорману приказано въ томъ во всемъ быть послушнымъ канцлеру. Листъ короля заканчивался порученіемъ канцлеру принять отчетъ отъ временныхъ мытниковъ, установленныхъ королемъ, и передать собранныя ими деньги въ скарбъ; этотъ отчетъ канцлеръ долженъ былъ принять, призвавъ къ себѣ подскарбія земскаго [388]). Въ качествѣ главнаго послѣ короля лица, которому подвѣдомственно было таможенное дѣло, канцлеръ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539) по уполномочію короля или пановъ-рады судилъ мытниковъ въ ихъ заимныхъ тяжбахъ другъ съ дру-

---

[388]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 32.

гомъ [389]); ему же король отдавалъ въ присудъ мытниковъ по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ [390]) и т. д. Болѣе значительную роль сталъ играть подскарбій земскій съ того времени, какъ эту должность принялъ маршалокъ и писарь Иванъ Горностай (съ 1530 г.). Ему, какъ выше было уже указано, король сталъ отдавать въ «послушенство» и присудъ мытниковъ; только ему одному сталъ предоставлять право дѣлать распоряженія о выдачѣ денегъ изъ центральной и мѣстныхъ кассъ [391]). Но это возвышеніе пока еще было болѣе личнаго, чѣмъ должностного характера. Король сталъ облекать подскарбія земскаго такими высокими полномочіями болѣе по особому къ нему довѣрію и расположенію, чѣмъ во вниманіе къ его должности [392]). Должностное возвышеніе

---

[389]) Документы и регесты по исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 103, 120, 121.

[390]) Акты Литовско-Русскаго государства (XIV—XVI ст.), № 192.

[391]) Документы и регесты, томъ I, № 142, Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, листъ 9.

[392]) Какимъ довѣріемъ пользовался Горностай у короля Сигизмунда, объ этомъ ясное представленіе можно получить хотя бы изъ слѣдующей записи Литовской Метрики: «По Божемъ Нароженью на завтрее у пятницу месеца декабра 26 дня (1539 года) отправенъ коморникъ Стретъ Солтановичъ зъ листы до пановъ великого князства въ тыхъ речахъ: напервей, о послецохъ Нагайскихъ и о князя Белского, и тежъ о гонцахъ Перекопскихъ, съ чымъ они приходили (и ярлыки до пановъ радъ посланы),—абы ихъ милость въ томъ во всемъ пораду и вмыслъ свой до короля его милости отписали, што бы ся ихъ милости въ томъ видело. *А особливе тая вся речь на пана Горностая подскарбего уложена*, абы онъ у пана воеводы Виленского былъ и около тыхъ всихъ речей зъ его милостью намовилъ и достаточную пораду въ томъ отъ его милости взялъ, а къ тому, жебы тежъ и иншихъ пановъ радъ обослалъ и на одно местцо звелъ и такъ жо въ томъ во всемъ обмову зъ ихъ милостью учинилъ, абы ихъ милость вотумы и зданье свое, што ся имъ въ томъ будеть видети, до короля его милости не мешкая отписали, што жъ за пильностью пана подскарбего маеть ся справити»... «А потомъ по выеханью оного гонца, у неделю, отправленъ тежъ коморникъ Яско Коробчичъ до пана подскарбего въ Лифлянтскихъ речахъ, которая справа, вся зряжоная, первей была послана до пана воеводы Виленского. Ино, кгды тая весть до господаря его милости пришла, же пана воеводы Виленского въ животе не стало, тогды его милость король, обовяючы ся того, же бы оная справа чимъ не змешкала, рачилъ его милость то на пана подскарбего узложити и велелъ оную отправу, естли будетъ панъ воевода за живота своего то не отправилъ, до себе взяти и оные листы того жъ часу отослати до тыхъ, кому они служать, и комисаремъ на страву подавати и тую всю речь водлугъ потребы отправити такъ, яко и панъ воевода Виленскій мелъ то отправити». (Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 170, 171). Изъ этого видно, что

подскарбія земскаго, превращеніе его въ настоящаго министра финансовъ, имѣло мѣсто въ послѣдующее время, при Сигизмундѣ-Августѣ, и стояло въ связи съ общими финансовыми преобразованіями, совершенными при этомъ государѣ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. До Сигизмунда же Августа такого органа не выдѣлялось еще въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства. Финансовою частью завѣдывалъ самъ господарь съ панами-радою, прибѣгая въ частныхъ случаяхъ къ назначенію разныхъ коммиссій или передавая отдѣльныя полномочія разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и подскарбію земскому, который собственно былъ только казначеемъ при центральной государственной кассѣ.

§ 6.

Органомъ центральнаго управленія не былъ и *гетманъ наивысшій* великаго княжества Литовскаго. Военною частью такъ же, какъ и финансовою, въ разсматриваемое время завѣдывалъ въ центрѣ государства господарь съ панами-радою. Господарь и паны-рада заботились о комплектованіи арміи [393]), обращаясь къ сейму въ особо важныхъ случаяхъ, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержаніе «служебныхъ» [394]). По

Горностай по смерти Альбрехта Мартиновича Гаштольда сдѣлался «справцею» не только воеводства Виленскаго, но и канцлерства (срав. Senatorowie i dygnitarze, str. 73). Если Сигизмундъ возлагалъ на него уже такія порученія, какъ сборъ пановъ-рады и переговоры съ ними о политическихъ дѣлахъ (очевидно, канцлеръ Гаштольдъ былъ въ то время уже боленъ), посылку комиссаровъ для разбора пограничныхъ столкновеній, тѣмъ болѣе онъ могъ поручать ему такія дѣла, какъ судъ надъ мытниками и выдачу «квитовъ» на мѣстныя кассы. Возвышеніе Горностая въ качествѣ подскарбія земскаго, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на положеніе его преемниковъ, какъ извѣстнаго рода прецедентъ. Всматриваясь въ причины этого возвышенія, открываемъ, что, кромѣ личныхъ свойствъ Горностая, этому несомнѣнно способствовало и соединеніе съ должностью подскарбія писарской должности, начавшееся еще при предшественникѣ Горностая—Богушѣ Боговитиновичѣ. Въ подскарбіе земскіе сталъ назначаться одинъ изъ писарей великокняжеской канцеляріи, и это продолжалось и послѣ Горностая. Такой подскарбій естественно сталъ чаще бывать при господарѣ, чѣмъ подскарбіе временъ Казимира и Александра, гораздо болѣе ихъ находиться въ курсѣ финансовыхъ дѣлъ и общаго управленія. Это обстоятельство облегчило превращеніе подскарбія изъ казначея въ министра финансовъ, что произошло при Сигизмундѣ-Августѣ подъ вліяніемъ новаго направленія въ государственномъ хозяйствѣ великаго княжества Литовскаго.

[393]) См. выше, стр. 196.

[394]) См. выше, стр. 198.

ихъ порученію разныя лица вербовали «служебныхъ» на военную службу [395]). Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею «заслуженого» этимъ наемнымъ войскамъ [396]). Кромѣ того, господарь совмѣстно съ панами-радою раздавалъ на военную службу земли разнымъ лицамъ, переводилъ на военную службу съ тяглой или подтверждалъ распоряженія касательно этого, сдѣланныя мѣстными правителями—воеводами, старостами и державцами, или намѣстниками [397]). Отъ господаря и пановъ-рады непосредственно выходили распоряженія о мобилизаціи военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества [398]) о ремонтѣ укрѣпленій, о снабженіи ихъ боевыми и съѣстными припасами [399]), о переписи имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ болѣе исправнаго и равномѣрнаго отбыванія военной повинности [400]) и т. д. Все письменное дѣлопроизводство по этой части велось чинами государственной канцеляріи великаго княжества, въ архивѣ которой—скарбѣ хранились и всѣ нужные документы, какъ-то: «реестры попису» военнослужилыхъ землевладѣльцевъ [401]), копіи военныхъ листовъ, разосланныхъ по великому княжеству и разныхъ другихъ указовъ господаря и пановъ-рады, привилеевъ на имѣнья, полученныя на военную службу и т. д. Гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго принималъ во всемъ этомъ участіе только, какъ членъ великокняжеской рады, и не болѣе, чѣмъ и всякой другой панъ-радный. Его роль собственно гетманская начиналась въ сборномъ пунктѣ, гдѣ подъ его команду становилось земское ополченіе великаго княжества, продолжалась затѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и оканчива-

---

[395]) См. выше, стр. 175, 200, 201, 207.

[396]) См. выше, стр. 203, 221; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 14, 45, 60, 62; Запис. XXIII, л. 32; Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 77, 89.

[397]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—346, 601—604, 856—861; Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 102, 103; XXIV, л. 117, 118 и др.

[398]) Акты Зап. Рос. II, № 88, 129, 173; Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 258—260; XXIII, л. 54, 56, 84—89; Судныхъ дѣлъ кн. II, л. 275—276; VII, л. 9, 10; VIII, л. 49, 50, 115, 167—169, 242—245; Archiwum Sanguszków IV, № CXXIV, CXXVII, CLIV, CLIX, CLXXI, CCXXIX—CCXXXV, CCLXXXVIII—CCXC, CCXC, CCCXIII—CCCXV.

[399]) См. выше, стр. 216, 219, 237. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 523, 525.

[400]) См. выше, стр. 179, 184.

[401]) См. выше, стр. 293.

лась съ прекращеніемъ войны и съ распущеніемъ войска. Гетманъ вступалъ въ свои права съ того дня, который былъ назначенъ для сбора подъ хоруговью земскою всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Этимъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ гетманъ прежде всего дѣлалъ смотръ и перепись, кто явился и съ какимъ «почтомъ» слугъ и на какихъ коняхъ [402]). Гетманскій реестръ служилъ потомъ справочнымъ документомъ при наложеніи наказанія на тѣхъ, кто опоздалъ явкою на службу или не явился вовсе безъ уважительныхъ причинъ, или былъ на службѣ «не водле ухвалы земское», т. е. не съ надлежащимъ «почтомъ» [403]). Это наказаніе налагалось господаремъ и панами-радою по закону или,—въ экстренныхъ случаяхъ,—по особому соглашенію господаря и пановъ-рады [404]), или «водлугъ ухвалы земское [405]). До сдачи господарю и панамъ-радѣ гетманскій реестръ служилъ для гетмана средствомъ повѣрять наличность служилыхъ людей и отмѣчать тѣхъ, кто «по шихованью и полису» самовольно уѣхалъ со службы. Общая повѣрка производилась гетманомъ при роспускѣ войска, когда снова составлялся реестръ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, остававшихся при гетманѣ [406]). Обо всѣхъ, самовольно оставившихъ службу, гетманъ докладывалъ господарю для наложенія на нихъ кары [407]). Гетману предоставлялось тѣхъ лицъ, которые оказались больными на предварительномъ смотру («на шиху») или позже, отпускать домой, оставляя слугъ ихъ въ войскѣ [408]), а также разрѣшать здоровымъ военнослужилымъ людямъ ставить вмѣсто себя неотдѣленныхъ сыновей, если гетманъ найдетъ ихъ годными къ службѣ [409]). О всѣхъ, выказавшихъ особое рвеніе къ службѣ и храбрость, гетману предоставлялось писать къ господарю для раздачи имъ наградъ [410]). Какъ главному военачальнику, гетману во время похода давалась большая власть. Всѣ, находившіеся подъ его

---

[402]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 4; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

[403]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 1, 7; Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76.

[404]) См. выше, стр. 216; Литов. Метр. кн. Записей XIX, л. 258—260.

[405]) См. выше, стр. 179, 180, 198, 199, 226.

[406]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

[407]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 76; Судныхъ дѣлъ II, л. 275, 276.

[408]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 5, 11.

[409]) Тамъ же, арт. 6.

[410]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75, 76.

командою, безъ различія званія: воеводы, князья, паны, старосты, намѣстники, тивуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слушаться его такъ же, какъ самого господаря, все время, «пока войско... того лета будетъ въ поли». Непослушныхъ и виновныхъ въ нарушеніи военной дисциплины гетманъ имѣлъ право карать «шею або вязеньствомъ», кто чего заслужилъ, руководствуясь при этомъ особою «уставою», которую давали ему господарь и паны-рада, снаряжая его въ походъ. Гетману принадлежалъ судъ надъ всѣми, состоявшими подъ его командою, по жалобамъ ихъ другъ на друга и по жалобамъ на нихъ со стороны мѣстныхъ обывателей, при чемъ въ пользу его шли судебныя пени («вины») [411]. Кромѣ этого дохода, гетманъ собиралъ деньги со всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ «отъ пописа», за работу писаря (по статуту 1529 года не болѣе полугроша съ коня) [412]. Наконецъ, по свидѣтельству акта 1567 г., существовалъ «обычай, здавна звыклый»—давать гетману «на выправу военную» 1000 копъ грошей, шесть поставовъ сукна «люньского» и аксамиту «на шату» [413].

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана оставалась незамѣщенною, гетмана наивысшаго замѣщалъ *гетманъ дворный, или польный*. Такъ было, напр., въ то время, когда гетманъ наивысшій князь Константинъ Ивановичъ находился въ плѣну; въ это время его замѣнялъ гетманъ польный, или обозный, Станиславъ Петровичъ Кишка, пользовавшійся тѣми же правами и полномочіями, какъ и гетманъ наивысшій [414].

Въ войскѣ при гетманѣ всегда находился *хоружій земскій* съ хоруговью земскою [415]. Въ пользу этого хоружаго шла часть дани съ нѣкоторыхъ Поднѣпрскихъ волостей, напр., съ Бобруйской [416]. Хору-

---

[411]) Zbiór praw litewskich, str. 115—117; Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 228—229.

[412]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 9.

[413]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 126, 127.

[414]) Акты Зап. Рос. II, № 25.

[415]) Въ привилеѣ, выданномъ 1 сентября 1544 года дворянину Миколаю Третьяку на хоружство земское за его «верные, пильные и цнотливые заслуги» по званію дворянина, читаемъ: «маетъ онъ хоруговъ земскую великого князства Литовского въ себе мети и завжды у войску съ хоруговью земскою при гетмане нашомъ великомъ быти и его справовати, а намъ господару своему верне а справедливе служыти; а доходы и пожытки всякие маетъ сполна выбирати потому, яко и первыи хоружыи нашы земскии бирали» (Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 232).

[416]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 34.

жія земскаго во время его отсутствія замѣнялъ *хоружій дворный*. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ Польшѣ, откуда была заимствована эта должность.

Итакъ, гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго былъ собственно фельдмаршаломъ, который пользовался властью только во время похода, и не былъ начальникомъ военнаго вѣдомства, военнымъ министромъ. Только позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, гетманъ сталъ болѣе, чѣмъ фельдмаршаломъ. Затянувшаяся Ливонская война потребовала отъ гетмана дѣятельнаго участія въ комплектованіи арміи, которою онъ командовалъ, въ снабженіи ея жизненными средствами, въ распоряженіи ея бюджетомъ, и гетманъ, оставаясь фельдмаршаломъ, въ то же время сталъ отправлять нѣкоторыя функціи военнаго министра. Но фактъ этотъ опредѣлился уже незадолго до Люблинской уніи.

Нельзя считать органомъ центральнаго управленія и *маршалка земскаго* великаго княжества Литовскаго. Довольно значительная власть, которою пользовался этотъ урядникъ, не шла однако, далѣе того мѣста, гдѣ въ данное время пребывалъ государь, такъ что въ этомъ смыслѣ маршалка земскаго можно считать органомъ мѣстнаго, а не центральнаго управленія. Въ чемъ состояла эта должность, объ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ опредѣленія ея, даннаго на Петрковскомъ сеймѣ 1504 года въ Польшѣ, откуда этотъ урядъ былъ заимствованъ литовскимъ дворомъ. Согласно этому опредѣленію, маршалокъ земскій былъ блюстителемъ порядка и этикета при дворѣ и начальникомъ дворянъ (omnium ceremoniarum et curiensium magister). Онъ устанавливалъ этотъ порядокъ, издавая съ соизволенія короля соотвѣтствующія обязательныя постановленія, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы этотъ порядокъ соблюдался во всѣхъ помѣщеніяхъ и службахъ королевской квартиры и наказывалъ за его нарушеніе. Маршалокъ земскій устанавливалъ таксу на всѣ съѣстные припасы, привозившіеся на продажу въ мѣстопребываніе короля, и собиралъ съ продавцевъ торговыя пошлины. На обязанности его лежало принимать всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ къ королю, и пановъ-радныхъ и предварительно выслушивать ихъ для доклада королю, дабы король могъ почтить каждаго по достоинству. Маршалокъ земскій набиралъ королевскихъ дворянъ, расплачивался съ ними и велъ имъ реестръ, отмѣчалъ прилежныхъ и нерадивыхъ, устранялъ дурныхъ и непослушныхъ. Въ отсутствіе маршалка земскаго во всѣ права его и обязанности вступалъ *маршалокъ дворный*. Вслѣдствіе этого конституція 1504 года предписывала маршалку земскому при отправленіи своей должности приглашать къ себѣ всегда маршалка дворнаго (разумѣется, если

онъ находился при дворѣ), чтобъ этотъ послѣдній былъ всегда въ курсѣ дѣлъ и, заступая маршалка земскаго, дѣйствовалъ послѣдовательно и согласно съ его распоряженіями [417]). Всѣ свѣдѣнія, какія даютъ намъ источники о маршалкахъ земскомъ и дворномъ великаго княжества Литовскаго, въ общемъ согласуются съ только что приведеннымъ опредѣленіемъ этихъ должностей въ Польшѣ. Такимъ образомъ оказывается, напр., что маршалокъ земскій отводилъ квартиры (ставилъ на постой къ обывателямъ) посламъ, гостямъ, панамъ-раднымъ, прибывавшимъ къ господарю, и господарскимъ дворянамъ, находившимся при господарѣ [418]). Тоже самое дѣлалъ и маршалокъ дворный, какъ это видно, напр., изъ привилея, выданнаго 9 августа 1527 года мѣщанину Виленскому Ивану Семеновичу на освобожденіе его дома отъ постоя: «не маютъ маршалкове наши земскии и дворныи и иныи вредники нашы князей и пановъ и дворянъ и бояръ нашихъ и слугъ своихъ и пословъ въ томъ дому его становити... вечне» [419]). Эта фраза наводитъ на мысль, что маршалки земскій и дворный уже въ разсматриваемое время размѣщали по квартирамъ лицъ всѣхъ «становъ», съѣхавшихся на сеймъ, какъ это дѣлали они при Сигизмундѣ-Августѣ [420]). Мар-

---

[417]) Volumina legum I, p. 135.

[418]) Маршалокъ земскій Янъ Яновичъ Заберезинскій поставилъ на квартиру къ бурмистру Виленскому Андрею Великой Головѣ московскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ 1527 г., въ то самое помѣщеніе, гдѣ жилъ самъ бурмистръ, при чемъ «жону его и дети изъ дому выпудили и шкоду ему въ дому его и легкость самому не малую вчинили». Между тѣмъ бурмистръ имѣлъ еще отъ короля Казимира привилей, подтвержденный и его преемниками,—«ижъ жаденъ панъ ани дворанинъ нашъ, ани гость, ани который посолъ въ его домехъ, которые онъ маетъ въ месте нашомъ Виленьскомъ, становитися не маютъ». По жалобѣ бурмистра король подтвердилъ маршалку земскому: «абы твоя милость впередъ въ домехъ его въ месте Виленьскомъ жадныхъ пановъ и дворанъ ани которыхъ гостей и пословъ становити не казалъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 23).

[419]) Этотъ привилей выданъ мѣщанину по его челобитью, въ которомъ онъ «поведилъ, ижъ онъ человекъ купецкий а ездитъ съ куплями частокроть по ярмаркамъ, ино деи въ небытности его и при немъ самомъ многии князи и панове и дворане наши хотятъ въ дому его, где онъ самъ мешкаетъ, становитися, для чого жъ онъ, коли отъедетъ, небезпечонъ товаровъ и статковъ своихъ». Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 152.

[420]) Въ привилеѣ, выданномъ 6 марта 1556 г. мѣщанину Виленскому Васку Нефедьевичу Русину на «вызволенье» его дома отъ постоя до живота его самого, жены и сыновей его, читаемъ между прочимъ: «И вжо отъ того часу панове *маршалкове земские и дворные* и тежъ становничие наши дворные польские и литов-

шалку земскому на сеймахъ и всякихъ политическихъ собраніяхъ принадлежала главенствующая роль. По выраженію одного оффиціальнаго документа 1566 г., маршалокъ земскій носилъ на себѣ «зверхность господарскую» «подъ каждымъ часомъ, але еще тымъ болшей на зъездехъ соймовыхъ»; съ своею маршалковскою «ласкою» (жезломъ) онъ имѣлъ право «росказанья и владности» надъ головами рыцарства; въ отсутствіе господаря держалъ между панами-радными мѣсто самого господаря [421]). Онъ раздавалъ голоса панамъ-раднымъ, допускалъ говорить передъ королемъ пословъ, пановъ-радныхъ и другихъ лицъ, объявлялъ о господарскихъ рѣшеніяхъ и пожалованіяхъ, судилъ участниковъ сейма и ихъ слугъ по преступленіямъ и правонарушеніямъ, совершеннымъ на сеймѣ, устанавливалъ таксу на съѣстные припасы въ мѣстѣ и на время сбора сейма [422]). Маршалокъ земскій слѣдилъ, чтобы на господарскомъ дворѣ и на сеймахъ не было никакихъ ссоръ, столкновеній, дракъ, оскорбленій, распутства и т. д. и наказывалъ за все это по закону и «водле воли и росказанья» господаря [423]).

Изъ привилея на званіе маршалка дворнаго, выданнаго 20 іюня 1569 года пану Миколаю Христофору Радивилу, видно, что и въ Литвѣ маршалокъ дворный за отсутствіемъ маршалка земскаго выполнялъ всѣ его обязанности [424]). Но при всемъ томъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, какъ кажется, существовало между ними и нѣкоторое разграниченіе вѣдомствъ. Непосредственнымъ начальникомъ господарскихъ дворянъ по источникамъ является *маршалокъ дворный*, а

ские и ихъ служебники у томъ дому его такъ *у соймъ вальный*, яко и безъ сойму, при бытности и въ небытности нашой господарской въ месте нашомъ Виленьскомъ никоторыхъ пословъ и тежъ кнежатъ и панятъ и земянъ и дворанъ нашихъ такъ поляковъ и Литвы и никого зъ иншихъ становъ и гостей прнеждчихъ становити и ему въ томъ никоторое трудности и вътисненья чинити не мають». Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 247. Срав. кн. XLVIII, л. 168.

[421]) Мандатъ, адресованный маршалку Яну Шимковичу, который на Берестейскомъ сеймѣ 1561 г. оскорбилъ маршалка земскаго Яна Ходкевича «словы непостяжливыми съ покиваньемъ руки». Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 24, 25.

[422]) *Hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników do dziejow polskich, tom II, str. 17, 18. Warszawa 1858.

[423]) Литов. Метр. кн. Пуб. дѣлъ VIII, л. 2. (Формула присяги маршалка земскаго при Сигизмундѣ-Августѣ).

[424]) Привилей гласитъ: «Quod quidem paulo ante publice viva voce per magnificum Ioannem Chodkewicz capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae supremum marschalcum fecimus, et nunc hisce titeris nostris facimus, marschalcatum curiae nostrae eundem ac aulae nostrae disciplinam et

не маршалокъ земскій. Онъ ведетъ имъ реестръ [425]), посылаетъ ихъ на «послуги» господарскія [426]) и т. д. Дворянъ при господарскомъ дворѣ было довольно много (въ 1565 году 118 человѣкъ). Изъ реестровъ, составленныхъ при Сигизмундѣ I (около (1509 г.) и при Сигизмундѣ-Августѣ (около 1565 г.), видно, что въ дворяне опредѣлялись обыкновенно молодые литовскіе паны, мелкіе князья и молодые люди изъ областной аристократіи, стремившіеся выслужиться на глазахъ у господаря и получить какой-нибудь урядъ или имѣнье, а также и совсѣмъ бѣдные безземельные шляхтичи, выходцы со стороны (изъ Польши и Москвы), служившіе изъ-за куска хлѣба и въ надеждѣ выслужить имѣнье [427]). Эти надежды очень часто оправдывались, и огромное число привилеевъ на имѣнья и уряды, занесенныхъ въ книги Метрики, даны на имя дворянъ. Дворянская служба такимъ образомъ, была для многихъ началомъ служебной карьеры [428]) и имущественнаго возвышенія. Кромѣ имѣній и доходныхъ должностей, дворяне получали «датокъ» и натурою въ видѣ суконъ, хлѣба, соли, лошадей, овса и сѣна [429]);

---

regimen, tum sententiarum rogandarum, hospitiorum assignandorum foraliumque pro usus suos exigendorum, jus et potestatem eidem dantes et committentes cum caeteris omnibus negotiis et muneribus, quae sub ditione huius magistratus *antiquitus*, ac potissimum magnifico Eustachio Wołowicz illum gerente, erant, ac cum omnibus privilegijs, praerogatiuis et emolumentis, quae ad eum ex legibus vel consuetudine pertinent vel deinceps pertinebunt, nullis omnino exceptis, idque ad extremum vitae ejusdem illustris Nicolai Christophori Radziwił tempus, vel donec alium altiorem dignitatis gradum a nobis consecutus fuerit. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 61—63.

[425]) Zbiór praw litewskich, str. 410.

[426]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 35, 36.

[427]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 119—124; XLV, л. 129—131.

[428]) Такое значеніе имѣла, напр., дворянская служба для пана Александра Ивановича Ходкевича. Ходкевичъ, кончившій свое служебное поприще воеводою Новгородскимъ, въ 1495 году былъ дворяниномъ (Литов. Метр. кн. Записей V, л. 51). Точно такъ же и кн. Иванъ Васильевичъ Соломерецкій, назначенный 16 марта 1566 г. въ лавицу рады господарской въ званіи каштеляна Мстиславскаго, началъ свою службу въ дворянахъ. Въ 1541 г. 21 октября король Сигизмундъ, узнавъ «цнотливое захованье и послуги», «которыи онъ черезъ немалый часъ у двора нашого обецне мешкаючи чинилъ», «на причину» королевы Боны, пожаловалъ ему въ держанье дворъ Айну (Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 1). Срав. Акты Зап. Рос. III, № 7, просьба 6.

[429]) Большое число раздачъ короля Казимира и Сигизмунда I, записанныхъ въ книги Метрики, приходится на долю дворянъ.

когда число ихъ превышало въ данный моментъ потребности двора, или когда господарь уѣзжалъ въ Польшу, дворянъ разсылали на «лежи» по господарскимъ дворамъ, гдѣ имъ отводилась квартира и выдавался кормъ имъ самимъ и ихъ конямъ. Нѣкоторымъ дворянамъ за особыя заслуги давалось ежегодное жалованье изъ скарба [430]). Дворяне состояли при господарскомъ дворѣ для исполненія разныхъ порученій господаря и пановъ-рады. Ихъ разсылали по областямъ съ военными листами, соймовыми и серебщинными, посылали къ отдѣльнымъ лицамъ съ листами «позовными» и «мандатами» [431]); имъ поручали вводить разныхъ лицъ во владѣніе имѣньями по пожалованью господаря или по суду [432]), производить различныя слѣдствія [433]), собирать «къ вѣрной руцѣ» мыто и корчомные пенязи [434]) и т. д. При исполненіи этихъ

[430]) Въ 1538 году 9 сентября Сигизмундъ приказалъ подскарбію земскому выдавать ежегодно по 20 копъ грошей дворянину кн. Андрею Мосальскому до живота его, по челобитью его, «што жъ зъ молодости лѣтъ своихъ, будучы у двора нашого, верне а справедливе намъ служылъ и на многихъ послугахъ нашихъ военныхъ противъ людей неприятелскихъ бывалъ и тамъ не мало крови своее розлилъ и раны обличныи прынялъ, а тепере вжо естъ пры старости» Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 211. Срав. Запис. кн. XLVIII, л. 12, 13.

[431]) «Месеца марта 11 дня (1542 г.) у суботу на третей недели посту посланъ дворянинъ Богданъ Левковичъ Мертвецъ зъ листы господарскими позывать князя Слуцкого, пани воеводиную Виленскую панию Миколаевую, панюю воеводиную Троцкую паню Петровую, паню Юревую Зеновьевича, пана Заберезинского о забраньи земль, людей и пущи Марковское, абы стали и листы твердости на тамошние именья свои у повете Марковскомъ передъ господаремъ его милостью положили». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

[432]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 805.

[433]) «Месеца марта у 13 день (1542 г.) у понеделокъ на четвертой недели поста порану посланъ дворянинъ королевое ее милости и великое кнегини Боны Григорей Андреевичъ зъ листы господарскими знайдовати тыхъ шкодниковъ, которыи товаръ купцовъ цара Турецкого покрали у Веницы. Дано ему одинъ листъ до всихъ князей и пановъ во всемъ великомъ князьстве, другий листъ до наместника Новгородского о вижа, о сторону и о помочъ, третий листъ подводный». Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 75.

[434]) Въ 1530 г. 9 іюля Сигизмундъ писалъ войтамъ, бурмистрамъ, рядцамъ и всѣмъ мѣщанамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: «Зрозумели есмо, што ся намъ въ плате нашомъ, то естъ, въ пенезехъ капщызныхъ, шкода великая деетъ, николи бо до скарбу нашого сполна не относять, *а то ни для чого, одно для частыхъ поездковъ дворянъ нашихъ*, которые болши пожытку своего смотрятъ, а не нашого господарского». Король увѣдомляетъ, что онъ поручилъ этотъ платъ выбирать «и о

порученій дворяне получали нѣкоторые доходы въ свою пользу, напр., «*увязчее*» отъ ввода во владѣніе имѣньями, *выпончое*, когда дворяне посылались выгонять людей изъ господарскихъ волостей на рабсты къ украиннымъ замкамъ, *посъкерщину*, когда ихъ посылали наблюдать за этими работами [435]), доходъ при сборѣ капщины на господаря и т. д. Дворяне, повидимому, имѣли еще значеніе дворцовой гвардіи, охранявшей личную безопасность господаря. Они участвовали въ походахъ, составляли въ войскѣ особый отрядъ («гуфъ») и несли болѣе трудныя службы, чѣмъ простые шляхтичи [436]). Всѣ эти дворяне находились подъ «свѣдомомъ и справою» маршалка дворнаго лишь при господарскомъ дворѣ и въ чисто служебномъ отношеніи. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они подвѣдомственны были мѣстнымъ властямъ, въ округахъ которыхъ находились ихъ имѣнья, или непосредственно самому господарю.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было налицо ни маршалка земскаго ни маршалка дворнаго, на господарскомъ дворѣ распоряжались, по всѣмъ признакамъ, *маршалки господарскіе*. Нѣкоторыя указанія на это даютъ привилеи, выданные на маршальство, въ которыхъ читаемъ: «маеть онъ, въ томъ вряде будучы, на дворѣ нашомъ господарскомъ справовати такъ, какъ иншые маршалки наши» [437]). Впрочемъ, возможно, что маршалки состояли помощниками маршалковъ земскаго и дворнаго по отдѣльнымъ отраслямъ дворцовой администраціи. На эту мысль наводитъ, напр., челобитье пана Юрія Немировича, просившаго въ 1523 году, чтобы господарь пожаловалъ ему маршальство, «которое отъ насъ держалъ панъ Миколай Станиславовичъ, старостичъ

той шкоде нашой справне доведатися» одному лицу, дворянину Бокею, на два года, и приказывалъ отдавать ему капщину,—«и доходъ его бы есте велели ему отдавати, и ести, и пити ему и слугамъ его и конемъ ихъ давали потому, какъ передъ тымъ бывало... водле давного обычая; тежъ давали бы есте ему самому по шести подводъ зъ возы и съ проводники—везде по дорозе отъ места до места ажъ до Вилни до скарба нашого» (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 350).

[435]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 451; XV, л. 102, 103.

[436]) Акты Зап. Рос. III, № 4, прос. 6; № 33, просьба 14.

[437]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102. Въ привилеѣ, выданномъ князю Лукашу Болеславовичу Свирскому 3 іюня 1565 года, читаемъ между прочимъ: «На которомъ маршалствѣ будучи, маеть ся онъ на дворе нашомъ въ томъ панстве нашомъ великомъ князьстве Литовскомъ и на всякихъ иныхъ местцахъ радити и справовати и почтивости уживати потому, яко и иншие маршалки наши, маршалствы ему ровные, здавна радили, справовали и теперъ радять и спра-

Жомоитскій [438]). Возможно, наконецъ, что маршалки господарскіе были и замѣстителями, и помощниками маршалковъ земскаго и дворнаго по отдѣльнымъ отраслямъ дѣлъ. Болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ указаній на ихъ значеніе намъ не удалось найти въ источникахъ. Мы знаемъ только, что господарь иногда поручалъ имъ разборъ разныхъ судебныхъ дѣлъ вмѣсто себя, «по комисеи», и среди книгъ Литовской Метрики есть книги и «маршалковскаго» суда (I и VI книги Судныхъ дѣлъ). Но дѣла по комиссіи отъ господаря разбирали и другіе паны радные, такъ что это не было какою-либо спеціальностью маршалковъ.

Тѣ обязанности, которыя при господарѣ выполнялъ тотъ или другой маршалокъ, при великой княгинѣ выполнялъ ея *охмистръ* (гофмейстеръ) называющійся въ актахъ, писанныхъ по латыни, magister curiae reginalis [439]). Вѣроятно, подъ его «справою» находились дворяне великой княгини, коморники, ключникъ двора, о которыхъ упоминаютъ источники, и разные другіе дворцовые служители [440]).

Исключительно придворное значеніе имѣли и остальные дворные уряды великаго княжества, заведенные по образцу польскаго двора, чтобы не отставать отъ него въ «светности». *Подчашій* (subpincerna, pocillator) имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи напитки, подаваемые къ господарскому столу, наливалъ господарю вино и предварительно пробовалъ его [441]). Такъ бывало въ торжественныхъ случаяхъ; обычно же эту роль выполнялъ *чашникъ* (pincerna). *Крайчій* (insisor) на торжественныхъ обѣдахъ разрѣзалъ кушанья, подаваемыя королю [442]). *Стольникъ* (dapifer, трукцасъ) завѣдывалъ сервировкою господарскаго стола, а равно и *подстолій* (subdapifer) [443]); *кухмистръ*, какъ показываетъ самое названіе его, завѣдывалъ господарскою кухнею; *конюшій дворный*

вують, и почтивость маршалствъ своихъ на дворе нашомъ господарскомъ и на вшелякихъ иныхъ местцахъ уживають». (Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 623).

438) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102.

439) Должность эта была уже при Казимирѣ, который пожаловалъ «охмистру королевое Марцышу» шубу лисью завыйковую съ ключа Минскаго. (Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14).

440) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 10; VIII, л. 346—348; XXVIII, л. 75 и другіе.

441) Starożytności Polskie, tom II, str. 253. Poznań 1852.

442) Ibidem, tom I, str. 488.

443) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 299, 316.

завѣдывалъ придворною конюшнею; *ловчій*—придворною охотою [444]); *подкоморій* (succamerarius)—порядкомъ и убранствомъ въ жилыхъ покояхъ господаря; *ложничій*—господарскою опочивальнею [445]); *мечный*—держалъ королевскій мечъ на различныхъ торжествахъ. Всѣ эти уряды существовали для того, чтобы, какъ выражается одинъ привилей на «стольництво», «здоровья и учтивости маестату нашого господарьского перестерегати» [446]),—другими словами для личныхъ услугъ королю и для оказанія ему почета.

Подъ «справою» этихъ придворныхъ чиновъ находились низшіе придворные служители, какъ то: *скатертные* [447]) и *убрусные* [448]) (вѣроятно подъ «справою» стольника); *кухари дворные* (подъ справою кухмистра) [449]) и *пекари* (вѣроятно, также подъ справою кухмистра); *конюхи дворные, возницы* [450]), *машталеры* (подъ справою конюшаго дворнаго); *нагончій, ловцы псарцы, сокольники* и иные «*мысливцы*» (подъ справою ловчаго) [451]); *коморники* и *одверные* (вѣроятно, подъ

---

[444]) Ibidem, str. 220, 231, 235, 242.

[445]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 92.

[446]) Привилей, выданный 20 марта 1566 года пану Миколаю Кухмистровичу Дорогостайскому, державцѣ Веленскому, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Припустивши его ку службамъ столу нашого господарского, дали есмо ему и симъ листомъ нашимъ даемъ стольництво наше великого князства Литовского, на которомъ враде стольницкомъ, на него отъ насъ преложономъ, будучи, маеть онъ всякого достоинства и владности, тому враду належачое, вживати и съ пильностью *здоровъя и учтивости маестату* нашого господарьского перестерегати, яко ему, верному враднику столу нашого господарского пристоить, и яко продкове его, столникове великого князства Литовского, зъ стародавна на томъ достоеньстве заховалися и его вживали». (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 3; Судныхъ дѣлъ XLVIII, л. 4).

[447]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 30.

[448]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236, 237; XLII, л. 36, 37, 77, 78. Убрусные служили между прочимъ при господарскомъ серебрѣ столовомъ. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, 168, 169).

[449]) Въ 1562 году король пожаловалъ кухарю Филиппу Матысовичу на кухарскую службу «*за данъемъ справы пана кухмистровы*». Литов. Метр. кн. Записей XLII, л. 76.

[450]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 12, 15, 33.

[451]) Тамъ же, л. 8, 17, 67, 54, 84. Въ привилеѣ, выданномъ пану Григорію Воловичу 3 ноября 1566 года «на ловчее» великаго княжества, читаемъ между прочимъ: «Маеть панъ Грыгорей Воловичъ тотъ врадъ ловчое со всимъ потому, яко и первшые ловчые держали, отъ насъ держати и заведати и вси *нюхи и иные вси мысливцы* у справе, моцы и владности своей маючы». (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 84).

справою подкоморія) [452]), *лазебные* (банщики) [453]) и др. Всѣ эти служители вербовались изъ крестьянъ, владѣвшихъ землями, или жаловались крестьянскими землями на ту или другую службу, напр., на службу одверницкую, конюшскую, псарецкую, кухарскую и т. д., съ освобожденіемъ отъ всѣхъ другихъ или отъ части крестьянскихъ повинностей, навсегда или на то время, когда они несли свою спеціальную службу при дворѣ. У литовско-русскаго господаря по областямъ разсѣяно было довольно много дворцовыхъ служителей, которые выполняли свои спеціальныя обязанности при дворѣ лишь въ то время, когда ихъ туда вызывали, въ другое же время, и при томъ большею частью, исполняли крестьянскія повинности; нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того служили военную службу [454]). Всѣ эти служители подвѣдомственны были дворнымъ урядникамъ лишь въ то время, пока находились при дворѣ и несли свою спеціальную службу; въ другое же время ихъ вѣдали судомъ и управою мѣстные правители, при чемъ дворные урядники не были посредствующею инстанціею между этими мѣстными правителями и господаремъ.

Трудъ всѣхъ этихъ дворцовыхъ служителей, кромѣ владѣнія землею, вознаграждался отдѣльными дачами денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба, соли, овса, сѣна и т. д. Что касается ихъ начальниковъ при дворѣ, то и они получали эти отдѣльныя дачи, какъ это видно изъ расходной записи короля Казимира. Кромѣ того, эти урядники за свою службу получали обыкновенно въ державье господарскіе дворы и волости съ правомъ получать въ свою пользу намѣстничьи доходы. Нѣкоторые же изъ нихъ пользовались сверхъ того и нѣкоторыми «пожитками» отъ своего уряда, какъ, напр., стольникъ [455]). Въ чемъ состояли эти пожитки, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ.

---

[452]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 9, 12, 17, 28, 40, 42, 65, 67; XII, л. 76; XXXI, л. 166; XXXIX, л. 233, 234; XLII, л. 24, 25.

[453]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26, 55, 72; XVI, л. 4.

[454]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 325, 327. Военную службу вмѣстѣ съ боярами Новгородскаго повѣта несли сокольники и кухари (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 26—34).

[455]) Въ привилеѣ на «стольництво», выданномъ пану Юрію Александровичу Ходкевича (1 сентября 1556 г.) читаемъ между прочимъ: «маеть панъ Юри тотъ врядъ стольництво отъ насъ держати и въсякихъ *пожитковъ* и справъ, тому вряду належачихъ, вживати, радечи и справуючисе потому, яко и першие стольникове, будучи на томъ вряде, рядили и справовали се». Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 190—191.

§ 7.

Итакъ, все центральное управленіе Литовско-Русскаго государства находилось въ разсматриваемое время въ рукахъ господаря и рады великаго княжества. Невольно возникаетъ вопросъ: почему и какимъ образомъ господарь и его рада могли обходиться безъ помощи другихъ постоянныхъ органовъ въ центральномъ управленіи такимъ обширнымъ государствомъ, какъ великое княжество Литовское? Этотъ вопросъ тѣмъ настоятельнѣе ждетъ своего отвѣта, если мы примемъ къ тому же во вниманіе, что и господарь часто отсутствовалъ въ великомъ княжествѣ, и паны-рада далеко не всегда были въ сборѣ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ былъ покойнымъ проф. С. А. Бершадскимъ въ такой формѣ: «Управленіе Литвы въ XV и XVI в. отличалось самою широкою децентрализаціею. Единственнымъ центральнымъ органомъ управленія для всей Литвы служили время отъ времени происходившія засѣданія рады. Постоянныхъ же органовъ центральнаго управленія вовсе не существовало. Всякая земля, входившая въ составъ в. княжества Литовскаго управлялась своими мѣстными властями на основаніи жалованныхъ грамотъ и мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, различныхъ для Волыни Жмуди, Полоцка и т. д.» [456]). Итакъ, господарь и его рада управлялись съ дѣлами потому, что этихъ дѣлъ приливало къ нимъ сравнительно мало, ибо судъ и управа творились преимущественно на мѣстахъ, органами мѣстнаго управленія и самоуправленія. Это объясненіе, на нашъ взглядъ, требуетъ не столько исправленія, сколько нѣкотораго дополненія. Кромѣ децентрализаціи управленія, для объясненія дѣла необходимо еще принять во вниманіе и тотъ соціально-политическій строй, который утвердило въ великомъ княжествѣ польское шляхетское право. Благодаря распространенію этого права громадная часть населенія вышла почти совсѣмъ изъ вѣдѣнія государственной власти и ея органовъ. Владѣльческіе крестьяне перестали судиться у господарскихъ судей (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ панъ не давалъ управы, и за исключеніемъ самыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ), перестали платить подати въ господарскій скарбъ, стали нести множество повинностей въ пользу господаря и государства. Все это неминуемо должно было сокращать правительственную работу не только мѣстныхъ властей, но и центральной государственой власти. Развитію государственной централиза-

---

[456]) Кіевская Старина 1888, № 9, стр. 488.

ціи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ помѣшала не только та областная «старина», которую литовское правительство силою историческихъ обстоятельствъ вынуждалось сохранять и подтверждать, но и тѣ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской»,— которыя это правительство роздало военнослужилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Эти два фактора, главнымъ образомъ, парализовали и развитіе соотвѣтствующихъ органовъ и учрежденій въ центрѣ государства, давая возможножность литовско-русскому государю обходиться съ помощью только одного учрежденія, да и то дѣйствовавшаго не непрерывно,—рады великаго княжества.

Чтобы понять, какимъ образомъ и при всемъ томъ господарь и паны-рада справлялись со всѣми дѣлами, которыя задавало имъ высшее управленіе государствомъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что между господаремъ и радою фактически существовало нѣкоторое раздѣленіе труда. Господарь и въ бытность свою въ Польшѣ чинилъ судъ и управу по многимъ дѣламъ великаго княжества, одинъ или вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ пановъ-радныхъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу или впослѣдствіи. Въ то же самое время паны радные, собиравшіеся въ Вильнѣ или другихъ городахъ, съ своей стороны вершили рядъ дѣлъ: отправляли, напр. пословъ къ татарамъ [457]), судили судъ и проч. Кромѣ того, въ центральномъ управленіи Литовско-Русскаго государства въ широкихъ размѣрахъ примѣнялась система частныхъ порученій, за недостаткомъ постоянныхъ органовъ. Мы видѣли, что для принятія денежныхъ отчетовъ отъ арендаторовъ и сборщиковъ государственныхъ доходовъ назначались очень часто комиссіи изъ пановъ-радныхъ и писарей. Такія же комиссіи назначались сплошь и рядомъ для разбора накопившихся судебныхъ дѣлъ, которыя господарь почему-нибудь не въ состояніи былъ рѣшать въ данное время [458]) и т. д. При такихъ условіяхъ литовско русскій государь

---

[457]) Литовскіе упоминки, стр. 36—38, 42, 56.

[458]) Въ Метрикѣ Литовской есть цѣлыя книги, содержащія записи рѣшеній пановъ рады, «на справы судовыи высажоныхъ». Такова, напр., кн. Записей XXVII, которая начинается слѣдующимъ заголовкомъ: «Лет. Бож. Нарож 1541 индикт 14. Зъ росказаня господаря его милости, короля и великого князя Жыкгимонта, панове рада великого князства: князь Павелъ, князь Юрий, князь Венцлавъ—бискупове Виленскій, Луцкий а Жомоитский, а панъ Янъ Миколаевичъ Радивилъ, староста Жомоитский, подчашый господарьский, державца Василишский, панъ Янъ Юревичъ Глебовича, воевода Полоцкий, панъ Станиславъ Олбрахтовичъ Кгаштолтъ, воевода Новгородьский, панъ Матей Войтеховичъ Яновича, воевода Витебский, а панъ Иванъ

легко обходился безъ услугъ приказной бюрократіи, которая въ то время все больше и больше получала значеніе въ Московскомъ государствѣ, и могъ довольствоваться сотрудничествомъ только своей рады.

Сводя все, что мы узнали о составѣ, правительственной роли и политическомъ значеніи господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ, имѣющимъ отношеніе къ спеціальному предмету нашего изученія.

1. На великихъ вальныхъ соймахъ при Казимирѣ и его сыновьяхъ активная роль и рѣшающій голосъ принадлежали преимущественно панамъ-радѣ великаго княжества. Шляхта большею частью слѣдовала за панами-радою и сравнительно рѣдко проявляла иниціативу и самостоятельность, и при томъ главнымъ образомъ уже къ концу разсматриваемой эпохи.

2. Преобладаніе пановъ радныхъ на великихъ вальныхъ соймахъ обусловливалось частью ихъ политическимъ авторитетомъ, которымъ они пользовались въ качествѣ постоянныхъ совѣтниковъ и правительственныхъ сотрудниковъ литовско-русскаго государя на высшихъ государственныхъ должностяхъ, а частью ихъ соціальнымъ преобладаніемъ въ качествѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, располагавшихъ въ общей сложности огромными рессурсами по части людей и денегъ, подавлявшими рессурсы шляхты отдѣльныхъ земель, не исключая и собственной Литвы.

3. Это преобладаніе на литовско-русскомъ соймѣ господарскихъ совѣтниковъ и высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ не отразилось однако на его самостоятельности и не сузило его роли до роли простого совѣщательнаго учрежденія. «Посполитая рада» великаго княжества Литовскаго, какъ показываютъ факты, собиралась не затѣмъ только, чтобы ознакомить господаря съ положеніемъ дѣлъ и общественнымъ настроеніемъ, дать ему совѣтъ и изъявить готовность на жертвы для государства, но для того, чтобы активно рѣшать государственные вопросы первостепенной важности, стоявшіе на очереди.

4. Такая самостоятельность сейма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что и преобладавшая на немъ господарская рада въ разсматри-

---

Богдановичъ, воевода Подляшъский, маршалкове господарскии, а особно князь бискупъ Луцкий, князь бискупъ Жомоитский, панъ староста Жомоитский, а панове воеводове Полоцкий а Витебский, на справы судовыи высажоны, судили за листы позовными и за децкими господарскими, а записывалъ суды тыи зъ росказанья его жъ милости господарского секретаръ его милости Венцлавъ Миколаевичъ. А то ся деяло у Вилни на палацы господарскомъ лета Божего, индикта вышеписаного, месеца април. въ пятый день во въторокъ».

ваемое время вышла изъ роли простого совѣщательнаго учрежденія при господарѣ, сдѣлалась не только господарскимъ, но и государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго, который отдѣльно и независимо отъ господаря сталъ на стражѣ государственныхъ интересовъ великаго княжества отъ возможнаго ихъ нарушенія не только со стороны, но и самимъ литовско-русскимъ господаремъ, до извѣстной степени ограничилъ власть этого господаря.

5. При такихъ условіяхъ не удивительно, если сеймованіе оказалось въ концѣ концовъ политическою школою для рыцарства шляхты, содѣйствовало извѣстной консолидаціи этого сословія и пробужденію въ немъ разнообразныхъ сословныхъ и политическихъ стремленій, нашедшихъ себѣ впослѣдствіи осуществленіе. Шляхта несомнѣнно въ данномъ отношеніи слѣдовала примѣру своей «старшей братьи» — пановъ радныхъ, которые на сеймахъ обращались съ различными требованіями къ литовско-русскому господарю, хотя и облеченными въ форму «просьбъ», смѣло и твердо выступали съ заявленіями о различныхъ правонарушеніяхъ и непорядкахъ, допускаемыхъ господаремъ, и suo motu предлагали разнообразныя государственныя улучшенія.

ГЛАВА V.

Организація шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

§ 1. Составъ шляхты по привилеямъ 1387 и 1413 годовъ; расширеніе этого состава въ силу послѣдующихъ привилеевъ и отсутствіе рѣзкой сословной грани.— § 2. «Выводъ шляхетства» въ судебно-административной практикѣ и законодательствѣ.—§ 3. Значеніе «земскаго пописа» 1528 и «уставы дворовъ» 1529 года въ выдѣленіи и обособленіи шляхетскаго сословія.—§ 4. Значеніе въ этихъ отношеніяхъ волочной «помѣры» и «уставы» и аналогичныхъ мѣропріятій въ украинныхъ областяхъ.—§ 5. Привилеи на шляхетство.—§ 6. Права и вольности шляхты до Сигизмунда-Августа; разнообразіе владѣльческихъ правъ князей, пановъ и бояръ.—§ 7. Военная служба шляхты; привилегія крупныхъ землевладѣльцевъ.— § 8. Разнообразіе подсудности шляхты.—§ 9. Представительство шляхты на великихъ вальныхъ соймахъ.—§ 10. Условія и данныя для развитія сословныхъ и политическихъ стремленій и домогательствъ шляхты.

---

§ 1.

Предшествующая глава посвящена была ознакомленію читателя съ тѣми «станами», которые доминировали на литовско-русскомъ сеймѣ при Казимирѣ и его сыновьяхъ, и выясненію самыхъ основаній, на которыхъ утверждалось ихъ политическое преобладаніе. Теперь у насъ на очереди ознакомленіе съ тѣмъ «станомъ», который при Казимирѣ и его сыновьяхъ игралъ второстепенную роль на сеймовыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ, а при Сигизмундѣ-Августѣ наоборотъ—главную и первостепенную, т. е. съ шляхтою-рыцарствомъ великаго княжества Литовскаго. Что бы понять политическое возвышеніе этого стана и тѣ сословныя и политическія стремленія, съ которыми онъ выступилъ на сеймахъ въ великокняженіе Сигизмунда-Августа, необходимо ознакомиться съ его успѣхами по части сословной консолидаціи и съ его сословною организаціею, какъ они опредѣлились къ тому времени.

По своему общественному положенію рыцарство-шляхта великаго княжества Литовскаго представляло изъ себя низшій слой того приви-

легированнаго класса, верхнимъ слоемъ котораго были панскія фамиліи, и который можно назвать шляхетскимъ сословіемъ въ обширномъ смыслѣ слова. Юридическое опредѣленіе этого класса восходитъ ко временамъ Ягайла и Витовта. Начало ему положилъ извѣстный привилей 1387 года, признавшій права и вольности польской шляхты за всѣми литовскими боярами, или военнослужилыми людьми, принявшими католическую вѣру [1]). Значитъ, шляхетское званіе по смыслу перваго земскаго привилея должно было утвердиться за всѣми литовскими боярами католической вѣры. Привилей 1413 года очертилъ болѣе точнымъ образомъ и даже, повидимому, сузилъ тотъ общественный кругъ, на который должны были распространяться имя, права и вольности польской шляхты. Согласно этому привилею не всѣ вообще литовскіе бояре, или военнослужилые люди, должны были впредь пользоваться правами польской шляхты, а только избранныя фамиліи, которыя получили отъ поляковъ гербы и клейноты съ «прокламаціями» (гербовыми фамиліями) и адоптированы были польскою шляхтою въ свои гербовыя братства [2]). Такое суженіе круга будущей литовской шляхты объясняется стремленіемъ придать шляхетскимъ привилегіямъ значеніе награды за присоединеніе къ уніи съ Польшею: шляхтою признаны были именно тѣ бояре, отъ которыхъ въ данный моментъ болѣе всего зависѣло установленіе «братскаго соединенія» Литвы съ Польшею, которые вели объ этомъ переговоры съ польскими панами и шляхтою и давали свое согласіе на правахъ равной стороны, братались съ польскими панами и шляхтою и приняли отъ нихъ гербы, какъ символъ этого братства. Впрочемъ, по всѣмъ признакамъ, кругъ шляхты, очерченный въ привилеѣ 1413 года, не имѣлось въ виду оставить разъ на всегда замкнутымъ. На сеймѣ 1413 года Витовтъ сдѣлалъ только *починъ* въ формировкѣ шляхетскаго сословія, предоставляя будущему пополненіе его новыми фамиліями тѣмъ же путемъ, какимъ это сдѣлалось на сеймѣ 1413 года. Къ такому заключенію приводитъ статья Городельскаго привилея, оставлявшая въ силѣ прежніе привилеи на этотъ счетъ, изданные въ 1387 г. (circa coronationem) [3]).

Какъ бы то ни было, но въ силу Городельскаго привилея кругъ литовской шляхты долженъ былъ оставаться точно очерченнымъ. Этотъ

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[2]) Ibidem, str. 7—20.

[3]) Срав. *A. Maleckiego* Znaczenie unii Horodelskiej w roku 1413, z punctu widzienia heraldycznego (Kwartalnik historyczny 1898, zeszyt IV, str. 751—762).

привилей клалъ ясную и опредѣленную грань, коею шляхетское сословіе имѣло впредь отдѣляться отъ другихъ классовъ общества: предполагалось, что каждый шляхтичъ для обозначенія своего шляхетства (ad insigniendum nobilitatis) будетъ имѣть гербъ, усвоенный отъ какого-либо шляхетскаго рода въ Польшѣ). Но такая опредѣленность продолжалась не долго. Въ 1432 году послы короля Ягайла по уполномочію своего государя выдали отъ его имени новый привилей, по которому и русскіе князья, паны и бояре великаго княжества получали тѣ же шляхетскія права и вольности, какія получили литовскіе князья, паны и бояре, при чемъ имъ дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себѣ гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими польскими одногербовниками. То же самое подтвердилъ и привилей, выданный великому княжеству Литовскому два года спустя великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ [1]). Въ силу этихъ новыхъ привилеевъ кругъ шляхты великаго княжества Литовскаго сразу сильно расширился; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и та ясная черта, которая отдѣляла прежде этотъ кругъ отъ другихъ классовъ общества. Признакомъ шляхетства стала не только принадлежность къ тому или другому шляхетскому гербу, но и простая боярская служба, безъ герба. Какъ увидимъ ниже, этотъ послѣдній признакъ не всегда различалъ достаточно шляхтича, благороднаго, отъ «простого» человѣка, такъ что и шляхетское сословіе въ боярствѣ стало сливаться незамѣтно съ низшими классами общества.—Новое расширеніе шляхетскаго сословія послѣдовало при Казимирѣ, который даровалъ «права вольная, добрая, христіанская, какъ въ корунѣ Польской», князьямъ, панамъ и боярамъ не только Литвы и объединенной съ нею Руси, но и областей—аннексовъ великаго княжества. Въ привилеяхъ Казимира нѣтъ даже и упоминанія о гербахъ, и боярское званіе остается совершенно достаточнымъ для пользованія шляхетскими правами и вольностями. Такое положеніе вещей продолжалось и при преемникахъ Казимира, несмотря на то, что всѣ эти государи подтверждали Городельскій привилей, и между прочимъ статью его, предоставлявшую шляхетскія права только тѣмъ боярамъ, которые взяли себѣ у поляковъ шляхетскіе гербы. Такая несообразность и противорѣчіе въ законодательствѣ устранены были по просьбѣ становъ Виленскаго сейма 1563 года. Когда предстояло вписывать земскіе привилеи въ новый статутъ, станы сейма обратили вниманіе господаря на то, что въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года находятся нѣкоторыя

[1]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 17; dodatek № 22.

статьи, противорѣчащія дѣйствующему праву и требующія «слушного поровнанья», а именно: что шляхетскія права и вольности предоставляются только католикамъ, и при томъ получившимъ польскіе шляхетскіе гербы. Вслѣдствіе этого господарь выдалъ особый привилей, коимъ призналъ, что шляхетскими правами и вольностями впредь должны пользоваться и наслаждаться не только паны и бояре-шляхта римской вѣры, предки которыхъ въ свое время взяли гербы и клейноты въ коронѣ Польской, но и всѣ иные «стану рыцарского и шляхетского» какъ литовской, такъ и русской національности, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, и предки которыхъ не брали гербовъ или клейнотовъ изъ Польши, «яко передъ тымъ, здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского яко и Руского, уживали и съ того ся веселили»[5]). Сигизмундъ-Августъ, такимъ образомъ, подтвердилъ дѣйствовавшее право и уничтожилъ всякія сомнѣнія, вытекавшія изъ статей Городельскаго привилея.

Итакъ, съ теченіемъ времени въ шляхетскомъ сословіи кромѣ лицъ, получившихъ отъ господаря спеціальные привилеи на шляхетство, и ихъ потомковъ, стали признаваться всѣ тѣ, кто «зъ вековъ» были боярами и несли рыцарскую боярскую службу. Но на первыхъ порахъ кругъ этихъ лицъ не отграничивался еще явственно отъ смежныхъ съ нимъ низшихъ слоевъ общества. Поэтому и шляхетское сословіе, созданное привилеями Ягайла и Витовта, Сигизмунда Кейстутьевича и Казимира, фактически долгое время не выдѣлялось рѣзко и необособлялось отъ остальной народной массы въ своемъ низшемъ слоѣ, т. е. рыцарствѣ. Это обособленіе совершалось только исподоволь, по мѣрѣ того, какъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ пересматривались права состоянія разныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, и значительныхъ успѣховъ достигло только къ началу великокняженія Сигизмунда-Августа.

Дѣло въ томъ, что литовско-русское боярство, признанное въ привилеяхъ первой половины XV вѣка шляхтою, благороднымъ и знатнымъ сословіемъ, въ своихъ низшихъ слояхъ весьма близко подходило по общественному положенію къ верхнимъ слоямъ крестьянскаго простонародья и по временамъ сливалось съ ними почти до неразличаемости. Главнымъ признакомъ боярскаго «стана» была военная служба съ земли, или земская служба. Но потребности государственной обороны давнымъ давно заставили литовско-русское правительство

---

[5]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

привлекать на эту спеціально боярскую службу и зажиточныхъ крестьянъ, снимая съ нихъ часть или даже всѣ тяглыя повинности. Военную службу на ряду съ боярами отправляли поэтому и различные разряды крестьянъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, какъ, наприм., соленики, угольники, санники, клепачи, садовники, кухари, кравцы, сокольники, осочники и т. д. Кромѣ того, изъ зажиточныхъ же крестьянъ вербовался особый разрядъ военнослужилыхъ людей, называвшихся *слугами* съ прибавленіемъ именъ: путные (главнымъ образомъ на Литвѣ и въ Полоцкой землѣ), панцырные (въ Кіевской и Витебской землѣ), доспѣшные и щитные (въ Смоленской) и конные (въ Кіевской, Подольской и Волынской земляхъ). Эти слуги особенно близко подходили къ боярамъ, ибо часто не несли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ военной службы [6]), и подобно боярамъ лично считались людьми вольными, которыхъ нельзя было закрѣпить въ чьемъ либо подданствѣ, и которые при пожалованіи ихъ земель имѣли право сойдти съ нихъ прочь вмѣстѣ съ своими «статками», т. е. движимостью. Близко подходя по своему общественному положенію къ боярамъ, эти слуги и назывались по временамъ боярами съ прибавленіемъ «панцырный», «путный», въ Жмудской землѣ «посѣдный» (т. е. несущій нѣкоторыя тяглыя службы) [7]). Вербовка на военную службу создавала даже классъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, приравнивавшихся къ путнымъ или панцырнымъ слугамъ, но называвшихся просто боярами. Такіе бояре по имени являлись въ результатѣ освобожденія разныхъ лицъ отъ всѣхъ повинностей съ возложеніемъ на нихъ и ихъ потомковъ исключительно военной боярской службы. Примѣры подобной вербовки бояръ идутъ отъ временъ Витовта. Такъ, напр., Витовтъ нѣкоему Крупосу, который ходилъ съ нимъ «въ Немцы» и выслужился передъ нимъ, разрѣшилъ не давать дани и не дѣлать «никоторого дела съ посполитыми людьми», но служить великому князю «доспехомъ а конемъ, какъ же то добрый слуга» [8]). Витовтъ же вызволилъ предковъ Городищскихъ земянъ на Подляшьѣ Сабней и Головенекъ отъ городовой службы съ тяглыми людьми, отъ «порубовъ» (раскладокъ крестьянскихъ

---

[6]) Акты Зап. Рос. I, № 219; Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257; XXIII, л. 102, 103.

[7]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 343—356, 542; прилож. № 44; Акты Зап. Рос. II, № 159; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 257; Записей XXXVII, л. 140—144; XXXIX, л. 494—497; Публичныхъ дѣлъ X, л. 44, 45.

[8]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 83—88.

повинностей) и дякла и предоставилъ имъ «однымъ конемъ на войну ходить, какъ и иншии бояре ходять»[9]). Онъ же освободилъ отъ тяглой службы предковъ нѣкоторыхъ Жорославскихъ бояръ Городенскаго повѣта и велѣлъ имъ служить военною службою вмѣстѣ съ другими боярами Городенскими[10]). Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ во время своего похода къ Брянску вызволилъ съ тяглой службы предка нѣкоего Яна Ганцевича и велѣлъ ему «боярскою службою служити»[11]). Переводъ съ тяглыхъ и другихъ службъ совершался иногда по инищіативѣ самихъ «людей». Такимъ образомъ, напр., въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «они дей люди достаточныи, могуть... гораздо службу земскую заступовати». Король исполнилъ эту просьбу, вызволилъ Станька и его сыновей Янка и Мартина отъ трехъ тяглыхъ службъ, отпустилъ имъ дякла и всѣ «дачки», которыя они давали господарю и его урядникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они заступали земскую службу «у трехъ зброяхъ» и имѣли коней, «иброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ нашимъ шляхтѣ росказали есмо къ службе нашой достаточне ся мети»[12]). Въ 1541 году тому же королю Сигизмунду билъ челомъ сокольникъ Сташко Тузиковичъ, прося вызволить его отъ службы сокольницкой и дать ему земли, коими онъ владѣетъ въ волости двора Пенянскаго, «на службу боярскую земскую». По справкѣ, данной державцею Пенянскимъ, что это двору господарскому не будетъ «шкодно», король перевелъ просителя на военную земскую службу, обязывая отправлять ее такъ, «яко иншие бояре наши намъ служать», и добавляя: «а иныхъ службъ служыти и никоторыхъ подачокъ онъ самъ и его потомки давати не мають»[13]). Достаточные люди изъ податныхъ классовъ переводились на боярскую службу не только господаремъ, но и мѣстными правителями, напр., Жмудскими старостами, у которыхъ они «вкупались на боярство»[14]). Всѣ эти лица, служившіе вмѣстѣ съ боя-

[9]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 331, 332.

[10]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209, 210.

[11]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[12]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

[13]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 117, 118.

[14]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

рами, и слыли обыкновенно за бояръ [15]), хотя и не приравнивались къ настоящимъ извѣчнымъ боярамъ, благороднымъ людямъ. Поэтому, напр., когда вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ захотѣлъ получить съ прибившаго его боярина Михайла Рымковича «шляхетское безчестье», т. е. 12 рублей грошей, на томъ основаніи, что великій князь Сигизмундъ вызволилъ его предка отъ тяглой службы и велѣлъ ему служить боярскою службою, король Сигизмундъ, разбиравшій его жалобу, отказалъ ему въ искѣ—на томъ основаніи, что хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не далъ. Поэтому король присудилъ Яну Ганцевичу безчестье «какъ которому путному слугѣ», т. е. рубль грошей [16]). Если къ исконнымъ боярамъ не приравнивались бояре, переведенные съ тяглой на боярскую службу самимъ господаремъ, тѣмъ болѣе не признавались въ боярскомъ «станѣ» люди, обояривщіеся черезъ мѣстныхъ правителей, воеводъ и старостъ. Поэтому и по уставѣ 1557 года шляхтичами, настоящими боярами, въ Жмудской землѣ признаны были лишь тѣ, кто былъ въ этомъ «станѣ» «за староства пана Станислава Яновича, рекомого Кезкгайла, и за сына его пана Станислава Станиславовича (1486—1532), а тѣ, которые сдѣлались боярами по смерти ихъ «за вкупы своими», не были признаны «ровного права зъ шляхтою» [17]). Благодаря тому, что не всѣ, носившіе имя бояръ, считались настоящими боярами, благородными людьми, мы встрѣчаемъ въ актахъ случаи *возведенія въ шляхетство бояръ*. Такой случай имѣлъ, напр., мѣсто въ 1529 г. 9 сентября на великомъ Виленскомъ сеймѣ: король Сигизмундъ зачислилъ въ шляхту боярина Курклевского повѣта Миколая Кгайдомовича и далъ ему «знамя шляхетское», т. е. гербъ, освободивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливости, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства на него належали» [18]).

Итакъ, боярское званіе сверхъ благородныхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, съ незапамятныхъ временъ бывшихъ боярами, носили и простые люди, освобожденные отъ «дачокъ» и «тяглей» и обложенные военною повинностью. Сближеніе благородныхъ военнослужилыхъ людей съ «простыми» совершалось и обратнымъ путемъ, т. е.

---

[15]) Потомки вышеупомянутаго Крупоса именовались боярами Круповичами и служили военную службу подъ хоругвью Радуньскаго повѣта.

[16]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 19, арт. 53.

[18]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 142—145.

не восхожденіемъ простыхъ людей до боярства, а нисхожденіемъ «извѣчныхъ» бояръ до податного и тяглаго состоянія. Происходило это разнообразными путями. Въ Жмудской землѣ, напр., многіе бояре-шляхта «за великими упадками своими» перестали съ своихъ домовъ служить военную службу и начали давать «подачки» великому князю съ своихъ земель. Ихъ перестали уже различать отъ податныхъ людей, и король Сигизмундъ долженъ былъ поручить старостѣ Жмудскому Станиславу Яновичу произвести спеціальное «выведанье», кто изъ нихъ «правые» бояре [19]). Очень часто бояре или земяне—шляхта тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣтали крестьянскія земли и вмѣстѣ съ ними принимали на себя и крестьянскія повинности, не переставая въ то же время быть боярами, а иногда даже нести одновременно и военную службу. Такимъ образомъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ бояринъ Коневскій Юркгелисъ Некрашевичъ, получивъ отъ господаря землю конюшскую Яновщину, обязался нести съ нея службу конюшскую и давать дякло, и только преемникъ Александра—Сигизмундъ освободилъ его отъ этихъ повинностей и велѣлъ служить военною службою [20]). Тотъ же Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1511 году земянину Бѣльскому Миколаю Петрыковскому двѣ крестьянскія пустовщины, Пухмовщину и Гриневщину, данныя ему еще при Александрѣ мѣстнымъ державцею, обязалъ его съ этихъ земель, кромѣ военной службы, «порубы до гаевника давати и куницу, и дань медовую,—и обѣдъ нашъ (господарскій) зъ иншими людьми поднимати» [21]). Земянамъ же Бѣльскимъ Андрею Брезынскому и Войтку Петровичу Сигизмундъ пожаловалъ восемь крестьянскихъ пустовщинъ, составлявшихъ въ общей сложности два жеребья, съ обязанностью платить съ этихъ земель ежегодно по 48 грошей и полтора ведра меду, давать дякла и служить земскую службу [22]).—Человѣкъ господарскій Ковенскаго повѣта Юшко Кинбутовичъ, будучи при старости и не имѣя дѣтей, съ разрѣшенья мѣстнаго державцы взялъ себѣ «за сына мѣсто» боярина Ковенскаго Балтромея Яновича. По челобитью боярина король Сигизмундъ утвердилъ его наслѣдникомъ земли и «статковъ» Юшка Кинбутовича съ условіемъ: «а намъ зъ нее службу служыть тую, которую намъ передъ тымъ тотъ Юшко съ тое земли служылъ» [23]). Крестьянскія земли

[19]) Акты Вилен. Комм. XXIV, № 19—21.
[20]) Литов. Метр. кн. Зипис. IX, л. 51.
[21]) Тамъ же, л. 94.
[22]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.
[23]) Тамъ же, л. 125.

съ крестьянскими повинностями брали обыкновенно измельчавшіе и обѣднѣвшіе бояре, которымъ не подъ силу было съ однихъ своихъ отчинъ нести военную службу, или которые даже совсѣмъ сошли съ своихъ отчинъ. Результатомъ такого сближенія бояръ съ «простыми» людьми на почвѣ землевладѣнія и повинностей и появились такіе разряды бояръ, которыхъ нельзя было причислить ни къ настоящей шляхтѣ, ни къ «людямъ» господарскимъ, которые не укладывались въ рамки существовавшихъ законоположеній о боярахъ. Таковы были, напр., бояре Рудоминскаго повѣта, которые обязаны были косить сѣно на господарскій дворъ [24]), несмотря на то, что уже привилей 1387 года освободилъ литовскихъ бояръ отъ барщинныхъ работъ на господаря, а привилей 1447 года выразительно подтвердилъ это для бояръ всѣхъ земель великаго княжества [25]).

Итакъ, хотя привилеи, даровавшіе литовско-русскимъ боярамъ права и вольности польской шляхты, и создали въ Литовско-Русскомъ государствѣ особое шляхетское сословіе, но это сословіе не выдѣлилось сразу и не обособилось рѣзко отъ остальной народной массы. Причина этому была та, что составъ литовско-русскаго боярства, изъ котораго создалось это сословіе, былъ въ дѣйствительности шире тѣхъ сословныхъ рамокъ, которыя ставила шляхетская идея исконной знатности, благородства и рыцарскихъ «вчинковъ».

§ 2.

Вслѣдствіе того, что шляхетское сословіе своими нижними слоями тѣсно сплеталось съ верхними слоями крестьянства какъ на почвѣ землевладѣнія и повинностей, такъ и въ самомъ названіи, и правительственные органы, и крестьянскія власти, и частныя лица по временамъ не различали бояръ-шляхту отъ «простыхъ людей», нарушали ихъ шляхетскія права или унижали ихъ шляхетское достоинство. Боярамъ-шляхтѣ приходилось нерѣдко возстанавливать судебнымъ порядкомъ свою принадлежность къ шляхетскому сословію, или «выводить»

---

[24]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 9, 401. Въ 1537 году королю Сигизмунду билъ чоломъ секретарь латинскій Венцлавъ Миколаевичъ о томъ, «што жъ котории пашни и люди свои маеть у повете Рудоминьскомъ, яко данину нашу и куплю, такъ и по жоне своей, абыхмо его съ тыми его пашнями вызволили отъ кошенья сеножатей двора нашого Рудоминского, котории косять бояре тамошнии Рудоминскии, и на то дали ему нашъ листъ». Король исполнилъ его просьбу. Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 75.

[25]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2; Акты Зап. Рос. I, № 61.

свое шляхетство. Заслуживають поэтому вниманія тѣ доводы, которые приводились въ доказательство шляхетства, ибо они проливають свѣтъ на то, какіе слои боярскаго класса составили основной контингентъ шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Въ 1473 году предъ королемъ Казимиромъ нѣкоторые десятники «пріискивали» въ тяглую службу бояръ Невойновичей, Вишторτовичей, Кгинцевичей и Ейдикгиновичей, указывая на то, что они давали дякла при великомъ князѣ Витовтѣ. Бояре въ доказательство противнаго сослались на пановъ Радивила Остиковича и Михаила Монтовтовича, которые засвидѣтельствовали, «што жъ дедъ ихъ—пана Якуба Раловича деду рожоный братъ, а дякла не дaвали за великого князя Витовта и за великого князя Жикгимонта». Казимиръ, разсмотрѣвъ дѣло съ панами-радою, урядилъ, «штожъ имъ на надобе дяколъ давати, ани иншихъ которыхъ служебъ съ селяны служити: потому, какъ которыи шляхтичи служать, такъ имъ служити»[26].—Въ 1495 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ и вся волость Немоноитская «пріискивали посполъ съ собою сена косити» бояръ Немоноитскихъ Юрія Динкгайловича, Юшка Миколаевича, Каца Айнаровича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича. Бояре заявили, что ихъ о томъ «смотрѣлъ» воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яновичъ (1491—1497), нашелъ ихъ въ томъ правыми и выдалъ имъ свой судовый листъ. Этотъ листъ они предъявили великому князю. Великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ ихъ: «маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре?» Бояре указали на то, что у нихъ есть братья шляхта—бояре Новкуновцы въ Ейшишскомъ повѣтѣ. Великій князь поручилъ тогда державцѣ Ейшишскому Петру Радивиловичу допросить Новкуновцовъ, дѣйствительно ли вышеупомянутые бояре имъ братья, и сами они «зъ роду бояре ль суть». Новкуновцы подтвердили ихъ показаніе, а въ доказательство того, что сами они бояре, представили судовые листы пана Радивила, въ которыхъ упомянуто, «што жъ они зъ века бояре шляхта суть». Державца отписалъ обо всемъ этомъ господарю, который на основаніи всѣхъ доводовъ нашелъ бояръ Немоноитскихъ правыми и присудилъ: «не надобе имъ сена зъ волостью косити и иныхъ служебъ служити: нехай они службу намъ служать боярскую, какъ и иншіи которыи бояре шляхта»[27]. — Въ 1496 году великому князю Александру жаловались бояре Радуньскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Мацко съ братьею,—всего

[26]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

[27]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 50.

семь человѣкъ, на намѣстника Радуньскаго Януша Костевича, «штожъ имъ велелъ сено косити и дякла давати и за то ихъ былъ самихъ поималъ и въ пятстве держалъ и домы ихъ пограбилъ», между тѣмъ какъ они «зъ роду суть бояре шляхта, сена не кошивали и дяколъ не даивали». Въ доказательство этого бояре представили, во-первыхъ, судовый листъ воеводы Троцкаго пана Андрея Саковича (былъ воеводою въ пятидесятыхъ годахъ XV ст.), который судилъ ихъ по дѣлу о невыполненіи этихъ же повинностей съ приставомъ и волостью Радуньскою и нашелъ, что они, какъ бояре, не обязаны выполнять этихъ повинностей; во-вторыхъ, судовый листъ другого воеводы Петра Яновича, который судилъ ихъ съ приставомъ Радуньскимъ Кирвелою и на основаніи представленныхъ ими судовыхъ листовъ пана Андрея Саковича и самого короля Казимира, подтвердившаго судъ Саковича, нашелъ ихъ также правыми. На основаніи всѣхъ этихъ листовъ и великій князь Александръ призналъ: «не надобе имъ сена косити и дяколъ давати, и маютъ они намъ служити службою тою, какъ и иншие бояре шляхта»[28]).—Въ 1509 году королю Сигизмунду жаловались Смоленскіе бояре Еня и Михей Досуговы на боярина же Ѳедора Мирославича, который выпросилъ ихъ у короля Александра «за щитныхъ людей», между тѣмъ какъ они «суть бояре, и предки ихъ волости держивали». Въ доказательство Досуговы представили листы великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича и пана Ивана Гаштольдовича, а также листъ самого короля Александра, который, довѣдавшись, что Ѳедко выпросилъ ихъ «негораздо», писалъ намѣстнику Смоленскому Юрію Андреевичу, «ажъбы онъ тому Ѳедку не казалъ въ нихъ ся вступати». Сигизмундъ, выслушавъ эти листы, допрашивалъ еще Смоленскихъ окольничихъ, что за люди Досуговы. Окольничіе показали, «ижъ они люди добрыи, бояре». Тогда король, «порозумѣвши съ паны радами», нашелъ Досуговыхъ правыми, приказалъ имъ служить по давнему и запретилъ Ѳедку въ нихъ вступаться, а все, что онъ побралъ съ нихъ, приказалъ имъ вернуть[29]).—Бояринъ Полоцкій Костюшко Вареоломеевичъ «примовилъ ку чти» боярамъ Барибольдовичамъ, говоря, что они вовсе не бояре, а слуги городовые. По жалобѣ Барибольдовичей король поручилъ разсмотрѣть это дѣло воеводѣ Виленскому, канцлеру, пану Миколаю Миколаевичу (1510—1522). Въ доказательство своего шляхетства Барибольдовичи представили: листъ великаго князя Витовта, удостовѣряющій, что прадѣдъ ихъ Михалко

[28]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XII, л. 78—80.
[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

держалъ отъ него волость Полоцкаго повѣта Мородно; листъ короля Казимира, удостовѣряющій, что дѣдъ ихъ Сурвило выбиралъ на господаря куницы варныя; другой листъ Казимира, удостовѣряющій, что Сурвило держалъ ключъ медовый; и наконецъ, листъ державцы Полоцкаго Олехна Судимонтовича, изъ котораго видно, что онъ по приказанью короля Казимира довѣдывался, «естли бы деду ихъ Сурвилу зъ братомъ Ивашкомъ годно тотъ ключъ держати», и предоставилъ ему «ключъ» на два года послѣ Сенка Яцкевича Епимаховича. По докладу объ этомъ пана Миколая Миколаевича Сигизмундъ, «съ паны радами порозумевши», рѣшилъ, «ижъ они суть бояре, люди добрыи, а не слуги путные», и выдалъ имъ на то свой листъ [30]). Вопросъ о шляхетствѣ рѣшался и простыми показаніями околичныхъ бояръ-сосѣдей, что извѣстные землевладѣльцы «зъ вѣковъ бояре шляхта». На основаніи такихъ показаній оставлялъ при шляхетствѣ разныхъ Жмудскихъ бояръ панъ Станиславъ Яновичъ, посланный въ 1522 году «на выведане шляхты, которые за великими упадками своими, не могучи послуги военной служити зъ домовъ своихъ почали великому князю податки давати» [31]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ обнаруживается, что литовско-русское правительство склонно было признавать въ шляхетскомъ сословіи лишь тѣхъ бояръ, которые были въ боярскомъ званіи уже давно, въ тѣ самыя времена, когда выдавались первые привилеи, возводившіе литовско-русскихъ бояръ въ шляхетское сословіе. Въ этомъ смыслѣ выработана была господаремъ и панами радою на великомъ Виленскомъ соймѣ 1522 года общая «устава» «о выводѣ шляхетства за примовою» для руководства на будущее время. Назрѣвшая потребность въ изданіи особаго закона о «выводѣ шляхетства» какъ нельзя лучше подтверждаетъ высказанное выше утвержденіе, что въ боярскомъ классѣ благородное шляхетское сословіе въ разсматриваемое время сливалось съ простонародьемъ, съ крестьянствомъ, почти до неразличаемости. Господарь и паны-рада постановили: шляхтичъ, которому «приганено на честь», имѣетъ выводить свое шляхетство двумя шляхтичами, которые должны подъ присягою показать, что онъ отъ прадѣда и дѣда одного съ ними рода и братъ имъ по крови; если не можетъ поставить двухъ, а только одного, то долженъ самъ лично подтверждать его показаніе присягою; если же не можетъ поставить на судѣ ни одного свидѣтеля, то долженъ представить по крайней

[30]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 483—484.

[31]) Акты Вилен. Комм., т. XXIV, № 19—21.

мѣрѣ старинные листы великаго князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или нѣкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которыхъ его предки или самъ онъ писаны боярами независимо отъ ихъ собственнаго показанія [32]). Такимъ образомъ, новый законъ по существу лишь формулировалъ, хотя и не вполнѣ, доказательства шляхетства, которыя и прежде фигурировали въ судебно-административной практикѣ. Всматриваясь въ общую тенденцію этого закона, видимъ, что, какъ и предшествующая практика онъ стремится утверждать въ шляхетскомъ сословіи только тѣхъ бояръ, предки которыхъ были въ этомъ званіи во время дарованія шляхетскихъ правъ и вольностей, и не признаетъ шляхтою бояръ, попавшихъ на боярскую службу позже, разумѣется, если только эти бояре не возведены въ шляхетство спеціальными привилеями.

Повидимому, на основаніи новаго закона рѣшено было 16 іюня 1522 года дѣло бояръ Любецкой волости Новгородскаго повѣта Першка и Андрея Игнатовичей, Павла и Петра Яцковичей. Этихъ бояръ привернулъ было къ своему имѣнью Любчу и съ землями ихъ, какъ простыхъ людей, дворянинъ Мартинъ Мелешковичъ. Бояре подали жалобу господарю, утверждая, что они шляхтичи и готовы «родъ братью свою поставити и съ того ся вывести». Они поставили на судѣ Кмиту Стретовича, Ивана Никоновича, Юрья Андреевича, которые показали, что прадѣдъ этихъ бояръ былъ ихъ дѣду родной братъ. Выслушавъ это

---

[32]) Описапе артыкулу о выводе шляхетства за примовою.

Господаръ король съ паны радами на валномъ сойме Виленьскомъ казалъ тотъ члонокъ у книги уписати: Естли хто кому пригапитъ, ижъ бы не былъ шляхтичомъ, тогды тотъ, кому бы было приганено, маетъ двема шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли кому бы было приганено, маетъ двема шляхтичы выводитися тымъ обычаемъ: естли бы тые два шляхтичы поведили, ижъ тотъ, кому приганено, съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови имъ естъ братъ, а на томъ бы присягнули, таковый маетъ таковою братьею родъ свой шляхетъский очистити.

А естли жъ бы хто одного мелъ шляхтича и ровного собе, а двухъ не могъ достарчити, тогды тотъ маетъ шляхтичъ съ тымъ, кому нагапено, присегнути такимъ же обычаемъ, какъ и тыи верхуписаныи шляхтичы присягнуть. Пакли жъ бы тотъ, кому наганено, не могъ ни одного шляхтича на то собе мети, а естли бы на то мелъ листъ у собе старый великого князя Витолта и Жикгимонта або отца нашого Казимира короля его милости або некоторыхъ пановъ радъ высокихъ, а въ томъ бы листе писано его бояриномъ не подле его поведанья, нижли або у праве съ кимъ будетъ стоялъ або отъ кого до него листъ будетъ писанъ шляхтичомъ, тымъ онъ листомъ маетъ шляхетъство свое вывести». Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 309.

показанье, Сигизмундъ оставилъ названныхъ бояръ при шляхетствѣ и при ихъ земляхъ и постановилъ: «нехай они тые поля свои старыи и сеножати держать, а намъ съ того службу земскую служать посполъ зъ бояры Новгородскими»[33]). Нужно сказать, однако, что какъ прежде, такъ и послѣ изданія вышеприведеннаго закона, практика по части доказательствъ шляхетства была шире этого закона, въ чемъ можно убѣдиться, напр., изъ слѣдующихъ случаевъ. Въ 1524 году 23 апрѣля воевода Троцкій князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разсматривалъ тяжбу хоружія Ейшишскаго Станка Радивиловича и его братьи съ Ейшишскимъ бояриномъ Яномъ Юшковичемъ, говорившимъ, что они простые люди, а не шляхтичи[34]). На судѣ Янъ Юшковичъ сослался на мѣстнаго державцу пана Андрея Якубовича, который будто бы въ письмѣ своемъ къ господарю назвалъ ихъ простыми людьми. Хоружій съ братьею съ своей стороны представили листъ пана Богдана Андреевича, бывшаго воеводою Троцкимъ при королѣ Казимирѣ (1486—1490), листы королей Александра и Сигизмунда и листъ тогдашняго державцы Ейшишскаго Андрея Якубовича, въ которыхъ сказано, «ижъ они зъ веку суть бояре шляхта и хоружимъ родъ ихъ и они сами Ейшишскимъ». Этихъ доводовъ было вполнѣ достаточно для доказательства шляхетства на основаніи закона 1522 года. Но князь воевода, не довольствуясь этимъ, произвелъ еще *опросъ всѣмъ боярамъ Ейшишскимъ,* «естъ ли они шляхтичи, або ни». Послѣ того, какъ бояре показали, «же они здавна, еще за Казимера короля его милости, ажъ до сихъ часовъ не простые, але шляхтичи», воевода изрекъ свой приговоръ, коимъ оставилъ ихъ при шляхетствѣ. Судъ воеводы подтвердилъ король своимъ листомъ[35]). Въ томъ же 1524 году 9 августа дѣло о шляхетствѣ бояръ Пинскихъ Протасовичей было рѣшено на основаніи простого показанія *двухъ стороннихъ шляхтичей* Ивана Полоза и Матоея Гричина, засвидѣтельствовавшихъ, что Матоей Ивановичъ Протасовича «з роду з потужниками своими есть шляхтичомъ»[36]).

Итакъ, внесенное въ книгу Метрики «описане артикулу о выводе шляхетства» недостаточно полно и точно формулировало дѣйствовав-

---

[33]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 313.

[34]) На судѣ воеводы присутствовали: панъ Янушъ Богдановичъ Сопежича и панъ Войтехъ Нарбутовичъ, дворяне господарскіе, панъ Янъ Юндилъ и панъ Павелъ Зубовичъ, бояре Ейшишскіе.

[35]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XII, л. 73—75.

[36]) Акты Вилен. Комм., т. XXIV, № 29.

шее въ этомъ отношеніи право. Въ статутѣ 1529 года сдѣлана была попытка дать этому артикулу новую, болѣе удовлетворительную, редакцію. Одиннадцатый артикулъ III раздѣла этого статута постановлялъ, что шляхтичъ, о которомъ сказано кѣмъ-нибудь, что онъ не шляхтичъ, долженъ поставить въ качествѣ свидѣтелей двухъ шляхтичей изъ рода отца и матери, которые должны подтвердить подъ присягою, что онъ шляхтичъ; если же родъ его перевелся, тогда онъ долженъ поставить бояръ-шляхту околичныхъ, которые знаютъ, что онъ шляхетскаго рода, и тѣ также должны подтвердить это присягою; если же онъ чужеземецъ, пріѣзжій человѣкъ, тогда онъ долженъ съѣздить къ себѣ на родину и привезти оттуда оффиціальное удостовѣреніе, что онъ благороднаго происхожденія; если бы онъ не могъ сдѣлать этого по случаю войны съ тою страной, откуда онъ родомъ, то можетъ поставить двухъ шляхтичей изъ одной съ нимъ страны, которые подъ присягою должны подтвердить его шляхетство. Эта новая редакція закона «о выводѣ шляхетства» при сопоставленіи ея съ дѣйствовавшимъ правомъ оказывается столь же неудовлетворительною, какъ и редакція 1522 года. Правда, что въ новой редакціи въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью расширенъ кругъ свидѣтелей, показаніями которыхъ можно выводить свое шляхетство. Но зато въ ней пропущенъ цѣлый отдѣлъ доказательствъ, коими также выводилось шляхетство, т. е. письменные документы. Между тѣмъ письменные документы, какъ до статута 1529 года, такъ и послѣ статута въ дѣйствовавшей судебно-административной практикѣ принимались на доводъ шляхетства. Хоружій Мстиславскій Мурза Маскевичъ побилъ и поранилъ «безвинне» боярина Мстиславскаго Радка Щолкановича и его жену. По жалобѣ боярина староста Мстиславскій кн. Василій Андреевичъ Полубенскій вмѣстѣ съ тамошними боярами присудили ему на Маскевичѣ 12 рублей шляхетскаго безчестья, а женѣ его 24 рубля, согласно статуту. Но хоружій, «хотячи съ того вынигнути а ничимъ его въ томъ отбыти и ку болшой шкоде его привести», назвалъ его «простымъ хлопомъ», а не шляхтичемъ. Тогда Радко поставилъ бояръ тамошнихъ, людей добрыхъ-шляхту, которые признали его своимъ «кровнымъ», и кромѣ того положилъ *листы* князей Мстиславскихъ, князя Ивана Юрьевича и князя Михаила, въ которыхъ предки его и онъ самъ описаны «бояриномъ, человекомъ добрымъ, шляхтою». Староста не посмѣлъ учинить этому дѣлу конецъ и перенесъ его на судъ самого господаря, который призналъ доводы Радка достаточными, оставилъ его при шляхетствѣ и приказалъ старостѣ взыскать съ хоружія какъ шляхетское безчестье въ пользу Радка и его жены, такъ и всѣ его протори и

убытки, которые онъ потерпѣлъ въ этой тяжбѣ (7 окт. 1537 года) [37]).— Старостѣ Жмудскому, державцѣ Плотельскому и Тельшевскому, пану Ерониму Александровичу Ходкевичу приставъ, поприставъ и нѣкоторые люди волости Полонгской донесли на бояръ той же волости Юрія Ездайтиса и Луку Мипикайциса, будто бы они обязаны давать ему, какъ державцѣ Плотельскому, стацію, ибо они давали стацію его предшественникамъ. Но бояре, ставъ передъ старостою, заявили, что они шляхта и никогда не давали стаціи старостамъ и не платили подарка господарю, но всегда служили господарю службу военную конно и збройно, какъ и другіе бояре-шляхта. Въ доказательство они представили *листы* Яна Рекутя и его сына Станислава Яновича и прежнихъ старость Жмудскихъ, въ которыхъ написано, что этимъ боярамъ розданы имѣнья въ волости Полонгской на службѣ военной съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, какія выполняютъ простые люди. Пристава въ свою очередь подтвердили, «нижъ они суть зъ вековъ бояре шляхта и жадного плату господару его милости не дають, одно службу земскую господару его милости служатъ». На основаніи всѣхъ этихъ показаній староста не сталъ требовать съ бояръ стаціи и выдалъ имъ листъ (3 мая 1547 года), коимъ они навсегда освобождались отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы господарю [38]). Всѣ эти факты въ общей сложности убѣждаютъ, что дѣйствовавшее право въ отношеніи «вывода шляхества» не формулировано полностью ни въ законѣ 1522 года, ни въ статутѣ 1529 года, что оба закона въ данномъ отношеніи не исключаютъ, а только взаимно пополняютъ другъ друга. Можно, слѣдовательно, сказать, что по дѣйствовавшему въ Литовско-Русскомъ государствѣ праву шляхтою признавались тѣ бояре и земяне, военно-служилые землевладѣльцы, которые показаніями родственниковъ и стороннихъ шляхтичей и оффиціальными документами могли доказать древность и знатность своего рода.

Изъ рѣшеній, ставившихся по дѣламъ о шляхетствѣ, видно, что основной контингентъ шляхетского сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ данъ былъ тѣми боярскими фамиліями, которыхъ застали на боярской службѣ и при боярскихъ имѣньяхъ первые привилеи, насадившія шляхетскія права и вольности въ великомъ княжествѣ. Военно-служилые землевладѣльцы, попавшіе на боярскую службу позже, не

---

[37]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 210, 211.

[38]) Акты Вилен. Ком. XXIV, № 65. Срав. также № 80.

всегда попадали въ шляхетское сословіе, если не имѣли специальныхъ привилеевъ на шляхетство.

§ 3.

Разборъ дѣлъ о шляхетствѣ исподоволь выяснялъ наличность благороднаго шляхетскаго класса въ Литовско-Русскомъ государствѣ и тѣмъ способствовалъ его обособленію отъ военно-служилаго и тяглаго простонародья. Лица, возстановившія судебнымъ порядкомъ свои шляхетскія права, получали соотвѣтствующіе «листы», которые они хранили, какъ свои шляхетскіе «клейноты», какъ фамильное сокровище, могущее пригодиться для ихъ потомковъ. При помощи этихъ листовъ потомки уже сравнительно легко возстановляли свое шляхетское достоинство, если оно попадало подъ сомнѣніе или униженіе. Такимъ образомъ, напримѣръ, при помощи листа, выданнаго въ 1473 году королемъ Казиміромъ боярамъ Виштортовичамъ и Кгинцевичамъ, возстановили въ 1537 году свое шляхетское достоинство ихъ потомки—Стась Мицейковичъ съ братьею, Андреемъ Милковичемъ и Станиславомъ Стецевичемъ, Виштортовичи и Петръ Андреевичъ Кгинцевича, которыхъ державца Ейшишскій, Левъ Семеновичъ Чижъ, сталъ было «приворочать» въ таглую службу «посполъ зъ иншыми людьми Ейшышскими» [39]). На основаніи документовъ, полученныхъ боярами Радуньскаго повѣта Олехномъ Андреевичемъ, Андреемъ Нецевичемъ и Мацкомъ съ братьею, возстановили въ 1541 году свои шляхетскія права ихъ потомки, которымъ мѣстный державца, панъ Шимко Мацковичъ, сталъ было чинить «крывды и втисненья великии», а именно, приказывалъ имъ вмѣстѣ съ тяглыми людьми стоять на стражѣ у воротъ большого Троцкаго замка, «а въ почи на замку кликати», «приворочалъ» ихъ къ другимъ работамъ дворнымъ Радуньскимъ и за неисполненіе ихъ всылалъ въ ихъ дома дѣцкихъ и «грабилъ» ихъ, тогда какъ они обязаны были только служить военную службу, оправлять замокъ Троцкій, стеречь вязней Москвичей въ замкѣ и ходить въ заставу до Минска, «яко и иншие бояре шляхта повету Троцкого» [40]) и т. д. Помимо судебныхъ дѣлъ о шляхетствѣ, возникавшихъ спорадически и болѣе или менѣе случайно, выясненію наличности шляхетскаго сословія и обособленію его отъ низшихъ классовъ общества помогли не мало и нѣкоторыя общія административныя мѣры, принятыя въ великокняженіе Сигизмунда Стараго.

---

[39]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 14, 15.

[40]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XII, л. 78—80.

На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить регистрацію шляхты, произведенную въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго и исправнаго отбыванія военной службы. Въ реестрѣ «попису земского» 1528 года почти вся наличная шляхта была перечислена по именамъ и фамиліямъ [41]). Мы не знаемъ, насколько полно и правильно сдѣлано было исчисленіе шляхты въ этомъ реестрѣ. Какъ бы то ни было, этотъ реестръ *считался* правильнымъ и вѣрнымъ, и къ нему стали обращаться за справками при разборѣ дѣлъ о шляхетствѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, когда приставы Ейшишскіе стали приискивать въ тяглую службу бояръ Святка Рафаловича, Матея Ганцовича, Анцушка Войтковича и братью ихъ, разбиравшій это дѣло воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій (1530—1537), не ограничившись опросомъ Ейшишскаго хоружія и бояръ-шляхты, «у реистрахъ, где вся шляхта суть списана, смотрелъ и тамъ знашолъ, же ихъ зъ бояры шляхтою суть описано». Эта справка окончательно убѣдила воеводу, что вышеназванные бояре— шляхта, и онъ выдалъ имъ соотвѣтствующій листъ [42]). Но что особенно важно,—помѣщеніе въ списокъ шляхты въ реестрѣ 1528 года въ глазахъ самихъ бояръ стало считаться оффиціальнымъ признаніемъ ихъ шляхетскаго достоинства и основаніемъ для его возстановленія. Великій князь Александръ далъ Охрему и Ивану Сенковичамъ землю пустовскую Андреевщину и Омельяновщину въ Остринской волости, «где передъ тымъ два брата Ондреецъ и Омельянъ седели», и велѣлъ имъ съ этой земли «службу земскую служити, на войну посполу зъ бояры Остринскими ездити». Но при Сигизмундѣ писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ сталъ имъ «кривду чинити», за одно съ путными слугами править на нихъ «копъ осадныхъ» (согласно съ уставою 1529 г.) и свои писарскіе пожитки, за что «детей ихъ поималъ и у вязенье посажалъ, и грабежи имъ поделалъ». Тогда Сенковичи обратились съ жалобою къ господарю, при чемъ указывали, что съ пожалованной имъ земли они всегда служили земскую службу вмѣстѣ съ боярами Остринскими, «а иншихъ жадныхъ службъ и подачокъ не знавали», а когда по приказанью короля было «пописывано» все великое княжество, тогда и они записаны были въ реестръ вмѣстѣ съ боярами Остринскими; вмѣстѣ съ боярами же Остринскими писались они обыкновенно и въ гетманскихъ реестрахъ. Согласно съ этимъ указаніемъ король писалъ подскарбію земскому Ивану Горностаю: «ажъ

---

[41]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I; Акты Виленской Комиссіи, т. XXIV, № 31; Archiwum Sanguszków III, № CCCXLV,

[42]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 92.

бы еси тые реистра, яко все панство наше великое князство пописывано, которыи у тебе суть у скарбе нашомъ, передъ собою отворилъ, а къ тому и въ реистра гетманскии угленулъ и попису бояръ Остринскихъ огледалъ и межы оными бояры имены ихъ осмотрелъ». Если бы имена ихъ оказались дѣйствительно на одномъ реестрѣ съ Остринскими боярами, особо отъ слугъ путныхъ и тяглыхъ людей, подскарбій долженъ былъ дать имъ выпись изъ этого реестра съ приложеніемъ своей руки и печати и приказать писарю, чтобы онъ не взыскивалъ съ нихъ своихъ «пожитковъ» и «копъ осадныхъ», а если бы именъ ихъ въ этомъ спискѣ не оказалось, подскарбій долженъ былъ увѣдомить писаря, чтобы онъ поступалъ съ ними, какъ съ путными слугами [43]). И позже реестръ «попису земского» 1528 года служилъ для справокъ о шляхетствѣ, и выписями изъ него доказывали свое шляхетское происхожденіе разныя лица [44]). Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ уцѣлѣлъ въ книгахъ Метрики до настоящаго времени, въ копіи, сдѣланной въ концѣ XVI вѣка.

Итакъ, въ 1528 году составлена была своего рода дворянская книга, опредѣлившая, хотя бы и приблизительно, наличность шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Вскорѣ послѣ регистраціи шляхетскаго сословія приняты были нѣкоторыя другія мѣры, которыя въ результатѣ своемъ должны были еще рѣзче отграничить шляхту отъ простонародья, чѣмъ это сдѣлалъ земскій «пописъ» 1528 г. Бояре-шляхта, какъ видно изъ приведенныхъ выше актовыхъ свидѣтельствъ, очень мало различались отъ такъ называемыхъ путныхъ бояръ или слугъ. По новой уставѣ, данной въ 1529 году въ руководство державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, а также дворовъ и волостей Жмудской земли [45]), путные бояре взамѣнъ военной службы обложены были «осадными копами» и барщинными повинностями въ размѣрѣ двѣнадцати дней въ году [46]). Послѣ такого перевода на «тяглую службу» [47]) уже нельзя было смѣшивать бояръ-шляхту и бояръ путныхъ. Этотъ переводъ производился писарями господарскихъ дво-

---

[43]) Литов. Метр. кн. Запис. XXI, л. 28, 29.

[44]) Акты Виленской Комиссіи, т. XXIV, № 30, 32.

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 159, 160; Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VI, т. I, № VII.

[46]) Правительство, очевидно, сознало малую пригодность для военной службы путныхъ бояръ-земледѣльцевъ и предпочло перевести ихъ повинность на деньги въ разсчетѣ замѣнять путныхъ бояръ наемными «служебными».

[47]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 339—340.

ровъ, которые согласно съ новою уставою стали объѣзжать эти дворы, устанавливать и пописывать господарскіе «пожитки» [48]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда писари по недоразумѣнію облагали тяглыми повинностями бояръ-шляхту, послѣдніе доходили до господаря и возстановляли свое шляхетство. Такимъ образомъ, напр., когда писарь дворовъ Троцкаго повѣта Богданъ Мацковичъ привернулъ къ работамъ дворнымъ и вписалъ съ тяглыми людьми нѣкоторыхъ бояръ Вилкейской волости, послѣдніе обратились сначала за ходатайствомъ къ прежнему державцѣ пану Александру Ходкевичу, а затѣмъ непосредственно къ королю съ заявленіемъ, «ижъ они суть люди добрые, шляхта, и зъ вековъ посполъ зъ иншими бояры тамошними земянскою службою служать, на войну ездять, а николи поседей не чынивали и служобъ до двора нашого никоторыхъ не служывали». Въ доказательство они представили листы старосты Жмудскаго Яна Кезкгайла (1451—1485), бывшаго державцы Вилькейскаго Александра Ходкевича и самого короля Сигизмунда. Поручивъ писарю Жмудскихъ дворовъ Андрею Мацкевичу для окончательнаго разъясненія дѣла допросить мѣстныхъ бояръ-шляхту, Сигизмундъ распорядился о томъ, чтобы писарь не принуждалъ ихъ къ тяглымъ работамъ, буде они выведуть свое шляхетство «братьею своею шляхтою» (23 іюня 1530 года) [49]). Писарь дворовъ Виленскаго повѣта Миколай Андрошевичъ наложилъ «копы осадныя» на Пенянскихъ бояръ Бетикгольцевъ—Миколая Сядковича, Петра Станевича, Станислава Нарбутовича и Юрія Янковича, какъ на путныхъ слугъ. Бояре, не имѣя должныхъ доказательствъ своего шляхетства, обратились къ панамъ раднымъ, прося ихъ ходатайства передъ королемъ и указывая, что они всегда служили службою военною вмѣстѣ съ боярами-шляхтою. Паны-рада написали королю, пребывавшему въ то время въ Польшѣ, и просили оставить Бетикгольцевъ на шляхетской боярской службѣ въ виду того, что по гетманскимъ реестрамъ они всегда служили вмѣстѣ съ боярами-шляхтою и что для господаря отъ этой ихъ службы будетъ «лепшая послуга, нижли тые копы». «А то бы, ваша милость, — заключали паны-рада свое ходатайство,—господарь нашъ милостивый, для чоломбитья нашого вчинити рачылъ». Король исполнилъ эту просьбу и выдалъ боярамъ Бетикгольцамъ листъ (отъ 24 мая 1541 года), утвер-

---

[48]) Писарей было установлено четверо: для дворовъ Виленскаго повѣта, для дворовъ Троцкаго повѣта, для Жмудской земли, для Поднѣпрскихъ волостей. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 540—542; XXI, л. 1—2, 81—82; Судныхъ дѣлъ IV, л. 295, 311, 333, 339—340, 346—347.

[49]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 343.

ждавшій ихъ въ шляхетскомъ сословіи [50]). Можно сказать, слѣдовательно, что введеніе въ дѣйствіе новой «уставы» по управленію господарскими дворами и волостями подвинуло впередъ сословную дифференціацію въ великомъ княжествѣ. Въ силу этой уставы производилась регистрація тяглаго населенія и переводъ въ его составъ военнослужилыхъ людей нешляхетскаго происхожденія. Все это содѣйствовало, разумѣется, вящщему обособленію и выдѣленію собственнаго шляхетскаго сословія. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что этотъ процессъ сословной дифференціаціи совершался усиленно лишь тамъ, гдѣ дѣйствовали «новыя уставы», т. е. въ предѣлахъ собственной Литвы, въ Жмудской землѣ и отчасти на «Руси» и Подляшьѣ.

§ 4.

Процессъ сословной дифференціаціи, сопровождавшій введеніе «уставы» 1529 года и дѣятельность учрежденныхъ по этой уставѣ писарей господарскихъ дворовъ, продолжался и въ великокняженіе Сигизмунда-Августа въ связи съ производствомъ волочной «помѣры», введеніемъ новой хозяйственной «уставы» и дѣятельностью ревизоровъ, замѣнившихъ собою писарей господарскихъ дворовъ. При волочной помѣрѣ еще тщательнѣе, чѣмъ при введеніи уставы 1529 года, производился пересмотръ правъ состоянія. Въ это время окончательно установился взглядъ на крестьянскія земли и на самихъ крестьянъ, какъ на собственность господаря: «кгды жъ кметъ и вся его маетность наша есть». Поэтому крестьянскія земли, какого бы они происхожденія не были, отчинныя ли, купленныя или «заставныя», отбирались у ихъ владѣльцевъ, мѣрились на волоки и сдавались на новыхъ условіяхъ тѣмъ же владѣльцамъ или другимъ. Крестьяне не имѣли права претендовать на какое-либо вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, если не получали своихъ земель обратно полностью. «Отмена», или вознагражденіе, давалось только земянамъ, или боярамъ-шляхтѣ, у которыхъ при новой помѣрѣ по техническимъ причинамъ занимались части ихъ имѣній. Естественно, слѣдовательно, что при производствѣ волочнаго измѣренія долженъ былъ производиться тщательный пересмотръ правъ различныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы не лишиться своихъ имѣній или получить за земли, помѣренныя на волоки, «отмену», бояре и земяне должны были передъ «мѣрчими» или «ревизорами» доказывать свои владѣльческія и шляхетскія права. Они обыкновенно представляли

---

[50]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 128, 129.

свои «клейноты», т. е. документы, подтверждающіе ихъ «шляхетство» [51]), или выводили шляхетство своею «братьею шляхтою». Послѣдній доводъ не всегда принимался ревизорами или мѣрчими, и шляхетскіе грунты по временамъ попадали въ волочную помѣру. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы обращались къ господарю и старались вывести передъ нимъ свое шляхетство и свое право на землю. Такой случай имѣлъ мѣсто, напр., въ 1551 году. Согласно съ показаніемъ Ейшишскаго державцы пана Богдана Хребтовича, что бояре Ейшишскіе Якубъ Балтромеевичъ съ братьями Блажеемъ и Валентомъ «съ предковъ своихъ» люди тяглые, а не шляхта, и передъ тѣмъ всегда служили тяглую, а не боярскую службу, помѣрчій Иванъ Михайловичъ помѣрилъ ихъ земли на волоки. Тогда бояре обратились съ жалобой къ господарю, который поручилъ разобрать ихъ дѣло маршалкамъ, «на справы судовыи высажонымъ»,—пану Василью Тишковичу, державцѣ Минскому и Волковыйскому, Криштофу Юрьевичу Завишѣ и Яну Шимковичу, державцѣ Коневскому и Дубицкому. На доводъ своего шляхетства бояре поставили двухъ шляхтичей со стороны отца, Щастнаго Довкшевича и Миколая Кондратовича—герба Среневы, и двухъ со стороны матери, Андрея Михайловича и Щастнаго Невойновича—герба Павдивца. Эти шляхтичи подъ присягою показали, что вышеупомянутый Якубъ съ братьею—шляхтичи, а не люди тяглые. Судьи доложили объ этомъ господарю для окончательнаго приговора. Господарь «не для присягъ и сведецства» вышеупомянутыхъ бояръ (очевидно, ихъ собственное шляхетство было сомнительнымъ), но «зъ особливое ласки своее» и по просьбѣ пановъ-рады дворныхъ оставилъ Якуба Балтромеевича и братьевъ его при шляхетствѣ и предоставилъ имъ печататься гербомъ Среневою «и всихъ вольностей шляхетскихъ вживати потому, яко жъ иншие бояре шляхта». Что же касается забранныхъ у нихъ земель, король приказалъ мѣстному державцѣ возвратить ихъ по принадлежности и впредь не приворочать ихъ и ихъ потомковъ въ тяглую службу. Все это король сдѣлалъ только для Якуба Балтромеевича и его родныхъ братьевъ. «А што ся дотычеть иншое братьи ихъ кревное, не рожоное,—читаемъ въ листѣ короля,—которые тамъ жо у волости нашой Ейшишской суть, тые предъся службою тяглою ку двору нашому Ейшишскому служыти и платы волочные намъ давати

---

[51]) Ревизоры переписывали всѣ эти документы въ особую книгу какъ бы въ оправданіе, почему они не помѣрили извѣстныхъ земель на волоки. См. «Ревизію пущъ и переходовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ»; Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

маютъ»[52]).—Вопросы о шляхетствѣ рѣшались иногда до помѣры боярскихъ земель на волоки, послѣ предварительнаго опроса мѣстныхъ властей о томъ, кто состоитъ въ шляхетскомъ сословіи. Такимъ образомъ, напр., въ 1558 году бискупъ Виленскій Валеріанъ по комиссіи отъ господаря разсматривалъ цѣлый рядъ дѣлъ о шляхетствѣ разныхъ бояръ Ейшишскихъ, земли которыхъ предстояло помѣрять на волоки. Въ числѣ этихъ бояръ оказались и родственники вышеупомянутыхъ Якуба, Блажея и Валента Балтромеевичей, которые въ 1551 году показывали подъ присягою, что эти бояре-шляхта гербу Сренява, а теперь сами хотѣли вывести собственное шляхетство, опираясь на привилей, полученный Якубомъ Балтромеевичемъ и его братьями. Но ихъ тактика не удалась. Присутствовавшіе на судѣ князя бискупа ревизоры Станиславъ Райскій и Война объяснили, что господарь оставилъ при шляхетствѣ только одного Якуба Балтромеевича и его родныхъ братьевъ «зъ ласки своее, а не на тую присягу ихъ», всѣмъ же остальнымъ боярамъ этого рода—Лапикламъ велѣлъ служить тяглою службою по давнему. Съ другой стороны хоружій Ейшишскій Янъ Станиславовичъ и нѣкоторые бояре-шляхта Себестіянъ Кгабріяловичъ, Лавринъ Янковичъ, Матей Митковичъ, Петръ Монтвилъ и Бенедиктъ Янковичъ заявили, что они не шляхта, «але простыи люди, мужики», и что они не хотятъ имѣть ихъ въ своей средѣ. Въ виду всего этого князь бискупъ не «припустилъ» Лапикловъ къ шляхетству и отложилъ окончательное рѣшеніе объ нихъ «на розсудокъ и на вырокъ его милости господарскій». Король подтвердилъ снова, что они должны служить тяглою службою и, кромѣ того, распорядился, чтобы канцелярія впредь до его распоряженія задержала привилей на шляхетство, выданный Якубу Балтромеевичу, въ виду того, что онъ ссудилъ его своимъ родственникамъ «для подпору» ихъ неосновательныхъ притязаній и показалъ своимъ роднымъ братомъ Блажея, который въ дѣйствительность не родной ему братъ.—Точно такъ же не довели своего шляхетства передъ княземъ бискупомъ и бояре Адамъ, Марко и Янъ Андрошевичи Войсети. Хоружій Ейшишскій и шляхтичи Лавринъ Онцкевичъ, Юрій Петковичъ, Павелъ Спортикъ и Григорій Өедоровичъ показали, что эти люди «суть простое хлопство, а не шляхта, а батько ихъ десятникомъ бывалъ надъ волостью господарскою Ейшишскою». Войсети съ своей стороны не представили никакихъ доказательствъ своего шляхетства, и князь бискупъ велѣлъ имъ служить службою тяглою ко двору Ейшишскому. Но бояре Мижанцы, вызван-

[52]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 67, 68.

ные также на судъ князя бискупа, на доводъ своего шляхетства представили листы королей Казимира, Александра, Сигизмунда и Сигизмунда-Августа и много разныхъ другихъ листовъ, изъ которыхъ ясно оказалось, что они «суть со всимъ домомъ своимъ люди бояре, шляхта господарская». Хоружій и другіе шляхтичи показали, что всѣ эти бояре «одинъ родъ естъ и тые листы, которые покладали, съ продковъ ихъ имъ служать». На основаніи всего этого князь бискупъ возвратилъ имъ всѣ представленные ими документы «и на службы тяглые ани на жадные иншие повинности, окромъ боярское шляхетское службы, не казалъ ихъ вернути»[53].—Признаніе въ шляхетствѣ во время волочнаго измѣренія, полученіе тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ «отмены» за занятую и помѣренную на волоки землю въ свою очередь стало служить доказательствомъ шляхетства въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, напр., земяне Браславскаго повѣта Довборовичи въ 1562 году доводили свое шляхетство между прочимъ тѣмъ, что при помѣрѣ земель на волоки мѣрчіе дали имъ «отмену» за занятыя у нихъ земли[54].

Такъ, помѣра на волоки дворныхъ и крестьянскихъ земель въ господарскихъ имѣніяхъ проводила рѣзкую границу между крестьянскимъ и шляхетскимъ сословіями. Вводившаяся послѣ помѣры такъ называемая волочная устава также содѣйствовала сословной дифференціаціи. По этой уставѣ военнослужилые крестьяне, какъ, напр., бояре путные, «вкупные» (въ Жмудской землѣ), борти, стрѣльцы, либо переводились совсѣмъ съ военной службы на чиншъ и тяглыя повинности, либо облагались въ половинномъ или третномъ размѣрѣ по сравненію съ другими крестьянами, либо въ полномъ, за исключеніемъ тѣхъ годовъ, когда они отправляли свою спеціальную службу. Введеніе волочной уставы сопровождалось кромѣ того подробною и точною регистраціею тяглаго населенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ ревизорскія книги, относящіяся къ нѣкоторымъ староствамъ, какъ, напр., Городенскому, Берестейскому, Пинскому и Кобринскому. Эта регистрація должна была въ сильной степени содѣйствовать взаимному отграниченію и обособленію шляхетства и хлопства.

Весь этотъ интензивный процессъ сословной дифференціаціи происходилъ, однако, не во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ, а только въ тѣхъ областяхъ его, гдѣ производилось волочное измѣреніе и вво-

---

[53]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 197—204.

[54]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 13, 14.

дилась волочная устава, т. е. въ собственной Литвѣ, Жмуди, на Подляшьѣ, въ Полѣсьѣ и частью на «Руси» и Волыни (въ Кременецкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ). Но и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства одновременно съ этимъ приняты были нѣкоторыя мѣры, которыя должны были до извѣстной степени сходиться въ своихъ результатахъ съ волочною помѣрою и уставою. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда-Августа, въ 1545 году, произведена была ревизія Волынскихъ и Подольскихъ замковъ—Владиміра, Луцка, Кременца, Брацлава, Винницы и Житомира, приведены были въ извѣстность и зарегистрированы всѣ мѣстные землевладѣльцы шляхетскаго званія и ихъ имѣнія, на которыхъ лежали замковыя повинности [55]). Въ 1552 году ревизія была повторена и распространена на замки Кіевской земли—Мозырскій, Остерскій, Чернобыльскій, Кіевскій, Каневскій и Черкасскій, при чемъ приведены были въ извѣстность и зарегистрированы мѣстные обыватели и нешляхетскаго происхожденія, обязанные разными службами и повинностями къ перечисленнымъ замкамъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ производилось межеванье земель и распредѣленіе ихъ по родамъ службъ въ русскихъ волостяхъ—Могилевѣ, Мстиславлѣ, Кричевѣ, Чечерскѣ, Пропойскѣ, Кричевѣ, Гомьѣ, Рѣчицѣ, Мозыри, Бобруйскѣ и Свислочи. Во главѣ этого дѣла сначала поставлены были державца Чернобыльскій Скуминъ Львовичъ Тишковичъ и секретарь Миколай Нарушевичъ [56]). Но затѣмъ, по случаю отъѣзда Тишковича посломъ въ Крымъ (въ 1559 г.), «постановленіе волостей русскихъ» поручено было маршалку, старостѣ Слонимскому, Григорію Воловичу и Миколаю Нарушевичу [57]). Ихъ помощниками въ Могилевской волости были намѣстникъ мѣстнаго державцы Боркулабъ Ивановичъ Корсакъ и дьякъ Андрей [58]). Изъ указаній, разсѣянныхъ въ актахъ Литовской Метрики, видно, въ чемъ состояло дѣло этихъ лицъ. Они помѣряли на волоки мѣстскія земли [59]) и раздавали ихъ на чиншъ [60]) и на разныя замковыя службы, напр., на службу «служковскую», пушкарскую

---

[55]) Żrodła dziejowie, tom VI.

[56]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 155, 156.

[57]) Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 45, 46.

[58]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; XLI, л. 126—132; XLIV, л. 27, 28; XLIX, л. 15.

[59]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; XLI, л. 126—132; XLIX, л. 15.

[60]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIX, л. 19—20.

и т. под. [61]); въ волостяхъ они производили «поровнанье кгрунтовъ» господарскихъ крестьянъ и ихъ платежей и повинностей [62]), обмежевывали точными границами господарскіе грунты, пустые и населенные, отъ имѣній панскихъ и боярскихъ [63]) и раздавали пустовщины на платѣ [64]) или на военной службѣ (по порученію господаря) [65]). Вся эта дѣятельность необходимо должна была сопровождаться извѣстнымъ пересмотромъ правъ состоянія и владѣнія и приводить къ вящшему разграниченію различныхъ классовъ общества, а слѣдовательно и къ большему выдѣленію и обособленію шляхетскаго сословія.

Итакъ, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ въ государственномъ хозяйствѣ великаго княжества Литовскаго принятъ былъ рядъ мѣръ, которыя въ конечныхъ своихъ результатахъ способствовали выдѣленію и обособленію шляхетскаго сословія, его консолидаціи, какъ извѣстнаго общественнаго класса. Но и помимо того, всѣ эти «пописы» и «ревизіи», сопровождавшіяся наложеніемъ новыхъ податныхъ или барщинныхъ тягостей и даже редукціею земель для всего нешляхетскаго населенія господарскихъ волостей, а по временамъ угрожавшія тѣмъ же самымъ и шляхтѣ, должны были обострять въ шляхтѣ сословное самосознаніе и самосохраненіе, заставлять шляхту дорожить своими сословными привилегіями и принимать мѣры къ огражденію ихъ отъ измѣненій и нарушеній. А отсюда уже недалеко было и до попытокъ къ ихъ умноженію и расширенію. Ниже мы увидимъ, что эти попытки обнаружились въ самый разгаръ дѣятельности господарскихъ ревизоровъ и мѣрчихъ, и это совпаденіе по времени едва ли было случайнымъ, безъ внутренней связи между самыми фактами. Все, наоборотъ, заставляетъ думать, что рѣзкое подчеркиваніе господаремъ своихъ правъ по отношенію къ населенію великаго княжества, заставляло привилегированный слой этого населенія выставлять впередъ и свои права и вольности, добиваться отъ господаря разныхъ новыхъ льготъ, какъ естественныхъ послѣдствій прежнихъ и т. д. Эта психологическая связь между реформами государственнаго хозяйства и сословными домогательствами шляхты на сеймахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ представляется намъ фактомъ, неподлежащимъ сомнѣнію.

---

[61]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 420; Судн. дѣлъ XLIV, л. 74, 75.

[62]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 356—357, 418—419; XLI, л. 126—132; 150—152; L, л. 151, 152.

[63]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 126—132, 150—152; L, л. 15, 216—217; Судныхъ дѣлъ LII, л. 190, 191.

[64]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 428—429, 445; XLI, л. 276—277.

[65]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 27, 28.

§ 5.

Обособленіе и отграниченіе шляхетскаго сословія отъ другихъ классовъ общества не преграждало, однако, доступа въ него лицамъ изъ разныхъ слоевъ общества. Шляхетское сословіе продолжало пополняться всѣми тѣми элементами, которые присоединялись къ нему и ранѣе. Разница была лишь та, что всѣ эти сторонніе элементы стали входить черезъ спеціальныя пожалованія господаря въ шляхетское сословіе, а не сами собою, черезъ одну боярскую службу, на которую попали тѣмъ или другимъ образомъ, какъ это бывало ранѣе. Поэтому параллельно съ обособленіемъ шляхетскаго сословія умножалось и количество спеціальныхъ привилеевъ на шляхетство, которыя господарь раздавалъ разнымъ лицамъ въ видѣ награды за какія либо особенныя заслуги и для удержанія ихъ на шляхетской боярской службѣ. И это умноженіе констатируется по актамъ Литовской Метрики какъ разъ съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, когда произведенъ былъ уже «пописъ» шляхты, и введена въ дѣйствіе извѣстная «устава» 1529 года, оказавшая, какъ сказано выше, большое вліяніе на обособленіе шляхетскаго сословія.

Возведеніе въ шляхетство совершалось, впрочемъ, и ранѣе и входило обыкновенно въ составъ разныхъ оффиціальныхъ торжествъ. Такимъ образомъ, король Александръ на торжественномъ пріемѣ Заволжскаго царя Шигъ-Ахмата подъ Берестьемъ въ 1505 году, сидя съ царемъ въ богато убранномъ шатрѣ, возвелъ въ рыцари множество поляковъ, литовцевъ и татаръ, при чемъ въ этомъ актѣ принималъ участіе и татарскій царь [66]). Король Сигизмундъ на торжествѣ, которое отправлялось по случаю принесенія ленной присяги Прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ въ 1525 году, возвелъ въ шляхетское сословіе своего мытника Михеля Езофовича, во вниманіе къ заслугамъ его покойнаго брата Аврама Езофовича, бывшаго подскарбія земскаго, и къ его собственнымъ. При этомъ король выдалъ ему особый привилей, въ силу котораго Михель Езофовичъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и между прочимъ гербомъ, перстнемъ, цѣпью и другими рыцарскими знаками. Что касается герба, то Сигизмундъ утвердилъ за нимъ гербъ Лелива, въ который принялъ его панъ Юрій Глѣбовичъ, намѣстникъ Смолен-

---

[66]) *Stryjkowskiego* Kronica, tom II, str. 322.

скій, и предоставилъ изображать его знакъ всюду, гдѣ изображаются гербовые знаки шляхтою (этотъ знакъ красками написанъ былъ въ подлинникѣ привилея) [67]). Изъ всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство черезъ Польшу распространялось вліяніе различныхъ обычаевъ и установленій западно-европейскаго средне-вѣковаго рыцарства, и что названіе «рыцарь», фигурирующее довольно часто въ оффиціальномъ языкѣ Литовской Руси, не пустой звукъ, а слово, обозначающее извѣстное реальное, жизненное явленіе. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ дѣйствительно было свое рыцарское благородное сословіе на манеръ западно-европейскаго, съ его инсигніями и, по всѣмъ даннымъ, также съ его сословными понятіями и предразсудками.

Съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ возведеніе въ шляхетство сдѣлалось уже будничнымъ правительственнымъ актомъ, который сталъ совершаться и не на однихъ только торжествахъ. По вышеуказаннымъ причинамъ понадобилось чаще выдавать привилеи на шляхетство, что и стало дѣлаться сплошь и рядомъ безъ всякой торжественной процедуры и обстановки. Такимъ образомъ, напр., выданъ былъ 9 сентября 1529 года привилей на шляхетство боярину Курклевскому Миколаю Кгайдомовичу. Узнавъ его «годность, заслуги и цноты» и желая, чтобы онъ съ своими потомками причислялся и приравнивался къ остальной шляхтѣ, король выдалъ ему особый листъ на шляхетство, коимъ освобождалъ его и потомковъ его «отъ всихъ особливыхъ послугъ, подачокъ и обтяжливостей, которыи кольвекъ на него часу нешляхетства належали», поддавалъ ихъ подъ «право и обычай земскій посполитый, зъ стародавна на иншую шляхту прыслухаючый», и жаловалъ имъ «знамя шляхецкое обронне», т. е. гербъ («рожу белую, пять кветовъ, на червономъ полю поставеныхъ), коимъ предоставлялъ пользоваться «водлугъ обычая и захованья иншое шляхты», т. е. изображать на печатяхъ, коврахъ и другихъ предметахъ; всѣмъ же стороннимъ лицамъ приказывалъ, чтобы они вышеупомянутаго Миколая Кгайдомовича съ его потомками «за правдивого шляхтича, черезъ насъ вчыненого, мели». Этотъ привилей выданъ былъ въ присутствіи нѣсколькихъ пановъ радныхъ [68]). Пригодился онъ въ самомъ не-

---

[67]) Scutum celestini coloris, in cujus medio dimidium lunae ceruleae cornibus sursum erectis, et stella etiam cerulea in ejusdem lunae medio superius fixa extat. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 472—488.

[68]) «Пры томъ были хвалебные въ Крыстусе отцове: Янъ съ княжатъ Литовскихъ, Павелъ Яновичъ, Миколай Киевский бискупове; а вроженыи и учливыи: Янъ

продолжительномъ времени. По смерти Миколая Кгайдомовича приставъ и вся волость Курклевская стали пріискивать къ себѣ въ тяглую службу его сыновей Петра, Матея, Станислава, Балтромея, Юрія, Яна и Мартина и требовать, чтобы они сообща съ ними давали дякло и другія подачки и несли всѣ повинности, называя ихъ своими «потужниками»; а «за ихъ повестями» и намѣстники Курклевскіе стали дѣлать имъ «великии тяжкости и грабежи». Тогда Кгайдомовичи предъявили королю привилей на шляхетство, выданный ихъ отцу, и просили короля избавить ихъ отъ всѣхъ обидъ и притѣсненій. Король грозно приказалъ воеводѣ Троцкому, его Курклевскому намѣстнику и приставамъ, чтобы они «жадное трудности тымъ бояромъ нашымъ не задавали и пожытковъ собе на нихъ не вымышляли и ку службамъ и подачкамъ и ку всимъ повинностямъ тяглымъ ихъ не прыворочивали и дали имъ во всемъ покой: нехай они зъ отчызны своее службу земскую намъ служать потому, яко иншие бояре шляхта повету Троцкого» [69]).—Какъ видно изъ выше-приведенныхъ подробностей, мы имѣемъ предъ собою въ настоящемъ случаѣ примѣръ вступленія въ шляхетское сословіе крестьянской семьи, которая благодаря своей состоятельности попала на военную боярскую службу.—Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи привилей дошелъ до насъ отъ 8 декабря 1554 года. Приставъ (старшина) волости Упитской Юшко Вачевичъ еще при королѣ Сигизмундѣ купилъ за 400 копъ грошей у боярина Упитскаго Миколая Бутькевича, жены его Анны и дѣтей—Адама, Петра, Захара и Станислава дворъ Кгокишки надъ рѣкою Мушою близъ мѣста Посвольскаго со всѣми постройками, съ пашнею дворною и со всѣми людьми, у бояръ Жодевичей часть землицы ихъ отчинной тамъ же, въ волости Упитской, за 30 копъ грошей, а сверхъ того нѣсколько земель у «подданныхъ» волости Упитской. Его сыновья Балтромей, Миколай, Станиславъ и Мархель Юшкевичи обратились къ королю Сигизмунду-Августу съ просьбою подтвердить за ними особымъ листомъ куплю ихъ отца. Король взялъ у нихъ къ своимъ рукамъ земли, купленныя ихъ отцомъ у «подданыхъ» волости Упитской, «кгдыжъ отецъ ихъ неслушне то у подданыхъ нашихъ покупилъ, чемъ они не мели моцы шафовати», но оставилъ за ними земли, купленныя у бояръ-шляхты. Принимая затѣмъ во вниманіе, что отецъ ихъ «працою и пильностью своею ку

Стецко зъ Долобова, Миколай Щытъ—маршалковѣ нашы; Янъ Хоенскій, ардыяконъ Краковский и Станиславъ Тарло, ардьяконъ Люблинский и канониκъ Краковский—секретарове нашы».

[69]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 142—145.

таковой маетности пришолъ и именья шляхетские, съ которыхъ служба земская завжды была, поселъ», король приказалъ имъ впредь навсегда служить службу земскую, «не хотечи того привлащати ку столу пашому, абы служба земская не гинула». При этомъ король разрѣшалъ имъ употреблять знакъ того самого герба, въ который принялъ ихъ секретарь, пробощъ и каноникъ Виленскій, Янъ съ Доманова, «паметаючи на повольные службы отца ихъ Юшка и тежъ ихъ самыхъ», и предоставлялъ имъ пользоваться всякою «почтивостью», «свободами и вольностями», «яко иные шляхта въ паньствахъ нашихъ и во всемъ хрестьянстве вживають и зъ нихъ се веселять»[70]). Пріобрѣтеніе «земскихъ» имѣній, съ которыхъ шла военная служба, было обычнымъ путемъ, по которому тяглые люди «доступали» шляхетства. Но бывали экстренные случаи, когда тяглые люди получали за разъ и землю, съ которой они могли нести военную службу, и шляхетство. Такой случай, напр., имѣлъ мѣсто въ 1561 году 6 августа. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ хлопцу, своему коморнику, Ѳедору Мартиновичу Миленскому, его отцу и братьямъ и ихъ потомкамъ на службу земскую двѣ волоки земли въ волости Скидельской, которыя они до этого времени держали на чиншѣ, и возвелъ ихъ всѣхъ въ шляхетское сословіе въ награду за указаніе человѣка, прибившаго на замковыхъ воротахъ «цедулу зъ написомъ на здоровье господарское» (то былъ сынъ войта Тростянского—Томасъ Пухловичъ) [71]).—Подданный волости Курклевской Якубъ Яновичъ Савримовича принялъ войтовство волостное въ волости Курклевской въ селѣ Кроштахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ три волоки земли, двѣ на чиншѣ, а третью на войтовство. Воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ Радивиловича, къ державѣ котораго принадлежала Курклевская волость, видя его «быти годного ку службе земской», придалъ ему къ этимъ тремъ волокамъ еще пустую землю Миканьскую, лежавшую среди частновладѣльческихъ земель и содержавшую пять волокъ, съ застѣнкомъ Бортковщиною, «до воли и ласки господарской». По ходатайству воеводы, король изъялъ Якуба и его потомковъ «съ права, повинности тяглое и послушенства хлопского» и пожаловалъ его титуломъ, вольностью и «заволанемъ» шляхетскимъ, а «ку оздобе и подпору» его шляхетства далъ ему особый гербъ («въ чирвономъ поли рожа, а въ ней пять кветовъ»); земли, состоявшія въ его владѣніи, король подтвердилъ за нимъ и его потомками на вѣчность, съ тѣмъ, чтобы они служили съ нихъ «потому, яко и иншие

---

[70]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 204—205.

[71]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 217—218.

бояре шляхта хоружства Курклевского, будучие подъ присудомъ тамошнимъ, служать» [72]).

Чаще всего лица изъ крестьянства попадали въ шляхетское сословіе не прямо, а съ панцырной, путной или какой-нибудь другой военной службы, давшей имъ возможность отличиться и доказать свою пригодность для рыцарской профессіи. Король Сигизмундъ предоставилъ слугамъ Кіевскимъ Давиду и Ѳедку Петровичамъ служить конемъ и гарантировалъ имъ особеннымъ привилеемъ, что ни они, ни ихъ потомки не будутъ никому отданы въ подданство; въ другомъ листѣ, приказывая воеводѣ Андрею Якубовичу Немировича (1514—1541) оборонять ихъ отъ земянина Ѳодора Ельца и недопускать чинить имъ обиды въ отчинѣ ихъ Выговщинѣ, Сигизмундъ назвалъ ихъ боярами. Сыновья ихъ, «бояре, слуги панцырные Кіевскіе» Хвалько Давидовичъ съ братьями Яномъ, Ѳеонасомъ, Иваномъ и Игнатомъ, Богданъ, Хома и Василій Хведковичи въ 1560 году били челомъ королю Сигизмунду Августу, прося вызволить ихъ съ панцырной службы и подтвердить имъ отчину ихъ Выговщину «на службу земскую шляхетскую». Державца Овруцкій князь Андрей Тимоѳеевичъ Капуста съ своей стороны ходатайствовалъ за нихъ передъ господаремъ, указывая, что они на той украйнѣ, при замкѣ Овруцкомъ, «поспешне и охотне» служили господарю и речи посполитой «и потребны суть овде, на той украинѣ». Король, чтобы поощрить ихъ и другихъ, «въ томъ стане имъ ровныхъ», исполнилъ ихъ просьбу и ходатайство державцы и подтвердилъ имъ ихъ отчину уже на земской военной службѣ, которую они должны были впредь отправлять «обычаемъ иное шляхты бояръ повету Киевского, потому, яко и они служать» (10 октября 1560 года) [73]).— Въ слѣдующемъ году 25 апрѣля король особымъ привилеемъ поддалъ «подъ право шляхетское» Полоцкаго *козака* Клима Осташковича, который передъ тѣмъ съ своей земли, «яко иные путники тамошние уживался». Король сдѣлалъ это по докладу воеводы Полоцкаго Станислава Станиславовича Довойна, «же онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верне заховался», причемъ, предоставляя ему и его потомкамъ «правомъ шляхетскимъ судити и рядитися», оставилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ на прежней козацкой службѣ [74]).—Бояринъ Витебскій Яцко Ѳедоровичъ Наршоновичъ пріобрѣлъ отъ псарцовъ господарскихъ село Рѣшетники, купленное

---

[72]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 614—616.

[73]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 282—283.

[74]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 180.

ими у боярина Тимоѳея Алферьевича и его племянника Василья Григорьевича, и обратился къ господарю съ просьбою подтвердить за нимъ на вѣчность это село на службѣ земской военной и «припустить» его самого «ку тытулу, права, вольности и свободе шляхетской». Воевода Витебскій князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій, будучи на этотъ разъ при господарѣ, съ своей стороны ходатайствовалъ за Яцка и указалъ, что этотъ Яцко, хотя онъ только слуга панцырный путный, до сихъ поръ «на всемъ ся добре, съ пристойностью шляхетскою, заховалъ», мужественно обороняль замокъ Витебскій, когда приходили подъ него московскіе люди, и, будучи взятъ ими въ плѣнъ, убѣжалъ отъ нихъ и вернулся на службу къ своему прироженому господарю. Король уважилъ просьбу Яцка и ходатайство воеводы и 22 августа 1563 года выдалъ Яцку особый листъ, коимъ утверждалъ за нимъ въ вѣчное владѣніе село Рѣшетники на службѣ земской военной, а самого его и потомковъ его объявлялъ шляхтичами и предоставлялъ имъ «тытулу, учтивости и всихъ правъ и вольностей шляхетскихъ вживати» [75]). За заслуги и отличія на военной службѣ получилъ шляхетство и Адамъ Былинскій, служебникъ пана Миколая Тальвоша, посланнаго во главѣ отряда для обороны Ливоніи. Тальвошъ доложилъ объ немъ королю, что онъ мужественно сражался въ двухъ битвахъ со шведами и въ одной битвѣ съ москвитянами, не жалѣя своей жизни и здоровья, всегда держалъ себя «верне и статечне», и за эти заслуги просилъ короля одарить его правомъ шляхетскимъ, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ принять его въ гербъ своего дома «Лабедзь». Паны рада поддержали ходатайство Тальвоша, и король 18 ноября 1567 года выдалъ Былинскому особый привилей, коимъ признавалъ за нимъ и его потомствомъ шляхетство и разрѣшилъ употреблять знакъ герба «Лабедзь» съ добавленіемъ къ нему меча изъ шлема [76]).— По ходатайству другого военачальника во время Ливонской войны, кн. Романа Сангушка, получилъ шляхетство съ гербомъ «подданный» господарскій Микита Кондратовичъ. Сангушко представилъ его королю лично и доложилъ объ немъ, какъ гласитъ привилей короля, что онъ, «будучи при его милости на послугахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ военныхъ, войска наши противку войскъ неприятеля нашого великого князя Московского часто зводилъ, также въ сторожи войскъ нашихъ и во всякихъ потребахъ военныхъ чуйне и мужне ся оказывалъ», и въ особенности оказалъ большія услуги во время битвы,

---

[75]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 431, 432.

[76]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 119.

кончившейся пораженіемъ Москвитянъ и взятіемъ въ плѣнъ ихъ воеводъ Іосифа Щербатаго и Юрія Барятинскаго и множества другихъ «вязней». Сангушко усиленно ходатайствовалъ, чтобы король «подвысилъ» его въ чести и «осмотрелъ» какимъ-нибудь «хлебокормленьемъ». Король исполнилъ просьбу военачальника и, «учтивостью шляхетства обдаровавши», «влучилъ» Микиту «во всякие свободы, права и вольности шляхетские», давъ ему на печать особый гербъ, дерево «Ель»; сверхъ того пожаловалъ въ вѣчное владѣніе ему и всѣмъ его нисходящимъ потомкамъ мужескаго пола село Макановичи въ волости староства Рѣчицкаго съ четырьмя службами людей [77]).—Въ 1569 году 21 февраля Сигизмундъ Августъ пожаловалъ шляхетство «подданому» Матею Петровичу Молтужевича, который, находясь въ землѣ Лифляндской при старостѣ Динабургскомъ и Новомлинскомъ Янѣ Левонѣ, неоднократно показалъ свою храбрость, отвагу и находчивость въ стычкахъ и битвахъ съ Москвитянами и не разъ приводилъ «вязней и языки»; вмѣстѣ съ тѣмъ король утвердилъ за нимъ гербъ «Дембно», въ который его принялъ по матери своей вышеупомянутый Янъ Левонь и «имъ печатовати ему дозволилъ и допустилъ» [78]).

Кромѣ военной службы, ступенью къ достиженію шляхетства была также придворная и канцелярская служба. Господарь возводилъ въ шляхетское сословіе не только своихъ «подданныхъ», отличившихся на ратномъ полѣ, но и своихъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей и канцелярскихъ чиновниковъ, происходившихъ изъ «простыхъ» же людей. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ, «маючи ласковый взглядъ на цноты и верности и тежъ на верныи послуги» своего «одвернаго» (служителя при дверяхъ) Мартина Константиновича Чижа съ Нетечи, на Троицынъ день 1533 года пожаловалъ его самого съ сыновьями и дочерьми и со всѣмъ потомствомъ шляхетствомъ и выдалъ ему особый привилей, коимъ предоставлялъ ему «вси привилья и волности и чти такъ духовныи, яко и светскии», которыми привыкли пользоваться и «веселитися» «рыцери и шляхта» въ коронѣ Польской, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король утверждалъ за нимъ и его потомствомъ тотъ самый гербъ, въ который припустили его дворянинъ Павелъ Грива, его родичи и пріятели, и дозволялъ употреблять его знаки на печатяхъ, перстняхъ, клейнотахъ, на щитахъ «и на иньшихъ которыхъ кольве рыцерскихъ знаменахъ» («на чирвономъ поли одну

---

[77]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 131, 132.

[78]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 297.

стрелу золотое фарбы, а на остатъку тое то стрелы немного двакроть на долъ зведено, и тежъ на той же стреле два крижи золотомъ написаны») [79]).—Въ 1547 году 12 октября король Сигизмундъ-Августъ, въ уваженіе къ заслугамъ «маштaлера дворнаго» (старшаго конюха) Ареста Михаиловича Собола, выпустилъ его и его потомковъ со службы маштaлерской, которую онъ несъ съ своего имѣнья Бердова и Клепачовщины въ повѣтѣ Городенскомъ, и велѣлъ ему впредь служить съ этого имѣнья «службою шляхетскою боярскою», предоставляя со всѣмъ потомствомъ своимъ «отъ сего часу всихъ волностей земскихъ вживати, яко иншая шляхта вольностей шляхетскихъ вживають и зъ нихъ се веселять». Вмѣстѣ съ этимъ король дозволилъ ему принять отъ конюшія дворнаго польскаго Яроша Корицкаго и его пріятелей гербовныхъ гербъ «Телокъ», который они предоставляли ему по своей доброй воли, желая, чтобы онъ и его потомки имѣли «певный знакъ» своего шляхетства, и печататься этимъ гербомъ такъ же, какъ и самъ Корицкій и его пріятели [80]).—Въ томъ же году 29 октября король пожаловалъ «коморнику» (лакею) королевы Боны Миску Олтуховичу четыре волоки земли въ волости Волковыйской «на службу земскую боярскую» съ освобожденіемъ отъ всякихъ другихъ повинностей, службы и платовъ, и предоставилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ «всихъ вольностей земскихъ шляхетскихъ вживати по тому, яко и иншие бояре шляхта» великаго княжества Литовскаго [81]).—Въ 1563 году 20 октября Сигизмундъ Августъ выдалъ дьяку своей канцеляріи Михайлу Васильевичу привилей на шляхетство, «узнавши добрыхъ, цнотливыхъ и верныхъ послугъ», которыя онъ «пильне а охотне» обнаруживалъ будучи «зъ детинства своего» на службѣ въ господарской канцеляріи. Этимъ привилеемъ король включалъ его самого, потомковъ и его родныхъ братьевъ «подъ вольность, свободу и право шляхетское», утверждалъ за ними гербъ («три лелии съ червоннымъ полемъ»), въ который принялъ ихъ маршалокъ, городничій Владимірскій Тихно Козинскій, и приказывалъ всѣмъ, «хто бы якого кольвекъ стану и достоенства былъ», чтобы «за добре врожоную а правую шляхту ихъ мели и на нихъ ся жадными таковыми причинми, штобы имъ и доброй почтстивости ихъ шляхетской ныне и на потомные часы усчиплового быти

---

[79]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVШ, л. 41, 42. Подобный же привилей получилъ отъ короля Сигизмунда Августа 24 февраля 1562 года «одверный» Филиппъ Өеонасовичъ (Запис. XLI, л. 239—241).

[80]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 140, 141.

[81]) Тамъ же, л. 142

мело, не сегали, але во всемъ заховывали ся ку нимъ, яко ку врожоной а правой шляхте» [82]).

Изъ приведенныхъ выше привилеевъ видно, что въ шляхетское сословіе жаловались иногда лица не за свои собственныя заслуги, а за заслуги своихъ близкихъ, братьевъ, сыновей и т. д. Наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ изъ себя возведеніе въ шляхетское сословіе сыновей владыки Туровскаго и Пинскаго Васіяна Каплича, Ивана и Яцка. По ходатайству королевы Боны, король Сигизмундъ 4 сентября 1540 года выдалъ имъ особый привилей, коимъ призналъ ихъ шляхтичами во вниманіе «ку цнотливому жытью и годности» ихъ отца и пожаловалъ имъ особый гербъ («сосну зеленую съ трема верхи, съ одного пня идучими, и съ кореньемъ въ щыте черленомъ, а на верхъ щыта гельмъ округлый, на немъ полчеловека збройного, голова въ него безъ зброи зъ роспущоными волосы, а держыть оную сосну руками за коренье») [83]).

Гербы, какъ охранительные знаки («знамя обронне») шляхетскаго достоинства, съ теченіемъ времени пріобрѣли большую цѣну въ глазахъ шляхты, и ихъ стали выхлопатывать себѣ лица, состоявшія уже въ шляхетскомъ сословіи, въ особенности если шляхетство ихъ не было очевиднымъ для всѣхъ фактомъ. Такимъ образомъ, король Сигизмундъ 20 февраля 1536 года подтвердилъ гербъ, прозывающійся «Божездаржъ» придворному служителю молодого короля Сигизмунда Миколаю Одланицкому и его сыну Себестіяну, которые происходили отъ шляхтичей, пользовавшихся этимъ гербомъ (очевидно, это были поляки-чужеземцы) [84]). Король Сигизмундъ Августъ 22 ноября 1551 года утвердилъ за боярами Полоцкими Васильемъ Митковичемъ и Василіемъ Гридковичемъ гербъ «Левъ зъ Муру», которымъ одарилъ ихъ воевода Полоцкій Станиславъ Станиславовичъ Довойно въ вознагражденіе за ихъ службу его покойному названному отцу, воеводѣ Кіевскому Андрею Якубовичу Немировича, и ему самому и во вниманіе къ ихъ военнымъ доблестямъ, «ижъ они, бываючи съ паномъ своимъ у многихъ и частыхъ потребахъ противъ неприятелей нашихъ въ битвахъ съ татарами и москвичи то чинили, што на правыхъ добрыхъ рыцерскихъ людей прыслушить». Всѣмъ этимъ не имѣлось въ виду возвести ихъ въ шляхетское достоинство, ибо они «зъ роду своего» были «люди добрые шляхта», а только сдѣлать это достоинство болѣе очевиднымъ,

---

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 224—225.

[83]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 68—69.

[84]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 26—27.

чтобы никто не смѣлъ «на ихъ шляхетство... ганити або што ку ихъ шляхетству ущипливого подъ которыми же кольвекъ мовы мовити»[85]).

Всѣ эти привилеи на шляхетство и гербы, раздававшіеся отдѣльнымъ лицамъ, показываютъ, что шляхетское сословіе въ достаточной степени обособилось и замкнулось отъ другихъ классовъ общества, что доступъ въ него разночинцевъ сталъ возможнымъ только въ единичныхъ случаяхъ, по особой милости господаря. Шляхетское сословіе, такимъ образомъ, выяснилось окончательно, какъ извѣстный общественный классъ. Этотъ классъ, какъ показываютъ вышеприведенныя выдержки изъ актовъ, пользовался особыми правами и вольностями по сравненію съ низшими классами общества, былъ привилегированнымъ сословіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Необходимо теперь разсмотрѣть, въ чемъ состояли эти права и вольности, чтобы конкретнымъ образомъ представить себѣ положеніе, какое занимала шляхта въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и уяснить смыслъ и значеніе ея стремленій на великихъ вальныхъ соймахъ въ великокняженіе Сигизмунда Августа.

§ 6.

Родоначальникомъ шляхетскихъ правъ и вольностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ былъ извѣстный привилей Ягайла отъ 20 февраля 1387 года, выданный литовскимъ боярамъ католикамъ. Уже въ этомъ привилеѣ намѣтились въ зародышѣ тѣ самыя вольности, которыя принадлежали къ кардинальнымъ правамъ шляхетскаго сословія: вольность личная, ненарушимое владѣніе извѣстными имѣньями и право свободнаго распоряженія ими, свобода отъ тяглыхъ повинностей. Привилей 1387 года гарантировалъ литовскимъ боярамъ, что впредь они могутъ выдавать своихъ дочерей, племянницъ и другихъ родственницъ замужъ по своей волѣ и усмотрѣнію, лишь бы только за католиковъ; а вдовы ихъ вольны оставаться въ имѣньѣ мужа до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ замужъ, послѣ чего имѣнье отходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго мужа. Эти опредѣленія несомнѣнно обнаруживаютъ признаніе бояръ католиковъ людьми вольными, свободными, имѣющими право устраивать свои семейныя отношенія независимо отъ интересовъ и соображеній господаря. Подобное же признаніе обнаруживается отчасти и въ той статьѣ, которая предоставляетъ этимъ боярамъ ненарушимо владѣть имѣньями полученными по наслѣдству и

---

[85]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 68—70. Срав. также кн. Запис. LI, л. 238—240.

свободно продавать ихъ, мѣнять, дарить и вообще распоряжаться ими по своей доброй волѣ и усмотрѣнію. Сверхъ вольности въ устройствѣ семейныхъ связей и распоряженіи своими отчинами привилей 1387 года устанавливалъ для литовскаго боярства вольность отъ всякихъ хозяйственныхъ работъ на господаря, кромѣ постройки и ремонта замковъ для защиты всего государства [86]).

Всѣ эти вольности подтвердилъ и точнѣе опредѣлилъ Городельскій привилей 1413 года, дополнивъ ихъ нѣкоторыми существенными правами политическаго характера. Вольность въ выдачѣ дочерей и родственницъ замужъ этотъ привилей связалъ для литовскихъ пановъ и бояръ съ правомъ выдѣлять имъ изъ отчинъ и выслуженныхъ на вѣчность имѣній приданое (dotalicia). Право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія отчинами привилей 1413 года распространилъ и на имѣнья, выслуженныя на вѣчность и утвержденныя за владѣльцами письменными документами, ограничивая его соблюденіемъ необходимыхъ юридическихъ формальностей, т. е. заявленіемъ господарю или его уряду. Подтверждая косвенно освобожденіе пановъ и бояръ шляхты отъ барщинныхъ хозяйственныхъ работъ на господаря, Городельскій привилей вмѣнялъ имъ въ обязанность по прежнему строить и исправлять замки и военныя дороги и платить господарю подати. Сверхъ перечисленныхъ правъ Городельскій привилей устанавливалъ для пановъ и бояръ-шляхты право участія въ обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ и избраніи господаря на сеймахъ [87]).

Привилей великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича отъ 6 мая 1434 года увеличилъ количество шляхетскихъ правъ и вольностей гарантіею личной неприкосновенности шляхты и освобожденіемъ ея отъ уплаты въ пользу господаря натуральныхъ податей. Въ этомъ привилеѣ великій князь торжественно обѣщалъ князьямъ и боярамъ никого изъ нихъ не казнить и не наказывать по явному или тайному доносу и простому подозрѣнію, безъ суда и слѣдствія; всѣхъ ихъ кметей и подданныхъ освобождалъ отъ всякихъ «дачекъ» и платежа мѣръ, называемаго дякломъ [88]).

Привилей Казимира отъ 2 мая 1447 года еще точнѣе и подробнѣе опредѣлилъ права и вольности, содержащіяся въ привилеяхъ его предшественниковъ, распространяя ихъ на прелатовъ, князей, пановъ,

---

[86]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[87]) Ibidem, str. 12—16.

[88]) Monumenta medii aevi, tomus XIX, dod. № 22.

бояръ-шляхту и мѣщанъ великаго княжества. Подтверждая гарантію личной неприкосновенности названныхъ сословій, привилей установлялъ, что впредь никто изъ нихъ не будетъ наказываемъ безъ суда и слѣдствія ни тѣлеснымъ наказаніемъ, ни заключеніемъ въ тюрьмѣ, ни лишеніемъ имѣнья, ни денежнымъ штрафомъ; никто не будетъ терпѣть за чужую вину: ни жена за мужа, ни мужъ за жену, ни отецъ за сына, ни сынъ за отца, за исключеніемъ преступленій противъ особы господаря («образеня маестату»). Подтверждая право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженія отчинами и выслугами, привилей Казимира къ категоріи послѣднихъ причислялъ не только имѣнья, на которыя имѣлись письменные документы, но и имѣнья, на которыя можно представить «светковъ достаточное и слушное сведецство».— Освобожденіе отъ натуральныхъ поборовъ и работъ на господаря привилей относилъ не къ самимъ владѣльцамъ (это, очевидно, разумѣлось само собою), а къ ихъ подданнымъ, причисляя къ этимъ работамъ подводную повинность, воженье камня, бревенъ, дровъ и мѣла для обжиганія кирпичей и извести для замковъ, кошенье сѣна и другія въ томъ же родѣ повинности, и оговаривая, что подданные съ имѣній, пожалованныхъ самимъ Казимиромъ, по прежнему обязаны давать господарю стаціи и поборы, мостить и поправлять мосты и дороги.— Сверхъ данныхъ уже правъ и вольностей, привилей Казимира предоставлялъ князьямъ, панамъ и боярамъ вольность выходить за границу, кромѣ непріятельскихъ странъ, для пріобрѣтенія состоянія и для упражненія въ рыцарской профессіи, подъ условіемъ исправнаго отбыванія военной повинности съ имѣній; подданныхъ князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ привилей Казимира освобождалъ не только отъ платежа натуральныхъ податей, но и отъ денежной подати, называемой серебщиною; юрисдикцію надъ ними предоставлялъ ихъ владѣльцамъ, устанавливая, что дѣцкій за ними будетъ посылаться отъ господаря или его урядниковъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ суда и управы, при чемъ судебныя пени съ нихъ во всякомъ случаѣ будутъ идти въ пользу владѣльцевъ; наконецъ, привилей гарантировалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и мѣщанамъ, что господарь и его урядники не будутъ принимать въ господарскія имѣнья ихъ «извѣчныхъ селянитыхъ» и «невольныхъ» людей, обязывая и самихъ князей, пановъ, бояръ и мѣщанъ держаться того же правила въ отношеніи къ господарскимъ подданнымъ [89]).

---

[89]) Monumenta medii aevi, tomus XIV, № 7; *Brzyszczewski i Mucz-*

Земскій привилей великаго князя Александра подтвердилъ все, что содержалъ привилей Казимира, и сверхъ того добавилъ одну существенную для шляхты гарантію, именно, что господарь не будетъ простыхъ людей возвышать надъ шляхтою [90]).—Эта гарантія обезпечивала косвенно за лицами шляхетскаго сословія всѣ важныя должности въ государствѣ, ограждала политическое первенство и господство этого сословія. Подтвержденіе Городельскаго привилея въ 1499 году по случаю возобновленія уніи съ Польшею имѣло своимъ результатомъ новое подтвержденіе политическихъ правъ шляхты—участвовать въ избраніи литовско-русскаго государя и въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ [91]).

Земскій привилей великаго князя Сигизмунда Казимировича не прибавлялъ уже ничего по существу къ перечисленнымъ правамъ и вольностямъ шляхты. Въ немъ новый господарь обѣщалъ только—ни въ чемъ не уменьшать чести и достоинства прелатовъ, князей и пановъ радныхъ, пановъ и рыцарства-шляхты, и подтверждалъ имъ всѣ права, вольности, привилегіи и грамоты, выданныя его предшественниками, начиная съ Ягайла и Витовта [92]). Составленный при Сигизмундѣ статутъ великаго княжества Литовскаго повторилъ всѣ законоположенія относительно шляхты, содержавшіяся въ привилеяхъ Казимира и Александра, и дополнилъ ихъ нѣкоторыми правами и преимуществами, которыми шляхта и прежде пользовалась фактически, по установившемуся обычаю, но которыя не были еще обняты писанными законами. Такимъ образомъ, статутъ подтвердилъ личную вольность тѣхъ шляхтичей, которые держали свои имѣнья подъ князьями или панами, право ихъ покинуть эти имѣнья и уйдти съ нихъ прочь, захвативъ съ собою свои «статки», т. е. движимое имущество [93]). Какъ показываютъ акты, эта личная вольность шляхты признавалась и до Статута 1529 года [94]). Статутъ подтверждалъ подсудность шляхты воеводамъ, старостамъ, маршалкамъ земскому и дворному (на сеймахъ) и освобождалъ отъ обязательной юрисдикціи новыхъ державцевъ, кото-

---

kowski, Codex diplomaticus Poloniae, tomus I, № CLXXXVIII; Zbiór praw litewskich, str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

[90]) Zbiór praw litewskich, str. 58—66.

[91]) Ibidem, str. 72—76.

[92]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 135—137.

[93]) Статутъ 1529 года, раздѣлъ III, арт. 15.

[94]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310, 311.

рые недавно получили это названіе, а прежде назывались тивунами [95]). Эта вольность, очевидно, обусловилась тѣмъ, что ранѣе того шляхтичи не подлежали юрисдикціи тивуновъ. Статутъ устанавливалъ затѣмъ, что шляхтичи должны привлекаться къ суду «позвами», черезъ судебныя повѣстки, а не приводомъ черезъ «дѣтскихъ»; дѣцкій за шляхтичемъ долженъ посылаться лишь послѣ того, какъ шляхтичъ не сталъ на судъ за двумя позвами [96]). Это, повидимому, также было уже давнишнее преимущество шляхты, равно какъ и размѣръ вознагражденія за шляхетскую рану (12 рублей и 30 копъ грошей), увѣчье (50 копъ) и непредумышленное убійство (100 копъ грошей). Наконецъ, статутъ 1529 года, исходя изъ признанія шляхтичей людьми «добрыми», «вѣры годными», во многихъ случаяхъ принималъ шляхетскую присягу за «доводъ», т. е. судебное доказательство [97]). Какъ показываютъ акты, право доказывать присягою свою или чужую правоту или чужую виновность признавалось за шляхтою и ранѣе изданія статута 1529 года, такъ что послѣдній основывался уже на существующихъ юридическихъ обычаяхъ [98]).

Итакъ, при Казимирѣ и его сыновьяхъ выяснились окончательно и опредѣлились слѣдующія права и вольности литовско-русской шляхты: свобода и неприкосновенность личности, которая подлежала ограниченіямъ и карамъ только по закону и по суду; право ненарушимаго владѣнія отчинными и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями и свободнаго распоряженія ими въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ; свобода отъ податей и повинностей, кромѣ военной, замковой и дорожной; право юрисдикціи по отношенію къ населенію своихъ имѣній; право судиться не у всѣхъ, а только извѣстныхъ судей. Всѣ эти права и вольности были признаны не только за шляхетскимъ сословіемъ, но и за мѣщанствомъ и духовенствомъ. Сверхъ того, за шляхетскимъ сословіемъ, формально признаннымъ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ, признаны разныя преимущества почетнаго характера, какъ, напр., право носить гербы и другіе знаки «рыцарскаго» достоинства, право на усиленное вознагражденіе или возмездіе за посягательства на честь, здоровье и жизнь его членовъ, право привлекаться на судъ не приводомъ, а «позвами», въ нѣкоторыхъ случаяхъ очищаться отъ взводимыхъ обвиненій или доказывать правоту своихъ требованій простою присягою отвѣтчика, истца и «светковъ» и,

---

[95]) Раздѣлъ VI, арт. 33.

[96]) Раздѣлъ VI, арт. 4.

[97]) Раздѣлъ I, арт. 4; III, арт. 11; VII, арт. 21, 22; XI, арт. 7, 8, 9, 16.

[98]) См., напр., выше «уставу» о выводѣ шляхетства.

наконецъ, право участвовать въ избраніи господаря и обсужденіи разныхъ общегосударственныхъ вопросовъ.

Таковы были общія шляхетскія права, какъ они выяснились и опредѣлились послѣ изданія статута 1529 года. Но при всей этой общности существовало и значительное разнообразіе въ юридическомъ положеніи отдѣльныхъ слоевъ шляхетскаго сословія. Въ этомъ отношеніи были крупныя различія между князьями и панами съ одной стороны и рыцарствомъ-шляхтою, т. е. боярами и земянами съ другой, равно также и между боярами и земянами господарскихъ волостей, княжескихъ и панскихъ.

Различіе обнаруживается прежде всего въ сферѣ землевладѣнія. Независимо отъ того, что всѣмъ землевладѣльцамъ шляхетскаго сословія предоставлено было право ненарушимаго владѣнія и свободнаго распоряженіями своими отчинами и пріобрѣтенными на вѣчность имѣньями, существовало три категоріи этихъ самыхъ имѣній. Къ первой категоріи можно отнести имѣнія, принадлежавшія ихъ владѣльцамъ «со всѣмъ правомъ и панствомъ» (cum pleno jure et dominio), т. е. на такомъ правѣ, на какомъ владѣлъ своими доменами самъ господарь великій князь. Таковы были въ большинствѣ крупныя княжескія и панскія отчины и выслуги на вѣчность. Къ числу ихъ можно отнести и мелкія имѣнья, оторвавшіяся отъ княжескихъ и панскихъ волостей путемъ покупки или даренія съ правомъ для владѣльца служить съ этихъ имѣній, кому угодно. По отношенію ко всѣмъ этимъ имѣньямъ у господаря оставалось единственное право—требовать исправнаго отбыванія государственныхъ повинностей. Ко второй категоріи можно отнести имѣнья, которыя владѣльцы держали *подъ господаремъ*. Господарь былъ верховнымъ собственникомъ этихъ имѣній, входившихъ въ составъ его доменъ, или волостей. Онъ не только имѣлъ право требовать съ владѣльцевъ этихъ имѣній исправнаго отбыванія лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей, но и жаловать эти имѣнья вмѣстѣ съ другими землями, другими словами—передавать свой доминіумъ надъ ними въ частныя руки. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы сохраняли всѣ свои права по отношенію къ этимъ имѣньямъ, если только соглашались нести съ нихъ новому пану ту же службу, которую несли прежде самому господарю великому князю, въ противномъ случаѣ должны были сойдти съ нихъ прочь, взявши свое движимое имущество. Таковы были въ большинствѣ отчинныя выслуженныя имѣнія бояръ и земянъ шляхты [99]). Опытъ, однако, съ теченіемъ времени

---

[99]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 310—312, 614—619.

показалъ, что передача господарскаго доминіума надъ такими имѣньями въ частныя руки не рѣдко приводила ихъ владѣльцевъ къ необходимости покидать эти имѣнья, была, слѣдовательно, косвеннымъ отнятіемъ этихъ имѣній, что противорѣчило общему шляхетскому праву [100]). Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. правительство пришло къ сознанію этого противорѣчія и признало, что «шляхта не маеть, ани можеть быти никому въ моцъ подана» [101]). Съ того времени, хотя и бывали случаи пожалованія разнымъ лицамъ въ составѣ волости или крупнаго имѣнья бояръ съ ихъ землями, но собственно бояре-шляхта съ ихъ отчинами перестали включаться въ это число [102]). По отношенію къ выслугамъ господарь остался на прежней точкѣ зрѣнія и передавалъ свой доминіумъ надъ ними въ чужія руки, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда въ привилеяхъ на такія имѣнья было прямо оговорено, что владѣльцы ихъ обязаны служить съ нихъ только одному господарю [103]). Такимъ образомъ имѣнья отчинныя господарскихъ бояръ и земянъ значительно приблизились къ княжескимъ и панскимъ, хотя и не сравнялись съ ними вполнѣ. Дѣло въ томъ, что собственники княжескихъ и панскихъ имѣній de jure могли служить съ нихъ «кому хотя», самому господарю или его подданнымъ, т. е. другимъ князьямъ и панамъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что такое право они передавали нерѣдко своимъ слугамъ, жалуя ихъ частями своихъ имѣній [104]). Но этого права не имѣли бояре и земяне шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они не могли поддаваться съ своими имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ или къ своей же братьѣ—шляхтѣ, а когда это случалось, господарь возвращалъ ихъ «въ повѣты», т. е. подъ свой доминіумъ [105]). Такимъ образомъ, если самому господарю

---

[100]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 12.

[101]) Тамъ же, № 14.

[102]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, прилож. № 34, 37, 38; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 313—34.

[103]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 205—206. Въ 1528 году 23 октября Сигизмундъ не вызволилъ отъ службы князю Мих. Ивановичу Мстиславскому Тетеринскихъ бояръ Ивана Борисовича Сумарока и Ѳедка Нестеровича, имѣнья которыхъ пожалованы были князю въ составѣ Тетеринской волости, на томъ основаніи, что въ привилеѣ на эти имѣнья, выданномъ боярамъ, не оговорено, что они обязаны служить съ нихъ только господарю.

[104]) Статутъ 1529, раздѣлъ III, арт. 15; Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 75—77.

[105]) Акты Зап. Рос. III, № 33, отказъ 4.

дарю стало нельзя передавать свой доминіумъ надъ отчинами бояръ-шляхты, при наличности ихъ владѣльцевъ, то съ другой стороны и за этими послѣдними не было признано право добровольнаго выхода съ своими имѣньями изъ подъ этого доминіума. Они могли, конечно, продать или какимъ-нибудь другимъ образомъ передать свои имѣнья въ чужія руки, но новые владѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ становились на ихъ мѣсто въ повѣтѣ, и имѣнья не выходили такимъ образомъ изъ подъ господарскаго доминіума.—Къ третьей категоріи можно отнести имѣнья, которыя бояре и земяне-шляхта держали подъ князьями и панами [106]). Верховными собственниками такихъ имѣній признавались князья и паны, которые имѣли право передавать свой доминіумъ надъ ними въ другія руки, при чемъ владѣльцы этихъ имѣній могли удержать ихъ за собою лишь въ томъ случаѣ, если соглашались служить съ нихъ новымъ панамъ, въ противномъ же случаѣ должны были покинуть ихъ и отойдти на сторону съ своимъ движимымъ имуществомъ [107]). Если бояре, державшіе имѣнья подъ князьями и панами, переходили подъ господарскій доминіумъ съ своими имѣньями, они не приравнивались по своимъ правамъ къ стародавной шляхтѣ, но продолжали оставаться при тѣхъ же правахъ и вольностяхъ, какъ и при прежнихъ панахъ, «кдыжъ вольность именей шляхты нашое стародавнее отъ бояръ, которыи подъ паны именья маютъ, розная въ той речы естъ» [108]). Очевидно, что и свой пріобрѣтенный доминіумъ надъ имѣньями такихъ бояръ господарь могъ въ свою очередь передавать въ другія руки.

Изъ всего этого видно, какъ разнообразно было юридическое положеніе различныхъ разрядовъ шляхетскаго сословія. Даже общее шля-

---

[106]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства стр. 614, 615; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 84, 85; IV, л. 205, 206, XII, л. 190—199; Запис. XXIV, л. 159—161.

[107]) Такимъ образомъ, напр., воевода Троцкій, маршалокъ земскій панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій бояръ своихъ Юрья Битейка, Стеквила и Козельскаго, которые сидѣли «на звечныхъ Деснянскихъ земляхъ», «Кгодачевскому въ послугу далъ тымъ обычаемъ, ижъ они съ тыхъ земль Деснянскихъ маютъ ему служыти; а естли бы служыти ему не хотели, тогды земли Декснянскии оставившы, маютъ отъ него прочъ поити, а тыи земли Кгодачевский вечне держати маетъ». Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 179.

[108]) «Листъ до державцы Трабского бояромъ Трабскимъ Еикгирдовичомъ, зоставуючы ихъ при службе боярской, яко было за пана Кгаштолта, до воли господарской». Городно 1555 года, марта 31. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 11—12.

хетское право въ примѣненіи къ различнымъ разрядамъ шляхты имѣло не одинаковое значеніе и силу, допускало извѣстныя ограниченія и варіаціи въ пониманіи. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые разряды этого класса сверхъ общихъ шляхетскихъ правъ и вольностей пользовались еще своими особыми правами, а другіе наоборотъ— не пользовались нѣкоторыми изъ общихъ правъ и вольностей шляхты, гарантированныхъ въ земскихъ привилеяхъ.

§ 7.

Сообразно съ количественнымъ и юридическимъ разнообразіемъ въ сферѣ шляхетскаго землевладѣнія, существовало извѣстное разнообразіе и въ порядкѣ отбыванія общей повинности, лежавшей на различныхъ разрядахъ шляхетскаго сословія, т. е., военной службы. И въ данномъ отношеніи крупные землевладѣльцы—князья и паны отличались отъ среднихъ и мелкихъ—бояръ и земянъ-шляхты, бояре и земяне шляхта господарскихъ волостей отличались отъ бояръ и земянъ княжескихъ и панскихъ [109]).

Крупные землевладѣльцы, князья и паны, выѣзжали сами лично и выводили свои «почты» (отряды слугъ) подъ собственною хоруговью, съ которою они ставились въ общемъ ополченіи той или другой земли или воеводства. Поэтому и приказы о снаряженіи или выступленіи на войну эти землевладѣльцы получали непосредственно, тогда какъ бояре и земяне шляхта оповѣщались о томъ своими хоружими, а гдѣ ихъ не было,—мѣстными державцами и тивунами (въ Жмудской землѣ). Это былъ обычный порядокъ, который по временамъ находилъ себѣ и формальное подтвержденіе [110]). Крупныя княжескія и панскія имѣнья выставляли свои ополченія подъ особыми хоругвями даже и тогда, когда раздроблялись на мелкія части между многими владѣльцами. Таково было, напр., княжество Гедройтское, владѣльцы котораго—князья и бояре (въ 1528 году 84 человѣка) ставились съ своими «почтами» подъ одною хоруговью [111]). На этихъ хоругвяхъ, какъ позволяетъ за-

---

[109]) Косвенное признаніе этого факта содержится въ статутѣ 1529 года. Второй артикулъ II раздѣла этого статута можетъ быть понятенъ только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ особыя княжескія и панскія хоругви, подъ которыми становились вассалы князей и пановъ. Статутъ 1566 г. (раздѣлъ II, арт. 7, 11) говоритъ объ этомъ уже вполнѣ опредѣленно.

[110]) См. выше, стр. 162, прим. 362.

[111]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 159—161; Публичныхъ дѣлъ I, л. 64—65.

ключать привилей, выданный пану Яну Еронимовичу Ходкевичу на графскій титулъ и новый гербъ (земли Лифляндской), изображались гербы князей и пановъ: пожалованіе новаго герба въ добавленіе къ четыремъ, уже принадлежавшимъ Ходкевичу, мотивировано здѣсь тѣмъ что «его милость и продки его милости зъ народу своего суть паны хоруговными», слѣдовательно, имъ есть гдѣ изображать и пятый гербъ [112]).

О наличности всѣхъ этихъ князей и пановъ хоруговныхъ даютъ понятіе перечни лицъ, коимъ посылались особые листы, наравнѣ съ «повѣтами» (такіе перечни встрѣчаются въ книгахъ Литовской Метрики съ 30-хъ годовъ XVI ст.). По этимъ перечнямъ оказывается, что къ составу князей и пановъ, выводившихъ свои «почты» отдѣльно отъ повѣтовыхъ ополченій, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ принадлежали слѣдующія лица: кн. *Литовскій* Янъ (бискупъ Виленскій, побочный сынъ Сигизмунда); кн. Павелъ *Гольшанскій*; кн. *Слуцкій*; кн. *Острожскіе*: вдова Константина Ивановича Александра; его сыновья—Илья и Василій-Константинъ, вдова Ильи Беата; кн. *Дубровицкіе*: Юрій, сынъ его Янушъ, вдова Януша Елизавета; кн. *Сангушковичи*: Ѳедоръ Андреевичъ, Андрей и Василій Михайловичи и другіе; вдова кн. Михаила Ивановича *Мстиславскаго* Василиса; кн. *Вишневецкіе*; вдова кн. Матѳея Микитинича Томила и кн. Ярославъ Матѳеевичъ *Микитинича*; кн. *Полубенскіе*: Василій Андреевичъ, Иванъ Васильевичъ; кн. *Чорторыйскіе*: Ѳедоръ Михайловичъ и другіе; вдова кн. Богдана *Жеславскаго* Аграфена; кн. *Лукомскіе*; кн. *Соколинскіе*; кн. *Друцкіе;* кн. *Одинцевичи;* кн. *Свирскіе;* кн. *Гедройтскіе;* княгиня *Крошинская;* кн. *Жилинскіе;* кн. *Пронскіе:* Андрей и Фридрихъ; кн. *Четвертинскіе;* кн. *Збаражскіе;* кн. *Заславскіе;* кн. *Корецкіе;* кн. Семенъ *Бѣльскій* (московскій выходецъ); кн. *Деречинскіе.* Къ панамъ хоруговнымъ принадлежали слѣдующія лица: паны *Радивилы:* вдова Миколая Миколаевича Елизавета, братъ его Юрій, сынъ—Янъ, племянники—Миколай и Янъ Яновичи, Миколай Юрьевичъ; паны *Остиковичи:* вдова Григорія Станиславовича Елизавета, сыновья—Юрій (Сирпутій) [113]) и Григорій; вдова Юрія Марина и дѣти—паны *Сирпутьевичи;* паны *Гаштольды:*

---

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 170—172.

[113]) Сынъ Юрія Григорьевича Остиковича Миколай прозывался Сирпутьемъ (*Bonieckiego* Poczet rodów, str. 228). Но уже въ 1533 году посылался военный листъ «до пана Сирпутья», каковой по времени едва ли могъ относиться къ Миколаю Юрьевичу Остику (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 49—50). Поэтому мы полагаемъ, что уже отецъ Миколая—Юрій носилъ это прозвище.

Альбрехтъ Мартиновичъ и сынъ его Станиславъ; паны *Кезгайлы:* вдова Станислава Станиславовича Анна и двоюродный племянникъ Станиславъ Миколаевичъ; паны *Заберезинскіе:* Янъ Яновичъ и его вдова Варвара; паны *Кухмистровичи;* паны *Костевичи:* вдова Януша Марина и вдова Венцлава Анна; паны *Кишки:* Петръ Станиславовичъ, его вдова Анна, сыновья—Станиславъ и Миколай; *Пацы:* Миколай Юрьевичъ, его вдова Александра и дѣти; паны *Ходкевичи:* Александръ Ивановичъ, его сыновья Еронимъ, Григорій, Юрій; паны *Воловичи:* Иванъ Гринковичъ и др.; паны *Немировичи:* Андрей Якубовичъ, Юрій и другіе; паны *Довойны:* Станиславъ и другіе; паны *Ильиничи:* Янъ и Щастный, вдова Яна Гальшка; паны *Глѣбовичи:* Янъ Юрьевичъ, его вдова Анна; паны *Нарбутовичи:* Миколай и другіе; паны *Сологубовичи;* паны *Сопеги:* Иванъ Богдановичъ, его двоюродный братъ Павелъ Ивановичъ и другіе; панъ *Солтановичъ* Александръ; паны *Петьковичи:* Матысъ и другіе; панъ Матей Яновичъ *Охмистровичъ* (Клочко); паны *Юндиловичи;* паны *Хребтовичи:* вдова Яна Литавора и другіе; вдова Богуша *Боговитиновича;* панъ Василій *Чижъ* и его вдова; паны *Зеновьевичи;* вдова Петра Яповича *Монтыгирдовича;* паны *Немиричи* (отъ Немиры Грималича); панъ Иванъ *Горностай* и братъ его Онпкей; вдова Михаила Васильевича *Коптя;* Янъ *Стецковичъ Цыбулька;* вдова Андрея Завишича и другіе паны *Завиши;* панъ Юрій Войтеховичъ *Носиловскій* и его вдова; Миколай Якубовичъ и другіе паны *Щитовичи;* паны Петръ и Богданъ *Семашковичи;* панъ Щастный *Сирутевичъ;* панъ Иванъ Михайловичъ, староста Пинскій, и его вдова; панъ Василій *Тишкевичъ* (изъ Волынскаго рода Мишковичей); Янъ *Комаевскій,* Янъ *Шимковичъ* (Мацкевича), Василій Петровичъ *Загоровскій* (сынъ Петра Богдановича, ключника, мостовничія и городничія Луцкаго); Янъ *Андрушевичъ* (бискупъ Кіевскій); Венцлавъ *Вербицкій* (бискупъ Жмудскій), Валеріанъ Протасовичъ *Сушковскій* (бискупъ Луцкій), Иванъ *Ляцкій* (московскій выходецъ), Лаврипъ *Вольскій,* Войтехъ *Ясеньскій,* Ярошъ *Корицкій, Веселовскій* [114]). Сравнивая этотъ перечень съ вышеприведенными данными о князьяхъ и панахъ, видимъ, что наличность разсматриваемаго разряда шляхетскаго сословія въ подавляющемъ большинствѣ состояла все изъ тѣхъ же фамилій, изъ которыхъ выходили члены господарской рады, и которыя по переписи 1528 г. выставляли значительные «почты». Всѣ новые люди, попавшіе въ составъ этого высшаго класса, также сдѣлались уже болѣе или

[114]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 49—50, 242—243; кн. Запис. XIX, л. 258—260; XXX, л. 114—115; XXXVII, л. 20—22.

менѣе крупными землевладѣльцами. Таковъ былъ, напр., бывшій московскій окольничій Иванъ Васильевичъ Ляцкій, прибывшій въ Литву по смерти вел. кн. Василія Ивановича вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Бѣльскимъ: король Сигизмундъ пожаловалъ ему двѣ волости, Высокій дворъ и Жолудокъ, «противъ отчины его, которую онъ имелъ на Москве» [115]).

Судя по разсказу Длугоша о Грюнвальденской битвѣ, литовско-русскіе князья издавна выводили свои отряды на войну подъ собственными хоругвями, которые и назывались ихъ именемъ: хоруговь Сигизмунда Корибутовича, Семена Лингвеньевича, кн. Юрія и т. д. Это былъ стародавній обычай какъ на Руси, такъ и на Литвѣ. Что касается собственно пановъ, то, по всѣмъ даннымъ, этотъ обычай перенятъ былъ ими у своихъ польскихъ собратій, выѣзжавшихъ на войну подъ своими родовыми знаменами, какъ это видно изъ разсказа Длугоша о Грюнвальденской битвѣ [116]). На основаніи этого же разсказа можно заключить, что этотъ обычай усвоенъ былъ литовскими панами не ранѣе 1413 года, когда получены были ими гербы: въ Грюнвальденской битвѣ 1410 г. литовскіе и русскіе воины сражались либо подъ княжескими, либо подъ повѣтовыми хоругвями. Панскихъ хоругвей еще не было въ Грюнвальденской битвѣ, и это обстоятельство подчеркивается въ разсказѣ Длугоша, какъ особенность литовско-русскаго войска по сравненію съ польскимъ. Такимъ образомъ, въ 1410 г. литовскіе паны наравнѣ съ остальными боярами стояли еще на полѣ битвы подъ земскими и повѣтовыми хоругвями. Этихъ хоругвей Длугошъ насчитываетъ восемнадцать: Троцкая, Виленская, Городенская, Ковенская, Лидская, Мѣдницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Кіевская, Пинская, Новгородская, Берестейская, Волковыйская, Дорогицкая, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская [117]). По всѣмъ даннымъ, это только примѣрный, а не полный перечень всѣхъ повѣтовыхъ хоругвей [118]). Позже

---

[115]) Сигизмундъ-Августъ въ 1558 году 9 августа пожаловалъ его сыну Ивану эти имѣнья «правомъ мужского рожаю». Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 182—183.

[116]) Польскіе паны въ свою очередь переняли этотъ обычай у западно-европейскихъ крупныхъ феодаловъ, ближайшимъ образомъ у своихъ чешскихъ собратій (páni korouhevni). См. *O. Balzera* Historya ustroju Austryi, str. 132, 133. Lwów 1899.

[117]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 41, 42.

[118]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

крупные землевладѣльцы шляхетскаго сословія, или паны, уже вышли изъ подъ повѣтовыхъ хоругвей и стали ставить свои отряды, или «почты» въ ополченія воеводствъ или земель подъ собственными хоругвями, а подъ повѣтовыми хоругвями остались только средніе и мелкіе землевладѣльцы, обязанные служить военную службу непосредственно самому господарю.

Распредѣленіе этихъ землевладѣльцевъ по отдѣльнымъ хоругвямъ основывалось на территоріальномъ началѣ: каждый становился съ своимъ почтомъ подъ хоруговью того повѣта, въ которомъ лежало его имѣнье; кто владѣлъ имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, обязанъ былъ становиться лично съ извѣстнымъ почтомъ подъ хоруговью того повѣта, въ которомъ лежало его отчинное «головное» имѣнье [119]); подъ хоругвями же другихъ повѣтовъ такіе землевладѣльцы обязаны были ставить одни свои «почты» [120]); кто заразъ владѣлъ имѣньями подъ господаремъ, князьями и панами, тотъ лично долженъ былъ становиться подъ повѣтовою хоруговью, поставивъ на свое мѣсто при князѣ или панѣ кого-либо другого, «войнѣ неповинного» [121]); сами князья и паны, владѣвшіе имѣньями въ господарскихъ волостяхъ, выставляли съ этихъ имѣній «почты» подъ повѣтовыми хоругвями, а съ собственныхъ имѣній, какъ сказано, вели почты подъ собственными хоругвями [122]).

---

[119]) Статутъ 1529 г., раздѣлъ II, арт. 2.

[120]) Разумѣется, подобный порядокъ вещей создавалъ иногда большія затрудненія для военно-служилыхъ землевладѣльцевъ. Поэтому землевладѣльцы выхлопатывали себѣ у господаря право служить со всѣхъ имѣній подъ какою-нибудь одною хоруговью. «Билъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ актѣ отъ 19 марта 1557 г.,—справца дворовъ Городеньскихъ, державца Новодворскій и Озерскій Себестьянъ Дыбовскій и поведилъ передъ нами, ижъ дей онъ именья свои въ разныхъ поветехъ, то естъ въ Новгородскомъ и въ Клецкомъ, маетъ и часу потребы службы нашое господарское и земское военное водлугъ повинности своей зъ оныхъ имепей почотъ слугъ своихъ въ тыхъ поветехъ подъ розными хоругвями ставити мусить, въ чомъ дей трудность великую приймуеть; и билъ намъ чоломъ, абыхмо зо всихъ именей его дозволили ему на одномъ местцу *въ повете Новгородскомъ подъ хоругвью* тамошнею службу нашу земскую служити и заступовати». Король дозволилъ.—Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 552. См. также Запис. XXXVII, л. 457—458.

[121]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 2.

[122]) Такимъ образомъ, напр., князь Василій Андреевичъ Полубенскій, выводившій отрядъ въ 43 человѣка, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоруговью повѣта Берестейскаго, панъ Станиславъ Довойновичъ, выводившій отрядъ въ 31 конь, ставилъ сверхъ того 2 коня подъ хоруговью повѣта Берестейскаго. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 7, 8, 100, 101.

По переписи 1528 г. и современнымъ актовымъ свидѣтельствамъ господарскіе бояре-шляхта и земяне, выѣзжавшіе на войну, составляли слѣдующія хоружства и отряды сообразно съ распредѣленіемъ ихъ землевладѣнія: въ воеводствѣ Виленскомъ—хоружства Ошменское и Мѣдницкое, отряды Минскаго повѣта и Аннской волости, хоружства Лидское (и Бѣлицкое) и Новгородское, отрядъ Марковской волости, хоружства Кревское и Свирское, Рудоминское, Мемижское, Керновское, Утенское, Мойшакгольское, Вилкомирское, (Ушпольское) и Пенянское, Кгедройтское, Судеревское, Неменчинское, отряды Оникштенскій и Браславскій; въ Троцкомъ воеводствѣ—хоружства Ковенское, Жижморское, Сомилишское, Лепунское и (Волкиницкое), Высокодворское, Ейшишское, отряды Радуньскій, Перелайскій, Коневскій (и Дубицкій), Пуньскій, хоружства Дорсунишское, Бирштанское, Мерецкое, Василишское, Острынское, отрядъ Жолудской волости, хоружства Городенское, Слонимское, Волковыйское, Каменецкое, Берестейское, Упитское, Троцкое и Курклевское; въ воеводствѣ Подляшскомъ—хоружства Дорогицкое, Мельницкое и Бѣльское; на Волыни—хоружство земли Волынской; на Полѣсьѣ: отряды Пинскій, Клецкій, Городецкій, Кобринскій, Грушевскій и Черевачицкій; въ Полоцкой землѣ—хоружство земли Полоцкой; въ Витебской землѣ—хоружство земли Витебской; на Руси Литовской — отрядъ Мстиславскаго княжества; въ Жмудской землѣ—хоружства Вилкейское, Веленское, отряды волостей Ойракгольской, Россиенской, Видукльской, Коршовской, Поюрской, Шовдовской, Ретовской, Кгондинской, Вешвянской, Телшовской, Биржанянской, Дирванской, Медикгонской, Жорянской, Потумшинской, Корклянской, Ужвентской, Бержанской, Крожской, Кеменской, хоружства Ясвоинское и Тондякгольское [123]).

Повѣтовыя ополченія бояръ-шляхты и земянъ выводились на войну своими *хоружими*. Изъ тѣхъ повѣтовъ, гдѣ этихъ должностныхъ лицъ не было, бояръ и земянъ выводили на войну мѣстные державцы и тивуны. Поэтому, напр., въ 1535 году 1 февраля среди другихъ военныхъ листовъ посланъ былъ листъ «до державцы Мъстиславского, абы, замки людми осадивъшы, а сами съ конными людми до пана гетмана ехали, какъ ихъ обошлеть» [124]). Листъ отправленъ былъ къ державцѣ потому, что въ Мстиславлѣ въ то время еще не было хоружія. Изъ

[123]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I; Запис. XVII, л. 115—117; 180, 181; 390—391, 414—415; 458; Судныхъ дѣлъ VIII, л. 267—269; *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dygnitarzy i urzędników.

[124]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 242—243.

большинства Жмудскихъ волостей выводили бояръ на войну мѣстный староста и тивуны. Поэтому и военные листы въ 1536 году 1 мая были посланы между прочимъ старостѣ Жмудскому и тивунамъ: Бержаньскому, Шовдовскому, Биржанянскому, Тверскому, Вешвеньскому, Дирванскимъ обѣихъ половинъ, Тельшевскому, Кгондинскому, Ойракгольскому, Ретовскому, Поюрскому, Коршовскому [125]). Съ теченіемъ времени обыкновенно ставились хоружіе и въ тѣ повѣты, гдѣ ихъ не было. Державцами по большей части бывали крупные паны, которые должны были вести на войну свои «почты» подъ собственными хоругвями, и притомъ нерѣдко держали за разъ не одну господарскую волость, а нѣсколько. При такихъ условіяхъ они лично не могли выводить бояръ и земянъ изъ своихъ державъ, а должны были все равно поручать это дѣло уполномоченнымъ лицамъ. Но самое главное—отъ лицъ, обязанныхъ выводить бояръ и земянъ даннаго повѣта, требовалось точное и подробное знаніе всей ихъ наличности, семейнаго и имущественнаго положенія, кто именно и какъ обязанъ служить, т. е. въ какомъ «почтѣ» и вооруженіи. Этому условію далеко не всегда удовлетворяли державцы, которые сравнительно мало имѣли общенія съ мѣстнымъ военно-служилымъ людомъ, не служили съ нимъ подъ одною хоруговью, иногда были родомъ изъ другихъ мѣстностей государства. Въ интересахъ военной службы поэтому удобнѣе было возлагать обязанность выводить на войну бояръ и земянъ на надежныхъ лицъ изъ ихъ же собственной среды, которые по сосѣдству и совмѣстной службѣ имѣли больше возможности знать всѣхъ своихъ одноповѣтниковъ, кто и какъ изъ нихъ служилъ прежде и обязанъ впредь служить, и сообразно съ этимъ предъявлять къ нимъ и служебныя требованія. Вотъ почему уже при Витовтѣ существовали по разнымъ повѣтамъ особые хоружіе, выводившіе на войну мѣстныхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ [126]). Должности этихъ хоружихъ учреждались и впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ разросталось боярское и земянское землевладѣніе въ господарскихъ волостяхъ и увеличивалась самая наличность бояръ и земянъ. Въ началѣ Ливонской войны, въ 1561—1565 годахъ, хоружіе были не только въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ они являются по переписи 1528 года и современнымъ ей актамъ, но и въ многихъ другихъ, частью упоминаемыхъ въ переписи 1528 г., а частью новыхъ, въ этой переписи не записанныхъ. Военные и сереб-

---

[125]) Литов. Метр. кн. Запис. XIX, л. 260; Запис. XXXVII, л. 20—22.

[126]) *Dlugosz*, Opera omnia, tomus XIII, p. 41, 42; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 533.

щинные листы въ 1561—1565 г. разсылались между прочимъ хоружимъ: Аннскому, Минскому, Марковскому, Оникштенскому, Браславскому, Радуньскому, Перелайскому, Коневскому и Дубицкому, Пуньскому, Жолудскому, Волковыйскому, Бѣльскому, Пинскому, Кобринскому, Мстиславскому, т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые по переписи 1528 года и другимъ современнымъ актамъ являются еще безъ хоружихъ (возможно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣтовъ, напр., въ Волковыйскомъ и Бѣльскомъ хоружіе были и въ то время и только случайно не встрѣчаются въ актахъ). Сверхъ того военные листы въ 1561—1565 г. разсылались хоружимъ: Довкговскому, Кормяловскому, Красносельскому, Кгераноинскому, Ляховицкому, Новодворскому, Ожскому и Переломскому, Скерстомоньскому, Стоклишскому, Трабскому [127]), т. е. хоружимъ такихъ повѣтовъ, которые совсѣмъ не упоминаются еще въ переписи 1528 года либо потому, что въ нихъ мало еще было развито боярское землевладѣніе, и существовавшіе въ нихъ бояре [128]) несли военную службу подъ хоругвями сосѣднихъ повѣтовъ, либо потому, что эти повѣты не принадлежали еще тогда господарю, какъ, напр., Гераноинскій и Трабскій [129]). Даже въ Жмудской землѣ, гдѣ обязанности хоружихъ выполняли большею частью тивуны [130]), увеличилось, повидимому, число этихъ должностныхъ лицъ. Изъ листа, адресованнаго тивуну Шовдовскому, относительно сбора серебщины, ухваленной на сеймѣ 1551 г, видно, что въ тивунствѣ Шовдовскомъ былъ особый повѣтовый хоружій, на котораго и возложена была обязанность собирать серебщину съ имѣній мѣстныхъ бояръ-шляхты [131]).

---

[127]) Литов. Метр. кн. Переписей Литов. VII, л. 1—3, 20—22, 30—32, 70—72, 75—76, 92, 99—100, 131—133, 135, 138—139, 146; Публичныхъ дѣлъ VII, л. 3, 8, 23, 24, 35—38, 59—63, 82—84.

[128]) Это справедливо, напр., относительно Стоклишской и Довкговской волостей. См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 144, 145, 147; прилож. № 25.

[129]) Гераноины и Трабы принадлежали въ 1528 году Гаштольдамъ. См. тамъ же, стр. 115, 116, 119.

[130]) Старшій тивунъ носилъ хоругвь земли Жмудской. См. Акты Зап. Рос. III, № 11, пр. 13.

[131]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 125—127. Кромѣ этого листа, намъ не попадалось еще никакихъ указаній на повѣтовыхъ хоружихъ въ тивунствахъ Жмудской земли. Акты упоминаютъ только о хоружихъ въ Жмудскихъ державахъ—Виляейской, Веленской, Скерстомоньской и Ясвоинской. Вотъ почему мы и не высказываемся рѣшительно за увеличеніе числа Жмудскихъ хоружихъ.

Хоружіе назначались на свою должность господаремъ по чьей-либо рекомендаціи. Чаще всего господарь руководился въ данномъ случаѣ рекомендаціею воеводъ и старость, которая выражалась иногда не только въ формѣ простого ходатайства за того или другого лица, но и въ формѣ предварительнаго порученія ему исправлять должность «до воли и ласки господарской». Господарь въ такихъ случаяхъ только подтверждалъ распоряженія воеводы или старосты. Такимъ образомъ, напр., староста Лидскій Юрій Ивановичъ Ильинича, найдя, что назначенный господаремъ хоружій Лидскаго повѣта Богданъ «неслушне и нерядне въ томъ ся справуеть», отставилъ его отъ этой должности, далъ «хоружое Лидское» боярину Мицку Нарковичу и написалъ объ немъ господарю, «нижъ тотъ Мицко есть годнѣйшый, нижли тотъ Богданъ». Согласно съ этимъ представленіемъ и по челобитью самого Мицка Нарковича король утвердилъ его въ должности хоружія [132]). Въ 1538 году король по ходатайству пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда утвердилъ въ должности хоружія Сомилишскаго Ивана Селицкаго, которому далъ хоружство покойный воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій «до воли и ласки господарской» [133]). Какъ видно изъ этого факта, хоружства получались по временамъ и по протекціи стороннихъ вліятельныхъ лицъ. Еще болѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣемъ отъ 23 марта 1541 года, когда господарь пожаловалъ хоружство Мойшакгольское боярину Щастному Жоравскому по просьбѣ королевы Боны [134]). Извѣстное вліяніе въ настоящемъ случаѣ оказывали также и желанія самихъ бояръ и земянъ, къ которымъ господарь назначалъ хоружія. Король Сигизмундъ назначилъ было хоружимъ Городенскимъ своего дворянина Марка Гринко-

---

[132]) Тамъ же, прилож. № 36.

[133]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 140—141.

[134]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 109: «Княземъ и паномъ, и кнегинямъ, панямъ вдовамъ, бояромъ и двораномъ нашимъ тымъ, которые именья свои маютъ въ Мойшокголскомъ повете. Билъ намъ чоломъ бояринъ Мойшокголскій Щастный Жоравъскій и просилъ у насъ хоружого Мойшокголского, которое первей сего отъ насъ держалъ бояринъ нашъ Мартинъ Белевичъ и тыхъ часовъ зкмеръ, о чомъ же и королевая наша ее милость, великая кнегиня Бона, насъ за нимъ жедала. Ино мы на жеданье королевое ее милости и на чоломбитье его то вчинили—оный врадъ, хоружое Мойшокголское, што оный Мартинъ отъ насъ держалъ, ему дали и тымъ его пожаловали со всимъ потому, якъ и першие хоружие отъ насъ его мевали. И вы бы о томъ ведали и его во всемъ были послушни потому, какъ и першихъ хоружихъ тамошнихъ, конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1541, месеца марца 23 день, индиктъ 14. Михайло писаръ».

вича. Но бояре Городенскіе не пожелали имѣть его на этомъ урядѣ. Тогда мѣстный староста панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича далъ этотъ урядъ боярину Городенскому Яну Миколаевичу Толонковича «до воли господарской» и просилъ господаря утвердить его распоряженіе. При этомъ и нѣкоторые бояре Городенскіе били челомъ господарю, чтобы онъ далъ ему хоружство Городенское. Согласно этимъ ходатайствамъ король 12 сентября 1526 года утвердилъ хоружство за Толонковичемъ [135]). Встрѣчаются даже случаи прямого выбора хоружія цѣлою волостью. Бояре и слуги путные Упитскаго повѣта принесли жалобу на своего хоружія Миколая Буткевича, который «кривды и шкоды, невымовне великии» имъ подѣлалъ и «платы неомерныи» съ нихъ побралъ. Разбиравшій эту жалобу король Сигизмундъ нашелъ Буткевича виновнымъ и приказалъ своему дворянину взыскать съ него въ пользу жалобщиковъ всѣ ихъ убытки. Тогда Буткевичъ пошелъ съ ними на мировую и «спустилъ» имъ свое хоружство, обязываясь отдать и самую хоругвь. Бояре просили господаря отдать хоружство Андрею Товткгиновичу, что господарь и исполнилъ. Когда же Буткевичъ, невзирая на то, попытался обманомъ вернуть себѣ хоругвь, бояре отправили своего избранника къ господарю съ листомъ, скрѣпленнымъ цѣлою сотнею подписей, въ которомъ, разоблачая махинаціи Буткевича и его недобросовѣстность, просили оставить при хоружствѣ Андрея Товткгиновича. Господарь и на этотъ разъ уважилъ ихъ просьбу [136]).

Главная обязанность хоружихъ состояла въ томъ, чтобы выводить бояръ и земянъ своихъ повѣтовъ на войну. Они оповѣщали своихъ повѣтниковъ о снаряженіи и выступленіи на войну, собирали ихъ въ одно мѣсто и провѣряли наличность ихъ «почтовъ», а затѣмъ подъ своею хоругвью вели въ сборный пунктъ на смотръ къ гетману; о всѣхъ, уклонившихся отъ службы, хоружіе (а гдѣ ихъ не было,— державцы) обязаны были по прибытіи въ сборный пунктъ докладывать гетману, подъ страхомъ конфискаціи имѣнья за утайку [137]). Дальнѣй-

---

[135]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 42.

[136]) Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 180, 181.

[137]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 10. Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, формулировалъ только дѣйствовавшую практику. Въ военныхъ листахъ, разосланныхъ въ концѣ іюня 1522 года, читаемъ между прочимъ: «Пакъ ли жъ бы есте, и о сее росказанье нашо не дбаючи, и на тотъ рокъ до Менъска не были и гетъману нашому ся не оказали, и въ реестръ гетъманскій

шая обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы водить своихъ повѣтниковъ на битвы и удерживать ихъ въ войскѣ. Они обязаны были доносить гетману о тѣхъ своихъ повѣтникахъ, которые уѣзжали самовольно изъ войска или отсылали домой часть своего «почта»; въ противномъ случаѣ наказывались конфискаціею имѣнья. Таковы были спеціальныя обязанности хоружихъ [138]). Сверхъ того, на хоружихъ, какъ на должностныхъ лицъ, знающихъ наличность и имущественное положеніе бояръ и земянъ своего повѣта, возлагалась обыкновенно обязанность собирать серебщину съ ихъ людей и вносить въ скарбъ [139]).

Выше было указано на то, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ размноженія боярскаго и земянскаго класса и распространенія его землевладенія увеличивалось и число хоружихъ. При всемъ томъ, однако, число это никогда не доходило до числа всѣхъ вообще господарскихъ волостей, даже если не брать въ разсчетъ волостей Жмудской земли съ ихъ тивунами въ роли хоружихъ. Число господарскихъ волостей и повѣтовъ всегда превышало число хоружихъ [140]); точно также и число

который се зъ васъ не написалъ або бы хто зъ васъ, зъ державецъ нашихъ, або хоружий которого земенина дома оставилъ и гетману нашому о немъ не поведилъ, а естли се князь гетьманъ его милость о таковыхъ доведаеть, мы росказали его милости въ таковыхъ именья на насъ ся увязывати». Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 75—76.

[138]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 10.

[139]) См. выше, стр. 224, 250, 251, 255, 285.

[140]) Это ясно обнаруживается изъ перечня господарскихъ волостей въ волочной уставѣ 1557 года и изъ другихъ актовыхъ данныхъ, современныхъ началу Ливонской войны. Кромѣ тѣхъ волостей, въ которыхъ являются по современнымъ извѣстіямъ хоружіе и тивуны Жмудскіе, волочная устава отмѣчаетъ еще слѣдующія господарскія волости: Плотеле, Крожи и Ботоки—въ Жмудской землѣ; Милейчичи, Лосичи, Высокое, Тыкотинъ, Кнышинъ, Забѣлье, Мстибоговъ, Зельву, Волпу, Лысково, Межирѣчь, Лососиную, Байковичи, Перевалку, Вороны, Ситно, Румшишки, Жосли—въ Троцкомъ повѣтѣ; Друю, Дисну, Довкгялишки, Мяделе, Лебедево, Дуниловичи, Обели, Воложинъ, Больники, Любово, Рокоитишки, Виршупы—въ Виленскомъ повѣтѣ; Русскія волости: Рѣчицу, Мозырь, Бобруйскъ, Чичерскъ, Пропойскъ, Оршу, Любечъ, Гомій, Глускъ, Могилевъ, Свислочь, Борисовъ, Любошаны (Акты Зап. Рос. III, № 19). Въ актахъ 1561—1565 годовъ сверхъ того упоминаются: Августовъ, Бойсакгола, Бранскъ, Берзники, Брацлавъ, Бѣлавичи, Воинь, Владиміръ, Вистицы, Воложинъ, Вонячинъ, Вѣница, Городокъ (на Подляшьѣ), Городокъ (въ Полѣсьѣ), Добучинъ, Девенишки, Довкгялишки, Житомиръ, Здитовъ, Каневъ, Кременецъ, Клещелеги, Красница, Квасовка, Кузница, Котра, Кринки, Кретинга, Купишки, Куренецъ, Контяжинъ, Лабно, Ломазы, Лоздеи, Локница, Липнишки, Лун-

державцевъ было обыкновенно больше числа хоружихъ [141]). Такое несоотвѣтствіе объясняется во-первыхъ тѣмъ, что не во всѣхъ господарскихъ волостяхъ или державахъ распространено было боярское землевладѣніе; во-вторыхъ—тѣмъ, что бояре и земяне нѣсколькихъ волостей и державъ сплошь и рядомъ составляли одно хоружство (напр., бояре Ковенской державы и Румшишской составляли хоружство Ковенское; бояре Городенской волости, Скидельской, Озерской, Кринской, Мостовской, Молявицкой, Квасовской, Котренской, Рожанской — хоружство Городенское; земяне Берестейскіе, Милейчицкіе, Воиньскіе, Ломазскіе—хоружство Берестейское; земяне Бѣльской державы, Саражской, Бранской, Кнышинской, Тыкотинской—хоружство Бѣльское; земяне Дорогицкой державы, Городецкой и Высоцкой—хоружство Дорогицкое); и наконецъ, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ господарскихъ волостяхъ никогда не учреждалось должности хоружихъ, и мѣстные бояре и земяне всегда находились въ вѣдѣніи и распоряженіи мѣстныхъ державцевъ. Такъ обстояло дѣло въ такъ называемыхъ Русскихъ, или Поднѣпрскихъ, волостяхъ и въ державахъ Кіевской и Подольской земли, короче сказать—въ украинныхъ волостяхъ. Въ этихъ волостяхъ, по всѣмъ признакамъ, шляхетское землевладѣніе было очень мало распространено [142]),

---

ная, Лынкмяны, Метель. Молчадь, Молявица, Мосты, Новая Воля, Нарва, Нобель, Немонойти, Олита, Овручъ, Озеры, Остеръ, Пищадка, Порозово, Полонга, Перстунь, Рожанка, Ротница, Рогачовъ, Роконтишки, Селецъ, Святковъ, Симно, Саражъ. Стобинки, Сейвы, Скидель, Трокели, Торчинъ, Цѣрэнъ, Чернобыль, Черкасы, Чернятичи, Шерешовъ, Швинтаны, Яловка (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 78—81, 88—89, 94; Публичн. дѣлъ VII, л. 55, 73, 78, 82, 105 и др.).

[141]) Сверхъ державцевъ, одноименныхъ съ хоружими, въ актахъ 1561—1565 г. упоминаются, напр., еще слѣдующіе державцы: Бержницкій, Браньскій, Бобруйскій, Воложиньскій, Вораньскій, Владимірскій (староста), Вонячинскій, Высоцкій, Волпенскій, Гомейскій, Городецкій (на Подляшьѣ). Жосельскій, Житомирскій (староста), Забельскій, Здитовскій, Зельвенскій, Кормяловскій, Красницкій, Кретингскій, Кнышинскій, Котреньскій, Квасовскій, Кременецкій (староста), Кринскій, Любечскій, Лобеньскій, Лысковскій, Лосицкій, Любошанскій, Могилевскій, Межирѣцкій, Молявицкій, Мядельскій, Мозырскій, Мостовскій, Мстибоговскій, Немоноитскій, Олитскій, Озерскій, Обельскій, Оршаньскій, Овруцкій, Острскій, Перстуньскій, Плотельскій, Полонгскій, Пронойскій, Перевальскій, Рогачовскій, Рѣчицкій, Росеинскій, Роконтишскій, Румшишскій, Саражскій, Стобинскій, Сейвенскій, Симненскій, Скидельскій, Чечерскій, Чернобыльскій, Шерешовскій (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 20—22, 30—32, 34, 36, 53—57, 99, 101, 105, 118, 119, 122; Публич. дѣлъ VII, л. 12, 32, 39, 66—69).

[142]) По ревизіи 1545 года въ Вѣницкомъ повѣтѣ насчитывалось около

и небольшіе контингенты мѣстныхъ бояръ и земянъ отправляли военную службу на мѣстѣ, составляя тѣ отряды, съ которыми украинные державцы защищали свои замки и отправлялись въ погоню за непріятелемъ [143]). Когда происходила общая мобилизація литовскаго войска,

---

30 землевладѣльцевъ шляхетскаго званія; въ Браславскомъ повѣтѣ 47, изъ которыхъ двое было князей, 23 человѣка «старшихъ земянъ», а остальные, не будучи «урожонымъ бояриномъ шляхтою и нѣтъ вѣдома одколь пришедши», назывались земянами и держали подъ собою селища «безъ данины господарское»; въ Житомирскомъ повѣтѣ насчитывалось князей, пановъ и бояръ 21 землевладѣлецъ (Żrodła dziejowie, tom VI). По ревизіи 1552 года земянъ и бояръ въ Чернобыльскомъ повѣтѣ насчитывалось 20 землевладѣльцевъ, въ Острскомъ повѣтѣ—27 бояръ; въ Каневскомъ—11 землевладѣльцевъ (князей, пановъ и бояръ); въ Черкасскомъ—4 (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, № XIV, XV, XVII, LXXXII, LXXXIII). Точно такъ же, по всѣмъ признакамъ, мало распространено было боярское землевладѣніе и въ Поднѣпрскихъ волостяхъ. Поэтому, напр., когда въ шестидесятыхъ годахъ понадобилось испомѣщать Полоцкихъ бояръ, лишившихся своихъ отчинъ вслѣдствіе оккупаціи Полоцкой земли Москвою, имъ раздавались имѣнья по большей части въ этихъ волостяхъ (въ Могилевской волости—15 селъ, въ Мозырской—13, въ Рогачовской—2, въ Свислоцкой—2). См. «реистръ, где паномъ Полочаномъ оселости розданы» отъ 13 августа 1563 г. (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 84—87). Вслѣдствіе недостатка въ военно-служилыхъ людяхъ въ шестидесятыхъ годахъ державцы и ревизоры Поднѣпрскихъ волостей довольно часто раздавали здѣсь земли на военную службу (См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 356—357, 418—419, 428—429; XXXVIII, л. 539—540, 542—543; XLI, л. 276—277; XLIV, л. 95—96; XLIX, л. 15; L, л. 15, 151—152, 209; LII, л. 190—191; Судныхъ дѣлъ кн. XLIV, л. 74—75).

[143]) Въ ревизіяхъ украинныхъ замковъ 1552 г. встрѣчаемъ такія отмѣтки: «Повинъни Черкасъцы бояре служити конъно, збройно и ездити съ старостою, або и безъ старосты съ служебниками его противъ людей неприятельскихъ и въ погоню за ними. А хотябъ и не было слуху о людехъ неприятельскихъ, одънакъже, для осторожъности отъ нихъ повинни бояре съ старостою, або съ слугами его ездити на поле разъ и два, и три на лето».—«Земяне Чернобыльскіе повинни противъ людей неприятельскихъ ездити при воеводѣ Кіевскомъ и лежати при немъ в Киевѣ въ часъ непокойный».—«Бояре шляхта, которыи имѣни свои маютъ (въ Мозырскомъ повѣтѣ), шляхта одно домы свои маютъ у мѣсте, винни на послугу ѣхати при воеводѣ Киевскомъ, яко обошлеть» (Архивъ Юга-Зап. Рос., ч. VII, т. I, стр. 81, 82, 588, 617. Срав. также стр. 95, 594). Подобныя повинности несли и бояре Поднѣпрскихъ волостей. Утвердивъ за бояриномъ Могилевскимъ Ермолою Өедоровичемъ Стародубцевича землю, данную ему ревизорами, господарь въ выданномъ ему привилѣ (отъ 20 мая 1562 года) обязалъ его служить службу земскую военную самовторъ «конно и збройно» и сверхъ того въ мирное время «чотырохъ молодцовъ

этихъ бояръ и земянъ обыкновенно не тревожили, и къ нимъ не посылались военные листы. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что эти бояре и слуги удѣлѣли отъ обложенія военною повинностью сообразно съ количествомъ крестьянскихъ службъ, «водлѣ ухвалы земское», и несли эту повинность по старинному, въ фиксированныхъ размѣрахъ съ земли [144]), ибо обложеніе военною повинностью «водлѣ ухвалы земское» распространялось только на тѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, которые подлежали мобилизаціи. Вотъ почему эти бояре и земяне не попали и въ земскій «пописъ» 1528 года, который былъ собственно спискомъ всѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, подлежавшихъ мобилизаціи. Не подлежа общей мобилизаціи, эти бояре и земяне за то часто подлежали призыву въ мѣстныя ополченія, снаряжавшіяся въ погоню за татарами.

Бояре и земяне шляхта, державшіе имѣнья подъ князьями и панами, выходили на войну подъ ихъ начальствомъ. Князья и паны раздавали въ своихъ волостяхъ имѣнья боярамъ и земянамъ съ тою именно цѣлью, чтобы пополнять ими свои «почты» во время мобилизаціи. Такимъ образомъ, напр., панъ Михайло Нацевичъ (XV в.) подтвердилъ боярину Юрью Мимейковичу его отчину, которую тотъ держалъ въ его имѣньѣ Межирѣчьѣ, «а съ того казалъ службу боярскую шляхетскую конемъ служити потому, яко и иншие бояре шляхта служать» [145]). Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ боярину Миколаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ съ условіемъ служить съ него службу конно и збройно на трехъ коняхъ [146]). Вдова пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда дала нѣкоему Андрею Петели три службы людей Койдановскихъ на вѣчность, при чемъ Петеля далъ такое обязательство: «А такъ и съ тыми людми моими куплеными маю ей милости, панеи моей милостивой, я самъ и потомъки мои службу военную конно а збройно служити такъ, якъ и иншии бояре ее милости шляхта, ей милости самой и потомкомъ ее милости на вѣчность» [147]). Военную службу шляхты подъ хоругвью князей и пановъ предусматривалъ и статутъ 1529 года, обязывая тѣхъ шляхтичей, которые одновременно съ тѣмъ держали имѣнья подъ господаремъ, лично

зъ ручницами уставичне при замку нашомъ тамошнемъ Могилевскомъ мети» (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 27—28).

[144]) См. предшествующее примѣчаніе.

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 24, 25.

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 126—127.

[147]) Литов. Метр. кн. Коронн. Перепис. XXIV, док. 41.

становиться непремѣнно подъ хоругвью повѣтовою, замѣщая себя при князѣ или панѣ кѣмъ-либо другимъ, войнѣ не повиннымъ [148]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда княжескія и панскія имѣнья спадали на господаря, бояре и земяне, испомѣстившіеся въ этихъ имѣньяхъ, ходили на войну подъ начальствомъ тѣхъ лицъ, которымъ господарь жаловалъ эти имѣнья «въ держаніе» [149]). Бывали, впрочемъ, случаи, когда господарь ставилъ имъ особыхъ хоружихъ. Такъ было дѣло, наприм., въ Мстиславлѣ, Кгераноинахъ и Трабахъ.

Князья и паны съ своими «почтами», хоружіе и державцы (въ Жмудской землѣ также тивуны) съ повѣтовыми отрядами бояръ и земянъ-шляхты въ составѣ войска группировались по воеводствамъ и землямъ, въ особые территоріальные полки. Начальниками этихъ полковъ считались мѣстные воеводы [150]), въ Жмудской землѣ—староста [151]), а въ Волынской—маршалокъ земли Волынской. Впрочемъ, видную роль эти военачальники играли только при частныхъ мобилизаціяхъ, когда военнослужилые землевладѣльцы собирались не въ общегосударственное ополченіе, а въ мѣстное, для отраженія врага, угрожавшаго той или другой землѣ [152]).

§ 8.

Въ неодинаковомъ положеніи находились различные классы шляхетскаго сословія и въ отношеніи подсудности. Первостепенныя княжескія и панскія фамиліи, изъ которыхъ набирались паны радные, обыкновенно пользовались привилегіею неподсудности мѣстнымъ правителямъ—воеводамъ, старостамъ и державцамъ. Фактъ этотъ обнаруживается изъ нѣкоторыхъ опредѣленій статута 1529 года и частныхъ указаній различныхъ актовъ. Первый артикулъ VI раздѣла статута 1529 г. опредѣлялъ, что за неправый судъ каждый державца можетъ быть позванъ «перед воеводу повету своего» и повиненъ передъ нимъ «суд свой оказывати», за исключеніемъ пановъ радныхъ, воеводъ и старостъ, «которые не сут в поветех»: такіе державцы отвѣчаютъ «на першом сойме або на року земском», т. е. передъ господаремъ и па-

---

[148]) Раздѣлъ II, арт. 2.

[149]) Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 27.

[150]) См. выше, стр. 293.

[151]) Акты Зап. Рос. III, № 14 (стр. 40), 24 (ст. 101).

[152]) См., напр., относительно маршалка Волынской земли Archiwum Sanguszków IV, № I, LXV, LXXXI, LXXXII; Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 96—97; XLV, л. 15.

нами-радою, собравшимися на сеймъ экстренный или судовый. Статутъ предписывалъ вызывать на судъ «панов, которые не судятся у поветех», господарскими «позвами» за четыре недѣли до срока какъ изъ Литвы, такъ и изъ земель далекихъ—Кіевской, Волынской, Полоцкой, Витебской, Жмудской (арт. 4 шестого раздѣла). Судовые сеймы пановъ-рады установлялись статутомъ главнымъ образомъ для разбирательства исковъ шляхты къ панамъ и тяжебъ пановъ между собою (арт. 5 того же раздѣла). Поэтому паны отказывались становиться на судъ повѣтовыхъ урядниковъ, когда ихъ приглашали на этотъ судъ. Въ 1558 году дворянинъ господарскій панъ Степанъ Сопега позвалъ на судъ судей Городенскаго повѣта брата своего Димитрія. Послѣдній заявилъ судьямъ: «я не повиненъ пану Степану передъ вами, судьями, отказывати с тыхъ причинъ, ижъ дей с предковъ своихъ не есть поветницы и в каждыхъ земскихъ речахъ о войны и о серебщизны и о иншие речи, особливые речи (листы?) господарьские до домовъ Сопежиныхъ завжъды писаныи бываютъ отъ господара его милости, што дей естъ вамъ самымъ и всимъ явно и подобно того и в справахъ тутошнихъ судовыхъ не есть, абы ся коли в томъ повете Сопегъ суживали, кроме комисей господарьскихъ, где дей ихъ милость панове воеводове Троцкие суживали не обычаемъ поветнымъ, але за комисеею господарьскою насъ завжды суживали»[153]. Первостепенные паны радные обыкновенно освобождались отъ подсудности повѣтовымъ урядникамъ даже и съ тѣхъ имѣній, которые они получали изъ состава военнослужилыхъ имѣній того или другого повѣта, или державы. Такимъ образомъ, напр., король Сигизмундъ въ 1517 году 2 ноября выдалъ пану Николаю Николаевичу Радивилу привилей, коимъ навсегда освобождалъ его самого и всѣхъ его потомковъ отъ подчиненія и подсудности повѣтовымъ урядникамъ съ имѣнья Ванева, пожалованнаго ему еще покойнымъ королемъ Александромъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Ганязя и Райгрода, пожалованныхъ ему самимъ Сигизмундомъ въ томъ же повѣтѣ. Въ силу этого привилея панъ Николай Радивилъ и его потомки по жалобамъ на нихъ или людей ихъ изъ этихъ имѣній должны были отвѣчать не передъ кѣмъ инымъ, какъ только передъ господаремъ или его комиссарами, спеціально для того назначенными[154]. По-

---

[153]) Акты Виленской Коммиссіи, т. XXI, № 553.

[154]) Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 175—177: «ab omni iurisdictione, cohertione et angaria caeterisque seruitijs, quibuscunque nominibus vociferentur, et alimentorum seu stationum provisione palatinorum, castellanorum, capitaneorum, marschalcorum et pignoratorum alias dziecki ab eisque

добныя изъятія были распространены въ отношеніи къ панамъ раднымъ и высшему духовенству. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года шляхта-рыцарство просила было короля установить, чтобы паны-рада и «вси преложоные духовные» съ имѣній своихъ, которыя держатъ подъ земскимъ правомъ, отвѣчали передъ повѣтовыми судьями. Но господарь на отрѣзъ отказалъ въ этомъ и заявилъ, что онъ не станетъ заводить такой новости въ своемъ государствѣ: никогда передъ тѣмъ не бывало, чтобы паны радные и духовные іерархи отвѣчали передъ повѣтовыми урядниками, и впредь этого не будетъ; паны радные и духовные іерархи будутъ отвѣчать шляхтѣ «о кривды» передъ самимъ господаремъ, а въ его отсутствіе передъ панами-радою, «на рокахъ судовыхъ господарьскихъ великихъ, о святомъ Мартинѣ»[155]). Отклонивъ просьбу шляхты, господарь продолжалъ выдавать панамъ спеціальные привилеи, освобождавшіе ихъ отъ подсудности повѣтовымъ урядникамъ. Такимъ образомъ, напр., 30 сентября 1558 года король выдалъ привилей вдовѣ покойнаго воеводы Витебскаго пана Станислава Петровича Кишки, Ганнѣ Радивиловнѣ, и ея дѣтямъ, коимъ изъялъ всѣ ихъ подляшскія имѣнья[156]) изъ присуда повѣтовъ земли Подляшской и включилъ ихъ «у право посполитое земское» великаго княжества Литовскаго. Привилей гласилъ: «съ которыхъ именей пани воеводиная и сынове ее въ томъ праве Подляское земли неповинни вжо отъ того часу никому отповедати и передъ судомъ становитися, але судити и справоватися будуть звыклымъ правомъ у великомъ князьстве Литовскомъ передъ нами господаремъ, а въ небытности нашой у-въ ономъ паньстве, ино передъ паны радами нашыми ихъ милостью, *яко зъ инишыхъ именей своихъ они повинни передъ судомъ становитися*»[157]).

---

in id minesterium deputatorum seu surrogatorum, et generaliter ab omnibus et singulis officialibus, magistratibus tam terrestribus, quam etiam curiae nostrae, iuribusque et consuetudinibus districtruum eximimus, libertamus, itaque de se quaerulantibus non coram alio, quam coram nobis successoribusque nostris aut nostris et illorum commissarijs, ad id specialiter deputatis, per literas nostras evocati tam ipse Nicolaus cum coniuge et legittima posteritate sua et incolis praedictorum bonorum tenebitur et tenebuntur respondere».

[155]) Акты Зап. Рос. III, № 11, просьба 12. Срав. тамъ же, № 13, просьба 3; № 24, просьба 6.

[156]) «Угровъ и села къ нему прислухаючис: Рухна, Гартыполы, Вархолытопича, Якимовичи, Борыхи, Жужолка, Кавечинъ а место Соколовъ, такъ же съ селами Земпковомъ и Деретномъ».

[157]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 188.

Далеко, однако, не всѣ князья и паны пользовались правомъ не судиться въ повѣтахъ, передъ мѣстными правителями. Поэтому и въ привилеѣ Кіевской земли читаемъ: «А о грабежи безправные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь, або панъ, або человѣкъ нашъ пожаловалъ нашому воеводѣ на князя, або на пана, або на боярина Кіевского: ино ему обослати его листомъ, абы передъ нимъ къ праву сталъ; а пакъ ли бы на листъ его не сталъ, ино послати дѣцкого и поставити къ праву, и, сѣдшы съ князи и съ бояры Кіевскими, того досмотрѣти: и хто въ томъ останетъ виненъ, на виноватомъ суженое отправити»[158]). Подобныя опредѣленія встрѣчаемъ и въ привилеѣ Волынской земли[159]). Нѣкоторые князья и паны судились не только главными правителями областей, воеводами и старостами, но и державцами тѣхъ самыхъ повѣтовъ, гдѣ они пріобрѣли имѣнья «подъ земскимъ правомъ». Въ заставномъ листѣ, выданномъ 25 апрѣля 1518 года пану Богушу Боговитиновичу на Каменецъ, Сигизмундъ между прочимъ гарантировалъ ему: «А которыи князи и панове, и земяне, и духовные имѣнья свои маютъ въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маетъ судити и радити подлугъ того, какъ первыи державцы Каменецкіе»[160]). Къ числу нихъ навѣрное принадлежали измельчавшіе князья и паны, выставлявшіе свои почты подъ хоругвями повѣтовыми и въ повѣтовыхъ отрядахъ бояръ и земянъ шляхты[161]), а по всей вѣроятности также и нѣкоторые крупные землевладѣльцы, выводившіе свои почты подъ собственными хоругвями.

Бояре и земяне-шляхта, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ въ разныхъ повѣтахъ, и судились обыкновенно въ этихъ повѣтахъ. Здѣсь судьями ихъ являлись прежде всего мѣстные господар-

---

[158]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

[159]) Тамъ же, № 54.

[160]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 28.

[161]) Такихъ князей и пановъ встрѣчаемъ не мало въ земскомъ «пописѣ» 1528 года. По этому «попису» въ составѣ бояръ-шляхты Новгородскаго повѣта являются: князь Иванъ Крошинскій (2 коня), князь Иванъ Лиходіевскій (конь), панъ Колпеницкій (6 коней); въ отрядѣ Мойшакгольскаго повѣта—князь Глинскій (конь); въ отрядѣ Ейшишскомъ—князь Павелъ Бердибяка (конь), князь Василій Лыко (2 коня); въ отрядѣ Мерецкомъ—кн. Богушъ Масальскій (5 коней); въ Василишскомъ—кн. Михайло Лукомскій (2 коня), кн. Василій Масальскій (4 коня); въ Остринскомъ—князь Семенъ Лукомскій (конь), князь Петръ (конь), кн. Юрій Лукомскій (конь); въ Городенскомъ—панъ Михаилъ Халецкій и т. д. (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 26—34, 51—53, 79—83, 88—95).

скіе намѣстники-державцы. Указанія на это во множествѣ разсѣяны въ актахъ первой половины XVI в. Такимъ образомъ, напр., въ заставномъ листѣ на дворъ Оникшты, выданномъ 7 января 1516 года пану Миколаю, старостичу Жмудскому, встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующую гарантію: «А бояръ нашихъ Оникштинскихъ маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ»[162]). Подобныя же гарантіи встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ томъ же году на разные господарскіе дворы и волости, напр., въ заставныхъ листахъ на Волкиники и Лепунь, на Довкги, а также въ заставныхъ листахъ, выданныхъ въ 1518 году на дворы Василишки и Стоклишки[163]). Юрисдикцію державцевъ наравнѣ съ юрисдикціею старостъ и воеводъ по отношенію къ боярамъ и земянамъ-шляхтѣ предполагалъ и статутъ 1529 года, предписывая всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ выбирать двухъ земянъ добрыхъ и вѣры годныхъ для ассистированія на судѣ ихъ намѣстниковъ и маршалковъ въ отсутствіе самихъ воеводъ, старостъ и державцевъ[164]). Статутъ только оговаривалъ, что новые державцы, недавно названные державцами, а прежде именовавшіеся тивунами, не имѣютъ права привлекать бояръ-шляхту къ своему суду. Бояре ставятся передъ ними на судъ по своей доброй волѣ; а если не захотятъ, могутъ отозваться до воеводы или старосты, «в котором повете хто з них будетъ», и державцы не должны имъ возбранять этого[165]). На неправый судъ державцевъ бояре и земяне шляхта могли жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находилась держава; если же державцею былъ кто-либо изъ пановъ радныхъ, воеводъ и старостъ, не судившійся въ повѣтахъ, тогда жалоба должна была подаваться самому господарю или панамъ-радѣ на ближайшій сеймъ или на «рокъ земскій» (судовый сеймъ)[166]). Въ Жмудской землѣ роль главнаго судьи для бояръ-шляхты игралъ мѣстный староста, который въ данномъ отношеніи пользовался тѣми же правами и полномочіями,

---

[162]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 26.

[163]) Тамъ же, стр. 625.

[164]) Раздѣлъ VI, арт. 3.

[165]) Раздѣлъ VI, арт. 33. Вотъ почему и тяжбу боярина Ошменскаго Юрія Сташковича съ бояриномъ же Павломъ Янковичемъ «о примовку ему до шляхетства» разбиралъ воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ (1522—1539), а не одинъ изъ тогдашнихъ державцевъ (Миколай и Янъ Заберезинскіе, Еронимъ Ходкевичъ). См. Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 30—32.

[166]) Раздѣлъ VI, арт. 1.

какъ и воеводы Виленскій и Троцкій [167]). Для разбора претензій шляхты къ тивунамъ и тивуновъ къ шляхтѣ, тяжебъ тивуновъ между собою и жалобъ господарскихъ подданныхъ на шляхту и тивуновъ устава 1529 г. опредѣлила четыре съѣзда въ году, на которые должны были съѣзжаться староста и тивуны и разбирать всѣ накопившіяся дѣла [168]). Подобные же суды отправлялись и въ Волынской землѣ на областныхъ сеймахъ, на которые съѣзжались мѣстныя должностныя лица, князья, паны и земяне. Здѣсь, кромѣ сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, выдвигавшихъ вопросы не только о приложеніи права, но и о самомъ правѣ, заставлявшихъ не только судить, но и вмѣстѣ законодательствовать, разбирались также и дѣла по аппеляціи отъ суда мѣстныхъ судей. Первое мѣсто на этихъ судахъ принадлежало вообще старостѣ «столечного» города земли—Луцка [169]). Но когда предстояло разбирать дѣла по аппелляціи отъ суда мѣстныхъ судей, предсѣдательствовалъ уже маршалокъ земли Волынской. Въ привилеѣ на эту должность, выданномъ князю Ѳедору Андреевичу Сангушковичу 1 января 1535 года, читаемъ поэтому: «А што ся дотычеть отзыванья в судехъ подданымъ нашимъ, кому бы ся с крывдою видело, тогды вольно будеть кождому князю и пану и земяномъ отозватися до него, маршалка земъского, потому, яко передъ тымъ за предковъ и за отца его небожчика князя Андрея Александровича, бывало» [170]). Этотъ судъ маршалокъ производилъ не единолично, а такъ же, какъ и староста

[167]) Въ привилеѣ на староство Жмудское, выданномъ 10 ноября 1532 года пану Петру Станиславовичу Кишкѣ, послѣ перечисленія дворовъ и волостей, которыя господарь оставлялъ въ своемъ «подаваньѣ», читаемъ: «А панъ староста своихъ наместниковъ и тивуновъ, и поседы ани жадныхъ податковъ въ тыхъ дворехъ и волостехъ не маеть мети, але, кгдысь кто отзоветь у право передъ пана старосту, онъ маеть таковыхъ судити и рядити и на непослушныхъ децкихъ своихъ посылати и въ присуде своемъ яко тивуновъ, такъ и всю землю Жомоитскую маеть мети водлугъ давного обычая, какъ у правехъ ихъ выписано; и какъ тежъ панове воеводы наши Виленский и Троцкий у великомъ князстве ся справують зъ двори нашими Виленскими и Троцкими, онъ потому жъ маеть ся справовати тамъ въ земли Жомоитской» (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 269—271).

[168]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[169]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—872.—Панья Тенчинская, выпросившая у короля Александра нѣсколько селъ *во Владимірскомъ повѣтѣ*, «обо вси кривды мѣла права доступать *передъ старостою Луцкимъ*». См. Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 101 (стр. 89).

[170]) Archiwum Sanguszków IV, № I.

Луцкій,—съ владыкою, князьями и панами [171]), и скорѣе всего па областныхъ сеймахъ, когда, вообще рѣшались всякія судебныя и другія «земскія дѣла». За свой трудъ маршалокъ получалъ въ свою пользу половину пересуда, такъ же, какъ и староста Луцкій [172]).—Подсудность рыцарства шляхты державцамъ, старостамъ и воеводамъ, какъ она обрисовывается по статуту 1529 г. и другимъ современнымъ источникамъ, въ существенныхъ чертахъ просуществовала до самаго введенія гродскихъ и земскихъ судовъ (на основаніи Бѣльскаго привилея 1564 г.). Изъ жалобы, поданной земянами Вѣницкими въ 1551 году на своего старосту князя Богуша Корецкаго, видно, что земяне судились не только у самого старосты, но и у его урядника (намѣстника) [173]). Точно такъ же судилъ мѣстныхъ земянъ и староста Кременецкій, между прочимъ «о некоторые розницы и зайстья о земли, дубровы и сеножати», какъ это видно изъ господарскаго листа отъ 15 января 1554 года, выданнаго земянину Ивану Березецкому [174]). Отдавая кн. Юрью Юрьевичу Слуцкому замокъ Пинскъ въ заставу, въ случаѣ неуплаты въ срокъ занятыхъ еще у отца его 7000 копъ грошей, король Сигизмундъ-Августъ писалъ въ своемъ листѣ (отъ 4 іюня 1559 года): «И державчи тотъ замокъ нашъ Пинскій въ той суме пенезей, князь Юрей тою жъ владностью моцы и звирхности нашое господарское, яко иные старостове, отъ насъ постановленые, земянъ шляхту оного повету правомъ посполитымъ земскимъ въ ихъ справахъ на томъ замку судити... маеть» [175]). Отдавая въ 1561 году тому же князю Юрью Слуцкому замокъ Бобруйскій съ волостью въ заставу въ 12000 копахъ грошей, Сигизмундъ-Августъ въ своемъ заставномъ листѣ предоста-

---

[171]) Поэтому-то владыка Луцкій, князья и паны Волынской земли и вступались въ доходъ маршалка, т. е. помочное, или пересудъ, который приходился въ половинной долѣ на маршалка. Archiwum Sanguszków III, № CCLV.

[172]) Archiwum Sanguszków III, № CCXCIV, CCCIV.

[173]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 120—122: «И къ тому дей ты берешъ на нихъ самыхъ и на подданыхъ ихъ помочные непомерные, отъ копы по шести грошей, чого дей передъ тымъ не бывало тамъ; нижли, естли бы хто кого въ которой суме пенезей передъ тобою утегалъ, тогды помочного маеть дати три гроши, а коли ся оттежеть, тогды тежъ паметного три гроши дати маеть... А служебнику врадника твоего дванадцать грошей они за то дають, где они слугъ его на тые потребы свои (поднятье шапки на судѣ, опросъ свидѣтелей) въ него берутъ, а того дей передъ тымъ не бывало...

[174]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 137—139.

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 241—242.

влялъ ему между прочимъ «и бояръ шляхту оного замку въ присуде своемъ мети»[176]) и т. д.

Въ одной только области Литовско-Русскаго государства, бояре и земяне шляхта были на особомъ положеніи въ отношеніи подсудности, именно на Подляшьѣ. Здѣсь уже въ XV вѣкѣ дѣйствовали въ этомъ отношеніи польскіе порядки, и мѣстные бояре и земяне-шляхта судились особыми земскими судьями, избранными изъ ихъ же среды, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ такъ называемыхъ старостинскихъ артикуловъ [177]), т. е. разбоя и грабежа на дорогѣ, нападенія на домъ, изнасилованія женщины и поджога [178]). Эти земскіе урядники (судья, подсудокъ, писарь и подкоморій) de jure избирались самими земянами на мѣстныхъ сеймикахъ и утверждались господаремъ [179]), но на практикѣ нерѣдко прямо назначались господаремъ, безъ предварительнаго избранія самими земянами, либо по простому челобитью того или другого земянина [180]), либо по ходатайству вліятельныхъ лицъ [181]). Впрочемъ, такое нарушеніе земскихъ привилеевъ не всегда имѣло мѣсто, и господарь назначалъ на земскіе уряды въ Подляшскіе повѣты и лицъ, избранныхъ мѣстными земянами. Таковы были, напр., Войтехъ Кореневскій, назначенный писаремъ земскимъ Мельницкаго повѣта 17 мая 1534 года по ходатайству королевы Боны и по просьбѣ судьи, подсудка и всѣхъ земянъ Мельницкаго повѣта [182]); земянинъ Алексѣй Кросновскій, назначенный подкоморіемъ Мельницкимъ 8 августа 1548 г. по просьбѣ пословъ Мельницкаго повѣта, предъявленной господарю отъ имени всей шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1547 года [183]) и т. д.

Итакъ, существовали нѣкоторыя различія въ сферѣ подсудности даже одного и того же разряда шляхетскаго сословія—бояръ и зе-

---

[176]) Тамъ же, л. 482—483.

[177]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 19, 20, 637, 638.

[178]) Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 64.

[179]) Zbiór praw litewskich, str. 118—124.

[180]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 14; Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 485, 486; XXIV, л. 121; XXXI, л. 11, 88.

[181]) Такимъ образомъ, напр., въ 1531 году 12 іюня Сигизмундъ выдалъ земянину Миколаю Корицкому листъ на полученіе подсудства Бѣльскаго по смерти здраствовавшаго въ то время Андрея Рытеля по ходатайству королевы Боны и пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 83, 84).

[182]) Литов. Метр. кн. XVII, л. 488.

[183]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 216—217.

мянъ, державшихъ свои имѣнья подъ господаремъ. Что касается бояръ и земянъ, державшихъ свои имѣнья подъ князьями и панами, то они подсудны были, какъ и другіе «подданные» князей и пановъ, этимъ послѣднимъ. Поэтому, когда княгиня Елена Заславская съ сыномъ Кузьмою пожаловались королю Сигизмунду, что урядникъ кн. Ильи Острожскаго Тупило съ другими слугами его, наѣхавъ «моцно, кгвалтомъ», съ пушками, гаковницами и ручницами на замокъ ихъ Заславль, слугъ и людей ихъ побилъ и поранилъ «и многии шкоды» починилъ, король написалъ кн. Ильѣ (16 февраля 1536 года), чтобы онъ «на тых бояр и слуг и людей» своихъ «право ему (кн. Кузьмѣ) и справедливость вчинилъ»[184]. Поэтому же и бояринъ господарскій Витебскаго повѣта Михно Плюсковъ жаловался въ 1530 году на боярина Сервечскаго Ивана Бороду «о кони» не господарю великому князю, а пану Яну Юрьевичу Глѣбовича, владѣльцу Сервечи[185]. Княжескіе и панскіе бояре привлекались на судъ господаря лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы не давали на нихъ суда и управы, по общему положенію относительно княжескихъ и панскихъ подданныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда княжескія и панскія имѣнья спадали на господаря, шляхта, имѣвшая въ нихъ осѣдлость, поступала въ присудъ тѣхъ лицъ, которымъ господарь отдавалъ эти имѣнья въ держанье. Поэтому и замокъ Ковель[186] король Сигизмундъ-Августъ заставилъ въ 1560 г. 17 окт. пану Тарлу «со всими платы, доходы, пожытки, зъ серебщызнами, *и особливе съ присудомъ бояръ-шляхты*»[187].

§ 9.

Какъ уже было сказано выше, за всѣми разрядами шляхетскаго сословія было признано право участія въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ на великихъ вальныхъ соймахъ. Но этимъ общимъ правомъ они пользовались не въ одинаковой мѣрѣ, а нѣкоторые и совсѣмъ не пользовались. Крупные землевладѣльцы, князья и паны, независимо отъ того, занимали ли они или не занимали какія-

---

[184]) Archiwum Sanguszków IV, № XXIV.

[185]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 2—3.

[186]) Замокъ Ковель былъ отданъ его вотчинникомъ кн. Василіемъ Михайловичемъ Сангушкомъ королевѣ Бонѣ въ 1543 г. въ обмѣнъ на имѣнья Обольцы, Горволь и Смоляны, а по отъѣздѣ Боны въ Италію спалъ на господаря. См. *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 450.

[187]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 408—409.

либо государственныя должности, вызывались на сеймы лично. Такимъ образомъ, напр., на Виленскій сеймъ 1534 года вызывались: воевода Виленскій Альбрехтъ Мартиновичъ *Гаштольдъ;* воевода Троцкій Янъ Яновичъ *Заберезинскій;* панъ Виленскій Юрій Миколаевичъ *Радивилъ;* панъ Троцкій Петръ Станиславовичъ *Кишка;* бискупъ Виленскій Янъ, изъ *князей Литовскихъ*; бискупъ Луцкій кн. Павелъ *Гольшанскій;* бискупъ Жмудскій; воевода Новгородскій Станиславъ Альбрехтовичъ *Гаштольдъ*; воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ *Глѣбовича;* воевода Витебскій Матей Войтеховичъ *Клочко;* воевода Кіевскій Андрей *Немировичъ*; подчашій Янъ Миколаевичъ *Радивилъ;* крайчій Григорій Григорьевичъ *Остиковича;* державца Горвольскій кн. Юрій Ивановичъ *Дубровицкій;* староста Луцкій кн. Ѳедоръ Михайловичъ *Черторыйскій;* староста Владимірскій кн. Ѳедоръ Андреевичъ *Сангушковичъ;* староста Браславскій и Вѣницкій кн. Илья *Острожскій;* подскарбій дворный Иванъ Андреевичъ *Солтанъ;* подскарбій земскій Иванъ *Горностай;* державца Мстиславскій Юрій *Зеновьевичъ;* державца Оршанскій кн. Ѳедоръ Ивановичъ *Жеславскій;* державца Могилевскій кн. Василій Ивановичъ *Соломерецкій;* державца Рѣчицкій кн. Александръ Михайловичъ *Вишневецкій;* маршалокъ, староста Берестейскій, державца Остринскій, Вилькейскій и Кнышинскій Александръ Ивановичъ *Ходкевича;* конюшій Василій *Чижъ;* подкоморій Миколай *Пацъ;* староста Пинскій Иванъ Михайловичъ; маршалокъ, державца Браславскій, Павелъ *Сопега;* маршалокъ Александръ *Солтановичъ*; маршалокъ, державца Минскій, Янъ Стецковичъ *Цыбулька;* маршалокъ, державца Любошанскій, Юрій Немировичъ; маршалокъ Юрій Григорьевичъ *Остикъ* (Сирпутій); маршалокъ Миколай *Щитъ*; секретарь Станиславъ *Скопъ;* тивунъ Виленскій Шимко Мацкевичъ; писарь Станиславъ *Коморовскій;* секретарь Павелъ *Нарушевичъ;* чашникъ Войтехъ *Андрушевичъ*; маршалокъ, державца Жолудскій, кн. Василій Андреевичъ *Полубенскій* и, кромѣ того: кн. Юрій Семеновичъ *Слуцкій*, не занимавшій никакой должности, всѣ князья *Друцкіе*, всѣ князья *Лукомскіе*, князья *Свирскіе*, князья *Кгедройтскіе*, князья *Сангушковичи*, *Збаражскіе*, *Заславскіе*, *Корецкіе*, паны *Ходкевичи*, паны *Зеновьевичи*, *Кухмистровичи*, *Хребтовичи*, панъ Остафій (*Яцыничъ*, выставлявшій по переписи 1528 года 17 коней), панъ Янъ Петровичъ *Пенко* (выставлявшій по переписи 1528 годъ 19 коней), панъ Лавринъ *Вольскій* [188]). Двадцать

---

[188]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 96—99; *Bonieckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego; Kniaziowie litewsko-ruscy.

лѣтъ спустя видимъ то же самое. На Виленскій сеймъ 1554 года вызывались особыми листами: бискупъ Виленскій кн. Павелъ *Гольшанскій*, бискупъ Луцкій Валерьянъ Протасовичъ *Сушковскій*, бискупъ Жмудскій Венцлавъ; воевода Виленскій, маршалокъ земскій, Миколай Яновичъ *Радивилъ*, воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ *Радивилъ*, панъ Троцкій Еронимъ Александровичъ *Ходкевича*, воевода Витебскій, подкоморій, Григорій Александровичъ *Ходкевича*, воевода Кіевскій кн. Фридрихъ Глѣбовичъ *Пронскій*, воевода Новгородскій, маршалокъ дворный, Иванъ *Горностай*, воевода Подляшскій Миколай *Нарбутъ*, маршалокъ земли Волынской, староста Владимірскій, кн. Василій-Константинъ *Острожскій*, крайчій Миколай *Кишка*, стольникъ кн. Семенъ Юрьевичъ *Дубровицкій*, кухмистръ Войтехъ *Ясеньскій*, конюшій и подконюшій Виленскій Юрій *Волчковичъ*, конюшій Городенскій, конюшій дворный Ярошъ *Корыцкій*, конюшій Троцкій, маршалки: Василій *Тишковичъ*, кн. Иванъ Андреевичъ *Полубенскій*, панъ Богданъ *Семашко*, Янъ *Шимковичъ*, Петръ *Нарбутъ*, Оникей *Горностай*, Криштофъ *Зовиша*, кн. Ярославъ Матѳеевичъ *Микитиничъ*, панъ Иванъ Александровичъ *Солтановичъ*, панъ Василій Петровичъ *Загоровскій*, панъ Павелъ Ивановичъ Сопега; староста Луцкій кн. Андрей Михайловичъ Сангушковичъ *Коширскій*, староста Кременецкій Петръ *Семашко*, хоружій земли Волынской, и кромѣ того, князья: *Слуцкіе, Пронскіе, Чорторыйскіе, Вишневецкіе, Четвертеньскіе, Ружинскіе, Сангушковичи, Збаражскіе, Курцевичи, Любецкіе, Друцкіе, Соколинскіе, Крошинскіе, Лукомскіе, Жилинскіе, кн. Андрей Ивановичъ Нелединскій;* панята: *Сирпутьевичи, Сологубовичи, Щитовичи, Довойновичи, Глѣбовичи, Завишичи, Немировичи, Хребтовичи, Воловичи, Зеновьевичи, Сопеги, Пацевичи, Шеметовичи*, старостичъ Пинскій [189]). Обозрѣвая этотъ перечень, видимъ, что на сеймы вызывались лично почти все тѣ же крупные землевладѣльцы шляхетскаго сословія, которые по переписи 1528 года выставляли самые крупные «почты», и которые вызывались на войну особыми листами, какъ вожди особыхъ хоругвей. На ряду съ ними вызывались на сеймы и вожди средней и мелкой шляхты, державшей имѣнья подъ господаремъ, т. е., хоружіе и тивуны Жмудскихъ волостей, выходившіе изъ среды той же шляхты. Что касается самой этой шляхты, то и она первоначально приглашалась на сеймы viritim, хотя, едва ли вся съѣзжалась на самомъ дѣлѣ. Но съ теченіемъ времени, какъ уже было сказано выше, признано было неудоб-

---

[189]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 97—100; *Boniеckiego* Poczet rodów; *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze; Kniaziowie litewsko-ruscy.

нымъ собирать на сеймы всю шляхту, и организовано было извѣстное представительство ея. На сеймы стали ѣздить двое шляхтичей отъ каждаго повѣта по выбору своей братьи. Впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не возбранялось ѣздить на сеймы и другимъ шляхтичамъ, кто хотѣлъ. Кромѣ того, шляхта принимала по временамъ массовое участіе въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, именно, когда эти совѣщанія устраивались въ военномъ станѣ. Но это были сравнительно рѣдкіе и исключительные случаи. Чаще же шляхта представлялась на сеймахъ своими хоружими (въ Жмудской землѣ тивунами) и повѣтовыми послами. Но такъ какъ еще не существовало обычая предварительно оповѣщать шляхту въ подробностяхъ, зачѣмъ собирается сеймъ (объ этомъ господарь писалъ обыкновенно только панамъ-радѣ), то и шляхта не имѣла еще возможности при выборѣ своихъ пословъ обсуждать предстоящіе вопросы и пересылать съ послами свои мнѣнія. Она должна была въ настоящемъ случаѣ полагаться главнымъ образомъ на своихъ пословъ и безпрекословно принимать рѣшенія сейма. По этой части, слѣдовательно, шляхта находилась въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ князья и паны, лично собиравшіеся на сеймы и подававшіе на нихъ свои голоса. Но еще въ менѣе выгодномъ положеніи находилась та часть шляхты, которая держала имѣнья подъ князьями и панами и не имѣла таковыхъ подъ господаремъ. По актамъ совершенно не видно, чтобы эта шляхта участвовала на сеймахъ. Очевидно, на нее смотрѣли, какъ на зависимый классъ, не имѣющій свободнаго голоса и въ достаточной степени представляемый на сеймахъ своими «панами».

§ 10.

Изъ всего, что разсказано въ послѣднихъ двухъ главахъ, читатель можетъ видѣть, что въ нѣдрахъ благороднаго военнослужилаго сословія Литовско-Русскаго государства въ связи съ экономическимъ неравенствомъ создалось и держалось неравенство юридическое и политическое. Крупнѣйшіе землевладѣльцы этого сословія изъ извѣстныхъ княжескихъ и панскихъ фамилій отправляли военную службу особо отъ рыцарства-шляхты, не состояли вмѣстѣ съ нимъ подъ начальствомъ повѣтовыхъ хоружихъ и не несли никакихъ расходовъ на этихъ должностныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ даже и не судились въ повѣтахъ воеводами, старостами, державцами и земскими судьями (на Подляшьѣ), а только самимъ господаремъ, панами-радою или спеціальными комиссарами господаря, тогда какъ рыцарство-шляхта привлекалось обыкновенно къ суду вышеупомянутыхъ

мѣстныхъ судей. Князья и паны извѣстнаго круга замѣщали большую часть государственныхъ должностей, наполняли господарскую раду, которая играла такую важную роль въ высшемъ управленіи и доминировали на великихъ вальныхъ соймахъ, созывавшихся для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ государственной жизни великаго княжества. Бояре и земяне-шляхта замѣщали сравнительно не много, и при томъ чисто второстепенныхъ, государственныхъ должностей, чрезвычайно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, проникали въ лавицу рады господарской, а на великихъ вальныхъ соймахъ большею частью подчинялись рѣшеніямъ своей «старшей братьи», т. е., князей и пановъ. Такой порядокъ вещей по временамъ давалъ себя тяжело чувствовать какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ рыцарства-шляхты, такъ и всему классу. Убогіе бояре и земяне-шляхта сплошь и рядомъ должны были сносить обиды и насилія отъ вельможныхъ князей и пановъ и отказываться отъ возстановленія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, такъ какъ для этого надо было доходить до самого господаря или пановъ-рады, не будучи при томъ увѣреннымъ въ безпристрастіи этихъ послѣднихъ къ отвѣтчикамъ изъ ихъ же собственнаго круга. Неудивительно поэтому, если бояре и земяне-шляхта по временамъ «для обороны» закладывались съ своими имѣньями за вельможныхъ князей и пановъ, своихъ сосѣдей, надѣясь такимъ путемъ избѣжать обидъ и насилій отъ нихъ самихъ, ихъ урядниковъ и «подданныхъ», а равно обезпечить себѣ защиту отъ обидъ и притѣсненій со стороны другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ [190]). Отъ магнатовъ, составлявшихъ господарскую раду, исходили по временамъ рѣшенія и

---

[190]) Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ на 624 и 625 стр. нашей книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства» приведемъ еще слѣдующее заявленіе одного акта отъ 24 августа 1560 г.: «Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ Кгераноинский Грышко Комаевичъ и зъ братьею своею о томъ, ижъ дей кухмистръ нашъ, державца Ушпольский, Пенянский, Ожский и Переломский панъ Войтехъ Ясеньский, держачи отъ насъ замокъ Кгераноинский и менуючи ихъ нешляхтою, земли именья ихъ Кузева на волоки померыти казалъ и одно дей пять волокъ за то имъ дати казалъ и съ тыхъ цыншъ платити велелъ, а они деи суть здавна *бояре шляхта повету Лидского, одно за небощыка пана Олбрахта Мартиновича Кгаштолта для обороны съ тымъ именьемъ у службу поддалися до Кгераноинъ*. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при вольности шляхетской зоставили». Король исполнилъ просьбу и далъ соотвѣтствующее распоряженіе державцѣ Кгераноинскому Ярошу Корицкому и ревизору Яну Стецковичу (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 386—387).

постановленія, которыя рыцарство-шляхта считало для себя обременительными. Такова была, напр., военная устава, изданная на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года господаремъ и панами-радою, «безъ оповѣданья и призволенья» другихъ становъ сейма. Рыцарство-шляхта жаловалось на эту уставу, какъ на «тяжкія бремена», возложенныя на него, безъ его согласія.

Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ польскаго рыцарства-шляхты, литовско-русскіе бояре и земяне должны были еще болѣе проникаться чувствомъ недовольства на свои домашніе порядки. Въ Польшѣ уже не было такого юридическаго и политическаго неравенства между магнатами и рыцарствомъ-шляхтою, какое царило въ Литвѣ. Тамъ не было землевладѣльцевъ, которые не судились въ своихъ повѣтахъ: на всѣхъ можно было тамъ искать суда и управы частью у земскихъ судей, избранныхъ всѣми землевладѣльцами повѣта, частью у мѣстныхъ гродовыхъ и генеральныхъ старостъ, а также на судебныхъ съѣздахъ всѣхъ судей воеводства, или такъ называемыхъ «вѣчахъ»[191]). Безъ предварительнаго обсужденія на повѣтовыхъ сеймикахъ шляхты, безъ участія ея пословъ на вальныхъ сеймахъ не рѣшались сколько-нибудь важные вопросы государственной жизни, не издавались никакія новыя постановленія и законы[192]). Всѣ эти преимущества польской шляхты не могли оставаться въ тайнѣ отъ литовско-русскихъ бояръ и земянъ. Личная унія, фактически установившаяся между Польшею и Литвою, обусловила живое и тѣсное общеніе между подданными обоихъ государствъ. Литовско-русскіе бояре и земяне-шляхта ѣздили по дѣламъ къ своему господарю не только въ Вильну, но и въ Краковъ, завязывали съ поляками знакомство и даже семейныя связи. Съ другой стороны и польскіе шляхтичи пріѣзжали къ своему королю по дѣламъ или въ его свитѣ въ Литву и здѣсь также заводили знакомство и родственныя связи. При такихъ условіяхъ литовско-русскіе бояре и земяне-шляхта на могли оставаться въ невѣдѣніи, какіе порядки существуютъ въ Польшѣ. Съ этими порядками они могли знакомиться отчасти даже въ предѣлахъ великаго княжества, именно на Подляшьѣ, гдѣ дѣйствовали польское право и учрежденія. Сравненіе ихъ съ домашними литовскими, говорило имъ не въ пользу послѣднихъ, и поэтому естественно, что въ литовско-русскомъ рыцарствѣ-шляхтѣ рано или поздно должно было пробудиться стремленіе къ уравненію своего положенія въ государствѣ съ положеніемъ польской шляхты. По усло-

---

[191]) *O. Balzera* Geneza trybunału koronnego, str. 80.
[192]) Volumina legum I, 137.

віямъ предшествующаго историческаго воспитанія и сложившейся сословно-политической организаціи рыцарства шляхты, это стремленіе не могло остаться на ступени мечты немногихъ наиболѣе развитыхъ личностей, а должно было охватить широкіе круги бояръ и земянъ и выразиться въ прямыхъ и настойчивыхъ просьбахъ и ходатайствахъ отъ лица всего рыцарства-шляхты, чѣмъ—caeteris paribus—и обусловилось въ концѣ концовъ осуществленіе этого стремленія.

Надо сказать, что по отдѣльнымъ областямъ и повѣтамъ литовско-русскіе бояре и земяне уже давно привыкли сговариваться между собою относительно общихъ нуждъ и интересовъ и подавать коллективныя просьбы и жалобы своему правительству. Военная служба, собиравшая бояръ и земянъ въ отряды и полки по мѣсту жительства, областные и повѣтовые съѣзды, или сеймы, на которые бояре и земяне собирались для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, между прочимъ и пословъ на вальные сеймы, для суда и рѣшенія различныхъ вопросовъ мѣстной жизни, такъ или иначе сплотили бояръ и земянъ въ солидарныя общества, чувствительныя къ своимъ интересамъ и всегда готовыя постоять за нихъ. Это обнаруживаютъ многочисленные факты, удостовѣряемые оффиціальными свидѣтельствами актовъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1516 году князья и всѣ Витебскіе бояре приносили жалобу на своего воеводу Януша Костевича, который де поотнималъ у нихъ «чти ихъ, которыи они съ предковъ своихъ мели», а именно: пересталъ совмѣстно съ ними дѣлать всякія земскія дѣла и судить суды, пересталъ дѣлиться съ ними «пересудомъ» (судебною пошлиною) и, наконецъ, сталъ раздавать своимъ слугамъ земскіе уряды, которые прежде всегда раздавались въ держанье Витебскимъ князьямъ и боярамъ, т. е. городничее, конюшее, ключъ, ловчее. Жалоба эта имѣла полный успѣхъ, и господарь, справившись о порядкахъ Витебской земли у одного изъ предшественниковъ Костевича по воеводству, оставилъ Витебскихъ князей и бояръ при старинѣ [193]).

---

[193]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 204—206: «Мають они зъ воеводою Витебскимъ нинешнимъ и потомъ будучими воеводами всякии дела наши земскии посполъ справовати и при нихъ судати и рядити и кождого пересуда первый грошъ мають давати на церковь светого Михаила, а того жъ пересуда половица маеть быти пану воеводе Витебскому, а другая половица княземъ и бояромъ Витебскимъ, которое жъ половицы мають князи и бояре наместнику Витебскому пана воеводину такую жъ делницу давати, какъ имъ и бояромъ, которыи коли при суде будуть; а коли панъ воевода осудить (на себе) вину, тая вина маеть быти на него жъ, а на то местъ пересуда ему ничого не маетъ быти, тая половица, што бы мела на

Въ 1523 году земяне Овруцкіе, обязавшіеся ставить 30 коней на сторожу и пожалованные за то доходами съ Овруцкой корчмы, заявляли правительству, что они не станутъ выставлять этихъ 30 коней, такъ какъ господарь велѣлъ имъ дѣлиться доходами съ корчмы пополамъ съ мѣстными мѣщанами. И это заявленіе привело къ желаемому результату: господарь взялъ назадъ свое жалованье мѣщанамъ и отдалъ доходы съ корчмы полностью земянамъ [194]). Въ 1526 году бояре Городенскіе не захотѣли имѣть у себя хоружимъ дворянина Марка Гриньковича, назначеннаго господаремъ, и пожелали имѣть на этомъ урядѣ мѣстнаго боярина Яна Миколаевича Толонковича. Согласно ихъ заявленію мѣстный староста отдалъ урядъ ихъ избраннику, а господарь утвердилъ распоряженіе старосты [195]).—Въ 1538 году земяне Берестейскаго, Каменецкаго и Мельницкаго повѣтовъ ходатайствовали передъ господаремъ, чтобы онъ поставилъ къ нимъ хоружимъ Марка Заранковича и господарь уважилъ ихъ ходатайство [196]). Въ 1541 году князья, паны и бояре-шляхта повѣта Мстиславскаго ходатайствовали, чтобы господарь освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» мыта при продажѣ ими въ селахъ лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, соли, меда прѣснаго «и иншихъ дробныхъ речей», указывая на то, что благодаря сбору этого мыта «многие люди зъ именей ихъ прочъ ся росходять»; просили кромѣ того, чтобы господарь городничее Мстиславское отдавалъ имъ, а «иншого, обчого, не родича тамошнего» не назначалъ на этотъ урядъ. Господарь исполнилъ эти просьбы во вниманіе къ ихъ особеннымъ «послугамъ», которые они оказываютъ ему и рѣчи посполитой, не жалѣя своей жизни и имущества,—освободилъ ихъ людей отъ платежа «подводнаго» по селамъ [197]) и утвер-

---

него приити, маеть быти наместнику его Витебскому, а другая половица княземъ и бояромъ Витебскимъ, хто зъ нихъ при суде будеть... Мають они тые вышейписаные вряды—городничое, конюшое, ключъ, ловчее держати, кому зъ нихъ мы дадимъ, а воеводы Витебские не мають въ то ни во што ся вступати».

[194]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 32.

[195]) Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прилож. № 42.

[196]) Литов. Метр. кн. Запис. XX, л. 126—127.

[197]) Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 98: «подъ тымъ обычаемъ, ижъ, кгды оные люди у селехъ ихъ будуть кони або быдло и тежъ медъ пресный и соль продавати, тогды жадного мыта мытникамъ Мстиславскимъ отъ того не повинни давати, а мытники тежъ никоторое обтяжливости черезъ то не маютъ имъ въ томъ чинити, лечъ, кгды у месте Мстиславскомъ або Радомскомъ кони и быдло и иншие

дилъ за ними навсегда городничее Мстиславское, а на этотъ разъ отдалъ его боярину тамошнему Войтеху Стаховскому, «которого они и сами призволили и городничимъ его обрали»[198]).—Но еще болѣе, чѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ, выступаетъ солидарность шляхты, ея заботливость о своихъ интересахъ въ цѣломъ рядѣ просьбъ, поданныхъ тивунами и боярами Жмудской земли въ 1542 году. Жмудскіе тивуны и бояре припомнили цѣлый рядъ нарушеній ихъ правъ и вольностей со стороны самого господаря или его урядниковъ и просили объ устраненіи ихъ и огражденіи отъ нихъ на будущее время. Въ частности они указывали, что въ послѣднюю войну съ Москвою, когда литовское войско ходило къ Стародубу, господарь «отлучилъ» ихъ отъ остального войска и послалъ подъ начальствомъ старосты «въ заставу» на Полоцкъ, при чемъ они должны были ѣздить и на сторожу и слугъ своихъ посылать, чего прежде никогда не водилось; указывали затѣмъ, что прежде старшій изъ тивуновъ имѣлъ при себѣ хоругвь земскую и переписывалъ ихъ, когда они являлись на войну, а реестры сдавалъ старостѣ, не взимая за то никакого вознагражденія, а при старостѣ Янѣ (Миколаевичѣ Радивилѣ, въ 1535—1542) введена убыточная для нихъ «новина», переписывать ихъ стали его писари, взимая «писчого» съ коня по два и по три гроша; жаловались, что паны-рада приказывали имъ подъ страхомъ смертной казни («подъ горлы») ѣхать на войну послѣ того, какъ они по приказанью господаря дали серебщину съ коня по двадцати грошей (въ 1538), «а сами вжо на войну не мѣли ѣхати»[199]); просили затѣмъ, чтобы ихъ не обязывали встрѣчать и провожать комиссаровъ, посылаемыхъ для разграниченія и разбора пограничныхъ столкновеній на литовско-ливонской границѣ, а только на жмудско-ливонской, чтобы не всылались дѣцкіе къ нимъ за рѣку Невяжу, вопреки ихъ вольностямъ; жаловались далѣе на новоуставленныя мыта, «въ чомъ они великую обтяжливость собѣ мѣнили»;—на то, что вопреки ихъ правамъ и вольностямъ тивунства роздаются Литвѣ, Руси и Ляхамъ, а не мѣстнымъ уроженцамъ, что нѣкоторые тивуны держатъ сразу по двѣ волости; просили, чтобы никто по заочному доносу не наказывался отнятіемъ уряда и имѣнья, а только по судебному рѣшенію; жаловались, что со временъ старостъ Петра Кишки и Яна Миколаевича (1532—1542) уставлены вновь въ

речи будуть продавати, тогды вжо отъ того мыто звычайное повинни давати, а съ того за тымъ листомъ нашимъ не маютъ ся ничимъ выламовати».

[198]) Тамъ же, л. 97.

[199]) См. выше, стр. 270, 271.

Жмудской землѣ лѣсничіе, «въ чомъ они кривду собе мѣнили»; что изъ Шовлей и другихъ мѣстечекъ и «воль» не выдаютъ имъ ихъ людей отчинныхъ и челяди невольной, а если и выдаютъ, то берутъ за это съ владѣльцевъ по рублю грошей, а имущества бѣглыхъ не возвращаютъ; что духовные по мірскимъ дѣламъ налагаютъ на нихъ клятвы, что дѣцкованье, вижовое, пошлины отъ записовъ и позвовъ собираются съ нихъ непомѣрные, «не водлугъ справедливости и давного обычаю», что урядники старосты въ ничтожныхъ тяжбахъ, если, напр., кто кого позоветъ на судъ «о нивку на полбочки» или «о сѣножатку» на возъ сѣна, берутъ за проѣздъ съ виноватаго по рублю грошей, а отъ праваго пересуду по рублю грошей, чего прежде не бывало; что староста и его урядники берутъ неравномѣрный выкупъ «за лицо» (вещь отобранную у вора): за вещь, стоющую дорого, десять или двадцать копъ грошей, берутъ столько же, а за вещь, стоющую дешево, десять или двадцать грошей, берутъ цѣлую полтину (50) грошей; что слуга старостинъ, установленный для поимки воровъ и разбойниковъ, безъ предупрежденія владѣльцевъ въѣзжаетъ въ домъ ихъ подданныхъ, грабитъ и забираетъ ихъ имущество; просили, наконецъ, чтобы по заочному доносу на нихъ не выдавались заручные листы изъ господарской канцеляріи, чтобы староста Жмудскій не судилъ ихъ братью одинъ, безъ тивуновъ и бояръ-шляхты, и не дозволялъ этого своему уряднику въ свое отсутствіе.

Выслушавъ эти жалобы и просьбы, господарь отвѣчалъ, что онъ посылалъ въ Полоцкъ не одно Жмудское войско, а немало и другихъ княжатъ и панятъ, и при томъ не «въ заставу», а по стратегическимъ соображеніямъ другого рода, ибо въ то время онъ съ панами-радою выразумѣлъ, «ижъ того потреба великая вказывала»; относительно серебщины и призыва на войну объяснилъ, что и серебщизна собиралась, и землевладѣльцы вызывались на войну не по его желанію, а по настоятельной государственной необходимости, и что не одни Жмудскіе, но и всѣ остальные землевладѣльцы великаго княжества были въ такомъ же положеніи; по поводу раздачи тивунствъ Литвѣ, Руси и Ляхамъ господарь заявилъ, что это исходило не отъ него, а отъ самихъ же жалобщиковъ. На всѣ остальные жалобы и просьбы господарь отвѣчалъ обѣщаніями оставить въ силѣ «давній обычай», дѣлать такъ, какъ желаютъ просители, произвести разслѣдованіе, отмѣнить «новины» и держать ихъ «при старинѣ», поступать «водлугъ статуту земского» (въ вопросахъ о судебныхъ пошлинахъ) и т. д. Въ общемъ, можно сказать, что по большинству жалобъ и просьбъ Жмудской шляхты обѣщано было удовлетвореніе господаремъ, приказавшимъ за-

писать свои отвѣты въ книги Метрики [200]). По этимъ жалобамъ и просьбамъ Жмудская шляхта обрисовывается солидарнымъ общественнымъ классомъ, который живетъ сознательною политическою жизнью, твердо знаетъ свои права и вольности, ревниво оберегаетъ ихъ отъ нарушенія, а подъ часъ не прочь и отъ ихъ расширенія.

Съ такими же качествами являются по источникамъ бояре и земяне шляхта и въ другихъ областяхъ великаго княжества. Въ 1546 году къ господарю въ Вильну прибылъ цѣлый рядъ депутацій отъ земянъ южныхъ областей Кіевщины и Подолья съ жалобами на различныя «кривды» и «новины», которыя чинятъ имъ мѣстные правители (староста и воевода Кіевскій). Особенною обстоятельностью и подробностями отличаются жалобы земянъ Вѣницкихъ, которыя принесли господарю отъ ихъ имени Семенъ Кмитичъ, намѣстникъ Вонячинскій, и земяне Василій Дешковскій и Иванъ Яцковскій. Земяне жаловались, что староста разсылаетъ по ихъ имѣньямъ своихъ слугъ и собираетъ съ ихъ людей «кликовщину», будто бы на содержаніе замковой сторожи, а на дѣлѣ въ свою пользу, такъ что замокъ остается безъ сторожи; этого, по ихъ словамъ, прежде не было: земяне не платили прежде никакой «кликовщины», но складывались и сами нанимали сторожу. Земяне указывали далѣе, что староста сумѣлъ обернуть въ свою пользу и добровольную ихъ жертву, которую они приносили «для лепшое безпечности и осторожности», а именно: въ трехъ миляхъ отъ замка, на рѣчкѣ Рову, они содержали на свой счетъ, по своей доброй волѣ, сторожу; староста взялъ у нихъ эту сторожу и сталъ посылать своихъ слугъ въ ихъ имѣнья для сбора денегъ на содержаніе этой сторожи, на самомъ дѣлѣ не выставляя ея на указанномъ посту. Кромѣ того, земяне жаловались на то, что, когда имъ приходится бывать съ старостою въ степи, онъ приказываетъ отбирать у ихъ людей коней и отдаетъ ихъ подъ своихъ слугъ, а людей ихъ оставляетъ въ степи пѣшими, отчего многіе изъ нихъ не доходятъ домой, погибая въ степи или попадаясь въ плѣнъ. Выслушавъ эти жалобы, господарь запретилъ старостѣ кн. Ѳедору Андреевичу Сангушковича собирать съ земянъ деньги на содержаніе сторожи въ замкѣ и въ полѣ и предоставилъ самимъ земянамъ по старому складываться и нанимать эту сторожу, запретилъ также отбирать коней у земянскихъ людей, предоставивъ владѣльцамъ отобранныхъ и невозвращенныхъ коней взыскивать съ старосты судебнымъ порядкомъ ихъ убытки, а родственникамъ покинутыхъ въ степи и пропавшихъ людей взыскивать за нихъ

---

200) Акты Зап. Рос. II, № 221.

головщину [201]).—Въ тотъ же самый день, когда происходило это разбирательство, т. е., 20 апрѣля, господарю приносили жалобу земяне Житомирскіе Грицко Вороничъ и Жданъ Щеневскій отъ себя и отъ всѣхъ земянъ замка Житомирскаго на «трудности и обтяженья великии», которыя дѣлалъ имъ мѣстный староста кн. Богушъ Θедоровичъ Корецкій. Они докладывали королю, что староста вопреки листу короля Сигизмунда заставляетъ ихъ держать сторожу при замкѣ по цѣлымъ недѣлямъ или нанимать ее, чего прежде никогда не бывало, и чего они никакъ снести не могутъ; заставляетъ ихъ строить замковый мостъ, чего они прежде никогда не дѣлали; собираетъ десятину съ тѣхъ земянъ и ихъ людей, которые пашутъ на себя господарское поле, не дозволяетъ имъ продавать медъ прѣсный и другія «живности» нигдѣ, кромѣ замка Житомирскаго, при чемъ установляетъ самъ и цѣны и отбираетъ товаръ у тѣхъ, кто не подчиняется его распоряженіямъ; выгоняетъ на свои работы людей ихъ, которые проживаютъ при замкѣ, въѣзжаетъ въ ихъ собственныя селища и всылаетъ своихъ стрѣльцовъ (очевидно, охотиться). Король, выслушавъ жалобу ихъ и «отпоръ» державцы и переговоривъ съ панами-радою, постановилъ: державца самъ долженъ содержать на замкѣ четырехъ сторожей «добрыхъ, веры годныхъ и неподозреныхъ», такъ какъ онъ получаетъ не малую сумму денегъ съ корчмы и мыта Житомирскаго и, кромѣ того, сто копъ грошей изъ скарба, а земянамъ не съ чего содержать эту сторожу; земяне освобождаются и отъ мостовой работы во вниманіе къ тому, что они люди украинные «и отъ поганьства татаръ на именьяхъ и на маетностяхъ скажоныи»; тѣ изъ нихъ, которые «для далекости своихъ селищъ» пашутъ поля замковыя, обязаны давать десятину старостѣ, такъ какъ имъ въ томъ «обтяжливости нетъ»; земяне и ихъ люди имѣютъ полное право продавать вездѣ медъ прѣсный и всякія другія вещи, а староста и его урядники не должны имъ ставить въ этомъ никакихъ препятствій и затрудненій; староста не долженъ всылать слугъ въ ихъ селища и вступаться въ ихъ владѣнія: ему предоставляется пользоваться только пустовскими земянскими имѣньями, къ которымъ не окажется наслѣдниковъ [202]).

Успѣхъ всѣхъ этихъ жалобъ побудилъ Вѣницкихъ земянъ въ самомъ непродолжительномъ времени черезъ того же Семена Кмитича подать господарю рядъ новыхъ жалобъ на того же старосту кн. Θедора Андреевича Сангушковича. Земяне жаловались: староста «надъ

[201]) Archiwum Sanguszków IV, № CCCLXI.

[202]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 64, 70.

стародавний обычай» собираетъ «вины» съ ихъ людей, чего прежде никогда не бывало, посылаетъ ихъ людей съ подводами дальше, чѣмъ они обязаны (люди ихъ прежде ѣзжали только до Браславля и до Полонаго, давая вѣдомость о поганствѣ татарахъ), налагаетъ и беретъ на ихъ людяхъ «заруки», нарушая ихъ панское право выдавать на своихъ людей заруки; принуждаетъ ихъ самихъ съ людьми ходить вмѣстѣ съ нимъ «на лежанье» подъ татарскіе шляхи, тогда какъ ихъ обязанность—ходить съ нимъ въ погоню за появившимися татарами; отбираетъ у ихъ людей добычу, коней и воловъ, «менуючи за якое побережное», караетъ ихъ людей за неявку на войну, что прежде всегда дѣлали сами паны; староста позволяетъ себѣ имѣть «входы» въ ихъ имѣнья къ своему «пожитку» и допускаетъ дѣлать это и мѣщанамъ, безъ дозволенья владѣльцевъ; въ то же время самимъ земянамъ и людямъ ихъ запрещаетъ проживать въ мѣстѣ и имѣть тамъ земли и другіе пожитки, тогда какъ ранѣе всегда было вольно ихъ людямъ жить въ мѣстѣ и промышлять тамъ, «а подачку» господарскую вмѣстѣ съ мѣстомъ «полнити»; не дозволяетъ имъ принимать въ свои имѣнья людей, которые приходятъ къ нимъ отъ другихъ пановъ или изъ заграничья, препятствуетъ искать своихъ «шкодъ и пошлинъ» на тѣхъ людяхъ, которые бѣгаютъ отъ нихъ за границу и потомъ снова возвращаются и основываются на жительствѣ въ мѣстѣ или какомъ-нибудь земянскомъ имѣньѣ; передъ тѣмъ у нихъ всегда былъ обычай брать съ тѣхъ людей, которые переходятъ къ другимъ панамъ, по двѣ копы грошей «выходу», а съ казаковъ, имѣющихъ 30 пчелъ, «поклону» копу грошей, а теперь староста возбраняетъ имъ взимать эти «выходы и пошлины»; прежде ихъ люди въ нужныхъ случаяхъ брали вижовъ у своихъ пановъ, а теперь посылаетъ староста; прежде всякое «лицо», найденное у земянскаго человѣка, шло въ пользу пана, чье было имѣнье, а «лицо», найденное въ мѣстѣ Вѣницкомъ у земянскаго человѣка, дѣлилось пополамъ между паномъ и урядникомъ Вѣницкимъ, а теперь староста беретъ лицо всегда въ свою пользу; прежде «неприличные» (безъ поличнаго) разбои земянскихъ людей судили паны обвиняемыхъ и брали на себя «вину», а старосты Вѣницкіе судили ихъ только «о кгвалтъ, пожогу и разбой приличный», теперь же староста судитъ и «неприличные разбои»; прежде, когда земянамъ или ихъ людямъ удавалось поймать татарина, они обыкновенно сами держали его у себя и отвозили до господаря, за что и получали отъ него жалованье, а теперь староста отнимаетъ у нихъ плѣнниковъ и пересылаетъ господарю самъ отъ себя. Господарь, выслушавъ эту жалобу и объясненія державцы, сдѣлалъ такое постановленье: земяне обязаны

ходить съ старостою подъ шляхи татарскіе «на послугу господарскую и земскую», но не на ловы, при чемъ должны вести съ собою и свои «почты» согласно земской «ухвалѣ», съ девяти «дымовъ» людей—десятого; а если татары появятся подъ самыми замками господарскими, тогда земяне должны идти противъ нихъ со всѣми людьми своими, «яко на квалтъ»; земяне обязаны сдавать плѣнныхъ татаръ старостѣ; но, если бы староста захотѣлъ доставить «языка» господарю, онъ долженъ поручить это сдѣлать тому земянину, который добылъ языка, «для прислуги» передъ господаремъ; земяне имѣютъ право искать судомъ передъ старостою своихъ «шкодъ и поклоновъ» съ отошедшихъ отъ нихъ людей, и староста не долженъ отказывать имъ въ справедливости; кто съ жалобою своею обратится къ старостѣ и будетъ требовать отъ него вижа на имѣнье земянина, староста обязанъ давать такового, а кто будетъ требовать вижа отъ самого пана, и панъ воленъ будетъ посылать вижа, какъ было и прежде; всякій разбой, «приличный и неприличный» долженъ судить замокъ, а не земяне; во всемъ остальномъ старосты должны соблюдать старину: не должны брать съ земянскихъ людей никакихъ «винъ» и «зарукъ», не должны посылать ихъ съ подводами далѣе Браславля и Полонаго, не должны ни сами, ни мѣщане имѣть «входы» въ ихъ имѣнья безъ ихъ воли, брать у людей ихъ коней и воловъ «за побережное»[203]). Три дня спустя послѣ выдачи этого листа, 20 іюля 1546 года, господарь выдалъ подобный же листъ князьямъ, панамъ и земянамъ Кіевской земли, которые въ свою очередь черезъ своихъ депутатовъ Солтана Стецковича и Стася Суриновича принесли жалобу на своего воеводу кн. Фридриха Глѣбовича Пронскаго, который де, наѣхавъ на воеводство Кіевское (въ 1544 г.), «почалъ кривды и втисненья великии имъ чинити и новины уводити черезъ привилья и вольности ихъ». Въ частности Кіевляне жаловались, что воевода приказываетъ по селищамъ ихъ гнать на себя бобровъ, чего прежде никогда не бывало; отнялъ у нихъ замокъ Чернобыль, который прежде обыкновенно держали по годамъ князья, паны и бояре Кіевскіе, и поставилъ въ немъ своего урядника, которому далъ полномочіе судить и рядить тамошнихъ господарскихъ подданныхъ; приказываетъ имъ постоянно находиться при немъ въ Кіевѣ, безъ надобности, тогда какъ прежде они выѣзжали на войну, когда того требовала «господарская послуга», а по минованіи этой «послуги», проводивъ воеводу съ поля до Кіева, разъѣзжались по своимъ домамъ. Кіевляне представили господарю и свой земскій при-

---

[203]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 128—130.

вилей, выданный имъ Сигизмундомъ I «съ привесистою маестатною печатью», и били челомъ, чтобы онъ оставилъ ихъ при этомъ привилеѣ и запретилъ чинить имъ «кривды» и вводить «новины» въ нарушенье этого привилея. Король, осмотрѣвъ и выслушавъ этотъ привилей и переговоривъ съ панами-радою, приказалъ воеводѣ, чтобы онъ во всемъ сообразовался съ этимъ привилеемъ: не гналъ на себя бобровъ по ихъ имѣньямъ, не вступался въ замокъ Чернобыль и отозвалъ оттуда своего урядника, не вызывалъ ихъ въ Кіевъ «кромъ потребы послуги нашое господарское и земское» и не вводилъ ихъ по напрасну въ убытки [204]).

Одновременное появленіе нѣсколькихъ депутацій отъ шляхты южныхъ повѣтовъ съ жалобами, которыя сходны во многихъ пунктахъ, заставляетъ предполагать предварительный обмѣнъ мнѣніями и уговоръ между шляхтою этихъ повѣтовъ. Все это могло имѣть мѣсто въ военномъ станѣ. Изъ господарскаго приказа о мобилизаціи, разосланнаго въ іюнѣ 1546 года, узнаемъ, что весною 1546 года («недавно минулыхъ часовъ») подъ замки Кіевъ, Черкасы, Каневъ, Браславль и Вѣницу приходили Бѣлгородскіе и Добрынскіе (изъ Добруджи) татары, увели много людей въ полонъ и надѣлали много опустошеній; эти татары расположились потомъ кочевать подъ замками Браславлемъ и Вѣницею. Вслѣдъ за ними выходилъ въ поле царевичъ Перекопскій съ великимъ войскомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ подходили люди, и которое шло на соединеніе съ первою ордою, съ тѣмъ, чтобы сообща напасть на украйну во время жатвы [205]). Въ такихъ случаяхъ, когда на украйнѣ появлялись большія полчища татаръ, земяне южныхъ повѣтовъ соединялись для ихъ отраженія въ два ополченія подъ начальствомъ Кіевскаго воеводы и маршалка Волынской земли, которыя по временамъ сливались въ одно ополченіе. Повидимому, такъ было и въ 1546 году. Собравшіеся вмѣстѣ украинскіе военно-служилые люди, отразивъ общими силами внѣшняго врага, надумали также и общій походъ противъ своихъ старостъ, которые стали разорять ихъ не хуже татаръ, и отправили своихъ депутатовъ съ вышеизложенными жалобами къ господарю.

Мобилизація могла давать случаи къ подобнымъ же совѣщаніямъ и обмѣну мнѣніями и въ болѣе широкихъ кругахъ рыцарства-шляхты. Эта мобилизація происходила довольно часто даже по тѣмъ годамъ, когда не было войны съ Москвою. Кромѣ Москвы у Литовско-Рус-

---

[204]) Литов. Метр. кн. XXX, л. 135—137.

[205]) Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 114—116.

скаго государства былъ еще назойливый врагъ, который не давалъ ему покою—Крымъ. Земское ополченіе великаго княжества собиралось довольно часто по слухамъ о движеніи большихъ татарскихъ полчищъ въ предѣлы государства [206]). Собиравшаяся въ военномъ лагерѣ шляхта въ ожиданіи непріятеля, подчасъ тщетномъ, естественно толковала между собою о томъ, что у нея больше всего болѣло, и о возможномъ улучшеніи своего положенія. Здѣсь и могли зарождаться тѣ самыя «просьбы», съ которыми шляхетскіе послы стали обращаться къ правительству на великихъ вальныхъ соймахъ. Къ коллективнымъ совѣщаніямъ о своихъ дѣлахъ въ военномъ лагерѣ пріучалъ шляхту до извѣстной степени самъ господарь, привлекая ее къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ, близко касавшихся интересовъ шляхты, какъ это было, напр., въ военномъ лагерѣ подъ Минскомъ въ 1520 и 1521 году, а также и паны-рада, какъ это было, напр., въ 1538 году подъ Новгородкомъ. Паны-рада привлекали шляхту не только къ коллективному обсужденію разныхъ государственныхъ вопросовъ, но и къ подачѣ различныхъ просьбъ и ходатайствъ господарю. Чаще всего это бывало на великихъ вальныхъ соймахъ, которые, какъ мы имѣли уже случай замѣтить раньше, вообще сдѣлались политическою школою для шляхты-рыцарства. На этихъ сеймахъ происходило сближеніе и взаимный обмѣнъ мнѣніями представителей рыцарства-шляхты, его вождей, въ результатѣ чего и вышелъ цѣлый рядъ просьбъ и ходатайствъ, предъявленныхъ правительству отъ лица рыцарства-шляхты. Мы видѣли, что рыцарство - шляхта выступило съ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ желаній уже на послѣднемъ сеймѣ, собиравшемся въ правленіе Сигизмунда Стараго. Всматриваясь въ эти желанія, замѣчаемъ въ нихъ уже тѣ самыя тенденціи, которыя съ такою полнотою выразились въ просьбахъ шляхты на позднѣйшихъ сеймахъ, а именно: стремленіе къ вящщему огражденію своихъ личныхъ правъ и имущественнаго положенія, стремленіе къ расширенію сословныхъ правъ на счетъ прерогативъ господаря и привилегій магнатовъ и, наконецъ, стремленіе къ облегченію себя отъ государственнаго бремени на счетъ господаря, магнатовъ, духовенства и мѣщанъ.

---

[206]) См., напр., Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VII, л. 9—11; XXIII, л. 54—56, 84—89; Археографич. Сборникъ, издан. въ Вильнѣ, т. I, № 33.

ГЛАВА VI.

Великіе вальные соймы при Сигизмундѣ-Августѣ до 1566 года и расширеніе сословныхъ и политическихъ правъ шляхты.

§ 1. Ревизія господарскихъ замковъ и вопросъ о ремонтѣ укрѣпленій, мостовъ, дорогъ, о подводной и кормовой повинностяхъ шляхты; великій Виленскій соймъ 1547 года. Просьбы становъ сейма: о подтвержденіи правъ и вольностей и новомъ порядкѣ храненія земскихъ привилеевъ, объ исправленіи и обнародованіи статута, о выпускѣ монеты съ вѣдома и согласія сейма, о новомъ порядкѣ храненія и расходованія серебщины, о неотнятіи урядовъ безъ причинъ, о раздачѣ должностей и званій уроженцамъ великаго княжества, о наборѣ литовскихъ дворянъ, о выборныхъ судьяхъ и присяжныхъ вижахъ, о канцелярской таксѣ, объ огражденіи отъ пограничныхъ обидъ со стороны поляковъ, о подчиненіи мѣщанъ земскому праву по дѣламъ о бояхъ и ранахъ шляхты и ея подданныхъ, о выдачѣ изъ мѣстъ бѣглыхъ крестьянъ, объ установленіи постоянныхъ хлѣбныхъ мѣръ и таксы на издѣлія ремесленниковъ, объ привлеченіи мѣщанъ къ военной службѣ съ земскихъ имѣній, объ ограниченіи участія духовенства въ отправленіи правосудія, о запрещеніи вести дѣла черезъ профессіональныхъ ходатаевъ; отвѣты господаря. Особыя просьбы Подляшской шляхты: о льготахъ и облегченіяхъ въ платежѣ крѣпостныхъ, канцелярскихъ, торговыхъ и судебныхъ пошлинъ, объ увольненіи отъ стацій пограничнымъ коммиссарамъ и постройки замковъ, о назначеніи содержанія сеймовымъ посламъ и хоружимъ, о присылкѣ большого количества военныхъ и сеймовыхъ листовъ, объ охранѣ во время войны земскихъ привилеевъ, объ установленіи въ мѣстахъ постоянныхъ хлѣбныхъ мѣръ и таксы на съѣстные товары и издѣлія ремесленниковъ, о нераспространеніи духовной юрисдикціи на мірскія дѣла, объ учрежденіи въ Бѣльскомъ повѣтѣ должности шляхетскихъ опекуновъ и перемѣнѣ хоружія, о таксаціи шляхетскихъ имѣній въ Дорогицкомъ и Мельницкомъ повѣтахъ, объ учрежденіи въ Мельницкомъ повѣтѣ должности подкоморія; результаты ходатайствъ. Подтвержденіе привилеевъ Бѣльскаго повѣта, Витебской, Полоцкой и Волынской земель. Ухвалы о повинностяхъ шляхты и новомъ порядкѣ отпускной торговли лѣсными товарами.—§ 2. Натянутыя отношенія къ Москвѣ изъ-за непризнанія царскаго титула и разрушеніе Браславля Подольскаго татарами; великій Виленскій соймъ 1551 года. Повтореніе

и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы登становъ сейма: о раздачѣ пограничныхъ урядовъ только лицамъ завѣдомо способнымъ, о снабженіи запасами пограничныхъ замковъ, о непремѣнномъ участіи сейма въ изданіи новыхъ «уставъ» и объ уничтоженіи монополіи на стекло, о неповышеніи простыхъ людей надъ шляхтою и уважительномъ съ нею обращеніи, о включеніи подъ мѣстское право владѣльческихъ людей въ господарскихъ мѣстахъ, о запрещеніи питейной торговли по ночамъ, объ освобожденіи шляхты отъ сторожи на замкахъ и кошенья сѣна, о безпошлинномъ пропускѣ за границу лѣсныхъ товаровъ и хлѣба изъ шляхетскихъ имѣній, объ уничтоженіи «винъ и пересудовъ» и уменьшеніи выкупа «лица», о прекращеніи совмѣстительства духовныхъ должностей, о неотнятіи у шляхты пожитковъ въ господарскихъ волостяхъ, о расширеніи права выкупа шляхетскихъ имѣній, о дарованіи права пропинаціи, о прекращеніи вызова на господарскій судъ вдовъ по дѣламъ малолѣтнихъ дѣтей, объ освобожденіи отъ представленія документовъ на имѣнья передъ ревизорами и мѣрчими, о дозволеніи совершать крѣпостные акты передъ повѣтовыми судьями, о сохраненіи обязательной силы за документами, утратившими ее въ часгяхъ; результаты ходатайствъ. Просьбы Жмудской шляхты: о прекращеніи «позвовъ» за предѣлы земли и посылки за р. Невяжу дѣцкихъ и въѣзжихъ, о неотнятіи урядовъ безъ достаточныхъ причинъ и раздачѣ ихъ только Жмудскимъ уроженцамъ по представленію старосты и тивуновъ, о защитѣ отъ притѣсненій со стороны господарскихъ мѣрчихъ и панскихъ урядниковъ, о привлеченіи духовныхъ и мѣщанъ къ военной службѣ съ земскихъ имѣній, объ освобожденіи отъ платежа мыта, о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, о дозволеніи «входовъ» въ господарскія пущи и озера, о дарованіи земской печати, о предоставленіи земской хоругви старшему тивуну, о прекращеніи злоупотребленій куничника, о невзиманіи податей за убылыхъ людей; отвѣты господаря. Просьбы землевладѣльцевъ Волынской земли: о снесеніи мытныхъ коморъ и сторожъ съ владѣльческихъ имѣній, о запрещеніи купцамъ ѣздить новыми дорогами, объ освобожденіи отъ платежа мыта, о продажѣ провіанта и фуража жолнерамъ по вольной цѣнѣ, объ огражденіи отъ обидъ со стороны пограничныхъ Польскихъ землевладѣльцевъ; отвѣты господаря. Просьбы Кіевскихъ и Вѣницкихъ землевладѣльцевъ объ огражденіи отъ произвола и притѣсненій мѣстныхъ урядниковъ; постановленія господаря. Просьба землевладѣльцевъ Мстиславскаго повѣта о подтвержденіи привилея 1541 года и огражденіи отъ произвола старостъ; результатъ этой просьбы. «Ухвалы» сейма объ оборонѣ земской, о сборѣ серебщины, о замковой, дорожной, мостовой, подводной и кормовой повинностяхъ шляхты; новая «устава» о выдачѣ сиротъ замужъ. Отклоненіе предложенія поляковъ касательно уніи.—§ 3. Крупные расходы скарба на упоминки татарамъ, содержаніе жолнеровъ на украйнѣ и возобновленіе Браславскаго замка; сеймъ въ Вильнѣ въ 1552 г. безъ участія шляхетскихъ пословъ и его постановленіе о сборѣ «поконевскихъ пенезей». Неудовольствіе шляхты.—§ 4. Неудача переговоровъ съ Москвою о вѣчномъ мирѣ и заключеніе двухлѣтняго перемирія: великій Виленскій соймъ 1554 г. и его «ухвалы» объ оборонѣ земской и сборѣ серебщины. Повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы становъ сейма: о вписаніи въ статутъ земскихъ привилеевъ, о возвращеніи «поконевскихъ пенязей» и прекра-

щеніи сборовъ серебщинъ, объ увольненіи отъ кормовой и подводной повинности, о дозволеніи «входовъ» въ господарскіе пущи и озера, объ огражденіи отъ поборовъ и притѣсненій ревизоровъ, объ отмѣнѣ новой уставы касательно выдачи сиротъ замужъ; отвѣты господаря. Повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы шляхты Жмудской земли: о возвращеніи «поконевскихъ пенязей», о выборныхъ земскихъ судьяхъ, объ огражденіи отъ несправедливыхъ попрековъ завоеваніемъ, о непредпочтеніи шляхтѣ хлоповъ. Повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы Волынскихъ землевладѣльцевъ: о выборномъ земскомъ судѣ, о подчиненіи князей и пановъ юрисдикціи мѣстныхъ судей, о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, объ уравненіи съ литовскими землевладѣльцами въ военной службѣ, о предоставленіи мѣстъ въ господарской радѣ Луцкому старостѣ и маршалку Волынской земли, о раздачѣ мѣстныхъ урядовъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, объ охранѣ церковныхъ имѣній отъ расточенія, о выкупѣ имѣній доставшихся по женамъ полякамъ, объ обузданіи своеволія и насилій нѣкоторыхъ лицъ: отвѣты господаря.— § 5. Вопросъ о защитѣ Ливоніи отъ Москвы; великій Виленскій соймъ 1559 года. Договоръ съ Ливоніею и «ухвала» новой серебщины. Повтореніе прежнихъ и новыя просьбы становъ сейма: о раздачѣ имѣній въ Ливоніи только уроженцамъ великаго княжества, о направленіи доходовъ съ Ливоніи въ скарбъ великаго княжества, объ упорядоченіи монетнаго дѣла, о привлеченіи къ военной службѣ путныхъ людей; особыя просьбы хоружихъ: о порядкѣ избранія пословъ на сеймы, о вознагражденіи за поѣздку на сеймы и отвозъ серебщины, объ увольненіи отъ платежа серебщины, о придачѣ помощниковъ по оповѣщенію мобилизаціи, объ увольненіи отъ сторожи въ войскѣ; отвѣты господаря и его напоминаніе относительно подводной повинности. Повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы шляхты Жмудской земли: о сохраненіи прежнихъ размѣровъ военной повинности при дѣлежѣ имѣній, о назначеніи особаго хоружія, о подчиненіи князей и пановъ юрисдикціи мѣстныхъ судей, о выкупѣ имѣній у чужеземцевъ, объ отдачѣ мыта въ аренду шляхтѣ, объ исправленіи границъ съ Ливоніею: отвѣты господаря. Просьбы Полоцкой земли: о назначеніи церковныхъ опекуновъ, объ освобожденіи владѣльческихъ мѣщанъ отъ платежа мыта, о прекращеніи сбора серебщины съ владѣльческихъ людей и взиманія мыта съ шляхетскихъ товаровъ, объ учрежденіи земскаго суда, объ увольненіи отъ лишнихъ замковыхъ работъ, о снабженіи Полоцкаго замка боевыми и съѣстными припасами; результаты просьбъ. Просьбы шляхты Витебской земли: о привлеченіи къ службѣ на замкѣ всѣхъ мѣстныхъ зевлевладѣльцевъ, объ исправленіи Витебскаго замка и снабженіи его боевыми и съѣстными припасами, о прекращеніи сбора серебщины, объ увольненіи отъ пребыванія на замкѣ въ спокойное время, объ учрежденіи земскаго суда, объ уравненіи съ Полочанами въ платежѣ серебщины и отправленіи военной службы; результаты просьбъ. Просьбы шляхты Мстиславскаго повѣта: объ увольненіи ея отъ предстоящей перестройки замка и ремонта моста, о сохраненіи ея зданій въ замкѣ, объ огражденіи отъ разоренія и насилій со стороны жолнеровъ, о назначеніи хоружія; отвѣты господаря.—§ 6. Борьба за Ливонію и вопросъ о присоединеніи ея къ Польшѣ и Литвѣ; Виленскій соймъ 1561 г. Актъ подчиненія Ливоніи; установленіе «поконевскихъ пенязей» и особаго побора на нужды

войны съ предметомъ вывоза и ввоза, съ помола и производства напитковъ; наложеніе серебщины на господарскія мѣста и волости. Конфедерація въ лагерѣ подъ Витебскомъ въ 1562 году; требованіе уніи съ Польшею.—§ 7. Потеря Полоцка; великій Виленскій сеймъ 1563 года и его постановленія о военной службѣ, сборѣ серебщины и другихъ мѣрахъ для дальнѣйшей борьбы съ Москвою. Повтореніе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы становъ сейма: объ исправленіи земскихъ привилеевъ въ смыслѣ уравненія христіанскихъ вѣроисповѣданій, объ измѣненіи обряда присяги, о неукоснительномъ судѣ надъ нарушителями спокойствія и безопасности во время войны и сейма; результаты ходатайствъ. Просьбы землевладѣльцевъ Кіевской земли: о приглашеніи ихъ на сеймы особыми листами, объ увольненіи отъ работъ по ремонту замка, о привлеченіи къ службѣ на замкѣ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, о возвращеніи Чернобыльскаго замка въ держаніе по очереди, объ увольненіи владѣльческихъ людей отъ подводъ, стацій и мощенья мостовъ на мѣстнаго воеводу. Просьбы шляхты Мстиславскаго повѣта: объ исправленіи замка и пополненіи его гарнизона, боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, о защитѣ отъ жолнеровъ и назначеніи убѣжища женамъ и дѣтямъ; результатъ ходатайствъ. Повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ и новыя просьбы Жмудской земли: о назначеніи старосты по желанію земли и о прекращеніи совмѣстительства урядовъ; отвѣты господаря. Избраніе сеймовой делегаціи для переговоровъ съ поляками объ уніи.—§ 8. Переговоры литовскихъ пословъ съ поляками объ уніи на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.; созывъ литовскаго сейма въ Бѣльскѣ для окончанія этихъ переговоровъ. Бѣльскій привилей 1564 года: учрежденіе выборныхъ земскихъ судовъ по польскому образцу и утвержденіе новаго статута. Вопросъ о заложеніи новыхъ судовъ и введеніи въ дѣйствіе новаго статута; Минскій военно-полевой сеймъ 1564 г.; жалобы шляхты на разоренія отъ жолнеровъ и назначеніе коммиссаровъ для ихъ разбора на мѣстахъ.—§ 9. Потеря Озерища и наступленіе шведовъ; съѣздъ пановъ-рады и шляхты-рыцарства въ Трабахъ. Постановленіе объ увеличеніи наемныхъ войскъ и созывѣ великаго вальнаго сейма. Великій Виленскій сеймъ 1565—1566 года и «ухвала» поголовнаго податка. Просьбы становъ сейма; объ облегченіяхъ въ платежѣ прежней серебщины и уничтоженіи изъятій отъ платежа податковъ, о помощи изъ скарба на расплату съ новыми служебными, о размѣрахъ военной повинности и наказаніяхъ за невыполненіе ея, объ удовлетвореніи исковъ и претензій къ жолнерамъ, объ огражденіи отъ обидъ и притѣсненій со стороны военнаго люда на будущее время, объ учрежденіи подкоморіевъ, объ избирательности земскихъ судей, о введеніи повѣтовыхъ сеймиковъ, объ умноженіи мѣстъ въ господарской радѣ, о назначеніи содержанія повѣтовымъ посламъ и хоружимъ, о введеніи въ дѣйствіе новаго статута и о прекращеніи вызововъ на господарскій судъ, объ общемъ сеймѣ съ поляками; повтореніе и развитіе прежнихъ ходатайствъ; результаты просьбъ. Просьбы Волынянъ: о привлеченіи владѣльцевъ шляхетскихъ имѣній къ земской службѣ, о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ, объ огражденіи отъ злоупотребленій мытниковъ, отъ обидъ и насилій своевольныхъ людей и сосѣдей, объ общемъ сеймѣ съ поляками, о мѣстѣ старосты Луцкаго въ радѣ, о раздачѣ духовныхъ хлѣбовъ по представленію шляхты, объ увольненіи отъ мѣстскихъ повинностей подворниковъ шляхты, о назначеніи возными

избранныхъ шляхтою лицъ, о расплатѣ за провіантъ, побранный жолнерами; отвѣты господаря. Просьбы Жмудской земли: о ненарушеніи новымъ статутомъ ея старинныхъ правъ и вольностей, о перенесеніи на мѣстный сеймъ избранія земскихъ судей и разграниченіи повѣтовъ, о защитѣ отъ злоупотребленій державцы Горждскаго, Кретинскаго и Полонгскаго; отвѣты господаря. Просьбы Подляшской шляхты: о прекращеніи въѣзда дѣцкихъ, вижей и увяжчихъ на Подляшье, объ улаженіи пограничныхъ столкновеній и умиротвореніи съ польскими сосѣдями, объ уничтоженіи изъятій отъ повѣтовыхъ судовъ, объ отбываніи сеймиковъ по польскому образцу, о прекращеніи присылки грамотъ на русскомъ языкѣ, о принятіи мѣръ противъ учащающихся убійствъ, о храненіи земскихъ актовыхъ книгъ и порядкѣ пользованія ими, объ удешевленіи суда, о прекращеніи взиманія мыта съ шляхетскихъ товаровъ, о разслѣдованіи злоупотребленій бирчихъ, объ отводѣ мѣстъ для канцелярскихъ зданій, о замѣщеніи урядовъ мѣстными землевладѣльцами, о наказаніи за ненадлежащій судебный «позовъ»; отвѣты господаря и его постановленія касательно отбыванія военной службы мѣстною шляхтою.—§ 10. Общія заключенія о порядкѣ сеймованія при Сигизмундѣ-Августѣ до 1566 г. и ростѣ сословныхъ и политическихъ домогательствъ становъ сейма. Результаты сеймоваго движенія: новыя сословныя привилегіи шляхты, учрежденіе земскихъ и гродскихъ судовъ по польскому образцу, расширеніе состава господарской рады, новое областное дѣленіе, новая организація шляхетскаго представительства на сеймахъ и новый порядокъ сеймованія по польскому образцу, расширеніе компетенціи великаго вальнаго сойма, увеличеніе шансовъ для парламентарной уніи съ Польшею.

---

§ 1.

Послѣдній великій вальный соймъ, собиравшійся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ правленіе Сигизмунда Стараго, т. е. Берестейскій 1544 года, занимался, какъ мы видѣли, обсужденіемъ мѣръ противъ надвигавшейся опасности со стороны страшныхъ Турокъ. Этотъ же вопросъ естественно больше всего озаботилъ на первыхъ порахъ и молодого Сигизмунда-Августа, взявшаго въ свои руки управленіе великимъ княжествомъ послѣ роспуска Берестейскаго сейма 1544 г. Новый государь рѣшилъ прежде всего привести въ надлежащее состояніе укрѣпленія государства, и въ особенности Волынскіе и Подольскіе замки, которые, по доходившимъ до него извѣстіямъ, уже давно находились въ полной неисправности («зъ давныхъ часовъ на всей радности зышли»). Съ этою цѣлью, посовѣтовавшись съ панами-радою, Сигизмундъ-Августъ весною 1545 года разослалъ особыхъ посланцовъ съ порученьемъ—вывѣдать и написать «о всякой справѣ и недостаткахъ» замковъ, сдѣлать возможныя распоряженія касательно устраненія этихъ недостатковъ, а если нельзя, доложить объ нихъ господарю, вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ извѣстность всѣхъ, обязанныхъ

поддерживать укрѣпленія въ исправности и нести при нихъ разныя другія государственныя повинности (мостить мосты, давать подводы и стаціи и т. д.) [1]).

До насъ дошли протоколы предпринятой «ревизіи» только относительно Волынскихъ и Подольскихъ замковъ. Но изъ записи о совѣщаніяхъ, происходившихъ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года, узнаемъ, что не только эти, но и «тутошніе», т. е. литовскіе замки, были осмотрѣны господарскими «посланцами» [2]). Донесенія этихъ посланцовъ сошлись въ одномъ, что замки, и въ особенности украинные, «вельми опали и пильноѣ оправы потребують». Владимірскій, напр., замокъ не ремонтировался капитально около ста лѣтъ, съ самаго возобновленія своего послѣ пожара при королѣ Казимирѣ; поэтому изъ 70 «городень» (блокгаузовъ) и 5 башень—20 «городень» и 4 башни требовали крупнаго ремонта. Боевыхъ принадлежностей и запасовъ въ замкѣ оказалось недостаточно; хлѣбныхъ запасовъ не оказалось никакихъ; сторожей и «кликуновъ» двое или трое [3]). Не въ лучшемъ состояніи оказался и Луцкій замокъ, на половину каменный, на половину деревянный, особенно въ своихъ деревянныхъ частяхъ. Здѣсь все было донельзя хило и гнило, не на что было смотрѣть, нечего хвалить, по выраженію ревизора. Боевыхъ принадлежностей и запасовъ было мало; огнестрѣльныя орудія попорчены; хлѣба не оказалось ни зерна. Мостъ великій земскій, строившійся двумя повѣтами—Луцкимъ и Владимірскимъ, оказался самой примитивной работы, не на вязаныхъ клѣткахъ, а на столбахъ, безъ подпоръ, весь колыхался изъ стороны въ сторону, такъ что съ возомъ опасно было по немъ ѣхать. Сторожи на замкѣ не было никакой и никто въ немъ не жилъ: ни староста, ни ключникъ, ни ихъ урядники [4]). Вѣницкій замокъ ревизоръ нашелъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Этотъ замокъ былъ очень малъ, выстроенъ изъ тонкаго дерева, весь сгнилъ и развалился, такъ что не могъ служить даже для загона скота, а не то что для убѣжища и защиты отъ непріятелей. «Въ жизни своей,—писалъ про него ревизоръ,—не видалъ я такого простого и слабаго украиннаго замка, какъ этотъ». Изъ двухъ пушекъ годна была къ употребленію только одна, ручницъ не было ни одной, только 26 гаковницъ, порохового погреба не было, пушкарь только одинъ, хлѣбныхъ запасовъ никакихъ [5]). Брацлавскій

[1]) Źrodła dziejowie, tom VI, str. 1—4; Акты Зап. Рос. III, № 11, стр. 44.

[2]) Акты Зап. Рос. III, стр. 44.

[3]) Źródła dziejowie, tom VI, str. 6—18.

[4]) Ibidem, str. 19—90.

[5]) Ibidem, str. 108—117.

замокъ, болѣе другихъ выдвинутый на югъ въ дикія поля, долженствовавшій выдерживать первый натискъ врага, былъ такъ малъ, что въ немъ едвали могла укрыться третья часть мѣстныхъ жителей съ семьями и имуществомъ; сторожи въ немъ не было никакой, военныхъ и хлѣбныхъ запасовъ очень мало, пушкарей только три [6]) и т. д. Судя по заявленіямъ, сдѣланнымъ на позднѣйшихъ сеймахъ самимъ господаремъ и станами сейма, въ неудовлетворительномъ состояніи находились и другія укрѣпленія великаго княжества.

Дознаніе, здѣланное путемъ опроса мѣстныхъ обывателей, выяснило главнѣйшія причины такого неудовлетворительнаго состоянія укрѣпленій. Въ этомъ виноваты оказались отчасти мѣстные господарскіе урядники, старосты, державцы и другіе, на обязанности которыхъ было заботиться объ исправности укрѣпленій и боевой ихъ готовности: эти урядники не радѣли о своихъ обязаностяхъ, потакали мѣстнымъ обывателямъ, обязаннымъ ремонтировать замки, обращали въ свою пользу доходы, предназначенные на содержаніе укрѣпленій и т. д. Но еще болѣе виновными оказались мѣстные землевладѣльцы, въ особенности крупные, князья и паны.

Повыпросивъ въ разное время у короля Сигизмунда и его предшественниковъ множество имѣній, съ которыхъ прежде шли разнообразныя службы на господарскіе замки, они перестали отправлять съ этихъ имѣній не только тѣ повинности, отъ которыхъ шляхта обыкновенно освобождалась въ силу своихъ привилеевъ, но и тѣ, которыя обыкновенно оставлялись на шляхетскихъ имѣньяхъ, т. е. ремонтъ замковъ, военныхъ дорогъ и мостовъ и доставку подводъ и кормовъ лицамъ, проѣзжающимъ по казенной надобности. Путь въ этомъ отношеніи показанъ былъ самимъ господаремъ, который, жалуя князьямъ и панамъ имѣнья, освобождалъ нѣкоторыя изъ нихъ отъ всѣхъ или отъ части вышеупомянутыхъ государственныхъ повинностей [7]). Слѣдуя этому примѣру, многіе владѣльцы уже самовольно освобождали себя отъ государственныхъ повинностей съ своихъ «выслугъ». Листы на эти выслуги находились въ ихъ рукахъ, и никому доподлинно не было извѣстно, на какихъ условіяхъ они владѣли ими. Остальнымъ уже не подъ силу было поддерживать въ исправности укрѣпленія, которыя прежде строились и ремонтировались средствами гораздо большаго количества населенныхъ имѣній.

---

[6]) Ibidem, str. 117—128.

[7]) См., напр., Archiwum Sanguszków IV, № CCCLXIX.

Господарскіе посланцы, отправленные на ревизію замковъ, между прочимъ получили приказаніе принять всевозможныя мѣры къ приведенію ихъ въ надлежащее состояніе. Они должны были пересмотрѣть документы на владѣнія у мѣстныхъ князей, пановъ и шляхты, побудить къ выполненію замковыхъ повинностей тѣхъ, кто были обязаны выполнять ихъ, должны были сдѣлать надлежащія распоряженія касательно постройки замковъ, сбора мытъ, подводъ, «стацій» и другихъ земскихъ «потребъ». На дѣлѣ эти государевы посланцы оказались въ состояніи выполнить только первую часть своей задачи, т. е. обозрѣть укрѣпленія и предоставить отчетъ о своей ревизіи господарю. Такъ было, по крайней мѣрѣ въ южныхъ областяхъ, на Волыни и Подольѣ. Волынскіе землевладѣльцы не только не содѣйствовали, но прямо мѣшали исполненію возложенныхъ на ревизора порученій. Они неохотно и не всѣ съѣзжались на замки по приглашенію ревизора [8]), отказались положить передъ нимъ свои привилеи на имѣнья для доказательства своихъ правъ и вольностей и вообще подчиняться его распоряженіямъ [9]). Свои отказы они мотивировали тѣмъ, что не всѣ они въ сборѣ, что нѣтъ среди нихъ самыхъ знаменитыхъ князей и пановъ-рады, у которыхъ есть на Волыни имѣнья,—Радивиловъ, Ходкевичей, Кишковъ, кн. Василья Константиновича Острожскаго, кн. Заславскаго, княгини Ильиной-Острожской, князей Вишневецкихъ, Збаражскихъ и другихъ, безъ которыхъ они не могутъ начинать этого дѣла, а также и тѣмъ, что не хотятъ ни въ чемъ разниться отъ другихъ земель [10]). «И коли господаръ его милость,—заявляли они письменно ревизору,—будетъ въ панстве своимъ, великомъ князьстве Литовскомъ, со всими паны рады своими на валномъ сойме, а вхочетъ его милость, абыхмо привилья свои передъ его милостью клали, тогды, естли будетъ земля Киевская, земля Полоцкая, земля Витебская, земля Жомойтская, къ тому тежъ вси поветы Подляскии будутъ привилья свои класти передъ его милостью, тогды и мы, наменшыи слуги его милости, привилья свои положимъ; то пакъ все будетъ на воли его милости господарскии: што его милость усхочетъ, то вчинитъ». Только при такихъ условіяхъ, по ихъ словамъ, имъ не обидно будетъ класть привилеи на имѣнья, которыя они не украли и не могли украсть; ибо если бы кто изъ нихъ посмѣлъ это сдѣлать, у того старосты «выдрали» бы имѣнья изъ горла [11]).

---

[8]) Źródła dziejowie, tom VI, str. 2, 19—23, 91, 92.

[9]) Ibidem, str. 132.

[10]) Ibidem, str. 5, 27—30.

[11]) Ibidem, str. 23, 24.

Подобныя же заявленія пришлось выслушать королевскому ревизору и отъ Подольскихъ землевладѣльцевъ [12]). Очень можетъ быть, что тоже самое произошло и въ другихъ областяхъ великаго княжества, гдѣ происходила ревизія замковъ. Попытка литовскаго правительства справиться съ выдвинувшимися на очередь государственными задачами при помощи чисто административныхъ средствъ разбилась о сопротивленіе князей, пановъ и шляхты. Волею-неволею пришлось и на этотъ разъ обратиться за содѣйствіемъ къ тѣмъ же князьямъ, панамъ и шляхтѣ и созвать ихъ на великій вальный соймъ. Этотъ путь, какъ мы видѣли, указывался самими землевладѣльцами, которые не желали имѣть дѣла съ господарскими посланцами и подчиняться ихъ рѣшеніямъ порознь, по отдѣльнымъ повѣтамъ, а пожелали объясниться съ самимъ господаремъ на общемъ сеймѣ и подчиниться сообща его рѣшенію. Инстинктъ сословнаго самосохраненія говорилъ имъ, что совокупными усиліями имъ болѣе удастся отстоять свои права и вольности, чѣмъ на частныхъ собраніяхъ передъ господарскими посланцами. Между тѣмъ турецкая гроза не только не сходила съ горизонта, но стала вновь надвигаться. Въ концѣ 1546 года пошли слухи, что «цесарь» турецкій собираетъ огромное войско—«десеть кротъ сто тисячъ» и хочетъ идти на Вѣну и въ Венгрію. Можно было опасаться, что эта гроза захватитъ и великое княжество. Кромѣ того, близокъ былъ и срокъ перемирію, заключенному съ Москвою, и могла возобновиться война и съ этой стороны. Нужно было, слѣдовательно, во что бы то ни стало покончить съ вопросомъ о приведеніи въ исправность укрѣпленій, и Сигизмундъ-Августъ, уступая желаніямъ, выраженнымъ военнослужилыми землевладѣльцами при производствѣ ревизіи замковъ, въ январѣ 1547 года созвалъ великій вальный соймъ въ Вильнѣ.

Этотъ сеймъ, по свидѣтельству современника и участника, подскарбія земскаго Ивана Горностая, созванъ былъ не для чего иного, какъ только для обороны земской, «которым бы обычаемъ оборона того панства мела быт постановена» [13]). Но на дѣлѣ совѣщанія, происходившія на этомъ сеймѣ, и сдѣланныя на немъ постановленія коснулись и разныхъ другихъ сторонъ государственной жизни великаго княжества. Станы литовско-русскаго сейма уже въ предшествующее великокняженіе привыкли играть на сеймахъ не только пассивную роль, но и активную, привыкли обсуждать не только предложенія правительства, но и свои нужды и потребности, и заявлять не только готовность къ

---

[12]) Ibidem, str. 100.

[13]) Archiwum Sanguszków IV, № CDLVI.

услугамъ, но и различныя просьбы и требованія къ своему господарю. Такъ было и на Виленскомъ сеймѣ 1547 года. Собравшіеся на этомъ сеймѣ княжата, панята и шляхта-рыцарство, отчасти даже съ участіемъ пановъ радныхъ, выработали и представили господарю рядъ письменныхъ ходатайствъ, касающихся ихъ интересовъ. Значительная часть этихъ ходатайствъ была отклонена господаремъ, но часть была принята и вызвала соотвѣтствующія постановленія господаря. Станы сейма, такимъ образомъ, явились иниціаторами цѣлаго ряда правительственныхъ актовъ, совершенныхъ въ это время.

Во главѣ этихъ актовъ стоитъ подтвержденіе общеземскаго привилея великаго княжества Литовскаго. Станы сейма всѣ вкупѣ—паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата, панята и все рыцарство просили господаря, чтобы онъ на этомъ первомъ въ его правленіе сеймѣ по обычаю своихъ предковъ велѣлъ показать имъ всѣ права и вольности, пожалованныя ихъ предкамъ и имъ самимъ отъ прежнихъ господарей, и соблаговолилъ подтвердить эти права и вольности новымъ привилеемъ и листомъ своимъ господарскимъ, дабы всѣ они, его подданные, «съ того ся веселили и тымъ охотнѣй его королевской милости, пану своему, и рѣчи посполитой служити могли». Господарь, найдя эту просьбу справедливою, приказалъ «оказати и вычести» передъ всѣмъ сеймомъ привилеи и листы вольностей ихъ и обѣщалъ по обычаю предковъ и согласно обязательству, данному за него отцомъ, подтвердить эти привилеи своимъ листомъ, объ изготовленіи котораго далъ распоряженіе канцлеру. Изъ позднѣйшихъ грамотъ самого Сигизмунда-Августа мы знаемъ, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе и дѣйствительно выдалъ свой подтвердительный привилей [14]).

Вмѣстѣ съ просьбою о подтвержденіи общихъ правъ и вольностей станы сейма представили ходатайство, чтобы господарь гарантировалъ имъ особымъ листомъ владѣніе имѣньями, которыя ихъ предки и сами они спокойно держали при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ, чтобы исключилъ изъ статута артикулъ, гласящій, что господарь не подчиняется земской давности, въ виду противорѣчія этого артикула другому, предоставляющему каждому вѣчно владѣть тѣмъ, что онъ спокойно держалъ при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ. Но господарь не усмотрѣлъ надобности въ выдачѣ требуемаго привилея и исключеніи вышеупомянутаго артикула, находя, что въ данномъ случаѣ нѣтъ противорѣчія, и посовѣтовавшись съ панами-радою оставилъ все по старому. Станы сейма просили господаря выдать имъ осо-

---

[14]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

бую гарантію также и относительно соблюденія «ухвалы» прошлаго Берестейскаго сейма, въ силу которой никто не долженъ былъ позывать другого на судъ господаря въ Польшу. Господарь обѣщалъ соблюдать это постановленіе, вписанное уже его отцомъ въ статутъ, и съ своей стороны внести его въ свой привилей, который выдастъ великому княжеству. Онъ оговорилъ только, что отъ суда пановъ-рады «по сказанью» вольно будетъ отзываться до господаря въ Польшу или туда, гдѣ онъ будетъ въ данное время находиться.

Къ просьбамъ о подтвержденіи правъ и вольностей станы сейма присоединили ходатайство о новомъ порядкѣ храненія земскихъ привилеевъ. Они просили, чтобы всѣ привилеи и листы на права и вольности, пожалованныя ихъ предкамъ отъ предковъ господаря, а равно и новый привилей, который будетъ выданъ самимъ господаремъ, хранились не въ скарбѣ земскомъ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, за печатями пановъ рады и ихъ собственными, дабы къ этимъ привилеямъ былъ болѣе легкій доступъ, когда въ нихъ явится нужда. Просьба эта чрезвычайно характерна, какъ симптомъ настроенія, господствовавшаго на сеймѣ. Очевидно, что станы сейма одушевлены были намѣреніемъ и впредь отстаивать свои права и вольности, каковыя и желали знать въ точности во всякое время. Господарь согласился на то, чтобы привилеи были вынуты изъ земскаго скарба и вмѣстѣ съ новымъ привилеемъ хранились тамъ, гдѣ пожелаютъ станы сейма. Станы сейма должны были только условиться съ панами-радою, въ какомъ безопасномъ мѣстѣ и за чьими печатьми хранить эти привилеи. Выше (на стр. 394, 395) было уже указано, что привилеи остались въ скарбѣ земскомъ подъ охраною подскарбія земскаго. Кое-что, однако, сдѣлано было для облегченія къ нимъ доступа, а именно: отведено было для нихъ спеціальное помѣщеніе, которое отдано было въ исключительное распоряженіе канцлера. Государственный архивъ великаго княжества такимъ образомъ обособился до извѣстной степени отъ скарбовой кладовой, хотя окончательно и не порывалъ съ нею связи. Фактъ этотъ опредѣлился при вступленіи на канцлерскую должность пана Миколая Яновича Радивила въ 1551 году [15]). Привилеемъ,

---

[15]) Поэтому и въ началѣ XXXV книги Записей Литовской Метрики встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: Вельможное княже на Олыце и Несвижу панъ Миколай Радивилъ, воевода Виленьский, маршалокъ земский, канцлеръ великого князства Литовъского староста Берестейский, державца Борисовский и Шовленьский, поступившы на местца предъковъ своихъ, съ пильностью то мети хотелъ, абы вси таковые обдарованья, листы умоцненые, наяснейшого и предреченого господаря Жи-

выданнымъ 3 ноября того же года на Виленскомъ сеймѣ, король предоставилъ ему и его преемникамъ держать у себя и хранить всѣ привилеи великаго княжества [16]). Судя по вышеприведенной записи (въ прим. 15), для этого ему отведено было особое помѣщеніе въ скарбовой кладовой.

На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы сейма, какъ мы видѣли, выступали съ цѣлымъ рядомъ частныхъ просьбъ и ходатайствъ о соблюденіи и лучшемъ обезпеченіи ихъ правъ и вольностей. Эти просьбы частью были отклонены, какъ неосновательныя притязанія, частью приняты съ обѣщаніемъ удовлетворенія. На Виленскомъ сеймѣ 1547 года станы сейма сочли нужнымъ возобновить большинство этихъ просьбъ и присоединить къ нимъ нѣкоторыя другія въ надеждѣ, что молодой господарь будетъ сговорчивѣе и выполнитъ обѣщанія, данныя его отцомъ и оставшіяся неисполненными. Можно сказать, что шляхта выработала уже себѣ опредѣленную программу различныхъ преобразованій и улучшеній въ своихъ интересахъ и настойчиво стала добиваться ихъ осуществленія.

Въ этой программѣ на первомъ планѣ стояло исправленіе статута. Указавъ на то, что до сихъ поръ не исполнено постановленіе Берестейскаго сейма о назначеніи комиссіи для исправленія статута въ составѣ пяти человѣкъ римскаго закона и пяти греческаго, станы сейма просили наименовать теперь же этихъ особъ съ тѣмъ, чтобы они къ слѣдующему сейму исправили статутъ и представили его на разсмотрѣніе и одобреніе сейма, послѣ чего статутъ долженъ быть напечатанъ. Господарь принялъ эту просьбу и предоставилъ станамъ сейма самимъ избрать комиссію для исправленія статута. Какъ видно, изъ отвѣта господаря станамъ Виленскаго сейма 1551 года это избраніе не состоялось. Станы сейма просили, чтобы комиссію назначилъ самъ господарь въ расчетѣ на то, что въ такомъ случаѣ и жалованье

кгимонта Августа съ канъцляреи его королевъское милости ураду своего канцлерского на одно местцо *певного замкненъя* зношоны и до тое книги вписываны были а на часъ пришлый потомъству и обователямъ великого князьства Литовъского ведомость, славу и можность приносить могли. Якожъ вси таковые листы привилья, ведомости часу пришлого потребные, далей слово отъ слова тутъ уписаны, которие свободы и вольности ширей объмовляють и годности водле заслугъ кождого стану ясне показуеть. Деялосе и почато справовати отъ Нароженья Сына Божъего лета тисячного пятьсотного пятьдесятъ первого, месеца июля одинадцатого дня, индикта девятого».

[16]) Scarbiec diplomatów II, № 1557.

этой комиссіи будетъ выдавать онъ же, изъ земскаго скарба. Господарь же, предоставляя самимъ станамъ избрать комиссію, полагалъ, что избиратели обязаны будутъ вотировать и содержаніе этой комиссіи, опредѣлить для этой цѣли «податокъ» съ своихъ имѣній. По крайней мѣрѣ, на слѣдующемъ Виленскомъ сеймѣ 1551 г. господарь согласился назначить комиссію совмѣстно съ панами-радою подъ тѣмъ только условіемъ, если станы сейма изыщутъ для нея содержаніе [17]). Очевидно, что станы сейма 1547 года поняли смыслъ королевской предупредительности и потому уклонились на этотъ разъ отъ предоставленной имъ чести.

На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы сейма, какъ мы видѣли, пытались установить свое право на участіе въ постановленіяхъ объ оборонѣ земской, т. е. въ опредѣленіи размѣровъ военной службы съ земскихъ имѣній. На Виленскомъ сеймѣ 1547 года станы попытались также на основаніи прецедентовъ установить свое право на участіе въ выпускѣ новой монеты. Они напомнили господарю, что отецъ его, старый король, задумавъ пустить въ великое княжество польскую монету, хотя паны-радные и дали на то свое согласіе, не рѣшился учинить этого безъ вѣдомости остальныхъ становъ и созвалъ ихъ на сеймъ, на которомъ и объявилъ свое рѣшеніе [18]); между тѣмъ въ настоящее время господарь началъ выпускать новую монету, ихъ, подданныхъ своихъ, «къ тому не вызываючи». Станы сейма просили господаря, чтобы онъ не «упослѣживалъ» ихъ въ такихъ вещахъ, которыя касаются всей земли. На эту просьбу господарь отвѣчалъ: ему де хорошо извѣстно, что въ прежнее время, когда били монету въ великомъ княжествѣ, «соймовъ на всю землю не збирано»; не собирался сеймъ и въ то время, когда пускалась польская монета въ великое княжество; дѣло это всегда было «въ моцы, владности и справованью» самого господаря и пановъ-рады: по своему усмотрѣнію господарь прекращалъ чеканку монеты, вновь начиналъ и другимъ предоставлялъ ее, смотря по надобности, «а земля о томъ ничего не вѣдала»; такъ онъ будетъ поступать и впредь, «водлѣ стародавного обычая». Такимъ образомъ, попытка становъ сейма получить право на нѣкоторое участіе въ завѣдываніи монетнымъ дѣломъ не удалась.

Станы сейма попытались далѣе расширить свое право и въ отношеніи серебщины, собираемой по сеймовымъ ухваламъ. Выразивъ свое

---

[17]) Акты Зап. Рос. III, № 11, стр. 32.

[18]) Это объявленіе происходило на сеймѣ въ военномъ лагерѣ подъ Новгородкомъ въ 1508 г. См. Акты Зап. Рос. II, № 31.

немалое недоумѣнье по поводу того, куда дѣвались деньги, которыя они передъ тѣмъ неоднократно давали на оборону земскую, станы сейма просили, чтобы на будущее время эти деньги отдавались не въ скарбъ земскій, а двумъ избраннымъ особамъ и при нихъ писарю, которые должны хранить деньги за своими ключами и не отдавать ни на что, «одно на посполитую оборону земскую, на люди служебные», въ чемъ и должны давать отчетъ передъ сеймомъ. Эта просьба явилась результатомъ неисполненія обѣщаній, которыя правительство давало передъ сеймами 1538 и 1540 (см. выше стр. 272, 283). Желая во что бы то ни стало получить отъ землевладѣльцевъ великаго княжества субсидію на случай войны съ Москвою, Сигизмундъ, какъ мы видѣли, обѣщалъ хранить собранныя деньги въ скарбѣ и не расходовать ихъ ни на что другое, кромѣ найма служебныхъ для войны съ Москвою. Но послѣ того, какъ съ Москвою заключено было продолжительное перемиріе, до 25 марта 1549 года, и не предвидѣлось скорой войны, правительство стало забывать данное обѣщаніе и расходовать собранную серебщину на разнообразныя государственныя нужды[19]). Это обстоятельство и заставило станы обратиться къ господарю съ вышеизложенною просьбою. Король отдѣлался отъ непріятнаго запроса неопредѣленнымъ заявленіемъ, что де подскарбій земскій «слушнѣ а раднѣ» обернулъ собранную серебщину, не на что иное, какъ на тѣ же «потребы земскіе», на которыя обычно выдаются эти деньги, и уже представилъ отчетъ въ ихъ израсходованіи ему, господарю, и панамъ-радѣ. Королю сильно не хотѣлось выпускать серебщинныя деньги изъ своихъ рукъ, и потому онъ поставилъ на видъ станамъ сейма, что скарбъ земскій не безъ причины установленъ въ прежнія времена, что гораздо лучше будетъ, если серебщина будетъ собираться и храниться въ скарбѣ: опытъ де показываетъ, что, когда серебщина собиралась не подскарбіемъ земскимъ, а особыми бирчими, много ея не доходило до бирчихъ «за непослушенствомъ», много было растрачено

---

[19]) Изъ отчета, представленнаго подскарбіемъ земскимъ Иваномъ Горностаемъ 1-го августа 1546 года, видно, что изъ 21928 копъ и 42 грошей второй серебщины, собранной въ 1542 году въ силу ухвалы Виленскаго сейма 1540 г., онъ израсходовалъ 15183 копы, 8 грошей и 1 пенязь по господарскому приказанью: «на кони двораномъ нашимъ, такъ и на отправы посломъ въ речахъ земскихъ до короля его милости старшого до Кракова и тежъ за корованы купцомъ турецкимъ и татарскимъ и на потребы до минцы нашое, яко дому купленья и на будованья и на истраву даванья на мынцеры и на иные многие розмаитые росходы». Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 155—156.

самими бирчими; и не малая сумма выходила на вознагражденіе самихъ бирчихъ. Окончательный отвѣтъ господаря былъ тотъ, что серебщина по давнему должна представляться въ скарбъ земскій; станы сейма, если пожелаютъ, могутъ выбрать бирчихъ, но эти бирчіе, собравъ серебщину, обязаны будутъ представлять ее въ скарбъ и учинить личбу передъ панами-радою и подскарбіемъ земскимъ.

Повидимому, случаями изъ правительственной практики вызвана была и просьба о томъ, чтобы господарь не отнималъ ни у кого урядовъ и державъ «на заочное поведанье». Едва ли въ данномъ случаѣ не подѣйствовалъ случившійся не задолго предъ тѣмъ фактъ отнятія у пана Ивана Богдановича Сопеги воеводства Подляшскаго и староства Дорогицкаго [20]). Его родичи и пріятели могли обратить вниманіе становъ сейма на этотъ фактъ и побудить ихъ обратиться къ новому господарю съ соотвѣтствующею просьбою. Послѣдній отвѣчалъ, что ему неизвѣстны подобные случаи и впредь онъ не будетъ допускать ихъ.

Ходатайствуя о неотнятіи урядовъ и державъ безъ доказанной вины, станы сейма ходатайствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы господарь не раздавалъ чужеземцамъ урядовъ земскихъ и дворныхъ, а также замковъ, дворовъ, мѣстъ и волостей въ держанье, ибо такою раздачею всѣмъ имъ наносится обида, какъ будто между ними нѣтъ людей «годныхъ и вѣрныхъ и справныхъ», а съ другой стороны и государство терпитъ не малые убытки отъ того, что чужеземцы, разживаясь на урядахъ и державахъ, увозятъ съ собою не мало денегъ изъ страны. Мы видѣли, что подобная просьба подавалась уже въ 1538 году станами сейма, собиравшагося въ Новгородкѣ. Въ то время эта просьба вызвана была пожалованьемъ чашничества поляку Войтеху Ясеньскому. Этотъ же самый Ясеньскій при Сигизмундѣ-Августѣ сдѣланъ былъ кухмистромъ двора (съ 1546 г.) и державцею Гераноинскимъ [21]). Кромѣ Ясеньскаго, до литовскихъ урядовъ и державъ добрались и другіе поляки, какъ-то: Юрій Фальчевскій, сдѣланный въ 1535 году бискупомъ Луцкимъ и державцею Шовленскимъ, братъ его Станиславъ, бывшій въ 1541—1542 г. старостою Кременецкимъ, а затѣмъ Кобринскимъ [22]), Станиславъ Коморовскій, бывшій въ 1546 году державцею Гераноинскимъ [23]), Станиславъ Райскій, бывшій въ 1541—1542 г. державцею

---

[20]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 304.

[21]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 106; Spis dygnitarzy i uszędników.

[22]) Ibidem, str. 53; Źrodła dziejowie, tom VI, str. IX, X.

[23]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 137.

Ратненскимъ, а затѣмъ Олитскимъ и Немоитскимъ [24]). Вслѣдствіе этого станы сейма и сочли нужнымъ предъявить новому господарю вышеизложенную просьбу. Но такъ какъ названные поляки уже пріобрѣли осѣдлость въ великомъ княжествѣ и, такъ сказать, натурализировались въ немъ, то и господарь на просьбу становъ сейма счелъ возможнымъ отозваться невѣдѣніемъ такихъ случаевъ, когда бы уряды или державы раздавались чужеземцамъ.—Развивая свою просьбу о раздачѣ урядовъ только уроженцамъ великаго княжества, станы сейма просили, чтобы господарь не поручалъ чужеземцамъ объѣзжать и «пописывать» свои замки, дворы и волости и усчитывать господарскіе доходы, такъ какъ отъ этого происходитъ затрудненіе и обремененіе старостамъ, державцамъ и ихъ урядникамъ «въ небордзой отправѣ и въ непомѣрной заплатѣ отъ квитовъ». Эта просьба направлена была главнымъ образомъ противъ Фальчевскихъ, изъ которыхъ Юрій, бискупъ Луцкій, въ 1545 году объѣзжалъ и пописывалъ украинные замки [25]), а Петръ Фальчевскій былъ главнымъ руководителемъ волочной помѣры, предпринятой Сигизмундомъ-Августомъ уже въ самомъ началѣ своего правленія въ великомъ княжествѣ [26]), и «справцею пожитковъ дворовъ господарскихъ», которые онъ, по всѣмъ даннымъ, весьма тщательно вывѣдывалъ и отбиралъ отъ старостъ и державцевъ. Выслушавъ эту просьбу, инціаторами которой были несомнѣнно присутствовавшіе на сеймѣ старосты и державцы, господарь отклонилъ ее, какъ неумѣстное притязаніе, и заявилъ, что и впредь онъ будетъ посылать по дворамъ и волостямъ своимъ для вывѣдыванья и досмотрѣнья своихъ «пожитковъ», кого ему будетъ угодно, кто только на это дѣло годится и докажетъ свое умѣнье размножать господарскіе «пожитки», присовокупляя, что онъ, господарь, самъ знаетъ, какъ ему съ панами-радою наблюдать интересы скарба, а другимъ до этого нѣтъ никакого дѣла; державцы и ихъ урядники пусть заботятся о выполненіи своихъ обязанностей и о «рядномъ» отправленіи своихъ должностей; что касается

---

[24]) Ibidem, str. 281.

[25]) Źródła dziejowie, tom VI, str. X.

[26]) *Seweryna Golębiowskiego* Czasy Żygmunta Augusta, część II, str. 181. Wilno 1851. Въ привилеѣ, выданномъ 26 октября 1547 г. Миску Олтуховичу на четыре волоки земли въ селѣ Клепачахъ въ Волковыйской волости, читаемъ между прочимъ: «Што которие земли подданыхъ нашихъ волости Волъковыйское на имя Пилъка Есковича, Петраша Анъдреевича и братьи ихъ надъ рекою Свислочью въ селе въ Клепачохъ *тыхъ часовъ зъ росказанья нашого* на волоки суть *померены*» и т. д. (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XX, л. 23—24; Записей кн. XXXI, л. 142).

непомѣрныхъ платъ за «квиты», то пусть они укажутъ тѣхъ, кто беретъ и посколько, и тогда господарь установитъ платы безъ обремененія для старостъ и державцевъ.

Прося господаря не раздавать чужеземцамъ урядовъ и державъ въ великомъ княжествѣ, станы сейма ходатайствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы чужеземцы не отправляли и своихъ должностей въ предѣлахъ великаго княжества, повторяя и на этотъ разъ просьбу, которую они уже представляли на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. (см. выше, стр. 295). Станы указывали, что въ прежнее время, когда господарь ѣхалъ изъ короны въ великое княжество, коронные урядники сопровождали его до границы, а если и ѣхали дальше, то только въ качествѣ гостей, не имѣя никакой «моцы и владности» отправлять свои должности: господаря на границѣ встрѣчали дворные урядники великаго княжества—маршалки, подскарбій, подчашій, крайчій, конюшій, кухмистръ, подстолій, подкоморій и другіе и вступали въ отправленіе своихъ урядовъ; между тѣмъ въ настоящее время они носятъ только титулы, а дѣйствительную службу за нихъ несутъ коронные урядники, пользуясь и ихъ доводами и «оброками». Станы сейма заявляли, что не только самимъ урядникамъ, но и всѣмъ имъ прискорбно видѣть таковой «ущипокъ» въ ихъ урядахъ и просили господаря не допускать коронныхъ урядниковъ къ отправленію своихъ должностей въ предѣлахъ великаго княжества. Господарь отвѣчалъ, что въ данномъ отношеніи все при немъ идетъ такъ, какъ было и при его отцѣ: и теперь каждый дворный урядникъ великаго княжества находится на своемъ урядѣ и имъ «владаетъ и справуетъ». Впрочемъ, онъ обѣщалъ со временемъ получше разузнать, какъ обстояло дѣло въ старину, и сообразно съ тѣмъ распорядиться касательно дворныхъ урядовъ.

Въ своемъ мѣстѣ (на стр. 418—420) мы указывали, какое огромное значеніе имѣла для шляхты служба при господарскомъ дворѣ въ качествѣ такъ называемыхъ «дворянъ». Естественно поэтому, что князья, паны и шляхта сочли нужнымъ просить новаго господаря, чтобы онъ по стародавнему обычаю держалъ литовскій дворъ и платилъ дворянамъ изъ тѣхъ средствъ, откуда давали свое жалованье и его предшественники. Свою просьбу станы сейма мотивировали желаніемъ, чтобы ихъ братья и сыновья имѣли возможность упражняться въ рыцарскихъ поступкахъ и тѣмъ заслуживать господарскія милости; кромѣ того, изъ такихъ дворянъ въ старину набирался и ходилъ на войну особый полкъ. Господарь, соглашаясь на просьбу въ принципѣ, обѣщалъ переговорить съ панами-радою относительно того, на что содержать этотъ дворъ, замѣтивъ не безъ ироніи, что, вѣроятно, этотъ дворъ

въ старину содержался на счетъ того, что отошло къ непріятелю, и на счетъ тѣхъ замковъ и дворовъ, которые и по сіе время находятся въ заставѣ или розданы самимъ просителямъ.

Несмотря на то, что на предшествующемъ Берестейскомъ сеймѣ господарь отвѣчалъ отказомъ на просьбу шляхты о выборныхъ земскихъ судьяхъ и писарѣ, станы Виленскаго сейма 1547 года сочли нужнымъ вновь поднять тотъ же вопросъ. Сославшись на постановленіе статута, въ силу котораго воеводы должны были выбрать двухъ земянъ въ каждомъ повѣтѣ своего воеводства и препоручить имъ судить шляхту въ надлежащіе сроки, дабы каждый могъ получить судъ и управу въ своемъ же повѣтѣ съ малыми расходами, станы сейма просили господаря дать имъ судьями людей добрыхъ, избранныхъ самими же ими, а равно и такого же писаря присяжнаго. Господарь отвѣчалъ, что онъ оставляетъ это дѣло по старому, согласно съ рѣшеніемъ на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года и съ постановленіями статута.

Просьба становъ сейма 1547 года показываетъ, что порядокъ, предначертанный статутомъ 1529 года, не привился въ отправленіи правосудія. Статутъ 1529 года предполагалъ, что шляхту будутъ судить воеводы, старосты и державцы тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ лежали шляхетскія имѣнья, или же намѣстники и маршалки этихъ должностныхъ лицъ съ непремѣнными засѣдателями изъ мѣстной шляхты, назначенными по усмотрѣнію воеводъ, старостъ и державцевъ. Эти непремѣнные засѣдатели, какъ мы видѣли, и назначены были въ нѣкоторыхъ повѣтахъ вскорѣ послѣ введенія статута 1529 г. [27]). Просьба становъ Виленскаго сейма 1547 года показываетъ, что дѣло не пошло, однако, далѣе этихъ начальныхъ попытокъ: непремѣнные засѣдатели изъ мѣстной шляхты не были назначены по всѣмъ повѣтамъ и скоро, повидимому, перестали вовсе назначаться. Судъ какъ сами воеводы, старосты и державцы, такъ и ихъ намѣстники попрежнему стали отправлять сообща съ лицами, случайно находившимися при нихъ въ данный моментъ [28]). Такой порядокъ вещей, разумѣется, не могъ не тяготить шляхту, въ особенности когда ей приходилось имѣть дѣло не съ самими воеводами, старостами и державцами, а съ ихъ намѣстни-

---

[27]) См. выше, стр. 252 и прилож. № 9, 10.

[28]) Относительно воеводы Витебскаго см. многочисленныя указанія въ XVI кн. Записей; относительно воеводы Виленскаго въ кн. Судныхъ дѣлъ XI; срав. также *И. И. Лаппо* Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI в., стр. 33—35. Спб. 1897 (Оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 іюнь).

ками. По свидѣтельству современника Михалона Литвина, эти намѣстники были обыкновенно люди, мало свѣдующіе въ юриспруденціи, умѣвшіе только взыскивать свой «пересудъ», засѣдавшіе вмѣсто трибуналовъ на шумныхъ попойкахъ. Естественно, что тяжущіеся не могли удовлетворяться судомъ такихъ судей и обыкновенно переносили свои тяжбы на судъ самихъ воеводъ, старость и державцевъ. По всѣмъ даннымъ и отъ суда державцевъ шляхта не рѣдко переносила дѣла на судъ воеводъ, а у нѣкоторыхъ державцевъ не судилась и вовсе, обращаясь прямо къ воеводскому суду, согласно съ 33-мъ артикуломъ шестого раздѣла статута 1529 года, дававшимъ шляхтѣ право не судиться у новыхъ державцевъ, предшественниками которыхъ были тивуны. Все это приводило къ концентраціи судебныхъ дѣлъ шляхты въ немногихъ рукахъ со всѣми ея дурными послѣдствіями, о которыхъ свидѣтельствуютъ и просьба становъ на сеймѣ 1547 года, и заявленія Михалона Литвина. Просьба становъ указываетъ косвенно, что судъ, сосредоточившійся въ рукахъ воеводъ, сталъ для шляхты дорогъ, сталъ требовать большихъ «накладовъ». У Михалона Литвина находимъ и объясненіе этого факта. Хотя,—говоритъ онъ,—во всей Литвѣ и отправляютъ судейскія обязанности двое воеводъ изъ числа вельможъ [29]), на неособенно дальнемъ разстояніи другъ отъ друга [30]), но развѣ они могутъ разобрать тяжбы столь многочисленнаго народа и столькихъ областей, въ особенности, если принять во вниманіе, что по своей должности они исполняютъ и другія обязанности? Поэтому-то, занятые множествомъ государственныхъ и частныхъ дѣлъ, они отправляютъ суды большею частью по праздникамъ, въ свободное для себя время; но и тутъ много неудобства въ томъ, что у нихъ нѣтъ трибуналовъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Часто приходится искать ихъ тяжущимся за 50 миль и болѣе, и бѣдные люди ходятъ съ одного конца государства до другого, отыскивая подлежащаго судью [31]). Свидѣтельство Михалона

---

[29]) Михалонъ, очевидно, говоритъ о Литвѣ въ теснѣйшихъ этнографическихъ предѣлахъ, а не о всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ которомъ воеводъ было не двое, а семеро, а со старостою Жмудскимъ даже и восемь.

[30]) Т. е. воеводы Виленскій и Троцкій.

[31]) Tametsi vero duo ex optimatum numero Palatini in omni Lituania fungantur iudicum munere, locis non admodum disiuncti inter se, verum hi qui sufficere possunt, vt tam numerosi populi et tantarum prouinciarum lites disiudicent? praesertim cum iisdem curae sit respub. vt vocentur voievodae, id est belli duces. quo fit vt occupati multitudine et publicorum et priuatorum negotiorum diebus festis, nempe cum sunt liberiores a negotiis,

Литвина, относящееся къ воеводамъ Виленскому и Троцкому, справедливо въ сущности и относительно другихъ шляхетскихъ судей—воеводъ, старостъ и державцевъ. Всѣ они большею частью также не могли давать скораго и дешеваго суда на мѣстѣ. Возьмемъ, напр., третьяго воеводу, чинившаго судъ и управу въ предѣлахъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ—воеводу Новгородскаго. Въ сороковыхъ годахъ на этомъ урядѣ былъ панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же былъ старостою Берестейскимъ, державцею Остринскимъ, Вилькейскимъ и Кнышинскимъ. Всѣ его державы расположены были въ разныхъ мѣстахъ государства, и ему приходилось, такимъ образомъ, мѣнять свое мѣстопребываніе, за разъ заниматься множествомъ дѣлъ по управленію этими державами и вдобавокъ еще пріѣзжать къ господарю въ Вильну и ѣздить за нимъ по званію члена его рады. Его сынъ Іеронимъ Александровичъ въ то же время былъ паномъ Троцкимъ, старостою Жмудскимъ, державцею Плотельскимъ и Тельшевскимъ. Панъ Иванъ Горностай былъ въ то время за разъ маршалкомъ дворнымъ, подскарбіемъ земскимъ, старостою Слонимскимъ, Мстибоговскимъ, державцею Дорсунишскимъ, Бирштанскимъ и Зельвенскимъ; панъ Василій Тишковичъ—маршалкомъ, старостою Волковыйскимъ, державцею Минскимъ и т. д. Если такъ, тогда вполнѣ становится понятнымъ, почему шляхта на сеймѣ 1547 года просила господаря дать ей выборныхъ земскихъ судей и писаря для каждаго повѣта и тѣмъ предоставить возможность получать правосудіе «съ малымъ накладомъ».

Вслѣдъ за просьбою о выборныхъ земскихъ судьяхъ и писарѣ станы сейма повторяли и прежнюю просьбу о присяжнымъ «вижахъ». Они указывали, что старосты, державцы и ихъ намѣстники нерѣдко посылаютъ вижами людей простыхъ, «вѣры негодныхъ», т. е. мѣщанъ,

---

de litibus cognoscunt. Sed id etiam mali accidit, quod non habeant certis locis tribunalia. Saepe sunt 50 amplius milliaria quaerendi iustitiae consequendae causa, ab affecto iniuria eunt miseri homines a finibus Samagitiae et Livoniae, vsque ad terminos Masouiae et Moscouiae, persequentes iudicem ordinarium. Adhoc habemus quotannis 40 dies recolendae dominicae passioni, ieiunio, orationique dicatos. quos litibus attentius prosequendis transigimus. Habent ij voiewodae suos vicarios, qui itidem curato bene corpore, pro tribunali sedere inter conuiuiorum strepitus solent parum gnari iurisprudentiae, sed in suo Peressud emulgendo accurati. *Michalonis Litvani* De moribus tartarorum, litvanorum et moschorum fragmina X, p. 22—23. Basileae MDCXV.

тяглыхъ мужиковъ, а часто даже «и холопью невольную», которые берутъ «вижованья» по 12 грошей. Такіе вижи, конечно, показываютъ въ пользу тѣхъ, которые ихъ дороже перекупятъ, вслѣдствіе чего и правая сторона не рѣдко терпитъ убытки, возстановляя свои права. Станы сейма домогались, поэтому, чтобы въ каждомъ повѣтѣ выбиралось трое, четверо или пятеро присяжныхъ вижей изъ мѣстныхъ бояръ-землевладѣльцевъ, людей добрыхъ и вѣры годныхъ, которые бы брали «вижованья» по грошу за милю. Станы просили, чтобы господарь отмѣнилъ тотъ артикулъ статута, коимъ опредѣляется платить вижамъ воеводъ, маршалковъ и старостъ по полтинѣ грошей, а вижамъ намѣстниковъ ихъ по полукопѣ, въ виду его «обтяжливости», заставляющей многихъ отказываться отъ взысканія своей собственности («властныи истизны свои опускати») [32]. Господарь на всѣ эти просьбы далъ тотъ же отвѣтъ, что и на Берестейскомъ сеймѣ,—т. е. что онъ предоставляетъ выработать соотвѣтствующія постановленія тѣмъ, кто будетъ поправлять статутъ, и представить ему для утвержденія.

Какъ и на прошломъ Берестейскомъ сеймѣ, станы сейма заявляли желаніе, чтобы господарь объявилъ имъ, сколько они должны платить за листы, которые они для своихъ надобностей будутъ брать изъ государственной канцеляріи. Господарь и на этотъ разъ отдѣлался обѣщаніемъ переговорить съ панами радою и канцлеромъ и учинить надлежащее постановленье.

Слѣдующія просьбы касались огражденія правъ и интересовъ княжатъ, панятъ и шляхты отъ посягательствъ со стороны чужеземцевъ и другихъ сословій великаго княжества. На первомъ планѣ стоитъ защита отъ поляковъ. Станы сейма указывали на «кривды», которыя дѣлаются пограничнымъ землевладѣльцамъ великаго княжества отъ поляковъ и мазовшанъ «въ боѣхъ, въ кгвалтѣхъ, въ головщинахъ, въ забираньи земль и въ иньшихъ многихъ рѣчахъ», и просили господаря

[32]) Соотвѣтствующій артикулъ статута 1529 обязывалъ платить вижамъ воеводскихъ намѣстниковъ только по 12 грошей, вижамъ державцевъ, переименованныхъ изъ тивуновъ, также по 12 грошей, а вижамъ ихъ намѣстниковъ «помильное»—по грошу за милю. Просьба становъ сейма показываетъ, что первоначальная редакція статута 1529 г. была измѣнена къ невыгодѣ тяжущихся. Заявленіе становъ сейма подтверждаетъ и Михалокъ Литвинъ, у котораго читаемъ: «Capit item alius iudicis apparitor Wisz diem reo dicturus, in causa vel minima, siquidem Palatini fuerit, grossos quinquaginta, si vicarii ejus 30, si regius, vel se eum simulat, centum» (op. cit., p. 20, 21).

положить этому конецъ проведеніемъ точныхъ границъ. Господарь отвѣчалъ, что онъ уже отправилъ «на вывѣданье и пописанье тыхъ кривдъ пограничныхъ» своихъ посланцовъ: съ одного конца границъ—конюшаго дворнаго Николая Андрошевича и Станислава Коморовскаго, съ другого—маршалка Василья Тишкевича и Войтеха Ленартовича, при чемъ условился съ отцомъ своимъ, чтобы и со стороны Польши выѣхали комиссары для установленія пограничнаго покоя между обоими государствами и чтобы пограничнымъ польскимъ землевладѣльцамъ было приказано «спокойнѣ ся заховати»[33]).

Станы сейма жаловались затѣмъ, что «не меншіи тяжкости, кривды и жаль» терпятъ они и отъ мѣщанъ Виленскихъ: когда убѣжитъ къ нимъ княжескій, панскій или шляхетскій человѣкъ «непохожій» или паробокъ, или раба, они не выдаютъ ихъ владѣльцамъ и требуютъ, чтобы тѣ доискивались бѣглецовъ «правомъ нѣмецкимъ»; сыновья мѣщанскіе и ремесленники бьютъ шляхту, ранятъ и убиваютъ до смерти, и добиться у нихъ удовлетворенія нельзя, такъ какъ мѣщане заставляютъ потерпѣвшихъ преслѣдовать «мордеровъ» опять таки правомъ нѣмецкимъ, вопреки прямому правилу статута[34]). Въ виду этого станы сейма просили господаря гарантировать ихъ отъ того особымъ листомъ согласно съ постановленьемъ сойма Берестейскаго. Господарь снова подтвердилъ то, что уже опредѣлено было его отцомъ на Берестейскомъ сеймѣ, именно, что мѣщане Виленскіе и другихъ мѣстъ великаго княжества «боевъ и ранъ и головщинъ шляхетскихъ и слугъ и подданыхъ ихъ не маютъ правомъ своимъ Майтборскимъ въ мѣстѣхъ своихъ судити»; такія дѣла должны разбираться «правомъ земскимъ» въ судахъ, которымъ подсудна шляхта, впредь до слѣдующаго сейма. Относительно выдачи бѣглыхъ изъ мѣстъ господарь и паны-рада постановили: люди «отчизные», которые спокойно пребывали въ «мѣстѣ» три

---

[33]) Протоколы произведеннаго этими коммисарами разграниченья напечатаны въ 1-мъ томѣ Археографическаго Сборника, изданнаго Виленскою Археограф. Коммиссіею, № 31.

[34]) Статутъ говорилъ только о томъ, что мѣщане должны давать удовлетвореніе господарскимъ и владѣльческимъ крестьянамъ «за раны и головщины» «земскимъ правомъ», *но въ своихъ мѣстскихъ судахъ*, согласно правилу: actor forum rei sequitur. Слѣдовательно, и ссылка на статутъ становъ сейма является неправильною и содержитъ натянутое толкованіе въ пользу просителей. Срав. 23 арт. VI раздѣла по изд. Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. (Временникъ, кн. 18, стр. 50), или 19 арт. VI разд. по изданію Дзялынскаго (Zbiór praw litewskich, str. 264).

года, не могутъ быть выведены изъ мѣста; тѣхъ, кто еще не засидѣлъ трехъ лѣтъ, урядъ мѣстскій долженъ выдать владѣльцамъ; на будущее время относительно такихъ людей должна дѣйствовать десятилѣтняя давность, исключая холопа и рабу, которымъ давности нѣтъ.—Станы жаловались, кромѣ того, что Виленскіе мѣщане чуть не каждый годъ увеличиваютъ торговыя мѣры, коими скупаютъ зерновой хлѣбъ, въ чемъ вся земля терпитъ не малую «шкоду», и просили господаря установить «певную и неотмѣнную мѣру». Посовѣтовавшись съ панами-радою, господарь опредѣлилъ, что мѣра полубочковая Виленская отнынѣ должна содержать въ себѣ двѣ бочки, или восемь корцовъ, «ровныхъ, безъ верху и тресенья»; другая мѣра должна быть въ четыре корца, третья—въ два, четвертая—въ одинъ; всѣ эти мѣры должны равняться мѣрѣ господарской дворной, которая будетъ вымѣрена воеводою Виленскимъ и сдана на ратушу «подъ цехомъ»; кто будетъ мѣрить другими мѣрами, подвергнется взысканію, положенному за употребленіе фальшивыхъ мѣръ.—Станы сейма жаловались не только на купцовъ, но и на ремесленниковъ Виленскихъ—кравцовъ, шевцовъ, рымарей, слесарей и другихъ, которые де берутъ непомѣрную плату за свои работы и произвольно увеличиваютъ ее, отчего шляхта бѣднѣетъ. Станы просили господаря приказать войту и бурмистрамъ надлежащую «уставу въ томъ постановити», которая бы уже на всегда могла существовать, «на часы вѣчистыи трвала». Эта наивная просьба является весьма яркимъ показателемъ сословной солидарности шляхты, ея притязательнаго сословнаго эгоизма, которымъ она успѣла проникнуться по отношенію къ остальному обществу. Господарь обѣщалъ сдѣлать распоряженіе въ томъ родѣ, какъ просили станы сейма.—Не довольствуясь этимъ, станы просили, чтобы мѣщане обложены были военною службою не только съ земскихъ имѣній, но и «съ куплей маетностей своихъ», по оцѣнкѣ и усмотрѣнію господаря, ибо эти «маетности» они нажили съ той же шляхты-рыцарства. На эту просьбу господарь отвѣчалъ подтвержденіемъ прежняго постановленья, что мѣщане должны отправлять военную службу съ земскихъ имѣній, купленныхъ ими у шляхты, наравнѣ съ шляхтою, при чемъ разъяснилъ, что съ фольварковъ мѣстскихъ, которыми мѣщане владѣютъ въ предѣлахъ мѣстской территоріи, они не обязаны служить; что же касается мѣщанскихъ «маетностей» (капитала), то установленіе съ нихъ военной службы господарь оставлялъ на свою волю и усмотрѣнье.

Выступая съ своими требованіями относительно мѣщанства, литовско-русская шляхта, очевидно, увлечена была примѣромъ своей польской братьи, которая энергично и давнымъ давно обставляла себя

всевозможными огражденіями съ этой стороны. Уже отъ короля Ягайла польская шляхта добилась постановленія, чтобы воеводы совмѣстно съ другими урядниками регулировали цѣны товаровъ, продаваемыхъ и покупаемыхъ на мѣстскихъ рынкахъ и слѣдили за правильностью мѣръ и вѣсовъ [35]). Съ той поры не проходило почти ни одного сейма безъ того, чтобы не подтверждалась эта обязанность воеводъ, очевидно, по просьбѣ шляхты. Конституція Новокорчинскаго сейма 1451 г. включила въ число предметовъ, подлежавшихъ воеводской таксаціи, также и издѣлія ремесленниковъ, и это опредѣленіе вошло потомъ и въ составъ Нешавскихъ статутовъ Казимира Ягайловича [36]). Отъ преемника Казимирова—Яна Альбрехта шляхта добилась постановленія, запрещавшаго мѣщанамъ пріобрѣтать земскія имѣнья въ вѣчное владѣніе и даже въ заставу на томъ основаніи, что мѣщане обыкновенно находятъ способы уклоняться отъ несенія военной службы съ этихъ имѣній [37]). Литовская шляхта, хотя и не пошла такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, но тѣмъ не менѣе все таки сочла нужнымъ просить господаря о привлеченіи мѣщанъ къ военной службѣ съ пріобрѣтенныхъ ими земскихъ имѣній и даже съ капитала на томъ основаніи, что этотъ капиталъ нажитъ ими также на счетъ шляхты.

Точно такъ же и въ своихъ требованіяхъ относительно духовенства литовско-русская шляхта несомнѣнно шла слѣдомъ за своею польскою братьею. Польская шляхта давно спорила съ своимъ духовенствомъ о предѣлахъ его юрисдикціи и стремилась точно провести и какъ можно болѣе сузить эти предѣлы [38]). Въ началѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія вслѣдствіе распространенія въ Польшѣ реформаціонныхъ вѣяній споръ этотъ обострился и привелъ къ извѣстной конституціи Краковскаго сейма 1543 г., перечислившей дѣла, подвѣдомственныя духовному суду и опредѣлившей строгую кару (штрафъ въ 14 гривенъ) за обращеніе къ духовному суду по дѣламъ, не попавшимъ въ число перечисленныхъ [39]). Когда въ слѣдующемъ году собрался сеймъ въ Берестьѣ, литовцы съ своей стороны не преминули просить своего господаря издать подобное же распоряженіе, дабы никто не смѣлъ позывать другого «о речь светскую» до духовнаго суда. Господарь

---

[35]) Чирвинскій привилей 1420 г. Volumina legum I, p. 36.

[36]) Volumina legum I, p. 72, 116.

[37]) Опредѣленіе Петрковскаго статута 1496 г. Volumina legum I, p. 124.

[38]) D-ra *J. N. Romanowskiego* Otia Cornicensia, tom I, str. 187—205. Poznań 1861.

[39]) Volumina legum I, p. 283, 284.

изъявилъ свое согласіе, но, какъ видно, не исполнилъ своего обѣщанія. Поэтому-то и станы Виленскаго сейма 1547 года обратились къ новому господарю съ просьбою о принятіи мѣръ, чтобы духовные не засѣдали въ свѣтскихъ земскихъ судахъ и не привлекали къ своему суду по дѣламъ свѣтскаго характера. Видно, такимъ образомъ, что реформаціонное вліяніе охватило и литовско-русское общество. Говоря о духовныхъ, которые засѣдаютъ въ свѣтскихъ судахъ, станы сейма, очевидно, разумѣли князей-бискуповъ, бывшихъ членами господарской рады и по этому званію участвовавшихъ въ высшемъ судѣ. За это говоритъ и самое сопоставленіе, которое сдѣлали просители въ настоящемъ случаѣ: паны-рада не участвуютъ де въ духовномъ судѣ. Значитъ, и просьба становъ сейма направлена была противъ участія высшаго католическаго духовенства въ управленіи государствомъ въ составѣ господарской рады. Просьба была замаскирована, и господарь съ своей стороны сдѣлалъ видъ, что не понялъ ея сути. Онъ отвѣчалъ станамъ сейма, что ему неизвѣстно, кто изъ духовныхъ лицъ засѣдаетъ въ свѣтскомъ судѣ; пусть ему укажутъ такихъ лицъ. На просьбу о непривлеченіи къ духовному суду по свѣтскимъ дѣламъ господарь отвѣчалъ, что это дѣло уже рѣшеное на прошломъ Берестейскомъ сеймѣ; съ своей стороны онъ прикажетъ въ новомъ статутѣ перечислить точно, какія вины будетъ разбирать духовный судъ.

Послѣдняя просьба становъ сейма касалась искорененія кляузничества и волокиты въ судахъ. Станы указывали, что ходатаи по дѣламъ, или прокураторы, своими «непотребными и широкими вымыслы» возлагаютъ на господаря и пановъ-раду лишнія работы и тягости въ ущербъ болѣе важнымъ государственнымъ дѣламъ, а тяжущимся причиняютъ большія затрудненія и расходы. Поэтому они просили господаря запретить веденіе дѣлъ черезъ «прокураторовъ»: кто самъ по болѣзни или «недостатку вымовы» не можетъ изложить на судѣ своего дѣла, тотъ пусть ведетъ дѣло черезъ своего пріятеля, а не черезъ прокуратора наемнаго. Господарь отвѣчалъ, что ему нѣтъ дѣла до прокураторовъ; когда ихъ не будутъ нанимать, тогда они не будутъ вести и никакихъ дѣлъ [40]).

Всѣ вышеизложенныя просьбы, по всѣмъ признакамъ, составлены были на самомъ сеймѣ собравшимися княжатами, панятами и всѣмъ рыцарствомъ великаго княжества. Довольно разнородное содержаніе этихъ просьбъ и разнообразныя тенденціи, въ нихъ обнаруживающіяся, показываютъ, что эти просьбы составились изъ заявленій отдѣльныхъ

---

[40]) Акты Зап. Рос. III, № 4.

«становъ» и даже землевладѣльцевъ отдѣльныхъ областей великаго княжества, которыя соединялись въ общій списокъ просьбъ, при чемъ редакторы затушевывали частный характеръ просьбъ и придавали имъ форму общихъ ходатайствъ. Такимъ образомъ, напр., просьбы, касающіяся роздачи должностей, несомнѣнно вышли изъ круга княжатъ и панятъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ настоящемъ случаѣ; просьбы о выборныхъ земскихъ судьяхъ и писарѣ вышли несомнѣнно отъ шляхты-рыцарства, на которое особенно тяжело ложился установившійся судебный порядокъ, и при томъ отъ шляхты-рыцарства великаго княжества Литовскаго въ тѣсномъ смыслѣ, ибо шляхта остальныхъ земель получала правосудіе въ своихъ повѣтахъ, согласно съ привилеями этихъ земель [41]); просьба объ огражденіи отъ наѣздовъ и насилій поляковъ вышла несомнѣнно изъ круга землевладѣльцевъ Волынской земли и Подляшья, имѣнья которыхъ лежали по сосѣдству съ Польшею и т. д. Отдѣльныя заявленія становились общими ходатайствами либо потому, что не возбуждали протестовъ среди другихъ становъ сейма, либо потому, что встрѣчали общее сочувствіе.

Кромѣ этихъ общихъ просьбъ княжатъ, панятъ и всего рыцарства великаго княжества, составленныхъ въ собраніи сейма, послы Подляшской шляхты [42]) подали господарю два списка особенныхъ просьбъ, одинъ отъ имени шляхты Бѣльскаго повѣта, другой—отъ имени шляхты Дорогицкаго и Мельницкаго повѣта. Оба эти списка за небольшими исключеніями почти сходны другъ съ другомъ. Видно, такимъ образомъ, что эти просьбы составлялись по предварительному обмѣну мнѣніями, по извѣстному соглашенію повѣтовъ на мѣстныхъ сеймикахъ или на общемъ съѣздѣ воеводства. Можно видѣть также нѣкоторую связь просьбъ, поданныхъ Подляшскою шляхтою, и просьбъ, подававшихся отъ лица княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты всего великаго княжества какъ на предшествующемъ Берестейскомъ сеймѣ 1544 г., такъ и на разсматриваемомъ Виленскомъ 1547 г. По всей видимости, нѣкоторыя изъ просьбъ, подававшихся въ Берестьѣ, сдѣлавшись извѣстными Подляшской шляхтѣ, нашли у нея полное сочувствіе, и она нашла нужнымъ включить ихъ въ свой списокъ просьбъ, посланныхъ на Виленскій сеймъ 1547 года. Съ другой стороны, въ общій списокъ просьбъ, поданныхъ на этомъ послѣднемъ сеймѣ, по-

---

41) *М. Ясинскаго* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 120, 141. Кіевъ 1889.

42) Янъ Мѣньскій и Мартинъ Вишеньскій Ялбржикъ. Volumina legum I, p. 287.

видимому, попали нѣкоторыя просьбы по иниціативѣ или примѣру Подляшской шляхты, просьбы которой сдѣлались извѣстными остальнымъ станамъ сеймамъ. Вообще, по всѣмъ признакамъ, Подляшская шляхта, играла выдающуюся роль въ возбужденіи различныхъ ходатайствъ на литовско-русскихъ сеймахъ. Живя въ великомъ княжествѣ Литовскомъ «подъ польскимъ правомъ», эта шляхта неустанно стремилась къ устраненію всякихъ несоотвѣтствій въ своемъ положеніи съ положеніемъ польской шляхты, стремилась къ полному и дѣйствительному уравненію съ этою шляхтою въ правахъ и обязанностяхъ. Естественно, что при этомъ она шла впереди по сравненію съ шляхтою другихъ земель и влекла ее за собою, если не всегда, то во многихъ случаяхъ. Подляшская шляхта, такимъ образомъ, была какъ бы передаточною инстанціею для воздѣйствія на литовско-русскую шляхту идеаловъ польскаго шляхетскаго строя.

Въ спискѣ, представленномъ Бѣльскою шляхтою, на первомъ мѣстѣ фигурируетъ просьба объ исключеніи изъ привилея, даннаго в. кн. Александромъ Бѣльскому повѣту, того артикула, въ силу котораго шляхтѣ не дозволялось продавать имѣнія безъ дозволенья господаря или его уряда. Просьба мотивирована тѣмъ, что этотъ артикулъ противенъ польскому праву, подъ которымъ состоитъ Бѣльская шляхта, и весьма для нея обременителемъ, такъ какъ благодаря ему шляхта при продажѣ имѣній должна платить копу «припустного» уряду и 12 гр. писарю за запись. Господарь, посовѣтовавшись съ панами радою, уважилъ эту просьбу и освободилъ шляхту отъ «припустного» и писарской пошлины.

Шляхта просила затѣмъ установить справедливую плату въ канцеляріи великокняжеской за написанье листовъ и приложенье къ нимъ печатей. Король отвѣчалъ, что объ этомъ онъ выработаетъ съ панами радою общее постановленье, которое будетъ обнародовано во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ великаго княжества. Эта просьба, какъ мы видѣли, подавалась уже на вальномъ Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. Ея появленіе среди просьбъ Бѣльской шляхты, которая сравнительно мало имѣла дѣла съ великокняжескою канцеляріею [43]), наводитъ на мысль, что шляхетскіе послы, возвращаясь съ сейма, такъ или иначе знакомили своихъ избирателей съ тѣмъ, что происходило на сеймѣ, съ обсуждавшимися на немъ вопросами, съ просьбами и жалобами другихъ

[43]) Подляшская шляхта дѣлала различные «вписы» и брала «выписы» у мѣстныхъ гродскихъ и земскихъ урядниковъ.

земель, и шляхта отправляя пословъ на новый сеймъ, поручала имъ съ своей стороны повторять извѣстныя просьбы, какія находила полезными.

Слѣдующая просьба состояла въ томъ, чтобы вопреки правамъ не взималось мыто съ хлѣба и скота, отправляемыхъ изъ шляхетскихъ имѣній въ Польшу или Пруссію на продажу, и торговое съ тѣхъ же товаровъ, продаваемыхъ на мѣстныхъ рынкахъ. Въ подкрѣпленіе ходатайства шляхта указывала, что мытникъ Ермола отягощаетъ шляхтичей необычными пошлинами, беретъ по три гроша отъ солянки хлѣба и по шести грошей отъ головы рогатаго скота, что старостины урядники взимаютъ съ нихъ торговое, и просили назначить штрафъ за подобныя дѣянія и указать судъ, предъ которымъ можно жаловаться въ повѣтахъ на такія беззаконія. Король опредѣлилъ, что Ермола и его урядники за неправильный сборъ мыта будутъ судиться самимъ господаремъ и подвергаться не только возвращенію неправильно взятаго, но и штрафу въ 50 копъ грошей, изъ копхъ половина будетъ идти въ пользу господаря, а половина въ пользу истца; урядники гродскіе и земскіе за неправильные поборы могутъ быть вызваны въ любой судъ и подвергаются наказаніямъ по статуту.

Подляшская шляхта ходатайствовала сверхъ того, чтобы на господаря взыскивались «вины» только въ 14 гривенъ, а другіе судебные штрафы, какъ, напр., 3 гривны и 12 грошей («вердунокъ») брались въ пользу судей, и при томъ «съ милосердьемъ» и смотря по провинности. Очевидно, шляхта въ настоящемъ случаѣ имѣла въ виду отчасти интересы своего выборнаго суда, отчасти свои собственные, такъ какъ штрафы въ пользу господаря взыскивались строже и быстрѣе. Господарь обѣщалъ руководствоваться въ данномъ случаѣ статутомъ (т. е. польскими узаконеніями) и спеціальными постановленіями, сдѣланными въ свое время для Дорогицкой земли.

Къ вышеизложеннымъ просьбамъ примыкаетъ рядъ другихъ, стремившихся къ одной и той же цѣли—къ увольненію или облегченію шляхты отъ различныхъ денежныхъ взысканій и расходовъ. Бѣльская шляхта просила господаря содержать на свой счетъ комиссаровъ, посылаемыхъ для разграниченія великаго княжества съ короною Польскою и другими государствами, уволить ее отъ доставки имъ стацій, не принуждать къ несенію ненадлежащихъ повинностей, въ родѣ постройки замковъ, и наконецъ—отмѣнить поборъ въ 2 гроша съ коня и 2 пенязя «списного», незаконно введенный урядниками и собираемый ими только съ тѣхъ, съ кого можно взять [44]). Господарь на всѣ эти

---

[44]) Здѣсь, очевидно, разумѣется поборъ, который собирался старостами въ

просьбы отвѣчалъ, что на этотъ разъ ему не видится ничего другого, какъ только держаться старины.

Въ такомъ же приблизительно смыслѣ отвѣтилъ онъ и на просьбу Бѣльской шляхты относительно содержанія сеймовымъ посламъ. Шляхта просила господаря указать ей, откуда брать средства для содержанія пословъ, отправляемыхъ на вальные сеймы по приказу господаря. Съ своей стороны и хоружій, не имѣя постоянныхъ доходовъ на свой урядъ и будучи обязанъ ѣздить на сеймы, просилъ также обезпечить его содержаніемъ, чтобы впредь не терпѣть ему убытковъ. Господарь отвѣчалъ, что прежде шляхта сама складывалась на издержки посламъ, и потому и впредь должно быть такъ же. Для облегченія шляхты король дозволилъ отправлять только одного посла при хоружіѣ, который, такимъ образомъ, долженъ идти за второго посла. Шляхта должна складываться на расходы пословъ при ихъ выборѣ; кто не заплатитъ во время положенной на него доли, тотъ подвергается взысканію безъ всякой судебной процедуры, какъ за неуплату господарского побора.

Въ связи съ просьбами объ облегченіи различныхъ тягостей шляхты стоитъ и просьба о присылкѣ большаго количества военныхъ и сеймовыхъ листовъ и увольненіи отъ военной службы нѣсколькихъ шляхтичей для охраны земскихъ привилеевъ. Бѣльская шляхта ходатайствовала передъ господаремъ, чтобы военные и сеймовые листы присылались не только старостамъ, но и другимъ урядникамъ, и отдѣльно земскому суду вмѣстѣ съ шляхтою, въ виду того, что старосты не рѣдко задерживаютъ эти листы, и шляхта слишкомъ поздно узнаетъ объ нихъ. Въ удовлетвореніе этого ходатайства король опредѣлилъ посылать въ повѣтъ десять листовъ старостѣ, который безъ всякой задержки, немедленно, долженъ разослать ихъ по «парафіямъ» (приходамъ), если эти листы военные, и по дигнитаріямъ и урядникамъ, если это листы соймовые. Шляхта просила затѣмъ, чтобы въ ея отсутствіе, когда придется ей уѣхать на войну или на сеймъ, оставалось всегда шестеро шляхтичей при «скрыняхъ» (сундукахъ), въ которыхъ хранятся земскіе привилеи, для береженья ихъ отъ огня или отъ похищенія. Господарь опредѣлилъ, чтобы при скрыняхъ оставалось четверо шляхтичей, и при томъ такихъ, которые выѣзжаютъ на войну не болѣе какъ только о двухъ коняхъ, т. е. лично и съ однимъ слугою.

Просьба объ огражденіи интересовъ шляхты со стороны мѣщанства, поданная отъ лица княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты всего

незаконныхъ размѣрахъ на ежегодныхъ смотрахъ и «пописахъ» шляхты и ея «почтовъ». См. выше, стр. 293, 294.

великаго княжества, фигурируетъ и въ спискѣ особенныхъ просьбъ Подляшской шляхты. Это наводитъ на мысль, что эта шляхта въ настоящемъ случаѣ увлекла и остальные станы сейма. Въ частности Бѣльская шляхта ходатайствовала о томъ, чтобы старосты и державцы въ своихъ повѣтахъ устанавливали справедливую таксу на съѣстные припасы, продаваемые въ шинкахъ, и на издѣлія ремесленниковъ, и чтобы заведена была одна вѣрная мѣра съ клеймомъ для продажи хлѣба. Господарь разрѣшилъ старостѣ устанавливать эту таксу и мѣру, когда потребуется, согласно статуту, взявъ къ себѣ для совѣта и помощи урядника изъ земскаго суда, войта и бурмистра.

Бѣльская шляхта повторила и развила ту жалобу на духовенство, которая уже заявлена была отъ лица княжатъ, панятъ и шляхты всего великаго княжества на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года и повторена была и на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, а именно, что духовные привлекаютъ шляхту и ея подданныхъ по мірскимъ дѣламъ къ суду духовному, а когда кто захочетъ уклониться отъ этого суда, то обременяютъ такихъ людей церковными клятвами. Шляхта просила господаря принять противъ этого мѣры. Господарь нашелъ справедливымъ руководствоваться въ данномъ случаѣ польскимъ статутомъ.

Шляхта Бѣльскаго повѣта жаловалась и на урядниковъ своихъ земскихъ, особенно на писаря, которые отправляютъ свои уряды не по статуту, берутъ лишнее отъ написанья документовъ и т. под. Господарь, несмотря на то, что особымъ привилеемъ, даннымъ Бѣльскому повѣту, уже разъяснилъ урядникамъ, чтобы они во всѣхъ дѣлахъ руководствовались польскимъ статутомъ, еще разъ подтвердилъ всѣмъ урядникамъ гродскимъ и земскимъ свой прежній приказъ, угрожая за нарушеніе его карами по тому же статуту.

Чтобы урядники не отступали отъ статута, Бѣльская шляхта просила господаря дозволить ей имѣть своихъ опекуновъ, или синдиковъ, съ тѣмъ чтобы они вели ея тяжбы съ урядниками. Шляхта заявила, что таковыми опекунами она выбрала изъ своей среды Яна Мѣньскаго и Теофила Бржозовскаго, коимъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности дала полномочіе защищать отъ обидъ и притѣсненій какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всю шляхту, учитывать и преслѣдовать судомъ выборныхъ сборщиковъ общественныхъ суммъ, за которыми «залегли» эти суммы уже много лѣтъ. Король уважилъ эту просьбу и утвердилъ Мѣньскаго и Бржозовскаго опекунами шляхты до тѣхъ поръ, пока они угодны будутъ шляхтѣ, или сами не пожелаютъ сложить съ себя своей должности, съ тѣми полномочіями, какія дала имъ шляхта, прибавивъ, что сборщиковъ они могутъ привлекать какъ къ господарскому, такъ

и къ земскому и гродскому судамъ, а взыскавъ деньги должны давать всѣмъ отчетъ на ближайшемъ «урядѣ».

Наконецъ, шляхта Бѣльскаго повѣта просила господаря дать ей новаго хоружія, въ виду того, что старый хоружій отбился совсѣмъ отъ своихъ обязанностей, не ѣздитъ на войну, напр., не былъ съ шляхтою на господарской службѣ подъ Владиміромъ, такъ что Бѣльскій повѣтъ былъ тамъ безъ своей хоругви, не пріѣзжалъ и къ сеймовымъ листамъ (на повѣтовый сеймикъ); кромѣ того, почти уже утратилъ всѣ свои имѣнья въ Бѣльскомъ повѣтѣ. Въ виду того, что хоружія не было на сеймѣ, король отложилъ это дѣло и предоставилъ опекунамъ шляхты въ свое время привлечь его къ отвѣту предъ господаремъ.

Большая часть просьбъ Бѣльской шляхты повторена и отъ имени шляхты Дорогицкаго и Мельницкаго повѣта (нѣтъ только просьбъ о канцелярскихъ пошлинахъ, объ утвержденіи опекуновъ и о назначеніи новаго хоружія). Сверхъ того, оба эти повѣта подали и свои особенныя просьбы. Шляхта Дорогицкаго и Мельницкаго повѣта просила господаря произвести измѣреніе и оцѣнку ихъ земель, подобно тому, какъ это сдѣлано въ Бѣльскомъ повѣтѣ, и обложить всѣхъ равною повинностью—выставлять коня съ каждыхъ десяти волокъ. Просьба мотивирована тѣмъ, что въ этихъ повѣтахъ живетъ много убогой шляхты, иногда по пяти и шести на одной волокѣ. Король, хотя и не согласился на отправленіе военной службы по таксаціи, и велѣлъ служить по старому обычаю, тѣмъ не менѣе обѣщалъ послать урядниковъ для измѣренія шляхетскихъ груптовъ и учинить затѣмъ то, что представится ему въ данномъ отношеніи наилучшимъ.

Шляхта Мельницкаго повѣта отдѣльно просила господаря назначить въ повѣтъ подкоморія, безъ котораго трудно обходиться въ судебно-межевыхъ разбирательствахъ. Король соизволилъ на эту просьбу и обѣщалъ назначить въ подкоморіи, кого будетъ ему угодно.

Таковы были просьбы Подляшской шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1547 г. Легко видѣть, что въ этихъ просьбахъ преобладала забота о шляхетскомъ карманѣ. Это вполнѣ естественно, если мы примемъ во вниманіе, что на Подляшьѣ господствовало среднее и мелкое шляхетское землевладѣніе, что большинство Подляшской шляхты составляли люди средняго достатка и даже убогіе шляхтичи [45]). Сеймовыя просьбы вскрываютъ передъ нами и тотъ фактъ, что эта мелкая шляхта доминировала на мѣстныхъ сеймикахъ, оказывала рѣшающее вліяніе на ихъ постановленія и давала тонъ и направленіе всей мѣстной по-

---

[45]) См. выше, стр. 359, 360, пр. 211.

литической жизни. Остальной шляхтѣ великаго княжества эта шляхта должна была естественно подавать примѣръ и образецъ для подражанія, къ чему слѣдуетъ стремиться и чего добиваться.

Не ограничиваясь обѣщаніями по разнымъ частнымъ просьбамъ Бѣльской шляхты, Сигизмундъ-Августъ одновременно (23 февраля 1547 года) выдалъ этой шляхтѣ особую гарантію въ томъ, что всѣ статьи въ данномъ ей привилеѣ короля Александра, противорѣчащія польскому праву, не будутъ имѣть силы, что впредь господарь будетъ во всемъ руководствоваться по отношенію къ шляхтѣ Бѣльскаго повѣта, какъ и по отношенію къ шляхтѣ Дорогицкой земли, польскимъ дѣйствующимъ правомъ, не будетъ допускать никакихъ уклоненій отъ этого права и строго будетъ взыскивать съ своихъ урядниковъ за его нарушеніе [46]).

Кромѣ Подляшской шляхты, съ своими особенными просьбами обращались къ господарю на Виленскомъ сеймѣ 1547 года князья, паны и шляхта земель Витебской, Полоцкой и Волынской, ходатайствовавшіе о подтвержденіи своихъ земскихъ привилеевъ. Господарь уважилъ ихъ просьбу и 21-го февраля выдалъ подтвердительные привилеи землямъ Полоцкой [47]) и Витебской [48]), а 27 марта—землѣ Волынской [49]).

На ряду съ совѣщаніями о различныхъ ходатайствахъ, съ которыми надо обратиться къ господарю, станы Виленскаго сейма 1547 года въ полномъ составѣ, т. е. паны-рада, княжата, панята и все рыцар-

---

[46]) Volumina legum I, p. 287, 288. Кояловичъ, при составленіи своей «Литовской исторіи» несомнѣнно пользовавшійся оффиціальными записями метрическихъ книгъ, принялъ настоящій документъ за актъ присоединенія Бѣльскаго повѣта къ Польшѣ, впавъ и на этотъ разъ въ ту же самую ошибку, въ какую впалъ по поводу выдачи аналогичнаго документа Дорогицкой землѣ въ 1516 году (см. выше, стр. 207). Онъ придумалъ и спеціальное объясненіе мнимаго присоединенія: Сигизмунду Августу хотѣлось де ублаготворить поляковъ и расположить ихъ къ браку своему съ Варварою Радивилъ (Historiae Litvanae pars II, p. 405, 406). Этому домыслу Кояловича, къ сожалѣнію, повѣрилъ и М. В. Довнаръ-Запольскій въ своей статьѣ «Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 года» (стр. 9), дополнивъ легенду Кояловича новою подробностью: уступлены были Бѣльская и Подляшская (?!) земли, хотя и неполностью. Въ актахъ и другихъ современныхъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ либо территоріальныхъ уступокъ Польшѣ за это время.

[47]) Акты Зап. Рос. III, № 5.

[48]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 34—36.

[49]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 56, 57.

ство-шляхта обсуждали предложеніе господаря относительно замковой, дорожной, подводной и кормовой повинности съ земскихъ имѣній. Княжата, панята и все рыцарство просили пановъ-раду доложить господарю, что тѣ изъ нихъ, которые несли уже эти повинности съ своихъ выслуженныхъ имѣній, и впредь хотятъ выполнять эти повинности; тѣ же, которые вызволены отъ того особыми листами-привилеями, просятъ, чтобы не нарушались ихъ стародавнія права и вольности, которыя они пріобрѣли своею вѣрною службою господарю. Выслушавъ эту просьбу, паны-рада сообща съ остальными станами сейма порѣшили на томъ, чтобы просить господаря сначала разсмотрѣть тѣ реестры, въ которыхъ всѣ такія повинности по всѣмъ городамъ великаго княжества «пописаны», а затѣмъ листами-мандатами потребовать представленія къ извѣстному сроку документовъ, «за чимъ хто што держить», и на основаніи этихъ документовъ рѣшить, кто обязанъ нести повинности и кто свободенъ отъ этого»[50]).

На Виленскомъ сеймѣ 1547 года, кромѣ того, происходили совѣщанія и приняты были извѣстныя рѣшенія относительно организаціи отпускной торговли лѣсными товарами. Паны-рада, княжата, панята хоруговные, хоружіе и рыцарство-шляхта, бывшіе на этомъ сеймѣ отъ всѣхъ земель, констатировали тотъ фактъ, что подданные великаго княжества Литовскаго, вырабатывающіе лѣсные товары въ своихъ пущахъ и отпускающіе ихъ за границу или сдающіе эти статьи въ аренду прусскимъ, ливонскимъ и своимъ купцамъ и жидамъ, постоянно подвергаются обманамъ съ ихъ стороны при продажѣ и сдачѣ этихъ товаровъ въ Пруссіи и Ливоніи, при сдачѣ въ аренду у себя дома, вслѣдствіе чего получаютъ немного дохода и только пустошатъ пущи, лѣса и боры, всегдашній «скарбъ земскій». Въ виду этого они заявили, что предпочли бы дать возможность наживаться на ихъ счетъ господарскому скарбу, чѣмъ купцамъ, для чего господарю слѣдуетъ учредить на границахъ «коморы» (конторы) и склады и приставить къ нимъ особыхъ «справцевъ» съ тѣмъ, чтобы они не пропускали лѣсныхъ товаровъ за границу, принимали эти товары по уставной цѣнѣ и затѣмъ уже продавали за границу. Такимъ образомъ, станы сейма предлагали своему господарю монополизировать отпускъ лѣсныхъ товаровъ изъ великаго княжества въ рукахъ казны и такимъ путемъ обезпечить для этихъ товаровъ прибыльный какъ для самой казны, такъ и для производителей, сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Мысль эта нашла сочувствіе у великаго князя, и онъ предоставилъ самимъ станамъ сейма

---

[50]) Акты Зап. Рос. III, № 4.

намѣтить тѣ пункты, гдѣ могли бы быть устроены такія коморы и склады, и опредѣлить условія пріема въ нихъ лѣсныхъ товаровъ. Паны-рада, княжата, паната, хоружіе и рыцарство-шляхта послѣ совѣщаній пришли къ рѣшенію, что коморы и склады надо устроить въ Ковнѣ на Нѣманѣ, въ Берестьѣ на Бугѣ, въ Дрисѣ па Двинѣ и въ Салатахъ па Жмудской землѣ (на р. Мушѣ, въ Курляндіи—Аа). Они выработали и подробныя правила сдачи лѣсныхъ товаровъ въ казну. Постановлено было, чтобы всѣ, кто отпускаетъ лѣсные товары за границу водою или на возахъ,—какъ сами землевладѣльцы, такъ и ихъ арендаторы, обязательно сдавали ихъ справцамъ господарскихъ коморъ и складовъ подъ страхомъ конфискаціи товаровъ за неисполненіе предписанія. Товары, слѣдующіе мимо центральныхъ коморъ и складовъ, предписывалось сдавать въ этихъ коморахъ и складахъ; товары же, свозимые па сплавныя рѣки ниже вышеупомянутыхъ коморъ и складовъ, предписывалось сдавать справцамъ на берегу въ мѣстахъ подвоза ихъ къ сплавнымъ рѣкамъ, для чего справцы съ «бракарями» (сортировщиками) должны спеціально пріѣзжать по приглашенію товароотправителей и «браковать» (т. е. разбирать по сортамъ товары). На сеймѣ опредѣлены были и цѣны, по которымъ лѣсные товары должны были сдаваться въ казну [51]), и оговорено было, что справцы могутъ и не принимать плохихъ товаровъ и предоставлять ихъ сбытъ за границу самимъ владѣльцамъ на собственный страхъ и рискъ, а равно входить и въ другія соглашенія съ товароотправителями касательно сбыта. Опредѣлено было вознагражденіе «бракарямъ», которое должны были выплачивать товароотправители [52]). Господарь принялъ всѣ эти

---

[51]) На Ковенской коморѣ положено было платить: за сотню «ванчоса» (дубовыя или сосновыя доски извѣстной мѣры) на Гданскій «бракъ»—$2^1/_2$ копы; за сотню фашольца (fassholz) и клепокъ (доски для кадокъ и бочекъ)—2 копы; за «сырой ванчосъ», т. е. не бывшій въ водѣ и трудно поэтому распознаваемый—2 копы за сотню, а за фашольцъ и клепгольцъ—$1^3/_4$ копы за сотню; за лаштъ «попела»—2 копы. На Берестейской коморѣ положено платить за сотню «ванчоса»—2 копы; за сотню фашольца и клепокъ—$1^1/_2$ копы и за лаштъ попелу $1^1/_2$ копы; болѣе низкая цѣна установлена въ виду того, что товары на этой коморѣ должны были приниматься большею частью сырые, и въ виду не малыхъ расходовъ на дальнѣйшую отправку. Цѣнъ для коморъ Дрисской и Салатской пе было установлено; сдано было это па «волю и ласку» господарскую. При установленіи цѣнъ разъяснено было, что значитъ Гданскій «бракъ»: въ каждой сотнѣ должно содержаться 120 штукъ «выбора», вдвое больше—«брака», въ четверо—брака изъ брака; въ каждомъ лаштѣ—12 бочекъ,

[52]) А именно: по $2^1/_2$ гроша съ каждаго лашта, по 1 грошу съ сотни «на литовскую личбу».

постановленія сейма и обѣщался привести ихъ въ исполненіе (по окончаніи сейма онъ и разослалъ универсалъ ко всѣмъ князьямъ, панамъ воеводамъ, старостамъ, княгинямъ, паньямъ, державцамъ и намѣстникамъ, боярамъ и дворянамъ, духовнымъ римскаго и греческаго закона, войтамъ, бурмистрамъ и всѣмъ «заказникамъ» мѣстъ господарскихъ, княжескихъ, панскихъ, духовныхъ съ извѣщеніемъ о постановленіяхъ сейма и съ приказомъ сообразоваться съ этими постановленіями) [53]).

Таковы были дѣянія перваго великаго вальнаго сойма, происходившаго въ правленіе Сигизмунда-Августа, въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1547 года. Уже на этомъ первомъ сеймѣ «станы» литовско-русскаго шляхетскаго сословія обнаружили ясное сознаніе своихъ правъ и твердую рѣшимость отстаивать ихъ отъ нарушеній со стороны господаря и его администраціи на ряду съ стремленіями по возможности расширять эти права и дополнять ихъ новыми льготами и преимуществами. Они выступили съ цѣлою программою ходатайствъ, наиболѣе существенными пунктами которой были: расширеніе компетенціи сейма, исправленіе статута въ направленіи, болѣе соотвѣтствующемъ ихъ интересамъ, учрежденіе земскаго суда по польскому образцу и вообще удешевленіе суда, возможное облегченіе лежавшихъ на нихъ государственныхъ тягостей, огражденіе и улучшеніе ихъ экономическаго положенія и сохраненіе за ними возможно большаго количества доходныхъ должностей и званій. Такъ какъ по большинству этихъ требованій господарь либо отвѣчалъ отказомъ, либо неопредѣленными обѣщаніями, которыя не спѣшилъ исполнять, то и станы воспользовались первымъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы вновь предъявить свои желанія господарю. Такой случай представился на великомъ вальномъ соймѣ, созванномъ въ Вильнѣ въ 1551 году.

§ 2.

Сигизмундъ-Августъ созвалъ этотъ сеймъ, видя «немалое небезпеченство» великому княжеству Литовскому отъ непріятелей, «зъ многихъ сторонъ прилеглыхъ» [54]). Ближайшимъ поводомъ созыва сейма было опустошеніе, произведенное незадолго передъ тѣмъ татарами въ южной украйнѣ великаго княжества. Еще въ 1549 году, несмотря на дружественныя отношенія хана Саипъ-Гирея къ королю Сигизмунду

[53]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, изд. Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс., томъ I, № 27. Москва 1843.

[54]) См. прилож. № 24 (стр. 54).

Августу [55]), татарскіе загоны натворили много бѣдъ на Волыни, увели въ плѣнъ много шляхты, между прочимъ князя Александра Вишневецкаго съ женою, и побрали много имущества [56]). Лѣтомъ 1551 года новый ханъ, замѣнившій Саипъ-Гирея, Девлетъ-Гирей [57]), успокоивъ Сигизмунда Августа обѣщаніями дружбы и присягою, безвѣстно вторгнулся въ предѣлы великаго княжества, спалилъ замокъ Браславль [58]) и перебилъ въ немъ весь его гарнизонъ [59]). По слухамъ, доходившимъ до Сигизмунда Августа, онъ грозилъ еще новыми нападеніями. Съ другой стороны, староста сожженнаго Браславля кн. Богушъ Өедоровичъ Корецкій доносилъ, что Волошскій воевода Стефаница, соединившись съ своимъ братомъ, Бѣлгородскимъ санджакомъ Ильяшемъ [60]), намѣревается также вторгнуться въ великое княжество [61]). Всѣ эти опасности были тѣмъ грознѣе для великаго княжества Литовскаго, что и отношенія къ Москвѣ были въ то время въ высшей степени натянутыя. Посольство, снаряженное въ Москву въ 1549 году для заключенія вѣчнаго мира, еле добилось пятилѣтняго перемирія (съ 25 марта 1549 до 25 марта 1554 года). Къ прежнимъ причинамъ вражды между обоими государствами присоединилась еще новая—царскій титулъ, которымъ хотѣлъ писаться Московскій государь, и котораго не хотѣли признать за нимъ господарь и паны-рада великаго княжества Литовскаго. Изъ-за этого титула чуть было не порвались переговоры о перемиріи, съ большимъ трудомъ состоялась ратификація заключеннаго договора, и происходили непріятныя объясненія по заключеніи перемирія [62]). Вопросъ объ оборонѣ государства вслѣдствіе всего этого выдвинулся на первый планъ съ особою силою и настойчиво потребовалъ особеннаго къ себѣ вниманія. Для рѣшенія его Сигизмундъ со-

---

[55]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, томъ I, № 32.

[56]) Хроники *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 85, 86), *Стрыйковскаго* (tom II, str. 403), *Кояловича* (Historiae Litvanae pars II, p. 412).

[57]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. VIII, прим. 255 по изд. Эйнерлинга.

[58]) Прилож. № 24 (стр. 54); Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 22—26.

[59]) Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 95.

[60]) Этотъ Ильяшъ потурчился и, по извѣстію Бѣльскаго, участвовалъ уже въ нападеніи на Браславль. См. Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 94, 95.

[61]) Литов. Метр. кн. XXVIII, л. 96—97.

[62]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 410—414; *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 121—125.

звалъ великій вальный соймъ ко дню св. Михаила, т. е. къ 29 сентября, 1551 года [63]).

Судя по актовымъ указаніямъ великій вальный соймъ 1551 года продолжался болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе октября, ноября и половины декабря [64]). Станы сейма и на этотъ разъ начали съ совѣщаній о своихъ нуждахъ и потребностяхъ и составленія своихъ просьбъ къ господарю, которыя они и представили въ два пріема, во второй половинѣ октября и во второй половинѣ ноября. За всѣмъ этимъ прошло, такимъ образомъ, около двухъ мѣсяцевъ. Только по окончаніи этихъ совѣщаній и по полученіи (18 окт. и 20 ноября) отвѣтовъ господаря на свои просьбы станы принялись за обсужденіе предложеній правительства и пришли по поводу нихъ къ извѣстнымъ постановленіямъ, которыя и получили силу сеймовыхъ «ухвалъ» [65]). Большое количество времени, которое станы употребили на обсужденіе и составленіе своихъ просьбъ, самое количество этихъ просьбъ, представленныхъ въ два пріема, въ двухъ спискахъ, обнаруживаютъ, что станы и на этотъ разъ съ неослабною энергіею добивались отъ господаря улучшенія своего положенія, расширенія своихъ правъ и вольностей.

Обращаясь къ самому содержанію поданныхъ ими просьбъ, видимъ прежде всего, что станы сочли нужнымъ повторить и отчасти развить многія изъ своихъ прежнихъ просьбъ, на которыя не получили отъ господаря достаточнаго удовлетворенія или должныхъ гарантій. Мы видѣли, что уже на предшествующемъ сеймѣ станы ходатайствовали о дополнительномъ привилеѣ для устраненія нѣкотораго противорѣчія въ узаконеніяхъ, относящихся до ихъ правъ и вольностей. Въ то время господарь отклонилъ это ходатайство, не находя того противорѣчія, на которое указывали станы сейма. Теперь они сочли нужнымъ возобновить это ходатайство—въ болѣе общей формѣ и просили господаря, чтобы онъ съ панами-радою взглянулъ въ земскіе привилеи и велѣлъ бы исправить ихъ, устранивъ то, что уже потеряло силу [66]). Господарь обѣщалъ поручить это дѣло канцлеру и на осно-

---

[63]) Хроники *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 95) и *Стрыйковскаго* (tom II, str. 404).

[64]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXV, л. 32, 33, 36, 41, 60, 69, 97; прил. № 21—24; Акты Зап. Рос. Ш, № 11.

[65]) Акты Зап. Рос. Ш, № 11.

[66]) Такъ мы понимаемъ не совсѣмъ ясное подлинное выраженіе просьбы: «и то, што бы ся въ нихъ нарушило, абы рачилъ казать поправити». Наше пониманіе основывается на сопоставленіи этой просьбы съ аналогичною, подававшегося на

ваніи его доклада удовлетворить ихъ просьбѣ, насколько она окажется справедливою.

Станы сейма сочли нужнымъ повторить и свои прежнія представленія относительно раздачи урядовъ въ великомъ княжествѣ и о литовскомъ дворѣ въ виду уклончивыхъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, данныхъ господаремъ на эти просьбы. Они просили, чтобы уряды ни въ какомъ случаѣ не раздавались чужеземцамъ, а только обывателямъ великаго княжества; а такъ какъ чужеземцы получали уряды черезъ индигенатъ, становясь предварительно землевладѣльцами великаго княжества, то станы просили вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы чужеземцы «не посѣдали» имѣній въ великомъ княжествѣ; просили далѣе, чтобы къ урядамъ привернуто было то, что отъ нихъ отошло, чтобы они сохранялись по старому при всѣхъ своихъ доходахъ и пожиткахъ, чтобы съ урядовъ и «достоинствъ» опредѣлена была военная служба «водлѣ можности урядовъ», чтобы уряды не отнимались ни у кого безъ суда и слѣдствія, и наконецъ—чтобы господарь благоволилъ содержать въ великомъ княжествѣ литовскій дворъ. Господарь отвѣчалъ, что онъ не будетъ раздавать урядовъ въ великомъ княжествѣ чужеземцамъ, но отклонилъ ходатайство о запрещеніи имъ пріобрѣтать имѣнья въ великомъ княжествѣ: его государства не замкнуты, и всякому вольно пріѣхать и отъѣхать, купить и продать; если чужеземцы пріобрѣтаютъ имѣнья въ великомъ княжествѣ, въ этомъ виноваты сами просители, продающіе имѣнья чужеземцамъ. Относительно возвращенія къ урядамъ того, что отъ нихъ отошло, Сигизмундъ-Августъ не безъ сарказма замѣтилъ, что онъ никому не желаетъ убытковъ: если бы кому-нибудь показалось убыточнымъ держать какой-нибудь урядъ, пусть спуститъ его и не принимаетъ убытка; онъ, господарь, хорошо знаетъ, какъ обстояло дѣло съ урядами при его предшественникахъ, и самъ намѣренъ сохранять эти уряды по старому обычаю. Эти уряды онъ обѣщалъ не отнимать безъ слѣдствія и судебнаго приговора («безъ очевистого мовенья и покопанья у праве»), какъ не отнималъ и раньше, развѣ только, если кто-нибудь на державѣ или намѣстничествѣ окажется разорителемъ и расточителемъ господарскаго имущества и угнетателемъ господарскихъ подданныхъ: у такихъ онъ будетъ отбирать уряды не какъ у урядниковъ, а какъ у тѣхъ, которые обращаются съ господарскими подданными не по его волѣ. О литовскомъ дворѣ Си-

---

Виленскомъ сеймѣ 1563 года (Акты Зап. Рос. III, № 32) и отчасти на самомъ отвѣтѣ господаря.

гизмундъ-Августъ обѣщалъ подумать въ другой разъ сообща съ панами-радою, на какія средства содержать этотъ дворъ.

Еще на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы просили, чтобы не установлялось господарскихъ мытныхъ коморъ въ шляхетскихъ имѣньяхъ, гдѣ ихъ прежде не было. Это ходатайство было возбуждено вновь и на Виленскомъ сеймѣ 1551 года. Господарь и на этотъ разъ отвѣчалъ приблизительно такъ же, какъ и его отецъ въ 1544 году: онъ желаетъ во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ имѣть мытныя коморы и держать сторожей; иначе купцы станутъ объѣзжать разными дорогами мытныя заставы, и господарскому скарбу будетъ много убытка; если кому будетъ обида отъ мытниковъ и сторожей, пусть ищетъ на нихъ судомъ и получитъ полное удовлетвореніе. Къ этой просьбѣ станы присоединяли еще ходатайство, чтобы мытными коморами завѣдывали туземные шляхтичи, а не чужеземцы, которые дѣлаютъ много затрудненій людямъ. Господарь отвѣчалъ, что по этой части онъ не вводитъ ничего новаго, а поступаетъ такъ, какъ уже заведено было его предшественниками.

Станы повторили и развили еще цѣлый рядъ ходатайствъ, представлявшихся на предшествующихъ сеймахъ. Такъ, они ходатайствовали о томъ, чтобы духовные отправляли военную службу съ церковныхъ имѣній, чтобы мѣщане съ каждыхъ шести домовъ отправляли на войну пѣшаго ратника и за одно съ шляхтою служили съ купленныхъ земскихъ имѣній; чтобы духовные не привлекали къ своему суду мірянъ по свѣтскимъ дѣламъ, и не только въ качествѣ отвѣтчиковъ, но и въ качествѣ свидѣтелей; просили, чтобы господарь не допускалъ чужеземцевъ до завѣдыванья скарбными дѣлами, чтобы исправленъ былъ и напечатанъ статутъ, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были установлены судья и писарь присяжные, чтобы передъ судьями повѣтовыми отвѣчали паны-рада и духовные съ имѣній, коими они владѣютъ подъ земскимъ правомъ, чтобы и шляхта «спадковыхъ» имѣній была подъ тѣмъ же земскимъ правомъ и получила за одно съ остальною шляхтою своихъ хоружихъ или присоединена была къ другимъ хоругвямъ [67]);

---

[67]) Здѣсь, очевидно, разумѣлись прежде всего имѣнья, доставшіяся Сигизмунду Августу по прекращеніи рода Гаштольдовъ, каковы были между прочимъ: Геранойны, Воложинъ, Жосли, Койдановъ, Трабы, Больники, Девенишки, Довкгялишки, Радошковичи, Ляховичи, Быховъ, Глускъ, Порѣчье, Любечъ, Тыкотинъ и нѣкоторыя другія (Литов. Метр. кн. Коронныхъ Переписей XXVII; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 114—119, 131, 168, 185—186, 244), представлявшія цѣлыя волости, которыя Сигизмундъ-Августъ сталъ раздавать отъ себя въ держанье

чтобы передъ повѣтовыми судьями можно было чинить всевозможныя записи совершаемыхъ сдѣлокъ, чтобы въ каждомъ повѣтѣ были вижи присяжные на подобіе «возныхъ» на Подляшьѣ, чтобы книги воеводскіе и судей не вывозились изъ повѣта, и чтобы установлена была такса платежей писарямъ за выдачу документовъ, и наконецъ—чтобы мѣщане отвѣчали шляхтѣ за бой и раны, согласно статуту, не своимъ магдебургскимъ, а земскимъ правомъ. Ходатайствуя объ общемъ исправленіи статута, станы въ частности просили внести въ него постановленіе, чтобы въ земельныхъ тяжбахъ съ господаремъ доводъ не шелъ обязательно за господарскою стороною, но за тою, которая будетъ имѣть «годнѣйшихъ» свидѣтелей и наилучшія доказательства права на общемъ основаніи [68]), и чтобы артикулъ о наѣздѣ на дома былъ исправленъ [69]).

Господарь отвѣчалъ: о военной службѣ съ церковныхъ имѣній нъ дастъ отвѣтъ въ другой разъ; мѣщане же и купцы уже обложены денежною повинностью вмѣсто военной [70]), и потому предлагаемая шляхтою «устава» на этотъ разъ не можетъ быть къ нимъ примѣнена; но съ земскихъ имѣній они по старому будутъ отбывать военную службу наравнѣ съ шляхтою; урядникамъ права духовнаго онъ прикажетъ, чтобы они не смѣли привлекать мірянъ къ духовному суду по свѣтскимъ дѣламъ, а воеводамъ отдастъ распоряженіе штрафовать всѣхъ свѣтскихъ лицъ, которые будутъ позывать свѣтскихъ же людей до суда духовнаго по дѣламъ, не подлежащимъ духовной юрисдикціи; касательно привлеченія свѣтскихъ людей къ суду духовному въ качествѣ свидѣтелей онъ оставляетъ все по старому обычаю, какъ и передъ тѣмъ бывало; что касается порученья скарбныхъ дѣлъ чужеземцамъ, то на этотъ разъ это сдѣлано не безъ причины, но по необходимости [71]), а въ другое время будетъ сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе; статутъ до сихъ поръ не исправленъ по винѣ самихъ просителей, которые не выбрали для этого комиссіи, какъ предлагалось

(см. выше, стр. 481, прим. 140); къ этимъ же имѣньямъ относились Лысково, Межирѣчь, Дорогово и Деревное, спадокъ послѣ пана Войтеха Яновича Клочка (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 202—205; Областное дѣленіе, стр. 131).

[68]) Раздѣлъ VIII, арт. 1, 2, 3, 4, 5 статута 1529.

[69]) См. 1 арт. VII раздѣла статута 1529.

[70]) См. прилож. № 21.

[71]) Станы сейма и король, очевидно, разумѣли назначеніе Петра Фальчевскаго «справцею пожитковъ и дворовъ господарскихъ» и порученіе полякамъ волочной помѣры.

имъ на прошломъ сеймѣ; на этотъ разъ уже самъ господарь сообща съ панами-радою выберетъ пять особъ римскаго закона и пять особъ греческаго, которые исправятъ статутъ и представятъ его будущему сейму на обсужденіе и утвержденіе, послѣ чего господарь прикажетъ его напечатать; пусть только станы сейма позаботятся изыскать средства на содержаніе тѣхъ особъ, которые будутъ поправлять статутъ; па установленіе того порядка въ земельныхъ разбирательствахъ, о которомъ просили станы онъ, господарь, согласенъ; артикулъ о «кгвалтовномъ» наѣздѣ на домъ измѣняетъ въ томъ смыслѣ, что наѣхавшій на домъ, но никого тамъ не побившій и не ранившій, будетъ обязанъ сверхъ вознагражденія хозяину платить штрафъ въ пользу господаря въ 12 руб. грошей, и это постановленіе будетъ дѣйствовать до исправленія статута. На просьбу о присяжныхъ судьяхъ и писаряхъ господарь отвѣчалъ постановленіемъ: впредь во всѣхъ воеводскихъ и старостинскихъ повѣтахъ будутъ судьи, установленные отъ воеводъ и старостъ согласно статуту; эти судьи будутъ судить съ намѣстниками воеводъ или подстаростами, съѣзжаясь тамъ, гдѣ имъ укажутъ воеводы и старосты, четыре раза въ году: на седьмую субботу, на день св. Креста, на день св. Люціи и на первой недѣлѣ поста, каждый разъ на четыре недѣли; отъ ихъ суда разрѣшается отзываться не иначе, какъ только послѣ приговора; для разбирательства дѣла по аппеляціи отъ этихъ судей воеводы (и старосты), обязаны будутъ пріѣзжать въ свои резиденціи два раза въ годъ, каждый разъ на четыре недѣли; отъ суда самихъ воеводъ и старостъ вольно отзываться до господаря или пановъ-рады «на роки судовые великіе», которые будутъ отправляться одинъ разъ въ году (на день св. Мартина), и на которыхъ будутъ разбираться также и тяжбы между панами хоруговными и вообще всѣми, кто не судится въ повѣтахъ; на этихъ рокахъ судъ судить будетъ самъ господарь, а въ его отсутствіе паны-рада, отъ суда которыхъ можно аппеллировать къ самому господарю. Просьбу о подчиненіи юрисдикціи повѣтовыхъ судей пановъ радныхъ и духовныхъ, имѣющихъ недвижимыя имущества «подъ земскихъ правомъ», господарь отклонилъ и предоставилъ по старому привлекать ихъ на судъ самого господаря и пановъ-рады на великихъ «рокахъ». Что касается включенія шляхты «спадковыхъ» имѣній подъ одно право съ остальною, господарь замѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ въ своемъ собственномъ, онъ будетъ поступать такъ, какъ ему будетъ угодно. Относительно совершенія крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имѣнья господарь оставлялъ въ силѣ дѣйствовавшія узаконенія, въ силу которыхъ такіе акты должны были обязательно совершаться передъ урядомъ, т. е. передъ

самимъ господаремъ, воеводами, старостами, а также и судьями, которые также подходятъ подъ это понятіе, на основаніи устнаго заявленія отчуждающаго имущество (этого заявленія не требуется въ долговыхъ обязательствахъ и при отчужденіи движимостей, которыя могутъ совершаться на основаніи простыхъ записей, выданныхъ договаривающейся сторонѣ); въ виду этого и вообще для облегченія справокъ и полученія «выписей» земскія книги не должны увозиться изъ повѣтовъ при смѣнахъ воеводъ, старостъ и судей; относительно вознагражденія писарей остается въ силѣ старый обычай: за запись въ книги отъ всѣхъ документовъ большихъ и малыхъ—два гроша, за выпись—12 грошей; если кто заразъ пожелаетъ и записать что-нибудь въ книги и получить выпись, то платитъ за одну только выпись. Относительно вижей господарь сдѣлалъ такое постановленіе: воеводы и старосты по всему великому княжеству, въ Жмуди и на Волыни, должны будутъ выбрать нѣсколькихъ шляхтичей, людей добрыхъ и вѣры годныхъ, имѣющихъ осѣдлость въ данномъ повѣтѣ, и посылать ихъ для производства дознанія; при своемъ «вижованьѣ» эти вижи должны будутъ всегда имѣть стороннихъ добрыхъ людей, а за проѣздъ получать по грошу за милю; господарскіе дворяне за проходъ на мѣстѣ должны получать 12 грошей, слуги воеводъ—6 грошей, а слуги воеводскихъ намѣстниковъ 3 гроша. Такимъ образомъ, на этотъ разъ господарь удовлетворилъ просьбы сейма не только о назначеніи присяжныхъ вижей, но и объ уменьшеніи таксы ихъ вознагражденія: новая устава «вижового» приняла во вниманіе тѣ желанія, которыя были высказаны на предшествующемъ Виленскомъ сеймѣ 1547 г. Относительно отвѣтственности мѣщанъ за бои и раны, нанесенныя шляхтѣ, господарь кассировалъ постановленіе, сдѣланное имъ на прошломъ Виленскомъ сеймѣ 1547 года, и постановилъ, что мѣщане по такимъ дѣламъ должны судиться своимъ мѣстскимъ судомъ по магдебургскому праву; воеводы и старосты должны слѣдить, чтобы мѣстскіе судьи не допускали въ такихъ дѣлахъ проволочекъ и давали всѣмъ скорую и «конечную справедливость» [72]).

Итакъ, повтореніе ходатайствъ, представлявшихся на предшествующихъ сеймахъ, привело на этотъ разъ къ извѣстнымъ положительнымъ результатамъ въ видѣ вышеизложенныхъ постановленій господаря и пановъ-рады. Не довольствуясь повтореніемъ прежнихъ хо-

---

[72]) Слѣдовательно отмѣненъ былъ и 23 артикулъ VI раздѣла статута 1529 года.

датайствъ станы сейма 1551 года возбудили цѣлый рядъ новыхъ, въ которыхъ проявили еще больше политической и сословной притязательности, чѣмъ въ предыдущихъ.

Прежде всего они просили, чтобы пограничныя староства и державы раздавались людямъ, завѣдомо способнымъ, «въ годности дознанымъ», и заслуженнымъ, и чтобы господарь переводилъ съ пограничныхъ урядовъ на болѣе спокойныя мѣста людей старыхъ и недужныхъ. Просьба эта, очевидно, направлена была противъ тѣхъ урядниковъ, оплошности которыхъ молва приписывала безвѣстное вторженіе татаръ на украйну и сожженіе Браславскаго замка (скорѣе всего, противъ князя Богуша Ѳедоровича Корецкаго, тогдашняго старосты Браславскаго и Вѣницкаго). Господарь отвѣчалъ, что онъ и безъ этого напоминанья знаетъ, какъ распоряжаться своими милостями и урядами; не дѣло просителей разсматривать, кто годенъ и кто не годенъ на уряды, и въ другой разъ пусть они не обращаются къ нему съ подобными напоминаньями.— Разрушеніе Браславскаго замка дало поводъ станамъ просить вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы господарь снабдилъ всѣмъ нужнымъ пограничные замки. И эта просьба вызвала не меньшее неудовольствіе господаря, какъ и предыдущая. Господарь не безъ горечи замѣтилъ, что, вѣроятно, просители воображаютъ, что они больше заботятся о рѣчи посполитой, чѣмъ господарь съ панами-радою, если позволили себѣ обратиться съ такимъ напоминаньемъ; но онъ, господарь, того мнѣнія, что никому иному не надлежитъ больше думать о нуждахъ государства, какъ ему и панамъ-радѣ, и такъ это обстоитъ и на дѣлѣ; а посему онъ не желаетъ, чтобы станы впредь обращались къ нему съ подобными просьбами, ибо не ихъ это дѣло.

Станы ходатайствовали далѣе, чтобы силу закона имѣло только то, что будетъ установлено на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома пановъ-рады и всего рыцарства, и чтобы простые хлопы не становились выше шляхты и не держали урядовъ, равно какъ и сомнительные шляхтичи. Господарь отвѣчалъ, что при немъ не заводилось ничего новаго по этой части; во всемъ онъ поступалъ такъ же, какъ и его предшественники, и не помнитъ, чтобы когда либо помимо вальнаго сойма установлялось при немъ что-нибудь такое, что подлежитъ компетенціи вальнаго сойма, кромѣ, разумѣется, такихъ вещей, которыя по давнему обычаю подлежатъ вѣдѣнію его, какъ верховнаго господаря: такія дѣла онъ и впредь будетъ рѣшать самъ съ своими панами-радою; неизвѣстно ему, чтобы на какомъ либо урядѣ состоялъ простой хлопъ или сомнительный шляхтичъ: пусть ему укажутъ таковыхъ.—Въ дополненіе къ изложенному ходатайству станы просили, чтобы не оставалось въ силѣ

то, что установлено помимо вальнаго сейма. На это господарь отвѣчалъ: пусть укажутъ ему то, что постановлено помимо вальнаго сейма ко вреду рѣчи посполитой; онъ, какъ христіанскій государь, всегда заботится, чтобы ничего не устанавливалось въ его государствахъ въ ущербъ общему благу.

Какъ бы въ отвѣтъ на это приглашеніе господаря станы протестовали противъ предоставленія одному лицу монополіи на скупку иностраннаго товара и розничную продажу его въ предѣлахъ великаго княжества. Станы, разумѣли въ данномъ случаѣ монополію на стекло, данную дворянину Мартину Палецкому. Незадолго передъ тѣмъ Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ Палецкому построить стеклянный заводъ («гуту скленую») подъ Вильною, съ обязанностью давать въ скарбъ ежегодно по четыреста «скленицъ»; чтобы дать возможность новому производству окрѣпнуть и развиться, онъ предоставилъ заводчику исключительное право скупать все стекло, которое будетъ привозиться на продажу въ Вильну изъ-за границы, и торговать этимъ стекломъ въ розницу [73]). Противъ этой-то монополіи и протестовали станы на Виленскомъ сеймѣ 1551 года. Повидимому, и двѣ предшествующія просьбы объ изданіи новыхъ «уставъ» съ вѣдома сейма и о непредпочтеніи простыхъ людей шляхтѣ вызваны были установленіемъ этой монополіи и личностью монополиста, сомнительнаго шляхтича, хотя и господарскаго дворянина [74]). На просьбу становъ господарь отвѣчалъ, что вольностей, данныхъ кому-либо прежде и письменно утвержденныхъ, онъ не привыкъ нарушать и отмѣнять; но, чтобы отъ вольности, данной одному, не было ущерба всѣмъ остальнымъ, онъ прикажетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы продажа стекла совершалась по уставѣ, особливо на то данной [75]).

Радѣя о томъ, чтобы простые люди не становились выше шляхты, станы сейма ходатайствовали о томъ, чтобы и паны-рада обращались съ должнымъ почтеніемъ къ шляхтѣ въ судахъ и другихъ мѣстахъ, и чтобы одни не судили своихъ слугъ шляхтичей въ дѣлахъ, касающихся шляхетской чести. Король отвѣчалъ, хотя ему хорошо извѣстно, что

---

[73]) См. прилож. № 25.

[74]) Что станы разумѣли въ данномъ случаѣ *дворянина* на это кромѣ содержанія самыхъ просьбъ, намекаетъ и отвѣтъ господаря: «бо его королевская милость маетъ за то, ижъ *на дворѣ своемъ панъскомъ* и на врядѣхъ своихъ холоповъ простыхъ и людей подозрѣныхъ не рачитъ ховати».

[75]) Эта устава и подтверждена была въ новомъ привилеѣ, выданномъ Мартину Палецкому. См. прилож. № 25.

паны-рада обращаются съ должнымъ вниманіемъ и почтеніемъ не только съ шляхтою, своею младшею братьею, но и со всѣми другими людьми; но разъ станы жалуются, пусть укажутъ случаи неуважительнаго обращенія пановъ-рады или отправленія ими суда по дѣламъ, касающимся «почтивости» шляхты; вѣдь этотъ судъ не принадлежитъ ни кому иному, какъ только ему, господарю, «яко пану зверхному».

Слѣдующая просьба становъ касалась положенія ихъ людей, живущихъ въ главныхъ мѣстахъ—Вильнѣ, Трокахъ, Берестьѣ, Луцкѣ и другихъ. Станы просили, чтобы эти люди были подъ однимъ правомъ съ мѣщанами, кромѣ людей, проживающихъ въ домахъ князей, пановъ и шляхты, для нихъ самихъ выстроенныхъ. Господарь нашелъ эту просьбу заслуживающею уваженія и сдѣлалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ, оговоривъ только, что люди пановъ духовныхъ должны подчиняться мѣстскому суду по дѣламъ уголовнаго характера, «которые ся кровавыхъ справъ и иньшихъ злочиньствъ дотыкають», но во всемъ остальномъ подчиняться власти своихъ господъ.

Станы подали сверхъ того и еще одну просьбу о внутреннемъ распорядкѣ въ мѣстахъ—чтобы запрещено было торговать по ночамъ въ корчмахъ для прекращенія уличныхъ безчинствъ и дракъ, и чтобы засидѣвшихся въ корчмѣ гостей не выпускали оттуда ночью, а только днемъ. Эта просьба, очевидно, внушена была тѣмъ, что происходило по ночамъ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ въ то время, когда происходилъ тамъ сеймъ, и когда наѣзжало много народа по дѣламъ или въ свитахъ князей и пановъ. Самый отвѣтъ господаря, данный на эту просьбу, говоритъ въ пользу этой догадки. Господарь заявилъ, что онъ отдастъ соотвѣтствующій приказъ своему «двору»; пусть только и сами просители съ своей стороны запретятъ своимъ служебникамъ выбивать ворота, окна и двери у шинковъ, и пусть не заступаются за нихъ, когда урядъ ихъ арестуетъ, подъ страхомъ отвѣтственности, какъ за «кгвалтъ».

Станы ходатайствовали затѣмъ о различныхъ льготахъ и облегченіяхъ въ несеніи государственныхъ повинностей. Прежде всего они просили, чтобы шляхта уволена была отъ сторожи въ замкахъ, въ частности отъ караула плѣнныхъ москвичей, отъ кошенья сѣна на господаря [76]) и отъ даванья подводъ. Господарь отвѣчалъ, что, не желая вводить ничего новаго, онъ не желаетъ опускать и стараго: кто передъ тѣмъ косилъ сѣно, стерегъ замки и плѣнныхъ москвичей, давалъ

---

[76]) См. выше, стр. 436.

подводы, тотъ и впредь обязанъ дѣлать все это; если же станамъ кажется это труднымъ, пусть изыщутъ средства, на чтобы эти повинности могли быть выполнены. Станы просили далѣе, что бы имъ вольно было отправлять свои лѣсные товары прямо за границу и не платить мыта отъ хлѣба съ собственныхъ гуменъ. Господарь изъявилъ согласіе на то, чтобы лѣсные товары изъ шляхетскихъ имѣній, выработанные на собственныя средства землевладѣльцевъ, а не въ компаніи съ другими, пропускались свободно за границу по уплатѣ слѣдуемыхъ пошлинъ; но товары, выработанные въ компаніи съ купцами или не въ собственныхъ, но арендованныхъ лѣсахъ, или скупленные у другихъ обязательно должны складываться въ казенныхъ складахъ и по уставной цѣнѣ согласно опредѣленію прошлаго сейма; касательно освобожденія отъ мыта хлѣба изъ шляхетскихъ гуменъ господарь обѣщался подумать и дать отвѣтъ въ другое время.

Станы сейма просили также объ освобожденіи отъ платежа «пересуда» и «винъ» за исключеніемъ тѣхъ, которыя платятся «за головщину», за нарушеніе «заруки», за нарушеніе приказа господаря, добровольнаго соглашенія и за неподчиненіе судебному приговору, и которыя выписаны въ листахъ господарскихъ, «еднальныхъ» и судовыхъ. Непомѣрныя пошлины и штрафы были вообще больнымъ мѣстомъ литовско-русскаго суда, давшимъ поводъ Михалону Литвину поставить татарскую юстицію выше литовской. «У насъ,—говоритъ онъ,—судья тутъ же на судѣ беретъ съ невиннаго истца десятую часть со всего иска въ вознагражденіе за свой трудъ подъ именемъ «пересуда»; когда же дѣло идетъ о ничтожномъ клочкѣ земли, то взимается не десятая часть, а рубль грошей, хотя бы сама вещь не стоила этой цѣны [77])... При разборѣ дѣлъ о личныхъ обидахъ и насиліяхъ судья беретъ съ виновнаго подъ именемъ штрафа столько же, сколько присуждаетъ истцу; а изъ-за своей корысти онъ присуждаетъ обыкновенно истцу, благоволя даже явному клеветнику, мужчинѣ—20 копъ грошей, женщинѣ—40, за личную обиду [78]), а за вещественные убытки—столько, сколько заявитъ клеветникъ-истецъ, по 100 и по 1000 копъ, хотя бы вещь по цѣнѣ не стоила болѣе одной копы... И пусть благородный истецъ, выигравшій дѣло о личной обидѣ, умилостивится на просьбы проигравшаго тяжбу,—но не смилостивится судья, который все

---

77) См. статутъ 1529, раздѣлъ VI, арт. 11.

78) По 14 арт. III раздѣла статута 1529 года: «естли бы шляхтичъ шляхтича збилъ, тогды водле обычая прав двянадцат рублевъ грошей», т. е. 1200 грошей, или 20 копъ.

равно возьметъ свои деньги — съ одного штрафъ, съ другого десятую часть» [79]). Просьба становъ сейма и имѣла въ виду положить нѣкоторый предѣлъ этому обирательству тяжущихся. Господарь, посовѣтовавшись съ панами-радою, не нашелъ возможности отмѣнить взиманіе «пересуда», какъ вознагражденіе судей за ихъ трудъ, но постановилъ, чтобы впредь пересудъ взимался въ половинномъ размѣрѣ по сравненію съ прежнимъ, т. е. въ размѣрѣ 5% съ цѣны иска, со всѣхъ тѣхъ, въ пользу которыхъ присуждено взысканіе, за исключеніемъ кредиторовъ, взыскивающихъ свои долги: эти послѣдніе обязаны только платить судьѣ «памятное» въ размѣрѣ четырехъ грошей, а пересудъ должны уплачивать должники вмѣстѣ съ долгомъ. Относительно «винъ» господарь рѣшилъ держаться стараго порядка и только за убійство шляхтича опредѣлилъ вмѣсто уплаты «вины» смертную казнь, если убійца будетъ пойманъ на горячей крови, и строгое тюремное заключеніе въ подземельѣ въ теченіе цѣлаго года съ уплатою воеводѣ или старостѣ повѣтовому «повиннаго» 12 рублей грошей, если убійца будетъ уличенъ въ преступленіи судомъ, при чемъ эти наказанія онъ долженъ нести во всякомъ случаѣ, даже если бы родные убитаго не пожелали привлекать его къ отвѣтственности. Ходатайствуя объ умень-

---

[79]) Jvstitia quoque praestant nobis Tartari. nam reddunt vnicuique statim quod ipsius est. apud nos vero capit Judex decimam partem rei judicatae, ab actore innocente, quae iudicis merces appellatur Peressud. quae illico in tribunali soluenda est. Cum autem de minima fundi agitur particula, non decima datur, sed licet non fuerit tanti pretij res iudicata, centum grossi, qvorum vnus duos cruciatos nummos Germanicos valet, cum dimidia cruciati parte. maioris verò decimam capit semper, summae bonorum totius, quantacunque deducta fuerit in litem.

Ex iniuriarum autem personalium et violentiarum vtcunque insimulatarum causis, capit à reo ratione multae. tantum quantum adiudicat actori. adiudicat autem propter tanta sua lucra actori, apertè etiam calumnianti fauens, pro offensione eius qualicunque, mari sexagenas grossorum vicenas, foeminae quadragenas, pro damnis verò realibus quicquid calumniator peierans asseruerit, centenas et millenas, etiamsi ne vnam quidem sexagenam valere appareat tota eius substantia. Et pro homicidio, non iuxta legem diuinam ut sanguis sanguine vindicetur, sententia fertur, sed pecuniaria fit, cum decimis magistratus. Quocirca frequentia hic committuntur parricidia. Et licet actor ingenuus in causis iniuriarum victoria potitus, placetur à reo mollibus verbis: at non iudex. is enim semper pecunias haurit, ab hoc multitias, ab illo decimarias. *Michalonis Litvani* De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum fragmina X, p. 19.

шеніи судебныхъ пошлинъ, станы сейма просили вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы только малое «лицо», взятое на господарскій дворъ у вора, выкупалось оттуда въ суммѣ его стоимости, а «великое лицо», выкупалось полтиною грошей. Конфискація «лица» на господарскій дворъ, утвержденная еще судебникомъ Казимира и предполагавшая выкупъ этого «лица» владѣльцемъ вещи (на тѣ деньги, которыя ему присуждались на ворѣ) [80], на практикѣ приводила, по свидѣтельству Михалона Литвина, къ тому, что иногда владѣльцы украденныхъ вещей отступались отъ нихъ и даже не вчинали исковъ, поставленные въ необходимость уплачивать за нихъ больше, чѣмъ стоили сами вещи (это случалось тогда, когда приходилось нести лицо къ другому судьѣ: первый судья все равно взыскивалъ стоимость лица полностью) [81]. Въ удовлетвореніе ходатайства становъ сейма господарь постановилъ: каждое великое лицо, хотя бы оно стоило 100 копъ грошей и болѣе, должно выкупаться съ господарскаго двора полтиною грошей; «лицо» стоимостью ниже десяти копъ грошей—12 грошей; если вору платить нечѣмъ, «лицо» должно возвращаться владѣльцу даромъ, а вора вѣшать.

Заботами о матеріальныхъ интересахъ подсказанъ былъ станамъ сейма и еще цѣлый рядъ просьбъ къ господарю. Такъ, они ходатайствовали, чтобы одно лицо какъ римскаго, такъ и греческаго закона не держало заразъ двухъ или трехъ «церковныхъ хлѣбовъ» (очевидно, для того, чтобы дать возможность кормиться этимъ духовнымъ хлѣбомъ наибольшему числу лицъ), чтобы у шляхты не отнимались «пожитки», которые она имѣла прежде въ волостяхъ господарскихъ по пожалованью прежнихъ господарей, чтобы шляхтѣ предоставлено было ши-

---

[80]) Акты Зап. Рос. I, № 67. Впрочемъ, это постановленіе судебника имѣло силу не во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства: въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ, напр., въ Витебской, Смоленской, лицо обязательно возвращалось тому, у кого оно было украдено, а господарь взыскивалъ свое съ вора. См. *М. Ясинскаго* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 177, 178.

[81]) In criminalibus verò causis, non decimam sed totum capit, quicquid furtiuum aut latroni ademtum deprehenditur penes aliquem, qui eius prouentus appellatur Litze. Quando autem res ipsa furtiua penes furem seu euictorem eius, portanda est ad alium iudicem; valorem eius integrum capit prior iudex. ita vt necessum sit apud nos repetenti rem suam surreptam impendere in magistratus plus quam res ipsa valeat: quapropter multi id cernentes sua iumenta furtim abacta aut vi erepta, non audent litem propter ea intentare. Michalonis Litvani, op. cit., p. 20. Срав. также жалобы Жмудской шляхты въ 1542 г. (выше, стр. 502).

рокое право выкупа земскихъ имѣній, пріобрѣтенныхъ духовными и мѣщанами, даже и не по праву родства съ прежнимъ владѣльцемъ, чтобы дѣвицы, вышедшія замужъ за границу безъ согласія родныхъ, лишались своихъ имѣній, а вышедшія замужъ съ согласія родныхъ, получали отъ нихъ деньги въ замѣнъ имѣній по оцѣнкѣ, чтобы шляхтѣ вольно было строить въ своихъ имѣньяхъ на проѣзжихъ дорогахъ («гостинцахъ») корчмы и собирать съ нихъ доходы въ свою пользу. На первую изъ этихъ просьбъ господарь отвѣчалъ, что это дѣло подлежитъ вѣдѣнію епископовъ римской и греческой церкви, которымъ господарь напомнитъ о немъ, и они учинятъ надлежащій порядокъ въ этихъ вещахъ. Вторая просьба внесена была въ общій списокъ едва ли не по иниціативѣ землевладѣльцевъ Кіевской земли, которые тягались съ своимъ воеводою изъ-за держанья Чернобыльской волости [82]). Но такъ какъ просьба подана была въ общей, неопредѣленной формѣ («закрытыми словы»), то и господарь отказался отвѣчать на нее, отозвавшись непониманіемъ ея. Просьбу о расширеніи права выкупа шляхетскихъ имѣній господарь отклонилъ вовсе и оставилъ въ силѣ прежнія узаконенія; отклонилъ также и просьбу о дарованіи шляхтѣ права пропинаціи, оставивъ это право только за тѣми, которые получили спеціальные привилеи на вольныя корчмы [83]).

Нѣсколько просьбъ, поданныхъ станами Виленскаго сейма 1551 г. имѣли въ виду отклоненіе различныхъ затрудненій лицамъ шляхетскаго сословія со стороны суда и администраціи. Станы просили, чтобы вдовы не привлекались къ господарскому суду «мандатами» изъ-за того, что принадлежитъ ихъ дѣтямъ. Въ виду того, что статутъ гарантировалъ вдовамъ, какъ опекуншамъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, отсрочку въ удовлетвореніи претензій къ этимъ дѣтямъ, какъ наслѣдникамъ, до ихъ совершеннолѣтія [84]), господарь отнесъ эту просьбу на свой счетъ

---

[82]) См. прилож. № 23.

[83]) Послѣ того, какъ не удалась попытка, сдѣлать пропинаціонное право общимъ шляхетскимъ правомъ, литовско-русскіе князья, паны и бояре-шляхта наперерывъ другъ передъ другомъ стали выхлопатывать себѣ спеціальные привилеи «на вольныя корчмы», и число такихъ привилеевъ стало быстро возрастать. Мы насчитали въ книгахъ Литовской Метрики (Записей XXXV, XXXVII—XXXIX, XLI, XLV, XLVIII—LI, LIV; Судныхъ дѣлъ LII) болѣе ста (111) спеціальныхъ привилеевъ, выданныхъ на вольныя корчмы съ 1551 по 1572 годъ, не считая привилеевъ, жаловавшихъ вольныя корчмы вмѣстѣ съ правомъ сажать мѣста или заводить торги и ярмарки въ своихъ имѣньяхъ.

[84]) Раздѣлъ IV, арт. 7; разд. V, арт. 3.

и понялъ ее, какъ ходатайство, чтобы онъ самъ не привлекалъ вдовъ къ суду о незаконномъ захватѣ ими господарскихъ земель и людей къ дѣтскимъ имѣньямъ. Господарь категорически отвергъ это ходатайство, признавъ, что онъ, какъ «панъ зверхный», не подданный подъ какое либо право, не обязанъ сносить убытковъ изъ-за чьего либо малолѣтства. Станы просили затѣмъ, чтобы шляхта не принуждалась къ предъявленію документовъ на владѣніе передъ волочными мѣрчими, ибо изъ-за этого у шляхты много земель помѣрено на волоки, а «отмены» не дано (т. е. тѣмъ, кто не могъ представить такихъ документовъ). Господарь отвѣчалъ: онъ предпринялъ волочную помѣру «для розмноженья пожитковъ своихъ господарскихъ»,—на что имѣлъ, разумѣется, полное право,—но не въ ущербъ другимъ; поэтому, хотя онъ и велѣлъ своимъ мѣрчимъ занимать въ волоки шляхетскіе грунты въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ этого нельзя будетъ обойтись, но не приказывалъ имъ отбирать у шляхты вымѣренныя земли и раздавать ихъ господарскимъ людямъ прежде, чѣмъ не будетъ дана за эти земли владѣльцамъ достаточная «отмѣна»; если мѣрчіе поступали противъ этой инструкціи и ввели кого-либо въ убытки, пусть потерпѣвшіе принесутъ на нихъ жалобы, и господарь дастъ имъ полное удовлетвореніе; но, само собою разумѣется, что владѣльцы, не имѣющіе на земли жалованныхъ грамотъ или получившіе эти земли только до воли господарской, либо купившіе ихъ у людей тяглыхъ и татаръ безъ господарскаго дозволенья, не могутъ претендовать на «отмену».—Наконецъ, станы просили, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе («позовъ») будетъ сбито въ одномъ—двухъ пунктахъ («артикулахъ»), оно не лишалось силы въ остальныхъ, и отвѣтчикъ обязанъ былъ отвѣчать по остальнымъ. Господарь, дабы отъ «непотребного збиванья позвовъ» не происходило судебной волокиты, изъявилъ свое согласіе на это и опредѣлилъ двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго истецъ могъ снова привлечь на судъ отвѣтчика по сбитымъ пунктамъ обвиненія. Заботясь объ уменьшеніи судебной волокиты, господарь тутъ же кстати постановилъ: гостю, пріѣзжему человѣку, которому станется отъ кого либо обида въ самомъ мѣстопребываніи уряда, давать судъ «безъ отволоки», безъ врученья формальнаго «позова» обвиняемому, приказавъ ему черезъ посланца урядоваго или дворянина господарскаго явиться на судъ; а если онъ уже выѣхалъ изъ мѣстопребыванія уряда, назначить ему двухнедѣльный срокъ для явки на судъ. Станы просили, чтобы и духовныя завѣщанія, попорченныя въ нѣкоторыхъ частяхъ, не теряли своей силы въ остальныхъ. Господарь отложилъ рѣшеніе этого вопроса

до исправленія статута, а до тѣхъ поръ велѣлъ руководствоваться существующими узаконеніями статута.

Итакъ, на большинство новыхъ ходатайствъ становъ сейма господарь отвѣчалъ либо отрицательно, либо уклончиво. Но и то, чего добились отъ него станы, имѣло немаловажное значеніе. Особенно цѣнно было для шляхты освобожденіе ея вывоза отъ тѣхъ стѣсненій, которыя наложены были на отпускъ лѣсныхъ товаровъ за границу на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, уменьшеніе вдвое «пересуда», и новая такса для выкупа отъ уряда вещей, отобранныхъ у вора. Матеріальнымъ интересамъ шляхты всѣмъ этимъ оказано было немалое покровительство.

И на этомъ сеймѣ землевладѣльцы нѣкоторыхъ земель подавали господарю свои особенныя просьбы и жалобы. Это, очевидно, уже вошло въ обычай. Просьбы, по всѣмъ признакамъ, составлялись и редактировались на мѣстныхъ собраніяхъ, предшествовавшихъ великому вальному сойму и бывшихъ предшественниками позднѣйшихъ сеймиковъ [85]). Въ этихъ просьбахъ и жалобахъ находимъ отчасти тѣ же мотивы, которые содержатся и въ общихъ сеймовыхъ просьбахъ. Видно, что шляхта разныхъ земель, находясь въ болѣе или менѣе одинаковыхъ соціально-политическихъ условіяхъ, при давнишнемъ и частомъ общеніи на великихъ вальныхъ соймахъ успѣла проникнуться болѣе или менѣе одинаковымъ настроеніемъ и одинаковыми стремленіями, спѣлась, такъ сказать, въ согласный политическій хоръ и порознь, какъ и сообща, пѣла правительству одни и тѣ же пѣсни.

На великомъ вальномъ соймѣ 1551 года свои особенныя просьбы и жалобы представили господарю прежде всего тивуны и шляхта Жмудской земли. Первая ихъ просьба состояла въ томъ, чтобы господарь, согласно привилею Жмудской земли, не всылалъ къ нимъ за

---

[85]) Что такія собранія происходили передъ великими вальными соймами, на это указанія даны нами въ третьей главѣ. Въ дополненіе къ нимъ укажемъ на съѣздъ землевладѣльцевъ Полоцкой и Витебской земель какъ разъ передъ великимъ вальнымъ соймомъ 1551 года, въ началѣ сентября того же года, въ Витебскѣ. На этомъ съѣздѣ, собиравшемся, очевидно, для выбора пословъ на великій вальный соймъ, между прочимъ выработана была и принята «устава» о «похожихъ» людяхъ, опредѣлявшая нормы ихъ повинностей, обязательныя для всѣхъ землевладѣльцевъ, и имѣвшая въ виду сократить крестьянскіе переходы. Эта устава впослѣдствіи, 4 января 1553 года, по докладу Витебскаго воеводы, получила санкцію господаря и распространена была и на господарскія волости. См. Памят. Врем. Кіевск. Комм., т. I, отд. II, стр. 8—19.

р. Невяжу своихъ «дѣцкихъ» и «въѣздчихъ», и чтобы судилъ ихъ и рядилъ мѣстный староста. Подобную просьбу Жмудскіе землевладѣльцы подавали еще покойному королю Сигизмунду въ 1542 году (см. выше, стр. 501); теперь они сочли нужнымъ возбудить вновь и дополнить это ходатайство. Господарь отвѣчалъ, что онъ не выключаетъ ихъ изъ-подъ присуда старосты, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывается и отъ права своего судить тѣхъ, кто аппеллируетъ къ нему на рѣшеніе старосты; не отказывается и отъ права своего посылать «въѣзжихъ» для разбора жалобъ своихъ подданныхъ на тивуновъ, которыхъ онъ назначаетъ по собственному усмотрѣнію, не спрашиваясь никого и не докладывая.—Жмудскіе землевладѣльцы повторили также и прежнюю свою просьбу о томъ, чтобы господарь не отнималъ урядовъ по заочному доносу или жалобѣ. Господарь отвѣчалъ: если ему вольно раздавать тивунства и уряды, то вольно и отбирать, особенно у тѣхъ, которые «нераднѣ и обтяжливѣ» держатъ себя по отношенію къ господарскимъ подданнымъ; кто потеряетъ урядъ по чьему либо доносу или жалобѣ, пусть ищетъ на него судомъ. Подобная же просьба, какъ мы видѣли, представлялась и въ общемъ спискѣ сеймовыхъ просьбъ, но отвѣтъ господаря данъ былъ на нее болѣе мягкій и по формѣ, и по существу. Видно, что по отношенію къ шляхтѣ, состоявшей почти исключительно изъ землевладѣльческой мелкоты, господарь менѣе сдерживался и былъ менѣе уступчивымъ, чѣмъ въ отношеніи къ княжатамъ, панятамъ и «значнѣйшей» шляхтѣ великаго княжества, составлявшимъ внушительное собраніе вальнаго сейма. Затѣмъ, какъ и въ 1542 году, Жмудскіе землевладѣльцы просили, чтобы уряды въ Жмудской землѣ не раздавались ни литовцамъ, ни русскимъ, а только уроженцамъ Жмудской земли, имѣющимъ въ ней осѣдлость, и при томъ по представленію старосты, тивуновъ и шляхты. На эту просьбу, обнаруживавшую областной сепаратизмъ и автономическія стремленія Жмудской шляхты, господарь отвѣчалъ уклончиво, минуя ея существенныя детали: пусть де ему укажутъ, кому изъ неосѣдлыхъ въ Жмуди данъ какой нибудь урядъ?—Жмудская шляхта просила затѣмъ, чтобы въ Жмудской землѣ не заводилось новыхъ порядковъ въ родѣ волочнаго измѣренія, при которомъ ей дѣлаются помѣрчими «великіе кривды и утиски», нарушаются ея права и вольности. На это господарь возражалъ: онъ не видитъ, чтобы волочная помѣра нарушала права и вольности просителей; вѣдь на волоки помѣряются не ихъ земли, а собственныя господарскія, для умноженія доходовъ господаря; всякій имѣетъ право заботиться объ увеличеніи своихъ доходовъ, а тѣмъ болѣе господарь, и до этого имъ нѣтъ никакого дѣла; если кому

нибудь изъ нихъ не дана «отмена» за занятые грунты, или нанесена какая-нибудь другая обида отъ господарскихъ мѣрчихъ, пусть жалуется господарю, и тогда получитъ полное удовлетвореніе.—Шляхта жаловалась далѣе на «кривды и утиски» отъ урядниковъ пановъ великихъ и на невозможность добиться на нихъ суда и управы какъ у самихъ пановъ, такъ у старосты, передъ которымъ эти урядники не ставятся, и просили господаря дать полномочіе старостѣ привлекать въ случаѣ надобности такихъ урядниковъ насильно къ своему суду и чинить съ нихъ взысканія. Король изъявилъ на то свое согласіе.—Согласился онъ и на просьбу о предписаніи старостѣ слѣдить за тѣмъ, чтобы духовные и мѣщане, покупившіе шляхетскія имѣнья, несли съ нихъ военную службу или же брали за нихъ деньги отъ родственниковъ тѣхъ лицъ, у кого они купили эти имѣнья. Съ аналогичною просьбою, шедшею только нѣсколько дальше, мы встрѣчались и въ спискѣ общихъ просьбъ, составленныхъ на сеймѣ 1551 года. Можно предполагать, такимъ образомъ, что на общемъ совѣщаніи инціаторами просьбъ явились Жмудскіе землевладѣльцы, давшіе мысль, которая была принята и развита нѣсколько шире.—Мы видѣли, что на Виленскомъ сеймѣ 1547 года Подляшская шляхта просила о безпошлинномъ пропускѣ ея хлѣба и скота за границу и безпошлинной продажѣ этихъ товаровъ на внутреннихъ рынкахъ. Этотъ примѣръ заразилъ и Жмудскихъ землевладѣльцевъ, которые ходатайствовали, чтобы имъ вольно было отправлять свой хлѣбъ и скотъ въ Германію, не платя пошлинъ, и получать оттуда коней, вооруженіе и другія вещи для своихъ надобностей также безпошлинно, какъ это и прежде бывало, чтобы въ княжескихъ и панскихъ мѣстахъ не собирались съ нея пошлины. Господарь отвѣчалъ, что во всемъ этомъ онъ будетъ держаться старины, какъ и передъ тѣмъ бывало.—Затѣмъ, какъ и въ 1542 году, Жмудская шляхта жаловалась на то, что ей не выдаютъ бѣглыхъ людей и челядь невольную урядники королевы Боны изъ Юрборка и Новой Воли и бискупъ Жмудскій со всѣмъ духовенствомъ. Король обѣщалъ написать королевѣ-матери и старостѣ Жмудскому, о томъ, чтобы по этой части шляхтѣ не чинилось никакихъ «кривдъ».—Шляхта ходатайствовала затѣмъ, чтобы всѣмъ, какъ шляхтичу, такъ и простому человѣку, было вольно брать дерево на постройки и дрова и бить звѣрей и ловить рыбу въ господарскихъ пущахъ и озерахъ. Господарь отвѣчалъ, что онъ поручитъ старостѣ довѣдаться, такъ-ли это было прежде.—Слѣдующая просьба Жмудской шляхты чрезвычайно любопытна, какъ иллюстрація ея стремленій обезпечить за собою правильное и постоянное участіе въ мѣстной политической жизни. Шляхта просила дать ей особую земскую печать,

главнымъ образомъ для того, чтобы господарь имѣлъ возможность вѣдать, что просьбы, поданныя ему за этою печатью, учинены за волею всей земли. Но господарь отказалъ въ этой просьбѣ.—Дальнѣйшая просьба была повтореніемъ и развитіемъ просьбы, подававшейся Жмудскими землевладѣльцами въ 1542 г. Они просили, чтобы старшій тивунъ по старинѣ носилъ и держалъ у себя хоругвь земскую, чтобы онъ же производилъ имъ военную перепись и сдавалъ реестры старостѣ, а тотъ гетману. Господарь далъ на это свое согласіе [86]), оговоривъ только, что гетманъ будетъ провѣрять эти реестры въ мѣстѣ сбора войска, и они обязаны будутъ становиться передъ нимъ на смотръ.—Наконецъ, Жмудская шляхта жаловалась на куничника Станислава Скопа, который своими поборами разогналъ всѣхъ крестьянъ. Жалоба эта, касавшаяся господарскихъ волостей, подана была, очевидно, по иниціативѣ тивуновъ и другихъ урядниковъ, державшихъ господарскія волости. По всей вѣроятности, эти тивуны и урядники стремились упразднить должность куничника и забрать въ свои руки сборъ куницъ, а вмѣстѣ съ нимъ и «стацеи» (кормы) и «поклоны» (подарки), полученіе которыхъ они ставили въ вину Станиславу Скопу. Какъ бы угадывая эти стремленія господарь отвѣчалъ, что сборъ куницъ онъ передаетъ тивунамъ и врядникамъ, но съ условіемъ не брать совсѣмъ стацій и поклоновъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ куничничествомъ не лишиться и тивунства.—Послѣдняя просьба Жмудской земли вышла также несомнѣнно отъ тивуновъ и другихъ урядниковъ. Господаря просили, чтобы при сдачѣ господарскихъ доходовъ въ скарбъ принималась въ расчетъ убыль плательщиковъ, «естли бы хто повѣтреемъ вымеръ, або зъ домомъ згорѣлъ, або прочь ушелъ, або для убожества плату давати не могъ». Сигизмундъ Августъ изъявилъ на то свое согласіе [87]).

Итакъ, просьбы, поданныя на сеймѣ 1551 года шляхтою Жмудской земли, составились частью изъ тѣхъ, которыя она уже выработала и подавала раньше, въ предшествующее великокняженіе, частью изъ новыхъ, выработанныхъ на мѣстномъ собраніи шляхты спеціально для

---

[86]) Онъ постановилъ, «ижъ старшій тивунъ въ земли Жомойтской, часу потребы военноѣ або которого-колвекъ иного рушенья, маетъ войско земли Жомойтской, всю шляхту, которая службу военную служити повинна, достаточнѣ, кождого меновитѣ, и почотъ его весь, и кони въ шерсть, и зброи, и барву списати, и жадного утаивати, або отъ службы военноѣ отпускати, альбо которую фолькгу чинити не маетъ». Акты Зап. Рос. III, стр. 40.

[87]) Акты Зап. Рос. III, № 11, III.

даннаго сейма, при чемъ, какъ можно замѣтить, не остались безъ вліянія и тѣ ходатайства, которыя возбуждались на предшествующемъ великомъ вальномъ соймѣ шляхтою другихъ земель и отъ имени общаго собранія сейма. Жмудская шляхта внесла въ свой списокъ нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ, которыя она считала особо важными для своихъ интересовъ, съ цѣлью подкрѣпленія ихъ новыми голосами.

Тоже самое можно сказать и о просьбахъ, поданныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года землевладѣльцами Волынской земли Они просили прежде всего о томъ, чтобы господарь не устраивалъ мытныхъ коморъ и сторожъ въ имѣньяхъ князей пановъ и земянъ. Это все та же самая просьба, которая подавалась отъ лица всѣхъ участниковъ сейма въ Берестьѣ въ 1544 году и затѣмъ въ Вильнѣ на разсматриваемомъ сеймѣ. Очень можетъ быть, что на внесеніи ея въ списокъ общихъ просьбъ настояли именно Волынскіе землевладѣльцы, привезшіе ее съ собою въ числѣ своихъ земскихъ ходатайствъ. Господарь отклонилъ эту просьбу на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя онъ уже высказалъ въ отвѣтѣ всему сейму.—Волынцы просили далѣе, чтобы купцамъ запрещено было ѣздить съ товарами по новымъ необычнымъ дорогамъ, минуя старыя «гостинцы». Эта просьба очевидно, вышла отъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые имѣли на этихъ гостинцахъ свои мытныя коморы или «вольныя корчмы». Направленіе товарнаго движенія по другимъ трактамъ грозило имъ уменьшеніемъ доходности имѣній, противъ чего они и старались принять мѣры. Господарь согласился исполнить просьбу.—Увлеченные иниціативою Подляшской шляхты, проявленною на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, Волынскіе землевладѣльцы просили, чтобы мытники не собирали пошлинъ съ собственныхъ вещей шляхты. Господарь приказалъ сказать: мыто не будетъ собираться съ того, съ чего и ранѣе оно не взималось; но господарь не хочетъ отпускать мыта съ того, что прежде имъ облагалось; на мытниковъ, взимающихъ мыто не по уставѣ, онъ будетъ давать судъ и управу.—Въ виду того, что предполагалось разставить наемныя войска по украинымъ замкамъ, Волынскіе землевладѣльцы ходатайствовали, чтобы не устанавливалось никакой таксы на припасы, закупаемые «пѣнежными» людьми, т. е. жолнерами, и чтобы «пѣнежные» люди все пріобрѣтали «торгомъ», по вольной цѣнѣ, а не реквизиціоннымъ путемъ. Но господарь отклонилъ это ходатайство, указавъ, что отъ этого «вольнаго торга», пожалуй, будетъ больше убытковъ крестьянамъ владѣльцевъ, чѣмъ отъ уставы, и объявилъ, что онъ прикажетъ «справцѣ пѣнежныхъ людей» (главному командиру) своевременно составить и опубликовать таксу «на всякія живности».—Послѣдняя просьба Волын-

скихъ землевладѣльцевъ состояла въ томъ, чтобы господарь положилъ конецъ наѣздамъ, насиліямъ, грабежамъ и убійствамъ, которыя дѣлаются отъ пограничныхъ поляковъ, и далъ бы на нихъ судъ и управу. Господарь далъ обѣщаніе переговорить объ этомъ съ коронною радою на ближайшемъ вальномъ сеймѣ и постараться изыскать средства для установленія сосѣдскаго покоя между обоими государствами [88]).

Свои ходатайства представляли на Виленскомъ сеймѣ 1551 года и Кіевскіе землевладѣльцы. Мы видѣли, что еще въ 1546 году они приносили господарю черезъ своихъ уполномоченныхъ рядъ жалобъ на новаго воеводу кн. Фридриха Глѣбовича Пронскаго и между прочимъ жаловались, что воевода отнялъ у нихъ замокъ Чернобыль, который они держали по очереди, по годамъ. Въ то время господарь приказалъ воеводѣ вернуть Чернобыль и отдалъ его въ держанье на четыре года тѣмъ самымъ боярамъ, которые пріѣзжали къ нему въ качествѣ уполномоченныхъ [89]), а послѣ нихъ своему мечному пану Николаю Петровичу Кухмистровичу [90]). Но затѣмъ король измѣнилъ свое рѣшеніе и въ 1549 г. отдалъ Чернобыльскій замокъ въ держанье снова тому же кн. Пронскому [91]). Вслѣдствіе этого Кіевскіе бояре сочли нужнымъ ходатайствовать передъ господаремъ о возвращеніи имъ замка въ держанье, ссылаясь на то, что у нихъ имѣнья «недостаточные и отъ неприятелей господарскихъ спустошоные», и имъ не съ чего служить военную службу. Они просили, чтобы господарь велѣлъ переписать ихъ имѣнья и пожитки, дабы убѣдиться въ справедливости ихъ

[88]) Акты Зап. Рос. III, № 11, IV.

[89]) Привилей отъ 20 іюля 1546 года. Литов. Метр. кн. Запис. XXX, л. 134.

[90]) Привилей отъ 12 апр. 1547 г. Кн. Запис. XXXI, л. 87—88.

[91]) Въ листѣ до Солтана Стецкевича, въ то время державшаго Чернобыль король писалъ (21 января 1549 года): «Што есмо тотъ замокъ нашъ Чернобыль дозволили были вамъ, земяномъ Киевскимъ, збудовати на пустомъ городищи вашимъ накладомъ и держати его кождому зъ васъ водле ласки нашое чергами съ пожитки тамошними, ино дей вы на томъ городищи, ачкольвекъ замочокъ збудовали, але дей велми плохо и утло, же дей,—уховай Боже якое пригоды отъ неприятеля,—тогды бы дей оной замочокъ водле збудованья вашого отъ ровного почту неприятельского одержати се не могъ, за чимъ бы намъ, господару, и речи посполитой земской большое ославенье урости могло; а къ тому дей тежъ вы, держачи оной замочокъ чергами, никоторого способу ку обороне на томъ замочку не мевали, а за наклады свои вы, старшие вси, вжо оный замочокъ чергами выдержали, а наконецъ дей не только властные Кияне, оный замокъ нашъ чергами держали, але есте и обчихъ людей, которые до того ничого не мають, до себе припустили»... Литов. Метр. кн. Запис. XXXI, л. 243, 244.

показаній. Господарь обѣщалъ прислать къ нимъ человѣка «для попису», а рѣшеніе вопроса о Чернобыльскомъ замкѣ отложилъ до другого раза. Свои просьбы бояре Кіевской земли представляли господарю устно и все дѣло имѣло видъ тяжбы ихъ съ воеводою Кіевскимъ (поэтому и запись о немъ внесена въ книгу Судныхъ дѣлъ) [92]).

Цѣлый рядъ жалобъ принесли господарю и земяне Вѣницкіе черезъ пословъ своихъ Ивана Вороновицкаго и Игната Клещевскаго, а именно: староста ихъ князь Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій беретъ у ихъ людей коней, на которыхъ они обязаны ѣздить на войну, и посылаетъ по своимъ надобностямъ на Волынь, до Житомира и до другихъ замковъ господарскихъ или до имѣнья своего Корца, чего они не обязаны исполнять, при чемъ слуги его снимаютъ съ этихъ коней сѣдла и узды; беретъ на нихъ самихъ и ихъ подданныхъ «помочное» [93]) непомѣрное, въ размѣрѣ 10% съ суммы иска, тогда какъ прежде всякій истецъ, доискавшійся по суду своего, платилъ только 5% съ суммы иска, а отвѣтчикъ, отведшій отъ себя искъ, платилъ «памятного» три гроша [94]); староста велитъ своимъ слугамъ брать съ нихъ и ихъ подданныхъ по 50 грошей за проѣздъ, проходъ и «вижовое», а слугамъ своего урядника по 12 грошей, чего прежде никогда не бывало: на украйнѣ изстари велся обычай давать служебнику старосты, который «шапку подойметъ» (когда заключается судебное пари) или данъ будетъ кому нибудь вижемъ или дѣцкимъ, только двѣнадцать грошей, а за проѣздъ по грошу на милю, слугѣ же намѣстника старосты—по 2 гроша за проходъ, вижовое и дѣцкованье [95]); староста посылаетъ въ ихъ имѣнья своихъ служебниковъ, которые отнимаютъ у ихъ людей коней и воловъ за какое-то «побережное», тогда какъ они особыми привилеями вызволены отъ уплаты пошлинъ за коней, приводимыхъ изъ Польши или Волошской земли для служебныхъ надобностей; староста и его урядникъ берутъ на себя «лицо», найденное у кого-либо изъ ихъ людей, нарушая права пана; а если этотъ человѣкъ укажетъ

---

[92]) См. прилож. № 23.

[93]) «Помочное»=«пересудъ». Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 684.

[94]) Это заявленіе чрезвычайно любопытно, какъ указаніе на то, что устава о пересудахъ, содержащаяся въ статутѣ 1529 г., не вездѣ примѣнялась, и что въ нѣкоторыхъ земляхъ еще ранѣе 1551 г. уже дѣйствовали приблизительно тѣ же льготы, какія установлены были на сеймѣ 1551 года.

[95]) То же самое, что сказано въ предыдущемъ примѣчаніи, справедливо и относительно настоящаго заявленія Вѣницкихъ земянъ.

«заводцу», отъ кого онъ имѣетъ эту вещь, староста и его урядникъ берутъ съ него «зводного» не четыре гроша, какъ бы слѣдовало, а цѣлую копу грошей; урядникъ старосты арестуетъ ихъ людей, судитъ и рядитъ и производитъ съ нихъ взысканія, не увѣдомляя предварительно самихъ пановъ и не требуя отъ нихъ суда. Такъ какъ подобныя же жалобы подавались Вѣницкими земянами на предшественника кн. Корецкаго, кн. Ѳедора Андреевича Сангушка, то и господарь ограничился подтвержденіемъ того, что онъ уже ранѣе постановилъ по этимъ жалобамъ; касательно же взиманія «пересудовъ», «вижового» и «дѣцкованья» приказалъ руководствоваться новою уставою, объявленною всѣмъ станамъ на текущемъ сеймѣ [96]).

Князья, паны, хоружіе и всѣ бояре шляхта Мстиславскаго повѣта просили новаго господаря подтвердить имъ тотъ самый привилей, который они получили отъ его отца въ 1541 году [97]), и сверхъ того предписать, чтобы старосты не судили безъ нихъ ихъ братью, шляхту, и ихъ подданныхъ, не въѣзжали въ ихъ пущи и озера бить звѣря и ловить рыбу, не брали съ нихъ «винъ» необычайныхъ. По ходатайству воеводы Виленскаго, канцлера, пана Миколая Радивила, господарь уважилъ эту просьбу, подтвердилъ привилей своего отца и сверхъ того постановилъ: староста, когда ему придется разбирать дѣло шляхтича, долженъ имѣть при себѣ двухъ или трехъ *старшихъ бояръ* и сообща съ ними судить, не долженъ судить и рядить людей шляхетскихъ безъ самихъ владѣльцевъ, въѣзжать въ ихъ пущи и озера; бояре шляхта повѣта Мстиславскаго, исключая слугъ путныхъ, впредь имѣютъ пользоваться всѣми шляхетскими правами, какими пользуется и остальное рыцарство-шляхта великаго княжества Литовскаго «подлѣ права и статуту земского» [98]).

Послѣ подачи просьбъ станы по напоминанью господаря занялись обсужденіемъ мѣръ относительно обороны государства и пришли къ извѣстнымъ рѣшеніямъ, которыя и получили санкцію господаря. Прежде всего постановлено было, чтобы всѣ военнослужилые землевладѣльцы впредь до отмѣны выставляли на войну пахолка на конѣ, въ иброѣ, въ цвѣтномъ платьѣ—съ девяти крестьянскихъ службъ, а не съ десяти, какъ было раньше (см. выше, стр. 292). Господарь съ благодарностью принялъ и подтвердилъ это постановленіе. Затѣмъ станы сейма ради любви къ своему прирожденному государю и рѣчи посполитой великаго

---

[96]) См. прилож. № 22.

[97]) См. выше, стр. 500, 501.

[98]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 124.

княжества Литовскаго «поступили» на три года съ своихъ людей серебщину въ такомъ размѣрѣ: кто пашетъ на двухъ волахъ, платитъ пять грошей; кто пашетъ конемъ, платитъ 2½ гроша; у кого одинъ волъ или кобыла—2½ гроша; кто не имѣетъ воловъ и коней, но держитъ землю на полную службу, платитъ 2½ гроша; огородники платятъ 2½ гроша; сверхъ того, станы «поступили» съ каждой сохи по пенязю на содержаніе тѣмъ лицамъ, которые будутъ исправлять статутъ. Срокомъ для представленія первой серебщины въ «скарбъ посполитый земскій» станы назначали Громницы (2 февраля) 1552 года, для представленія второй серебщины—конецъ этого года [99]), а для представленія третьей—по усмотрѣнію господаря, и выбрали особыхъ бирчихъ земскихъ, кн. Венцлава, бискупа Жмудскаго, и маршалка пана Яна Комаевскаго и при нихъ особаго писаря на выборъ господаря: либо пана Глѣба Есмана, либо ключника Троцкаго Бенедикта. Господарь санкціонировалъ это постановленіе и съ своей стороны «поступилъ» на оборону земскую такой же платъ съ господарскихъ людей и съ людей королевы Боны, и также на три года, а равно съ мѣщанъ (въ опредѣленной суммѣ съ каждаго мѣста) [100]) и жидовъ [101]). Затѣмъ, принимая во вниманіе, что при полномъ неурожаѣ, постигшемъ въ то время великое княжество, трудно и даже невозможно собрать новый «податокъ», отсрочилъ сборъ первой серебщины до 8 сентября 1552 г., обѣщаясь покрывать всѣ расходы на оборону земскую «своимъ грошомъ», «съ скарбу своего властного» съ тѣмъ, чтобы потомъ въ этотъ скарбъ отложено было изъ серебщинныхъ денегъ все, что будетъ взято. Господарь постановилъ далѣе, что съ господарскихъ людей серебщину должны выбирать старосты, державцы и тивуны или ихъ намѣстники и сдавать ее въ срокъ подскарбію земскому Ивану Горностаю, при чемъ приносить присягу, что ничего не утаили и все сполна выбрали; съ людей князей и пановъ серебщину должны собирать ихъ урядники, а съ боярскихъ—хоружіе повѣтовые, и представлять

---

[99]) См. прилож. № 25; впослѣдствіи срокъ отдачи второй серебщины былъ перенесенъ на Громницы 1553 года.

[100]) Запись о суммахъ, положенныхъ на мѣста, см. въ прилож. № 21. Въ Актахъ Южн. и Зап. Рос. I, № 125 эта запись напечатана не совсѣмъ исправно.

[101]) О наложеніи плата на жидовъ просили станы сейма, вслѣдствіе чего господарь распорядился объ ихъ переписи (*С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 23). Это даетъ основаніе думать, что податокъ, наложенный тогда на жидовъ (Тамъ же, № 43), былъ поголовный.

ее «головнымъ бирчимъ», также присягая въ томъ, что вѣрно выбрали и ничего не утаили, а «головные бирчіе» должны сдавать ее въ скарбъ; при сборѣ серебщины урядники и хоружіе должны переписать всѣ службы владѣльческихъ людей и реестры представить вмѣстѣ съ серебщиною въ скарбъ, дабы господарь имѣлъ возможность знать, кто какъ долженъ служить; въ виду того, что отъ голода многіе крестьяне изъ владѣльческихъ имѣній ушли на сторону, господарь разрѣшилъ всѣмъ военно-служилымъ землевладѣльцамъ въ текущемъ году не являться на смотръ къ воеводамъ повѣтовымъ, вслѣдствіе невозможности привести съ собою полные почты,—и служить военную службу по старому, согласно опредѣленію Берестейскаго сейма, т. е. выставлять съ десяти служебъ одного ратника [102]).

И на этомъ сеймѣ господарь вновь поднялъ вопросъ о томъ, что замки украинные «вельми опали» и требуютъ тщательнаго ремонта, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимо соорудить новые. Князья, паны и всѣ бояре-шляхта, представъ передъ господаремъ, черезъ подчашія, старосту Могилевскаго и Тыкотинскаго, пана Станислава Миколаевича Кезгайла заявили: тѣ изъ нихъ, которые «къ тымъ роботамъ и пошлинамъ городовымъ и мостовымъ здавна были повинни и подъ то ся поддали», какъ свѣтскіе, такъ и духовные, должны будутъ съ своихъ имѣній строить новые города, поправлять старые, мостить мосты и гатить гати, «полнить» сторожу городовую, станы и стаціи; кто изъ нихъ будетъ уклоняться отъ своихъ повинностей, того господарь воленъ понудить къ тому силою; господарь долженъ выбрать нѣсколько лицъ, людей достойныхъ и вѣры годныхъ, и поручить имъ ежегодно объѣзжать замки и о состояніи ихъ и нуждахъ доносить ему, господарю, и панамъ-радѣ; съ своей стороны воеводы и старосты этихъ замковъ должны будутъ тщательно слѣдить затѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ своихъ работъ въ этихъ замкахъ; въ случаѣ невозможности обойтись одними силами обязанныхъ землевладѣльцевъ, господарь долженъ съ панами-радою найти дополнительныя средства.

Подобное же заявленіе сдѣлали станы сейма и относительно подводной повинности. При этомъ большинство изъ нихъ соглашалось замѣнить подводную повинность натуральную денежнымъ взносомъ въ шесть грошей съ службы для содержанія постоянныхъ наемныхъ подводъ; но меньшинство не хотѣло облагать себя этою платою и съ тѣмъ уѣхало съ сейма. Господарь утвердилъ рѣшеніе большинства и постановилъ,

---

[102]) Акты Зап. Рос. III, № 11; прилож. № 27.

что взамѣнъ подводной повинности впредь будетъ взиматься по шести грошей съ службы, три на седьмую субботу и три на день святого Мартина.

Мы видѣли, что Волынскіе землевладѣльцы просили господаря дать судъ и управу на сосѣдей—поляковъ, которые чинятъ имъ всевозможныя обиды и насилія. Просьба эта поддержана была всѣмъ сеймомъ, и господарь долженъ былъ дать обѣщаніе вступить въ переговоры съ поляками на предстоящемъ Петрковскомъ сеймѣ касательно установленія «вѣчныхъ границъ» съ Польшею; а если этого не удастся сдѣлать, то принять какія-либо другія мѣры къ установленію добраго сосѣдства съ поляками. Въ качествѣ нужныхъ документовъ для предстоящихъ переговоровъ постановлено было дать господарю тѣ самыя просьбы, которыя подавались еще его отцу на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года о разграниченіи и установленіи добраго сосѣдства съ Польшею, а равно и отвѣты, данныя тогда господаремъ, а также и настоящую просьбу.

Сверхъ вышеизложенныхъ постановленій и обѣщаній, данныхъ въ отвѣтъ на просьбы становъ сейма, господарь на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. совмѣстно съ панами-радою выработалъ и объявилъ новую «уставу» относительно выдачи сиротъ замужъ. Эта устава гласила: вдовы должны выдавать своихъ дочерей замужъ за волею и вѣдомостью ихъ взрослыхъ родныхъ братьевъ, а при отсутствіи таковыхъ—двоюродныхъ братьевъ или другихъ родственниковъ по отцу, при неимѣніи же этихъ послѣднихъ—за волею и вѣдомостью дядей, двоюродныхъ братьевъ и другихъ родныхъ по матери; въ случаяхъ разногласія матери съ остальными родственниками, дѣло долженъ рѣшить либо самъ господарь, либо паны-рада, либо воеводы повѣтовые, передъ которыми та и другая стороны должны представить свои соображенія касательно выдачи сироты замужъ [103]).

На Виленскомъ сеймѣ 1551 года происходили переговоры съ польскими послами объ уніи между короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Еще на Петрковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ правленіе Сигизмунда Стараго въ декабрѣ 1547 года и январѣ 1548 года [104]), шляхетскіе послы требовали отъ короля, чтобы онъ

---

[103]) Акты Зап. Рос. III, № 11, V.

[104]) М. В. Довнаръ-Запольскій (Польско-Литовская унія, стр. 9) слилъ этотъ Петрковскій сеймъ 1547—1548 г. съ Петрковскимъ сеймомъ 1548 года, созваннымъ къ 18 окт. этого года, въ одинъ сеймъ и отнесъ его къ правленію Сигиз-

согласно давней уніи и соединенію съ Польшею земель Литовской, Мазовецкой, Прусской, Заторской и Осветимской привлекъ къ общимъ совѣщаніямъ объ установленіи совмѣстной обороны и рыцарство этихъ земель и созвалъ его на общій сеймъ въ Парчовъ, Люблинъ или даже, если угодно, въ Варшаву [105]). На первомъ сеймѣ, созванномъ въ Петрковѣ въ правленіе Сигизмунда Августа (18 окт. 1548 г.), однимъ изъ первыхъ требованій, предъявленныхъ новому королю, было требованіе осуществленія уніи Литвы, Пруссіи и Силезіи съ короною и созывъ общаго сейма [106]). Сигизмундъ Августъ отклонилъ это требованіе въ виду того, что на сеймѣ нѣтъ литовскихъ пословъ, съ которыми можно было бы трактовать объ уніи, а приглашать ихъ на сеймъ въ данный моментъ немыслимо за краткостью времени: согласно съ ихъ правами ихъ надо вызывать на сеймъ особыми листами; для пользы дѣла королю надо предварительно съѣздить въ Литву самому, созвать тамъ сеймъ и резонами склонить литовцевъ къ посылкѣ своихъ уполномоченныхъ на общій сеймъ, гдѣ будетъ рѣшаться вопросъ объ уніи [107]). Но выставивъ на видъ необходимость всего этого, Сигизмундъ Августъ на дѣлѣ не особенно ревностно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи и, пріѣхавъ послѣ похоронъ отца въ Литву, не созвалъ тамъ сейма для рѣшенія вопроса объ уніи [108]). Поэтому на Петрковскомъ сеймѣ, созванномъ на 4 мая 1550 года, шляхетскіе послы вновь настаивали на томъ, чтобы король привелъ въ исполненіе унію и назначилъ общій сеймъ Польши, Литвы, Пруссіи и Силезіи въ Парчовѣ, Люблинѣ или Вильнѣ, на который должны съѣхаться уже не уполномоченные названныхъ княжествъ, а рада и послы повѣтовые въ полномъ составѣ [109]). По всѣмъ даннымъ, король и на этотъ разъ отклонилъ требованіе поляковъ. Когда, наконецъ, онъ собралъ въ Вильнѣ сеймъ на 29 сентября 1551 года, поляки отправили къ нему пословъ уговаривать его, чтобы онъ согласно съ даннымъ обѣщаніемъ приводилъ ли-

---

мунда Августа. Это, конечно, lapsus calami. Сигизмундъ Августъ не могъ созывать въ Польшѣ сейма въ 1547 г., ибо живъ былъ еще старый король, его отецъ († 1 апр. 1548 г.).

[105]) *Hr. de Broel-Plater* Zbiór pamiętników I, str. 160.

[106]) Scriptores rerum polonicarum, tomus I, p. 246.

[107]) Ibidem, p. 265, 269.

[108]) По словамъ Стрыйковскаго король въ бытность свою въ Вильнѣ z małżonką Barbara krotofil rozmaitych według młodości używał (Kronika, tom II, str. 403).

[109]) Scriptores rerum polonicarum, tomus I, p. 39.

товцевъ къ уніи съ Польшею, отъ которой можно ожидать большихъ выгодъ и обороны обоимъ государствамъ. На этотъ разъ король исполнилъ желаніе поляковъ и черезъ коронпаго подканцлера обратился къ панамъ раднымъ и другимъ станамъ Виленскаго сейма съ предложеніемъ уніи на основаніи старыхъ записей, какъ того требовали поляки. Но литовцы и слышать не хотѣли о такой уніи [110]) и выразили надежду, что господарь сохранитъ свое отчинное государство при той цѣлости, достойности и вольностяхъ, съ какими принялъ его изъ рукъ отца, согласно съ данною имъ присягою. Они соглашались только давать полякамъ помощь противъ непріятелей на основаніи «ухвалы» Берестейскаго сейма 1544 года и категорически отказались съѣзжаться съ поляками на общій сеймъ, такъ какъ со всѣми вопросами они уже покончили на настоящемъ Виленскомъ сеймѣ [111]).

§ 3.

Еще въ то самое время, когда шли совѣщанія на Виленскомъ сеймѣ 1551 года относительно обороны земской, Сигизмундъ Августъ съ своей стороны принялъ первыя мѣры для защиты украйны. Староста Черкасскій и Каневскій Янъ Хрщоновичъ, приславшій извѣстіе о сожженіи Браславскаго замка татарами, просилъ короля прислать наемныхъ служебныхъ для усиленія гарнизоновъ на его замкахъ. По совѣту съ панами-радою король поручилъ ротмистру Петру Чапличу набрать сто «ездныхъ», а ротмистру Петру Розбицкому сто пѣшихъ драбовъ и отправиться съ ними на лежанье въ Черкасскомъ замкѣ [112]); товарищу Кіевской роты Ангелу король приказалъ отправиться ротмистромъ на Каневскій замокъ и набрать пятьдесятъ драбовъ изъ тѣхъ, которые уже выслужили свои сроки на украинныхъ замкахъ [113]); на замокъ Веницу король отправилъ ротмистра Криштофа Рудницкаго съ сотнею пѣшихъ драбовъ (всѣ эти распоряженія сдѣланы были 21 октября 1551 года) [114]); сверхъ того король распорядился о посылкѣ на эти замки пушкарей, пороха, свинцу и желѣза для гаковницъ [115]). Но

---

[110]) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 95), *Стрыйковскаго* (tom II, str. 404), *Кояловича* (Historiae Litvanae pars II, p. 416).

[111]) Коронной Метрики Московскаго Архива Мин. Иностр. дѣлъ кн. XIV, л. 95, 96.

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 94—96.

[113]) Тамъ же, л. 92—94.

[114]) Тамъ же, л. 94.

[115]) Тамъ же, л. 94—96.

это были только первыя и самыя необходимыя мѣры, на которыхъ нельзя было остановиться. Поэтому уже съ Петрковскаго сейма, въ февралѣ 1552 года [116]), король писалъ панамъ-радѣ великаго княжества о своемъ предположеніи отстроить вновь Браславскій замокъ господарскими людьми Вѣницкой волости [117]). Этотъ замокъ, по признанію короля, имѣлъ выдающееся стратегическое значеніе,—«передъ всими городы нашими украиными на великой помочи и обороне подданымъ нашимъ» [118]). Для охраны работъ король проектировалъ мобилизировать подъ начальствомъ маршалка Волынской земли кн. Василья Констант. Острожскаго ополченье Волынскихъ землевладѣльцевъ и «пенежныхъ» людей съ украинныхъ замковъ. Но паны-рада, на обсужденіе которыхъ Сигизмундъ Августъ подалъ свой проектъ, выразили опасеніе, что съ такими силами князь Острожскій едва-ли можетъ сдержать царя Перекопскаго въ случаѣ его нападенія на украйну, и предложили дать ему «якій посилокъ людми большими». Паны-рада имѣли полное основаніе опасаться нападенія татаръ, ибо литовскій посолъ Александръ Владыка, находившійся въ Крыму, сообщалъ «о зломъ умыслѣ» Перекопскаго царя на великое княжество. Къ тому же носились слухи и о непріязненныхъ замыслахъ Московскаго государя, о его намѣреніи строить замокъ въ Вышгородѣ близъ Кіева. Мобилизировать на украйну земское ополченіе всѣхъ земель великаго княжества представлялось дѣломъ, въ высшей степени труднымъ, особенно въ виду общаго безденежья землевладѣльцевъ по случаю прошлогодняго голода [119]). Волею неволею приходилось возлагать упованіе преимущественно на «пенежныхъ людей». Поэтому съ весны произведена была усиленная вербовка этихъ людей, которые и разставлены были по украиннымъ

---

[116]) Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 96.

[117]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 7—10.

[118]) Тамъ же, л. 22—26.

[119]) Посылая панамъ-радѣ въ половинѣ мая военные листы для разсылки ихъ по государству въ случаѣ надобности, король наставлялъ ихъ: «Ведже на то бы есте бачность мели, а безъ великое и кгвалътовное потребы земли не рушали, олижъ маючи певное ведомо о людехъ великихъ, которыхъ бы старостове и державцы украинъные зъ людми пенежными усперети не могли. Бо то сами ваша милость розумети можете, въ тые теперешние неврожайные лета таковое рушенье посполитое не можетъ быти безъ трудностей и накладу кождого съ подданныхъ нашыхъ. На то потреба вашей милости баченье мети, абы даремне таковый коштъ и накладъ трудностью шляхты рыцерства учыненъ не былъ» (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 17).

замкамъ подъ главнымъ начальствомъ пана Василья Тишкевича [120]). Вербовка этихъ служебныхъ, сопровождавшаяся уплатою имъ жалованья впередъ за четверть года, поставила скарбъ земскій въ такое затруднительное положеніе, что король долженъ былъ отсрочить на нѣкоторое время постройку Браславскаго замка [121]). Его первоначальное предположеніе строить замокъ своими крестьянами Вѣницкой волости оказалось неосуществимымъ. По ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что для постройки надобно не менѣе тысячи человѣкъ, нужны техники и мастера, нужны, слѣдовательно и немалыя деньги [122]). Но откладывать постройку до будущаго года при всемъ томъ король счелъ невозможнымъ. Поэтому въ іюнѣ онъ сдѣлалъ распоряженіе о наймѣ на Волыни 600 рабочихъ и 150 запряжекъ (400 головъ) воловъ въ помощь къ тѣмъ 650 человѣкамъ и 100 воламъ, которые стягивались изъ господарскихъ волостей Волыни и Подолья. Техническая часть возложена была на пушкаря Валентія, который нанялъ въ Краковѣ 40 плотниковъ и 60 землекоповъ, четырехъ «мистровъ» и четырехъ служебниковъ себѣ на помощь. Эти плотники и землекопы должны были имѣть при себѣ оружіе и въ очередь нести драбскую службу, получая за нее по годовымъ четвертямъ, какъ и другіе драбы,—по 5 золотыхъ польскихъ «кусыхъ» [123]), и сверхъ того работать надъ постройкою замка, получая по недѣлямъ («мистры»—плотники по 36 польскихъ грошей, товарищи ихъ по 18) [124]). Уже первые, предварительные расходы по постройкѣ замка, начавшейся 20 іюля, поглотили не малую сумму денегъ: при наймѣ плотниковъ и землекоповъ

---

[120]) Ротмистрами этихъ служебныхъ были: подстолій Станиславъ Миколаевичъ Пацъ, городничій Минскій кн. Андрей Семеновичъ Одинцевича, кн. Михаилъ Вишневецкій Иванъ Васильевичъ Ляцкій, Михайло Тишковичъ, Лукашъ Ивановичъ, Каленицкій Васильевичъ Тишкевича, Александръ Дмитріевичъ, царевичъ Остринскій и Пуньскій кн. Шахманцеръ (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 10—12).

[121]) Предъ уплатою жалованья за вторую четверть года король обращался было къ панамъ-радѣ съ просьбою, «ижъ бы ихъ милость тую дорогу нашли, отколь пенези на заплату другое чверти взяти». Король, очевидно, разсчитывалъ на займы въ счетъ будущей серебщины или ея досрочную уплату. Но паны-рада заявили, «ижъ тому рады и тое дороги вынайти не могуть, отъколь бы ихъ взяти, такъ не малую суму на заплату другое чверти». Королю поневолѣ пришлось распорядиться выдачею денегъ изъ скарба, подъ условіемъ возврата этихъ денегъ въ скарбъ изъ серебщины (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 7—10).

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 15—16.

[123]) «Кусый» золотой польскій=28 польскимъ грошамъ, а полный=30.

[124]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 22—26, 32—33.

выдано въ Краковѣ задатка 1055 золотыхъ и 7½ польскихъ грошей, или 422 копы и 6 гр. литовскихъ; изъ скарба послали въ Браславль 1026 копъ, 51 гр. и 6 пенязей [125]). Въ дальнѣйшемъ предстояло также потратить не мало денегъ на эту постройку, производившуюся при томъ подъ охраною значительнаго наемнаго войска.

Между тѣмъ изъ Крыма вернулся литовскій посолъ Александръ Владыка, заключившій съ ханомъ мирный договоръ, и съ нимъ пріѣхалъ посолъ хана и 33 человѣка гонцовъ отъ его матери, женъ, царевичей, князей и другихъ «добрыхъ слугъ» для полученія отъ короля ратификаціи договора и условленныхъ и неусловленныхъ упоминковъ. На литовскій скарбъ палъ новый огромный расходъ, ибо одному хану по договору приходилось выплатить 7½ тысячъ золотыхъ польскихъ, или 3000 копъ грошей литовскихъ, не считая упоминковъ его родственникамъ, «добрымъ слугамъ», послу и гонцамъ [126]). Уклониться отъ этихъ расходовъ или отсрочить ихъ было невозможно, какъ о томъ писалъ королю въ Польшу земскій подскарбій Иванъ Горностай: чтобы ханъ не напалъ на украйну, нужно было немедленно ублаготворить его посылкою упоминковъ [127]). Поэтому уже въ началѣ сентября отправленъ былъ съ ханскими послами панъ Юрій Васильевичъ Тишкевича, а съ нимъ и договоренные упоминки [128]).

Всѣ эти крупные расходы поглотили наличность скарба. Повидимому дѣло не обошлось даже и безъ займовъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что подскарбій Иванъ Горностай еще до уплаты упоминковъ татарамъ писалъ королю, что въ скарбѣ только около тысячи копъ грошей, между тѣмъ предстоятъ большіе расходы, и просилъ короля раздобыться деньгами въ Польшѣ, а король въ свою очередь рекомендовалъ ему позанять денегъ въ Литвѣ [129]). Расходы, сдѣланные на оборону государства въ счетъ будущихъ поступленій скарба, въ томъ числѣ и опредѣленныхъ сеймомъ 1551 года субсидій, или серебщинъ, оказались столь значительными, что вскорѣ выяснилась невозможность обойтись въ будущемъ ожидаемыми поступленіями, тѣмъ болѣе, что по случаю прошлогодняго голода этихъ поступленій предполагалось меньше, чѣмъ бы слѣдовало [130]). Сигизмундъ Августъ и его совѣтники

---

[125]) Тамъ же, л. 33—34, 52—53.

[126]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 38—40.

[127]) См. прилож. № 26.

[128]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 41.

[129]) См. прилож. № 26.

[130]) Приложеніе № 28.

рѣшили обойти затрудненіе путемъ новаго сбора денегъ съ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ. Главный расходъ въ будущемъ предстоялъ на уплату жалованья наемнымъ служебнымъ, которыхъ необходимо было содержать на украйнѣ. Сигизмундъ Августъ и его совѣтники стали въ данномъ случаѣ на ту точку зрѣнія, что содержаніе этихъ служебныхъ является въ сущности замѣною военной службы для землевладѣльцевъ великаго княжества: не будь этихъ служебныхъ, военнослужилымъ землевладѣльцамъ пришлось бы самимъ отправляться съ своими «почтами» на украйну и «лежать» тамъ долгое время, въ ожиданіи непріятеля; поэтому вполнѣ будетъ справедливо и даже выгодно для этихъ землевладѣльцевъ—обложить ихъ извѣстною суммою денегъ за каждаго коня, котораго они ставятъ на войну [131]). Но ставъ на эту точку зрѣнія, господарь и его рада не рѣшились собственною властью привести въ исполненіе задуманную мѣру и постановили для «ухвалы» ея созвать на сеймъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ землевладѣльцевъ великаго княжества [132]). Приглашенія на сеймъ разосланы были прежде всего панамъ-радѣ, которые должны были съѣхаться ко дню св. Мартина (11 ноября) «для судовъ и иныхъ потребъ», которыя относятся до ихъ компетенціи. Кромѣ пановъ-рады, на сеймъ вызывались различные урядники земскіе (старосты, державцы, тивуны), княжата и панята [133]); шляхту-цыцарство на этомъ сеймѣ должны были представлять одни только хоружіе, безъ пословъ, вопреки установившемуся уже обычаю [134]). Всѣ эти лица вызывались на сеймъ въ Вильну ко дню св. Екатерины (25 ноября). Кромѣ «ухвалы» предполагавшагося сбора «поконевскихъ пенязей» сеймъ созывался и для того, чтобы привести въ исполненіе нѣкоторыя постановленія прошлаго Виленскаго сейма. Хоружіе разъѣхались съ этого сейма, не взявъ изъ канцеляріи господарской грамотъ до повѣтовъ о состоявшихся постановленіяхъ касательно судей, писарей и вижей присяжныхъ, касательно пересуда, винъ и вижоваго, относительно городовой, мостовой, дорожной, подводной и кормовой повинности шляхты, вслѣдствіе чего эти постано-

---

[131]) Акты Зап. Рос. III, № 13, стр. 51.

[132]) Прыехавшы господару королю его милости со Кгданьска черезъ землю Прускую на Ковно и Троки до Вильни рачылъ его королевъская милость, съ паны радами ихъ милостью намовившы, росказати листы по земли о зъеханье ку его милости розослати. Лет. Бож. Нарож. 1552 месеца окт. 15 дня (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 41).

[133]) Приложеніе № 25.

[134]) Акты Зап. Рос. III, № 13, стр. 51.

вленія не вошли въ силу, и все въ повѣтахъ дѣлалось по старому. Хоружіе, очевидно, и вызывались главнымъ образомъ для объявленія шляхтѣ постановленій прошлаго и настоящаго Виленскаго сейма.

Собранный сеймъ «ухвалилъ» сверхъ трехъ серебщинъ, уже опредѣленныхъ на прошломъ сеймѣ, дать господарю съ каждаго коня по копѣ грошей на середопостье 1553 года, ранѣе третьей серебщины, которая должна быть собрана на Рождество Богородицы 1553 года. Этими «поконевскими пенязями» обложены были и всѣ господарскія мѣста и русскія волости, сообразно числу выправлявшихся ими на войну конныхъ ратниковъ, а также и духовные римскаго и греческаго закона въ размѣрѣ шести грошей съ каждой крестьянской службы. Сверхъ того, на сеймѣ господарь подтвердилъ опредѣленія, состоявшіяся на прошломъ сеймѣ относительно судоустройства и судопроизводства и шляхетскихъ повинностей и наказалъ своимъ урядникамъ строго держаться этихъ опредѣленій, а хоружимъ—довести ихъ до свѣдѣнія шляхты [135]).

И на этомъ сеймѣ Сигизмундъ Августъ поднималъ вопросъ объ уніи. Станы благодарили короля за заботливость о великомъ княжествѣ, но заявили, что въ виду различія правъ трудно великому княжеству соединиться съ Польшею, и потому дѣло это не можетъ осуществиться; но что касается обороны противъ нашествія турокъ они согласны помогать полякамъ всѣми силами; для постоянной же обороны украйны согласны держать извѣстное число войскъ, а если войска будутъ заняты войною съ другимъ непріятелемъ, то посылать полякамъ деньги на увеличеніе ихъ наемныхъ войскъ. Другими словами, станы сейма и на этотъ разъ предлагали то же самое, что было рѣшено ими на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года [136]).

Постановленіе о сборѣ «поконевскихъ» пенязей, возбудило сильное неудовольствіе въ средѣ шляхты. Шляхта была недовольна и самымъ опредѣленіемъ сейма, состоявшимся безъ ея вѣдома и участія, и тѣмъ, что сборъ производился строго, черезъ дѣцкихъ и съ конфискаціями имѣній у тѣхъ, кто не платилъ во время, и тѣмъ, что деньги шли прямо въ скарбъ, минуя «головныхъ бирчихъ». Это неудовольствіе шляхты, засвидѣтельствованное въ хроникахъ, нашло себѣ выраженіе и на слѣдующемъ великомъ вальномъ соймѣ, созванномъ въ Вильнѣ въ 1554 году [137]).

---

[135]) Приложеніе № 28.

[136]) Scriptores rerum polonicarum, tomus I, p. 15—16.

[137]) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII,

§ 4.

Великій вальный соймъ созванъ былъ въ концѣ 1554 года для принятія необходимыхъ мѣръ на случай войны съ Москвою. Срокъ перемирію, заключенному въ 1549 году, истекъ 25 марта 1554 года. Литовскимъ посламъ, ѣздившимъ въ Москву въ концѣ 1553 г., не удалось заключить мира, а только—продолжить перемиріе на два года, до 25 марта 1556 года [138]). Слѣдовательно, въ недалекомъ будущемъ Литвѣ угрожала война съ Москвою, къ которой необходимо было заранѣе готовиться. Поэтому по пріѣздѣ въ великое княжество, въ іюнѣ 1554 г., Сигизмундъ Августъ разослалъ приглашеніе панамъ-радѣ и другимъ станамъ, «сойму належачимъ» явиться на сеймъ ко дню св. Мартина, т. е. къ 11 ноября, для совѣщанія «о потребахъ земскихъ», о которыхъ имъ будетъ въ свое время объявлено [139]).

Главнѣйшею изъ этихъ «потребъ» была оборона земская. Собравшіеся на сеймъ землевладѣльцы великаго княжества опредѣлили впредь выставлять на военную службу съ десяти крестьянскихъ служебъ одного коннаго ратника («зъ девяти человѣковъ десятого пахолка на кони въ зброи»). Господарь милостиво принялъ эту «ухвалу» и съ своей стороны постановилъ, чтобы въ виду скораго окончанія перемирья всѣ были готовы къ «попису» и смотру въ своихъ повѣтахъ на осень будущаго года, о чемъ обѣщался сдѣлать въ свое время особое распоряженіе.—Не ограничиваясь «ухвалою» касательно собственной военной повинности, станы сейма по соглашенію съ панами-радою «для прибылыхъ людей пѣнежныхъ» опредѣлили давать господарю платъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ размѣрѣ десяти грошей съ воловой или конской сохи, пяти грошей съ полсохи, т. е. съ одного вола, трехъ грошей съ огородниковъ и мѣщанъ, которые не имѣютъ земель и воловъ, пять грошей съ земли, отдаваемой въ аренду или обрабатываемой наймомъ, при чемъ обложенію не должны подлежать дворныя сохи самихъ владѣльцевъ и сохи слугъ путныхъ или панцерныхъ, ѣздящихъ обыкновенно на войну съ своими панами [140]). Господарь съ благодарностью принялъ эту патріотическую жертву землевладѣльцевъ великаго кня-

str. 104), *Стрыйковскаго* (tom II, str. 405), *Кояловича* (Historiae Litvanae pars II, p. 421, 422).

[138]) *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 126, 127.

[139]) См. прилож. № 31

[140]) Акты Зап. Рос. III, № 13, I; Акты Виленской Коммиссіи, т. VIII, № 118.

жества и по просьбѣ ихъ съ своей стороны обложилъ такимъ же платомъ на нужды государственной обороны и своихъ крестьянъ и мѣщанъ, исключая тѣхъ, которые состоятъ подъ магдебургскимъ правомъ, и которые обязаны платить «подлѣ постановленья давного»; такой же платъ господарь наложилъ на мѣщанъ и крестьянъ королевы Боны и духовныхъ пановъ римскаго и греческаго закона. Порядокъ сбора серебщины установленъ былъ такой: съ господарскихъ подданныхъ собираютъ серебщину мѣстные урядники—старосты и державцы или ихъ намѣстники и вносятъ въ скарбъ между 29 сентября и 11 ноября каждаго года; съ имѣній князей и пановъ, не состоящихъ въ повѣтахъ, собираютъ серебщину ихъ урядники и вносятъ въ тотъ же срокъ главнымъ бирчимъ земскимъ, кн. Венцеславу, бискупу Жмудскому, и пану Бенедикту Васильевичу, ключнику Троцкому, приставленному къ этому дѣлу въ качествѣ писаря, при чемъ уплачиваютъ имъ за «квиты» по 2 гроша; съ шляхетскихъ имѣній собираютъ серебщину отъ владѣльцевъ повѣтовые бирчіе, хоружій и при немъ шляхтичъ, взимая за квиты по четыре пенязя отъ сохи, и представляютъ въ названный срокъ бирчимъ главнымъ, платя по 2 гроша за квитъ; кто изъ владѣльцевъ не отдастъ серебщины въ срокъ, платитъ уже «съ совитостью», т. е. по двадцати грошей отъ сохи и т. д. [141]).

Возлагая на себя военныя и денежныя тягости для устройства надлежащей обороны государства, станы сейма не преминули ходатайствовать,—что они дѣлали и раньше,—чтобы военную службу несли наравнѣ съ ними и духовные съ своихъ церковныхъ и свѣтскихъ имѣній и мѣщане съ купленныхъ земскихъ имѣній, и наконецъ самъ господарь со спадковыхъ имѣній, доставшихся ему по наслѣдству отъ частныхъ лицъ. Король отвѣчалъ, что онъ никого не освобождаетъ отъ военной службы, кто держитъ земское имѣнье; что касается церковныхъ имѣній, то духовные взяли это на свое обсужденіе, для того чтобы отвѣтить «по пригожу» на просьбу становъ; «спадковыя» имѣнья—все тѣ же господарскія имѣнья, отошедшія отъ господаря и снова вернувшіяся къ нему, а потому и не стоило напоминать о службѣ съ этихъ имѣній въ виду того, что господарь не жалѣетъ гораздо большихъ жертвъ на нужды государства съ своихъ имѣній. Этотъ обмѣнъ мнѣній между господаремъ и станами сейма относительно спадковыхъ имѣній свидѣтельствуетъ, что сами станы сейма наводили Сигизмунда Августа на то, чтобы отличать спадковыя имѣнья отъ остальныхъ

---

[141]) Тамъ же; срав. также прилож. № 34.

господарскихъ имѣній. Въ настоящемъ случаѣ Сигизмундъ Августъ противился этой точкѣ зрѣнія, считая ее невыгодной для себя, но позже, при измѣнившихся обстоятельствахъ, нашелъ болѣе выгоднымъ для себя не смѣшивать съ остальными «столовыми» господарскими имѣньями спадковыя, какъ «власной особе его належачія».—Имѣя въ виду интересы военной службы, станы ходатайствовали о запрещеніи вдовамъ записывать имѣнья духовнымъ, отчего дѣти и ближніе родственники терпятъ разореніе, выкупая эти имѣнья. Но господарь отклонилъ эту просьбу на томъ основаніи, что онъ не желаетъ стѣснять ничьей свободы: въ предѣлахъ своихъ правъ вольно каждому распоряжаться своимъ имѣньемъ, какъ ему угодно.—Станы просили также, чтобы духовнымъ запрещено было вывозить и отказывать свое имущество за границу, дабы это имущество по смерти ихъ могло быть обращено на нужды государственной обороны. Король объявилъ, что ему неизвѣстны подобные случаи; пусть сами просители наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы духовные не отправляли имуществъ за границу и, выслѣдивъ, задерживаютъ таковыя имущества и докладываютъ ему, господарю.

Кромѣ просьбъ о привлеченіи къ военной службѣ всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества, на Виленскомъ сеймѣ 1554 года повторенъ былъ и дополненъ цѣлый рядъ другихъ ходатайствъ, представлявшихся на предшествующихъ сеймахъ. Таково было прежде всего ходатайство о земскомъ судѣ. Станы остались недовольны тѣмъ рѣшеніемъ, которое получилъ этотъ вопросъ на прошломъ Виленскомъ сеймѣ 1551 года, и просили, чтобы въ каждомъ хоружствѣ установлены были судьи и писарь по образцу Подляшской земли, т. е. выбранные мѣстными землевладѣльцами и съ правомъ судить всѣхъ землевладѣльцевъ безъ исключенія, въ томъ числѣ и пановъ радныхъ. Просьба направлена была прямо противъ привилегій тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не судились въ повѣтахъ, и которыхъ и на прошломъ сеймѣ постановлено было по давнему привлекать къ суду самого господаря или пановъ рады на «роки великіе». Господарь предложилъ станамъ обратиться съ этимъ ходатайствомъ при разсмотрѣніи исправленнаго статута, обѣщаясь тогда принять во вниманіе ихъ просьбу, а до того времени оставилъ въ силѣ постановленіе о судьяхъ, писарѣ и вижахъ присяжныхъ, состоявшееся на предшествующемъ сеймѣ. При этомъ онъ выразилъ увѣренность, что станы не обратились бы къ нему вновь съ этою просьбою, если бы вникли, какъ слѣдуетъ, въ состоявшееся постановленіе и, взявъ текстъ его изъ господарской канцеляріи, сообщили и своей братьѣ (значитъ, господарь предполагалъ, что возоб-

новленіе ходатайства о земскихъ судьяхъ состоялось по порученію шляхты); тогда бы, вѣроятно, не было и того, о чемъ доносятъ ему воеводы,—бездѣйствія вновь засаженныхъ воеводами судовъ, передъ которыми шляхта не ведетъ свои дѣла. Едва ли, однако, Сигизмундъ Августъ былъ правъ, объясняя такимъ образомъ возобновленіе ходатайства о земскихъ судьяхъ и бездѣйствіе судовъ, учрежденныхъ воеводами (если только его объясненіе не простая дипломатическая увертка, сознательно маскировавшая суть дѣла). По самому содержанію поданной просьбы видно, что станы подавали ее не по незнанію о состоявшемся постановленіи, а потому, что желали большаго, чѣмъ давало это постановленіе; точно также и шляхта обходила новые суды, по всѣмъ даннымъ, не потому, что не вѣдала объ ихъ учрежденіи, а потому, что желала судовъ иного рода, учрежденныхъ при ея участіи и имѣвшихъ право судить всѣхъ землевладѣльцевъ безъ исключенія. Самъ господарь признавалъ этотъ мотивъ ходатайства и счелъ нужнымъ дать нѣкоторое удовлетвореніе настойчивымъ просьбамъ объ облегченіи возможности получать судъ и управу на великихъ пановъ. Прежде всего для разбирательства жалобъ на пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ, господарь установилъ вмѣсто одного съѣзда пановъ-рады—два, первый на день св. Мартина, а второй на седьмую субботу,—другими словами отмѣнилъ постановленіе, состоявшееся на этотъ счетъ въ 1551 году и возстановилъ прежній порядокъ (см. выше, стр. 383); независимо отъ того господарь предоставилъ шляхтѣ во всякое время привлекать пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ, къ суду двухъ комиссаровъ изъ пановъ радныхъ, по назначенію господаря или по выбору самого истца. Это постановленіе должно было дѣйствовать впредь до изданія новаго статута [142]).

Станы вновь повторили и свое прежнее ходатайство о фиксаціи канцелярскихъ пошлинъ. Господарь въ отвѣтъ сослался на устава, уже выданную на прошломъ Виленскомъ сеймѣ, оговоривъ, что и эта устава будетъ дѣйствительна впредь до изданія новаго статута.

Затѣмъ станы сейма повторили вновь и дополнили свои прежнія ходатайства объ огражденіи ихъ интересовъ отъ посягательствъ со стороны чужеземцевъ, т. е. поляковъ. Они просили господаря запретить чужеземцамъ пріобрѣтать имѣнья на Волыни и Подляшьѣ, отчего уже не мало земель убыло у великаго княжества (при этомъ станы упо-

[142]) Постановленіе въ этомъ родѣ сдѣлано было господаремъ по совѣщанію съ панами-радою еще ранѣе созыва сейма, непосредственно по пріѣздѣ въ великое княжество. См. прилож. № 29.

минали о нѣкоторыхъ повѣтахъ,—вѣроятно, о тѣхъ же самыхъ, что и на Новгородскомъ сеймѣ 1538 года) [143]); указывая на то, что многія вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ, людей заграничныхъ, свои имѣнья, записанныя имъ въ вѣнѣ, отдаютъ въ заставы и тѣмъ отдаляютъ отъ этихъ имѣній дѣтей и ближайшихъ родственниковъ, станы ходатайствовали, чтобы такія вдовы лишались своего вѣна и половины «внесенья», т. е. приданаго,—не имѣли права отдавать свои имѣнья въ заставу, минуя своихъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ, и обязательно отдавали имѣнья этимъ послѣднимъ на выкупъ, даже въ разсрочку, при чемъ въ счетъ идти должны только крестьянскія службы, по 5 копъ грошей за каждую службу, а лѣса и воды, и другія угодья отдаваться даромъ; это право выкупа станы просили распространить и на имѣнья дѣвицъ, которыхъ родные выдали замужъ за границу, предоставивъ выкупать эти имѣнья роднымъ, не участвовавшимъ въ выдачѣ этихъ дѣвицъ замужъ, и даже сосѣдямъ, если родные не пожелаютъ выкупать имѣнье; просили далѣе, чтобы референдары (докладчики) по дѣламъ, идущимъ къ господарю по аппелляціи отъ Подляшскихъ судовъ, были обязательно уроженцами великаго княжества, и, наконецъ, чтобы господарь «безъ проволоки» далъ судъ и управу въ «кривдахъ», подѣланныхъ землевладѣльцамъ великаго княжества со стороны пограничныхъ польскихъ землевладѣльцевъ. Повтореніе ходатайствъ на этотъ разъ имѣло успѣхъ. Господарь уже не отвѣчалъ, какъ прежде, что великое княжество не замкнутое государство, что вольно въ немъ всякому пріѣзжать и уѣзжать, купить и продать, но согласно просьбѣ становъ сейма опредѣлилъ, что впредь чужеземцы не имѣютъ права пріобрѣтать имѣнья на вѣчность въ великомъ княжествѣ, а только въ «заставу» (залогъ), въ пограничныхъ же повѣтахъ и этимъ правомъ не будутъ пользоваться; относительно выкупа имѣній у вдовъ и дѣвицъ, выходящихъ замужъ за границу, оставилъ въ силѣ узаконеніе статута [144]), но согласился на разсрочку выкупа, не распространяя ее на «вѣно» и «оправу»; затѣмъ согласно просьбамъ становъ «присадилъ» къ Подляшскимъ судебнымъ дѣламъ двухъ особъ, родичей великаго княжества; на просьбу объ оборонѣ и учиненіи справедливости въ пограничныхъ обидахъ со стороны поляковъ господарь отвѣчалъ, что онъ уже принялъ на этотъ счетъ нужныя мѣры еще ранѣе подачи настоящей просьбы [145]).

---

[143]) См. выше, стр. 275, 276.

[144]) Статутъ 1529, раздѣлъ IV, арт. 10; раздѣлъ IX, арт. 20.

[145]) Здѣсь, очевидно, разумѣется «постановенье его королевъское милости,

По примѣру предшествующихъ сеймовъ станы просили господаря, чтобы мѣщане согласно статуту короля Сигизмунда отвѣчали имъ и ихъ подданнымъ въ судахъ по общему земскому праву, а не по своему магдебургскому, чтобы воеводы и старосты лично и черезъ своихъ урядниковъ слѣдили за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и чтобы установлена была такса на съѣстные припасы и издѣлія ремесленниковъ, продаваемыя въ мѣстахъ. Господарь отказалъ въ первой просьбѣ, оставивъ въ силѣ свое прежнее постановленіе (на Виленскомъ сеймѣ 1551 года), но обѣщалъ сообща съ панами-радою обсудить и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе относительно мѣръ и вѣсовъ.

И на сеймѣ 1554 года станы ходатайствовали объ освобожденіи отъ вывозной и внутреннихъ пошлинъ лѣсныхъ товаровъ и хлѣба изъ собственныхъ ихъ имѣній, мотивируя свое ходатайство необходимостью дать вспомоществованіе шляхтѣ въ несеніи военной службы. На это ходатайство господарь отвѣчалъ то же самое, что и въ 1551 году, т. е. освободилъ шляхту только отъ обязанности складывать лѣсные товары въ пограничныхъ коморахъ, учрежденныхъ по опредѣленію Виленскаго сейма 1547 года, но не освободилъ отъ уплаты пошлинъ.— Станы повторили также и свою прежнюю просьбу, чтобы уряды земскіе и дворные по старому сохранялись «у своихъ важностехъ и пожиткахъ». Господарь отвѣчалъ: пусть сами урядники объявятъ, кому и въ чемъ сталось уменьшеніе чести или доходовъ. Просьба эта, подававшаяся и въ 1551 году, повидимому, вызвана была тѣми перемѣнами, которыя вносила въ положеніе урядниковъ новая волочная «устава». Эта устава ставила на ряду съ старостами и державцами въ господарскихъ волостяхъ ревизоровъ, которымъ давала широкія полномочія по управленію господарскимъ хозяйствомъ и распоряженію трудомъ господарскихъ крестьянъ, подчиняла въ извѣстныхъ отношеніяхъ самихъ старостъ и державцевъ или ихъ урядниковъ [146]) и, приводя къ простотѣ и единообразію систему податей и повинностей, уничтожала разные сборы въ пользу урядниковъ, замѣняя ихъ другими доходами [147]).—Наконецъ, станы сейма просили господаря, не дожи-

---

якимъ обычаемъ справедливость маеть быти чынена обывателемъ такъ великого князства Литовского, яко и коруны Польское». Это постановленье напечатано нами въ приложеніяхъ (№ 30).

[146]) Акты Зап. Рос. III, № 19, I.

[147]) Поэтому и въ книгахъ Литов. Метр. встрѣчаемъ записи, подобныя нижеслѣдующей: «Дано квитъ до скарбу, абы Іопу зъ скарбу господарского *для того, ижъ пожитки враду его городничства Виленского померою волочною вняты,*

даясь окончательнаго исправленія статута, просмотрѣть то, что уже сдѣлано по этой части и утвердить, буде найдетъ возможнымъ. Но господарь отложилъ санкцію и обнародованіе до окончательнаго исправленія статута.

Станы не ограничились повтореніемъ и развитіемъ прежнихъ ходатайствъ и представили господарю рядъ новыхъ просьбъ. Прежде всего они ходатайствовали, чтобы привилеи земскіе, выданные господаремъ и его предшественниками, были вписаны дословно въ статутъ, дабы подданные великаго княжества, взирая постоянно на свои вольности, тѣмъ охотнѣе служили господарю и тѣмъ храбрѣе бились съ врагами, такъ какъ «кождый съ прироженья виненъ есть вольности своее боронити». Господарь отвѣчалъ, что онъ уже два раза подтверждалъ земскіе привилеи, на первомъ вальномъ сеймѣ и на слѣдующемъ, и отдалъ ихъ на храненье панамъ-радѣ, у которыхъ станы всегда могутъ ихъ видѣть; онъ не оставилъ бы безъ вниманія и теперешнюю просьбу становъ, если бы было кончено исправленіе статута; но такъ какъ этого пока нѣтъ, то и удовлетвореніе желанія становъ онъ оставляетъ до окончательной «поправы» статута.—Станы заявляли далѣе протестъ противъ частыхъ сборовъ серебщинъ, чѣмъ, по ихъ словамъ, нарушаются земскіе привилеи, уволившіе ихъ отъ платежа серебщины и всякихъ службъ, даней и подводъ; правда, что эти серебщины собираются съ ихъ согласія на нужды государства, но пользы отъ этого для государства они не замѣчаютъ. Въ особенности станы протестовали противъ сбора «поконевскихъ пенязей», опредѣленнаго не на вальномъ сеймѣ, безъ участія шляхетскихъ пословъ, и производившагося насильственно, при помощи «дѣцкихъ»; станы просили вернуть эти «поконевскіе пенязи», незаконно собранные и взысканные. На это господарь отвѣчалъ: онъ не усматриваетъ въ сборахъ серебщинъ нарушенья земскихъ привилеевъ, ибо эти серебщины собирались съ согласія самихъ становъ сейма; сборъ «поконевскихъ пенязей» опредѣленъ также на сеймѣ, на который приглашались урядники, «сойму на-

---

дано сорокъ копъ грошей, и впередъ же бы кождого году по сороку жъ копъ грошей выдавали до иншого постановенья. Дата року 59, месеца мая 13 дня». (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 235). При введеніи волочной уставы въ Жмудской землѣ отъ тивуновъ отошла часть ихъ прежнихъ доходовъ, взамѣнъ которой господарь пожаловалъ имъ чиншъ съ каждой десятой волоки (тамъ же. л. 330). Точно также отошла часть доходовъ и отъ державцы Упитскаго вслѣдствіе введенія волочной уставы, что заставило господаря пожаловать ему чиншъ съ каждой пятнадцатой волоки (кн. Запис. XLV, л. 57—58).

лежачіе», и притомъ взамѣнъ военной службы; эти деньги пошли не на нужды господаря, а на нужды государства, для удовлетворенія которыхъ господарь обложилъ ровнымъ «податкомъ» и своихъ подданныхъ, дабы легче было самимъ «станамъ» и ихъ подданнымъ; онъ, господарь, искренно желаетъ, чтобы не было нужды въ будущемъ обращаться къ станамъ за этими «податками»; но, если съ кого взыскивалась серебщина съ «дѣцкованьемъ», тотъ долженъ пенять на свою беззаботность и нерадѣніе, на то, что во время не представилъ установленнаго «податка»; благодаря этому нерадѣнію много денегъ не собрано и по сіе время, и пришлось съ служебными, стоявшими на украйнѣ, расплачиваться господарскому скарбу, а бирчіе земскіе, которыхъ выпросили себѣ станы, даже отказались отъ своей должности.— Станы усмотрѣли нарушеніе своихъ вольностей и въ даваньѣ подводъ и стацій съ выслуженныхъ имѣній, ибо господарь раздаетъ обыкновенно эти имѣнья, ничего на себя не оставляя. Король отвѣчалъ: подводы и стаціи съ его точки зрѣнія, которую раздѣляютъ и паны-рада, не «пожитокъ» его скарба, но «особливый пожитокъ и потреба рѣчи посполитой», который никому не можетъ быть уступленъ; поэтому и постановленіе прошлаго Виленскаго сейма касательно подводъ и стацій оставляется въ силѣ.— Мы видѣли, что на этомъ послѣднемъ сеймѣ Жмудская шляхта ходатайствовала между прочимъ о дозволеніи «входовъ» въ господарскія пущи и озера, по стародавнему обычаю. На Виленскомъ сеймѣ 1554 года подобная просьба подана была уже отъ лица всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Станы просили, чтобы у нихъ самихъ и ихъ подданныхъ не отнимались «уходы стародавные» въ господарскихъ пущахъ, «до дерева бортного и озеръ и ѣзовъ на рѣкахъ и сѣножатей», чтобы державцы и лѣсничіе не возбраняли имъ пользоваться всѣмъ этимъ, преслѣдуя свои корыстныя цѣли. Король отвѣчалъ: онъ не хочетъ того, чтобы они не пользовались своими угодьями въ его пущахъ, но только именно стародавними и пожалованными отъ господаря, а не такими, которые они сами выпросили себѣ у урядниковъ «за подарки альбо за поклоны»; своими угодьями они могутъ пользоваться, но только безъ вреда пущи и ловамъ господарскимъ, вслѣдствіе чего среди «оступовъ (т. е. мѣстъ, гдѣ водятся звѣри), не могутъ имѣть сѣножатій. Настоящая просьба шляхты, по всѣмъ даннымъ, вызвана была опять таки производствомъ волочной помѣры, при которой происходилъ пересмотръ правъ землевладѣльцевъ на земли и угодья, а по временамъ также и редукція земель и угодій на господаря. Кромѣ того, какъ показываютъ болѣе поздніе акты, господарскіе мѣрчіе и ревизоры для уничтоженія черезполосицы земле-

владѣнія и землепользованія уничтожали и стародавніе «входы» владѣльцевъ въ господарскія пущи, давая взамѣнъ ихъ владѣльцамъ земли или угодья подрядъ [148]). Весьма возможно, что все это имѣло мѣсто уже въ самомъ началѣ волочнаго измѣренія, такъ что и державцы, и лѣсничіе, на которыхъ жаловались станы сейма, не безъ причинъ стали возбранять «входы» въ господарскія пущи.

Станы подали и рядъ другихъ жалобъ по поводу волочнаго измѣренія въ великомъ княжествѣ. Они жаловались, что померчіе и ревизоры безъ нужды побрали въ волоки грунты у тѣхъ шляхтичей, которые имъ не заплатили, брали деньги съ тѣхъ, у кого взяли землю на волоки, вымѣряя для нихъ «отмену», по грошу съ каждаго морга, или по 30 грошей съ волоки, и по 12 грошей отъ каждаго конца, не давали «отмену» тѣмъ, кто имъ не платилъ, и т. д. Станы просили, чтобы господарь не назначалъ на эти должности чужеземцевъ, которые могутъ увозить съ собою и реестры произведеннаго ими измѣренія, чтобы не принуждалъ шляхту класть передъ этими чужеземцами документы на имѣнья и чтобы дозволилъ шляхтѣ выкупить тѣ имѣнья, которыя позакупили у нея мѣщане и тяглые люди и которыя эти чужестранцы помѣрили на волоки. Господарь на эти просьбы и жалобы отвѣчалъ: кто платилъ деньги мѣрчимъ и ревизорамъ, тотъ долженъ самъ на себя пенять, ибо мѣрчимъ и ревизорамъ не предоставлено было права мѣрить на волоки шляхетскія земли, не давъ предварительно «отмены»; кто изъ нихъ поступалъ иначе, на того господарь готовъ дать судъ и управу, какъ обѣщалъ и на прошломъ Виленскомъ сеймѣ, только пусть шляхта не беретъ подъ одинаковое право слугъ путныхъ и панцырныхъ; имѣнья, отданныя въ заставу мѣщанамъ и тяглымъ людямъ, шляхтѣ разрѣшается выкупать обратно; документы на имѣнья приказано предъявлять мѣрчимъ и ревизорамъ въ интересахъ самой же шляхты, дабы мѣрчіе и ревизоры не отрѣзали у шляхты грунты по простому показанію господарскихъ крестьянъ; эти документы мѣрчіе и ревизоры не должны задерживать, но, снявъ съ нихъ копію, представлять ее господарю для дальнѣйшаго распоряженія; не дано имъ права и рѣшать вопросы о чьемъ либо шляхетствѣ; чужеземцы

---

[148]) Въ 1560 году была даже составлена цѣлая комиссія изъ Браславскаго старосты пана Юрья Юрьевича Остика, ревизора дворовъ Завилейскихъ Аврама Кунцевича, кн. Ивана Тимооеевича Мосальскаго и Ивана Басы для выдѣленія землевладѣльцамъ Браславскаго повѣта особыхъ угодій взамѣнъ отбираемыхъ у нихъ «уступовъ» въ господарскія озера Браславской волости. Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 191—192.

на должности мѣрчихъ и ревизоровъ назначены по необходимости, ибо не оказалось должнаго числа знающихъ людей изъ уроженцевъ великаго княжества, но всѣ умѣлые люди изъ этихъ послѣднихъ не были обойдены.

Наконецъ, станы просили отмѣнить постановленіе, состоявшееся на прошломъ сеймѣ касательно выдачи сиротъ замужъ, и возстановить прежнее право матерей и опекуновъ выдавать сиротъ замужъ, не спрашиваясь другихъ родственниковъ, которые ради своихъ корыстныхъ цѣлей либо препятствуютъ сиротамъ выходить замужъ, либо насильно побуждаютъ ихъ къ тому. Господарь согласился съ представленными доводами, кассировалъ прежнее постановленіе и возстановилъ старый обычай, утвержденный статутомъ.

Мы уже имѣли случай отмѣтить, что въ спискахъ общихъ просьбъ, подававшихся отъ лица всего сейма, представлялись не только дѣйствительно общія просьбы, но и частныя ходатайства, заявленныя на общемъ совѣщаніи отдѣльными группами шляхты, подъ покровомъ общей солидарности. Такъ было и на Виленскомъ сеймѣ 1554 г. Станы указывали, что сестра ихъ панья Альбрехтова Немирова до сихъ поръ не можетъ добиться суда на каплана, убившаго ея сына, а хоружій Лепунскій Иванъ Савичъ три года не можетъ получить съ духовнаго лица того, что присудилъ ему духовный судъ, и просили господаря принять мѣры къ тому, чтобы отъ духовныхъ пановъ не дѣлалось «предлуженье справедливости». Король отдѣлался неопредѣленнымъ обѣщаніемъ сдѣлать то, чего желаютъ станы сейма.—Станы били челомъ, чтобы господарь далъ судъ и управу на городничія Виленскаго Іова, побившаго и изранившаго на вольной дорогѣ ихъ брата Миколая, хоружича Курклевскаго. Господарь отвѣчалъ, что это не общее дѣло, а частное, которымъ станы напрасно занимаются: если бы потерпѣвшій обратился съ жалобою къ господарю, господарь не отказалъ бы ему въ справедливости.—Наконецъ, въ общій же списокъ просьбъ попало и ходатайство шляхты Ейшишскаго, Сомилишскаго, Высокодворскаго, Жижморскаго и Стоклишскаго хоружствъ о томъ, чтобъ господарь уволилъ ее отъ сторожи плѣнныхъ москвичей на Троцкомъ замкѣ или, по крайней мѣрѣ, не вызывалъ для сторожи трехъ плѣнниковъ по 25 человѣкъ каждую четверть года. Господарь постановилъ, чтобы трехъ плѣнниковъ стерегли по очереди каждую недѣлю четыре шляхтича, людей взрослыхъ, а не ребятъ, а если потребуется, то и болѣе.

Въ общій списокъ сеймовыхъ просьбъ попали, впрочемъ, только тѣ частныя ходатайства, которыя возникли и заявлены были на об-

щемъ собраніи сейма. Но тѣ ходатайства отдѣльныхъ областей, которыя составлены были заранѣе, на мѣстныхъ собраніяхъ шляхты, поданы были, какъ и на прежнихъ сеймахъ, въ особыхъ спискахъ и получили отдѣльные отвѣты отъ господаря. Это, конечно, не помѣшало этимъ ходатайствамъ совпасть въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ общими сеймовыми просьбами.

На Виленскомъ сеймѣ 1554 года съ особыми просьбами выступила прежде всего шляхта Жмудской земли. Большая часть этихъ просьбъ является повтореніемъ и развитіемъ того, о чемъ эта шляхта ходатайствовала и на прежнихъ сеймахъ. Такъ же, какъ и прежде, Жмудская шляхта жаловалась на «утисненія» отъ помѣрчихъ, которые допытываются отъ нея документовъ на владѣнія, помѣрили много шляхетскихъ земель въ волоки, не давъ за нихъ «отмѣны», а кому дали, то «за великими подарками», помѣрили на волоки негодные лѣса и болота въ господарскихъ волостяхъ и требуютъ (отъ державцевъ и тивуновъ) за это по десяти грошей съ волоки, а панъ Фальчевскій, главный «справца» по введенію волочной уставы, лишилъ тивуновъ многихъ доходовъ, запретивъ подданнымъ господарскимъ давать имъ сторожей и подводы, а самимъ тивунамъ и слугамъ ихъ въѣзжать въ дома господарскихъ подданныхъ; писарь же скарбный Юрчинскій, [149]) не будучи уроженцемъ великаго княжества, вымогаетъ отъ тивуновъ деньги при пріемкѣ отъ нихъ отчетовъ по сбору господарскихъ доходовъ. Шляхта просила господаря оградить ее отъ всѣхъ этихъ злоупотребленій и впредь не посылать чужеземцевъ на волочную помѣру и ревизію [150]), а равно замѣнить Юрчинскаго кѣмъ-либо изъ уроженцевъ великаго княжества. Господарь отвѣчалъ: мѣрники не имѣли права дѣлать то, на что жалуется шляхта: кому отъ нихъ сталась обида, господарь дастъ судъ и управу; за помѣру волокъ тивуны будутъ уплачивать изъ господарскихъ доходовъ, а въ томъ имъ притѣсненья нѣтъ; доходы тивуновъ не уменьшатся отъ распоряженія Фальчевскаго, ибо тивунамъ отдается «платъ» съ каждой десятой волоки, болѣе удобный и для нихъ самихъ, и для подданныхъ господарскихъ, какъ точно опредѣленный; что касается злоупотребленій Юрчинскаго, пусть жалуется на него тотъ, кто потерпѣлъ, и получитъ удовлетвореніе. Далѣе Жмуд-

---

[149]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 18.

[150]) Производство волочной помѣры въ Жмудской землѣ господарь поручилъ поляку Станиславу Райскому и дворянину своему Толвинскому. См. листъ короля, адресованный старостѣ Жмудскому пану Ерониму Ходкевичу 23 декабря 1553 г. Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 53—54.

ская шляхта повторяла свои прежнія просьбы о томъ, чтобы господарь не посылалъ къ ней за р. Невяжу «мандатовъ» и «позвовъ», дѣцкихъ и «увязчихъ» и предоставилъ судить ее по всѣмъ дѣламъ мѣстному старостѣ; чтобы не раздавалъ въ Жмудской землѣ урядовъ литовцамъ и русскимъ, а только мѣстнымъ уроженцамъ, имѣющимъ осѣдлость въ землѣ; не запрещалъ боярамъ-шляхтѣ и посполитымъ людямъ по старому обычаю брать дерево на постройки и дрова въ господарскихъ пущахъ, бить тамъ звѣря и ловить рыбу въ рѣкахъ; уволилъ шляхту отъ платежа мыта съ хлѣба и скота, отправляемыхъ за границу изъ шляхетскихъ имѣній, и съ вещей, привозимыхъ изъ-за границы на собственныя надобности, какъ, напр., коней, оружія и т. под; уволилъ шляхту отъ платежа за перевозъ черезъ Нѣманъ подъ Ковномъ, за что она прежде ничего не платила; написалъ королевѣ-матери о томъ, чтобы урядники ея въ Юрборкѣ и Новой Воли выдавали бѣглыхъ крестьянъ по требованію владѣльцевъ; предписалъ воеводамъ и старостамъ давать шляхтѣ судъ на своихъ урядниковъ и подданныхъ «въ кривдахъ, въ забираныю земель и людей ихъ»; понудилъ духовныхъ и мѣщанъ, покупавшихъ земскія имѣнья, отправлять съ нихъ военную службу или продать ихъ шляхтѣ. Господарь отвѣчалъ: «позвы», «дѣцкіе» и «увязчіе» не будутъ посылаться въ Жмудскую землю по старому обычаю; если желаютъ, чтобы не посылалось «мандатовъ», пусть не дѣлаютъ того, за что господарь привлекаетъ на судъ свой «мандатами [151]); «входы» въ господарскія пущи онъ дозволяетъ по старому обычаю; если шляхтичъ не желаетъ уплачивать мыта, пусть не занимается «купецкимъ дѣломъ»; за перевозъ черезъ Нѣманъ обязаны платить всѣ, кромѣ ѣдущихъ по казенной надобности и на военную службу; о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ изъ Юрборка и Новой Воли онъ напишетъ своей матери; объ остальномъ напишетъ старостѣ Жмудскому, чтобы онъ принялъ мѣры къ защитѣ шляхты отъ великихъ пановъ и къ выполненію духовными и мѣщанами военной службы съ земскихъ имѣній.

Къ вышеизложеннымъ просьбамъ Жмудская шляхта на Виленскомъ сеймѣ 1554 года присоединила еще нѣсколько новыхъ, а именно: чтобы господарь вернулъ ей обратно «поконевскіе пенязи», на сборъ которыхъ согласились одни только тивуны, безъ вѣдома и разрѣшенія остальной шляхты, и чтобы впредь не устанавливалось подобнымъ образомъ никакихъ поборовъ; чтобы господарь далъ судей и писарей

---

[151]) Перечень дѣлъ, по которымъ господарь привлекалъ на судъ свой «мандатами» см. въ статутѣ 1566 г., раздѣлъ I, арт. 9.

присяжныхъ для каждаго повѣта, по избранію самой шляхты; запретилъ попрекать жмудиновъ тѣмъ, что они покорены мечомъ и оружіемъ,—и во вниманіе къ заслугамъ и вѣрности шляхты оставилъ ее при всѣхъ правахъ и вольностяхъ, не уменьшая этихъ правъ и вольностей, и не предпочиталъ шляхтѣ простыхъ хлоповъ. Первая изъ этихъ просьбъ фигурируетъ, какъ мы видѣли, и въ общихъ просьбахъ, поданныхъ отъ лица всего сейма. Видно, такимъ образомъ, что неудовольствіе на сборъ поконевскихъ пенязей широко распространилось среди военно-служилаго люда, охватило шляхту различныхъ земель великаго княжества. Вторая просьба является отголоскомъ того, что заявлялось отъ лица всѣхъ становъ на предшествующихъ сеймахъ. Эта просьба служитъ нагляднымъ показателемъ того вліянія, которое оказывало сеймованіе на политическое настроеніе шляхты. Видно, что въ живомъ общеніи, имѣвшемъ мѣсто на вальныхъ сеймахъ, шляхта заражалась другъ отъ друга извѣстными идеями и стремленіями, что эти идеи и стремленія не только приливали къ сейму, какъ средоточію политической жизни, но и распространялись изъ этого средоточія по различнымъ областямъ Литовско-Русскаго государства. Двѣ послѣднихъ просьбы возникли уже на чисто мѣстной почвѣ. Едва ли поводъ для нихъ не былъ данъ производствомъ все той же волочной помѣры, при которомъ могли происходить перебранки шляхты съ мѣрчими и ревизорами, и на основаніи показаній господарскихъ крестьянъ рѣшаться вопросы о межахъ, принадлежности шляхтѣ извѣстныхъ земель и угодій и т. под. Господарь на первую просьбу отвѣчалъ тоже самое, что отвѣчалъ въ подобномъ случаѣ и всѣмъ станамъ сейма; на вторую просьбу объявилъ, что прикажетъ старостѣ Жмудскому установить въ повѣтахъ Жмудской земли судей, согласно съ опредѣленіями Виленскаго сейма 1551 года; на тѣхъ, кто будетъ попрекать жмудиновъ покореніемъ ихъ предковъ, обѣщалъ давать судъ и управу, а по поводу послѣдней просьбы отозвался невѣдѣніемъ, въ чемъ уменьшаются права и вольности Жмудской шляхты, и кто изъ простыхъ холоповъ возвышенъ надъ шляхтою.

То, что сказано о просьбахъ Жмудской шляхты, справедливо и относительно просьбъ, поданныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1554 года землевладѣльцами Волынской земли: и здѣсь повторяются тѣ же мотивы, которые звучали какъ въ общихъ сеймовыхъ просьбахъ, такъ и въ частныхъ, въ томъ числѣ и въ предшествующихъ просьбахъ той же Волынской земли. Волынскіе землевладѣльцы прежде всего просили господаря положить конецъ насиліямъ, наѣздамъ и забиранью земель и движимаго имущества со стороны польскихъ землевладѣльцевъ. Въ

отвѣтъ на эту просьбу господарь сослался на мѣры, уже принятыя для установленія добраго сосѣдства съ поляками. Такъ же, какъ и на предшествующемъ сеймѣ, Волынскіе землевладѣльцы просили объ освобожденіи ихъ отъ платежа мыта съ хлѣба и лѣсныхъ товаровъ, отправляемыхъ за границу, до Гданска, присовокупляя сюда просьбу объ освобожденіи и подданныхъ ихъ отъ уплаты мыта съ хлѣба, вывозимаго за границу и продаваемаго на Волыни. Господарь отвѣчалъ, что онъ оставляетъ все по старому и дастъ приказаніе подскарбію земскому о томъ, чтобы съ владѣльческихъ людей, когда они привозятъ для продажи хлѣбъ въ Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ и другія господарскія мѣста, не собиралось мыта.

Кромѣ повторенія прежнихъ ходатайствъ, Волынскіе землевладѣльцы представили въ 1554 году и рядъ новыхъ. По примѣру остальныхъ земель они ходатайствовали, чтобы господарь далъ имъ повѣтовыхъ судей и писаря присяжнаго и подчинилъ повѣтовой юрисдикціи пановъ радныхъ, княжатъ и панятъ, владѣющихъ имѣньями на Волыни, но не судящихся тамъ. На эти просьбы они получили тѣ же самые отвѣты, которые даны были всему сейму: господарь прикажетъ старостамъ выбрать изъ мѣстныхъ земянъ судей и писаря, которые и будутъ судить вмѣстѣ съ самимъ старостою или его намѣстникомъ впредь до исправленія статута; пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ, господарь предоставляетъ позывать передъ судей-коммиссаровъ также впредь до исправленія статута.—Слѣдующая просьба касалась больного мѣста въ быту большинства Волынскихъ землевладѣльцевъ при начавшейся усиленной колонизаціи южно-русскихъ областей. Они жаловались, что ихъ крестьяне убѣгаютъ въ имѣнья пановъ радныхъ, княжатъ и панятъ, откуда ихъ не выдаютъ, и просили господаря принять мѣры противъ этого. Господарь постановилъ, что никто не долженъ принимать къ себѣ въ имѣнье чужихъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которые, учтивши пана своего, добровольно выпущены изъ имѣнья; нарушившій это запрещеніе подвергается уплатѣ всѣхъ убытковъ, которые потерпѣлъ прежній землевладѣлецъ отъ самовольнаго ухода крестьянина и отыскиванія бѣглеца; кто принялъ бѣглаго крестьянина по невѣдѣнію, долженъ по первому требованію дать на него судъ и выдать его, въ противномъ случаѣ подвергается уплатѣ всѣхъ убытковъ прежняго владѣльца.—По связи съ крестьянскимъ дѣломъ Волынскіе землевладѣльцы ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было выправлять на войну съ девяти человѣкъ десятаго подобно остальной шляхтѣ великаго княжества—со службъ, а не съ дымовъ. Господарь изъявилъ свое согласіе, съ тѣмъ, чтобы службѣ приравнивались два

дыма, съ которыхъ идетъ двѣнадцать грошей и колода овса оброка, или одинъ дымъ, съ котораго идетъ такой же оброкъ.— Слѣдующая просьба заключалась въ томъ, чтобы господарь допустилъ до своей рады старостъ Луцкаго и Владимірскаго и маршалка Волынской земли, которые прежде всегда имѣли въ ней мѣста. Господарь обѣщалъ «осмотрѣть» это по своей волѣ и по первому обычаю.—Такъ какъ господарь въ 1546 году (привилеемъ отъ 9 іюля) отдалъ старостѣ Луцкому князю Андрею Михайловичу Сангушковичу ключъ, городничее и мостовничее въ Луцкѣ [152]), то Волынскіе землевладѣльцы на сеймѣ 1554 года протестовали противъ этого и заявляли, что эти уряды никогда не принадлежали къ старостинскому, но раздавались мѣстнымъ земянамъ. Очевидно, что этотъ протестъ вышелъ отъ тѣхъ лицъ, которые сами мѣтили на эти должности и потеряли терпѣніе въ ожиданіи, когда онѣ станутъ вакантными. Господарь на этотъ протестъ отвѣчалъ, что онъ воленъ распоряжаться этими урядами по своему усмотрѣнію.—Едва ли вполнѣ чистыми чувствами внушена была также и слѣдующая жалоба— на владыку Владимірскаго (нареченнаго во епископа Ивана Борзобогатаго) [153]), который роздалъ не мало церковныхъ имѣній своимъ роднымъ Борзобогатымъ, князю Ивану Четвертеньскому и Станиславу Медвѣдю. На эту жалобу король отвѣчалъ: всѣ церковныя имѣнья, розданныя владыкою, будутъ возвращены со взысканіемъ всѣхъ «шкодъ», подѣланныхъ крестьянамъ этихъ имѣній; Борзобогатые утверждаютъ, что владыка отдалъ имъ имѣнья въ аренду, а не въ собственность, что, разумѣется, онъ въ правѣ дѣлать; если въ чемъ онъ поступилъ незаконно, пусть ищутъ на немъ судомъ.—Указывая на то, что нѣкоторые польскіе паны, поженившись на Волыни, проживаютъ тамъ и чинятъ своимъ сосѣдямъ «кривды и трудности великіе», Волынцы просили дозволить имъ скупать у такихъ поляковъ имѣнья по праву ближайшаго родства. Господарь далъ имъ такой же отвѣтъ, какъ и всѣмъ станамъ сейма на ту же самую просьбу, инициаторами которой на общемъ совѣщаніи сейма были едва ли не тѣ же Волынцы.—Наконецъ, Волынцы жаловались на своеволіе и насилія со стороны нѣкоторыхъ лицъ изъ ихъ среды, проявляющіяся въ наѣздахъ на дома и убійствахъ, и, какъ напримѣръ, указывали на повѣшеніе дворянина Львовчика, котораго господарь поставилъ у нихъ «побережникомъ» (сборщикомъ мыта съ прогоняемаго скота). Господарь обѣщалъ принять

---

[152]) Archiwum Sanguszków IV. № CCCLXXXVII.

[153]) *И. Чистовича* Очеркъ исторіи западнорусской церкви, часть I, стр. 165.

противъ этого мѣры и прислать специальныхъ коммиссаровъ для производства слѣдствія.

Виленскимъ сеймомъ 1554—1555 года заканчиваются сеймы, собиравшіеся при Сигизмундѣ Августѣ до Ливонской войны [154]). Во множествѣ разнообразныхъ просьбъ и жалобъ, поданныхъ станами на этихъ сеймахъ, можно подмѣтить опредѣленныя сословно-политическія тенденціи, направленныя къ уменьшенію государственныхъ тягостей, лежавшихъ на шляхетскомъ сословіи, къ обезпеченію и возвышенію его экономическаго положенія на счетъ другихъ сословій, къ уравненію въ правахъ различныхъ его разрядовъ, къ расширенію его участія въ управленіи. Нельзя сказать, чтобы эти домогательства имѣли большой успѣхъ. Господарь далъ удовлетвореніе по многимъ второстепеннымъ просьбамъ и жалобамъ, но отклонилъ самыя важныя ходатайства становъ сейма: объ освобожденіи шляхетскихъ имѣній отъ лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей, объ увольненіи шляхты отъ платежа мыта, о подчиненіи крупныхъ землевладѣльцевъ повѣтовой юрисдикціи, о непремѣнномъ участіи сейма въ изданіи новыхъ законовъ и выпускѣ новой монеты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Но продолжительная и напряженная война, наполнившая собою всю вторую половину великокняженія Сигизмунда-Августа, истощившая всѣ рессурсы господарскаго скарба и заставившая господаря постоянно обращаться за матеріальною поддержкою къ землевладѣльцамъ великаго княжества, сдѣлала его гораздо уступчивѣе въ отношеніи сословныхъ и политическихъ притязаній шляхты и привела въ концѣ концовъ къ исполненію ея завѣтныхъ желаній.

§ 5.

Одно изъ этихъ завѣтныхъ желаній шляхты получило удовлетвореніе уже на первомъ сеймѣ, созванномъ въ эпоху Ливонской войны,— на Виленскомъ 1559 года.

Въ февралѣ 1559 года, въ бытность короля Сигизмунда Августа въ Краковѣ, прибыли къ нему ливонскіе послы, Томасъ Гернеръ съ товарищами, а вскорѣ послѣ нихъ и самъ Ливонскій магистръ Кеттлеръ съ просьбою о помощи противъ Московскаго царя. Москвитяне въ предшествующемъ году страшно опустошили Ливонію, взяли Нарву, Дерптъ, Нейгаузъ и другіе города и грозили въ дальнѣйшемъ разореніемъ и завоеваніемъ всей Ливоніи. Ливонцы и ранѣе обращались

---

[154]) Сеймъ этотъ продолжался ноябрь и декабрь 1554 г. и захватилъ часть 1555 года. См. Акты Зап. Рос. III, № 24, II, просьба и отвѣтъ 10.

къ Сигизмунду Августу за помощью, но король отклонилъ ихъ ходатайство, сославшись на то, что не истекъ еще срокъ перемирію, заключенному съ Москвою въ 1556 году (до 25 марта 1562 года) [155]), и только обѣщалъ дипломатическое заступничество за Ливонію [156]). Теперь Ливонцы, доведенные до крайности и не добившись помощи ни въ Германіи, ни въ Даніи, ни въ Швеціи, вновь обратились къ Сигизмунду Августу. Коронные совѣтники Сигизмунда Августа не прочь были отъ того, чтобы оказать помощь Ливоніи, но только непремѣнно сообща съ Литвою и на опредѣленныхъ условіяхъ. Но такъ какъ находившіеся при королѣ литовскіе паны не обнаружили особой охоты къ совмѣстному дѣйствію съ поляками, такъ какъ недвусмысленно давали понять, что они обойдутся въ настоящемъ случаѣ и безъ польской помощи, то и коронная рада, оскорбленная высокомѣріемъ и самонадѣянностью литовцевъ и не видя непосредственной опасности для Польши отъ успѣховъ Москвы, уклонилась отъ этого дѣла [157]). Тогда Сигизмундъ Августъ перенесъ это дѣло на обсужденіе и рѣшеніе литовцевъ, которыхъ оно дѣйствительно ближе всего касалось. Расширеніе владѣній Московскаго государя на счетъ Ливоніи угрожало жизненнымъ интересамъ Литовско-Русскаго государства. Во-первыхъ, завоеваніе обширной и, по признанію современниковъ, богатой по природѣ, экономически благоустроенной и хорошо укрѣпленной страны [158]) должно было усилить могущество и безъ того сильнаго и опаснаго врага; во-вторыхъ, завоеваніе Ливоніи отдавало въ руки Московскому государю отпускную торговлю Бѣлоруссіи и части Литвы: Рига стягивала къ себѣ по р. Двинѣ разнообразное сырье изъ Полоцкой и Витебской земель, а по р. Мушѣ (Курляндская Аа) изъ Жмуди [159]); наконецъ, утвержденіе власти могущественнаго Московскаго государя въ Ливоніи могло повлечь за собою появленіе его флота на Балтійскомъ морѣ, что въ свою очередь грозило опасностями

---

[155]) Акты Зап. Рос. III, № 17.

[156]) *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant do Litwy i Polski (1558—1561), str. 40—60.

[157]) Ibidem, str. 58.

[158]) См. описаніе Ливоніи въ хроникѣ Бѣльскаго (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 117—128); срав. *Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 185, 186.

[159]) См. письмо Радзивила Чернаго къ королю отъ 8 сентября 1561 года у *Karwowskiego St.* Wcielenie Inflant, str. 93, nota 201.

и отпускной торговлѣ, шедшей черезъ Данцигскій портъ [160]). Всѣ эти опасности ясно сознавались государственными людьми великаго княжества; сознавалъ ихъ въ большей или меньшей степени и во всякомъ случаѣ инстинктивно чувствовалъ и самъ король Сигизмундъ Августъ. Поэтому послѣ отказа поляковъ помогать Ливоніи онъ предоставилъ магистру вести объ этомъ переговоры съ литовскими панами, находившимися въ Краковѣ. Въ переговорахъ съ этими панами магистръ обнаружилъ готовность вступить въ подданство и оборону литовско-русскаго государя и уступить ему четыре замка на московской границѣ. Прежде, чѣмъ окончательно рѣшать вопросъ о помощи Ливоніи и войнѣ съ Москвою, король счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ остальною литовскою радою, тѣмъ болѣе, что еще не зналъ, какой отвѣтъ привезутъ литовскіе послы, отправленные въ концѣ 1558 года съ ходатайствомъ за ливонцевъ [161]). Поэтому 22 апрѣля 1559 года онъ отправилъ къ панамъ-радѣ гонца съ грамотою, въ коей увѣдомлялъ ихъ о предложеніяхъ Ливонскаго магистра и просилъ высказаться по поводу этихъ предложеній, соображаясь съ тѣмъ, какой отвѣтъ привезутъ отъ Московскаго царя литовскіе послы. Вмѣстѣ съ тѣмъ король просилъ ихъ подумать и о томъ, откуда взять средствъ на веденіе будущей войны, въ виду того, что скарбъ господарскій не можетъ вынести расходовъ на войну «съ такъ можнымъ непрыятелемъ», въ особенности, когда нѣтъ надежды на исправное поступленіе прежнихъ податковъ земскихъ. Король просилъ пановъ-раду прислать свой отвѣтъ по возможности скорѣе въ виду того, что магистръ торопится уѣзжать изъ Кракова [162]). Но паны-рада, находившіеся въ Вильнѣ, по всѣмъ даннымъ, не рѣшились принять на себя отвѣтственность въ рѣшеніи столь важнаго вопроса безъ общаго совѣта и не дали королю опредѣленнаго совѣта. Поэтому король рѣшилъ лично отправиться въ Литву, куда велѣлъ ѣхать и магистру.

Въ половинѣ іюля 1559 года король прибылъ въ Вильну [163]) и вскорѣ разослалъ приглашеніе панамъ-радѣ и другимъ станамъ собираться на сеймъ. По указаніямъ актовъ сеймъ уже былъ въ сборѣ въ послѣднихъ числахъ августа и продолжался еще въ первыхъ

---

[160]) Monumenta Russiae historica I, p. 177, 178.

[161]) Посольская книга Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 96.

[162]) Приложеніе № 35.

[163]) По датамъ актовъ король былъ 10 іюля въ Воранахъ, на пути въ Вильну, а 12 іюля уже въ Вильнѣ. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 251; XLI, л. 68).

числахъ (3-го) октября 1559 года [164]). Вопросъ о защитѣ Ливоніи отъ Москвы рѣшенъ былъ на этомъ сеймѣ въ положительномъ смыслѣ. Находившійся на сеймѣ магистръ Ливонскій Готардъ Кеттлеръ наглядно представилъ собранію, что въ собственныхъ интересахъ великаго княжества — помочь Ливоніи: насколько прибудетъ силъ у Московскаго царя, и безъ того могущественнаго государя, отъ завоеванія обширной, въ 100 миль, страны, настолько же увеличится средствъ у этого враждебнаго сосѣда для захвата и Литвы; оставить Ливонію на произволъ Москвы значитъ выдать на смерть и самое Литву; сосѣдскій пожаръ здравый смыслъ велитъ тушить, если не по симпатіи къ сосѣду, то для собственнаго спасенія и безопасности. Магистръ сослался также и на трактатъ 1557 года, заключенный съ Литвою послѣ такъ называемой Посвольской войны, въ силу котораго великое княжество обязывалось помогать Ливоніи на случай нападенія на нее со стороны. Всѣ эти резоны показались убѣдительными, и послѣ долгихъ совѣщаній съ станами великаго княжества Сигизмундъ Августъ постановилъ принять Ливонію подъ оборону великаго княжества [165]). 31 августа 1559 г. былъ заключенъ съ магистромъ формальный договоръ, въ силу котораго онъ отдавалъ себя, весь свой Орденъ со всѣми его владѣніями подъ протекторатъ и опеку (in fidem, clientelam et protectionem) Сигизмунда Августа, какъ великаго князя Литовскаго, а въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ, могущихъ пасть на короля въ силу этого протектората, отдавалъ ему замки Бовскъ (Баускъ), Розитенъ (Рѣжицу), Люценъ, Динабургъ и Зельбургъ со всѣми ихъ территоріями [166]), съ населеніемъ и со всѣми доходами, съ правомъ владѣть ими и управлять, не нарушая старинныхъ правъ и вольностей населенія; за собою и своими преемниками магистръ оставлялъ право по окончаніи войны выкупить эти замки за 600,000 золотыхъ, считая каждый золотой по 24 литовскихъ гроша, а если войны не будетъ, то получить эти замки обратно безъ выкупа. Съ своей стороны Сигизмундъ Августъ обязался отправить пословъ къ Московскому государю ко дню свят. Мартина (11 ноября) съ требованіемъ прекратить военныя дѣйствія противъ Ливоніи, возвратить награбленное имущество и плѣнныхъ, а если царь откажетъ во всемъ этомъ, двинуть свои войска и защищать

---

[164]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 281, 284, 287; XLI, л. 82; Судныхъ дѣлъ кн. XL, л. 36—39.

[165]) *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant, str. 61.

[166]) Стрыйковскій прибавляетъ сюда еще Нейенмюль. См. Kronika, tom II, str. 411.

всѣми силами Ливонію [167]). 15 сентября къ этому договору присоединился и Рижскій архіепископъ съ капитуломъ, сословіями и всѣми подданными своихъ владѣній, при чемъ уступилъ Сигизмунду-Августу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и магистръ, замки Маріенгаузенъ, Леневарде и два двора, Лабонъ и Бирзенъ, со всѣми ихъ территоріями, съ населеніемъ и со всѣми доходами, оставивъ за собою и своими преемниками право по окончаніи войны выкупить эти замки и дворы за 100 тысячъ золотыхъ [168]).

Но принимая на себя обязательство защищать Ливонію отъ Московскаго государя, Литва далеко не была готова къ войнѣ, и если соглашалась на это, то только потому, что не могла въ сущности поступить иначе, въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Мы слышали уже отъ самого Сигизмунда Августа признаніе, что скарбъ великаго княжества не могъ вынести такой войны, которая предстояла, и въ особенности при распространенномъ уклоненіи землевладѣльцевъ отъ уплаты земскихъ податковъ. Надо замѣтить, что серебщина, ухваленная на сеймѣ 1554 года на три года, собрана была только за одинъ 1555-й годъ, а за слѣдующіе два года не собиралась до 1559 года вслѣдствіе постигшаго въ то время великое княжество неурожая [169]). Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ всѣ государственные расходы великаго княжества покрывались средствами господарскаго скарба. А расходы эти были не малые. За все это время па украинныхъ замкахъ стояли наемныя войска [170]) на случай нападенія татаръ и москвитянъ, съ которыми въ то время отношенія были въ высшей степени натянутыя [171]). Въ 1557 году снаряжался походъ противъ Ливонскаго магистра Фюрстенберга, который засадилъ въ заключеніе двоюроднаго брата Сигизмунда Августа, Рижскаго архіепископа Вильгельма (Посвольская война).

---

[167]) *Dogiel,* Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Litvaniae, tomus V, № CXXXIII.

[168]) Ibidem, № CXXXIV.

[169]) Прилож. № 33.

[170]) Въ началѣ 1557 года стояло, напр., 100 драбовъ въ Оршѣ подъ начальствомъ Захаревскаго, 100 драбовъ въ Мстиславлѣ подъ начальствомъ Розбицкаго, 200 драбовъ въ Гомелѣ подъ начальствомъ Лепскаго, 150 драбовъ въ Острѣ подъ начальствомъ Толмана, 100 драбовъ въ Дрысѣ подъ начальствомъ Холмскаго, 100 драбовъ въ Браславлѣ подъ начальствомъ Богдана, 100 драбовъ въ Дрисвятѣ подъ начальствомъ Закличевскаго и т. д. (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 119, 120).

[171]) *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant, str. 27.

Для этого похода увеличивалось количество наемныхъ войскъ [172]) и производились несомнѣнно большіе расходы [173]). Все это въ общей сложности должно было сильно истощить казну литовско-русскаго государя, при общемъ уменьшеніи поступленій по случаю «лихолѣтья». Для пополненія скарба Сигизмундъ Августъ въ концѣ 1558 года издалъ распоряженіе о сборѣ двухъ недобранныхъ серебщинъ,—первой къ Срѣтенью 1559 года, а второй—къ Срѣтенью 1560 года. Но приэтомъ онъ счелъ нужнымъ дать плательщикамъ льготу и приказалъ собирать серебщину только въ половинномъ размѣрѣ [174]). Теперь, когда надъ великимъ княжествомъ нависла опасность тяжелой и продолжительной войны, стало очевиднымъ, что нельзя обойтись безъ новаго обложенія на наемъ служебныхъ. Поэтому и станы сейма, изъявивъ готовность идти противъ непріятеля, сверхъ того постановили дать съ своихъ имѣній податокъ на увеличеніе наемныхъ войскъ, а именно: къ пяти грошамъ съ сохи, которые они должны были выплатить къ Срѣтенью 1560 года, прибавить еще по пяти грошей и такой же податокъ дать и въ слѣдующемъ, 1561-мъ, году, но съ тѣмъ, чтобы собраны были прежніе податки со всѣхъ, кто ихъ еще не выдалъ [175]). Господарь съ благодарностью принялъ эту патріотическую жертву становъ сейма и съ своей стороны постановилъ собрать такой же платъ съ своихъ крестьянъ, а мѣщанъ, какъ всегда, обложить извѣстными суммами на каждое мѣсто [176]). Есть указанія на то, что сверхъ серебщины положено было собирать и «поконевскіе пенязи» со всѣхъ, кто не захочетъ ѣхать лично и посылать свои почты на войну [177]).

Заявляя о своей готовности ѣхать на войну и платить деньги для увеличенія наемнаго войска, станы не преминули возобновить нѣкоторыя изъ прежнихъ ходатайствъ, по которымъ не получили удовлетворенія, и подать рядъ новыхъ просьбъ и жалобъ. Это обращеніе съ просьбами и жалобами сдѣлалось уже обычнымъ явленіемъ и стало неизмѣнно повторяться всякій разъ, какъ только правительство за

---

[172]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 119, 120.

[173]) На эту войну король занималъ деньги у Гданскихъ купцовъ—50 т. талеровъ и посылалъ занимать деньги одного изъ скарбныхъ писарей, Маковецкаго, въ Швецію и Германію. См. Wcielenie Inflant, str. 27, 29.

[174]) Приложеніе № 33, 34.

[175]) Акты Зап. Рос. III, № 24, I, просьба 11.

[176]) Приложеніе № 36.

[177]) Приложенія № 36, 37; Литов. Метр. кн. Запис. XLII, л. 47, 48. Срав. прилож. № 38.

чѣмъ-нибудь обращалось къ сейму. Прежде всего станы подали рядъ просьбъ, относящихся до новаго статута. Господарь въ принципѣ согласился на удовлетвореніе этихъ просьбъ и выдалъ станамъ сейма особый листъ, отложивъ исполненіе просьбъ до будущаго сейма. Къ сожалѣнію, запись не говоритъ, въ чемъ состояли эти просьбы, и какія именно господарь далъ обѣщанія, такъ что относительно этого можно строить только догадки. Дѣло шло, повидимому, все о тѣхъ же выборныхъ земскихъ судьяхъ и подчиненіи ихъ юрисдикціи всѣхъ землевладѣльцевъ; быть можетъ, станы ходатайствовали также и объ уничтоженіи или уменьшеніи пересуда и т. под. [178]).—Затѣмъ станы жаловались по обычаю на пограничныя обиды со стороны поляковъ и къ этому присоединили еще жалобу на непристойныя хроники и просьбу, чтобы господарь далъ судъ князю Слуцкому и вдовѣ князя Ильи Острожскаго на воеводу Ленчицкаго. Жалоба на непристойныя и «нелюбыя» для обывателей великаго княжества хроники направлена была, какъ объ этомъ можно догадываться по позднѣйшимъ заявленіямъ литовцевъ (на Варшавскомъ сеймѣ 1563 года), главнымъ образомъ противъ хроники Мартина Кромера, напечатанной въ первый разъ въ Базелѣ въ 1555 году. При составленіи этой хроники Кромеръ пользовался не только матеріаломъ, который давали его предшественники, но и тѣми историческими документами, которые ему пришлось просматривать и приводить въ порядокъ въ Краковскомъ архивѣ. На основаніи этихъ документовъ онъ изложилъ исторію отношеній между Польшею и Литвою въ духѣ, благопріятномъ для польскихъ притязаній, и потому хроника его получила быстрое и широкое распространеніе, какъ сенсаціонная литературная новость (въ 1558 году вышло уже второе изданіе ея въ Базелѣ). Эта хроника, очевидно, дала толчокъ, а отчасти и самый матеріалъ, для историческихъ аргументовъ, съ какими выступали на Петрковскомъ сеймѣ 1558 года шляхетскіе вожди, требовавшіе осуществленія уніи съ Литвою и обвинявшіе литовцевъ въ нарушеніи уніи, заключенной при Ягайлѣ, въ неблагодарности и враждебности къ полякамъ, отъ которыхъ они получили такъ много добра, въ присвоеніи Луцка, Ломазъ, Полюбичей и другихъ державъ и т. д Хотя король тогда же указалъ полякамъ на малую убѣдительность ихъ доказательствъ въ виду недостовѣрности хроникъ и противорѣчія ихъ съ литовскими хрониками и ограничился только однимъ пожеланіемъ, чтобы поляки столковались объ этомъ на общемъ сеймѣ

---

[178]) Въ статутѣ 1566 г. (раздѣлъ IV, арт. 3) мы видимъ новое уменьшеніе пересуда по сравненію съ прежними узаконеніями на этотъ счетъ.

съ литовцами [179]), но литовцевъ это неудовлетворило, и они не преминули съ своей стороны протестовать противъ непристойныхъ хроникъ. Просьба о судѣ на воеводу Тенчинскаго (Лукаша съ Горки) объясняется тѣмъ, что воевода насильно увезъ изъ доминиканскаго монастыря во Львовѣ княжну Гальшку, дочь кн. Ильи и Беаты Острожскихъ, обрученную кн. Семену Юрьевичу Слуцкому [180]). Господарь обѣщалъ принять во вниманіе эти жалобы и просьбу, когда будетъ на коронномъ сеймѣ; а если литовцы пошлютъ на этотъ сеймъ пословъ, то дать черезъ нихъ отвѣтъ касательно границъ и исправленія показаній непристойныхъ хроникъ. Стремясь оградить себя отъ поляковъ, станы не преминули повторить и свою прежнюю просьбу о томъ, чтобы по дѣламъ Подляшской земли назначены были референдаріи изъ подданныхъ великаго княжества. Король обѣщалъ со временемъ исполнить эту просьбу.—Станы повторили затѣмъ просьбу, чтобы съ ихъ товаровъ не собиралось мыто, и на этотъ разъ уже получили согласіе господаря. Господарь освободилъ отъ платежа мыта какъ лѣсные товары, такъ и хлѣбъ и скотъ, которые будутъ отпускаться изъ шляхетскихъ имѣній за границу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы служебники, сопровождающіе товары, показывали подъ присягою на мытныхъ коморахъ, что отправляемые товары,—шляхетскіе и приготовлены къ продажѣ на средства самого владѣльца. Это постановленіе господаря было крупнымъ подаркомъ шляхетскому сословію не только за счетъ земскаго скарба, но и за счетъ торгово-промышленнаго сословія—мѣщанства, посредническая роль котораго въ отпускной торговлѣ вслѣдствіе этого постановленія необходимо должна была сократиться.—Въ заботахъ о своихъ матеріальныхъ интересахъ станы сейма протестовали противъ нарушенія вольностей земскихъ въ урядахъ,—другими словами противъ уменьшенія ихъ доходовъ [181]), просили, чтобы заодно съ ними отправляли военную службу и духовные съ своихъ имѣній, чтобы за земли, помѣренныя на волоки, шляхтѣ была дана «отмена»,

---

[179]) *Działyńskiego* Źrodłopisma do dziejów unii korony Polskiej i wielkiego księstwa Litewskiego, cześć II, oddział 1, srt. 302. Poznań 1856; Dzienniki seymów walnych koronnych 1555 i 1558 r., w Piotrkowie złożonych, str. 257. Kraków 1869.

[180]) *A. Przezdzieckiego* Jagiełłonki Polskie w XVI wieku, tom II, str. 109—137. Kraków 1868.

[181]) Выше уже было указано, что эта просьба, по всей видимости, стояла въ связи съ тѣми перемѣнами, которыя принесла съ собою въ положеніе урядниковъ волочная устава.

и наконецъ просили объ уменьшеніи судебныхъ пошлинъ. Господарь отвѣчалъ: просьбу становъ относительно урядовъ онъ будетъ имѣть въ виду и учинитъ соотвѣтственное постановленіе; духовные съ имѣній, которыя они имѣютъ подъ земскимъ правомъ, должны нести военную службу; мѣрчіе не имѣли права брать шляхетскія земли, не давъ предварительно «отмены»; поэтому издано будетъ распоряженіе, чтобы эти «отмены» были даны; относительно пересудовъ остается впредь до изданія новаго статута опредѣленіе, сдѣланное на прошломъ сеймѣ; но пересудъ не долженъ взиматься при переносѣ дѣлъ на высшій судъ, а только памятное [182]); за вводъ же во владѣніе въ такомъ случаѣ должна взиматься съ каждыхъ десяти копъ грошей по 12 грошей или помильное [183]); а если дѣло будетъ окончательно рѣшено, и взысканіе будетъ производиться черезъ урядъ, тогда «отправчее» должно взиматься по сеймовой уставѣ.

Къ этимъ просьбамъ, подававшимся и на предшествующихъ сеймахъ, станы присоединили еще рядъ новыхъ просьбъ, вызванныхъ отчасти новыми событіями въ жизни великаго княжества. Они просили, чтобы имѣнья въ землѣ Лифляндской не раздавались чужеземцамъ, кромѣ подданныхъ великаго княжества. Очевидно, и въ данномъ случаѣ станы разумѣли поляковъ, по отношенію къ которымъ на сеймѣ 1559 года господствовало, какъ видно, не малое раздраженіе. Господарь отвѣчалъ, что онъ не можетъ раздавать имѣній въ Лифляндской землѣ, часть которой онъ пріобрѣлъ не въ вѣчное владѣніе, а только въ заставу; но въ раздачѣ урядовъ и державъ онъ всегда будетъ оказывать милостивое вниманіе уроженцамъ великаго княжества. Станы ходатайствовали, чтобы сумма, записанная на замкахъ Лифляндскихъ (700 т. золотыхъ), а равно и доходы съ этихъ замковъ пошли въ скарбъ земскій великаго княжества, а не въ другое мѣсто. Станы, очевидно, боялись, какъ бы этими деньгами не воспользовался расточительный Сигизмундъ Августъ на свои личныя потребности, среди которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимала страсть къ коллекціонерству драгоцѣнныхъ вещей [184]). Король успокоилъ ихъ, изъявивъ согласіе на пред-

---

[182]) Такъ мы понимаемъ выраженіе: «нижли отъ таковоѣ рѣчи, которая будетъ сказана до права, не мають на врядѣхъ брати, одно паметное».

[183]) По литовско-русскому праву переносъ дѣла въ высшую инстанцію не останавливалъ введеніе въ исполненіе приговора низшей инстанціи. См. статутъ 1529, раздѣлъ VI, арт. 6.

[184]) См. реляцію Венеціанскаго посла отъ 1560 г. у *Niemcewicza* Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze, tom V, str. 254—257. Lipsk 1840.

ставленную просьбу. Дальнѣйшее ходатайство касалось выпуска монеты, «абы мinца опатрона была». Господарь далъ обѣщаніе принять всѣ мѣры къ тому, что въ этомъ отношеніи все устроилось къ общей выгодѣ, а особенно въ битьѣ мелкой монеты. Станы просили выбрать на военную службу годныхъ людей изъ такъ называемыхъ путниковъ. Просьба эта вызвана была введеніемъ въ господарскихъ волостяхъ волочной уставы, въ силу которой путные бояре, ходившіе на войну, переводились частью на тяглую службу, частью на оброкъ и специальную путную, или служковскую службу [185]). Такой переводъ въ сущности былъ уничтоженіемъ извѣстной военной повинности, лежавшей на господарскихъ имѣньяхъ, отъ чего неизбѣжно увеличивалась военная тягость, лежавшая на шляхетскихъ имѣньяхъ. Станы почувствовали это увеличеніе и не преминули сдѣлать господарю соотвѣтствующее заявленіе [186]). Господарь далъ отвѣтъ въ смыслѣ желаній шляхты.

Присутствовавшіе на сеймѣ хоружіе составили и подали господарю рядъ просьбъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Они просили, чтобы шляхта выбирала своихъ пословъ и посылала ихъ на сеймы при хоружихъ; чтобы назначенъ имъ былъ извѣстный доходъ съ шляхты въ возмѣщеніе ихъ расходовъ на поѣздку на сеймы и на отвозъ серебщинъ въ скарбъ, чтобы не собиралась серебщина съ ихъ людей, какъ бывало это въ старину, чтобы военные и сеймовые листы разносились по домамъ шляхты особыми «листовниками» и, наконецъ, чтобы не поставлено было въ пошлину то, что въ прошлый походъ въ Ливонію они съ своими повѣтами добровольно заступали сторожу, по просьбѣ пана гетмана и изъ любви къ господарю и рѣчи посполитой. Господарь отвѣчалъ: выборъ шляхетскихъ пословъ и впредь имѣетъ происходить по давнему; относительно вознагражденія хоружихъ онъ не хочетъ установлять ничего новаго; хоружіе будутъ получать, какъ и прежде, бирчее при сборѣ серебщины; ему неизвѣстно, кто освободилъ ихъ крестьянъ отъ платежа серебщины, и потому пусть укажутъ этотъ «давній обычай»; относительно «листовниковъ» пусть напомнятъ на слѣдующемъ сеймѣ; что касается сторожи на войнѣ, то ему желательно было бы знать, кто держалъ сторожу въ старину, когда слу-

---

185) См. Акты Зап. Рос. III, № 19, I, арт. 1.

186) Аналогичныя просьбы подавались на сеймахъ и послѣ введенія уставы 1529 года, которая также сокращала число военнослужилыхъ крестьянъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы потребовали, чтобы господарь приказалъ отправлять военную службу съ урядовъ,—воеводствъ, староствъ и другихъ урядовъ, «водле важности» ихъ, по давнему. См. выше, стр. 294, 295.

жебныхъ людей въ войскахъ не было; когда это разъяснятъ ему на будущемъ сеймѣ, тогда онъ учинитъ и соотвѣтствующее постановленіе, а до того времени пусть потерпятъ и поступаютъ такъ, какъ и въ прошлую мобилизацію.

Свои отвѣты на просьбы сейма господарь закончилъ напоминаньемъ относительно исполненія подводной повинности съ выслуженныхъ имѣній. Въ прошломъ году господарь сдѣлалъ льготу всѣмъ владѣльцамъ этихъ имѣній, приказавъ имъ отдать въ скарбъ не по шести грошей со службы, какъ бы слѣдовало, а только по три, пока не выяснится, нельзя ли обойтись этими деньгами на наемъ подводъ. Несмотря на такую льготу, многіе владѣльцы не отдали этихъ подводныхъ денегъ вовсе, а иные съ мѣстъ своихъ заплатили не такъ, какъ господарскіе мѣщане, а по количеству службъ, выслуженныхъ прежде тамъ, гдѣ осѣло мѣсто. Господарь снова подтвердилъ, чтобы всѣ владѣльцы выслуженныхъ имѣній внесли ко дню св. Мартина по три гроша со службы съ прежними недоимками, а съ мѣстъ своихъ платили такъ же, какъ и господарскіе мѣщане; кто не отдаетъ, съ того будетъ взыскано черезъ дѣцкихъ, дабы скарбъ господарскій не терпѣлъ болѣе убытковъ отъ этой неисправности владѣльцевъ [187]).

Шляхта Жмудской земли и на этотъ разъ не преминула выступить съ своими особыми ходатайствами. Большинство этихъ ходатайствъ является повтореніемъ и развитіемъ просьбъ, подававшихся на сеймахъ 1551 и 1554 года и даже ранѣе, но часть предъявлялась впервые.

Такъ же, какъ и въ 1542 году, Жмудская шляхта просила, чтобы во время войны, когда войско строится въ боевомъ порядкѣ, ее не отдѣляли отъ остального войска,—но оставляли стоять въ «вальномъ гуфѣ». Господарь изъявилъ согласіе.—Шляхта повторяла затѣмъ свою прежнюю просьбу о томъ, чтобы духовные и свѣтскіе станы (т. е. паны), владѣющіе земскими имѣньями въ Жмуди, выставляли съ нихъ свои почты въ ополченіи земли. Господарь отвѣчалъ, что въ этомъ отношеніи будетъ соблюдать общій порядокъ, существующій въ великомъ княжествѣ.—Повтореніемъ прежнихъ ходатайствъ является и просьба о томъ, чтобы шляхтѣ не запрещалось брать дерево для личныхъ надобностей въ господарскихъ пущахъ, бить тамъ звѣря и ловить рыбу въ господарскихъ озерахъ. Господарь отвѣчалъ, что онъ не будетъ препятствовать шляхтѣ пользоваться стародавними «уступами», и прикажетъ довѣдаться объ нихъ старостѣ Жмудскому. Какъ уже было

---

[187]) Акты Зап. Рос. III, № 24, I.

сказано выше, эта просьба состояла въ связи съ производствомъ волочной помѣры, сопровождавшейся пересмотромъ правъ владѣнія и пользованія и прекращеніемъ самовольныхъ заимокъ господарскихъ земель и угодій. Отъ этого должна была во многихъ случаяхъ пострадать и та Жмудская шляхта, которая пользовалась землями и угодьями безъ документовъ, въ силу простой давности.—Производство волочной помѣры дало поводъ и къ другихъ ходайствамъ Жмудской шляхты. Она просила, чтобы мыто и новые пожитки, вводимые новою уставою, не нарушали ни въ чемъ ея правъ и вольностей, и чтобы господарь гарантировалъ это особымъ листомъ. Господарь обѣщалъ дать такой листъ. Шляхта просила, чтобы господарь уволилъ ее отъ представленія документовъ на владѣніе передъ ревизорами и чтобы утвердилъ за нею навсегда земли, данныя въ обмѣнъ на ея грунты, помѣренные на волоки. Господарь постановилъ, чтобы впредь шляхта предъявляла свои документы не передъ ревизорами, а передъ старостою Жмудскимъ, и обѣщалъ подтвердить особымъ листомъ земли, данныя въ «отмену». Наконецъ, шляхта просила оставить «при першой почтивости», т. е. въ шляхетскомъ званіи, тѣхъ изъ ея братьи, у которыхъ земли помѣрены на волоки, и которые переведены съ военной службы на чиншъ. Просьба эта вызвана была, очевидно, переводомъ въ тяглое состояніе такъ называемыхъ «вкупныхъ» бояръ, которыхъ шляхта привыкла уже считать своею братьею. Но господарь держался иной точки зрѣнія и потому просилъ указать, чьи дѣйствительно шляхетскія имѣнья помѣрены на волоки, дабы онъ могъ сдѣлать объ этомъ надлежащее распоряженіе.—Шляхта повторяла затѣмъ свое прежнее ходатайство о томъ, чтобы низведены были съ урядовъ ляхи и русскіе, и чтобы уряды впредь раздавались только обывателямъ Жмудской земли. Господарь обѣщалъ руководствоваться въ этомъ отношеніи тѣмъ, что онъ уже объявилъ на предшествующемъ сеймѣ, въ 1555 году.—Какъ и на предшествующемъ сеймѣ, шляхта и на этотъ разъ просила оградить ее отъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, а именно: чтобы панъ староста не бралъ «незвыклыхъ винъ» (судебныхъ штрафовъ), чтобы урядники не собирали съ владѣльцевъ, которымъ выдаютъ обратно бѣглыхъ крестьянъ, «поземное» (очевидно, за пользованіе землею со стороны этихъ крестьянъ); при этомъ же кстати шляхта просила научить ее, какъ добиваться суда и управы на крестьянъ, бѣгающихъ въ Пруссію и Ливонію. Господарь отвѣчалъ, что онъ отмѣняетъ нововведенія урядниковъ и будетъ посылать особыя грамоты въ Пруссію и Ливонію, при помощи которыхъ владѣльцы могутъ хлопотать о судѣ и управѣ на своихъ бѣглыхъ крестьянъ.—Наконецъ, Жмудская шляхта повто-

ряла и свою прежнюю просьбу о томъ, чтобы господарь освободилъ ея товары, отпускаемые за границу, отъ платежа пошлинъ. Господарь далъ тотъ же отвѣтъ, что и всему сейму, т. е. удовлетворилъ желаніе шляхты.

Къ этимъ просьбамъ, подававшимся и прежде, Жмудская шляхта присоединила нѣсколько новыхъ. Первое ходатайство направлено было въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ, выставлявшихъ съ своихъ имѣній одного коня на военную службу. Шляхта просила, чтобы съ такихъ имѣній продолжалъ выставляться одинъ конь и послѣ раздѣла ихъ между нѣсколькими братьями. Господарь согласился на то, чтобы съ тѣхъ имѣній, съ которыхъ согласно сеймовой уставѣ долженъ выставляться конь, этотъ конь выставлялся и послѣ раздѣла ихъ между нѣсколькими владѣльцами.—Шляхта просила затѣмъ назначить особаго хоружія для Жмудской земли. Господарь обѣщалъ утвердить хоружимъ того, кого выберетъ староста, и опредѣлилъ роль этого хоружія: онъ долженъ водить шляхту на смотръ и перепись къ пану старостѣ, носить при немъ на войнѣ хоруговь земскую (такъ какъ Жмудская шляхта ходила на войну подъ начальствомъ старосты), которая въ мирное время остается на храненіи у старосты.—Мы видѣли, что на предшествующихъ сеймахъ неоднократно подавалась господарю просьба о томъ, чтобы уничтожены были изъятія отъ подсудности мѣстнымъ судьямъ, чтобы передъ мѣстными судьями можно было на всѣхъ безъ исключенія искать суда и управы. Это ходатайство пришлось по сердцу и Жмудской шляхтѣ, и она не замедлила внести его въ списокъ своихъ просьбъ. Она просила, чтобы всѣ духовныя и свѣтскія особы, княжата, панята отвѣчали шляхтѣ передъ повѣтовыми судьями. Господарь приказалъ объявить, что исполненіе этой просьбы онъ отлагаетъ впредь «до выданья статута», а до тѣхъ поръ оставляетъ все «по давнему обычаю».—Указавъ на то, что много ляховъ, нѣмцевъ и венгровъ покупили себѣ имѣнья въ Жмудской землѣ и чинятъ мѣстнымъ обывателямъ «великое утѣсненье», Жмудская шляхта просила дозволить ей скупить эти имѣнья у чужеземцевъ. Господарь отложилъ это дѣло до изданія соотвѣтствующаго закона для всего великаго княжества.—Жалуясь «на обтяженье» со стороны жидовъ мытниковъ, шляхта просила отдать ей въ аренду мыто. Господарь отвѣчалъ, что по окончаніи срока настоящей арендѣ онъ приметъ во вниманіе заявленіе шляхты и учинитъ то, что ему покажется наиболѣе выгоднымъ и наилучшимъ.—Послѣднею просьбою была просьба объ исправленіи границъ съ Ливоніею и возвращеніи шляхтѣ забранныхъ у нея имѣній. Господарь

обѣщалъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы исполнить это желаніе шляхты [188]).

Примѣръ землевладѣльцевъ Жмудской, Волынской и Подляшской земель увлекъ и землевладѣльцевъ земель Полоцкой и Витебской, которые до сихъ поръ обыкновенно не выступали со списками просьбъ на великихъ вальныхъ соймахъ. На Виленскомъ сеймѣ 1559 года они подобно другимъ выступили съ цѣлымъ рядомъ просьбъ, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются мѣстныхъ нуждъ и потребностей, а нѣкоторыя являются повтореніемъ ходатайствъ, представлявшихся ранѣе отъ лица всего сейма. Въ этомъ можно видѣть новое подтвержденіе соображенія, высказаннаго нами ранѣе, что сословно-политическое движеніе шляхты имѣло не только центростремительное, но и центробѣжное направленіе, и сеймъ являлся очагомъ, не только концентрировавшимъ стремленія и домогательства шляхты, но и распространявшимъ ихъ въ мѣстныхъ шляхетскихъ кругахъ.

Полоцкіе князья, паны и бояре просили прежде всего, чтобы господарь согласно съ ихъ земскимъ привилеемъ запретилъ вступаться въ домъ Божій св. Софіи и св. Спаса и въ церковныхъ людей и для охраны ихъ назначилъ церковныхъ опекуновъ, какъ бывало въ старину. Господарь постановилъ, чтобы воевода совмѣстно съ князьями, панами и боярами выбралъ двухъ опекуновъ изъ мѣстныхъ бояръ и приставилъ ихъ къ названнымъ церквамъ. Эти опекуны должны слѣдить за тѣмъ, чтобы церковныя имѣнья не терпѣли «знищенья» отъ владыки Полоцкаго и игуменьи. По смерти этихъ лицъ опекуны должны переписывать оставшееся послѣ нихъ имущество и завѣдывать имъ впредь до назначенія ихъ преемниковъ, которымъ должны передавать имущество въ полной сохранности.—Указавъ на то, что владѣльческіе мѣщане, живующіе въ Полоцкомъ мѣстѣ, выполняютъ всѣ повинности съ господарскими мѣщанами, кромѣ платежа двухъ сотъ копъ, вносимыхъ мѣщанами въ скарбъ за свое магдебургское право, Полоцкіе землевладѣльцы просили господаря освободить ихъ мѣщанъ отъ платежа мыта наравнѣ съ господарскими. Но господарь отклонилъ это ходатайство на томъ основаніи, что господарскіе мѣщане пользуются этою привилегіею именно на основаніи магдебургскаго права.—Просьба, подававшаяся на сеймѣ 1554 года о прекращеніи сбора серебщинъ, дала мысль и Полоцкимъ землевладѣльцамъ просить о томъ же, ссылаясь на свой земскій привилей. Господарь далъ такой же отвѣтъ,

---

[188]) Акты Зап. Рос. III, № 24, II.

какъ и на сеймѣ 1554 года: серебщина собирается не на его, а на государственныя нужды, и притомъ не принудительно, а съ собственнаго согласія землевладѣльцевъ.—Просьба объ освобожденіи шляхты отъ платежа мыта съ товаровъ, отпускаемыхъ за границу, стоитъ и въ спискѣ ходатайствъ Полоцкой земли. На эту просьбу послѣдовалъ тотъ же самый отвѣтъ, что и всѣмъ другимъ просителямъ.—Полоцкіе землевладѣльцы сочли нужнымъ по примѣру другихъ ходатайствовать и объ учрежденіи у нихъ судей и писаря присяжнаго, о дарованіи имъ повѣтовой печати и о сборѣ памятнаго, вижового и дѣцкованья согласно съ ихъ привилеями и вольностями. Изъявивъ согласіе на послѣднее, господарь отложилъ исполненіе просьбы о земскомъ судѣ впредь до изданія новаго статута, которое должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени.—Указавъ на то, что въ Полоцкомъ замкѣ есть «пустовскіе городни», которыя прежде строились господарскими волостями, забранными теперь непріятелемъ, Полоцкіе землевладѣльцы просили господаря не наметывать на нихъ этихъ городень: если они прежде строили эти городни, то только по просьбѣ покойнаго короля и съ условіемъ, чтобы это не шло имъ въ пошлину. Господарь изъявилъ согласіе на эту просьбу, но только просилъ, чтобы на этотъ разъ они застроили эти городни, обѣщая дать имъ листъ, что впредь это не пойдетъ въ пошлину.—На просьбу о снабженіи Полоцкаго замка стрѣльбою и живностью господарь также изъявилъ согласіе[189]).

Просьбы землевладѣльцевъ Витебской земли въ общемъ сходны съ просьбами Полоцкой земли. Прежде всего они ходатайствовали, чтобы всѣ князья, паны и державцы, владѣющіе имѣньями въ Витебской землѣ, несли съ нихъ военную службу на замкѣ и въ ополченіи земли, не отговариваясь своими главнѣйшими имѣньями. Господарь постановилъ, что всѣ такіе владѣльцы должны по требованію воеводы являться съ своими «почтами» на замокъ и пребывать тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ нужно; а если захотятъ отъѣхать съ замка, должны замѣнить себя урядникомъ, человѣкомъ добрымъ и годнымъ; но во время общей мобилизаціи должны держаться статута, т. е. идти въ ополченіи той земли, гдѣ находится ихъ отчинное «головное имѣнье»[190]). Заботясь объ оборонѣ своей земли, которая на ряду съ Полоцкою землею должна была прежде всего подвергнуться нападенію въ случаѣ войны съ Москвою, Витебскіе землевладѣльцы представляли господарю о необходимости оправить весь верхній замокъ, а въ нижнемъ замкѣ

---

[189]) Акты Зап. Рос. III, № 24, III.

[190]) Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 2.

ремонтировать башни, подѣлать амбары и снабдить замокъ пушками, гаковницами, порохомъ и пушкарями, а также съѣстными припасами. Господарь обѣщалъ позаботиться обо всемъ этомъ по полученіи болѣе подробныхъ справокъ отъ мѣстнаго воеводы.—Затѣмъ Витебскіе землевладѣльцы ходатайствовали, чтобы господарь отпустилъ имъ серебщину, разложенную на два года по пяти грошей съ службы и впредь не собиралъ бы никакихъ серебщинъ[191]). Господарь отвѣчалъ, что этотъ податокъ, опредѣленый на нужды рѣчи посполитой, онъ не обращаетъ въ свои доходы и не можетъ поэтому не собирать его. На просьбу же о томъ, чтобы серебщина собиралась въ Витебской землѣ такъ же, какъ и въ Полоцкой,—въ половинномъ размѣрѣ съ тѣхъ крестьянъ, которые пашутъ на одной лошади,—король изъявилъ свое согласіе.—Точно такъ же по жалобѣ ихъ обѣщалъ написать Витебскому воеводѣ, чтобы онъ безъ нужды, въ спокойное время не задерживалъ Витебскихъ землевладѣльцевъ съ ихъ почтами на замкѣ, но распускалъ немедленно по минованіи опасности.—Подобно Полочанамъ Витебскіе землевладѣльцы просили, чтобы господарь соблаговолилъ дать имъ судей и писаря присяжнаго и чтобы памятное, вижовое и дѣцкованье приказалъ брать съ нихъ согласно съ ихъ привилеями и вольностями. Просьба эта буквально сходна съ просьбою Полочанъ, что наводитъ на предположеніе о взаимномъ уговорѣ между землевладѣльцами Полоцкой и Витебской земель, имѣвшемъ мѣсто на общемъ съѣздѣ ихъ передъ вальнымъ сеймомъ 1559 года, наподобіе того, какъ это было ранѣе, въ 1551 году[192]). Господарь отвѣчалъ Витблянамъ то же самое, что и Полочанамъ, т. е., что учрежденіе земскаго суда отлагаетъ до изданія новаго статута, а пошлины велитъ собирать согласно съ привилеями и вольностями Витблянъ.—На мысль о предварительномъ обмѣнѣ мнѣніями между Витебскими и Полоцкими землевладѣльцами, имѣвшемъ мѣсто на общемъ ихъ съѣздѣ, наводятъ и просьбы Витебскихъ землевладѣльцевъ о сравненіи ихъ въ повинностяхъ съ Полочанами. Мы уже ознакомились съ одною изъ такихъ просьбъ, касающеюся сбора серебщины. Сверхъ того, Витебскіе землевладѣльцы просили сравнять ихъ съ Полочанами и въ обложеніи военною повинностью, принимая «похожихъ» крестьянъ двухъ дымовъ за одного «отчиннаго», такъ, чтобы они обязаны были выставлять коня съ двадцати «похо

[191]) Изъ этой просьбы видно, что весь списокъ составленъ былъ не на вальномъ сеймѣ 1559 года, гдѣ состоялась ухвала новой серебщины, а ранѣе, на мѣстномъ сеймѣ.

[192]) См. выше, стр. 559, прим. 85.

жихъ» людей. Господарь отвѣчалъ, что оставляетъ это дѣло «водлѣ давнего обычая»[193]).

Съ своими просьбами и жалобами на Виленскомъ сеймѣ 1559 г. выступала и шляхта Мстиславскаго повѣта. Просьбы эти и жалобы, впрочемъ, имѣли чисто мѣстный характеръ. Прежде всего она просила, чтобы господарь запретилъ старостѣ Мстиславскому и городничію заставлять ее строить весь замокъ и мостъ, ибо прежде шляхта всегда поправляла только половину городень въ этомъ замкѣ, а остальную половину и мостъ дѣлали господарскіе люди и нѣкоторые князья и паны. Король отвѣчалъ: замокъ и мостъ всѣмъ нужны, а потому всѣ сообща должны и строить ихъ. Шляхта просила далѣе, чтобы господарь запретилъ старостѣ и ротмистру разбирать ея хоромы въ замкѣ, выстроенные для убѣжища на случай нападенія непріятеля, а также написалъ ротмистру, чтобы онъ не всылалъ въ шляхетскія имѣнья своихъ драбовъ и не допускалъ никакихъ насилій съ ихъ стороны мѣстнымъ жителямъ, не велѣлъ имъ забирать у жителей съѣстные припасы по уставной цѣнѣ, а по вольной, и самъ не посягалъ ни на чье здоровье подъ страхомъ уплаты господарю особаго штрафа («заруки»). Господарь обѣщалъ написать свои листы въ этомъ смыслѣ до старосты Мстиславскаго и ротмистра. Въ заключеніе шляхта просила назначить къ ней хоружимъ Богдана Селицкаго, на что господарь охотно соизволилъ [194]).

Подводя итогъ всему, что сказано выше о Виленскомъ сеймѣ 1559 года, мы должны констатировать значительный успѣхъ, достигнутый шляхтою на этомъ сеймѣ. Господарь на этомъ сеймѣ удовлетворилъ ея ходатайство, которое онъ не разъ предъ тѣмъ отклонялъ,— освободилъ шляхетскіе лѣсные и хлѣбные товары отъ платежа пошлинъ при отпускѣ за границу. Кояловичъ сообщаетъ, что, стремясь задобрить шляхту и заохотить ее къ патріотическимъ жертвамъ въ виду предстоящей борьбы за Ливонію, Сигизмундъ Августъ подавалъ ей много всякихъ льготъ, законы, казавшіеся обременительными, замѣнилъ болѣе легкими и подтвердилъ новымъ привилеемъ права и вольности шляхты [195]). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для подтвержденія

---

[193]) Акты Зап. Рос. III, № 24, IV.

[194]) Акты Зап. Рос. III, № 24, V.

[195]) Historiae Litvanae pars II, p. 435, 436: Frequentissimum eum conuentum fuisse perhibetur: multa in eo Equestris Ordo obtinuit; omnia liberalissimè et pollicente et concedente Rege, ut proniores in suam rogationem faceret. Praerogativae Ordinis, nouis tabulis firmatae: leges quae

этого общаго извѣстія Кояловича въ деталяхъ. Очень можетъ быть, что Кояловичъ въ этомъ извѣстіи руководился какими-нибудь актами, до насъ не дошедшими, а, быть можетъ, неправильно пріурочилъ къ сейму 1559 года уступки, сдѣланныя шляхтѣ на послѣдующихъ сеймахъ.

§ 6.

Исполняя условія договора, заключеннаго съ магистромъ Ливонскимъ и архіепископомъ Рижскимъ, Сигизмундъ Августъ въ концѣ сентября 1559 года отправилъ въ Москву дьяка Андрея Ивановича для того, чтобы позондировать московское правительство на счетъ предстоящаго заступничества за Ливонію. Дьякъ повезъ королевскую грамоту съ жалобами на различныя пограничныя обиды [196]) и письмо отъ воеводы Виленскаго Миколая Яновича Радивила къ московскимъ боярамъ съ просьбою стараться у своего государя о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій въ Ливоніи, которыя де могутъ помѣшать переговорамъ объ установленіи вѣчнаго мира между обоими государствами. Бояре отвѣчали Радивилу, что царь не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ не предпринималъ враждебныхъ дѣйствій противъ короля; но вмѣшательство короля въ ливонскія дѣла можетъ заставить его по неволѣ взяться за оружіе [197]). Такой отвѣтъ побудилъ литовское правительство позаботиться о военной оборонѣ Ливоніи. Въ концѣ ноября отправлены были въ Ливонію стольникъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ и староста Чечерскій и Пропойскій Юрій Миколаевичъ Зеновьевичъ съ 500 наемной конницы и 500 пѣшихъ драбовъ. Имъ поручено было занять замки, уступленные литовскому господарю по договору, и, гдѣ можно, оборонять ливонцевъ отъ москвитянъ. Вслѣдъ за тѣмъ предполагалось двинуть въ Ливонію и земское ополченіе великаго княжества, которое должно было собраться на границѣ къ новому году, подъ начальствомъ гетмана наивысшаго пана Миколая Юрьевича Радивила [198]). Готовясь къ вооруженному заступничеству, литовское правительство рѣшило испробовать еще разъ и дипломатическія средства, въ надеждѣ, что приготовленія литовцевъ къ войнѣ произведутъ должное впечатлѣніе на московское правительство и заставятъ его быть сговорчивѣе.

---

aut graves nimium videbantur, aut minùs justae, abrogatae, substitutis clementioribus; pluráque alia his similia, in gratiam nobilitatis, concessa.

[196]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 114.

[197]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 438.

[198]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, p. 411; Акты Зап. Рос. III, № 25, 26.

Въ половинѣ декабря новый гонецъ, Мартинъ Володковичъ, повезъ грамоту къ Московскому государю съ требованіемъ не нарушать до срока заключеннаго перемирія и не пустошить земли Ливонской, которая де издавна и въ силу недавнихъ договоровъ состоитъ подъ охраною великаго княжества Литовскаго [199]). То же самое приблизительно поручено было гонцу передать Московскому государю и устно. Гонецъ сверхъ того повезъ письмо къ московскимъ боярамъ отъ имени воеводы Виленскаго Миколая Радивила и маршалка Остафія Воловича. Въ этомъ письмѣ паны конфиденціально сообщали боярамъ, что король самъ по себѣ не желаетъ войны и всячески уклонялся отъ нея, но бывшіе на сеймѣ станы настоятельно требовали, чтобы король въ переговорахъ не терялъ попусту времени, удобнаго для войны, и садился на коня; они де даже публично угрожали королю—отказать ему въ повиновеніи, если онъ дальше будетъ затягивать и проволакивать дѣло, и нѣсколькимъ панамъ раднымъ насилу удалось уговорить ихъ повременить съ войною столько времени, сколько нужно для пересылки съ Москвою посольствами [200]). Но всѣ эти дипломатическія уловки, хорошо понятныя московскимъ боярамъ, не достигли своей цѣли. Бояре заявили гонцу, что король не имѣетъ права вступаться въ «данную» землю ихъ государя; а когда Володковичъ усомнился въ томъ, что Ливонія данная земля Московскаго государя, показали ему грамоту Дерптскаго епископа, содержащую обязательство его уплачивать въ казну Московскаго государя ежегодную дань по гривнѣ съ человѣка [201]). Царь съ своей стороны отвѣчалъ, что онъ учинитъ королю отказъ объ успокоеніи земли Лифляндской черезъ своего посла.

Но прежде, чѣмъ явился этотъ посолъ, начались уже военныя дѣйствія москвитянъ въ Ливоніи. На Крещенье 1560 года московскія войска вторглись изъ Дерптской области, повоевали землю до самаго Рижскаго залива и взяли Маріенбургъ. Это вторженіе было вызвано нарушеніемъ перемирія со стороны магистра, который послѣ заключенія договора съ Сигизмундомъ Августомъ, получивъ помощь людьми и деньгами изъ Германіи, отъ герцога Прусскаго, отъ гражданъ Риги и Ревеля, внезапно напалъ на москвитянъ и разбилъ ихъ подъ Дерптомъ [202]). Собравшееся подъ начальствомъ гетмана наивысшаго пана

---

[199]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 114.

[200]) *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 438, 439; сраз. *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 131.

[201]) Это былъ договоръ, заключенный въ 1554 году. См. *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant, str. 35—36.

[202]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ VIII, стр. 183—186.

Миколая Юрьевича Радивила земское ополченіе великаго княжества Литовскаго двинулось было на выручку нѣмцевъ въ Ливонію, но уже не застало тамъ москвитянъ, которые ушли въ Псковъ. Послѣ того и земское ополченіе великаго княжества Литовскаго разошлось по домамъ [203]). Но подъ конецъ мая въ Ливонію вторгнулось новое московское войско подъ начальствомъ князя Андрея Курбскаго и Данила Адашева. Курбскій и Адашевъ направились изъ Дерпта къ Вейссенштейну и, обложивъ его осадою, двинулись дальше по направленію къ Ревелю, взяли крѣпкій замокъ Ревельскаго епископа Фегефейеръ и разорили множество богатыхъ рыцарскихъ усадьбъ въ Коскильскомъ округѣ. Недалеко отъ Вейссенштейна они настигли стараго магистра Фюрстенберга съ девятью полками, па голову разбили его и взяли весь его станъ [204]). Сигизмундъ Августъ, получивъ извѣстіе о новомъ вторженіи москвитянъ и не дождидаясь отвѣта изъ Москвы, отправилъ туда дворянина Андрея Станиславовича съ новымъ протестомъ противъ военныхъ дѣйствій въ Ливоніи [205]). На помощь же нѣмцамъ въ іюнѣ отправилъ пана Виленскаго, старосту Жмудскаго, Еронима Александровича Ходкевича, съ ополченіемъ Жмудской земли и прилегающихъ повѣтовъ Литвы (Ковенскаго и Завилейскихъ) и съ наемными отрядами подъ начальствомъ пановъ Юрья Зеновьевича, Яна Ходкевича, кн. Александра Полубенскаго и выдающихся ротмистровъ—Миколая Остика, кн. Жижемскаго, Шемета, Сурвила, Голубицкаго, кн. Лукаша Свирскаго, Довгерда, Скиндера, Баки и др. [206]). Но еще прежде, чѣмъ подоспѣло это войско на помощь ливонцамъ, въ Ливонію вступила новая 60-ти тысячная московская рать подъ начальствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскаго. Истребивъ подъ Эрмисомъ нѣмецкій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ ландмаршала Филиппа Белля, который попался при этомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 11 командорами и 120 знатнѣйшими рыцарями, москвитяне осадили Феллинъ, гдѣ заперся старый магистръ Фюрстенбергъ. Осажденные нѣмцы отказались защищать замокъ, и Фюрстенбергъ долженъ былъ капитулировать (22 августа). Москвитяне взяли кромѣ того Тарвастъ, Руйенъ, Верполь и много другихъ замковъ и подступали къ Вендену. По извѣстію Стрыйковскаго и нашихъ лѣтописей здѣсь они столкнулись съ литовскимъ вой-

---

[203]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 411.

[204]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ VIII, стр. 187.

[205]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 124.

[206]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 411; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 443.

скомъ, высланнымъ на защиту Ливоніи. Стрыйковскій сообщаетъ, что литовцы побѣдили москвитянъ и заставили ихъ очистить Ливонію, а по разсказу псковскаго лѣтописца кн. Андрей Курбскій побѣдилъ литовцевъ [207]). Какъ бы то ни было, но москвитяне должны были очистить южную Ливонію и сосредоточить свои силы на добываніи Вейсенштейна. Простоявъ подъ этимъ замкомъ цѣлыхъ пять недѣль (до 18 октября), москвитяне сняли осаду и ушли во свояси, издержавъ всѣ съѣстные припасы [208]). И литовское войско послѣ отступленія москвитянъ ушло назадъ въ великое княжество, кромѣ наемныхъ служебныхъ подъ начальствомъ кн. Александра Полубенскаго, которому поручено было оборонять Ливонію [209]).

Тѣмъ временемъ возобновились и дипломатическіе переговоры съ Москвою. Въ концѣ августа 1560 года прибылъ наконецъ въ Вильну, царскій гонецъ Сущовъ съ царскою грамотою, писанною въ отвѣтъ на королевскій листъ, который привозилъ Мартинъ Володковичъ. Въ этой грамотѣ, составленной еще въ апрѣлѣ, царь выражалъ свое великое удивленіе по поводу того, что король называетъ Ливонскую землю своею: вѣдь всѣ города и волости литовскія перечислены въ перемирныхъ грамотахъ, писанныхъ при предкахъ ихъ и при нихъ самихъ, и король могъ бы справиться въ этихъ грамотахъ прежде, чѣмъ писать такія несообразныя вещи; а если уже этихъ грамотъ нѣтъ у него, могъ бы справиться у старыхъ людей, принадлежала ли когда Ливонія Литвѣ, и не безчестить себя и свое государство такими недостойными утвержденіями; ему, царю, просто не вѣрится, чтобы грамота, привезенная Володковичемъ, написана была съ вѣдома короля, и думается, что это дѣло думныхъ людей, которые желаютъ перессорить обоихъ государей. Отвергнувъ всякое право Литвы на Ливонію, царь констатировалъ свое право: Ливонская земля изстари платила дань Московскимъ государямъ, а отъ Римскаго государства брала магистровъ и духовныхъ лицъ своего закона, по утвержденнымъ грамотамъ Московскихъ государей; если король хочетъ удостовѣриться въ этомъ, пусть пришлетъ въ Москву своихъ добрыхъ людей, которымъ покажутъ старыя докончальныя грамоты, гдѣ Ливонія написана данницею Московскихъ государей. Свое посланіе царь заключалъ требова-

---

207) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 13—16, прим. 50.

208) Тамъ же, прим. 51.

209) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 443.

ніемъ, чтобы король не вступался въ Ливонію и вывелъ оттуда своихъ людей, разставленныхъ по нѣкоторымъ городамъ [210]).—Не смотря на рѣзкій тонъ грамоты, король усмотрѣлъ изъ нея, что московское правительство не прочь продолжать переговоры о Ливоніи, и потому на четвертый же день по прибытіи московскаго гонца отправилъ въ Москву дьяка Михаила Богдановича Гарабурду съ предложеніемъ вывести войска съ обѣихъ сторонъ изъ Ливоніи и заключить перемиріе хотя бы до 1 апрѣля 1561 года, обѣщаясь тѣмъ временемъ прислать своихъ великихъ пословъ въ Москву для дальнѣйшихъ переговоровъ [211]). Съ своей стороны Сигизмундъ Августъ, получивъ извѣстіе «о поторжкахъ» своихъ войскъ съ москвитянами, послалъ было приказъ своимъ гетманамъ отступить къ Двинѣ и воздерживаться отъ кровопролитья. Но лишь только этотъ приказъ былъ посланъ, какъ принесли извѣстіе о паденіи Феллина и плѣнѣ Фюрстенберга. Сигизмундъ Августъ немедленно отмѣнилъ свой приказъ и послалъ предписаніе гетманамъ чинить отпоръ москвитянамъ, призвавъ Бога на помощь, а въ Москву послалъ листъ въ отвѣтъ на царскую грамоту, привезенную Сущовымъ. Въ этомъ листѣ король доказывалъ, что Ливонія не подвластна Москвѣ: если бы она была подвластна, тогда не могла бы заключать перемиріе и договариваться съ Москвою, ибо никакой государь съ своими подданными перемирья не беретъ и не «списываеться въ одинацьство»; если бы Москва имѣла «владность» въ Ливоніи, она подавала бы туда и начальниковъ; между тѣмъ это дѣлали польскіе короли, напр., Сигизмундъ, съ соизволенія котораго назначенъ нынѣшній архіепископъ Рижскій Вильгельмъ, королевскій родственникъ, и самъ Сигизмундъ Августъ, сдѣлавшій князя Мекленбургскаго нареченнымъ архіепископомъ Рижскимъ; и наконецъ, если бы Ливонія была землею Московскаго государя, то почему онъ не оборонялъ ее, когда король ходилъ на нее войною, и не запретилъ ей поддаваться королю? Въ заключеніе король объявлялъ, что въ виду непрекращающихся враждебныхъ дѣйствій москвитянъ въ Ливоніи онъ далъ приказъ своимъ войскамъ оборонять ее, сколько Богъ поможетъ [212]). Но вскорѣ послѣ отсылки этого листа литовскому правительству снова стала улыбаться надежда на прекращеніе войны. Въ Вильну прибыли московскіе послы—окольничій Ѳед. Ив. Сукинъ и дворцовый дьякъ Григорій Ѳедоровъ съ мир-

---

[210]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 122; срав. *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 439, 440.

[211]) Тамъ же, № 124, 125.

[212]) Тамъ же, № 126.

ными рѣчами и новымъ предложеніемъ, чтобы король послалъ какъ можно скорѣе своихъ великихъ пословъ въ Москву «миръ вѣчьный и доброе дѣло на посполитый покой хрестианьский делати»[213]). Эта перемѣна тона въ сношеніяхъ съ Литвою вызвала было, какъ извѣстно, возникшимъ въ то время у царя намѣреніемъ жениться на одной изъ сестеръ короля Сигизмунда Августа (Иванъ овдовѣлъ 7 августа 1560 года). Θедору Сукину и Григорію Θедорову поручено было высмотрѣть для царя невѣсту и войти въ конфиденціальные переговоры съ королемъ по этому предмету. Сигизмундъ Августъ черезъ подстолія Станислава Паца и чашника Матея Петьковича объявилъ посламъ, что онъ не прочь выдать за ихъ государя свою сестру Екатерину, на которой остановился выборъ пословъ, но долженъ предварительно заручиться согласіемъ польскихъ пановъ, императора, герцога Брауншвейскаго и короля Венгерскаго, покровителей и родственниковъ невѣсты, и съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ римскомъ законѣ[214]). Дальнѣйшіе переговоры продолжались уже въ Москвѣ черезъ пословъ короля—Яна Шимковича, Яна Гайка и Мартина Володковича, прибывшихъ туда 6 февраля 1561 года[215]). Эти переговоры не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Послы заявили боярамъ, что прежде, чѣмъ вести переговоры о женитьбѣ ихъ государя на королевской сестрѣ, надо порѣшить всѣ спорные вопросы о границахъ, о взаимныхъ обидахъ и ливонскомъ дѣлѣ, а когда вошли въ подробности объ этихъ обидахъ, то въ числѣ ихъ поименовали и занятіе Москвою земель Сѣверской и Смоленской. Естественно, что на такой почвѣ они не могли сговориться съ боярами, и черезъ двѣнадцать дней по прибытіи въ Москву уѣхали оттуда ни съ чѣмъ[216]). Споръ снова предоставленъ былъ рѣшенію оружія.

Въ половинѣ апрѣля 1561 года Сигизмундъ Августъ разослалъ военные листы по всему великому княжеству. Въ этихъ листахъ онъ извѣщалъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества о томъ, что Московскій государь отпустилъ его пословъ, не учинивъ съ ними никакого постановленія, и требуетъ, чтобы король свелъ своихъ людей съ ливонскихъ замковъ, намѣреваясь тамъ огнемъ и мечемъ «сказу и пленъ учинити». Указавъ на то, что онъ обязанъ обо-

---

[213]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 128.

[214]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 440; *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 19.

[215]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ IX, прим. 57.

[216]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 440—441.

ронять Лифляндскую землю, какъ и другія свои владѣнія, король увѣдомлялъ о своемъ намѣреніи лично выступить въ походъ и приказывалъ всѣмъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ собираться подъ знамя гетмана наивысшаго Миколая Юрьевича Радивила въ Зельбургѣ на седьмую субботу (24 мая). Король рекомендовалъ взять съ собою побольше припасовъ, такъ чтобы хватило не только на лѣто, но и на зиму [217]). 14 мая разосланы были новые листы, въ которыхъ король отсрочивалъ сборъ войска въ Зельбургѣ до 15 іюня вслѣдствіе недостатка конскихъ кормовъ [218]). Какъ только войско собралось, гетманъ двинулся въ предѣлы Ливоніи. Съ появленіемъ литовскаго войска москвитяне отступили въ болѣе безопасныя мѣста. Гетманъ выслалъ впередъ пятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Юрія Тишковича и Григорія Тризны, которые прошли по пятамъ вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ до самыхъ московскихъ границъ, а самъ съ главными силами занялся добываніемъ Тарваста. Цѣлыя пять недѣль простояли литовцы подъ этимъ городомъ, пока не взяли его, при чемъ гетманъ выпустилъ его гарнизонъ по добру и по здорову. Проигравъ подъ Тарвастомъ, москвитяне вознаградили себя побѣдою подъ Перновомъ, гдѣ воеводы князь Василій Глинскій и Петръ Серебряный разбили литовскій отрядъ изъ войска Радивила. Послѣ того военныя дѣйствія затихли. Литовцы бросили Тарвастъ и разошлись по домамъ; москвитяне разорили Тарвастъ и также отступили [219]).

Много уже жертвъ принесло великое княжество на оборону Ливоніи. Почти два года содержались на счетъ его наемныя войска на ливонскихъ замкахъ [220]); три раза выступало на войну и земское ополченіе

---

[217]) Литов. Метр. кн. Переписей Литовскихъ VII, л. 24—26.

[218]) Тамъ же, л. 30—32.

[219]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 411—412; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 445—446; *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 19, 20.

[220]) Въ началѣ 1561 года разставлено было въ *Ревелѣ* 300 драбовъ (роты Талипскаго и Якуба Модревскаго), въ *Перновѣ* 300 драбовъ (рота испанца Антонія Море), въ *Вейссенштейнѣ* 200 драбовъ (роты Климента Бѣлинскаго и Мартина Стравинскаго), въ *Венденѣ* 150 драбовъ (рота Фридриха Воловича) и 150 конныхъ (рота Миколая Сопеги), въ *Ермисѣ* 100 пѣшихъ (рота Яна Клюковскаго) и 100 конныхъ (рота Станислава Сурвила), въ *Гельметѣ* 100 пѣшихъ (рота Щастнаго Губы) и 100 конныхъ (рота Григорія Голубицкаго), въ *Вольмарѣ* 100 пѣшихъ (рота Петра Миклашовскаго) и 100 конныхъ (рота Станислава Скиндера), въ *Трикатѣ* 100 пѣшихъ (рота Балтромея Стравинскаго) и 100 конныхъ (рота Яна Лопота), въ *Каркусѣ* 200 пѣшихъ (рота Гловацкаго) и 200 конныхъ (роты

великаго княжества. Впереди предвидѣлись еще новыя и новыя жертвы... Между тѣмъ въ видѣ вознагражденія представлялось со временемъ получить 700 тысячъ золотыхъ съ магистра и архіепископа, да и то не навѣрное, а только въ случаѣ благопріятнаго исхода борьбы. Правда, что въ видѣ эквивалента со стороны Ливоніи было еще обязательство быть всегда заодно съ великимъ княжествомъ Литовскимъ противъ его недруговъ. Но при тогдашнемъ политическомъ состояніи Ливоніи, при отсутствіи въ ней сильнаго центральнаго правительства, при господствѣ мѣстнаго сепаратизма, граничившемъ съ полнымъ политическимъ разложеніемъ, при моральномъ упадкѣ правящихъ классовъ, и на это было въ сущности мало надежды. Не было никакого ручательства въ томъ, что Ливонія, для которой принесено было столько жертвъ, останется въ политической зависимости отъ великаго княжества. И факты вполнѣ подтверждали такое опасеніе. Эзельскій епископъ продалъ свое владѣніе датскому королевичу Магнусу, который въ половинѣ апрѣля 1560 года высадился въ Эзелѣ, а затѣмъ въ Гапсалѣ, гдѣ былъ принятъ съ отверстыми объятіями населеніемъ. Примѣру Эзельскаго епископа послѣдовалъ вскорѣ епископъ Ревельскій и фогтъ Зонненбургскій. Эти пріобрѣтенія Даніи возбудили аппетитъ и у шведскаго короля Эриха XIV, который въ іюнѣ 1561 года прислалъ пословъ въ Ревель склонять жителей къ подданству Швеціи, обѣщая имъ помощь и защиту отъ Москвы. Посольство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и ревельцы поддались Швеціи. Литовское правительство не могло оставаться пассивнымъ зрителемъ начинающагося дѣлежа Ливоніи и должно было съ своей стороны позаботиться объ обезпеченіи своихъ интересовъ. Поэтому, получивъ извѣстіе объ утвержденіи Шведовъ въ Ревелѣ, король отправилъ въ Ригу воеводу Виленскаго, канцлера пана Миколая Яновича Радивила съ нѣсколькими тысячами наемнаго войска

кн. Волка и кн. Жижемскаго), въ *Шваненбургѣ* 100 пѣшихъ (рота Адама Оборскаго) и 100 конныхъ (Яна Левоня), въ *Маріенгаузенѣ* 100 пѣшихъ (рота Андрея Вронскаго) и 200 конныхъ (рота Юрія Тишковича), въ *Розитенѣ* 100 пѣшихъ (рота Яна Корицкаго), въ *Люценѣ* 100 пѣшихъ (рота Преслава Оборскаго), а конныхъ на оба замка 200 (роты пана Остика), въ *Кокенгаузенѣ* 50 пѣшихъ (рота Станислава Куницкаго), въ *Роннебургѣ* 200 конныхъ (рота кн. Александра Полубинскаго)—всего 3150 человѣкъ (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 15, 16). Въ октябрѣ того же года, сверхъ того, разставлено было въ Браславлѣ, Икажнѣ, Дрисвятѣ, Соколѣ, Друѣ, Динабургѣ, Обеляхъ, Езерѣ и Сувекѣ—2300 конныхъ польскихъ жолнеровъ, и послано въ Кокенгаузенъ, Венденъ, Вольмаръ, Роннебургъ—1200 пѣшихъ (Тамъ же, л. 69).

и поручилъ ему поддержать согласіе ливонцевъ и уговорить ихъ присоединить свои войска къ литовскимъ, а наиболѣе угрожаемыя крѣпости снабдить гарнизонами, боевыми и съѣстными припасами. Сигизмундъ Августъ, какъ видно изъ этого порученія, до послѣдней минуты держался на почвѣ трактата 1559 года и не хотѣлъ присоединять Ливоніи къ своимъ владѣніямъ. Но его литовскіе совѣтники не раздѣляли его взглядовъ [221]) и по собственной иниціативѣ пошли дальше, чѣмъ онъ проэктировалъ. Въ сентябрѣ король получилъ отъ Миколая Яновича Радивила изъ-подъ Риги письмо, въ которомъ тотъ извинялся, что переступилъ данныя ему отъ короля полномочія и вошелъ въ переговоры о присоединеніи Ливоніи. Радивилъ писалъ, что онъ ни на волосъ не отступилъ бы отъ данныхъ ему инструкцій, если бы положеніе вещей въ краѣ оставляло хотя бы малую надежду на удержаніе края въ независимости. Хотя ему хорошо было извѣстно, что король не гонится за чужимъ добромъ и стремится поддерживать наилучшія отношенія съ цесаремъ, курфюрстами и князьями Священной Римской Имперіи, ни одному государству не желаетъ ущерба, но, убѣдившись собственными глазами въ отчаянномъ положеніи Ливоніи и принявъ во вниманіе, что отчиннымъ владѣніямъ короля угрожаетъ величайшая опасность, если остатки Ливоніи перейдутъ подъ чужую власть, онъ вынужденъ былъ поступить вопреки волѣ и даннымъ ему инструкціямъ короля [222]).

Радивилъ былъ правъ съ точки зрѣнія интересовъ великаго княжества. Когда онъ прибылъ подъ Ригу, положеніе вещей въ Ливоніи дѣйствительно было безнадежное и сопряженное съ большою опасностью для Литвы. Вся почти восточная Ливонія,—епископство Дерптское, земля Вирляндъ, командорства Феллинъ и Маріенбургъ, находились въ рукахъ Москвы, которая готовилась продолжать свои завоеванія. Ревель былъ въ рукахъ Шведовъ, которые вели дѣятельную интригу и въ областяхъ, остававшихся еще подъ властью Кеттлера, и подкупами старались склонить всѣхъ высокопоставленныхъ людей къ переходу подъ власть шведскаго короля. Эзельское и Курляндское епископства и округъ Викъ, т. е. значительная часть западной Ливоніи, находились въ рукахъ королевича Магнуса, которому, по слухамъ, по-

---

[221]) Цесарскій уполномоченный Заурманъ еще въ началѣ августа доносилъ своему правительству о жалобахъ короля на своихъ совѣтниковъ, которые какъ бы нарочно не уважаютъ его воли относительно Ливоніи. См. *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant, str. 89, nota 285.

[222]) *St. Karwowskiego* Wcielenie Inflant, str. 89, nota 286.

могалъ Датскій король. На требованіе Радивила доставить жолнеровъ и запасы для замковъ магистръ и архіепископъ отвѣчали, что они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ должны заботиться о собственной безопасности. Обыватели незавоеванной еще части Ливоніи сомнѣвались въ томъ, чтобы магистръ и архіепископъ могли оказать имъ помощь, не имѣли увѣренности въ собственныхъ силахъ и тянули въ разныя стороны: часть склонялась къ Даніи, другая къ Швеціи, нѣкоторые готовы были даже броситься въ объятія Москвы, остальные желали стать подъ владычество Польши и Литвы. Всѣ, впрочемъ, согласно осуждали Орденъ, сваливали на него причину страшныхъ бѣдъ, какъ громъ грянувшихъ на страну. Рыцари ордена, всѣми ненавидимые, жаждали перемѣны формы правленія, отмѣны безбрачія и избранія наслѣдственнаго князя. Радивилъ, познакомившись со всѣмъ, что происходило въ странѣ, и увидавъ, что большая часть высокопоставленныхъ особъ—не противники польскаго короля, переговоривъ съ магистромъ и архіепископомъ, устроилъ у себя въ лагерѣ съѣздъ, на который, кромѣ самого магистра и архіепископа, прибыли депутаты отъ Риги, Вольмара, Вендена и отъ всего рыцарства и дворянства. Радивилъ предложилъ имъ вопросъ: какимъ образомъ они думаютъ спасать уцѣлѣвшую часть Ливоніи, когда изъ одного непріятеля выросло нѣсколько, а его государь по договору обязанъ помогать имъ только противъ одного—Москвы? Такъ какъ сами они заявили, что ихъ ждетъ конечная гибель, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не состоится у нихъ окончательнаго рѣшенія касательно измѣненія отношеній, онъ готовъ отъ лица короля выслушать постановленія и желанія собравшихся представителей страны.

Ливонцы увидали, что для нихъ въ сущности нѣтъ выбора: наибольшихъ льготъ и выгодъ можно ожидать только отъ подчиненія государю Польши и Литвы, какъ подтверждалъ и примѣръ родственной Пруссіи. Архіепископъ первый подалъ голосъ за подчиненіе королю; магистръ также обнаружилъ къ тому склонность. Рыцарское сословіе единогласно приговорило избрать Кеттлера государемъ подъ суверенитетомъ польскаго короля. Депутаты Риги послѣ долгаго колебанія дали свое согласіе на подчиненіе, но на слѣдующихъ условіяхъ: король выхлопочетъ для Риги увольненіе отъ присяги, принесенной Имперіи; подтвердитъ всѣ права и вольности мѣста; въ случаѣ разрыва уніи между Польшею и Литвою за Ригою остается право выбора между тою и другою или какою-либо иною державою. Радивилу не очень нравились эти условія, но, скрѣпя сердце, онъ далъ на нихъ свое согласіе. Въ письмѣ къ королю Радивилъ представлялъ, что иначе онъ и

не могъ поступить, принимая во вниманіе, въ какой опасности очутилась бы Литва, если бы Москва овладѣла столь важнымъ и крѣпкимъ мѣстомъ, къ которому стягиваются разнаго рода товары изъ Жмуди рѣкою Мушею, изъ Литвы и Руси—Западною Двиною, и изъ котораго обратно идутъ товары первой необходимости для королевскихъ подданныхъ. Въ теченіе переговоровъ,—писалъ Радивилъ,—ему постоянно припоминались слова Яна Тарновскаго, который говаривалъ обыкновенно, что онъ не далъ бы и десяти гривенъ польскихъ за Вильну, если бы Рига попала въ руки непріятеля [223]).

19-го сентября пришло въ Вильну письмо Радивила съ извѣстіемъ, что Ливонцы поддались подъ власть короля и обязались въ теченіе мѣсяца прислать уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ съ самимъ королемъ и для принесенія присяги. Ливонцы желали уніи не съ однимъ великимъ княжествомъ, но и съ короною Польскою, справедливо полагая, что отъ двухъ государствъ они получатъ болѣе вѣрную защиту, чѣмъ отъ одного. Поэтому королю слѣдовало рѣшать вопросъ о присоединеніи Ливоніи сообща съ поляками и литовцами. Но поляки въ то время обнаруживали мало охоты путаться въ ливонскія дѣла, и не было надежды въ скорости привлечь ихъ къ этому дѣлу [224]). Поэтому Сигизмундъ Августъ рѣшилъ предварительно кончить дѣло съ литовцами, а затѣмъ уже лично отправиться въ корону и уговаривать поляковъ принять Ливонію подъ свою защиту.

Въ ноябрѣ 1561 года созваны были на сеймъ въ Вильну паны-рада, княжата, панята и шляхта-рыцарство. Изъ Ливоніи прибыли магистръ и архіепископъ съ своими совѣтниками, депутаты отъ рыцарства и городовъ. Станы просили господаря принять предложеніе ливонцевъ, «жедаючи тое земли Лифлянтское зъ иншыми паньствы нашими за ровно статися, хотечи сполне и отпоръ неприятелеви давати». Вслѣдствіе этого 28 ноября составленъ былъ актъ присоединенія Ливоніи. По этому акту Ливонія присоединялась заразъ къ королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но такъ какъ на этотъ разъ нельзя было еще имѣть копіи догора со стороны польскаго сената, то временно, до полученія этой копіи, Ливонія поддавалась лично Сигизмунду Августу,

[223]) Ibidem, str. 90—93.

[224]) Впрочемъ, между поляками отдѣльныя лица горячо желали присоединенія Ливоніи и подавали въ этомъ смыслѣ совѣты своему королю, ярко изображая всѣ выгоды отъ присоединенія Ливоніи и опасности, сопряженныя съ переходомъ ея подъ власть Москвы. Объ этомъ см. *Соловьева* Исторію Россіи, кн. II, томъ VI, стр. 185—186.

какъ королю Польскому и великому князю Литовскому. Сигизмундъ Августъ съ своей стороны обязался склонить поляковъ къ утвержденію договора и къ принятію Ливоніи подъ свою защиту. На тотъ случай, если бы Польша отказалась сдѣлать это, устанавливалось, что Ливонія присоединяется къ великому княжеству Литовскому. Король обязывался употребить всѣ старанія къ тому, чтобы цесарь и Имперія не воспротивились этому присоединенію, и чтобы ливонцы съ этой стороны не потерпѣли никакихъ убытковъ, проскрипцій или преслѣдованій. Король гарантировалъ далѣе свободу Аугсбургскаго вѣроисповѣданія въ Ливоніи и ненарушимость правъ и вольностей всѣхъ сословій, предоставилъ шляхтѣ и мѣщанамъ выбирать собственныхъ судей съ правомъ аппелляціи отъ ихъ суда до королевскаго намѣстника или состоящаго при немъ сената, или прямо до короля, а во владѣніяхъ будущаго герцога Курляндскаго—до герцога, обѣщалъ ставить въ города Ливонскіе старостъ племени и языка нѣмецкаго, за исключеніемъ военнаго времени, когда вольно будетъ ему назначать въ старосты опытныхъ и вѣрныхъ людей какого угодно племени и языка. Кеттлеру, сложившему съ себя санъ магистра, на основаніи прецедента съ Прусскимъ магистромъ король жаловалъ титутъ герцога съ тѣмъ, чтобы онъ оставался всегда королевскимъ вассаломъ и ленникомъ. Въ качествѣ лена король жаловалъ ему всю Курляндію и Семигаллію отъ границъ Жмуди, Литвы и Бѣлой Руси до р. Двины,—въ частности все, что тянуло на лѣвомъ берегу Двины къ замкамъ Динабургу, Ашерадену и Кирхгольму, и замки: Зельбургъ, Баускъ, Митаву, Туккумъ, Нейенбургъ, Добленъ, Кандау, Альшвангенъ, Шрунденъ, Фрауенбургъ, Цабельнъ, а также и замки, заставленные королю въ 80 тысячахъ: Гольдингенъ, Газенпотъ, Дурбенъ, Виндаву; замокъ Гробинъ, заставленный маркграфу Бранденбургскому Альбрехту въ 50 тысячахъ, король обѣщалъ выкупить и отдать Кеттлеру, а равно и замокъ Баускъ, заставленный архіепископу Рижскому. Эти владѣнія Кеттлеръ могъ продавать, обмѣнивать на другія и отдавать въ заставу, при чемъ за королемъ сохранялось преимущественное передъ другими право пріобрѣнія ихъ отъ Кеттлера и его преемниковъ. Сверхъ того, король жаловалъ въ пожизненное владѣніе Кеттлеру замокъ Динамюнде на правой сторонѣ Двины и объявлялъ его своимъ намѣстникомъ въ Ливоніи, обѣщаясь впослѣдствіи назначить ему за отправленіе этой должности опредѣленное жалованье. Въ предѣлахъ собственнаго герцогства Кеттлеру предоставлялось право чеканить монету по вѣсу и цѣнности равнозначительную съ монетою великаго княжества Литовскаго. Въ свое владѣніе король бралъ прежде всего замокъ и мѣсто Ригу, которой гарантировалъ самоуправленіе по

образцу Данцига, съ выборными судьями, съ выборнымъ военачальникомъ и бургграфомъ, и всѣ другіе замки къ сѣверу отъ Двины, остававшіеся еще во владѣніи Ордена, а именно: Кирхгольмъ, Ашераденъ и Динабургъ на Двинѣ, Розитенъ, Люценъ, Трикатенъ, Эрмисъ, Гельметъ, Каркусъ, Вейссенштейнъ со всею Ервью, замокъ и мѣсто Перновъ, Заару, Руйенъ, Буртнекъ, замокъ и мѣсто Вольмаръ, Венденъ, Вольфартъ, Аррашъ, Зегевольдъ, Шуйенъ, Юргенсбургъ, Нитау, Лембургъ, Роденпойсъ, Нейермюленъ, а также и княжество Эстонію, епископство Дерптское и другія владѣнія по возвращеніи ихъ отъ непріятеля. Всѣ эти замки король обѣщался раздавать въ держаніе рыцарямъ Ордена и другимъ заслуженнымъ лицамъ по своему усмотрѣнію, оставляя за собою и своими преемниками все военное снаряженіе замковъ. Замки Зонненбургъ, Леаль и Гапсаль король уступалъ князю Эзельскому Магнусу въ обмѣнъ на епископство Курляндское, которое вмѣстѣ съ остальною Курляндіею отходило къ Кеттлеру. Въ виду того, что шестилѣтнею войною исчерпаны совершенно силы и средства ливонскихъ землевладѣльцевъ, король освобождалъ ихъ отъ несенія военныхъ тягостей въ текущую войну, предоставлялъ имъ дѣлать въ этомъ отношеніи, что могутъ, и обязывался снабдить ливонскіе замки служебными людьми, обѣщалъ освободить магистра отъ уплаты долговъ Данцигу и Ригѣ или, по крайней мѣрѣ, выхлопотать отсрочку платежа до другого, болѣе благопріятнаго времени, помочь обывателямъ Вендена, Вольмара и Пернова въ уплатѣ ихъ долговъ и доставкою для нихъ хлѣба и другихъ предметовъ необходимости [225]).

Принятіе всѣхъ этихъ обязательствъ влекло за собою новые крупные расходы для скарба великаго княжества. Между тѣмъ литовское правительство и безъ того уже оказывалось не въ состояніи покрывать свои расходы текущими доходами и должно было прибѣгать къ экстреннымъ займамъ въ счетъ будущихъ поступленій. Эти займы идутъ по актамъ чуть не съ самаго начала борьбы за Ливонію. Уже въ іюлѣ 1560 года король взялъ у своего кухмистра пана Войтеха Ясеньскаго 2000 копъ грошей для пополненія скарбовой кассы и предоставилъ ему погасить этотъ долгъ изъ господарскихъ доходовъ за 1560 годъ съ волостей *Уштоль, Пенянъ, Ожи и Перелома*, находившихся въ его держаньѣ [226]). Немного спустя король взялъ у того же пана Войтеха Ясеньскаго восемь тысячъ копъ грошей и въ этой суммѣ

---

[225]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CXXXVIII; прилож. № 38.

[226]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 372—373.

заставилъ ему *волость Любошанскую* на три года съ правомъ получать въ свою пользу въ качествѣ процентовъ всѣ доходы и вырабатывать на себя въ пущахъ всякіе лѣсные товары [227]) и съ условіемъ держать эту волость въ заставѣ еще годъ, если она не будетъ выкуплена въ срокъ, а при невыкупѣ въ этотъ срокъ, еще годъ и т. д. [228]). Въ іюлѣ же (28 дня) того же 1560 года король занялъ 1000 золотыхъ червонныхъ у старосты Пинскаго и Кобринскаго пана Станислава Фальчевскаго и предоставилъ ему выбрать эти деньги изъ своихъ доходовъ *Пинскаго и Кобринскаго староствъ* за 1560 годъ, считая золотой червонный въ 52 гроша польскихъ, или 40 грошей литовскихъ и 2 гроша польскихъ [229]). Вслѣдъ за тѣмъ, 9 августа, король занялъ у воеводы Подляшскаго пана Василья Тишковича 6000 копъ грошей и отдалъ ему въ заставу дворы *Лысковъ, Межирѣчь и Айну* на три года съ правомъ держать еще три года, если выкупъ не состоится въ срокъ, и такъ далѣе [230]). 3 октября того же года король занялъ у старосты Бобруйскаго Станислава Довойна 7000 копъ грошей «на отправу людей ку обороне земли Ифлянтское» и предоставилъ ему выбирать эти деньги изъ господарскихъ доходовъ съ дворовъ *Ушполь, Пенянъ и Обель,* которые отдалъ ему въ держанье, по $1\frac{1}{2}$ тысячи ежегодно, а остальное отдавать въ скарбъ [231]); тогда же король заставилъ пану Мартину Хрщоновичу дворъ *Дорсунишки* въ трехъ тысячахъ копъ грошей на два года съ правомъ держать въ заставѣ еще два года, если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа, и такъ далѣе [232]). Черезъ двѣ

---

[227]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 409.

[228]) Любошанская волость пробыла въ заставѣ у кухмистра Ясеньскаго до самой смерти его, а затѣмъ у сына его Миколая до 4 марта 1570 года, когда она была отдана ему въ заставу до живота (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 265, 266).

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 373, 374.

[230]) Тамъ же, л. 378—379. Впослѣдствіи, когда Василій Тишковичъ былъ уже воеводою Смоленскимъ (1569—1571), король отдалъ ему эти дворы въ заставу до живота въ этой же суммѣ. Панъ Василій Тишковичъ еще при жизни своей записалъ эту сумму дочери своей, вышедшей замужъ за пана Александра Григорьевича Ходкевича. По смерти Тишковича король выплатилъ его зятю 400 копъ грошей, а въ остальныхъ 2000 копахъ 10 февраля 1572 года оставилъ у него въ заставѣ дворъ Айну съ правомъ держать его «въ держаньѣ» до живота по уплатѣ ему заставной суммы (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 306, 307).

[231]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 402—403. Въ слѣдующемъ году король перенесъ долгъ на замки Пинскъ и Кобринъ (см. ниже).

[232]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 404. Мартинъ Хрщоновичъ дер-

недѣли послѣ того, 17 октября, король занялъ у каштеляна Радомскаго Габріэля Тарла 30 тысячъ золотыхъ польскихъ, или 12 тысячъ копъ грошей литовскихъ (золотой=24 гроша литовскихъ) и въ этой суммѣ заставилъ ему на годъ замокъ *Ковель* со всѣми доходами съ правомъ держать въ заставѣ еще годъ, если въ срокъ замокъ не будетъ выкупленъ, и такъ далѣе [233]). Черезъ девять дней послѣ того, 26 октября 1560 года, король занялъ у пана Фронцка Фальчевскаго 2000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему *села ключа Луцкаго—Черничегородокъ* съ приселками *Маневичами, Колокъ, Радуни* два, *Козлиничи, Бруховичи* до тѣхъ поръ, пока не выкупитъ у пана Тарла Ковель и не отдастъ въ держанье Фальчевскому [234]). Цѣлый рядъ займовъ и заставъ сдѣланъ былъ королемъ и въ теченіе слѣдующаго 1561 года. Въ апрѣлѣ (22 числа) король занялъ у пана Станислава Андреевича Довойна еще 5000 копъ въ добавленіе къ тѣмъ 7000, которыя взялъ раньше, и весь долгъ въ суммѣ 12 тыс. копъ грошей предоставилъ ему выбирать изъ господарскихъ доходовъ съ староствъ *Пинскаго и Кобринскаго,* по $1\frac{1}{2}$ тысячи ежегодно, спявъ долгъ съ державъ Ушпольской, Пенянской и Обельской [235]). Вслѣдъ затѣмъ, 30 апрѣля, король занялъ три тысячи копъ у воеводы Подляшскаго Василья Тишковича и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Здитовъ* съ дворцомъ Хрисицкимъ на три года съ правомъ по истеченіи срока держать эти имѣнья въ заставѣ еще годъ, а затѣмъ еще годъ и т. д., если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа [236]). Недѣлю спустя, 8 мая, Си-

жалъ Дорсунишки до смерти и передалъ ихъ своимъ наслѣдникамъ. Въ 1569 году король дозволилъ пану Яну Жалинскому, своему ложничію, выкупить Дорсунишки у наслѣдниковъ Хрщоновича и держать ихъ въ заставѣ на тѣхъ же условіяхъ (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 249—252).

[233]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 408, 409. Въ февралѣ 1567 года замокъ Ковель отданъ былъ въ ленное владѣніе князю Андрею Курбскому (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 60—62; L. л. 76, 77; LII, л. 73, 74).

[234]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 414. Въ мартѣ 1566 года король отдалъ эти села Фальчевскому въ заставу до живота (Записей кн. XLI, л. 373—376), а въ апрѣлѣ того же года, по смерти Фронцка, отдалъ въ заставу до живота вдовѣ его Аннѣ и сыновьямъ Петру и Томасу, по смерти которыхъ наслѣдники ихъ получили право держать эти села «rok od roku» до уплаты имъ 2000 копъ грошей (Публич. дѣлъ VIII, л. 14—17).

[235]) Литов. Метр. кн. Запис XXXVII, л. 468—469.

[236]) Тамъ же, л. 452. Въ 1562 году 23 мая король занялъ у Василья Тишковича еще 2000 копъ грошей и въ суммѣ всего долга заставилъ Здитовъ съ дворцомъ Хрисицкимъ пану Тишковичу и его женѣ до живота ихъ, а по смерти

гизмундъ Августъ занялъ у князя Владислава Збаражскаго 1600 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Ботоки* съ мѣстомъ въ Жмудской землѣ на одинъ годъ съ правомъ держать еще годъ и т. д., если въ срокъ не будетъ представляться выкупъ [237]). Въ тотъ же день король занялъ у пана Ивана Солтана три тысячи копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворъ *Ляховичи* съ дворцами *Старымъ Ляховицкимъ и Жеребьевскимъ* впредь до выкупа [238]). Недѣли двѣ спустя, 21 мая, король взялъ у тивуна и городничія Троцкаго 2000 копъ грошей и заставилъ ему дворы *Мойшакголу*, *Керновъ и Анторки* и всѣ дворы тивунства Троцкаго до тѣхъ поръ, пока не выберетъ всю эту сумму изъ доходовъ названныхъ дворовъ [239]). Іюля 9 король взялъ у пана Матея Петьковича 400 копъ грошей и предоставилъ ему выбрать эту сумму изъ господарскихъ доходовъ съ *Скерстомоньской* и *Росеинской* волостей, находившихся въ его держаньѣ [240]). Немного спустя король взялъ у князя Юрія Слуцкаго 12000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему замокъ *Бобруйскъ* со всѣми доходами на годъ съ тѣмъ, чтобы застава продолжалась еще на годъ и т. д., если въ срокъ не будутъ уплачены князю его деньги [241]). Не довольствуясь займами у богатыхъ князей и пановъ, Сигизмундъ Августъ прибѣгъ къ принудительному займу у значительныхъ мѣстъ. Мая 14 разосланы были по этимъ мѣстамъ господарскіе листы «о позычкѣ»: мѣщане приглашались уплатить въ скарбъ опредѣленную сумму со всего мѣста къ 29 іюня или, если найдутъ это для себя неудобнымъ, 10% съ своихъ маетностей (движимаго имущества) подъ страхомъ конфискаціи имущества за неповиновеніе этому распоряженію, вызванному крайнею нуждою; при этомъ король обѣщалъ вернуть взятыя суммы послѣ осенняго сбора доходовъ съ господарскихъ волостей. Всего такимъ путемъ предполагалось собрать 22.120 копъ съ разныхъ мѣстъ, кромѣ «столечнаго»

ихъ обязался не отнимать имѣнья у тѣхъ, на кого они переведутъ свою ссуду, не заплативъ предварительно долга, 5000 копъ грошей. Записей кн. XLIV, л. 29, 30.

[237]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 456, 457.

[238]) Тамъ же, л. 454—455. Къ 1566 году Ляховичи съ волостью находились уже въ простомъ держаньѣ пана Солтана: 18 марта этого года король заставилъ пану Александру Брындзѣ село Начу въ волости Ляховицкой (Запис. LI, л. 10—11).

[239]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 458—459.

[240]) Тамъ же, л. 478.

[241]) Тамъ же, л. 482—483.

мѣста Вильны [242]). До какой степени доходила нужда въ деньгахъ, это видно между прочимъ изъ того, что, отправляя пана Миколая Яновича Радивила въ Ригу для переговоровъ съ ливонскими чинами, король не могъ снабдить его нужнымъ количествомъ денегъ, и Радивилъ долженъ былъ по приказанью короля расходовать свои деньги [243]). Такое состояніе скарбовой кассы помимо большихъ расходовъ, сдѣланныхъ въ теченіе 1560—1561 года, объясняется еще крайне неудовлетворительнымъ поступленіемъ доходовъ за предшествующіе годы. Въ скарбъ не поступило еще сполна доходовъ съ господарскихъ волостей за 1556—1561 годы, серебщина съ господарскихъ мѣстъ за 1559 и 1560 годы, серебщина съ владѣльческихъ людей за 1554—1556, 1559—1561 годы [244]). Поступленіе всѣхъ этихъ недоимковъ, конечно должно было пополнить кассу скарба, но на этой кассѣ уже лежали значительные долги, сдѣланные у князей, пановъ и мѣщанъ, такъ что обойтись безъ новаго экстреннаго обложенія, одними обычными доходами, представлялось невозможнымъ. Обратиться за новою субсидіею къ князьямъ, панамъ и рыцарству-шляхтѣ правительство на этотъ разъ не посмѣло, можетъ быть во вниманіе къ тѣмъ жертвамъ, которыя уже принесли для войны эти землевладѣльцы и имѣли еще принести, отправляясь въ походъ съ своими «почтами», а можетъ быть въ виду того, что ими не выплачены еще серебщины прежнихъ годовъ. Какъ бы то ни было, на Виленскомъ сеймѣ 1561 года господарь съ панами-радою положили брать только «поконевскіе пенязи», по 2 копы съ коня, съ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не захотятъ ѣхать лично на войну съ своими «почтами», на наемъ взамѣнъ ихъ служебныхъ людей. Это постановленіе сдѣлано было по инціативѣ гетмана наивысшаго пана Миколая Юрье-

---

[242]) Съ *Ляховичъ*—200 копъ, *Слонима*—100 копъ, *Новгородка*—500 копъ, *Мозыря*—100 копъ, *Пинска*—500 копъ, *Кіева*—1000 копъ, *Кобрина*—200 копъ, *Бобруйска*—100 копъ, *Полоцка*—10,000 копъ, *Витебска*—3000 копъ, *Орши*—500 копъ, *Могилева*—1000 копъ, *Минска*—500 копъ, *Волковыйска*—500 копъ, *Луцка*—200 копъ, *Каменца*—200 копъ, *Порозова*—100 копъ, *Мстибогова*—100 копъ, *Кременца*—200 копъ, *Шерешова*—50 копъ, *Берестья*—300 копъ, *Ковля*—100 копъ, *Саража*—200 копъ, *Бранска*—200 копъ, *Городна*—1000 копъ, *Тыкотина*—200 копъ, *Перелома*—50 копъ, *Кнышина*—200 копъ, *Бѣльска*—1000 копъ.

[243]) Всего онъ израсходовалъ за эту поѣздку въ Ливонію 10.654 золотыхъ польскихъ (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 55—56).

[244]) Прилож. № 36, 44; Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 202—213; L, л. 207—211.

вича Радивила, указавшаго на то, что большому войску въ данное время трудно имѣть «выживенье» въ разоренной Ливоніи, и въ особенности земскому ополченію, при которомъ всегда идетъ на войну много обознаго люда сверхъ почтовъ. «Поконевскіе пенязи» приказано было вносить въ скарбъ не позже того срока, на который приказано было становиться военнослужилымъ людямъ въ Трикатѣ, т. е. не позже Рождества Христова, дабы заблаговременно можно было нанять служебныхъ людей [245]). Для увеличенія средствъ скарба правительство рѣшилось обложить преимущественно всѣхъ тѣхъ, кто не обязанъ служить военную службу, купцовъ туземныхъ и иностранныхъ, которые получаютъ отъ торговли большіе пожитки и ничѣмъ «до службы земское не прикладаються». Но задавшись такою цѣлью, господарь и паны рада не нашли, конечно, средствъ возложить налогъ исключительно на пожитки купцовъ, а установили «поборъ» съ товаровъ, которыми они торгуютъ,—другими словами: обложили косвеннымъ налогомъ не только самихъ купцовъ, но и производителей и потребителей этихъ товаровъ [246]). Постановлено было собирать поборъ, по опредѣленной таксѣ со всѣхъ товаровъ, которые обыкновенно вывозились изъ великаго княжества: съ воска, сала, кожъ и мѣховъ, пеньки, льна, пряжи, хмеля, пшеницы, ячменя, овса, гороху, крупъ, пшена, гречихи, рогатаго скота, домашней птицы, говядины, свинины, меда, простого сукна и полотна, разнообразныхъ лѣсныхъ товаровъ, а также и со всѣхъ товаровъ, которые обыкновенно ввозились въ великое княжество: съ иностранныхъ винъ, пива и горѣлки, соли, рыбы, селедокъ, пряностей, сахара, олифы, красокъ, дорогихъ мѣховъ, шелковыхъ и златотканныхъ матерій, дорогихъ суконъ; поборомъ не были обложены только желѣзо, мѣдь и другія вещи, необходимыя для войны; все это безпошлинно могло ввозиться въ великое княжество, но вывозъ за границу коней, зброи, желѣза безусловно запрещался. Поборъ съ товаровъ, вывозимыхъ за границу, долженъ былъ собираться на пограничныхъ мытныхъ коморахъ, а съ товаровъ, ввозимыхъ въ великое княжество, либо на этихъ коморахъ, либо въ мѣстахъ ихъ склада, при чемъ во всякомъ случаѣ

---

[245]) Приложеніе № 38.

[246]) Какъ видно изъ господарскаго листа, разосланнаго въ апрѣлѣ 1562 г. по всѣмъ мѣстамъ великаго княжества, введеніе особаго побора съ предметовъ вывоза и ввоза уменьшило и тотъ, и другой и оттянуло значительную часть капиталовъ отъ внѣшней торговли къ внутренней и операціямъ по ссудамъ. Caeteris paribus при такой перемѣнѣ должны были вздорожать предметы ввоза и подешевѣть предметы вывоза. См. прилож. № 41.

на пограничныхъ коморахъ товары подлежали переписи для того, чтобы согласно этой переписи могли производиться на мѣстѣ склада ихъ оцѣнка и взиманіе побора. Это дѣло возлагалось на особыхъ бирчихъ, которыхъ должны были выбрать изъ среды себя мѣщане, при чемъ никто не долженъ былъ отказываться отъ этой обязанности, за отправленіе которой господарь обѣщалъ назначить вознагражденіе. Поборъ предполагалось взять не только съ тѣхъ товаровъ, которые должны были впредь ввозиться въ великое княжество, но и съ тѣхъ, которые уже были ввезены. Для приведенія въ исполненіе этого постановленія мѣщане должны были выбрать изъ своей среды сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, которые должны были имѣть въ своей вѣдомости всѣхъ домохозяевъ и ихъ гостей и ставить на ратушѣ тѣхъ, у кого найдутся товары, привезенные изъ-за границы. Эти купцы обязывались подъ присягою показать, сколько у нихъ такихъ товаровъ, а выбранные поборцы вмѣстѣ съ господарскимъ дворяниномъ, нарочно для этого отряженнымъ, переписать эти товары и взять съ нихъ поборъ—половину на Крещенье, а другую половину на второй недѣлѣ Великаго поста. Иноземные купцы, не имѣющіе осѣдлости въ великомъ княжествѣ, должны были при этомъ представлять надежную поруку въ томъ, что уплатятъ поборъ своевременно, или же уплачивать поборъ немедленно. Владѣльческіе люди, торговавшіе въ мѣстахъ товаромъ иноземнаго привоза, обязывались заявлять о нихъ своему уряду при тѣхъ же бирчихъ и платить поборъ въ вышеуказанные сроки. Такой порядокъ долженъ былъ соблюдаться и впредь, пока не кончится война, при чемъ какъ сами купцы за утайку товаровъ, такъ и бирчіе за пособничество подлежали конфискаціи всѣхъ маетностей. Кромѣ побора съ предметовъ вывоза и ввоза, господарь и паны-рада на Виленскомъ сеймѣ 1561 года постановили взимать поборъ по опредѣленной таксѣ съ помола всѣхъ тѣхъ, кто мелетъ пшеницу, рожь, солодъ и крупу на мельницахъ или на домашнихъ жерновахъ для продажи, а равно съ матеріаловъ производства пива, меда и горѣлки, приготовляемыхъ на «шинкъ». Этотъ поборъ въ господарскихъ мѣстахъ должны были собирать войты и другіе мѣстскіе урядники, а по селамъ—войты и лавники вмѣстѣ съ двумя достойными вѣры мужами и отдавать въ руки господарскому дворянину каждыя четыре недѣли. Въ имѣньяхъ князей, пановъ и бояръ-шляхты поборъ долженъ былъ собираться ихъ урядниками и идти въ пользу владѣльцевъ, чтобы они «тымъ можъней и способъней на службу речи посполитое выправовалися», и чтобы каждый ѣхалъ на войну, имѣя слугъ въ одинаковомъ одѣяніи, на рослыхъ коняхъ и въ уставномъ вооруженіи. Владѣльцамъ запрещалось осво-

бождать своихъ людей отъ этого побора, дабы этою льготою не привлекать къ себѣ въ имѣнья торговыхъ людей изъ господарскихъ мѣстъ и людей. Поэтому, если кто нибудь изъ нихъ вздумалъ бы не брать побора «съ млыновъ и корчомъ», то поборъ предписывалось взимать господарскимъ поборцамъ на нужды рѣчи посполитой[247]). Всѣ грамоты, въ силу коихъ отдѣльныя лица или цѣлыя общества освобождались отъ платежа пошлинъ съ товаровъ, кассировались на все время войны. Всѣ поборцы ставились подъ присудъ и «послушенство» подскарбія земскаго, который имѣлъ судить ихъ по жалобамъ на злоупотребленія, давать имъ «науку» и приказанія. Господарь обязывался не отдавать поборовъ въ аренду или въ чье нибудь завѣдыванье помимо представленія подскарбія земскаго. Послѣднему предоставлялось также вознаграждать поборцевъ за ихъ трудъ и старанье по своему усмотрѣнію, смѣщать неисправныхъ и нерадивыхъ и установлять другихъ на ихъ мѣсто, представлять господарю объ увольненіи отъ платежа поборовъ по бѣдности или по случаю разоренья отъ служебныхъ людей. Собранныя деньги поскарбію предоставлялось расходовать по приказанію господаря, а въ его отсутствіе «зъ сполное намовы» съ панамирадою, на служебныхъ и на оборону земли Лифляндской, а также на снабженіе украинныхъ замковъ и на другія нужды господарскія и земскія. При этомъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ отъ подскарбія имѣли приниматься не только «квиты» господаря и пановъ-рады, но и простые реестры произведенныхъ имъ расходовъ. Господарь вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрялъ подскарбію отдавать въ аренду фольварки господарскихъ дворовъ урядникамъ «на пожитокъ скарбу»[248]).

Полномочія, данныя подскарбію земскому 7 декабря 1561 года, знаменуютъ собою новый моментъ въ развитіи его должности. Они показываютъ, что подскарбій земскій великаго княжества Литовскаго уже далеко ушелъ отъ первоначальной своей роли—казначея при центральной государственной кассѣ и подошелъ къ роли министра финансовъ въ нашемъ смыслѣ, сдѣлался высшимъ довѣреннымъ сановникомъ съ правомъ иниціативы, обязаннымъ не только исполнять приказанія свыше, но и самостоятельно дѣйствовать и распоряжаться во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ. Надо сказать, что эта эволюція должности подскарбія земскаго произошла не вдругъ, а исподоволь, и была естественнымъ послѣдствіемъ роста и усложенія задачъ государственнаго управленія вообще, и финансоваго въ частности. Въ своемъ мѣстѣ (стр. 410, 411)

---

[247]) Приложеніе № 39.

[248]) Приложеніе № 40.

мы уже отмѣчали возвышеніе поскарбія земскаго къ концу великокняженія Сигизмунда I. Но это возвышеніе, какъ было сказано, носило пока еще личный характеръ, вытекало изъ особаго довѣрія и расположенія господаря къ пану Ивану Горностаю. При Сигизмундѣ Августѣ можно уже констатировать должностное возвышеніе подскарбія земскаго, въ силу данныхъ ему по закону полномочій. Это возвышеніе стояло прежде всего въ связи съ реформами господарскаго хозяйства въ частности со введеніемъ волочной помѣры и уставы.

Заботясь о размноженіи пожитковъ съ своихъ дворовъ и волостей, Сигизмундъ Августъ предпринялъ новое размежеваніе крестьянскихъ участковъ [249]) съ цѣлью уравнять ихъ и внести больше однообразія въ систему обложенія крестьянъ повинностями [250]), увеличить свои доходы вымѣромъ и раздачею крестьянамъ новыхъ земельныхъ участковъ [251]), а также переложеніемъ различныхъ специальныхъ повинностей крестьянъ на чиншъ и барщину. Для производства этого измѣренія на волоки, для введенія въ дѣйствіе новой системы повин-

---

[249]) До Сигизмунда Августа земли помѣрялись на волоки только на Подляшьѣ. Относящіяся до этого свидѣтельства актовъ приведены въ нашемъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства», стр. 462—464. Въ дополненіе къ нимъ укажемъ еще на измѣреніе земель Кіевецкой волости Берестейскаго повѣта и земель села Мощонокъ Мельницкаго повѣта, производившееся около 1533 года (Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 384—385; Судныхъ дѣлъ VII, л. 104—106), а также на измѣреніе земель Бѣльскаго повѣта, производившееся по распоряженію королевы Боны (Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 1—3; XXXVII, л. 401).

[250]) О неравенствѣ крестьянскихъ участковъ и лежавшихъ на нихъ повинностей до волочнаго измѣренія см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 438—462.

[251]) Волочная помѣра предпринята была несомнѣнно вслѣдствіе того между прочимъ, что господствовавшій строй крестьянскаго землевладѣнія оставлялъ съ одной стороны много земель безъ обработки, а съ другой—много рабочихъ крестьянскихъ рукъ безъ надлежащаго приложенія. Характерное указаніе даетъ на это заявленіе пана Миколая Войтеховича Ясеньскаго, просившаго у короля разрѣшенія произвести волочную помѣру въ Любошанской волости, находившейся въ его держаніи (въ мартѣ 1570 года). Ясеньскій «ознаймилъ» королю, «же въ той волости Любошанской много земель пустыхъ неоселыхъ, ку пашни годныхъ, естъ, а подъданые наши тамошние, хотя кожъдый зъ нихъ не мало кгрунтовъ подъ собою держить, предъся черезъ тые вси лета прошлые платовъ водле уставы сполна не выдаютъ и оседати инымъ не допускаютъ, отчинами по своему обычаю называючи» и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 265, 266.

ностей и для дальнѣйшаго руководства и контроля по веденію господарскаго хозяйства, по сбору и расходованію господарскихъ доходовъ въ волостяхъ, помѣренныхъ на волоки, Сигизмундъ Августъ учредилъ цѣлый штатъ должностныхъ лицъ подъ названіемъ ревизоровъ, помѣрчихъ и мѣрниковъ подъ ближайшимъ руководствомъ такъ называемаго «справцы пожитковъ дворовъ господарскихъ». Всѣ эти новыя должностныя лица оказались въ сущности мѣстными агентами подскарбія земскаго, которому отдано было въ руки высшее управленіе господарскимъ хозяйствомъ и веденіе центральной отчетности. Ревизоры съ своими докладами должны были съѣзжаться въ Вильну къ подскарбію, при которомъ въ это время долженъ былъ находиться и главный «справца пожитковъ господарскихъ дворовъ». Подскарбій въ случаѣ смерти какого-либо державцы или старосты посылалъ ревизора для переписи оставшагося въ господарскомъ дворѣ имущества и для управленія державою впредь до назначенія новаго державцы; подскарбію въ случаѣ отсутствія господаря ревизоры докладывали о тѣхъ урядникахъ, которые не пожелали отвѣчать передъ ними по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ; у подскарбія въ отсутствіе господаря ревизоры и державцы брали разрѣшеніе на возведеніе значительныхъ построекъ; подскарбій же давалъ разрѣшеніе на засѣвъ господарской пашни старымъ зерномъ или купленнымъ, или взятымъ изъ другого двора, въ случаѣ недостатка зерна новаго урожая; онъ же разрѣшалъ давать хлѣбъ господарскимъ крестьянамъ въ «отсопъ», сдавать въ аренду шинки и т. д. Новая устава подчинила подскарбію земскому въ отношеніи отчетности и старинныхъ дворцовыхъ управителей—старостъ, державцевъ и тивуновъ, городничихъ, ключниковъ, неводничихъ, бобровничихъ и т. д., которые прежде усчитывались особыми коммиссарами изъ пановъ радныхъ и писарей, а съ 1529 года коммиссіями изъ воеводы даннаго повѣта, маршалка дворнаго и подскарбія земскаго (стр. 404). Теперь всѣ эти дворцовые управители должны были сдавать деньги и отчеты уже подскарбію земскому или одному изъ его ближайшихъ помощниковъ, писарю скарбному, и получать отъ нихъ квитанціи, уплачивая за нихъ по 2 гроша. Для принятія этихъ отчетовъ въ скарбѣ установлена была извѣстная очередь. Подскарбію предоставлено было право по докладу господарю объ урядникахъ, не сдавшихъ въ срокъ денегъ и отчета, отбирать у нихъ имѣнья и прилучать ихъ къ какому-либо господарскому двору или же отдавать ихъ въ заставу постороннимъ лицамъ въ извѣстной суммѣ впредь до сдачи денегъ и отчета, а въ томъ случаѣ, если бы имѣнье не стоило предполагаемой недоимки, отстранять урядниковъ отъ должности впредь до полученія указаній го-

сподаря, что далѣе дѣлать съ такими урядниками [252]).—Дальнѣйшее возвышеніе должности подскарбія земскаго находилось уже въ связи съ Ливонскою войною. Эта война, быстро поглощавшая средства земскаго скарба, еще болѣе, чѣмъ волочная устава, потребовала отъ финансоваго управленія великаго княжества личной энергіи, заботливости и изворотливости и заставила литовско-русскаго государя, и безъ того занятаго множествомъ хлопотъ и дѣлъ всякаго рода, возложить его преимущественно на свѣдущихъ и опытныхъ людей въ должности подскарбія земскаго, снабдивъ ихъ по возможности широкими полномочіями. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи и данъ былъ на сеймѣ 1561 года, а за нимъ послѣдовали и другія распоряженія въ томъ же родѣ, сдѣлавшія въ концѣ концовъ подскарбія земскаго болѣе или менѣе самостоятельнымъ правителемъ своего вѣдомства. — Но возвратимся къ сейму 1561 года.

Изъ господарскаго листа, разосланнаго въ іюлѣ 1562 года по всѣмъ старостамъ, державцамъ и тивунамъ видно, что предъ этимъ господарь постановилъ собрать съ своихъ подданныхъ серебщину въ виду того, что «потребы великие земские для обороны границъ паньства и подданыхъ» господарскихъ на скарбъ господарскій пришли. Сборъ серебщины съ господарскихъ подданныхъ, по всѣмъ даннымъ, рѣшенъ былъ въ принципѣ уже на Виленскомъ сеймѣ 1561 года. По крайней мѣрѣ, въ оглавленіи книги Метрики, въ которой записанъ этотъ листъ, объявляемая имъ серебщина помѣчена ухваленною на сеймѣ 1561 года. Серебщина налагалась въ размѣрѣ 20 копъ грошей съ волоки или, гдѣ нѣтъ волочнаго измѣренія, съ полной (парной) воловьей или конской сохи; съ полволоки или полсохи предписывалось собирать—10 грошей, съ морга—по 7 пенязей, съ 4 прутовъ—1 пенязь; съ тѣхъ, у кого не было воловъ, но полная земля—10 грошей, съ огорода—5 грошей. Серебщину должны были выбрать съ господарскихъ людей мѣстные урядники, взимая бирчаго по одному пенязю съ каждой волоки или сохи и по одному пенязю писчаго. Собранную серебщину имъ приказывалось представить въ скарбъ не позднѣе недѣли по св. Михаилѣ (29 сентября) [253]).

На Виленскомъ сеймѣ 1561 года господарь выдалъ станамъ для предварительнаго ознакомленія вновь исправленный статутъ. Но окончательное его разсмотрѣніе и утвержденіе отложено было до будущаго

[252]) Акты Зап. Рос. III. № 19.
[253]) Приложеніе № 42.

сейма. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ изъ тѣхъ заявленій, которыя сдѣлалъ господарь на слѣдующемъ Виленскомъ сеймѣ 1563 года [254]).

Распоряженіе короля о сборѣ серебщины съ господарскихъ подданныхъ обусловилось тѣми огромными расходами, которыя пришлось понести скарбу со времени сейма 1561 года. За все это время на жалованьѣ литовскаго правительства находилось большое количество наемныхъ служебныхъ, съ которыми оперировали литовскіе военачальники противъ москвитянъ въ Ливоніи и въ пограничныхъ областяхъ великаго княжества. Мы видѣли, что универсаломъ отъ 8 декабря 1561 года военно-служилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества приказано было становиться на Рождество въ замкѣ Трикатѣ въ Ливоніи подъ начальствомъ гетмана наивысшаго пана Миколая Юрьевича Радивила. Но еще ранѣе сбора земскаго ополченія въ Ливонію отряженъ былъ гетманъ дворный, панъ Троцкій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ съ ополченіемъ Жмудской земли и съ наемными служебными. Туда же должно было придти и наемное войско, навербованное въ Польшѣ, подъ начальствомъ Флоріана Зебржидовскаго [255]). Земское ополченіе, впрочемъ, не собиралось къ объявленному сроку въ Трикатѣ, ибо по прибытіи Ходкевича въ Ливонію война на время пріостановилась. Ходкевичъ по пріѣздѣ въ Ливонію, не начиная враждебныхъ дѣйствій, отправилъ къ Дерптскому воеводѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его, что онъ хочетъ хлопотать у своего государя о заключеніи мира, лишь бы и воевода съ своей стороны сдѣлалъ подобные же шаги у своего. Спустя нѣкоторое время воевода отвѣчалъ, что онъ исполнилъ то, о чемъ просилъ его Ходкевичъ, и изъ Москвы ему написали, что царь желаетъ мира съ королемъ; теперь дѣло только за Ходкевичемъ: пусть хлопочетъ у короля и пановъ-рады, чтобы скорѣе посылали пословъ въ Москву. Ходкевичъ оправился въ Вильну для доклада о своихъ переговорахъ и полученныхъ предложеніяхъ, сдавъ команду князю Александру Полубенскому и условившись съ московскимъ воеводою не начинать военныхъ дѣйствій впредь до полученія инструкцій отъ своихъ правительствъ [256]). По полученіи этихъ вѣстей отъ Ходкевича Сигизмундъ пріостановилъ объявленную мобилизацію земскаго ополченія, а въ Москву въ концѣ января 1562 года отправилъ дворянина Боркулаба Корсака съ грамотою, въ которой ставилъ

---

[254]) Акты Зап. Рос. III, № 33, стр. 130.

[255]) Приложеніе № 38; *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 449, 450.

[256]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 450.

на видъ царю, что онъ, король, съ своей стороны никогда не хотѣлъ «нежитья и неприязни» съ Московскимъ государемъ и многократно посылалъ къ нему своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ; если миръ до сихъ поръ не заключенъ, то это по винѣ Московскаго государя, который не прекращаетъ кровопролитья въ землѣ Ливонской, состоящей подъ обороною короля, не даетъ удовлетворенія по другимъ пограничнымъ обидамъ и отпускаетъ ни съ чѣмъ посылаемыхъ къ нему пословъ; чтобы засвидѣтельствовать о своемъ желаніи жить въ мирѣ и избѣгать кровопролитья, онъ, король, и на этотъ разъ отправляетъ своего посла съ предложеніемъ прекратить войну въ Ливоніи и дать удовлетвореніе по всѣмъ пограничнымъ обидамъ; въ противномъ же случаѣ онъ намѣревается «поискивать» своей справедливости, сколько ему Богъ поможетъ, возлагая отвѣтственность за пролитье невинной крови на Московскаго государя. Въ этомъ же родѣ поручено было Корсаку сдѣлать и устныя заявленія отъ имени короля [257]). Паны-рада съ своей стороны написали митрополиту Макарію и боярамъ, чтобы они склоняли своего государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи, которая искони припадлежала королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ. Миссія Корсака и на этотъ разъ не имѣла никакого успѣха и повела только къ новымъ непріятнымъ объясненіямъ. Царь отвѣчалъ королю, что въ его писаньѣ нѣтъ искренности и правды, что вовсе онъ не желаетъ мира, хотя и присылаетъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Въ доказательство царь ссылался на собственное письмо короля къ Перекопскому хану, посланное одновременно съ отправленіемъ Яна Шимковича въ Москву, въ которомъ король увѣдомлялъ хана, что посолъ отправленъ не дѣлать дѣло, а разодрать его... Бояре съ своей стороны выговаривали панамъ цѣлый рядъ неправдъ ихъ государя: не признаетъ царскаго титула за Московскимъ государемъ, наводитъ крымскихъ татаръ на Сѣверскую украйну, измышляетъ притязанія на Ливонскую землю, называя ее то даромъ императора, то своею отчиною, и впадая въ постоянное противорѣчіе съ самимъ собою, между тѣмъ какъ Ливонія изстари отчина Московскаго государя, и предки короля, Ягайло и Витовтъ, по свидѣтельству литовскихъ хроникъ, ходили туда за помощью, нанимали тамъ людей на свою службу, чего, конечно, имъ не пристало бы дѣлать, если бы Ливонія была ихъ отчиною [258]).

---

[257]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, томъ I, № 136, 137.

[258]) *Kojalowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 451, 452.

Царь и бояре не только рѣзко отвѣчали на посольство Корсака, но и не замедлили съ военными дѣйствіями. Пока литовскій гонецъ находился еще въ Москвѣ, они не трогали Ливоніи, гдѣ стояло наготовѣ Литовское войско, но зато неожиданно напали на Бѣлоруссію и сильно опустошили окрестности Витебска, Дубровны, Орши, Копыса и Шклова. По полученіи объ этомъ извѣстія, въ началѣ апрѣля 1562 года, король разослалъ всѣмъ державцамъ украинныхъ со стороны Москвы замковъ приказъ, чтобы они, оставивъ въ замкахъ достаточное число своихъ служебниковъ и господарскихъ подданныхъ и условившись между собою, шли жечь и плѣнить непріятельскія волости. Державцамъ поручалось вербовать на службу казаковъ и крестьянъ, назначая къ нимъ десятниковъ изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ людей [259]). Вслѣдъ за тѣмъ король разослалъ приказы о выступленіи на войну всѣмъ военно служилымъ землевладѣльцамъ великаго княжества. Волынскимъ землевладѣльцамъ приказано было идти съ своими почтами въ Рѣчицу и становиться тамъ подъ команду старосты Луцкаго и Вѣницкаго кн. Богуша Ѳодоровича Корецкаго на день св. Николы (9 мая); князьямъ Друцкимъ, Соколинскимъ и Лукомскимъ приказано было идти съ почтами къ Оршѣ и становиться тамъ подъ команду маршалка, старосты Слонимскаго, пана Григорія Воловича также на день св. Николы [260]). Ополченіямъ земель Подляшской и Литовской приказано было собираться подъ команду гетмана наивысшаго на Друцкихъ поляхъ на седьмую субботу (16 мая) [261]); Жмудскимъ тивунамъ и шляхтѣ велѣно было ѣхать съ гетманомъ дворнымъ Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ въ Лифляндскую землю и быть подъ его знаменемъ на день св. Яна (24 іюня) въ имѣньѣ пана Остика въ Новомъ мѣстѣ [262]). Москвитяне ушли изъ предѣловъ великаго княжества еще до сбора земскаго ополченія [263]), такъ что Радивилу не пришлось имѣть съ ними дѣла на территоріи великаго княжества. Опустошивъ Смоленскую область и подкрѣпивъ людьми гарнизоны Поднѣпрскихъ замковъ, Радивилъ двинулся черезъ Витебскую область къ Велижу и

---

[259]) Листы посланы были въ Любечъ, Мозырь, Чичерскъ и Пропойскъ, Рѣчицу, Рогачевъ, Гомій, Полоцкъ, Витебскъ, Озерище, Мстиславль, Кричевъ и Могилевъ. Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 93—94.

[260]) Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 95, 98.

[261]) Тамъ же, л. 99—102, 111.

[262]) Тамъ же, л. 112.

[263]) Московское войско лѣтомъ 1562 года стягивалось на югѣ подъ начальствомъ кн. Владиміра Андреевича въ ожиданіи нападенія Крымскаго хана.

сжегъ посадъ этого города, но самого города не могъ взять по неимѣнію осадныхъ орудій. На этомъ и кончились военныя дѣйствія 1562 года, послѣ чего земское ополченіе распущено было по домамъ для того, чтобы запастись вновь провіантомъ и приготовиться выступить въ походъ по первому зову. Впрочемъ, далеко не всѣ военно-служилые землевладѣльцы были распущены по домамъ. Тѣ изъ нихъ, которые опоздали и не явились въ срокъ на военную службу, были оставлены дослуживать пропущенное время подъ начальствомъ «справцевъ мѣста гетманскаго» – воеводы Подляшскаго пана Василья Тишковича и подчашія Миколая Кишки.

Роспускъ земскаго ополченія состоялся по просьбѣ всѣхъ становъ, собравшихся при панѣ гетманѣ великомъ,—пановъ-рады, княжатъ, панятъ, старостъ, державцевъ, намѣстниковъ, хоружихъ, бояръ, дворянъ и всего рыцарства, которые посылали къ господарю съ этою цѣлью свою братью—стольника, державцу Плотельскаго и Тельшовскаго, Яна Еронимовича Ходкевича и тивуна Берженьскаго Мальхера Шемета. Изъ отвѣта, даннаго господаремъ, на это посольство, видно, что станы посылали къ господарю изъ военнаго лагеря и другія просьбы, на которыя господарь далъ отвѣтъ съ тѣми же уполномоченными[264]). Въ чемъ состояли эти просьбы, на это находимъ указаніе въ актѣ и замѣткахъ, помѣщенныхъ въ дневникѣ Варшавскаго сейма 1563—1564 года. Оказывается, что литовско-русская шляхта, измученная постоянными походами и потерявъ увѣренность въ собственныхъ силахъ, уговорилась не обращать вниманія на своихъ магнатовъ и во чтобы то ни стало добиваться заключенія уніи съ Польшею. Составленъ былъ особый актъ этого уговора, который и былъ посланъ къ королю въ Вильну. Актъ гласилъ, что шляхта, находящаяся подъ Витебскомъ, покорно проситъ о заключеніи уніи съ Польшею, дабы имѣть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездѣтности нынѣшняго короля, пользоваться одинаковыми съ ними правами и вольностями и сообща обороняться отъ враговъ; для заключенія этой уніи шляхта имѣетъ право послать своихъ пословъ къ полякамъ съ вѣдома короля и пановъ-рады и поэтому проситъ короля назначить общій польско-литовскій сеймъ; отъ этого намѣренія шляхта согласилась не отказываться, какъ бы не старались отклонить ее отъ этого новымъ статутомъ или какими-либо другими уступками; каждый изъ участниковъ настоящаго договора обязался не

[264]) Приложеніе № 43.

вдаваться ни въ какія совѣщанія, не ухвалять серебщинъ и другихъ податковъ прежде, чѣмъ не будетъ исполнено общее желаніе касательно сейма и уніи съ поляками; ко всѣмъ отсутствующимъ, въ особенности къ Жмудскимъ панамъ, имѣетъ быть послано приглашеніе присоединиться лично или заочно къ настоящему соглашенію,—а кто не присоединится или, присоединившись, отступитъ отъ него, тотъ будетъ считаться недругомъ своего отечества и исключается изъ сообщества шляхты; земянинъ или сынъ земянскій, состоящій на службѣ у пана, не сочувствующаго настоящему соглашенію или отступившаго отъ него, не можетъ отговариваться этимъ, но долженъ самостоятельно и мужественно стать за общее дѣло; кто по этой причинѣ подвергнется преслѣдованію или обидѣ, за того должны стать всѣ другіе, ближайшіе къ нему, участники соглашенія и всячески помогать ему [265]). Все это соглашеніе по характеру своему является ничѣмъ инымъ, какъ актомъ *конфедераціи* литовско-русской шляхты, выступившей самостоятельно и независимо отъ князей и пановъ, которые до сихъ поръ доминировали въ политическихъ вопросахъ. Этотъ актъ обнаруживаетъ значительные успѣхи политическаго самосознанія и эмансипаціи отъ вліянія магнатовъ, достигнутые литовско-русскою шляхтою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знаменуетъ собою и радикальный поворотъ въ отношеніяхъ между великимъ княжествомъ и короною. Отчужденіе отъ Польши, господствовавшее до сихъ поръ въ Литвѣ и переходившее по временамъ въ глухую вражду, съ политическимъ возвышеніемъ шляхты начинаетъ смѣняться тяготѣніемъ къ этому государству, ставшему обѣтованною землею для шляхетскаго сословія, воплощеніемъ идеала золотой шляхетской вольности.

§ 7.

Исполняя просьбу литовцевъ, Сигизмундъ Августъ возбудилъ вопросъ объ уніи на коронномъ Петрковскомъ сеймѣ, который собрался

---

[265]) *Dzialyńskiego* Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, str. 367, 368. Замѣтка сеймоваго дневника гласитъ: O Lithewskiej Uniej była zminka wielka, bo wiedzieli Posłowie ziemscy, że sama Litwa solicitowała o nię Kroła, i z wojska od Witepska jawnie poselstwo byli wyprawili do Wilna ku Królowi, prosząc: aby Unię im z Polską dokonał (o czem jest wyżej dostatecznej wypisano); solicitowali o to wszytka szlachta Litewska, ale się temu Panów nieco sprzeciwiało, z których przedniejsi byli: Pan Mikołaj Radziwiłł, Wojewoda Wileński, Kanczlerz, Marszałek, Hetman i wielkich dzierżaw w onem Xięstwie Wielki Pan z Łaską wielka. (Ibidem, str. 157).

къ 22 ноября 1562 года. На это имѣются указанія въ актахъ, относящихся до этого сейма, и въ сохранившемся дневникѣ этого сейма[266]). Но заняться обсужденіемъ и рѣшеніемъ этого вопроса сейму не пришлось на этотъ разъ, такъ какъ король долженъ былъ за «гвалтовною потребою» выѣхать въ великое княжество, и сеймъ разъѣхался, прервавъ свои занятія [267]). Короля вызвало въ великое княжество извѣстіе о завоеваніи Полоцка Московскимъ государемъ и о страшной опасности, которая угрожаетъ самой Литвѣ отъ этого непріятеля.

Передъ выѣздомъ изъ великаго княжества на Петрковскій сеймъ, въ началѣ ноября 1562 года въ Городнѣ [268]) король велѣлъ написать военные листы и разослать ихъ по великому княжеству. Въ этихъ листахъ онъ приказывалъ всѣмъ военно-служилымъ землевладѣльцамъ Литовской земли, Жмуди и Подляшья снаряжаться въ походъ и идти въ Минскъ подъ начальство гетмана наивысшаго пана Николая Юрьевича Радивила ко дню св. Николы (8 декабря) [269]); землевладѣльцамъ Волынской земли король приказывалъ собраться къ тому же дню въ Рѣчицѣ подъ командою старосты Луцкаго, Браславскаго и Вѣницкаго кн. Богуша Ѳедоровича Корецкаго. Король объяснялъ свой приказъ тѣмъ, что непріятель, великій князь Московскій, наполнившись злымъ умысломъ на великое княжество Литовское, собираетъ свое войско[270]). Въ Литвѣ, значитъ, прослышали о приготовленіи царя къ походу въ великое княжество [271]) и готовились его встрѣтить. Но только обманулись въ расчетахъ относительно того, гдѣ можетъ произойти эта встрѣча: москвитянъ, очевидно, поджидали изъ Смоленской земли, а они явились совсѣмъ не оттуда.

Въ концѣ января 1563 года паны-рада, находившіеся въ Вильнѣ, получили отъ воеводы Полоцкаго Станислава Довойна донесеніе со словъ одного московскаго перебѣжчика, что великій князь Московскій 13 января выступилъ изъ Великихъ Лукъ, 16-го прибылъ въ Невель и отсюда намѣревается идти добывать Полоцкъ. Паны-рада разослали

---

266) *Działyńskiego* Źródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i W. Księstwa Litewskiego, część II, oddział I, str. 10, 161, 162.

267) Ibidem, str. 144.

268) По датамъ актовъ король находился въ Городнѣ 2—4 ноября 1562 г. См. Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 434, 435; XLIV, л. 62, 63.

269) Литов. Метр. кн. Переписей Литовскихъ VII, л. 131—133.

270) Тамъ же, л. 134.

271) Объ этихъ приготовленіяхъ см. *Карамзина* Исторію Государства Россійскаго, т. IX, стр. 21.

немедленно приказъ всѣмъ военно-служилымъ землевладѣльцамъ идти немедленно, «яко на кгвалтъ», въ Долгиновъ, гдѣ должно собраться все земское ополченіе и наемныя войска; идти въ походъ предписывалось всѣмъ безъ исключенія, «отецъ сыномъ, братъ братомъ ани поплечникомъ не вымовляючися»[272]). Но этотъ приказъ уже запоздалъ. Московскій государь взялъ Полоцкъ прежде, чѣмъ собрались всѣ ратные литовскіе люди[273]). Гетманъ Радивилъ, получивъ извѣстіе объ осадѣ Полоцка, съ немногими повѣтами, съ 2000 литовскихъ жолнеровъ и 1400 польскихъ, не дождаясь остального войска двинулся было на выручку Полоцка. Но узнавъ объ огромныхъ силахъ непріятеля, остановился въ восьми миляхъ отъ Полоцка и не рѣшился вступить въ бой. 15 февраля 1563 года Полоцкъ былъ взятъ москвитянами[274]). По полученіи объ этомъ извѣстія гетманъ отступилъ опять къ Минску. Въ виду того, что московскія войска изъ подъ Полоцка начали уже наступать на Литву и Жмудь, находившіеся въ литовскомъ войскѣ паны-радные — воевода Виленскій и канцлеръ Миколай Яновичъ Радивилъ, воевода Троцкій и гетманъ наивысшій Миколай Юрьевичъ Радивилъ, панъ Троцкій и гетманъ дворный Григорій Александровичъ Ходкевича, сознавая невозможность борьбы, послали гонца къ московскимъ воеводамъ—кн. Ивану Димитріевичу Бѣльскому, кн. Петру Ивановичу Шуйскому и боярину Ивану Петровичу Яковлевича Захарьину просить перемирія, обѣщаясь тѣмъ временемъ прислать пословъ для переговоровъ о мирѣ. Царь, довольный своими успѣхами, смягчился и разрѣшилъ боярамъ заключить перемиріе съ панами до Успеньева дня

---

[272]) Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 147.

[273]) Несмотря на приказы, разосланные еще въ ноябрѣ, литовскіе землевладѣльцы не спѣшили ѣхать въ лагерь къ гетману. И новый приказъ пановъ-рады не произвелъ желаннаго дѣйствія, какъ это видно изъ разсказа Стрыйковскаго. По словамъ Кояловича. ex nobilitate pauci admodum confluxerunt: quod et repentina bellandi necessitas imparatos occupasset, et incommodum bello tempus pluribus indigeret (Historiae Litvanae pars II, p. 455). Надо замѣтить, что и само правительство не взыскивало за неявку на войну къ сроку такъ строго, какъ объ этомъ публиковалось въ военныхъ листахъ, очевидно, снисходя къ трудности и даже невозможности для многихъ военно-служилыхъ людей прибыть въ срокъ къ гетману. Обыкновенно запоздавшихъ заставляли отслуживать пропущенное время послѣ роспуска главнаго войска, въ гарнизонахъ или отрядахъ, оставляемыхъ на границѣ на всякій случай или подвергали ихъ какому нибудь другому взысканію, не по буквѣ военныхъ универсаловъ (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 139, 140).

[274]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 413.

1563 года, послѣ чего, оставивъ въ Полоцкѣ кн. Петра Ивановича Шуйскаго съ отрядомъ войска, самъ съ главными силами возвратился въ Москву [275]).

Потеря Полоцка произвела удручающее впечатлѣніе на литовское правительство. Король по полученіи объ немъ извѣстія неоднократно плакалъ. Паны-рада въ сознаніи серьезности положенія просили короля о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Литву и созывѣ вальнаго сейма для обсужденія и принятія мѣръ къ возвращенію Полоцка и защитѣ государства. Поэтому еще изъ Петркова король прислалъ въ скарбъ сеймовые листы для разсылки по всему великому княжеству станамъ, «сойму належачимъ». Въ этихъ листахъ король объявлялъ, что «для важныхъ а пильныхъ потребъ» своего отчиннаго государства, великаго княжества Литовскаго, и особенно для обсужденія вопроса о «выпятіи» Полоцка изъ рукъ непріятеля, онъ назначаетъ всѣмъ землямъ великаго княжества вальный соймъ на 12 мая [276]).

Съ прибытіемъ короля въ Вильну начались совѣщанія правительства съ станами сейма о дальнѣйшей борьбѣ съ Москвою. Станы сознали, что значительная доля вины въ утратѣ Полоцка падаетъ на военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которые не явились своевременно на войну или не привели сполна своихъ «почтовъ», и въ формѣ просьбъ къ господарю намѣтили цѣлый рядъ постановленій въ цѣляхъ наиболѣе полнаго и исправнаго отбыванія военной службы землевладѣльцами шляхетскаго званія. Господарь принялъ большинство этихъ предложеній и съ своей стороны дополнилъ ихъ нѣкоторыми постановленіями. Въ результатѣ вышелъ цѣлый рядъ сеймовыхъ опредѣленій касательно отбыванія военной службы. Постановлено было, что всѣ землевладѣльцы—паны-рада, княжата, панята и шляхта должны ставить съ своихъ имѣній отчинныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ почты согласно съ ухвалою Берестейскаго сейма, т. е. съ каждыхъ десяти служебъ крестьянъ ратника въ зброѣ, со щитомъ и копьемъ, на конѣ стоимостью не менѣе 6 копъ грошей. Кто не поставитъ на войну свои

---

[275]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 23, 24; Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, томъ I, № 154, 155; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 1. Извѣстіе о заключеніи этого перемирія дошло на Петрковскій сеймъ въ двадцатыхъ числахъ марта и сильно взволновало поляковъ, которые обвиняли литовскихъ пановъ въ самоволіи и даже подозрѣвали ихъ въ измѣнѣ королю. См. Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, str. 149.

[276]) Приложеніе № 45.

почты сполна, подвергается конфискаціи имѣнья, двѣ трети котораго спадаютъ на господаря, а одна треть на того, кто донесетъ на него; кто выѣдетъ на войну не на добромъ конѣ и не въ надлежащемъ вооруженіи, имѣя возможность снарядиться на войну, какъ слѣдуетъ, тратитъ половину имѣнья и маетности. Съ заставного (заложеннаго) имѣнья долженъ выставлять почетъ тотъ, кто его закупилъ (взялъ въ залогъ), о чемъ при пописѣ долженъ заявить гетману для записи въ реестръ; если же при заключеніи договора онъ выговорилъ себѣ свободу отъ военной службы, тогда военную службу долженъ отправлять тотъ, кто отдавалъ имѣнье въ заставу; буде же онъ не въ состояніи нести ее, тогда долженъ заступить его тотъ, кто закупилъ имѣнье, а свои убытки искать на немъ позже судебнымъ порядкомъ. Съ имѣній, находящихся въ опекѣ у пановъ и шляхты, почты должны выставлять на общемъ основаніи опекуны. Шляхта и на этотъ разъ, какъ не разъ и прежде, ходатайствовала, чтобы паны-рада, канцлеръ, маршалки земскій и дворный, подскарбій земскій и другіе урядники земскіе и дворные, которые держатъ свои уряды «правомъ доживотнымъ», а до скарбу господарскаго платовъ не даютъ, выставляли съ своихъ державъ почты въ размѣрѣ одного коня съ каждыхъ десяти волокъ. Но господарь отклонилъ это ходатайство, указавъ, что паны-рада и всѣ урядники земскіе и дворные, какъ ему хорошо извѣстно, ревностно исполняютъ свои обязанности и служатъ господарю и рѣчи посполитой «съ немалымъ накладомъ своимъ»; и теперь они вызвались добровольно вывести на войну бóльшіе почты, чѣмъ съ нихъ слѣдуетъ. Всѣ военно-служилые землевладѣльцы не только обязаны выставлять сполна свои почты, но и лично являться на войну съ этими почтами. Никто не можетъ подъ страхомъ смертной казни или потери чести слать на войну вмѣсто себя слугу или наймита, за исключеніемъ случаевъ старческой дряхлости, тяжкой болѣзни и пребыванія въ данное время на другой службѣ господарской или земской. Не разрѣшается замѣняться слугами или наймитами даже тѣмъ шляхтичамъ, которые поступили въ мужья въ домъ къ вдовамъ или дѣвицамъ, при чемъ это постановленіе распространяется одинаково какъ на литовцевъ, такъ и на поляковъ. Только старому отцу или «вельми хворому» можно посылать вмѣсто себя взрослаго сына или добраго неосѣдлаго шляхтича, литвина или поляка. Кромѣ того, могутъ посылать вмѣсто себя добрыхъ шляхтичей дворяне, служащіе при господарскомъ дворѣ и берущіе изъ скарба деньги на коней (т. е. служащіе жолнерами), а равно также и тѣ осѣдлые шляхтичи, которые служатъ въ панскихъ почтахъ и берутъ деньги, «датокъ на коня». Шляхта просила было, чтобы шляхтичи,

служащіе въ панскихъ почтахъ, покидали пановъ и становились на своемъ мѣстѣ подъ хоруговью повѣтовою, согласно съ опредѣленіемъ стараго статута. Но господарь на время (до слѣдующаго сейма) отклонилъ это ходатайство, очевидно, желая поощрить изъявленную панами готовность выставить на войну бо́льшіе почты, чѣмъ приходится съ ихъ имѣній по сеймовой ухвалѣ. Онъ постановилъ только, что дворяне господарскіе и осѣдлые татары не должны служить въ почтахъ пановъ-рады, маршалковъ земскаго и дворнаго, писарей и другихъ урядниковъ. Кромѣ того, согласился собрать свѣдѣнія о тѣхъ шляхтичахъ, которые поддались съ своими имѣньями «для обороны» панамъ, и вернуть ихъ въ повѣты. Шляхта просила также, чтобы на войну выѣзжали лично съ своими почтами и становились на своихъ мѣстахъ и всѣ старосты, тивуны, державцы, войскіе, городничіе, ключники, мытники, поборцы, лѣсничіе, завѣдующіе лѣсными работами господаря и войты, держащіе староства (войты подляшскихъ мѣстъ и селъ, состоящихъ на магдебургскомъ правѣ). Господарь отвѣчалъ, что это уже его «власная рѣчь», и онъ распорядится въ ней по своему усмотрѣнію; но, конечно, кто изъ перечисленныхъ должностныхъ лицъ обязанъ съ своихъ имѣній служить военную службу, тотъ пойдетъ на войну съ своимъ почтомъ. Постановлено было затѣмъ, что всѣ листы, освобождающіе отъ военной службы отдѣльныхъ лицъ, подлежатъ сожженію, кромѣ листовъ, выданныхъ увѣчнымъ или престарѣлымъ людямъ, негоднымъ къ военной службѣ, вдовамъ съ малолѣтними дѣтьми, сиротамъ и женамъ тѣхъ мужей, которые находятся въ плѣну. Передъ отправленіемъ на войну хоружіе по старому обычаю должны собрать всю шляхту своихъ повѣтовъ въ опредѣленное заранѣе мѣсто, переписать всѣхъ, кто явится, кто служитъ панамъ, и кто остался дома, для доклада господарю и гетману, а затѣмъ съ прибывшими ѣхать къ гетману, наблюдая, чтобы ни отъ кого изъ шляхтичей не было обиды мѣстнымъ жителямъ. Въ дорогѣ шляхтичи должны покупать все нужное по вольной цѣнѣ, а не по таксѣ, которая должна устанавливаться только гетманомъ послѣ сбора войска; при этомъ никто не долженъ покупать провіанта больше, чѣмъ нужно, и отсылать домой и такимъ путемъ «оголаживать» войско. Всѣ, опоздавшіе явиться къ гетману въ срокъ, подлежатъ взысканіямъ по статуту. При производствѣ «пописа» гетманомъ запрещается шляхтѣ и жолнерамъ ссужать другъ друга конями и вооруженіемъ, подъ страхомъ тѣхъ же каръ, какія полагаются за неявку на службу; кто снабдилъ другого конемъ и вооруженіемъ до отправленія на войну, тотъ не долженъ отбирать у него все это на войнѣ, а только дома, по роспускѣ войска. Во избѣжаніе путаницы и

задержекъ не дозволяется боевыхъ коней впрягать въ воза, а коней изъ обоза брать подъ сѣдла; бѣдные шляхтичи, которые не въ состояніи вывести особаго коня съ возомъ, должны складываться и везти свой провіантъ на одной подводѣ, не обременяя боевыхъ коней. Гетману послѣ «пописа» предоставляется право соединять малочисленныя хоругви въ одну, по своему усмотрѣнію. Изъ войска до «пописа» и послѣ, впредь до самаго роспуска, никто не долженъ самовольно уѣзжать или отсылать своихъ слугъ; нарушившій это запрещеніе наказывается ничѣмъ инымъ, какъ только «горломъ». Передъ роспускомъ каждый долженъ снова представиться гетману со всѣмъ своимъ почтомъ для повѣрки, при чемъ въ счетъ должны идти и тѣ слуги и кони, которые перемерли на войнѣ. Гетманъ собственною властью не долженъ никого освобождать лично или его слугъ отъ военной службы, а равно отъ посылокъ и порученій, и всѣ должны безпрекословно слушаться его и идти туда, куда онъ пошлетъ, въ томъ числѣ и на сторожу. Шляхта просила было, чтобы ее не посылали на сторожу, въ виду того, что она даетъ серебщину на наемъ жолнеровъ, которые и обязаны нести сторожу вмѣстѣ съ господарскими дворянами и татарами. Господарь, соглашаясь съ послѣднимъ, опредѣлилъ однако, что шляхта должна нести сторожу, когда не будетъ доставать жолнеровъ [277]).

Всѣ эти постановленія, за небольшими исключеніями, повторяли въ общемъ то, что опредѣлено было во второмъ раздѣлѣ статута 1529 года и въ болѣе раннихъ военныхъ уставахъ. Сверхъ того, паны-рада, урядники столовые и земскіе, княжата, панята, хоружіе и шляхта, собравшіеся на сеймъ, видя «кгвалтовную потребу речи посполитое» и въ уваженіе къ рѣшимости господаря лично отправиться въ походъ противъ москвитянъ, по доброй волѣ и съ условіемъ, чтобы на будущее время это не пошло имъ въ пошлину, опредѣлили выставить между двумя конными ратниками третьяго пѣшаго съ ручницею или рогатиною и сѣкирою, на слѣдующихъ основаніяхъ: у кого выше десяти и до двадцати служебъ крестьянъ, тотъ долженъ вывести на войну двухъ конныхъ и одного пѣшаго ратника; у кого больше крестьянъ, тотъ долженъ вывести по тому же расчету; у кого десять служебъ и менѣе, тотъ не долженъ ставить пѣшаго ратника. Станы опредѣлили также, чтобы всѣ взрослые сыновья шляхтичей и братья не отдѣленные, если они уже не заступаютъ чье нибудь мѣсто на войнѣ, не оставались дома, а ѣхали на войну въ качествѣ жолнеровъ или слугъ въ панскихъ почтахъ; кто не поѣдетъ, тотъ подвергается тюремному

---

[277]) Акты Зап. Рос. III, № 33.

заключенію въ подземельѣ на двѣнадцать недѣль. Наказанію не подвергаются только тѣ шляхтичи, которымъ не дано денегъ изъ скарба на жолнерскую службу, вопреки ихъ хлопотамъ, или которыхъ не приняли къ себѣ въ почты паны, что должно быть удостовѣрено хоружимъ; кромѣ того, «для приглѣданья дома» можно остаться одному сыну при больномъ отцѣ или одному брату въ отсутствіе остальныхъ[278]). Станы оговорили, что эти опредѣленія должны имѣть силу «на одну тую только теперешнюю потребу военную», и господарь съ своей стороны гарантировалъ имъ это особымъ листомъ (отъ 19 іюня)[279]). Мѣстомъ для сбора земскаго ополченія господарь назначилъ Крево, а срокомъ—1 августа 1563 г.[280]).

Изъявляя готовность на принесеніе патріотическихъ жертвъ сверхъ своихъ повинностей, станы просили господаря привлечь къ военной службѣ съ церковныхъ имѣній духовныхъ римскаго закона—бискуповъ, канониковъ, плебановъ, олтаристовъ, и греческаго закона—митрополита, владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, чернцовъ и поповъ; просили также, чтобы и татары всѣ, сколько ихъ есть въ великомъ княжествѣ, ѣхали на войну, чтобы и мѣщане выправили на войну пѣхотинцевъ, а съ фольварковъ своихъ—и конныхъ ратниковъ, и наконецъ—чтобы всѣ жиды, сколько ихъ есть въ великомъ княжествѣ, выправили на войну двѣ тысячи пѣшихъ и побольше стрѣльцовъ. Господарь отвѣчалъ: духовные римскаго и греческаго закона дадутъ на военныя издержки серебщину съ своихъ людей и выправятъ «почты» съ своихъ свѣтскихъ имѣній по обычаю; вмѣсто же пѣшихъ людей дадутъ господарю податокъ по мѣрѣ своихъ средствъ, собравши синодъ, по примѣру коронного духовенства; татарамъ уже приказано ѣхать на войну[281]); что касается наложенія на мѣщанъ обязанности выставить ратниковъ, то это уже собственное дѣло короля, и онъ распорядится по своему усмотрѣнію; на жидовъ по совѣщаніи съ панами-радою король наложитъ денежный платъ. Это обѣщаніе, какъ показы-

---

[278]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 8—10.

[279]) Акты Зап. Рос. III, № 34; Źrodłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, str. 169—172.

[280]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 8—10.

[281]) Еще 8 мая разосланы были листы до хоружихъ татарскихъ стяговъ: Городенскаго, Новгородскаго, Аирскаго, Троцкаго, Мерешлянскаго, Виленскаго съ приказомъ вести татаръ, состоящихъ подъ ихъ командою, въ землю Ливонскую и становиться въ Вольмарѣ не позже недѣли послѣ Вознесенья (20 мая). Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 5, 6.

ваетъ королевскій листъ отъ 25 іюля 1563 года, разосланный всѣмъ жидовскимъ «сборамъ», было исполнено. Король наложилъ на всѣхъ жидовъ въ великомъ княжествѣ 4000 копъ грошей, по опредѣленной суммѣ на каждую еврейскую общину [282]) и разослалъ своихъ дворянъ для сбора налога въ теченіе двухъ недѣль послѣ предъявленія жидамъ королевскаго листа. Тѣмъ жидамъ, у которыхъ не было готовыхъ денегъ, предоставлено было вносить серебромъ на вѣсъ, считая каждую Краковскую гривну (фунтъ) въ 3 копы и 12 грошей; если бы жиды стали затрудняться въ платежѣ положенныхъ на нихъ суммъ, имъ предоставлено было вносить дворянину по золотому польскому съ каждой головы и по 10% съ своихъ маетностей, по справедливой оцѣнкѣ и «подъ присягою своею жидовскою большою» [283]).—Не полагаясь на силы великаго княжества, станы просили господаря послать немедленно за помощью къ полякамъ. Но король отклонилъ это ходатайство на томъ основаніи, что этою помощью можно заручиться отъ поляковъ только на вальномъ сеймѣ, а этотъ сеймъ долженъ собраться только ко дню св. Мартина. Король порекомендовалъ станамъ послать къ тому времени своихъ пословъ для переговоровъ съ поляками по этому предмету.

Безъ наемныхъ служебныхъ, конечно, нельзя было обойтись въ предстоящей войнѣ, и мы видѣли, что станы сейма въ своихъ опредѣленіяхъ относительно военной службы шляхты имѣли въ виду самую широкую вербовку жолнеровъ. Между тѣмъ средства земскаго скарба были совершенно исчерпаны предшествующими расходами. Новому подскарбію земскому пану Остафію Воловичу, вступившему на эту должность 19 іюля 1561 года до конца этого года удалось обернуться и даже перейти въ слѣдующій, 1562-й, годъ съ значительнымъ запасомъ кассовой наличности благодаря отчасти новымъ займамъ, отчасти усиленному взысканію недоимковъ за прошлые годы. Изъ представленнаго имъ впослѣдствіи (3 іюля 1568 года) отчета видно, что при своемъ вступленіи въ должность онъ принялъ всего въ скарбѣ на 11799 копъ 10 грошей и $1^1/_6$ пенязя суконъ, китаекъ, адамашекъ, аксамитовъ, среброглавовъ, златоглавовъ, мѣховъ разныхъ, коренья, талеровъ и золотыхъ червонныхъ; въ томъ же году до 1 января 1562 года поступило въ скарбъ недоимковъ различныхъ доходовъ съ господарскихъ волостей за 1556, 1558 и 1559 годы, доходовъ съ дво-

---

[282]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 180.

[283]) Тамъ же, № 179.

ровъ, спадшихъ по королевѣ Бонѣ, съ земли Лифляндской, займовъ у мѣщанъ и жидовъ и подъ залогъ драгоцѣнностей, взятыхъ изъ дворнаго скарба [284]), недоимковъ поконевскихъ пенязей и серебщинъ съ владѣльческихъ имѣній за 1554—1556, 1561 годы, съ господарскихъ волостей за 1560 и 1561 годы—всего на 111433 копы, 41 грошъ, 1⅓ пенязя. За это же время подскарбій выдалъ на содержаніе господарскаго стола, на жалованье дворянамъ и разнымъ слугамъ, до кухни, до пивницы, до конюшни, до обоза господарскаго, на конныхъ и пѣшихъ жолнеровъ литовскихъ и польскихъ, на пушкарей, фурмановъ «и на иные выправы, войне належачие», на покупку боевыхъ матеріаловъ, на постройку замковъ, посламъ и гонцамъ, отправлявшимся изъ великаго княжества и пріѣзжавшимъ въ великое княжество, московскимъ перебѣжчикамъ, дворянамъ, разосланнымъ для сбора установленныхъ на сеймѣ 1561 г. поборовъ и для скупки провіанта въ Ливонію, на уплату долговъ, «на подыймованье» господаря, когда онъ собирался ѣхать къ войску, на расходы по пріему архіепископа Рижскаго, магистра Ливонскаго и мѣщанъ Рижскихъ—всего въ общей сложности 72299 копъ, 28 грошей, 7 пенязей. Въ кассѣ скарба, слѣдовательно, къ началу 1562 года было 50933 копы, 9 гр. 5½ пен.[285]). Но слѣдующій годъ войны, сопровождавшійся содержаніемъ большаго наемнаго войска какъ въ Ливоніи[286]), такъ и въ Литвѣ[287]), и другими

---

[284]) Сверхъ этихъ займовъ сдѣланы были еще займы подъ залогъ господарскихъ имѣній. Въ тотъ самый день, когда заключался договоръ о присоединеніи Ливоніи, т. е. 28 ноября 1561 года, король взялъ у писаря скарбнаго Еронима Квилецкаго 700 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему на годъ *два села Ясвоинской волости*, находившейся у него въ держаньѣ, съ условіемъ держать эти села въ заставѣ еще годъ, если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа, и такъ годъ отъ году и далѣе (Литов. Метр. кн. Зап. XLI, л. 234): тогда же король взялъ у пана Габріэля Тарла 4000 золотыхъ «на заплату замку Виндавского, въ земли Лифлянтской лежачого, лянтмаршалку пану Каспору зъ Мунстра» и въ этой суммѣ заставилъ ему *волость Смединскую* Владимірскаго повѣта на годъ съ условіемъ держать въ заставѣ еще годъ, если долгъ не будетъ заплаченъ въ срокъ, и т. д. (Тамъ же, л. 232—233).

[285]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 212—213.

[286]) Въ Ливоніи стояли по замкамъ съ своими товарищами ротмистры: Размусъ Довкгирдъ, Миколай Сопега, Бака, Есьманъ, Млодовскій, Чурило, Русецкій, Стравинскій, Вонсовичъ, Ведменскій, Цедровскій, Кгловинскій, Слуцкій, Корицкій и Клюковскій (Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 135—137).

[287]) Въ Полоцкой землѣ стояло польское наемное войско подъ начальствомъ каштеляна Люблинскаго, старосты Сандецкаго и Бытовицкаго, пана Флоріана Зебржидовскаго (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 32—34, 56—58).

экстренными расходами, поглотилъ и этотъ остатокъ и новыя поступленія и въ концѣ концовъ свелся съ дефицитомъ, который былъ покрытъ, повидимому, собственными средствами подскарбія земскаго и его помощниковъ. Изъ отчета, представленнаго подскарбіемъ, видно, что въ 1562 году поступило въ скарбъ обычныхъ доходовъ съ господарскихъ волостей, поборовъ установленныхъ на сеймѣ 1561 года и позже [288]), денегъ, взятыхъ подъ залогъ господарскихъ имѣній [289]) и серебра, «золотыхъ урочныхъ» отъ жидовъ [290]), серебщины съ господарскихъ имѣній за 1562 годъ — всего въ общей сложности на сумму 228723 копы 4 гроша $2\frac{9}{16}$ пенязя. Въ то же время вышло на содержаніе господарскаго стола и двора, на жолнеровъ своихъ и польскихъ, казаковъ, пятигорскихъ татаръ и на другіе военные расходы, на производство лѣсныхъ работъ, на содержаніе и отправку пословъ своихъ и чужихъ, на пріемъ князя Финляндскаго и на «выправу» княжны Финляндской [291]), на ремонтъ Виленскаго замка,

---

[288]) Въ апрѣлѣ 1562 года господарь съ панами радою въ дополненіе къ уставѣ 1561 года о взиманіи побора съ предметовъ ввоза и вывоза, съ помола и производства напитковъ постановили взимать десятый грошъ съ тѣхъ, кто «исто на лифу даетъ», съ солодовниковъ и хлѣбныхъ торговцевъ, продавцевъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. См. прилож. № 41.

[289]) Въ 1562 году отданы были въ заставу: 8 апрѣля—пану Лукашу Леньскому *держава Жосленская* въ 1000 копахъ грошей на годъ съ правомъ держать еще годъ и т. д. при невыкупѣ въ срокъ (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 7, 8); 18 апрѣля—конюшію Виленскому Яну Юрьевичу Волчковича *фольварокъ Василишскій* въ 1000 копахъ грошей на годъ съ продолженіемъ заставы еще на годъ и т. д. при невыкупѣ въ срокъ (тамъ же, л. 12, 13); 9 мая—радцѣ Виленскому Матею Рудоминѣ *дворъ Утеньскій* въ 8000 копахъ грошей на два года съ правомъ держать въ заставѣ еще два года и т. д. при невыкупѣ въ срокъ (тамъ же, л. 19, 20); въ тотъ же день—хоружію земскому Щасному Герцыку *гумно Радуньское* въ 500 копахъ грошей впредь до уплаты долга (тамъ же, л. 19); 19 октября—пану Станиславу Райскому дворъ *Метели* въ 2000 копахъ грошей на годъ съ продолженіемъ заставы по годамъ при невыкупѣ въ срокъ (тамъ же, л. 60); 22 декабря—нѣкоему Яну Тымковскому село *Семенки* въ Трабской волости (Судныхъ дѣлъ кн. XLIV, л. 51, 52). Въ этомъ же году, повидимому, заставленъ былъ пану Яну Войтеховичу Кмитѣ *дворъ Вилькомирскій* въ двухъ тысячахъ копъ грошей (Литов. Метр. кн. Переписей Литов. VII, л. 45; Публичныхъ дѣлъ VII, л. 81; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 122—125).

[290]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 179, 180.

[291]) Въ 1562 году Сигизмундъ Августъ выдалъ свою сестру Екатерину за герцога Финляндскаго Яна, брата шведскаго короля. Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, srt. 142, 143.

на выкупъ заложенныхъ драгоцѣнностей, пріѣзжимъ «на ласку господарскую» москвичамъ, на жалованье дворянамъ, отправленнымъ для сбора «поборовъ» и скупки провіанта для земли Лифляндской, на уплату доходовъ съ замка Кокенгаузенскаго Рижскому архіепископу, съ замка Динамюнде—князю Курляндскому, съ замка Виндавскаго — маршалку Лифляндскому — всего — 295500 копъ 14 грошей, $8\frac{1}{2}$ пенязей, т. е. перерасходовано на 16944 копы, 1 грошъ, $\frac{7}{16}$ пенязя [292]). По неимѣнію денегъ правительство задерживало «заслужоное» у жолнеровъ. Такимъ образомъ, напр., приглашая въ ноябрѣ 1562 года жолнеровъ, стоявшихъ по ливонскимъ замкамъ, къ продолженію службы еще на четверть года, король обѣщалъ имъ прислать заслуженное жалованье черезъ шесть недѣль [293]). Разсылая «приповѣдные» листы 30 апрѣля 1563 года съ приглашеніемъ продолжать службу еще на четверть года, король и на этотъ разъ не могъ разсчитаться съ жолнерами и долженъ былъ просить ихъ, чтобы они не были «тескливы», не получивъ во время своего «заслужоного» и не съѣзжали съ замковъ, обѣщаясь выслать деньги изъ скарба немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Литву (король находился тогда на Петрковскомъ сеймѣ) [294]). При такихъ обстоятельствахъ, когда скарбъ не только не имѣлъ никакихъ запасовъ, но даже обремененъ былъ уже долгами, немыслимо было обойтись безъ новаго экстреннаго обложе-

---

[292]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л: 202—213.

[293]) Литов. Метр. кн. Переписей Литов. VII, л. 135—137.

[294]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 2. Служба «приповѣдана» была тогда слѣдующимъ ротмистрамъ: Адаму Оборскому, Яну Цедровскому, Яну Закревскому, Яну Корицкому, Павлу Слуцкому, Станиславу Русецкому, Щастному Губѣ, Балтромею Стравинскому, Хомѣ Маскевичу, Яну Павчичу Чеху, Петру Миклашевскому, Лопоту, Яну Клюковскому, Прецлаву Оборскому, Павлу Кгладышу, Петру Сѣдлецкому, Станиславу Куницкому, Андрею Вронскому, кн. Александру Полубенскому, кн. Ивану Полубенскому, Размусу Довкгирду, Богдану Стецковичу, Млодовскому, Миколаю Тальвошу, Кгловацкому, Адаму Мисевичу, Талипскому—всего 27 ротмистрамъ. Это даетъ нѣкоторое понятіе о численности наемнаго войска, стоявшаго по замкамъ Ливоніи: ротмистры имѣли подъ своею командою обыкновенно 100—200 человѣкъ. Что касается размѣровъ жалованья жолнерамъ, то они колебались. Обыкновенно платилось на коня 5 копъ грошей за $\frac{1}{4}$ года. Въ 1563 г. король нанималъ жолнеровъ въ Польшѣ для Литвы по 15 и 17 золотыхъ, т. е. по 6 копъ и 6 копъ 48 грошей литовскихъ на коня (золотой польскій=24 грошамъ литовскимъ). *Działyńskiego* Żrodłopisma do dziejów unij, część II, oddział I, str. 165, 166). По сравненію тогдашнихъ цѣнъ на «живность» съ нынѣшними можно полагать грошъ равнозначительнымъ приблизительно 50 коп.

нія всѣхъ землевладѣльцевъ великаго княжества. Станы сейма письменно заявили королю, что для обороны великаго княжества они готовы давать въ теченіе трехъ лѣтъ серебщину съ своихъ людей въ размѣрѣ 30 грошей съ каждой сохи, 15 грошей отъ земли, кто не имѣетъ сохи, и 5 грошей отъ огородника, но съ тѣмъ, чтобы эта серебщина не шла въ уплату долговъ жолнерамъ, стоящимъ въ Ливоніи, и вообще употреблялась только на очищеніе отъ непріятелей и защиту собственныхъ владѣній великаго княжества, а въ тѣ годы, когда войны не будетъ, не собиралась и вовсе. Станы просили при этомъ дозволить имъ выбрать изъ своей среды «трехъ людей зацныхъ» для сбора этой серебщины. Господарь изъявилъ свое удовольствіе по поводу ухвалы серебщины [295]) и съ своей стороны постановилъ собирать на нужды войны такой же платъ и съ своихъ людей, т. е. съ каждой сохи воловой и конской по 30 грошей, отъ полсохи, т. е. съ одного вола или одной клячи, по 15 грошей, по 15 же грошей съ тѣхъ, у кого нѣтъ ни воловъ, ни клячъ, а только одна земля на полную службу, по 5 грошей съ огородниковъ, по 3 гроша отъ воротъ съ тѣхъ мѣщанъ, у которыхъ нѣтъ ни пашни, ни огородовъ. Срокомъ взноса первой серебщины господарь назначилъ день Рождества Богородицы въ текущемъ 1563 году. Серебщину въ господарскихъ волостяхъ должны были выбрать мѣстные урядники—старосты, державцы и тивуны или ихъ намѣстники, взимая за свой трудъ по пенязю бирчаго и по пенязю писчаго съ каждой сохи, и затѣмъ отвести ее въ скарбъ къ назначенному сроку [296]). Въ имѣньяхъ княжескихъ и панскихъ, «которые не звыкли до хоружихъ альбо черезъ ихъ руки отдавати серебщизны», должны были собрать серебщину слуги князей и пановъ; въ имѣньяхъ шляхты, гдѣ серебщину собираютъ обыкновенно хоружіе, должны собирать ее особыя лица, избранныя хоружими и шляхтою изъ мѣстныхъ земянъ, выѣзжающихъ на войну не болѣе, какъ о двухъ коняхъ,—въ виду того, что сами хоружіе на этотъ разъ должны ѣхать на войну. Какъ княжескіе и панскіе урядники, такъ и эти выборные сборщики должны сдать собранную серебщину въ руки главнымъ бирчимъ, избраннымъ на сеймѣ [297]) и принести передъ ними присягу, что сполна все выбрали и никого и ничего не утаили; о

---

[295]) Акты Зап. Рос. III, № 33.

[296]) Приложеніе № 46.

[297]) Избраны были державца Вилькомирскій Янъ Кмита, деканъ Виленскій, архидіаконъ Варшавскій, писарь скарбный князь Янъ Маковецкій и при нихъ «дьякомъ поборовымъ» тивунъ Дирванскій Янъ Градовскій.

тѣхъ шляхтичахъ, которые не отдали серебщины съ своихъ имѣній, выборные «бирчіе» должны заявить главнымъ бирчимъ для доклада подскарбію земскому или самому господарю. У тѣхъ, кто не отдастъ въ срокъ серебщину, урядники господарскіе должны отбирать имѣнья и держать ихъ на господаря до тѣхъ поръ, пока серебщина не будетъ уплачена [298]).—Господарь согласился съ ходатайствомъ становъ, чтобы съ дворныхъ сохъ убогихъ шляхтичей, у которыхъ нѣтъ людей, если число сохъ не превышаетъ четырехъ, не собиралось серебщины, въ виду того, что всѣ эти шляхтичи, раздѣльные братья и сябры, сколько ихъ ни есть, обязаны ѣхать на предстоящую войну; но тѣ изъ нихъ, у кого дворныхъ сохъ больше четырехъ, должны давать отъ коня по копѣ грошей. Ходатайство становъ о томъ, чтобы серебщина шла исключительно на оборону великаго княжества, а не Ливоніи, господарь отклонилъ вслѣдствіе невозможности разграничить обѣ эти государственныя потребности [299]).

Возложивъ на себя новыя податныя тягости для нуждъ войны, станы проэктировали еще нѣкоторыя мѣры для увеличенія средствъ скарба. Они просили господаря обложить «маетности» иностранныхъ гостей, проживающихъ въ Вильнѣ—армянъ, нѣмцевъ, волоховъ и другихъ, брать на оборону рѣчи посполитой треть этихъ маетностей при переходѣ ихъ къ наслѣдникамъ и сполна въ томъ случаѣ, если не окажется наслѣдниковъ, возвратить скарбы костеловъ и церквей, разобранные панами и шляхтою, и половину этихъ скарбовъ обратить на нужды рѣчи посполитой, а колокола перелить въ пушки. Господарь отвѣчалъ: иноземные гости будутъ нести ту же повинность, что и туземные; взиманіе третьей части съ ихъ наслѣдствъ онъ оставляетъ «при волѣ и ласцѣ своей господарской»; относительно наслѣдства «людей безпотомныхъ» будетъ руководствоваться статутомъ; касательно разобранныхъ церковныхъ скарбовъ прикажетъ произвести дознаніе; о взятіи церковныхъ скарбовъ на нужды войны посовѣтуется съ панами-радою. Въ тѣхъ же цѣляхъ увеличенія средствъ скарба станы повторили свое прежнее ходатайство о томъ, чтобы за одно съ мѣщанами выполняли всѣ повинности и люди князей бискуповъ, пановъ воеводъ, панскіе и шляхетскіе, проживающіе въ Виленскомъ мѣстѣ, отдающіе внаймы лавки въ своихъ домахъ или занимающіеся торговлею. Господарь сдѣлалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ, оговоривъ только, что подворники князей бискуповъ, воеводъ, панскіе и шля-

---

[298]) Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ VII, л. 25—27.

[299]) Акты Зап. Рос. III, № 33.

хетскіе, проживающіе на дворахъ своихъ господъ для ихъ личныхъ услугъ, не должны давать заодно съ мѣщанами податковъ и нести какія либо другія повинности, кромѣ обороны мѣста. Въ интересахъ же земскаго скарба великаго княжества станы просили господаря распорядиться, чтобы съ товаровъ, идущихъ транзитомъ въ великое княжество, не «вытегалось» въ Каменцѣ Мазовецкомъ то самое мыто, которое взимается въ Дорогичинѣ и Тыкотинѣ, и чтобы купцы, проѣзжающіе это послѣднее мыто, наказывались не только конфискаціею товаровъ, но и горломъ. Господарь обѣщалъ исполнить эту просьбу.

Изъявляя готовность нести жертвы для блага государства, станы не забыли и о своихъ интересахъ. Въ дополненіе къ просьбѣ, подававшейся на Виленскомъ сеймѣ 1559 года объ освобожденіи отъ мыта собственнаго хлѣба и лѣсныхъ товаромъ шляхты, станы ходатайствовали, чтобы господарь подтвердилъ эту вольность шляхты особымъ привилеемъ и освободилъ шляхетскіе товары не только отъ мыта господарскаго, но и отъ гребельнаго, взимаемаго частными владѣльцами (при пропускѣ судовъ черезъ мельничныя плотины и загородки), и не велѣлъ брать «войскаго» и «поквитнаго». Господарь подтвердилъ, что съ собственныхъ шляхетскихъ товаровъ не должно взиматься мыто господарское и гребельное въ имѣньяхъ княжескихъ, панскихъ, духовныхъ и земянскихъ, а равно и войскіе не должны брать въ свою пользу никакихъ пошлинъ; что касается «поквитнаго», то оно должно взиматься въ размѣрѣ только 4 грошей польскихъ съ каждаго судна съ товаромъ.—Станы просили также, чтобы господарь на этомъ же сеймѣ, «съ паны радами своими намовившися», выдалъ таксу на сукна и на другіе товары, а равно на издѣлія ремесленниковъ, и установилъ единообразную хлѣбную мѣру. Господарь отвѣчалъ, что онъ поручитъ установить таксу воеводамъ сообща съ людьми, которыхъ должны избрать сами станы на этомъ же сеймѣ, а относительно единообразной хлѣбной мѣры самъ сдѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе. Наконецъ, станы предложили господарю издать строгую уставу противъ тѣхъ лицъ, которые принимаютъ бѣглыхъ отчинныхъ крестьянъ и не чинятъ съ ними справедливости согласно статуту, не обращая вниманія на посылаемые къ нимъ господарскіе листы. Станы въ данномъ случаѣ отъ лица всего сейма возбуждали ходатайство, представлявшееся на прежнихъ сеймахъ отъ землевладѣльцевъ отдѣльныхъ земель. Господарь удовлетворилъ эту просьбу и согласно съ представленнымъ законопроектомъ постановилъ: кто будетъ упорно и безправно держать у себя крестьянъ и не давать на нихъ суда, несмотря на врученный ему приказъ господаря, тотъ долженъ платить по 6 грошей

съ каждой задержанной службы на недѣлю; если крестьяне по суду окажутся отчинными людьми истца, обязанъ ихъ выдать ему; это постановленіе имѣетъ быть внесено въ новый статутъ. Такъ, и на этотъ разъ иниціативѣ и творчеству становъ сейма обязанъ своимъ происхожденіемъ одинъ изъ важныхъ законовъ, хотя все еще пока не признано было формально право сейма на участіе въ законодательствѣ[300]).

Изложенныя просьбы были повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ просьбъ, представлявшихся и ранѣе, на предшествующихъ сеймахъ. Сверхъ этихъ просьбъ на Виленскомъ сеймѣ 1563 года представлено было и нѣсколько новыхъ, свидѣтельствующихъ между прочимъ о тѣхъ успѣхахъ, которые сдѣлало шляхетское сословіе въ своей солидарности вопреки вѣроисповѣднымъ различіямъ. Повторивъ прежнюю свою просьбу о томъ, чтобы всѣ земскіе привилеи были вписаны въ новый статутъ, и получивъ на то согласіе господаря, станы просили объ исправленіи въ привилеяхъ Ягайла и Витовта тѣхъ артикуловъ, коими права и вольности утверждаются только за шляхтою римской вѣры, получившею польскіе гербы, только этой шляхтѣ предоставляется впредь получать уряды и почетныя званія и участвовать въ радѣ господаря. Станы «одностайнѣ» били челомъ господарю, чтобы онъ, «то въ поровнанье слушное приведши», объяснилъ это особымъ листомъ-привилеемъ. Господарь, посовѣтовавшись съ панами-радою и принимая во вниманіе, что указанныя особенности Городельскаго привилея объясняются его исторіею, тѣмъ именно, что предъ выдачею этого привилея больше другихъ выслужились поименованные въ немъ «станы и народы» (роды) шляхетскіе, которые и были вызваны на сеймъ, что на этомъ сеймѣ не было еще русскихъ людей греческаго закона, которые позже, однако, выслуживались передъ предками господаря и бывали въ лавицѣ господарской рады,—принимая затѣмъ во вниманіе, что указанныя ограниченія служатъ «къ нѣкоторому униженью и възгарженью» тѣхъ, кто не бралъ гербовъ, и кто, исповѣдуя греческую вѣру, показываетъ тѣмъ не менѣе постоянно свою вѣрность господарю и рѣчи посполитой, исполнилъ желаніе становъ сейма и выдалъ требуемый привилей. Оставляя въ силѣ его статьи относительно бояръ-шляхты римскаго закона, предки которыхъ побрали гербы у поляковъ, Сигизмундъ Августъ добавлялъ, что тѣми же правами и вольностями должны пользоваться и всѣ другіе «стану рыцарского и шляхетского», какъ русскіе, такъ и литовцы, безъ различія вѣроисповѣданій, лишь бы только были христіане, даже если бы предки ихъ не

---

300) Акты Зап. Рос. III, № 33.

брали себѣ гербовъ у поляковъ; ограниченія, содержащіяся въ Городельскомъ привилеѣ, не будутъ имѣть по отношенію къ нимъ силы, и господарь будетъ раздавать имъ всякіе уряды и достоинства и допускать ихъ до рады, согласно съ заслугами каждаго даннаго лица. Въ виду того, что Городельскій привилей выданъ былъ въ Польшѣ на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ, господарь обѣщалъ на ближайшемъ сеймѣ, назначенномъ обоимъ государствамъ, «взновить» это «поровнанье» другимъ своимъ листомъ-привилеемъ съ еще большимъ «примноженьемъ вольностей», если потребуется [301]).

Судя по тому, въ какой формѣ состоялось уравненіе въ правахъ и вольностяхъ литовской-русской шляхты различныхъ вѣроисповѣданій (уравнены были съ католиками не только православные, но и всѣ вообще христіане), можно предположить, что самый вопросъ объ этомъ уравненіи поднятъ былъ на сеймѣ 1563 года едва ли не протестантами. Для православной шляхты вопросъ этотъ въ сущности не имѣлъ практическаго значенія въ виду того, что она давнымъ давно пользовалась одинаковыми правами и преимуществами съ католическою шляхтою. Иное дѣло было для протестантовъ, которые появились еще сравнительно недавно среди литовско-русской шляхты, и которымъ чрезвычайно важно было выяснить и обезпечить свои сословныя и политическія права въ обществѣ, состоявшемъ въ преобладающемъ большинствѣ изъ христіанъ римскаго и греческаго закона. Поэтому, хотя въ нападеніи на артикулы Городельскаго привилея аргументація и касалась христіанъ греческаго закона, но въ конечной цѣли своей она направлялась собственно въ пользу протестантовъ. Православные были привлечены лишь для того, чтобы легче было добиться уступокъ протестантамъ. Протестанская иниціатива на сеймѣ 1563 года замѣтна и въ другомъ случаѣ. Станы просили, чтобы впредь присяга приносилась не «на образъ малеваный ани на рытый», какъ было раньше, но на имя Бога, въ Троицѣ единаго, каждымъ по своему исповѣданію. Господарь объявилъ, что этотъ вопросъ касается исправленія статута и потому долженъ быть отложенъ до тѣхъ поръ, когда придется вводить новый статутъ. Значитъ, когда протестанты прямо добивались уступокъ въ свою пользу, они получали ихъ не сразу.

Послѣдняя просьба становъ Виленскаго сейма 1563 года касалась суда надъ нарушителями общественнаго спокойствія и безопасности во время войны и сеймовыхъ собраній. Станы жаловались, что во

---

[301]) Акты Зап. Рос. III, № 32; Źrodłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, str. 166—169.

время мобилизаціи земскаго ополченія и созыва сеймовъ учащаются обыкновенно наѣзды домовые, бои, гвалты, увѣчья и убійства вслѣдствіе того, что въ это время правосудіе отсрочивается, и злые люди, надѣясь на долгую войну, даже думаютъ совсѣмъ избѣжать его. Станы просили, чтобы такихъ «кгвалтовниковъ» можно было немедленно привлекать къ суду «мандатами» изъ господарской канцеляріи, и чтобы война не препятствовала расправѣ съ этими злодѣями. Король, находя просьбу заслуживающею уваженія, изъявилъ на это свое согласіе [302]).

По примѣру предшествующихъ сеймовъ и на Виленскомъ сеймѣ 1563 года выступали съ своими ходатайствами и заявленіями землевладѣльцы отдѣльныхъ земель и повѣтовъ, а именно: Кіевской и Жмудской земли и Мстиславскаго повѣта.

Князья, паны и вся шляхта *Кіевской земли* просили прежде всего о томъ, чтобы ихъ приглашали на сеймы особыми листами согласно старому обычаю, какъ и обывателей другихъ земель. Просьба эта была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что сеймовые листы съ приглашеніемъ на настоящій сеймъ не дошли до Кіевлянъ во время, и они отправили на сеймъ своихъ пословъ уже suo motu, по слухамъ. Этотъ фактъ служитъ конкретнымъ указаніемъ на то, что шляхта не относилась безучастно къ тому, что предпринималось и дѣлалось въ центрѣ государства и старалась принимать во всемъ этомъ дѣятельное участіе. Господарь отвѣчалъ, что старый обычай приглашать Кіевлянъ на сеймы особыми листами и впредь будетъ сохраняться; сеймовые листы посланы Кіевлянамъ и передъ настоящимъ сеймомъ, но, очевидно, во время не дошли по дальности разстоянія и краткости срока, назначеннаго для сбора сейма.—Кіевляне просили затѣмъ, чтобы ихъ не принуждали строить Кіевскій замокъ своими людьми, такъ какъ они не обязаны этого дѣлать, и особливо теперь, когда всѣ имѣнья ихъ опустошены отъ непріятелей господарскихъ. Король отвѣчалъ, что онъ приказалъ воеводѣ и городничію Кіевскому привлекать къ постройкѣ замка только тѣхъ Кіевскихъ землевладѣльцевъ, которые обязаны это дѣлать; но онъ радъ былъ бы, если бы и остальные землевладѣльцы помогли имъ отстроить поскорѣе замокъ въ теперешнее опасное время, не отговариваясь своими вольностями, для собственнаго же спокойствія и безопасности; съ своей стороны онъ, король, гарантируетъ имъ, что впредь это участіе ихъ не пойдетъ имъ въ пошлину.—Слѣдующее ходатайство Кіевскихъ землевладѣльцевъ состояло въ томъ, чтобы заодно съ ними несли военную службу съ своими почтами при Кіевскомъ

---

[302]) Акты Зап. Рос. III, № 33.

замкѣ и всѣ князья, паны и шляхта другихъ земель, у которыхъ есть имѣнья въ Кіевскомъ повѣтѣ. Господарь согласно съ ухвалою Берестейскаго сейма 1544 года утвердилъ это предложеніе только для тѣхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ въ Кіевскомъ повѣтѣ находятся «головныя» имѣнья; тѣмъ же, у кого «головныя» имѣнья лежатъ въ другихъ повѣтахъ, предоставилъ служить въ этихъ послѣднихъ.—На Виленскомъ сеймѣ 1563 года Кіевляне вновь подняли вопросъ о возвращеніи имъ въ держанье по очереди Чернобыльскаго замка, отстроеннаго ихъ «накладомъ». Мы уже видѣли, что изъ-за этого замка они тягались съ воеводою кн. Фридрихомъ Глѣбовичемъ Пронскимъ на сеймѣ 1551 года. По смерти кн. Пронскаго (въ 1555 году), король отдалъ Чернобыльскій замокъ «до живота» одному изъ Кіевскихъ пановъ—Скумину Львовичу Тишкевича, и въ держаньѣ его замокъ оставался до разсматриваемаго сейма [303]). Остальные «старшіе» Кіевскіе землевладѣльцы находили это распоряженіе короля нарушающимъ ихъ права и ходатайствовали о возобновленіи прежняго порядка, подкрѣпляя свое ходатайство указаніемъ на то, что Чернобыльскій замокъ «опалъ» и требуетъ ремонта. Король обѣщалъ исполнить эту просьбу только по смерти пана Скумина Львовича и отдавать тогда Чернобыль въ держанье по очереди на три года; что касается ремонта замка, то обѣщалъ послать туда своего дворянина для переписи всѣхъ доходовъ съ этого замка и часть этихъ доходовъ обратить на его ремонтъ.—Кіевляне жаловались далѣе на Чернобыльскихъ мѣщанъ, которые привлекаютъ ихъ людей къ совмѣстному съ ними даванью подводъ и кормовъ Кіевскому воеводѣ при проѣздѣ его черезъ Чернобыль, а также и на самого воеводу, который принуждаетъ ихъ людей давать ему подводы и кормы па переймахъ и мостить мосты на необычныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ они вызволены отъ всего этого своими правами. Господарь отвѣчалъ, что, если это такъ, то ихъ люди не обязаны давать подводы и кормы и мостить мосты для проѣзжающихъ воеводъ; но если кто изъ нихъ обязанъ былъ нести эти повинности «подле давного звыклого обычаю», то и впредь долженъ дѣлать это. Въ заключеніе Кіевскіе землевладѣльцы принесли жалобу на старосту Луцкаго кн. Богуша Корецкаго, который въ прошломъ году, проѣзжая на службу земскую въ Рѣчицу, приказывалъ брать на ихъ людяхъ «непомерные стацеи». Господарь отвѣчалъ, что онъ приказалъ выдать изъ своей канцеляріи

[303]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 155, 416, 449; Переписей Литовскихъ VII, л. 53.

листы до князя Корецкаго, за которыми они могуть доводить на немъ справедливости своимъ подданнымъ [304]).

Отвѣты на просьбы князей, пановъ и всей шляхты Кіевской земли господарь выдалъ 22 іюня. На слѣдующій день онъ далъ отвѣты на просьбы земянъ-шляхты *Мстиславскаго повѣта.* Эти просьбы касались исключительно мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Земяне Мстиславскіе просили господаря распорядиться ремонтомъ замка Мстиславскаго, при чемъ указывали, что половина этого замка всегда ремонтировалась на пенязи господарскіе, а другая половина людьми господарскими, княжескими, панскими и земянскими Мстиславскаго повѣта. Король отвѣчалъ, что онъ прикажетъ мѣстному старостѣ и городничію отстроивать замокъ такимъ же способомъ, какъ онъ и прежде отстроивался, т. е. людьми господарскими и владѣльческими, но не на пенязи господарскіе. Заботясь о томъ, чтобы замокъ Мстиславскій какъ можно лучше удовлетворялъ своему назначенію въ виду угрожающей опасности отъ Москвы, земяне Мстиславскаго повѣта ходатайствовали о присылкѣ на замокъ служебныхъ людей, пушекъ, желѣза, селитры, хлѣбныхъ запасовъ и объ исправленіи въ немъ колодца. Господарь отвѣчалъ, что онъ прикажетъ «посилить» замокъ «пенежными людьми», а пушку, желѣзо и селитру уже распорядился послать изъ скарба; для исправленія колодца послалъ плотника изъ Могилева; что касается снабженія замка живностью, то это долженъ былъ бы сдѣлать мѣстный староста, такъ какъ ко Мстиславлю тянутъ дворы и волости господарскіе немалые; почему этого не сдѣлано, господарь прикажетъ своевременно произвести дознаніе, а теперь предлагаетъ взять двѣсти бочекъ ржи изъ Могилева. Для увеличенія мѣстныхъ оборонительныхъ силъ Мстиславскіе земяне просили прислать имъ денегъ изъ скарба для найма пѣшихъ людей, казаковъ и конныхъ. Господарь подтвердилъ имъ, что они должны служить съ своими «почтами» при замкѣ по старому обычаю, а деньги, жалованье господарское, имъ будутъ присланы.—Земяне просили оградить ихъ отъ тѣхъ притѣсненій и безпокойствъ, которыя чинятъ имъ ротмистры, и особенно Петръ Куницкій, которые держатъ корчмы по шляхетскимъ домамъ въ замкѣ и мѣстѣ, принимаютъ въ число своихъ драбовъ шляхетскихъ подданныхъ. Господарь отвѣчалъ, что онъ распорядился послать изъ канцеляріи листъ къ мѣстному старостѣ кн. Ивану Соломерецкому съ приказомъ дать земянамъ судъ и управу на ротмистровъ; если они его ослушаются, тогда самъ господарь приметъ противъ нихъ мѣры, какія будетъ

[304]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 145—149.

нужно.—Въ заключеніе Мстиславскіе земяне просили господаря отвести ихъ женамъ и дѣтямъ убѣжище на случай опасности. Господарь назначилъ для этой цѣли Свислочь [305]).

Большая часть просьбъ, подававшихся на Виленскомъ сеймѣ 1563 года отъ лица Жмудской шляхты (господарскіе отвѣты на нихъ даны 29 іюня), является повтореніемъ и развитіемъ прежнихъ ходатайствъ. Жмудская шляхта просила, чтобы на войнѣ ее не отлучали отъ остального войска, какъ было это въ прошломъ году, вслѣдствіе чего шляхта понесла большія «шкоды» благодаря дальней и плохой дорогѣ [306]). Ссылаясь на постановленіе прошлаго сейма и на листъ господаря, подтверждавшій ей эту вольность, Жмудская шляхта просила, чтобы это постановленіе и обѣщаніе господаря соблюдались на дѣлѣ, и чтобы господарь выдалъ ей новый привилей въ этомъ смыслѣ. Господарь подтвердилъ указанную вольность Жмудской шляхты, но отказался отъ выдачи новаго привилея, считая его лишнимъ, «кгды жъ кождые обетницы своее его кролевская милость моцне а непорушне постерегати звыкъ завжды» (sic!).—Жалуясь на то, что мѣрчіе и ревизоры по долгу не дають «отменъ» за отрѣзанныя земли, Жмудская шляхта просила господаря принять мѣры противъ этого и дозволить ей искать судомъ передъ старостою Жмудскимъ убытковъ, происшедшихъ отъ этого замедленія, на мѣрчихъ или ревизорахъ; для избѣжанія этихъ убытковъ шляхта просила также, чтобы мѣрники и ревизоры на время войны прекращали помѣру и отправлялись на войну вмѣстѣ съ остальною шляхтою. Господарь отвѣчалъ: помѣрчимъ и ревизорамъ съ самаго начала волочной помѣры дана была «наука» не забирать въ волоки шляхетскихъ земель, не давъ за нихъ предварительно «отмены», и теперь онъ вновь подтверждаетъ эту «науку»; кому отъ нихъ станутся убытки, пусть ищетъ судомъ передъ паномъ старостою; согласно желанію шляхты волочная помѣра на время войны будетъ прекращаться, а ревизоры и мѣрчіе отъѣзжать вмѣстѣ съ шляхтою на войну. Шляхта просила также, чтобы убогіе шляхтичи, у которыхъ помѣрены земли на волоки, не лишались своихъ земель и шляхетской чести. Господарь отвѣчалъ, что ревизорамъ и мѣрчимъ не дано полномочій лишать земель и шляхетства, и онъ, господарь, готовъ дать на нихъ судъ и управу всякому, кому сталась отъ нихъ подобная обида.—Шляхта жаловалась далѣе, что съ помѣрою земель на волоки отняты у нея входы въ господарскія пущи за деревомъ и дровами, вопреки

---

[305]) Тамъ же, стр. 149—151.

[306]) Здѣсь разумѣется походъ гетмана дворнаго Г. А. Ходкевича.

стариннымъ ея правамъ, подтвержденнымъ отцомъ господаря и самимъ имъ, а въ тѣхъ пущахъ, которыя еще не помѣрены на волоки, господарскіе лѣсничіе Мартинъ Подскарбскій и Миколай Волкъ грабятъ шляхту и ея людей; жаловалась также, что урядники запрещаютъ шляхтѣ ловить рыбу въ господарскихъ озерахъ и рѣкахъ, хотя господарю отъ того нѣтъ убытка. Король отвѣчалъ, что онъ оставляетъ просителей при стародавнихъ правахъ и вольностяхъ и не препятствуетъ имъ въѣзжать въ его пущи за дровами и деревомъ для своихъ построекъ, но запрещаетъ вырабатывать въ нихъ лѣсные товары на спускъ, вырубать лѣсъ и заводить пашни. Господарь заявилъ, что онъ уже распорядился выдать просителямъ листъ, разрѣшающій имъ брать дерево и дрова изъ его пущи для собственныхъ надобностей, равно также ловить рыбу въ его озерахъ и рѣкахъ.

Кромѣ этихъ просьбъ, Жмудская шляхта на Виленскомъ сеймѣ 1563 года выступила съ двумя новыми, а именно: чтобы господарь соблаговолилъ назначить въ Жмудскую землю старостою пана Яна Еронимовича Ходкевича, стольника великаго княжества Литовскаго, и чтобы никому не давалось за разъ двухъ урядовъ, какъ, напр., маршалку Станиславу Губѣ. Послѣднимъ старостою передъ сеймомъ 1563 года былъ панъ Еронимъ Александровичъ Ходкевича, отецъ указаннаго Яна, умершій въ концѣ 1561 года. Послѣ его смерти жмудины просили у господаря «неоднокроть» въ старосты его сына, но господарь почему-то откладывалъ это дѣло и назначилъ исправляющимъ должность старосты («справцею» староства Жмудскаго) дядю его пана Григорія Александровича Ходкевича. Теперь шляхта вновь просила господаря о назначеніи пана Яна Еронимовича. Господарь и на этотъ разъ отложилъ рѣшеніе вопроса до другого времени. Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что король все-таки исполнилъ просьбу жмудиновъ и назначилъ Яна Еронимовича главнымъ правителемъ Жмудской земли[307]). Просьбу о несовмѣщеніи должностей Жмудская шляхта мотивировала тѣмъ соображеніемъ, что, раздавая по одному уряду, господарь будетъ имѣть больше полезныхъ и годныхъ слугъ. Король отвѣчалъ, что онъ будетъ исполнять желаніе шляхты; что касается Станислава Губы, то онъ держитъ «обычаемъ враду» только одно тивунство[308]), а другое, т. е., Ужвены, «в суме пенезей», въ заставѣ[309]).

---

[307]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 93.

[308]) Вешвеньское. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 8.

[309]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 151—154.

На Виленскомъ сеймѣ 1563 года происходили также совѣщанія по вопросу объ уніи съ Польшею и состоялся выборъ уполномоченныхъ для переговоровъ объ этомъ предметѣ съ поляками. Мы видѣли, что вопросъ объ уніи поднятъ былъ на Петрковскомъ сеймѣ 1562—1563 года по иниціативѣ самихъ литовцевъ, приславшихъ своему господарю просьбу объ этомъ изъ военнаго стана подъ Витебскомъ. На Петрковскомъ сеймѣ, прервавшемся по случаю отъѣзда короля въ Литву, рѣшено было только созвать къ 11 ноября общій польско-литовскій сеймъ въ Ломжѣ, на который должны были пріѣхать всѣ литовскіе станы, «сойму належачіе». Впослѣдствіи мѣстомъ для этого польско-литовскаго сейма была назначена Варшава [310]). Военныя обстоятельства не дозволяли, однако, литовскимъ станамъ въ полномъ составѣ принять участіе въ этомъ сеймѣ [311]). Перемиріе съ Москвою было заключено только до 15 августа, и неизвѣстно было, продолжится ли оно далѣе. Къ 1 августа велѣно было собираться всему земскому ополченію великаго княжества въ Кревѣ. Поэтому станы выбрали изъ своей среды пословъ на польскій сеймъ и выработали для нихъ соотвѣтствующую инструкцію, отъ которой они не имѣли права отступать. Въ виду того, что съ польской стороны въ качествѣ участниковъ предстоявшаго договора должны были выступить и мѣщане столичнаго города Кракова, посылавшіе обыкновенно своихъ представителей на сеймы, и литовское правительство сочло нужнымъ привлечь къ извѣстному участію въ установленіи уніи представителей «столечнаго» мѣста Вильны (ne cujuscunque conditionis hominum consensus defuisse videretur). Мѣщане допущены были къ совѣщаніямъ объ инструкціи посламъ, отправляемымъ на Варшавскій сеймъ, и подобно другимъ станамъ должны были выбирать отъ себя пословъ. Въ составъ сеймовой делегаціи вошли слѣдующія лица: отъ «celнѣйшей лавицы» господарской рады—Валерьянъ, бискупъ Виленскій, и Миколай Яновичъ Радивилъ, князь на Олыкѣ и Несвижѣ, воевода Виленскій, маршалокъ земскій и канцлеръ; отъ другой «лавицы»—Миколай Пацъ, нареченный бискупъ Кіевскій, кн. Стефанъ Збаражскій, воевода Витебскій, Миколай Кишка, подчашій, староста Дорогицкій; отъ княжатъ и панятъ—воеводичъ Троцкій Миколай Радивилъ, Еронимъ Ходкевичъ, сынъ пана Виленскаго Григорія Александровича, князь Иванъ Ѳедоровичъ Чорторыйскій, князь Ярославъ Ѳедоровичъ Сангушковича; отъ маршалковъ—паны Петръ Загоровскій и Михайло Косинскій; отъ «значнѣй-

[310]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 198.
[311]) Ibidem, str. 173, 281.

шей шляхты» (ex ordine patriciorum)—тивунъ Жмудскій панъ Мальхеръ Шеметъ, кн. Владиславъ Андреевичъ Збаражскій, панъ Мальхеръ Сновскій; отъ шляхты и хоружихъ повѣтовыхъ собственной Литвы—Павелъ Островицкій, хоружій Ошменскій, Миколай Яновичъ, хоружій Упитскій; отъ Жмудской шляхты—Миколай Володковичъ; отъ Волынянъ—Михайло Ело Малинскій; отъ Кіевской земли—Ѳедоръ Ѳедоровичъ Солтанъ; отъ Смоленскихъ землевладѣльцевъ—Василій Копоть отъ Полоцкой земли—кн. Андрей Лукомскій; отъ воеводства Новгородскаго—Петръ Хребтовичъ; отъ Витебской земли—мостовничій Иванъ Сова; отъ повѣта Мстиславскаго—земянинъ Семенъ Каменьскій; отъ Подляшской земли—Криштофъ Оленьскій, староста Бранскій и Саражскій, Адамъ Косиньскій, писарь земскій Дорогицкій; отъ мѣста Виленскаго—бурмистры Лукашъ Опаховскій и Зиновій Зарѣцкій. Всѣ эти делегаты должны были предварительно собраться въ Угровѣ на Подляшьѣ къ 21 ноября и оттуда уже вмѣстѣ ѣхать въ Варшаву [312]).—Данная имъ инструкція выработана были всѣми станами сейма и доложена устно королю, который ее утвердилъ и по просьбѣ становъ сейма приказалъ изложить письменно, послѣ чего она была прочтена сейму и получила окончательное утвержденіе [313]).

§ 8.

Въ инструкціи, которую повезли съ собою на сеймъ въ Варшаву литовскіе уполномоченные, исчислены были подробно тѣ условія, на которыхъ они могли заключить унію съ поляками. Первымъ условіемъ ставилось, чтобы впредь у Польши и Литвы былъ одинъ государь, избираемый общими голосами изъ царствующей династіи. По прекращеніи этой династіи предполагалось, что ни поляки не будутъ выбирать себѣ короля безъ вѣдома и участія литовцевъ, ни литовцы не будутъ выбирать себѣ великаго князя безъ вѣдома и участія поляковъ, если только, извѣщенные заблаговременно о предстоящемъ избраніи, они пожелаютъ принять въ немъ участіе. Избраніе общаго государя должно происходить на границахъ обоихъ государствъ, послѣ чего должна совершаться его коронація въ Краковѣ въ присутствіи литовскихъ пословъ, а вскорѣ затѣмъ—торжественное возведеніе на великое княженіе въ Вильнѣ, въ присутствіи всѣхъ становъ и повѣтовъ и польскихъ пословъ. Предъ коронаціею въ Краковѣ избранный государь

---

[312]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 182—183; приложеніе № 47.

[313]) Ibidem, str. 172, 280.

будетъ подтверждать права и вольности обывателей короны Польской, а передъ возведеніемъ на великое княженіе—обывателей великаго княжества Литовскаго, и приносить присягу по установленной формулѣ. Должны приниматься всѣ мѣры къ тому, чтобы избранный государь съ одинаковымъ расположеніемъ относился къ обоимъ государствамъ, не отдавая одному изъ нихъ предпочтенія передъ другимъ. Въ томъ случаѣ, если теперешній государь или его преемники будутъ имѣть нѣсколько сыновей, одинъ изъ нихъ можетъ быть назначенъ правителемъ великаго княжества, безъ нарушенія уніи, по взаимному согласію поляковъ и литовцевъ. Поляки и литовцы обязываются никогда не покидать своего общаго государя и другъ друга во всѣхъ затрудненіяхъ и превратностяхъ, помогать другъ другу словомъ и дѣломъ противъ козней и нападеній всѣхъ враговъ, не начинать распрей и войнъ съ сосѣдями безъ взаимнаго совѣта и согласія, исключая внезапныхъ и непредвидѣнныхъ случаевъ, не заключать ни съ кѣмъ новыхъ договоровъ и не нарушать старыхъ, не посылать пословъ безъ совѣта и согласія другъ съ другомъ, имѣть однихъ общихъ враговъ и друзей. Должны быть опредѣлены точно, сообразно съ силами и средствами каждаго государства и съ требованіями данной войны, размѣры той военной помощи, которую они должны оказывать другъ другу какъ посполитымъ рушеньемъ, такъ и наемными войсками или деньгами. Должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы жолнеры, стоящіе въ пограничныхъ замкахъ, не ходили за добычею за предѣлы обоихъ государствъ и тѣмъ не навлекали на нихъ нападеній сосѣдей. Литовцы выразили свое согласіе и на общіе сеймы съ поляками, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти сеймы созывались только для рѣшенія важныхъ вопросовъ, касающихся обоихъ государствъ, въ мѣстахъ, опредѣленныхъ законами и привилегіями или по усмотрѣнію короля; въ менѣе важныхъ случаяхъ, не касающихся или мало касающихся другого государства, должны собираться по старому мѣстные сеймы, на которые другое государство можетъ присылать своихъ уполномоченныхъ. На общихъ польско-литовскихъ сеймахъ ни въ коемъ случаѣ не должны рѣшаться дѣла, касающіяся того и другого государства въ отдѣльности. Въ каждомъ государствѣ самостоятельно набирается сенатъ, замѣщаются должности, отправляются суды, издаются и исправляются законы; въ каждомъ своя собственная непосредственная и посредственная верховная власть (merum et mixtum imperium). Въ случаѣ войны въ великомъ княжествѣ вступаетъ въ отправленіе своей должности литовскій гетманъ, которому повинуются войска, отовсюду собранныя, при чемъ польское войско ставится впереди; и обратно, въ случаѣ войны въ Польшѣ, предводительствуетъ польскій

гетманъ, при чемъ передній рядъ занимаютъ литовцы. Делегатамъ поручалось при заключеніи уніи охранять честь и достоинство великаго княжества, слѣдить за тѣмъ, чтобы права всѣхъ становъ великаго княжества не потерпѣли какого-либо ущерба, чтобы литовцы ни въ чемъ и нигдѣ не были ниже поляковъ, чтобы въ войскѣ, сеймахъ, торжественныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ занимали одинаковыя съ поляками и подобающія ихъ достоинству мѣста. Для большаго скрѣпленія заключаемой уніи (majoris jam conjunctionis firmandae causa), литовцы соглашались на отмѣну законовъ, коими воспрещалось полякамъ пріобрѣтать имѣнья на вѣчность въ великомъ княжествѣ. Дабы не оставалось никакихъ поводовъ къ разрыву уніи, литовцы предлагали не вводить впредь никакихъ новыхъ пошлинъ, чеканить монету одинаковаго вѣса и достоинства, не допускать никакого обмана, произвола, никакихъ притѣсненій и стѣсненій въ торговыхъ сношеніяхъ, выдавать безъ замедленія бѣглыхъ крестьянъ, не давать убѣжища разбойникамъ, бродягамъ и изгнанникамъ; соблюдать старинныя границы между обоими государствами, предписать пограничнымъ старостамъ давать немедленно удовлетвореніе по жалобамъ пограничныхъ жителей, не присвоять того, что изстари принадлежало другому государству. Для вящщаго уравненія великаго княжества Литовскаго съ Польшею литовцы предлагали сравнять въ правахъ мѣщанъ великаго княжества съ польскими, въ частности мѣщанъ столичнаго города Вильны съ Краковскими, и дозволить Виленскимъ мѣщанамъ посылать на общіе сеймы двухъ представителей подобно Краковскимъ, для подачи голосовъ въ вопросахъ, касающихся ихъ «мѣста». Во вниманіе къ прошлымъ издержкамъ, понесеннымъ великимъ княжествомъ на Ливонію, литовцы требовали, чтобы доходы съ этой страны всегда вносились въ скарбъ великаго княжества, но соглашались на то, чтобы герцогъ Курляндскій считался вассаломъ Польши и Литвы и получалъ инвеституру отъ обоихъ государствъ. Делегаты получили полномочіе о другихъ вещахъ договариваться съ поляками по своему усмотрѣнію, какъ имъ покажется наилучшимъ для пользы и чести великаго княжества, но въ затруднительныхъ случаяхъ имъ наказано было обращаться къ панамъ-радѣ и королю, общему государю Польши и Литвы [314]).

Такова была «наука», которую получили литовскіе делегаты, отправленные на Варшавскій сеймъ 1563 года для заключенія уніи съ

---

[314]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, str. 171—181, 280—289.

Польшею. Легко видѣть по этой инструкціи, что литовцы желали въ сущности только оформить юридически и закрѣпить установившіяся уже фактически отношенія между обоими государствами, устранивъ изъ нихъ нѣкоторыя частности, подававшія поводъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ и огорченіямъ. Очень можетъ быть, что станы, посылавшіе изъ-подъ Витебска свою просьбу о возобновленіи уніи съ Польшею или, точнѣе сказать, инціаторы этой просьбы не прочь были и отъ иной, болѣе тѣсной, уніи съ Польшею; но на Виленскомъ сеймѣ 1563 года, по всѣмъ признакамъ, дѣло взяли въ свои руки паны радные. Инструкція, данная делегатамъ, составлена была несомнѣнно подъ ихъ руководствомъ. Вся эта инструкція насквозь проникнута стремленіемъ отстоять, насколько возможно, цѣлостность, особность и самобытность великаго княжества Литовскаго.

Между тѣмъ у поляковъ уже давнымъ давно сложился совершенно иной идеалъ уніи. Этимъ идеаломъ была инкорпорація великаго княжества Литовскаго въ Польское государство, осуществленіе того, что уже было установлено при Ягайлѣ и Витовтѣ и позже подтверждено съ нѣкоторыми исправленіями при королѣ Александрѣ. Стремленіе къ окончательному «втѣленію» великаго княжества въ Польшу не прекращалось у поляковъ со временъ Свидригайла и Сигизмунда Кейстутьевича, сдѣлалось своего рода политическимъ завѣтомъ, который одно поколѣніе передавало другому. Жизненные интересы Польскаго государства съ его внутренней организацiей, мало приспособленной къ борьбѣ за существованіе, постоянно питали эту традицію и не давали ей умирать. При Сигизмундѣ Августѣ, съ конца сороковыхъ годовъ XVI столѣтія, осуществленія завѣтной уніи съ особенною настойчивостью стала добиваться партія такъ называемыхъ «экцекуціонистовъ», не пропускавшая почти ни одного сейма безъ того, чтобы не поднять вопроса объ уніи. Эта партія хлопотала объ увеличеніи военныхъ и финансовыхъ средствъ страны и въ этихъ цѣляхъ настаивала между прочимъ и на томъ, чтобы унія съ Литвою, заключенная еще при Ягайлѣ, была приведена въ исполненіе, равно какъ и законъ, изданный при Александрѣ, о прекращеніи раздачи столовыхъ королевскихъ имѣній. Какъ бы на подкрѣпленіе экцекуціонистамъ въ пятидесятыхъ годахъ XVI столѣтія выступилъ съ своею описью документовъ, хранившихся въ Краковскомъ архивѣ, и съ своею хроникою, писанною отчасти на основаніи этихъ документовъ, каноникъ Краковскій и Вармійскій Мартинъ Кромеръ. Кромеръ помогъ экзекуціонистамъ выступить во всеоружіи историко-юридическихъ доказательствъ для своихъ требованій. Онъ далъ имъ возможность основывать свои притязанія не

на хроникахъ только, какъ ранѣе [315]), а на основаніи подлинныхъ историческихъ документовъ, которые имъ были приведены въ порядокъ и извѣстность [316]). Особенную услугу дѣлу уніи Кромеръ оказалъ изложеніемъ въ своей хроникѣ условій договора, заключеннаго въ 1561 году, при избраніи в. кн. Александра королемъ Польскимъ, и своимъ указаніемъ, что подлинные акты этой уніи хранятся въ Краковскомъ архивѣ [317]). Шляхта послѣ этого спѣшила запастись списками этихъ актовъ, и ко времени Варшавскаго сейма 1563 года такихъ списковъ ходило по рукамъ уже нѣсколько десятковъ, по заявленію тогдашняго маршалка посольской избы Николая Сѣнницкаго [318]). Извѣстно, какую роль игралъ договоръ 1501 г. въ историко-юридическихъ аргументаціяхъ, коими подкрѣпляли свои притязанія поляки на Люблинскомъ сеймѣ 1568—1569 года. Родоначальникомъ и вдохновителемъ этихъ аргументацій по справедливости можно считать Кромера. Къ этимъ аргументаціямъ поляки прибѣгли и на сеймѣ 1563 года.

Еще до прибытія на сеймъ литовскихъ делегатовъ поляки, преимущественно послы, просматривали нѣкоторыя старыя «записи» уніи, копіи которыхъ они доставали изъ скарба. Дневникъ сейма подъ 27 ноября отмѣчаетъ: принесли посламъ изъ скарба три листа; одинъ изъ этихъ листовъ удостовѣряетъ, что в. кн. Сигизмундъ инкорпорировалъ всѣ свои владѣнія и все Подолье въ корону Польскую, еще при жизни своей отдалъ Польшѣ замки Олеско и Лопатинъ съ ихъ принадлежностями, замки же Луцкъ, Владиміръ и другіе уступилъ послѣ своей смерти, гарантировалъ для сына своего и дальнѣйшихъ потомковъ Троки и другіе замки съ тѣмъ, однако, чтобы послѣ смерти ихъ они достались королю и коронѣ Польской [319]) и т. д. Этотъ документъ возбудилъ сильнѣйшій интересъ къ старымъ записямъ уніи, и, когда на

---

[315]) См., напр., историческую аргументацію, развивавшуюся на малопольскомъ съѣздѣ 1555 года, въ Dziennikach seymów walnych koronnych 1555 i 1558, str. 95—100.

[316]) Въ своемъ посвященіи описи королю Кромеръ хвалитъ его за то, что онъ позаботился «publica totius Regni literarum monumenta, quae hactenus in archivo Cracoviensi temere dissipata et neglecta jacuere, in ordinem redigi ac disponi et in indicem conjici..., quo facile esset inventu, quod quisque quereret. См. Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, прилож. № IX.

[317]) *Pistorii* Corpus historiae Polonicae, tomus II, p. 825.

[318]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 291.

[319]) Ibidem, str. 215. См. выше, стр. 72—74.

сеймъ заявились литовскіе делегаты для переговоровъ объ уніи, послы заявили, что они не вступятъ въ эти переговоры прежде, чѣмъ имъ не покажутъ старыхъ «записей» уніи (29 декабря). Но правительство, очевидно, и само уже оцѣнило важность этихъ «записей» и заранѣе распорядилось о привозѣ ихъ на сеймъ. Посламъ данъ былъ отвѣтъ, что документы съ часу на часъ ожидаются изъ скарба и по полученіи будутъ выданы для просмотра [320]).

Результаты этого просмотра старыхъ «записей» обнаружились уже на предварительныхъ совѣщаніяхъ польскихъ сенаторовъ и пословъ, происходившихъ 7 и 11 января 1564 года, объ условіяхъ уніи, которыя надо предъявить литовцамъ. Съ самаго начала этихъ совѣщаній былъ выдвинутъ планъ полнаго слiянія великаго княжества съ короною Польскою, полное упраздненіе его самостоятельности и даже имени. Коронный подскарбій, которому вслѣдствіе запроса о пропажѣ ъ скарба подлиннаго акта уніи 1501 г., пришлось говорить первому, высказалъ мнѣніе, что для прочности заключаемой уніи надо добиться отъ литовцевъ, чтобы впредь у нихъ и поляковъ былъ одинъ государь, избираемый ими сообща на границахъ Польши и Литвы, чтобы этотъ государь назывался только королемъ Польскимъ, чтобы и великое княжество называлось не Литвою, а Новою Польшею, чтобы были одинъ скипетръ, одна печать, одно право [321]). Бискупъ Краковскій, которому пришлось говорить вслѣдъ за подскарбіемъ, съ своей стороны представилъ историко-юридическія основанія для этихъ требованій. Онъ указалъ на то, что Ягайло, находясь въ затруднительномъ положеніи, сталъ хлопотать о коронѣ Польской и согласился на всѣ условія, какія ему поставили поляки; однимъ изъ главныхъ условій была инкорпорація великаго княжества въ корону Польскую. Эта унія, по словамъ бискупа, продолжалась до Казимира, ибо, хотя Витовтъ и другіе и были державцами великаго княжества, но суверенитетъ и подаванье этого государства оставалось при коронѣ, а князья были только пожизненными правителями; поэтому и всѣ, державшіе замки въ Литвѣ, присягали королю и коронѣ; только при Казимирѣ литовцы стали стремиться къ разрыву, оскорбившись разными выраженіями ея акта, въ родѣ subjicimus и т. под.; когда поляки замѣтили, что дѣло клонится къ разрыву, то стали стараться, чтобы коронныя земли, находившіяся во владѣніи литовцевъ, снова вернулись къ Польшѣ, и успѣли воротить Подолье и Бельзъ, но Волынь и Подляшье остались за

---

[320]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddz. I, p. 251—252.
[321]) Ibidem, str. 271, 272.

Литвою; много хлопотъ потомъ пришлось имѣть полякамъ, много разъ пришлось вести переговоры съ литовцами, но эти переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Чтобы вернуть эти земли коронѣ, бискупъ предлагалъ настаивать на уніи великаго княжества in toto согласно съ старыми записями Ягайла. Въ такомъ же смыслѣ высказались и другіе члены польскаго сената, и мысль эта первоначально принята была и шляхетскими послами. Но вскорѣ послы сдѣлали съ своей стороны нѣкоторую поправку къ предложенію сенаторовъ. Согласившись въ переговорахъ съ литовцами настаивать на томъ, чтобы всегда былъ одинъ король, одинъ законъ для всѣхъ, одинъ народъ подъ однимъ скипетромъ и печатью, послы предложили основывать свои требованія не на старыхъ записяхъ Ягайла и Витовта, которые предполагаютъ двухъ государей въ Польшѣ и Литвѣ, а на договорѣ 1501 года [322]). При этомъ они не преминули высказать свое неудовольствіе по поводу того, что имъ не доставленъ подлинникъ этого договора, хранившійся въ скарбѣ, гдѣ его видѣлъ Кромеръ, описывавшій документы скарба и воспользовавшійся имъ въ изложеніи своей хроники [323]).

Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, какъ далеко расходились литовцы и поляки въ своихъ требованіяхъ къ уніи, и какъ трудно было имъ сговориться между собою и придти къ соглашенію. Условія, привезенныя литовскими делегатами, не только противорѣчили польскому идеалу уніи, но не согласовались и съ представленіемъ поляковъ о себѣ, какъ о вольномъ народѣ, свободно избирающемъ себѣ королей, безъ династическихъ или какихъ либо иныхъ ограниченій. Съ другой стороны литовцамъ трудно было помириться съ потерею автономіи и даже имени своего государства, что, какъ мы видѣли, проэктировали поляки. Контроверсъ сталъ ребромъ съ самаго начала переговоровъ съ литовцами. Двѣнадцатаго января Радивилъ представилъ полякамъ данную ему и товарищамъ его инструкцію, и на слѣдующій уже день маршалокъ посольской избы Сѣнницкій заявилъ сенаторамъ, что послы не могутъ принять условій литовцевъ: эти условія не только противорѣчатъ старымъ договорамъ, но и вводятъ нѣчто новое, чего предкамъ ихъ даже и не снилось,—двоевластіе и обязательное избраніе королей изъ извѣстной династіи взамѣнъ вольной элекціи, которая всегда практиковалась у поляковъ; поэтому они, послы, просятъ сена-

---

[322]) Ibidem, str. 272—275.

[323]) Ibidem, str. 278, 279.

торовъ не заставлять ихъ даромъ тратить время и довѣдаться отъ литовцевъ, желаютъ ли тѣ отступить отъ своей инструкціи и побратски совѣщаться съ поляками объ уніи [324]). Согласно съ этимъ желаніемъ сенаторы 15 января обратились къ литовцамъ съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ, отклоняя условія, содержащіяся въ литовской инструкціи, какъ противорѣчащія старымъ записямъ уніи, предлагали вести переговоры на почвѣ этихъ старыхъ записей, и въ особенности на почвѣ послѣдняго договора 1501 года [325]). Скрѣпя сердце литовцы согласились вступить въ переговоры, обмѣнявшись предварительно колкостями на счетъ прежнихъ взаимныхъ отношеній [326]). Любопытно, что еще до начатія переговоровъ сдѣлана была попытка раздѣлить литовскихъ делегатовъ и собственно шляхетскихъ представителей разобщить съ панами радными. Послы потребовали, чтобы эти представители засѣли среди нихъ и вели переговоры съ ними. Послы надѣялись такимъ путемъ скорѣе довести до конца начатое дѣло, такъ какъ представители собственно литовско-русской шляхты обнаруживали больше охоты къ заключенію уніи на условіяхъ, предложенныхъ поляками, чѣмъ паны радные [327]). Но глава литовско-русской делегаціи—Радивилъ отклонилъ требованіе пословъ польскаго сейма на томъ основаніи, что делегаты пріѣхали отъ лица всѣхъ земель великаго княжества сообща дѣлать одно общее дѣло (conjunctum negotium et causam), а о результатахъ своей миссіи сообщить своей братьѣ [328]).

Переговоры по существу открылись обмѣномъ мнѣній между поляками и литовцами по поводу отдѣльныхъ статей договора 1501 года. Статья объ общихъ сеймахъ была принята литовцами, которые изъявили согласіе дѣлать все сообща съ поляками и посылать своихъ

---

[324]) Ibidem, str. 290—291.

[325]) Ibidem, str. 293—297.

[326]) Ibidem, str. 297—308. Радивилъ не упустилъ при этомъ случая помянуть добрымъ словомъ и Кромера, на котораго ссылались поляки: «O jeśli się oglądać będziem na Kronikarze, tedyć poetis et pictoribus mentiri licitum. Jako i to, co Kromer w Kronikę wstawił, nigdy prawda nie była, bo przednejsi a prawdiwsi Kronikarze, żaden o tem zminki nie czyni, jeno ten, uczciwszy W. M., matacz, który i w narodzie Polskim wiele zacnych domów skalował nieprawdziwie».

[327]) Bo się dawali jawne słyszeć, żeby z Posły Koronnymi i siedzieć i Unią kończyć radzi chcieli, by im Panowie ich Radni dopuścili, a pozwalając na to, co nam wyżej Panowie podali. Ibidem, str. 312.

[328]) Ibidem, str. 313.

пословъ, избираемыхъ на повѣтовыхъ сеймикахъ, на коронные сеймы съ инструкціями по польскому обычаю. Делегаты приняли также въ принципѣ и ту статью договора 1501 года, которая устанавливала, чтобы впредь въ Польшѣ и Литвѣ былъ одинъ государь, избираемый сообща поляками и литовцами. Они согласились на то, чтобы впредь польскій король, избранный поляками и литовцами на общемъ сеймѣ, былъ обязательно въ то же время и великимъ княземъ Литовскимъ, и чтобы не происходило особаго избранія въ Литвѣ великаго князя. Но делегаты разошлись съ поляками по вопросу о династическомъ правѣ литовскихъ князей, о титулѣ общаго государя Польши и Литвы и о церемоніяхъ, коими должно сопровождаться его вступленіе во власть. Поляки считали, что имъ принадлежитъ вольная элекція королей, и полагали, что и литовцы, входя въ составъ короны Польской, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ право вольной элекціи. Но литовцы не рѣшились признать за собою это право и пожелали предварительно переговорить объ этомъ съ королемъ. Такъ какъ Сигизмундъ Августъ обнаружилъ готовность отказаться отъ своихъ династическихъ правъ на Литву, то и литовскіе делегаты перестали противиться вольной элекціи. Поляки, и въ особенности послы, потребовали, чтобы общій государь Польши и Литвы перестать именоваться великимъ княземъ Литовскимъ и назывался бы только королемъ Польскимъ, дабы двойное наименованіе не давало повода къ разрыву уніи на будущее время. Литовцы не дали своего согласія на уничтоженіе великокняжескаго титула и взяли это дѣло на размышленіе. Поляки настаивали на томъ, чтобы происходила одна только коронація избраннаго короля, и чтобы прекратилась церемонія возведенія его на великое княженіе въ Вильнѣ. Но литовцы не соглашались на это, выставляя на видъ, что церемонія возведенія на великое княженіе нисколько не вредитъ и не противорѣчитъ уніи: тѣ, кто приглашается на эту церемонію, являются ни для чего иного, какъ только для того, чтобы поглядѣть на новаго государя; если сразу отмѣнить эту церемонію, можетъ произойти въ народѣ «розрухъ и замѣшанье»; и наконецъ, можно гарантировать особымъ листомъ, чтобы эта церемонія никогда не могла колебать союзъ короны съ Литвою. Другіе «артикулы» акта уніи 1501 года прошли безъ особенныхъ затрудненій. Но камнемъ преткновенья явился артикулъ объ урядахъ (de officiis). Польскіе сенаторы предложили, чтобы литовскіе урядники и не назывались, и не писались впредь литовскими, а коронными. Послы сейма пошли еще дальше и потребовали, чтобы въ Литвѣ вообще не было отдѣльныхъ отъ Польши урядовъ, чтобы въ соединенномъ государствѣ была одна печать, одна канцеля-

рія, одна булава, одна «ласка» (маршальскій жезлъ) и одинъ скарбъ. Но литовцы ни за что не хотѣли уступить въ вопросѣ объ урядахъ и титулѣ великаго княжества и настаивали на томъ, чтобы все это осталось по старому. Сенаторы, принимая во вниманіе, что въ главнѣйшихъ вещахъ уже достигнуто соглашеніе, совѣтовали посламъ уступить литовцамъ въ вещахъ, сравнительно второстепенныхъ. Но послы не приняли совѣта. Маршалокъ ихъ Миколай Сѣнницкій произнесъ по обычаю широковѣщательную рѣчь, преисполненную ядовитыхъ выходокъ по адресу литовцевъ, вперемежку съ призываніемъ всуе пана Бога въ свидѣтели, съ политическими софизмами въ родѣ, напр., умозаключенія, что при *одномъ* государѣ могутъ быть только *одни* инсигніи, *одни* уряды и т. д. Свою рѣчь Сѣнницкій закончилъ обращеніемъ къ литовскимъ делегатамъ отъ шляхты, въ которомъ постарался задѣть ихъ съ наиболѣе чувствительной стороны. Онъ призывалъ Бога въ свидѣтели того, что поляки въ данномъ случаѣ хлопочатъ одинаково какъ о своихъ интересахъ, такъ и объ интересахъ литовской шляхты. «Не хочемъ разумѣть о вашей милости,—говорилъ онъ,—иначе, какъ о нашей братьѣ, подвластной одному государю и однимъ урядамъ и такимъ образомъ во всемъ съ нами равной. Можете сами уразумѣть, что, пока дѣло не дойдетъ до этого, не можемъ считать васъ братьею, во всемъ съ нами равною, и не можемъ быть увѣренными въ васъ. Поэтому старайтесь сами и приводите ихъ милость пановъ радныхъ, чтобы не оставалось никакой причины къ раздѣленію установляющагося братства». Глава литовской делегаціи Радивилъ не оставилъ эту рѣчь безъ отвѣта. Онъ съ горечью указалъ полякамъ, какъ много уже пожертвовали литовцы для дѣла уніи: они согласились на общіе сеймы, на которые имъ не всегда можно будетъ спокойно ѣздить, и на которыхъ они всегда будутъ въ меньшинствѣ; согласились на вольную элекцію общаго государя, избраніе котораго будетъ всегда зависѣть отъ поляковъ, и который будетъ болѣе признателенъ имъ, чѣмъ литовцамъ, только присутствовавшимъ при избраніи; для дѣла уніи литовцы поступились отчасти и своею совѣстью, ибо согласились въ угоду полякамъ порвать договоры съ народами, съ которыми до сихъ поръ пребывали въ мирѣ. Радивилъ указалъ на то, что и ранѣе литовцамъ пришлось принести не мало жертвъ уніи съ Польшею: всѣ бѣды постигали великое княжество какъ разъ въ то самое время, когда ихъ государь уѣзжалъ въ Польшу, какъ, напр., потеря Сѣверской земли, Смоленска и т. д. Въ заключеніе Радивилъ заявилъ, что предки ихъ всегда пріѣзжали въ Польшу въ качествѣ урядниковъ и сановниковъ своего устроеннаго государства и представляли его вели-

чіе; если упразднить литовскіе уряды и званіе, тогда нельзя будетъ сохранить и величіе этого государства; нельзя литовцамъ пойти и подъ одинаковое право съ поляками, у которыхъ свои особенные законы: неужели поляки станутъ желать, чтобы и литовцы заодно съ ними платили поральное, динарій св. Петра, подлежали верховенству духовныхъ пановъ? Литовцы не хотятъ *деградировать* съ своихъ мѣстъ и съ своего призванія. Здѣсь, очевидно, Радивилъ кололъ Сѣницкаго за его высокомѣрный тонъ по отношенію къ литовцамъ и ихъ порядкамъ, за утвержденіе, что литовская шляхта не пользуется одинаковыми вольностями съ польскою. Радивилъ кончилъ заявленіемъ, что, какъ ранѣе литовцы приступили къ Польшѣ съ своимъ благоустроеннымъ государствомъ (cum Republica sua bene ordinata), такъ и теперь они желаютъ сохранить его во всемъ величіи и готовы положить за него свои горла. Авторъ дневника замѣчаетъ, что свою рѣчь воевода Виленскій произносилъ съ большимъ чувствомъ (cum affectu). Видно, что вопросъ о титулѣ и урядахъ задѣвалъ существенные интересы литовскихъ магнатовъ, и они въ лицѣ своего представителя ни за что не хотѣли уступать полякамъ въ этомъ дѣлѣ. Благопріятное извѣстіе, полученное съ театра военныхъ дѣйствій 2 февраля, сдѣлало литовскихъ делегатовъ еще болѣе неуступчивыми и побудило ихъ даже взять назадъ часть сдѣланныхъ уже уступокъ полякамъ или, точнѣе сказать, обставить эти уступки такими ограниченіями и оговорками, которыя въ значительной степени лишали ихъ силы и значенія [329]).

Выше было сказано, что непосредственно послѣ потери Полоцка паны заключили съ московскими боярами перемиріе до 15 августа 1563 года. Гонецъ короля, дворянинъ Юрій Быковскій, ѣздившій въ Москву за опасною грамотою для великихъ литовскихъ пословъ, привезъ оттуда грамоту московскаго правительства съ предложеніемъ продлить перемиріе до 1 ноября. Сигизмундъ Августъ не только принялъ это предложеніе, но и отправилъ немедленно въ Москву дворянина Василья Мацковича съ новымъ предложеніемъ продлить перемиріе до 25 марта 1564 года. Король объяснялъ свое предложеніе желаніемъ дать достаточное время посламъ обоихъ государей «ходити и дела наши становити» [330]). На дѣлѣ король хотѣлъ, конечно, выиграть время для того, чтобы покончить на Варшавскомъ сеймѣ начатое дѣло уніи. Въ Москвѣ поняли, что король съ заднимъ намѣреніемъ проволакиваетъ перемиріе, и потому согласились продолжить его только до Николы

---

[329]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 319—341.

[330]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 155.

зимняго, т. е. до 6 декабря, съ тѣмъ, чтобы къ этому времени въ Москву явились уже литовскіе послы [331]). Къ назначенному сроку король отправилъ въ Москву крайчія, старосту Бѣльскаго, Юрія Александровича Тишкевича, маршалка, старосту Слонимскаго пана Григорія Богдановича Воловича и дьяка Михаила Богдановича Гарабурду [332]). Переговоры и на этотъ разъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Московское правительство соглашалось уступить Литвѣ Курляндію, но требовало уступки остальной Ливоніи и всей Полоцкой области, съ тѣмъ, чтобы заключить перемиріе на 10—15 лѣтъ. Литовскіе послы, разумѣется, не приняли этихъ условій и 9 января 1564 года уѣхали изъ Москвы съ пустыми руками [333]). Вслѣдъ затѣмъ немедленно возобновились военныя дѣйствія со стороны москвитянъ. Изъ Вязьмы выступили кн. Петръ Серебряный и царевичъ Казанскій съ 50 тысячнымъ войскомъ, изъ Полоцка вышелъ съ тридцатью тысячами кн. Петръ Шуйскій [334]). Имъ велѣно было соединиться на Друцкихъ поляхъ, подъ Оршею, и идти затѣмъ на Минскъ, Новгородокъ и Вильну, въ самую глубь Литвы. Серебряный, не доходя двухъ миль до Орши, расположился станомъ на р. Кропивнѣ въ ожиданіи Шуйскаго. Послѣдній, не ожидая ни откуда нападенія, шелъ безъ всякихъ предосторожностей: доспѣхи и оружіе везли на саняхъ, сторожи не было никакой. Оплошностью Шуйскаго воспользовался литовскій гетманъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ, все время зорко слѣдившій за движеніемъ непріятеля. Въ его распоряженіи было около четырехъ, а по другому извѣстію (Бѣльскаго)—около десяти тысячъ отборнаго войска, которое онъ держалъ на всякій случай въ Витебской области. Это войско состояло частью изъ наемныхъ ротъ подъ начальствомъ пановъ Юрья Зеновьевича, Миколая Сопеги, Яна Волминскаго, Юрья Тишковича, Баковъ, Боркулаба и другихъ, частью изъ тѣхъ «почтовъ», которые привели съ собою добровольно нѣкоторые князья: Богданъ Соломерецкій, Романъ Сангушко, Богушъ Корецкій и др. Когда Шуйскій расположился станомъ на Чашницкихъ поляхъ, на Улѣ рѣкѣ, Ради-

---

[331]) Тамъ же, № 161.

[332]) Тамъ же, № 164.

[333]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 459—465; *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 30, 31; *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, стр. 193—195.

[334]) Такъ опредѣляютъ количество московскихъ войскъ польско-литовскія хроники; московскія извѣстія говорятъ о меньшихъ количествахъ. Срав. также Акты Зап. Рос. III, № 35.

вилъ 26 января врасплохъ напалъ на московскій лагерь. Москвитяне не успѣли стать въ ряды и вооружиться, и разбѣжались въ разныя стороны. Самъ предводитель кн. Петръ Шуйскій, князья Семенъ и Ѳедоръ Палецкіе и нѣкоторые другіе знатные люди поплатились жизнью, а другіе взяты были въ плѣнъ и отправлены въ качествѣ трофея къ королю въ Варшаву [335]). Всего, по московскимъ извѣстіямъ, побито было литовцами около 200 человѣкъ; но польскіе и литовскіе источники насчитываютъ до 20—25 тысячъ человѣкъ, такъ что въ Полоцкъ прибѣжало не болѣе 5000 человѣкъ. Истина, очевидно, лежитъ гдѣ-то въ срединѣ. Но уничтоженіе одного отряда еще не знаменовало собою полной побѣды: подъ Оршею стояло еще не побѣжденное 50-тысячное московское войско подъ начальствомъ кн. Петра Серебрянаго. Радивилъ съ своими незначительными силами не могъ разсчитывать на побѣду [336]). Въ данномъ случаѣ помогла хитрость старосты Чернобыльскаго Филона Кмиты. Получивъ извѣстіе отъ Радивила о пораженіи московскаго войска на Улѣ, Кмита съ своей стороны послалъ гонца въ Дубровну съ письмомъ, въ которомъ въ преувеличенномъ видѣ расписалъ пораженіе Шуйскаго. Гонецъ посланъ былъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы онъ попался въ руки москвитянъ. Хитрость эта удалась. Узнавъ изъ перехваченнаго письма о гибели Шуйскаго и его отряда, кн. Серебряный немедленно началъ отступленіе. Кмита съ старостою Мстиславскимъ Юріемъ Остикомъ преслѣдовали по пятамъ отступающихъ москвитянъ, которые бѣжали въ большомъ страхѣ и безпорядкѣ, думая, что за ними гонится все побѣдоносное литовское войско. Кмита захватилъ, если вѣрить литовскимъ извѣстіямъ, до 25 тысячъ возовъ, нагруженныхъ всякою добычею, и до 6 тысячъ панцырей и бехтерей [337]).

Извѣстіе объ успѣхахъ, одержанныхъ на ратномъ полѣ, пріободрило литовскихъ делегатовъ на Варшавскомъ сеймѣ, и они стали менѣе уступчивыми въ отношеніи къ польскимъ требованіямъ. Это обнаружилось уже на слѣдующій день по полученіи извѣстія объ Ульской

---

[335]) Перечень плѣнныхъ см. въ Актахъ Зап. Росс. III, № 35.

[336]) Земское ополченіе великаго княжества, которому велѣно было собираться къ 21 ноября, стояло въ глубинѣ собственной Литвы, въ Кревѣ. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 52—54.

[337]) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 157, 158), *Стрыйковскаго* (tom II, str. 414, 415), *Кояловича* (Historiae Litvanae pars II, p. 465—468); Акты Зап. Росс. III, № 35; *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 31, 32; *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, томъ VI, стр. 195.

побѣдѣ, 3 февраля. Въ этотъ день читалась записка объ условіяхъ уніи, предъявленная отъ лица посольской избы сейма. Послы требовали, чтобы сеймы всегда были общіе, чтобы иныхъ не было какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ; требовали, чтобы для избранія пословъ на эти сеймы и составленія для нихъ инструкцій учреждены были въ Литвѣ повѣтовые и главные сеймики въ опредѣленныхъ мѣстахъ; чтобы мѣстомъ для вальныхъ сеймовъ назначенъ былъ Петрковъ или Варшава; чтобы на общемъ вальномъ сеймѣ отведены были подобающія мѣста литовскимъ панамъ раднымъ между коронною радою, а посламъ—среди пословъ, и чтобы опредѣлено было разъ навсегда количество этихъ послѣднихъ. Послы настаивали на томъ, чтобы элекція общаго государя Польши и Литвы была вольная, nullo respectu successionis cujuscunque, и чтобы король формально, письменнымъ актомъ, гарантировалъ это съ своей стороны. Общій государь Польши и Литвы, по проекту пословъ, долженъ только короноваться въ Краковѣ, при чемъ за разъ, въ одномъ актѣ (sub uno contextu verborum), подтверждать права и вольности какъ поляковъ, такъ и литовцевъ; особаго возведенія его на великое княженіе въ Вильнѣ впредь уже не должно быть. Въ число условій уніи послы поставили также вольность для отдѣльныхъ литовцевъ поддаваться подъ польское право и уничтоженіе сбора всякихъ мытъ съ продуктовъ шляхетскихъ имѣній. Вопросъ объ урядахъ послы соглашались отложить на будущій общій сеймъ, но съ тѣмъ, чтобы предварительное обсужденіе его въ Литвѣ имѣло мѣсто не на сеймѣ, а на сеймикахъ повѣтовыхъ. Выслушавъ этотъ проектъ, литовскіе делегаты заявили, что они не могутъ отказаться отъ своего государства, отъ своихъ отдѣльныхъ сеймовъ и другихъ порядковъ, не могутъ всѣ ѣздить на коронные сеймы, а будутъ только посылать своихъ делегатовъ, когда надобно будетъ что-нибудь постановлять о нуждахъ обоихъ государствъ, о податкахъ или оборонѣ земской [338]). Пять дней спустя, 9 февраля, литовскіе делегаты представили по пунктамъ свои отвѣты па проектъ уніи, представленный послами. Они соглашались имѣть общіе съ поляками сеймы, но только лишь по общимъ дѣламъ, касающихся обоихъ государствъ, и въ пограничныхъ мѣстахъ, согласно привилею Ягайла; соглашались установить главные и повѣтовые сеймы, но только на будущемъ вальномъ сеймѣ литовскомъ; требовали, чтобы въ радѣ и на сеймѣ литовцы сидѣли отдѣльно отъ поляковъ, по лѣвой сторонѣ отъ короля, и чтобы на сеймѣ имѣли мѣста ихъ князья и старожитные роды; количество пословъ отъ повѣтовъ

---

[338]) Źródłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 341—343.

обѣщались опредѣлить послѣ разграниченія самихъ повѣтовъ и раскладки земскихъ книгъ; согласились также и на то, чтобы при королѣ находилась общая польско-литовская рада для обсужденія дѣлъ, касающихся обоихъ государствъ, но настаивали на томъ, чтобы оставалась и отдѣльная рада великаго княжества для суда по апелляціи (въ виду того, что поляки не знакомы съ литовскимъ правомъ, а литовцы—съ польскимъ) и для рѣшенія текущихъ дѣлъ, касающихся только великаго княжества; общій вальный сеймъ предлагали назвать по латыни universalis conventus utriusque dominii и просили не назначать его въ скорости, пока не будутъ установлены повѣтовые сеймики въ Литвѣ; соглашались присягать до коронной рады, но съ тѣмъ, чтобы и поляки присягали до рады великаго княжества; требовали, чтобы избраніе общаго государя происходило всегда на границахъ обоихъ государствъ и при участіи равнаго числа избирателей со стороны Польши и Литвы, и чтобы этотъ государь именовался не паномъ земель Литовскихъ, а великимъ княземъ Литовскимъ; сверхъ общаго подтвержденья правъ и вольностей при коронаціи делегаты желали также подтвержденья правъ и вольностей отдѣльныхъ земель; соглашаясь на отмѣну церемоніи возведенія на великое княженіе, делегаты настаивали, однако, чтобы имѣло мѣсто торжественное засѣданіе «на маестатѣ», съ поднятіемъ меча, въ присутствіи всѣхъ становъ великаго княжества; на предоставленіе отдѣльнымъ лицамъ вольности поддаваться подъ польское право не согласились, ибо отъ того могутъ происходить различныя замѣшательства; на уничтоженіе мытъ съ продуктовъ шляхетскихъ имѣній дали свое согласіе; спорные пункты обѣщались обсудить предварительно на своемъ вальномъ сеймѣ, который ни въ коемъ случаѣ не долженъ подлежать отмѣнѣ; на этомъ сеймѣ они и впредь проэктировали обсуждать различные вопросы прежде, чѣмъ ѣхать для обсужденія ихъ сообща съ поляками на общемъ сеймѣ [339]). Въ послѣдующихъ затѣмъ устныхъ переговорахъ съ коронными сенаторами литовскіе делегаты заявили, что они желаютъ удержать свое собственное государство, которое не ниже королевства Польскаго и другихъ христіанскихъ государствъ. Они протестовали противъ утвержденія поляковъ, что такое желаніе будто бы противорѣчитъ старымъ записямъ уніи, и изъявляли готовность обратиться за интерпретаціею этихъ записей къ посторроннимъ государямъ и докторамъ Болонскаго университета. Но поляки взамѣнъ того пожелали получить интерпретацію отъ своего государя, общаго у нихъ съ литовцами. Въ этомъ смыслѣ высказались и сена-

[339]) Ibidem, str. 349—351.

торы, и послы, маршалокъ которыхъ Сѣницкій и на этотъ разъ далъ волю своему ядовитому краснорѣчію по адресу литовцевъ. Литовцы запротестовали противъ этого, указывая, что въ настоящемъ случаѣ король не судъ судить, что онъ ничего не можетъ здѣсь рѣшить своею властью, не нарушая ихъ вольностей, что литовцы пріѣхали на сеймъ не судиться, а договариваться на основаніи данной имъ инструкціи, отъ которой не могутъ отступить. Королю было въ высшей степени непріятно быть третейскимъ судьею въ этомъ спорѣ, но поляки настаивали на своемъ требованіи, и король долженъ былъ высказаться по существу. Онъ подтвердилъ съ своей стороны интерпретацію поляковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что для обсужденія спорныхъ пунктовъ долженъ быть разрѣшенъ литовцамъ на одинъ разъ свой сеймъ, на который поляки могутъ отправить своихъ пословъ [340]).

На этомъ собственно и покончились по существу переговоры объ уніи на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года. Прежде, чѣмъ разъѣхаться, поляки и литовцы условились формулировать пункты, по которымъ они уже пришли къ соглашенію, и которые остались спорными, для того, чтобы на будущемъ общемъ сеймѣ начать свои переговоры прямо съ этихъ послѣднихъ. Но этого не удалось имъ сдѣлать по обоюдному согласію. Поляки захотѣли воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобы провести свои тенденціи, и составили такой проектъ «рецесса», который литовцы никоимъ образомъ не могли принять. Въ этомъ проектѣ отъ лица литовцевъ удостовѣрялось, что будто бы они дали свое согласіе и на вольную элекцію общаго государя съ титуломъ короля (о великомъ князѣ замалчивалось), и на одни общіе сеймы въ Польшѣ съ уничтоженіемъ мѣстныхъ сеймовъ въ Литвѣ, и на то, чтобы подъ однимъ государемъ была одна рѣчь посполитая; въ качествѣ спорнаго пункта, подлежащаго обсужденію и рѣшенію на будущемъ общемъ сеймѣ оставлялся только вопросъ объ особыхъ литовскихъ урядахъ и «достоинствахъ». Разумѣется, литовскіе делегаты не замедлили внести въ этотъ проектъ свои поправки. Въ составленномъ ими рецессѣ утверждалось, что делегаты великаго княжества согласились на вольное избраніе общаго государя, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ или гдѣ-нибудь на границахъ обоихъ государствъ; согласились на то, чтобы избранный ими государь только короновался въ Краковѣ и не возводился уже на великое княженіе въ Вильнѣ, согласились и на то, чтобы оба государства имѣли одну монету, сообща заключали договоры и вели

---

[340]) Ibidem, str. 351—367.

дипломатическія сношенія, упразднили сборъ мытъ съ шляхетскихъ товаровъ, чтобы отмѣнены были въ Литвѣ всякія ограниченія правъ поляковъ, а въ Польшѣ—ограниченія правъ литовцевъ; но по неимѣнію надлежащихъ полномочій не согласились на то, чтобы Польша и Литва были одною рѣчью посполитою, чтобы въ Литвѣ не было своихъ сеймовъ и своихъ урядовъ и достоинствъ; эти спорные пункты они отлагали на обсужденіе и рѣшеніе будущаго польско-литовскаго сейма послѣ предварительнаго обсужденія ихъ на литовскомъ сеймѣ; на общемъ же сеймѣ долженъ рѣшиться вопросъ о мѣстахъ, которыя должны занять литовцы въ общей радѣ и на общемъ сеймѣ. Дневникъ сейма отмѣчаетъ, что поляки нетерпѣливо слушали литовскій контръ-проектъ рецесса и, разумѣется, не приняли его. Такъ, делегаты и уѣхали изъ Варшавы безъ рецесса. Передъ ихъ отъѣздомъ, 22 февраля, король объявилъ, что для окончанія начатыхъ переговоровъ съ литовцами онъ назначаетъ имъ сеймъ въ Воинѣ, а настоящій коронный сеймъ пророгируетъ въ Парчовъ на будущія святки (зеленыя). Два дня спустя, когда литовскіе делегаты уже распрощались съ королемъ и поляками, король объявилъ послѣднимъ, что онъ переноситъ настоящій сеймъ въ Парчовъ на 24 іюня, а литовцамъ назначаетъ сеймъ въ Бѣльскѣ, и предложилъ станамъ выбрать на этотъ сеймъ своихъ пословъ[341]).

Не принявъ рецесса, составленнаго литовцами, послы короннаго сейма послѣ отъѣзда литовскихъ делегатовъ стали просить короля и сенаторовъ формулировать пункты, по которымъ обѣ стороны пришли къ соглашенію, а также и тѣ, которые остались спорными, для всеобщаго свѣдѣнія. Король и сенаторы исполнили эту просьбу и 13 марта 1564 года обнародовали рецессъ Варшавскаго сейма 1563—1564 года по дѣлу уніи. Нельзя сказать, чтобы этотъ рецессъ былъ составленъ вполнѣ объективно и точно изображалъ положеніе вопроса. Въ немъ утверждалось, что будто бы обѣ стороны пришли къ соглашенію имѣть подъ однимъ государемъ одну рѣчь посполитую, чего въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, не было; говорилось о согласіи на общіе сеймы и общую раду, но совершенно умалчивалось о желаніи литовцевъ имѣть сверхъ того и свои сеймы, и свою мѣстную раду; въ качествѣ статей, отложенныхъ до слѣдующаго сейма, упоминались статьи объ отдѣльныхъ литовскихъ урядахъ, о мѣстахъ литовскихъ сенаторовъ и пословъ въ будущей общей радѣ и на сеймѣ, о мѣстѣ сбора будущихъ сеймовъ, объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймовъ на Литвѣ (sic!) и о титулѣ великаго княжества, что опять таки не совсѣмъ соотвѣтствовало

---

[341]) Ibidem, str. 367—384.

дѣйствительности. Видно, что въ этомъ рецессѣ король и сенаторы въ угоду посламъ умышленно постарались какъ можно болѣе затушевать разногласіе поляковъ и литовцевъ и изобразить дѣло такъ, какъ будто бы уже по всѣмъ существеннымъ пунктамъ между ними состоялось соглашеніе [342]). Одновременно съ рецессомъ Сигизмундъ Августъ по просьбѣ пословъ обнародовалъ и свою «декларацію» объ уніи, въ которой заявлялъ, что понимаетъ унію, какъ соединеніе Польши и Литвы въ одну рѣчь посполитую подъ однимъ государемъ, а для того, чтобы такому соединенію не препятствовало различіе его правъ на Польшу и Литву, отказывается за себя и своихъ потомковъ отъ своего дѣдичнаго права на великое княжество въ пользу короны Польской на вѣчныя времена [343]). Это была та самая декларація, которую король сдѣлалъ въ два пріема во время споровъ поляковъ и литовцевъ въ засѣданіяхъ сейма.

По окончаніи Варшавскаго сейма, въ концѣ апрѣля 1564 года, король поѣхалъ отдохнуть въ свой любимый Кнышинъ на Подляшьѣ [344]), а 1 іюня находился уже въ Бѣльскѣ [345]), гдѣ назначенъ былъ литовскій великій вальный соймъ [346]). На этотъ сеймъ собрались паны рада и другіе урядники—старосты, державцы, Жмудскіе тивуны, хоружіе, послы отъ всѣхъ повѣтовъ и земель и множество шляхты-рыцарства, а также представители Виленскаго мѣста [347]); прибыли и польскіе делегаты, избранные на Варшавскомъ сеймѣ: архіепископъ Гнѣзненскій Якубъ Уханьскій, бискупъ Краковскій, бискупъ Куявскій Миколай Вольскій, каштелянъ Краковскій, воевода Краковскій, воевода Брестскій, воевода Ленчицкій Янъ Сѣраковскій, каштелянъ Гнѣзненскій Янъ Томицкій, канцлеръ Дембинскій, подканцлеръ, изъ пословъ—Миколай Сѣницкій, Станиславъ Чарнковскій и др. [348]).

По извѣстію Мартина Бѣльскаго, на этомъ сеймѣ происходили большіе раздоры между нѣкоторыми панами и рѣзкія объясненія, вслѣдствіе чего сеймъ затянулся гораздо дольше того срока, къ которому

---

342) Volumina legum II, p. 30—32.

343) Ibidem, str. 29, 30.

344) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 455; XXXIX, л. 533, 537; XLI, л. 320.

345) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 340—342.

346) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XXXV, л. 346.

347) Приложенія № 48, 49.

348) Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 159; Źrodłopisma do dziejów unii, część II, oddział I, str. 384, 385.

литовскіе уполномоченные должны были уже быть въ Парчовѣ, т. е. 24 іюня [349]). Бывшіе на этомъ сеймѣ польскіе делегаты сообщали на Петрковскомъ сеймѣ 1565 года, что собственно рыцарство литовское охотно соглашалось на ту унію, которую предлагали поляки, и желало имѣть общіе сеймы и общую раду съ поляками. Но литовскіе «потентаты» сильно этому противились и отклоняли предложенія поляковъ. Въ концѣ концовъ потентаты одержали верхъ, и тѣ «артикулы», съ которыми отправились въ Парчовъ для переговоровъ съ поляками литовскіе делегаты, оказались для поляковъ «несносными». Въ Парчовѣ повторилось въ общихъ чертахъ то же самое, что происходило и въ Бѣльскѣ. «Потентаты» долго спорили съ поляками [350]) и не соглашались на ихъ требованія. Послы отъ рыцарства просили не обращать вниманія на упорство магнатовъ и договариваться объ уніи съ ними на условіи общихъ сеймовъ и общей рады, выставляя на видъ, что остальные спорные пункты будутъ потомъ легко разрѣшены на общемъ совѣтѣ [351]). Однако, поляки не сочли возможнымъ пренебречь протестомъ магнатовъ, хорошо зная, какую они представляютъ силу въ великомъ княжествѣ. Рѣшено было, что король созоветъ новый польско-литовскій сеймъ съ участіемъ не делегатовъ, а всѣхъ литовскихъ становъ, «сойму належачихъ» [352]). Такимъ путемъ поляки надѣялись скорѣе довести до конца начатое дѣло уніи.

Положеніе, занятое литовско-русскимъ рыцарствомъ-шляхтою въ вопросѣ уніи, ускорило осуществленіе завѣтнаго и давнишняго желанія его—имѣть новый статутъ и земскій выборный судъ по польскому образцу съ подчиненіемъ его юрисдикціи всѣхъ землевладѣльцевъ шляхетскаго званія безъ исключенія. Исполненіе этого желанія несомнѣнно тормозилось не одними только техническими трудностями требуемой «поправы» статута, но, по всѣмъ даннымъ, встрѣчало скрытое противодѣйствіе и со стороны господаря, не желавшаго умаленія прерогативъ своей власти и своихъ доходовъ, которое неизбѣжно слѣдовало

---

[349]) Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 159. По датамъ актовъ Литовской Метрики Бѣльскій сеймъ кончился 10 іюля, а король прибылъ въ Парчовъ 12 іюля. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XXXV, л. 346, 353.

[350]) По датамъ актовъ Литовской Метрики Парчовскій сеймъ продолжался съ 12 іюля по 20 августа. Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 353, 354, 361, 362, 364; XLVII, л. 66; Записей кн. XXXVIII, л. 506; XXXIX, л. 510, 513, 514, 546, 549; XLI, л. 328, 332—334, 345.

[351]) Biblioteka ordynacyi Krasinskich, rok 1868, str. 82, 83.

[352]) Ibidem, str. 80.

за учрежденіемъ земскихъ судовъ по польскому образцу,—и со стороны аристократіи князей и пановъ, не желавшихъ также поступаться прерогативами своей намѣстничьей власти, своими доходами и своею привилегированною подсудностью. Но теперь, когда рыцарство-шляхта такъ рѣшительно повернуло въ сторону Польши, ни король, ни магнаты не сочли возможнымъ противиться его желанію имѣть новый статутъ и свой выборный земскій судъ по польскому образцу — король, чтобы не лишиться союзника въ дѣлѣ установленія уніи съ Польшею, магнаты, чтобы не толкать еще болѣе рыцарство-шляхту въ объятія Польши и не заставлять ее искать новыхъ правъ и вольностей въ подданствѣ новому государству. Поэтому, когда на Бѣльскомъ сеймѣ стало извѣстнымъ, что готовъ новый статутъ, и что «судовый раздѣлъ» въ немъ исправленъ согласно желаніямъ шляхты, паны-рада, старосты, державцы и другіе урядники, отправлявшіе судъ, представъ «обличне» передъ господаремъ, «по своей доброй волѣ» заявили ему, что они, «милуючи речь посполитую а въ ней братью свою молодшую, народъ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются отъ своей судебной власти, коею пользовались на основаніи стараго статута и обычая, а также отъ всѣхъ «пожитковъ», которыми пользовались сами они и ихъ урядники, слуги и дѣцкіе, отъ «отзывовъ», т. е. аппелляціи, установленной новымъ статутомъ, отъ «вецовъ (wiec), судовъ и справъ всихъ воеводскихъ» согласно съ обычаемъ короннаго права, дабы установленіе новыхъ земскихъ судовъ не встрѣчало никакихъ препятствій. Вслѣдъ затѣмъ всѣ станы сейма — паны-рада, маршалки и другіе урядники, княжата и панята и вся шляхта, духовные и свѣтскіе, великаго и малаго рода, заявили, что всѣ они безъ исключенія съ своими потомками поддаются «въ одно ровное право, въ одинакий и не инакший судъ и моцъ а властность и поступъки судовые», и подчиняются юрисдикціи новыхъ земскихъ урядниковъ, «на судъ выбраныхъ и высажоныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили, чтобы и господарь съ своей стороны отмѣнилъ все то, что могло бы «перекажать» новому статуту, «порядку и артикуломъ, въ немъ описанымъ» со стороны «звирхности» уряда господарскаго, великаго княжества, и со стороны стародавнихъ господарскихъ судовъ, и утвердилъ новый статутъ своимъ листомъ. Господарь исполнилъ это желаніе становъ и 1 іюля выдалъ имъ привилей, коимъ утверждалъ новый статутъ и обязывался за себя и своихъ потомковъ соблюдать этотъ статутъ и не допускать никакихъ нарушеній его другими лицами; если обнаружится надобность въ чемъ нибудь его дополнить и исправить, предоставлялъ сдѣлать это «сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ, радою и зволеньемъ» всѣхъ ста-

новъ на будущемъ вальномъ сеймѣ, а на настоящемъ сеймѣ дозволялъ установить «новый порадокъ и росправу въ засаженью судовъ, обиранью на то врядниковъ» и назначить мѣста для этихъ судовъ и для положенія и храненія книгъ судовыхъ. Новый статутъ по этому привилею долженъ былъ войти въ дѣйствіе со дня св. Мартина, т. е. съ 11 ноября, при чемъ судебныя дѣла, возбужденныя ранѣе этого числа, должны были вершиться на основаніи стараго статута. Господарь оговаривалъ въ своемъ привилеѣ, что новымъ статутомъ не нарушаются права духовенства римскаго и греческаго закона, права и обычаи, соблюдающіеся въ судахъ Подляшскихъ земель и, наконецъ, права магдебургскія въ столичномъ мѣстѣ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ великаго княжества [353]). По просьбѣ присутствовавшихъ на сеймѣ представителей города Вильны Сигизмундъ Августъ гарантировалъ Виленскому мѣсту цѣлость его правъ особымъ листомъ, выданнымъ недѣлю спустя послѣ вышеизложеннаго привилея [354]).

Новый статутъ не вошелъ такъ скоро въ дѣйствіе, какъ предполагалъ король, и не могъ въ сущности войти. Для введенія его въ дѣйствіе надо было предварительно «засадить» новые суды, т. е. опредѣлить порядокъ избранія новыхъ судей и произвести самые выборы ихъ, разграничить округа новыхъ судовъ, намѣтить пункты ихъ сессій и мѣстонахожденія судебныхъ книгъ. Словомъ, требовалась довольно сложная и хлопотливая подготовительная работа, при широкомъ по возможности участіи землевладѣльцевъ великаго княжества. Поэтому, хотя господарь въ привилеѣ отъ 1 іюля и предоставилъ станамъ сейма «теперь за разомъ» произвести эту работу, но скоро оказалось, что сдѣлать ее на Бѣльскомъ сеймѣ трудно и даже невозможно. Поэтому король условился съѣхаться вновь съ панами-радою и всѣми станами въ Угровѣ на Подляшьѣ какъ разъ на день св. Мартина спеціально для этого дѣла. Но и этотъ съѣздъ не состоялся благодаря тому, что затянулся походъ, предпринятый гетманомъ Радивиломъ для освобожденія Полоцка, и станамъ пришлось очень долго «пролежать» подъ этимъ городомъ, до 4 октября включительно [355]). Послѣ того было уже

---

[353]) Приложеніе № 48. Въ XXIII книгѣ Временника Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ Бѣльскій привилей напечатанъ по неисправному списку; поэтому мы сочли необходимымъ напечатать его вновь въ приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію.

[354]) Приложеніе № 49.

[355]) Приложеніе № 50; *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 414; *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 41.

поздно ѣхать въ Угровъ, на польскую границу. Едва кончился этотъ походъ, какъ слухи, распространившіеся въ Литвѣ, о приготовленіяхъ москвитянъ къ новому вторженію въ великое княжество заставили короля разослать военные листы по всѣмъ землевладѣльцамъ великаго княжества съ приказаніемъ снова собираться въ походъ и быть въ Минскѣ не позже двухъ недѣль по св. Мартинѣ. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ и Петрковскій сеймъ въ Польшѣ, созванный «въ великоважныхъ потребахъ», съ котораго королю нельзя было уѣхать въ Литву. Все это въ общей сложности помѣшало королю съѣхаться съ станами великаго княжества и сообща покончить съ вопросомъ о введеніи въ дѣйствіе новаго статута. Разсчитывая, что у становъ будетъ свободное время, когда они соберутся подъ начальствомъ гетмана въ войско, король въ разосланныхъ имъ военныхъ листахъ приказывалъ между прочимъ «намовиться» обо всемъ, на что они получили привилей, «и чого до порадку судовъ, права и справедливости потреба», и, рѣшивъ всѣ связанные съ этимъ вопросы, написать свои постановленія и переслать ихъ ему, королю, для дальнѣйшаго распоряженія. Въ виду того, что собраніе въ лагерѣ должно было, такимъ образомъ, превратиться въ сеймъ, господарь приказывалъ пригласить на этотъ сеймъ «ку справованью потребъ земъскихъ, такъ важныхъ», и духовныхъ пановъ, а въ особенности князей бискуповъ [356]).

Мы не знаемъ въ точности тѣхъ результатовъ, къ которымъ привели совѣщанія на Минскомъ военно-полевомъ сеймѣ 1564 года по части «заложенья» новыхъ судовъ. Повидимому, уже здѣсь намѣчены были новые судебные округа, мѣста сессій и кандидаты на новыя судебныя должности. Но работа эта была только предварительная и неокончательная. Мы знаемъ, что она продолжалась еще на сеймѣ 1565—1566 года, когда и былъ введенъ въ дѣйствіе новый статутъ (съ 26 января 1566) [357]) и даже послѣ этого сейма.

Въ военномъ лагерѣ подъ Минскомъ происходили и другія совѣщанія собравшихся землевладѣльцевъ великаго княжества. Самымъ наболѣвшимъ вопросомъ былъ въ то время жолнерскій: разставленные повсюду наемные служебные, не получая во время жалованья, брали у жителей всякую живность «безъ заплаты» и чинили имъ разныя другія «долеглости»—наѣздами, «кгвалтами», боями и брапьемъ маетностей, и запустошили въ конецъ множество господарскихъ и владѣль-

---

[356]) Приложеніе № 50.

[357]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 170, 186. Срав. приложеніе № 53.

ческихъ имѣній. Паны-рада по совѣщаніи между собою на Минскомъ «соймѣ» и за просьбою рыцарства и иныхъ становъ отправили къ господарю братью свою—пана Виленскаго, гетмана дворнаго, старосту Городенскаго, пана Григорія Александровича Ходкевича и маршалка дворнаго, подскарбія земскаго, писаря, державцу Могилевскаго, пана Остафья Воловича, поручивъ имъ донести до господаря и изложить ему «вси тые потребы господарские и земские». Паны-рада послали къ господарю и особый листъ, въ которомъ просили, чтобы онъ, выслушавъ ихъ представленія и «уважившы такъ великие дела земскіе», принялъ ихъ совѣтъ и склонилъ свою мысль «до таковою поратованья» [358]). Паны просили господаря прислать особыхъ посланцовъ для осмотра и переписи подѣланныхъ жолнерами «долеглостей», съ тѣмъ, чтобы потомъ на основаніи этихъ «реестровъ» потерпѣвшимъ можно было взыскивать съ жолнеровъ свои убытки. Король исполнилъ эту просьбу и въ іюнѣ 1565 года разослалъ своихъ посланцовъ по разнымъ мѣстностямъ въ великомъ княжествѣ «на списыване шкодъ вшелякихъ, у великомъ князьствѣ Литовскомъ отъ жолнеровъ починеныхъ» [359]).

§ 9.

Еще прежде, чѣмъ собралось земское ополченіе великаго княжества, 18 ноября, московскій воевода Юрій Токмаковъ напалъ на Витебскій замокъ Озерище, занятый наемными служебными подъ начальствомъ Яна Деружинскаго, и занялъ этотъ замокъ [360]). Вслѣдъ затѣмъ и шведы изъ Ревеля начали распространять свои завоеванія въ Ливоніи, такъ что литовцамъ пришлось теперь имѣть дѣло уже не съ однимъ врагомъ, но съ двумя. На первыхъ порахъ, впрочемъ, борьба пошла сравнительно успѣшно для литовцевъ. Пришедшее на помощь къ литовцамъ польское войско, рыцарство и нѣкоторые паны—Горскій, Лесніовольскій, Сецыгніовскій и др., ходили къ смоленскому городку Красному, и хотя не взяли самаго городка, но произвели сильныя опустошенія въ окрестностяхъ; затѣмъ, соединившись съ старостою Оршанскимъ Филономъ Кмитою и находившимся въ его распоряженіи отрядомъ, они напали на Почепъ, сожгли этотъ городъ и опустошили московскія волости вплоть до самаго Стародуба. Въ то же время староста Динабургскій и Зельбургскій Миколай Тальвошъ разбилъ швед-

---

[358]) Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 78, 79.

[359]) Приложеніе № 52.

[360]) *Stryjkowskiego* Kronika, tom II, str. 415, 416; *Sew. Gołębiowskiego* Czasy Żygmunta Augusta, część I, str. 102, nota 3. Wilno 1851.

ское войско близь мызы и села Киремпе и преслѣдовалъ его до самаго Ревеля, захвативъ 400 плѣнныхъ, стрѣльбу, знамена и бубны; князья Лукашъ и Болко Свирскіе вмѣстѣ съ паномъ Остикомъ отбили у москвитянъ замки Каркусъ и Гельметъ [361]). Но при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы успѣхъ литовцевъ былъ рѣшительный. Москвитяне въ свою очередь воевали королевскія владѣнія и уводили большіе полоны. Воевода Бутурлинъ, напр., сильно опустошилъ окрестности Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга и вывелъ оттуда болѣе 3000 плѣнныхъ [362]). Нападеніе воеводы Кіевскаго кн. Конст. Конст. Острожскаго и старосты Чернобыльскаго Филона Кмиты на Черниговъ было отбито съ урономъ для Литвы [363]). Положеніе великаго княжества было тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что оно не могло ожидать навѣрняка помощи со стороны Польши, ибо все еще оставался открытымъ вопросъ объ уніи. На Петрковскомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1565 года, король по настоянію шляхетскихъ пословъ объявилъ было, что созоветъ общій польско-литовскій сеймъ для заключенія уніи, обѣщанный еще въ Парчовѣ, черезъ двѣ или три недѣли послѣ Пасхи [364]). Но поляки долго не могли управиться съ своими дѣлами, и Петрковскій сеймъ затянулся до половины апрѣля, почти до самой Пасхи (въ 1565 году Пасха была 22 апрѣля). Для созыва новаго сейма оставалось слишкомъ мало времени; и при томъ же литовцы, занятые войною, не имѣли возможности прибыть на сеймъ. Поэтому еще 23 марта король и сенаторы предложили отложить созывъ общаго польско-литовскаго сейма на неопредѣленное время, пока король не расправится съ москвитянами. Но послы горячо возстали противъ этого. Они указывали на то, что именно теперь, когда литовцы находятся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и можно еще привести ихъ къ уніи; когда же наступитъ другое, болѣе покойное время, тогда уже будетъ трудно это сдѣлать; а если,—чего Боже упаси,—случится междуцарствіе, то литовцы и совсѣмъ отпадутъ отъ короны. Нельзя,—возражали они,—откладывать созывъ общаго сейма до тѣхъ поръ, когда король раздѣлается съ Московскимъ: это дѣло—не во власти человѣческой, и трудно предвидѣть, когда оно совершится; а тѣмъ временемъ можетъ разбиться все: и унія, и экзекуція, и устроеніе государства,—при такомъ сла-

---

[361]) Хроники *Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 161) и *Стрыйковскаго* (tom II, str. 416).

[362]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 41.

[363]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, томъ IV, № 62.

[364]) Biblioteka Ordynacyi Krasinskich, rok 1868, str. 71, 72.

бомъ здоровьѣ короля [365]). Въ концѣ концовъ, однако, мнѣніе короля и сената одержало верхъ. Девятого апрѣля прибыли въ Петрковъ литовскіе послы Остафій Воловичъ и Янъ Шимковичъ. Отъ имени пановъ-рады и рыцарства великаго княжества они просили короля прибыть въ великое княжество и взять бразды правленія въ свои руки, ибо сами они, въ конецъ истощенные податками и содержаніемъ наемныхъ войскъ, не могутъ управиться съ собственными дѣлами; пановъ и шляхту короны Польской, своихъ братьевъ, они благодарили за оказанную помощь и просили ихъ и впредь не оставлять литовцевъ своею помощью. Послы разъясняли, что литовцы пріѣхали бы на общій сеймъ для переговоровъ о драгоцѣнной уніи съ короною, если бы хотя на малое время имѣли покой отъ безпрестанно докучающаго имъ непріятеля; но теперь они своими особами должны защищаться и не могутъ выѣхать изъ своей страны, пока она не успокоена и не обезпечена обороною [366]). Послѣ этихъ заявленій литовскихъ пословъ шляхта перестала настаивать на немедленномъ созывѣ общаго польско-литовскаго сейма. Но за то, когда король и сенаторы завели рѣчь объ оказаніи помощи литовцамъ, шляхетскіе послы стали сильно противиться ухвалѣ съ этою цѣлью податка. Насилу удалось королю и сенаторамъ уговорить ихъ дать согласіе на поборъ въ прошлогоднемъ размѣрѣ (по 20 грошей съ лана) и на заставу королевскихъ имѣній въ 500 тысячахъ золотыхъ для полученія аванса въ счетъ этого побора [367]).

Все это говорило за то, что литовцамъ надо было разсчитывать преимущественно на собственныя силы, надо было самимъ промышлять о себѣ. Обстоятельства настойчиво рекомендовали особенную осмотрительность и заботливость. Въ первой половинѣ сентября, когда Сигизмундъ Августъ собирался выѣхать изъ Городна въ Вильну [368]), къ нему явились послы отъ справцы воеводства Витебскаго Станислава Паца, отъ князей, пановъ, бояръ-шляхты и мѣщанъ Витебской земли съ просьбами о помощи. Они докладывали королю, что по донесеніямъ

---

365) Ibidem, str. 225, 226, 229—232, 273—275, 278—279.

366) Ibidem, str. 290, 291.

367) Ibidem, str. 295—312; Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 163.

368) Сигизмундъ по окончаніи Петрковскаго сейма и судовъ около мѣсяца (съ конца іюня и до конца іюля) проживалъ въ Кнышинѣ, а затѣмъ болѣе полутора мѣсяца въ Городнѣ. Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 625—636; XLI, л. 356—373; XLV, л. 89—107; Судныхъ дѣлъ XXXV, л. 416—430; XLVII, л. 115—129; LIII, л. 124, 125.

лицъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, и лазутчиковъ москвитяне намѣреваются врасплохъ напасть на Витебскъ и Суражъ и овладѣть этими замками, и просили господаря «о оборону и ратунокъ с поля войски его королевское милости», а также о снабженіи Витебскаго и Суражскаго замковъ стрѣльбою, боевыми и съѣстными припасами и объ увеличеніи въ нихъ гарнизоновъ. Господарь распорядился немедленно снабдить Витебскъ и Суражъ провіантомъ, стрѣльбою, боевыми и съѣстными припасами, выдать деньги и сукна на 2000 казаковъ, словомъ—сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло для защиты Витебской земли [369]). Но онъ не счелъ себя въ правѣ отрядить на подкрѣпленіе гарнизоновъ Витебскихъ замковъ часть земскаго ополченія, въ виду того, что шляхта считала себя необязанною ходить въ «заставу» и «лежать» на украйнныхъ замкахъ. Поэтому въ октябрѣ 1565 г. онъ наскоро устроилъ въ *Трабахъ* съѣздъ пановъ-рады, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ, панятъ и шляхты-рыцарства для рѣшенія этого вопроса. Станы, съѣхавшіеся на этотъ *соймъ*, по совѣщаніи другъ съ другомъ пришли къ заключенію, что имъ съ почтами своими нельзя непрерывно находиться подъ оружіемъ, и что для обороны государства нѣтъ другого средства, какъ только къ 4000 служебныхъ, уже нанятыхъ, принанять еще 4000.

---

[369]) Г. Довнаръ-Запольскій, напечатавшій въ I-мъ томѣ Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи (стр. 192—196) отвѣты господаря на это посольство Витебской земли, высказалъ предположеніе, что это посольство снаряжено было на Виленскій сеймъ 1565—1566 года. Мы должны здѣсь категорически отвергнуть это предположеніе М. В. Довнаръ-Запольскаго, а равно и его дату разсматриваемаго документа (конецъ 1565 или начало 1566 года). Дату эту незачѣмъ было и опредѣлять предположительно, ибо она есть въ самой же книгѣ Метрики. Вслѣдъ за напечатаннымъ «отказомъ» короля Станиславу Пацу и всѣмъ обывателямъ Витебской земли въ книгѣ Метрики записанъ особый «отписъ» до Станислава Паца, въ которомъ король увѣдомляетъ его о своемъ согласіи на просьбу Витблянъ касательно снабженія замка съѣстными припасами и приказываетъ отдать тамошній «шпихлеръ» (магазинъ) въ завѣдыванье городничію и войту Витебскому и шафару (эконому), посланному изъ скарба. «Отписъ» этотъ, очевидно, отправленный вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ «отказомъ», помѣченъ 15 сент. 1565 года; слѣдовательно и «отказъ» написанъ тогда же; оба эти документа тѣсно связаны другъ съ другомъ, составляютъ по существу одно цѣлое, выданы одновременно и потому помѣчены одною датою въ концѣ второго документа (Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 113, 114). Если такъ, то и вышеупомянутый «отказъ» Станиславу Пацу и всѣмъ обывателямъ Витебской земли не есть сеймовый отвѣтъ, данный на Виленскомъ сеймѣ конца 1565 г. и начала 1566 г.: сеймъ этотъ начался только 18 ноября, а «отказъ» писанъ 15 сентября 1565 г.

Но для этого не было средствъ въ земскомъ скарбѣ, совершенно истощенномъ предшествующими расходами. Мы видѣли, что уже бюджетъ 1562 года свелся съ дефицитомъ въ 16 т. слишкомъ копъ грош., который былъ покрытъ собственными рессурсами скарбовыхъ урядниковъ. Съ дефицитомъ же заключенъ былъ и слѣдующій 1563 годъ. За этотъ годъ въ скарбъ поступило обычныхъ доходовъ съ господарскихъ дворовъ, съ мытъ, съ поборовъ земскихъ великихъ и малыхъ, установленныхъ на сеймѣ 1561 года, займовъ у частныхъ лицъ подъ залогъ господарскихъ столовыхъ имѣній въ великомъ княжествѣ[370]) и въ землѣ Ливонской, а также подъ залогъ драгоцѣнностей, займовъ у нѣкоторыхъ мѣстъ, золотыхъ урочныхъ съ жидовъ[371]), недоимокъ серебщинъ за 1556 и 1561 годы, серебщинъ съ господарскихъ имѣній за 1563 годъ—всего 230697 копъ 9 грошей и $7^1/_2$ пенязя. Въ то же время было израсходовано на содержаніе господарскаго двора и стола, на жалованье дворянамъ и слугамъ господарскимъ, на выдѣлку лѣсныхъ товаровъ въ господарскихъ пущахъ и на нѣкоторыя другія хозяй-

---

[370]) Въ 1563 году заставлены были пану Станиславу Довойну *Бержники* въ 700 копахъ грош. и *Бискупій Новый Дворъ* въ староствѣ Городенскомъ въ 1000 копахъ. Эту послѣднюю сумму король перенесъ впослѣдствіи (10 мая 1564 г.) на *Острину* и *Новый Дворъ Светицкого* съ правомъ получать господарскіе доходы за проценты и 100 копъ изъ нихъ въ ежегодное погашеніе долга (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 453—455). Въ этомъ же году король заставилъ кн. Богдану Матоеевичу Огинскому, тивуну Виленскому, дворъ тивунства — *Лыгкмены* въ 1000 копахъ съ правомъ брать ежегодно изъ господарскихъ доходовъ съ этого двора 100 копъ «лифы», недоборъ получать изъ доходовъ съ другихъ дворовъ тивунства, лишнее отдавать въ скарбъ. По смерти кн. Огинскаго, король передалъ заставу его преемнику пану Станиславу Нарушевичу (10 іюня 1564 года на вальномъ сеймѣ въ Бѣльскѣ) (Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 73—76). Въ 1563 же году король заставилъ въ двухъ тысячахъ копъ грошей *дворъ Вилькомирскій* съ мѣстомъ и селами державцѣ Вилькомирскому, маршалку Яну Войтеховичу Кмитѣ, а по смерти его дозволилъ пану Яну Шимковичу, маршалку и писарю, старостѣ Тыкотинскому, отложить эти деньги сыну покойнаго Кмиты—Станиславу (на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г.) и держать Вилькомиръ въ заставѣ три года съ правомъ продолжать держанье еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа и т. д. Кромѣ того, король дозволилъ ему выкупить у Андрея Бобровницкаго село *Окмени* Вилькомирскаго повѣта, заставленное ему въ 100 копахъ, и держать, такимъ образомъ, все вмѣстѣ въ 2100 копъ грошей (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 122—125).

[371]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 179, 180.

ственныя надобности («на роботу ставовъ Роконтишскихъ и ставовъ Волкиницкихъ»), на ремонтъ Виленскаго замка, на людей служебныхъ «ездныхъ и пешихъ, а зъ особна на служебные польские», на фурмановъ и на другія военныя потребности, на «отправу» пословъ на Варшавскій сеймъ, на «отправу» слугъ архіепископа Рижскаго, въ уплату герцогу Курляндскому за замокъ Динамюндскій, на «страву» ландмаршалку земли Лифляндской, на князя Мекленбургскаго, когда его отправляли въ Варшаву, «на отправу и стравованье» пословъ и гонцовъ ордынскихъ, на князей Пятигорскихъ и москвитянъ, пріѣхавшихъ на «ласку» господарскую, на разсылку дворянъ «противко служебнымъ польскимъ», на выкупъ заложеннаго золота и серебра, на уплату роста Гданскимъ жидамъ, на уплату займовъ, подѣланныхъ у жидовъ, и на другія потребности—231174 копы, 21 грошъ, $6^1/_6$ пенязя. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ получился дефецитъ въ 477 копъ, 11 грошей $9^1/_{24}$ пенязя. Но въ слѣдующемъ 1564-мъ году дефицитъ получился уже значительный. Въ этомъ году въ скарбъ пришло обычныхъ доходовъ съ господарскихъ имѣній, отъ продажи господарскаго хлѣба въ Гданскѣ, отъ поборовъ великихъ и малыхъ, денегъ отъ займовъ подъ заставы господарскихъ имѣній, недоимокъ серебщинныхъ за прошлые годы и серебщины земской за 1564 годъ черезъ руки бирчихъ земскихъ, кустоша Виленскаго кн. Яна Маковецкаго и тивуна Дирваньскаго Яна Градовскаго,—138212 копъ 46 грошей. Израсходовано было въ этотъ годъ на содержаніе стола и двора господарскаго, на жалованье слугамъ и дворянамъ господарскимъ, на производство лѣсныхъ товаровъ и на разныя хозяйственныя работы («на справу двору и ставовъ Рудницкихъ, двора Виршупского и ставовъ Роконгьскихъ»), на ремонтъ Виленскаго и украинныхъ замковъ, на снабженіе ихъ боевыми принадлежностями, на людей служебныхъ конныхъ и пѣшихъ, и въ частности на польскихъ жолнеровъ, на пушкарей, фурмановъ и на другія военныя потребности, на кормъ кн. Курбскому и другимъ москвичамъ, пріѣхавшимъ въ Литву, на погребеніе кн. Шуйскаго, на кормъ и дары послу турецкому, посламъ и гонцамъ ордынскимъ, на содержаніе плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Москвы, князьямъ Пятигорскимъ, на выкупъ заложеннаго серебра, на уплату роста жидамъ и на другія надобности—154988 копъ, 47 грошей, 7 пенязей [372]). Такое же положеніе вещей продолжалось и въ 1565 году. Какъ разъ передъ Трабскимъ сеймомъ и послѣ него король долженъ былъ прибѣгнуть къ новымъ заставамъ своихъ имѣній для покрытія

[372]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 202—213.

текущихъ расходовъ. Съ разрѣшенія господаря подскарбій земскій взялъ у пана Григорія Воловича въ скарбъ земскій 3000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему староство *Слонимское* на годъ съ правомъ получать изъ господарскихъ доходовъ 300 копъ грошей «лифы» и держать староство въ заставѣ еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа [373]) и т. д. Вскорѣ затѣмъ, 24 августа, король отдалъ на подобныхъ же условіяхъ кн. Миколаю Збаражскому замокъ *Кременецъ* съ мѣстомъ и волостью, занявъ у него 3000 копъ грошей [374]). 26 октября 1565 года король взялъ у воеводы Подляшскаго пана Василья Тишковича 10000 копъ грошей и предоставилъ ему въ уплату процентовъ и въ погашеніе долга брать въ свою пользу всѣ господарскіе доходы съ староства *Пинскаго*, которое отдалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ въ держанье до живота [375]). Тогда же король взялъ у своего ложничія Лукаша Леньскаго 1000 копъ грошей изъ 10% и предоставилъ ему выбирать ихъ съ доходовъ *двора Дубенскаго* въ староствѣ Городенскомъ съ правомъ брать въ свою пользу и всѣ остальные доходы «на выхованье» [376]). Въ 1565 году же король взялъ у маршалка кн Ярослава Матѳеевича Микитинича 2000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему *Ковенскую* державу; тогда же, повидимому, заставлена была и волость *Румшишская* въ 3000 копахъ гр. хоружію Ковенскому Яну Выдрѣ и дворянину Балтазару Раецкому [377]), а также староство

---

[373]) Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 72, 73. «А пакъ ли бы оные платы и доходы вси за скаженьемъ волости трохъ сотъ копъ грошей не вынесли, тогды онъ такъ много пенезей, чого до трохъ сотъ копъ грошей не доставати будетъ, маетъ собе у-въ арендаторовъ нашихъ Слонимскихъ пенезей поборовыхъ взяти».

[374]) Тамъ же, л. 90—92.

[375]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 1, 2.

[376]) Дубно оставалось въ заставѣ у Леньскаго до 1569 года включительно. Въ этомъ году король перенесъ на него и долгъ въ 1000 копъ съ двора *Жосель*, также находившагося въ заставѣ у Леньскаго, и въ общей суммѣ 2000 копахъ грошей заставилъ Дубно еще на годъ съ правомъ держать еще годъ, если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа и т. д. Литов. Метр. кн. Записей LII, л. 69, 70.

[377]) *Wolffa* Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 122. Въ 1566 г. 30 августа король дозволилъ пану Яну Еронимовичу Ходкевича выкупить Ковно и Румшишки и держать ихъ въ заставѣ (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 87). Но Ходкевичъ не воспользовался на этотъ разъ дозволеньемъ, такъ что королю пришлось позже, 14 апр. 1568 г., выдавать ему новое дозволенье, которымъ онъ и воспользовался (Акты Виленской Археогр. Коммиссіи XIII, № 14).

Бранское на Подляшьѣ въ 4400 копахъ пану Криштофу Оленьскому, старостѣ Брянскому и Саражскому [378]).

Отсутствіе денегъ въ скарбѣ заставило прибѣгнуть къ займамъ и чиновъ, съѣхавшихся въ Трабахъ. Они упросили нѣкоторыхъ богатыхъ пановъ сформировать на свой счетъ отряды наемныхъ служебныхъ и дали имъ извѣстную гарантію въ томъ, что всѣ ихъ расходы будутъ возмѣщены. Такимъ образомъ, «поднялся» выставить своимъ «коштомъ и накладомъ» 1200 коней панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевича, староста Жмудскій, державца Плотельскій и Тельшовскій [379]); Остафій Воловичъ, маршалокъ дворный, подскарбій земскій, справца воеводства Виленскаго, державца Могилевскій, взялся выставить 250 коней [380]); Григорій Война—150 коней; Янъ Шимковичъ—100 коней; кн. Андрей Михайловичъ Курбскій — 400 коней; Павелъ Ивановичъ Сопега — 100 коней [381]); Филонъ Семеновичъ Кмита — 100 коней [382]) и т. д Но такъ какъ при всемъ томъ не хватало еще извѣстнаго числа до предположеннаго комплекта, станы послали господарю просьбу, чтобы онъ съ своей стороны выбралъ таковыхъ особъ, «которие бы своимъ коштомъ почты вести подънялися», и гарантировалъ своими листами уплату ихъ расходовъ. На эту уплату станы обѣщались сложиться и ухвалить извѣстный податокъ, а для «ухвалы» этого податка и для «постановенья справедливости и поправенья статуту» станы просили господаря назначить «съемъ звыклый великий вальный» въ Вильнѣ, а если будетъ этому мѣшать моровое повѣтріе, то въ Городнѣ. Король исполнилъ просьбу становъ Трабскаго сейма и назначилъ сеймъ въ Вильнѣ недѣлю спустя по св. Мартинѣ (18 ноября 1565 г.), при чемъ запретилъ являться на сеймъ «для справъ судовыхъ» тѣмъ, кто позванъ господарскими мандатами, или кому припалъ срокъ явки на судъ, дабы отъ стеченія народа не усилилась эпидемія въ Вильнѣ [383]). Всѣмъ панамъ, «поднявшимся» выставить на свой

---

[378]) По смерти Оленьскаго король дозволилъ пану Яну Дульскому, старостѣ Рогозинскому и Саражскому, выкупить Бранское староство у наслѣдниковъ Оленьскаго и держать въ заставѣ три года съ 25 іюля 1567 г., а при невыкупѣ въ срокъ—еще три года и т. д. (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 86—90; Публичныхъ дѣлъ VIII, л. 26—32).

[379]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 41.

[380]) Приложеніе № 54.

[381]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 30, 31, 36, 37, 107, 108.

[382]) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. IV, № 63.

[383]) Приложеніе № 53; Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. IV, № 62.

счетъ наемные отряды, господарь гарантировалъ уплату денегъ за первую четверть года спустя двѣнадцать недѣль по св. Мартинѣ, а за вторую четверть спустя еще восемь недѣль; въ томъ случаѣ, если бы жалованье за полгода не было уплачено, господарь предоставлялъ имъ распустить свои отряды, а своихъ денегъ «смотрѣть» на господарскихъ имѣньяхъ [384]).

Чтобы сеймъ могъ спокойно собраться и благополучно кончиться, литовское правительство поспѣшило завязать мирные переговоры съ Москвою. Бискупъ Виленскій Валерьянъ, панъ Виленскій, староста Городенскій, Григорій Александровичъ Ходкевича и староста Жмудскій Янъ Еронимовичъ Ходкевича въ октябрѣ или началѣ ноября 1565 года отправили къ первѣйшимъ московскимъ боярамъ письмо, въ которомъ извѣщали ихъ, что они наводили своего господаря на прекращеніе разлитія христіанской крови, и просили, чтобы и бояре съ своей стороны наводили своего государя на то же. Результатомъ этой посылки было прибытіе въ Вильну (14 января 1566 г.) московскаго гонца, дворянина Жолнинскаго, съ опасною грамотою на литовскихъ великихъ пословъ. Въ грамотѣ, присланной съ гонцомъ по этому случаю, царь извѣщалъ, что онъ не прочь отъ переговоровъ о мирѣ съ литовскими послами и во изъявленіе своей склонности къ миру приказалъ уже своимъ воеводамъ, намѣстникамъ и всѣмъ воинскимъ людямъ прекратить военныя дѣйствія противъ литовцевъ; и потому пусть и король съ своей стороны сдѣлаетъ подобное же распоряженіе [385]). Въ отвѣтъ на это король съ тѣмъ же гонцомъ Жолнинскимъ отправилъ въ Москву грамоту съ объявленіемъ, что онъ пришлетъ своихъ великихъ пословъ къ середопостью и прикажетъ своимъ ратнымъ людямъ прекратить военныя дѣйствія [386]). Къ назначенному сроку вмѣсто великихъ пословъ явился въ Москву гонецъ королевскій Юрага съ извѣщеніемъ, что послы прибудутъ позже. Литовское правительство, очевидно, нарочно протягивало время перемирія, чтобы собраться съ силами. Обѣщанные послы—панъ Троцкій, староста Бѣльскій, Юрій Александровичъ Ходкевича, воевода Берестейскій, державца Волковыйскій, Юрій Васильевичъ Тишкевича, писарь, державца Свислоцкій, Михаилъ Богдановичъ Гарабурда явились въ Москву только 30 мая. Послѣ обычныхъ запросовъ обѣ стороны пошли было на уступки. Московское правительство перестало настаивать на признаніи царскаго титула, уступало Литвѣ

---

[384]) Археографическій Сборникъ, т. I, № 41; приложеніе № 54.

[385]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 167.

[386]) Тамъ же, № 168.

Озерище, волость Усвятскую, пять городовъ въ Полоцкой землѣ, Курляндію и 15 городовъ по правую сторону Двины. Литовскіе послы съ своей стороны соглашались на уступку Полоцка и тѣхъ ливонскихъ городовъ, которые уже находятся во власти москвитянъ. Но камнемъ преткновенія, о который разбилось соглашеніе, послужили остальные ливонскіе города и Полоцкій повѣтъ. Царь требовалъ Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгаузена и другихъ городовъ, которые подошли къ порубежнымъ юрьевскимъ и псковскимъ городамъ. Литовскіе послы не уступали этихъ городовъ. Изъ Полоцкаго повѣта они уступали земли по правой сторонѣ Двины на 15 верстъ выше Полоцка и на 5 верстъ ниже, но не уступали земель по лѣвой сторонѣ Двины, самыхъ лучшихъ въ землѣ. 22 іюля 1566 года литовскіе послы уѣхали изъ Москвы, не придя къ соглашенію съ московскимъ правительствомъ по существу. Условились только, что для продолженія переговоровъ царь пришлетъ на Рождество или Крещенье своихъ великихъ пословъ, и до присылки ихъ военныя дѣйствія не будутъ возобновляться съ той и другой стороны [387]).

Перемиріе, установившееся во время всѣхъ этихъ пересылокъ и переговоровъ, было въ сущности единственнымъ цѣннымъ ихъ результатомъ для литовцевъ. За время этого перемирія литовцы имѣли возможность спокойно совѣщаться на своемъ сеймѣ о важныхъ вопросахъ, выдвинутыхъ внѣшнею и внутреннею жизнью великаго княжества, и принять по нимъ цѣлый рядъ рѣшеній, которымъ суждено было сильно измѣнить внутренній строй этого государства. Только благодаря этому перемирію и могъ такъ долго продлиться великій вальный соймъ, созванный въ Вильнѣ къ 18 ноября 1565 года. По датамъ актовъ, сеймъ этотъ засѣдалъ до 11 марта 1566 года включительно, болѣе $3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ [388]). Такая продолжительность этого сейма объясняется именно важностью и обиліемъ обсуждавшихся на немъ вопросовъ и принимавшихся рѣшеній. Въ этомъ отношеніи великій вальный соймъ 1565—1566 года былъ завершителемъ всей той сложной и продолжительной работы политической мысли, которая развивалась на предшествующихъ сеймахъ съ конца великокняженія Сигизмунда Стараго, и родоначальникомъ новой эпохи въ исторіи литовско-рус-

---

[387]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 66, 67; *С. М. Соловьева* Исторія Россіи, кн. II, т. VI, 196—198.

[388]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 638—645; XLI, л. 376; XLIV, л. 105; L, л. 2, 5, 7; Судныхъ дѣлъ кн. XXXV, л. 469, 518, 532; XLVII, л. 136—170; L, л. 9—197.

скаго сейма, связанной съ тѣми преобразованіями, которыя были приняты на этомъ сеймѣ и утверждены вторымъ статутомъ, получившимъ окончательную санкцію также на этомъ сеймѣ.

Самымъ настоятельнымъ вопросомъ, которымъ пришлось заняться Виленскому сейму 1565—1566 года, былъ вопросъ о средствахъ на уплату уже заслуженнаго жалованья наемнымъ войскамъ и на дальнѣйшее ихъ содержаніе. По позднѣйшему отчету подскарбія земскаго, за 1565 годъ по 31 декабря поступило въ скарбъ земскій обычныхъ доходовъ съ господарскихъ имѣній, съ мытъ и поборовъ великихъ и малыхъ, недоимокъ серебщинъ за прошлые годы, серебщины за 1565 г. съ господарскихъ имѣній, урочнаго плата съ жидовъ, серебщины земской (черезъ руки бирчихъ земскихъ) и другихъ доходовъ — всего 173095 копъ 51 грошъ $1^{101}/_{180}$ пенязя. За это же время было израсходовано на содержаніе господарскаго двора и стола, на жалованье слугамъ и дворянамъ, на лѣсныя работы въ господарскихъ пущахъ, на хозяйственныя постройки въ господарскихъ дворахъ и на ремонтъ Виленскаго и украинныхъ замковъ, на людей служебныхъ конныхъ и пѣшихъ, и особенно на польскихъ жолнеровъ, на нѣмецкихъ людей, на казаковъ украинныхъ, на пушкарей, фурмановъ и на разныя военныя надобности, князю Курляндскому, князьямъ Пятигорскимъ и выѣзжимъ москвичамъ, на содержаніе и подарки посламъ и гонцамъ — 163666 копъ 54 гроша, $2^{2}/_{3}$ пенязя. Такимъ образомъ, 1565 годъ свелся какъ будто бы съ остаткомъ въ 9428 копъ 56 гр. $8^{161}/_{180}$ пенязей. Но это произошло отъ того, что подскарбій и его помощники, какъ показываетъ позднѣйшій отчетъ, не брали еще изъ скарба своихъ денегъ, коими они покрыли дефициты за предшествующіе годы, такъ что въ сущности скарбъ не избавился отъ дефицита [389]). При такомъ состояніи скарба и увеличеніи расходовъ, вызванныхъ увеличеніемъ наемнаго войска, нельзя было обойтись безъ субсидіи со стороны землевладѣльцевъ великаго княжества. Исполняя обѣщаніе, данное на Трабскомъ сеймѣ, станы опредѣлили дать съ своихъ подданныхъ поголовщину, исключая людей шляхетскаго и духовнаго званія, всѣхъ, несущихъ военную службу и грудныхъ младенцевъ, и просили господаря, чтобы онъ съ своей стороны далъ такой же податокъ съ своихъ подданныхъ. Господарь изъявилъ на это свое согласіе. Размѣръ поголовщины опре-

---

[389]) При сдачѣ отчета подскарбіемъ Воловичемъ оказалось, что къ 4 апрѣля 1566 года скарбъ былъ долженъ подскарбію земскому и его помощникамъ, скарбному Ивану Зарѣцкому и писарю скарбному Ларіону Ивановичу—35301 копу 48 грошей $7^{1}/_{6}$ пенязя. Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 202—213.

дѣленъ былъ разный. Съ мѣщанъ, занимающихся торговлею и ремесломъ, положено было брать по шести грошей «съ кождого домового господара, братьи и сусѣдовъ», съ женъ и дѣтей; съ шинкарей и перекупниковъ (барышниковъ)—по 4 гроша, а съ мѣщанъ, не занимающихся торговлею или ремесломъ, по 3 гроша, съ наймитовъ—также 3 гроша, съ людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій («люзныхъ», или «волочащихъ»), медвѣдниковъ, дудниковъ, скрипачей и другихъ всякихъ музыкантовъ—съ каждаго «гудка», съ женъ и дѣтей ихъ—по 8 грошей; съ жидовъ—по 15 грошей, съ ихъ слугъ, челяди и наймитовъ изъ христіанъ по 2 гроша; съ татаръ, не служащихъ военной службы, но занимающихся извозомъ, торговлею или ремесломъ, по 10 грошей, а съ женъ и дѣтей ихъ по 5 грошей; съ волостныхъ людей, ихъ женъ и дѣтей, коморниковъ, или сусѣдовъ, наймитовъ и наймичекъ—по 2 гроша съ головы; съ людей, не высидѣвшихъ еще своей воли, но уже получающихъ доходы,—по 5 грошей; съ огородниковъ—по грошу; съ челяди невольной, имѣющей свои дома и «присѣвки», по 5 пенезей (съ живущей на «мѣсячинѣ» положено не брать поголовщины). Эта такса распространялась одинаково какъ на владѣльческихъ, такъ и на господарскихъ подданныхъ. Съ владѣльческихъ подданныхъ поголовщину предоставлено было выбирать владѣльцамъ или ихъ урядникамъ шляхетскаго званія и отдавать не позднѣе трехъ недѣль послѣ Рождества Христова [390]) особымъ бирчимъ, избраннымъ для каждаго повѣта подъ присягою, чтобы выбрали правильно и ничего не утаили. Бирчимъ повѣтовымъ [391]) велѣно было выдавать владѣль-

---

[390]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 96—99.

[391]) Эти бирчіе повѣтовые были избраны не для прежнихъ мелкихъ повѣтовъ, соотвѣтствовавшихъ староствамъ и державамъ, а для новыхъ, или судовыхъ, повѣтовъ, установленныхъ на разсматриваемомъ сеймѣ. Бирчими были избраны: въ повѣтѣ *Городенскомъ*—тамошній хоружій Богушъ Мицута, въ *Волковыйскомъ*—хоружій Еронимъ Пукшта, въ *Берестейскомъ*—Яковъ Гричина и Аврамъ Бурkграба, въ *Ковенскомъ*—хоружій Янъ Выдра, въ *Слонимскомъ*—Иванъ Есманъ и Лавринъ Здитовскій, въ *Вилкомирскомъ*—хоружій Миколай Завиша, въ *Виленскомъ*—Миколай Конча, въ *Ошменьскомъ*—Григорій Ясеньскій и Андрей Островицкій, въ *Упитскомъ*—Миколай Яновичъ, въ *Троцкомъ*—Ленардъ Мартиновичъ Куроѣдъ, въ *Браславскомъ* и *Вѣницкомъ*—Олехно Дешковскій, въ *Мельницкомъ*—Юрій Млодовскій, въ *Дорогицкомъ*—Мальхеръ Нетецкій, въ *Бѣльскомъ*—Янъ Вроска, хоружій; въ *Лидскомъ*—Матей Щепановичъ, въ *Кіевскомъ*—Богушъ Дешковскій, въ *Луцкомъ*—Григорій Гулевичъ и Григорій Ело, во *Владимірскомъ*—Лавринъ Иваницкій и Иванъ Калусовскій, въ *Кременецкомъ*—Иванъ Семеновичъ Шутъ, въ

цамъ квитанціи въ пріемѣ поголовщины, а отъ нихъ брать квитанціи въ сдачѣ, собранную же поголовщину представлять главнымъ бирчимъ земскимъ въ теченіе пяти недѣль послѣ новаго года.

Въ должности главныхъ бирчихъ земскихъ король утвердилъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которые избраны были на прошломъ Виленскомъ сеймѣ для сбора серебщины, т. е. архидіакона Варшавскаго кн. Яна Маковецкаго и тивуна волости Дирвянской Яна Градовскаго. Земскимъ бирчимъ было предоставлено расходовать собранныя ими суммы на расплату съ панами, сформировавшими наемные отряды по просьбѣ Трабскаго сейма, отбирая при этомъ у нихъ выданныя имъ записи. Сборъ поголовщины въ господарскихъ волостяхъ и непривилегированныхъ мѣстахъ возложенъ былъ на старостъ, державцевъ и тивуновъ (въ Жмуди), а въ привилегированныхъ мѣстахъ на выбранныхъ мѣщанами лицъ, при чемъ тѣ и другіе собранную поголовщину должны были представить уже непосредственно въ скарбъ. За трудъ по сбору поголовщины опредѣлено было вознагражденіе въ размѣрѣ 2% съ собранной суммы для бирчихъ повѣтовыхъ, въ размѣрѣ 1% для господарскихъ урядниковъ и мѣщанскихъ бирчихъ, въ размѣрѣ 3 копъ въ недѣлю (всего 15 копъ)—для бирчихъ земскихъ главныхъ. За неотдачу поголовщины въ срокъ положено было взыскивать ее вдвойнѣ, безъ всякаго снисхожденія; только завѣдомо убогимъ людямъ изъ своихъ подданныхъ господарь разрѣшилъ подскарбію земскому давать отсрочку въ платежѣ поголовщины [392]). Станы ходатайствовали, чтобы поголовщину платили всѣ безъ исключенія, въ томъ числѣ и украинные обыватели и обыватели земель Лифляндской, Курляндской и Семигальской, изъ-за которыхъ собственно и началась война, а духовныя лица—даже вдвойнѣ, въ виду того, что они не служатъ военной службы, а если не пожелаютъ, то половину своихъ доходовъ. Господарь отвѣчалъ: всѣ украинные обыватели должны будутъ платить поголовщину, за исключеніемъ тѣхъ жителей Мстиславскаго повѣта и Витебской земли, которые потерпѣли разоренія отъ непріятельскихъ людей и «на маетностяхъ своихъ зубожоны»; что касается обывателей Лифляндской земли, то ихъ нельзя обложить поголовщиною въ виду того, что они

Пинскомъ—мостовничій тамошній Стефанъ, въ *Витебскомъ*—Богданъ Пшеницкій, въ *Браславскомъ* (Литовскомъ)—Григорій Андреевичъ, въ *Новгородскомъ*—хоружій Иванъ Харитоновичъ, въ *Минскомъ*—Димитрій Сова (Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 108, 109).

[392]) Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 166—168; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 85—92.

не были приглашены на сеймъ; когда это приглашеніе состоится, тогда можно будетъ учинить сообща съ ними и постановленіе по этому предмету; духовные въ настоящемъ случаѣ дадутъ поголовщину наравнѣ съ другими, а затѣмъ господарь прикажетъ бискупамъ созвать по епархіямъ синоды и предложить подчиненному имъ духовенству сложиться на извѣстную сумму въ пользу рѣчи посполитой. На тотъ случай, если бы собранной серебщины не хватило на расплату съ жолнерами, станы обѣщались на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ увеличить размѣръ поголовщины и къ двумъ грошамъ прибавить третій [393]).

Обязавшись внести поголовный податокъ съ своихъ подданныхъ, станы просили господаря уже не взыскивать съ нихъ третью серебщину, которую они должны были внести на основаніи «ухвалы» прошлаго Виленскаго сейма на день Рождества Богородицы въ 1565 году, а вторую серебщину, которую они должны были заплатить еще въ 1564 году, взыскивать съ нихъ не въ такомъ размѣрѣ, какъ въ 1563 году, но «водлугъ преможенья», въ виду разоренья ихъ имѣній отъ жолнеровъ; просили также за неуплату серебщины налагать секвестръ не на собственные дворы и гумна шляхетскія, но на крестьянъ и ихъ земли. Король согласился не взыскивать третьей серебщины, за 1565 годъ, а тѣмъ, кто своевременно уплатилъ ее, зачесть ее въ уплату поголовщины; согласился также не взыскивать полностью серебщину за 1564 г., но «водлугъ преможенья», при чемъ лица, вносящія эту серебщину, обязывались показывать подъ присягою, что больше они не могутъ заплатить; всѣ недоимки за 1563 и 1564 г. король приказывалъ отдать бирчимъ повѣтовымъ одновременно съ поголовщиною, т. е. не позднѣе трехъ недѣль спустя послѣ Рождества Христова.

Поблагодаривъ короля за его рѣшеніе не увольнять никого отъ платежа земскихъ податковъ, станы просили спеціально, чтобы не увольнялись отъ этого воеводы и старосты украинные Эти воеводы и старосты въ эпоху Ливонской войны стали получать жалованье сверхъ обычныхъ своихъ доходовъ и различныя льготы въ виду того, что имъ приходилось держать при себѣ значительные «почты» слугъ для гарнизонной службы [394]). Въ данномъ случаѣ станы хлопотали, чтобы да-

---

[393]) Тамъ же, стр. 168, 169.

[394]) Такимъ образомъ, кн. Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, сталъ получать (съ 5 дек. 1559 года) изъ скарба деньги на 200 коней, по 10 копъ на коня, 600 солянокъ жита и столько же овса (Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 309; XLVII, л. 94); державца Кричевскій Андрей Шолуха—триста копъ изъ господарскихъ доходовъ съ Кричевской державы на содержаніе 40 коней (съ 9

ваемыя имъ льготы не распространились и на уплату поголовщины съ ихъ подданныхъ, а ограничивались бы лишь тѣмъ, что давалъ имъ отъ себя самъ господарь. Въ логической связи съ этимъ ходатайствомъ стоитъ просьба, чтобы господарь съ своей стороны далъ «помочъ и ратунокъ» на уплату жалованья новымъ жолнерамъ изъ поборовъ съ купецкихъ людей, чтобы эти поборы не отдавались въ аренду жидамъ, а только христіанамъ, которые должны давать отчетъ объ нихъ рѣчи посполитой. Господарь отвѣчалъ, что поборъ съ купецкихъ людей установленъ не для чего иного, какъ для надобностей государственной обороны, и до сихъ поръ ни на что иное и не расходовался; на нужды рѣчи посполитой онъ, господарь, не жалѣлъ не только этихъ поборовъ, но и другихъ доходовъ своего скарба, позаставлялъ множество своихъ имѣній, которыя необходимо выкупить, такъ какъ уже не хватаетъ денегъ на содержаніе двора и стола господарскаго, на снабженіе всѣмъ необходимымъ украинныхъ замковъ и на другія государственныя нужды.

Стремленіе поставить господаря на одну доску съ остальными землевладѣльцами великаго княжества въ несеніи тягостей войны еще яснѣе обнаружилось въ просьбѣ, чтобы господарь «рушился» собственною особою противъ своего непріятеля. Господарь отвѣчалъ, что онъ и безъ этого напоминанья хорошо знаетъ, какъ оборонять свое государство и своихъ подданныхъ и исполнять свою господарскую повинность: когда будетъ нужно, онъ не замедлитъ выступить въ походъ.

На сеймѣ шла рѣчь о размѣрахъ военной службы съ земскихъ имѣній. Но за краткостью времени станы не пришли къ какимъ либо окончательнымъ постановленіямъ. Они проектировали только, чтобы съ десяти служебъ или 15 волокъ «осѣлыхъ» выставлялся конь, и чтобы убогая шляхта складывалась между собою и выставляла также одного коня съ каждыхъ десяти служебъ или 15 волокъ. Для «поровнанья» въ военной службѣ они просили господаря приказать всѣмъ «станамъ народу шляхетского» переписать всѣ свои имѣнья и реестры отдать хоружимъ, подъ страхомъ конфискаціи утаеннаго въ пользу рѣчи посло-

---

марта 1561): державца Чичерскій и Пропойскій панъ Юрій Зеновьевичъ—500 копъ грошей на содержаніе 60 коней (кн. Запис. XXXVII, л. 436, 437, 439); державца Любецкій Павелъ Ивановичъ Сопега сталъ получать въ свою пользу на содержаніе своего «почта» на замкѣ всѣ господарскіе доходы съ своей державы—съ 5 августа 1562 года (Запис. XLIV, л. 52); державца Рѣчицкій Михаилъ Мышка Варковскій получилъ въ 1565 году всѣ господарскіе доходы съ своей державы съ обязанностью держать постоянно на замкѣ 30 коней (Запис. XLV, л. 79) и т. д.

литой и доносчика. Станы просили, чтобы такое же «поровнанье» было произведено и въ Подляшской землѣ, а до этого времени военная служба отправлялась бы по старому. Король отвѣчалъ, что по окончаніи войны онъ распорядится «пописомъ» земскихъ имѣній, а до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться война, всѣ станы, въ томъ числѣ и убогая шляхта и подляшане, обязаны служить «по давному и звыклому» обычаю. Хлопоча о возможномъ облегченіи военнаго бремени, станы просили, чтобы король на этомъ же сеймѣ «неотволочно» издалъ постановленіе касательно «выправы» на военную службу съ привилегированныхъ мѣстъ по примѣру польскихъ мѣстъ, и получили на то королевское соизволеніе. Они просили, чтобы такъ же «неотволочно», на теперешнемъ вальномъ сеймѣ, король принялъ карательныя мѣры противъ тѣхъ, кто уклонялся отъ земской службы и не бывалъ на предшествующихъ войнахъ, «а для пильнѣйшаго въ томъ дозренья», просили установить особаго инстигатора «з рамени господарского» съ согласія всѣхъ становъ сейма. Но принимая во вниманіе разныя смягчающія вину обстоятельства, станы ходатайствовали, чтобы это каранье было «з милосердемъ, а не подле срокгости статуту уфалъ земскихъ», и предлагали взамѣнъ наказанія по статуту взыскивать по 5 копъ съ коня за каждый пропущенный походъ. Король изъявилъ на все это свое согласіе и съ своей стороны предложилъ, чтобы паны-рада, княжата, панята и другіе землевладѣльцы не принимали къ себѣ на службу татаръ, имѣющихъ осѣдлость «подъ господаремъ», дабы они не манкировали на службѣ господарской, которую обязаны нести съ своихъ «оселостей».

Слѣдующія просьбы касались возмѣщенія «шкодъ» и убытковъ, понесенныхъ обывателями великаго княжества отъ своихъ и польскихъ жолнеровъ и огражденія мирныхъ жителей отъ обидъ и притѣсненій со стороны военнаго люда на будущее время. Станы предлагали, чтобы ротмистры передъ уплатою жалованья своимъ товарищамъ чинили «справедливость и заплату» каждому, кто будетъ искать на товарищахъ ихъ ротъ вознагражденія за взятую живность и «о иные которие колвекъ шкоды», и чтобы гетманъ или,—въ случаѣ роспуска войска,—повѣтовые судьи давали судъ и управу на самихъ ротмистровъ, которые отказали въ справедливости, и присуждали на нихъ убытки истцовъ. Король принялъ это предложеніе. Относительно вознагражденія за убытки, понесенные отъ польскихъ жолнеровъ, король постановилъ, чтобы всѣ, у кого будутъ «квиты» отъ этихъ жолнеровъ въ полученіи живности или реестры подѣланныхъ ими «шкодъ», составленные особыми господарскими посланцами, отдавали эти квиты и реестры

маршалку и писарю Яну Гайку, по докладу котораго и будутъ производиться вычеты изъ жалованья польскихъ жолнеровъ для удовлетворенія претензій къ нимъ. Станы согласились на это, но пожелали, чтобы Янъ Гайко, отбирая у нихъ квиты и реестры, выдавалъ имъ «противни» съ нихъ, дабы впослѣдствіи на основаніи этихъ «реверсаловъ» каждому изъ нихъ дошла заплата отъ короля полностью. Король изъявилъ на это свое согласіе.—Въ огражденіе отъ убытковъ и разореній на будущее время со стороны военнаго люда станы ходатайствовали, чтобы жолнерамъ запрещено было становиться въ шляхетскихъ домахъ, и чтобы они не расквартировывались во внутреннихъ областяхъ, но ходили подъ командою гетмана высшаго или дворнаго противъ непріятеля, чтобы запрещено было и земскимъ «военникамъ» во время мобилизаціи останавливаться въ шляхетскихъ домахъ и брать живность у жителей по таксѣ, чтобы такса устанавливалась только въ лагерѣ гетманомъ, и чтобы господарь приказалъ повысить таксу для жолнеровъ. Король изъявилъ свое согласіе на всѣ ходатайства за исключеніемъ послѣдняго, которое нельзя было исполнить безъ нарушенія договора съ жолнерами. Король обѣщалъ принять во вниманіе это ходатайство тогда, когда будетъ вновь «приповѣдывать» службу жолнерамъ, по истеченіи срока ихъ службы.

Великій Виленскій сеймъ 1565—1566 года, какъ уже сказано было выше, созывался не только для рѣшенія вопросовъ, поставленныхъ войною, но и для исправленія и введенія въ дѣйствіе новаго статута. Та работа, которая совершалась въ этомъ направленіи на сеймѣ 1565—1566 г., нашла себѣ выраженіе отчасти и въ просьбахъ, поданныхъ станами сейма, въ отвѣтахъ господаря на эти просьбы и сдѣланныхъ имъ по сему случаю постановленіяхъ и распоряженіяхъ. На первомъ планѣ здѣсь надо поставить просьбу становъ объ учрежденіи подкоморіевъ «для справъ граничныхъ и земленыхъ», при чемъ станы просили предоставить имъ право избирать для замѣщенія этой должности кандидатовъ, какъ и на другіе земскіе судовые уряды. Господарь согласился на учрежденіе самой должности, но оставилъ за собою право замѣщать ее по своему усмотрѣнію, сославшись на коронные порядки. При этомъ онъ оговорилъ, что всякое совмѣстительство судебныхъ урядовъ не будетъ имѣть мѣста.—Станы просили, чтобы смѣщены были съ земскихъ урядовъ всѣ, кто напросился на нихъ безъ элекціи. Король отвѣчалъ: пусть укажутъ таковыхъ урядниковъ. Изъ этой просьбы и даннаго на нее отвѣта видно, что къ 21 декабрю 1565 года, когда данъ былъ отвѣтъ, уже состоялось назначеніе членовъ земскихъ судовъ и притомъ при участіи шляхты, хотя правиль-

ная элекція кандидатовъ едва ли имѣла мѣсто, ибо не были еще установлены сеймики въ новыхъ судебныхъ округахъ. Повидимому, станы, совѣщавшіеся въ лагерѣ подъ Минскомъ о заложеніи новыхъ судовъ и о разграниченіи новыхъ повѣтовъ, намѣтили какъ самыхъ кандидатовъ на новыя должности, такъ и предѣлы ихъ юрисдикціи. Дѣло это, впрочемъ, не было доведено до конца и продолжало занимать станы и на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. Они просили господаря дозволить имъ «поровнять» нѣкоторые повѣты великіе, гдѣ еще не засажены земскіе суды, и произвести выборъ «электовъ» для этихъ судовъ на этомъ же сеймѣ, на что и получали согласіе [395]).

Станы, однако, не имѣли въ виду на всегда узаконять такой порядокъ и потому обратились съ просьбою къ господарю, чтобы онъ разрѣшилъ имъ въ новыхъ судовыхъ повѣтахъ имѣть «соймы повѣтовые» по примѣру короны «для лепшого и вечистого порадку въ Речи Посполитой». Господарь исполнилъ эту просьбу и выдалъ особый привилей, коимъ учреждались въ великомъ княжествѣ мѣстные сеймы по новымъ судебнымъ округамъ, гдѣ уже засажены новые земскіе уряды, и гдѣ они будутъ засажены впослѣдствіи. Привилей гласилъ, что на эти повѣтовые сеймы имѣютъ впредь собираться всѣ мѣстные землевладѣльцы безъ исключенія—князья, паны радные, урядники земскіе и дворные и шляхта-рыцарство и «о потребахъ рѣчи посполитое радити и намовляти и обмышляти», о чемъ имъ объявлено будетъ особыми господарскими листами, а по окончаніи этихъ совѣщаній выбирать своихъ пословъ на великіе вальные сеймы для донесенія господарю о «потребахъ» рѣчи посполитой и каждаго повѣта въ частности, какъ это ведется въ коронѣ Польской [396]). На этихъ же сеймахъ должна была происходить впредь и элекція земскихъ урядниковъ.—Въ виду того, что на польскихъ сеймикахъ предводительствовали обыкновенно сенаторы—воеводы и каштеляны, станы сейма просили господаря «для

---

[395]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 170. Поэтому и привилей Ѳедору Балакыру на писарство земское Кіевское (отъ 8 марта 1566 г.) гласитъ: «Водлугъ уфалы нашое господарское и земское и подле статуту нового князи, панове и земяне шляхта повету Киевского, обравши межи собою чотырохъ особъ шляхтичовъ, въ томъ повете оселыхъ, намъ подали, бьючи чоломъ, абыхмо съ тыхъ чотырохъ которого одного въ тотъ *поветъ Киевский до Мозыра и до Овручого*, писаромъ имъ давши, на тотъ врядъ его подтвердили» (Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 13). О томъ, какъ разграничены были повѣты, и какіе были избраны въ нихъ урядники см. въ приложеніяхъ № 55, 79.

[396]) Акты Зап. Рос. III, № 38.

лепшого порадку» на сеймикахъ и «для оздобы и помноженья преложоныхъ становъ въ Речи Посполитой» увеличить число мѣстъ въ своей радѣ и учредить новыхъ воеводъ и каштеляновъ, согласно своему обѣщанію. Стремленіе къ умноженію «преложоныхъ становъ» въ великомъ княжествѣ, по всѣмъ соображеніямъ, вызвано было готовящеюся уніею съ Польшею. Какъ одинъ изъ результатовъ этой уніи, намѣчался общій сенатъ или, по крайней мѣрѣ, соединенныя засѣданія польскаго и литовскаго сената. Въ этомъ соединенномъ сенатѣ должны были получить мѣсто далеко не всѣ члены господарской рады великаго княжества, а только тѣ, которые были одинаковаго ранга съ польскими сенаторами, т. е. князья бискупы, воеводы, каштеляны и нѣкоторые «министры» (маршалокъ земскій и дворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбій земскій). Но такъ какъ воеводъ и каштеляновъ въ Литвѣ было очень мало по сравненію съ Польшею, то король и задумалъ увеличить ихъ число, а станы поддержали его въ этомъ намѣреніи, дабы Литва возможно лучше была представлена въ будущемъ общемъ совѣтѣ соединенныхъ государствъ. Король обѣщалъ прибавить «достоенствъ подле потребы в томъ панстве своемъ».—Станы просили затѣмъ, чтобы выдавались деньги изъ земскаго скарба на издержки повѣтовымъ посламъ, которые будутъ отправляться на вальные сеймы, и чтобы обезпечены были доходами хоружства и другіе старые повѣтовые уряды. Король отвѣчалъ, что относительно содержанія повѣтовымъ посламъ желаетъ держаться порядка, соблюдаемаго въ коронѣ: послы будутъ получать деньги «на страву» изъ тѣхъ податковъ, которые ухвалятъ станы сейма; что касается старыхъ повѣтовыхъ урядовъ, то король будетъ сохранять ихъ «звыклымъ обычаемъ по давнему».

Указывая на затруднительность явки на судъ по вызовамъ господарскими «мандатами», станы ходатайствовали, чтобы впредь никому не выдавались эти мандаты изъ господарской канцеляріи, и чтобы впредь всѣмъ предоставлено было доводить своей справедливости передъ вновь учрежденными земскими судами въ своихъ повѣтахъ. Король изъявилъ на то свое согласіе, оговоривъ только, что въ дѣлахъ, гдѣ затронуты его интересы, и впредь будутъ посылаться мандаты по старому обычаю.

Послѣ всѣхъ этихъ дополненій и поправокъ къ статуту, станы просили господаря, чтобы онъ уже «неотволочно», передъ роспускомъ сейма, ввелъ въ дѣйствіе новый статутъ, хотя бы и неисправленный до конца, и приказалъ вписать въ него наиболѣе важные привилеи земскіе, въ частности—привилей 1563 года, уравнивающій въ правахъ подданныхъ великаго княжества «розныхъ послушенствъ веры христи-

анское», привилей Бѣльскій 1564 года и привилей Виленскій 1565 г. о повѣтовыхъ сеймикахъ. Король объявилъ, что новый статутъ входитъ въ силу съ 26 января 1566 года за исключеніемъ статей о персонѣ господарской, объ имѣньяхъ господарскихъ, объ оборонѣ земской, о свободахъ шляхты, о судахъ и судьяхъ; эти статьи будутъ имъ просмотрѣны и поправлены совмѣстно съ панами-радою и объявлены на этомъ же сеймѣ; всѣ же остальные «артикулы» должны доправить тѣ особы, которые «высажены» для поправы статута, а чего опи не досмотрятъ и не исправятъ, то будетъ докончено на слѣдующемъ сеймѣ. На вписаніе указанныхъ привилеевъ земскихъ господарь также согласился, и они были дѣйствительно вписаны въ статутъ [397]).

Мы уже знаемъ, что со времени тяжелой Ливонской войны въ средѣ литовско-русской шляхты зародилось довольно сильное тяготѣніе къ уніи съ Польшею, которое проявлялось не разъ и на мѣстныхъ, и на общихъ съ поляками сеймахъ. Это же тяготѣніе обнаружилось и на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года. Нѣкоторыя земли и повѣты подали королю просьбу, чтобы назначенъ былъ, наконецъ, «сполный съемъ» съ короною Польскою, обѣщанный на Парчовскомъ сеймѣ 1564 года. Король отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ поступитъ «водле потребы и часу».

Но въ томъ же общемъ спискѣ просьбъ, поданныхъ станами Виленскаго сейма, встрѣчаемъ просьбы, которыя обнаруживаютъ совершенно иную тенденцію и иныя чувства въ отношеніи къ полякамъ. Такой диссонансъ объясняется, какъ уже мы имѣли случай замѣтить раньше, самымъ происхожденіемъ общаго списка, составлявшагося изъ заявленій отдѣльныхъ становъ, отдѣльныхъ группъ общаго собранія. Поэтому-то на ряду съ просьбою объ общемъ сеймѣ съ поляками мы и встрѣчаемъ ходатайство, чтобы рецессы сеймовъ Варшавскаго и Парчовскаго, присвоивающіе Ливонію Польшѣ, не вредили интересамъ великаго княжества, и чтобы король обезпечилъ великое княжество въ этомъ отношеніи особымъ листомъ; встрѣчаемъ ходатайство, чтобы въ землѣ Лифляндской имѣнья раздавались только уроженцамъ великаго княжества, чтобы писарство польное [398]) въ великомъ княжествѣ поручалось только «родичу» этого государства, и, наконецъ, находимъ просьбу Волынянъ объ оборонѣ ихъ «у кривдахъ» отъ пановъ поля-

---

[397]) Временникъ Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 1—13.

[398]) Писари польные производили перепись наемнымъ служебнымъ, которые обязаны были становиться передъ ними съ своими «почтами» и показывать количество людей, лошадей и вооруженіе, дабы по этой части не было никакихъ злоупотребленій. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VIII, л. 13; X, л. 57—58.

ковъ. На первую изъ этихъ просьбъ король обѣщалъ дать отвѣтъ въ другое время; на остальныя отдѣлался неопредѣлеными заявленіями, что при раздачѣ имѣній въ Лифляндской землѣ не будетъ отказывать въ своей «ласкѣ» своимъ вѣрнымъ подданнымъ изъ великаго княжества, а писарство польное хочетъ «осмотрѣть водле потребы»; тѣмъ, кто обиженъ отъ сосѣдей-поляковъ, учинитъ справедливость «водле потребы и подлугъ обычаю права и статуту земского».

Подобныя просьбы, какъ мы видѣли, подавались и на предшествующихъ сеймахъ, собиравшихся въ великомъ княжествѣ, такъ что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ и развитіемъ прежнихъ ходатайствъ. Въ этомъ же родѣ встрѣчаемъ и еще нѣсколько ходатайствъ, а именно: объ успокоеніи «розницъ граничныхъ» между великимъ княжествомъ и Лифляндскою землею и о разборѣ ссоръ и столкновеній пограничныхъ жителей; о томъ, чтобы иноземные купцы, торгующіе въ Виленскомъ и другихъ мѣстахъ, несли повинности заодно съ мѣстными мѣщанами; чтобы введена была такса на товары, и установлены точныя мѣры и вѣсы въ Виленскомъ мѣстѣ до великихъ «запустъ» (заговѣнья), а въ остальныхъ мѣстахъ—до св. Войтеха, т. е. до 20 іюня 1566 года; чтобы «справцы и доглядачи» въ монетномъ дворѣ были изъ уроженцевъ великаго княжества, и чтобы «филипки» находились въ обращеніи не долѣе 30 недѣль, большіе по 48 грошей литовскихъ, или по копѣ польскихъ, а меньшіе по 24 гроша литовскихъ; чтобы не взималось мыто съ «купецкихъ» вещей, привозимыхъ шляхтою на собственныя надобности, чтобы не перегораживались запрудами и заколами (ѣзами) сплавныя рѣки, и чтобы не вымышлялось и не взималось на этихъ рѣкахъ никакихъ «неповинныхъ» мытъ; о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и полученіи на нихъ суда и управы; о томъ, чтобы старые уряды земскіе и дворные не были «опущоны и скажоны», но сохранены въ цѣлости; чтобы на высшія духовныя должности назначались люди годные и ученые изъ уроженцевъ великаго княжества; чтобы вольно было присягать каждому по его вѣрованію—кому передъ образомъ или крестомъ, кому передъ евангеліемъ, а кому—«згола на самое только имя Божье». На бо́льшую часть этихъ просьбъ король изъявилъ свое согласіе и далъ положительныя обѣщанія. Онъ отложилъ свой отвѣтъ только на просьбы о «справцахъ и доглядачахъ» «мынцы» и о формѣ присяги и отклонилъ просьбу относительно назначенія на духовныя должности, какъ вмѣшательство въ сферу его собственной компетенціи [399]).

[399]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стр. 160—175.

Кромѣ списка общихъ просьбъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года подавались и просьбы отъ отдѣльныхъ земель, составленныя частью на предварительныхъ мѣстныхъ сеймахъ, а частью уже на великомъ вальномъ сеймѣ. Король сначала разсмотрѣлъ просьбы и жалобы Волынскихъ землевладѣльцевъ, поданныя ихъ послами—ключникомъ и городничіемъ Луцкимъ Александромъ Жоравницкимъ, хоружимъ земли Волынской Михаиломъ Сербинымъ, судьею Луцкимъ Гавриломъ Бокеемъ, подсудкомъ Владимірскимъ Богданомъ Костюшковичемъ Хоболтовскимъ и Иваномъ Михайловичемъ Гулевичемъ. Волыняне прежде всего ходатайствовали о привлеченіи къ земской службѣ въ ополченіи Волынской земли князей и пановъ, скупившихъ много шляхетскихъ имѣній [400]). Они указывали на то, что прежде изъ Волынской земли выходило на войну цѣлыхъ четыре хоругви шляхты, а теперь и подъ одною хоруговью не много, и если господарь не прикажетъ князьямъ и панамъ становиться подъ Волынскою хоруговью, то и остатокъ шляхты сгинетъ. Въ особенности они обращали вниманіе господаря на біскупа Луцкаго Януша Андрушевича, который скупилъ множество шляхетскихъ имѣній и никогда съ нихъ не служитъ военной службы, къ великому ущербу для обороны земской. Выслушавъ это заявленіе, король приказалъ просителямъ переписать на реестръ тѣхъ князей и пановъ, которые покупили шляхетскія имѣнья съ обозначеніемъ самыхъ имѣній, а равно и тѣхъ, кто въ послѣднихъ походахъ не служилъ военной службы вовсе или не какъ слѣдовало, и представить этотъ реестръ гетману для доклада ему, королю, обѣщаясь съ своей стороны примѣнить къ таковымъ землевладѣльцамъ постановленія статута.—Слѣдующая просьба касалась больного мѣста въ хозяйственномъ быту Волынскихъ земянъ—ухода крестьянъ въ крупныя имѣнья. Земяне жаловались, что много ихъ людей отчинныхъ зашло до имѣній кн. воеводы Кіевскаго (Конст. Конст. Острожскаго), кн. старосты Луцкаго (кн. Богуша Корецкаго), князей Вишневецкихъ, Збаражскихъ и др., вслѣдствіе чего они совершенно обнищали, не могутъ исправно служить военной службы и платить земскихъ податковъ. Король отвѣчалъ: пусть земяне ищутъ своего «посполитымъ правомъ», на что имъ будутъ выданы «водле обычаю права и статуту земскаго» листы изъ господарской канцеляріи. Больше и не было средствъ у короля помочь бѣдѣ земянъ, хотя, быть

---

[400]) Князья и паны, конечно, въ большинствѣ случаевъ ставили съ этихъ имѣній «почты», но подъ собственными хоругвями, и при томъ, вѣроятно, иногда въ ополченіяхъ другихъ земель, пользуясь льготами наподобіе той, которая указана въ прим. 120 на стр. 475.

можетъ, подавая свою жалобу, они разсчитывали и на нѣчто большее.— Затѣмъ они заявляли королю, что, когда ихъ крестьяне ѣздятъ за границу продавать свой хлѣбъ для уплаты податковъ господарю, мытники господарскіе на коморахъ берутъ съ нихъ по два гроша мыта, а когда пріѣзжаютъ въ Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ и другія господарскія и владѣльческія мѣста, то съ нихъ берутъ помѣрное, подужное и мыто вопреки правамъ и вольностямъ Волынской земли. Господарь отвѣчалъ, что онъ будетъ сохранять въ силѣ давній обычай и постановленіе относительно мытъ; если бы кто изъ князей или пановъ установилъ гдѣ-нибудь новыя мыта, помимо господарскихъ коморъ, и сталъ взимать съ подданныхъ земянъ мыто, помѣрное и подужное, пусть таковыхъ привлекаютъ къ суду господаря.—Земяне жаловались, что и самимъ имъ приходится терпѣть притѣсненія отъ Станислава Краевскаго, который задерживаетъ ихъ комяги, спускаемыя до Гданска, и взимаетъ по 30 талеровъ съ комяги, заявляя, что это берется въ коронный королевскій скарбъ, чего они прежде никогда не давали. Король обѣщалъ послать изъ коронной канцеляріи Станиславу Краевскому приказъ не задерживать комягъ и не брать съ нихъ мыта, но при этомъ предупредилъ, чтобы владѣльцы комягъ не покупали дерево у старостъ изъ коронныхъ королевскихъ пущъ и не нагружали ихъ на свои комяги, подъ страхомъ конфискаціи комягъ.—Далѣе земяне излагали свои «долеглости» отъ своевольныхъ людей, которые, «не обыходечися правомъ посполитымъ», чинятъ «кгвалты», «наезды» и различныя «мордерства», и просили господаря, чтобы онъ строгими карами подавилъ это самоуправство и своеволіе, благодаря которому они не могутъ жить спокойно въ своихъ домахъ. Для иллюстраціи своей жалобы они указывали на дѣянія Михайла Мышки Варковскаго, который, наѣхавъ на дома земянъ Холыневскихъ, побилъ ихъ самихъ, побралъ ихъ имущество, разметалъ совсѣмъ домъ Марка Холыневскаго и водилъ его жену на арканѣ подлѣ своего коня; изъ своего имѣнья Бородчичъ наслалъ «кгвалтовне» на дворъ Ивановой Шимковичевой своего урядника Яна Хрустицкаго, который убилъ одного боярина ея, избилъ ея сыновей и отнялъ у нея дворъ; наслалъ на имѣнье Борзобогатыхъ Галичаны того же урядника со многими людьми, которые избили владѣлицу и ея сыновей, побрали все имущество и всѣхъ людей безъ остатка и, уходя, сожгли всю усадьбу; указывали затѣмъ на дѣянія Матея Ярмолинскаго, который, наѣхавъ съ своими помощниками на имѣнье Севериновой Ярмолинской, избилъ дворянина господарскаго Клепацкаго и ея слугъ, а самое ее убилъ до смерти; на дѣянія Владиміра москвитина, который изъ своего имѣнья Лепесовки забралъ и

опустошилъ три села Ивана Сенюты, находящагося въ Турціи; на самоуправство воеводы Сѣрадзьскаго Альбрехта Ласкаго, который, не прибѣгая къ суду, насильно побралъ имѣнья у князя воеводы Кіевскаго и князя старосты Луцкаго, при чемъ «кгвалты, бои и грабежи великие починилъ»; на дѣянія Кобыленскаго, товарища роты старосты Бѣльскаго, который на проѣзжей дорогѣ убилъ судью Владимірскаго Волчка, а подсудка Кремянецкаго Патрикея избилъ и изранилъ. Король предоставилъ потерпѣвшимъ позвать всѣхъ этихъ «кгвалтовниковъ» на господарскій судъ мандатами и обѣщалъ дать на нихъ судъ и управу «безъ омешканья».—Въ связи съ этою просьбою стоитъ просьба о снесеніи корчмы, которую поставилъ бискупъ Луцкій и капитула подлѣ самыхъ воротъ Луцкаго замка, въ виду того, что отъ этой корчмы въ замкѣ великая «небезпечность». Король отвѣчалъ, что бискупъ и капитула имѣютъ право держать тамъ только оптовый складъ питья на выносъ, а не на продажу распивочно.—Въ общемъ спискѣ сеймовыхъ просьбъ мы уже видѣли просьбу Волынянъ о защитѣ ихъ отъ обидъ сосѣднихъ польскихъ землевладѣльцевъ. Эту просьбу Волыняне не только внесли въ общій списокъ, но и въ свой особенный, который они подали королю, присоединивъ сюда и просьбу о скорѣйшемъ созваніи общаго польско-литовскаго сейма, обѣщаннаго на Бѣльскомъ (и Парчовскомъ) сеймѣ. Очевидно, такимъ образомъ, что и эта просьба попала въ общій списокъ отчасти по иниціативѣ тѣхъ же Волынянъ. Ассоціація этой просьбы въ Волынскомъ спискѣ съ предыдущею вскрываетъ и тѣ чисто мѣстныя побужденія, которыя заставляли обывателей Волынской земли, какъ и Подляшанъ, жаждать уніи съ Польшею. Очевидно, они желали выйти изъ своего положенія пограничныхъ съ Польшею землевладѣльцевъ, которое не давало имъ возможности получать легко и скоро удовлетвореніе по обидамъ и правонарушеніямъ со стороны сосѣдей-поляковъ. Мы знаемъ, что они уже давно и часто жаловались на это на сеймахъ, собиравшихся при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ. Судебно-разграничительныя коммиссіи, выѣзжавшія на границу съ польской и литовской стороны, сначала временныя, а затѣмъ постоянныя (съ 1554 г.), очевидно, мало удовлетворяли Волынянъ и Подляшанъ, и они стали видѣть выходъ изъ своего положенія въ тѣсной уніи съ Польшею, при которой они изъ пограничныхъ жителей могли бы стать внутренними и могли бы искать себѣ удовлетворенія передъ обыкновенными судами и на основаніи обычныхъ законовъ, а не передъ смѣшанными международными коммиссіями, дѣйствовавшими по усмотрѣнію, «водле Бога и справед-

ливости» [401]).—Король на эти просьбы отвѣчалъ: удовлетворенія за понесенныя отъ поляковъ обиды пусть ищутъ передъ нимъ «правне», судомъ; сеймъ «сполный» съ короною будетъ назначенъ «водле потребы и часу».

Подобно всѣмъ другимъ землямъ Волыняне хлопотали и о надлежащемъ и достойномъ представительствѣ своей земли. Они припоминали господарю, что съ давнихъ поръ въ его радѣ принадлежало мѣсто старостѣ Луцкому непосредственно послѣ пана Троцкаго, но теперь, благодаря нерадѣнію бывшихъ старость Луцкихъ, это мѣсто «зашло», и староста Луцкій на немъ уже не сидитъ. Поэтому они просили господаря это мѣсто «поднести и его по старому направити и укгрунтовати». Король отвѣчалъ, что относительно мѣста старосты Луцкаго онъ не вводилъ ничего новаго, ибо подъ паномъ Троцкимъ всегда сидѣлъ староста Жмудскій.—Слѣдующая просьба Волынянъ касалась замѣщенія архіерейскихъ каѳедръ и настоятельства въ Жидичинскомъ монастырѣ. Указавъ на то, что люди простые и неученые, притекая къ королю, одерживаютъ отъ него такіе «хлебы духовные» и затѣмъ ихъ разоряютъ ко вреду церквей Божихъ и владычнихъ каѳедръ, Волыняне ходатайствовали, чтобы король впредь никому не отдавалъ этихъ хлѣбовъ, кромѣ тѣхъ, за которыхъ будетъ просить все «посполство» земли Волынской. Но король отклонилъ это ходатайство и заявилъ, что его «власная речь»—раздавать владычества и архимандритство Жидичинское «по своей волѣ».—Волыняне жаловались затѣмъ на мѣщанъ Луцкихъ, которые притягивали къ мѣстскимъ повинностямъ «подворниковъ», живущихъ въ шляхетскихъ домахъ, выстроенныхъ въ мѣстѣ для пріѣзда и убѣжища на случай непріятельскаго нашествія, а за невыполненіе этихъ повинностей сажали ихъ въ тюрьму. Король постановилъ, что подворники, живущіе въ земянскихъ домахъ въ качествѣ слугъ и не занимающіеся торгомъ и ремесломъ, не должны помогать мѣщанамъ въ платежахъ и повинностяхъ; но подворники, занимающіеся торговлею и промыслами, обязаны «поплаты местские» сообща съ мѣщанами «давати и ихъ полнити».—Затѣмъ Волыняне просили назначать возными при замкѣ Луцкомъ путныхъ бояръ изъ селъ Гуляльникъ и Подгаецъ, въ виду того, что изъ шляхты никто не хочетъ быть на этой должности, а если королю это не будетъ угодно, то дозволить имѣть возныхъ «водле обычаю Коруны Польское» [402]).

---

[401]) См. приложеніе, № 30, стр. 79.

[402]) О должности возныхъ см. статутъ 1566 года, раздѣлъ IV, арт. 5.

Король не согласился назначить возными путныхъ бояръ, у которыхъ помимо того есть обязанности, и велѣлъ самимъ просителямъ выбирать между собою людей добрыхъ, вѣры годныхъ, на эту должность.—Волыняне докладывали затѣмъ, что люди «пенежные», нанятые на средства польскаго скарба для войны съ москвитянами, Молковскій и другіе ротмистры, войдя въ землю Волынскую безъ дворянъ и листовъ королевскихъ, подѣлали «немалую шкоду и сказу» ихъ имѣньямъ, брали хлѣбъ и другую живность безъ заплаты. Указавъ на это, Волыняне просили короля приказать жолнерамъ расплатиться съ ними и вознаградить ихъ за всѣ убытки. Король обѣщалъ сдѣлать это и предоставлялъ просителямъ брать приказы жолнерамъ изъ коронной канцеляріи [403]).

Три дня спустя послѣ выдачи отвѣтовъ на ходатайства Волынской земли, 12 января 1566 года, король далъ отвѣты на просьбы тивуновъ и шляхты Жмудской земли. Просьбы эти, какъ видно изъ ихъ содержанія, составлялись не на предварительномъ мѣстномъ сеймѣ Жмудской земли, а на самомъ вальномъ сеймѣ. Тивуны и шляхта просили короля гарантировать особымъ листомъ, что новый статутъ и выданные на прошломъ и теперешнемъ сеймѣ привилеи (Бѣльскій 1564 г. и Виленскій 1565 г.) не нарушатъ привилеевъ и вольностей, «звычаевъ и поступковъ стародавнихъ» земли Жмудской. Король отвѣчалъ, что этотъ статутъ и привилеи не только не нарушатъ старинныхъ правъ и вольностей, но еще прибавятъ къ нимъ новыя.—Получивъ приказаніе выбрать на сеймѣ кандидатовъ для учреждаемыхъ вновь земскихъ судовъ и разграничить повѣты Жмудской земли, тивуны и послы просили перенести это дѣло на мѣстный сеймъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ для этого полномочія отъ ихъ братьи, и съ этою цѣлью, а также для скорѣйшаго сбора поголовнаго податка, которому уже приходитъ срокъ, отпустить ихъ немедленно домой. Король, хотя и поставилъ имъ на видъ, что они должны были еще передъ сеймомъ «намовиться» съ своею братьею, выбрать кандидатовъ и разграничить повѣты, тѣмъ не менѣе согласился отпустить ихъ домой, приказавъ по пріѣздѣ съѣхаться поскорѣе съ своею братьею, избрать «электовъ на судство, подсудки и писарство», разграничить повѣты и дать обо всемъ знать ему.—Въ заключеніе представители Жмудской земли подали жалобу на нѣкоего Рейнольда, державшаго Горжды, Кретингу и Полонгу, указывая, что онъ «нищитъ и убожитъ» господарскихъ подданныхъ, дѣ-

---

[403]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стр. 177—182.

лаетъ великія притѣсненія шляхтѣ и ея подданнымъ въ мытѣ и поборахъ и наноситъ большой вредъ государству своимъ торгомъ. На эту жалобу король заявилъ, что онъ приказалъ пану Остафью Воловичу, какъ подскарбію земскому, послать для провѣрки этой жалобы господарскаго дворянина, и если эта жалоба подтвердится, обѣщалъ взыскать съ Рейпольда всѣ убытки шляхты и господарскихъ подданныхъ[404]).

Недѣлю спустя, 20 января 1566 года, король далъ отвѣты на просьбы, представленныя хоружими и послами Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго повѣтовъ Подляшской земли. Первая просьба ихъ состояла въ томъ, чтобы согласно съ польскимъ правомъ, подъ которымъ они состоятъ, и ихъ вольностями не всылались къ нимъ дѣцкіе, вижи и дворяне для взятія ихъ имѣній и «ввязанья» во владѣніе ими[405]), но чтобы каждый, непослушный господарской «зверхности» и рѣчи посполитой, былъ уличаемъ передъ господаремъ или на гродскомъ и земскомъ судѣ и по суду же получалъ и наказаніе. Просьба эта имѣла въ виду обезпечить обывателей Подляшской земли отъ взысканій административнымъ порядкомъ за неявку на военную службу и неуплату податковъ, опредѣленныхъ на сеймѣ. Король отвѣчалъ, что дѣцкіе, вижи и дворяне не будутъ посылаться для занятія шляхетскихъ имѣній и ввода во владѣніе ими другихъ лицъ; надъ тѣми, кто не отдалъ серебщинъ и «копъ»[406]), ухваленныхъ на прошлыхъ сеймахъ, кто не отдастъ поголовщины, ухваленной на теперешнемъ сеймѣ, экзекуцію будутъ чинить мѣстные старосты, руководствуясь постановленіемъ настоящаго сейма.—Подляшане указывали затѣмъ на великіе «утиски, гвалты, наѣзды, мордерства» и захваты земель, которые они терпятъ съ польской стороны[407]), и просили короля, чтобы онъ выслалъ своихъ ком-

---

404) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стр. 182—184.

405) Въ текстѣ просьбы, напечатанномъ въ I томѣ «Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи», редакторъ неправильно раздѣлилъ слова и сдѣлалъ ненужную вставку, вслѣдствіе чего утратился смыслъ. Въ этомъ текстѣ (стр. 184) читаемъ: «y izby do powiatow tych trzech dzieckie, widze y dworzanina (*i*) cziąze y wwiązania w gimiona wasze nie byli posylani; правильно надо было бы напечатать:... dzieckie, widze y dworzani *na cziąze y wwiązania* w gimiona wasze nie byli posylani. Срав. *L. Huberta* Pamiętniki historyczne, tom I, str. 57. Warszawa 1861.

406) Въ текстѣ: kopskowy. Мы принимаемъ это слово за испорченное выраженіе «kop s koniey». Здѣсь несомнѣнно разумѣются тѣ «поконевскіе пенязи», которые взимались по копѣ съ коня.

407) И въ данномъ мѣстѣ текстъ, напечатанный въ I томѣ Документовъ Мос-

миссаровъ для учиненья справедливости, а для умиротворенія ихъ съ поляками на будущее время привелъ ихъ къ уніи съ ними, въ противномъ случаѣ Подляшье скоро станетъ украйною. Это заявленіе окончательно разъясняетъ, какіе повѣты и земли на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года ходатайствовали о скорѣйшемъ созывѣ обѣщаннаго польско-литовскаго сейма. Оказывается, что то были Волыняне и Подляшане. Заявленіе Подляшанъ прямо подтверждаетъ соображенія, высказанныя выше, о причинахъ особеннаго тяготѣнія къ уніи со стороны обывателей Волынской и Подляшской земель. Король обѣщалъ выслать коммиссаровъ на подляшско-польскую границу для разбора пограничныхъ столкновеній и принять своевременно мѣры къ установленію добраго сосѣдства съ Польшею.—Слѣдующая просьба касалась отмѣны изъятій пановъ радныхъ и другихъ становъ отъ повѣтовой юрисдикціи. Подляшане просили кассировать всѣ прежнія изъятія и не давать новыхъ, ибо убогая шляхта терпитъ отъ того «утиски»: кто имѣетъ «экземптъ», на того нельзя добиться суда и управы въ повѣтѣ, хотя самъ онъ всегда можетъ получить справедливость съ своимъ сосѣдомъ [408]). Въ отвѣтъ на это ходатайство король сослался на привилей, изданный въ Бѣльскѣ, коимъ уже кассированы всѣ изъятія изъ повѣтовой юрисдикціи, и обѣщалъ не выдавать никому новыхъ привилеевъ въ этомъ родѣ, а старые по разсмотрѣніи уничтожить.—Подляшане ходатайствовали далѣе, чтобы сеймики отбывались у нихъ по польскому образцу, и чтобы листы присылались къ нимъ изъ господарской канцеляріи на латинскомъ или польскомъ языкахъ, ибо рус-

---

ковскаго Архива Министерства Юстиціи, является испорченнымъ. Въ немъ читаемъ: Przekladacie wielkie uciski, gwalty, naiazdy, morderstwa, posiadanie gruntow waszych przez granice wielkiego xięstwa Litewskiego z strony Korony Polskiey y xięstwa Mazowieckiego *od sie ku darownym zaysciam miedzy capitula Warszewskie a Lipcany y ynemi sobie przyleglemy*, *iako ich iest wielie w tych niedawnych czasiech zamordowano*, *z strony ziemie Podlaskiey wypisaliscie*... (стр. 185). Это непонятное мѣсто становится вполнѣ яснымъ по изданію Губерта, гдѣ вмѣсто напечатанныхъ курсивомъ словъ читаемъ: gdzie ku dawnym zajściom między kapitulą Warszawską a Lipcany i innemi sobie przyległemi, jako ich jest wiele, w tych niedawnych czasach zamordowano z strony ziemi Podolskiéj, wypisaliście (str. 58). Въ виду сравнительной рѣдкости изданія Губерта, для облегченія пользованія текстомъ, напечатаннымъ М. В. Довнаръ-Запольскимъ, мы въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ будемъ указывать важнѣйшіе варіанты Губертовскаго текста по отдѣльнымъ просьбамъ.

408) Въ 4-мъ артикулѣ вмѣсто y ini *stroni*—у Губерта i inne stany; вм. kto exempt, naz (*nad*?) sąsiadem—у Губерта kto exempt *ma*, z sąsiadem etc.

скаго письма они не умѣютъ читать. Просьба эта, очевидно, вышла отъ шляхетскаго большинства, состоявшаго изъ мелкихъ земянъ польскаго происхожденія. Въ ней шляхта манифестировала свое родство съ обывателями сосѣдней Польши и свое желаніе сблизиться съ ними и обособиться во чтобы то ни стало отъ великаго княжества, какъ государства чуждаго ей по языку, учрежденіямъ и дѣйствующему праву. Король отвѣчалъ, что за просьбою всѣхъ становъ великаго княжества для судовъ и другихъ земскихъ дѣлъ онъ уже установилъ на теперешнемъ сеймѣ повѣты въ своихъ границахъ и въ нихъ сеймики по польскому образцу; это постановленіе, конечно, распространяется и на Подляшье, которое издавна пользовалось польскимъ правомъ и имѣетъ уже и готовые повѣты, и свои сеймики; эти сеймики, однако, должны отбываться съ письменнаго разрѣшенія или приказа короля, одновременно съ сеймиками въ другихъ земляхъ великаго княжества. Что касается языка присылаемыхъ на Подляшье листовъ, то по дѣламъ частныхъ лицъ листы эти будутъ выдаваться изъ господарской канцеляріи по старому обычаю на латинскомъ и польскомъ языкахъ, а по земскимъ дѣламъ оффиціальнымъ языкомъ попрежнему остается языкъ русскій; для удобства Подляшанъ будетъ прилагаться къ листамъ латинскій переводъ (sic!). Отвѣтъ этотъ, вѣроятно, подсказанный королю кѣмъ либо изъ пановъ радныхъ, не лишенъ граціозной ироніи по адресу Подляшанъ, утверждавшихъ, что они болѣе разумѣютъ латинскій языкъ, чѣмъ русскій.—Указывая на учащеніе въ странѣ убійствъ, Подляшане просили короля подчинить дѣла объ убійствахъ юрисдикціи гродскихъ судовъ, въ виду того, что земскіе суды отправляются очень рѣдко, не болѣе раза въ годъ въ мирное время, да и то не всегда, и преступники по долгу, а иногда и совсѣмъ остаются благодаря этому безъ наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ просители предлагали опредѣлить срокъ для преслѣдованія преступника по горячимъ слѣдамъ (tempus recentis criminis) въ годъ и шесть недѣль и, если въ теченіе этого срока преступникъ будетъ схваченъ и уличенъ въ преступленіи, карать его горломъ за горло. Король посовѣтовавшись съ панами-радою, далъ согласіе на указанный срокъ, въ теченіе котораго можно было преслѣдовать и задерживать преступника при содѣйствіи уряда, оговоривъ, что по истеченіи этого срока преступникъ долженъ быть привлекаемъ на судъ обычнымъ порядкомъ; но онъ не согласился на смертную казнь и опредѣлилъ, чтобы уличенный въ убійствѣ сверхъ платежа за голову сидѣлъ въ тюрьмѣ годъ и шесть недѣль, а убившій кого-нибудь изъ ружья платилъ за двѣ головы и сидѣлъ въ тюрьмѣ два года и

шесть недѣль [409]). Желая положить конецъ безнаказанности убійцъ, Подляшане ходатайствовали, чтобы убійцы привлекались на судъ мандатами господарскими при посредничествѣ инстигатора (ad istanciam instigatoris), и чтобы въ Дорогичинѣ, Бранскѣ и Мельникѣ были выстроены тюрьмы, которыхъ тамъ нѣтъ. Король предоставилъ обращаться въ такихъ случаяхъ непосредственно къ старостамъ, которые и должны позывать на свой судъ преступниковъ, а о заключеніи своемъ докладывать господарю, не предрѣшая самаго вопроса о наказаніи; относительно постройки тюремъ король обѣщалъ сдѣлать распоряженіе.—Шляхта Дорогицкой земли и Мельницкаго повѣта просила короля—въ виду того, что воевода не завѣдуетъ земскими книгами, а ратуши въ мѣстѣ не имѣется, оставить въ силѣ прежній обычай храненія земскихъ книгъ за ключами судьи, подсудка и писаря земскаго, а въ военное время подъ охраною шляхты и земскихъ урядниковъ. Король изъявилъ свое согласіе и разъяснилъ, что передъ отправленіемъ на войну хоружій долженъ собрать земскихъ урядниковъ и всю шляхту въ судовый пунктъ и сообща избрать четырехъ добрыхъ шляхтичей, выѣзжающихъ па войну не болѣе, какъ на двухъ коняхъ, и приставить ихъ для охраны земскихъ книгъ; но сами земскіе урядники никоимъ образомъ не должны оставлять себя на стражѣ этихъ книгъ.—Для большаго удобства въ полученіи нужныхъ выписей изъ этихъ книгъ, особенно на тотъ случай, когда приговоръ земскаго суда долженъ приводиться въ исполненіе замковымъ урядомъ, Подляшане ходатайствовали, чтобы во время судебныхъ сессій земскія книги обязательно открывались. Король и на это ходатайство изъявилъ свое согласіе.—Слѣдующія просьбы касались удешевленія правосудія. Подляшане ходатайствовали, чтобы урядники земскіе и гродскіе при выдачѣ актовъ, касающихся извѣстнаго судебнаго дѣла, брали свой канцелярскій доходъ не съ каждаго акта въ отдѣльности, а со всего дѣла; чтобы дозволено было въ искахъ къ наслѣдникамъ отъ земскаго суда аппеллировать къ суду гродскому, а не къ господарю, во избѣжаніе разорительной волокиты, ибо нерѣдко случается, что умираетъ либо одинъ изъ истцовъ, либо одинъ изъ отвѣтчиковъ, обозначенныхъ въ позвѣ, и тогда приходится хлопотать о новыхъ мандатахъ изъ господарской канцеляріи. Король отвѣчалъ, что въ этихъ дѣлахъ онъ не хочетъ вводить ничего новаго и предоставляетъ имъ руководствоваться польскими узаконеніями па этотъ счетъ.—Подляшане жаловались далѣе, что старосты и другіе

---

[409]) Въ 6 артикулѣ вмѣсто expirnie—у Губерта expiruie, вмѣсто przydawek (*przydatek*)—у Губерта przypadek.

урядники взыскиваютъ гребельное, млыновое и другія несносныя мыта [410]) съ судовъ, сплавляемыхъ въ Гданскѣ съ ихъ собственнымъ хлѣбомъ, и просили положить конецъ этимъ нарушеніямъ ихъ правъ и вольностей; просили также, чтобы имъ вольно было ѣздить на Волынь въ теперешнее голодное время и привозить оттуда, минуя мытныя коморы и прикоморки, для себя хлѣбъ, вывозить дерево для постройки и дрова для отопленія изъ панскихъ пущъ, не платя нигдѣ мостового, гребельнаго и другихъ мытъ; и наконецъ, чтобы не взималось торговое съ ихъ хлѣба, лошадей, рогатаго скота и всякой живности, продаваемой ими и покупаемой на собственныя надобности въ мѣстахъ. Король отвѣчалъ, что во всѣхъ этихъ вещахъ онъ будетъ руководствоваться конституціями прежнихъ сеймовъ и тѣми своими рѣшеніями, которыя объявилъ уже всѣмъ станамъ сейма. Торговое въ мѣстахъ онъ не согласился отмѣнить и объявилъ просителямъ, что они могутъ и не ѣздить съ своими товарами въ мѣста, если не желаютъ платить торговое.—Послы Дорогицкой и Мельницкой шляхты отъ имени своей братьи заявили жалобу на дворянъ и поборцевъ, которые въ прошлые годы брали съ нихъ вдвойнѣ податки, установленные на три года по копѣ съ копя, а на четвертый годъ по 70 грошей [411]), и серебщину, ухваленную на сеймѣ 1563 года, но въ скарбъ всего не отдали. Послы просили короля произвести о томъ слѣдствіе и предлагали поручить это дѣло судьѣ Дорогицкому Станиславу Пясковскому и судьѣ Мельницкому Станиславу Крупицкому [412]). Король согласился на исполненіе этой просьбы, но оставилъ за собою право назначить для производства слѣдствія другихъ лицъ, помимо указанныхъ шляхтою, а этимъ послѣднимъ предоставилъ только присутствовать при слѣдствіи и своими показаніями содѣйствовать его успѣху.—Затѣмъ шляхта всѣхъ трехъ повѣтовъ просила короля отвести плацы для постройки особыхъ зданій, предназначаемыхъ для засѣданія суда, канцеляріи и храненія книгъ,—въ Брянскѣ подлѣ рынка къ рѣкѣ, въ Дорогичинѣ тамъ, гдѣ проживали москвитяне, и въ Мельникѣ подлѣ рынка на рву, противъ самаго замка. Король обѣщалъ отвести плацы только для архивовъ, по

---

410) Въ изданіи Архива Министерства Юстиціи въ 9 артикулѣ пропускъ. Здѣсь стоитъ: wyciągaią na was y ynsze nieznosne mytha. У Губерта это мѣсто читается такъ: wyciągaią na was grobelne, mlynowie i insze nieznośne myta.

411) См. выше, стр. 597.

412) Въ этой просьбѣ вм. obviązenie vczynili szlachcie—у Губерта obciążenie uczynili szlachcie; вм. Stanislawa Piarkowskiego—St. Piaskowskiego.

наведенія справокъ.—Дорогицкіе земяне ходатайствовали, чтобы король согласно привилею Дорогицкой земли не назначалъ къ нимъ въ старосты лицъ, не имѣющихъ осѣдлость въ Дорогицкомъ повѣтѣ, и чтобы остальные гродскіе урядники, какъ подстароста, судья и писарь были обязательно изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Подобную же просьбу подали всѣ вообще повѣты относительно войскихъ. Король призналъ справедливость требованій относительно второстепенныхъ урядниковъ; но относительно старосты обѣщалъ дать отвѣтъ по разсмотрѣніи привилея Дорогицкой земли (привилей этотъ не содержалъ прямыхъ указаній на то, что староста долженъ быть изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ [413]).—Въ заключеніе Подляшане просили распространить на нихъ постановленіе прошлаго Петрковскаго сейма, въ силу котораго истецъ, привлекшій кого-нибудь къ суду гродскому по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію земскаго суда, долженъ былъ платить штрафъ въ три гривны, не отъѣзжая отъ суда; а если бы не захотѣлъ заплатить, подвергаться штрафу въ 14 гривенъ. Король отвѣчалъ, что въ вопросахъ, касающихся суда, онъ всегда будетъ руководиться на Подляшьѣ польскими обычаями и конституціями.

Сверхъ отвѣтовъ на ходатайства Подляшской шляхты король приказалъ объявить ея хоружимъ и посламъ свое распоряженіе касательно отбыванія военной службы. На Подляшьѣ убогая шляхта обыкновенно по 30 и 40 человѣкъ складывалась на «выправу» одного ратника съ 10 волокъ. На войну ѣхалъ тотъ, на кого выпала очередь, а остальные помогали ему деньгами на покупку лошади, платья, сѣдла и т. д. Эти милиціонеры являлись на войну обыкновенно на плохой лошади и въ плохомъ вооруженіи. Имѣя это въ виду, король приказывалъ Подляшанамъ, чтобы они выставляли «добрыхъ коней», а достаточные изъ нихъ являлись на войну лично, не замѣняясь наймитами, которые не будутъ приниматься на смотру у гетмана. Передъ отправленіемъ на войну хоружій долженъ назначить всѣмъ мѣсто и время для сбора подъ повѣтовою хоругвью и дожидаться въ назначенномъ мѣстѣ четыре дня; кто не пріѣдетъ во время, о томъ хоружій по прибытіи въ общій сборный пунктъ долженъ доложить гетману. Всѣ должны «пописываться» у гетмана въ присутствіи своего хоружія, который долженъ давать свѣдѣнія, кто и какъ обязанъ служить. По дорогѣ въ сборный пунктъ повѣтники должны покупать себѣ съѣстное и кормъ конямъ по вольной цѣнѣ, торгомъ, а не по таксѣ, которая устанавливается только гетманомъ по сборѣ всего войска. Кто служитъ па-

---

[413]) Volumina legum I, p. 174, 175.

намъ съ своихъ имѣній, тотъ долженъ выставлять особый «почетъ» панамъ и особый подъ хоругвью повѣтовою. Въ лагерѣ и въ битвѣ повѣты должны стоять на своихъ мѣстахъ, гдѣ будетъ приказано гетманомъ [414]).

Таковы были дѣянія Виленскаго сейма 1565—1566 года. Вскорѣ послѣ роспуска этого сейма, исполняя выраженное на немъ желаніе, король назначилъ новый сеймъ въ Берестьѣ для предварительныхъ совѣщаній по вопросу объ уніи великаго княжества, съ тѣмъ чтобы продолжать далѣе переговоры съ поляками въ Люблинѣ. Но это уже былъ сеймъ реформированнаго новымъ статутомъ состава и расширенной компетенціи, начавшій собою новую эпоху въ исторіи литовско-русскаго сеймованія. Поэтому прежде, чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію дѣяній этого сейма и слѣдующихъ за нимъ до Люблинской уніи включительно, полезно будетъ окинуть ретроспективнымъ взглядомъ дѣянія прошлыхъ сеймовъ, подвести имъ общіе итоги и уяснить смыслъ и значеніе той эволюціи, которая произошла въ концѣ концовъ съ самимъ изучаемымъ учрежденіемъ.

§ 10.

Изъ данныхъ, приведенныхъ въ настоящей главѣ, видно, что и Сигизмундъ Августъ подобно своему отцу не обходился безъ великаго вальнаго сойма при рѣшеніи всѣхъ сколько-нибудь важныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ внѣшнею и внутреннею жизнью Литовско-Русскаго государства. Сеймы созывались при немъ и для обсужденія не сходившаго со сцены вопроса объ уніи великаго княжества съ Польшею (Бѣльскій сеймъ 1564 года), и для рѣшенія вопроса о защитѣ Ливоніи отъ Московскаго царя (Виленскій сеймъ 1559 г.), и для рѣшенія вопроса о присоединеніи Ливоніи и борьбѣ съ Москвою (Виленскій сеймъ 1561 года), о продолженіи этой борьбы (Виленскій сеймъ 1563 г.), объ изысканіи для нея средствъ (Виленскій сеймъ 1565—1566 года), и для рѣшенія вопроса о пополненіи скарба денежными средствами на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ (Виленскій сеймъ 1552 г.) и на случай возможной войны (Виленскіе сеймы 1551 и 1554 г.), для обсужденія и рѣшенія вопроса о приведеніи въ исправность крѣпостей, мостовъ и дорогъ (Виленскій сеймъ 1547 года) и т. д. Подобно своему отцу Сигизмундъ Августъ не считалъ себя въ правѣ и не былъ дѣйствительно въ силахъ рѣшать эти вопросы безъ согласія, мораль-

---

[414]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 184—192; *L. Huberta* Pamiętniki historyczne, tom I, str. 57—72.

ной и матеріальной поддержки всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ великаго княжества, которые на ряду съ нимъ пользовались въ своихъ владѣніяхъ государственною властью и до извѣстной степени могли также считаться хозяевами государства и распорядителями его судебъ. Таковы были прежде всего всѣ крупные землевладѣльцы шляхетскаго званія, князья и паны, входившіе въ составъ господарской рады, занимавшіе уряды земскіе и дворные или бывшіе кандидатами въ господарскую раду и на эти уряды, а затѣмъ и всѣ остальные землевладѣльцы шляхетскаго званія, выходившіе на войну подъ повѣтовыми хоругвями. Всѣ эти землевладѣльцы и привлекались на великіе вальные соймы, какъ это было и въ предшествующее великокняженіе, причемъ «повѣтники» обыкновенно представлялись своими хоружими и послами, которыхъ они выбирали. Такимъ образомъ, сеймъ при Сигизмундѣ Августѣ до 1566 года составляли тѣ же самые «станы», что и въ предшествующее великокняженіе, т. е. паны-рада духовные и свѣтскіе, различные урядники земскіе и дворные, княжата и панята, хоружіе и тивуны (Жмудскіе), шляхетскіе послы отъ повѣтовъ и шляхтичи, добровольно прибывшіе на сеймъ [415]). Только на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года, на которомъ трактовался вопросъ объ уніи, и съ котораго должна была отправиться делегація въ Парчовъ для заключенія договора съ поляками, сверхъ перечисленныхъ становъ находились представители Виленскаго мѣста [416]). Присутствіе этихъ представителей вызвано было требованіями равноправности съ поляками, со стороны которыхъ выступали въ качествѣ договаривающейся стороны также и представители столичнаго мѣста Кракова, обыкновенно присутствовавшіе на вальныхъ польскихъ сеймахъ. Виленскіе мѣщане, впрочемъ, присутствовали и на другихъ сеймахъ, напр., на Виленскомъ сеймѣ 1551 года, но играли чисто пассивную роль. Они слѣдили за тѣмъ, что вершилось на сеймѣ, для того, чтобы своевременно бить челомъ господарю, если въ чемъ-нибудь затрогивались ихъ интересы и нарушались ихъ вольности [417]). Нѣкоторые сеймы созывались не въ полномъ составѣ, какъ напр., Виленскій сеймъ 1552 года, на которомъ не было шляхетскихъ пословъ изъ повѣтовъ, а одни только

---

[415]) Акты Зап. Россіи, т. Ш, стр. 3, 4, 25, 38, 98, 118, 131; Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, 160, 177, 184, 530; приложенія, стр. 54, 65—68, 83—85, 90, 91, 102, 121, 122, 132, 135, 136, 139, 140, 153—154.

[416]) Приложеніе № 49.

[417]) См. прилож. № 25.

хоружіе, при чемъ, однако, ухвала этого сейма признавалась все равно обязательною [418]); такимъ же неполнымъ сеймомъ, и при томъ довольно случайнаго состава, созваннымъ наскоро, былъ Трабскій сеймъ 1565 года, на которомъ рѣшенъ былъ вопросъ объ увеличеніи наемныхъ войскъ [419]). На нѣкоторыхъ сеймахъ шляхта не представлялась своими послами, а присутствовала viritim, поголовно, хотя не въ полномъ составѣ. Таковъ былъ сеймъ 1564 года въ лагерѣ подъ Минскомъ, на которомъ обсуждались вопросы, связанные съ учрежденіемъ земскихъ судовъ и введеніемъ въ дѣйствіе новаго статута [420]).

Кругъ совѣщаній, происходившихъ на великихъ вальныхъ соймахъ въ великокняженіе Сигизмунда Августа, обыкновенно далеко выходилъ за предѣлы тѣхъ спеціальныхъ вопросовъ, для которыхъ созывались эти сеймы. Правительство пользовалось собраніемъ всѣхъ авторитетныхъ и вліятельныхъ людей страны для того, чтобы обсудить сообща и порѣшить разные другіе вопросы, выдвинутые жизнью, кромѣ того, для котораго спеціально созванъ былъ данный сеймъ. Такимъ образомъ, на Виленскомъ сеймѣ 1551 года сверхъ вопросовъ о пополненіи средствъ скарба на случай войны съ Москвою и объ оборонѣ отъ татаръ и турокъ правительство предлагало на обсужденіе собравшихся становъ сейма вопросъ объ уніи съ Польшею [421]). На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года сверхъ вопроса объ уніи съ Польшею правительство предлагало на разсмотрѣніе и утвержденіе становъ сейма исправленный статутъ [422]). Но главнымъ образомъ новые вопросы возбуждались самими станами сейма. Станы уже въ предшествующее великокняженіе, какъ мы видѣли, перестали играть пассивную роль на сеймахъ, перестали ограничиваться обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, которые имъ предлагало правительство и выступали съ своими предложеніями и петиціями къ правительству. При Сигизмундѣ Августѣ станы почти каждымъ сеймомъ пользовались для того, чтобы поговорить о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, констатировать различные непорядки и злоупотребленія въ государствѣ, поддержать другъ друга въ своихъ заявленіяхъ и жалобахъ, обращенныхъ къ правительству, и общими усиліями добиваться отъ него различныхъ улучшеній и реформъ въ своихъ интересахъ, расширенія своихъ правъ и

---

[418]) См. выше, стр. 575, 576.
[419]) См. выше, стр. 684—688.
[420]) См. выше, стр. 680, 681.
[421]) См. выше, стр. 570, 571.
[422]) См. выше, стр. 677—679.

вольностей. На вальномъ соймѣ составлялся обыкновенно общій список просьбъ, которыя подавались господарю отъ лица княжатъ, панятъ и всего рыцарства великаго княжества, къ которымъ по временамъ примыкали и паны радные. При этомъ можно замѣтить, что наиболѣе дѣятельное участіе въ составленіи этого списка просьбъ принимали землевладѣльцы великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, составлявшіе вліятельное большинство на вальномъ соймѣ, который былъ притомъ единственнымъ, помимо военнаго лагеря, собраніемъ, ихъ соединявшимъ. Владѣя имѣньями въ разныхъ областяхъ государства, кромѣ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, эти землевладѣльцы являлись на сеймѣ представителями не только этого послѣдняго, но до извѣстной степени всего государства, со всѣми его областями-аннексами. Если принять во вниманіе число всѣхъ землевладѣльцевъ, лично приглашавшихся на сеймы изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ,—всѣхъ этихъ княжатъ, панятъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, если принять затѣмъ во вниманіе число повѣтовъ, высылавшихъ на вальные соймы своихъ хоружихъ и пословъ [423]), станетъ яснымъ, что землевладѣльцы изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ составляли на вальныхъ сеймахъ такое большинство, которому должна была принадлежать преобладающая роль въ дѣяніяхъ этихъ сеймовъ. Землевладѣльцы изъ областей-аннексовъ въ общій списокъ просьбъ вносили обыкновенно только нѣкоторыя заявленія, для которыхъ они искали моральной поддержки, или которыя находили особое сочувствіе сеймоваго большинства. Но обыкновенно эти землевладѣльцы представляли свои ходатайства къ правительству въ особыхъ спискахъ, составлявшихся на областныхъ сеймахъ, предшествовавшихъ великому вальному сойму и собиравшихся для выбора пословъ на этотъ соймъ, а иногда, какъ, напр., на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года, и на этомъ последнемъ. Въ своихъ петиціяхъ къ правительству землевладѣльцы областей-аннексовъ касались не только чисто мѣстныхъ нуждъ и потребностей, но повторяли нерѣдко и ходатайства, уже представлявшіяся отъ лица всего сейма, точнѣе сказать, отъ преобладавшаго на немъ большинства. Очевидно, эти ходатайства, доведенныя до ихъ свѣдѣнія присутствовавшими па вальномъ сеймѣ послами, находили у нихъ сочувствіе, и они считали нужнымъ отдѣльно отъ себя просить того, о чемъ ходатайствовали всѣ станы сейма вообще. Но съ другой стороны не-

---

[423]) Объ этомъ см. въ пятой главѣ, стр. 471—484, а также второй очеркъ и карту нашей книги «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства».

сомнѣнно, что примѣръ и инціатива землевладѣльцевъ изъ областей-аннексовъ вліяли иногда и на возбужденіе ходатайствъ отъ лица сеймоваго большинства. Въ данномъ случаѣ передовую роль играла главнымъ образомъ Подляшская шляхта, болѣе другихъ знакомая съ правами и вольностями польской шляхты, съ ея соціально-политическимъ положеніемъ и жаждавшая во всемъ съ нею сравняться. Великій вальный сеймъ былъ, такимъ образомъ, очагомъ, концентрировавшимъ въ себѣ сословно-политическое движеніе шляхетскаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ распространявшимъ это движеніе отъ центра къ окраинамъ. Это былъ политическій институтъ, обусловившій собою естественный ростъ сословно-политическихъ стремленій шляхетскаго сословія и отчасти самое осуществленіе этихъ стремленій.

Такъ какъ шляхетское сословіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ распадалось на «станы», различавшіеся между собою и по юридическому, и по экономическому положенію, то естественно, что и ходатайства, подававшіяся на сеймахъ отъ лица этого сословія, отличались большимъ разнообразіемъ и по временамъ расходились въ своихъ тенденціяхъ, какъ объ этомъ замѣчено было нами въ своемъ мѣстѣ. Но при всемъ томъ въ этихъ ходатайствахъ можно отмѣтить и нѣкоторыя господствующія тенденціи, своего рода программу реформъ, осуществленія которой добивалось шляхетское сословіе. Оставляя въ сторонѣ всѣ ходатайства, носившія характеръ случайности или касавшіяся сохраненія прежнихъ правъ и вольностей, видимъ, что шляхетское сословіе добивалось: освобожденія не только отъ прямыхъ, но и отъ косвенныхъ налоговъ, бо́льшаго обезпеченія своего землевладѣнія, уменьшенія судебныхъ пошлинъ и расходовъ, выборнаго сословнаго суда, уничтоженія юридическихъ неравенствъ въ своей средѣ, привлеченія духовенства къ несенію государственныхъ повинностей и ограниченія его юрисдикціи, возможно большаго количества должностей и почетныхъ званій для лицъ шляхетскаго сословія, поднятія политическаго значенія сейма, какъ органа шляхетскаго сословія во всей его совокупности. Всѣ эти стремленія красными переплетающимися нитями проходятъ черезъ всю длинную и пеструю ткань шляхетскихъ просьбъ, подававшихся на сеймахъ съ конца великокняженія Сигизмунда Стараго, и своими концами теряются во второмъ статутѣ. Введеніе въ дѣйствіе этого статута было вѣнцомъ, завершившимъ собою шляхетское сеймовое движеніе, осуществленіемъ, хотя и неокончательнымъ, но довольно полнымъ сословно-политическихъ идеаловъ литовско-русской шляхты, какъ они выработались къ концу великокняженія Сигизмунда Стараго и въ великокняженіе Сигизмунда Августа. Поэтому и на самое сеймо-

вое движеніе 40-хъ, 50 хъ и 60-хъ годовъ можно смотрѣть до извѣстной степени, какъ на постепенный генезисъ второго статута.

Къ какимъ же главнымъ результатамъ привело это сеймовое движеніе въ моментъ изданія второго статута? Сравнивая этотъ статутъ съ предшествующими и другими памятниками права открываетъ прежде всего расширеніе шляхетскихъ привилегій. Мы уже видѣли, что на Виленскомъ сеймѣ 1559 года король освободилъ шляхту отъ платежа мыта съ хлѣба и лѣсныхъ товаровъ, отправляемыхъ за границу, если только эти товары собственнаго производства и изъ собственныхъ имѣній шляхты. На сеймѣ 1563 года король подтвердилъ это и прибавилъ, что увольненіе распространяется и на «гребельное» (пошлина, взимавшаяся при пропускѣ судовъ или плотовъ черезъ шлюзы), а также на мыто и гребельное, взимаемое въ княжескихъ, панскихъ и земянскихъ имѣньяхъ. Второй статутъ подтвердилъ эти права шляхты и расширилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что освободилъ собственные сельско-хозяйственные продукты шляхты отъ мыта и на внутреннихъ рынкахъ, а подводы съ домашними вещами и живностью для собственнаго потребленія шляхты и отъ платежа «мостового» (раздѣлъ I, арт. 26).—Въ свое время (стр. 468—469) нами было указано, что господарь отчуждалъ свой доминіумъ надъ шляхетскими имѣньями въ частныя руки—князей и пановъ, жаловалъ имѣнья бояръ-шляхты въ составѣ той или другой волости, а затѣмъ по отношенію къ исконнымъ отчинамъ бояръ-шляхты пришелъ къ убѣжденію, что это несогласно съ основными шляхетскими правами и вольностями. Это признаніе, сказывавшееся въ частныхъ случаяхъ правительственной практики, во второмъ статутѣ нашло себѣ уже законодательное выраженіе, и притомъ безъ ограниченія одними только отчинными имѣньями шляхты. Господарь удержалъ за собою право жаловать земли бояръ-шляхты только въ составѣ спадковыхъ имѣній, которыми онъ воленъ былъ распоряжаться по своему усмотрѣнію [424]). Этотъ вопросъ получилъ свое законодательное разъясненіе несомнѣнно подъ вліяніемъ какъ общихъ ходатайствъ о болѣе полной и точной редакціи основныхъ законовъ касательно шляхетскихъ правъ, такъ и частнаго ходатайства, представлявшагося на Виленскомъ сеймѣ 1551 года касательно шляхты спадковыхъ имѣній [425]).—То же самое можно сказать и объ исключительномъ правѣ шляхты на занятіе «урядовъ и достоинствъ». Въ старомъ статутѣ оно только подразумѣвалось косвенно, вытекало изъ обѣщанія господаря не

---

[424]) Раздѣлъ III, стр. 4.

[425]) См. выше, стр. 547.

повышать простыхъ людей надъ шляхтою; въ новомъ статутѣ, послѣ спеціальнаго ходатайства, представленнаго по этому поводу на сеймѣ 1551 года, это право шляхты нашло уже себѣ прямое и опредѣленное выраженіе (раздѣлъ III, арт. 15).

Однимъ изъ раннихъ ходатайствъ шляхты было ходатайство о выборномъ земскомъ судѣ съ подчиненіемъ его присуду всѣхъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ даннаго округа безъ исключенія, не только шляхты, но и князей, и пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ. Это ходатайство, какъ мы видѣли, принято было въ принципѣ еще на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года, а приведено въ исполненіе на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г., когда утверждены были намѣченныя границы новыхъ судебныхъ округовъ и кандидаты на новыя судебныя должности. Все великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. собственная Литва съ Литовскою Русью включительно, подѣлено было на пятнадцать судовыхъ повѣтовъ: Виленскій, Ошменскій, Вилькомирскій, Браславскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитскій, Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій, Мстиславскій, Минскій и Рѣчицкій; Жмудь составила пока одинъ судовый повѣтъ; Берестейско-Подляшская земля съ частью Полѣсья—пять: Дорогицкій, Мельницкій, Бѣльскій, Берестейскій и Пинскій; Волынь съ Подольемъ четыре: Владимірскій, Кременецкій, Луцкій, Браславскій; Кіевщина—два: Кіевскій и Мозырскій; Витебская земля—два: Витебскій и Оршанскій; Полоцкая земля—одинъ Полоцкій [426]). Въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ повѣтовъ присуду земскаго суда подчинены были всѣ мѣстные самостоятельные землевладѣльцы—паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата, паны хоруговные, шляхта и бояре, выходившіе на войну подъ повѣтовыми хоругвями [427]). Прежнія мелкія хоругви теперь были соединены, такъ что всѣ шляхтичи даннаго судоваго повѣта стали составлять теперь одну повѣтовую хоругвь [428]). Персоналъ суда составился изъ земскаго судьи, подсудка и земскаго писаря. Кандидатовъ на эти должности опредѣлено было избирать на повѣтовыхъ сеймикахъ, при участіи всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго повѣта, по четыре лица на каждую должность; окончательный выборъ изъ представленныхъ кандидатовъ и утвержденіе въ должности предоставлены были уже самому господарю [429]). Въ кандидаты на вышеуказан-

---

[426]) Приложеніе № 79.

[427]) Статутъ 1566, раздѣлъ IV, арт. 2.

[428]) Приложенія № 55, 79.

[429]) Статутъ 1566, раздѣлъ IV, арт. 1.

ныя должности могли избираться только свѣтскія лица шляхетскаго званія, имѣющія самостоятельную осѣдлость въ данномъ повѣтѣ и притомъ не занимающія въ немъ никакихъ другихъ урядовъ [430]). Земскій судъ получилъ право разбирать всѣ «земскія» дѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которые отнесены были къ юрисдикціи замковаго суда, т. е. дѣла о насильственныхъ наѣздахъ на шляхетскіе дома, о подобныхъ же дѣйствіяхъ въ господарскихъ мѣстахъ, о поджогахъ, о разбояхъ на проѣзжихъ дорогахъ, объ изнасилованіи женщинъ, о воровствѣ, о поджогѣ, объ убійствѣ шляхтича [431]). Другими словами: земскій судъ долженъ былъ стать гражданскимъ трибуналомъ шляхетскаго сословія по преимуществу. Но и въ данномъ отношеніи дѣятельность его ограничена была дѣятельностью спеціальнаго *подкоморскаго* суда, на долю котораго отнесены всѣ судебно-межевыя разбирательства на мѣстѣ [432]). Сессіи земскаго суда должны были происходить въ центральныхъ замкахъ или дворахъ господарскихъ три раза въ году и начинаться: первая въ понедѣльникъ послѣ Троицы, вторая—на слѣдующій день послѣ праздника св. Михаила (29 сентября), третья—на слѣдующій день послѣ Крещенья. Этотъ порядокъ могъ нарушаться только по случаю созыва великаго вальнаго сойма, по случаю войны или морового повѣтрія [433]). Члены суда должны были являться на сессію въ полномъ составѣ подъ страхомъ потери своихъ урядовъ за неявку безъ уважительныхъ причинъ; если бы кто-нибудь изъ нихъ не могъ участвовать по болѣзни или потому, что самъ имѣлъ въ этомъ же судѣ дѣло, долженъ былъ посадить вмѣсто себя шляхтича, человѣка добраго, вѣры годнаго и въ законахъ свѣдущаго, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; а если господарь пошлетъ кого-нибудь изъ нихъ въ посольствѣ и на другія земскія «справы», то долженъ назначить ему временнаго замѣстителя. Писарь въ составленіи протоколовъ судебнаго разбирательства и внесеніи ихъ въ земскія книги могъ замѣняться подписками, но отвѣчать долженъ за все самъ [434]). Сессіи должны продолжаться двѣ недѣли каждая, если дѣлъ много, а если мало—до окончанія ихъ. Судьи должны разбирать дѣла въ порядкѣ позвовъ, по заранѣе составленному

---

430) Тамъ же, арт. 9.

431) Тамъ же, арт. 21.

432) Тамъ же, арт. 70. О подкоморскомъ судѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. см. статью *И. И. Лаппо* въ Журналѣ Министерства Народ. Просв. за августъ 1899 года и отдѣльно.

433) Тамъ же, арт. 27.

434) Тамъ же, арт. 7.

реестру, не дѣлая никому особаго снисхожденія; судить должны съ ранняго утра и до вечерень [435]). При этомъ писарь долженъ вносить немедленно каждое рѣшенное дѣло въ земскія книги [436]). Эти книги должны храниться въ мѣстахъ судебныхъ сессій въ особыхъ зданіяхъ, которыя должна была выстроить шляхта, за ключами судьи, подсудка и писаря и открываться за три дня до начала сессіи (чтобы заранѣе по вписаннымъ въ нихъ позвамъ можно было составить реестръ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству), а закрываться три дня спустя по окончаніи сессіи (дабы дать возможность собравшейся шляхтѣ взять изъ нихъ нужныя выписи) [437]). Опредѣлено было взимать штрафъ въ размѣрѣ копы грошей въ пользу судьи, полкопы—въ пользу подсудка и трехъ рублей—въ пользу противной стороны со всякаго, кто не захочетъ судиться у земскихъ судей въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ юрисдикціи, и станетъ отзываться до замковаго, коммиссарскаго и другихъ судовъ, исключая тѣ случаи, когда противная сторона добровольно поддается подъ другой судъ [438]). Отъ приговора земскаго суда предоставлено было аппеллировать непосредственно на судъ господаря и пановъ-рады, минуя всѣ посредствующія инстанціи, ибо еще на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года воеводы отказались отъ юрисдикціи по аппелляціямъ, которую установилъ было для нихъ новый статутъ, и отъ судовъ на вѣчахъ «водле звычаю права корунъного» [439]). Но аппелляція къ господарю запрещена была вовсе отъ рѣшеній земскаго суда, основанныхъ на письменныхъ обязательствахъ стороны, проигравшей дѣло, или на ея добровольномъ сознаніи; запрещалось также аппеллировать, придираясь къ маловажнымъ нарушеніямъ формальностей при отправленіи суда [440]). Аппелляція ни въ коемъ случаѣ не могла идти за предѣлы великаго княжества: нарушившій это постановленіе и вызвавшій противную сторону на судъ къ господарю въ Польшу, долженъ заплатить вызванному 12 рублей грошей [441]). Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ относительно земскаго суда ясно выразилось стремленіе законодателя облегчить и удешевить полученіе правосудія, чего, какъ мы видѣли, неустанно добивалась шляхта на великихъ вальныхъ сеймахъ

---

435) Тамъ же, арт. 27.
436) Тамъ же, арт. 7.
437) Тамъ же, арт. 11.
438) Тамъ же, арт. 25.
439) Приложеніе № 48.
440) Статутъ 1566, раздѣлъ IV, арт. 63.
441) Тамъ же, арт. 63.

съ начала сороковыхъ годовъ. Это же намѣреніе сказалось вполнѣ опредѣленно и въ новой таксѣ судебнаго вознагражденія. «Пересудъ» опредѣленъ былъ въ пользу судей уже не въ размѣрѣ 10% съ суммы выиграннаго иска или присужденнаго долга, какъ было до начала 50-хъ годовъ, и даже не въ размѣрѣ 5%, какъ было установлено на Виленскомъ сеймѣ 1551 года [442]), а только въ размѣрѣ гроша съ каждой копы, т. е. $1^2/_3$% [443]). Точно также понижены были сильно и судейско-канцелярскія писарскія пошлины. Мы видѣли, что на Виленскомъ сеймѣ 1551 года господарь подтвердилъ старый обычай взимать за запись въ книги отъ всѣхъ документовъ большихъ и малыхъ—2 гроша, за выпись—12 грошей [444]). Второй статутъ опредѣлилъ писарямъ земскому и гродскому такой доходъ: за запись судебнаго позва—грошъ, за выпись—грошъ, всего, такимъ образомъ, два гроша; за заявленіе «кривды» и вписанье его въ книги—грошъ; за судовые листы и выписи судебныхъ рѣшеній—два гроша; за выписи на пергаменовыхъ листахъ—12 грошей, при чемъ пергаменъ, воскъ и шнуры (для печати) обязана дать сама сторона [445]). Понижены были значительно и пошлины, платившіяся прежде вижамъ, увязчимъ и дѣцкимъ. Замѣнившіе ихъ *возные*, которыхъ для каждаго судоваго повѣта долженъ былъ назначать изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей воевода, по второму статуту имѣли получать: по грошу за милю въ одинъ конецъ; за осмотръ слѣдовъ преступленія на мѣстѣ и за удостовѣреніе по грошу; за вводъ во владѣніе по приговору суда по грошу съ каждой службы людей и по полгрошу съ каждой пустовщины, которую пашутъ; за взысканіе денегъ—два пенязя съ каждой копы, т. е. $^1/_3$% [446]). Дороговизна предшествующаго суда объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что этотъ судъ находился въ рукахъ магнатовъ и былъ для нихъ орудіемъ экономической эксплуатаціи всѣхъ классовъ общества, находившихся въ ихъ присудѣ. Теперь шляхта добилась своего сословнаго и выборнаго суда и потому естественно свела судебныя пошлины на обычное вознагражденіе за трудъ, а не на источникъ обогащенія.

---

[442]) См. выше, стр. 554, 555.

[443]) Тамъ же, арт. 3.

[444]) См. выше, стр. 550.

[445]) Раздѣлъ IV, арт. 3.

[446]) Тамъ же, арт. 5. Срав. стр. 550. На Виленскомъ сеймѣ 1559 года «увязчее» опредѣлено было въ размѣрѣ 12 грошей съ 10 копъ, или 2% (см. выше, стр. 600).

Параллельно съ земскими судами [447]) оставлены были для шляхетскаго сословія и суды замковые или дворные, по одному на каждый судовый повѣтъ. Всѣ господарскіе намѣстники въ предѣлахъ судоваго повѣта лишены были права судить шляхту [448]), кромѣ одного, который держалъ замокъ или дворъ, признанный центральнымъ въ судовомъ повѣтѣ. Такимъ образомъ, замковый или дворный судъ надъ шляхтою оставленъ былъ только за воеводами Виленскимъ, Троцкимъ, Новгородскимъ, Витебскимъ, Полоцкимъ, Кіевскимъ; за старостами: Жмудскимъ, Ковенскимъ, Городенскимъ, Слонимскимъ, Волковыйскимъ, Пинскимъ, Берестейскимъ, Бѣльскимъ, Дорогицкимъ, Мельницкимъ, Владимірскимъ, Луцкимъ, Кременецкимъ, Браславля Подольскаго, Мстиславскимъ и Оршанскимъ; за державцами: Ошменскимъ, Вилкомирскимъ, Браславля Литовскаго, Лидскимъ, Упитскимъ, Мозырскимъ, Минскимъ и Рѣчицкимъ (эти державцы, впрочемъ, скоро переименованы были въ старостъ) [449]). Такое сокращеніе числа господарскихъ намѣстниковъ съ шляхетскимъ присудомъ вызвано было требованіями самой системы новаго судоустройства, предполагавшій параллелизмъ земскихъ и «гродскихъ» судовъ. Что же касается общаго уменьшенія числа повѣтовыхъ судовъ для шляхты, то оно вызвано было требованіемъ создать для этихъ судовъ такіе обширные округа, которые могли бы вмѣщать въ себѣ и крупныя княжескія и панскія имѣнія, владѣльцы которыхъ на этотъ разъ потеряли свое право не судиться въ повѣтахъ. Впрочемъ, на дѣлѣ это уменьшеніе едва ли было значительно. Не надо забывать того, что и по статуту 1529 года далеко не всѣ державцы имѣли право привлекать къ своему суду шляхту-бояръ. Кромѣ того, какъ уже было замѣчено выше (стр. 527), шляхта сплошь и рядомъ обходила суды старостъ и державцевъ и обращалась прямо къ воеводскому суду. Поэтому и учрежденіе «гродскихъ» судовъ фактически не только не уменьшало, но даже, по всѣмъ признакамъ, увеличивало число мѣст-

---

[447]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о земскомъ судѣ послѣ изданія второго статута можно найти въ статьѣ *И. И. Лаппо*, помѣщенной въ іюньской книжкѣ Журн. Мин. Народн. Просв. за 1897 г. и въ отдѣльной брошюрѣ.

[448]) Напр., въ Рѣчицкомъ судовомъ повѣтѣ державца Бобруйскій. См. выше стр. 491, 492.

[449]) Напр., кн. Иванъ Тимоѳеевичъ Крошинскій, получившій въ держанье волость Упитскую, называется въ актахъ старостою (Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 248, 249), а равно и его преемникъ, скарбный и ключникъ Виленскій, панъ Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій, получившій «староство судовое Упитское» (Запис. LIV, л. 7, 8; Судныхъ дѣлъ кн. LIII, л. 296—298).

ныхъ трибуналовъ для шляхты. Замковому суду подчинены были всѣ самостоятельные землевладѣльцы даннаго судоваго повѣта по перечисленнымъ выше уголовнымъ дѣламъ и, кромѣ того, по всѣмъ дѣламъ неосѣдлые шляхтичи и «гости», чужеземцы, совершившіе преступленіе въ данномъ повѣтѣ [450]). Личный персоналъ замковаго или дворнаго суда остался тотъ же самый, что былъ и прежде, т. е. судилъ самъ воевода или староста, или державца, а въ его отсутствіе его намѣстникъ съ гродскимъ судьею, назначеннымъ воеводою или старостою, или державцею изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей, и гродскимъ писаремъ. На неправый судъ намѣстника и гродскаго судьи предоставлено было жаловаться самому воеводѣ или старостѣ, или державцѣ, а на судъ этихъ послѣднихъ самому господарю, передъ которымъ обжалованные обязывались стать лично, въ бытность господаря въ великомъ княжествѣ въ теченіе четырехъ недѣль (съ момента врученія «позва»), а въ бытность въ Польшѣ—въ теченіе осми недѣль [451]). Замковый судъ долженъ былъ дѣйствовать непрерывно и давать правосудіе немедленно на всякаго, кто будетъ пойманъ «на горячемъ учинку», безъ предварительнаго «позва»; въ противномъ случаѣ долженъ посылать обвиняемому «позовъ» съ приказомъ явиться не позже двухъ недѣль со дня его врученія; кто ослушается, подвергается банниціи, т. е. объявляется внѣ покровительства законовъ до тѣхъ поръ, пока не дастъ удовлетворенія потерпѣвшему [452]).

Таковы были перемѣны, внесенныя въ судоустройство великаго княжества вторымъ статутомъ и вызванныя желаніемъ шляхты сдѣлать правосудіе болѣе доступнымъ для большинства и равнымъ для всѣхъ становъ сословія. Исполненіе этого желанія сопровождалось значительнымъ умноженіемъ числа должностей, доступныхъ для лицъ шляхетскаго сословія, главнымъ образомъ средняго достатка. Исполненіе другого желанія, выраженнаго станами Виленскаго сейма 1565—1566 г., повело къ умноженію должностей для высшаго слоя шляхетскаго сословія—князей и пановъ. Мы разумѣемъ просьбу объ умноженіи должностей и званій, дававшихъ мѣсто въ радѣ господарской. Эта просьба, какъ уже упомяно было выше, по всей видимости, вызвана была, главнымъ образомъ, желаніемъ создать надлежащее представительство въ будущемъ общемъ сенатѣ Польши и Литвы. Госпо-

---

450) Статутъ 1566 г., раздѣлъ IV, арт. 19.

451) Тамъ же, арт. 21.

452) Тамъ же, арт. 20.

дарь исполнилъ желаніе становъ сейма и непосредственно послѣ роспуска его, 11 марта 1566 года, назначилъ пана Юрья Васильевича Тишкевича, маршалка, державцу Волковыйскаго, *воеводою Берестейскимъ* [453]), а пана Яна Миколаевича Гайка, маршалка и писаря, державцу Ошменьскаго, Вилькейскаго и Красносельскаго,—*каштеляномъ Берестейскимъ*; въ тотъ же день король назначилъ тивуна Бержаньскаго Мальхера Шемета *каштеляномъ Жмудскимъ* [454]); 16 марта король назначилъ пана Юрія Остика, старосту Браславскаго, державцу Довгялишскаго и Опесскаго, *воеводою Мстиславскимъ* [455]), а старосту Мстиславскаго кн. Ивана Васильевича Соломерецкаго—*каштеляномъ Мстиславскимъ* [456]); 22 марта король возвелъ въ званіе *воеводы Минскаго* пана Гаврила Горностая, державцу Каменецкаго [457]), а на слѣдующій день—въ званіе *каштеляна Минскаго* пана Миколая Станиславовича Тальвоша, державцу Динабургскаго [458]); 25 марта король сдѣлалъ князя Романа Ѳедоровича Сангушка, старосту Житомирскаго, *воеводою Браславскимъ* (Подольскимъ) [459]), а кн. Андрея Тимоѳеевича Капусту, державцу Овруцкаго,—*каштеляномъ Браславскимъ* [460]); тогда же, повидимому, назначенъ былъ панъ Павелъ Ивановичъ Сопега, державца Любецкій, *каштеляномъ Кіевскимъ* [461]); 22 августа панъ Юрій Миколаевичъ Зеновьевича, державца Чечерскій и Пропойскій, назначенъ былъ *каштеляномъ Полоцкимъ* [462]); 12 сентября кн. Александръ Ѳедоровичъ Чорторыйскій назначенъ *воеводою Волынскимъ* [463]), а панъ Михаилъ Тишковичъ Козинскій, маршалокъ и городничій Владимір-

---

[453]) Съ титуломъ воеводы Берестейскаго Тишкевичъ выступаетъ по актамъ 18 августа 1566 г. (Литов. Метр. кн. Записей XLVII, л. 29). Но такъ какъ 11 марта состоялось уже назначеніе на каштелянію Берестейскую, то мы и полагаемъ, что назначеніе на воеводство Берестейское состоялось тогда же.

[454]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 1; Судн. дѣлъ LIII, л. 64.

[455]) 24 марта король выдалъ ему, какъ воеводѣ Мстиславскому, привилей на полученіе «юркгельта» съ своего староства Браславскаго. Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 5.

[456]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 7, 8.

[457]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 1, 2.

[458]) Тамъ же, л. 3.

[459]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIX, л. 3, 4.

[460]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 613, 614.

[461]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 10; Судныхъ дѣлъ LV, л. 1.

[462]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 25, 26.

[463]) Тамъ же, л. 42.

скій, *каштеляномъ Волынскимъ*, или Луцкимъ [464]); сверхъ того въ 1566 году были назначены: Григорій Гриковичъ Воловичъ, староста Слонимскій, *каштеляномъ Новгородскимъ*, Григорій Есифовичъ Тризна— *каштеляномъ Подляшскимъ*, Павелъ Миколаевичъ Пацъ, державца Вилкомирскій,—*каштеляномъ Витебскимъ* [465]). Всѣ эти новые сановники и заняли подобающія мѣста въ господарской радѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, непосредственно послѣ старыхъ воеводъ и каштеляновъ и выше дворныхъ или столовыхъ урядниковъ: воевода Волынскій непосредственно послѣ воеводы Новгородскаго, воевода Берестейскій—послѣ Подляшскаго, за нимъ—воеводы Мстиславскій, Браславскій и Минскій, каштеляны: Жмудскій, Кіевскій, Полоцкій, Луцкій, Новгородскій, Витебскій, Подляшскій, Берестейскій, Мстиславскій, Брацлавскій, Минскій [466]). Какъ видно изъ вышеприведеннаго перечня, новые воеводы не вышли изъ мѣстныхъ господарскихъ намѣстниковъ-старостъ. Въ этомъ отношеніи новыя воеводства съ самаго начала разнились отъ старыхъ воеводствъ (не считая Подляшскаго), которыя образовались изъ намѣстничествъ, или староствъ, и остались навсегда соединенными съ ними: новые воеводы не сдѣлались одновременно и старостами въ своихъ повѣтахъ. Такимъ образомъ, напр., съ назначеніемъ пана Юрія Васильевича Тишкевича воеводою Берестейскимъ, старостою Берестейскимъ, какъ былъ, такъ и остался до самой смерти своей въ 1587 г. подканцлеръ и маршалокъ дворный панъ Остафій Воловичъ [467]); съ назначеніемъ пана Юрія Остика воеводою Мстиславскимъ, старостою Мстиславскимъ, какъ былъ, такъ и остался кн. Иванъ Васильевичъ Соломерецкій, державшій Мстиславль съ 1558 года [468]); съ назначеніемъ Гаврила Горностая воеводою Минскимъ, старостою Минскимъ, какъ былъ, такъ и остался до самой смерти (1571 года) панъ Василій Тишкевичъ, воевода Подляшскій [469]), а новый воевода Горностай получилъ

---

[464]) Въ этомъ званіи онъ выступаетъ въ декабрѣ 1566 г. См. *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CLV.

[465]) Тамъ же.

[466]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithaniae, tomus V, № CLV. Срав. Volumina legum II, p. 93.

[467]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 614; XLV, л. 73; *Bonieckiego* Poczet rodów, spis dignitarzy i urzędników, str. XXVI.

[468]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 23. Кн. Соломерецкій былъ старостою Мстиславскимъ еще 10 апр. 1572 г. Кн. Запис. LIV, л. 67

[469]) Онъ держалъ Минскъ съ половины сороковыхъ годовъ. См. Poczet rodów, spis dignitarzy i urzędników, str. XXXIV.

только экспектативу «на державу замку Меньскаго» по смерти Тишковича [470]); съ назначеніемъ воеводою Браславскимъ кн. Романа Өедоровича Сангушка, старостою Браславскимъ и Веницкимъ, какъ былъ, такъ и остался кн. Богушъ Өедоровичъ Корецкій [471]); съ назначеніемъ воеводою Волынскимъ кн. Чорторыйскаго, старостою Луцкимъ, какъ былъ, такъ и остался тотъ же князь Богушъ Өедоровичъ Корецкій, а Владимірскимъ кн. Конст. Конст. Острожскій [472]). Вслѣдствіе того, что новыя воеводства не были сопряжены съ старостинскими должностями въ своихъ повѣтахъ правительству пришлось прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ для обезпеченія новыхъ воеводъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за отправленіе ихъ должности. Такимъ образомъ, напр., 24 марта 1566 года король предоставилъ воеводѣ Мстиславскому пану Юрію Остику брать «юркгельтъ», ежегодное жалованье, въ размѣрѣ 200 копъ грошей изъ господарскихъ доходовъ съ староства Браславскаго, находившагося въ его держаньѣ [473]). Въ то же время король по совѣту съ панами-радою пожаловалъ пану Остику «къ воеводству Мстиславскому» $^2/_3$ доходовъ со всѣхъ корчомъ Мстиславскихъ [474]); воеводѣ Минскому пану Гаврилу Горностаю король предоставилъ брать въ свою пользу «до иншого опатренья» четыреста копъ грошей изъ господарскихъ доходовъ съ державы Каменецкой [475]) и т. д.

Новыя воеводства и каштеляніи учреждены были не только для умноженія наличности государственнаго совѣта великаго княжества, но и для нѣкоторыхъ функцій въ областяхъ. Въ этомъ отношеніи образцомъ послужило опять таки польское государственное устройство. Съ учрежденіемъ новыхъ воеводствъ и каштеляній прежде всего связалось новое военное дѣленіе государственной территоріи и новое распредѣленіе командованія. До учрежденія новыхъ воеводствъ вся Литва съ Русью, Полѣсьемъ и Подляшьемъ составляла два военныхъ округа, начальниками которыхъ были Виленскій и Троцкій воеводы; Жмудь, Полоцкая земля, Витебская, Кіевская и Волынская съ Подольемъ образовывали пять военныхъ округовъ подъ главнымъ начальствомъ старосты Жмудскаго, воеводъ Полоцкаго, Витебскаго и Кіевскаго и мар-

---

470) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 3, 4.

471) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 83, 337, 412; XXXIX, л. 2; XLI, л. 111; XLVIII, л. 102, 104; LII, л. 5 и др.

472) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze, str. 24, 90.

473) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 5.

474) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 19, 20, 60.

475) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 171.

шалка Волынской земли, такъ что все великое княжество состояло собственно изъ семи военныхъ округовъ [476]). Теперь число этихъ округовъ возросло до тринадцати, сообразно съ увеличеніемъ числа воеводствъ, ибо каждое воеводство (считая въ томъ числѣ и староство Жмудское) составило особый военный округъ. Эти округа составились такимъ образомъ: *воеводство Виленское*—изъ *судовыхъ* повѣтовъ Виленскаго, Ошменскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго; *воеводство Троцкое*—изъ судовыхъ повѣтовъ Троцкаго, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго и Упитскаго; *воеводство Новгородское* изъ повѣтовъ Новгородскаго, Слонимскаго и Волковыйскаго; *воеводство Берестейское*—изъ повѣтовъ Берестейскаго и Пинскаго; *воеводство Подляшское*—изъ повѣтовъ Дорогицкаго, Мельницкаго и Бѣльскаго; *воеводство Минское*—изъ судовыхъ повѣтовъ Минскаго и Рѣчицкаго; *воеводство Мстиславское*—изъ судоваго повѣта Мстиславскаго; *воеводство Жмудское*—изъ Жмудской земли; *воеводство Полоцкое*—изъ Полоцкаго повѣта; *воеводство Витебское*—изъ судовыхъ повѣтовъ Витебскаго и Оршанскаго; *воеводство Кіевское*—изъ судовыхъ повѣтовъ Кіевскаго и Мозырскаго; *воеводство Волынское*—изъ повѣтовъ Луцкаго, Владимірскаго и Кременецкаго; *воеводство Браславское*—изъ Браславскаго и Вѣницкаго повѣтовъ [477]). Главнымъ командиромъ въ каждомъ изъ этихъ округовъ былъ мѣстный воевода: подъ его начальство стягивались во время мобилизаціи всѣ военнослужилые землевладѣльцы воеводства; подъ его командою шли они на театръ военныхъ дѣйствій и подъ его же «справою и послушенствомъ» оставались во время войны. Воеводамъ подчинены были командиры повѣтовые, которые во время войны собирали подъ свою команду всѣхъ землевладѣльцевъ повѣта, вели ихъ въ сборный пунктъ воеводства подъ команду воеводы, обо всѣхъ неявившихся докладывали воеводѣ и шли далѣе вмѣстѣ съ воеводою на войну, сохраняя надъ своими отрядами ближайшій надзоръ и дисциплинарную власть. Такими повѣтовыми командирами и были каштеляны въ тѣхъ судовыхъ повѣтахъ, гдѣ находились главные города воеводствъ. Командирами же другихъ судовыхъ повѣтовъ, входившихъ въ составъ воеводствъ, назначены были прежде всего маршалки, которые въ то время не получили иного, высшаго назначенія (нѣкоторые изъ маршалковъ, какъ сказано было выше, назначены были на новыя воеводства и каштеляніи). Такимъ образомъ, напр., кн. Лукашъ Болеславо-

---

[476]) Объ этомъ см. въ нашемъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Статута».

[477]) Прилож. № 79.

вичъ Свирскій, возведенный въ званіе маршалка еще 3 іюня 1565 года [478]), былъ назначенъ командиромъ Браславскаго повѣта Виленскаго воеводства [479]); панъ Александръ Ѳедоровичъ Владыка, бывшій маршалкомъ еще въ 1561 году [480]), былъ назначенъ командиромъ Упитскаго повѣта Троцкаго воеводства [481]); панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій, бывшій маршалкомъ также еще въ 1561 году [482]), назначенъ командиромъ Владимірскаго повѣта [483]); командиромъ Кременецкаго повѣта былъ сдѣланъ маршалокъ Михаилъ Ело Малинскій [484]); командиромъ Оршанскаго повѣта—мѣстный староста кн. Андрей Семеновичъ Одинцевичъ, бывшій маршалкомъ уже въ 1562 году [485]); командиромъ Рѣчицкаго повѣта—также мѣстный державца, панъ Оникей Горностай, бывшій маршалкомъ уже 5 мая 1561 года [486]). Но такъ какъ наличныхъ маршалковъ не хватало для замѣщенія всѣхъ подобныхъ мѣстъ, то король возвелъ въ званіе маршалковъ нѣсколько новыхъ лицъ, при чемъ въ выданныхъ имъ по этому случаю привилеяхъ спеціально упомянулъ о томъ, какими повѣтами они имѣютъ командовать. Такимъ образомъ, напр., 3 апрѣля 1566 года король возвелъ въ званіе маршалка пана Миколая Сопегу и назначилъ ему вести до войска повѣтъ Бѣльскій [487]). Въ тотъ же самый день король пожаловалъ маршалковство Ошменьское пану Павлу Каспоровичу Островицкому и предоставилъ ему «всякое владности, тому враду его водле статуту, на валномъ прошломъ сойме у Вилни выданого, належачое, уживати и справедливости людское во всемъ подлугъ того жъ статуту постерегати» [488]).

---

[478]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 287.

[479]) Приложеніе № 79.

[480]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 213.

[481]) Приложеніе № 79.

[482]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 240.

[483]) Приложеніе № 79.

[484]) Тамъ же. Въ званіи маршалка онъ былъ уже 14 окт. 1565 г. Литов. Метр. кн. Запис. XXXIX, л. 583.

[485]) Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 49; прилож. № 79.

[486]) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 187; прилож. № 79.

[487]) Въ выданномъ ему привилеѣ король писалъ между прочимъ: «даемъ ему врадъ маршалковство на дворе нашомъ: маетъ онъ тотъ врадъ держати, въ немъ радити и справоватися, яко и иные маршалкове наши. А до войска нашого вести маетъ подъ справою своею поветъ Белский, справуючи ся въ томъ водле постановенья нашого и статуту земского» (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 19).

[488]) Тамъ же. Здѣсь разумѣется та самая «справедливость», которую мар-

Такимъ же путемъ созданія новыхъ маршалковъ замѣщались вакантныя мѣста повѣтовыхъ командировъ и позже [489]). Такъ, чисто придворное званіе маршалка, дававшееся прежде для доступа ко двору и въ раду господарскую, соединилась съ командованіемъ надъ извѣстнымъ территоріальнымъ отрядомъ земскаго ополченія великаго княжества. Подъ командою каштеляновъ и маршалковъ должны были становиться и идти на войну всѣ землевладѣльцы даннаго судоваго повѣта, при чемъ шляхта-рыцарство должна была собираться и ставиться подъ команду каштеляновъ и маршалковъ своими хоружими [490]). Эти хоружіе назначены были для каждаго *судоваго* повѣта [491]). Такъ какъ новые судовые повѣты были значительно крупнѣе прежнихъ повѣтовъ, совпадавшихъ въ своихъ предѣлахъ съ извѣстными господарскими волостями или державами, то и число шляхетскихъ хоругвей значительно уменьшилось по сравненію съ прежнимъ. Новыя хоругви составились изъ соединенія нѣсколькихъ прежнихъ хоругвей; напр., къ Виленской хоругви были «прилучоны» хоругви Керновская, Курклевская, Гедройтская, Судеревская, Неменчинская, Мойшакгольская, Рудоминская, Мемежская; къ Ковенской—Дорсунишская, Бирштанская, Пуньская, Стоклишская и т. д. [492]). Все это военное устройство почти цѣликомъ было заимствовано изъ Польши [493]). Единственная разница заключалась въ

шалки обязаны были по статуту чинить всѣмъ, кто потерпитъ какую либо обиду отъ лицъ, идущихъ подъ ихъ командою. См. статутъ 1566, раздѣлъ II, арт. 6.

[489]) Въ 1567 году 12 января, напр., король, желая «ве чти повышшити», далъ пану Адаму Косинскому, писарю Дорогицкому, маршалковство на своемъ дворѣ и написалъ въ привилеѣ: «а до войска нашого маеть вести подъ справою своею поветъ Мелницкий» (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 45). Въ 1569 году 6 сентября король пожаловалъ подкоморію Витебскому князю Павлу Соколинскому «маршалковство повету Оршаньского» (Запис. кн. XLVIII, л. 325). Въ 1572 году 1 марта король пожаловалъ маршалковство подкоморію Унитскому, державцѣ Кревскому, пану Яну Волменскому и написалъ въ своемъ привилеѣ: «А часу валки завжды подъ справою своею маеть вести поветъ Ошменьский, справуючи ся въ томъ водле постановенья и обычаю звыклого и подлугъ статуту земского» (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 307). 19 іюня того же года король пожаловалъ Богдану Ивановичу Стецковичу маршалковство съ обязанностью вести повѣтъ Браславскій «часу валки» (тамъ же, л. 330, 331) и т. д.

[490]) Статутъ 1566, раздѣлъ II, арт. 6, 7.

[491]) Приложеніе № 79.

[492]) См. приложеніе № 55.

[493]) Volumina legum, tomus I, p. 177, 201; *Pistorii* Corpus historiae Polonicae, tomus I, p. 100 (описаніе Польши М. Кромера).

томъ, что у поляковъ во всѣхъ судовыхъ повѣтахъ были каштеляны, и не было маршалковъ. Со введеніемъ этого новаго устройства установилось въ великомъ княжествѣ и новое областное дѣленіе, которое въ общихъ чертахъ просуществовало до самаго паденія соединенной Рѣчи Посполитой [494]).

Воеводы, каштеляны и маршалки признаны были вождями мѣстныхъ землевладѣльцевъ шляхетскаго званія не только на войнѣ, но и въ мирное время, на мѣстныхъ собраніяхъ, или повѣтовыхъ сеймикахъ, учрежденіе которыхъ было также однимъ изъ главныхъ результатовъ сеймоваго движенія при Сигизмундѣ Августѣ. Мы видѣли уже, что самая просьба объ учрежденіи новыхъ воеводствъ и каштелянiй была мотивирована на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. между прочимъ желаніемъ имѣть «лепший порядокъ» на сеймикахъ [495]). Такъ какъ маршалки въ неглавныхъ повѣтахъ воеводствъ имѣли то же значеніе, что каштеляны въ главномъ повѣтѣ, то, слѣдовательно, сказанное о каштелянахъ относится и къ нимъ [496]). Что касается повѣтовыхъ сеймиковъ, то по новому статуту господарь обязывался созывать ихъ всякій разъ передъ вальнымъ сеймомъ, не позже четырехъ недѣль до его начала. На эти сеймики имѣли собираться воеводы, каштеляны, князья, паны и вся шляхта повѣта и совѣщаться какъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ имъ объявлено будетъ господаремъ, такъ и о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. «Зволившися вси одностайне», они должны были выбирать изъ своей среды двухъ пословъ отъ каждаго судоваго повѣта и отправлять ихъ на вальный сеймъ, снабдивъ ихъ

---

[494]) См. *M. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, tom II, str. 380—382; Kraków 1890; *Ż. Glogera* Geografia historyczna ziem dawnej Polski, str. 208—210, 227—317.

[495]) Въ Польшѣ воеводы и каштеляны были предсѣдателями на повѣтовыхъ сеймикахъ. «Porrò in pace palatini est, читаемъ у Кромера, in sua cuiusque satrapia conuentus nobilitatis instituere, ijsque et iudicijs praesidere... Castellani quasi legati sunt Palatinorum, ductoresque et praesides nobilitatis sub suo quisque Palatino». *Pistorii* Corpus historiae Polonicae, tomus I, p. 100.

[496]) Поэтому и въ привилеѣ, выданномъ 12 января 1567 года пану Адаму Косинскому на маршалковство Бѣльскаго повѣта читаемъ между прочимъ: «Который врадъ маршалковство панъ Адамъ Косинский держачи на дворе нашомъ и тежъ кгды будеть на соймехъ валныхъ *и на соймикохъ повѣтовыхъ* и на иныхъ зъездехъ земскихъ маеть ся слушне радити и справовати потому, яко и иные маршалки наши и зъ владностью вшелякою, въ статуте описаною» (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 45).

инструкціями и полномочіемъ рѣшать какъ тѣ вопросы, о которыхъ было объявлено господаремъ, такъ «и иные припалые речы водлѣ часу и потребы». Независимо отъ того, станы, приглашавшіеся прежде лично на вальные сеймы, т. е. князья, паны хоруговные, маршалки и всѣ другіе урядники земскіе и дворные, и впредь имѣли лично ѣздить на вальные сеймы, занимать свои мѣста и подавать голоса по старому порядку [497]). Для повѣтовыхъ пословъ расписаны были мѣста и «воты» въ «радѣ посполитой» въ порядкѣ, основанномъ на іерархіи воеводствъ въ господарской радѣ. Такимъ образомъ, первыя мѣста отведены были повѣтовымъ посламъ Виленскаго воеводства—Виленскаго повѣта, Ошменскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго, затѣмъ повѣтовымъ посламъ Троцкаго воеводства — Троцкаго повѣта, Городенскаго, Ковенскаго, Лидскаго, Упитскаго и т. д. [498]). Кромѣ предсеймовыхъ сеймиковъ статутъ предоставлялъ еще воеводамъ созывать сеймики экстренно, для избранія кандидатовъ на открывшуюся вакансію въ земскомъ судѣ [499]).

Разсматривая составъ вальнаго сойма, какъ онъ установился по второму статуту, открываемъ въ немъ нѣкоторую разницу по сравненію съ прежнимъ: на новомъ сеймѣ видимъ гораздо меньше шляхетскихъ выборныхъ, чѣмъ на прежнемъ. На прежнемъ сеймѣ были выборные отъ множества мелкихъ повѣтовъ, особенно изъ великаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ. На новомъ сеймѣ такихъ выборныхъ стало меньше, ибо уменьшилось число самыхъ повѣтовъ, или хоружествъ. Но при всемъ томъ было бы ошибкою думать, что новый порядокъ носилъ въ себѣ тенденцію къ уменьшенію политическаго значенія шляхты-рыцарства: наоборотъ новый порядокъ сеймованія несомнѣнно имѣлъ въ виду поднять это значеніе. Этотъ новый порядокъ давалъ возможность шляхтѣ принимать поголовное участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ созывался сеймъ, на мѣстныхъ сеймикахъ, долженствовавшихъ предшествовать этому сейму. Въ инструкціяхъ, коими она стала снабжать своихъ пословъ, шляхта получила возможность проводить на вальномъ соймѣ то, что рѣшено было ею на мѣстныхъ сеймикахъ. Этой возможности шляхта не имѣла прежде. Разсылавшіеся прежде «соймовые листы» обыкновенно содержали приказъ всѣмъ станамъ, «сойму належачимъ», прибыть на сеймъ въ назначенное мѣсто и время, безъ точнаго указанія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и

---

[497]) Статутъ 1566, раздѣлъ III, арт. 5.

[498]) См. приложеніе № 79. Срав. *Dogiel*, Codex diplomaticus, tom V, № CLV; Volumina legum II, p. 93.

[499]) Статутъ 1566 г., раздѣлъ IV, арт. 1.

рѣшенію на сеймѣ, а просто «для великихъ а пильныхъ потребъ господарскихъ и земскихъ». Иногда даже прямо говорилось, что о предметахъ предстоящаго совѣщанія будетъ объявлено на самомъ сеймѣ [500]). При такихъ условіяхъ и рыцарство-шляхта, посылавшая своихъ пословъ на вальный сеймъ, не имѣла возможность вліять, насколько для нея было желательно, на рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ правительствомъ, и должна была довольствоваться тѣмъ, что удавалось сдѣлать по этой части ея посламъ въ собраніи, гдѣ преобладали аристократическіе элементы—паны рада, урядники земскіе и дворные, княжата и панята, собранные на сеймъ viritim. Новый порядокъ сеймованія поэтому не уменьшалъ политическаго значенія шляхты, а наоборотъ—увеличивалъ его, перенося предварительныя совѣщанія по главнымъ вопросамъ съ вальнаго сейма на сеймики.

Общая тенденція къ возвышенію политическаго значенія шляхетскаго сословія въ его цѣломъ сказалась и въ расширеніи компетенціи вальнаго сейма на счетъ господарской рады. Мы уже видѣли, что на Виленскомъ сеймѣ 1551 года по одному частному случаю станы ходатайствовали, чтобы господарь не издавалъ никакихъ новыхъ «уставъ» помимо вальнаго сойма. Въ то время господарь отклонилъ это ходатайство, какъ неумѣстное притязаніе [501]). Но во второмъ статутѣ это ходатайство уже получило полное удовлетвореніе: господарь обязался не установлять ничего новаго для блага государства, никакихъ уставъ, иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома и совѣта пановъ-рады и съ дозволенья всѣхъ земель великаго княжества [502]). Такимъ образомъ, ограниченіе великокняжеской власти, установленное земскимъ привилеемъ и статутомъ Сигизмунда Стараго въ пользу господарской рады, статутомъ Сигизмунда Августа было перенесено въ пользу великаго вальнаго сойма. Надо замѣтить, впрочемъ, что статутъ 1566 года въ данномъ случаѣ только санкціонировалъ и обобщалъ то, что уже многократно примѣнялось на практикѣ. Это справедливо и относительно того его артикула, коимъ узаконялось, что впредь господарь не будетъ начинать войны самолично и по совѣту съ панами-радою, ни установлять серебщинъ или какихъ-либо налоговъ безъ согласія князей и пановъ хоруговныхъ и пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на великій вальный сеймъ [503]). Въ виду того значенія, который полу-

---

[500]) См. прилож. № 31, 45.

[501]) См. выше, стр. 551, 552.

[502]) Раздѣлъ III, арт. 12.

[503]) Раздѣлъ II, арт. 2.

чалъ сеймъ въ политической жизни великаго княжества, новый статутъ постановилъ, что господарь обязанъ созывать великій вальный соймъ всякій разъ, когда потребуется, по совѣту пановъ-рады или по просьбѣ шляхты-рыцарства [504]).

Такъ существенно преобразился политическій строй Литовско-Русскаго государства. Новая конституція его, введенная статутомъ 1566 г., уже формально полагала конецъ преобладанію литовскаго «можновладства» и давала главное мѣсто шляхетскому «гминовладству». Вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшились и препятствія къ соединенію великаго княжества съ короною Польскою, коренившіяся въ разницѣ ихъ политическаго строя. Пока въ Литвѣ главными хозяевами были магнаты, трудно было соединиться ей съ Польшею, гдѣ господствовала шляхетская демократія. Съ политическимъ возвышеніемъ шляхты, со введеніемъ конституціи, весьма близкой къ Польской, исчезли самыя большія преграды для уніи обѣихъ государствъ, уже значительно сроднившихся духовно и словесно, какъ по теперешнимъ нашимъ наблюденіямъ, такъ и по современныхъ признаніямъ. Новая политическая сила, выдвинувшаяся такъ сильно впередъ въ эпоху Ливонской войны,— шляхта, очень скоро, камъ мы видѣли, обнаружила тяготѣніе къ уніи съ Польшею, въ единненіи съ которой она надѣялась не только успѣшнѣе бороться съ внѣшними врагами, но и пользоваться бо́льшими правами и вольностями. Но даже и добившись новыхъ правъ и вольностей, шляхта не переставала стремиться къ уніи. Молодая шляхетская демократія въ Литовско-Русскомъ государствѣ все еще чувствовала себя сравнительно слабою одинъ на одинъ съ старою и могущественною аристократіею и только въ союзѣ съ сильною шляхетскою демократіею Польши инстиктивно чувствовала свое спасеніе. Отсюда само собою вытекало ея сочувствіе и содѣйстіе *парламентарной уніи* великаго княжества съ короною Польскою.

---

[504]) Раздѣлъ III, арт. 6.

ГЛАВА VII.

Литовско-русскій сеймъ въ окончательной стадіи развитія.

§. Первые сеймики по польскому образцу передъ Берестейскимъ вальнымъ сеймомъ 1566 г.; «ухвала» третьяго гроша къ поголовщинѣ. Работа по исправленію статута на вальномъ Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. и ея результаты. Условія уніи, принятыя на этомъ сеймѣ, и пересылка посольствами съ поляками, находившимися на сеймѣ въ Люблинѣ; новая отсрочка уніи. Постановленія Берестейскаго сейма о взысканіи недоимокъ серебщинныхъ, поконевскихъ и поголовщинныхъ пенязей, о наложеніи на жидовъ 6000 копъ грошей и объ увеличеніи побора съ предметовъ ввоза и вывоза. Избраніе и посылка пана Яна Еронимовича Ходкевича гетманомъ и администраторомъ въ Ливонію. «Ухвала» чрезвычайнаго «посполитаго рушенья» вслѣдствіе слуховъ о приближеніи московскаго войска. Просьбы Жмудской земли: о ненарушеніи сеймовыми постановленіями и новымъ статутомъ старинныхъ правъ земли, о нераздѣльности земскаго и гродскаго суда, о недопущеніи аппелляціи за ея предѣлы, объ отмѣнѣ ограниченій въ правѣ отчужденія имѣній, о пожалованіи титула воеводы старостѣ Жмудскому и избраніи каштеляна, о выкупѣ Юрбурга и Полонги; отвѣты господаря. Просьбы Витебскаго повѣта: о заключеніи уніи съ Польшею, о назначеніи земскаго писаря, о выдачѣ повѣту хоругви и включеніи подъ нее всѣхъ землевладѣльцевъ повѣта, о ремонтѣ Витебскаго замка и снабженіи его боевыми и съѣстными припасами, о посылкѣ боевыхъ припасовъ на Суражскій замокъ, объ освобожденіи отъ поголовщины, объ удовлетвореніи претензій къ жолнерамъ. Просьба Кременецкаго повѣта о замѣнѣ назначеннаго подкоморія другимъ лицомъ на основаніи новаго статута; Луцкаго повѣта—о прекращеніи взиманія съ шляхетскихъ подданныхъ торговаго и помѣрнаго въ Луцкомъ мѣстѣ. Результаты этихъ просьбъ.—§ 2. Неудача мирныхъ переговоровъ литовскаго посольства въ Москвѣ и построеніе москвитянами замковъ на Усвятѣ и Улѣ; созывъ вальнаго Городенскаго сейма 1566—1567 г. Постановленія о порядкѣ сеймованія, о чрезвычайномъ посполитомъ рушеньѣ, о наймѣ 10 тысячъ служебныхъ и о сборѣ новой серебщины, о взысканіи недоимокъ по прежнимъ податкамъ земскимъ, о привлеченіи къ господарскому суду за невыполненіе земскихъ повинностей съ выслуженныхъ имѣній, о нераздѣленіи земскаго ополченія великаго княжества. Просьбы становъ: о прекращеніи раздачи въ аренду жидамъ мытъ и поборовъ, о таксѣ на товары и издѣлія ремесленниковъ и о постоянныхъ хлѣбныхъ мѣрахъ, о приведеніи въ исполненіе ухвалы Виленскаго сейма касательно шляхты, поддавшейся съ имѣньями панамъ, о раздачѣ вакантныхъ дворныхъ урядовъ, объ учрежденіи воеводствъ и каштеляній въ Городнѣ и Ковнѣ,

о пожиткахъ земскихъ, уничтоженныхъ волочною помѣрою, о включеніи въ повѣты шляхты спадковыхъ имѣній. Унія Ливоніи съ великимъ княжествомъ.—§ 3. Приготовленія къ дальнѣйшей борьбѣ съ Москвою; повальное уклоненіе военнослужилыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества отъ несенія военныхъ тягостей. Выступленіе въ походъ короля и вынужденное бездѣйствіе литовскаго войска. Военно-полевой сеймъ въ Лебедевѣ и его постановленія о скорѣйшемъ взносѣ второй серебщины, опредѣленной на сеймѣ 1566—1567 г., для расплаты съ служебными. Постановленіе господаря и пановъ-рады въ Радошковичахъ о конфискаціи имѣній за неявку на войну. Польское посольство въ Молодечнѣ и переговоры объ уніи. Вопросъ о средствахъ для дальнѣйшаго содержанія служебныхъ; просьба шляхты изъ военнаго лагеря въ Борисовѣ о созывѣ великаго вальнаго сойма для рѣшенія этого вопроса.—§ 4. Великій вальный сеймъ въ Городнѣ въ 1568 г. Ухвала новой серебщины взамѣнъ посполитаго рушенья и постановленія о порядкѣ ея сбора и расходованія. Постановленія о замѣнѣ конфискаціи имѣній денежнымъ штрафомъ за прежнія неявки и о конфискаціи имѣній за будущія неявки только по суду, объ увольненіи убогой Подляшской шляхты отъ уплаты обѣщаннаго ею золотого, объ отчетѣ въ приходахъ и расходахъ прежнихъ серебщинъ, о продленіи срока взиманія великихъ и малыхъ поборовъ. Подтвержденье привилея 1563 года. Повтореніе и развитіе прежнихъ и новыя просьбы становъ сейма: объ обращеніи доходовъ съ битья монеты на оборону земскую, податковъ съ господарскихъ мѣстъ на артиллерію и пѣшихъ драбовъ, о награжденіи военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, выставившихъ лишніе «почты», объ облегченіяхъ въ мобилизаціи и наказаніяхъ за опозданіе на войну, объ отмѣнѣ квитовъ при роспускѣ земскаго ополченія, о прекращеніи побора съ привозныхъ дешевыхъ суконъ; о заложеніи замковыхъ судовъ и изъятіи шляхты отъ присуда «несудовыхъ» старостъ и державцевъ, о дозволеніи вознымъ ѣздить по дѣламъ безъ особыхъ разрѣшеній уряда, объ уничтоженіи срока для переноса записей изъ гродскихъ книгъ въ земскія во время войны, о заблаговременной разсылкѣ сеймовыхъ листовъ, о наказаніи за неявку на сеймики, объ отводѣ болѣе удобныхъ квартиръ земскимъ посламъ на вальныхъ сеймахъ, о сохраненіи въ силѣ сеймовыхъ ухвалъ вообще и въ частности относительно чтенія «пропозиціи» на сеймахъ, объ исправленіи новаго статута, о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ, начатыхъ при старомъ статутѣ, объ учрежденіи въ Вильнѣ коллегіума, о дарованіи шляхтѣ права устраивать новыя мѣста и кормчы въ своихъ имѣніяхъ, о запрещеніи татарамъ и жидамъ держать въ неволѣ и въ услуженьѣ христіанъ, объ особой одеждѣ для жидовъ; о невыдачѣ «кглейтовныхъ листовъ» Кгостомскимъ, объ отсрочкѣ ближайшей сессіи земскаго суда; результаты просьбъ. Просьба о созывѣ общаго польско-литовскаго сейма. Частныя просьбы земель и повѣтовъ: о дозволеніи имѣть сеймики по воеводствамъ (Виленскаго воеводства и Волынской земли), объ измѣненіи новоустановленныхъ границъ судовыхъ повѣтовъ (Виленскаго, Троцкаго и Мельницкаго повѣтовъ), о сохраненіи этихъ границъ (Лидскаго повѣта), о включеніи въ новые повѣты шляхты спадковыхъ имѣній (Бѣльскаго повѣта и земянъ Ляховицкихъ), о назначеніи мѣстъ для засѣданій и храненія книгъ земскихъ судовъ (Минскаго и Лидскаго повѣтовъ), о побужденіи мѣстныхъ сенаторовъ къ участію въ повѣтовыхъ сеймикахъ (Минскаго

повѣта), о назначеніи или смѣщеніи повѣтовыхъ урядниковъ (Лидскаго, Дорогицкаго, Владимірскаго, Ошменскаго и Мозырскаго повѣтовъ), о ремонтѣ мѣстнаго замка и назначеніи городничія (Новгородскаго и Минскаго повѣтовъ), о ненарушеніи прежнихъ правъ и вольностей (Жмудской, Волынской, Кіевской и Подляшской земель, Городенскаго Ошменскаго, Упитскаго и Пинскаго повѣтовъ), объ огражденіи отъ злоупотребленій должностныхъ лицъ (Минскаго, Ошменскаго, Упитскаго и Бѣльскаго повѣтовъ) объ огражденіи отъ обидъ и насилій жолнеровъ, сосѣдей-поляковъ и своихъ своевольныхъ лицъ (Волынской земли, пограничныхъ съ Ливоніею землевладѣльцевъ и отдѣльныхъ лицъ), о замѣнѣ конфискаціи имѣній денежнымъ штрафомъ за неявку на войну (Городенскаго повѣта), о привлеченіи мѣщанъ, покупившихъ земскія имѣнья, къ военной службѣ (Упитскаго повѣта), объ изъятіи изъ-подъ церковной юрисдикціи, объ освобожденіи отъ мостовой повинности, объ освобожденіи отъ серебщины владѣльческихъ людей, пострадавшихъ отъ градобитія (Бѣльскаго повѣта): о неприсылкѣ листовъ на русскомъ языкѣ (Дорогицкаго повѣта), объ освобожденіи семьи и крестьянъ изъ плѣна (земянина Кордыша), о пожалованіи имѣній (кн. Соколинскихъ); отвѣты господаря. Просьбы православнаго митрополита: о прекращеніи раздачи духовныхъ урядовъ свѣтскимъ людямъ, о возвращеніи расхищенныхъ церковныхъ имуществъ и земель, взятыхъ на волоки, о переписи и обмежеваніи церковныхъ земель, о возвращеніи привилеевъ митрополіи, о пресѣченіи вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовную юрисдикцію и изъятіи духовенства отъ свѣтскаго присуда по земельнымъ тяжбамъ, объ отводѣ православнымъ архіереямъ мѣстъ въ господарской радѣ, о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Кіевской; отвѣты короля. Просьба татаръ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ артикуловъ новаго статута, противорѣчащихъ ихъ правамъ и вольностямъ; привилей, выданный татарамъ. Просьбы Виленскаго мѣста: о привлеченіи владѣльческихъ мѣщанъ и иноземныхъ пріѣзжихъ купцовъ, торгующихъ въ розницу, къ несенію мѣстскихъ повинностей, о возвращеніи подъ мѣстскій присудъ всѣхъ мѣщанъ въ мѣстѣ и предмѣстьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ него, объ уничтоженіи привилегій и изъятій, нарушающихъ права мѣста, о запрещеніи жидамъ жительства и торговли въ Вильнѣ; отвѣты господаря и привилей Виленскому мѣсту на право посылать пословъ на сеймы. § 5. Люблинскій сеймъ 1568—1569 года; споры поляковъ и литовцевъ объ условіяхъ уніи. Просьбы литовскихъ становъ: объ исправленіи статута, объ отобраніи державъ у нѣкоторыхъ лицъ, о распространеніи всѣхъ шляхетскихъ вольностей на шляхту спадковыхъ имѣній, объ учрежденіи Городенскаго и Ковенскаго воеводствъ, объ исправленіи границъ съ Польшею, Пруссіею и Ливоніею, о помѣрѣ на волоки земель убогой шляхты, объ огражденіи отъ обидъ и притѣсненій со стороны жолнеровъ, объ отдачѣ монетнаго дѣла въ завѣдыванье подскарбія земскаго, о расширеніи границъ Виленскаго воеводства, объ отводѣ мѣстъ для засѣданій и храненія книгъ земскихъ судовъ, о назначеніи содержанія сеймовымъ посламъ; отвѣты господаря. Отъѣздъ литовцевъ съ сейма. Присоединеніе Подляшья, Волыни, Кіевщины и Литовскаго Подолья къ Польшѣ. Вторичные сеймики въ великомъ княжествѣ и выборы пословъ на Люблинскій сеймъ. Возобновленіе переговоровъ объ уніи и ея заключеніе. Ухвала новаго податка и дополненія къ акту уніи; присоединеніе

Ливоніи. Просьбы литовскихъ становъ: объ освобожденіи шляхты, поддавшейся съ имѣньями панамъ, объ аппелляціонномъ судѣ, о прекращеніи взиманія «поборовъ великихъ и малыхъ», объ увольненіи отъ замковой и мостовой повинности; отвѣты короля. Частныя просьбы: Виленскаго повѣта—о расширеніи повѣтовыхъ границъ; Ошменскаго и Берестейскаго—о сохраненіи повѣтовыхъ границъ; Троцкаго—о помѣрѣ на волоки земель убогой шляхты; Берестейскаго—о прекращеніи неправильнаго взиманія мытъ и пониженіи цѣны на соль; Пинскаго—о дачѣ «отмѣнъ» за земли, взятыя па волоки, о «входахъ» въ господарскія пущи, о возвращеніи съ «воль» бѣлыхъ крестьянъ; воеводства Мстиславскаго—объ исправленіи замка, объ огражденіи отъ притѣсненій жолнеровъ и о невзиманіи серебщины; Витебскаго воеводства—объ огражденіи отъ притѣсненій и злоупотребленій мѣстнаго воеводы; отвѣты господаря.—§ 6. Общіе итоги исторіи литовско-русскаго сейма: ассимиляція съ польскимъ въ составѣ, политическихъ функціяхъ и ихъ отправленіи; сліяніе съ польскимъ въ одинъ сеймъ Рѣчи Посполитой. Литовско-русскій сеймъ, какъ представительное учрежденіе.

---

§ 1.

Наступившее на театрѣ военныхъ дѣйствій затишье побудило Сигизмунда Августа исполнить постановленіе, состоявшееся па Петрковскомъ сеймѣ 1564—1565 года, и желанія, выраженныя па Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г., и назначить «спольный» польско-литовскій сеймъ для окончанія начатаго дѣла уніи. Къ этому рѣшенію, по всѣмъ признакамъ, король пришелъ еще въ бытность свою въ Вильнѣ, на великомъ вальномъ соймѣ. Судя по выяснившимся обстоятельствамъ, благополучное окончаніе дѣла уніи должно было повести къ прекращенію созыва отдѣльнаго вальнаго сейма великаго княжества. Между тѣмъ за королемъ оставалось еще невыполненное обѣщаніе созвать именно такой сеймъ для окончательной «поправы» статута. Вслѣдствіе этого и для того, чтобы дать возможность литовцамъ предварительно сговориться между собою насчетъ предстоящаго на «спольномъ» сеймѣ дѣла и покончить съ своими чисто домашними дѣлами, король распорядился созывомъ сейма въ Берестьѣ на 28 апрѣля. Отсюда уже литовцы должны были ѣхать на общій сеймъ съ поляками, имѣвшими прибыть съ своего Люблинскаго сейма, въ пограничный пунктъ, который король обѣщалъ указать впослѣдствіи [1]).

По новому статуту предъ великимъ вальнымъ сеймомъ должны были состояться повѣтовые сеймики для избранія пословъ и составле-

---

[1]) Приложеніе № 56.

нія имъ инструкціи, и притомъ не позже четырехъ недѣль до открытія вальнаго сейма. На этотъ разъ по краткости времени не было физической возможности исполнить предписаніе статута. Король стремился по возможности скорѣе созвать вальный сеймъ и потому заручился согласіемъ Виленскаго сейма на сокращеніе промежутка времени между повѣтовыми сеймиками и вальнымъ сеймомъ. Повѣтовые сеймики назначены были на 10 апрѣля, при чемъ король оговорилъ въ сеймовыхъ листахъ, что это нарушеніе статута не будетъ служить прецедентомъ на будущее время. Приноравливаясь къ порядку, наблюдавшемуся относительно сеймиковъ въ Польшѣ, король разослалъ на нихъ спеціальныхъ «посланцевъ», которые должны были объявить на мѣстныхъ собраніяхъ пановъ-рады, урядниковъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ, панятъ и рыцарства-шляхты о предметахъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію на вальномъ сеймѣ, пригласить ихъ избрать изъ своей среды двухъ пословъ и отправить на вальный сеймъ, давши имъ надлежащія полномочія. Въ качествѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію, король объявлялъ «поправу» статута, унію и изысканіе средствъ къ обезпеченію рѣчи посполитой отъ непріятеля. Сверхъ того посланцы получили приказаніе объявить о состоявшихся назначеніяхъ на новыя должности воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ и подкоморихъ и о новыхъ хоругвяхъ, пожалованныхъ каждому повѣту, а также напомнить станамъ объ ихъ обѣщаніи на прошломъ сеймѣ прибавить къ собранной поголовщинѣ третій грошъ, другими словами—дать новую поголовщину въ половинномъ размѣрѣ по сравненію съ прежней. Свое предложеніе увеличить субсидію король мотивировалъ тѣмъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ бирчихъ земскихъ, и по даннымъ сбора поголовщины въ господарскихъ имѣньяхъ достаточно выяснилось, что этой поголовщины не хватитъ для расплаты съ служебными людьми, что даже при исправномъ взносѣ поголовщина «нигде такъ много не вчинитъ, яко серебщизна выносила». Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы должны были объявить о намѣреніи короля взыскивать поголовщину съ неуплатившихъ ее въ срокъ въ двойномъ размѣрѣ согласно съ опредѣленіемъ сейма и именемъ короля приказать хоружимъ, чтобы они представили на сеймъ списки всѣхъ тѣхъ, кто не бывалъ на минувшихъ войнахъ и кто не платилъ серебщинъ [2]).

Изъ королевскаго универсала отъ 29 апрѣля 1566 года узнаемъ, что станы, собравшіеся на повѣтовыхъ сеймикахъ, исполнили обѣща-

[2]) Приложеніе № 57.

ніе, данное на Виленскомъ сеймѣ, и ухвалили дать третій грошъ къ собранной поголовщинѣ [3]).

Распространившіеся по окончаніи повѣтовыхъ сеймиковъ тревожные слухи о непріязненныхъ замыслахъ москвитянъ не помѣшали, однако, созыву сейма. Король разослалъ (20 апрѣля) всѣмъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ приказъ готовиться къ выступленію въ походъ съ тѣмъ, чтобы черезъ недѣлю послѣ Троицы (9 іюня) быть въ сборномъ пунктѣ, на Друцкихъ поляхъ. Но всѣмъ, кто вызванъ на сеймъ господарскими листами, и кто выбранъ посломъ отъ повѣта, король приказывалъ ѣхать на сеймъ, «не омешкиваючи тое потребы речи посполитое», а на войну отправить только свои почты «подле уфалы соймовое и статуту земского» [4]). Самъ король не поѣхалъ лично на Берестейскій сеймъ, но отправился въ Люблинъ, въ сборный пунктъ польскаго сейма [5]), а на Берестейскій сеймъ послалъ подканцлера Остафія Воловича съ своею «пропозиціею». Судя по указаніямъ, содержащимся въ пригласительныхъ грамотахъ и въ позднѣйшемъ листѣ короля, отправленномъ на самый сеймъ, пропозиція короля намѣчала для обсужденія и рѣшенія сейма тѣ же самые вопросы, какіе объявлены были уже на повѣтовыхъ сеймикахъ, т. е. вопросы объ уніи, о средствахъ для предотвращенія опасностей, угрожающихъ въ Инфляндской землѣ отъ Шведа и отъ Московскаго, о расплатѣ съ наемными служебными и о «поправѣ» статута. Исправленія требовалъ въ особенности девятый раздѣлъ, «около правъ и границъ земленыхъ написаный», а также третій раздѣлъ и нѣкоторые артикулы въ другихъ раздѣлахъ. Девятый раздѣлъ въ свое время составленъ былъ въ разсчетѣ на то, что всѣ земельныя тяжбы будутъ разбираться земскими судьями. Между тѣмъ станы Виленскаго сейма 1565—1566 года ходатайствовали объ учрежденіи для этихъ разбирательствъ особыхъ подкоморихъ по польскому образцу, и господарь уважилъ это ходатайство [6]).

---

[3]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 104—108.

[4]) Тамъ же, л. 100—102.

[5]) По датамъ актовъ Литовской Метрики король былъ въ Люблинѣ уже 6 апрѣля и пробылъ тамъ всю весну и лѣто до 16 сентября включительно. Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 18—111; XLVIII, л. 11—42; XLIX, л. 6—10; L, л. 25—34; LI, л. 19—33; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 14—16, 21, 25—37, 189; LIV, л. 22—41; Публичныхъ дѣлъ VII, л. 113—115; VIII, л. 17—32.

[6]) Отъ марта 1566 года идетъ цѣлый рядъ привилеевъ на подкоморство: отъ 17 марта — старостѣ Динабургскому Яну Левоню на *подкоморство Виленское* (Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 10); отъ 24 марта—пану Миколаю Суходольскому

Теперь необходимо было очертить предѣлы этого спеціальнаго суда и всю его процедуру, что господарь и возлагалъ на сеймъ [7]).

Результатомъ работы, произведенной на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. по части исправленія статута, было прежде всего измѣненіе 9 артикула III раздѣла. Первоначальная редакція этого артикула повторяла и развивала соотвѣтствующія статьи стараго статута, а именно: господарь не будетъ раздавать въ великомъ княжествѣ урядовъ, достоинствъ, державъ и «вѣчностей» чужеземцамъ, людямъ заграничнымъ и сосѣдямъ, даже и тѣмъ, кто пріобрѣлъ осѣдлость въ великомъ княжествѣ по пожалованью господаря или какимъ-нибудь другимъ образомъ: уряды, духовныя и свѣтскія достоинства, державы и «вѣчности» будутъ раздаваться только стариннымъ уроженцамъ великаго княжества; кто вопреки этому закону выпросилъ себѣ у господаря урядъ или державу, долженъ все это сложить съ себя по первому приглашенію, въ противномъ случаѣ подвергается конфискаціи своего имущества (мастности) [8]). По новой редакціи, установленной на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года, выслужившіеся чужестранцы могли получать отъ господаря имѣнья во временное и даже вѣчное владѣніе, но только непремѣнно на вальномъ сеймѣ, «за радою и позволеньемъ» всѣхъ пановъ-рады и «за позволеньемъ» всѣхъ становъ земскихъ, «сойму Литовскому валному належачихъ»; но доступъ къ урядамъ и достоинствамъ имъ по прежнему былъ прегражденъ, и постановлено было у тѣхъ, кто выпроситъ себѣ что-нибудь подобное, отбирать не только урядъ, но и

на *подкоморство Мстиславское* (Судныхъ дѣлъ LIII, л. 4); отъ 27 марта—дворянину Голубицкому на *подкоморство Вилкомирское* (Запис. XLVIII, л. 6, 7); отъ 30 марта—пану Богдану Павловичу Сопегѣ на *подкоморство Бѣльское* (Судныхъ дѣлъ LIII, л. 4). Кромѣ того, по даннымъ актовъ, въ мартѣ 1566 года были уже назначены: на *подкоморство Пинское*—державца Перстуньскій Война Матоеевичъ Гричинъ (Запис. XLVIII, л. 5, 6); ка *подкоморство Минское*—Станиславъ Сологубъ (Запис. XLVII, л. 7, 8); сверхъ того, въ 1566 году были несомнѣнно замѣщены *подкоморство Витебское* кн. Павломъ Соколенскимъ (тамъ же, л. 45), *подкоморство Ковенское*—Войтехомъ Дявилтовскимъ (тамъ же, л. 115). По всей вѣроятности, тогда же состоялись и всѣ другія назначенія на эту должность, перечисленныя въ спискѣ повѣтовъ и урядниковъ, напечатанномъ въ приложеніяхъ (№ 79; срав. Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 27, 28; LI, л. 104; Судн. LII, л. 116; *Wolffa* Kniaziowie Litewsko-ruscy, str. 191).

[7]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 148, I.

[8]) Временникъ Москов. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 46, 47.

имѣнье и всю маетность; уряды и достоинства оставлены были только Литвѣ, Руси и Жмуди, «съ продковъ своихъ» уроженцамъ великаго княжества [9]).

Кромѣ артикула объ ограниченіи господаря въ раздачѣ урядовъ, достоинствъ, державъ и имѣній на Берестейскомъ сеймѣ подвергся исправленію артикулъ о правѣ наслѣдства безъ завѣщанія, или,— точнѣе сказать,—выраженъ болѣе детально и точно. Постановлено было, что по смерти отца всѣ его имѣнья отчинныя, выслуженныя, спадковыя и пріобрѣтенныя другимъ образомъ наслѣдуютъ сыновья съ обязательствомъ выдѣлить изъ нихъ четвертую часть своимъ сестрамъ, не получившимъ приданаго; если одинъ изъ нихъ умретъ бездѣтнымъ, его долю наслѣдуютъ остальные братья, выдѣляя изъ нея сестрамъ, не получившимъ своего приданаго, также четвертую долю; по смерти матери ея имѣнья идутъ въ равный раздѣлъ между сыновьями и дочерьми; послѣ бездѣтной смерти братьевъ или послѣ прекращенія ихъ потомства имѣнья спадаютъ на сестеръ и на ихъ потомство; съ прекращеніемъ потомства братьевъ и сестеръ имѣнья отца переходятъ къ ихъ ближайшимъ родственникамъ по отцу, а имѣнья матери—къ ближайшимъ родственникамъ по матери; при отсутствіи тѣхъ и другихъ имѣнье спадаетъ на господаря [10]). Всѣ эти опредѣленія въ сущности только формулировали систематически дѣйствовавшее писаное и обычное право [11]).

Но иное приходится сказать о постановленіи, состоявшемся на Берестейскомъ сеймѣ, касательно права распоряженія имѣньями. По старому статуту это право было ограничено въ отношеніи отчинныхъ имѣній, изъ которыхъ отчуждать на сторону, минуя своихъ родственниковъ, можно было только третью часть; двѣ же другихъ части можно было только записать въ извѣстной суммѣ, не свыше ихъ стоимости, съ правомъ выкупа для родственниковъ [12]). Опредѣленіе стараго статута первоначально было повторено цѣликомъ и въ новомъ [13]). Но на Берестейскомъ сеймѣ паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата и панята, урядники земскіе и дворные и послы изъ повѣтовъ, принявъ во вниманіе всѣ затрудненія, вытекающія изъ этого опредѣленія какъ

---

[9]) Тамъ же, стр. 217.

[10]) Тамъ же, стр. 49, 50.

[11]) Сравн. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 569—585.

[12]) Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 16.

[13]) Раздѣлъ VII, арт. 4.

для тѣхъ, кому приходится отчуждать третью часть отчины, («же жаденъ спадне въ то угодити не могъ, яко бы потрафило слушне записъ учинити»), такъ и для тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ эту часть («кгды жъ многие, побудовавши и осадивши людми, шкодливе съ права и суду мусели на то храмати, где бы въ записехъ переносила або третяя часть, або две части»), «отложили на сторону» артикулъ съ вышеизложеннымъ опредѣленіемъ и постановили, что впредь вольно будетъ всякому распоряжаться своими отчинными, материими, спадковыми, купленными и пріобрѣтенными другимъ способомъ имѣньями безъ всякихъ ограниченій, продавать, дарить, записывать, мѣнять по частямъ или цѣликомъ («окгуломъ»), минуя своихъ родственниковъ, безъ права для нихъ выкупа. Это постановленіе получило санкцію короля, который, отложивъ на сторону «тые першие артыкулы, въ статуте старомъ и новомъ описаные около двухъ частей», новый артикулъ, «зголливе отъ всихъ становъ поправленый и принятый», приказалъ вписать въ новый статутъ [14]). Это приказаніе было исполнено чисто механически: новый артикулъ былъ дѣйствительно вписанъ (1 арт. VII раздѣла статута 1566), но вмѣстѣ съ тѣмъ остались и прежніе (3, 4, 5 арт.), которые онъ отмѣнялъ, такъ что получились отъ того редакціонныя несообразности и противорѣчія, могущія запутывать читателя незнакомаго съ ихъ происхожденіемъ [15]).

Сверхъ замѣны артикула, ограничивавшаго право распоряженія отчинными имѣньями, другимъ, уничтожавшимъ всякія ограниченія, станы на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. внесли нѣкоторыя дополненія къ статьѣ новаго статута о самомъ порядкѣ отчужденія имѣній. Новый статутъ (раздѣлъ VII, арт. 3) опредѣлилъ, что всякій, кто захочетъ продать или заставить свое отчинное имѣніе, долженъ заявить объ этомъ либо передъ самимъ господаремъ, либо передъ земскимъ судомъ, въ повѣтѣ котораго лежитъ имѣнье, и такая продажа или застава будетъ имѣть силу, хотя бы на нее не было спеціальнаго подтвержденія господаря. Исполненіе этого предписанія было сопряжено, однако, съ большими неудобствами: къ господарю сплошь и рядомъ слишкомъ далеко было ѣхать; книги же земскаго суда, куда можно было вписывать заявленія, открывались только во время его «роковъ», или сессій,

---

[14]) См. «Видымусъ, выданый пану Матею Савицкому зъ некоторыхъ записовъ албо привилеевъ, на именье Лопеницкое належачихъ», отъ 9 іюля 1568. Литов. Метр. кн. Запис. XLIX, л. 23—28.

[15]) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 119—122 (арт. 1—5).

а въ другое время были закрыты. Вслѣдствіе этого станы Берестейскаго сейма сочли нужнымъ дополнить вышеприведенное опредѣленіе статута слѣдующими постановленіями: въ промежуткахъ между сессіями земскаго суда можно совершать сдѣлки на имѣнья передъ замковымъ судомъ и вносить ихъ въ его книги, которыя постоянно открыты; но для того, чтобы сдѣлка не утратила свою силу, необходимо въ теченіе года перенести запись изъ замковыхъ книгъ въ земскія; можно вносить записи сдѣлокъ и въ ближайшія по мѣсту жительства земскія книги, а не только въ книги того повѣта, гдѣ лежитъ имѣнье, но купившій имѣнье или взявшій его въ заставу долженъ, взявъ выпись изъ этихъ книгъ, внести ее для порядка въ книги соотвѣтствующаго повѣта (арт. 1, 2) [16].

Наконецъ, станы Берестейскаго сейма опредѣлили также дѣятельность новоучрежденныхъ подкоморіевъ и ихъ помощниковъ—коморниковъ. Подкоморіе, по ихъ постановленію, имѣли впредь разбирать на мѣстѣ «розницы земленые и граничные» по порученію («за опосланьемъ») земскаго суда. Въ силу предоставленной имъ власти они имѣли право вызывать на грунтъ обѣ тяжущіяся стороны своими «позвами» за четыре недѣли до срока, который долженъ имѣть значеніе окончательнаго; разбирательство можетъ откладываться только по болѣзни одной изъ сторонъ или по совпаденію съ другою ея тяжбою, но только при условіи заблаговременнаго извѣщенія съ ея стороны. По прибытіи на мѣсто подкоморій долженъ осмотрѣть документы сторонъ, пограничные знаки и выслушать показанія приведенныхъ ими «светковъ», а затѣмъ пустить къ доводу ту сторону, которая будетъ имѣть лучшіе документы, болѣе явные межевые знаки и болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей, а при равенствѣ этихъ условій—истца («сторону поводовую»). Выслушавъ доводъ, подкоморій долженъ присудить грунтъ, выдать на него листъ съ своею подписью и учинить «копцы» (межевые насыпи и другіе граничные знаки, взимая за свой трудъ съ каждаго углового копца 24 гроша, съ промежуточныхъ (не ближе 3 волочныхъ шнуровъ)—12 грошей, съ межевой борозды отъ трехъ шнуровъ по 12 грошей. Если бы по окончаніи межевого разбирательства дѣло зашло объ убыткахъ, тогда подкоморій долженъ отослать его въ тотъ земскій судъ, по порученію котораго производилъ межевое разбирательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникнетъ земельная тяжба на границахъ двухъ смежныхъ повѣтовъ, для разбирательства должны выѣзжать подкомо-

[16]) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, стр. 119, 120, 218.

ріе обоихъ повѣтовъ. Отъ суда подкоморіевъ апелляція должна идти къ господарю, который высылаетъ тогда на мѣсто судей коммиссаровъ съ каштеляномъ или маршалкомъ повѣтовымъ во главѣ для провѣрки подкоморскаго суда; за неосновательную аппелляцію положенъ былъ штрафъ въ двѣ копы грошей въ пользу подкоморія и вознагражденіе за излишніе хлопоты и издержки противной сторонѣ. Подкоморіямъ предоставлено было за недосугомъ замѣняться *коморниками*, которыхъ они должны были выбрать изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтитей (раздѣлъ IV, арт. 70 [17]).

Таковы были «поправы» статута, произведенныя на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Въ совѣщаніяхъ объ этихъ поправахъ и другихъ предметахъ, указанныхъ въ пропозиціи короля, прошелъ май и почти весь іюнь. Между тѣмъ король не получалъ никакихъ свѣдѣній отъ становъ Берестейскаго сейма, покончили ли они или нѣтъ съ своими дѣлами и готовы ли къ съѣзду съ поляками. Поэтому въ концѣ іюня король отправилъ къ панамъ-радѣ письмо, въ которомъ, указывая на «небезпечные слухи», доходящіе съ непріятельскихъ сторонъ, просилъ ихъ, чтобы они ускорили свои совѣщанія и всѣ «потребы земскіе», объявленныя имъ черезъ подканцлера, «правѣ яко кгвалтовные отправили». Сверхъ этихъ «потребъ» король указывалъ на то, что землевладѣльцы великаго княжества лѣниво собираются на войну, хотя военные листы уже давно къ нимъ посланы, и просилъ станы сейма найдти средство побудить ихъ къ исполненію своей повинности, и въ особенности въ такое опасное время. Сообщая о томъ, что князь Прусскій на свой счетъ снарядилъ въ Лифляндскую землю на полгода тысячу конныхъ служебныхъ, король просилъ поскорѣе отправить туда, какъ уже было предположено ранѣе, старосту Жмудскаго Яна Еронимовича Ходкевича, дабы эти служебные не потратили тамъ попусту время [18]).

Результатомъ этой посылки короля было прибытіе въ Люблинъ литовскаго посольства, въ составъ котораго входили воедвода Минскій Гаврило Ивановичъ Горностай, каштелянъ Берестейскій Янъ Гайко и подскарбій земскій Николай Нарушевичъ. Эти послы привезли съ собою предложенія становъ Берестейскаго сейма касательно условій, на которыхъ они соглашались заключить унію съ поляками. На этотъ разъ литовцы соглашались не избирать себѣ отдѣльно отъ поляковъ великаго князя, но всегда сообща съ ними въ мѣстѣ, назначенномъ архі-

---

[17]) Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XXIII, стр. 101—103.

[18]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 148, I.

епископомъ Гнѣзненскимъ на границахъ обоихъ государствъ, на совершенно равныхъ съ ними правахъ, соглашались имѣть общихъ съ ними друзей и враговъ и сообща защищаться отъ непріятелей, сеймы имѣть общіе по очереди въ Польшѣ и Литвѣ, но по прежнему настаивали на сохраненіи для Литвы отдѣльной администраціи и суда, особыхъ законовъ и установленій, такъ чтобы унія съ Польшею не наносила ущерба государственному достоинству великаго княжества [19]). Сопоставляя эти предложенія съ «поправою» 9 артикула III раздѣла, касающагося раздачи должностей, званій и имѣній въ великомъ княжествѣ, видимъ, что магнатская оппозиція польскому идеалу уніи все еще была сильна въ великомъ княжествѣ и брала верхъ надъ тяготѣніемъ къ Польшѣ рыцарства-шляхты. Посламъ поручено было только передать вышеуказанныя предложенія полякамъ, но запрещено было вступать въ договоръ съ поляками; это право сеймъ оставлялъ за собою.

Такая проволочка сильно разсердила поляковъ, которые уже давно съ нетерпѣніемъ поджидали къ себѣ весь литовскій сеймъ и жаждали начатія непосредственныхъ переговоровъ съ литовцами. Считая дальнѣйшее ожиданіе безполезнымъ, поляки собрались было уѣзжать изъ Люблина, но король уговорилъ ихъ повременить еще нѣсколько времени и отправить съ своей стороны пословъ [20]) на Берестейскій сеймъ уговаривать литовцевъ кончать начатое дѣло уніи. Независимо отъ того король отправилъ отъ себя писаря Лаврина Войну съ посланіемъ къ литовцамъ, въ которомъ склонялъ ихъ къ пріѣзду въ Люблинъ для ускоренія переговоровъ объ уніи и завѣрялъ, что поляки не будутъ домогаться отъ нихъ ничего, «милости братерской противного», а вольностямъ и свободамъ ихъ «образливого» [21]).

Но литовцы не поѣхали на сеймъ въ Люблинъ [22]). Они отправили туда 5 августа каштеляна Берестейскаго Яна Гайка, каштеляна Брацлавскаго кн. Андрея Тимоѳеевича Капусту и секретаря Венцлава Агриппу съ новымъ посланіемъ къ короннымъ станамъ. Въ этомъ посланіи литовцы просили поляковъ высказаться по поводу ихъ прежнихъ предложеній, оставленныхъ поляками безъ отвѣта, и вмѣстѣ съ

---

[19]) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 472.

[20]) Въ качествѣ пословъ поѣхали въ Берестье: бискупъ Перемышльскій кн. Валентинъ Гербуртъ; воевода Краковскій, староста Ратынскій Станиславъ Мышковскій; каштелянъ Иновлоцлавскій, староста Кгостынинскій Адамъ Древицкій и секретарь Янъ Лешневскій.

[21]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 148, II.

[22]) *Hr. Broel-Plater*, Zbiór pamiętników, tom II, str. 15, 16.

тѣмъ увѣдомляли ихъ, что они вслѣдствіе доходящихъ слуховъ объ опасностяхъ, угрожающихъ великому княжеству, считаютъ невозможнымъ оставаться на сеймѣ и отлагаютъ дальнѣйшіе переговоры объ уніи до будущаго сейма, который, дастъ Богъ, можно будетъ назначить послѣ святокъ гдѣ-нибудь на границахъ обоихъ государствъ [23]). Такъ, и на этотъ разъ не состоялся «спольный» сеймъ, на которомъ поляки разсчитывали провести унію. Осуществленію ихъ стремленій помѣшали несомнѣнно не одни только «небезпечные» слухи, но и упорство литовскихъ магнатовъ, которые и слышать не хотѣли о такой уніи, какую желали поляки. До насъ дошли нѣкоторые отголоски рѣчей, которыя они произносили на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. (votum бискупа Виленскаго Валерьяна Протасевича). Оказывается, что они попрежнему домогались для великаго княжества особыхъ сеймовъ, особаго сената, возведенія на великое княженіе въ Вильнѣ [24]) и т. д.

Слухи, встревожившіе сильно литовцевъ, получены были еще въ іюлѣ отъ гетмана найвысшаго пана Григорія Александровича Ходкевича и старосты Черкасскаго кн. Михаила Александровича Вишневецкаго. Первый доносилъ о враждебныхъ движеніяхъ москвитянъ на границахъ великаго княжества, а второй о непріязненныхъ замыслахъ Перекопскаго царя. Получивъ эти вѣсти, король послалъ (10 іюля) къ панамъ-раднымъ въ Берестье грамоту, въ которой просилъ ихъ мнѣнія и совѣта, что предпринять въ виду этихъ слуховъ [25]). Мы не знаемъ, что отвѣтили ему паны-радные. Въ грамотѣ, посланной съ Лавриномъ Войною (отъ 27 іюня), король сообщалъ о новыхъ тревожныхъ вѣстяхъ, полученныхъ изъ Крыма, и просилъ какъ можно скорѣе обсудить на сеймѣ и принять мѣры противъ всѣхъ этихъ «квалтовныхъ налогъ земскихъ». Въ частности король указывалъ на необходимость изыскать средства на расплату съ служебными, которые уже третью четверть не получаютъ жалованья, на постройку замковъ Лепельскаго и Дисненскаго, на ремонтъ и снабженіе всѣмъ необходимымъ другихъ пограничныхъ замковъ, на снаряженіе въ землю Лифляндскую старосты Жмудскаго Яна Еронимовича Ходкевича и на расплату съ его служебными, ибо скарбъ господарскій не можетъ удовлетворить всѣмъ этимъ нуждамъ, въ особенности теперь, когда столько господарскихъ имѣній роздано въ заставу, и когда ему

---

[23]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VIII, л. 17.

[24]) *S. Gołębiowskiego* Czasy Zygmunta Augusta, część I, str. 65.

[25]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 19.

становится трудно не только что покрывать земскіе расходы, но и содержать господарскій дворъ и столъ [26]). Съ своей стороны король предлагалъ учинить немедленно «помочь и ратунокъ зъ рѣчей готовыхъ», уже опредѣленныхъ сеймомъ, а именно: взыскать «съ совитостью», вдвойнѣ, согласно съ ухвалою сейма, недоимки серебщинъ за прошлые годы, поконевскіе пенязи за неявку на войну и недоборъ поголовщины, ибо, если сеймовыя ухвалы не будутъ приводиться въ исполненіе, тогда лѣнивые еще болѣе станутъ неисправными, а послушные и поспѣшные должны будутъ нести еще большія бремена [27]).

Станы не сочли однако возможнымъ ригористически исполнять свои прежнія ухвалы и постановили, чтобы всѣ, не отдавшіе серебщины за 1563 и 1564 годы и установленную на прошломъ сеймѣ поголовщину, а равно и поконевскіе пенязи, внесли все это бирчимъ повѣтовымъ не позже 8 сентября; кто не заплатитъ къ этому сроку, съ того уже будутъ взыскивать господарскіе посланцы вдвойнѣ и отдавать бирчимъ земскимъ [28]). Съ жидовъ, которые также не отдали сполна прежнихъ налоговъ (золотыхъ) и поголовщины, ухваленной на сеймѣ 1565—1666 гг., паны-рада и всѣ станы «зъ сполное намовы» постановили собрать 6000 копъ гр. къ тому же 8 сентября, въ извѣстныхъ суммахъ съ каждаго «збора» (общины [29]). Сверхъ того, «для большого поратованья отправы потребъ земскихъ» земли Лифляндской и для расплаты съ служебными, тамъ стоящими, станы постановили увеличить на два года обложеніе предметовъ вывоза и ввоза, установленное на сеймѣ 1566 года, и кассировать всѣ льготы и изъятія по этой

---

[26]) Сверхъ вышеупомянутыхъ господарскихъ имѣній были заставлены: дворъ *Мѣдники* въ 1300 копахъ грошей, которые король взялъ на отправу людей служебныхъ у писаря скарбнаго Ларіона Ивановича; 25 марта 1566 г. взамѣнъ этого двора, взятаго къ воеводству Виленскому, король заставилъ ему дворъ *Керновъ* на два года съ правомъ держать еще два года, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа и т. д. (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 4—6); дворъ *Ляховичи* пану Ивану Александровичу Солтану въ 3000 копъ грошей; въ 1566 году 1 іюля король перенесъ эту сумму на дворъ *Остриту* (тамъ же, л. 188, 189); *держава Кормяловская*, доходы съ которой король предоставилъ выбирать пану Остафію Воловичу въ погашеніе того, что задолжалъ ему скарбъ (Судн. LII, л. 229, 230); село *Нача* Ляховицкой волости пану Александру Брындзѣ, державцѣ Пуньскому (Запис. LI, л. 10, 11).

[27]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 148, II.

[28]) Приложеніе № 58.

[29]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 245, 249.

части, за исключеніемъ привилегіи шляхты отправлять за границу безпошлинно продукты своихъ имѣній, изготовленные на собственный счетъ [30]).

Чтобы всѣ эти жертвы, приносимыя для Ливоніи, не пропали даромъ, на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. рѣшено было измѣнить систему управленія Ливоніею. По договору 1561 г. во главѣ управленія Ливоніею поставленъ былъ герцогъ Курляндскій, бывшій магистръ Ордена, въ качествѣ представителя короля съ титуломъ администратора. Станы пришли къ убѣжденію, что для обезпеченія этой страны за великимъ княжествомъ и для водворенія въ ней лучшаго порядка, необходимо поставить во главѣ управленія Ливоніею литовскаго пана, передавъ ему и высшую военную власть въ области. На этотъ постъ станы намѣтили старосту Жмудскаго, маршалка земскаго, державцу Тельшовскаго и Плотельскаго, пана Яна Еронимовича Ходкевича. Король утвердилъ ихъ выборъ и 2 августа изготовилъ грамоты къ Кетлеру о сдачѣ своей должности Ходкевичу и къ ливонскимъ сословіямъ о признаніи Ходкевича «гетманомъ и администраторомъ въ землѣ Лифляндской [31]). Ходкевичу предоставлена была высшая военная и гражданская власть въ области съ чрезвычайно широкими полномочіями

---

[30]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 35; LIII, л. 70; Документы Москов. Архива Минист. Юстиціи, т. I, стр. 197—199. Постановленіе о кассаціи всѣхъ изъятій отъ платежа побора, однако, обходилось королемъ и не всегда соблюдалось. Такъ, приказавъ Диспенскимъ мѣщанамъ, освобожденнымъ ранѣе отъ платежа мытъ и поборовъ, платить поборы съ товаровъ согласно ухвалѣ Берестейскаго сейма, король 2 сентября 1566 г. велѣлъ имъ прислать къ нему нѣсколько человѣкъ, обѣщаясь учинить имъ «фолькгу» (льготу) въ другихъ вещахъ (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 92, 93); мѣщанамъ же Динабургскимъ король прямо обѣщалъ взамѣнъ отбираемой льготы раздать черезъ мѣстнаго старосту деньги изъ мытъ и тѣхъ же поборовъ (тамъ же, л. 93); купцу Яну Болеману король дозволилъ ввозить 500 лаштовъ соли, не платя никакихъ мытъ и поборовъ, и по сему случаю писалъ (10 окт. 1566 г.) сборщикамъ мытъ и поборовъ: «А што ся дотычеть сойму валного Берестейского, на которомъ вси таковые волности съ потребы речи посполитое суть поднесены, албо пакъ где бы якие листы наши выданы были ку перекaзе той вольности его, тогды абы есте, не дбаючи о то, заховываючися водле привилья нашого, везде оную соль пропущали, кгды жъ онъ не малую суму пенезей до скарбу нашого земского великого князства Литовского на потребу жъ речи посполитое далъ, а отъ того собе пожитку никоторого не маеть» (Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 38—39)

[31]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CXLVI—CLI.

Онъ получилъ право созывать на войну подъ свое начальство всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ области, установлять для нихъ размѣры военной службы съ ихъ имѣній, отбирать имѣнья у неявившихся на его зовъ и раздавать людямъ заслуженнымъ, докладывая королю. Ходкевичу подчинены были и всѣ ротмистры и наемныя войска: онъ долженъ былъ принимать ихъ на службу и увольнять, выплачивать имъ жалованье, распредѣлять по замкамъ, давать на нихъ судъ и управу по жалобамъ на обиды и притѣсненія съ ихъ стороны. Такъ какъ скарбъ великаго княжества и безъ того потратилъ уже много денегъ на Ливонію, то на будущее время предполагалось привлечь къ несенію финансовыхъ тягостей и обывателей Лифляндской земли. Предполагалось, что по примѣру обывателей великаго княжества они будутъ собираться на сеймы и ассигновывать необходимыя субсидіи на подобіе податковъ земскихъ великаго княжества. Ходкевичу было предоставлено право созывать эти областные сеймы и требовать отъ нихъ субсидій. Косвенные же налоги, т. е. торговыя пошлины, Ходкевичу предоставлено было устанавливать и регулировать собственною властью, а равно также и чеканить монету извѣстной формы и вѣса. Ходкевичъ получилъ право воздвигать новые замки, раздавать господарскіе замки и дворы въ Ливоніи въ держанье достойнымъ людямъ, смѣщать старостъ и державцевъ съ ихъ должностей, издавать различныя предписанія по господарскому хозяйству, раздавать землю заслуженнымъ людямъ, по докладу королю, судить по апелляціи отъ мѣстныхъ судовъ и издавать законы съ совѣта мѣстныхъ сословій и одобренія короля. Словомъ, Ходкевичъ получилъ, по выраженію выданной ему грамоты, ту же самую власть въ Ливоніи, какою бы пользовался самъ господарь, если бы находился въ этой области [32]). Предъ отправленіемъ на мѣсто назначенія Ходкевичъ получилъ въ свое распоряженіе извѣстную сумму денегъ изъ господарскихъ доходовъ съ державъ Плотельской и Тельшовской на свой домашній обиходъ, 11 тысячъ копъ грошей съ поборовъ, коими облагались предметы вывоза и ввоза, и всѣ доходы съ волостей Жмудской земли на расплату съ 3000 служебныхъ, данныхъ въ его распоряженіе [33]). Въ данной ему инструкціи (отъ 2 августа), несомнѣнно составленной на Берестейскомъ сеймѣ, ему поручалось всячески склонять ливонцевъ на предстоящемъ Риж-

---

[32]) Ibidem, № CLII; Акты Зап. Россіи III, № 40; Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 38, 39; XLVIII, л. 33, 34.

[33]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 39, 47, 48; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 19—20, 26, 27.

скомъ сеймѣ къ уніи *съ великимъ княжествомъ*; если же воспротивится этому герцогъ Курляндскій, то отложить это дѣло на литовскій вальный сеймъ, при чемъ герцогу обѣщать на немъ то же мѣсто, какое дается герцогу Прусскому. Ходкевичъ долженъ былъ хлопотать, чтобы ливонцы снабжали провіантомъ наемныя войска, посланныя для ихъ защиты, чтобы Рига признала надъ собою власть великаго князя и въ знакъ этого уступила часть своихъ портовыхъ доходовъ; если же городъ откажется это сдѣлать, то Ходкевичу поручено было осуществить права, которыя принадлежали прежде архіепископу и магистру, и установить таможню въ устьѣ Двины, а также для подчиненія мѣста воздвигнуть тамъ замокъ. Затѣмъ ему поручалось склонять Ревельцевъ всѣми мѣрами къ переходу подъ власть Литвы, а герцога Курляндскаго къ уступкѣ лѣваго берега Двины противъ Риги до р. Свенты (Аа) и къ выкупу у герцога Прусскаго замка Гробина, затѣмъ парализовать всякія дѣйствія его ко вреду великаго княжества, смѣщать ненадежныхъ начальниковъ замковъ и замѣнять ихъ людьми испытанной вѣрности [34]) и т. д. Эта инструкція служитъ новымъ нагляднымъ указаніемъ на то, что на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года имѣла перевѣсъ партія, ратовавшая за политическую особность и самостоятельность великаго княжества. Инструкція насквозь проникнута сепаратистическими литовскими тенденціями, желаніемъ пріобрѣсти Ливонію особо для великаго княжества, а не для Польши и Литвы совмѣстно.

Около 10 августа отъ гетмана наивысшаго было получено въ Берестьѣ извѣстіе, что литовскіе послы, отправленные въ Москву для переговоровъ, возвращаются оттуда, не заключивъ перемирія, и что по слѣдамъ ихъ двигается къ границамъ большое московское войско. Это извѣстіе оказалось не совсѣмъ точнымъ: послы заключили перемиріе до Рождества Христова въ 1566 году и условились, что къ тому времени Московскій государь пришлетъ къ королю своихъ пословъ [35]). Какъ бы то ни было, но оно сильно всполошило Литовцевъ, сеймовавшихъ въ Берестьѣ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о приближеніи непріятелей гетманъ писалъ, что, не смотря на разосланные давнымъ давно военные листы «и до сихъ часовъ никого зъ становъ рыцерскихъ у войско не зъехало» [36]). Вслѣдствіе этого станы постановили, что всѣ паны радные, княжата, панята и всѣ вообще военнослужилые земле-

---

[34]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CXLV.

[35]) Приложеніе № 59.

[36]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 32, 33.

владѣльцы должны немедленно съ почтами своими бѣжать, «яко на кгвалтъ», и чинить отпоръ непріятелю; кто не поѣдетъ, тратитъ имѣнье на рѣчь посполитую. Станы сочли нужнымъ спеціально оговорить, что это постановленіе распространяется также на поляковъ и другихъ чужестранцевъ, пріобрѣтшихъ какимъ-нибудь образомъ имѣнья въ великомъ княжествѣ, на дворянъ, находящихся при господарской канцеляріи для исполненія разныхъ порученій и «для пожитку своего», на вдовъ, которыя обязаны посылать на службу своихъ взрослыхъ сыновей, и на женъ, за которыхъ должны отправлять военную службу ихъ мужья. Вмѣстѣ съ тѣмъ станы просили господаря распространить это постановленіе на старостъ и лѣсничихъ и приказать имъ лично ѣхать на войну съ почтами, которые они обязаны выставить съ своихъ имѣній. Вопросы, касающіеся войны и обороны земской и оставшіеся нерѣшенными на настоящемъ сеймѣ, станы отложили до собранья въ войскѣ, оговоривъ, что это дѣлается только на одинъ данный разъ и не будетъ служить прецедентомъ на будущее время, для котораго остается въ силѣ новый статутъ [37]). Этого «ухвалою» станы «замкнули» соймъ и разъѣхались по домамъ. Только послы нѣкоторыхъ повѣтовъ, привезшіе съ собою особыя просьбы къ господарю, отправились съ ними въ Люблинъ—за полученіемъ «отказовъ» господаря.

Съ отдѣльными прозьбами пріѣзжали къ господарю послы отъ князей, пановъ и бояръ—шляхты Жмудской земли [38]). Первая просьба ихъ состояла въ томъ, чтобы сеймовыми постановленіями и новымъ статутомъ не нарушались права и вольности Жмудской земли. Король отвѣчалъ, что на сеймахъ участвовали ихъ представители, которые стояли на стражѣ интересовъ своей земли и не могли допустить чего-либо противнаго этимъ интересамъ; они же дали согласіе на то, чтобы судиться однимъ статутомъ на ряду съ другими обывателями великаго княжества, и въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, не произошло никакого нарушенія ихъ правъ и вольностей.

Слѣдующая просьба Жмудской шляхты показываетъ, однако, что ея представители на предшествующихъ сеймахъ не справились какъ слѣдуетъ съ своею задачею и не оградили въ должной мѣрѣ интересы своихъ избирателей. Шляхта просила, чтобы въ Жмудской землѣ не-

---

[37]) Документы Московскаго Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 199—200; прилож. № 59.

[38]) Тивунъ Ойракгольскій, подкоморій земли Жмудской, панъ Миколай Станькевичъ, тивунъ Ретовскій панъ Маркъ Лавриновичъ Внучко и земяне Янъ Стецкевичъ и панъ Августинъ.

было двухъ трибуналовъ, земскаго и гродскаго, «абы для разности судовъ шляхте у справедливости проволока не была», но чтобы тѣже выборные земскіе судьи,— судья, подсудокъ и писарь, засѣдали въ гродскомъ судѣ вмѣстѣ съ подстаростою и вершили всѣ дѣла на двухнедѣльныхъ сессіяхъ, назначаемыхъ черезъ каждые восемь недѣль; просили далѣе, чтобы аппелляція отъ этого суда не шла за р. Невяжу, но чтобы въ извѣстное время староста пріѣзжалъ въ Жмудскую землю и сообща съ каштеляномъ и другими урядниками разбиралъ всѣ дѣла по аппелляціи, никому не дозволяя отзываться далѣе до господаря, но лишь только посылая къ нему все судебное дѣло для полученія «науки». Король отвѣчалъ, что ему нельзя единоличною властью отмѣнить рѣшенія, принятыя на сеймѣ, и потому онъ отлагаетъ это дѣло до будущаго сейма; король согласился наблюдать границу Жмудской земли въ одномъ отношеніи: не посылать черезъ эту границу своихъ дѣцкихъ, какъ это было и раньше, и призналъ таковою границею р. Невяжу. — Жмудская шляхта ходатайствовала затѣмъ, чтобы каждому шляхтичу вольно было отчуждать свои имѣнья по частямъ или цѣликомъ безъ всякихъ ограниченій. Въ отвѣтъ на это ходатайство, внесенное въ списокъ просьбъ еще до вальнаго сейма въ Берестьѣ, король сослался на состоявшееся уже рѣшеніе этого вопроса на Берестейскомъ сеймѣ. Можно догадываться, что самое это рѣшеніе состоялось по инициіативѣ именно Жмудскихъ представителей, получившихъ соотвѣтственную инструкцію отъ своихъ избирателей.—Шляхта просила далѣе о пожалованіи старостѣ Жмудскому титула воеводы и о дозволеніи выбирать кандидатовъ не только на должность воеводы-старосты, но и на должность каштеляна. Король, не отклоняя ходатайства о титулѣ воеводы въ принципѣ, перенесъ рѣшеніе по нему на будущій сеймъ; но просьбу объ избраніи каштеляновъ отклонилъ на томъ основаніи, что «подаванье» каштеляна со стороны господаря ни въ чемъ не нарушитъ правъ и вольностей Жмудской земли.—Наконецъ, Жмудская шляхта просила короля дозволить ей выкупить у герцога Прусскаго *Юрбургъ*, а у Крокова *Полонгу*, указывая на то, что они нарушаютъ границы, выводятъ подданныхъ господарскихъ въ Пруссію и судятъ на этихъ урядахъ по своему нѣмецкому праву. Король съ благодарностью принялъ это предложеніе Жмудской шляхты и выразилъ на него свое полное согласіе [39]).

---

[39]) Документы Моск. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 200—202. Жмудская шляхта, не выкупила, однако, Юрбурга. По просьбѣ пановъ-рады, король уговорилъ Христофора Конарскаго, своего секретаря, достать 30 тыс. талеровъ (по 33 гроша

Кромѣ Жмудскихъ пословъ, къ королю въ Люблинъ ѣздили и послы Витебскаго повѣта, городничій Петръ Тимоѳеевичъ Кисель и судья Витебскаго повѣта Иванъ Богушевичъ. Въ спискѣ просьбъ, которыя они подали отъ имени князей, пановъ и шляхтыры-царства Витебскаго повѣта, на первомъ мѣстѣ фигурировала просьба объ уніи съ Польшею. Король отвѣчалъ, что на этотъ разъ относительно уніи не могло состояться никакого постановленья, и это дѣло отложено до будущаго сейма, о которомъ они получатъ своевременно увѣдомленье; пусть только избираютъ послами на этотъ сеймъ людей, умѣющихъ «в томъ з учстивостью и пожиткомъ земскимъ поступовати».—Выражая благодарность королю за учрежденіе новыхъ урядовъ и достоинствъ для рады господарской и урядовъ земскихъ повѣтовыхъ, Витебскіе землевладѣльцы представляли четырехъ избранныхъ ими кандидатовъ на должность писаря земскаго. Изъ этихъ кандидатовъ король утвердилъ писаремъ земскимъ Витебскимъ земянина Василья Богдановича.—Затѣмъ они просили, чтобы выдана была хоругвь Витебскому повѣту, и чтобы подъ этою хоруговью служила земскую службу вся шляхта, владѣющая имѣньями въ обведенныхъ границахъ повѣта. Король отвѣчалъ, что хоруговь они могутъ получить изъ скарба, коему сдѣлано соотвѣтствующее приказаніе. Что же касается ограниченья повѣта, то для этой цѣли присланы еще будутъ нѣкоторые паны и урядники земскіе, а до того времени пусть остается въ силѣ уже намѣченное ограниченье.—Слѣдующая просьба касалась ремонта Витебскаго замка и снабженія его съѣстными и боевыми припасами, а также посылки «стрѣльбы» на замокъ Суражскій. Король отвѣчалъ, что съ своей стороны онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, и отдастъ нужныя распоряженія скарбу; пусть только и Витебскіе землевладѣльцы съ своей стороны помогаютъ отстраивать замокъ. Въ связи съ этимъ король объявлялъ, что онъ готовъ исполнить просьбу ихъ объ освобожденіи отъ уплаты поголовщины, установленной на прошломъ сеймѣ, если только они перенесутъ свои дома изъ Вышняго и Нижняго замковъ въ посадъ за Витьбу, будутъ копать ровъ и дѣлать острогъ, обѣщалъ освободить и всѣхъ

польскихъ), выкупить *Юрбургъ* и держать его въ заставѣ три года, а если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа, еще три года и т. д. Заставной листъ былъ написанъ 20 янв. 1567 г. въ Кнышинѣ (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 43—46). Но державы *Полонгская, Кретингская и Горждская* остались въ заставѣ у Рейнольда Крокова, который получилъ отъ короля 12 марта 1567 года новое подтвержденіе на нихъ (тамъ же, л. 54—55).

людей недостаточныхъ [40]).—Послѣдняя просьба Витблянъ касалась удовлетворенія за убытки, подѣланные жолнерами. Король отвѣчалъ, что онъ приказалъ подскарбію вычитать изъ жалованья служебныхъ всѣ ихъ заборы у жителей и подѣланные ими убытки, по выданнымъ ими «квитамъ» и судовымъ реестрамъ, составленнымъ воеводою и господарскимъ посланцомъ [41]).

Послы Кременецкаго повѣта отъ имени своей братьи, князей, пановъ и земянъ этого повѣта, подали королю заявленіе, что назначенный имъ на должность Кременецкаго подкоморія Алексѣй Бѣлецкій не уроженецъ великаго княжества и только недавно пріобрѣлъ осѣдлость въ Кременецкомъ повѣтѣ. Они просили короля не нарушать статутъ такимъ назначеніемъ и замѣнить Бѣлецкаго какимъ-нибудь другимъ лицомъ. Король исполнилъ ихъ просьбу и 15 августа назначилъ въ подкоморіи повѣта мѣстнаго, «добре заслужоного», шляхтича Ивана Васильевича Патрикея-Курозвонскаго [42]).—Князья, паны и земяне Луцкаго повѣта черезъ пословъ своихъ приносили королю жалобу на войта Луцкаго Михаила Ела Малинскаго, который вопреки ихъ правамъ собиралъ съ подданныхъ ихъ, пріѣзжавшихъ въ Луцкъ продавать хлѣбъ, торговое и помѣрное. Король, разсмотрѣвъ представленный послами привилей, послалъ съ ними войту листъ, коимъ запретилъ ему собирать съ владѣльческихъ крестьянъ названныя пошлины (28 августа [43]).

§ 2.

При разъѣздѣ съ Берестейскаго сейма станы, какъ мы видѣли, перенесли совѣщанія о мѣрахъ и средствахъ для дальнѣйшей борьбы съ Москвою на предстоящее собраніе въ военномъ лагерѣ. Эти совѣщанія, однако, не состоялись. Гетманъ наивысшій, какъ только получилъ извѣстіе о заключеніи съ Москвою перемирія до 25 декабря, немедленно распустилъ по домамъ всѣхъ собравшихся подъ его начальство военнослужилыхъ землевладѣльцевъ и пріостановилъ дальнѣйшую мобилизацію, дабы не томить безъ нужды и не вводить въ лишніе расходы земское ополченіе великаго княжества [44]). Хотя къ Рождеству и должны были пріѣхать въ Литву московскіе послы для веденія даль-

---

[40]) Въ этомъ смыслѣ король выдалъ (28 августа) приказъ бирчію Витебскаго повѣта Богдану Пшеницкому. Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 73.

[41]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 202—204.

[42]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 35; L, л. 27, 28.

[43]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 72, 73.

[44]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 73, 74.

нѣйшихъ переговоровъ о мирѣ, но, судя по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлены были литовскимъ посламъ въ Москвѣ, мало было шансовъ на заключеніе этого мира. Все, наоборотъ, заставляло думать, что Москва нарочно проволакиваетъ время съ цѣлью отдохнуть, собраться съ силами и затѣмъ вновь ударить на Литву. Поэтому еще 18 августа 1566 г. король разослалъ панамъ раднымъ листъ, въ которомъ писалъ имъ, что, по его мнѣнію, необходимо созвать вальный сеймъ ко времени прибытія московскихъ пословъ «для приймованія и одъправы тыхъ пословъ и для намовъ и постановенья около обороны потужное». Король выражалъ желаніе, чтобы мѣсто для этого сейма назначено было гдѣ-нибудь недалеко отъ коронныхъ границъ, такъ какъ ему нельзя уѣзжать изъ Польши вглубь Литвы «для пильныхъ тежъ потребъ земскихъ здѣшнего панства» (король, очевидно, разумѣлъ предстоявшее собраніе сейма въ Петрковѣ), и просилъ пановъ раду высказаться относительно выбора этого мѣста [45]).

Послѣдовавшія вскорѣ послѣ того событія еще болѣе укрѣпили короля въ намѣреніи созвать сеймъ. Въ концѣ августа король получилъ отъ воеводы Витебскаго Станислава Паца и отъ пана Виленскаго, гетмана наивысшаго, Григорія Александровича Ходкевича извѣстіе, что москвитяне воздвигли замокъ на Усвятѣ на территоріи великаго княжества, не смотря на заключеніе перемирія [46]). По полученіи объ этомъ извѣстія король отправилъ гонца къ «преднѣйшимъ» панамъ раднымъ—бискупу Виленскому, воеводѣ Виленскому, пану Виленскому, воеводѣ Троцкому, пану Троцкому и старостѣ Жмудскому съ предложеніемъ съѣхаться на одно мѣсто и обсудить, что предпринять въ виду такого поступка москвитянъ [47]). По всѣмъ даннымъ, паны радные не нашли иного «поратованья» въ настоящемъ случаѣ, какъ созывъ вальнаго сейма для принятія экстренныхъ мѣръ по оборонѣ государства. По этому 18 октября король разослалъ князьямъ, панамъ, старостамъ и всѣмъ урядникамъ земскимъ и дворнымъ, земянамъ и дворянамъ сеймовые листы. Извѣщая о постройкѣ москвитянами замка Усвята и приготовленіяхъ ихъ къ дальнийшей войнѣ, онъ приказывалъ станамъ съѣхаться на повѣтовые сеймики къ 3 ноября для совѣщаній «около потужъное валки обороны и о иныхъ потребахъ пильныхъ земъскихъ» и для избранія пословъ на вальный сеймъ, имѣющій со-

---

[45]) Приложеніе № 59.

[46]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 71—74. Замокъ былъ выстроенъ въ іюлѣ. См. *Карамзина* томъ IX, прим. 223.

[47]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 71—76.

браться въ Берестьѣ къ 1 декабря. Король требовалъ, чтобы всѣ съѣзжались на повѣтовые сеймики къ сроку, и чтобы собравшіеся немедленно приступали къ совѣщаніямъ и выбору пословъ, не дожидаясь остальныхъ, такъ какъ «недбалостью и неспешнымъ еханьемъ на соймы и на войны шкодное омешканье деламъ земскимъ деется». Съ своей стороны онъ предупреждалъ, что будетъ отправлять сеймъ съ тѣми, кто пріѣдетъ во время, не дожидаясь запоздавшихъ, такъ какъ теперешняя «великая потреба» не терпитъ никакой проволочки. Вмѣстѣ съ тѣмъ король наказывалъ всѣмъ готовиться къ войнѣ съ тѣмъ, чтобы по первому зову выступить въ походъ. Въ пропозиціяхъ, разосланныхъ съ своими посланцами на повѣтовые сеймики, король просилъ станы, чтобы они на этихъ сеймикахъ уже «о таковой войне мыслили, которая бы за Божъею помочъю съ пострахомъ и зъ упадкомъ его (т. е. непріятеля Московскаго) быти могла», и избрали двухъ пословъ отъ каждаго повѣта, которые бы «дня, сойму назначоного, не омешкали и въ речи посполитой окромъ затрудненья справоватися вмели», давъ имъ «достаточную и зуполную моцъ» на совѣщанія и постановленія о таковой «потужной» войнѣ [48]). Уже послѣ разсылки сеймовыхъ листовъ, въ концѣ октября или въ началѣ ноября, король, находясь въ Кнышинѣ, получилъ новое извѣстіе отъ Витебскаго воеводы, что москвитяне 12 октября воздвигли замокъ на устьѣ Улы прежде, чѣмъ могли собраться литовскіе служебные люди и помѣшать этой постройкѣ. Воевода писалъ, что онъ посылалъ людей служебныхъ, шляхту Витебскую и своихъ слугъ добывать замокъ, но это имъ не удалось, и они должны были отступить съ немалою «шкодою», потерявъ три пушки, посланныя съ ними изъ Витебска. Въ заключеніе воевода доносилъ, что Московскій отправилъ къ этому Ульскому замку немалое число Новгородцевъ и Псковичей [49]). Немедленно по полученіи этого донесенія, 5 ноября, король разослалъ по великому княжеству новые сеймовые листы, въ которыхъ, сообщая о постройкѣ москвитянами Ульскаго замка, объявлялъ о своемъ рѣшеніи отправить сеймъ не въ Берестьѣ, но въ Городнѣ или въ Кнышинѣ, «глубей до тамошънего панъства приехавши» [50]).

Несмотря на спеціальное напоминанье короля, чтобы никто не осмѣливался опаздывать на сеймъ, къ назначенному сроку съѣхались

---

[48]) Приложеніе № 60.

[49]) Приложеніе № 62. Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, томъ I, № 169; Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 65, 66.

[50]) Приложеніе № 61.

далеко не всѣ станы, «сойму належачие». Пріѣхавшіе на сеймъ, тѣмъ не менѣе, немедленно приступили къ совѣщаніямъ и выработали цѣлый рядъ постановленій, которыя и подали королю по старому обычаю на письмѣ для окончательнаго утвержденія. Король санкціонировалъ всѣ эти постановленія и объявилъ ихъ обязательными для всѣхъ безъ исключенія, въ томъ числѣ и для самого господаря, послѣ чего сеймъ былъ распущенъ (6 января 1567 г.). Такая поспѣшность объясняется новыми обнаруженіями непріязненныхъ замысловъ со стороны Москвы. Обѣщанные послы не прибыли къ условленному сроку въ великое княжество Литовское. Взамѣнъ того были получены извѣстія, что московскіе люди изъ Полоцка, перейдя Двину, 28 октября добывали городокъ Вороничъ, что московскіе же люди расположились на литовскомъ городищѣ Межевѣ для постройки замка [51]), и наконецъ, что они построили замокъ Соколъ при впаденіи рѣчки Нищи въ Дрису, въ 30 верстахъ отъ Полоцка [52]). Все это были такіе факты, которые не оставляли сомнѣнія въ ближайшихъ намѣреніяхъ Московскаго царя. Литовцы поэтому ускорили свои совѣщанія на сеймѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно двинуться противъ врага.

Первое постановленье, принятое на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года, касалось порядка сеймованья. Чтобы отъ запаздыванья на сеймы не происходило какого-либо ущерба или вреда рѣчи посполитой, станы «ухвалили»: кто изъ пановъ радныхъ безъ уважительныхъ причинъ не пріѣдетъ на третій день по открытіи сейма, къ мессѣ о св. Духѣ, бывающей въ этотъ день, тотъ лишается голоса на столько дней, на сколько опоздалъ, и безъ возраженій долженъ принять все, что за это время будетъ постановлено; кто же изъ остальныхъ становъ или пословъ земскихъ не явится во время безъ уважительныхъ причинъ, тотъ теряетъ право голоса на всю сессію, съ которой онъ однако не долженъ отъѣзжать; за неявку на повѣтовые сеймики паны-рада подлежатъ штрафу въ пять копъ, а урядники земскіе и дворные въ двѣ копы; они обязательно должны являться на сеймикъ того повѣта, къ которому принадлежатъ по должности; шляхтичи, владѣющіе имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, могутъ являться въ какой хотятъ повѣтъ; кто изъ нихъ не пріѣдетъ къ сроку, тотъ не можетъ протестовать противъ того, что безъ него будетъ рѣшено; законная продолжительность сеймиковъ опредѣляется въ три дня; сеймовые листы должны вручаться гродскому уряду, старостѣ или его намѣстнику, не позже двухъ недѣль до

---

[51]) Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 169.
[52]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, прим. 223.

открытія сеймика, а гродскій урядъ уже съ своей стороны долженъ посылать съ этими листами возныхъ на домъ ко всѣмъ тѣмъ станамъ, къ которымъ посылались прежде сеймовые листы изъ господарской канцеляріи, а шляхтѣ объявлять по костеламъ и на торгахъ; такой же порядокъ долженъ соблюдаться и относительно разсылки военныхъ листовъ. Относительно самаго порядка совѣщаній станы постановили: пропозиція господаря и вотированіе пановъ рады должны происходить въ присутствіи господаря и всѣхъ становъ, «сейму належачихъ», по польскому обычаю; по польскому же обычаю, съ разрѣшенія господаря, должно происходить «схоженье стану рыцерского до пановъ радъ»[53].

Покончивъ съ вопросами о порядкѣ сеймованія на будущее время сеймъ принялъ цѣлый рядъ рѣшеній по вопросамъ, касающимся «обороны и валки потужное», для которыхъ собственно былъ и созванъ. Станы прежде всего постановили просить господаря перенести театръ военныхъ дѣйствій изъ великаго княжества въ землю непріятельскую и принять личное участіе въ походѣ, «межи народомъ рицерскимъ того паньства великого князьства». Король соизволилъ и собственными устами объявилъ станамъ, что по долгу своему и изъ любви къ отчинному своему государству и его обывателямъ онъ хочетъ выступить въ походъ и воевать съ непріятелемъ въ его землѣ тамъ, гдѣ укажетъ время и необходимость. Въ связи съ этимъ станы приговорили просить поляковъ о денежной помощи на снаряженіе господаря въ походъ и о томъ, чтобы они своими просьбами не отводили господаря отъ великаго княжества, а наоборотъ—помогали имъ, литовцамъ, упрашивать его выступить въ походъ въ непріятельскую землю. И на это постановленіе сейма король изъявилъ свое согласіе.—Затѣмъ станы опредѣлили увеличить численность почтовъ съ земскихъ имѣній. Постановлено было, чтобы съ каждыхъ десяти служебъ литовскихъ или десяти волокъ, рѣзаныхъ или моргованыхъ, ставился на войну пахолокъ добрый, шляхтичъ, въ цвѣтномъ платьѣ и надлежащемъ вооруженіи, на конѣ стоимостью не ниже 10 копъ грошей[54]), а при немъ парный возъ, управляемый возницею, съ живностью, желѣзною лопатою, мотыкою, сѣкирою и рогатиною; съ имѣній на Руси, Полѣсьѣ, въ Кіевской землѣ и Поднѣпрскихъ волостяхъ, гдѣ крестьянскіе участки, называемые дворищами и слѣдами, были больше литовскихъ службъ и по размѣрамъ, и по населенности, постановлено было ставить коннаго

---

[53]) Документы Москов. Архива Минист. Юстиціи, томъ I, стр. 449—451.

[54]) По статуту 1566 года конь долженъ былъ стоить не ниже 8 копъ (раздѣлъ II, арт. 1).

ратника съ каждыхъ двадцати дымовъ; относительно убогихъ шляхтичей, не имѣющихъ крестьянъ, постановлено, чтобы на этотъ разъ они всѣ ѣхали на войну, какъ кто можетъ, не наблюдая очереди [55]), такъ какъ дѣло идетъ о защитѣ «милое отчизны и вольностей хрестіанскихъ, одно всимъ потребныхъ и належачихъ»; по окончаніи же войны земли ихъ будутъ помѣрены на волоки, и съ каждыхъ десяти волокъ всѣ они, сколько ихъ ни будетъ, будутъ выставлять одного коннаго ратника по уставѣ. Станы оговорили, что постановленія ихъ одинаково распространяются какъ на Литовскую, такъ и Подляшскую шляхту. Для увеличенія численности войска станы, кромѣ того, единогласно приговорили выставить при двухъ конныхъ ратникахъ одного пѣшаго драба съ ручницею и мечомъ или кордомъ, или съ рогатиною и сѣкирою, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было ухвалено на Виленскомъ сеймѣ 1563 года, то есть: крупные землевладѣльцы, съ которыхъ приходится по нѣскольку такихъ драбовъ, двухъ драбовъ должны ставить съ ручницами, а третьяго съ рогатиною и сѣкирою; мелкіе землевладѣльцы, владѣющіе одною или нѣсколькими службами крестьянъ, должны складываться на одного драба съ двадцати служебъ; убогіе шляхтичи, не имѣющіе людей, не подлежатъ этой повинности. Выводимые драбы, по постановленью сейма, должны были въ походѣ и въ лагерѣ находиться неотлучно при своихъ панахъ, но въ строю, въ битвѣ, при штурмахъ должны были отдаваться подъ «справу и послушенство» гетману. Станы оговорили, что это увеличеніе почтовъ пѣшими драбами дѣлается ими по доброй волѣ—«для бытности парсуны господарское» въ войскѣ и не должно служить прецедентомъ на будущее время, для котораго остается въ силѣ статутъ. Постановлено было, чтобы на войну ѣхали всѣ господарскіе урядники—воеводы, старосты, державцы, тивуны, ревизоры и лѣсничіе и всѣ господарскіе дворяне, за исключеніемъ тѣхъ особъ, которыхъ господарь оставитъ на своемъ дворѣ: эти послѣдніе должны отправить на войну свои почты подъ начальствомъ добрыхъ шляхтичей; кромѣ того, разрѣшено было не ѣхать лично на войну, а замѣняться другими особами, двадцати дворянамъ, состоящимъ для разсылокъ при государственной канцеляріи, съ тѣмъ, однако, чтобы въ этомъ числѣ не было крупныхъ землевладѣльцевъ, выставляющихъ на войну болѣе четырехъ коней; разрѣшено

[55]) Такъ, очевидно, соблюдалось на практикѣ постановленіе статута, предписывавшее, чтобы съ мелкихъ имѣній, находящихся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ «братьевъ», выѣзжалъ на войну «годнѣйшій» по выбору остальныхъ (раздѣлъ II, арт. 1).

было оставаться при книгахъ земскихъ тремъ вознымъ въ каждомъ повѣтѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы въ числѣ ихъ не было лицъ, ставящихъ на войну болѣе одного коня; относительно дворянъ сверхъ того было разъяснено, что тѣ изъ нихъ, которые въ данное время состоятъ при дворѣ на жалованьѣ, должны ѣхать на войну при господарѣ, подъ начальствомъ хоружія дворнаго, а подъ хоруговью повѣтовою поставить на свои мѣста при своихъ почтахъ шляхтичей «значныхъ, цветне прибраныхъ»; тѣ же, кои въ данное время не находятся при дворѣ, а живутъ по своимъ домамъ, должны лично ставиться на общемъ основаніи подъ повѣтовою хоруговью. Сеймъ постановилъ, чтобы всѣ безъ исключенія, какого бы ни было происхожденія и состоянія, по женамъ, выслугою, покупкою или какимъ-нибудь другимъ способомъ ставшіе владѣльцами земскихъ имѣній, ѣхали на войну лично, выставляли съ своихъ имѣній почты и давали податки, опредѣленные на сеймѣ, наравнѣ со всѣми другими обывателями великаго княжества и несли за одно съ ними всѣ кары за невыполненіе этихъ повинностей. Это постановленіе должно было получить силу закона не только на данный случай, но и на будущее время; при этомъ постановлено было конфисковать имѣнья женъ, мужья которыхъ не выѣдутъ на войну, хотя бы эти имѣнья и не были записаны мужьямъ. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы по опредѣленію сейма обязывались при представленіи своихъ почтовъ гетману подавать ему и реестры этихъ почтовъ за своими печатями. За уклоненіе отъ военной службы сеймъ на два года постановилъ наказывать не только конфискаціею имѣній, какъ опредѣлялъ статутъ, но и лишеньемъ шляхетства. Станы приговорили, чтобы владѣльческіе мѣщане выправили на войну съ десяти дымовъ пѣшаго воина съ ручницею и мечомъ и сверхъ того для трехъ человѣкъ возъ одноконный подъ управленіемъ возницы съ живностью, желѣзною лопатою, мотыкою, сѣкирою и рогатиною; съ мѣщанъ, сидящихъ на волокахъ, сеймъ опредѣлилъ ту же военную службу, какъ и съ волостныхъ людей, а съ мѣщанъ, которые еще не высидѣли воли, но ѣли уже хлѣбъ съ своихъ земель, взамѣнъ военной службы податокъ по 15 грошей съ дыма, или 30 грошей съ волоки. Всѣмъ охочимъ людямъ, которые отправятся на войну на коняхъ или пѣшими, всѣмъ цыганамъ, годнымъ къ войнѣ, отъ имени господаря было обѣщано вознагражденіе «ласкою и даткомъ». По примѣру прежнихъ лѣтъ станы ходатайствовали, чтобы князья бискупы, митрополитъ, владыки, каноники, плебаны и всѣ вообще духовные чины съ церковныхъ имѣній несли ту же самую службу, какъ и съ свѣтскихъ. Но господарь и на этотъ разъ отклонилъ это ходатайство становъ подъ тѣмъ пред-

логомъ, что большинство духовныхъ лицъ не было на сеймѣ, а ему, королю, безъ добровольнаго соизволенія, нельзя нарушать ничьихъ правъ и вольностей. Король обѣщалъ только созвать синодъ и передать на его разсмотрѣніе просьбу становъ сейма. Сверхъ того онъ нашелъ возможнымъ обязать всѣхъ свѣтскихъ лицъ, получившихъ свои имѣнья отъ церкви, нести съ нихъ военную службу и платить податки наравнѣ со всѣми другими свѣтскими землевладѣльцами; о тѣхъ же лицахъ, которыя разобрали церковныя драгоцѣнности, король поручалъ развѣдывать бирчимъ земскимъ, старостамъ и ихъ урядникамъ и заставлять ихъ взятое возвращать по принадлежности.

Станы постановили увеличить почты пѣшими драбами лишь въ томъ случаѣ, если господарь лично выступитъ въ походъ и будетъ вести войну въ непріятельской землѣ; въ противномъ случаѣ обязывались исполнять только обычную военную повинность, согласно съ опредѣленіями статута. Подобнымъ же условіемъ обставили они и свою ухвалу относительно сбора податка. Станы приговорили для болѣе успѣшнаго веденія войны и для лучшей охраны особы господаря нанять 6000 конныхъ жолнеровъ и 4000 пѣшихъ, а на уплату имъ жалованья давать съ своихъ имѣній новый податокъ въ теченіе 1567 и 1568 годовъ въ размѣрѣ 30 грошей съ каждой осѣдлой волоки, трехъ грошей съ огорода, пятнадцати грошей съ дыма (въ волостяхъ Поднѣпрскихъ, Русскихъ, Кіевскихъ). Всѣ безъ исключенія землевладѣльцы—паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата, панята, урядники земскіе и дворные обязывались отдать серебщину бирчимъ, избраннымъ для каждаго судового повѣта, въ 1567 году не позже десяти недѣль по роспускѣ сейма, а въ 1568 году не позже десяти недѣль послѣ Крещенья, а бирчіе повѣтовые должны были сдать собранныя суммы не позже двухъ недѣль послѣ полученія бирчимъ главнымъ, избраннымъ на сеймѣ,—кн. Викторину Вербицкому, бискупу Жмудскому, отъ пановъ рады и тивуну Виленскому Станиславу Нарушевичу отъ рыцарскаго «кола»; при чемъ должны присягать, что ничего не утаили. Для лучшаго контроля установленъ былъ такой порядокъ сбора серебщины: землевладѣльцы должны были приказать своимъ урядникамъ предварительно переписать въ своихъ имѣньяхъ всѣ волоки осѣдлыя, крестьянскія и мѣщанскія, всѣ службы, всѣхъ огородниковъ, а также волоки тяглыхъ людей, принадлежащихъ владѣльческимъ боярамъ (за исключеніемъ собственныхъ пашенъ бояръ и слугъ путныхъ, какъ не подлежащихъ обложенію), а реестръ представить бирчимъ повѣтовымъ на урядѣ гродскомъ не позже четырехъ недѣль послѣ роспуска сейма. Бирчіе повѣтовые, получивъ реестры, должны были вмѣстѣ съ владѣльческими

урядниками провѣрить ихъ на мѣстѣ и повѣренные реестры сдать обратно владѣльцамъ или ихъ урядникамъ подъ своею печатью, а владѣльцы или ихъ урядники, выбравъ по нимъ серебщину, должны были отдать ихъ вмѣстѣ съ серебщиною повѣтовымъ бирчимъ, эти послѣдніе—бирчимъ главнымъ, а главные бирчіе послѣ сдачи отчета на ближайшемъ сеймѣ должны были сдать эти реестры въ скарбъ. Съ тѣхъ, кто не отдастъ серебщину въ срокъ по своей винѣ, а не по винѣ поборцевъ, постановлено было взыскивать ее вдвойнѣ, для чего отбирать имѣнья на господаря и держать до тѣхъ поръ, пока владѣльцы не внесутъ податка «съ совитостью»; за сопротивленіе этому распоряженью и за утайку службъ установлена была конфискація имѣнья (за утайку—той части его, которая была утаена). Повѣтовымъ бирчимъ за ихъ трудъ по ревизіи имѣній и сбору податка положено было вознагражденіе въ размѣрѣ 1% съ собранной суммы, а главные бирчіе взялись безвозмездно выполнять свою роль, «для милости и потребы речи посполитое». Роль эта состояла въ томъ, чтобы хранить полученныя отъ бирчихъ повѣтовыхъ суммы и не выдавать ихъ ни на какія другія потребности, кромѣ уплаты жалованья жолнерамъ, по листамъ пана гетмана великаго. Въ виду того, что новый податокъ не могъ быть собранъ и выданъ на людей служебныхъ такъ скоро, какъ было нужно, станы приговорили сдѣлать займы въ счетъ будущаго сбора податка въ количествѣ 64 тысячъ копъ, т. е. въ размѣрѣ полугодоваго жалованья для 10 т. жолнеровъ. Такъ какъ самимъ имъ трудно было достать денегъ, то они просили господаря сдѣлать эти займы на свое имя и деньги передать бирчимъ головнымъ, обязуясь «моцью того сойма» отдать эти деньги въ скарбъ или кому господарь прикажетъ. Сумму, которая осталась бы за уплатою займовъ, станы положили употреблять опять-таки не на что иное, какъ на расплату съ тѣми же служебными людьми, которые будутъ наняты согласно сеймовой ухвалѣ, при чемъ не преминули снова оговорить: въ томъ только случаѣ, если господарь приметъ личное участіе въ войнѣ съ непріятелемъ въ своей и его землѣ. Господарь обѣщалъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы исполнить желанія становъ сейма, выразивъ съ своей стороны пожеланіе, чтобы и сами станы «о то обмышляти, усиловати и старатись не опущали» [56]).

---

[56]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 454—457. Исполняя свое обѣщаніе, король посылалъ своего посланца къ Данцигскимъ мѣщанамъ развѣдать касательно возможности займа. Посланецъ привезъ извѣстіе, что Данцигцы не прочь дать денегъ, если къ нимъ для займа будутъ присланы

Податкомъ, ухваленнымъ на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 г., имѣлось въ виду расплачиваться въ будущемъ съ служебными людьми, да и то въ томъ только случаѣ, если въ войнѣ приметъ личное участіе самъ господарь, и если война будетъ вестись не только въ предѣлахъ великаго княжества, но и въ землѣ непріятельской. Между тѣмъ великое княжество Литовское и помимо того, въ той чисто-оборонительной войнѣ, которую вело до сихъ поръ, никогда не обходилось безъ наемныхъ служебныхъ. Не могло оно, конечно, обойтись безъ нихъ и на будущее время, даже если бы война и не превратилась въ наступательную. Въ такомъ случаѣ ихъ содержаніе падало уже исключительно на тѣ средства, которыми располагалъ скарбъ земскій великаго княжества. Средства этого скарба были истощены до крайности. Правда, что на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. была опредѣлена субсидія скарбу въ формѣ поголовщины и затѣмъ на сеймикахъ передъ Берестейскимъ сеймомъ была увеличена, но поголовщина эта дана была собственно взамѣнъ серебщины 1565 года, и ею должны были покрываться расходы не только 1566 г. но и 1565 года (изъ нея, напр., должны были уплачиваться расходы пановъ, поставившихъ на свой счетъ наемные отряды согласно опредѣленію Трабскаго сейма). При такихъ условіяхъ едва ли что могло изъ нея остаться для 1567 года даже въ томъ случаѣ, если бы она поступала исправно. Этого на дѣлѣ не было. Поступленіе поголовщины, какъ свидѣтельствуетъ универсалъ короля отъ 20 апрѣля 1566 года и его же заявленіе станамъ Берестейскаго сейма шло чрезвычайно туго. Вслѣдствіе этого и расплата съ служебными въ теченіе 1566 года производилась въ высшей степени неакуратно, и они постоянно грозили правительству уходомъ со службы [57]). Дѣлу не помогло и постановленіе Берестейскаго сейма

спеціальные послы отъ пановъ-рады и другихъ становъ. Король велѣлъ канцлеру совмѣстно съ другими панами радными отрядить такихъ пословъ съ довѣренностью отъ имени пановъ-рады и за ихъ печатями. Мы не знаемъ, что вышло изъ этого посольства (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 120, 121).

[57]) Въ универсалѣ отъ 20 апрѣля король писалъ: «Маемъ того ведомость отъ бирчихъ земъскихъ, на сойме теперешнемъ вальномъ Виленьскомъ обраныхъ, ижъ съ того повету податку поголовного, на сойме вальномъ Виленьскомъ недавно минуломъ отъ всихъ васъ на заплату людемъ служебнымъ уфаленого, до бирчихъ, въ повете обраныхъ, на рокъ зложоный мало хто зъ васъ отъдалъ, а иные и до сего часу оного податку не выдали и въ недбалость то собе положили, за чимъ се немалое умешканье въ заплате служебнымъ деетъ» (Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 103, 104). Въ посланіи къ Берестейскому сейму король со-

объ обязательномъ взносѣ къ 8 сентября 1566 г. недоданной поголовщины, серебщинъ за прежніе годы и поконевскихъ пенязей за неявку на войну подъ страхомъ принудительнаго взысканія недоимокъ въ двойной суммѣ. Какъ показываютъ позднѣйшіе документы, многіе землевладѣльцы не заплатили своихъ недоимокъ, несмотря на приведенное опредѣленіе сейма [58]). Вслѣдствіе недостатка денегъ въ скарбѣ правительство для покрытія неотложныхъ расходовъ вынуждено было лѣтомъ 1566 года прибѣгать къ займамъ у частныхъ лицъ подъ залогъ имѣній господарскихъ [59]). Въ началѣ же сентября, когда финан-

---

общалъ о «нарекапіяхъ зъ набеганьемъ» служебныхъ людей. не получающихъ третью четверть года своего жалованья (Акты Зап. Рос. Ш, № 148, II). Иллюстраціею могутъ служить, напр., слѣдующіе факты. Въ маѣ король получилъ письмо отъ ротмистра Григорья Войны, который писалъ ему, что онъ съ своею ротою, состоящею изъ 150 «ездныхъ» выслужилъ полгода (съ 11 ноября 1565 года), но до сихъ поръ не могъ получить сполна своего заслуженнаго жалованья: отъ бирчія Городенскаго по листу короля онъ получилъ только 400 копъ грошей, отъ главнаго бирчія Маковецкаго—250 копъ, такъ что 850 копъ ему еще не додано. Король написалъ Маковецкому новый листъ съ приказомъ выдать немедленно эту сумму Войнѣ, чтобы онъ могъ удержать своихъ товарищей на службѣ, а если у него нѣтъ денегъ, передать это распоряженіе бирчію Берестейскому (Запис. XLVII, л. 13). Въ іюлѣ 1566 г. королю жаловался ротмистръ Иванъ Микуличъ, служившій на замкѣ Виленскомъ съ 200 пѣшихъ и 400 конныхъ служебныхъ, «ижъ ему заплата на тую роту его не бордзо зъ скарбу нашого доходитъ», вслѣдствіе чего онъ, испытывая съ своими товарищами большую нужду, едва можетъ удерживать ихъ на службѣ. Ротмистръ просилъ назначить ему полученіе жалованья въ одномъ мѣстѣ, съ какой-нибудь изъ державъ пана Станислава Довойна. Король опредѣлилъ ему жалованье съ державы Шовленской (тамъ же, л. 23, 24). Естественнымъ послѣдствіемъ неполученія служебными людьми жалованья были насильственные заборы ими въ долгъ у мѣстныхъ жителей провіанта и фуража (тамъ же, л. 54).

[58]) Листъ короля о взысканіи этихъ недоимокъ, разосланный въ сентябрѣ 1566 г. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 111—113. Срав. также Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 458, 460.

[59]) Подскарбій земскій съ разрѣшенія короля взялъ «для пильныхъ а великоважныхъ потребъ» господарскаго скарба у пана Миколая Кумистровича Дорогостайскаго 2000 копъ гр. и въ этой суммѣ завелъ ему тивунство *Кгондинское* въ Жмудской землѣ (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 50—52). 25 августа самъ король заставилъ войскому Луцкому Ивану Петровичу Чаплича въ извѣстной суммѣ дворецъ *Гнидово* принадлежавшій къ ключу Луцкому (Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 27, 28, 55). Срокъ заставы былъ установленъ на годъ, при невыкупѣ въ срокъ, застава должна продолжаться еще годъ и т. д. (Запис. XLVIII, л. 26—28). 3 сентября король предоставилъ державцѣ Рогачовскому пану Григорью Бакѣ, потратившему на

совая нужда особенно сильно обострилась, и когда служебные, не получая жалованья, стали уже дѣйствительно разъѣзжаться по домамъ, король для расплаты съ ними и для удержанія ихъ на службѣ наложилъ серебщину на всѣхъ подданныхъ своихъ имѣній въ такомъ размѣрѣ: съ волоки осѣдлой—15 грошей, съ огорода—2 гроша; съ тѣхъ, у кого нѣтъ «сохъ воловъ», но есть морги,—4 гроша отъ воротъ, а у кого нѣтъ и морговъ,—2 гроша отъ воротъ; въ волостяхъ, не помѣренныхъ на волоки,—съ сохи воловьей 15 грошей, а у кого ея нѣтъ,—отъ дыма 8 грошей. Серебщина должна была быть представлена въ скарбъ не позднѣе двухъ недѣль по св. Михаилѣ (29 сентября); кто не отдастъ въ срокъ, съ того урядники должны взыскивать съ дѣцкованьемъ [60]). Какъ видно изъ мотивировки распоряженія о сборѣ серебщины эта подать должна была пойдти, если не цѣликомъ, то большею частью на уплату уже заслуженнаго жолнерами жалованья. На будущіе же расходы по этой части оставались главнымъ образомъ текущіе доходы скарба, сильно уменьшившіеся вслѣдствіе заставы многихъ господарскихъ имѣній. Для пополненія ихъ господарь на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года наложилъ новую серебщину на подданныхъ своихъ имѣній, но на 1567 годъ въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ на владѣльческихъ, въ виду того, что съ нихъ недавно взималась серебщина, а именно: съ волоки—20 грошей, съ дыма (на Руси, Полѣсьѣ, въ земляхъ Кіевской и Волынской, въ волостяхъ Поднѣпрскихъ)—10 грошей, съ мѣщанъ, не имѣющихъ волокъ, а только огороды и дома, 5 грошей, съ имѣющихъ одни только дома—отъ воротъ по 2 гроша, отъ огородниковъ 3 гроша, отъ «перекупниковъ» и гулящихъ («люзныхъ») людей туже поголовщину, что опредѣлена была на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. [61]). На мѣста привилегированныя господарь наложилъ серебщину по обычаю, въ извѣстныхъ суммахъ на каждое мѣсто [62]), а на всѣхъ жидовъ 6000 копъ грошей, въ извѣстныхъ суммахъ на каждый «зборъ» [63]). Серебщину съ господарскихъ имѣній

содержаніе роты служебныхъ 3630 копъ грошей собственныхъ денегъ, выбирать эти деньги изъ господарскихъ доходовъ *Рогачовской* державы (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 27, 28).

[60]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 93, 94; Публич. дѣлъ VII, л. 114, 115.

[61]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 52—54.

[62]) Тамъ же, л. 114.

[63]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 259. По челобитью жидовъ господарь потомъ уменьшилъ эту сумму вдвое.

должны были собрать безъ послабленія державцы къ 10 марта, взыскивая при этомъ и недоимки за прошлые годы [64]). На слѣдующій, 1568-й, годъ господарь налагалъ уже на своихъ подданныхъ ту же самую серебщину, какая была положена на владѣльческихъ людей [65]).

На помощь господарю въ его стремленіяхъ пополнить свой скарбъ деньгами пришли съ своими постановленіями и станы Городенскаго сейма. Они согласились на то, чтобы всѣ, кто вопреки постановленіямъ прошлаго Виленскаго и Берестейскаго сейма не отдалъ штрафа за неявку на войну въ размѣрѣ 5 копъ съ коня, были позваны мандатами на судъ господаря на извѣстные сроки, и чтобы въ отсутствіе господаря таковыхъ лицъ судилъ староста Жмудскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ по званію маршалка земскаго, а въ отсутствіе его—гетманъ съ панами-радою въ войскѣ. Сверхъ того, станы ухвалили немедленно взыскать через «увязчихъ» господарскихъ недоимки поголовщины, ухваленной на сеймѣ 1565—1566 г., «съ совитостью», какъ было постановлено на этомъ же и потомъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. [66]). Кромѣ недоимщиковъ въ платежахъ земскихъ податковъ станы ухвалили привлечь къ суду господаря и пановъ-рады всѣхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые съ своихъ выслуженныхъ имѣній не выполняли лежащихъ на нихъ государственныхъ повинностей, т. е. работъ замковыхъ, мостовыхъ, подводной, кормовой и сторожевой повинности [67]).

На Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 г., какъ и на предшествующихъ, станы обращались къ господарю съ извѣстными просьбами, которыя частью были отклонены, частью удовлетворены. Представители Жмудской земли и Завилейскихъ повѣтовъ, а также земель Кіевской, Подольской и Волынской отъ имени своихъ избирателей просили, чтобы ихъ не отдѣляли отъ главнаго войска изъ-подъ команды пана гетмана великаго. Эта просьба объясняется во-первыхъ тѣмъ, что во время Берестейскаго сейма дано было обѣщаніе администратору и гетману

---

[64]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 52—54.

[65]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 18, 19.

[66]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 456—460. Слѣды этихъ взысканій сохранились въ книгахъ Литовской Метрики въ видѣ листовъ, разосланныхъ съ увязчими къ недоимщикамъ, каковыми, напр., оказались: панъ Богданъ Павловичъ Сопега съ имѣнья, лежавшаго въ Ошменскомъ повѣтѣ (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 49; LIII, л. 74, 75), нѣкоторые землевладѣльцы Упитскаго повѣта (Судн. дѣлъ LIII, л. 75, 76) и Новгородскаго (Судн. дѣлъ LII, л. 71, 72), мѣщане Витебскіе (тамъ же, л. 32) и т. д.

[67]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 460.

земли Инфляндской Яну Еронимовичу Ходкевичу въ случаѣ посполитаго рушенья на москвитянъ отправлять въ его распоряженіе въ Ливонію ополченія земли Жмудской, повѣтовъ Ковенскаго, Упитскаго и Вилкомирскаго [68]); во-вторыхъ, тѣмъ, что ополченья Волынской, Подольской и Кіевской земель во время посполитаго рушенья ставились обыкновенно отдѣльно отъ остального войска, подъ особымъ начальствомъ, въ качествѣ корпуса, прикрывавшаго украйну [69]). Такое раздѣленіе земскаго ополченья, очевидно, влекло за собою и большія военныя тягости для отдѣльныхъ корпусовъ. Съ соизволенія становъ господарь постановилъ, что впредь уже не будетъ этого раздѣленія земскихъ силъ [70]).—Станы просили господаря не отдавать въ аренду жидамъ, помимо христіанъ, новоуставленные поборы и старыя мыта, солодовни и бровары въ мѣстахъ великаго княжества. Эта просьба, по всѣмъ даннымъ, вызвана была тѣмъ преобладающимъ положеніемъ, которое заняли тогда въ откупахъ пошлинъ компаніи жидовъ съ Давидомъ Шмерлевичемъ и Изакомъ Бродавкою во главѣ. Еще въ 1558 г. Давидъ Шмерлевичъ въ компаніи съ Ескомъ Шломичемъ взялъ на откупъ на три года одну изъ самыхъ доходныхъ мытныхъ коморъ въ государствѣ—Ковенскую и затѣмъ, 18 сентября того же года, всѣ коморы и прикоморки въ землѣ Жмудской на три года (въ компаніи съ Ескомъ Шломичемъ и Аврамомъ Длугачомъ) [71]). Ковенская комора перешла потомъ на откупъ къ Данцигскимъ мѣщанамъ, а Жмудскія коморы и прикоморки снова къ тѣмъ же откупщикамъ на три года [72]). Около 1562 года Давидъ Шмерлевичъ въ компаніи съ Изакомъ Бродавкою и Аврамомъ Длугачемъ взяли на откупъ на три года мыта Подляшскія, Минское, Виленское и Новгородское [73]), а въ 1564 году на два года мыта Волынскія [74]). Тогда же вернулась въ ихъ руки и Ковенская комора [75]). Въ сентябрѣ 1565 года названныя компаніи вновь

---

[68]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CXLV.

[69]) См. выше, стр. 634.

[70]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 460, 461.

[71]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 86, 92.

[72]) Тамъ же, № 156: Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 471, 472.

[73]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты, томъ II, № 166, 168, 170, 172.

[74]) Тамъ же, № 189.

[75]) Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 70—72.

взяли на откупъ на три года мытныя коморы на Волыни, Подляшьѣ, въ Вильнѣ, Минскѣ и Новгородкѣ [76]). Въ апрѣлѣ 1566 г. король отдалъ въ аренду Давиду Шмерлевичу и Изаку Бродавкѣ мытныя коморы и прикоморки въ Двинскомъ бассейнѣ—въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Суражѣ, Диснѣ, Дрисѣ и Динабургѣ [77]). Такимъ образомъ, почти всѣ господарскія мытныя коморы въ великомъ княжествѣ очутились съ теченіемъ времени въ рукахъ Давида Шмерлевича, Изака Бродавки и ихъ товарищей. Но такъ какъ на мытныхъ коморахъ сверхъ стараго мыта собирались еще и «поборы» съ товаровъ, установленные на сеймѣ 1561 года, то названные жиды естественно сдѣлались и поборцами спачала по порученію короля [78]), а затѣмъ по порученію пановъ Яна Еронимовича Ходкевича и Остафія Воловича [79]), которымъ король 1 сентября 1566 г. отдалъ эти поборы въ аренду во всемъ великомъ княжествѣ за 13 тыс. копъ [80]). Сверхъ мытъ и поборовъ названные жиды съ товарищами забрали на откупъ и разныя другія доходныя статьи скарба, напр., всѣ корчмы и мыто скоповное и подужное, помѣрное и важное, перевозъ, воскобойню и бровары въ мѣстѣ и волости Пинской, солодовни, мельницы и корчмы въ Каменецкомъ мѣстѣ, бровары и солодовни въ мѣстѣ Берестейскомъ [81]) и т. д. Выслушавъ просьбу становъ сейма, король отвѣчалъ, что, если христіане при сдачѣ на откупъ различныхъ доходныхъ статей, будутъ давать такія же суммы, какъ и жиды, или большія, онъ съ удовольствіемъ будетъ предпочитать христіанъ жидамъ.—Станы напомнили господарю объ ухвалѣ прошлаго Виленскаго сейма касательно установленія таксы на товары и издѣлія ремесленниковъ, продающіяся въ мѣстахъ, и объ установленіи постоянной и одинаковой хлѣбной мѣры [82]). Господарь обѣщалъ исполнить эту ухвалу въ ближайшемъ будущемъ. — Станы просили также исполнить ухвалу этого сейма касательно тѣхъ шляхтичей, ко-

---

[76]) Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 222, 223.

[77]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 7—9.

[78]) Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 86; Судн. дѣлъ LIII, л. 16, 17, 32, 41, 42.

[79]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 85, 86.

[80]) Изъ этихъ 13 т. копъ грошей арендаторы обязались вносить въ скарбъ только 2 т., а остальныя 11 тыс. выдавать на людей служебныхъ въ Ливоніи. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 26, 27.

[81]) Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 94, 95, 98, 99, 118—120. Срав. *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи евреевъ, т. II.

[82]) Эта «ухвала» вошла во второй статутъ (разд. III, арт. 30).

торые поддались съ своими имѣньями на службу панамъ (вѣроятно, вернуть ихъ въ повѣты). Господарь обѣщалъ учинить то, что слѣдуетъ «водле права».—Указавъ на то, что нѣкоторые дворные уряды, какъ-то: гетманство дворное, крайчее, подкоморство, кухмистровство, подстолее и конюшее, не замѣщены [83], станы просили господаря «для учтивости» его службы и «оздобы» рѣчи посполитой, а также для увеличенія военныхъ почтовъ раздать эти уряды уроженцамъ великаго княжества. Король обѣщалъ это сдѣлать «водлугъ потребы часу и воли своее» [84).—Стремясь къ увеличенію «оздобы» великаго княжества станы просили господаря учредить новыя воеводства и каштеляніи въ Городнѣ и Ковнѣ. Но господарь отложилъ это дѣло до другого раза. Точно также не пожелалъ онъ на этотъ разъ входить въ разсмотрѣніе слѣдующей просьбы, представленной станами сейма,—относительно «пожитковъ» разныхъ урядовъ, которые въ силу волочной уставы отошли на скарбъ.—Хоружій и послы Волковыйскаго повѣта просили, чтобы подъ одинъ присудъ съ ними включена была шляхта Волпенская, Мстибоговская, Лысковская и Межирѣцкая, которая до сихъ поръ служила военную службу подъ хоруговью Волковыйскою. Чтобы понять эту просьбу, необходимо имѣть въ виду, что перечисленная шляхта по владѣніямъ своимъ принадлежала къ спадковымъ имѣньямъ господаря [85]). Какъ видно изъ многочисленныхъ указаній современныхъ актовъ, шляхта спадковыхъ господарскихъ волостей не включена была въ новые судовые повѣты, какъ и шляхта княжескихъ и панскихъ имѣній, но по старому осталась подъ присудомъ мѣстныхъ державцевъ [86]),

---

[83]) Гетманомъ дворнымъ передъ тѣмъ былъ панъ Виленскій Григорій Александровичъ Ходкевичъ, сдѣлавшійся въ 1566 г. гетманомъ великимъ; крайчимъ—братъ его Юрій, ставшій 23 марта 1566 г. паномъ Троцкимъ; подкоморимъ—тотъ же Григорій Александровичъ Ходкевичъ, сложившій съ себя этотъ урядъ еще 16 окт. 1559 г., при назначеніи паномъ Троцкимъ; кухмистромъ—Сигизмундъ Фанель; подстолимъ—панъ Станиславъ Пацъ до назначенія своего воеводою Витебскимъ 23 марта 1566 г.; конюшимъ—Ярошъ Корицкій, умершій въ 1566 г.; См. Senatorowie i dygnitarze, str. 155, 226, 232, 296.

[84]) Урядъ крайчія король тогда же далъ пану Миколаю Криштофу Радивилу, ловчія—пану Григорію Богдановичу Воловичу, конюшія—Якубу Пясецкому, поляку, вопреки статуту.

[85]) См. выше, стр. 547, 548, прим. 67.

[86]) Для примѣра укажемъ на земянъ-шляхту Ляховицкаго имѣнья. Эти земяне стали было выламоваться изъ-подъ присуда мѣстнаго державцы и вдаваться подъ присудъ гродскій и земскій Новгородскаго повѣта, а на войну ѣздить подъ хоруговью Новгородскою. По жалобѣ державцы король написалъ имъ 5 февраля

такъ что и уравненіе шляхетскаго сословія въ правахъ, произведенное статутомъ 1566 г., было все-таки далеко не полное. По чувству сословной солидарности, которымъ проникласъ шляхта, она стала на сеймахъ хлопотать о распространеніи новыхъ вольностей и на шляхту спадковыхъ имѣній. Господарь далъ уклончивый отвѣтъ: «мы то заховываемъ при воли своей господарской, а теперь по старому». Подобную же просьбу, какъ и Волковыйскіе послы, представили послы Новгородскаго повѣта за свою братью, земянъ Клецкихъ: они жаловались, что ихъ отлучаютъ отъ хоругви и присуда Новгородскаго и принуждаютъ въ присудъ Клецкій, вопреки ихъ правамъ и вольностямъ, гарантированнымъ господарскими листами. Клецкъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ Городкомъ и дворомъ Фалимичами въ 1558 году былъ пожалованъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Яновичу Радивилу съ правомъ «подаванья монастырей, костеловъ и церквей, съ мѣстами и волостьми, съ имѣньями бояръ-шляхты и со всимъ правомъ и волосностью, по тому, яко тые замки Клецко и Городокъ князь Ѳедоръ Ярославовичъ и Фалимичи князь Василей Сангушковичъ и по нихъ

1567 года: «Кгды жъ вы съ тымъ замкомъ Ляховицкимъ спадкомъ намъ господару пришли, *а правомъ и судомъ поветовымъ не подлегли* и отъ насъ, господара, не подданы, якъ въ Новгородский, такъ и никоторой поветъ не прилучоныи, для того приказуемъ вамъ, ажъбы есте нигде инде, одно передъ державцу тамошнего Ляховицкого позывали ся и у справахъ и потребахъ вашыхъ передъ нимъ ся судили и справовали, зъ суду его, выламуючися у поветъ Новгородский и ни въ который иный, ку праву не позывали, *и на войну прыъ немъ ездили* и всякое послушеньство, враду его належачое, чинили потому, яко и ку першымъ державцамъ тамошнимъ отъ васъ то чинено бывало». (Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 33). Только тѣ шляхтичи спадковыхъ волостей, которые получили отъ владѣльцевъ имѣнья на вѣчность съ правомъ служить, кому захотятъ, другими словами — освобождены были отъ вассальныхъ связей съ волостями, поступали подъ повѣтовую хоругвь и повѣтовый гродскій и земскій судъ. На этомъ основаніи, напр., 6 января 1567 г. былъ изъятъ господаремъ изъ-подъ присуда державцы Волпенскаго и привернутъ подъ присудъ Волковыйскаго повѣта земянинъ Волпенскій Станиславъ Одаховскій съ сыновьями и всѣми потомками (Запис. L, л. 56). Сверхъ того, выходили de jure изъ-подъ присуда державцевъ и поступали въ повѣты тѣ шляхтичи спадковыхъ волостей, которые получили въ нихъ имѣнья отъ самого господаря «зо всякими вольностями и свободами такъ, яко и иншие обователи... великого князьства Литовского именья свои держать». На этомъ основаніи, наприм., 13 августа 1567 г. поступилъ подъ хоругвь и присудъ Новгородскаго повѣта земянинъ Валентій Чарковскій, выслужившій Гафтаровскій дворецъ въ Ляховицкой волости (Запис. XLVIII, л. 80, 81).

къ рукамъ королевое ее милости и великое княгини Боны держано»[87]). Въ концѣ 1566 и началѣ 1567 года эти имѣнья находились въ рукахъ наслѣдниковъ покойнаго воеводы и ихъ опекуновъ. Поэтому король предоставилъ Клецкой и Городецкой шляхтѣ позвать ихъ мандатами на судъ господаря и доводить на нихъ своихъ правъ и вольностей при помощи своихъ документовъ.—Послы Дорогицкаго повѣта отъ имени своей братьи жаловались, что въ ихъ повѣтѣ на подкоморство напросилось у господаря сразу двое лицъ, Мальхеръ Несѣцкій и Станиславъ Хондзинскій, и они не знаютъ, кого изъ нихъ считать законнымъ и настоящимъ подкоморіемъ и чьимъ распоряженьямъ подчиняться. Король, принимая во вниманіе, что Несѣцкій получилъ свой привилей ранѣе, чѣмъ Хондзинскій, утвердилъ въ должности Несѣцкаго [88]).

Въ заключеніе станы просили господаря сообщить имъ, къ какимъ результатамъ повела миссія, возложенная на пана Яна Еронимовича Ходкевича въ Ливоніи, удалось ли ему кончить дѣло, начатое покойнымъ Миколаемъ Яновичемъ Радивиломъ, и присоединить, наконецъ, къ великому княжеству Лифляндскую землю, стоившую имъ такъ много крови и денегъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу король приказалъ канцлеру прочитать договоръ, заключенный Ходкевичемъ съ Лифляндскими чинами, приславшими на Городенскій сеймъ своихъ уполномоченныхъ за полученіемъ королевскаго подтвержденья [89]). Изъ содержанія трактата обнаружилось, что миссія Ходкевича увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Обыватели земли Лифляндской признали великаго князя Литовскаго своимъ верховнымъ и наслѣдственнымъ государемъ, обязались никогда не отдѣляться отъ великаго княжества, но навсегда быть за одно съ нимъ въ подданствѣ у одного государя, сообща избирать его и не иначе, какъ изъ рода настоящаго государя, не заключать никакихъ договоровъ отдѣльно и помимо великаго княжества, отправлять общіе съ нимъ сеймы, на которыхъ должны быть отведены приличныя мѣста ихъ сенаторамъ и посламъ. Для себя Ливонцы выговорили: ненарушимость своихъ старинныхъ правъ и вольностей съ добавленіемъ новыхъ, если это потребуется для уравненія съ великимъ княжествомъ, Аугсбургское исповѣданіе вѣры и недопущеніе иновѣрной пропаганды, учрежденіе коллегіума для подготовки образованныхъ проповѣдниковъ

---

[87]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 210, 211.

[88]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VIII, л. 34, 35.

[89]) *Dogiel,* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CIV.

и пасторовъ, суперъ-интендентовъ, членовъ консисторій, визитаторовъ, ректоровъ школъ, профессоровъ, начальствующихъ лицъ и т. д., учрежденіе школъ и церквей для народа, преобразованіе женскихъ монастырей въ учебно-воспитательныя заведенія для дѣвицъ и въ пріюты для престарѣлыхъ женщинъ, для лишившихся крова и имущества отъ войны; замѣщеніе всѣхъ замковыхъ и городскихъ должностей мѣстными уроженцами, знающими нѣмецкій языкъ, раздѣленіе страны на четыре округа и учрежденіе для каждаго округа уголовно-гражданскаго трибунала изъ трехъ земскихъ судей и одного секретаря, сохраненіе въ силѣ старинныхъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, старинное муниципальное устройство, аппелляціонный судъ въ предѣлахъ земли изъ четырехъ мѣстныхъ сенаторовъ (по числу судебныхъ округовъ) подъ предсѣдательствомъ администратора, употребленіе одной литовской печати въ грамотахъ, выдаваемыхъ королемъ обывателямъ Лифляндской земли, оффиціальное дѣлопроизводство на нѣмецкомъ и частью латинскомъ языкѣ, монету, одинаковую по цѣнности и вѣсу съ литовскою, для облегченія торговыхъ сношеній съ великимъ княжествомъ, назначеніе на должность администратора лица, знающаго нѣмецкій языкъ, и право ходатайства о его смѣщеніи, буде онъ окажется неудобнымъ, сохраненіе положенія, гарантированнаго настоящимъ договоромъ, въ случаѣ уніи великаго княжества съ Польшею. Всѣ эти условія заслужили одобреніе становъ сейма, и король на другой день (26 декабря 1566 г.), по настоянію пановъ-рады, съ своей стороны утвердилъ договоръ и пожаловалъ землѣ Лифляндской по примѣру остальныхъ областей великаго княжества особый гербъ для изображенія на земской хоругви, урядовыхъ печатяхъ и монетѣ [90]).

Чрезвычайное посполитое рушенье опредѣлено было на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года для наступательной войны подъ личнымъ предводительствомъ короля. Но эта война не могла быть предпринята въ скорости. Королю надо было еще ѣхать въ Польшу на сеймъ, назначенный въ Петрковѣ на середопостье (въ началѣ марта) [91]), и неизвѣстно было, насколько времени онъ тамъ задержится. Въ виду этого станы рѣшили до поры до времени ограничиться одною оборонительною войною при помощи наемныхъ войскъ и обычнаго посполитаго рушенья, если это понадобится [92]).

---

[90]) *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CLV.

[91]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 139, 140.

[92]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 463.

§ 3.

Итакъ, на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 г. была проектирована наступательная борьба съ Москвою, съ напряженіемъ всѣхъ силъ. На дѣлѣ такой борьбы не послѣдовало, если не считать нѣкоторыхъ частичныхъ дѣйствій на границахъ, сопровождавшихся побѣдами литовцевъ. Въ теченіе 1567 года еще болѣе, чѣмъ прежде, литовскіе военнослужилые землевладѣльцы уклонялись отъ несенія военныхъ тягостей, не смотря на всѣ строгія кары, опредѣленныя за это на сеймѣ. Самъ король раздѣлялъ общее настроеніе и долго уклонялся отъ предположеннаго похода, которому онъ видимо не особенно сочувствовалъ, а когда, наконецъ, выступилъ въ походъ, то оказалось, что наступленіе на Москву уже невозможно, что нужно защищать собственную страну отъ непріятельскаго вторженія. Въ 1567 году еще болѣе, чѣмъ прежде, обнаружилось, что для успѣшной борьбы съ Москвою у великаго княжества Литовскаго не хватаетъ болѣе ни экономическихъ, ни политическихъ, ни моральныхъ рессурсовъ.

Распустивъ Городенскій сеймъ, литовское правительство занялось вербовкою служебныхъ людей, которые должны были защищать границы до выступленія въ походъ земскаго ополченія великаго княжества. Съ этою цѣлью прежде всего разосланы были «приповѣдные» листы ротмистрамъ тѣхъ ротъ, которыя уже находились на службѣ и стояли на пограничныхъ замкахъ. Такіе листы разосланы были 12 февраля ротмистрамъ на ливонскихъ замкахъ [93]). Объявляя имъ о продолженіи ихъ службы еще на полгода, король просилъ ихъ подождать уплаты уже заслуженнаго ими жалованья, обѣщая выдать его изъ податка, опредѣленнаго на Городенскомъ сеймѣ. Подобные же листы разосланы были 22 февраля ротмистрамъ, стоявшимъ съ своими ротами по сѣверо-восточному пограничью великаго княжества, на замкахъ: Дисненскомъ, Лепельскомъ, Воронечскомъ, Витебскомъ, Оршанскомъ, Мстиславскомъ, Кричевскомъ, Чичерскомъ, Пропойскомъ, Гомейскомъ и Кіевскомъ [94]). Въ этихъ листахъ содержались даже опредѣленныя

---

[93]) Пану Юрью Миколаевичу Зеновьевичу, каштеляну Полоцкому, старостѣ Лепельскому, державцѣ Чичерскому и Пропойскому, пану Боркулабу Ивановичу Корсаку, державцѣ Дисненскому, кн. Павлу Соколенскому, Мартину Яцыничу, пану Остафью Шолухѣ, пану Мартину Курчу. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 73, 74.

[94]) Станиславу Русецкому и Юрью Рачковскому, Оленьскому и Пресмыцкому,

обѣщанія срока уплаты—черезъ недѣлю спустя послѣ Пасхи и затѣмъ на св. Мартина (11 ноября). Для удержанія нѣкоторыхъ ротъ на службѣ король долженъ былъ распорядиться немедленною уплатою заслуженнаго ими жалованья изъ скарба. Такимъ образомъ, напр., 6-го февраля король выдалъ Яну Еронимовичу листъ для предъявленія въ скарбъ на полученіе жалованья состоявшимъ подъ его командою 400 стрѣльцамъ, 100 кнехтамъ и 800 служебнымъ польскимъ [95]). Подобные же листы получили ротмистры: Оникей Горностай, которому скарбъ задолжалъ 4200 копъ, и панъ Павелъ Сопега, каштелянъ Кіевскій, державшій роту изъ 100 драбовъ на Любецкомъ замкѣ и не получившій жалованья для нихъ за весь 1566 годъ [96]). Въ концѣ марта разосланы были «приповѣдные» листы нѣкоторымъ ротмистрамъ о наборѣ новыхъ ротъ въ виду предполагаемаго личнаго выступленія господаря въ походъ [97]).

При наймѣ служебныхъ на 1567 годъ литовскому правительству пришлось увеличивать имъ жалованье. Такимъ образомъ, наприм., стрѣльцамъ, стоявшимъ въ Ливоніи подъ командою Ходкевича, вмѣсто 2 копъ за четверть года пришлось платить уже 3 копы, кнехтамъ вмѣсто 5 золотыхъ 12, польскимъ жолнерамъ вмѣсто 4 копъ—5 копъ, а затѣмъ 6 и т. д. На вздорожаніе жолнеровъ повліяло вздорожаніе провіанта и фуража въ мѣстностяхъ, гдѣ они стояли [98]), и несомнѣнно

Валентію Каменьскому, Богушу Селицкому, Валентину Каменецкому и Петру Серебрицкому, Голубицкому, Станиславу Збышевскому и Яну Курницкому, Петру Курницкому, Димитрію Бобоѣду и Яну Закревскому, Амвросію Влоху, Войтеху Любатовскому, Яну Вилковскому, Францу Пребыславскому, Каспору Стужиньскому, Адаму Оборскому, Яну Вербицкому, Матею Белявскому и Бернату Кгульбицкому. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 141, 142.

[95]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 68, 69.

[96]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 82.

[97]) Листы были разосланы каштеляну Подляшскому Григорію Тризнѣ, Мартину Курчу, Билинскому, Григорію Чапличу, кн. Павлу Соколинскому, кн. Андрею Масальскому, Мартину Стравинскому, Ероѳею Гостьскому, Юрью Тишковичу и Остафію Шолухѣ. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 144. Князю Александру Полубинскому предоставлено было расплатиться съ своими служебными изъ собственныхъ средствъ, а въ обезпеченіе долга заставленъ былъ ему замокъ *Вольмаръ* въ 6000 копахъ грошей. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 52—54.

[98]) Въ 1562 году военная такса цѣнила корову тельную въ 30 гр., а въ 1567 году въ 70; яловицу—въ 16 гр., въ 1567 г.—въ 40; вепра кормного въ 1562 г.—въ 12 гр., въ 1567 г.—въ 40; вепра некормного въ 1562 г.—въ 10 гр., въ 1567 г.—въ 20; барана въ 1562 г.—въ 6 гр., въ 1567 г.—въ 10;

также хроническая задержка въ полученіи ими жалованья. Все это въ связи съ увеличеніемъ самаго числа наемныхъ войскъ должно было сильно поднять расходы государства по этой статьѣ.

Усиленный наборъ наемныхъ служебныхъ производился въ разсчетѣ на сборъ податка, опредѣленнаго на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 г. Въ этомъ разсчетѣ правительство сильно обманулось. Когда прошелъ срокъ взноса земскаго податка, «головные» бирчіе кн. Юрій Петькевичъ, нареченный бискупъ Жмудскій, и тивунъ Виленскій панъ Станиславъ Нарушевичъ донесли королю, что податковыхъ пенязей «праве згола ни одного гроша» къ нимъ не прислано бирчими повѣтовыми, равно не представлены и реестры ревизіи владѣльческихъ имѣній, которую они должны были произвести. 24 мая король разослалъ грозные листы бирчимъ повѣтовымъ, въ которыхъ грозилъ имъ не спустить «даремне» ихъ «недбалость» и приказывалъ, чтобы они, собравъ какъ можно скорѣе податокъ, ѣхали въ войско [99]). Но и эти листы не произвели желаннаго дѣйствія, и податокъ, какъ показываютъ болѣе поздніе документы, собранъ былъ далеко не полностью. Вслѣдствіе этого для расплаты съ служебными правительству пришлось дѣлать новые займы подъ залогъ господарскихъ имѣній. Такъ, у князя Григорья Аѳанасьевича Масальскаго взято было въ скарбъ 3200 копъ, и въ этой суммѣ 20 іюня ему заставленъ былъ дворъ *Обели* съ волостью на три года съ правомъ держать еще три года, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа [100]) и т. д. Подканцлеръ Остафій Воловичъ взялъ для скарба 13 тысячъ золотыхъ польскихъ, или 5200 копъ, у пана Яна Тарла изъ 20% и въ этой суммѣ заложилъ ему всѣ свои имѣнья, а самъ въ свою очередь получилъ отъ короля 10 августа право уплачивать процентъ по этому долгу изъ господарскихъ доходовъ Кобринскаго староства, находившагося въ его держаньѣ [101]). 24 августа 1567 года король заставилъ своему ложничію Матею Жалинскому замокъ *Мстибоговъ* и мѣстечко *Яловку* съ волостью въ 2000 копахъ на годъ

гуся въ 1562 г.—въ 1 гр., въ 1567 г.—въ 1½ гр.; трехъ куръ въ 1562 г. въ 1 грошъ, въ 1567 г.—въ 2 гр. и 4 пенязя; бочку жита въ 1562 г. въ 5 гр., въ 1567 г.—въ 10; бочку овса въ 1562 г. въ 3 гр., въ 1567 г.—въ 6 гр.; возъ сѣна въ 1562 г. въ 2 гр., въ 1567 г.—3 и т. д. Литов. Метр. кн. Запис. XLIV, л. 30—34, 56—58; Публ. дѣлъ VII, л. 140.

[99]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 148, 149.

[100]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 95—99.

[101]) Тамъ же, л. 104—107, 163—165.

съ правомъ держать еще годъ, если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа[102]) и т. д. Въ началѣ сентября правительство для расплаты съ служебными людьми рѣшилось прибѣгнуть къ принудительному займу у мѣщанъ, какъ это дѣлало не разъ и прежде. Во всѣ привилегированныя мѣста были разосланы дворяне съ особыми господарскими листами, коими предписывалось мѣщанамъ сложиться на извѣстную сумму и отдать ее въ скарбъ черезъ тѣхъ же самыхъ дворянъ [103]). Взятую сумму господарь обѣщалъ либо вернуть изъ скарба, либо зачесть въ счетъ будущихъ платежей мѣстъ. Всего, такимъ образомъ, предполагалось собрать 10870 копъ. Непривилегированныя мѣста были также обложены извѣстными суммами, но не въ видѣ принудительнаго займа, а въ видѣ заплаты за тѣ стаціи (кормы), которыя они должны были поставить господарю по случаю его выступленія въ походъ. Съ непривилегированныхъ мѣстъ въ общей сложности предположено было собрать около 2000 копъ [104]). Принудительный заемъ наложенъ былъ и на «зборы» жидовскіе въ общей суммѣ 4170 копъ грошей [105]). Но такъ какъ всѣ эти суммы не могли быть доставлены немедленно, а нужда не терпѣла ни малѣйшей отсрочки, то король въ сентябрѣ 1567 года прибѣгъ къ новымъ займамъ подъ залогъ господарскихъ

---

[102]) Тамъ же, л. 130—132. Въ заставу не были включены села Мстибоговской державы и волость Городиская, уже ранѣе того попавшія въ заставу къ пану Жалинскому: села Сорочи и Юсковичи въ 470 копахъ, село Левоневичи въ 320 копахъ и волость Городиская въ 1200 копъ. Эти села и волость были выкуплены Жалинскимъ у разныхъ лицъ, которыя получили ихъ въ заставу. Тамъ же, л. 102, 103.

[103]) На Вильно было наложено 8000 копъ, на Ковно—1000, на Троки—100, на Городно—120, на Новгородокъ—100, на Волковыйскъ—50, на Минскъ—150, на Кіевъ—200, на Бѣльскъ—150, на Тыкотинъ—60, на Дорогичинъ—60, на Мельникъ—50, на Лосичи—50, на Клещели—50, на Нарву—30, на Каменецъ—60, на Берестье—200, на Воинь—30, на Милейчицы—30, на Брянскъ—60, на Суражъ—40, на Порозовъ—20, на Луцкъ—150, на Кременецъ—50, на Владиміръ—60, всего—10870 копъ. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 1, 6.

[104]) Приложеніе № 63; Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 3—5 (сверхъ перечисленныхъ въ № 63: съ Кнышина 60 копъ, съ Жакгоръ—20; съ Скерстомони—7, съ Волкиникъ—15).

[105]) *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, № 265. На «зборъ» Берестейскій наложено было 1300 копъ, на Пинскій—500, Тыкотинскій—170, Городенскій—200, Троцкій—300, Владимірскій—300, Луцкій—500, Острожскій—500, Кременецкій—150, Новгородскій—250 (Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 2).

именій. Такимъ образомъ, наприм., будучи не въ состояніи заплатить ротмистру Яну Болеману выслуженныя имъ 6000 копъ грошей, король заставилъ ему въ этой суммѣ дворы Берестейскаго повѣта *Милейчичи и Воинь* на три года съ тѣмъ, чтобы староста Берестейскій за эти годы уплатилъ ему долгъ изъ господарскихъ доходовъ Берестейской державы [106]); не будучи въ состояніи заплатить ротмистру Мартину Стравинскому 2851 копы, которыя ему задолжалъ скарбъ, король заставилъ ему въ этой суммѣ село *Полуйковичи* (5 сентября) на годъ съ правомъ держать еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа, и т. д. [107]). Пану Мартину Савицкому король заставилъ (8 сентября) замокъ *Мельникъ* на годъ въ 4000 копахъ, взятыхъ у него подскарбіемъ «на выправу» двора, пушекъ и обоза господарскаго къ Молодечну и на заплату жалованья служебнымъ, съ правомъ держать въ заставѣ еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа [108]), и т. д.; въ тотъ же день король заставилъ князю Александру Полубинскому дворъ *Вилькею* въ 4000 копахъ грошей [109]). Занимая деньги, гдѣ только было можно, на покрытіе текущихъ расходовъ, правительство сдѣлало вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе и о взысканіи земскихъ податковъ. Съ этою цѣлью 6 сентября разосланы были по областямъ господарскіе дворяне, коимъ предписано было отбирать на господаря имѣнья у тѣхъ владѣльцевъ, которые не отдали земскаго податка, и держать до тѣхъ поръ, пока недоимки не будутъ внесены въ двойной суммѣ или пока не будутъ выбраны изъ доходовъ имѣній. Господарь освобождалъ отъ отвѣтственности только тѣхъ владѣльцевъ, которые не заплатили податка не по своей винѣ, а по винѣ бирчихъ повѣтовыхъ, не пріѣхавшихъ къ нимъ во время на ревизію имѣній. Изъ этого видно, что задержка въ сборѣ податка, опредѣленнаго на сеймѣ 1566—1567 года произошла между прочимъ и отъ длинной и сложной процедуры его сбора, установленной на сеймѣ для облегченія контроля. Поэтому вмѣстѣ съ тѣми же дворянами господарь разослалъ строжайшій приказъ бирчимъ повѣтовымъ, чтобы они кончили, во чтобы то ни стало, ревизію имѣній въ своемъ повѣтѣ и реестры ея сдали «головнымъ» бир-

---

[106]) Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 69—72.

[107]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII. л. 109—111.

[108]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 134—137. Позже, будучи въ военномъ лагерѣ въ Койдановѣ, король взялъ у него еще 4000 копъ и эту сумму причислилъ къ долгу, лежавшему уже на Мельникѣ (Запис. L, л. 142—145).

[109]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 137—139.

чимъ; для этого господарь разрѣшалъ имъ не ѣхать лично на войну, а только послать свои почты [110]).

Не менѣе неисправными оказались военно-служилые землевладѣльцы великаго княжества и въ отправленіи военной службы за 1567 годъ. Еще 15 апрѣля разосланы были военные листы съ приказомъ военно-служилымъ землевладѣльцамъ собираться съ своими почтами въ Молодечнѣ на день седьмой субботы, т. е. на 17 мая [111]). Прошло послѣ этого срока два мѣсяца слишкомъ, и гетманъ доносилъ королю, что изъ нѣкоторыхъ повѣтовъ немногіе только пріѣхали на войну, а изъ другихъ до сихъ поръ не являлся никто [112]). Между тѣмъ на границахъ обнаруживались наступательныя передвиженія московскихъ войскъ. Отдѣльные отряды этихъ войскъ потерпѣли пораженіе отъ литовскихъ наемныхъ войскъ подъ начальствомъ кн. Романа Сангушка [113]). Но эти неудачи не остановили наступательныхъ движеній москвитянъ. Королю доносили, что въ Полоцкъ и Улу пришли многіе конные и пѣшіе люди великаго князя Московскаго съ тѣмъ, чтобы отсюда «посѣдать» земли великаго княжества и воздвигать на нихъ замки. Съ этимъ извѣстіемъ гармонировали вполнѣ и дипломатическія дѣйствія московскаго правительства. Царь прислалъ въ Литву обѣщанныхъ пословъ—боярина Ѳедора Ивановича Умнаго-Колычева, Григорья Ивановича Нагого и дьяка Василія Яковлева для заключенія мирнаго договора. Король принялъ ихъ въ Городнѣ въ послѣднихъ числахъ іюля. Когда паны радные приступили къ переговорамъ съ ними, обнаружилось ясно, что они посланы не для заключенія мира, а для проволочки времени. Послы отъ имени царя потребовали, чтобы король уступилъ царю всю Ливонію по Двину, замки въ бассейнѣ Двины съ ихъ территоріями—Полоцкъ, Улу, Соколъ, Озерище, Усвятъ и, наконецъ, выдалъ Курбскаго. Отъ этихъ требованій послы ни за что не хотѣли отступить и уѣхали, не взявъ даже отвѣтной грамоты, которую король хотѣлъ послать съ ними къ царю, придравшись къ тому, что въ этой грамотѣ панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ названъ администраторомъ земли Лифляндской [114]). По поведенію пословъ ясно

---

110) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 159—165.

111) Тамъ же, л. 145—148.

112) Тамъ же, л. 150—152.

113) Хроники *М. Бѣльскаго* (Zbiór pisarzów polskich, tom XVII, str. 173), *Стрыйковскаго* (tom II, str. 416, 417), *Кояловича* (Historiae Litvanae pars II, p. 477, 478).

114) *Kojałowicza* Historiae Litvanae pars II, p. 473—475; Книга Посольская Метрики великаго княжества Литовскаго, т. I, № 170, 171.

можно было видѣть, что дѣло клонится не къ миру, а къ усиленной войнѣ, и вѣсти съ границы вполнѣ подтверждали это. Поэтому послѣ отъѣзда московскихъ пословъ, въ началѣ августа, король разослалъ листы военнослужилымъ землевладѣльцамъ, чтобы они немедленно выѣзжали съ своими почтами къ Молодечну, «днемъ и ночью, яко на кгвалтъ, поспешаючися». Король объявлялъ, что и самъ онъ, «вжо ничого не мешкаючи», выступаетъ изъ Городна прямо къ Молодечну [115]). Несмотря на то, военнослужилые землевладѣльцы не очень торопились выѣзжать на войну: при повальномъ уклоненіи отъ военной службы каждый боялся явиться ранѣе другихъ и потерять даромъ время и деньги, многіе не пріѣхали вовсе [116]). Самъ король только пообѣщалъ немедленно ѣхать на войну изъ Городна. Въ дѣйствительности во второй половинѣ августа король отправился въ свой любимый Кнышинъ на отдыхъ и пробылъ тамъ конецъ августа и весь сентябрь [117]). Только въ началѣ октября, когда, вѣроятно, были получены вѣсти о движеніи большихъ московскихъ силъ къ Великимъ Лукамъ [118]), король выступилъ въ походъ и около 20 октября прибылъ въ главный сборный пунктъ—Лебедево (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда на границѣ съ Ошмянскимъ).

Король исполнилъ, такимъ образомъ, обѣщаніе, данное на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 года, но исполнилъ только отчасти: наступательной войны съ Москвою онъ и на этотъ разъ не предпринялъ, хотя въ его распоряженіи находилась такая рать, какая уже давно не собиралась въ великомъ княжествѣ [119]). Около мѣсяца съ 20 октября до 21 ноября король простоялъ съ войскомъ въ Лебедевѣ [120]), а затѣмъ передвинулся далѣе на юго-востокъ, въ Радошковичи, гдѣ

115) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 150—152.

116) Приложеніе № 66.

117) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 106—114; L, л. 111—117; LI, л. 68—74; Судн. дѣлъ LIII, л. 133—142; LIV, л. 84; Публич. дѣлъ VII, л. 160—163; VIII, л. 47; IX, л. 1, 2 и др.

118) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 68.

119) По разсказу Стрыйковскаго, король имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе 100 т. войска (tom II, str. 417). Болѣе вѣроятною представляется цыфра, сообщаемая Кельхомъ,—60 тысячъ (*Карамзинъ*, т. IX, стр. 68, прим. 227).

120) Литов. Метр. кн. Запис. XLIII, л. 116—132; L, л. 118, 119; LI, л. 77, 83; Судныхъ дѣлъ LII, л. 161—164; LIII, л. 143—149; LIV, л. 84—91; Публ. дѣлъ IX, л. 9—10.

пробылъ до половины декабря [121]); послѣ того король, отправивъ войско въ Борисовъ, самъ передвинулся въ Койдановъ, гдѣ простоялъ также около мѣсяца, до 18 января 1568 г. включительно, послѣ чего направился въ Кнышинъ, куда и прибылъ къ 4 февраля [122]). Стрыйковскій объясняетъ бездѣйствіе литовскаго войска лѣностью короля, который не хотѣлъ утруждать себя походами и битвами. Но едва ли въ этомъ только надо искать объясненія факта. Наступательное движеніе литовскаго войска парализовала большая московская рать, готовившаяся ко вторженію въ Ливонію и великое княжество подъ личнымъ начальствомъ царя. Королю съ войскомъ поневолѣ пришлось остановиться и не двигаться далѣе, въ непріятельскую землю, чтобы не оставить безъ защиты собственнаго государства и не быть обойденными съ тыла. Хотя вторженіе москвитянъ не состоялось, и царь уѣхалъ изъ войска въ Москву, но рать московская заняла выжидательное положеніе въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ [123]). И литовскому войску по необходимости пришлось стоять на одномъ мѣстѣ, чтобы при первыхъ же вѣстяхъ идти туда, куда вторгнутся непріятели. Но земское ополченіе не могло выдержать продолжительной стоянки безъ дѣла на одномъ мѣстѣ. Поэтому, едва король уѣхалъ изъ Койданова, какъ шляхта-рыцарство стало разъѣзжаться по домамъ, безъ вѣдома гетмана, воспользовавшись тѣмъ, что гетманъ своевременно не произвелъ «пописа» и трудно было провѣрить, кто былъ на войнѣ, и кто не былъ [124]). Донося объ этомъ господарю, паны-рада съ своей стороны прибавляли, что они не останутся въ Борисовѣ, если другіе станы разъѣдутся по домамъ [125]). Вслѣдъ затѣмъ король получилъ листъ отъ шляхты-рыцарства, остававшагося еще въ Борисовѣ, съ жалобою на то, что оно терпитъ холодъ и голодъ, и съ просьбою распустить по домамъ [126]). Военнослужилые землевладѣльцы, очевидно, не хотѣли отставать отъ своего господаря, который первый не выдержалъ и уѣхалъ

---

[121]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 132—142; LI, л. 85—90; Судн. дѣлъ LII, л. 132—182; LIII, л. 151; LIV, л. 95; Публ. дѣлъ VII, л. 171—173; IX, л. 12—16.

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 166—179; L, л. 145—151; LI, л. 97—114; Судныхъ дѣлъ LII, л. 183—199; LIII, л. 152—153; LIV, л. 96; Публ. дѣлъ VIII, л. 48—56; IX, л. 19—32.

[123]) *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. IX, стр. 68—70.

[124]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 195—197.

[125]) Тамъ же, л. 193—195.

[126]) Тамъ же, л. 197, 198.

въ свой любимый Кнышинъ на тепло и покой. Получивъ листы отъ пановъ-рады и рыцарства, король въ концѣ января приказалъ распустить шляхту-рыцарство, а противъ людей непріятельскихъ въ началѣ февраля 1568 г. предложилъ отправить пана Яна Еронимовича Ходкевича съ почтами пановъ-рады, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ пановъ радныхъ «для рады» и «для большого пострaху непріятельского» [127]). Такъ, разбилась попытка веденія «потужной» наступательной борьбы съ Москвою.

Въ то самое время, когда господарь находился при войскѣ, снова выдвинулся вопросъ о томъ, чѣмъ расплачиваться съ наемными служебными. Все, что было собрано для этой цѣли, уже разошлось, и не хватало денегъ для уплаты за послѣднюю четверть. Скарбъ былъ по обычаю пустъ, такъ что на текущіе расходы король вынужденъ былъ прибѣгать къ новымъ займамъ у отдѣльныхъ лицъ подъ залогъ господарскихъ имѣній. Такимъ образомъ, напр., 21 октября въ Лебедевѣ король заставилъ князю Роману Сангушку *замокъ Рѣчицкій* съ волостью въ 3000 копахъ грошей [128]); въ тотъ же день король «за волею и позволеньемъ радъ взялъ у маршалка Яна Шимковича 3000 копъ грошей и эту сумму приписалъ пополамъ къ прежнимъ 2000 копамъ, взятымъ подъ залогъ *Вилькомира*, и 1500 копамъ, взятымъ подъ залогъ войтовства *Кеймянскаго* въ Упитской державѣ, предоставивъ Шимковичу держать эти имѣнья въ заставѣ годъ отъ Крещенья 1568 года, а при невыкупѣ въ срокъ еще годъ и т. д. [129]). Не имѣя возможности заплатить пану Юрью Миколаевичу Зеновьевича, каштеляну Полоцкому, 1830 копъ грошей, которыя тотъ заплатилъ товарищамъ своей роты, король въ этой суммѣ заставилъ ему (7 и 28 ноября) волость *Рудые Бѣлки* въ Мозырской державѣ на годъ отъ 11 ноября съ тѣмъ, чтобы застава продолжалась еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа [130]) и т. д. У пана Миколая Богдановича Стецкевича,

---

[127]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 33, 34.

[128]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 116, 117; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 148, 149.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 117—121. Въ книгѣ LIII Судныхъ дѣлъ, л. 143—148, тотъ же актъ заставы вписанъ подъ датою 1 ноября. *Вилькомиръ* вернулся въ распоряженіе короля только въ 1569 году. 28 октября король отдалъ его въ держанье пану Павлу Пацу (кн. Запис. XLVIII, л. 336, 337; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 245).

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 129, 130; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 253—254.

старосты и ротмистра Кокенгаузенскаго, король занялъ 1200 копъ грошей и въ этой суммѣ завелъ ему нѣсколько селъ *войтовства Гавриловскаго* въ Браславскомъ (Литовскомъ) староствѣ на годъ съ 13 декабря 1567 г. съ тѣмъ, чтобы застава продолжалась еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа, и такъ далѣе [131]). Король долженъ былъ перехватывать деньги въ займы даже въ такихъ мелкихъ суммахъ, какъ 40 копъ грошей. Такую сумму, онъ взялъ, наприм., 1 ноября у войскаго Ковенскаго Андрея Бобровницкаго и приписалъ ее къ тѣмъ 160 копамъ, которыя взяты были ранѣе подъ залогъ села *Окмянецъ* Вилькомирской волости [132]). На короткое время правительство могло обходиться займами у частныхъ лицъ и покрывать изъ этого источника текущіе, сравнительно мелкіе расходы. Но въ концѣ года предстояло потратить огромную сумму денегъ на расплату съ служебными за послѣднюю четверть; надо было позаботиться и объ авансѣ на слѣдующую четверть. При такихъ обстоятельствахъ надо было изыскать болѣе обильный и вѣрный источникъ для утоленія неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Вслѣдствіе этого король во время сбора войска въ Лебедевѣ обратился къ станамъ съ предложеніемъ обсудить вопросъ, изъ какихъ средствъ расплатиться съ служебными за послѣднюю четверть и удержать ихъ на службѣ и на будущее время. Такъ, въ военномъ лагерѣ составился своего рода *сеймъ*, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ первостепенной государственной важности. По датамъ актовъ этотъ сеймъ происходилъ въ ноябрѣ и къ 19 числу уже постановилъ свое рѣшеніе [133]).

Паны-рада, княжата, панята и всѣ станы, собравшіеся въ Лебедевѣ, постановили для расплаты съ служебными ускорить сборъ второго податка, опредѣленнаго на сеймѣ 1566—1567 г., и назначили срокомъ для взноса его бирчимъ «головнымъ» Рождество Христово 1567 года вмѣсто срока двѣнадцать недѣль спустя послѣ Крещенья 1568 года [134]). Такимъ образомъ, въ 1567 году должны были быть собраны двѣ серебщины — случай рѣдкій въ государственной практикѣ великаго княжества. И это тѣмъ болѣе является страннымъ и неожиданнымъ, что и одну-то серебщину приходилось выбирать съ большимъ трудомъ. Такое постановленіе Лебедевскаго сейма можно объяснить только крайностью нужды, тѣмъ, что другого выхода изъ

---

[131]) Тамъ же, л. 149—151.

[132]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 142, 143.

[133]) Приложеніе № 64.

[134]) Приложеніе № 65; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 172, 173.

нея и не было. Очевидно, что сеймовая практика въ частыхъ «ухвалахъ» податковъ стала руководиться уже не платежеспособностью всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, а простымъ желаніемъ взять деньги на государственныя нужды съ тѣхъ, у кого онѣ еще есть, и кто ихъ платитъ. При этомъ, для большаго «упевненья» ротмистровъ въ полученіи жалованья распредѣлено было, кому изъ нихъ и у кого изъ князей, пановъ и бирчихъ повѣтовыхъ получать свое жалованье въ счетъ собирающагося податка. Въ этомъ смыслѣ розданы были отдѣльнымъ ротмистрамъ ассигновки на имя разныхъ лицъ. Такимъ путемъ предполагалось уплатить жалованье за четверть года 6470 служебнымъ коннымъ и 950 пѣшимъ драбамъ—всего на сумму 31487 копъ 10 гр. [135]).

---

[135]) Образецъ и перечень ассигновокъ см. въ прилож. № 64. Болѣе полный и исправленный перечень ассигновокъ помѣщенъ, впрочемъ, на 13—15 листахъ IX книги Публичныхъ дѣлъ Литовской Метрики. Онъ гласитъ, что ассигновки выданы слѣдующимъ ротмистрамъ «ездныхъ» по 4 копы на коня: *кн. Роману Сангушку*—на 200 копъ у пана Юрья Васильевича Тишкевича и на 600 копъ у Миколая Петровича Кишки; *кн. Константину Вишневецкому*—на 500 копъ у кн. Корецкаго и на 300 копъ у бискупа Виленскаго; пану *Боркулабу Корсаку*—на 800 копъ у кн. Слуцкаго; *Шагуну Аяликечу*—на 400 копъ у пана Павла Ивановича Сопеги; пану *Филону Кмитѣ*—на 800 к. у бирчихъ Оршанскаго повѣта; пану *Юрью Тишкевичу*—на 600 копъ у пана Остафья Воловича и его братьевъ, Григорья Гринковича Воловича и Григорья Богдановича Воловича; *кн. Павлу Соколинскому*—на 800 копъ у бирчихъ Ошменскаго повѣта; *кн. Андрею Масальскому*—на 600 копъ у бирчихъ Городенскаго повѣта; пану *Владиміру Заболоцкому*—на 800 копъ у бирчихъ повѣта Ошменскаго; пану *Глѣбовичу*—на 800 копъ у паньи Кишкиной, воеводнии Витебской; пану *Оникею Корсаку*—на 300 копъ у воеводичей Виленскихъ и на 500 копъ у пана Григорья Есифовича Тризны; *Сеитманцеру*—на 400 копъ у воеводичей Виленскихъ Радивиловъ; *кн. Балтазару Лукомскому*—на 400 копъ у бирчихъ Вилкомирскаго повѣта; пану *Остафью Шолухѣ*—на 600 копъ у бирчихъ Минскаго повѣта; *кн. Янушу Збаражскому*—на 800 копъ у кн. Стефана Збаражскаго и его братьевъ; *Темрюку и Кантимеру*, князьямъ Пятигорскимъ,—на 440 копъ у пана Юрья Юрьевича Остика, его брата Григорья и невѣстки ихъ, паньи Миколаевой Остиковой; *кн. Александру Вишневецкому*—на 800 копъ у кн. бискупа Виленскаго; *царевичу Пуньскому*—на 400 копъ у воеводы Подляшскаго Василья Тишкевича; пану *Мартину Курчу*—на 600 копъ у пана Юрья Александровича Ходкевича; *кн. Лукомскому*—на 400 копъ у пана Григорья Александровича Ходкевича; *кн. Соколенскому*—на 1600 копъ у бирчихъ Лидскаго повѣта; пану *Боркулабу Корсаку*—на 800 копъ у бирчихъ повѣта Новгородскаго; сверхъ того, выданы ассигновки ротмистрамъ пѣшихъ драбовъ, по $2\frac{1}{2}$ копы на человѣка, съ прибавкою 4 копъ и 40 гр. «на кухню»: *Бене-*

Но этимъ далеко не покрывались всѣ долги государства по этой статьѣ. Когда король съ панами-радою и войскомъ находился въ Радошковичахъ, къ нему обратился староста Жмудскій, гетманъ и администраторъ земли Лифляндской, панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ съ просьбою принять отъ него отчетъ по пріему и расходованію денегъ на содержаніе служебныхъ людей и на разныя другія надобности въ землѣ Лифляндской и по ассигновкамъ, на него выданнымъ. Король поручилъ это дѣло подскарбію земскому пану Миколаю Нарушевичу. По произведенной «личбѣ» оказалось, что Ходкевичъ въ два года израсходовалъ 90301 копу 44 гроша и 4 пенязя, въ томъ числѣ изъ собственныхъ средствъ 34083 копы 37 грошей и 1 пенязь, которые надо было ему уплатить [136]). Король назначилъ ему въ уплату

дикту Дмитровскому—на 504 копы 40 гр. у бирчихъ Новгородскаго повѣта; пану *Томашу Гульбицкому*—на 504 копы 40 гр. у бискупа Виленскаго; пану *Харлинскому*—на 504 копы 40 гр. у княгини Ярославовой; пану *Станиславу Возницкому*—на 378 копъ 30 гр. (на 150 драбовъ) у пана Комаевскаго; пану *Яну Дытолоту Влоху*—на 504 копы 40 гр. у бирчихъ повѣта Ошменскаго. Всѣ эти ассигновки были выданы 1 декабря. 13 декабря *староста Жмудскій* получилъ ассигновки на полученіе: 2000 копъ у бирчихъ Жмудской земли, 1500 копъ—у бирчихъ Слонимскаго повѣта, 3000 копъ—у бирчихъ Вилкомирскаго повѣта, 700 копъ—у бирчихъ Ковенскаго повѣта, 1700 копъ—у бирчихъ Упитскаго повѣта, 2000 копъ—у бирчихъ Берестейскаго повѣта, 1600 копъ—у самого себя съ своихъ имѣній, 600 копъ—у кн. Вишневецкаго. 10 января 1568 года *кн. Константинъ Острожскій* получилъ право уплатить жалованье своей ротѣ изъ податка, приходящагося съ его собственныхъ имѣній (Публичныхъ дѣлъ IX, л. 20, 21); 12 апрѣля выдана была ассигновка ротмистру *Григорію Войнѣ* на полученіе у поборцевъ Бѣльскаго повѣта 500 копъ и у поборцевъ Берестейскаго повѣта—250 копъ (тамъ же, л. 73, 74). Эти ассигновки позже переписывались на другихъ лицъ, когда выяснялось, что съ тѣхъ лицъ, на которыхъ онѣ написаны, почему-нибудь нельзя получить деньги. Такимъ образомъ, напр., пану *Яну Еронимовичу Ходкевичу* выданы были 13 января 1568 года новыя ассигновки на полученіе 800 копъ у поборцевъ Городенскаго повѣта и 800 копъ у паньи Станиславовой Кишкиной (Публич. дѣлъ IX, л. 22—24); 14 января—пану *Боркулабу Корсаку* на 800 копъ у поборцевъ Волковыйскаго повѣта (тамъ же, л. 27); 4 февраля—*кн. Балтазару Андреевичу Лукомскому* на 400 копъ у бискупа Виленскаго (тамъ же, л. 31, 32); *Томашу Гульбицкому*—на 504 копы 40 гр. у бискупа Луцкаго и Берестейскаго Вербицкаго (тамъ же, л. 60).

[136]) Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 106—113. Ходкевичъ получилъ на расходы поголовщину со своихъ тивунствъ и державъ Жмудской земли, со всѣхъ своихъ имѣній за 1566 годъ, 3000 копъ отъ Януша Оленьскаго подъ залогъ волости Кгинтилишской Плотельской державы, «пожорновскіе пенязи», собиравшіеся въ раз-

долга 13100 копъ изъ серебщины, которая должна была поступить къ Рождеству Христову 1567 года. Но при всемъ томъ на казнѣ оставалось у Ходкевича болѣе 20 тысячъ копъ долга. Въ обезпеченіе уплаты этого долга король заставилъ (3 декабря) пану Яну Еронимовичу *волость Кгинтилишскую* въ Плотельской державѣ въ 10 тысячахъ копъ грошей[137]) и *волость Кгруштенскую* въ такой же суммѣ[138]); кромѣ того, въ погашеніе остальнаго долга велѣлъ (7 февраля 1568 г.)

мѣрѣ 10 гр. 4 пен. съ волоки въ нѣкоторыхъ тивунствахъ за 1565 и 1566 г., всего 56218 копъ 4 гроша и 3 пенязя. Израсходовалъ: на 1200 коней, которыхъ вывелъ по постановленію Трабскаго съѣзда, платя за полгода (отъ 11 ноября до 13 мая) по 10 копъ на коня,—12 тысячъ копъ; на 700 коней, которыхъ держалъ полгода, отъ 13 апрѣля до 16 ноября 1566 г., платя 400-мъ по 10 копъ, а 300-мъ по 8,—6400 копъ. Затѣмъ, когда уже былъ гетманомъ въ Лифляндской землѣ, израсходовалъ: на 766 коней, платя по 4 копы на коня за четверть года, 3064 копы; на 650 коней, платя по 5 копъ за четверть года, 3250 копъ; на 5 ротмистровъ и жолнеровъ старыхъ ливонскихъ 1780 человѣкъ, платя по 4 копы на коня,—7120 копъ; на 70 рейтаровъ нѣмецкихъ—350 копъ, а всего за первую четверть съ 11 ноября по 2 февраля—32724 копы. За вторую четверть года, кончившуюся 1 мая 1567 года, Ходкевичъ израсходовалъ: на 1416 коней, платя по 5 копъ, 7080 копъ; на 1440 коней старыхъ жолнеровъ, платя 4 копы на коня, 5760 копъ; на 60 рейтаровъ нѣмцевъ—300 копъ, а всего за вторую четверть 30140 копъ. За третью четверть, кончившуюся 24 іюля, Ходкевичъ израсходовалъ: на 1420 коней—7100 копъ, на 510 коней—2040 копъ, всего—9140 копъ. За четвертую четверть, начавшуюся 25 іюля, на 2000 коней, платя по 6 копъ на коня, 12000 копъ; на 20 стрѣльцовъ, платя по 3 копы, 60 копъ, а всего—12060 копъ. Сверхъ того Ходкевичъ израсходовалъ: на 100 кнехтовъ, платя ротмистру 20 золотыхъ польскихъ въ мѣсяцъ, пропорнику—12 золотыхъ, поручнику—12 золотыхъ, бубенницѣ—6 золотыхъ, вартовнику—12 золотыхъ, барверу—8 золотыхъ, а 94 кнехтамъ—4, въ теченіе полгода 1080 копъ; 180 стрѣльцамъ, платя за полгода по 6 копъ,—1080 копъ; на фурмановъ въ 1566 и 1567 г.—1183 копы 36 гр.; на пушкарей 59 копъ 28 гр., на потребности замка Перновскаго—6086 копъ 8 гр. 4 пенязя. Остальные расходы Ходкевичъ производилъ по квитамъ, которые выдавали на него король или скарбные урядники, для различныхъ «юркгельтниковъ» короля, на свою кухню (1600 копъ за два года), на постройку замка Блокгауза (499 копъ и 32 гроша), на «шпеговъ» (264 копы), по ассигновкамъ ротмистровъ, стоявшихъ въ Ливоніи (4779 копъ 12 гр.), на выѣзжихъ москвичей, на пушкарей (554 копы).

[137]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 174, 175; Записей L, л. 198—202, 217—219.

[138]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LII, л. 173, 174; Записей XLVIII, л. 218—220; L, л. 202—207, 217—219.

тивуну Коршовскому выдать пану Ходкевичу извѣстную сумму въ счетъ господарскихъ доходовъ съ тивунства [139]). Такъ распланированы были разсчеты по главнымъ и неотложнымъ платежамъ, предстоявшимъ въ концѣ 1567 и началѣ 1568 года.

Въ бытность въ Радошковичахъ, въ началѣ декабря, король съ панами-радою принялъ рѣшеніе конфисковать имѣнья у тѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которые не были на послѣдней войнѣ, на основаніи и во исполненіе «ухвалы» послѣдняго Городенскаго сейма и для этого разослать особыхъ «посланцевъ». Этимъ посланцамъ король и паны-рада поручили также отбирать имѣнья у тѣхъ, кто не заплатилъ въ срокъ серебщинъ, на время, пока недоимки не будутъ внесены въ двойной суммѣ [140]). Къ сожалѣнію мы не можемъ отмѣтить по актамъ результатовъ этой экзекуціи, ея дѣйствительныхъ размѣровъ.

Поляки попытались было воспользоваться военнымъ сборомъ землевладѣльцевъ великаго княжества для того, чтобы возобновить переговоры объ уніи. Въ мѣсто стоянки земскаго ополченья великаго княжества прибыли делегаты, избранные для этого дѣла на Петрковскомъ сеймѣ 1567 года, подканцлеръ кн. Петръ Мышковскій, каштелянъ Хельмскій панъ Лысаковскій и гетманъ Станиславъ Чарнковскій. Послы приняты были въ Молодечнѣ [141]). Отъ имени своей братьи, сенаторовъ и шляхты-рыцарства короны Польской они заявили литовцамъ, что пора имъ, наконецъ, приступить къ уніи, которая установлена уже стародавними записями, и не откладывать этого дѣла, ибо отъ проволочки происходитъ великое зло для обоихъ государствъ. Паны-рада отвѣчали, что они не прочь отъ того, чтобы привести въ исполненіе унію, но безъ всякаго ущерба для великаго княжества въ титулѣ, въ правахъ и доходахъ. Съ тѣмъ польскіе послы и уѣхали изъ литовскаго лагеря [142]). Нельзя сказать, однако, чтобы посольство это не имѣло никакого результата: станы, совѣщавшіеся въ то время въ Лебедевѣ, сдѣлали постановленіе о непремѣнномъ созывѣ общаго польско-литовскаго сейма въ будущемъ году [143]).

---

[139]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 32, 33.

[140]) Приложеніе № 66; Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 176—178.

[141]) По датамъ актовъ, 21 ноября 1567 г. Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 125—129; LI, л. 83; Судн. дѣлъ LIII, л. 143, 148.

[142]) *L. Górnickiego* Dzieje w Koronie Polskiej za Żygmunta I i Żygmunta Augusta, str. 195, 196 (Zbiór pisarzów polskich, tom IV).

[143]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 482; прилож. № 70.

Серебщиною, которая должна была поступить къ Рождеству 1567 года, литовское правительство предполагало расплатиться съ служебными за ихъ прошлую службу. Обстоятельства вынуждали содержать ихъ и впредь на границахъ. Когда король отпустилъ было со службы жолнеровъ, навербованныхъ въ Польшѣ, паны-рада просили его позадержать изъ нихъ хотя бы 1000 человѣкъ, указывая на крайнюю необходимость имѣть на границахъ для обороны государства побольше наемныхъ войскъ [144]). И самъ король очень хорошо понималъ это. Но для содержанія ихъ не имѣлось денегъ. Въ бытность свою въ Койдановѣ король долженъ былъ обращаться къ новымъ займамъ подъ залогъ господарскихъ имѣній на удовлетвореніе неотложныхъ текущихъ расходовъ. Такъ, 15 января онъ взялъ у своего дворянина Ивана Карпа 1500 копъ грошей и въ этой суммѣ «за ведомостью некоторыхъ пановъ радъ» заставилъ ему *Новый дворъ* подъ Остриною со всѣми доходами скарба, въ томъ числѣ и «поборами малыми», на пять лѣтъ съ правомъ держать еще годъ, если не послѣдуетъ въ срокъ выкупа, и т. д. [145]). Въ тотъ же самый день, имѣя нужду въ деньгахъ «на властные и пилные и великоважные потребы речи посполитое», «за ведомостью и порадою пановъ радъ», король взялъ для земскаго скарба у державцы Мойшакгольскаго пана Ѳедора Лецковича Есмана 1000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему на три года (съ 1 августа 1568 года) сто волокъ съ крестьянами, предоставивъ ему выбрать эти волоки, гдѣ онъ захочетъ, съ правомъ держать еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа и т. д. [146]). Поэтому изъ Койданова король два раза отправлялъ подканцлера пана Остафья Воловича къ панамъ-радѣ и станамъ, стоявшимъ лагеремъ въ Борисовѣ, съ предложеніемъ, чтобы они совѣщались и искали средствъ, при помощи которыхъ можно обезопасить границы. Но станы не захотѣли совѣщаться и постановлять что либо въ лагерѣ, на томъ основаніи, что это противно было бы статуту и ихъ правамъ и вольностямъ. Дѣло въ томъ, что они далеко уже не всѣ были въ сборѣ. Еще ранѣе роспуска всего великаго ополченья гетманъ сталъ отпускать нѣкоторые повѣты домой вслѣдствіе вздорожанья и недостатка живности. Такимъ образомъ, напр., гетманъ распустилъ «про недостатокъ и вбозство» шляхту Бѣльскаго повѣта,

---

[144]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 193—195.

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 171, 172.

[146]) Тамъ же, л. 174—176. Позже Есманъ, давъ королю еще 500 копъ, предпочелъ взять въ заставу свою державу, дворъ *Мойшакголу* (Записей LII, л. 45, 46).

взявъ съ нея обязательство уплатить за это по золотому польскому съ дыма сверхъ установленнаго податка [147]). Очень можетъ быть, что остававшіеся въ лагерѣ не хотѣли приступать къ совѣщаніямъ и потому, что боялись оказаться черезчуръ уступчивыми подъ гнетомъ лагерной нужды, томимые голодомъ и холодомъ, ибо король въ своихъ предложеніяхъ связалъ роспускъ земскаго ополченья съ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о средствахъ на содержаніе служебныхъ [148]). Поэтому они просили короля для «обмышлянья о потребахъ земскихъ» какъ можно скорѣе созвать обычный «великій вальный соймъ», обѣщаясь на этомъ сеймѣ ассигновать сумму, какая потребуется на содержаніе служебныхъ людей на пограничныхъ замкахъ [149]). Король исполнилъ эту просьбу и назначилъ сеймъ на 25 апрѣля въ Городнѣ, а повѣтовые сеймики для избранія пословъ на вальный сеймъ и для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію на этомъ сеймѣ, на 28 марта [150]).

Недостатокъ денегъ въ скарбѣ констатируется и послѣдующими займами, которые король дѣлалъ уже по отъѣздѣ изъ военнаго лагеря. Такъ, въ бытность въ Кнышинѣ въ февралѣ 1568 года король взялъ у подкоморія Дорогицкаго Станислава Хондзинскаго 12500 золотыхъ польскихъ, или 5000 копъ грошей литовскихъ, и въ этой суммѣ заставилъ ему мѣстечко *Клещелеги и пять селъ Бѣльскаго повѣта* (Дубичи, Чехи, Еленку, Сухую Волю, Обыходникъ) на годъ (съ 25 февр. 1568 г.) съ правомъ держать еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа и т. д. [151]). Въ мартѣ того же года, въ бытность въ Варшавѣ, король взялъ у маршалка пана Ивана Воловича 1000 копъ и въ этой суммѣ заставилъ ему *села Кобринской державы*—Остромичи, Буховичи и Закросницы на годъ (съ 29 іюня 1568 г.) съ правомъ держать еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа и т. д. [152]). Въ іюлѣ, находясь уже на Городенскомъ сеймѣ и не имѣя возможности расплатиться съ княземъ Александромъ Полубенскимъ, который потратилъ много своихъ денегъ на жалованье служившимъ подъ его начальствомъ жолнерамъ, король заставилъ ему въ 10000 копахъ войтов-

---

[147]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 41, 42.

[148]) Тамъ же, л. 197, 198.

[149]) Тамъ же, л. 186.

[150]) Приложеніе № 67.

[151]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 183—186; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 154—158; Публ. дѣлъ XI, л. 117, 118.

[152]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 183—185.

ства Лакговское, Федонское, Лекейковское и Кгордовское въ *Поюрской волости* въ Жмудской землѣ и особо войтовства Скороземское и Войнютское въ 2000 копъ грошей [153]).

§ 4.

Паны-рада духовные и свѣтскіе, княжата, панята, урядники земскіе и дворные, послы земскіе и всѣ станы, собравшіеся къ началу мая 1568 года на сеймъ въ Городнѣ [154]), исполнили свое обѣщаніе, данное въ военномъ лагерѣ подъ Борисовомъ, и ухвалили новый податокъ съ своихъ подданныхъ на содержаніе наемныхъ служебныхъ. Опредѣлено было дать съ каждой крестьянской осѣдлой волоки или службы, считая въ литовской службѣ три обыкновенныхъ дыма, по 48 грошей въ два пріема, съ лишнихъ дымовъ—по 16 грошей, съ большихъ дымовъ, двухъ или одного, которые находятся на полной службѣ,—по 48 грошей, съ дымовъ Поднѣпрскихъ, Кіевскихъ и Волынскихъ—по 24 гроша, съ огородниковъ—по 4 гроша; съ мѣщанъ владѣльческихъ, сидящихъ на волокахъ, по 48 грошей, съ мѣщанъ, владѣющихъ землею не болѣе, какъ на 10 бочекъ, или только огородами, по 4 гроша, съ мѣщанъ, владѣющихъ только домами, по 2 гроша отъ воротъ. Такой же податокъ положенъ былъ и на владѣльческихъ мѣщанъ и крестьянъ, еще не высидѣвшихъ своей воли, но уже убиравшихъ хлѣбъ съ своихъ земель. Бѣдные шляхтичи, не имѣвшіе крестьянскихъ службъ, а только огородниковъ или совсѣмъ не имѣвшіе подданныхъ и выставлявшіе на войну коня по очереди или въ складчину отъ нѣсколькихъ семей, обложены были копою грошей съ каждаго коня; шляхтичи Подляшскіе подобной категоріи—по 30 грошей съ каждой волоки, находящейся въ ихъ владѣніи и пользованіи. Равнымъ съ шляхтою податкомъ обложены были и духовные римскаго и греческаго закона со свѣтскихъ имѣній; находившіеся на сеймѣ бискупы обѣщали созвать синодъ и опредѣлить на немъ такой же податокъ и съ церковныхъ имѣній. Общее постановленіе по просьбѣ становъ распространено было и на Лифляндскую землю, которая уже присоединена была къ великому княжеству, считалась его «члонкомъ» и имѣла своихъ представителей на сеймѣ, сенаторовъ и пословъ. Военнослужилые татары обложены были новымъ податкомъ также на рав-

---

[153]) Тамъ же, л. 167—169; Публ. дѣлъ IX, л. 78—80.

[154]) По даннымъ актовъ Литовской Метрики сеймъ этотъ, начавшійся въ началѣ мая, былъ оффиціально распущенъ 12 іюля. Запис. LI, л. 123; Публичныхъ дѣлъ IX, л. 87, 121.

ныхъ основаніяхъ съ шляхтою, съ тою разницею, что при платежѣ съ коня должны были платить особо и отъ огородниковъ, если ихъ имѣли [155]). Король санкціонировалъ эту «ухвалу» становъ сейма и съ своей стороны положилъ такой же податокъ па нужды государства на своихъ подданныхъ, на мѣщанъ и на волостныхъ людей; на жидовъ положилъ поголовщину въ размѣрѣ 12 грошей съ каждой головы [156]).

Станы соизволили и обѣщали выдать половину опредѣленнаго податка черезъ шесть недѣль послѣ выдачи сеймоваго «рецесса», дабы какъ можно скорѣе были выправлены жолнеры на отпоръ и оборону противъ непріятеля, а другую половину—недѣлю спустя послѣ свят. Мартина (18 ноября). На сеймѣ избраны были для каждаго повѣта бирчіе, которые должны были отбирать въ назначенные сроки серебщину отъ княжескихъ, панскихъ и земянскихъ урядниковъ, слугъ и тивуновъ или непосредственно отъ самихъ владѣльцевъ, обязанныхъ приносить при этомъ присягу, въ томъ, что выбрали податокъ сполна, безъ утайки и потворства. Поборцы для сбора податка должны были пріѣхать за недѣлю до срока въ центральный пунктъ повѣта, гдѣ происходятъ сессіи земскаго суда, и вмѣстѣ съ податкомъ брать отъ владѣльцевъ для сдачи отчета реестры и квиты, а владѣльцамъ выдавать съ своей стороны квиты въ полученіи серебщины. За трудъ поборцамъ опредѣлено было собирать по грошу отъ каждаго квита и сверхъ того брать въ свою пользу по копѣ грошей изъ каждыхъ ста копъ собранной ими серебщины. Съ тѣхъ, кто не отдалъ серебщины въ срокъ безъ уважительныхъ причинъ (пожара, морового повѣтрія и градобитія), поборцы повѣтовые должны были взыскивать серебщину вдвойнѣ судебнымъ порядкомъ, взявъ позвы отъ мѣстнаго гродскаго суда, и въ случаѣ надобности отбирать у нихъ имѣнья и закладывать желающимъ въ суммѣ недоимки; если же желающихъ взять имѣнье въ заставу не найдется, тогда отдавать имѣнья въ заставу ротмистрамъ впредь до уплаты владѣльцами недоимки въ двойной суммѣ. На тотъ случай, когда недоимщики воспротивятся этому, уряду гродскому предписывалось поступать по статуту—собрать всю шляхту повѣта и отобрать имѣнье силою, а если окажется невозможнымъ сдѣлать это, то довести до свѣдѣнія господаря. Если поборъ не будетъ уплаченъ убогими шляхтичами или подданными церковныхъ имѣній, которыя не могутъ быть отобраны, постановлено было обращать взысканія на дви-

[155]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стран. 464—466.

[156]) Тамъ же, стр. 467; Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 179—181.

жимое имущество недоимщиковъ. За трудъ по взысканію недобора опредѣлено было вознагражденіе въ размѣрѣ трехъ грошей съ каждой копы, которые должны были уплачивать недоимщики, и которыми урядъ долженъ былъ дѣлиться пополамъ съ поборцами. Предусмотрѣнъ былъ и тотъ случай, когда поборцы не захотятъ принимать въ срокъ принесенной серебщины: принесшимъ въ такомъ случаѣ предоставлялось брать возныхъ отъ уряда и черезъ нихъ требовать пріема; если поборцы и при этомъ не примутъ серебщины, тогда штрафъ за невзносъ въ срокъ, т. е. «совитость», уже обязаны будутъ внести изъ собственныхъ средствъ. Съ подданныхъ господарскихъ имѣній серебщину должны были собрать такимъ же порядкомъ старосты, державцы или ихъ урядники и представить въ вышеуказанные сроки въ скарбъ, подъ страхомъ взысканія недоимокъ съ ихъ собственныхъ имѣній.

Свою «ухвалу» относительно сбора податка станы обставили извѣстными гарантіями. Податокъ опредѣленъ былъ ими взамѣнъ посполитаго рушенья, и господарь уже не долженъ былъ вызывать ихъ на войну въ текущемъ году, если только не произойдетъ непріятельскаго вторженія въ великое княжество: въ такомъ случаѣ всѣ обязаны были по извѣщенію гетмана спѣшить на войну въ сборный пунктъ не съ почтами надлежащими, а какъ кто можетъ. Станы оговорили, впрочемъ, что это обязательство они приняли на этотъ разъ изъ любви къ отечеству, и что оно не должно служить для нихъ и ихъ потомковъ прецедентомъ на будущее время. Затѣмъ станы поставили условіемъ, чтобы опредѣленная ими серебщина шла только на уплату жалованья жолнерамъ, которые будутъ навербованы послѣ сейма для обороны государства, за исключеніемъ тѣхъ ротъ, которыя находятся подъ начальствомъ украинныхъ воеводъ, старостъ и державцевъ (какъ было уже сказано выше, на содержаніе этихъ ротъ названные урядники получали или мѣстные господарскіе доходы, или «юргельты» изъ земскаго скарба). Расходованіе новой серебщины предоставлено было гетману наивысшему, на котораго возложена была обязанность вербовать жолнеровъ и имѣть ихъ подъ своею «справою и послушенствомъ». Поэтому и бирчимъ повѣтовымъ строжайше было запрещено расходовать собранныя ими суммы на какія-либо иныя назначенія и по какимъ либо инымъ ассигновкамъ, кромѣ «квитовъ» гетмана. Постановлено было не принимать отъ нихъ при сдачѣ отчета никакихъ иныхъ оправдательныхъ документовъ, кромѣ этихъ «квитовъ» и взыскивать съ нихъ всѣ суммы, израсходованныя по инымъ назначеніямъ. Отчетъ въ приходѣ и расходѣ серебщины поборцы повѣтовые обязывались сдать либо на сеймикахъ повѣтовыхъ, либо на сессіяхъ земскаго суда

передъ мѣстнымъ воеводою, каштеляномъ и бискупомъ (если онъ пожелаетъ при этомъ присутствовать), при чемъ должны были принести присягу въ томъ, что при сборѣ серебщины ничего не утаивали и никому не мирволили. Станы постановили, чтобы ротмистрамъ не выдавалось болѣе денегъ, какъ только на 100, 150 и maximum на 200 коней, и не свыше 4 копъ грошей, или 10 золотыхъ польскихъ, за четверть года на каждаго «пахолка збройного». Они выразили желаніе, чтобы гетманъ какъ можно бережливѣе расходовалъ земскій податокъ, снаряжая, гдѣ можно, служебныхъ людей «по козацку» или татаръ. Всѣ эти условія получили подтвержденье короля [157]).

Приведенное постановленіе обнаруживаетъ, что въ эпоху Ливонской войны усложнились обязанности и гетмана наивысшаго. Оставаясь попрежнему фельдмаршаломъ, гетманъ наивысшій сталъ превращаться въ военнаго министра, обязаннаго заботиться между прочимъ и о комплектованіи арміи. Эта эволюція гетманской должности констатируется и другими современными свидѣтельствами. Такъ, еще въ 1566 году на гетмана былъ возложенъ главный надзоръ надъ состояніемъ украинныхъ замковъ, для обозрѣнія которыхъ онъ долженъ былъ отряжать довѣренныхъ лицъ [158]). Въ томъ же году гетманъ выступаетъ въ роли главнаго вербовщика наемныхъ войскъ. Извѣщая его о состоявшейся отдачѣ замка Лепельскаго въ держаніе каштеляну Полоцкому Юрью Миколаевичу Зеновьевичу и о порученьѣ держать на этомъ замкѣ роту жолнеровъ изъ 200 коней, король писалъ гетману (26 августа): «Твоя бы милость о томъ ведалъ и на тотъ почотъ, на двесте коней роты его, на першую чверть году на кождого коня по три копы грошей заплату ему постановилъ; а по той чверти на иньшые дальшые часы потому бы твоя милость пану кашталяну Полоцкому на роту его платити велелъ, почому и иншымъ людемъ служебнымъ, которые служатъ при границахъ великого князьства Литовского отъ границъ Московскихъ *водлугъ постановенья твоей милости плачоно будетъ*» [159]). Въ заботахъ о пополненіи арміи гетманъ сталъ раздавать даже земли на военную службу до воли и ласки господарской въ тѣхъ областяхъ, гдѣ въ данное время пользовался наивысшею властью по военному положенію. Такъ, панъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ далъ мѣщанину Витебскому Ѳедку Гришинину двѣ службы псарцовъ въ селѣ Черницѣ

---

[157]) Документы Московскаго Архива Министерство Юстиціи, томъ I, стран. 468—472.

[158]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, л. 9, 10.

[159]) Тамъ же, л. 60.

Полоцкаго повѣта за его службы въ войскѣ и приказалъ справцѣ Витебскаго воеводства Станиславу Пацу ввести его во владѣніе означенными людьми. По челобитью Ѳедка король утвердилъ это распоряженіе гетмана (25 окт. 1566 года) [160]). Тотъ же самый гетманъ, видя земянина Полоцкаго Ивана Шолуху «потребного и годного» къ военной службѣ, далъ ему до воли и ласки господарской пять служебъ земли въ селѣ Нездичахъ, принадлежавшихъ прежде Полоцкому женскому монастырю, въ 4-хъ миляхъ отъ Лепля, и усадебную землю въ замкѣ Лепельскомъ. По челобитью Шолухи король утвердилъ это распоряженіе гетмана (18 февр. 1567 г.). Самъ король сталъ по временамъ обращаться къ гетману съ приказомъ «осмотрѣть» имѣньемъ того или другого человѣка, выслужившагося или годнаго къ военной службѣ. Такъ, желая вознаградить земянина Полоцкаго Богдана Васильевича Телицу, который ходилъ неоднократно въ непріятельскую землю и приводилъ оттуда знатныхъ плѣнниковъ или приносилъ важныя извѣстія, мужественно отбивался отъ непріятеля на островѣ Лепельскаго озера, король приказалъ воеводѣ Виленскому Миколаю Юрьевичу Радивилу, «яко гетману наивышшому великого князьства Литовского на онъ часъ будучому», «осмотрѣть» его имѣньемъ (въ 1566 г.). Во исполненіе этого приказа Радивилъ далъ Телицѣ въ воеводствѣ своемъ Виленскомъ село Ейнудовцы двора Рудоминскаго и въ староствѣ своемъ Мозырскомъ село Грабово, а король впослѣдствіи (11 дек. 1568 г.) утвердилъ эти имѣнья за Телицою [161]). Такой прогрессъ въ развитіи гетманской должности былъ естественнымъ послѣдствіемъ усложненія дѣла военнаго управленія въ связи съ затянувшеюся войною. Война, сдѣлавшаяся хроническимъ явленіемъ, потребовала постояннаго войска и интенсивной оборонительной дѣятельности, а эти обстоятельства въ свою очередь вызвали и соотвѣтствующее развитіе военной администраціи. Можно сказать поэтому, что въ эпоху ливонской войны гетманъ наивысшій сталъ мало-по-малу превращаться въ военнаго министра, завѣдывающаго текущею обороною государства.

Ухваливъ серебщину въ большемъ, чѣмъ когда либо, размѣрѣ, станы не преминули потребовать себѣ отъ правительства разныхъ облегченій и льготъ по другимъ статьямъ. По ихъ просьбѣ и дозволенью господарь долженъ былъ отмѣнить состоявшіяся на прежнихъ сеймахъ постановленія о конфискаціи имѣній за неявку на войну и

---

[160]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 40; Судныхъ дѣлъ LII, л. 1, 2.

[161]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 251—253.

опредѣлить, чтобы землевладѣльцы, не являвшіеся въ прошлые годы на войну, заплатили по 8 копъ грошей съ коня, не имѣющіе крестьянъ, но выставляющіе на войну коня, по 5 копъ, а убогіе «дымники»—по копѣ съ дыма. Король указалъ, чтобы эти деньги были внесены бирчимъ головнымъ, избраннымъ на прошломъ Городенскомъ сеймѣ, и пошли на расплату съ жолнерами за прошлую службу. Относительно будущаго времени король долженъ былъ гарантировать станамъ, что за неявку на войну имѣнья будутъ конфисковаться только по слѣдствію и суду, а не административнымъ порядкомъ. Станы ходатайствовали также, чтобы господарь не взыскивалъ съ убогой Подляшской шляхты золотого, обѣщаннаго ею въ прошлый походъ, за отпускъ, изъ лагеря, и король уважилъ это ходатайство. Но относительно неотдавшихъ податки, ухваленные на прошлыхъ сеймахъ, состоялось постановленіе иного рода. По ходатайству становъ назначены были особые депутаты для приведенія въ извѣстность всѣхъ приходовъ и расходовъ этихъ податковъ, и постановлено взыскать ихъ неукоснительно съ тѣхъ, кто не отдалъ. Станы просили было, чтобы съ 1 ноября прекращено было взиманіе «великихъ и малыхъ поборовъ», установленныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1561 года и Берестейскомъ 1566 года. Свою просьбу станы мотивировали приближающимся заключеніемъ уніи съ Польшею, тѣмъ, что они желаютъ приступить къ этой уніи «без такихъ и всякихъ беремянъ и тежаровъ, але яко люди вольные з вольными людьми». Но затѣмъ, принимая во вниманіе великіе «кошты, утраты и наклады» господаря на войну и дальнѣйшіе расходы земскаго скарба, согласились продолжить еще на годъ взиманіе великихъ и малыхъ поборовъ, до 1 ноября 1569 года. Господарь съ своей стороны выдалъ имъ письменную гарантію въ томъ, что поборы не будутъ взиматься далѣе положеннаго срока и не будутъ признаны за нѣкотораго рода «повинность, пошлину и обычай звыклый».

Станы предъявили господарю и еще цѣлый рядъ ходатайствъ. На первомъ планѣ можно поставить здѣсь просьбу объ исправленіи и окончательномъ потвержденіи привилея, выданнаго на Виленскомъ сеймѣ 1563 года. Этотъ привилей, какъ извѣстно, гарантировалъ равенство правъ пановъ и бояръ-шляхты разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и, согласно обѣщанію господаря, имѣлъ быть подтвержденнымъ на первомъ общемъ польско-литовскомъ сеймѣ, такъ какъ и Городельскій привилей, который онъ дополнялъ и исправлялъ, выданъ былъ на подобномъ же сеймѣ. Станы нашли въ этомъ привилеѣ важное упущеніе: въ немъ совсѣмъ не упоминалось о князьяхъ; между тѣмъ князья фактически давнымъ давно смѣшались съ панами и шляхтою, «сплодив-

шися въ посродъ всихъ и мешкаючи зъ ними споломъ», давнымъ давно несли одинаковыя съ ними повинности и пользовались одинаковыми правами. Поэтому станы ходатайствовали о распространеніи привилея 1563 года и на князей и просили господаря не переносить окончательное подтвержденье его на общій польско-литовскій сеймъ, а подтвердить его на настоящемъ Городенскомъ сеймѣ. Свою просьбу объ этомъ станы сопровождали указаніемъ, что всѣ постановленія, издававшіяся на великихъ вальныхъ сеймахъ, собиравшихся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, всегда имѣли полную силу и приводились въ исполненіе. Станы, очевидно, усмотрѣли въ переносѣ подтвержденія привилея на «спольный» сеймъ нарушеніе государственнаго достоинства великаго княжества и потому захотѣли устранить этотъ переносъ. Король нашелъ представленные ими резоны справедливыми и 1 іюля выдалъ привилей, окончательно санкціонировавшій привилей 1563 г. и распространявшій его на князей, съ общимъ подтвержденьемъ и всѣхъ другихъ привилеевъ и съ дозволеньемъ внести ихъ въ печатный статутъ [162]).

Національною ревностью подсказано было и еще нѣсколько просьбъ, поданныхъ станами на Городенскомъ сеймѣ 1568 г. Станы просили, чтобы староства, державы и имѣнья въ землѣ Лифляндской раздавались только «родичамъ» великаго княжества, чтобы вакантные уряды въ великомъ княжествѣ розданы были также «родичамъ» этого государства, чтобы господарь не заставлялъ своихъ имѣній иностранцамъ «заграничникамъ» и вернулъ какимъ-нибудь способомъ имѣнья, заложенныя Прусскому герцогу, и наконецъ, чтобы исправлены были границы великаго княжества со стороны Польши, Моравіи, Пруссіи и Ливоніи. Король отвѣчалъ: Лифляндская земля присоединена къ великому княжеству на извѣстныхъ правахъ, и онъ, король, обязанъ соблюдать эти права; вакантные уряды въ великомъ княжествѣ раздастъ родичамъ великаго княжества, кому будетъ его воля; если станы не хотятъ, чтобы онъ отдавалъ свои имѣнья въ заставу иностранцамъ, пусть даютъ ему взаймы деньги, когда будетъ нужно, и пусть выкупятъ имѣнья у тѣхъ, кому они заставлены; герцогъ Прусскій уже не держитъ въ заставѣ имѣній великаго княжества; границы по нѣкоторымъ причинамъ теперь не время исправлять.

Приведенныя просьбы подавались, какъ мы видѣли, неоднократно и на прежнихъ сеймахъ. Станы на Городенскомъ сеймѣ 1568 года повторили и нѣкоторыя другія изъ прежнихъ просьбъ либо потому, что

---

[162]) Акты Южн. и Зап. Рос. II, № 146.

онѣ оставались безъ исполненія, либо потому, что сама жизнь постоянно наталкивала на эти просьбы. Такъ, станы возбудили ходатайство о томъ, чтобы старостѣ Луцкому отведено было мѣсто въ господарской радѣ; чтобы согласно съ рецессомъ прошлаго сейма помѣрены были земли убогой шляхты на волоки для равномѣрнаго обложенія военною повинностью въ размѣрѣ одного коня съ десяти волокъ, чтобы окончена была предпринятая съ этою же цѣлью общая ревизія земскихъ имѣній, чтобы жиды не допускались до урядовъ и сбора поборовъ, чтобы господарь по всѣмъ мѣстамъ установилъ таксу на товары и постоянныя хлѣбныя мѣры черезъ своихъ дворянъ, отряженныхъ съ этою цѣлью. Повтореніе этихъ просьбъ, очевидно, вызвано было тѣмъ, что онѣ оставались безъ удовлетворенія. Король соизволилъ на помѣру земель убогой шляхты и предоставилъ станамъ избрать для этого на сеймикахъ особыхъ лицъ, изъявилъ желаніе, чтобы кончена была ревизія земскихъ имѣній, обѣщалъ не допускать жидовъ до «земскихъ потребъ и справъ», установить по мѣстамъ такую же хлѣбную мѣру, которая введена уже въ Вильнѣ, а таксу на издѣлія ремесленниковъ приказать установить воеводамъ и старостамъ сообща съ мѣщанскими властями. Рѣшеніе вопроса объ отводѣ мѣста старостѣ Луцкому король отложилъ до другого раза, обѣщаясь навести предварительно нужныя справки о томъ, какъ обстояло это дѣло въ старину.—Нижеслѣдующія просьбы повторены были, очевидно, уже потому, что сама жизнь вновь возбуждала ихъ. Станы съ особою настоятельностью просили, чтобы господарь и гетманъ выбирали въ ротмистры людей владѣющихъ имѣньями въ повѣтахъ, дабы легче было искать на нихъ убытковъ, подѣланныхъ товарищами ихъ ротъ. Станы предлагали, чтобы убытки на ротмистрахъ, не давшихъ суда и управы на своихъ товарищей, можно было искать передъ гетманомъ, если рота состоитъ еще на службѣ, а если распущена, то передъ судомъ того повѣта, гдѣ ротмистры имѣютъ осѣдлость. Король принялъ это предложеніе, но категорически отвергъ всякія ограниченія при выборѣ ротмистровъ въ интересахъ военнаго дѣла («што речь не есть слушная и военнымъ справамъ для многихъ причинъ не только не потребна, але и овшемъ противная»). Станы представили также ходатайство объ удовлетвореніи за убытки, подѣланные польскими жолнерами, и о прекращеніи расквартированія ихъ по шляхетскимъ имѣньямъ. Король обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для исполненія этого желанія становъ. Кромѣ того, по желанію становъ сейма, король установилъ, чтобы впредь всѣ, именующіе себя жолнерами, отъ которыхъ кому-либо станется обида, или которые безъ гетманскихъ листовъ будутъ становиться

на постой и брать у жителей живность по уставной цѣнѣ, привлекались на судъ къ гетману и сверхъ возмѣщенія убытковъ вдвойнѣ наказывались имъ по усмотрѣнію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до гетмана будетъ слишкомъ далеко, обидчики должны привлекаться къ ближайшему гродскому суду и, сверхъ возмѣщенія убытковъ вдвойнѣ, наказываться двухнедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а за битье и раны—по статуту; къ ближайшему же гродскому суду должны привлекаться и всѣ жолнеры, распущенные изъ войска и на дорогѣ подѣлавшіе жителямъ обиды и убытки.—Станы повторили и свои прежнія просьбы о томъ, чтобы сплавныя рѣки не перегораживались мельничными плотинами и ѣзами, чтобы господарь отрядилъ посланцевъ для уничтоженія преградъ, гдѣ они подѣланы, чтобы владѣльцы не выдумывали никакихъ новыхъ мытъ на этихъ рѣкахъ; чтобы не собирались мыто и поборъ съ хлѣба, провозимаго на продажу изъ шляхетскихъ гуменъ, и чтобы мытниковъ и поборцевъ за нарушеніе этого правила можно было привлекать къ ближайшему гродскому суду; чтобы шляхтѣ вольно было брать изъ господарскихъ пущъ дрова и дерево на постройки безъ особыхъ поклоновъ лѣсничимъ, чтобы урядники и лѣсничіе не запрещали шляхтѣ пользоваться своими стародавними «входами» въ господарскихъ пущахъ—озерами, сѣножатями и «приробками» (пашнями, расчищенными изъ-подъ лѣса); чтобы изъ мѣстъ и слободъ («воль») господарскихъ, княжескихъ и панскихъ выдавали ихъ бѣглыхъ отчинныхъ людей и челядь невольную. Король въ отвѣтъ сослался на свои прежнія постановленія и сеймовыя ухвалы касательно всего этого.

Нижеслѣдующія ходатайства представлены были уже впервые на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, а именно:

Станы просили господаря, чтобы доходъ отъ битья монеты шелъ на оборону государства, и чтобы дѣло это было поручено въ завѣдыванье и надзоръ подскарбія земскаго. Просьба эта, по всѣмъ даннымъ, вызвана была отдачею «мынцы» въ аренду нѣкоему Валентію Иберфельду и Изаку Бродавкѣ [163]). Король отвѣчалъ, что доходы отъ битья монеты на ряду съ другими пожитками всегда шли въ скарбъ земскій и расходовались на снабженіе украинныхъ замковъ драбами и всѣмъ необходимымъ, и потому онъ оставляетъ это по старому; но надзоръ за битьемъ монеты, наемъ мастеровъ и выдачу имъ жалованья будутъ поручены подскарбію земскому, дабы монета выходила къ пользѣ, а не ко вреду государства [164]).

---

[163]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 436, 237.

[164]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 474.

Настоящее обѣщаніе короля не было новостью. Подскарбій земскій поставленъ былъ во главѣ монетнаго дѣла уже при самомъ вступленіи на эту должность пана Миколая Павловича Нарушевича, секретаря и писаря господарскаго, 11 марта 1566 года. При пожалованьѣ Нарушевича «подскарбствомъ» земскимъ король выдалъ ему привилей, въ которомъ подробно и обстоятельно исчислены его должностныя права и обязанности. Этотъ привилей является наилучшимъ показателемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлала должность земскаго подскарбія въ своемъ развитіи въ эпоху Ливонской войны и наглядно подтверждаетъ соображенія, высказанныя нами ранѣе (на стр. 631), что война, потребовавъ многаго отъ подскарбія, должна была и дать ему многое. На подскарбія земскаго возложена была обязанность принимать отъ мѣстныхъ агентовъ платы и пожитки съ господарскихъ замковъ и дворовъ, мѣстъ и волостей, равно и со всѣхъ мытныхъ коморъ на основаніи особыхъ реестровъ вмѣстѣ съ приходо-расходными отчетами. Вмѣстѣ съ тѣмъ подскарбію дано было право налагать секвестръ на имѣнья тѣхъ старостъ, державцевъ, тивуновъ, городничихъ и другихъ мѣстныхъ урядниковъ, которые растратятъ господарскіе доходы или не внесутъ ихъ въ срокъ, и держать эти имѣнья на господаря впредь до уплаты недоимки. Подскарбію поручалось всѣми способами стараться о расширеніи и пріумноженіи господарскихъ пожитковъ, заводить, напр., лѣсныя работы въ господарскихъ пущахъ на средства скарба, развивать торговлю продуктами господарскихъ имѣній,устанавливать по докладу господарю денежные и натуральные поборы съ населенія господарскихъ имѣній и т. д. Для исполненія этой задачи ему предоставлялось объѣзжать господарскія имѣнья и осматривать ведущееся въ нихъ хозяйство, судить мѣстныхъ урядниковъ по жалобамъ на нихъ господарскихъ подданныхъ; а урядникамъ мѣстнымъ—старостамъ, ихъ намѣстникамъ, тивунамъ, справцамъ пожитковъ и дворовъ господарскихъ и ревизорамъ вмѣнено было въ обязанность давать подскарбію обо всемъ вѣдомость и отчетъ, слушаться его и подчиняться его суду, а присужденное имъ платить безпрекословно; въ случаѣ недосуга подскарбію предоставлено было право посылать вмѣсто себя довѣренное лицо. Опредѣлено было затѣмъ, что льготы и уменьшенія въ податяхъ и пошлинахъ будутъ производиться впредь только по усмотрѣнію подскарбія земскаго и никакіе, льготные листы не будутъ выдаваться изъ канцеляріи безъ его вѣдома; съ другой стороны запрещено было всѣмъ мѣстнымъ агентамъ—старостамъ, державцамъ, тивунамъ Жмудскимъ и всякимъ купцамъ заводить въ господарскихъ пущахъ выработку лѣсныхъ товаровъ безъ вѣдома и разрѣшенія подскарбія, которому дава-

лось право конфисковать всѣ товары, выработанные безъ его разрѣшенія. Подскарбій получилъ право выбирать и устанавливать мытниковъ, и самъ господарь обязался никому не раздавать мытъ въ аренду или къ вѣрной рукѣ, кромѣ лицъ, избранныхъ подскарбіемъ. Подскарбію же дано было исключительное право судить мытниковъ по должностнымъ злоупотребленіямъ и неисправныхъ отставлять и замѣнять другими лицами. Мытникамъ вмѣнено было въ обязанность не выдавать никому денегъ по «квитамъ» господаря и пановъ-рады, безъ листовъ подскарбія земскаго за его подписью, и подскарбій получилъ право не принимать въ отчетъ выданныхъ безъ его разрѣшенія суммъ. Подскарбій земскій получилъ въ свое завѣдыванье и «мынцу» великаго княжества вмѣстѣ со всѣми «справцами» и слугами монетной мастерской, и господарь обязался никому не поручать этого дѣла помимо подскарбія земскаго. Въ помощь подскарбію земскому придавались скарбный и нѣсколько писарей скарбныхъ, которые обязывались слушаться во всемъ своего начальника, ничего не дѣлать въ скарбѣ безъ его вѣдома и разрѣшенія, не выдавать и не принимать денегъ и отчетовъ, не выдавать квитанцій и т. под.; эти урядники могли получать отставку и замѣняться другими лицами только по представленію подскарбія земскаго. Подскарбій земскій въ должностномъ отношеніи подчиненъ былъ только господарю. Только по письменному или устному приказу господаря онъ могъ производить выдачи изъ земскаго скарба, не слушаясь въ данномъ отношеніи ничьихъ еще приказаній,—въ земскихъ же дѣлахъ, касающихся ремонта украинныхъ замковъ и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, «отправы» служебныхъ на этихъ замкахъ, гонцовъ и пословъ татарскихъ и иныхъ онъ обязывался *руководствоваться совѣтомъ* пановъ-рады (но не приказаніями). Господарь съ своей стороны обязался принимать отчетъ въ расходахъ не только по «квитамъ», полученнымъ подскарбіемъ отъ разныхъ лицъ, которымъ скарбъ производилъ выдачи, но и по записямъ его, или «реестрамъ» скарбнымъ, вѣрить этимъ «реестрамъ» предпочтительно передъ заявленіями всѣхъ, имѣвшихъ дѣла со скарбомъ, и по смерти подскарбія не производить никакихъ взысканій съ его жены и дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ господарь обязался не вѣрить никакимъ заочнымъ доносамъ на подскарбія, но судить явнымъ судомъ со всякимъ, кто будетъ на него жаловаться или порочить его дѣятельность, сохранять его въ своей «ласцѣ» и ни въ чемъ не понижать сравнительно съ его предшественниками, между прочимъ предоставилъ ему имѣть и мѣсто въ лавицѣ своей рады. Въ качествѣ подскарбія Нарушевичъ долженъ былъ получать изъ завѣдуемаго имъ скарба ежегодное жалованье въ

размѣрѣ 300 копъ грошей [165]). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ съ полною ясностью обнаруживается, что подскарбій земскій изъ казначея при главной государственной кассѣ превратился въ довѣреннаго и самостоятельнаго начальника всего вѣдомства финансовъ и государственныхъ имуществъ съ иниціативою и широкими административными полномочіями въ предѣлахъ этого вѣдомства. Судя по частнымъ указаніямъ различныхъ актовъ, привилей 11 марта 1566 г. лишь суммировалъ и подтверждалъ все то, чѣмъ подскарбій уже фактически пользовался къ тому времени [166]). По актамъ, выданнымъ послѣ этого привилея, видно, что подскарбій дѣйствительно пользовался почти всѣми предоставленными ему правами и полномочіями [167]).—Возвратимся теперь къ просьбамъ становъ Городенскаго сейма 1568 г.

Кромѣ доходовъ съ «мынцы», станы просили господаря обратить на оборону земскую, именно на артиллерію и наемную пѣхоту, тѣ податки, которые онъ наложитъ на свои привиллегированныя и на другія мѣста. Король отвѣчалъ, что артиллерію онъ пошлетъ къ наемной конницѣ; но пѣшихъ драбовъ не было въ обычаѣ отправлять на средства скарба, и теперь онъ не можетъ сдѣлать этого «для великихъ налогъ» на скарбъ.—Станы просили далѣе о вознагражденіи всѣхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые въ прошлый походъ выѣзжали на войну съ увеличенными, сверхъ повинности «почтами». Король обѣщалъ памятовать объ нихъ и своевременно дать имъ милостивую «нагораду».—Станы просили также о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ мобилизаціи и въ наказаніяхъ за опозданіе на войну [168]) и объ отмѣнѣ «квитовъ» (отпускныхъ листовъ) при роспускѣ войска. Король отослалъ просителей къ статуту, а относительно квитовъ замѣтилъ, что какъ прежде никто не обязанъ былъ ихъ брать, такъ и впредь должно быть то же самое.—Наконецъ, въ цѣляхъ облегченія военной повинности станы ходатайствовали объ отмѣнѣ взиманія поборовъ съ «люнскихъ» и другихъ дешевыхъ суконъ, привозимыхъ изъ-за границы и шедшихъ на обмундировку земскихъ ратниковъ. Король заявилъ, что это желаніе становъ уже удовлетворено.

---

165) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 2—5.

166) Литов. Метр. кн. Запис. XLI, л. 289—291; XLV, л. 51, 52; XXXVIII, л. 540, 541.

167) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 23, 25; XLVII, л. 52; Судныхъ дѣлъ LIII, л. 25 и др.

168) О содержаніи просьбы по изложенію ея въ отвѣтахъ господаря нельзя составить понятія. См. Документы Москов. Архива Мин. Юст., т. I, стр. 478.

Цѣлый рядъ просьбъ, поданныхъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 г., касался введенія въ дѣйствіе и исправленія новаго статута. Станы просили, чтобы согласно съ новымъ статутомъ заложены были въ полномъ составѣ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ гродскіе суды, и чтобы старосты и державцы тѣхъ повѣтовъ, гдѣ не будутъ заложены гродскіе суды, не привлекали болѣе къ своему суду шляхту. Король изъявилъ на то свое согласіе, оговоривъ только, что въ спадковыхъ господарскихъ имѣньяхъ шляхта попрежнему должна судиться мѣстными старостами и державцами, какъ и передъ тѣмъ бывало.—Станы жаловались далѣе на то, что гродскіе судьи не дозволяютъ вознымъ ѣздить на осмотръ хотя бы ничтожныхъ вещей безъ своихъ письменныхъ разрѣшеній. Король отвѣчалъ, что въ статутѣ достаточно описано, въ какихъ случаяхъ возные могутъ по требованію тяжущихся ѣздить безъ особаго разрѣшенія уряда и въ какихъ случаяхъ должны ѣхать «з ведомостью и посланьемъ врадовымъ».—Станы просили господаря гарантировать, что тѣ изъ нихъ, которые по случаю постоянной войны не успѣли перенести своихъ записей изъ гродскихъ книгъ въ земскія въ теченіе года, не потеряли своихъ правъ, и что внесенныя ими записи—«купли, даровизны» и другія сохраняютъ свою силу, въ виду того, что книги земскихъ судовъ открываются только во время ихъ сессій, а сессій по случаю войны не было. Король нашелъ справедливымъ гарантировать это не только въ настоящемъ случаѣ, но и на будущее время.—Станы ходатайствовали далѣе о томъ, чтобы листы сеймовые разсылались заблаговременно, и чтобы всѣ, неявившіеся на сеймики, наказывались штрафомъ въ размѣрѣ 30 грошей. Такъ вожди молодой шляхетской демократіи думали бороться съ внутреннею опасностью, ей угрожавшею,—равнодушіемъ шляхетской массы. Но король не поддержалъ ихъ въ этомъ стремленіи: подтвердивъ прежнее постановленіе относительно разсылки сеймовыхъ листовъ, король не согласился на штрафъ за неявку на сеймики и только подтвердилъ, что неявившіеся не могутъ протестовать противъ того, что будетъ рѣшено безъ нихъ.—Станы ходатайстоовали, чтобы въ мѣстахъ сбора вальнаго сейма земскимъ посламъ отводились квартиры по близости, для того, чтобы имъ удобнѣе было ходить другъ къ другу на совѣщанія. Король обѣщалъ отдать соотвѣтствующее распоряженіе маршалку земскому.—Станы просили, чтобы состоявшіяся на сеймѣ «ухвалы» исполнялись, и въ частности, чтобы исполнена была ухвала прошлаго Городенскаго сейма касательно сеймовой пропозиціи. Король отвѣчалъ, что эта ухвала уже приведена въ исполненіе и будетъ соблюдаться и на будущее время.—Не довольствуясь опредѣленными требованіями, станы просили объ общемъ пе-

ресмотрѣ и исправленіи новоизданнаго статута, ходатайствуя, чтобы эта работа была кончена на этомъ же сеймѣ. Король согласился на это и назначилъ особую коммиссію изъ нѣкоторыхъ пановъ радныхъ [169]) и особъ изъ «кола» рыцарскаго, предоставивъ остальной шляхтѣ передавать имъ всякія ухвалы и постановленія, состоявшіяся на повѣтовыхъ сеймикахъ по поводу желательнаго исправленія статута. Назначенныя въ коммиссію лица должны были съѣхаться въ Вильну черезъ четыре недѣли и, исправивъ статутъ, представить его на съѣздъ литовскихъ становъ, назначенный передъ «спольнымъ» сеймомъ польско-литовскимъ. На этомъ съѣздѣ статутъ долженъ былъ получить окончательное утвержденіе.—Заботясь о скорѣйшемъ введеніи въ дѣйствіе новаго исправленнаго статута, станы просили поскорѣе покончить всѣ судебныя дѣла, начатыя еще при старомъ статутѣ и долженствовавшія разбираться и рѣшаться на основаніи стараго же статута и съ этою цѣлью, если дѣла эти не будутъ окончены на сеймѣ, приказать панамъ-радѣ съѣхаться въ Вильну и порѣшить всѣ оставшіяся дѣла. Король отвѣчалъ, что въ данномъ случаѣ онъ будетъ руководствоваться Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года, т. е. отклонилъ ходатайство становъ.

Сверхъ перечисленныхъ ходатайствъ станы на Городенскомъ сеймѣ хлопотали о томъ, чтобы учрежденъ былъ коллегіумъ въ Вильнѣ или Ковнѣ, чтобы шляхтѣ дозволено было осаживать мѣста по своимъ имѣньямъ и учреждать корчмы на торговыхъ дорогахъ («гостинцахъ») безъ особаго разрѣшенія господаря, чтобы татарамъ и жидамъ запрещено было держать христіанъ въ рабствѣ и имѣть христіанскихъ мамокъ при своихъ дѣтяхъ, чтобы жидамъ предписано было ходить въ желтыхъ «беретахъ», а женамъ ихъ въ желтыхъ «завыянахъ» и запрещено носить дорогія одежды и драгоцѣнныя украшенія, чтобы господарь не выдавалъ «кглейтовныхъ» листовъ баннитамъ Гостомскимъ, и наконецъ, чтобы по случаю сейма ближайшая сессія земскихъ судовъ, Троицкая, была отсрочена и назначена черезъ шесть недѣль послѣ роспуска сейма. Большую часть этихъ просьбъ король отклонилъ подъ разными предлогами и согласился только на запрещеніе жидамъ держать въ рабствѣ и въ домашнемъ услуженьѣ христіанъ и на отсрочку сессіи земскихъ судовъ согласно желанію становъ сейма.

---

[169]) Въ эту коммиссію были назначены: бискупъ Виленскій Валерьянъ, воевода Берестейскій, державца Волковыйскій, панъ Юрій Васильевичъ Тишкевича; каштелянъ Жмудскій панъ Мальхеръ Шеметъ; каштелянъ Берестейскій, конюшій Городенскій, державца Трабскій панъ Янъ Миколаевичъ Гайко.

Послѣдняя просьба становъ Городенскаго сейма состояла въ томъ, чтобы король, согласно прошлогоднему постановленью сдѣланному, въ Лебедевѣ, назначилъ въ текущемъ 1568-мъ году повѣтовые сеймики, а затѣмъ съѣздъ всѣхъ становъ при границахъ передъ отправленьемъ на «спольный» съ поляками сеймъ «для становенья уніи» великаго княжества съ короною. Видно, что большинству литовскихъ землевладѣльцевъ, и особенно среднихъ и мелкихъ, стало уже не подъ силу сносить послѣдствія политическаго одиночества великаго княжества въ борьбѣ съ могущественнымъ и упорнымъ непріятелемъ, и оно жаждало уніи съ Польшею, какъ единственнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія, единственнаго средства къ облегченію несносныхъ «беремень» войны. Король обѣщалъ исполнить настоящую просьбу становъ и своевременно разослать сеймовые листы.

Всѣ вышеприведенныя просьбы поданы были въ общихъ спискахъ отъ лица княжатъ, панятъ, урядниковъ дворныхъ и земскихъ, пословъ земскихъ и всѣхъ становъ, «сойму належачихъ». Сверхъ того, земскіе послы предъявили особыя ходатайства отъ разныхъ повѣтовъ. При всемъ разнообразіи этихъ ходатайствъ между ними можно замѣтить и совпаденія. Видно, что мѣстныя нужды и потребности были у нѣкоторыхъ повѣтовъ одинаковыя или близкія.

Шляхта Виленскаго воеводства ходатайствовала, чтобы «для большей оздобы и учтивости» Виленскаго воеводства, центральнаго въ государствѣ, и для лучшаго и болѣе удобнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ и избранія пословъ на великіе вальные сеймы впредь было дозволено ей собираться на одинъ сеймикъ въ Вильнѣ, а не въ каждомъ судовомъ повѣтѣ порознь. Подобная же просьба подана была и представителями Волынской земли. Очевидно, что новое дѣленіе на судовые повѣты и учрежденіе для каждаго изъ нихъ особаго сеймика разрывало въ нѣкоторыхъ областяхъ естественныя политическія группы шляхты, образовавшіяся на почвѣ переплетшагося землевладѣнія. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ одни и тѣ же землевладѣльцы имѣли имѣнья большею частью заразъ въ нѣсколькихъ повѣтахъ, шляхтѣ неудобно было разбиваться по нѣсколькимъ сеймикамъ, и потому она ходатайствовала объ установленіи болѣе крупныхъ областныхъ сеймиковъ. Король разрѣшилъ такіе сеймики только на одинъ разъ передъ предстоящимъ «спольнымъ» сеймомъ, оговоривъ, что послы на этотъ сеймъ должны быть выбраны отъ каждаго судоваго повѣта.

Одинаковою же причиною вызваны были и ходатайства объ измѣненіи установленныхъ границъ судовыхъ повѣтовъ. Шляхта Виленскаго повѣта была недовольна малымъ его объемомъ и просила раз-

ширить его границы, представивъ и проектъ этого расширенія. Подобную же просьбу вмѣстѣ съ проектомъ новаго ограниченія представила и шляхта Троцкаго повѣта, ходатайствуя, чтобы въ присудъ Троцкаго повѣта возвращена была изъ Лидскаго повѣта шляхта хоружствъ Ейшишскаго, Радуньскаго, Коневскаго, Дубицкаго, Василишскаго, Острожскаго и Мерецкаго, изстари судившаяся въ Троцкомъ повѣтѣ Король отложилъ это дѣло до другого раза, а пока приказалъ оставаться въ тѣхъ самыхъ границахъ, которыя установлены были на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года. Просьбу же Мельницкой шляхты о включеніи въ присудъ повѣта нѣкоторыхъ имѣній и парафій, перечисленныхъ просителями, прямо отклонилъ.—На ряду съ ходатайствами о расширеніи границъ повѣтовъ господарю подана была просьба и о сохраненіи установленныхъ границъ. Шляхта Лидскаго повѣта просила короля запретить Городенскому уряду простирать свою юрисдикцію на Лидскій повѣтъ черезъ границы, установленные Лидскимъ подкоморіемъ. Король сослался на статутъ, запрещающій подобное нарушеніе границъ, и обѣщалъ въ другое, болѣе спокойное время, принять противъ этого и другія мѣры.

Въ ближайшей связи съ этими просьбами стоятъ ходатайства о включеніи въ новые повѣты шляхты спадковыхъ имѣній. Шляхта Бѣльскаго повѣта просила привернуть подъ присудъ земскій шляхту, которую судилъ замковый урядъ Бѣльскій и замковый урядъ Тыкотинскій; Ляховицкіе земяне съ своей стороны просили освободить ихъ отъ замковаго Ляховицкаго присуда и соединить подъ одною хоругвью и однимъ присудомъ съ земянами Новгородскаго повѣта. Но король отклонилъ эти ходатайства на томъ основаніи, что все это шляхта спадковыхъ имѣній, которая должна оставаться по старому подъ властью мѣстныхъ старостъ и державцевъ.

Къ просьбамъ, касающимся новой организаціи повѣтовъ и ихъ учрежденій надо отнести и просьбы, представленныя шляхтою Минскаго и Лидскаго повѣтовъ объ отводѣ мѣстъ для засѣданій земскихъ судовъ и храненія ихъ книгъ, а также просьбу Минскаго повѣта о побужденіи мѣстнаго воеводы и каштеляна къ участію въ повѣтовомъ сеймикѣ. Король отвѣчалъ, что обо всемъ этомъ состоялись постановленія. Къ разряду этихъ же просьбъ надо отнести просьбу Лидскаго повѣта о томъ, чтобы въ немъ былъ одинъ только хоружій, просьбу Дорогицкаго повѣта о томъ, чтобы воевода и каштелянъ Подляшскіе были назначены изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ для болѣе исправнаго исполненія своихъ обязанностей, просьбу Владимірскаго повѣта о смѣщеніи съ должности мѣстнаго земскаго судьи Богдана Костюшковича,

попавшаго на нее безъ избранія шляхты, просьбу Ошменскаго повѣта о назначеніи писаря земскаго, Мозырскаго повѣта о назначеніи подкоморія. На просьбу Лидской шляхты король отвѣчалъ, что будетъ держаться стараго обычая; просьбу Дорогицкихъ земянъ обѣщалъ принять во вниманіе при назначеніи слѣдующихъ воеводы и каштеляна, ибо теперешнихъ нельзя смѣнить безъ вины съ ихъ стороны; Богдана Костюшковича оставилъ при судействѣ Владимірскомъ, такъ какъ по разслѣдованію оказалось, что онъ былъ избранъ шляхтою въ судьи на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. и признавался позже шляхтою въ этой должности [170]); изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ шляхтою Ошменскаго повѣта на должность писаря, утвердилъ въ этой должности Петра Станиславовича, хоружича Мѣдницкаго [171]); подкоморіемъ Мозырскимъ назначилъ Якова Лозку [172]).

Отъ двухъ повѣтовъ—Новгородскаго и Минскаго были поданы господарю просьбы о назначеніи городничихъ. Шляхта Новгородскаго повѣта указывала, что окольный замокъ Новгородскій совершенно развалился и требуетъ отстройки заново тѣми землевладѣльцами, которые обязаны дѣлать это съ своихъ имѣній. Поэтому шляхта просила короля назначить въ Новгородокъ городничія для надзора за постройкою и понужденія всѣхъ, кто обязанъ принимать въ ней участіе, а потомкамъ прежнихъ городничихъ приказать отдать новому городничію всѣ реестры, какіе у нихъ найдутся, для приведенія въ извѣстность всѣхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ замковою работою, а равно и доходовъ городничія. Вмѣстѣ съ тѣмъ шляхта просила короля исправить вышній замокъ на средства скарба и снабдить его стрѣльбою. Такую же просьбу представила и шляхта Минскаго повѣта. Король далъ обѣщаніе исполнить эти просьбы и выдать соотвѣтствующія распоряженія изъ своей канцеляріи.

Довольно много просьбъ подано было различными землями и повѣтами о ненарушеніи старинныхъ правъ и вольностей или вновь пожалованныхъ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить просьбу землевладѣльцевъ Жмудской земли о томъ, чтобы господарь исправилъ новыя права и вольности согласно съ ихъ стародавними привилеями. Въ виду важности этого дѣла король отложилъ его до будущаго сейма [173]). Депутаты Волынской земли ходатайствовали, чтобы на сеймахъ имъ

---

[170]) Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 645, 646.

[171]) Тамъ же, л. 644, 645.

[172]) Тамъ же, л. 643.

[173]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LII, л. 267, 268.

предоставлено было согласно стародавнему обычаю право подавать голосъ прежде Жмудскихъ депутатовъ, чтобы господарь запретилъ мытникамъ великаго княжества и коронныъ собирать съ шляхты новыя «незвыклыя» мыта на р. Бугѣ и Стыри. Король отвѣчалъ, что теперь, за множествомъ другихъ, болѣе важныхъ дѣлъ, нѣтъ времени входить въ разслѣдованіе вопроса о порядкѣ подачи голосовъ: пусть пока Волыняне подаютъ голоса попеременно (alternatim) съ Жмудинами; что касается сбора мытъ, пусть ему опредѣленно укажутъ, кто собираетъ и гдѣ, и тогда онъ приметъ мѣры противъ беззаконія.— Кіевскіе князья, паны и бояре и на этотъ разъ поднимали вопросъ объ отобраніи у пана Филона Кмиты замка Чернобыля [174]) и о возвращеніи имъ его въ держанье по очереди, согласно съ ихъ земскимъ привилеемъ. Но король не пожелалъ входить въ разбирательство этого дѣла на томъ основаніи, что послы Кіевскаго воеводства не представили необходимыхъ въ данномъ случаѣ полномочій отъ другихъ земянъ Кіевскихъ (король сталъ на ту точку зрѣнія, что представленное ходатайство—не сеймовая просьба, а судебный искъ) [175]).—Послы Подляшской земли ходатайствовали, чтобы судъ по дѣламъ объ убійствахъ шелъ «обычаемъ давнымъ», а не такъ, какъ рѣшено было на прошломъ Городенскомъ сеймѣ, заявляя, что тогдашніе послы Подляшскіе исходатайствовали это новое постановленіе безъ всякаго на то полномочія. Король заявилъ Подляшанамъ, что это постановленіе сдѣлано для ихъ же собственнаго блага, и потому оно и впредь останется въ силѣ. Послы Городенскаго повѣта просили, чтобы мытники старосты не собирали мытъ новыхъ «незвычайныхъ» на малыхъ рѣчкахъ отъ шляхетскихъ слугъ пѣшихъ и конныхъ и отъ шляхетскихъ подводъ, чтобы въ Городнѣ не взималась, сверхъ обычнаго мыта и побора, пошлина въ 6 грошей съ бочки бѣлой соли. Король обѣщалъ принять мѣры, чтобы по этой части не заводилось ничего новаго.— Послы Ошменскаго повѣта просили, чтобы шляхта не подвергалась аресту и тюремному заключенію безъ суда и слѣдствія. Король сослался на статутъ, въ которомъ это достаточно гарантировано.—Послы Упитскаго повѣта просили короля запретить мѣрчимъ или ревизорамъ

---

[174]) Замокъ Чернобыль, изъ-за котораго Кіевскіе землевладѣльцы такъ долго тягались съ мѣстными воеводами пожалованъ былъ 29 марта 1566 года пану Филону Кмитѣ на вѣчность въ замѣнъ за имѣнья въ Вѣницкомъ повѣтѣ, дворъ Вѣницкій, Летинъ, Пултавцы, Салаши, уступленнныя имъ королю. Литов. Метр. кн. Запис. XLIX, л. 4, 5; Судн. дѣлъ LIII, л. 6, 7.

[175]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XXXV, л. 557—559.

при померѣ земель на волоки занимать шляхетскіе группы, не давъ предварительно «отмены» и приказать мѣстному ревизору Войтеху Дявилтовскому отвести «отмены» всѣмъ, кому ихъ еще не дано; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили чтобы шляхтѣ вольно было по старому обычаю ловить рыбу въ мѣстныхъ господарскихъ озерахъ. Король въ отвѣтъ сослался на волочную уставу, въ которой постановлено то, о чемъ просятъ послы, и обѣщалъ послать приказъ мѣстному державцѣ кн. Крошинскому относиться къ шляхтѣ «водле стародавнаго обычаю».—Пинская шляхта жаловалась на то, что мѣстные мѣщане и жиды не дозволяютъ ей покупать соль въ другихъ мѣстахъ, помимо Пинскаго «надъ право и вольности шляхетскіе». Король подтвердилъ, что на собственныя нужды шляхтѣ вольно покупать соль, гдѣ угодно.

Къ этимъ просьбамъ ближайшимъ образомъ примыкаютъ просьбы объ огражденіи отъ злоупотребленій разныхъ должностныхъ лицъ. Послы Минскаго повѣта отъ имени своей братьи жаловались на мѣстнаго старосту, воеводу Подляшскаго пана Василія Тишкевича, который привлекаетъ на судъ свой шляхту черезъ дѣцкихъ, чего прежде никогда не бывало. Король отвѣчалъ, что въ статутѣ достаточно опредѣленъ порядокъ вызова на судъ; если потребуется, онъ прикажетъ выдать изъ канцеляріи особый листъ объ этомъ до Тишкевича.—Послы Ошменскаго повѣта просили о судѣ и управѣ на своего бирчія Рагозу, который при сборѣ податка, ухваленнаго на прошломъ Городенскомъ сеймѣ, бралъ съ шляхты по нѣсколько грошей отъ квитовъ и службъ. Король отвѣчалъ, что онъ прикажетъ разсмотрѣть это дѣло воеводѣ Виленскому.—Послы Бѣльскаго повѣта просили, чтобы старосты и ихъ урядники не конфисковали у шляхты и ея подданныхъ имущества безъ суда, но поступали бы съ ними «водле права посполитого», чтобы лѣсничіе выдавали съ господарскихъ «воль» шляхетскихъ «збеговъ», и чтобы на эту должность назначались люди, имѣющіе осѣдлость въ повѣтѣ, дабы удобнѣе было взыскивать съ нихъ убытки [176]). Король сослался на статутъ и сеймовыя ухвалы и пре-

---

[176]) Послѣдняя просьба объясняется тѣмъ, что лѣсничіе завѣдывавшіе господарскими пущами, къ разсматриваемому времени превратились уже кое-гдѣ въ державцевъ цѣлыхъ волостей благодаря колонизаціи пущъ крестьянами. Акты Литовской Метрики даютъ яркія и многочисленныя указанія на этотъ фактъ. См., напр., о Бѣльскомъ лѣсничіи кн. Запис. XLVIII, л. 67, 68; LI, л. 63, 64; LII, л. 23—26, 41—84; LIII, л. 11 и др. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сейвенскаго и Лоздейскаго лѣсничія, который благодаря «волямъ», осѣдшимъ въ его лѣсничествѣ, сдѣлался въ мѣстности вторымъ державцею, на ряду съ старымъ Сейвенскимъ державцею. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 55, 56.

доставилъ шляхтѣ привлекать къ суду обидчиковъ обычнымъ порядкомъ.—Наконецъ, послы Упитскаго повѣта жаловались на плебановъ Крокиновскаго, Посвольскаго и Ремикгольскаго и ихъ урядниковъ которые де «грабятъ» шляхту на рынкахъ и сажаютъ въ тюрьму. Король предоставилъ искать на нихъ передъ бискупомъ Виленскимъ или передъ надлежащимъ свѣтскимъ судомъ, смотря по тому, какого рода было самоуправство со стороны плебановъ, по духовному дѣлу или свѣтскому.

Сверхъ жалобъ на злоупотребленія и притѣсненія должностныхъ лицъ поданы были также жалобы на обиды отъ жолнеровъ, сосѣдей-поляковъ и различныхъ своевольныхъ людей. Послы Волынскихъ земянъ жаловались, что польскіе жолнеры, разставленные на постой по границамъ ихъ земли, наѣзжаютъ на ихъ имѣнья и чинятъ всевозможныя насилія—«кгвалты, бои, морцы, забийства» и забираютъ имущества жителей. Волыняне просили не разставлять жолнеровъ на границахъ съ ихъ землею и дать на нихъ судъ и управу. Они просили также и объ учиненіи справедливости съ сосѣдними польскими землевладѣльцами, которые захватываютъ ихъ земли и людей, наѣзжаютъ на ихъ имѣнья и дѣлаютъ имъ разныя обиды. Король обѣщалъ написать о жолнерахъ коронному гетману, а съ сосѣдями-поляками учинить справедливость на предстоящемъ «спольномъ» сеймѣ. Волыняне указывали на то, что нѣкоторыя лица нарушаютъ «наданья и уфундованья» церковныя, какъ, напр., кн. староста Луцкій, разорившій мельницы на р. Стыри, пожалованныя бискупству Луцкому и чрезвычайно полезныя для замка и мѣста Луцкаго, особливо во время непріятельскаго нападенія; панъ стольникъ (Миколай Миколаевичъ Кухмистровичъ-Дорогостайскій), отнявшій у владыки Луцкаго село Щелепинъ съ дворомъ и людьми, панъ Мышка, отнявшій у владыки село Хрылевъ. Король, какъ «навышший оборонца и опекунъ церквей Божихъ», обѣщался положить этому конецъ [177].—Пограничные съ Ливоніею землевладѣльцы жаловались на пана Миколая Тальвоша, что онъ, стоя съ своею ротою въ Невгинѣ, посылаетъ къ нимъ въ имѣнья своихъ жолнеровъ «на лежу», будто бы съ разрѣшенія короля, и и эти жолнеры не только сами берутъ стаціи (кормы) «незвыклые», но еще заставляютъ отвозить стаціи въ Невгинъ. Король отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія гетмана никто не имѣетъ права посылать къ

---

[177]) Старостѣ Луцкому 8 октября того же года былъ посланъ листъ съ приказомъ вернуть бискупу мельницы на р. Стыри. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ LIII, л. 197—199.

нимъ на постой жолнеровъ.—Мартинъ Володкевичъ, Богданъ Стецковичъ и Матѳей Тишковичъ жаловались на князя Слуцкаго, который наѣхалъ на ихъ имѣнье, забралъ хлѣбъ и разное имущество и увелъ ихъ людей,—однихъ до Койданова, гдѣ по жалобѣ его мѣстный урядъ присудилъ ихъ къ смерти, другихъ—до Новгородка, гдѣ ихъ посажали въ тюрьму, а иныхъ неизвѣстно гдѣ дѣвалъ. Король велѣлъ просителямъ искать на князѣ Слуцкомъ убытковъ судебнымъ порядкомъ по статуту.

Послы нѣкоторыхъ повѣтовъ представили просьбы, имѣвшія въ виду различныя льготы и облегченія и расширеніе наличныхъ правъ и вольностей шляхетскаго сословія. Послы Городенскаго повѣта ходатайствовали передъ королемъ, чтобы возвращены были имѣнья, отобранныя за неявку на войну, и чтобы взамѣнъ того владѣльцы наказаны были денежнымъ штрафомъ. Король отвѣчалъ, что постановленіе въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано по просьбѣ всѣхъ становъ.—Послы Упитскаго повѣта доносили королю, что мѣщане Крокиновскіе и Посвольскіе, покупивъ у шляхты множество имѣній, не служатъ съ нихъ военной службы, и просили понудить ихъ къ тому. Король обѣщалъ довѣдаться объ этомъ.—Бѣльскіе земяне черезъ пословъ своихъ ходатайствовали о совершенномъ изъятіи ихъ изъ-подъ юрисдикціи духовнаго суда и о подчиненіи суду господарскому земскому. Но король подтвердилъ, что по дѣламъ духовнымъ они обязаны по прежнему подчиняться духовному суду и только по свѣтскимъ дѣламъ будутъ подлежать юрисдикціи своего земскаго и гродскаго суда. Тѣ же Бѣльскіе земяне хлопотали, чтобы староста не понуждалъ ихъ къ постройкѣ моста на р. Нарвѣ, чтобы съ подданныхъ ихъ, пострадавшихъ въ прошломъ году отъ градобитія не взималась серебщина. Король отвѣчалъ, что постройка моста—старая повинность земская и потому и впредь должна выполняться; о льготѣ для подданныхъ, пострадавшихъ отъ градобитія, земяне запоздали просить.—Шляхта Дорогицкаго повѣта повторяла свою прежнюю просьбу о томъ, чтобы къ ней не присылались изъ господарской канцеляріи листы на русскомъ языкѣ, а только на польскомъ и латинскомъ. И на этотъ разъ король подтвердилъ, что листы будутъ присылаться на государственномъ языкѣ, т. е. на русскомъ.—Земянинъ Вѣницкій Филонъ Кордышъ, представляя двухъ плѣнныхъ татаръ, просилъ обмѣнять на нихъ мать, сестру и крестьянъ его, которыхъ татары увели въ плѣнъ. Король отвѣчалъ, что распорядится въ этомъ по усмотрѣнію.—Князья Соколинскіе—Павелъ, Богданъ и Андріянъ, указывая на полное разореніе своихъ имѣній отъ военныхъ людей, своихъ и чужихъ, просили пожаловать

ихъ имѣньями въ Литвѣ, гдѣ бы они могли помѣстить своихъ женъ и дѣтей. Король оставилъ это на свое усмотрѣніе [178]).

Разсмотрѣвъ частныя ходатайства, представленныя на Городенскомъ сеймѣ 1568 года отъ отдѣльныхъ повѣтовъ и частныхъ лицъ, находимъ въ нихъ тѣ же господствующіе мотивы, что и въ ходатайствахъ, представленныхъ отъ лица всего сейма. Частныя ходатайства развиваютъ въ сущности тѣ же самыя темы, что и общія, и только варьируютъ и дополняютъ ихъ въ подробностяхъ. Шляхта и въ своихъ частныхъ ходатайствахъ стремится къ тому, чтобы новый статутъ вошелъ въ силу, чтобы онъ не нарушалъ ея прежнихъ правъ и вольностей и былъ соотвѣтственно съ этимъ измѣненъ, чтобы права и вольности шляхты не нарушались въ судебно-административной практикѣ и должнымъ образомъ защищались, чтобы эти права и вольности были расширены, и чтобы были сняты или облегчены разныя государственныя бремена, лежавшія на шляхетскомъ сословіи.

Съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ обратился къ королю на Городенскомъ сеймѣ 1568 г. и тогдашній православный митрополитъ Іона. Первое его ходатайство имѣло въ виду хотя бы немного ослабить тѣ дурныя послѣдствія, которыя вытекали для церковнаго порядка изъ права патроната. Митрополитъ просилъ, чтобы въ русскихъ областяхъ литовскихъ и коронныхъ, духовныя должности не раздавались свѣтскимъ лицамъ, чтобы свѣтскіе люди, получившіе какой либо духовный урядъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ принимали и соотвѣтствующій духовный санъ, а не исполнившихъ этого предписанія архіереи лишали ихъ достоинства и хлѣбовъ духовныхъ. Король принялъ въ принципѣ предложеніе митрополита, но оговорилъ, что архіереи могутъ только докладывать о непослушныхъ ему, королю, а его уже будетъ дѣло отобрать духовныя достоинства и отдать другимъ, «кому ся будетъ годити».—Митрополитъ просилъ короля «моцью зверхности» своей господарской возвратить церквамъ Божьимъ, «наданья» отнятыя у нихъ разными лицами. Король обѣщалъ сдѣлать это, если митрополитъ и владыки точно укажутъ ему этихъ лицъ. Донося о томъ, что при помѣрѣ земель на волоки были забраны у десяти Новгородскихъ церквей земли и люди, и что причту ихъ не на что теперь жить, митрополитъ просилъ короля отвести духовенству этихъ церквей по 2 волоки на церковь пашни, по 2 морга сѣножатей и по 2 морга на гай. Свою просьбу объ отводѣ земель митрополитъ мотивировалъ трудностью для

[178]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стран. 485—494.

церквей «выводить» свои прежнія земли. Но король не согласился съ этимъ доводомъ и потребовалъ, чтобы точно было указано, гдѣ взято и кѣмъ. Для прекращенія захватовъ церковныхъ земель на будущее время митрополитъ просилъ господаря отрядить извѣстныхъ лицъ для переписи и обмежеванія церковныхъ имѣній. Король отложилъ это дѣло до другого раза.—Заботясь о возвращеніи церковныхъ имуществъ митрополитъ просилъ короля отобрать у Виленскихъ мѣщанъ различные документы, принадлежащіе митрополіи, жалованныя грамоты и фундуши. Но король отклонилъ это ходатайство и предоставилъ митрополиту возвращать документы судебнымъ порядкомъ.—Въ заботахъ о наилучшемъ огражденіи имущественныхъ правъ духовенства митрополитъ просилъ короля, чтобы въ земельныхъ тяжбахъ духовные не привлекались ни къ гродскому, ни къ земскому суду, а только къ суду господаря. Король изъявилъ на то свое согласіе только для тѣхъ случаевъ, когда дѣло будетъ идти о «паданьяхъ» господаря; но въ другихъ случаяхъ духовныя лица должны привлекаться къ суду согласно статуту.—Митрополитъ хлопоталъ объ утвержденіи не только имущественныхъ, но и сословныхъ и политическихъ правъ православнаго духовенства. Онъ ходатайствовалъ, чтобы свѣтскія лица не вмѣшивались въ духовную юрисдикцію, чтобы митрополиту и владыкамъ отведены были постоянныя мѣста въ государской радѣ. Король отвѣчалъ, что по поводу вмѣшательства въ духовные суды будутъ выдаваться, когда потребуется, господарскіе листы изъ канцеляріи; рѣшеніе же вопроса о мѣстахъ въ господарской радѣ для митрополита и владыкъ отложилъ до другого раза.—Въ заключеніе митрополитъ просилъ соединить Галицкую митрополію «по старовѣчному обычаю» съ Кіевскою. Король отложилъ рѣшеніе этого вопроса до предстоящаго Люблинскаго сейма [179]).

Князья, уланы, хоружіе, маршалки и всѣ татары на Городенскомъ сеймѣ 1567 г. били челомъ господарю объ измѣненіи въ новомъ статутѣ 3 артикула IX раздѣла и 5 артикула XII раздѣла, какъ оскорбляющихъ незаслуженно ихъ достоинство и противорѣчащихъ ихъ правамъ и вольностямъ, утвержденнымъ особымъ привилеемъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. Первымъ изъ этихъ артикуловъ устранялось свидѣтельство татаръ въ земельныхъ тяжбахъ; вторымъ артикуломъ запрещалось татарамъ держать христіанъ въ рабствѣ и христіанокъ мамками у своихъ дѣтей, преграждался татарамъ доступъ къ урядамъ

[179]) Тамъ же, стр. 483—485; Акты Зап. Рос. III, № 43.

и достоинствамъ, пожалованнымъ имъ крестьянамъ предоставлялся свободный выходъ [180]). Татары уже на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. протестовали противъ послѣдняго артикула, какъ противорѣчащаго ихъ правамъ, равнымъ съ шляхетскими правами, и тогда же король обѣщалъ исправить этотъ артикулъ на будущемъ сеймѣ, а до того времени кассировалъ его и разослалъ соотвѣтствующій листъ (7 сентября 1566 г.) до всѣхъ урядовъ въ великомъ княжествѣ [181]). На Городенскомъ сеймѣ 1568 г. татары, припоминая свою постоянную вѣрность и заслуги, вновь били челомъ о надлежащихъ поправкахъ въ статутѣ. Король и на этотъ разъ отложилъ поправки и ограничился выдачею татарамъ (20 іюня 1568 года) особаго листа, въ которомъ гарантировалъ, что означенные въ просьбѣ татаръ артикулы не будутъ «на переказе» ихъ правамъ и вольностямъ [182]). Король обѣщалъ также послѣ исправленія статута вмѣстѣ съ земскими привилеями вписать въ него и привилеи татаръ [183]).

Виленскіе мѣщане, представители которыхъ съ нѣкотораго времени стали постоянно присутствовать на вальныхъ сеймахъ, съ своей стороны подали королю нѣсколько челобитій. Прежде всего они ходатайствовали, чтобы къ постройкѣ и ремонту мѣстской «твержи» заодно съ ними привлечены были и мѣщане пановъ духовныхъ, и «подворники» княжескіе, панскіе и земянскіе. Король отвѣчалъ, что по его волѣ паны-рада духовные и свѣтскіе дали свое согласіе на то, чтобы подворники ихъ, занимающіеся ремесломъ и отъ него имѣющіе пропитаніе, помогали мѣщанамъ въ постройкѣ стѣнъ и оборонѣ мѣста и въ пожарной вахтѣ, но юрисдикцію надъ ними они оставили за собою.— Мѣщане просили привлечь къ несенію общихъ съ ними повинностей и иноземныхъ пріѣзжихъ купцовъ, торгующихъ въ розницу, «каменемъ, фунтомъ, на локеть, на гарнеть». Король изъявилъ на то свое согласіе и съ своей стороны прибавилъ, что корчмы въ княжескихъ, панскихъ и земянскихъ домахъ обязаны платить поборъ, установленный на сеймѣ 1561 года, хотя бы и вольны были отъ «капи»; кто до сихъ поръ не платилъ, тотъ обязанъ внести недоимку за всѣ годы.— Мѣщане просили далѣе возвратить подъ мѣстское право всѣхъ тѣхъ обывателей мѣста и предмѣстій Антокольскаго и Озеранскаго, которые

[180]) Временникъ Москов. Общества Исторіи и Древностей, кн. XXIII, стр. 134, 167, 168.

[181]) Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 26; Судн. дѣлъ LIII, л. 30, 31.

[182]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 191, 192.

[183]) Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 494.

вышли изъ-подъ этого присуда. Король отвѣчалъ: Антоколе—господарская собственность, состоящая въ завѣдываніи Виленскаго городничія, а Озераны онъ оставляетъ по старинѣ.—Мѣщане били челомъ, чтобы изъ господарской канцеляріи не выдавались листы, противные ихъ правамъ и вольностямъ, и при этомъ представили нѣкоторые листы, выданные жидамъ, прося кассировать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣщане просили кассировать и всѣ льготы и изъятія, выданныя въ нарушеніе общихъ правъ мѣщанъ. Король отвѣчалъ, что въ данномъ случаѣ онъ будетъ поступать «водле давного обычаю и права».—Наконецъ, Виленскіе мѣщане просили, чтобы жиды за исключеніемъ тѣхъ, которые состоятъ «на послугахъ рѣчи посполитой», не проживали постоянно въ Вильнѣ вопреки мѣстскимъ правамъ и не торговали здѣсь, кромѣ какъ на ярмаркахъ. Король изъявилъ свое согласіе.

15 іюня 1568 года Сигизмундъ Августъ выдалъ столичному Виленскому мѣсту особый привилей, не въ примѣръ прочимъ мѣстамъ (praeteritis omnibus civitatibus et oppidis), въ вознагражденіе за вѣрноподданническую преданность и постоянную помощь, которую Виленскіе мѣщане оказывали государству деньгами въ теченіе послѣдней войны. Въ силу этого привилея войтъ, бурмистры, радцы, лавники и писари Виленскаго мѣста, происходящіе изъ шляхетскаго сословія, не теряли своихъ шляхетскихъ правъ вслѣдствіе отправленія означенныхъ мѣстскихъ должностей, а лица плебейскаго происхожденія пріобрѣтали шляхетскія права пожизненно и могли передавать ихъ даже своимъ дѣтямъ, не занимающимся торговлею и ремесломъ, но либеральными профессіями или военною службою. Привилей обстоятельно перечислялъ эти права, а именно: выслужившіяся на мѣстскихъ урядахъ лица и ихъ дѣти могли получать свѣтскія и духовныя должности, пріобрѣтать земскія имѣнья, брать гербы у шляхетскихъ родовъ и пользоваться ими безъ спеціальныхъ разрѣшеній короля, съ оскорбителей взыскивать шляхетское безчестье; дома ихъ освобождались отъ постоя пословъ, гонцовъ и становъ сейма. Привилей предоставлялъ Виленскому мѣсту по примѣру самыхъ знатныхъ мѣстъ въ коронѣ Польской припечатывать свои оффиціальныя бумаги краснымъ воскомъ и посылать на вальные сеймы двухъ или трехъ бурмистровъ съ правомъ подачи голоса по дѣламъ, касающимся мѣста. Всѣ эти права привилей гарантировалъ и въ томъ случаѣ, если состоится унія великаго княжества съ Польшею [184]). Такъ, и представители капитала получили

[184]) Литов. Метр. кн. Запис. L, л. 173—175.

доступъ къ шляхетскому званію и мѣсто на вальномъ сеймѣ. Но дѣло это не пошло далѣе вышеизложенныхъ начальныхъ шаговъ.

§ 5.

Исполняя обѣщаніе, данное на Городенскомъ сеймѣ 1568 года относительно созыва «спольнаго» польско-литовскаго сейма, король въ октябрѣ того же года разослалъ панамъ-радѣ духовнымъ и свѣтскимъ, князьямъ, панамъ, старостамъ и всѣмъ урядникамъ земскимъ и дворнымъ, земянамъ и дворянамъ сеймовые листы съ приказомъ собираться на сеймики по повѣтамъ къ 11 ноября, а съ этихъ сеймиковъ, кому слѣдуетъ, ѣхать къ господарю до Воиня къ 9 декабря на предварительный общій съѣздъ всѣхъ земель великаго княжества съ тѣмъ, чтобы отсюда уже ѣхать на «спольный» сеймъ. Этотъ «спольный» сеймъ назначенъ былъ на 23 декабря въ Люблинѣ въ виду того, что пограничныя мѣстечки Парчовъ и Лива, гдѣ первоначально предположено было собрать общій польско-литовскій сеймъ, выгорѣли, и въ нихъ нельзя было найти достаточнаго числа квартиръ для участниковъ сейма [185]). Въ предложеніяхъ, разосланныхъ на повѣтовые сеймики съ особыми посланцами, король указывалъ, что, несмотря на всѣ жертвы кровью и достояніемъ, приносимыя обывателями великаго княжества Литовскаго, непріятель всѣ болѣе и болѣе беретъ надъ нимъ силу и захватываетъ его владѣнія, а потому необходимо соединиться съ Польшею, дабы «одностайною а сполною рукою», съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ «накладомъ» чинить ему отпоръ. Король просилъ избрать на сеймикахъ согласно съ статутомъ двухъ особъ, «людей бачныхъ и ростропныхъ», отъ каждаго повѣта и отправить ихъ на съѣздъ до Воиня, а отсюда въ Люблинъ, давъ имъ полномочіе («зъ моцью зуполною») на заключеніе уніи [186]).

Сеймовые листы, разосланные королемъ, не во всѣхъ повѣтахъ пришли во время, вслѣдствіе чего запоздали и повѣтовые сеймики [187]), и съѣздъ въ Воинѣ. По датамъ актовъ Литовской Метрики, король вмѣсто 23 декабря попалъ въ Люблинъ только 30 [188]), а самыя засѣданія сейма окрылись, какъ извѣстно, только 10 января 1569 года.

---

[185]) Приложеніе № 70.

[186]) Приложеніе № 71.

[187]) Приложеніе № 72.

[188]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 242; L, л. 272; Публ. дѣлъ IX, л. 123.

На сеймѣ въ Люблинѣ первоначально повторилось то же самое, что и въ Варшавѣ пять лѣтъ тому назадъ. Какъ и тогда, коронные послы попытались прежде всего ограничить вліяніе литовскихъ магнатовъ и вступить въ непосредственные переговоры съ шляхетскими послами. Они потребовали, чтобы для веденія переговоровъ назначены были съ той и другой стороны депутаты, и чтобы совѣщанія происходили непремѣнно въ присутствіи шляхетскихъ пословъ обоихъ народовъ. «По прежнимъ сеймамъ,—говорили послы,—мы знаемъ, какъ литовскіе сенаторы заботливо наблюдаютъ, чтобы при совѣщаніяхъ не присутствовалъ ихъ (шляхетскій) народъ, дабы, надлежащимъ образомъ узнавъ польскія права, не разлакомился на нихъ» [189]). Но попытка сбить литовскихъ сенаторовъ съ ихъ господствующей позиціи не удалась. Они согласились засѣсть сообща съ поляками лишь въ томъ случаѣ, если король предварительно гарантируетъ государственныя права великаго княжества, какъ они выражены въ статутѣ, т. е. цѣлость и неприкосновенность государственной территоріи великаго княжества, возвращеніе того, что неправильно отошло отъ нея къ сосѣдямъ, въ томъ числѣ къ Польшѣ и Ливоніи, особые вальные сеймы, раздачу урядовъ, держаній и имѣній только родичамъ великаго княжества. Такъ какъ поляки не соглашались на это условіе, то и литовцы не смѣшивались съ ними въ одно собраніе, вели свои совѣщанія отдѣльно и являлись къ полякамъ уже съ готовыми предложеніями или съ отвѣтами на ихъ предложенія.

Въ этихъ предложеніяхъ между поляками и литовцами сталъ тотъ же контроверсъ, что и на Варшавскомъ сеймѣ. Поляки, и въ особенности послы, настаивали на томъ, что унія уже заключена давнымъ давно, при Ягайлѣ и Витовтѣ, поновлена была затѣмъ въ 1501 году, при королѣ Александрѣ, и что незачѣмъ составлять новаго договора, а надо лишь вновь подтвердить и развить этотъ договоръ, чему начало уже положено въ рецессѣ Варшавскаго сейма 1563—1564 года; надо, слѣдовательно, только договориться по тѣмъ пунктамъ, по которымъ тогда не состоялось еще соглашенія. Поляки выработали и представили литовцамъ на утвержденіе и самый проектъ такого подтвердительнаго договора. Проектъ этотъ въ общихъ чертахъ устанавливалъ то же самое, что и проекты, которые поляки предлагали литовцамъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года, съ тѣмъ различіемъ, что на этотъ разъ поляки соглашались на отдѣльные уряды для великаго княжества и оговаривали, что редукція столовыхъ имѣній, пред-

[189]) Дневникъ Люблинскаго сейма, изд. Кояловичемъ, стр. 5.

принятая въ Польшѣ во исполненіе конституціи 1504 года, не распространяется на Литву [190]). Въ своихъ усиліяхъ убѣдить литовцевъ поляки и на этотъ разъ прибѣгали къ разнымъ историческимъ комментаріямъ. Краковскій бискупъ Падневскій въ засѣданіи 12 февраля доказывалъ, что Ягайло, будучи собственникомъ великаго княжества, подарилъ его коронѣ Польской, съ согласія пановъ-рады и всѣхъ становъ, которые и потомъ не разъ своими договорами поправляли это дѣло и высказывали, что хотятъ на вѣчныя времена жить съ польскимъ народомъ въ братской любви; вслѣдствіе соединенія великаго княжества въ одно государственное тѣло съ Польшею, въ немъ и заведены были тѣ же самыя уряды и достоинства, что и въ Польшѣ, а рыцарское сословіе получило тѣ же самыя права и вольности, что и польская шляхта; если позже и бывали въ Литвѣ особые великіе князья, то только — пожизненные, по назначенію польскихъ королей и съ общаго согласія коронныхъ и литовскихъ пановъ радныхъ, безъ нарушенія правъ и привилегій королевства; правда, что отецъ нынѣшняго короля—Сигизмундъ возведенъ былъ на великое княженіе безъ вѣдома польскихъ пановъ радныхъ, но такъ поступили литовцы по необходимости, ибо, если бы они не сдѣлали этого, то на великомъ княженіи сѣлъ бы, пожалуй, Глинскій; правда, что и нынѣшній король избранъ литовцами безъ воли и вѣдома поляковъ, но литовцы сами знаютъ, кто подстроилъ все это (очевидно, намекъ на королеву Бону), и объ этомъ лучше и не вспоминать [191]). Бискупъ въ своей рѣчи обнаружилъ не только тонкую діалектику, но и основательное знакомство съ историческими фактами, которые онъ постарался, разумѣется, изложить въ извѣстномъ освѣщеніи примѣнительно къ своимъ цѣлямъ. Но вся эта аргументація поляковъ не дѣйствовала на литовскихъ сенаторовъ. Жмудскій староста Янъ Ходкевичъ еще въ засѣданіи 26 января говорилъ, что старыя записи на унію не оставались неизмѣнными, а постоянно смягчались и видоизмѣнялись въ пользу литовцевъ: нѣтъ, поэтому, основанія и въ данное время держаться ихъ буквы. Въ такомъ же родѣ говорилъ и воевода Виленскій Радивилъ, просившій поляковъ не забывать, что во владѣніи остается только тотъ, кто владѣетъ чѣмъ нибудь три года и три мѣсяца [192]). Рѣчь Краковскаго бискупа въ засѣданіи 12 февраля вызвала только колкія замѣчанія старосты Жмудскаго и воеводы Виленскаго и затѣмъ обстоятельное

---

[190]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 68—72.

[191]) Дневникъ, стр. 56—66.

[192]) Тамъ же, стр. 661, 663.

письменное возраженіе по пунктамъ. Когда бискупъ кончилъ, Ходкевичъ саркастически замѣтилъ: «если мы вамъ подарены, то къ чему еще вамъ унія съ нами»? Радивилъ продолжалъ: «насъ никто не могъ подарить, потому что мы люди вольные, и нашею честью и вольностями, которыя наши предки пріобрѣли у своихъ государей заслугами и разлитіемъ крови, можемъ сравняться со всякимъ народомъ. Литва дарила панамъ полякамъ собакъ, жеребцовъ, жмудскихъ лошадокъ, но не насъ, свободныхъ и благородныхъ людей, и если бы кто хотѣлъ отнять у меня это, я того считалъ бы и называлъ тираномъ»[193]). Выпросивъ рѣчь бискупа Краковскаго на письмѣ, литовскіе паны представили вѣскія опроверженія ея доводовъ и по существу. Всѣ предшествовавшіе договоры уніи,—гласитъ литовскій меморіалъ,—заключались между польскимъ и литовскимъ народомъ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о дарованіи Литвы Польшѣ. Ягайло не имѣлъ права дарить великое княжество, ибо не былъ его собственникомъ, а избраннымъ государемъ: у литовцевъ никогда не было другихъ государей, какъ только милостью Божьею и по добровольному ихъ избранію. Если Ягайло подарилъ Литву Польшѣ, то зачѣмъ же полякамъ понадобилось при Ягайлѣ же заключать союзъ съ Литвою? Правда, что по Городельскому привилею Литва была инкорпорирована въ Польшу. Но это было сдѣлано безъ вѣдома и согласія большинства литовцевъ, и они, избравъ Казимира на великое княженіе и упросивъ его принять польскую корону, на общихъ сеймахъ съ поляками не переставали добиваться исключенія изъ Городельскаго привилея выраженій, утверждающихъ инкорпорацію. Этого они и достигли, когда по смерти Казимира на великое княженіе былъ избранъ Александръ, а на королевство Польское Янъ Альбрехтъ. Хотя потомъ, съ восшествіемъ на польскій престолъ великаго князя Александра, и заключенъ былъ новый договоръ (въ 1501 году) съ поляками, какъ будто бы слившій въ одно тѣло и Польшу, и Литву, но этотъ договоръ самъ въ себѣ содержитъ противорѣчія: трактуя объ одномъ государственномъ тѣлѣ, онъ въ то же время говоритъ о верховной власти того и другого государства, о двухъ рѣчахъ посполитыхъ. При томъ же на него согласились лишь немногіе литовскіе послы, обѣщавшіе, что остальные литовцы утвердятъ его присягою. Этой присяги, однако, литовцы не дали, а слѣдовательно и унія 1501 года не можетъ имѣть силы. Не согласились на ту унію, какую предлагали поляки, и литовскіе делегаты, быв-

---

[193]) Тамъ же, стр. 67.

шіе на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.; а поэтому и рецессъ этого сейма, составленный поляками, не можетъ обязывать литовцевъ [194]). Изъ всего этого видно, что и литовцы не уступали полякамъ въ діалектикѣ и знаніи своей исторіи, если только не превосходили ихъ. Обѣ стороны въ сущности были отчасти правы: поляки—по стольку, по скольку интерпретировали старинные акты уніи, ибо эти акты дѣйствительно стремились инкорпорировать великое княжество въ корону; литовцы—по стольку, по скольку разбирали реальные факты и дѣйствительныя отношенія между обоими государствами. Кромѣ возраженій на рѣчь Падневскаго, литовцы представили возраженія и на проектъ новаго привилея уніи, представленный поляками. Нельзя понимать унію, какъ непремѣнное сліяніе обоихъ государствъ въ одно. Унія—это установленіе братства и любви между обоими народами, и такъ утверждаютъ и сами поляки. Но братская любовь предполагаетъ равенство, должна быть такою, чтобы приносить равную пользу обоимъ народамъ. Но какое же можетъ быть народное равенство, если великое княжество сольется съ Польшею, поникнетъ передъ нею, какое можетъ быть народное братство, разъ литовскій народъ превратится въ польскій и перестанетъ существовать? Поляки требуютъ отъ литовцевъ такихъ вещей, на которыя они никакъ не могутъ согласиться по долгу совѣсти и присягѣ, которую давали своему господарю и рѣчи посполитой, т. е. уничтоженія великокняжескаго титула и самаго великаго княжества, какъ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали на сеймъ, поляки не разъ говорили имъ, что хотятъ оставить ихъ при прежнихъ урядахъ и достоинствахъ. Но какіе же это будутъ уряды и достоинства, если уже не будетъ ни великаго князя, ни великаго княжества? Они, литовцы, не претендуютъ ни на что въ Польшѣ и просятъ поляковъ оставить и ихъ въ покоѣ и не домогаться ни урядовъ, ни имѣній въ великомъ княжествѣ. На эти уряды и имѣнія должно принадлежать исключительное право природнымъ обывателямъ великаго княжества, которые служили своему государству грудью и кровью, умирали за его свободу и, насколько могли, уберегли его отъ столь многихъ и могущественныхъ враговъ. Если поляки не согласятся съ этими доводами и будутъ настаивать на инкорпорацію, то литовцамъ придется уѣхать, не кончивъ дѣла.

Не довольствуясь этими принципіальными заявленіями, литовцы предложили и свой проектъ договора, которымъ они желали бы гаран-

[194]) Тамъ же, стр. 78—82.

тировать на будущее время союзъ и дружбу между обоими государствами (unionem foederis et amicitiae). Основныя положенія этого проекта были слѣдующія: у обоихъ государствъ долженъ быть всегда одинъ общій государь, избираемый на общемъ сеймѣ равнымъ числомъ избирателей польскихъ и литовскихъ; этотъ государь коронуется въ Польшѣ въ присутствіи литовскихъ пословъ и возводится на великое княженіе съ старинными церемоніями въ присутствіи польскихъ пословъ, при чемъ приноситъ присягу въ соблюденіи правъ и вольностей обоихъ народовъ и выдаетъ привилегіи за коронною и литовскою печатью; оба государства обязываются помогать другъ другу и быть за одно противъ всѣхъ непріятелей; для избранія общаго государя, для обсужденія вопросовъ войны и мира и для наложенія податей на военныя нужды будутъ созываться съ согласія обоихъ государствъ общіе сеймы при границахъ, въ Польшѣ и Литвѣ попеременно, а передъ этими сеймами—сеймики; но для обсужденія всѣхъ другихъ дѣлъ, касающихся каждаго государства въ отдѣльности, будутъ попрежнему происходить мѣстные сеймы, коронные и литовскіе; при чемъ такіе сеймы могутъ созываться и панами-радою, если бы король и великій князь не хотѣлъ или не могъ во время созвать ихъ, и рѣшенія ихъ, скрѣпленныя государственною печатью того или другого государства, должны имѣть обязательную силу; уряды и достоинства въ томъ и другомъ государствѣ остаются по старому; поляки могутъ пріобрѣтать имѣнья въ великомъ княжествѣ и обратно—литовцы въ коронѣ, но уряды и достоинства замѣщаются обязательно природными обывателями того и другого государства; монета должна быть одинаковой цѣнности въ обоихъ государствахъ, но особой чеканки и формы (въ Литвѣ съ надписью великаго князя Литовскаго); государственныя границы между Польшею и великимъ княжествомъ остаются прежнія и исправляются смѣшанною коммиссіею изъ поляковъ и литовцевъ, при чемъ первое исправленіе должно быть предпринято въ 1569 году по уборкѣ полей; поляки должны подтвердить присягою, что ни теперешній государь, ни его преемники, ни коронная рада, ни даже послы земскіе великаго княжества не будутъ добиваться редукціи вѣчныхъ выслугъ, дожнвотій и леновъ, а равно замковъ и дворовъ господарскихъ, заставленныхъ въ извѣстныхъ суммахъ обывателямъ великаго княжества на нужды рѣчи посполитой; должны гарантировать, что никакое постановленіе, въ этомъ смыслѣ не состоится на сеймѣ, а если состоится, то не будетъ имѣть силы, и Литва не обязана ему подчиняться; а если ее станутъ принуждать къ этому, то этимъ самымъ расторгается и договоръ уніи [195]).

---

[195]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 79—88.

Изъ этого ясно видно, что литовскій проектъ былъ дѣломъ литовскихъ магнатовъ, прибывшихъ на сеймъ и захватившихъ въ свои руки веденіе переговоровъ съ поляками. Проектъ вскрываетъ и тѣ побужденія реальнаго свойства, которыя заставляли литовскую аристократію изъ всѣхъ силъ отстаивать внутреннюю автономію великаго княжества. Оказывается, что помимо патріотическаго чувства этой аристократіи и ея честолюбія въ данномъ случаѣ играли видную роль и ея матеріальные интересы. Автономное великое княжество Литовское было предпріятіемъ, на которое магнаты затратили огромные фамильные капиталы въ формѣ ссудъ скарбу, и имъ естественно хотѣлось попрежнему хозяйничать и распоряжаться въ этомъ предпріятіи. Унія, какъ ее понимали поляки, угрожала положить конецъ этому хозяйничанью, и потому магнаты такъ и противились ей. Самые ярые противники уніи были какъ разъ тѣ именно паны, которые потратили такъ много своихъ денегъ на нужды великаго княжества, въ родѣ, напр., пана Яна Еронимовича Ходкевича, старосты Жмудскаго, или подканцлера Остафія Воловича. Очевидно, они боялись не только за свое значеніе въ будущей соединенной рѣчи посполитой, но и за свои «пенязи», отданные въ ссуду скарбу и гарантированные заставами господарскихъ имѣній.

Литовскій контръ-проектъ возбудилъ, какъ и слѣдовало ожидать, бурю негодованія въ польской посольской избѣ. Литовцы въ этомъ контръ-проектѣ взяли назадъ нѣкоторыя существенныя уступки, сдѣланныя на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года (см. выше, стр. 674). Въ сущности они предлагали теперь только постоянный оборонительный союзъ, закрѣпленный персональною уніею. Но предшествующій историческій опытъ достаточно уже научилъ поляковъ, какъ мало такой союзъ обезпечиваетъ ихъ интересы. Еще ранѣе подачи литовскаго контръ-проекта послы русскаго воеводства говорили на сеймѣ, что никоимъ образомъ не надо допускать отдѣльной литовской рады; ибо эта рада и была причиною того, что до сихъ поръ унія не получила осуществленія [196]). Ни за что послы не соглашались также и на оставленіе отдѣльныхъ литовскихъ сеймовъ, какъ проектировали литовцы [197]). Послѣ того, какъ литовцы представили свой контръ-проектъ, послы стали жаловаться на то, что попусту тратятъ время, и приступили къ королю съ настойчивыми просьбами—приказать литовцамъ засѣсть съ поляками на сеймѣ вмѣстѣ и понудить ихъ принять унію, которая

---

[196]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 674.

[197]) Тамъ же, стр. 32.

уже рѣшена предшествующими соглашеніями и постановленіями. Пословъ поддержали и сенаторы. Но когда король, уступая настояніямъ поляковъ, собирался объявить литовцамъ о томъ, что они должны засѣсть вмѣстѣ съ поляками, оказалось, что литовцы уже разъѣзжаются съ сейма. Король хотѣлъ было привлечь на сеймъ тѣхъ, кто еще не уѣхалъ. Тогда и эти поспѣшили покинуть Люблинъ (1 марта).

Такъ, и на этотъ разъ разбились намѣренія поляковъ объ упорное противодѣйствіе литовскихъ магнатовъ, взявшихъ въ свои руки веденіе переговоровъ объ уніи. Въ то самое время, когда паны-рада великаго княжества занимались уніею, остальные станы—княжата, панята, урядники земскіе и дворные и послы земскіе совѣщались о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и вырабатывали свои просьбы къ господарю. Эти просьбы въ общемъ спискѣ представлены были королю и получили отъ него письменные отвѣты по пунктамъ Прежде всего станы ходатайствовали о томъ, чтобы приведена была въ исполненіе ухвала послѣдняго Городенскаго сейма касательно исправленія статута, и чтобы люди, избранные для этого дѣла, засѣли за него въ этомъ же, 1569-мъ, году и кончили «поправу» статута; къ этому станы присоединяли просьбу о назначеніи имъ кормовыхъ денегъ. Король согласился въ принципѣ на это ходатайство и объявилъ, что избранныя для «поправы» статута лица должны съѣхаться въ Вильну спустя три недѣли послѣ Пасхи и заняться этимъ; но изысканіе имъ «выхованья» король предоставилъ уже самимъ просителямъ, ибо исправленіе статута ихъ собственная «справа земская».—Станы просили затѣмъ отобрать у князя Курбскаго Крево и Ковель, такъ какъ мѣстная шляхта терпитъ большее «утисненье» отъ его «заможности», и взамѣнъ того «осмотрѣть» его чѣмъ-нибудь другимъ. Король отвѣчалъ, что онъ далъ Крево кн. Курбскому по высшимъ государственнымъ соображеніямъ и не можетъ безъ уважительныхъ причинъ отобрать у него эту волость; что же касается Ковля, то это личная собственность короля, которою онъ воленъ распоряжаться по усмотрѣнію. Жалуясь на великія «кривды и стисненія» отъ москвитянина Владиміра Заболоцкаго, державшаго въ заставѣ Ляховичи, станы просили короля разрѣшить кому-нибудь изъ нихъ выкупить эту державу и взять ее къ своимъ рукамъ. Но король отклонилъ это ходатайство, сославшись на то, что и Ляховичи—его личная собственность, «спадокъ Гаштольдовскій», которымъ онъ въ правѣ распоряжаться, какъ ему угодно.—Станы просили также вернуть Кіевской шляхтѣ замокъ Чернобыль, который неправильно выпросилъ у короля панъ Филонъ Кмита съ шляхетскими имѣньями, давъ за него также имѣнья Браславской и Вѣницкой шляхты, ему не при-

надлежащія. Король отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ обыкновенія заочно отнимать свои пожалованья: пусть просители ищутъ на Филонѣ Кмитѣ судомъ.—Затѣмъ станы повторяли свои прежнія ходатайства о предоставленіи шляхтѣ Кобринской, Мстибоговской, Волпенской, Межирѣцкой, Гераноинской и Трабской пользованія шляхетскими правами и вольностями «въ повѣтахъ» на равнѣ съ самими просителями, объ учрежденіи воеводствъ и каштеляній въ Городнѣ и Ковнѣ, объ исправленіи границъ съ западными сосѣдями, объ огражденіи отъ обидъ и насилій со стороны жолнеровъ, о предоставленіи «мынцы» въ завѣдыванье земскаго подскарбія, о расширеніи границъ Виленскаго повѣта, объ отводѣ мѣстъ для засѣданій земскихъ судовъ и храненія книгъ, о назначеніи содержанія земскимъ посламъ, отправляемымъ на сеймы. Король и на этотъ разъ отклонилъ ходатайства объ уравненіи шляхты спадковыхъ имѣній съ остальною и объ учрежденіи новыхъ воеводствъ и каштеляній; вопросъ объ исправленіи границъ отложилъ до рѣшенія вопроса объ уніи; съ жолнерами предоставилъ вѣдаться согласно съ рецессомъ и ухвалою прошлыхъ Городенскихъ сеймовъ; «мынцу» отдавалъ подъ надзоръ подскарбія земскаго; исправленіе границъ Виленскаго повѣта отложилъ до будущаго литовскаго сейма; зданія для засѣданій земскихъ судовъ и храненія книгъ предоставилъ выстроить самимъ просителямъ на мѣстахъ, которыя отведутъ имъ воеводы и старосты судовыхъ повѣтовъ; средства на содержаніе пословъ земскихъ предоставилъ ассигновать повѣтовымъ сеймикамъ при выборѣ пословъ, какъ это и раньше бывало [198]).

Всѣ эти просьбы представлены были передъ 15 февраля 1569 г.[199]), а 20 февраля станы уже вернули назадъ господарскіе отвѣты на нихъ, которые они, очевидно, признали либо неудовлетворительными, либо требующими дополненій.

Послѣ того, какъ разбилась попытка присоединить великое княжество цѣликомъ и сразу, поляки ухватились за мысль сдѣлать это въ нѣсколько пріемовъ, и на первыхъ порахъ присоединить области, на которыя они издавна имѣли притязанія. Еще до окончательнаго разрыва съ литовцами поляки на своихъ совѣщаніяхъ поговаривали о томъ, что Польшѣ собственно нужны Подляшье и Волынь, и что изъ-за этихъ областей и надо хлопотать объ уніи [200]). Какъ только литовцы

---

[198]) *J. Jaroszewicza* Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji, część II, str. 186—199. Wilno 1844.

[199]) Приложеніе № 76.

[200]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 664, 665, 117.

уѣхали изъ Люблина, послы сейчасъ же начали требовать отъ короля присоединенія Подляшья и Волыни. Паны радные съ своей стороны стали совѣтовать королю возвратить, наконецъ, къ коронѣ Подляшье и Волынь и указывали, что тогда литовцы сами, добровольно покорятся Польшѣ. Въ своихъ требованіяхъ поляки несомнѣнно стояли на реальной почвѣ, опирались на настроеніе, господствовавшее въ массѣ военно-служилаго люда Подляшья и Волыни. Подляшская и Волынская шляхта сама стремилась къ уніи съ Польшею, отъ которой ожидала себѣ новыхъ правъ и вольностей и прекращенія своего въ высшей степени неудобнаго положенія пограничныхъ обывателей. Мы видѣли, что уже на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 года Волыняне и Подляшане заявляли желаніе скорѣйшаго заключенія уніи съ Польшею (стр. 704, 705, 708). Вѣроятно, что и на Городенскомъ сеймѣ 1568 г Подляшскіе же и Волынскіе послы настаивали на созваніи «спольнаго» сейма для заключенія уніи. Поляки не могли не знать обо всемъ этомъ. Есть основанія думать, что у нихъ велись тайные переговоры съ Подляшанами и Волынянами на Люблинскомъ сеймѣ. Этимъ и можно объяснить тѣ опредѣленныя требованія, которыя они предъявили королю для обывателей Подляшья и Волыни.

Они подали просьбу, чтобы немедленно написанъ былъ привилей о присоединеніи Подляшья и Волыни къ коронѣ, чтобы сенаторы и послы этихъ земель засѣли съ поляками вмѣстѣ на сеймѣ, чтобы съ обывателей Подляшья и Волыни сняты были всѣ литовскія тягости, поборы и подати, чтобы корчмы и мыта у нихъ не отдавались въ аренду жидамъ, и чтобы на нихъ не распространялось дѣйствіе Александровой экзекуціи (т. е. конституціи 1504 г. о редукціи государственныхъ имѣній). Король для перваго раза согласился исполнить просьбу поляковъ только относительно Подляшья, но въ свою очередь потребовалъ отъ пословъ гарантіи въ томъ, что поляки окажутъ защиту Подляшанамъ отъ литовцевъ. Послы обѣщали, и король приказалъ Подляшскимъ посламъ и урядникамъ, которые еще не уѣхали съ сейма, сѣсть вмѣстѣ съ поляками, принести присягу на вѣрность Польшѣ и принять участіе въ составленіи универсала о присоединеніи Подляшья. Двое изъ пословъ, маршалокъ и писарь Дорогицкій Коспаскій и хоружій Дорогицкій, подстароста Бранскій, Буйно, безпрекословно исполнили приказъ короля и присягнули на вѣрность Польшѣ, какъ только имъ обѣщали снятіе литовскихъ тягостей. Но другіе послы соглашались на это лишь въ томъ случаѣ, если поляки дадутъ имъ письменное обязательство защищать ихъ отъ литовцевъ. Дѣло въ томъ, что остававшіеся въ Люблинѣ литовскіе паны радные, узнавъ о перего-

ворахъ Подляшанъ съ поляками, стали застращивать ихъ и угрожать возмездіемъ за измѣну, и потому Подляшане не рѣшались присягать Польшѣ, прежде чѣмъ поляки не обезпечатъ ихъ отъ литовскихъ репрессалій. Ихъ успокоили, и они присягнули. Больше сопротивленія оказали разные урядники, въ родѣ, напр., старосты Мельницкаго Матиса Савицкаго, но и они въ концѣ концовъ присягнули. Только подканцлеръ Воловичъ, державшій на Подляшьѣ Ломазы, Воинь и Ходыничи, категорически отказался отъ присяги, несмотря на то, что ему угрожали отнятіемъ этихъ державъ [201]).

Событія ускорили присоединеніе Подляшья и Волыни. Бывшіе на сеймѣ подляшане узнали, что паны-рада великаго княжества разослали по всему государству, въ томъ числѣ и на Подляшье, военные листы съ грознымъ приказаніемъ выѣзжать на войну подъ страхомъ конфискаціи имѣній. Подляшане, присягнувшіе на вѣрность Польшѣ, стали просить короля, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ послѣдствій ослушанія этимъ листамъ и издалъ отъ себя контръ-приказъ по Подляшью. Поляки поддержали подляшанъ въ этой просьбѣ, и король во исполненіе этой просьбы 12 марта разослалъ универсалъ *о возвращеніи* Подляшья и Волыни къ коронѣ Польской. Въ этомъ универсалѣ король объявлялъ, что Подляшье и Волынь de jure всегда были польскими областями, а если до сихъ поръ находились при Литвѣ, то это не по какому-либо законному праву, а просто потому, что Польша и Литва имѣли одних государей. Поэтому король приказывалъ всѣмъ сенаторамъ и посламъ Подляшья и Волыни, уѣхавшимъ самовольно съ сейма, вернуться къ извѣстному сроку (Подляшанамъ—къ воскресенью пятой недѣли поста, а Волынянамъ—къ Вербному воскресенью) и принести присягу на вѣрность Польшѣ, какъ это уже сдѣлали оставшіеся послы. Король приказывалъ явиться въ Люблинъ для принесенія присяги и всѣмъ старостамъ и державцамъ Волыни и Подолья. Всѣмъ обывателямъ Подляшья и Волыни объявлялось въ универсалѣ, что отнынѣ всѣ аппелляціи отъ мѣстныхъ судовъ должны будутъ восходить не въ Литву, а въ Польшу, а листы на Подляшье и Волынь будутъ присылаться не изъ литовской, а изъ польской государственной канцеляріи; всѣ литовскія тягости съ нихъ снимаются и они не будутъ подлежать экзекуціи короля Александра [202]). Актъ о присоединеніи Подляшья закрѣпленъ былъ окончательно особымъ привилеемъ, составленнымъ при участіи польскихъ подляшскихъ пословъ. Этотъ привилей составленъ

---

[201]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 122—185.

[202]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 189—191.

былъ уже 5 марта, но окончательно былъ редактированъ, принятъ сеймомъ и получилъ силу закона только въ концѣ этого мѣсяца [203]). Привилей начиналъ съ историческаго оправданія присоединенія къ Польшѣ Подляшья. Подляшье искони де принадлежало Польшѣ, составляя часть Мазовіи. Отъ Мазовіи оторвалъ его король Казимиръ и присоединилъ къ Литвѣ, но поляки съ тѣхъ поръ и до самаго 1569 г. не переставали требовать возвращенія его къ коронѣ. Исполняя это желаніе, король и возвращаетъ Польшѣ ея законное достояніе, причемъ обывателей Подляшья освобождаетъ отъ всѣхъ податей, поборовъ, мытъ и всякихъ иныхъ литовскихъ тягостей и сравниваетъ ихъ во всѣхъ правахъ и вольностяхъ съ остальными обывателями короны Польской, обязываетъ ихъ, какъ и другихъ, давать по два гроша съ волоки въ королевскую казну, но освобождаетъ ихъ отъ дѣйствія Александровой конституціи касательно редукціи имѣній и гарантируетъ ненарушимость всѣхъ жалованныхъ грамотъ на имѣнья, всѣхъ «заставныхъ» листовъ, полученныхъ тѣми, кто далъ деньги на нужды великаго княжества, вѣчное и спокойное владѣніе землями, полученными въ обмѣнъ за грунты, занятые въ волоки. Привилей устанавливалъ, чтобы впредь обыватели Подляшской земли по всѣмъ дѣламъ своимъ обращались къ польскому двору и коронной канцеляріи, а отъ судовъ своихъ аппеллировали на генеральные «роки» воеводства и на вальный польскій сеймъ или къ королю въ Польшу (отъ магдебургскихъ судовъ), чтобы все вообще судопроизводство шло вполнѣ по обычаю короны Польской. Сенаторамъ и посламъ земскимъ Подляшья привилей отводилъ мѣсто на сеймѣ между сенаторами и послами воеводства Мазовецкаго, а посламъ гарантировалъ сверхъ того и содержаніе по примѣру всѣхъ вообще коронныхъ земскихъ пословъ; привилей гарантировалъ также, что уряды и достоинства на Подляшьѣ будутъ раздаваться только мѣстнымъ уроженцамъ, имѣющимъ на Подляшьѣ осѣдлость, всѣ права и обычаи земли останутся ненарушимыми, насколько они не противорѣчатъ возвращенію Подляшья къ коронѣ. Какъ символъ принадлежности къ коронѣ Польской, привилей вводилъ изображеніе орла на военныхъ хоругвяхъ подляшскихъ повѣтовъ [204]).

Литовскіе паны пришли въ сильное негодованіе, когда узнали объ отторженіи отъ великаго княжества Подляшья и Волыни. По слухамъ, дошедшимъ до Люблина, двое изъ нихъ намѣревались ѣхать въ Крымъ поднимать на Польшу татаръ. Но литовская шляхта не раздѣ-

---

[203]) Тамъ же, стр. 231.

[204]) Volumina legum II, p 77—80.

ляла этого воинственнаго пыла своихъ магнатовъ. Для нея стала непомѣрно тяжела и одна война съ Москвою, и она, какъ мы видѣли, повально уклонялась отъ несенія ея тягостей. Безъ сочувствія же и содѣйствія шляхты магнатамъ нечего было и думать о борьбѣ съ Польшею. Для борьбы, конечно, потребовалось бы увеличить наемное войско. Между тѣмъ рессурсы литовскаго скарба были исчерпаны до крайности. Яркою иллюстраціею тому можетъ служить между прочимъ тотъ фактъ, что вслѣдствіе неисправнаго поступленія податка, опредѣленнаго на Городенскомъ сеймѣ 1568 г., правительство оказалось не въ состояніи напять достаточнаго количества жолнеровъ и вынуждено было оставить границы великаго княжества безъ достаточной защиты[205]. Очевидно, что помимо того въ скарбѣ было мало денегъ, и негдѣ было ихъ достать въ должномъ количествѣ. Для удовлетворенія текущихъ нуждъ господарь долженъ былъ обращаться къ займамъ у частныхъ лицъ подъ залогъ господарскихъ имѣній. Такъ, еще 20 декабря, въ бытность въ Воинѣ, «за вѣдомостью» пановъ-рады король взялъ у подскарбія земскаго Миколая Нарушевича 4000 копъ грошей и въ этой суммѣ заставилъ ему дворы *Пеняны и Купишки* на девять лѣтъ съ 1 января 1569 г. съ правомъ получать съ доходовъ этихъ державъ 400 копъ процентовъ и 400 въ ежегодное погашеніе[206]. Въ мартѣ 1569 года, уже на сеймѣ въ Люблинѣ, король долженъ былъ заставить *Оникштенскую* державу въ 1800 копахъ мѣстному державцѣ, маршалку Павлу Каспоровичу Островицкому, съ правомъ взимать 150 копъ грошей процентовъ изъ господарскихъ доходовъ державы[207]. Тогда же, повидимому, заставлены были *дворы Олитскіе Вороново* въ 1200 копахъ и *Орнишки* въ 800 копахъ мѣстному державцѣ Станиславу Райскому и дворъ *Вистинецъ* въ 1000 копахъ грошей подкоморію Городенскому пану Павлу Котовичу[208]. Въ концѣ марта (27-го) король заставилъ замокъ *Лембзеленъ* въ землѣ Лифляндской ротмистру Яну Овсенскому въ суммѣ 646½ копъ гр., которые не въ состояніи былъ уплатить ему за службу въ Ливоніи[209] и т. д. Въ мартѣ 1569 г. положеніе дѣлъ въ литовскомъ скарбѣ было невозможное. Подскарбій Нарушевичъ писалъ королю, что на скарбъ пришли «потребы великие а кгвалтовные», какъ то: снабженіе всѣмъ необходимымъ украинныхъ

---

[205]) Приложеніе № 69.

[206]) Литов. Метр. кн. Запис. LI, л. 232—234.

[207]) Литов. Метр. кн. Запис. XLVIII, л. 283—285.

[208]) Литов. Метр. кн. Запис. LII, л. 46.

[209]) Литов. Метр. кн. Запис. L. л. 297, 298.

замковъ, расплата съ служебными людьми, пушкарями и фурманами и т. д., а между тѣмъ въ скарбъ не поступаетъ никакихъ доходовъ, и онъ не знаетъ, откуда достать денегъ; для удовлетворенія государственныхъ нуждъ онъ, подскарбій, позаложилъ всѣ свои имѣнья, набралъ въ долгъ денегъ по распискамъ и теперь не можетъ расплатиться съ своими кредиторами. Подскарбій просилъ короля разрѣшить ему заложить что-нибудь изъ господарскихъ имѣній, находящихся въ его держаньѣ. Король разрѣшилъ ему «завести» часть этихъ имѣній, но не на долго, такъ какъ и безъ того уже «праве большая часть именей столу господарского въ ономъ паньстве, великомъ князьстве Литовскомъ для великихъ потребъ земскихъ заставлена и заведена» [210]). Скарбъ не могъ расплатиться даже съ скарбнымъ Иваномъ Семеновичемъ Зарѣцкимъ и братомъ его Зиновіемъ, которые, добывая для него деньги, пришли сами въ великіе долги. Король долженъ былъ (5 апрѣля) выдать имъ «желѣзный» листъ, коимъ отсрочивалъ взысканіе съ нихъ всякихъ долговъ на три года, съ Пасхи 1569 года и до Пасхи 1572 года [211]). Скарбъ, можно сказать, не далекъ былъ отъ полнаго банкротства, ибо вслѣдствіе безпрестанныхъ «заставъ» господарскихъ имѣній, вслѣдствіе экономическаго разстройства, вызваннаго войною, поступленія въ скарбъ все болѣе и болѣе сокращались, а расходы нисколько не уменьшались, если только не увеличивались. При такихъ условіяхъ самостоятельность государства, его честь и достоинство могли быть сохранены, да и то не навѣрное, только дружными усиліями и жертвами со стороны землевладѣльцевъ великаго княжества. Магнаты готовы были къ этимъ жертвамъ, ибо здѣсь замѣшаны были ихъ существенные интересы. Но шляхетская масса не обнаруживала уже къ тому готовности. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до поляковъ, «шляхта римской вѣры» удержала своихъ магнатовъ отъ разрыва съ Польшею и настояла на посылкѣ въ Люблинъ пословъ для переговоровъ съ поляками. Магнаты должны были смириться и исполнить ея желаніе.

Въ качествѣ пословъ отъ литовцевъ явились на Люблинскій сеймъ 5 апрѣля староста Жмудскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, подканцлеръ Остафій Воловичъ, крайчій Миколай Криштофъ Радивилъ и подчашій Миколай Петровичъ Кишка. Ходкевичъ по бумагѣ произнесъ рѣчь, въ которой онъ отъ имени своей старшей братьи, пановъ-рады великаго княжества, просилъ поляковъ не отторгать отъ великаго кня-

---

[210]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ X, л. 8, 9.

[211]) Тамъ же, л. 7, 8. Скарбъ задолжалъ И. С. Зарѣцкому 15372 копы 43 гр. 5 пен. (Запис. LIV, л 44—47; Судн. дѣлъ LIII, л. 305—308).

жества Подляшья, которое изстари было его достояніемъ и только на время отходило къ Мазовіи «въ суммѣ пенязей», и исконной литовско-русской области—Волыни, усѣянной имѣньями князей, потомковъ Олелька, Ольгерда, Наримунта и Корибута. Ходкевичъ просилъ поляковъ этимъ отторженіемъ не разрушать братскую любовь между обоими народами и не отталкивать отъ уніи литовцевъ, которые при подобныхъ поступкахъ поляковъ не могутъ быть увѣренными даже въ сохраненіи своихъ отчинъ, просилъ поберечь честь и достоинство ихъ общаго государя, который при восшествіи на великое княженіе Литовское давалъ присягу соблюдать это государство въ цѣлости и неприкосновенности.

Ходкевичъ доказывалъ, что литовцы съ своей стороны ничѣмъ не заслужили такой кары со стороны поляковъ. На ихъ зовъ они поѣхали на сеймъ въ полной надеждѣ на то, что поляки не будутъ принуждать ихъ къ чему либо, братской любви противному, вѣря тому, что говорили отъ ихъ имени послы—бискупъ Плоцкій, каштелянъ Любачевскій и референдарій; и притомъ поѣхали не въ пограничный пунктъ, а въ глубь королевства Польскаго. Цѣлыхъ восемь недѣль затѣмъ они вели переговоры съ поляками, и если затѣмъ уѣхали съ сейма, то только потому, что поляки хотѣли заключить унію на основаніи старыхъ записей, на что у нихъ не было полномочій отъ ихъ братьевъ, остававшихся въ великомъ княжествѣ. Ходкевичъ просилъ поляковъ составить такой проектъ уніи, который бы не вредилъ чести и достоинству великаго княжества и не осуждалъ бы одну рѣчь посполитую на погибель ради другой, вручить его ему и его товарищамъ, а съ своей стороны обѣщалъ разослать его на повѣтовые сеймики и склонять своихъ братьевъ къ принятію и утвержденію его на общемъ сеймѣ [212]).

Литовское посольство, такимъ образомъ, просило перенести рѣшеніе вопроса объ уніи на другой «спольный» сеймъ. Но поляки не согласились на это и потребовали, чтобы литовцы вернулись въ Люблинъ и кончали дѣло уніи на теперешнемъ же сеймѣ, обѣщаясь ждать ихъ четыре недѣли. Сенаторы хотѣли было согласно желанію, выраженному литовскими уполномоченными, вручить имъ проектъ привилея на унію для предварительнаго обсужденія на повѣтовыхъ сеймикахъ. Но послы сильно воспротивились этому, считая созывъ въ Литвѣ сеймиковъ пустою и небезопасною тратою времени. Больше всѣхъ ра-

---

[212]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 258—265.

товали противъ созыва сеймиковъ послы подляшскіе, побаивавшіеся литовцевъ и жаждавшіе скорѣйшаго заключенія уніи. Хоружій Дорогицкій отъ имени своихъ товарищей говорилъ, что не слѣдуетъ разрѣшать литовцамъ созыва сеймиковъ. «Сеймики тамъ отбываются иначе, чѣмъ у васъ, господа. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста да хоружій; напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ земянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками. Поэтому не понимаю, для чего нужно созывать эти сеймики. Тамъ шляхта ничего не рѣшаетъ, одни паны, что захотятъ, то и дѣлаютъ. Если вы назначите имъ сеймики, то только для того, чтобы имъ протянуть время, и они тамъ еще напишутъ, что даютъ посламъ ограниченное полномочіе, чего безъ сеймиковъ не сдѣлали бы; а вы, господа, будете здѣсь даромъ жить. Они того лишь и добиваются, какъ бы выторговать у васъ назадъ Волынь и Подляшье. Ради Бога не дайте имъ обмануть васъ»[213]). Всѣ эти предоставленія подѣйствовали и рѣшено было отпустить литовское посольство безъ привилея на унію, съ однимъ обѣщаніемъ ждать литовцевъ въ Люблинѣ еще четыре недѣли. Въ этомъ смыслѣ данъ былъ и отвѣтъ литовскимъ уполномоченнымъ отъ имени коронной рады (23 апрѣля)[214]).

Но король держался иной точки зрѣнія на созывъ сеймиковъ въ Литвѣ. Поэтому онъ приказалъ изготовить соотвѣтствующіе листы и разослать по великому княжеству. Листы были изготовлены 26 и 27 апрѣля, а 28 уже были отправлены въ великое княжество[215]). Въ этихъ листахъ король приказывалъ всѣмъ станамъ собраться на повѣтовые сеймики къ 10 мая, избрать прежнихъ или новыхъ пословъ и отправить ихъ къ 1 іюня въ Люблинъ, давъ имъ неограниченныя полномочія на заключеніе уніи. Король указывалъ, что переговоры въ Люблинѣ не могли придти къ желанному концу именно вслѣдствіе того, что литовскіе послы не были уполномочены заключать унію на основаніи старыхъ записей, чего добивались поляки. При этомъ король выговаривалъ литовцамъ за то, что они, прося постоянно о заключеніи уніи для болѣе успѣшной борьбы съ непріятелемъ, отправляютъ своихъ пословъ на «спольные» сеймы съ ограниченными полномочіями и не только не признаютъ старыхъ записей уніи, но отказываются и отъ недавнихъ соглашеній, чѣмъ приводятъ оба государства «въ нелюбость и розтыркъ», затрудняютъ свою рѣчь посполитую,

---

[213]) Тамъ же, стр. 290.
[214]) Тамъ же, стр. 325.
[215]) Приложенія № 75—78.

сами разоряются частыми войнами и немалыми податками, а непріятелю даютъ ободреніе и постоянный успѣхъ. Выговоръ этотъ, очевидно, направленъ былъ главнымъ образомъ по адресу магнатовъ, а остальныхъ становъ касался настолько, насколько они виноваты были въ томъ, что слушались магнатовъ. Король приказывалъ литовцамъ во чтобы то ни стало прибыть на сеймъ въ Люблинъ и не откладывать заключеніе уніи до другого сейма въ виду того, что и съ непріятелемъ не сдѣлано никакого постановленья о перемиріи, и оборона государства не установлена, и податки земскіе, какъ доноситъ гетманъ, всѣ уже вышли [216]).

Въ ожиданіи возвращенія литовцевъ на сеймъ поляки поспѣшили принять мѣры къ окончательному присоединенію Подляшья и Волыни, ясно сознавая, что этимъ лучше всего можно будетъ привести литовцевъ къ уніи. Подляшскіе сенаторы и магнаты, владѣвшіе имѣньями на Подляшьѣ, оказали пассивное сопротивленіе присоединенію Подляшья къ коронѣ. Въ концѣ апрѣля они прислали письма къ королю съ извѣщеніемъ, что не могутъ явиться въ Люблинъ. Воевода Василій Тишкевичъ писалъ, что онъ боленъ, каштелянъ Григорій Тризна — то же; панъ Сопега—то же; староста Бѣльскій Юрій Александровичъ Ходкевичъ—то же. Воевода Троцкій кн. Збаражскій писалъ, что онъ готовъ исполнить приказаніе короля, но просилъ отсрочки; жена воеводы Витебскаго писала, что оглядывается на старшихъ; воеводичъ Виленскій Миколай Радивилъ писалъ, что онъ поступитъ такъ же, какъ старшіе паны; княгиня Полубенская писала, что пріѣдетъ и ударитъ челомъ, а панъ Александръ Вагановскій извинялся болѣзнью [217]). Послы, которымъ король передалъ эти письма, хорошо понимали, что значитъ эта общая болѣзнь подляшскихъ магнатовъ, и потому предложили отнять у непокорныхъ уряды и имѣнья въ силу постановленія объ экзекуціи, а для приведенія шляхты къ присягѣ отрядить коммиссаровъ. Король обѣщалъ сдѣлать все это, и дѣйствительно 2 мая отнялъ воеводство Подляшское у Тишкевича и пожаловалъ его подчашію Кишкѣ, а каштелянію—у Григорія Тризны и отдалъ ее Адаму Косинскому; новые сенаторы тотчасъ же принесли присягу и сѣли выше сенаторовъ Равскаго воеводства [218]). Подобныя же мѣры употребили поляки, чтобы сломить сопротивленіе волынскихъ магнатовъ. Когда 16 мая получены были отъ нихъ письма съ извиненіемъ въ томъ, что

---

[216]) Приложенія № 77, 78.

[217]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 329, 330.

[218]) Тамъ же, стр. 334, 335.

по болѣзни не могли явиться въ срокъ, и съ просьбою отсрочить имъ еще явку на сеймъ, послы предложили отнять у нихъ уряды и распространить экзекуцію на ихъ имѣнья, если они не пріѣдутъ къ 23 мая. Эти мѣры возымѣли свое дѣйствіе, и магнаты Подляшья и Волыни стали прибывать на сеймъ и приносить требуемую отъ нихъ присягу. Еще 21 мая присягнулъ воеводичъ Троцкій кн. Збаражскій, какъ владѣлецъ Межирѣча на Подляшьѣ [219]). 23 мая присягнули: бискупъ Луцкій Вербицкій, маршалокъ Загоровскій, судья Луцкій Бокей, подкоморій Луцкій Михаилъ Сербинъ, ключникъ Луцкій Александръ Жоравницкій, подсудокъ Луцкій князь Остафій Сокольскій, Владимірскій судья Богданъ Костюшковичъ, Луцкій земскій писарь Михайло Корытенскій, Луцкій мостовничій Иванъ Борзобогатый и нѣкоторые другіе видные земяне. На слѣдующій день послѣ отказовъ и упрашиваній повременить съ присягою принесли ее первостепенные волынскіе магнаты: воевода Волынскій кн. Чорторыйскій, воевода Кіевскій кн. Василій Острожскій, староста Луцкій, Брацлавскій и Вѣницкій Богушъ Корецкій, кн. Константинъ Вишневецкій и нѣкоторые другіе. 25 мая присягнули нѣкоторые подляшане, между прочимъ молодой Кишка съ матерью (вдовою Витебскаго воеводы), а 26 мая присягнулъ князь Збаражскій и Остафій Воловичъ, при чемъ послѣдній оговорился, что присягаетъ, какъ волынскій землевладѣлецъ, а не какъ подданный великаго княжества [220]). Магнаты въ концѣ концовъ сдавались на требованія поляковъ, очевидно, потому, что не чувствовали себѣ поддержки шляхетскаго большинства, не видѣли помощи со стороны Литвы и боялись поляковъ, которымъ уже 23 апрѣля было объявлено посполитое рушенье для осуществленія уніи, и которые не прочь были опредѣлить налогъ для присоединенія Подляшья и Волыни [221]).

Послѣ того поляки поспѣшили изготовить привилей *о возвращеніи* Волынской земли къ коронѣ (26 мая). Привилей начиналъ съ историческихъ доказательствъ правъ Польши на Волынь и въ числѣ другихъ данныхъ указывалъ между прочимъ листы Сигизмунда Кейстутьевича, въ которыхъ онъ признавалъ Волынь коронною областью. Вина отторженія отъ Польши Волыни и на этотъ разъ возложена была на короля Казимира. Привилей указывалъ, что поляки на сеймахъ никогда не переставали напоминать своимъ королямъ о возвращеніи Волыни и такимъ образомъ не потеряли правъ на нее въ силу давности. Въ

[219]) Тамъ же, стр. 375.

[220]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 378—387.

[221]) Тамъ же, стр. 322—323, 326, 370—371.

данный моментъ это возвращеніе осуществилось на слѣдующихъ условіяхъ: обыватели Волынской земли сравниваются въ правахъ и вольностяхъ съ остальными коронными обывателями, освобождаются отъ всякихъ литовскихъ податковъ и поборовъ, отъ мытъ, отъ городовой и мостовой повинности и обязываются только платить по два гроша съ волоки, а бояре путные по грошу съ дыма, какъ и иные обыватели короны Польской; относительно военной службы и даванья податковъ на войну подчиняются конституціямъ вальныхъ коронныхъ сеймовъ, съ соизволенія пословъ, которыхъ будутъ отправлять на эти сеймы; экзекуція относительно имѣній, предпринятая въ коронѣ Польской, на нихъ не распространяется, ибо, находясь при великомъ княжествѣ Литовскомъ, они не давали на нее своего согласія, и всѣ привилеи дарственные и заставные, выданные имъ изъ великокняжеской канцеляріи, будутъ имѣть силу; но съ того времени король и его преемники уже не будутъ раздавать столовыхъ имѣній на Волыни; обывателямъ Волынскаго воеводства предоставляется во всѣхъ судахъ судиться по литовскому статуту, который остается въ силѣ со всѣми сеймовыми дополненіями и измѣненіями, за исключеніемъ второго раздѣла, какъ противнаго польскимъ шляхетскимъ вольностямъ; этотъ статутъ имъ дозволялось исправлять на повѣтовыхъ сеймикахъ и новые артикулы вносить на утвержденіе на вальный коронный сеймъ; актовымъ языкомъ остается попрежнему языкъ русскій; только по аппелляціямъ отъ магдебургскихъ судовъ и вообще по мѣщанскимъ дѣламъ дворные урядники будутъ пользоваться польскимъ языкомъ по коронному обычаю; паны-рада духовные и свѣтскіе и князья заодно съ шляхтою будутъ подлежать юрисдикціи мѣстныхъ гродскихъ и земскихъ судовъ; уряды и достоинства ни въ чемъ не уменьшаются и, какъ прежде, такъ и впредь будутъ раздаваться лицамъ шляхетскаго званія, имѣющимъ осѣдлость въ землѣ Волынской; сенаторы Волынской земли получаютъ мѣста въ коронной радѣ, а послы, избранные на повѣтовыхъ сеймикахъ, между коронными послами; послы передъ отправленіемъ на вальный сеймъ должны будутъ съѣзжаться во Владимірѣ; содержаніе назначается имъ въ томъ же размѣрѣ, что и посламъ русскаго воеводства; въ знакъ принадлежности Волынскаго воеводства коронѣ, на его военныхъ хоругвяхъ будетъ изображаться польскій орелъ [222]).

Покончивъ съ присоединеніемъ Волыни поляки, простерли свое желаніе и далѣе—захотѣли присоединить литовское Подолье и Кіев-

[222]) Volumina legum II, p. 80—84.

щину. Въ засѣданіи 28 мая посольскій маршалокъ Чарнковскій потребовалъ, чтобы Кіевское воеводство было также *возвращено* коронѣ на основаніи старыхъ, но ясныхъ привилеевъ, изъ которыхъ видно, что Кіевскіе князья подчинялись Польшѣ. Въ засѣданіи 1-го іюня Перемышльскій судья Орѣховскій повторилъ это требованіе, распространяя его и на Брацлавское воеводство. Король обѣщалъ переговорить съ сенаторами о Кіевскомъ воеводствѣ, а относительно Брацлавскаго воеводства не сталъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ и заявилъ, что оно присоединяется къ коронѣ, ибо всегда составляло часть Волыни, а Волынь уже принадлежитъ коронѣ. Вслѣдъ за тѣмъ король приказалъ прибывшимъ на сеймъ сановникамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ Брацлавскаго воеводства присягнуть на вѣрность коронѣ. Послѣ недолгихъ колебаній принесли присягу воевода Брацлавскій кн. Романъ Ѳедоровичъ Сангушко, незадолго предъ тѣмъ прибывшій въ Люблинъ съ трофеями своей побѣды, одержанной надъ москвитянами въ битвѣ на Улѣ, каштелянъ Брацлавскій кн. Капуста, староста и каштелянъ Луцкій кн. Корецкій, подсудокъ Кременецкій Савва Яловицкій, городничій Витебскій Андрей Кисель и многіе другіе, при чемъ сенаторы немедленно заняли отведенныя имъ мѣста въ коронѣ. Послѣ того и вопросъ о присоединеніи къ коронѣ Кіевщины пошелъ быстрыми шагами къ рѣшенію. Этого присоединенія стали уже желать и требовать не одни поляки, но и сенаторы и послы новоприсоединенныхъ воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго. Князь Романъ Сангушко, напр., когда его пригласили къ присягѣ сталъ умолять короля, чтобы Брацлавщину не отдѣляли отъ Кіевской земли, съ которою она прежде была въ тѣсномъ единеніи. Волыняне просили присоединить Кіевъ потому, что черезъ Кіевъ литовцы могутъ водить на Волынь и Польшу татаръ, и потому, что Кіева давно уже добивается Московскій князь. Сенаторы польскіе не всѣ были того же мнѣнія, указывая на то, что присоединеніе Кіевщины ставитъ Польшу въ близкое сосѣдство съ татарами и вовлекаетъ въ постоянную борьбу съ ними, въ расходы на поминки и т. д. Но послы единодушно настаивали на присоединеніи Кіевщины, которая является воротами къ Волыни и Польшѣ. Король присталъ къ мнѣнію пословъ и призналъ нужнымъ присоединить Кіевъ и для того, чтобы оцѣпить Литву со всѣхъ сторонъ польскими владѣніями [223]). Вопросъ былъ, такимъ образомъ рѣшенъ, и 5 іюня былъ написанъ привилей *на возвращеніе* къ коронѣ Кіевской земли. Это воз-

---

[223]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 387—406.

вращеніе оправдывалось тѣмъ, что Кіевъ—главное мѣсто Русской земли, а Русская земля издавна принадлежала Польшѣ (?), и только Владиславъ-Ягайло присоединилъ ее къ Литвѣ, безъ согласія коронныхъ чиновъ, которые впослѣдствіи, однако, никогда не переставали напоминать о принадлежности его къ коронѣ. За исключеніемъ этого «историческаго» вступленія привилей о присоединеніи Кіевщины сходенъ съ Волынскимъ. Кіевщина, слѣдовательно, присоединена была къ коронѣ на тѣхъ же условіяхъ, что и Волынь [224]).

Шестого іюня явились на сеймѣ литовскіе паны радные и послы. Староста Жмудскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ въ длинной рѣчи излилъ передъ поляками всю горечь литовцевъ по поводу ихъ дѣйствій и отъ имени всѣхъ становъ великаго княжества просилъ не отторгать отъ него Подляшья, Волыни и Кіевщины. Коронные сенаторы отвѣчали, что поляки ничего не отторгали отъ великаго княжества, а только вернули то, что изстари принадлежало коронѣ, и предложили литовцамъ кончать поскорѣе дѣло уніи. На это Ходкевичъ замѣтилъ: «не знаю, какая это будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами въ радѣ сидятъ паны великаго княжества: вы уже обрѣзали намъ крылья. Между вами уже сидятъ воеводы Волынскій, Кіевской, Подольскій; между вами и другіе наши паны радные—каштеляны». Ходкевичъ совершенно правильно оцѣнилъ положеніе литовцевъ. Дѣйствительно, послѣ того, какъ отъ Литвы оторвано было столько областей, ей уже трудно было заноситься далеко въ своихъ требованіяхъ. Выше было указано на то, что силы и средства великаго княжества были истощены до крайности разорительною Ливонскою войною [225]), что военнослужилые землевладѣльцы повально укло-

---

[224]) Volumina legum II, p. 84—87.

[225]) Въ маѣ 1569 г. скарбъ не могъ расплатиться съ писаремъ польнымъ Войтехомъ Стабровскимъ, который переплатилъ служебнымъ людямъ своихъ денегъ 2425 копъ 32 гр. 7 пенезей, самъ занявъ эти деньги. Король долженъ былъ для расплаты съ нимъ взять у тивуна Ретовскаго Марка Внучка 2665 копъ и предоставить ему выбирать эти деньги съ процентами изъ господарскихъ доходовъ тивунства (Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ LIII, л. 220—221; Публич. дѣлъ X, л. 34; Записей XLVIII, л. 332—334). Въ началѣ іюля король долженъ былъ взять взаймы у каштеляна Берестейскаго Яна Миколаевича Гайка 1600 копъ грошей и въ этой суммѣ заставить ему дворъ *Трабы* съ волостью на годъ съ правомъ держать еще годъ, если въ срокъ не послѣдуетъ выкупа, и т. д. (Запис. LI, л. 167—169); у пана Станислава Милошевскаго король взялъ 2000 копъ и заставилъ ему въ этой суммѣ *волость Селецкую* въ Берестейскомъ староствѣ (Запис. XLVIII, л. 407—410) и т. д.

нялись отъ несенія бремени войны. Между тѣмъ конца этой войнѣ не предвидѣлось. Несмотря на цѣлый рядъ успѣховъ, одержанныхъ литовцами въ 1568 и въ началѣ 1569 г. (взятіе, напр., замка Ульскаго и Изборска), москвитяне не прекращали своихъ наступательныхъ дѣйствій на великое княжество. Между прочимъ они подходили уже къ Витебску и сожгли его посады. Великому княжеству и прежде уже не подъ силу было бороться съ Москвою, а теперь, послѣ отторженія отъ него Подляшья и Малороссіи, и тѣмъ болѣе. Литовскіе магнаты волею-неволею должны были распроститься съ своими мечтами о сохраненіи великаго княжества Литовскаго во всей его «чести и достоинствѣ». Они попытались, впрочемъ, спасти все, что только было можно, изъ литовской самостоятельности и долго еще препирались съ поляками объ условіяхъ уніи. Требованія ихъ состояли въ томъ, чтобы общій государь присягалъ не только королевству Польскому, но и великому княжеству, чтобы къ привилеямъ земскимъ, которые будутъ имъ подтверждаться, прилагалась не только польская, но и литовская печать, чтобы «спольные» сеймы бывали попеременно въ Польшѣ и Литвѣ, чтобы Лифляндская земля, изъ-за которой великое княжество потратило такъ много крови и денегъ, осталась при немъ, и чтобы унія была актомъ договора, подтвержденнымъ присягою обѣихъ сторонъ (поляки хотѣли было присоединить Литву актомъ «in contumaciam», т. е. простымъ распоряженіемъ короля о приведеніи въ унію непокорныхъ литовцевъ на основаніи старыхъ записей). Поляки уступили пока по одному послѣднему пункту—согласились подтвердить присягою актъ уніи и такимъ образомъ признать ее актомъ свободнаго договора между обоими государствами. Наконецъ, 1 іюля соглашеніе состоялось, и обѣ стороны подтвердили присягою актъ уніи [226]).

Этотъ актъ гласилъ, что великое княжество Литовское и корона Польская сливаются въ одно нераздѣльное государственное тѣло и составляютъ не двѣ, а одну Рѣчь Посполитую; эта Рѣчь Посполитая всегда будетъ имѣть одну главу, одного государя, избираемаго сообща панами радными и всѣми станами Польши и Литвы въ Польшѣ, помазуемаго и коронуемаго въ Краковѣ; особое избраніе этого государя въ Литвѣ и возведеніе на великое княженіе прекращается; но такъ какъ остается титулъ великаго княжества и особые уряды, то и общій государь послѣ избранія провозглашается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жмудскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подляшскимъ и Ливонскимъ; избраніе короля

---

[226]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 407—490.

будетъ впредь вольное, безъ всякихъ ограниченій, ибо король отступился отъ своихъ династическихъ правъ на Литву въ пользу короны Польской и выговорилъ только, чтобы его потомки, если не будутъ избраны на престолъ, получали отъ Рѣчи Посполитой пристойное обезпеченіе, безъ разчлененія, однако, самого государства; избранный король при коронаціи будетъ подтверждать въ одномъ листѣ права и вольности обоихъ народовъ и приносить въ соблюденіи ихъ присягу; рада и сеймы впредь будутъ всегда общіе въ Польшѣ и Литвѣ, а отдѣльныхъ литовскихъ сеймовъ король уже не будетъ созывать; всѣ законы, судебныя опредѣленія, права и вольности земскія і привилегіи частныхъ лицъ остаются въ силѣ; всѣ паны радные, дигнитаріи, урядники и старосты литовскіе приносятъ присягу королю и коронѣ согласно привилею короля Александра; паны радные и всѣ станы обоихъ народовъ обязываются принимать всякія рѣшенія ко благу государства сообща и при возникающихъ разногласіяхъ всячески стремиться ко взаимному согласію; договоры и союзы съ посторонними государствами впредь не могутъ заключаться Польшею и Литвою порознь, а только сообща, по важнымъ дѣламъ не могутъ вестись порознь и дипломатическія сношенія; договоры, заключенные одною изъ сторонъ до уніи и вредящіе другой, разторгаются; устанавливается для Польши и Литвы единообразная одинаковая по вѣсу и цѣнности монета; лица шляхетскаго званія и ихъ подданые въ Польшѣ и Литвѣ освобождаются отъ платежа всякихъ пошлинъ при продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ дома или вывозѣ за границу; кассируются всѣ постановленія, направленныя противъ пріобрѣтенія поляками земскихъ имѣній въ Литвѣ, и отнынѣ уже вольно будетъ полякамъ пріобрѣтать имѣнья въ Литвѣ и владѣть ими, а литовцамъ въ Польшѣ; уряды и достоинства, существовавшія въ великомъ княжествѣ до уніи, остаются безъ измѣненія и послѣ уніи; экзекуція относительно столовыхъ имѣній не распространяется на великое княжество, но король обязывается впредь не раздавать господарскихъ столовыхъ имѣній на Литвѣ, не включая сюда имѣнья «спадковыя», т. е. выморочныя, перешедшія къ нему за неимѣніемъ наслѣдниковъ: такія имѣнья онъ воленъ раздавать, кому хочетъ, полякамъ и литовцамъ, дабы служба военная не уменьшалась; кромѣ того, по возвращеніи отъ непріятеля занятыхъ имъ владѣній великаго княжества король долженъ будетъ раздать въ нихъ имѣнья тѣмъ, кто и раньше владѣлъ ими, а данныя имъ во временное владѣніе имѣнья отобрать и привернуть снова къ столу господарскому [227]).

---

[227]) Volumina legum II, p. 87—92.

Послѣ принесенія присяги литовцы засѣли съ поляками вмѣстѣ и сообща занялись обсужденіемъ и рѣшеніемъ различныхъ государственныхъ вопросовъ. При этомъ литовцы выступили съ различными предложеніями и ходатайствами, относительно которыхъ условились частью еще дома, а частью уже на самомъ сеймѣ. На первую очередь они поставили вопросы, такъ или иначе связанные съ только что заключенною уніею, а именно: о дальнѣйшей борьбѣ съ Москвою, ради которой заключена была и самая унія, о присоединеніи къ уніи Лифляндской земли, о мѣстѣ общаго сейма и участіи на немъ литовскихъ княжатъ, объ избраніи короля и обезпеченіи его потомковъ, о функціяхъ литовскихъ урядниковъ и о монетѣ [228]).

При обсужденіи перваго вопроса возникъ споръ о томъ, какъ вести войну, наемнымъ ли войскомъ или посполитымъ рушеньемъ. Коронные сановники высказались за первый способъ, и ихъ всѣми силами поддержали литовскіе. «Лучше намъ,—говорили они полякамъ,—вовсе не имѣть вашей помощи, нежели везти черезъ свою землю посполитое рушенье, потому что тогда, чего не запустошитъ непріятель, то доконаетъ посполитое рушенье» [229]). Мнѣніе это въ концѣ концовъ взяло верхъ, и рѣшено было вести войну наемнымъ войскомъ, а для содержанія его дать новый податокъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. Но такъ какъ въ Польшѣ обложеніе происходило нѣсколько иначе, чѣмъ въ Литвѣ, то пришлось заняться приведеніемъ въ соотвѣтствіе польскаго обложенія съ литовскимъ [230]). Въ концѣ концовъ для великаго княжества было установлено: всѣ крестьяне господарскіе и владѣльческіе должны дать по 20 грошей съ волоки или со службы; то же самое и мѣщане, имѣющіе пашни; огородники, владѣющіе только огородами,—по 2 гроша, а владѣющіе сверхъ того и пашнями—4 гроша; огородники, имѣющіе дома и огороды и сидящіе на чиншѣ,—по 6 грошей; коморники, имѣющіе рогатый скотъ,—по 4 гроша; гулящіе люди—по 12 грошей съ головы; перекупники—по 6 грошей, ремесленные люди отъ ремесла—по 6 грошей; рыболовы—по 8 грошей; рудники—по 6 грошей; мѣщане привилегированныхъ мѣстъ—по 16 грошей съ дома на рынкѣ, по 8 грошей съ уличнаго дома, по 4 гроша съ дома на предмѣстьѣ; мѣщане непривилегированныхъ мѣстъ—съ домовъ на

---

[228]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 491, 492.

[229]) Тамъ же, стр. 497, 498.

[230]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 607, 617; это соглашеніе состоялось окончательно 8 августа, и тогда же былъ написанъ универсалъ о сборѣ податка (тамъ же, стр. 620).

рынкѣ по 4 гроша, съ уличныхъ домовъ—по 2 гроша, съ бѣдныхъ хатъ—1 грошъ [231]); жиды—по золотому съ головы, шляхтичи, не имѣющіе крестьянъ, по 12 грошей съ волоки въ складчину; митрополитъ и владыки съ «голаго» чинша—по $6\frac{1}{2}$ грошей отъ гривны (въ 1569 г. гривна=48 польскихъ грошей) [232]). Срокомъ взноса податка назначенъ былъ день св. Михаила (29 сентября). Для сбора его выбраны были особые поборцы для каждаго повѣта, которые въ свою очередь должны были передать собранныя деньги подскарбію земскому великаго княжества и приданнымъ ему въ помощь двумъ депутатамъ по выбору сейма, маршалку кн. Янушу Свирскому и подкоморію Троцкому Андрею Першку для расходованія на нужды государственной обороны [233]). На этотъ разъ и податокъ съ господарскихъ имѣній, обыкновенно шедшій прежде въ скарбъ въ полное распоряженіе господаря, получилъ спеціальное назначеніе наравнѣ съ податкомъ съ земскихъ имѣній и отданъ былъ въ распоряженіе названной коммиссіи [234]).

Когда зашла рѣчь о присоединеніи Ливоніи, то возникъ споръ о томъ, считать ли Ливонію въ составѣ Польши или Литвы. Литовскіе сенаторы съ Яномъ Ходкевичемъ во главѣ стали настаивать на томъ, чтобы Лифляндская земля присоединилась къ уніи въ составѣ великаго княжества и впредь считалась его областью, ибо великое княжество потратило на нее такъ много силъ и средствъ, и Лифляндская земля уже соединилась съ Литвою на основаніи договора [235]). Но поляки развивали иной взглядъ. Лифляндская земля должна принести присягу королю, а слѣдовательно она принадлежитъ Польшѣ [236]). Въ концѣ концовъ взяло верхъ мнѣніе, что, разъ Лифляндскую землю Польша и Литва обязаны будутъ защищать сообща, то и принадлежать она должна имъ сообща, быть ихъ общимъ достояніемъ, согласно съ опре-

---

[231]) Этотъ подворный налогъ въ мѣстѣ былъ введенъ взамѣнъ *шоса*, котораго въ литовскихъ мѣстахъ не взималось (Volumina legum II, p. 105). Въ Литвѣ обложенію не были подвергнуты мельницы, корчмы, пивоварни, солодовни, ибо съ нихъ платились поборы, установленные на Виленскомъ сеймѣ 1561 и Берестейскомъ 1566 г. (Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 607).

[232]) Литов. Метр. кн. XLVIII, л. 331, 332.

[233]) Volumina legum II, p. 102—106; Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 502—505.

[234]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 615.

[235]) Тамъ же, стр. 499.

[236]) Тамъ же, стр. 494, 495, 497.

дѣленіемъ Парчевскаго сейма 1564 года [237]). Въ этомъ смыслѣ 3 августа составлены были и акты о присоединеніи земли Лифляндской (съ Курляндіею и Семигалліею включительно) къ Рѣчи Посполитой [238]), за которыми послѣдовало (8 августа) принесеніе присяги лифляндскими сенаторами и послами [239]).

Литовскіе станы подняли было вопросъ и о возвращеніи Подляшья, Волыни и Кіевщины обратно къ великому княжеству (въ засѣданіи 5 августа) и только подъ этимъ условіемъ соглашались дать податокъ на содержаніе служебныхъ. Но здѣсь они встрѣтили энергическій отпоръ со стороны поляковъ и самого короля, которые указали, что это дѣло уже рѣшенное и подтвержденное присягами [240]). Требованіе литовцевъ имѣло своимъ результатомъ только внесеніе въ дополнительный актъ уніи, изданный 11 августа, и въ конституціи сейма статьи *о возвращеніи* къ коронѣ Польской земель Подляшской, Волынской и Кіевской [241]).

Мѣстомъ для общаго польско-литовскаго сейма была избрана, по большинству голосовъ, Варшава, и это рѣшеніе внесено было также и въ дополнительный актъ уніи, и въ конституціи сейма [242]). Литовскимъ панамъ раднымъ отведены были извѣстныя мѣста въ общемъ сенатѣ Рѣчи Посполитой, а земскимъ посламъ—въ посольской избѣ соотвѣтственно извѣстной іерархіи воеводствъ, и состоявшееся относительно этого соглашеніе [243]) подтверждено было также въ дополнительномъ актѣ уніи. Присматриваясь къ составу новаго сената Рѣчи Посполитой видимъ, что въ сенатъ не попала значительная часть прежней господарской рады, а именно: гетманъ, какъ таковой, маршалки (за исключеніемъ земскаго и дворнаго), подскарбій дворный и другіе «столовые» урядники, т. е.: подчашій, крайчій, кухмистръ, стольникъ, подстолій, подкоморій, ловчій, конюшій дворный, хоружій земскій, хоружій дворный, мечникъ и чашникъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ

---

[237]) Volumina legum II, p. 94.

[238]) Ibidem, p. 106—107; *Dogiel*, Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae, tomus V, № CLXV—CLXVI.

[239]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 616, 617.

[240]) Тамъ же, стр. 609; Документы Москов. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 498.

[241]) Volumina legum, p. 92.

[242]) Volumina legum II, p. 93, 94.

[243]) По этому поводу на сеймѣ также происходили пререканія между поляками и литовцами.

что эти чины не соединены были съ сенаторскими креслами въ Польшѣ. Подобное же сокращеніе отмѣчается и въ рыцарскомъ «колѣ» великаго княжества. Въ этомъ «колѣ» сверхъ пословъ земскихъ находились прежде княжата, панята, урядники земскіе и дворные. Всѣ эти лица, какъ таковые, не вошли въ посольскую избу соединеннаго сейма, ибо посольская изба въ Польшѣ въ своемъ составѣ заключала только пословъ земскихъ [244]). Княжата, слѣдовательно, о которыхъ литовцы заводили рѣчь на сеймѣ, не получили мѣстъ на сеймѣ по своему званію [245]).

Что касается вопросовъ, связанныхъ съ избраніемъ короля и неизбѣжнымъ при этомъ междуцарствіемъ, а также съ обезпеченіемъ королевскаго потомства, то эти вопросы на Люблинскомъ сеймѣ не получили пока разрѣшенія и отложены были до будущаго сейма [246]).

Сліяніе литовской рады съ коронною въ одинъ сенатъ и литовскаго вальнаго сейма съ польскимъ въ «спольный» сеймъ Рѣчи Посполитой поставило вопросъ о томъ, какое значеніе въ этомъ соединенномъ сенатѣ и на сеймѣ должно принадлежать литовскимъ маршалкамъ земкому и дворному на ряду съ коронными. На разрѣшеніи этого вопроса стали настаивать послы великаго княжества въ засѣданіи 17-го іюля [247]). Вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что маршалки коронные и литовскіе должны сообща отправлять эту должность. Оба они должны предшествовать королю съ своими «ласками» (жезлами) въ торжественныхъ выходахъ, оба должны сидѣть въ сенатѣ и раздавать голоса: коронный—полякамъ, а литовскій—литовскимъ сенаторамъ, вмѣстѣ принимать пословъ, допускать до аудіенціи, сообща чинить на сеймѣ судъ по дѣламъ, гдѣ замѣшаны поляки и литовцы или лица, владѣющіе заразъ имѣньями въ Польшѣ и Литвѣ, сообща устанавливать таксу на товары въ мѣстѣ сейма, съ совѣта и соизволенія рады. Полицейская власть въ мѣстѣ сбора сейма должна принадлежать коронному маршалку (если бы сеймъ происходилъ въ Литвѣ, тогда литовскому), который для задержанія преступниковъ долженъ держать при себѣ слугъ; литовскій долженъ придавать съ своей стороны одного или двухъ слугъ съ тою цѣлью, чтобы лицамъ литовскаго народа не дѣлалось при этомъ никакого насилія или безправья. При этомъ маршалокъ коронный долженъ сдавать литовскому безъ замедленія всякаго

---

[244]) Volumina legum II, p. 93, 94.

[245]) Срав. выше, стр. 335.

[246]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 597, 610, 612, 635.

[247]) Тамъ же, л. 569, 570.

задержаннаго литовца для наказанія. Литовскій маршалокъ по старому долженъ отводить квартиры литовскимъ сенаторамъ и посламъ, для чего предполагалось отвести въ его распоряженіе часть «мѣста». Обо всемъ, что осталось неяснымъ и нерѣшеннымъ, постановлено было обсудить на будущемъ сеймѣ. Король 19 іюля особымъ листомъ подтвердилъ это постановленіе сейма [248]). Литовцы остались довольны такимъ рѣшеніемъ вопроса и просили короля, чтобы подобное же постановленіе было сдѣлано и относительно функцій столовыхъ урядниковъ; въ частности они предлагали, чтобы въ отсутствіе коронныхъ урядниковъ при дворѣ отправляли свои должности литовскіе урядники. Король заявилъ имъ, что какъ въ другихъ вещахъ, такъ и въ этомъ, онъ хочетъ учинить между поляками и литовцами справедливое «поровнанье»—по своему усмотрѣнію [249]).

По условіямъ уніи въ соединенной Рѣчи Посполитой предполагалось чеканить однообразную монету одинаковой цѣнности и вѣса примѣнительно къ польской чеканкѣ. Но такъ какъ въ обращеніи оставалось множество монеты прежней литовской чеканки, превышавшей по вѣсу и цѣнности польскую монету (литовскій грошъ равнялся $1^1/_5$ польскаго), то литовскіе станы ходатайствовали, чтобы старая монета «знижона и ничимъ зменшена не была». Станы, очевидно, хотѣли избѣжать перечеканки старой монеты въ новую, которая должна была доставить доходъ королевской «мынцѣ», но убытокъ частнымъ лицамъ. Посовѣтовавшись съ панами-радою, король согласился исполнить желаніе становъ [250]).

Кромѣ этихъ предложеній и ходатайствъ, вызванныхъ заключеніемъ уніи, литовцы *на общемъ сеймѣ* выступали и съ другими требованіями и просьбами, касавшимися уже чисто мѣстныхъ нуждъ и предъявлявшимися ими и ранѣе. Такъ, они вновь ходатайствовали объ исправленіи статута. Король назначилъ для этого дѣла коммиссію, въ составъ которой вошли: кн. Валерьянъ, бискупъ Виленскій, Мальхеръ Шеметъ, каштелянъ Жмудскій, докторъ обоихъ правъ Августинъ Ротундусъ, войтъ Виленскій, и по одному депутату отъ каждаго воеводства: отъ Виленскаго—Миколай Дорогостайскій, стольникъ, державца Веленскій, тивунъ Кгондинскій; отъ воеводства Троцкаго—маршалокъ кн. Лукашъ Свирскій; отъ Жмудской земли—Янъ Стецковичъ, отъ

---

[248]) *Hr. de Broel-Plater*, Zbiór pamiętników do dziejów polskich, t. II, str. 17, 18. Warszawa 1858.

[249]) Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 498.

[250]) Тамъ же, стр. 500.

воеводства Новгородскаго—маршалокъ Бенедиктъ Юряга, отъ Полоцкой земли—кн. Павелъ Соколинскій, подкоморій Витебскій; отъ воеводства Витебскаго Янъ Сколка; отъ воеводства Берестейскаго—Кирдей Кричевскій, судья Берестейскій; отъ воеводства Мстиславскаго—Селецкій; отъ воеводства Минскаго—Мартинъ Володковичъ; секретарями коммиссіи были назначены Андрей Мацковичъ, писарь земскій Виленскаго повѣта, и Петръ Станиславовичъ, писарь Ошменскаго повѣта. Всѣ эти лица должны были съѣхаться въ Вильну ко дню св. Мартина, взять статутъ польскій и по возможности согласовать съ нимъ статутъ литовскій, дабы въ единой Рѣчи Посполитой всѣмъ давалась одинаковая справедливость, а затѣмъ исправленный статутъ должны были внесть на разсмотрѣніе и утвержденіе на будущій сеймъ. На содержаніе коммиссіи станы опредѣлили дать съ каждой волоки или службы людей по грошу, а съ дымовъ Подляшскихъ (въ Берестейскомъ воеводствѣ) по 8 пенязей, съ огородниковъ по 4 пенязя, съ шляхты, не имѣющей людей, по 2 гроша съ дома [251]).—Станы вновь ходатайствовали объ учрежденіи воеводствъ и каштеляній въ Городнѣ и Ковнѣ, но и на этотъ разъ получили отказъ.—Они повторяли также прежнія просьбы о назначеніи содержанія посламъ, избираемымъ на сеймы, о включеніи въ повѣты шляхты спадковыхъ имѣній, въ частности Кобринской, имѣющей привилеи служить, кому угодно, объ отводѣ мѣстъ для засѣданій земскихъ судовъ, о сборѣ недоимокъ по прежнихъ земскимъ податкамъ и учиненіи отчета въ приходѣ и расходѣ ихъ, объ отводѣ «отменъ» за земли, занятыя на волоки, о пользованіи стариннымы «входами» въ господарскихъ пущахъ, въ частности рудами, о ремонтѣ пограничныхъ замковъ и снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, въ частности о постройкѣ замка на Упитѣ, о неразмѣщеніи жолнеровъ на постой по шляхетскимъ имѣньямъ, о побужденіи старостъ и державцевъ давать безъ замедленія судъ и управу на господарскихъ подданныхъ. Король на эти ходатайства отвѣчалъ: о содержаніи для своихъ пословъ станы пусть сами заботятся на своихъ сеймикахъ; шляхтичи спадковыхъ имѣній, за которыхъ ходатайствуютъ станы, пусть представятъ свои привилеи; старостамъ будетъ приказано вымѣрить плацы для судебныхъ зданій; недоимки по прежнимъ податкамъ должны сбирать прежніе бирчіе; отчетъ въ приходахъ и расходахъ учинитъ гетманъ въ Вильнѣ передъ депутатами, избранными на «поправу» статута; господарю неизвѣстно, чтобы кто нибудь пользовался рудами въ

[251]) Volumina legum II, p. 100, 101.

его пущахъ; замки пограничные будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ, если только станы не будутъ отлучать отъ скарба доходы съ столовыхъ имѣній [252]); въ постройкѣ замка на Упитѣ онъ не видитъ надобности, но согласенъ отвести для него мѣсто, если шляхта пожелаетъ выстроить его на собственныя средства; жолнеровъ можно не разставлять по имѣньямъ шляхты, если послы земскіе найдутъ иной способъ ихъ прокормленья; старосты и державцы обязаны давать судъ и управу по статуту; а если чего недостаетъ въ статутѣ касательно этого, можно внести при его исправленіи.—Дневникъ сейма отмѣчаетъ, что литовцы выступали на немъ также и съ нѣкоторыми другими изъ прежнихъ ходатайствъ, а именно: чтобы жидамъ не раздавались въ аренду мыта, поборы, мельницы, солодовни и другія доходныя статьи, чтобы податокъ съ мѣстъ шелъ не въ скарбъ, а на оборону государства [253]). Король обѣщалъ на будущее время не раздавать жидамъ никакихъ государственныхъ сборовъ въ аренду [254]).

Не ограничиваясь повтореніемъ прежнихъ просьбъ, литовцы на сеймѣ 1569 года предъявили и нѣкоторыя новыя. Они просили объ освобожденіи шляхты, поддавшейся съ имѣньями панамъ, о внесеніи на будущіе сеймики вопроса касательно аппелляціоннаго суда, о прекращеніи взиманія «поборовъ великихъ и малыхъ», установленныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1561 и Берестейскомъ 1566 года и, наконецъ, объ увольненіи шляхты отъ замковой и мостовой повинности (очевидно, литовцы захотѣли въ данномъ случаѣ сравняться съ шляхтою тѣхъ воеводствъ, которыя отошли къ коронѣ). Король отвѣчалъ: кто изъ шляхтичей докажетъ свои права документами и не утратилъ ихъ въ силу давности, тотъ можетъ надѣяться на ихъ возстановленіе согласно съ статутомъ; желаніе шляхты относительно обсужденія вопроса объ аппелляціонномъ судѣ будетъ исполнено; онъ, король, не забылъ, что поборы великіе должны взиматься только до 1 ноября 1569 г., но надо подумать и о томъ, какимъ образомъ послѣ того скарбъ будетъ удовлетворять государственнымъ нуждамъ; что касается поборовъ малыхъ, взимаемыхъ исключительно съ господарскихъ подданныхъ, то уже дѣло скарба—такъ

---

[252]) Король намекалъ, очевидно, на проектъ литовскихъ пословъ, заявленный на сеймѣ, относительно выкупа господарскихъ столовыхъ имѣній и обращенія четвертой части доходовъ съ этихъ имѣній на содержаніе постояннаго войска по примѣру Польши. См. Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 609, 617—619.

[253]) Тамъ же, стр. 569, 585, 607, 608.

[254]) Документы Моск. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 499.

или иначе распорядиться съ ними [255]); отъ замковой и мостовой повинности онъ никого не можетъ освободить, такъ какъ это повинности земскія, и притомъ же замки нужны самой шляхтѣ для обороны, а мосты для переѣзда [256]).

Кромѣ просьбъ отъ имени всего великаго княжества Литовскаго, въ Люблинѣ подавались просьбы и отъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Послы Виленскаго повѣта ходатайствовали, чтобы къ этому повѣту присоединена была часть Ошменскаго. Король обѣщалъ выслать на мѣсто для осмотра границъ коммиссаровъ и по ихъ докладу сдѣлать надлежащее постановленіе на будущемъ сеймѣ. Результатомъ подобнаго же ходатайства было постановленіе, внесенное въ конституціи сейма, что Мозырскій повѣтъ долженъ принадлежать къ Минскому воеводству [257]). Послы Ошменскаго повѣта просили наоборотъ—не уменьшать повѣтъ и не присоединять часть его къ Виленскому. Король далъ тотъ же отвѣтъ, что и посламъ Виленскаго повѣта. О сохраненіи повѣтовыхъ границъ хлопотали и послы Берестейскаго повѣта, просившіе господаря не отрывать отъ повѣта шляхту, осѣдлую около Вопня, и вернуть грунты земянъ Хмелевскихъ, забранные къ коронѣ. Король обѣщалъ исполнить первое ходатайство; а по поводу второго заявилъ, что пошлетъ на границу коммиссаровъ для разслѣдованія.—Послы Троцкаго повѣта просили о помѣрѣ на волоки земель убогой шляхты съ цѣлью уравненія ея въ несеніи военной повинности, и король изъявилъ на то согласіе.—Послы Берестейскаго повѣта, сверхъ вышеупомянутыхъ ходатайствъ, просили, чтобы Краевскому запрещено было взимать мостовое и перевозъ (черезъ Бугъ) въ такомъ размѣрѣ, какъ онъ взималъ до сихъ поръ, и чтобы понижена была цѣна на соль. Король обѣщалъ послать коммиссара для разслѣдованія злоупотребленій Краевскаго и принять мѣры къ тому, чтобы пошлины взимались по старому обычаю; обѣщалъ также издать таксу на соль.—Послы Пинскаго повѣта просили, чтобы шляхтѣ даны были «отмены» за грунты, побранные въ волоки Криштофомъ Краевскимъ, чтобы не отбирались у нея стародавніе «входы» въ господарскія пущи, и чтобы на «воляхъ» не принимали ея отчинныхъ людей и паробковъ невольныхъ. Король

---

[255]) Объ освобожденіи отъ «поборовъ» литовцы заводили рѣчь на засѣданіяхъ 2 и 4 августа. См. Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 600, 607. О великихъ и малыхъ поборахъ см. выше, стр. 626—628.

[256]) Volumina legum II, p. 100, 101; Документы Москов. Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 497—500.

[257]) Volumina legum II, p. 101.

отвѣчалъ, что «отмены», будутъ даны, для рѣшенія споровъ о «входахъ», будутъ посланы особые коммиссары, а бѣглыхъ крестьянъ пусть доискиваются по суду. Послы Мстиславскаго повѣта просили поправить замокъ Радомскій, смѣнять ротмистровъ пѣшихъ черезъ два-три года, запретить имъ принимать въ роты шляхетскихъ подданныхъ и понудить дать удовлетвореніе по всѣмъ «кривдамъ» съ ихъ стороны. Король обѣщалъ исполнить все это.—Наконецъ, послы Витебскаго воеводства жаловались на своего воеводу, указывая, что онъ чинитъ ихъ братьѣ угрозы, нѣкоторыхъ велѣлъ своимъ слугамъ побить, по жалобамъ господарскихъ подданныхъ привлекаетъ на судъ свой шляхту безъ «позвовъ», забираетъ имущества послѣ умершихъ отъ женъ и дѣтей ихъ и позволяетъ себѣ дѣлать и другія «кривды и долеглости». Король обѣщалъ послать для разслѣдованія этой жалобы Витблянъ особыхъ коммиссаровъ [258]).

Опредѣленныя постановленія, состоявшіяся по ходатайствамъ литовцевъ на первомъ «спольномъ» сеймѣ, были формулированы самими литовцами [259]) и внесены въ общій списокъ конституцій сейма [260]); а отвѣты короля на ходатайства литовцевъ редактированы въ одномъ общемъ спискѣ, копіи котораго послы должны были взять для доклада избирателямъ. Послы, по всѣмъ признакамъ, сообразовались въ своихъ ходатайствахъ съ опредѣленными инструкціями, полученными на повѣтовыхъ сеймикахъ отъ своихъ избирателей, и потому естественно должны были докладывать о результатахъ ихъ своимъ избирателямъ [261]). Въ виду общности большинства ходатайствъ и отвѣты на нихъ даны были вмѣстѣ, въ одномъ спискѣ [262]).

---

[258]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, томъ I, стран. 500—502.

[259]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 598.

[260]) Volumina legum II, p. 94—102.

[261]) Указаніе на эти инструкціи см. въ Дневникѣ Люблинскаго сейма, стр. 618.

[262]) Соединеніе литовскихъ просьбъ и отвѣтовъ на нихъ господаря въ особомъ спискѣ дало поводъ М. В. Довнаръ-Запольскому утверждать (Документы Моск. Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 497), что въ Люблинѣ рядомъ съ общимъ сеймомъ засѣдалъ особенный литовскій, на которомъ обсуждались литовскія дѣла. Конечно, до 1 іюля такой литовскій сеймъ засѣдалъ въ Люблинѣ. Но ходатайства, содержащіяся въ спискѣ, напечатанномъ въ I томѣ Документовъ Москов. Архива Министерства Юстиціи, предъявлялись литовцами не на этомъ сеймѣ, а уже на «спольномъ» съ поляками. На это ясныя указанія находимъ въ Дневникѣ Люблинскаго сейма.

Такъ, исторія привела литовско-русскій сеймъ къ слiянію съ польскимъ въ единый «спольный» сеймъ Рѣчи Посполитой. Это сліяніе совершилось легко, безъ особенныхъ затрудненій. Причину этого надо искать въ томъ, что къ тому времени литовско-русскій сеймъ довольно близко подошелъ къ польскому какъ въ своей организаціи, такъ и въ политическихъ функціяхъ.

§ 6.

Присматриваясь къ составу и дѣяніямъ сеймовъ, собиравшихся въ великомъ княжествѣ послѣ изданія второго статута, видимъ, что законоположенія этого статута въ отношеніи сейма дѣйствительно вошли въ жизнь. Составъ сеймовъ, собиравшихся послѣ Виленскаго сейма 1565—1566 г., дѣйствительно былъ тотъ самый, который предначертанъ былъ во второмъ статутѣ. На эти вальные сеймы дѣйствительно съѣзжались паны-рада, княжата, панята, урядники земскіе и дворные и послы земскіе, избранные всѣми землевладѣльцами новыхъ судовыхъ повѣтовъ [263]). Передъ вальными сеймами дѣйствительно собирались сеймики по новымъ судовымъ повѣтамъ, на которыхъ предварительно обсуждались предложенія правительства сообщавшіяся письменно и устно черезъ особыхъ господарскихъ «посланцевъ», избирались послы и составлялись для нихъ инструкціи [264]). Въ этомъ отношеніи въ великомъ княжествѣ водворился тотъ же порядокъ, что былъ и въ Польшѣ. Затѣмъ: на вальномъ сеймѣ великаго княжества станы такъ же, какъ и на польскомъ сеймѣ, разбились на два совѣщающихся «кола», «коло» пановъ-рады и «коло» рыцарское, въ соотвѣтствіе сенаторской и посольской избамъ польскаго сейма, и между ними установился тотъ же порядокъ сношеній и общихъ засѣданій, какъ и на польскомъ сеймѣ [265]). Литовско-русскій сеймъ de jure сталъ обсуждать и рѣшать тѣ же государственные вопросы, что и польскій сеймъ, и его постановленія пріобрѣли столь же обязательную силу, какъ и постановленія польскаго сейма [266]). Литовско-русскій сеймъ, такимъ обра-

---

[263]) Приложенія № 56, 60, 70, 73, 78.

[264]) Приложенія № 57, 60, 71, 72, 75, 76, 77.

[265]) См. выше, стр. 759, 762.

[266]) Въ ноябрѣ 1568 года гетманъ наивысшій писалъ королю, что поборцы повѣтовые не скоро выбираютъ земскій податокъ и задерживаютъ выдачу жалованья служебнымъ. Гетманъ прибавлялъ, что гораздо лучше было бы, если бы податокъ земскій отдавался непосредственно въ одни руки, именно—ему, гетману. Король отвѣчалъ ему, что для него это ясно было еще на сеймѣ; «але, ижъ за

зомъ, ассимилировался въ значительной степени съ польскимъ какъ въ своей организаціи, такъ и въ политическихъ функціяхъ и ихъ отправленіи. При такихъ условіяхъ уже не было значительныхъ препятствій къ сліянію его съ польскимъ. Тенденція къ этому сліянію, какъ мы видѣли, проявилась на самомъ же сеймѣ. Станы литовско-русскаго сейма стали просить господаря о «спольномъ» сеймѣ съ поляками. Эта просьба вышла, по всѣмъ признакамъ, изъ круга литовско-русской шляхты, которая въ соединеніи съ поляками стала искать не только облегченія отъ тягостей войны, но и увеличенія своего фактическаго вѣса и значенія въ политической жизни страны. Изъ переговоровъ, ведшихся съ поляками относительно уніи, а отчасти изъ нѣкоторыхъ отзывовъ современниковъ обнаруживается, что магнаты все еще были у кормила правленія и направляли государственный корабль великаго княжества по своему, все еще держали шляхту въ своихъ рукахъ, несмотря на всѣ данныя ей права [267]). Надо сказать, что магнатская партія сильна была на литовско-русскомъ сеймѣ и своимъ количествомъ. Магнаты не только наполняли господарскую раду, но въ лицѣ княжатъ, панятъ, урядниковъ земскихъ и дворныхъ наполняли также и рыцарское «коло». Поэтому литовско-русская шляхта и стала тяготѣть къ парламентарной уніи съ Польшею, дабы найти въ польской шляхтѣ сильнаго союзника противъ магнатовъ и ослабить ихъ партію численно. Обстоятельства помогли осуществленію желаній литовско-русской шляхты, и въ соединенномъ сеймѣ Рѣчи Посполитой шляхта дѣйствительно получила больше вѣса и значенія. Партія магнатовъ на этомъ сеймѣ сильно сократилась и численно. Въ сенатъ соединенной Рѣчи Посполитой не попали всѣ такъ называемые столовые урядники, а изъ рыцарскаго «кола» вышли княжата, панята, урядники земскіе и дворные, не облеченные посольскими полномочіями.

Но экономическіе факторы берутъ обыкновенно свое вопреки юридическимъ ограниченіямъ. Потерявъ возможность прямымъ и легальнымъ путемъ влiять на ходъ государственной жизни въ той мѣрѣ, въ какой было имъ желательно, литовскіе магнаты вмѣстѣ съ польскими принялись добиваться своего при помощи агитаціи среди шляхты, которую подавляли обаяніемъ своихъ богатствъ, знатностью, щедростью и т. под., принялись формировать на сеймикахъ и сеймахъ партіи, со-

---

зезволеньемъ вашей милости, пановъ радъ нашыхъ, и всихъ становъ такъ постановило, яко и въ рецесе описано, *про то се намъ того постановенья соймового теперъ отменити не годило»*. Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ IX, л. 111, 112.

[267]) См. выше, стр. 745—747, 751, 787.

ставлять конфедераціи и т. д. Политическая интрига замѣнила прямой открытый образъ дѣйствій, и государственная жизнь Рѣчи Посполитой приняла нездоровое направленіе, гибельно отразившееся на ея дальнѣйшей судьбѣ. Та государственная форма, въ которую облекла унія великое княжество, въ сущности не вполнѣ соотвѣтствовала складу и распредѣленію общественныхъ силъ этого государства. Страна, столь преизобиловавшая аристократическими элементами, забита была въ рамки чистой шляхетской демократіи. Естественно, что эти рамки не выдерживали, часто ломались, но вмѣстѣ съ тѣмъ нарушался и правильный, нормальный ходъ государственной жизни Рѣчи Посполитой. Въ этомъ отношеніи та конституція, которую вводилъ въ великомъ княжествѣ второй статутъ, болѣе соотвѣтствовала его общественному складу, и потому болѣе обезпечивала ему здоровую политическую жизнь, чѣмъ польская конституція. Унія разстроила и нормальное теченіе польской государственной жизни. Если литовско-русская шляхта усилилась отъ союза съ польскою, то съ другой стороны и польское можновладство подкрѣпилось отъ союза съ литовскою сильною аристократіею. Перевѣсъ политическихъ силъ пересталъ быть столь рѣшительнымъ какъ прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ не установилось и равновѣсія ихъ, ибо конституція осталась прежнею и даже еще болѣе подчеркнула свои характерныя особенности, возникшія въ эпоху преобладанія шляхетскаго «гминовладства». Въ концѣ концовъ и создалось то своеобразное государство, которое нельзя назвать ни аристократическою, ни демократическою шляхетскою республикою, и которое представляло *неорганизованное* и потому нездоровое соединеніе шляхетской демократіи съ сильнымъ можновладствомъ.

Какъ бы то ни было, историческія обстоятельства привели Польшу и Литву къ уніи. И то, и другое государство мало были приспособлены къ борьбѣ за существованіе и потому почувствовали нужду опереться другъ на друга для этой борьбы. Но изъ сложенія ихъ силъ получилось все-таки только сумма, а не произведеніе, достаточное для укрѣпленія новаго государственнаго тѣла: для этого произведенія въ уніи не было множителя, и оба государства поэтому какъ порознь, такъ и вмѣстѣ остались немощными. Тотъ самый феодализмъ, который насквозь проникалъ общественный и политическій строй Польши и Литвы и разслаблялъ ихъ государственные организмы, остался нетронутымъ и въ уніи, а наоборотъ былъ подтвержденъ и закрѣпленъ.

Феодальный характеръ отпечатлѣлся и на литовско-русскомъ сеймѣ, какъ представительномъ учрежденіи. Какіе общественные классы получили на этомъ сеймѣ мѣсто? Только тѣ, которые пользовались суве-

ренными правами на своихъ территоріяхъ подъ высшимъ сюзереномъ—великимъ княземъ. Литовско-русскій сеймъ былъ въ существѣ дѣла конгрессомъ многочисленныхъ литовско русскихъ *господарей* и ихъ уполномоченныхъ, съ господаремъ великимъ княземъ во главѣ. На немъ не было въ качествѣ полноправныхъ членовъ ни представителей мѣстъ, которыя не сдѣлались еще феодальными государствами, равноправными съ многочисленными шляхетскими монархіями, ни представитей крестьянъ, которые были господарскими или владѣльческими «подданными», ни представителей большинства духовенства, которое получало свои духовные хлѣбы отъ этихъ многочисленныхъ господарей и считалось ихъ духовными «урядниками», ни даже представителей шляхты владѣльческихъ и господарскихъ «спадковыхъ» имѣній, бывшей на положеніи вассаловъ второго разряда. Только тѣ рыцари-шляхтичи, которые были вассалами такого же ранга, какъ князья и паны, по нѣмецкимъ понятіямъ—reichsunmittelbare, и получили мѣсто на литовско-русскомъ сеймѣ.

24 февраля 1901 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Акты относящіеся къ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ при Сигизмундѣ I.

№ 1.

Листъ, писаный до наместниковъ дворовъ Троцкого повету по Нему и до всее шляхты, въ тыхъ поветехъ оселыми, о выбиране и выдаване поголовного, на потребу земскую уфаленого, такъ съ пановъ шляхты, яко и съ подданыхъ *)...

Жыкгимонтъ.

Наместникомъ дворовъ нашихъ Троцкого повета по Немъну Волкыницкому, Лепунскому, Высокодворскому, Мерецкому, Перелайскому, княземъ и паномъ, и кнегинямъ, панямъ вдовамъ, и боярамъ, и дворанонъ нашимъ тымъ, которыи имѣнья свои маютъ въ тыхъ поветехъ Што есьмо посполь съ паны радами нашими и со всими подъдаными нашими великого князьства Литовского для нинешнее нашое великое потребы и земское ухвалили дати поголовшчыну во всемъ панъстве нашомъ великомъ князстве Литовъскомъ, не рекучи въ посредку панъства нашого, але и по украиннымъ замъкомъ нашымъ (а то тымъ обычаемъ тая поголовщина маеть дана быти: кожъдый панъ и кожъдый врадникъ зъ головы своее и зъ жонъ и зъ детей своихъ маеть дати по золотому, то есть, по полукопъю грошей; а кожъдый шляхътичъ, естли бы былъ не врядникъ, съ себе и зъ жоны и зъ детей своихъ по два гроши; а съ кождого чоловека простого, вольного и невольного, и зъ жонъ и зъ детей ихъ—съ кожъдое души по грошу; а зъ дворныхъ слугъ съ кожъдого пана и бояриня, колько бы кто кольве ихъ мелъ, съ шляхътича по два грошы, а съ простого человека и служънего слуги по грошу): ино, што ся дотычеть тое половщины съ тыхъ дворовъ нашихъ, вы, врадъники наши, маете кожъдый въ своемъ держаньи дву бояриновъ добрыхъ обрати а третего врядника своего и

*) Къ Берестейскому сейму 1518 г.

въстановити тое поголовщины выбирати, который мають присягу напередъ передъ вами вчинити на томъ, ижъ тое поголовшчины собе не корыстити ани пакъ кому польговати; а вы бы, врадъники наши, зъ людей своихъ тую поголовшчину выбирали и на тотъ рокъ до Вильни отнесли и присегу вчинили подлугъ того, какъ есмо съ паны радами нашыми вмовили; а тыи вси, кождый князь и панъ, и вдова, и бояринъ мають сами тую поголовшчину зъ людей своихъ выбирати и тымъ бирчимъ отдати, а на томъ мають присягнути подле обычая земъского, на муку Божю, и реистра мають имъ подати, водле которыхъ справедливе тую поголовшчину зъ людей своихъ выбрали; а тыи бирчии мають тую поголовшчину, всю спольна выбравшы, и отнести до пана Януша Костевича а пана Павла Нарушевича и реистра имъ подати, а на томъ такъ же мають присягнути передъ ними на муку Божую. А рокъ покладаемъ той поголовщине быти у Вильни, вступивши въ постъ две недели. А естли бы хто кольве тую поголовщину зъ людей своихъ несправне выбралъ або втаилъ, а хто на него то справедливе переведеть, тое именье его, где будеть не выдалъ, хочемъ дати, а тотъ же тое именье свое тымъ тратитъ. А што се дотычеть именей шляхты и бояръ, хто бы кольве ихъ въ которомъ повете головнымъ имѣнемъ своимъ седелъ, въ томъ повете повиненъ зо всихъ именей своихъ тымъ бирчимъ тую поголовщину отдати и присегу передъ ними вчинити. Псанъ въ Лукове генв. 6 день, индикъ 7 (1519 г).

(Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ II, л. 262—264).

№ 2.

Поселство до панов рад великого князьства Литовского маршалком дворнымъ паномъ Юрьемъ Ивановичомъ Ильинича а маршалком и писаремъ паномъ Богушомъ Боговитиновичемъ *).

Напервей поклон поведити и ласка.

Напервей о змирене панов.

Што ваша милость пановѣ рада наша присылали к намъ у поселстве маршалка нашого дворного, старосту Берестейского и Ковенского и Лидского, пана Юрья Ивановича Илинича, вспоминаючи нам обетницу нашу, иже есмо прирекли вашии милости въ час потребы быти в панствѣ нашом, великом князьствѣ Литовскомъ,—и кгды быхмо тых часов там к панству нашому к вашей милости въ час приехали,

*) Къ сейму 1520 г.

снать бы ся тая шкода не стала, што тыми разы з Божего допущеня от нѣприятеля нашого, великого князя Московского, тому панству нашому стало, ижъ онъ, не слышачи нас господаря в зѣмли, людеи своих великих в панство наше послалъ, кажучи имъ быти под замком нашим головнымъ, под Вилнею, которое жь войско его знаменитыи шкоды земли нашой вчинили и людей множество въ полон повели и вернули ся от Вилни у двунадцати миляхъ, абы они не слышачи так скорого браня и отпору напротивку имъ вашей милости, панов радъ наших, тогды бы без утпеня тыи люди неприятелскии, под Вилнею были. И широко ваша милость, о том и о иныхъ речахъ замков украиных причины пръвшии и нынешнии намъ даючи знати, черeз пана Юрья к нам всказали: бо коли быхмо были тых часов у великомъ князьстве Литовскомъ, тогды, кромъ всякого утпеня, Поспол з вашею милостью, паны радами нашими, всякую реч нашу, Бога оземши на помоч, с тым неприятелемъ нашимъ на добром концу зоставили.

Господарь его милость корол и великий князь Жикгимонт казал вам мовити: его ж милость господарь таковог впаду шкоды, которым тых часовъ отъ людей того зрадного неприятеля его милости стали, вѣлико а середечно жалуеть. А кгды ж ся то попущенемъ Божьим стало, то его королевская милость от милого Бога покорне приймуеть, а впередъ его насвятшой милости просит, абы Богъ справедливый, видячи его королевъское милости справедливость, тому нѣприятѣлеви его милости за тое кровопролите хрестьянское помсту рачил вчинити, иле наболши к тому воля его святой милости будет: бо не рекучи он самъ, але и панство нашему панству находитъ и кров крестьянскую разливаеть, чего жь ся милый Боже пожаль. Ваший милости паномъ радамъ своимь за такъ великии а пилныи послуги и нелитоване горлъ, за которыми тыми ваший милости послугами тыи нѣприятели наши панства нашего втѣкли и болши шкодъ панству нашему не вчинили, высоцѣ дякуем и хочем то вам и дѣткам вашей милости ласкою нашѣю панскою паметовати и всим добрым, яко паном и радам нашим высоким А вперед его королевская милость жада, аж бы ваш милости половѣ рада веспол згодливѣ, одностайною радою и одностайнымъ умысломъ, радили и мыслили, какъ бы тому нѣприятелеви, естли бы,—Боже вховай,—зимним часомъ а люди свои в панство наше або под замки украинны послал, всих подданых нашихъ рушивши, отпор им чинити и панства отчизны нашее от них боронити и тым замком нашим вкраиннымъ ретунокъ вчинити тыле, иле ваший милости Богъ милый поможеть.

Господарь его милость казал ваший милости мовити:

Штос дотычет так долго вмешканя и небытя нашого в панствѣ нашом, великом князствѣ Литовскомъ, то инымъ ничимъ не мешкало, нижли, как тых часов поганство татаровѣ з Божьего допущеня панство наше корону Польскую и землю Волынскую воевали и войско нашѣ поразили, мы ся отсел с Кракова сами своею головою до Судомиря рушили, будучи в надѣи отворотки тому поганству в панство наше, и Бога оземши на помоч, хотѣли есмо им отпоръ чинити, а затым нам слухи певныи пришли, ижь кровный наш, князь мистръ Прусский, з немецкихъ сторонъ люди собе за пѣнязи приймуеть и войну напротиву насъ хочетъ почати, как же вже тыи люди его пѣняжныи нѣдалеко от границ наших лежат. Мы, скоро то послышавши, служебных суму нѣмалую на пѣнязи приняли и там вжо наперед до замков наших их послали есмо, и сами со всѣми паны радами нашими короны Полское маемъ быт въ Торуни на соймѣ на свято Илжбеты день, а вси мают ехати так, как ку валцѣ слушит. И естли тот нѣприятель наш валку напротивку намъ почнеть, мы, Бога оземши на помоч, будемъ з нимъ то чинити, што намъ Богъ милый на тотъ часъ допоможеть. Пакли ж бы Богъ похотел, а тая валка могла бы внятии, однакожъ мы будемъ на то мыслити, ижбы мистръ повинность намъ вчинилъ тую, как предковѣ его предком нашимъ и отцу нашему, славное памяти Казимиру королю его милости. А как скоро Богъ нам поможеть дѣло нашѣ з мистром на добромъ концю зоставити, мы пререкаемъ и обецаемъ ваший милости, ижь, ничого не мѣшкаючи ку ваший милости, панамъ радамъ нашимъ вѣликого князства Литовского будемъ.

Господарь король его милость казал ваший милости мовити.

Ваша бы милость, пановѣ рада наша, на том валном сейме рачили радити и мыслити, которымъ быхмо обычаемъ и за которыми причинами могли приити ку покою с тым нѣприятелемъ нашимъ Московскимъ або к станью на колко лет. И штос вашой милости, радам нашимъ, о томъ налепшого увидит, станье ль с нимъ вчинити або предка война, и которым способомъ ее вести, о том бы ваш милост дали намъ через листы свои знати.

Тутъ же зданье короля его милости поведити о том: о царя Заволского, иж бы ся панове, где на котором местци могли съ паны короны Полское зъехати; к тому рачили бы ваша милость мыслити о оборонѣ и наспижоване замков его милости украиныхъ Киева, Полоцка, Витебска и иных замков его милости, ижъ бы его милость черезъ нынешнюю зиму мог ихъ от неприятелей своихъ беспеченъ быти; а к

тому о служебных, которыи по замкох украиных мѣшкають, о заплату тых, которыи з земли идут проч, и тежъ старую заплату, которым рок положен Боже Нарожене: гдѣж увидить ли их милости, абы тисячу конѣй и дворен на пѣнязи приняли и по вкраиным замком розложили тамъ, где ся их милости налепей увидят.

К тому теж о впоминки и о посылане до царя Пѣрекопского.

А на остаток рачили бы ваш милость мыслити и радити о стан земскій и о нашу живност и о оборону, не складаючи на нас, на господаря: бо быхмо мы сами господаръ тамъ поспол з вашѣю милостью были, однакож быхмо оного ничого не могли вымыслити ани прибавити, нижли то, што ваша милость, пановѣ рада наша, врядитѣ и наидѣте, мы к тому хочемъ приступити. Какже вѣдаетѣ ваш милость сами, ижь мы для обороны земьское завжды нѣ лютовали особы нашой панской, а к тому вси наши дворы и пожитки вашой же милости позаставляли, а так чего в руках не маемъ, того теж дати не можемъ; нижли еще один Могилевъ нѣ в заставѣ, и ваша бы милость и на тую волость нашу пѣнязѣй тисячи три або чотыри копъ гр. набыли и тыи пѣнязи обѣрнули на земскии потребы; а к тому на тыи дворы рачили бы ваш милость по нѣкоторой суме пѣнязей додавати, а за жемоитскии куници чим борздѣ и пѣнязими справити, а тых служебных, нѣ мѣшкаючи зъ земли выпроводити, а замковыхъ служебныхъ осмотрети. А поголовщины, которыи будут нѣ отдали, ваш бы милость казали то на нихъ дѣцкими нашими отправити або ся у в ымeня их увязывати. И вси справы его королевская милость тамошнего панства на розумы вашій милости, панов радъ своих, складаеть, абы ваша милость рачили так радити и справовати так, как бы было з добрым его королевской милости и посполитымъ земскимъ.

Повѣдити, иж король его милость послал служебным киевскимъ осмьнадцать сот золотых, половину готовыми пѣнязми, половину сукны а на жито на Киевь двѣсте копъ грошей.

А естли ся паномъ видитъ, которыи подданыи на службѣ нѣ были, абы там разложоны были подъ замкомъ укринным на тую зиму?

А штось тычеть Пруского дѣла, которымъ обычаемъ мает его милость, Бога оземши на помоч, на том ся соймѣ справовати, о том мает его милость паном радом литовскимъ частокрот вѣдати давати. А на чом ихъ милость, пановѣ рады, на том соймѣ зостануть, ихъ бы милость рачили королю его милости безъ мешканя о томъ дати знати. О воеводу Киевского, о царевичов Аздемирова сына Каневского и о Ахматова сына, што въ Царигороде, и Обдрахмана, о паны Кмиты видит ли ся паном их милости послати.

Што дотычеть зыстья с того свѣта небожчика князя Войтѣха, бискупа Виленъского, которое жь бискупство его королевская милость з волею светого отца папежа, узнавши годность князя Яна, проборща Плоцкого, далъ ему, што жь вже светый отець папеж потвѣрдил. А прото жада его королевская милость вашой милости, панов рад своих, ажбы ваша милость весполок зь его милостью безъ жадного утиеня дѣла наши зѣмскии справовали, бо далъ Богъ тои есмо надѣи, иж он верне а праве оному панству, будучи на ономъ столцѣ, будетъ радити и справовати посполю з вашею милостью ку нашѣму доброму и посполитому земьскому, бо кгдыжь на то Божя была воля от светого отца папѣжа и наша, то ся такъ фала Богу и стало. А такъ его королевская милость князя бискупа его милости Виленского вашой милости въ ласкавую приязнь братскую залѣца.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 190—192).

№ 3.

Посельство до господара короля его милости отъ пановъ радъ великого князства Литовского паномъ Юрьемъ Миколаевичомъ Радивиловича, старостою Городенскимъ, а паномъ Яномъ Миколаевичомъ, подчашимъ *).

Напередъ чоломбитье, служба поведати.

Панове ихъ милость казали вашой милости мовити.

Што твоя милость, господаръ нашъ, вказывалъ къ намъ черезъ маршалка вашое милости дворного пана Юрья Ивановича Илинича а подскарбего земского, маршалка и писара вашое милости, пана Богуша Боговитиновича, естли,—Боже вховай,—неприятель вашое милости Московский люди свои у панство вашое милости або подъ замки украинные послалъ, абыхмо, всихъ подданыхъ вашое милости рушивши и Бога оземъ на помочъ, отпоръ имъ учинити и панства отчызны вашое милости абыхмо боронили, иле бы набольшей намъ Богъ милый помогъ.

Панове рады казали вашой милости мовити: Ино, милостивый господару, мы, яко вернии подданыи а рады вашое милости, звыкли есмо съ предковъ нашихъ вѣрни а праве служити предкомъ вашое милости и вашой милости, господару нашому, горлъ нашихъ напротивку неприятелемъ не литовати, якожъ и за щасного панованья вашое милости, господара нашого, многокротъ есмо особами нашими отпоръ неприятелемъ вашое милости чинили и панства отчызны вашое мило-

*) Къ сейму 1520 г.

сти боронили, какже и того лята минулого безъ бытности вашое милости господарское, только головами нашими отваживши, горла свои напротивку такъ моцному ся неприятелю вашое милости застановили безъ жадного способу подданыхъ вашое милости; которыи жъ неприятели вашое милости, услышавши насъ, съ панства вашое милости утекли и болшъ шкодъ панству вашое милости не вчинили и вмыслу своего не полнили, съ чого жъ мы милому Богу велико дяки давали и даемъ, ижъ Его насветшая милость молитвою светого Казимера, черезъ которого жъ святость есмо на онъ часъ Бога милого просили, рачилъ Его святая милость панство вашое милости отъ тыхъ моцныхъ неприятелей вашее милости оборонити.

Панове рада казали вашое милости мовити:

Гдежъ мы и напередъ, не литуючи особъ нашихъ и боронечы панство вашое милости напротивку кождому неприятелеви, на росказанье вашой милости господарское отпоръ и оборону панству вашое милости хочетъ чинити, иле намъ Богъ милый поможетъ, одно бы отъ подданыхъ вашое милости послушенство а въ часъ збиранье къ намъ было; бо, милостивый господару, за предковъ вашое милости николи того не было, ажъ бы панове рады напередъ безъ земского збиранья сторожу на собе держали, какъ мы ныне, чого жъ намъ, слугамъ вашое милости, велико жаль, ижъ тыи, которыи на службе вашое милости зъ нами не были, такъ хотятъ у вашое милости добрыми быти, какъ и мы. А то ся инымъ ничимъ не чинитъ, нижли некарностью вашое милости лихимъ, гдежъ,—Боже вховай,—и напередъ таковымъ непослушенствомъ большая шкода вашое милости панству не стала,—чого жъ Боже вховай.

Панове рада казали вашей милости мовити:

Бо, милостивый господару, намъ безъ бытности вашое милости господарской своими головами безъ пособу земского трудная есть рѣчь неприятелю отпоръ чинити; а передъ тымъ за предковъ вашое милости бывало, ижъ завжды подданыи вашое милости земля къ земскому гетману на рокъ положоный збирали, а за тымъ панове рада ежчивали и посполъ отпоръ неприятелю давали.

Панове рада казали вашое милости мовити:

Где жъ мы вашое милости, господаря нашого, просимъ, ажъ бы ваша милость рачили до гетмана вашое милости князя Костентина писати, ажъ бы онъ къ своему враду ехалъ, ку кому бы ся мели подданыи вашое милости въ часъ потребы збирати, а зъ нами, братьею своею, посполъ будучи, неприятелемъ отпоръ чинилъ и панство вашое милости боронилъ; а для подданыхъ вашое милости рачили бы ваша ми-

лость листы свои господарскии писати, каранье свое господарское вставяючи, ажъ бы они на мѣстъцо положоное збиралися безъ жадного оплошенства.

Панъ Янъ мовилъ: панове рада казали вашое милости мовити:

Што твоя, милость, господаръ нашъ, черезъ тыхъ же пословъ вашое милости указалъ о живность вашой милости господарскую, ино, коли Богъ твою милость, господаря нашого, до панства вашое милости, великого князства Литовского, принесетъ, мы, яко рады вашое милости, хочемъ вашой милости, господару нашому подати и найти тую дорогу, какъ бы ваша милость, господаръ нашъ, мяли живность мѣти и станы свои господарскихъ заховати а безъ бытности вашое милости господарское мы того вчинити не могли.

Панове ихъ милость казали вашой милости мовити:

Также всказывали ваша милость, што ся дотычетъ датку царя Перекопского, упоминка его, и о кглейтъ царевичовъ и о Драхмана и о заплату служебнымъ, которымъ ваша милость положили часъ на светого Яна, ине мы тыи вси рѣчы отложили до приеханья вашое милости господарского, бо мы безъ бытности вашое милости господарское такъ великимъ рѣчамъ досыть вчинити не можемъ.

Панове рада казали вашое милости мовити:

Што твоя милость, господаръ нашъ, перво сего писалъ до насъ, ижъ ваша милость зъ мистромъ Прусскимъ уже валку почали и люди, войско свое, въ землю его пустили, и пишете ваша милость до насъ, абыхмо съ паномъ Троцкимъ, старостою Жомоитскимъ, паномъ Станиславомъ Яновича намовили, ажъ бы его милость тыи люди и земли, которые мистръ Прусский черезъ границы забралъ, зася къ рукамъ вашое милости къ земли Жомоитской по тымъ границамъ привлащилъ и того моцно боронилъ и держалъ,—и широко ваша милость о томъ къ намъ въ листе своемъ, науку свою господарскую даючы, выписуете, а особныи листы свои господарские до пана старосты его милости Жомоитского и до пана старосты Городенского въ той же речы ваша милость писали.

Панове рада казали вашой милости мовити:

Ино, милостивый господару, мы, *на томъ сойме* будучи, веспол окъ намовяли, ижъ быхмо росказанью вашое милости господарскому досыть вчинили; а къ тому, бачачи на писанье листа вашое милости, ижъ твоя милость, господаръ, даешь то на часы розумы, штобы было годного а подобного, то быхмо вчинили,—ино намъ, слугамъ вашое милости господарское того ся вчинити не видело за тыми причинами: маючи валку на трое, зъ Московскимъ а съ Татары, которыхъ же не-

приятелей што часу у панство вашое милости ся надеваемъ, што жъ намъ естъ зъ великою трудностью оборону панству вашой милости чинити; а къ тому насъ певныи слухи зашли, мистръ Виѳлянский зо всими людьми и зъ дѣлы на границы стоитъ поготову а ждетъ только початку, естли быхмо люди въ землю мистрову пустили,—выстерегаемся, жебы тыи неприятели зъ другихъ сторонъ въ панство ся вашое милости не обернули; а такъ, Бугъ вѣдаетъ, кому быхмо мяли отпоръ чинити. Бо, коли бы ваша милость, господаръ нашъ, своею головою господарскою въ здѣшнемъ панстве вашое милости были, латве бы намъ было на росказанье вашое милости господарское чинити то, што бы ся вашой милости, господару нашому, налепей видело.

Панове рады казали вашой милости мовити (пану Юрью зася мовити):

Милостивый господару, виделося намъ, радамъ вашое милости: которые подданые вашое милости того лѣта минулого зъ нами на службѣ вашое милости на войне не были, абы вси дали съ кождого человека своего по копе грошей; а потомъ ся намъ видело по полукопѣ, какъ же есмо и въ листе нашомъ о томъ до вашой милости писали, гдѣ жъ есмо зрозумели, ижъ бы съ того мяла немалая сума до скарбу вашое милости прийти ку нинешней потребе вашое милости. А прото бы ваша милость рачили листы свои господарскии казати по всимъ поветомъ писати, ажъ бы тыхъ поветовъ державцы на тыхъ, которые на службе вашое милости не были, тыи пенязи отправовали и до скарбу вашой милости отслали, которыми жъ пенезьми служебныи замковыи и посполитая речъ можетъ справована быти.

Панове рада казали вашой милости мовити:

Гдѣ жъ мы вашой милости, господару нашому, покорне низко чоломъ бьемъ и для Бога просимъ и вѣрне радимъ, ижъ бы ваша милость рачили чимъ борздей до здешнего панства вашой милости поспешитися и насъ отъ неприятелей своихъ боронити.

Панове рада казали вашой милости мовити:

Бо, милостивый господару, мы, слуги вашой милости, розумиемъ, ижъ ласкою Божьею а справедливостью вашое милости, господара нашого, далъ Богъ вашое милости и братьи нашой, паномъ Короны Польское, щастливый початокъ напротивъ тому неприятелю вашой милости, съ чого жъ мы великого Бога хвалимъ. А такъ за тою ласкою Божьею можете ваша милость беспечне хотя на малый часъ до здешнего панства вашое милости приехати а ряды и способъ и оборону намъ, слугамъ вашой милости, уставивши и вчинивши, зася тамъ ку потребе вашой милости ехати, бо отецъ вашой милости, святое памяти Кази-

меръ король его милость, коли мялъ съ Прусы валку 18 лѣтъ, его милость мало не кождого году переежчалъ съ Прусъ до Литвы, а зъ Литвы до Прусъ, а тымъ его милость большую славу и оборону панствамъ своимъ вчинилъ, а то видечи, неприятели его милости николи смелости не мели на панства его милости ся кинути; бо его милость таковымъ способомъ панства свои и въ покои и обороне заховалъ, чого жъ мы, подданыи вашое милости, въ надеи отъ милого Бога, ижъ твоя милость, господарь нашъ, такъ же насъ въ ласце и обороне своей не опустишь.

Панъ Юрей пакъ вашей милости повѣдить и реистръ вкажеть, хто былъ на службе вашой милости и хто не былъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, лл. 379—383).

№ 4.

Посолство до панов радъ великого князьства Литовского *)

Што прьво сего писали есмо до вашей милости, всихъ панов рад наших, иж з волѣю ваши милости посылали есмо отъ нас у поселстве до вѣликого князя Московского воеводу Подляшского, маршалка нашого, дрьжавцу Ожского и Перѣломского и Радунского, пана Януша Костевича а подскарбиего земского, маршалка и писаря нашого дрьжавцу Камѣнецкого, пана Богуша Боговитиновича, и который отказ князь вѣликий Московский через них къ нам учинил, а которым тежь обычаемъ валку загамовали,—о всемъ о томъ нѣкоторыи з вашей милости вѣдомость съ тых наших послов взяли, ещѣ будучи у Менску; гдеж мы, зрозумевши с того отказу Московского, к вашей милости есмо писали, ажъ бы ваша милость чимъ борзѣй гонца выправили и до вѣликого князя Московского послали, справивши листы с того выпису, который есмо до ваши милости послали. Ино, ач колвѣк ваша милость, панове рада наша, вси восполок быти не могли, однакожъ панъ воевода его милость Виленский, бачачи на реч посполитую, абы ся нѣ омѣшкивала, и водле нашого росказаня выправил и послал гонца до Москвы, с тым нашим листом, дворѣнина нашего Миколая Шестаковича.

Господарь его милость велел ваши милости говорити:

А прото, как тотъ гонец з Москвы назад к ваши милости приедет, и ваш бы милость, тотъ листъ московский росшивши, и оглядали; и естли было стягало ку покою и на посылане послов, ваш бы ми-

*) Къ Виленскому сейму 1521 года.

лость порозумевши рачили к нам раду а умыслъ свои отказати, кого бы ся вашей милости видѣло с панов радъ наших к нѣму у поселствѣ послати; пакли ж бы ся ку покою нѣ стягало, ваш бы милость рачили чим борзѣй замки наши украинныи людми и спижовани осмотрѣти и всѣй земли казати на одно мѣстцо у воиско ся збирати водле то того, как есмо до вашѣй милости листи наши на то послали, а воеводам и дрьжавцамъ тых замков наших украинныхъ приказали, абы чимъ борзѣй сами своими головами на тыи замки наши ехали и ихъ опатрѣвали. Бо, еслибы люди въ часъ пригоды на замки были не посланы, а воиску бы собраня неприятель на мѣстцу не слышалъ, выстрѣгаемся, аж бы,—Боже вховай,—тот нашъ нѣприятѣль которое шкоды замкомъ нашим украинным не вчинил. Гдеж его милость, господарь, то даеть и складаеть на розумъ вашей милости, пановъ рад своих высоких, иж бы ваша милость рачыли тыи замки у захованн мѣти, как бы его милость, господарь, Божею помочю тых замков черезъ тое лето от нѣприятѣля в презпечности мял тою справою вашѣе милости.

Господарь его милость велел ваши милости говорити:

Пакли ж бы хто с подданных его милости ваши милости приказаня ся ослухали и на тыи замки украинныи нѣ хотѣли ехати, ваша бы милость рачили его милости господарю о тим знат дати; его милость господарь о томъ будет ведати, што с таковыми непослушными мает чинити.

Господарь его милость велел вашей милости говорити:

Тыми разы присылал к нам гонцов братъ наш Махмет Кгирѣй, царь Пѣрекопъский, повѣдаючи, ижь послал къ намъ посла своего вѣликого Авлиря-муру поспол с послом нашим паном Оникеем Горностаевичом для миру вечного и доброго братства, черес которого ж и грамоту свою докончалную на вечныи мир к намъ послал; а къ тому усказал, хотѣчи на кождого неприятеля нашого Московского зъ нами быти за одинъ, а самъ своей особою со всѣю своею ордою нинѣшнѣе вѣсны хотячи тягнути у землю нѣприятѣля нашого Московского нам ку помочи, а тым нам братство и приязнь свою оказуючи, при чем же усказал до нас, аж быхмо того посла его великого не задерживаючи к нѣму отпустили; а нѣкоторыи приятели наши зъ орды к нам усказали, аж быхмо того его посла для всякого нашого доброго задержали, при котором же послѣ иншых пословъ сто безъ четыръ, кромѣ ихъ слуг.

Господарь его милость велел ваши милости говорити:

А так, што бы ся вашѣй милости видѣло в том, мяли быхмо того посла задержати а на котором мѣстцу а которымъ обычаемъ в

так великом почту, и теж вымову царю для его задержаня как быхмо мели теж вчинити, и теж иншихъ пословъ которыхъ з нихъ задѣржати ль або отпустити: о том бы ваша милость рачили к нам, ничого нѣ мешкаючи, раду а умыслъ свои дати знати, аж быхмо мы, порозумевши з рад ваши милости, так же в том намовили с паны рады коруны Полское; и штос в том обѣма радам ваши милости слушней тогоку сполитому доброму увидит, мы так вчиним.

Господарь его милость велел вашѣй милости говорити:

Што есмо прьво сего до ваши милости писали, прирѣкаючи, как дасть Богъ дѣло наше з мистромъ Прускимъ на мѣре положимъ, до вѣликого князьства Литовского к вашеи милости, паномъ радамъ нашим хотячи быти: ино повѣдаемъ ваши милости, иже пришли до нас послы от цѣсаря его милости, а к тому княжата—пан Маркрабий Ирик, брат мистра Пруского, и теж зят ихъ, княжа Ленчицкое, и посол короля его милости Вгорского, хотячи межи нами и мистром Прускимъ покой еднат и валку застановити; где ж мы вжо с тыми послы в речи наши вступили и к мистру ихъ отпускаем; а так начим з мистромъ и с тыми послы застанемъ, о том вашей милости без мешканя ведати дамо. Нижли господарь его милость казал ваши милости вѣлико жадати, иж бы ваша милость, бачачи так вѣликии его милости трудности, рачили на том соймѣ въ справы вступити и дѣла его милости и земскии згодливѣ справовати, как бы было зъ его милости господарьскимъ добрым и пожиточнымъ зѣмьскимъ; бо его милость вси свои справы здешнего панства складаеть на вашу милость, панов радъ своих. А што ся дотычет замков украинных, а наболши Киева, на котором же слышим, нѣ рекучи людѣй прибылых, але и служебных велмис мало зостало, мѣнуючи в почот человѣков с тридцат Богъ дай бы и было: а также бы ваша милость рачили тот замок нашь осмотрети або пѣнязми пана воеводу на тот почот, который ваш милость з ним умовили, або пак людми прибылыми; а к тому суму служебныхъ, што быс ваши милости видѣло, на тот замок наш послати, как быхмо того замку могли отъ неприятеля безпечнии быти; бо мы прьво сего послали были до ваши милости на тот замок наш ротмистра Краевского зъ его ротою, нижли нѣ ведаемъ, для чого ваша милость там на оч час его нѣ отправили. И штос дотычет так малого почту, ваш бы милость рачили ся в том так осмотрѣти, иж бы пѣнязи дарма на так вѣликий почот, што ваша милость к нам усказали через послов, мѣнуючи триста, нѣ дан был ку шкодѣ земской.

Господарь его милость велел ваши милости говорити:

Также частокрот упоминаючис нам ротмистровѣ пан Миколай Пилецкій а пан Мышковский, Боротынский, Вилжиньский и иншии своими ротами, которыи на роты службы мѣли у великом князьствѣ Литовском, оповѣдаючи нам и складаючи с сѣбе, естли бы им служба их плачона быти нѣ мяла, або ведомо певное ихъ заплате не было, тогды вжо товарыши их хотят до вѣликаго князьства Литовского тягнути и сами собе за свою службу мѣти. А про тож бы ваш милость и в том рачили раду взяти и с тыми служебными вгодити и рок з ними их заплатѣ вмовити а тыи противности ихъ застановити, абы вперед тяжкости и шкоды подданым нашимъ от них ся нѣ деяли; бо мы вже ихъ черес то на словах задержати не можемъ.

Господарь его милость велел вашей милости мовити:

Также, што ваш милость до его милости через тых же послов усказали, оповѣдаючи, ижь, будучи в Менску со всѣю землѣю, сами наперед зволили и подданыхъ нашихъ на то привели, аж бы з людей своих серебщизну дали как духовные, такъ и свяцки, ку той потребѣ нашой земской, за што ж его милость ваши милости, паном радам своим высоким, таковое поволности высоцѣ дякуеть и вперед жадает, иж бы ваш милость к тому рачили ся так причинити, аж бы тая серебщизна справедливе чимъ наборзѣй была зобрана и дана до скарбу его милости, а с тое серебщизны нѣкоторая часть могла быти дана тымъ служебным, которыи ся припоминають за службу, а иншими пенязми ховат тых служебных которыи на замках украинныхъ; а которыи бы ся сплошивали, а нѣ хотѣли дат, ваша бы милость, порадивши, и с тыми вчинили то, што ся вашѣй милости лепшого увидит: бо за тых непослушенством а омешканем датков, многии подданыи наши подляшскии по тыи годы от служебных у великии шкоды и впады пришли. А што с дотычет зѣмли Жемонтское, слышим, ижь они серебщизны дат не хотят, выламуючи своими правы. Ино, ведже панове Жемонтскии добре бачат, иж мы завжды тот даток ихъ николи к нашѣй потрѣбе не оборочаем, але оборочаемъ на речь посполитую; а так, чим бы они были лепшии, нижли ваша милость, пановѣ рады наши, которыи зволили тот даток дати? Гдеж видитьс нам, аж бы ваша милость рачили их от себѣ листи своими обослат, жадаючи, припоминаючи, аж бы они чим борзѣй тот даток дали, не менуючи у серебщизну; пакли быс таки с того вымовляли, и ваша бы милость послали дворян наших и казали на их людех тот даток правити.

А штос дотычет прьвших серебщизнъ и поголовщизнъ, слышим, ижь многии сы йменей своих не дали. И ваша бы милость казали

тым бирчимъ рѣистры перед собою положити и о том ся доведати; хто бы своих именеи тых серебщин и поголовщин не дал, ваш бы милость в тых именя казали на нас ся увязывати, абы их сплошенством посполитый человѣкъ не гинулъ и ку шкодѣ не приходил.

Господарь его милость велелъ вашѣй милости мовити:

Писал к нам посол наш, пан Халѣцкий, ижь Булгак и з нашими послы, скоро услышавши о великом послу, не дождавши скарбу нашого съ Луцка... до Киева, гдеж пишет, естли бы тыи послы до орды пошли, не дождавши скарбу, мял ли бы онъ без них до орды скарбом поити або нѣ поити. А прото, если бы тот скарбъ наш где на дорозѣ мешкал, ваша бы милость рачили казати его чим борзѣй поспешити, а Халецкому науку дати, которым бы обычаемъ мял царю в том вымову вчинити, и до царя от себѣ послати, аж бы он напротивку ему люди послал, с ким бы он мел до него с тым скарбом черес полѣ безпечнѣ пройти.

К тому, естли бы царь з воиском своим в зѣмлю Московского пошол, а хотѣл бы мѣти, иж бы пан воевода Киевъский и панъ Остаѳей Дашкевич з ним у воиско пошол, и ваша бы милость за часу пану воеводѣ а пану Остаѳью науку дали, мяли л бы они з ним у войско поити або ни, и как бы тыи замки наши мяли от него въ презпечности быти, бо вь их приязни болши ся выстѣрѣгати нѣприязни; так бы ваш милость в томъ имъ науку дали, не мѣшкаючи, как было з зѣмьским добрым.

А по замком украинным рачили бы ваша милость вѣдомо дат листы своими, абы были у великой опатрѣности и в осторожности.

Слышим, иж люди через землю Жомоитскую от мистра Лифляиского до мистра Пруского переходятъ: аж бы их милость с паном старостою Жомоитским розмовили, иж бы тое мѣстцо осмотрено было людми жомоитскими, как бы черес тое мѣстцо люди болши того ку помочи нѣприятѣлю нѣ приходили.

А на остаток тых всих речей, иж бы их милость, на тыи вси поселства розмысливши, рачили его милости чим борзѣй черес посла вѣдати дати; теж повѣдити, ижь король его милость выдал тым служебным з Лядского скарбу на тисячу золотых, их гамуючи, и то мает им поровнено быти на почту у их же службу.

О осмотрене царя Заволского датком. А к тому жадати двух воевод, иж быс для господаря и для посполитое речи могли зъеднати а одностайнымъ умыслом и доброю згодою дѣла земскии справовали.

А особно князя бискупа Виленского и пана старосты Жемоитского жадати, иж бы ся в то вложили.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ Ш, л. 192—195).

№ 5.

Которыи заставы у Городнѣ на великомъ соймѣ господарю королю его милости панове и державцы спустили *).

Панъ воевода его милость Виленскій спустилъ пенязи съ Утены и съ Дорсунишокъ и зъ Мозыра; панъ Немира Грымаличъ маршалокъ зъ Мельника спустилъ пенязи; панъ Андрей Довойновичъ зъ Ейшышокъ спустилъ пенязи; братъ его Юрьи зъ Вилкомира спустилъ пенязи; маршалокъ великій панъ Янъ Заберезиньскій зъ Меречы спустилъ пенязи; князь Павелъ бискупъ Луцкій съ Пуни спустилъ пенязи; панъ Янъ Завишычъ спустилъ съ Жыжморъ пенязи; панъ Юрьи Илиничъ зъ Лиды и зъ Белицы спустилъ пенязи; панъ Юрьи, воеводичъ Троцкій, зъ Оникштъ спустилъ пенязи; панъ Копоть писаръ съ Превалки спустилъ пенязи; панъ Олександро Ходковичъ съ Острыни спустилъ пенязи; панъ Петръ Глебовичъ зъ Крева спустилъ пенязи; панъ Юрьи Немировичъ зъ Любошанъ спустилъ пенязи; князь Василей Шаховичъ зъ Могилева спустилъ пенязи; князь Василей Жылинскій зъ Крычова спустилъ пенязи; панъ Станиславъ Миколаевичъ, воеводичъ Виленьскій, съ Ушполь и съ Пенянъ спустилъ пенязи.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 234, 235).

№ 6.

Листъ, писаный до намѣстниковъ, тивуновъ и всее шляхты подворомъ Виленского повету о готованье се на войну противъ неприятелю, князю великому Московскому **)...

Жикгимонтъ Божью милостью.

Наместникомъ нашимъ и тивуномъ по дворомъ нашимъ Виленьского повету и княземъ, и паномъ, княгинямъ, панямъ вдовамъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ тымъ, которые именья свои маютъ въ тыхъ поветехъ. Такежъ слухи насъ дошли съ украинъ нашыхъ, штожъ деи неприятель нашъ Московскии землямъ нашымъ шкоду чинить и со всими своими людьми береться моцно на панство нашо великое князьство Литовское. А прото приказуемъ вамъ, ажъ бы есте того часу, ничого не мешкаючы, на службу нашу поготову были, кони бы есте держали сыты, а зброи чисты, и какъ васъ другимъ листомъ нашимъ

---

*) Къ Городенскому сейму 1522 г.

**) Къ Городенскому сейму 1522 года.

обошлемъ, на который часъ на положоное местцо кажемъ вамъ быти, ажъ бы есте на тотъ рокъ на томъ местцу конне а збройне были достаточне такъ, какъ напротивку неприятеля слушить; а то вамъ приказуемъ подъ нашимъ великимъ караньемъ. Такежъ, бачачы есмо, ижъ подданыи нашы многии сплошеньство и недбалость великую ку обороне земской мають, и коли мы, господаръ, чуючы о неприятельскихъ людехъ пишемъ до всихъ подданыхъ нашихъ, рокъ и местцо покладаючы, ажъ бы они конне а збройне на тотъ рокъ на томъ местцы были, и они николи на росказанье нашо тамъ не бываютъ, лечъ гетманъ нашъ великий и панове рада наша водле росказанья и листовъ нашихъ тамъ ку потребе нашой и земской напротивку неприятелей завжды ся своими парсунами напередъ заставуютъ, а подданыи нашы завжды къ паномъ радамъ нашимъ не борздо приеждчаютъ, и иные, се скоро гетману оказавши и пописавъ, зася безъ воли гетманьское до своихъ домовъ ездятъ, а иныи кони и зброи отсылаютъ, а сами ся только у маломъ почте зоставуютъ; какъ же, чуючы о таковомъ непослушенстве и недбалости къ намъ, господару, отъ подданыхъ нашихъ, люди неприятельские частокротъ уторгивали у землю нашу и шкоды великие, невымовные землямъ нашимъ починили, какъ же и того году минулого для непослушенства подданыхъ нашыхъ неприятель нашъ Московскій моцно былъ люди свои вслалъ у землю нашу, бы не была напередъ ласка Божья а потомъ панове рада наша сами своими особами отважилися и застановили тымъ людемъ неприятельскимъ, снать бы тое панство нашо ку вечному впаду пришло: а про то мы, бачачи таковое непослушенство къ намъ подданыхъ нашихъ, выстерегаючися и не будучи безпечни того панства отъ неприятеля нашого, на томъ сойме валномъ Городенскомъ съ паны радами нашими и со всими землями поддаными нашими то есмо ухвалили и встановили: естли бы который съ подданыхъ нашихъ водле росказанья и писанья листовъ нашихъ на положеномъ местцу на рокъ конне а збройне не былъ, або хто, пописавшися, самъ до дому ехалъ, безъ воли гетмана нашого, або бы который пописавшыся и кони и зброи до дому отослалъ, а самъ ся осталъ у маломъ почте а не былъ у гуфе водлугъ уфалы и вставы земское, и какъ будетъ пописанъ въ реестре гетманскомъ,—о таковыхъ панъ Виленьский, гетманъ нашъ навышший, маетъ къ намъ писати; мы въ нихъ маемъ именья отнимати и давати тымъ, за кимъ насъ будетъ жадати панъ Виленьскій, князь гетманъ его милость. А прото приказуемъ вамъ, ажъ бы есте конне а збройне ку потребе нашой и земской на местцу положономъ на рокъ водлугъ листовъ нашихъ завжды въ часъ бывали и отъ гетмана нашого сами не отъежд-

чали ани коней, ани зброи не отсылали; пакли жъ бы хто зъ васъ съ того выступилъ, ведайте певно, ижъ будете отъ насъ караны тымъ караньемъ, какъ вышей въ семъ нашомъ листе выписано. Писанъ у Городне марта 9 день, индиктъ 10.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, л. 275, 276; кн. Запис. XI, л. 76).

№ 7.

Серебщизна, на пановъ радъ постановеная *).

Панове рады маютъ на тотъ часъ серебщизну съ своихъ пенезей давати: князь Янъ, бискупъ Виленский, 100 золотыхъ; князь Павелъ, бискупъ Луцкий, 100 золотыхъ; князь бискупъ Жомонтский 50 золотыхъ; панъ Виленскій, гетманъ, князь Костентинъ 100 золотыхъ; панъ Кгаштовтъ, воевода Троцкий, 100 золотыхъ; панъ Янъ, маршалокъ великий, 50 золотыхъ; панъ Юрьи, староста Городенский, 100 золотыхъ; панъ Янъ, воевода Новгородский, 100 золотыхъ; панъ Петръ, воевода Полоцкій, 30 золотыхъ; панъ Юрьи, маршалокъ дворный, 100 золотыхъ; панъ Янушъ, воевода Подляшский, 100 золотыхъ; панъ Якубъ Кунцевичъ 30 золотыхъ.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ II, лл. 320—321).

№ 8.

Отказъ напротивку посельства до пановъ радъ великого князьства Литовского княземъ Миколаемъ Вежкгайломъ, бискупомъ Киевскимъ, справы писара пана Горностая **).

Господаръ король и великий князь его милость Жыкгимонтъ велелъ вашой милости поведити: што ваша милость указывали до его милости господаря черезъ мене и черезъ пана Богуша подскарбего земского, ижъ его милость съ сойму Петриковского рачылъ до вашое милости писати, покладаючы съемъ у Вилни, и на томъ сойме абы ваша милость рачыли радити и пилне мыслити у делехъ его милости господарскихъ и земскихъ: первое,—о московскомъ, ижъ ужо перемирье борздо выйдетъ, другое—о границахъ Ифлянтскихъ и о цари Заволскомъ и тежъ о цари Перекопскомъ, и о замкахъ украинныхъ, абы были всими речьми осмотрены такъ, какъ бы его милость въ часъ пригоды отъ неприятеля былъ безпечонъ, и тежъ о служебныхъ, чымъ

---

*) Къ Виленскому сейму 1522 г.

**) Къ Виленскому сейму 1526 года.

бы мяла имъ служба плачона быти: ваша милость обо всихъ тыхъ справахъ рачыли до его милости, господаря, черезъ насъ шыроко ускaзати, ижъ ваша милость такъ великихъ а важныхъ справъ, о которыхъ жо справахъ есть великая потреба пильне а за часу мыслити, безъ небытности его милости господарское жадною мерою на томъ сойме справовати не могли ани можете. И покорне ваша милость господаря, короля его милости, черезъ насъ жедали, абы его милость господаръ, бачечи таковые великие справы, которые жадного омешканья не хотять, рачылъ на тое панство великое князство Литовское ласкаве а милостиве возрети а безъ умешканья весполокъ съ королевою и съ королевичомъ ихъ милостью до вашой милости приехати о тыхъ обо всихъ справахъ зъ вашою милостью мыслити.

Его милость господаръ король казалъ вашой милости поведити, ижъ его милость первей сего, бачечы таковые великие справы, охотне его милость мыслилъ о еханью своемъ тутъ до великого князства; нижли ся его милости то стати не могло для того, ижъ упередили его милости великие а важные справы тутошнего паньства его милости, коруны Польское. А однакожъ его милость рачылъ до вашое милости писати, обецуючыся у вашое милости быти зъ Великодня, какъ жо и тыхъ часовъ его милость господарь того умыслу своего иначей отменити не хочеть, и скоро у тамошнемъ панстве своемъ, коруне Полской, справы доконавши, маеть его милость волю весполокъ съ королевою и съ королевичомъ ихъ милостью того лета у великомъ князстве Литовскомъ быти. И какъ, дастъ Богъ, его милость тутъ будетъ, вземши милого Бога на помочь, хочетъ его милость зъ вашою милостью, паны радами своими, обо всихъ тыхъ справахъ мыслити и радити такъ, какъ бы было зъ его милостью господарскимъ и земскимъ добрымъ а пожыточнымъ; и вашее милости пановъ радъ своихъ и всихъ подданыхъ великого князства Литовского ни въ чомъ его милость, дастъ Богъ, опустити не хочетъ.

Притомъ его милость господаръ король казалъ вашой милости мовити: што ся дотычетъ московского дела, естли бы тыи послы папежский и цесарский зъ Москвы до вашое милости князя великого волю дали знати, на чомъ бы хотелъ зъ нами престати, миръ ли вечный, чыль далей перемирье помкнути,—и скоро до вашое милости тая весть о ныхъ прыйдетъ, абы ваша милость безъ всякого омешканья рачыли межъ собою въ томъ намовити; кого бы ся вашой милости видело въ тыхъ справахъ до великого князя Московского отъ насъ у посельстве послати, тому бы вжо ваша милость рачили нашимъ словомъ господарскимъ росказати, ажъбы ся онъ къ тому зготовылъ; и

намъ бы ваша милость о писанье тыхъ пословъ, и тежъ кого ваша милость тамъ у посельстве намените, намъ дали ведати, мы безъ умешканья тамъ науку нашу и вашой милости пошлемъ, которымъ бы обычаемъ тотъ посолъ нашъ маетъ ся тамъ справовати.

Затымъ тежъ и о границахъ Лиѳлянтскихъ его милость господаръ казалъ вашой милости поведити, ижъ мистръ Лиѳлянтский вскавывалъ до его милости черезъ посла своего, абы зъ обу сторонъ былъ выездъ на поправенье границъ на день свята Матки Божее, ижъ на тотъ часъ тотъ выездъ тамъ быти не можетъ для небезпечности; и на который часъ будетъ ся его милости видети, его милость господаръ мелъ мистру веданье дати черезъ посла або черезъ листъ писанья своего. Его милость господаръ казалъ вашей милости мовити, абы ваша милость рачыли тыхъ часовъ мистра Лиѳлянтского обослати, рокъ ему менуючи зъеханью на поправенье границъ на тотъ часъ, коли бы ся вашой милости належей видело, бо ся господарю его милости видело лепей того на немъ доводити тыхъ часовъ, ижъ онъ естъ въ росторгненьи со орцыбискупомъ и съ поддаными своими.

Затымъ господаръ король его милость казалъ вашой милости поведити, ижъ его милости певныи слухи доходятъ, штожъ неприятель его милости цесаръ Перекопский умыслилъ панство его милости казити: его милость господаръ росказалъ всимъ подданымъ своимъ въ коруне Полской конне а збройне поготову быти, а къ тому напередъ его милость послалъ на Подолье несколько тисячъ людей, на пенези припемши; тежъ его милость первей сего по всимъ поветомъ до всихъ подданыхъ великого князьства Литовского писалъ, приказуючи, абы были вси на службу его милости поготове конне а збройне, и на который рокъ а на которомъ местцы другимъ листомъ роскажетъ его милость имъ быти, абы они подле росказанья его милости тамъ были; и тыи листы и тежъ другии листы, оставивши местце на рокъ и на часъ до вашое милости послалъ, и въ листе своемъ науку свою тежъ до вашое милости въ томъ выписалъ; мнимо его милости, ижъ ваша милость съ того писанья его милости рачыли гораздо зрозумети. А такъ и тыхъ часовъ его милость господаръ вашей милости пановъ радъ своихъ жедаетъ, ажъбы ваша милость рачыли подобное местцо а слушный рокъ у тыи листы уписати и по поветомъ безъ мешканья розослати, и сами бы ваша милость рачыли на тотъ рокъ тамъ быти и всимъ подданымъ его милости спешно росказати, ажъбы вси конне а збройне на тотъ рокъ и на местцы росказаномъ были; а какъ, дастъ Богъ, ваша милость тамъ ся зъедете, ваша бы милость по всимъ городомъ украинымъ рачили росказати великую чуйность мети такъ, его

жъ Боже вховай, абы тыи люди неприятельскии, безвестно упадши у землю нашу, подданымъ нашимъ и войску нашому которое шкоды не вчинили. И естли бы тежъ люди пришли по царя Заволского отъ сына его, ваша бы милость, давшы ему датокъ со скарбу его милости земского такъ, какъ и первей ваша милость мели ему дати, и рачыли бы ваша милость царя безъ умешканья къ тымъ людемъ его до Киева и до Черкасъ отпустити и послали его до Киева проводити зъ войска некоторый почотъ людей, уставивши надъ ними старшого, кого бы ся вашой милости видело; и о то бы ваша милость рачыли къ намъ безъ мешканья отписати, мы до того, кого ваша милость найменуете, роскажемъ писати, ажъбы онъ безъ мешканья тамъ съ царемъ ехалъ водле росказанья вашое милости. А къ тому, естли бы которыи опые справы пришли на паньство его милости великое князъство Литовское, его милость господаръ вашое милости казалъ жедати, абы ваша милость во всихъ тыхъ справахъ рачыли пильне и охотне справоваться и радити такъ, какъ бы было зъ его милости господарскимъ и вашее милости пановъ радъ и земскимъ пожиткомъ, а его милость господаръ, дастъ Богъ, хочеть то вашей милости паметовати ласкою своею господарскою и всимъ добримъ, яко паномъ радамъ своимъ верным.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, лл. 487—489).

№ 9.

Листъ, писаный до державцы Оникштеньского пана Юръя Остиковича, абы земянина Оникъштеньского, обравши судею, до Ивана Перъхуръевича придалъ на суженье подданыхъ *).

Жикгимонтъ...

Державцы Оникъштеньскому пану Юръю Григоръевичу Остиковича. Што есмо ухвалили и установили съ паны радами нашими обрати въ каждомъ повете дву земяниновъ, которые бы мели съ урядниками поветовыми подъданыхъ нашыхъ судити и радити,—какже мы въ томъ повете Оникъштеньскомъ установляемъ тамъ судьею быти дворенина нашого Ивана Перхуръевича. И ты бы еще къ тому другого земенина доброго обравшы тамъ установилъ судьею: и нехай бы они тамъ въ повете Оникъштеньскомъ подъданыхъ нашыхъ судили и рядили водле тыхъ правъ нашихъ, новоданъныхъ всему князству Литовскому. Писанъ у Кракове подъ лѣт. Божего Нарож. 1530, месеца августа 22 дня, индиктъ 3.

(Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 20).

---

*) Къ Виленскому сейму 1528—1529 г.

№ 10.

Листъ, писаный до обывателей повету Волковыйского о томъ, абы обрали двухъ земянъ оного повету на суженье подъданыхъ *).

Жикгимонтъ.

Княземъ нашимъ, паномъ, княгинямъ, панямъ-вдовамъ, бояромъ и дворановъ нашымъ тымъ, которые именья свои маютъ у Волковыйскомъ повете. Што есмо, какъ будучы на валномъ сойме у Вилни со всими паны радами нашыми, ухвалили и установили, ижъ кождый державъца нашъ маетъ у своемъ повете обрати двухъ земянъ нашыхъ, съ которыми былъ мелъ судити, ино маршалокъ нашъ, державца Волковыйскій, панъ Матей Войтеховичъ обралъ у Волковыйскомъ повете судями быти дворанъ нашихъ Васпля Карповича Тризну а Ярослава Борысовича и на то листъ свой имъ далъ. И тотъ листъ его они передъ нами вказывали и били намъ чоломъ, абыхмо на то дали имъ нашъ листъ. Ино, кгдыжъ панъ Матей водле ухвалы нашое судьями тамъ быти ихъ обралъ, мы на то дали имъ сесь нашъ листъ: нехай они тамъ подъданыхъ нашыхъ судятъ и справуютъ водле тыхъ правъ нашыхъ писаныхъ, отъ насъ всему панству поводаныхъ. И вы бы о томъ ведали. Писанъ у Кракове подъ лѣт. Бож. Нарож. 1530, месеца августа 30 день, индиктъ третий.

(Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 23).

№ 11.

Въ жалобе всихъ земянъ Дорогицкихъ на хоружого ихъ Сернацкого о выбиранье ни нихъ плату уфаленого надъ уставу **).

Жыкгимонтъ, Божью милостью.

Хоружому земли Дорогицкое Сернацкому. Присылали къ намъ земяне всее земли Дорогицкое, жалуючи о томъ, што есьмо съ паны радами нашыми великого князства умыслили положити платъ зъ людей князскихъ и панскихъ и земянскихъ, съ кождое службы людей по два грошы а на Подляшьи зъ волоки по два грошы, то естъ съ осми службъ, съ коня, по шестнадцати грошей,—то пакъ дей ты тамъ справуешься не водлугъ науки и росказанья нашого господарскаго, але дей своволеньствомъ берешъ и зъ земянъ, которые людей въ себе не ма-

*) Къ Виленскому сейму 1528—1529 г.

**) Къ Виленскому сейму 1529 г.

ють, съ коня по шестнадцати грошей а съ волоки писчого по грошу, а въ томъ имъ втисненья и шкоды великии ся деють. Ино ведже мы бирчимъ по всему панству нашому великому князству росказали и то установили брати на насъ зъ службы людей або зъ волоки по два грошы, то есть съ коня по шестнадцати грошей, а писчого ни одного пенязя не росказали есмо брати; а которые земяне шляхта людей въ себе не мають, тыи неповинни сами зъ себе того плату давати. Прото приказуемъ тобе, ажъбы еси втисненья и шкодъ земяномъ въ томъ не делалъ и того плату, которые людей въ собе не мають, съ нихъ бы еси самыхъ не бралъ и далъ имъ въ томъ покой; лечъ которые земяне люди въ себе мають, съ тыхъ бы еси зъ волоки бралъ одно по два гроши, а писчого ни одного пенязя бы еси не бралъ, бо повиненъ еси съ ураду своего кромъ датку тотъ платъ на насъ выбирати. Естли жъ бы еси, о тое росказанье нашо не дбаючи, а предся хотелъ съ нихъ пенязи брати не водле уставы нашое, тогды ведай певно: што колве неслушне на нихъ або на людехъ ихъ озмешъ, то будешь удесятеро або у двадцатеро своимъ имъ отдавати. Писанъ у Кракове подъ леты Божьего Нароженья 1530, месеца априль 5 день, индиктъ 3. Горностай маршалокъ и писаръ.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ IV, л. 330).

№ 12.

Листы соймовыи, розосланы по всему панству великому князьству Литовскому [1]):

До пана воеводы Виленского,
до пана воеводы Троцкого,
до пана Виленьского,
до пана Троцкого,
до бискупа Виленьского,
до бискупа Луцького,
до бискупа Жомоитского,
до воеводы Новгородского,
до воеводы Полоцького,
до воеводы Витебъского,
до воеводы Киевъского,
до пана подчашого,
до князя Слуцького,
до крайчого,
до Дубровицького,
до старосты Луцького,
до старосты Володимерьского,
до князя Ильи и
до подскарбего дворного,
до подскарбего земъского,
до державцы Мстиславъского,
до державцы Рошъского,
до державцы Могилевского,
до пана Остафъя,
до державцы Речыцкого,
до пана Олександра Ходковича,

[1]) Къ Виленскому сейму 1534 г.

до конюшого,
до пана Паца,
до старосты Пинского;
до князей и пановъ, которыи именья свои маютъ по Троцкому повету по Занемонской стороне и на Подляшьи;
по Виленскому повету по Ошъменской стороне;
до пана Павла Сопеги,
до пана Сольтановича,
до старосты Меньского,
до пана Юря Немировича,
до старостичовъ Берестейскихъ,
до пана Сиръпутья,
до пановъ Зеновьевичовъ,
до пана Яна Пенька,
до пана Лаврина Волского,
до Сологубовичовъ,
до Миколая Щыта,
до Станислава Довойна,
до пановъ Кухмистровичовъ,
до Хребтовичовъ,
до хоружихъ по Троцкому повету по Ошменской стороне,
до всихъ тивуновъ Жомоитскихъ,
до панятъ Троцькихъ.
Листы по Завелской стороне;
до Скопа,
до тивуна Виленьского,
до Коморьского,
до пана Павла Нарушевича,
до хоружого Упитъского,
до чашъника,
до князя Полубеньского,
до князей всихъ Друцкихъ,
до князей всихъ Лукомъскихъ,
до князей Свирскихъ,
до князей Кгедроитъскихъ,
до князей Сонкгушковичовъ,
до князей Збаражскихъ,
до князей Жеславскихъ,
до князей Корецькихъ.

То листы, по всей земли писаные о семъ тымъ обычаемъ:

Жикгимонтъ...

Воеводе Виленскому, канцлеру нашему, старосте Белскому и Мозырскому пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту. Што есмо тыхъ часовъ посполъ зъ вашею милостью паны радами нашыми зложыли съемъ валный мети у месте нашомъ Виленьскомъ для справъ нашыхъ и земскихъ, и виделосе намъ тому сойму рокъ положити на теперешнии прыидучые запусты масленые руские, на который жо часъ росказали есмо къ тому сойму всимъ княжатамъ и панятамъ рыцерству и всимъ землямъ подданымъ того панства нашого великого князьства Литовского въ насъ быти: и твоя бы милость у воеводстве своемъ повету Виленьского и у старостве всимъ хоружимъ и у староствахъ своихъ росказалъ, жебы кождый зъ нихъ у хоружствахъ своихъ, обравши по два земянины добрыхъ людей, и сами посполъ зъ ними къ тому часу и року, отъ насъ зложеному, до Вилни ехали и на томъ сойме въ насъ были; бо маемъ некоторые дѣла нашы и земъские пилные справовати.

До тыхъ же соймовыхъ листовъ:

Жикгимонтъ.

Воеводе Полоцкому, маршалку нашому, пану Яну Юревичу Глебовичу. Поведаемъ твоей милости, ижъ тыми разы зложили есмо съемъ валный мети у месте нашомъ Виленьскомъ для некоторыхъ справъ нашыхъ и земскихъ со всыми паны радами и со всими тежъ землями, поддаными нашыми, на теперешние запусты прийдучые масленые руские, на который жо часъ росказали есмо къ тому сойму всимъ княжатамъ и панятамъ рыцерству и всимъ подданымъ нашымъ того панства нашого великого князьства Литовскаго въ насъ быти; лечъ, што ся дотычеть тыхъ замковъ нашыхъ украинныхъ, намъ се видело, абы они теперешнего часу въ добромъ осмотрени были захованы. Протожъ што бы твоя милость съ того воеводства своего зъ замку нашого Полоцкого, обобравшы двухъ боярыновъ, людей добрыхъ, на тотъ съемъ къ тому часу и року зложеному до насъ прыслалъ, а съ того замку нашого што бы твоя милость не езждчалъ и самъ своею персоною и зъ служебники своими на немъ мешкалъ у добрей опатрности и въ осторожы, и будучы тамъ, доброго а почстивого нашого добре смотрелъ и во всемъ ся такъ рядилъ и справовалъ, яко на верную раду нашу прислушытъ, и яко бы тежъ было зъ нашымъ господарскимъ добромъ и земскимъ пожиточнымъ. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1534 месеца генв. 8 ден. индиктъ 7.

(Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 96—99).

№ 13.

Листъ до обывателевъ Минскихъ о поборе *).

А тымъ обычаемъ листы писаны до поветовъ:

Княземъ и паномъ, княгинямъ, панямъ, бояромъ и дворяномъ нашымъ тымъ, которые именя свои маютъ у повете Меньскомъ. Поведаемъ вамъ, ижъ есмо зволили съ паны радами и зо всими поддаными нашыми великого князьства Литовского для обороны и для иншыхъ многихъ великихъ а пилныхъ потребъ нашыхъ господарскихъ и земскихъ платъ положыти на всихъ подданыхъ нашыхъ и королевое ее милости, и духовныхъ, и светскихъ—князьскихъ и панскихъ, и земяньскихъ водлугъ тоей уставы нашое нижей описаное: который маеть два волы, тотъ маеть дати дванадцать грошей; а въ кого будеть одинъ волъ, отъ того шесть грошей, и въ кого колве воловъ, повиненъ будеть отъ кождого вола дати по шести грошей; а отъ коня робочого шесть гро-

*) Къ Виленскому сейму 1534 г.

шей; а хто двема ореть, дванадцать грошей; а который человекъ маеть землю а не маеть ани вола, ани клячы, тотъ маеть дати шесть грошей; а который земли не маеть, толко дворомъ седить, клячу або вола маеть, тотъ маеть дати шесть грошей; а отъ огородника по тры грошы; а которые люди на воляхъ седять, и тые повинни будуть тотъ платъ намъ дати, яко вышей выписано. Гдежъ для тое потребы нашое и земское кождый зъ васъ подданыхъ нашыхъ повиненъ будеть зъ людей своихъ тотъ платъ намъ давати, для чого жъ послали есмо тамъ дворанъ нашыхъ Грынашка Богдановича Шолуху а Богдана Корнилъевича Дрябышова. И вы бы кождый зъ васъ зъ людей своихъ подле тое уставы нашое тотъ платъ выбрали безъ кождого омешканя и имъ дали и присегу передъ ними вчынили, ижъ тотъ платъ справне а справедливе зъ людей своихъ выбрали и намъ дали а ничого не втаили. А они, тотъ платъ нашъ собравшы отъ васъ, мають отнести на рокъ въ небо Божего уступенья и дати въ руки старосте Берестейскому, маршалку нашому, державцы Вилкейскому и Острынскому и Кнышинскому, пану Олександру Ивановичу Ходкевичу а секретару нашому, державцы Жыжморскому, пану Павлу Нарушевичу, и присегу мають передъ ними вчинити на томъ, ижъ они оправедливе тотъ платъ у васъ узяли а ничого не втаили. А естли бы тежъ хто зъ васъ, подданыхъ нашыхъ, въ томъ ся оплошылъ, а того плату тымъ бирчымъ нашымъ въ часъ не отдали, таковый будеть повиненъ совито тотъ платъ намъ платити, а мы росказали тымъ бирчымъ нашымъ на васъ то моцне отправовати, ижъбы за тымъ речъ наша господарская и земская не умешкивала. А што ся дотычеть бирчого, тымъ дворяниномъ нашымъ обема отъ двухъ воловъ одинъ грошъ маеть быти. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1534 месяца мар. 20 день, индиктъ 7.

(Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 125, 126).

№ 14.

Листъ о поборе, уѳаленомъ подъ лет. Бож. Нарож. 1534 месяца нояб. 20 дня, индик. 8 *),

Писаны листы о серебщину по всей земли великого князьства Литовского до державцы тымъ обычаемъ:

Што такъ годъ, будучы намъ на валномъ великомъ Виленьскомъ сойме со всими паны радами нашыми духовными и свец(ки)ми, умыслили и положили платъ на все панство нашо великое князьство Ли-

*) Къ Виленскому сейму 1534 г.

товское ку обороне и речы посполитой того панства нашого великого князьства Литовского, къ чому жъ вси панове рады нашы якъ духовные, такъ и свецкие, и вся земля зволили и поступили намъ плату съ подданыхъ своихъ на тры годы, то естъ серебщизны съ кождого человека и со всякое сохи воловое по двანадцати грошей, а съ коньское по шести грошей, чому жъ вжо того году прошлого досыть стало. Нижли на сесь пришлый годъ моцнейшымъ способомъ и достаточною обороною, вземшы на помочъ Бога милого и справедливость нашу, на неприятеля нашого Московского потягнути и кривды нашое мстити, сколко намъ Богъ милый допоможеть, хочемъ; и для таковое великое потребы а речы пожыточное земское положыли платъ на все панство нашо великое князьство Литовское якъ съ подданыхъ нашыхъ, такъ князскихъ и панскихъ якъ зъ духовныхъ, такъ и светскихъ—съ кождого человека и со всякое сохи воловое по петнадцати грошей, а съ конское по полосма грошей, а то тымъ способомъ, яко нижей въ семъ листе нашомъ естъ описано: хто двема волы ореть, тотъ маеть дати петнадцать грошей, и колко хто сохъ мети будетъ, отъ кождое маеть по тому жъ давати; а хто конскою сохою пашетъ, тотъ маеть дати полосма гроша; а хто воломъ пашетъ, тотъ маеть дати полосма гроша; а хто воловъ и клячы оремое не маеть, толко землю, тотъ отъ земли по полосма гроша маеть дати; а хто землю не маеть, а волы будеть мети, тотъ маеть дати полосма гроша, какъ и отъ полсохи; а съ огорода по три гроши. И покладаемъ рокъ тые пенязи до скарбу нашого отнести на день Трехъ Кролей пришлого свята, которое у вындиктѣ осмомъ будеть. А прото приказуемъ тобе, што бы еси самъ посполъ съ хоружымъ того повету земянъ и всихъ подданыхъ нашыхъ, которые въ томъ повете именья свои мають, кождого въ реистръ на имя написали и люди ихъ имены также кождого списали; и колко въ которого сохъ, и то все достаточне списавшы, подле тыхъ реистровъ тотъ платъ нашъ водле уставы зъ людей земянскихъ съ кождого поветника сполна, ничого не втаиваючы, выбрали; а выбравшы тотъ весь платъ, ажъбы еси самъ, а не служебникомъ своимъ отсылаючы, посполъ съ тымъ хоружымъ на тотъ рокъ мененый Три Кроли тотъ весь платъ нашъ отнесли и отдали бирчимъ нашимъ, которые на то уставлены, и тые реистра, въ которыхъ написаны сами и люди и сохи ихъ, и водле которыхъ тотъ платъ нашъ брали есте, передъ тыми бирчыми нашыми положили и ихъ имъ отдали, и при тыхъ рейстрахъ присегу вчинили на томъ, ижъ справедливе всихъ земянъ въ томъ повете и ихъ всихъ людей и сохи, ничого не хибляючы, достаточне въ тотъ реистъ списали и подле того рейстру тотъ платъ нашъ сполна, ничого не втаиваючы

а никому не фолкуючы, выбрали и до скарбу нашого отдали. А што ся ткнеть людей нашихъ путныхъ и тяглыхъ въ томъ держани твоемъ и тежъ твоихъ людей и хоружого, ажъ бы есте сполома съ хоружымъ такъ же тые вси люди нашы и свои въ тотъ рейстръ самихъ имены и сохи ихъ списали и подле тое жъ уставы нашое вышеписаное съ нихъ тотъ платъ нашъ весь сполна, ничого не затаиваючы, ани хибляючы жадного человека и сохи, выбрали и посполъ съ тымъ платомъ нашымъ до бирчыхъ нашыхъ отдали, и на всемъ томъ, якъ въ томъ листе нашомъ описано, присегу съ одного вчинили, ижъ справедливе то все выбрали. А которые подданые нашы будуть именья свои въ розныхъ поветехъ мети, таковый кождый маетъ тотъ платъ нашъ зъ людей своихъ давати тому державцы, которое въ которомъ повете именье свое мети будеть, не вымовляючися головнымъ своимъ именьемъ; а то для тое причины, ижъ сами присегати не маютъ, одно вы, бирчые. А беручы тотъ платъ нашъ, ажъбы есте зъ жадного человека якъ нашого, такъ и земяньского жадного пенязя бирчого и пищого не брали. А што ся дотычеть того, ижъ есмо теперъ повышили того плату надъ всижегодний, а по петнадцати положили, мы то вделали для великое потребы нашое, а хотячы того году моцнейшую валку напротивку неприятеля нашого и панства его вести; а ведже на третий годъ жадинъ съ подданыхъ нашыхъ и вашихъ не повиненъ будетъ болши того плату дати, толко съ сохи по десети грошей, не доймуючы тыхъ грошей, которые теперъ будуть браны. А што ся ткнеть мынцы полское, мы ее такъ установили, ижъ за чотыри гроши литовскихъ маетъ брано быти полскихъ пять грошей, а на копу литовскую полскихъ пенязей маетъ наддавано быти петнадцать грошей—то копа литовская будетъ чинити полскихъ пенезей полосмадесятъ грошей; а въ Полщы также за копу литовскую маеть давано быти по полосмадесять грошей; и тымъ бы есте способомъ оную мынцу брали и бирчымъ нашымъ до скарбу нашого давали, а они то отъ васъ маютъ приймовати; а вы бы также тую мынцу отъ подданыхъ своихъ приймовали. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1534 месяца нояб. 20 ден., индиктъ 8.

А до воеводъ до кождого въ листехъ писано, абы въ дворехъ воеводствъ своихъ росказали хоружымъ въ кождомъ дворе а земянину, годному веры, бояръ шляхты и ихъ людей пописывати и тотъ платъ водле уставы зъ людей ихъ отъ сохъ воловыхъ и конскихъ выбирати а зъ людей путныхъ и тяглыхъ у воеводствахъ ихъ и по ихъ именьямъ маютъ врядники ихъ тотъ платъ выбирати и на тотъ же рокъ относити до скарбу и отдавати подъ присягами.

(Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ VIII, л. 165—167).

Подъ лѣт. Бож. Нарож. 1534 месеца нояб. 20 дня, индиктъ 8. Которые листы писаны о серебщизну по всей земли, што была положена съ сохи по пятнадцати грошей, а съ конское по полосма гроша *).

Напервей повезъ листы по Виленскому повету по Ошменской стороне Стретъ Солтановичъ:

до Медникъ,
до Ошъмены,
до Маркова,
до Крева,
до Красного села,
до Лиды,
до Менска,
до княгини Жеславское,
до княгини Мстиславское,
до князей Лукомъскихъ,
до князей Друцъкихъ,
до Могилева,
до всихъ Зеновевичовъ,
до въсихъ Нosиловскихъ.

Иванъ Григоревичъ повезъ листы:
до хоружого Рудоминского,
до хоружого Лидского,
до всихъ Сологубовичъ,
до Хребътовичовъ,
до Щитовичовъ,
до Юря Немировича,
до князя Слуцъкого,
до князя Дубровицъкого,
до кнегини Костентиновое.

Богданъ Андреевичъ повезъ листы по Троцкому повету:
до Лепунь и Волкиникъ,
до Ейшишокъ,
до Радуни,
до Конева и Дубичъ,
до Василишокъ,
до Жолудъка,
до пана Ивана Лядъского;
и до пановъ радъ въ тую жъ сторону:
до князя бискупа Виленского,
до князя бискупа Луцкого,
до пана старосты Берестейского,
до панятъ Троцъкихъ,
до опекуновъ панятъ Троцъкихъ,
до Ильиничовъ,
до пани Петровое,
до воеводиное Подляшское,
до Богушовое,
до Литаворовое,
до пана Лаврина Волского,
до пани Копътевое,
до пана Александра Солтановича,
до князя Василья Полубенского.

До земли Волынское повезли листы Михайло Тишкевичъ а Александро Владыка:
до маршалка Волынское земли,
до старосты Луцъкого,
до хоружого Волынского и князей, пановъ,
до князя Ильи,
до князя Ковелского,
до князей Вишневецкихъ,
до князей Жеславскихъ,
до Збаражскихъ,
до Корецкихъ.

До земли всее Жомоитское взялъ листы панъ подскарбий и послалъ

*) Къ Виленскому сейму 1534 г.

ихъ дворяниномъ королевъскимъ и въ тую жъ дорогу даны ему листы:
до Сомилишокъ,
до Жижморъ,
до Дорсунишокъ,
до Биръштанъ,
до Пунъ,
до Вилкеи,
до Велены,
до Скерстомони,
до пана Скопа,
до Ясвойни,
до Ковъна,
до князя Семена Белского,
до пани Сопежиное,
до пановъ Завишичовъ.
Семенъ Булгаковичъ по Завелской стороне:
напервей, до пана воеводы Виленского,
до воеводиное Виленское,
до Сопежичовъ,
до князей Свирскихъ и Кгедройцкихъ,
до Сирпутья,
до пана Павла Сопеги,
до хоружого Мойшокгольского,
до Утеньского,
до Судеревъского,
до Упъполского,
до Вилкомирского,
до Курклевъского,
до Керновского,
до пана крайчого,
до пани Кгезкгайловое.
До Дорогичина Васко Чечеть а Иванъ Зязевичъ и даны имъ же листы:
до Стоклишокъ,
до Высокого двора,
до Перелаи,
до Меречы,
до Ожи и Перелома,
до Перевалки,
до Городна,
до кнегини Крошинское.
А ктому они взяли листы:
до Волковыйска,
до Слонима,
до князей Деречынскихъ,
до пана Паца,
до пана воеводы Подляшского.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ VIII, л. 267—269).

1534 месеца нояб. 21 день, индиктъ 8.

Которые листы писаны о серебщину и росланы суть: до официяла Жомоитского и до капитулы и до въсихъ плебановъ Жомоитъскихъ;
до Айракгольского и до Ретовского Шымъка Митковича;
до Коршовского и Поюрского Адама Ганусовича;
до князя Семена Одинцовича,
а до Яна Станьковича, што на месцы старосты Жомоитского, абы со всее шляхты и со всихъ людей, которые къ старостъу Жомоитъскому прислухають серебщыну выбрали по петнадцати грошей зъ сохи;
до Бирженьского Андрея Михайловича,
до Шовдовского Якуба Юшковича,
до Берженьского Андрея Руковича,

до Тверского Мицка Утиловича,
до Вешвеньского Каспра Белевича,
до Дирваньскихъ двухъ, Митковича а Яна Станковича,
до Телшовского и Кгондынского Лаврина Шуковича, жебы съ своихъ волостей выбирали.

Тые листы взялъ панъ Горностай, подскарбій, и послалъ ихъ дворяниномъ королевскимъ Иваномъ Гришковичомъ.

(Литов. Метр. кн. Сухн. дѣлъ VIII, л. 157—158).

Листы о серебщину писаны по тымъ местомъ:
зъ Вилни 500 копъ грошей, а 300 коней ку службе абы выправили;
зъ места Троцкого съ хрестянъ и жидовъ пятдесятъ копъ грошей;
зъ места Луцъкого 60 копъ грошей,
зъ места Берестейского зъ хрестянъ и зъ жидовъ 200 копъ грошей;
зъ места Володимерского 60 копъ грошей;
зъ места Дорогицкого 100 копъ грошей;
зъ места Белского сто копъ грошей;
съ Полоцъка 100 копъ грошей;
зъ Витебъского 50 копъ грошей;
съ Ковенского 250 копъ грошей;
зъ Городенского 100 копъ грошей;
зъ Мелницъкого 100 копъ грошей;
зъ Бронска 20 копъ грошей;
зъ Саражского 20 копъ грошей;
зъ Лосицъ 15 копъ грошей;
съ Клещелезского 20 копъ грошей;
съ Пинска 100 копъ грошей,
зъ Новгородского 60 копъ грошей,
зъ Слонима 60 копъ грошей;
зъ Волковыйска 30 копъ грошей;
зъ Мерецкого 30 копъ грошей;
съ Каменца 60 копъ грошей;
зъ волостей русскихъ:
съ Пропойска 20 копъ грошей,
съ Чичерска 20 копъ грошей,
зъ Могилевского места 40 рубълевъ, а зъ волости 60 рублевъ;
съ Кричова 15 рублевъ грошей,
зъ Мозыра и зо Бчича 40 рублевъ,
зъ Борисова 30 рубълевъ,
зъ Бобруйска съ обеюхъ половинъ 40 рублевъ,
зъ Свислочы 30 рубълевъ,

зъ Горволя 10 рубълевъ,
зъ Речицы 15 рубълевъ,
съ Озерища и со Свята 15 рублевъ.
Сума всихъ пенезей 2486 копъ и сорокъ грошей.

(Литов. Метр. Судн. VIII, л. 164, 165).

№ 15.

Листъ чиненя личбы подскарбего земского пана Ивана Горностая съ пенязей серебщызныхъ, на сойме ухваленыхъ *).

Жыкгимонтъ и далей.

Чынимъ явно симъ нашымъ листомъ. Чынилъ передъ нами личбу подскарбъи земскій, маршалокъ и писаръ нашъ, державца Слонимскій и Мстибоговскій, Дорсунишскій, Зелвеньскій, панъ Иванъ Горностай у вилию уступенья Божъего у небо, на шостой недели по Велице дни у середу, съ тыхъ пенязей серебщизныхъ, которыи на первый годъ были отъ насъ положены зъ волею нашою на всихъ подданыхъ нашыхъ и князьскихъ и паньскихъ и духовныхъ великого князьства Литовского, съ сохи воловое по двенадцати грошей, а съ коньское по шести грошей, и на тотъ платъ обрали и установили есьмо бирчыми старосту Берестейского, маршалка нашого, державцу Вилкийского, Острыньского и Кнышыньского, пана Александра Ивановича Ходкевича а писара нашого латиньского, державцу Скерстомоньского, пана Павла Нарушевича, и росказали есьмо имъ, беручы тыи пенязи отдавати до скарбу нашого, якожъ они, тотъ платъ беручы, и по колку кроть сумами немалыми давали подскарбьему земскому пану Ивану Горностаю. Гдежъ тое серебщыны дали до рукъ его двадцать тисячей и шестъ тисячъ копъ грошей и триста и сорокъ и пять копъ и сорокъ грошей, какъ жо и сами тыи бирчыи передъ нами господаремъ, очевисто поведили, ижъ тую выше мененую суму подскарбему нашому дали. Гдежъ онъ съ тыхъ всихъ пенязей, што кому выдалъ на росказанье нашо яко на дворанъ пеняжныхъ и на служебныхъ жолнерей и на иныи многии росходы, што въ рейстрехъ своихъ ясьне оказалъ, и водле тыхъ рейстровъ своихъ личбу онымъ пеняземъ всимъ справедливе верне и достаточне слушне передъ нами вчынилъ, ижъ тую всю суму вышеписаную пенязей серебщизныхъ двадцать тисячъ и шесть тисячъ копъ грошей и трыста и сорокъ и пять копъ и сорокъ грошей, водле воли и росказанья нашого на потребы земскии выдалъ. Мы его

*) Къ сейму 1534 г.

отъ тыхъ всихъ пенязей выданыхъ зъ личбы его квитуемъ и доброволнымъ отъ нихъ чынимъ. И на то даемъ ему сесь нашъ листъ съ подписю руки нашое и зъ нашою печатю. А пры томъ были панове рады наша великого князьства: князь Янъ, бискупъ Виленьский, князь Павелъ, бискупъ Луцкий и Берестейский; воевода Виленский, канцлеръ нашъ, староста Белский и Мозырский панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Виленьский, гетманъ навышшый, староста Городеньский, маршалокъ нашъ дворный, державца Лидский и Белицкий, панъ Янъ Миколаевичъ Радивилъ; воевода Троцкий, маршалокъ земский, панъ Янъ Яновичъ Заберезыньский; а староста Берестейский, маршалокъ нашъ, державца Вилькийский и Острыньский и Кнышынский, панъ Олександръ Ивановичъ Ходкевича, а секретаръ нашъ латиньский, державца Скерстомоньский панъ Павелъ Нарушевичъ. Писанъ у Вильни подъ лет. Божъ. Нарож. 1535 мая 20 день, индыктъ осмый.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200, 201).

№ 16.

Месеца мая 23 день, по Велице дни на 6 недѣли у волторокъ *).

Господаръ король его милость обмову чынилъ съ паны радами своими о обороне земской, а наболей о томъ, ижъ непрыятели его милости москвичи войска свои поготову мають, а замки по границамъ въ панстве его милости будують, а тымъ паньства его милости поседають: которая бы оборона могла тому скорая быти, а люди бы впередъ, нижъ войско великое маеть собрано быть, отправено ку границамъ на замки украинные, жебы слышачы непріятели болши замковъ у паньстве его милости не рубили. И видело ся его милости, абы панове рады зъ себе початокъ тое поволности вчынили и тыхъ часовъ, ничого не мешкая, выправили и послали половицу почтовъ своихъ, колко повиненъ хто ставити, а за тымъ къ великому войску на светый Петръ другую половицу послали водлугъ уфалы земское. Ихъ милость панове рады широцей о томъ намовы чынили. Потомъ панъ воевода Виленьскій поведилъ отъ пановъ ихъ милости, ижъ ихъ милость, яко звыкли завжды послуги зъ себе оказывати и поволности чынити, къ тому ихъ милость прызволили и подняли ся, хотячы безъ мешканья половицу почтовъ дворовъ своихъ впередъ ку границы выправити и послати тамъ, где бы была воля короля его милости, а потреба наболшая и и пилнѣйшая указывала. Нижли подъ тымъ способомъ жедали короля

*) Къ сейму 1536 года.

его милости, абы его милость, никого не оставуючы, але всихъ врядниковъ своихъ, такъ тежъ и державецъ, ничого не мешкая, выславъ, а казалъ имъ того часу выправоватися и ехати зъ гетманомъ дворнымъ, кому его милость полецыть, тамъ, где потреба укажеть; пакъ ли бы его милость то вчынити не хотелъ, а державцамъ и врядникомъ дворнымъ ехати кому колвекъ не казалъ, а зостанеть ли одинъ або два, кого роспишуть, ихъ милость оповедили ся, же не хотять ни одного зъ служебниковъ своихъ послати. А его милость, господаръ, выслухавшы речей тыхъ, на то на все прызволилъ, и роскзалъ его милость на тую послугу всихъ тыхъ списати, хто впередъ маеть почты свои по половицы слати, а которыи сами мають ехати.

А то державцы, которымъ роскажуть самимъ ехати на послугу господарскую и земскую, дворовъ повету Виленского:
панъ Михайло писаръ, державца Медницкий,
панъ Иванъ Ходкевичъ—Ошменьский,
панъ Никодымъ подстолій—Кревский,
панъ кухмистръ—Марковский,
Бобоѣдъ—Красносельский,
панъ Янъ Цыбулька—Меньский,
панъ Чыжъ конюшый—Аинский,
панъ Виленьский—Лидский и Белицкий,
панъ Павелъ Сопега—Бряславский,
панъ Шымко тивунъ, державца Ушполский и Пенянский,
панъ Кмита Кунцевичъ—Вилкомирский и Оникштенский,
панъ воевода Виленьский—Утеньский.
То всихъ державецъ повету Виленьского 12.

А то державцы Троцкого повету:
державца Волькиницкий и Лепуньский панъ Андрей Мацковичъ,
Ейшишский—Левъ Чыжъ,
Радуньский—панъ Шымко тивунъ,
Василишский—панъ староста Жомойтский,
Коневский и Дубицкий—панъ Оникей Горностай,
Острыньский—панъ Ходкевичъ,
Волковыйский—панъ Матей,
Каменецкий—панъ Пацъ,
Мелницкий—панъ Лаврынъ войский,
Ожский и Переломский—Миколай Андрошевичъ,
Перевалский—панъ Богданъ Довкгирдовичъ,
Мерецкий и Пунский—панъ Заберезынский,
панъ Иванъ Лядский—Высодворский и Жолудский,

Жыжморский, Стоклишский, Кормяловский—князь Семенъ Бельский,
Бирштаньский—князь Матөей,
Сомилишский—панъ Заберезыньский молодый,
Веленьский—панъ падскарбий дворный Иванъ,
Вилькейский—панъ Александръ Ходкевичъ,
Скерстомоньский—панъ Павелъ Нарушевичъ,
Ясвонский—князь Михайло Осовицкий,
подскарбий земский, державца Слонимский, Мстибоговский и Дорсунишский Иванъ Горностай.
Всихъ державецъ Троцкого повету 21.

Того жъ дня господаръ его милость росказалъ пану воеводе Киевскому и пану воеводе Полоцкому и пану воеводе Витебскому, абы они чымъ нарыхлея отправовали и сами своими особами не мешкая до тыхъ замковъ украинныхъ ехали.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621).

№ 17.

Поселство отъ господара короля его милости до прелатовъ и до пановъ радъ великого князьства Литовского черезъ подскарбего земского, маршалка и писара, пана Ивана Горностая съ сойму валного съ Петркова послано на съемъ валный Виленьский подъ лет. Божего Нароженья тисеча пятьсотъ трыдцать осмый, месеца февраля 14 день, индыктъ 11 *).

Господаръ король и великий князь его милость Жыкгимонтъ вашой милости, прелатомъ и всимъ паномъ радамъ своимъ великого князьства Литовского, ласку свою господарскую велелъ поведити.

Его кролевская милость казалъ вашой милости мовити: Што перво сего до его милости писалъ и посла своего князя Булгака прыслалъ Сапъ-Кирей, царъ Перекопский, поведаючы королю его милости о смерти Осламовой, и которымъ обычаемъ оная смерть ему ся стала, и о томъ, ижъ вжо онъ одинъ на той орде Перекопской царемъ зосталъ а жадного переказцы въ томъ собе не маетъ, а такъ, естли бы король его милость хотелъ зъ нимъ у братстве и въ прыязни быти, абы посла своего великого съ упоминки за тры годы, чого ему не давано, къ нему послалъ,—ино господаръ его милость о смерти Осламовой и о писанью царя Перекопского и поселстве посла его князя Бул-

*) Къ Виленскому сейму 1538 года.

гакове, которое онъ отъ Сапъ-Кирея его милости поведилъ, достаточне вашой милости черезъ листъ свой знати далъ, чому вжо ваша милость добре сведоми.

Господаръ король его милость велелъ вашой милости поведити: ачъколве вжо ваша милость подле першого писанья господарского посла его милости на то обирали и до царя Перекопского зъ упоминки его отправили, лечъ писали ваша милость до господара его милости, ижъ приязни царя Сапъ-Киреевы паньство его милости безпечне быти не можетъ для тое прычыны, што жъ онъ одинъ на той орде теперешнего часу царемъ зосталъ и всю орду у своей моцы маетъ, и того ся выстерегаете, же бы онъ, тыи упоминки, которыи ему суть посланы, отъ посла его милости побравшы, чого болшого по его милости собе не доводилъ и злого умыслу своего надъ паньствы его милости пополнити не хотелъ, бо по тыи леты минулыи покой паньствамъ его милости отъ тое орды Перекопское ни зачымъ инымъ, одно за ласкою милого Бога стоялъ, а къ тому, ижъ Осламъ на великой перекаже Сапъ-Кирею цару въ той орде былъ и завжды онъ отъ него беспеченьства не мелъ; а кгды жъ онъ тыхъ часовъ жадное переказы въ томъ царстве ни отъ кого не маетъ, же бы подле звычаю предковъ своихъ, первшихъ царей вышшихъ, упоминковъ собе не прывлащалъ и людей своихъ у паньства его милости або подъ которыи замки украинныи не упослалъ, ино и сказытельну *) подданымъ его милости не вчынилъ.

Господаръ король его милость велелъ вашой милости поведити, ижъ его милость паметаетъ першое розлите невинное крови подданыхъ его милости, которое тыи поганьскии цари отъ давныхъ часовъ паньствамъ и подданымъ его милости за лстивыми залецаньями своими делывали; и впередъ хотячы его кролевская милость паньство свое великое князьство и подданыхъ его милости тамошнихъ отъ оного непрыятеля своего во впокои мети и за часу то обваровати, ижъбы слушный и готовый способъ ку обороне непрыятельской захованъ былъ, виделося его милости для таковыхъ великихъ справъ речы посполитое, отчызны его милости великого князьства Литовского, ку зъеханью вашой милости рокъ положыти и местцо указати, то есть съемъ наменити у Вильни на теперешнее середопосте. И казалъ его милость по всей земли листы свои писати, жебы кождый воевода и староста и державцы, обравшы по два земянины, велели имъ съ хоружими тыхъ поветовъ ку вашей милости ехати.

---

*) Испорчено переписчикомъ; повидимому: „и многии сказы тежъ“.

А якъ господаръ король его милость велелъ вашой милости, прелатомъ и паномъ радамъ своимъ, мовити и велико вашое милости о то жедати, абы ваша милость, будучы на томъ сойме со всими княжаты и паньствы рыцерствомъ великого князьства, обмову коло того вчынили и пильне о томъ мыслили и радили и великую чуйность ми (мели); и естли бы,—чого Боже вховай,—теперешнии царъ Перекопский, доводячы собе болшыхъ по господары его милости упоминковъ, хотелъ люди свои у тамошнее паньство его милости, великое князьство, увослати, ваша бы милость тую раду выискали, въ который бы способъ отпоръ онымъ непрыятелемъ могъ быти данъ и паньству его милости оборона отъ нихъ учинена, нжъбы оный непрыятель потехы въ томъ собе не взялъ и злого умыслу своего пополнити не могъ, и подданыи его милости ку шкоде и впаду не прышли.

Пры томъ господаръ король его милость казалъ вашой милости мовити: што ся дотычеть того перемирья, которое послы его милости зъ великимъ княземъ Московскимъ взяли почонъ отъ Узвестованья панны Марыи, што было под лет. Божъего Нароженья тисяча пять сотъ тридцать семого року, на пять летъ, ино вжо одинъ годъ тому перемирю о теперешнемъ святе выйти маеть, а тамъ ещо чотыры годы оного перемирья зостануть, чому есть цель и часъ недалекий.

Прото его королевская милость велелъ вашой милости поведити, абы ваша милость рачыли на томъ же сойме теперешнего часу покойного и о томъ деле Московскомъ пильне мыслити и радити и добрый а слушный обычай и дорогу тому заходити, яко бы его милость былъ за дишейшымъ перемиръемъ противъ оного непрыятеля своего ся справити и добрый а пожиточный способъ за часу заховати, зъ Божею помочю и порадою вашое милости дело свое, теперешний часъ добре справеное, противъ него мети: бо, естли бы его милость тепере за тымъ покоемъ чого доброго зъ нимъ собе не зготовилъ, а потомъ, якъ оныи лета перемирныи выйдуть, трудно вжо будеть, въ тыхъ речахъ, въ часъ не справившыся, противъ того непрыятеля его милости поступовати и дела своего ку слушному а пожиточному коньцу прыводити.

Господаръ король его милость казалъ вашой милости мовити, ижъ ни для чого иншого, одно для тыхъ двухъ речей, рачылъ его милость теперешний съемъ вашой милости зложити яко для обороны земское отъ татаръ, такъ и для оного дела Московского. И о то велико господаръ его милость вашой милости жедаеть, абы рачыли верне а зычливе пилность а хтивость къ тымъ справамъ его милости господарскимъ и земскимъ прыложыти, а тыи дела на добромъ а слушномъ коньцу постановити; бо тое надеи господаръ его милость естъ по ва-

шой милости, ижъ ваша милость зъ высокихъ цнотъ своихъ, маючы звыклую бачность на его кролевскую милость, пана своего, и милуючы речъ посполитую оного паньства, такъ ся въ тыхъ речахъ справовати и поступовати будете, яко на пановъ а верную раду его милости прыслушыть, и съ того сойму обо всей справе своей, на чомъ оныи дела зостануть, рачыли бы ваша милость достаточную справу королю его милости черезъ листъ свой ознаймити.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 147—149).

№ 18.

До пана воеводы Виленского *).

О здорови королевъскомъ. Што пишешъ твоя милость къ намъ, ижъ яко есмо первей сего до твоеи милости писали, поведаючы, што жъ писалъ къ намъ панъ воевода Витебъский, даючи знати, ижъ Московъский шлетъ посла своего до цара Турецъкого посполъ съ тымъ купцомъ Турецъкимъ Анъдреемъ Грекомъ, где пана воеводу Витебъского престрезено отъ тыхъ, которыи намъ сприяютъ, ижъ тотъ посолъ ни для чого инъшого до Турецъкого не посланъ, одъно направуючи намъ неприязни съ царемъ Турецъкимъ, для чого абы твоя милость раду и зданье свое въ томъ къ намъ отписалъ, естли быхмо мели того посла его черезъ панъство нашо пропустити або ни. Гдежъ твоя милость зданье свое шыроце около того къ намъ выписуешъ, ижъ, кгды первей сего Московский присылалъ до насъ посла своего, за то насъ жедаючы, же быхмо дозволили ему посла его до цара Турецъкого пропустити, а мы ему того дозволили и на то кглейтъ нашъ ему дали,—тогды, хотя быхмо теперъ не мели того посла его пропустити, одънакожъ купецъ Турецъкого гамованъ быть не можеть; и кгды бы онъ до цара Турецъкого приехалъ, тогды бы то ему поведилъ, же оный посолъ Московъский не пропущонъ, а затымъ бы ему латвей зъ нами приязнь зрушити, што бы много шкоды панъствамъ нашымъ принесъло; для чого ся твоеи милости не видитъ, же бы оный посолъ Московъский теперешнего часу мелъ быти гамованъ, але бы ся такъ твоеи милости видело: кгды Московъский завъжды о то стоитъ, ижъбы волно посламъ его черезъ панъства наши до инъшыхъ земль ходити, тогды бы такъ тую дорогу загородити, ажъ быхмо важили татарина и черезъ панъство его до цара Козанъского послали ни съ

*) Къ Виленскому сейму 1540 г.

чымъ инъшимъ, одъно за навеженъемъ и того покуспти, естли бы онъ того посла нашого черезъ панъство свое пропустилъ; а не кажеть ли его пропустити, тогды на онъ часъ будетъ тому прычина его пословъ черезъ панъства нашы не пропускати. Чому жъ есмо съ писанъя твоеи милости добре зрозумели, гдежъ и намъ и тая рада твоеи милости за подобъно ся видитъ. И што ся дотычетъ оного посла Московъского, мы водле зданья твоеи милости казали оного посла Московъского пропустити, ничымъ его не гамуючы, и мнимамы, ижъ оный посолъ восполокъ съ тымъ купъцомъ Турецъкимъ Анъдреемъ Грекомъ вжо до того часу зъ Луцъка вышолъ. Твоя бы милость о томъ ведалъ. Къ тому тежъ пишешъ твоя милость къ намъ, ижъ яко есмо первей до твоеи милости писали о тыхъ Москвичохъ, которыи на имя нашо господарьское приеждчають, што жъ отъ врадниковъ дворовъ нашыхъ, въ которыхъ они лежу маютъ, намъ справа дана, ижъ они мели до Москвы зася утекати, и абы ваша милость тыхъ всихъ москвичъ до Вилни собрали и опытъ коло того ся вчинили, естли бы они въ томъ умысле своемъ зналезены винни; какъ жо твоя милость пишешъ, ижъ тымъ москвичомъ естъ зъ сильною обтяжливостью, што жъ которую жывность по дворамъ нашымъ росказали есмо имъ давати, ино тыи врадъники и десятое части оное жывности, што на листе нашомъ имъ описано, давати не хотятъ, где они колькокроть о томъ вашой милости жаловали; и ваша милость Миколаю Анъдрошевичу приказывали, жебы онъ тотъ датокъ водъле листовъ нашыхъ имъ выдавалъ, и онъ того вчинити не хотелъ; а такъ и холопъ, и вязенъ, и волный человекъ вси речи повиненъ подъняти, одъно голоду не можетъ теръпети, бо тыи москвичи, што колъвекъ статку своего мели, то все пры оныхъ врадъникохъ проели; и абыхмо первей тую дорогу нашли, которыи москвичи будучы приеждчати, якъ бы мели быть захованы, и якъ бы жывъность имъ мела быть давана або бъ ихъ не казати пропускати, кгды они будуть зъ Москвы втекати; а коли будетъ то одъному вчинено, тогды ся ни одинъ не поважить ехати, а теперъ ихъ не имати ани опытывати не за што. Ино, коли ся то вашей милости не видело, ваша бы милость такъ ся въ томъ справовали, яко ся наилепей вашой милости о тыхъ москвичохъ будетъ видети.

При томъ писалъ твоя милость къ намъ, ижъ яко есмо черезъ тыхъ пословъ пана Орвида и пана Юнъдила, которыи отъ вашой милости къ намъ приеждчали, до вашой милости пановъ радъ нашыхъ указывали, ижъ мели есмо листы нашн, складаючы съемъ валный, ку вашей милости послати, которые жъ листы и до сихъ часовъ еще суть не посланы, а того потреба великая вказуеть, же бы съемъ валъный

былъ положонъ для многихъ великихъ и пилныхъ потребъ, которыи твоя милость широко на листе своемъ къ намъ выписуешъ. Ино, што ся дотычеть того сойму, поведаемъ твоеи милости причыну, за чымъ ся оный съемъ продолжилъ: кгды есмо тыми разы у Кракове зъ здешними паны радами нашыми коруны Полское съемъ мели, тогды завъжды отъ старостъ замковъ нашыхъ украинныхъ слухи къ намъ приходили, што жъ поганъство татарове люди великии поготовю стоятъ и вжо на сю сторону Днепра перешли, хотячы въ панъства нашы коруну Польскую або у великое князство Литовъское воевати ити; и для того есмо не были певни оного сойму покладати въ той обычай, обовяючися того, кгды бы оный съемъ былъ зложонъ, а ваша бы милость вси панове рада и тежъ подъданыи нашы на тое местъцо отъ насъ назначоное ся зъехали, тогды абы они въ тотъ часъ въ панство нашо не вторгнули, а въ томъ бы оный съемъ былъ перекажонъ, а тыи бы речы нашы господарьскии и земскии за тымъ ся не могли правити. Яко вжо и тыхъ часовъ недавно минулыхъ на сконченью оного сойму такъ же зъ замковъ нашыхъ украиннъныхъ къ намъ писано, за певно поведаючы, што жъ люди великии поганство татарове на сей стороне Днепра поготовю стоятъ, маючы злый умыслъ на панъства нашы, гдежъ мы, не будучы оного панъства нашого князства великого Литовъского отъ поганъства татаръ безпечъни, росказали есмо до всихъ вашей милости радъ нашыхъ и тежъ всего рыцерства подъданыхъ нашыхъ по всему князству Литовъскому листы военныи писати, прыказуючы, ажъбы они ку службе нашой конъно а збройно были поготовю. И тыи есмо листы нашы давно ку вашой милости послали, съ которыхъ ваша милость ширей тому зрозумеете. А ведъже, што ся дотычеть того сойму, которого великая потреба теперешнего часу для пилныхъ речей и обороны земское вказуеть, твоя бы милость на то добре ся розмыслилъ и достаточъное порозуменье въ томъ взялъ и часъ таковый, въ который бы твоя милость розумелъ, жебы никоторая переказа сойму не могла ся стати, а панъство бы нашо жадъное шкоды отъ тыхъ людей неприятелскихъ за вторгненьемъ ихъ не приняло, на тотъ съемъ выбралъ. И што ся твоеи милости въ томъ будетъ видети, а который часъ безпечъный на тотъ съемъ выберешъ, твоя бы милость раду свою до насъ отписалъ, а мы вжо водъле порады твоеи милости, ничого не мешкаючы, кажемъ тыи листы соймовыи справити и тотъ рокъ уписати и ку вашей милости ихъ послати. За тымъ тежъ по написанъю того листу нашого писалъ до насъ воевода Киевъский, гетманъ нашъ дворный, державъца Свислоцъкий и Вруцъкий панъ Анъдрей Якубовичъ Немеровича о новинахъ и положенью ординъскомъ. Ино мы съ того

листу его казали копею списавъшы въ семъ листе нашомъ до твоеи милости послати. Твоя милость тому зъ листу его зрозумеешъ. Писанъ у Кракове подъ лет. Бож. Нарож. 1539, месеца марта ден., инъдиктъ 12.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXIII, л. 72—74).

№ 19.

Листъ, писаный до державцы Медницкого князя Ѳедора Соломирецкого и до хоружого тамошнего, такъ тежъ и до всихъ бояръ шляхты, и дворанъ, и татаръ, который именья свои въ Медникохъ маютъ, о серебщизну, на сойме у Вильни уфаленую отъ сохи, и далей *).

Жикгимонтъ Божью милостью. Державцы Медницкому князю Ѳедору Васильевичу Соломирецкому и хоружому тамошнему, и всимъ бояромъ и бояринамъ, и двораномъ нашымъ, и татаромъ, который именья свои въ Медникохъ маютъ. Што есмо тыми разы, будучи на сойме у Вильни съ паны радами нашими и со всими землями, призволили и установили для великихъ а пилныхъ потребъ земскихъ, а на болей для обороны того панства нашого отъ неприятелей нашихъ, серебщизну брати по всей земли якъ съ подданныхъ нашихъ и королевой нашой ее милости великое княгини Боны и слугъ путныхъ и съ конюховъ, такъ и зъ людей бискупъихъ, князьскихъ и панскихъ, и боярскихъ, и духовныхъ римское веры и грецкое, кромъ ихъ слугъ путныхъ, бояръ и слугъ бояръ ихъ, на три годы—отъ кождого чоловека со всякое сохи воловое и конное: хто двема волы оретъ, тотъ маетъ дати дванадцать грошей, а хто двема клячами сохою одною оретъ, маетъ дати дванадцать грошей, и колко хто сохъ будетъ мети, отъ кождое маетъ по тому дати; а хто однымъ воломъ а либо одною клячою оретъ, тотъ маетъ дати шесть грошей; а хто воловъ и клячъ оремыхъ не маетъ, толко земли держитъ, тотъ маетъ отъ земли дати шесть грошей; а который чоловекъ земли не маетъ а двором седитъ, а клячу и вола будетъ мети, тотъ маетъ дати шесть грошей; а хто седитъ на огороде, а земли не маетъ, ни вола, ни клячи, тотъ маетъ дати съ огорода три гроши; а который люди на воляхъ седятъ, такъ же маютъ дати отъ сохи дванадцать грошей, а отъ земли шесть грошей; а естли бы воловъ не мели, съ огорода три грошы; а который будутъ воляне ново сели того лета а хлеба не запахали, а не ели съ пашни своее, тыи ничого не маютъ давати; а который будутъ земли

*) Къ Виленскому сейму 1540 г.

засевали и пашню сняли и хлебъ ели съ пашни своее, тые воляне повинни тую серебщизну платити. Къ чому жъ вси панове рада духовные и светские и вси подданые наши вся земля зволили и того плату съ подданныхъ своихъ ку обороне земской на три годы намъ поступили. И што ся дотычеть теперешнего першого году, на который маеть почать оный платъ збиранъ быти, покладаемъ тому сегорочному плату певныи роки трои: першый—на день Усихъ Светыхъ римъского свята, а по руски на день светого Козмы и Демяна, и другий—на день светого Николы зимного, а третий остаточный рокъ—на Божье Нароженье, которыи свята въ инъдикъте четвертомънадцать будуть. И хочемъ то мети, абы вже кождый староста и державца въ поветехъ своихъ оный платъ на нашихъ подданыхъ, людей тяглыхъ и путныхъ, и со всихъ людей боярскихъ безъ кождого сплошенства выбирали и на тры роки сполна ихъ до Вилни относили и до скарбу нашого его отдавали подскарбему земъскому пану Ивану Горностаю. Прото приказуемъ тобе, ажъбы еси у державе своей посполу съ хоружимъ кождого боярина и слугу путного, вдову и татарина именья ихъ на йми менили и вси люди, колько колве который мети ихъ будеть, и наши люди и слуги путныи на йми пописали и о томъ ся достаточне доведали, колько въ которого чоловека сохъ есть, а чимъ хто пашеть, и то все справедливе списавши, подле тыхъ реестровъ ажъбы есте тотъ платъ нашъ водле уставы зъ людей земянскихъ съ кождого поветника отъ всякое сохи воловое и конское, а отъ вола, отъ клячи, отъ земли, водле уставы верху писаное сполна, ничого не втаиваючи, выбрали. И нехай бы кождый земянинъ, отдавши серебъщину зъ людей своихъ передъ тобою и передъ хоружимъ присягу сами вчинили на томъ, ижъ всихъ людей своихъ, што кольве ихъ маеть и слугъ путныхъ имены списали и отъ кождого чоловека справедливе тотъ платъ вамъ отдали. А што ся ткнеть людей ихъ, которыи бы они по фольваркомъ своимъ мели, вы бы такъ же оные вси люди и мещанские самыхъ ихъ имены и сохи ихъ списали и подле тое жъ уставы вышейписаное тотъ платъ нашъ спольна выбрали и, выбравши тотъ платъ зъ нашихъ подданыхъ и своихъ людей, и земянскихъ, и мещанскихъ, и татарскихъ, ажъбы еси самъ, а не служебникомъ своимъ отсылаючи, за повинностью уряду своего, посполу съ хоружимъ на тые вышеймененые роки до скарбу нашого относили и отдавали его подскарбему нашому земъскому пану Ивану Горностаю и передъ нимъ тые реестра, водле которыхъ оный платъ будете отбирати, положили и при оныхъ реестрахъ и пенезехъ сами присягу вчинили, ижъ, никому не фолькгуючи тотъ платъ весь, сполна и справедливе выбравши, пану подскаръбему отдали. А которие

6

земяне именья свои у розныхъ поветехъ будуть мети, таковыи кождый маеть тотъ платъ нашъ зъ людей своихъ зо всихъ именей давати тому старосте, державцы, подъ которымъ поветомъ именье свое головнейшое мети будеть. А беручи тотъ платъ нашъ, ажъбы есте ни одного пенезя зъ жадного чоловека якъ нашого, такъ и земянского, бирчого и пишчого не брали; нижли, коли вы тотъ платъ, сполна выбравши, до скарбу нашого отдасте, на онъ часъ кажемъ васъ за справу и працу вашу слушнымъ даткомъ осмотрети водле воли а ласки нашое. А што ся дотычеть подданыхъ пановъ радныхъ духовныхъ и светскихъ, княжатъ, панятъ, княгинь, паней удовъ, преложоныхъ особъ, тыи мають казати врядникомъ своимъ оный платъ по тому жъ зъ людей своихъ отъ сохъ ихъ и зъ людей тежъ бояръ и мещанъ своихъ такежъ отъ ихъ сохъ выбирати; а кожъдый врядникъ князъский и панский, кнегинь, паней удовъ преложоныхъ особъ, списавши вси люди ихъ, мещане и слуги путныи, выбравши тотъ платъ со всихъ именей пановъ своихъ подле теперешнее уставы, мають до двухъ врядниковъ ихъ зацнейшихъ, которые бы были люди добрыи, годныи веры, шляхта, а не простыи, относити и имъ отдавати и присяги передъ ними учинити, ижъ справедливе оный платъ со всихъ людей пановъ своихъ и зъ людей бояръ ихъ и мещанскихъ отъ всихъ сохъ ихъ, ничого не втаиваючи, выбрали и тымъ двумъ врядникомъ отдали; а оныи два врядники шляхтичи кождого пана мають оныи платы со всихъ именей пановъ своихъ до пана подскарбего на тые жъ роки относити и отдавати и присяги при отданью оныхъ пенезей передъ паномъ подскарбимъ подъ тымъ же обычаемъ, якъ вышей описано, душами иныхъ врядниковъ, отъ которыхъ платы отбирали, чинити мають; а вы въ отбиранью того плату до подданыхъ ихъ ничого не маете мети. А естли бы которые земяне шляхта и вдовы, и татарове недбалость въ томъ мели и за часу оного плату на первший и другий и остаточный рокъ съ которого именья своего вамъ не отдали, мы за таковое сплошенство ихъ даемъ вамъ моцъ симъ нашимъ листомъ въ тыи имення, отколь плату вамъ будеть передъ тыми роки не выдано, моцно на насъ увязывати и ихъ брати и держати къ рукамъ нашимъ только до заплаты оное серебъщины положоное, же поки тотъ платъ совито зъ людей своихъ вамъ они сполна отдадуть. А естли бы хто зъ урядниковъ нашихъ, хоружихъ въ томъ найденъ былъ, же бы што тое серебъщины отъ насъ утаилъ або кому отпустилъ, або собе взялъ, таковый маеть каранъ быти безъ всякого милосердья ничимъ инымъ, только шиею, какъ который злодей и зрадца земъский; а естлибъ тежъ который князь або панъ, або земенинъ, хто бы кольве съ подданыхъ нашихъ кото-

рого именья своего або зъ людей тое серебъщизны сполна не отдалъ, або людей и сохъ справедливе не пописалъ и втаилъ, а хто бы то на кого слушно перевелъ, таковый тое именье маеть на насъ тратити на вечныи часы. И вы бы о томъ ведали и водле того росказанья нашого во всемъ ся справовали конечне, абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни подъ лет. Бож. Нарож. 1540, месеца іюля 6 день, индиктъ 13.

(Лит. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 24—26).

№ 20.

Листъ Яну Дмишевичу и братьи его, вызволяючи ихъ отъ даванья серебщизны зъ сохъ ихъ власныхъ, яко и иншихъ бояръ *).

Жикгимонтъ Божью милостью.

Врядпику Скиделскому и Кринъскому королевое нашое ее милости и великое кнегини Боны Ивану Воловичу и инъшымъ врадникомъ, хто напотомъ будетъ тые дворы наши отъ ее милости заведати, и тежъ поборцомъ тымъ, которые коли за росказаньемъ нашимъ будутъ серебъщизну тамъ, въ тыхъ дворехъ, выбирати. Жаловалъ намъ служебникъ нашъ Янъ Дмишевичъ зъ братьею своею о томъ, што жъ которую серебъщизну тыхъ часовъ положили на всихъ подданыхъ нашихъ великого князства Литовского и тежъ зъ людей князъскихъ и панъскихъ, и боярскихъ, то пакъ дей ты оную серебщизну хочешъ зъ ихъ властныхъ сохъ въ нихъ брати, отъ которыхъ дей они неповинни давати, бо дей кгды есмо первей сего на всю землю на подданыхъ князъскихъ и панъскихъ, и боярскихъ серебъщизны не покладали, а одно на нашихъ подданыхъ положили, они дей въ тотъ часъ зъ своихъ властныхъ сохъ ани зъ людей своихъ оное серебщизны не давали, такъ же, яко бояре шляхъта,—нижли, коли серебщизна на всихъ подданыхъ нашихъ и князскихъ, и панскихъ была покладана, въ тотъ дей часъ зъ людей своихъ оную серебъщизну они давали, а зъ своихъ домовыхъ сохъ тогды ее николи не плачивали. О чомъ же они и листъ нашъ господаръский справы подскарбего земъского, маршалька и писара нашого пана Ивана Горностаевы мели до первшого врадника Скиделского пана Богдана Гринъковича, ажъбы онъ зъ ихъ властныхъ сохъ серебщизны въ нихъ не бралъ, лечъ, естли бы на все панъство нашо князство великое Литовское серебъщизна была положена, тогды на онъ часъ зъ людми князъскими и панъскими, и боярскими, и зъ своихъ людей бу-

*) Къ сейму 1540 г.

дутъ повинни серебъщизну дати а зъ своихъ домовыхъ сохъ предся не маютъ оное серебъщизны платити. И тотъ они листъ первъший, до врадника Скидельского и Кринского о томъ писаный, передъ нами вказывали, нижли оный листъ нашъ отъ дожъчу ся заказилъ и замокъ, для чого они просили насъ, абыхмо другий листъ нашъ на то дати имъ казали. Прото, кгдыжъ они зъ давныхъ часовъ оное серебъщизны и зъ своихъ властныхъ сохъ не дaивали, мы имъ на то листъ нашъ даемъ и приказуемъ тобе, ажъбы еси кривды въ томъ имъ не чинилъ и зъ ихъ властныхъ домовыхъ сохъ серебъщизны не бралъ, лечъ абы еси зъ людей ихъ, которые они подъ собою будутъ мети, тое серебщизны водле теперешнее уставы нашое смотрелъ, а и впередъ, кгды серебщизна на подданыхъ нашихъ будеть положона а на людей князъскихъ и панъскихъ, и боярскихъ не будетъ покладана, вы бы въ тотъ часъ зъ людей ихъ тое серебщизны не брали, а зъ своихъ сохъ неповинни они оное серебъщизны давати водлугъ давного обычаю. Писанъ у Вильни подъ летъ Бож. Нарож. 1540-го, месеца августа 17 день, индиктъ 13.—Михайло писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, лл. 96, 97).

Акты, относящіеся къ исторіи литовско-русскихъ сеймовъ при Сигизмундѣ-Августѣ.

№ 21.

Реестръ росписанья зо всихъ местъ господаръскихъ у великомъ князстве Литовскомъ плату, кромъ людей волостныхъ и жидовъ *).

Лет. Бож. Нарож. 1551, месеца ноябр. 27 день, индиктъ 10, будучи его милости господару на теперешнемъ великомъ валномъ сойме у Вильни, рачилъ его милость росказати росписати зъ местъ своихъ господаръскихъ платъ, кромъ людей волостныхъ и жидовъ:
зъ места Виленского—500 копъ грошей;
зъ места Ковенского—сто копъ грошей;
зъ места Городенского, кромъ жидовъ,—51 копъ грошей;
зъ места Троцкого съ хрестьянъ, кромъ жидовъ,—20 копъ грошей;
зъ места Белского—сто копъ грошей;
зъ места Наровского—15 копъ грошей;
зъ места Саражского—30 копъ грошей;
зъ места Бранского—50 копъ грошей;
зъ места Клещелегъ—20 копъ грошей;
зъ места Дорогицкого—60 копъ грошей;
зъ места Мельницкого—30 копъ грошей;
зъ места Лосичъ—20 копъ грошей;
зъ места Высокого—20 копъ грошей;
съ места Городка—20 копъ грошей;
зъ места Милейчичъ—20 копъ грошей;
зъ места Берестейского, съ хрестьянъ, кромъ жидовъ,—100 копъ грошей;
зъ места Тыкотинского, кромъ жидовъ,—30 копъ грошей;
зъ места Кнышинского, кромъ волости,—30 копъ грошей;
зъ места Каменца—50 копъ грошей;
зъ места Порозовского—20 копъ грошей;

---

*) Къ сейму 1551 года.

зъ места Пинского, кромъ жидовъ,—100 копъ грошей;
зъ места съ Кобрыня, кромъ волости,—40 копъ грошей;
зъ места съ Селца, кромъ волости,—20 копъ грошей;
зъ места Пружаное, кромъ волости,—15 копъ грошей;
зъ места Клецка, кромъ волости и жидовъ,—30 копъ грошей;
зъ места Новгородского, кромъ жидовъ,—60 копъ грошей;
зъ места Менского—50 копъ грошей;
зъ места Слонимъского, кромъ жидовъ,—30 копъ грошей;
зъ места Мстибоговского, кромъ жидовъ,—20 копъ грошей;
зъ места Молчадского—5 копъ грошей;
зъ места Рожаное—5 копъ грошей;
На Волыни зъ местъ, кромъ волостей и жидовъ:
зъ места Луцкого, кромъ жидовъ,—60 копъ грошей;
зъ места Володимерского, кромъ жидовъ,—50 копъ грошей;
зъ места Кремянца, кромъ жидовъ,—40 копъ грошей;
зъ места Полоцка, кромъ жидовъ,—100 копъ грошей;
зъ места Витебского, кромъ жидовъ,—100 копъ грошей;
зъ места Киевского—100 копъ грошей.

А то местечка при дворехъ господарскихъ литовскихъ, кромъ волости:

зъ места Ожского—5 копъ грошей;
зъ места Пунского—15 копъ грошей;
зъ места Олитского—5 копъ грошей;
зъ места Довкговского—5 копъ грошей;
зъ места Мостовъ—10 копъ грошей;
зъ места съ Крынокъ—10 копъ грошей;
зъ места съ Одельска—5 копъ грошей;
зъ места зъ Лиды—20 копъ грошей;
зъ места зъ Белицы—15 копъ грошей;
зъ места Ейшишского—15 копъ грошей;
зъ места Радуни—10 копъ грошей;
зъ места Василишокъ—10 копъ грошей;
зъ места Волкиникъ—5 копъ грошей;
зъ места Ошмены—5 копъ грошей;
зъ места Меречи, кромъ жидовъ,—20 копъ грошей;
зъ места съ Крева—5 копъ грошей;
зъ места зъ Медникъ—5 копъ грошей;
зъ места Мойшокголъ—5 копъ грошей;
зъ места Кернова—5 копъ грошей;
зъ места Ушполъ—10 копъ грошей;

зъ места Пенянъ—10 копъ грошей;
зъ места зъ Обели—5 копъ грошей;
зъ места Оникштъ—10 копъ грошей;
зъ места Вилкомира—10 копъ грошей;
зъ места Браславля—20 копъ грошей;
зъ места Утены—10 копъ грошей;
зъ места зъ Велены—десеть копъ грошей;
зъ места Вилкеи—10 копъ грошей.
зъ места Невежи—10 копъ грошей;
зъ места Плотели—10 копъ грошей;
зъ места Росейни—5 копъ грошей;
зъ места Скерстомонъ—5 копъ грошей.
А то места волостей рускихъ отъ людей волостныхъ:
зъ места Могилевского, кромъ волости,—100 копъ грошей;
зъ места со Мстиславля, кромъ волости,—50 копъ грошей;
зъ места зъ Орши—20 копъ грошей;
зъ места зъ Бобруйска зъ обеюхъ половинъ, кромъ волости,—30 копъ грошей, а зъ волости—50 копъ грошей,
зъ места Борисова, кромъ волости,—30 копъ грошей, а зъ волости—50 копъ грошей;
зъ места зъ Мозыра, кромъ волости,—50 копъ грошей, а зъ волости—50 копъ грошей;
зъ волости со Бчича—20 копъ грошей;
зъ места Крычова и зъ волости—50 копъ грошей;
зъ места Чечерского и зъ волости—40 копъ грошей;
зъ места Пропойского и зъ волости—40 копъ грошей;
зъ места Речицы и зъ волости—50 копъ грошей;
зъ места Любошанъ и зъ волости—50 копъ грошей;
зъ места Свислоцкого и зъ волости—60 копъ грошей;
зъ места Озерища и Усвята—40 копъ грошей.
На Жосли—десеть копъ грошей;
на Трабы—десеть копъ грошей;
на Воложино—десеть копъ грошей;
на Болники—десеть копъ грошей.

А послѣ положоно есть водлугъ тое уставы и расписанья. Року 52 брана зо всихъ местъ и волостей тая серебщизна черезъ самыхъ войтовъ и мещанъ, а отношона и отдавана до скарбу господарского на рокъ на Громницы, а на другой остаточный рокъ, вступивши въ постъ великий у дву неделяхъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 113—114).

№ 22.

Листъ до старосты Браславского и Веницкого князя Богуша Корецкого и потомъ будучихъ старостъ Веницкихъ въ жалобе земянъ повету Веницкого о розныхъ кривдахъ ихъ самыхъ и людей ихъ *).

Жикгимонтъ Августъ. Старосте Браславскому и Веницкому князю Богушу Өедоровичу Корецкому и инымъ старостамъ Веницкимъ, хто и напотомъ тотъ замокъ нашъ Веницу держати будетъ. Присылали до насъ вси земяне повету Веницкого братью свою Ивана Вороновицкого а Игната Клещевского, жалуючи и велико собе обтежаючи, штожъ дей ты надъ обычай стародавный кривды имъ чинишъ и подводы, которые люди ихъ въ часъ потребы отъ неприятеля заступовати повинни, въ людей ихъ беручи, посылаешъ въ потребахъ своихъ на Волынь и до Житомира и до инъшихъ замъковъ нашихъ господаръскихъ, и до именья своего до Корца, где они носитъ неповинни, а передъ тымъ дей толко до Браславля, до Полоногъ и до Красилова люди ихъ у подводахъ еждчивали, о поганстве татарехъ ведомость даючи, и съ тыхъ дей коней слуги твои седла и узды збираютъ и въ томъ имъ шкоду не малую чинятъ; и къ тому дей ты берешъ на нихъ самыхъ и на подданыхъ ихъ помочные непомерные, отъ копы по шести грошей, чого дей передъ тымъ не бывало тамъ, нижли, естли бы хто кого въ которой суме пенезей передъ тобою утегалъ, тогды помочного маетъ дати три гроши, а коли ся оттяжетъ, тогды тежъ паметного три гроши дати маетъ; а который служебникъ твой у право шапки подойметъ або где на опытыванье светковъ посланъ отъ тебе будетъ, ты дей на нихъ самыхъ и на подданыхъ ихъ за тое проездное и вижового и проходу по петидесятъ грошей служебникомъ своимъ брати кажешъ, а служебнику врядника твоего дванадцатъ грошей они за то даютъ, где они слугъ его на тые потребы свои въ него берутъ, а того дей передъ тымъ не бывало, одно естли служебникъ твой старостинъ шапъки подыйметъ або вижомъ и децкимъ кому данъ будетъ, тому маетъ дано быти дванадцатъ грошей, а где бы мелъ ехати у проезде, таковымъ плачивано помильное, а служебнику врядника твоего проходу и вижового и децкованье по два гроши, и то дей завжды водле давного обычаю въ тыхъ замкохъ нашихъ украйныхъ такъ ся заховывало; надто дей тежъ служебниковъ своихъ неякихъ Подберезскихъ въ именья ихъ всылаешъ, которые въ людей ихъ кони и волы отнимаютъ, за неякое

*) Къ сейму 1551 года.

побережное то собе менуючи, которые дей кони люди ихъ въ земли Волоской або въ границахъ коруны Польское для послуги нашое купують, на што дей и листъ нашъ, за которымъ то на себе куповати имъ естъ вольно, въ себе они мають, черезъ которые кривда имъ отъ тебе въ томъ ся дееть; далей, естли дей тежъ коли въ которого человека ихъ хто коня або вола краденого, або которое кольвекъ лицо зостанеть, которое бы дей на того пана, чий чоловекъ есть, прийти мело, ты дей самъ и врядникъ твой тое лицо на себе береть; а естли который чоловекъ ихъ дасть заводъцу, отъ кого тое лицо маеть, ты дей кажешъ брати зводного на подданыхъ ихъ по копе грошей, а передъ тымъ дей водле обычаю стародавного по чотыри гроши зводного на врядъ замковый даивано; еще дей тежъ врядникъ твой, подданыхъ ихъ невинне имаючи, у казнь сажаеть и ихъ моцне судить и рядить, не обсылаючи и на подданыхъ ихъ справедливости у нихъ не просячи, и пересуды на людехъ ихъ береть и отправы чинить; въ чомъ ся имъ самымъ и подданымъ ихъ отъ тебе самого и отъ врядниковъ твоихъ кривды и шкоды не малые ся деють,—што намъ по тобе дивно естъ, ижъ ты водле обычаю стародавного въ тыхъ всихъ речахъ самъ и съ врядниками своими ку нимъ ся заховати не хочешъ и таковые кривды и втиски имъ самымъ и подданымъ ихъ людемъ украиннымъ дѣлаешъ. Где, ачъкольвекъ мы первей сего такъ же за жалобою всихъ земянъ тамошнихъ смотрели ихъ очевисте зъ маршалъкомъ Волынское земли, старостою Володимерскимъ, Браславскимъ и Веницкимъ княземъ Ѳедоромъ Андреевичомъ Санкгушковича, и намовивши въ томъ съ паны радами нашими слушное застановенье и вставу вчинили и то достаточне на листе нашомъ выписали, которымъ обычаемъ во всихъ речахъ такъ у службе нашой земской, яко во всихъ повинностяхъ, которые они противко старосте нашому тамошнему мають, и тежъ въ судехъ и въ даванью вижовъ до именей ихъ старостове наши тамошние ку нимъ ся заховывати мають, на которомъ и некоторые съ тыхъ артыкуловъ, вышеймененыхъ на семъ листе нашомъ, водле жалобы ихъ и описаны яко о бранье подводъ у людей ихъ и о побережное, для чого слуги твои въ именья ихъ въеждчають, кони и волы беруть, такъ тежъ и о лицо, которое бы въ чиего человека зостато было, доложены суть,—мы и то на онъ часъ водлугъ давного обычаю зоставили, ижъ старостове наши Веницкие не мають людей ихъ надъ повинность ихъ стародавную далей Браславля и Полоного и Красилова, даючи ведомо о поганстве татарехъ, у подводы посылати, коней и воловъ въ людей ихъ за побережное не брати и никоторыхъ кривдъ надъ обычай стародавный имъ не чинити, яко то оный листъ першый,

на тую вставу имъ даный, ширей въ собе обмовяетъ; нижли, будучи намъ тыхъ часовъ на томъ теперешнемъ вальномъ сойме у Вилни со всими паны радами нашими духовными и светскими и со всими землями тутошнего панства нашого великого князьства Литовского, межи иншими потребами земъскими то есмо уфалили и постановили, ижъ, што ся дотычеть бранья пересудовъ у права передъ паны воеводами, старостами, державцами замковъ и дворовъ нашихъ, тогды вжо тые пересуды не маютъ быть браны водле того, яко передъ тымъ ажъ до сего часу брано, отъ десяти грошей грошъ, але вжо маютъ быти браны по половицы, то естъ отъ десяти грошей полъгроша, а отъ копы три гроша, а отъ рубля пять грошей, а отъ десяти копъ полъ копы грошей, а отъ ста копъ пять копъ грошей; и маетъ оный пересудъ давати тотъ, хто зыщеть; а естли бы ся хто позвалъ съ кимъ о долгъ або о суму пенезей позыченую, ижъ на рокъ позыченный не заплатилъ, тогды вжо тотъ, хто або пенези свои позычегые зыщеть, не маеть самъ отъ того пересуду давати, але маеть тотъ пересудъ заплатити, хто виненъ зостанеть, такъ же по половине, яко вышей естъ писано, для того, ижъ запису своему досыть не вчинилъ; а хто бы ся яко отъ великое, такъ и отъ малое речи оттегалъ, тотъ маеть дати паметного чотыри гроши; а вижомъ пановъ воеводъ и старостъ нашихъ поветовыхъ по всему панству великому князьству, въ Жомойти и на Волыню, за ихъ працу и за проездъ маеть имъ плачено быти на кождую милю по грошу, а служебнику воеводину и старостину за проходъ и на местцу шесть грошей, а служебнику наместника ихъ тежъ за проходъ и на местцу три гроши; а лицо злодейское великое, хотя бы которое стояло и ста копъ грошей и большъ, маеть быти отъ вряду выкуповано полътино(ю) грошей; а тое лицо которое бы стояло меншъ десяти копъ грошей, маеть быти выкуповано дванадцатьма грошъми; а естли бы злодей не мелъ, чимъ платити, тогды лицо зъ двора маеть дармо выдано быти, а злодей нехай будеть каранъ водле его заслуги. А такъ приказуемъ тобе, абы ты, княже Богушу, и потомъ будучие старостове Веницкие, въ тыхъ всихъ речахъ водле того постановенья и уфалы нашое, на томъ теперешнемъ сойме вальномъ Виленскомъ учиненое, и тежъ водле того листу нашого, первей имъ на тую уставу даного, къ земяномъ и ко всимъ подданымъ нашимъ тамошнимъ ся заховалъ и подводъ въ людей ихъ беручи въ потребахъ своихъ нигде не посылалъ, одно до Браславля и до Полоногъ и до Красилова, кгды будеть для даванья ведомости о татарехъ потреба вказывати, ихъ слалъ, и пересудовъ и вижовыхъ непомерныхъ на нихъ не бралъ, и коней и воловъ за побережное въ людей ихъ брати не велелъ, и въ бранью лица въ

людей ихъ и въ иншихъ речахъ абы еси черезъ то никоторыхъ кривдъ и втисненья имъ самымъ и людемъ ихъ не чинилъ, и врядникомъ своимъ чинити не казалъ, и новинъ не уводилъ, одно абы еси во всемъ пошлину ихъ, обычай стародавный, и тую теперешнюю уставу и тотъ листъ нашъ, до тебе писаный, имъ заховалъ. Писанъ у Вильни подъ лет. Бож. Нарож. 1551, месеца ноябра 27 день, индиктъ 10.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, лл. 120—122).

№ 23.

Лета Божъего 1551, месеца декабр. 17 день. Бояре земли Киевъское зъ воеводою Киевъскимъ *).

Господаръ король его милость казалъ записати, ижъ оповедали передъ его милостью панове бояре земли Киевское, ижъ который они замокъ Чорънобыль сами своимъ накладомъ будують и завъжды дей передъ тымъ оный замокъ за ласкою и дозволеньемъ господарьскимъ по годомъ деръжывали и всякие пожытки на себе бирали, то пакъ дей теперешний воевода киевъский князь Фредрыхъ Проньский оный замокъ Чорънобыльский ку шкоде ихъ собе въ держанье у господаря его милости просилъ, а они дей, маючи тамъ на украйне именья недостаточьные и отъ неприятелей господаръскихъ спустошоные, не мають съ чого службы господарю земъское послужыти. И просили, абы держанье замъку Чорънобыльского имъ засе по годомъ водле давного обычаю приверънено, а именья и пожытъки ихъ абы были пописаны, ижъбы господаръ ведалъ, естъли же они могутъ за таковымъ недостатъкомъ службу господарьскую военъную служыти або ни. И господаръ его милость на деръжанье замку Чорънобылского съ певныхъ некоторыхъ слушныхъ причынъ имъ призъволити не рачылъ, нижли што ся дотычеть попису именей и пожытковъ ихъ, на то господаръ его милость призволилъ. И маеть его милость на тотъ пописъ обрати человека доброго и тамъ послати для попису, а на онъ часъ, кгды его милость господаръ съ того попису што вырозумети рачыть, то его милость учынить, што будеть воля и ласка его милости госъподаръская.

(Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XXIV, л. 124).

*) Къ сейму 1551 г.

№ 24.

Порадокъ писаня листовъ до пановъ радъ, врядниковъ и всего рыцерства шляхты вел. княз. Литов. и до местъ *).

До пановъ радъ:
до князя бискупа Виленского,
до князя бискупа Луцкого,
до князя бискупа Жомоитского,
до князя бискупа Киевъского,
до пана воеводы Виленского,
до пана Виленского,
до пана воеводы Троцкого,
до пана Троцкого,
до воеводы Киевского,
до воеводы Полоцкого,
до воеводы Новгородского,
до воеводы Витебъского,
до воеводы Подляшъского,
до маршалъка земъского,
до маршалъка дворного,
до князя Слуцъкого,
до маршалъка земли Волынское.

До врядниковъ дворныхъ:
до пана подчашого,
до крайчого,
до подкоморого,
до стольника,
до кухмистра,
до конюшого дворного,
до конюшого Виленского и подконюшого,
до конюшого Троцкого,
до конюшого Городенского.

До маршалковъ:
до пана Василя Тышкевича,
до пана Оникея,
до князя Полубенского,
до пана Завиши,
до пана Комаевского,
до Ярослава,
до Семашка,
до Сольтановича,
до Коширского,
до Загоровского,
до Яна Шимковича,
до пана Павла Сапеги,
до Петра Нарбута.

До панятъ:
до Серпутьевичовъ,
до Немировичовъ,
до Сологубовичовъ,
до Хребтовичовъ,
до Щитовичовъ,
до Воловичовъ,
до Довойновичовъ,
до Зеновьевичовъ,
до Глебовичовъ,
до Сопегъ,
до Завишичовъ,
до воеводичовъ Подляскихъ Пацовичовъ,
до князей Пронскихъ,
до Шеметовичовъ,
до старостичовъ Пинскихъ.

На Волынь:
до старосты Луцъкого,
до старосты Володимерского,
до старосты Кремянецкого,
до старосты Ковелского,
до князя Дубровицкого,

*) Къ сейму 1551 г.

до князей Чорторыскихъ,
до старосты Житомирского,
до всихъ князей Сонкгушковичовъ,
до князей Вишневецкихъ,
до князей Збаражскихъ,
до князей Четвертенскихъ,
до князей Кунъцевичовъ,
до князей Ружинскихъ,
до князей Любецкихъ,
до хоружого земли Волынское,
до всихъ князей и пановъ земли Волынское,
до Завишичовъ.

На Русь:
до князей Друцкихъ,
до князей Лукомъскихъ,
до князей Соколинскихъ,
до князя Биленского,
до Крошинскихъ,
до Нелединского,
до князей и пановъ въ повете Полоцкомъ.

До вдовъ:
до кнегини Костянтиновое,
до кнегини Дубровицкое,
до кнегини Ильиное,
до кнегини Мстиславское,
до кнегини Жеславское,
до пани воеводиное Виленское Глѣбовича,
до Коптевое,
до Сирпутьевое,
до пани Кгезкгайловое,
до кнегини Жилинское,
до пани Богушовое,
до старостиное Пинское пани Ивановое,
до пани Заберезинское,
до кнегини старостиное Володимерское.

По Виленскому повету по Ошменской сторонѣ:
до Медникъ,
до Ошмены,
до Крева,
до Маркова,
до Красного села,
до Айны,
до Менска,
до Новагородка,
до Лиды и Бѣлицы.

По Виленскому повету по Завелской стороне:
до Мойшокголы,
до Кернова,
до Вилкомира,
до Оникштъ,
до Ушполь и Пенянъ,
до Браславля.

По Троцкому повету:
до Волкиникъ и Лепунъ,
до Ейшишокъ,
до Радуни,
до Каневы и Дубычъ,
до Василишокъ,
до Жолудка,
до Волъковыска,
до Слонима,
до Каменца,
до Берестья,
до Мельника,
до Белска,
до Дорогичина,
до Пинска,
до Кобрыня.

По другой стороне Троцкой:
до Сомилишокъ,
до Жижморъ,
до Ковна,
до Упиты,

до Дорсунишокъ,
до Бирштанъ,
до Пунь,
до Кормялова,
до Стоклишокъ,
до Высокого Двора,
до Довкговъ, Перелап,
до Ожи и Перелома,
до Меречи,
до Городна.
До Жомойти:
до тивуна Биржаньского,
до Шовдовского,
до Биржаньского и Тверского,
до Вешвенского,
до Дирваньского,
до Телшовского обоихъ половинъ и Кгондинского,
до Ойракголского, Ретовского, Поюрского и Коршовского,
до Керстъмони,
до Вилкеи,
до Велены и до Ясвойни,
до Росейни.

Листы серебъщизные, року 1551 по всей земли писаные.

Жикгимонтъ Августъ:

Тивуну Шовдовскому и бояромъ, вдовамъ и двораномъ нашимъ и всимъ тымъ, которые именья свои у волости Шовдовской маютъ. Што есмо тыхъ часовъ, бачачи немалое небеспеченство отъ неприятелей нашихъ, къ тому панству нашому великому князьству зъ многихъ сторонъ прилеглыхъ, зложили съемъ вальный у Вильни, на которомъ вси панове рада наши и вси кнежата и панята и шляхта зо всихъ земль поветовыхъ тутошнего панства нашего при насъ будучи и маючи при собе тые долеглости, которые ся зъ розныхъ сторонъ отъ неприятелей нашихъ землямъ и всимъ подданымъ нашимъ, а звлаща отъ того теперешнего цара Перекопъского, который черезъ присяги свои, насъ упевнивши и убезпечивши, безъ вести въ панство нашо вторгнувши, и замокъ нашъ украинный Браславль збурилъ, отколь и теперъ ещо великое небезпеченство и слухи насъ доходять, ижъ тотъ неприятель нашъ спокойне ся съ панствы нашими заховати не хочеть, чего ему Боже милый не помози: гдежъ мы, съ призволеньемъ пановъ радъ нашихъ и всихъ кнежатъ и всего рыцерства того панства нашого уфалили есмо серебъщину на три годы со всихъ подданыхъ нашихъ и королевое ее милости навышъшое кнегини Боны, пани матки нашое, и тежъ съ подданыхъ пановъ радъ нашихъ духовныхъ и светскихъ, князьскихъ, панскихъ и земянскихъ зъ сохи воловое по пети грошей, беручи ее зъ нихъ подъ тымъ обычаемъ, ижъ хто ореть двема волы, тотъ маеть дати пять грошей; и хотя бы колько сохъ у себе мелъ, а ими оралъ, тогды отъ кождое сохи волов. по пети грошей серебъщины будетъ давати повиненъ; а отъ сохи конское по полтретя гроша плачоно быти маеть; а хто бы мелъ одного вола обо одну клячу, тотъ маетъ дати, яко отъ полсохи, полтретя гроша; а человекъ, который

сохъ не маеть, а на земли зупольной седить, тотъ маетъ дати отъ земли пять грошей; а отъ огородника полтретя гроша, которыи пенези серебъщизные на вси потребы и долеглости того великого князьства мають быти обернены. И ачъкольвекъ были бы вси повинни тую серебъщину зъ именей и зъ людей своихъ безъ жадного предлуженья теперъ выбрати и до скарбу нашого отдати, нижли мы, хотечи всимъ подданымъ нашимъ ласки нашое господаръское въ томъ узычити, а для неврожаю збожа по тые лета прошлые, што ся деетъ зъ воли Божьи, фолькгуючи въ томъ всимъ подданымъ господаръскимъ, такъ вашимъ и всее шляхты рыцерства нашого, имъ самымъ и ихъ людемъ, на тые теперешние потребы земъские посполитые властного скарбу нашого господаръского не литуючи, немалый почетъ людей служебныхъ на вкрайну отправили, которые за властные пенези наши неколько чвертей року служити маютъ. И для того не близкий рокъ отданью тыхъ пенезей серебъщизныхъ всей земли складаемъ на сесь теперешний рокъ пришлый тисеча пятьсотъ пятдесятъ вторый, день Нароженья Матки Божьи, а на другий и на третий рокъ черезъ другие листы наши роки певные ознаймены вамъ будуть, на которые вы подъ тымъ же обычаемъ въ отданью тое серебъщины маете ся заховати. Прото абы еси у тивунъстве своемъ съ подданыхъ нашихъ людей волостныхъ тяглыхъ и зъ бояръ путныхъ врядпику своему тую серебъщину теперешнюю водле уставы вышейописаное выбрати и на тотъ рокъ до скарбу нашого воеводе Новгородскому, маршалъку дворному, подскарбему земъскому пану Ивану Горностаю отнести и отдати казалъ; который врядникъ твой тамъ у скарбе присягу вчинити маеть, яко то онъ справедливе, пожитъку своему и ничому иному не фолькгуючи, выбралъ и до скарбу нашого отдалъ; и зъ людей боярскихъ и вдовъ ихъ и дворенъ нашихъ у тивунъстве твоемъ хоружий поветовый абы тую серебъщину водле тое уставы нашое вышейописаное подъ сведомомъ вряду твоего выбирали, нижли бирчого яко съ подданыхъ нашихъ, такъ и зъ людей боярскихъ иподного пенязя хоружие они врядники твои брати немають. Такъ тежъ зъ именей своихъ отчизныхъ выслужоныхъ, купленыхъ абы еси врядникомъ своимъ зо всихъ подданыхъ своихъ водле тое вставы отъ сохъ, отъ земль и отъ огородниковъ серебъщину вырати... А яко хоружий нашъ серебъщину зъ людей шляхетскихъ, такъ тежъ и врядники твои зъ людей твоихъ выберуть, штобы оные пенези серебъщизные отдали на тотъ же рокъ, на день Нароженья Матки Божьи, до бирчихъ земъскихъ, до князя Венцлава, бискупа Жомойтского, а до маршалъка нашого, державцы Ожъского и и Переломъского пана Яна Комаевского, а до ключника и подключого

Троцкого, войского Городенского пана Бенедикта Васильевича, которыхъ мы за жеданьемъ всего посполства на то обрали и бирчими установили. И тые врядники твои при отдаваньи тыхъ пенезей до тыхъ бирчихъ земъскихъ такъ же и присягу передъ ними на томъ вчинити мають, яко то справедливе выбрали и до нихъ отдали. А што ся дотычетъ бояръ шляхты въ томъ тивунстве твоемъ, ты бы пилне того дозрелъ, абы они въ бранью тое серебъщины зъ людей своихъ подле тое уставы и росказанья нашого ся заховали и на тотъ рокъ вышейописаный черезъ хоружихъ поветовыхъ до бирчихъ земъскихъ подъ присегою отдавали, ничимъ того року не похибляючи а не вмешкиваючи; а естли бы хто зъ бояръ шляхты тое серебъщины отъ насъ втаилъ, до бирчихъ нашихъ въ целости не отдалъ, а то бы ся потомъ оказало, же бы отъ одного человека або отъ одное сохи серебъщины втаили, тогды за то ничимъ иншимъ, одно совитостью тыхъ пенезей серебъщизныхъ карани будете безъ кождого милосердья, и таковое именье вашо, въ которомъ бы была серебщизна втаена, на насъ господара взято и тому, хто бы перевелъ, отдано будеть. Къ тому якотежъ на томъ теперешнемъ вальномъ сойме съ призволеньемъ всихъ пановъ радъ нашихъ, княжатъ и панятъ и всего рыцерства того панъства нашого великого князьства Литовского уфалено подле постановенья сойму Берестейского на деветь летъ къ потребе обороны того панства нашого выправовати на войну зъ девети человековъ десятого, списавши напредъ вси именья и люди кождого на йимя, яко хто много подъ собою маеть и колько коней ку службе земъской водле тое уфалы земъское ставити виненъ, абы еси въ томъ же теперешнемъ часе росказалъ именья и люди свои достаточне на реестре списати, яко ихъ много мети будешъ, а то списавши оные реестра до скарбу нашого посполъ съ пенязми серебъщизными на томъ першомъ року нехай отданы будуть; а хоружий вже зъ боярскихъ людей якъ и зъ серебъщизны, такъ и съ попису именей бояръ шляхты за однымъ разомъ передъ бирчими земъскими присягу телесную на томъ вчинити маетъ, яко то верне а справедливе списали и ничого не втаили и службы земъское не вменшили. А по ономъ пописе абы есте водле уставы и въфалы земъское со всихъ именей своихъ почотъ свой ку службе земъской, зъ девяти чоловековъ десятого выправуючи, конно збройно поготову мели такъ, яко на войну прислушить, на часъ и местце таковое, где мы того зъ ихъ милостью паны радами нашими потребу розумети будемъ. И на томъ тежъ теперешнемъ вальномъ сойме тыхъ часовъ за жеданьемъ кнежатъ, панятъ и всего рыцерства на то есмо призволили, ижъ мають пять особъ закону римъского а другую пять

особъ закону греческого засести на справахъ статуту земъского, поправуючи и докладаючи знову некоторыхъ артыкуловъ потребныхъ и пожиточныхъ речи посполитой, а на то поступили при той же серебъщине съ каждое сохи на страву по пенезю имъ давати, на што вси панове рада наша позволили. Прото абы есте съ подданыхъ своихъ отъ каждое сохи по пенезю на тую потребу земъскую выдавати и посполъ съ пенезми серебъщизными до бирчихъ нашихъ относити велели. Писанъ у Вильни подъ лет. Бож. Нарож. 1551, месеца дек. 20 день, индиктъ 10.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 123—127).

№ 25.

Листъ Мартину Палецкому, жоне и потомъкомъ его, зоставуючи ихъ при гуте скленой Виленской вечне *).

Жикгимонтъ Августъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати. Ижъ што есмо перво сего зъ ласки нашое господаръское дозволили и дали дворянину нашому Мартину Палецкому на земли нашой при месте Виленскомъ за рекою Вельею, межи псарнею нашою и плитницою воеводы Виленского, небощика пана Яна Юревича Глебовича, збудовати гуту скленую накладомъ своимъ властънымъ ку его пожитъку, съ которое онъ въ каждый годъ по чотыриста скленицъ давати намъ ся подвезалъ; и къ тому особливе дали есмо ему тую властность, ижъ хто бы кольвекъ до места Виленского скло на продажу привезъ, же никому зъ мещанъ Виленскихъ и подданыхъ князьскихъ, панскихъ и духовныхъ, гостей приеждчихъ и подданыхъ нашихъ литовчичовъ тое скло не маеть тутъ въ месте Виленскомъ продавоно быти, одно Мартину Палецкому; а хто бы мимо его тамъ у Вильни скло скуповалъ и продавалъ, мы казали у таковыхъ, яко росказанья нашого непослушныхъ, тое скло моцно забирати. На што жъ есмо привилей нашъ господаръский, на паркгамене писаный, съ печатью завесистою ему дали и особливыми листы мещаномъ Виленскимъ волю нашу ознаймили, яко они въ скупованью того скла тутъ у Вильни мели ся заховати. Которое жъ онъ владности и шинку тымъ скломъ у Вильни ажъ до того часу уживалъ и тою гутою справовалъ и скло скуповалъ. Нижли, будучи намъ на валномъ сойме у Вильни со всими

*) Къ сейму 1551 г.

паны радами нашими духовными и светскими и со всими земляли того панства нашого великого князьства Литовского, просили насъ вси кнежата, панята, рыцерство шляхта и тежъ мещане, и все посполство, подданые наши литовчичи, абыхмо одному того вживати не допустили, але всимъ имъ того пожытъку вжичили и тое скло тутъ у Вильни и везде инде скуповати и шинковати имъ дозволили, што дей имъ водле правъ и вольностей ихъ посполитыхъ передъ тымъ завжды чинити, тое скло скуповати и шинъковати, имъ было вольно. А такъ мы, съ паны радами нашими въ томъ ся намовивши и бачачи на то, ижъ, где бы всимъ вобецъ тое скло скуповати было дозволено, тогды его до гуты съ потребу додано быти не могло, и не хотячи есмо того первшого застановенья нашого иначей отменити и въ той гуте его, вжо готовой и властнымъ накладомъ его вчиненой, шкоды и переказы ему вделати, при той гуте и теперъ есмо Мартина Палецкого зоставили, которую онъ самъ, жона, дети и потомъ будучие ихъ щадки мають ку пожитку своему держати и того вживати вечне и непорушне, водле первшое данины и листу нашого господаръского, на то ему даного, а намъ, господару, мають они до ключа нашого Виленского давати въ кождый годъ съ тое гуты по двесте скленицъ коровыхъ великихъ, а по другой двесте скленицъ меншихъ, а иншого никоторого плату они намъ съ того давати ани службы служити не мають. А што ся дотычеть скленицъ и скла оболонного привозного съ коруны Польское и зъ иныхъ земль до места Виленского, даемъ то тому жъ Мартину Палецкому черезъ сесь нашъ листъ, же таковые скленицы и скло оболонное привозное, окромъ скленицъ и скла оболонного венацкое работы, не маеть въ томъ месте нашомъ Виленскомъ отъ тыхъ, хто бы его привозилъ, никому иному зъ мещанъ нашихъ Виленскихъ и князскихъ и панскихъ и духовныхъ, и никому иному тубылцу литовскому, и чужоземъцомъ продавано быти вздоймомъ ани по части, одно тому самому Мартину Палецкому, подъ стратою того скла ихъ, которого скла половица на насъ господара, а половица на того Мартина Палецкого забирана быти маеть. А ведже онъ, купуючи у нихъ таковые скла привозные, не маеть имъ никоторого утисненья чинити, одно за што въ нихъ по доброй воли, ижъ тое скло сторгуеть, то имъ платенъ маеть быти. А купуючи въ нихъ таковые скляницы и скла привозные, маеть зася оное скло привозное отъ себе отбывати и продавати не дорожей, одно коровую скленицу по шесть литовскихъ большихъ, за которые меншихъ пенезей по два идеть, а меншихъ скленицъ по три пенези тыхъ же большихъ пенезей. А скло оболонное и иншую дробную розную привозную скленную работу такежъ слушне а побожне продавати безъ

обтяжливости людское такежъ ему, подъ стратою того скла привозного. А тотъ Мартинъ Палецкий, держачи тую гуту подъ нами господаремъ и тые привозные скла скупуючи, маеть ся о то старати и тому досыть чинити, яко бы въ томъ месте нашомъ ку продажи скла достатокъ додавалъ. А мы окромъ тое гуты его въ предний часъ никому иному въ томъ месте нашомъ Виленскомъ иншое гуты допущати мети не маемъ. А естли бы въ томъ панстве нашомъ великомъ князьстве Литовскомъ на потомъные часы инъше гуты скляные настали, тогды и зъ оныхъ гутъ литовскихъ, привозечи скло до Вильни, никому иншому продавати не маютъ, одно тому Мартину Палецкому. Естли бы хто съ подданыхъ нашихъ бояръ шляхты або мещанъ тутошнихъ Виленскихъ и хто кольвекъ зъ обывателей того панства нашого великого князьства Литовского хотелъ также потомъ противко тому што мовити и трудность въ томъ ему задавати, тогды то ничого не маеть ему шкодити, одно онъ и потомъки его завжды при томъ наданьи и листехъ нашихъ, яко при томъ первшомъ, такъ и теперешнемъ захованы быти маютъ вечными часы и тое скло съ коруны Польское и зъ инъшихъ земль привозное вольно имъ будетъ до гуты скуповати и имъ шинковати, водле того, яко тое вышей на томъ листе нашомъ описано. И волно ему будетъ зъ дозволеньемъ нашимъ господаръскимъ тую гуту свою кому хотя продати, одно съ тымъ жо правомъ и вольностью, яко то и онъ отъ насъ описано маетъ. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити къ сему нашому листу. Писанъ у Вильни подъ лет. Бож. Нар. 1551, месеца декабр. 23 день, индиктъ 15.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXVIII, л. 152—153).

№ 26.

Листъ, писаный до воеводы Новгородского, подскарбего земского, пана Ивана Горностая (со) стороны отправенья посла и гонцовъ цара Перекопского зъ упоминки, также и о выбранье пенязей зъ державъ *).

Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий и иныхъ.

Воеводе Новгородскому, маршалъку дворному, подскарбему земъскому, старосте Слонимъскому и Мстибоговъскому, пану Ивану Горностаю. Тыхъ часовъ маючы справу отъ тебе о после и гонцохъ цара

*) Къ сейму 1552 года.

Перекопъского, вырозумели есьмо, ижъ потреба безъ мешканья ихъ и посла нашого (съ) упоминки до цара отъправити. Ино, ачъ есьмо перво сего писали до твоей милости, абы посла до инъшое науки нашое у Вильни задержалъ а гонъцы къ намъ пущоны, але, ижъ такая потреба естъ спешная, прото абы еси съ тымъ посломъ царскимъ мовилъ, естли бы онъ подле того, яко твоя милость, вырозумевшы съ повести посла нашого пана Александра Владыки, намъ ознаймилъ, влегъце до насъ ехати хотелъ на подводахъ, твоя бы милость посла царъского и пры нимъ пословъ инъшыхъ и гонъцовъ, которымъ бы еси розумелъ потреба у насъ быти, безъ мешканья на подводахъ къ намъ отправилъ, осмотревшы его пуыставомъ и на страву зъ скарбу нашого, а мы подводные листы на пятнадцать коней подъ него шлемъ до твоее милости; а где бы подводъ мети не могли, ты бы за пенези кони подъ него по дорозе наймовати казалъ, бо прыстойней на томъ шкодовати, а нижли бы часъ омешканья меть, а тежъ, лежачы у Вильни, большей бы стравилъ. Прото нехай бы онъ служебники и кони свои тамъ у Вильни оставилъ, а самъ легце и спешне до насъ ехалъ, найдуючы насъ се зде у Кгданьску; ведже гонъцы нехай бы зо всимъ отътоль ехали, бо вжо отъсель просто до цара через землю Волынскую отправити кажемъ. А которые послы и гонцы подле баченья твоей милости тамъ у Вильни зостануть а листы до насъ мети будуть, таковые листы отъ нихъ вземшы, до насъ прышлешъ, учынившы первей намову съ посломъ царскимъ, же они для трудного переезду къ намъ останутъ тамъ; и будеть ли ся видети тобе за прыстойно, которые зь ихъ мало потребують у насъ быти, тыхъ бы твоя милость до орды отъправилъ съ таковымъ датъкомъ, яко и отправою кому належыть, въ чомъ ся твоя милость заховати маешъ подле обычаю давно звыклого и ведомости своей: ведже отъ царевъ и отъ старъшыхъ улановъ и мурзъ, которыхъ бы посолъ нашъ Александро Владыка розумелъ быти тамъ делу нашому господаръскому пожыточныхъ, таковымъ посломъ и гонъцомъ у насъ потреба быти, а самъ Алексанъдро Владыка и толъмачъ, который пры немъ у-въ орде былъ, нехай бы съ посломъ царскимъ до насъ ехалъ, а твоя милость на страву ему и толъмачу даси. А што пишешъ о зготованье поминъковъ до орды и о после, абы не мешкаючы то все было отъправлено, того и сами потребу бачымъ, твоя милость безъ мешканья то все, што маеть быти послано, зготовати кажъ. А што ся дотычеть, хто бы въ посельстве отъ насъ посланъ быти мелъ, ино видить ся намъ, ижъ бы панъ Юръи Васильевичъ Тишкевичъ на то ся зготилъ, коло чого жъ писали есьмо до вашей милости пановъ радъ нашыхъ, абы есте зданье свое къ намъ отъписали, и тотъ листъ до тебе

шлемъ, которые панове рады у Вильни на тотъ часъ будуть, абы твоя милость спольную намову зъ ихъ милостью вчынившы, къ намъ зданье свое отъписали, абы ся съ тымъ ничого не мешкало. Прытомъ што еси писалъ до насъ, шыроко выписуючы росходы скарбу нашого, для чого не доставаеть пенязей, и только одну тисячу копъ грошей поведаешъ въ скарбе, на што не мало росходовъ выличилъ еси, а где бы тыхъ пенязей не достало, и самъ хочешъ до насъ ехати, не могучы тыхъ потребъ нашыхъ опатровати про недостатокъ, кгды жъ за трудными и немалыми зоставами пенезей позычити не достанешъ, а зъ державъ многихъ платы нашы не выданы и не только зъ державъ, але и мещане и жыдове некоторые того, што повинни, не платять, чому жъ есьмо зъ шырокого писанья твоей милости достаточне вырозумели, бо праве пишешъ такъ, же въ томъ рады достати не можешъ, складаючы то на насъ, иже быхмо отсель, пенязи казавшы позычыти, и до тебе послали, поки ся платы зъ дворовъ зберуть. И што ся дотычеть росходовъ, тые водле потребы быти мусять; ведже, где бы твоя милость, не предлужаючы часу, платы нашы отъправовати казалъ а злаща на жыдехъ и на мещанехъ, о которыхъ вырозумели есьмо, же инъшые отъ чотырехъ летъ платовъ нашыхъ не выдали, тогды бы такъ трудно о пенязи не было. А для таковое прычыны прыстойно працовати о то и съ пильностью пенезей доставати бы еси мелъ, коло чого и теперь абы ся твоя милость стаpалъ и где кольвекъ пенязей набылъ, а потребы нашы господарские и земские опатровалъ, будучы певенъ заплаты, которую самъ учынишъ и заплатишъ, кгды платы до скарбу нашого знесены будуть; а мы тежъ сезьде роскажемъ пенези позычати и, достануть ли ихъ позычыти, до тебе пошлемъ; але на то ся сплошати и безпечати не треба, кгды жъ и сезде о пенязи не лацно, прыстойней и лацней тамъ ихъ позычыти можешъ, бо не такъ великий недостатокъ на подданыхъ нашыхъ прышолъ, абы межы купцы тисячы и двухъ достати не могъ, а звлаща на такъ певную и неомешканую заплату. А о тые платы не выданые, ижъ твоя милость не далъ намъ знати, съ которыхъ державъ до скарбу нашого не отданы, прото на тотъ часъ листовъ о томъ до тебе не шлемъ, але на мещанъ Ковенскихъ и на жыдовъ, которые пенязи платовъ задержали, шлемъ до тебе листы, за которыми моцно и безъ мешканья отъправу вчынити росказалъ бы еси; а кгды потомъ намъ знати даси, хто зъ державецъ платовъ нашыхъ не выдалъ, на онъ часъ будемъ ведати, якую отправу ку выбираню безъ мешканья учынити роскажемъ. Ктому што твоя милость пишешь до насъ, же на отправу въ посельстве ити маршалъку нашому пану Богдану Семашку до Волохъ далъ еси подле баченья своего

шестьдесятъ копъ грошей, двадцать локоть оксамиту и два поставы сукна луньского, яко вырозумели есьмо съ писанья твоего, же ведомости мети еси не могъ, што передъ тымъ таковымъ посломъ давано, кгды жъ книги справъ тыхъ у королевое ее милости пани матки нашое зостали, и ачъ панъ Семашко за тымъ датъкомъ готовъ естъ ку службе нашой, але другий посолъ отъ насъ менованый панъ Станиславъ Андърушевичъ для форобы въ посельстве ити не можетъ, и про то пишешь до насъ, инъшыхъ на то подаючы, о чомъ мы за першымъ писаньемъ твоей милости росказали, абы державца Мойшакгольский панъ Матушъ Кгедройть съ паномъ Семашкомъ отъправенъ, которому естли бы еси того писанья нашого не ознаймилъ и отъправы не далъ, ино нехай бы съ паномъ Семашкомъ на местъце его дворанинъ нашъ панъ Янъ Кмита въ томъ посельстве ехалъ, о чомъ листъ нашъ, писаный до него, къ тобе шлемъ, а твоя милость отъправу ему зъ скарбу нашого даси; а будешь ли Матусу вжо то ознаймилъ и отъправу далъ, онъ нехай ся готуетъ, кгды часъ того будеть ити, въ посельстве съ паномъ Семашкомъ пойдетъ, бо теперъ воеводы Волоского въ земли его нетъ, пошолъ до Угоръ за росказаньемъ цесара Турецкого. Затымъ писалъ еси до насъ, ижъ въ Рызе поветрые великое естъ, якожъ и листъ, писаный до твоей милости о томъ отъ пана воеводы Полоцкого, къ намъ еси послалъ, и пишешъ, же мещане старые Виленские выстерегаються, жебы до Вильни не пришло, бо не завъждыся того уваровали, кгды въ Рызе поветрее бываетъ, для чого твоя милость науки потребуешь отъ насъ, естли бы, чого Боже уховай, поветре у Вильни замножылося, а твоя милость, не хотечы умерети, зъ Вильни выехати мусишъ, кого пры скарбе нашомъ оставити маешъ; якожъ и о служебнику нашомъ Боукгарскомъ даешъ знати, же драбовъ тыхъ, на которые ему плачоно, роспустилъ, ижъ не хотели одно пенезми готовыми заплаты мети, чого твоя милость не поступилъ, абы иншые жольнеры, на то смотречы, пенезьми всей доплаты не домовлялися; ведже видиться твоей милости за прыстойно, абы Боукгарскому на два десятки драбовъ съ пенезьми давано, съ прычины потребы тое, естли бы твоя милость зъ Вильни выехати муселъ. Ино, ачъ ся таковое пляски и караньа Бозского—поветрея трудно устеречы, а смерти чоловеку а на борздомъ кони не оминути, однакожъ писати есьмо казали до войта и до всее рады места Виленского, абы у великой осторожности были и до места никого зъ Рыги не пущали; а естьли бы, Боже вховай, къ тому прышло, а поветрые бы ся у Вильни вказывать почало, твоя бы милость што въ часъ давай намъ знати, ижъ быхмо кони и иньшые речи, намъ потребные, выпровадити за часу оттоль казали, а самъ, отъежъдчаючы зъ

Вильни, пры скарбе нашомъ оставишъ тыхъ, которые въ скарбе справують, осмотревшы добре сторожою, а Боукгарскому на чотыры десятки драбовъ пенезьми на тотъ часъ даси для потребы большей сторожы, бо въ небытности тебе самого мало естъ двухъ десятковъ драбовъ пры скарбе въ замку мети. Писалъ еси тежъ до насъ за писаньемъ листу маршалка нашого, державцы Гомейского, ижъ жольнеры роты Гомейское жыто нашо въ замку тамошнемъ розобрали, которого жыта до сего часу еще не отдали, на што науки твоя милость потребуешъ, если пенязи службы ихъ задержать за то маешъ. Ино то естъ речь прыстойная задеръжати такъ много пенязей, што бы за тое жыто стояло, кгды жыто отдадуть, на тотъ часъ пенези задержаные озмуть. Послалъ тежъ еси до насъ листы отъ старосты и ротмистра Мстиславъского, до тебе писаные, на которыхъ вырозумели есьмо писанья князя Полубенъского, ижъ земяне Мстиславские сыченьемъ складовъ переказу чынять пожыткомъ корчмы тамошнее, чого абы твоя милость пильне стеречы а боронити казалъ, не допущаючы имъ таковыхъ складовъ сытити, бо тежъ хотя бы того обычай былъ давный або за листы нашыми склады имъ вольно сытити, тогды не шынъкомъ продавати ихъ, которого шынъку и частыхъ складовъ абы имъ конечно не позволено. А ижъ земенинъ тамошний Якубъ Вяжевичъ зъ именьемъ Караньскимъ, которое на границы Московской маеть, заложылъ ся былъ за воеводу Виленъского, державцу Бобруйского, Борысовъского, пана Яна Глебовича, до именья его Дубровны, съ которого именья крывды и зачепъки за границею въ земли Московъской врадничокъ и подданые его чынять, а передъ нимъ, старостою, ку праву становитися не хотять, за што велелъ воевода Смоленский, наславшы на тое село и на иньшое, учынилъ собе досить за крывды подданыхъ господара своего: ино въ таковомъ безрадьи никому шкода и неслава, одно намъ господару и речы посполитой, чого бы виненъ староста стеречы и таковыхъ лихихъ людей карати и не допущати имъ того чынити, а за обосланьемъ зъ стороны Московъского справедливостъ мелъ бы чынити, не смотречы на то, што ся онъ вымавялъ и выломываетъ прысуду его, бо нихто съ пановъ радъ подданого нашого зъ именьемъ до себе прыймовати не можеть, а тежъ въ небытности самого шляхтича на именьи, съ которого бы ся крывда за границою деяла, врадъ нашъ виненъ справедливость чынити, стерегучы покою, абы ся зачепки не деяли, въ чомъ напередъ абы ся князь Полубеньский опатрней заховалъ и радилъ, жебы безрадья и несправы въ панстве нашомъ зъ стороны Московъского того непрыятеля не розумели. А што ся дотычеть писанья ротмистрова до тебе коло недостатъку стрельбы на замку Мстиславъскомъ и неспособного

будованья замъку, ты бы гаковницами и ручницами, салетрою, оловомъ посилилъ тотъ замокъ подле потребы и баченья своего, кгды жъ того въ скарбе нашомъ досить есть. А што ся дотычеть делъ, кгды, дасть Богъ, сами тамъ будемъ, на онъ часъ и делъ колико обравшы, на тотъ замокъ пошлемъ. О будованье замку потреба намъ ведати, отъколь може ратунокъ и помочъ мети, и хто передъ тымь его робилъ. Писанъ у Кгданьску. Лет. Бож. Нарож. 1552, месеца август. 30 день.

Тотъ листъ посланъ и зъ иншими листы до пана воеводы Новгородского месеца августа (трыдцать) первого дня въ понеделокъ черезъ дворанина господарского Ворону.

(Запис. XXXVII, лл. 28—32).

№ 26.

Листъ, писаный до воеводы Виленского, ... пана Миколая Радивила, абы серебъщызну зъ именей своихъ, такъ тежъ зъ именей господаръскихъ, державъ своихъ, до бирчого выдалъ, и абы самъ на часъ назначоный до господара ехалъ *).

Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жемойтскій, Мазовецкій и иныхъ....

Воеводе Виленъскому, маршалъку земъскому, канцлеру великого князьства Литовского, старосте Берестейскому, державцы Борысовскому и Шовленьскому, пану Миколаю Радивилу. Што перво сего, будучи намъ зъ вашою милостью паны радами нашыми, княжаты, паняты и со всими землями на вальномъ сойме, недавно минуломъ, уфалили и постановили для потребы обороны земъское серебщызну съ подданыхъ нашихъ и королевое ее милости найвышшое великое кнегини Боны, пани матки нашое, и зъ людей вашое милости пановъ радъ духовныхъ, и светскихъ, князьскихъ, паньскихъ и земянскихъ на тры годы, зъ сохи воловое по пяти грошей, а первая серебъщызна мела быть дана въ року пятьдесятъ первомъ, нижли, для неврожаю и лихолетью чынечи сфолкгованье и ласку нашу въ томъ, на тую потребу земъскую пенязи зъ скарбу нашого служебнымъ дати есьмо казали,—якожъ немалый почотъ служебныхъ за наши пенязи на украине нине идучого году хованъ,—а даванью серебъщызны рокъ отложили есьмо день Нароженья Панны Марыи недавно минулого свята, коло чого на первыхъ листехъ нашыхъ достаточне ознаймено есть; и въ томъ же року мела быти дана другая серебъщына, то пакъ рокъ, отъ

*) Къ сейму 1552 года.

насъ зложоный свята Нароженья Панны Марыи минулъ, а многие серебъщызны прошлого году еще не выдали, за што таковые недбалые уфалы земское и непослушные росказанья нашого кромъ жадного сфолькованья караны будуть. А што ся дотычеть другое серебъщызны, уфаленое на нинешний годъ пятдесятъ вторый, мы, розумеючи немалые потребы и долеглости земские зъ небеспечныхъ слуховъ отъ непрыятелей, прылеглыхъ тому паньству нашому, для чого естъ потреба служебныхъ не роспущати, которымъ на заплату абы пенязи за часу были выбраны и зготованы, прото складаемъ певный рокъ отданью тое другое серебъщызны на Громницы прыйдучого свята въ року пятьдесятъ третемъ. Твоя бы милость о томъ ведалъ и серебъщызну отъ всее земли уфаленую съ подданыхъ нашихъ врадовъ твоихъ и зъ именей твоее милости и зъ именей сестренца твоего, сына пана Щастного Ильинича, за прошлый годъ чимъ борздей до бирчихъ земскихъ, на то уставленыхъ, отнести и отдати казалъ, а другую серебщызну на ново подле тое жъ уфалы до тыхъ же бирчихъ казавши выбрати, и на тотъ рокъ отъ насъ зложоный, на свято Громницъ, отдалъ конечне, ничымъ року зложоного не омешкиваючы и пильне того росказавшы стеречы, абы нихто съ подданыхъ нашыхъ враду твоего, тежъ и твоее милости подданыхъ и сестренца твоего, ничого оное серебщызны утаити не смели; а хто бы утаилъ, таковый нехай бы совито платилъ, а предъся отъ насъ каранъ за то будеть. Пры томъ ознаймуемъ твоей милости, ижъ, бачачы есьмо немалые потребы того паньства нашого отчызного, великого князьства Литовского, и опустившы не меншие справы паньства нашого коруны Польское, здеся прыехали есьмо и, вземшы Бога на помочъ, о томъ обмышляти и таковые справы земъские съ порадою вашое милости пановъ радъ нашыхъ становити ку доброму того паньства хочемъ, для чого виделося намъ вашу милость, пановъ радъ нашыхъ, и всихъ врадниковъ земскихъ везвати и певный часъ ку зъеханью до насъ зложыти и ознаймити. А для того складаемъ рокъ певный вашей милости паномъ радамъ зъехатися ку намъ—день светого Мартина для судовъ и иныхъ потребъ, которые належать ку справомъ и местцамъ вашымъ, а врадникомъ земъскимъ день светое Катерыны, борздо по светомъ Мартине прыйдучого свята. Твоя бы милость на тотъ рокъ, на день светого Мартина, яко рада наша, бачачы немалые потребы земские, до насъ до Вильни ехалъ и о таковыхъ справахъ и потребахъ земскихъ, пры насъ господары будучы, посполъ зъ иншыми, на то отъ насъ везваными, радили и обмышляли, яко бы было зъ добрымъ нашымъ господарскимъ и речи посполитое земское.—Писанъ у Вильни.

Въ тоежъ слово писано:
до князя бискупа Виленъского,
до князя бискупа Луцъкого,
до князя бискупа Жомойтьского,
до князя бискупа Киевского,
до пана Виленъского,
до пана воеводы Троцкого,
до воеводы Киевъского,
до воеводы Полоцъкого,
до воеводы Новгородъского,
до воеводы Витебъского,
до воеводы Подляшъского,
до маршалъка земъского,
до маршалъка дворного,
до княжатъ Слуцъкихъ,
до марьшалъка земли Волынъское.

До врадниковъ дворныхъ:
до пана подъчашого,
до пана крайчого,
до подъкоморого,
до стольника,
до кухмистра,
до конюшого дворъного,
до конюшого и подъконюшого Виленъского,
до конюшо(го) Троцъкого,
до конюшого Городеньского,
до мечъника.

До маршалъковъ:
до пана Василья Тишковича,
до пана Оникея,
до князя Полубеньского,
до пана Завишы,
до пана Комаевъского,
до Ерослава,
до Семашка,
до Сольтановича,
до Кошеръского,
до Загоровъского.
до Яна Шымъковича,
до пана Сопеги,
до Петра Наръбута.

До панятъ:
до Спръпутевичовъ,
до Немировичовъ,
до Сологубовичовъ,
до Хрептовичовъ,
до Щытовичовъ,
до Воловичовъ,
до Довойновичовъ,
до Глебовичовъ,
до Сопегъ,
до Завишычовъ,
до воеводичовъ Подляшскихъ Пацевичовъ.

Тые листы Коморовский писалъ лета 1552 въ месецы октябры о зъеханье до господара его милости до Вильни на день светое Катерыны и о серебъщыну водле уставы соймовое, абы на Громницы прышлые другую серебъщызну отдали подъ совитостью:

до митрополита,
до владыки Полоцкого,
до владыки Володимерского,
до владыки Пиньского,
до владыки Луцъкого,
до Упиты, до Мойшакголы,
до Кернова, до Вилькомира,
до Оникштъ,
до Ушполь и Пенянъ,
до Браславлю,
до Волькиникъ и Лепунъ,
до Ейшышокъ, до Радуня,
до Коневы и Дубичъ,
до Василишокъ,

до Волъковыска,
до Слонима,
до Каменъца,
до Берестья,
до Мельника,
до Бельска,
до Дорогичына,
до Пиньска,
до Кобрыня,
до Сомилишокъ,
до Жижъморъ,
до Ковъна,
до Дорсунишюкъ,
до Биръштанъ,
до Пунь,
до Довъкговъ,
до Перелап,
до Ожы,
до Перелома,
до Меречы,
до Городна,
до тивуна Бержанского,
до Берженяньского и Тверского,
до Вешвеньского,
до Телшовского обеюхъ половинъ и Кгондинского,
до Оракгольского,
Ретовъского,
до Поюръского,
и Коршовского,
до Скерстомони, до Вилкеи, до Юрборка,
до Велени и Ясвойни,
до Речыцы,
до Гомъя,
до Оршы,
до Овручого,
до Крычова,
до Мстиславля,
до Чечерска и Пропойска.

Тые листы панъ Гермогенъ писалъ:

до Шеметовичовъ;

на Волынь:
до старосты Луцъкого,
до старосты Володимерского,
до старосты Кремянецъкого,
до старосты Ковельского
до князя Дубровицъкого,
до князей Чорторыйскихъ,
до старосты Жытомирского,
до князей Вишневецъкихъ,
до князей Збаразскихъ,
до князей Четвертеньскихъ,
до князей Курцовичовъ,
до князей Ружинъскихъ,
до князей Любецъкихъ,
до хоружого земли Волынъское,
до всихъ князей, пановъ земли Волынское;
до Завишычовъ;

на Русь:
до князей Друцъкихъ,
до князей Лукомъскихъ,
до князей Соколинъскихъ,
до князя Жижемъского,
до Крошынъскихъ,
до Нелединъского;
до князей и пановъ въ повете Полоцкомъ;

до въдовъ:
до кнегини Костеньтиновое,
до кнегини Ильиное,
до кнегини Дубровицъкое,
до кнегини Мстиславъское,
до кнегини Жеславъское,
до пани воеводиное Виленъское Глебовича.
до Копътевое,
до Сирпутьевое,

до пани Кгезкгайловое,
до пани Богушовое,
до старостиное Пиньское пани Ивановое,
до кнегини Жилинъское,
до пани Заберезенъское,
до старостиное Володимерское;
по Виленъскому повету, по Ошменьской стороне:
до Медъникъ,
до Ошмены,
до Крева,
до Маръкова,
до Красного Села,
до Айны,
до Новагородка,
до Лиды и Белицы.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 41—46).

№ 28.

Реестръ, колько съ которого места коней высылають на войну у великомъ князьстве Литовскомъ *).

Року Бож. Нарож. 1552, месяца декабра 27 дня.

Королю его милости зъ великого князьства до Коруны Полское, естъ постановено зъ местъ великого князьства, што бы мели на войну посылати:

Зъ Вильни—500 конь, тобы 500 копъ грошей, але 200 отпустити, а 300 взяти;
Съ Троковъ—10 конь—10 копъ грошей;
съ Ковна — 50 конь — 50 копъ грошей;
зъ Велены — 10 конь — 10 копъ грошей;
съ Пунь — 20 конь — 20 копъ грошей;
зъ Меречы — 20 конь — 20 копъ грошей;
зъ Городна — 50 конь — 50 копъ грошей;
зъ Бельска — 50 конь — 50 копъ грошей;
зъ Броньска—15 конь — 15 копъ грошей;
зъ Саража — 15 конь — 15 копъ грошей;
зъ Дорогичина—60 конь—60 копъ грошей;
зъ Мелника — 20 конь—20 копъ грошей;
зъ Берестья—150 конь—50 копъ грошей;
съ Каменьца—50 конь—50 копъ грошей;
зъ Луцка — 30 конь — 30 копъ грошей;
зъ Володимера—30 конь—30 копъ грошей;
зъ Слонима — 10 конь—10 копъ грошей;

*) Къ сейму 1552 г.

зъ Новгородка—20 конь—20 копъ грошей;
зъ Мельника—20 конь—20 копъ грошей;
съ Кобрыня — 20 конь—20 копъ грошей;
съ Пружаное—15 конь—15 копъ грошей;
зъ Сельца — 10 конь — 10 копъ грошей;
зъ Шерешева—15 конь—15 копъ грошей;
зъ Вилькеи — 10 конь — 10 копъ грошей;
зъ Росень — 15 конь — 15 копъ грошей;
зъ Нарви — 10 конь — 10 копъ грошей;
зъ Волковыска—15 конь—15 копъ грошей;
съ Порозова—10 конь—10 копъ грошей;

Сума зъ местъ 900 копъ 40 копъ грошей.

Зъ волостей Рускихъ:

зъ Могилева—зъ волости и зъ места 150 копъ грошей;
зъ Бобруйска зъ обеюхъ половицъ 60 копъ грошей;
зъ Вислочы 50 копъ грошей;
зъ Мозыра и зъ Бчыча 60 копъ грошей;
зъ Любошанъ 50 копъ грошей;
зъ Речыцы 30 копъ грошей;
съ Пропойска 20 копъ грошей;
съ Чычерска 20 копъ грошей;
съ Крычова 20 копъ грошей;
зъ Борысова 20 копъ грошей.

Сума зъ волостей Рускихъ 480 копъ грошей.

Сума зъ местъ и зъ волостей 1000 копъ 420 копъ грошей.

Таковую суму пенежную покладаючы, до всихъ местъ листы писаны, которые посланы зъ листы, въ справахъ земъскихъ писаные около выполъненья постановенья соймового, черезъ дворанъ его королевъской милости, нижей написаныхъ, съ Кракова:

То есть панъ Богуфалъ Дорошковичъ отъправенъ въ суботу первую, уступившы въ постъ, месеца февр. 18 дня до пана воеводы Новгородского, ку розосланью понесъ листы тые:

до князя бискупа Виленского,
до князя бискупа Жомойтьского,
до пана воеводы Виленьского (оставленъ въ канцляреи);
до князя бискупа Киевъского,
до пана Виленского и до места Виленского,
до пана воеводы Троцкого и до места,
до пана Троцкого и до места Вилкеи,
до князя воеводы Киевъского,
до пана воеводы Полоцкого,
до пана воеводы Витебского,
до князя Слуцкого,
до пана воеводы Новгородского,
до пана воеводы Подляшского.

До врадниковъ дворныхъ:

до пана подчашого,
до пана крайчого,
до пана подкоморого,
до кухмистра,
до конюшого дворного,
до конюшого Троцкого,
до конюшого Городенского.

До маршалковъ:
до пана Василья Тышкевича,
до пана Онпкея,
до князя Полубенского,
до Ерослава,
до Яна Шымковича,
до Петра Нарбута.

До панятъ:
до Сирпутевичовъ,
до Сологубовичовъ,
до Щытовичовъ,
до Зеновъевичовъ,
до Сопегъ,
до Завишычовъ,
до Шеметовичовъ.

На Русь:
до князей Друцъкихъ,
до князей Лукомъскихъ,
до князей Соколенъскихъ,
до князя Жилинъского,
до Крошынского,
до Нелединъского,
до князей и пановъ у повете Полоцкомъ.

До вдовъ:
до панеи воеводиное Виленъское Глебовичовое,
до Сирпутьевое,
до пани Кгезкгайловое,
до пани Заберезенское.

По Виленъскому повету по Ошменьской стороне:
до Медникъ,
до Ошмены,
до Крева,
до Красного села,
до Маркова,
до Айны,
до Порозова зъ места.

По Виленъскому повету по Завельской стороне:
до Мойшакголы,
до Вилькомира и Оникштъ,
до Ушполь и Пенянъ,
до Браславля.

По Троцкому повету:
до Сомилишокъ,
до Жыжморъ,
до Ковна—до повету и до места,
(до) Упиты,
до Дорсунишокъ,
до Бирштанъ,
до Пунь—до повету и места,
до Высокого двора.

До Жомойти:
до тивуна Биржаньского,
до Шовъдовъского,
до Берженянъского и Тверского,
до Вешвенъского,
до Дирвяньского,
до Телшовъского обеюхъ половинъ и Кгондынского,
до Ойракгольского,
до Ретовского,
до Поюрского и Коршовъского,
до Скерстомони,
а зъ Росейнь и зъ места,
до Велени и Ясвойни.
до владыки Полоцкого,
до Речицы,
до Гомья,
до Оршы,
до Овручого,

до Крычова,
до Мстиславля,
до Чычерска и Пропойска,
до воеводичовъ Подляскихъ Пацевичовъ,
до Ейшишокъ,
до Радуни,
до Коневы и Дубичъ,
до Василишокъ,
до Волъковыска—до повету и до места.

А тые листы, по дорозе едучы, самъ панъ Богуфалъ роздати маетъ:
до Завишы въ Перевалъце,
до пана Комаевъского на Ожы,
до Шолътановича въ Шешъкини,
до пана Павла Сопеги въ Кодню,
до Хрептовичовъ въ Городне,
до Воловичовъ въ Городне,
до Коптевое,
до пани Богушовое,
до пани Потеевое,
до Волъкиникъ и Лепунь 2,
до Каменъца—до повету и до места,
до Берестья—до повету и до места,
до Белска—до повету и до места,
до Броньска, до Саража, до Нарви—до местъ съ одного у Бельску дати;
до Довкговъ и Перелаи,
до Ожы и Перелома,
до Меречы—до повету и до места,
до Городна—до повету и до места.

Того жъ дня посланъ Ленартъ Довкгирдъ съ тыми листы, то естъ:
до Глебовичовъ,
до Новогородка—до повету и до места,
до Лиды и Белицы,
до Слонима—до повету и до места,
до Мельника—до повету и до места,
до Дорогичына — до повету и до места,
до Пиньска,
до Кобрыня до повету и до места,
и тамъ жо до Пружаное, до Сельца и до Шерешова съ одного у Кобрыни онъ дати маетъ;
до старостиное Пиньское пани Ивановое,
до митрополита,
до владыки Пинского,
до Порозова до места,
до Волъковыска—до повету и до места.

Того жъ дня въ суботу посланъ Ильяшъ Несвицъкий на Волынь, то естъ:
до князя бискупа Луцъкого,
до маршалъка земли Волынъское,
до повету и до места Володимерского,
до князя старосты Луцъкого,
до повету и до места,
до Кошырского князя Александра,
до Загоровъского,
до Семашка,
до князя Дубровицъкого,
до князей Чорторыйскихъ,
до старосты Жытомирского,
до всихъ князей Сонкгушковичовъ,
до князей Вишневецъкихъ,
до князей Збаразскихъ,
до князей Четвертеньскихъ,
до князей Курцевичовъ,
до князей Ружынъскихъ,
до князей Любецъкихъ,

до всихъ князевъ, пановъ и хоружого земли Волынъское,
до кнегини Костеньтиновое,
до кнегини Ильиное,
до кнегини старостиное Володимерское,
до владыки Луцъкого,
до владыки Володимеръского,
до старосты Кремянецкого,
до старосты Ковельского.

Съ того рейстру подъ тымъ обычаемъ листы по всей земли суть писаны, яко на томъ листе нижей написано:

Жыкгимонтъ, Божъю милостью король Польский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и иныхъ.

Воеводе Виленъскому, маршалъку земъскому, канъцлеру нашому, старосте Берестейскому, державцы Борысовскому и Шовленскому пану Миколаю Радивилу. Ведомо твоей милости естъ постановенье зъ сойму Виленъского, въ року пятдесятъ первомъ минулого, на которомъ сойме зъ вашою милостью паны радами нашыми духовными и светскими, княжаты, паняты и со всими землями уфалили и постановили есмо на оборону земъскую серебъщызну на тры лета, отъ сохи воловое по пяти грошей, а отъ земли полътретя гроша, а такъ же и зъ огородника, якожъ и рокъ певный отданью первого податъку назначонъ былъ далей, нижли часъ ознаймено,—а то для неврожайныхъ летъ,—день Нароженья панны Марыи свята прошлого, подъ совитостью того року и часу не омешкати; а другое серебъщызны отданью рокъ зложыли есмо на Громницы прыйдучого свята въ року пятдесятъ третемъ; яко жъ перъвая серебъщызна мало не вся вжо выбрана, а чого не добрано за непослушенъствомъ, ведже даремне то непослушнымъ отпущоно не будетъ, ижъ за ихъ недбалостью омешканье деется въ потребе земъской, которую мы прошлого лета, бачечы не малые небезпечности отъ неприятелей, границами тому паньству нашому прылеглыхъ, за властные пенези скарбу нашого опатровали, служебныхъ на украине ховаючы, поки бы серебъщызъный платъ выбранъ былъ. Якожъ и напредъ не хотячы ихъ съ тое жъ службы роспущати а маючы ведомо, же тотъ платъ перъвое серебъщызны вельми малый ратунокъ таковымъ потребамъ земъскимъ учынити може, для того и для иныхъ справъ нашыхъ господаръскихъ и земъскихъ и тежъ, абы вси справы, на сойме за прозбою шляхты рыцерства уфаленые, а черезъ насъ господара постановленые, были на врадехъ нашыхъ держаны (яко ся то постановило, же въ кожъдомъ повете судя и писаръ и вижы присяжные быти мели, а пересуду, винъ, вижованого зменъшывшы отъ давного, велели есьмо то на писме до всихъ поветовъ хоружымъ дати, але, ижъ хоружие, не вземшы того постановенья съ канъцляреи нашое,

отъехали, затымъ на врадехъ въ тыхъ во всихъ речахъ справуются по первому; тежъ, што на томъ же сойме для лепшое порадности и справы въ томъ паньстве нашомъ уфалено и постановено, же вси люди князьские и панские и духовныхъ зъ наданья предковъ нашыхъ и отъ насъ господара, которые замъки робити, мосты мостити и стацеи и подъводы давати были повинъни, таковые повинъности въ роботе и въ стацеи, яко въ речы земъской оные люди полънити, а на подводы до державы або повету, ко которому перъвей прислухали, дати мели по шести грошей на годъ зъ служъбы, разложывшы на две раты по половицы, въ чомъ до сего часу ничого не почалося не за инъшымъ чымъ, але за недбалостью хоружыхъ): а кгды жъ есмо съ тыхъ всихъ прычынъ тыхъ часовъ, возвавшы вашу милость, пановъ радъ духовныхъ и светскихъ, и всихъ ку сойму прыслухаючыхъ, коло обороны земъское и о томъ намовы чынили. Яко жъ на оборону земъскую уфалено и поступлено естъ дать на служебныхъ ку тымъ тремъ серебъщызнамъ на сойме уфаленымъ, хто кольве службу земскую служыти повиненъ и колько коней ку службе ставити, съ кождого коня маеть дати по копе грошей, а духовные рымского и греческого закону зъ своихъ людей давати повинъни зъ службы по шести грошей, которые жъ податки вси потреба безъ мешканья на заплату служебнымъ выбрати, для чого жъ складаемъ певный рокъ тому податку, съ коня по копе грошей поступленому, такъ же и духовнымъ зъ службы по шести грошей, заплатити и отъдати о середопостью прыдучимъ въ року пятдесятъ третемъ; а серебъщызне третей отъданью покладаемъ певный часъ—день Нароженья Панъны Марыи, свята въ томъ же року пятьдесятъ третемъ. А около постановенья справъ и судовъ шляхетьскихъ и тыхъ всихъ потребъ земъскихъ въ роботахъ замъковъ, мостовъ и въ даванью стацей и пенезей на подводы хочемъ мети, абы ся все выполънило и держано подле уфалы соймовое, и ознаймуемъ певные роки пенези, на подводы уставленые, отъдавати до враду нашого, на семую суботу по тры грошы зъ службы, а на светый Михалъ другую тры грошы, што абы завъжды на тые роки отдавано и плачоно. Прото, абы твоя милость, пане воеводо, зъ воеводства и староства и державъ твоихъ, и тежъ зъ именей своихъ серебщыну невыданую и тотъ платъ, съ коней уставленый, на подданыхъ своихъ выбравшы, до рукъ воеводы Новгородского, маршалъка дворного, подъскарбего земъского, старосты Слонимского пана Ивана Горностая, яко до подскарбего земъского, на тые роки вышейпомененые отъдати казалъ, дня и року ничымъ не омешкиваючы, а то твоей милости прыказуемъ подъ совитостью заплаты того податъку. Тежъ што бы еси въ повете своемъ судьи и писары

присяжные и вижы уставилъ, а пересуды и вины и вижованое брати и во всемъ заховати и справовати ся казалъ по тому, яко на сойме прошломъ уфалено, абы подъ тое постановенье шляхта ни въ чомъ трудности не мели, чого што бы твоя милость, яко рада наша, дойзрелъ и такъ ся въ томъ заховалъ, жебы иные врадники прыкладомъ справы твоей милости справовалися до того часу, поки поправеньемъ статуту вси таковыи постановенья соймовые въ статутъ уписаны будуть. А нехай бы вси князи и панове и духовные той повинъности земъской, не вымовляючыся, досыть чынили, яко въ уставе соймовой на то описано есть, и подъданымъ своимъ будовати замъки и мосты и стацеи давати казали, а за подъводы пенезми на тые роки вышеймененые до враду, отъ которого кому кольвекъ таковые люди отъданы, а перъвей того оною повинъностью объвязаны были, ни чымъ съ того не выламуючыся, платити велели: бо, хотя бы хто листы вызволеные мелъ, то ему къ обороне ити не можетъ, кгдыжъ мы господаръ зъ ласки нашое даемъ тые пожытки, што на насъ и на врады нашы прыходятъ, а земъскихъ повинъностей никому не отъдаемъ. Прото, естли бы ся хто того выламовати хотелъ, нехай бы люди его, на которыхъ тая повинъность здавна бывала, за децкимъ полнити попрымушоны конечно. Писанъ у Вильни лета Бож. Нарож. 1552, месеца дек. 26 дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 46—51).

№ 29.

Намова его королевское милости съ паны радами коло справедливости людское*).

Прыехавшы господару королю его милости къ великому князству зъ Люблинского сойму року Божьего 1554, месеца июня 3 дня, во второкъ.

Рачылъ его королевская милость зъ ихъ милостью паны радами намовы чынити коло справедливости людское. Кгдыжъ справы судовъ его королевское милости преложоны до роковъ судовыхъ, и на томъ его милость рачылъ зоставити: абы справедливости предлуженье не деялося никому, рачылъ росказати, ижъ бы вси таковые станы, которые не седять въ повете, позываны были передъ комисары, на кого комисея будетъ дана съ канцеляреи господарское; тамъ же и на тотъ часъ о мещанъ Волъковыйскихъ зъ земяны Трызънами, которые тыхъ мещанъ позывали передъ пана воеводу Троцкого о подводы, не хотячы

*) Къ сейму пановъ-рады 1554 г.

зъ именей своихъ выслужоныхъ подводъ давати. И господаръ его милость найти рачылъ, же панове воеводове до дворовъ, волостей и местъ господарскихъ ничого не маютъ, только до шляхты, которые подъ справою воеводства седять; а мещане, волощане и слуги путные державца судить, который зъ державы не ма бытъ ни до кого позыванъ, только до самого господара, албо кому то поручоно будеть отъ его королевское милости, а въ поветъ его не позывати.

На той справе были: князь Павелъ, бискупъ Виленский; князь Валерьянъ, бискупъ Луцкий; князь Венцлавъ, бискупъ Жомойтьский; воевода Виленский, маршалокъ земский, канцлеръ великого князства Литовского, староста Берестейский, державца Борисовский и Шовленьскій панъ Миколай Радивилъ; панъ Виленский, державца Упитский, панъ Григорей Григорьевичъ Остикъ; воевода Троцкий, державца Лидский, Василишъский, Белицкий и Сомилишский панъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ; панъ Троцкий, староста Жомоитский, державца Плотелский, Вилкейский и Телшовский панъ Еронимъ Александровичъ Ходкевичъ; воевода Киевский, державца Чорнобыльский, князь Фредрихъ Глебовичъ Пронский; воевода Полоцкий панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно; воевода Новгородский, маршалокъ дворный, подскарбий земский, староста Слонимский панъ Иванъ Горностай; воевода Витебский, староста Браславский, Усвятский и Озерищский панъ Станиславъ Кишка.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 90).

№ 30.

Постановенье его королевъское милости, якимъ обычаемъ справедливость маеть быти чынена обывателемъ такъ великого князства Литовского, яко и коруны Польское *).

Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтьский, Мазовецъкий и иныхъ.

Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ, кому будеть потреба того ведати, ижъ за частыми жалобами обователей паньствъ нашихъ коруны Польское и великого князства Литовъского земли Волынъское и Подляское, а звлаща съ тыхъ поветовъ, которые межы себе прылегли границами, постановили есмо, ижъ таковымъ обычаемъ справедливость маеть быти чынена на обе стороны такъ обывателемъ великого князства, яко и корунънымъ, о всякие кгвалъты, наездки, мор-

*) Къ сейму пановъ-рады 1554 г.

дерства, пожоги, грабежы, о дольги и о инъшые вси крывды прыпалые, яко кольве менованые, межы которыми кольвекъ особами кожъдого стану до того часу деялися и на пришлые часы могуть ся прыгодить.

Напервей, съ кожъдое земли або повету отъ насъ менованы и обраны суть судьи—староста кожъдого повету прылеглого, а въ небытности его подстаростий зъ двема особами, нижей описаными, яко зъ Браславъского повету естъ менованъ староста Браславъский, а зъ нимъ панъ Петръ Мыльский, маршалокъ нашъ, а Петръ Чапля, дворанинъ нашъ, а съ Подольского воеводства корунъного Матей Влодекъ, староста Каменецъкий, а Еронимъ Лянскорунъский, староста Сокольский, а Юрьи Язловецкий Чирвонокгродский.

А где ся докопываеть Подольское воеводство, тогды вжо комисары зъ стороны великого князства повету Луцкого староста Луцъкий, маршалокъ нашъ, панъ Богданъ Семашко, а князь Матьѳей Четвертеньский, а зо Львовъского повету староста Лвовъский панъ Станиславъ Гербуртъ Фредрушъ, хоружий Галицъкий, и Янъ Гербуртъ, подкоморый Каменецъкий, съ тымъ же поветомъ; кгды прыйде до Требовелского повету, Бернатъ Претвицъ, староста Требовельский, Станиславъ Струсъ, Якубъ Божъзановъский, войский Галицкий.

Потомъ, кгды прыйдеть до повету Володимерского, тамъ староста и князь Алексанъдро Чорторыйский а маршалокъ нашъ Петръ Заговъский, а зъ Бельское земли, прылеглой къ тому повету, староста Белъзский а Олександръ Лащъ, подкоморый Белъзский, а Миколай Лисаковский, мытникъ Белзский и Хелмский.

Кгды прыйдеть до староства Берестейского, тамъ пры пану старосте державца Каменецъкий панъ Мартинъ Туръ а хоружый Берестейский Кирдей, а съ коруны прылеглое земли Хелмъское староста Хелмъский а Миколай Рей зъ Накловицъ, а Орнолфъ Уханьский, ловчый Белзъский, староста Вышегородский.

А кгды прыйдеть до повету Мельницъкого, пры старосте хоружый а Адамъ Косинъский, а съ коруны отъ земли Луковъское при старосте Якубъ Канимиръ, войский Парцовский, Адамъ Зеленьский, подсудокъ земли Луковъское.

Зъ Дорогицъкого повету староста и судья земъский и судья кгродский Дорогицъкий, а съ коруны отъ Луковъское земли тые, которые менованы суть, а отъ Ливъское земли староста Ливъский, судя и подсудокъ. А кгды прыйдеть до Нурского повету, тогды староста Нурский, Янъ Лисаковский, поборца. А ижъ прылегла часть земли Ломзенъское, тогды и Вацлавъ Вирбовъский.

А кгды прыйдеть до Бельское земли, тогды староста Тыкотинский и Браньский а подсудокъ земли Бельское, а съ коруны староста Ломъзенъский, Миколай Тросницъкий, чашникъ, а подъсудокъ Ломъзенский.

А кгды прыйдеть до Визское земли, каштелянъ оное земли и староста и хоружый.

Але, ижъ некоторые земли собе такъ прылеглые, ижъ на некоторыхъ местъцахъ ку одной прыходять границы двухъ а инъде трохъ земль або поветовъ, где бы трудно было судямъ оное одное земли на одинъ часъ зъехатися зъ оными двоима або троима комисармп, которые двухъ земль выедуть, отъ кого бы якое омешканье такихъ справъ прыйти могло, тогды въ томъ такъ уставляемъ, абы предся суди вси зъехалися на часъ назначоный на оное местцо, где ся зезволять зъ другое стороны судьи; есть ли же не со всими, тогды со одными або двоими, где первей, нижли што инъшого, почнуть: обачывшы, яко бы много справъ мело быть, мають то межы собою постановити, которую землю первей мають отъправовати, а тамъ же зъ другими судями намовить о часъ и местцо, на которымъ бы ся мели зъ ними зъехать ку чыненью таковое справедливости. Въ чомъ старостове або ихъ наместъники мають большую пильность чынити въ посыланью до старосты зъ другое стороны и въ объсыланью судей своее земли; а ижъ бы въ часъ дали оповедать и объявить у своихъ земъскихъ судей, есть ли бы ся на тотъ часъ трафили, и по торгохъ и въ костеловъ у святые дни, злаща прынамней на две недели, где ся мають суди зъехать.

А кгды бы тежъ судья за форобою альбо тежъ службою нашою, альбо за неякою инъшою прычыною слушною быть не могъ, тогды маеть быти поставенъ отъ насъ на тое местцо и таковою жъ моцъю инъшый. А для того оный судья, который будеть немоцонъ, маеть намъ ознаймити и передъ часомъ за чотыры недели, ижъ бы на его местцо другий за часу отъ насъ былъ въ томъ же повете обранъ и высланъ. А где бы которого судью передъ самымъ рокомъ судовымъ або и въ самые роки нашла хороба, тогды нехай ся въ томъ справедливость не отволокаеть, але инъшые судьи безъ него мають предся меть моцъ судить, а тотъ такъ немоцный на другомъ выезде маеть вывести присягою, яко правдиво немоцонъ былъ, передъ товарышы своими.

А кгды бы который съ тыхъ судей тежъ мелъ свою речь власную о крывдахъ своихъ, або есть ли бы на него самого якая жалоба была, тогды маеть встать зъ местца своего, а другие мають его судить.

Тые судьи зъ обудвухъ панствъ, такъ зъ великого князства, яко и съ коруны, мають мети два певные часы на таковые суды зъежъдчатися, то есть по святе Божъего тела на завътрые, а другий рокъ... на границы на тое местъцо, где собе сами судьи оберуть. И мають ся обослать листы своими, местъце ку зъеханью ознаймуючы на одинъ часъ въ коруне, а другий часъ въ князстве Литовъскомъ.

На который часъ певный и на местъце границъ зъехавшыся, обои судьи мають судъ завесть, местъцо наше господаръское на собе носячы, и будуть судить обычаемъ суседскимъ, то есть яко на объчомъ праве, чынечы одной стороне жалобливой князства Литовъского одно право, а потомъ другое право съ стороны корунъного паньства жалуючому чоловеку, и такъ будуть судитъ право одно черезъ другое, першии разъ въ коруне, въ князстве по две недели, а на потомъ по осми дней, есть ли бы ся борздо не могли отправить. Але предся тые суды мають быти сужоны право черезъ право, яко вышей есть описано. А ведже такъ мають ся первей передъ тымъ рокомъ порозуметь комисары местце певное до места которого або села, што бы не далеко отъ границъ зъеханью своему, обрати, где первей мають почати въ коруне перъвший судъ, а другий разъ въ князстве. А такъ на потомные часы завъжды разъ въ коруне, а другий въ князстве зъежъдчатися будуть.

До ихъ суду не маеть быти позовъ жадного враду, одно отъ нихъ жо комисаровъ, то есть по корунъного чоловека корунъныхъ комисаровъ позовъ, а въ князстве обователя позвать позвомъ комисаровъ того паньства великого князства.

У которого позву могуть быти печати всихъ; а где бы лацно всихъ печатей мети не могъ, тогды и подъ одного комисара печатью позовъ маеть быти важный, даючы его стороне за чотыри недели. А таковые позвы мають быти сторонамъ даваны черезъ возные або черезъ вижы врадовые. А за працу имъ отъ тыхъ позвовъ даванья, ношенья альбо кладенья на именью на милю по грошу маеть быти плачоно отъ стороны тое, которая позываеть. А потомъ тотъ возный альбо вижъ, прыехавши до книгъ врадовыхъ, маеть сознать, которого дня онымъ позвомъ объжалованого позвалъ, а врадъ тое сознанье записати и минуту, то есть выписъ съ книгъ выдать повиненъ. А отъ выпису по шести грошей польскихъ тотъ, который его выймуеть, маеть дати, а не болшъ.

А оповедать крывды каждые и записывать будуть у врадехъ замъковыхъ въ поветехъ, маючы листъ отъ ураду своего, подъ которымъ судьи... тую жалобу слышечи виненъ урадъ будеть записать и выписъ

съ книгъ стороне жалобливой подъ печатью своею дати за двенадцать грошей. А есть ли бы урадъ боронилъ записыванья, а не далъ выпису, тогды оного враду судей, подъ которымъ скрывжоный, сознанье и выписъ съ книгъ ма быть прынятъ у суду названыхъ и менованыхъ судей.

Опые тежъ судьи мають судити водле Бога и справедливости, ничого сторопамъ не фолькгуючы, отъволокъ жадныхъ не допущаючы, ани позволяючы до жадного враду инъшого отъзыватися, ани опелевати, судячы въ праве побожъне, подъ своимъ сумненьемъ, яко насправедливей, ведля слушныхъ доводовъ сторонъ, ихъ самыхъ власного выведанья правды, просто... не допущаючы обема сторонамъ, нижли на помочъ себе статуту ани корунъного, ани князства великого брати противъ доводное справедливости не мають.

А будуть моцни тые судьи сказовать и конъчити вси права о речы рухомые, кромъ власности и вечности кгрунътовъ земленыхъ. А ведже тые жъ мають розницы около позыванья и держанья кгрунътовъ земленыхъ становити межы сторонами до выезду великихъ комисаровъ на вечыстое розграничепье, а то таковымъ обычаемъ: ижъ хто до того часу што спокоемъ держыть и вжываеть, то маеть деръжати до выезду великихъ комисаровъ и до сконъченью границъ вечныхъ; а где бы одна сторона другой не прызнавала позыванья на которомъ местъцу, тогды и тамъ такие розницы комисары альбо судьи мають межы сторонами росправити.

А где бы въ чомъ не зголили судьи, тогды мають стороны къ намъ о вырокъ въ той речы отослати тамъ, где мы на тотъ часъ будемъ, або въ Литве, або въ коруне, выписавшы всю справу и давшы обема сторонамъ выписъ тое справы подъ печатью всихъ судей. А мають выроку нашого, зъехавшыся на другомъ року, росказать досить чынити сторонамъ подъле сказанья и выроку нашого.

А што которого часу на комъ што скажуть тые жъ судьи, тогды то староста поветовый маеть отъправовати не именью непослушныхъ, съ коруны—на чоловеку корунъномъ, а князства—на оной земли чоловеку. А старостиной моцы въ той речы противитися сторона не маеть такъ, яко враду нашого повиненъ послушенъство чынити. А ведъже по сказаньи не борздо, одно у восми неделяхъ, маеть быти заплата, а отправа чынена.

А тымъ судьямъ праца ихъ абы недаремне была, таковый кождый, который узнанъ будеть винъный съ права, кгвалтъ альбо наездку, забойство або мордеръство учынившы, такъ корунъный чоловекъ, яко и князства великого Литовъского, маеть платить стороне шкоду и за

голову альбо за раны и тотъ накладъ, што доводячы права наложыть, водле доводу его, а судьямъ вины двадцать грывенъ.

А къ тому, хто будеть узнанъ съ права, ижъ грабежъ альбо забранье невинъное учынилъ и которую жъ колве шкоду, не жалуючы врадови и права не просячы, маеть такожъ шкоду платить жалобливой стороне и накладъ, што наложылъ, доводячы права. А комисаромъ отъ кожъдое презысканое сумы десятая грывна даеть тотъ, што зыщеть, которую десеть грывенъ и иные вины комисары будуть брати и делити межы себе, корунъный на корунъномъ чоловеку а князства Литовъского зъ оного панъства обователи взявшы, на томъ перестануть за свою працу и накладъ.

Тые судьи не мають у большомъ почте ехати, одно первый у двадцати коней, другий у петнадцати, третий у десети. А стороны не мають мети болшъ пры собе одно по шести особъ прыятелей своихъ альбо служебниковъ, ничого болшъ почту и особъ не прычыняючы, а то подъ виною десети грывенъ сторона, маючы большый почоть и личбу прыятелей альбо служебниковъ, будеть винъна платить комисаромъ того паньства, въ которомъ естъ.

Тую вину заплатившы, тутъ же потомъ комисары мають такъ великий почоть особъ пры немъ зоставить, яко вышей есть описано, а што болшъ будеть мети, то маеть отослати зъ границы и не мети пры собе первей, нижли у судъ уступить; только кроть въ тую вину упадываеть, колько кроть важылъся болшъ пры собе особъ мети, нижъ есть описано.

Тежъ абы беспечне и спокойне заховалися зъ обудву сторонъ, за чымъ бы комисары беспечне становити и судити могли, на то объварованье нашо маеть быти, а то такимъ обычаемъ: ижъ въ томъ часе, яко будуть судити роковъ осмъ дни, хто бы словы не вчтивыми на судью ся торгнулъ, а тымъ его ульжылъ, маеть седети шесть недель, а за ведомостью и за волею нашою на замъку повету своего; а где бы сторону словы зольжылъ у суда, будучы непоминанъ отъ судей переставати таковыхъ словъ, а не повстягнулъ ли бы ся повторе, маеть седети тры недели на замъку такожъ за ведомостью нашою.

Естъли бы тежъ хто торгнулъ ся рукою на судью, а вдарылъ або ранилъ въ томъ часе, пока судъ стоить и передъ часомъ альбо по судехъ, такий будетъ повиненъ утерпети, яко статутъ объмовляеть, яко бы кглейтъ нашъ зъкгвалътилъ.

А естъли бы стороне такъ въ его самого особе, яко тежъ у прыятелей и слугахъ назначоного почту передъ часомъ осмъ дни и въ томъ часе, а тежъ и по ономъ часе суду такъ же осмъ дни образилъ

торгненьемъ руки, будетъ виненъ терпеть тую вину, яко и судьи, а то для того, ижъ бы кажъдый ку справе своей прыехать справовать и отъехать беспечъне могъ.

А што ся дотычеть збеговъ, которые бы передъ тымъ отъ десети летъ за кого такъ до коруны, яко тежъ до князства зашли и десеть летъ сполъна заседели, тогды около такихъ збеговъ або шкодниковъ маеть быти право на онъ часъ, кгды великие комисары вечыстые розграниченья межы обема тыми паньствы, межы коруною и межы князьствомъ, чынити будуть. А таковыхъ збеговъ хто бы кольвекъ у себе мелъ и къ нимъ ся передъ тыми нинешними судьями зналъ, або за доводомъ стороны оказало бы ся, ижъ въ него суть, тогды ихъ пры собе мети и дерьжати маеть ажъ до выезду великихъ комисаровъ, передъ которыми виненъ будеть ихъ ку праву поставити. А пакъ ли бы видело ся ему быть трудъно и небеспечно такъ долго тыхъ-то збеговъ до выезду великихъ комисаровъ держать и ховать, тогды нехай вжо передъ тыми нинешними судьями ку праву ихъ ставить.

А што ся дотычеть тыхъ новыхъ нинешнихъ збеговъ, которые ещо трохъ летъ не заседели, таковыхъ кождый такъ съ коруны, яко тежъ и съ князства, будеть повиненъ передъ тыми нинешними судьями ку праву ставити и съ права отчыча и шкодника выдать со всими статки, съ которыми за него зашолъ, не маеть вжо за таковымъ винънымъ и осужонымъ ничымъ стояти ани его боронить, ани зась повторе за границу до именья своего прыймовати подъ виною нарушенья покою посполитого.

А хто жъ бы кольвекъ такъ упорънымъ былъ такъ съ коруны, яко и съ князства, же бы тыхъ новыхъ збеговъ альбо шкодниковъ передъ нинешними судьями ку праву ставить и ихъ выдавать не хотелъ, таковый кожъдый, якогожъ бы кольвекъ стану альбо достоенъства былъ, маеть заплатити вины старосте поветовому петнадъцать грывенъ монеты польское такъ въ коруне, яко и въ князстве. А старостове за то никому не фолькговать: мають сослать зъ ураду своего на таковаго збега альбо шкодника, и маеть его казать моцне взять со всими его статъки, съ которыми бы тамъ зашолъ, и маеть его оному пану, чый есть, выдати. А естьли бы который панъ, на чыемъ бы именью тотъ збеглый альбо шкодникъ найденъ былъ, а онъ бы врадови его выдать не хотелъ и оного боронилъ, и хто бы ся моцы врадовой спротивилъ, таковому кожъдому, якого бы стану кольвекъ былъ, не маеть ни чымъ инымъ каранъ быти, одно таковымъ караньемъ безъ милосердья, якое прыстоп на то, который ся моцы и зверхности нашой противяеть.

А отъ того часу такъ съ коруны, яко и съ князства, не мають вжо на обе стороне збеги и шкодники прыймованы быть подъ виною судьямъ преречонымъ двадцать грывенъ, а стороне шкоду и накладъ маеть заплатити, абы вже болшъ добрый покой и суседство межы тыми паньствы ничымъ не нарушалося.

Того тежъ докладаючы, ижъ естьли бы до того часу которого кольвекъ стану чоловекъ зъ обудву панствъ о прошлые крывды таковыи, которыи бы суду тыхъ судей належали, початъ альбо велъ право, будь передъ нами альбо тежъ передъ которымъ кольвекъ иньшымъ судомъ або урадомъ, которымъ бы ся право еще не скончыло, тогды маеть быти вольно кождому таковому, опустившы такое право, своего виноватцу альбо того, на комъ бы чого мелъ искати, передъ тотъ судъ позвати, а тамъ оная сторона противная зъ нимъ ся повинъна будетъ роспериети о речы прыпалые, а тому суду належачие, яко вышей описано есть.

А такъ росказуемъ вамъ всимъ восполокъ старостамъ и державцамъ, абы того жъ часу, яко скоро листы нашы о томъ до васъ прыйдуть, уведшы ихъ у листъ або до книгъ своихъ врадовыхъ, того жъ часу безъ всякого омешканья росказали ихъ оповедать и закликать первей у всихъ земъскихъ судовъ, естьли бы ся на тотъ часъ трафили, а потомъ на торъзехъ, ярмаръкахъ, въ местечкахъ и въ селахъ, а звлаща у свята пры костелехъ и церквяхъ, ижъ хто бы мелъ або маеть крывду або якую справу съ кимъ другое земли, абы вже ся въ часъ готовалъ къ тому, яко бы своее справедливости передъ такимъ судомъ доводити мелъ. А на лепшое сведецство тое постановенье нашое печатью нашою запечатати казали есмо. Писанъ...

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 91—97).

№ 31.

Листъ до воеводы Виленского пана Миколая Радивила, абы до Вильна на соемъ ехалъ *).

Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтьский, Мазовецкий и иныхъ.

Воеводе Виленъскому, маршалку земъскому, канъцлеру великого князьства Литовъского, старосте Берестейскому, державцы Борысовъскому и Шовленъскому пану Миколаю Радивилу. Ведомо твоей милости, яко раде нашой, ижъ мы, маючы особливую бачность на тое

*) Къ сейму 1554 года.

паньство нашо великое князьство Литовское, а яко прырожоный а дедичный господаръ, обмышляючы о розмноженью доброго и пожыточного речи посполитое земъское, не литуючы працы и трудности, не запехали есмо съ паньства нашого коруны Польской прыехати сезде, хотечы зъ Божьею помочъю всякие дела съ порадою вашой милости, пановъ радъ нашыхъ, за тымъ прыеханьемъ нашымъ на доброй мере постановити и беспечною обороною осмотрети. И ачъ некоторые речы и справы земъскне на прошлыхъ соймахъ вальныхъ уфаленые вжо во всемъ паньстве нашомъ черезъ листы нашы ознаймены, ведъля которое жъ уфалы земское хочемъ мети, абы вси обователи того панства нашого заховали и справовалися, нижли, же и на тотъ часъ не мало важныхъ потребъ естъ, которые безъ сойму вального постановены быти не могуть, коло чого жъ есмо, намовившы зъ вашою милостью, паны радами нашыми, умыслили съемъ вальный зложыти, на который рокъ певный князей, пановъ врадниковъ земскихъ, рыцерства до насъ возвати, яко жъ певный часъ и рокъ тому сойму складаемъ у Вильни на день святого Мартина, свята закону рымского въ нинешнемъ року пятдесятъ четвертомъ. Твоя бы милость, о томъ ведаючы, ку оному часу, на съемъ до насъ ехалъ, а будучы пры насъ господары весполокъ зъ иншыми паны радами нашыми о таковыхъ потребахъ земъскихъ, которые вамъ шырей на онъ часъ отъ насъ оповеданы будуть, обмышляли и радили, яко бы было зъ добрымъ нашымъ господаръскимъ и речы посполитое. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1554, месеца июня 30 дня.

Реєстръ до которыхъ князевъ, пановъ листы писаны, взываючы на съемъ:

до князя бискупа Виленского,
до князя бискупа Луцкого,
до князя бискупа Жомойтьского,
до пана воеводы Виленьского,
до пана воеводы Троцъкого,
до пана Троцъкого,
до воеводы Витебъского,
до маршалъка земъского,
до князей Слуцъкихъ,
до воеводы Киевъского,
до воеводы Новгородского,
до воеводы Подъляского,
до маршалъка дворного,
до маршалъка земли Волынъское.

До врадниковъ дворныхъ:
до крайчого,
до подкоморого,
до кухмистра,
до конюшого дворного,
до конюшого Виленского и подконюшого,
до конюшого Городеньского,
до конюшого Троцкого.

До маршалковъ:
до пана Василья Тишковича,
до пана Онпкея,
до князя Полубенского,
до пана Завишы,

до Семашка,
до Ярослава,
до Кошырского,
до Солътановича,
до Яна Шымковича,
до Загоровского,
до Петра Нарбута,
до пана Павла Сопеги.
До панятъ:
до Сирпутевичовъ,
до Немеровичовъ,
до Сологубовичовъ,
до Хребътовичовъ,
до Щытовичовъ,
до Воловичовъ,
до Довойновичовъ,
до Зеновъевичовъ,
до Глебовичовъ,
до Сопегъ,
до Завишычовъ,
до воеводичовъ Подляскихъ Пацевичовъ,
до князей Пронскихъ,
до Шеметовичовъ,
до старостича Пинского.
На Волынь:
до старосты Луцкого,
до старосты Володимерского,
до старосты Кремянецкого,
до князя Дубровицкого,
до князей Чорторыйскихъ,
до всихъ князей Сонкгушковичовъ,
до князей Вишневецькихъ,
до князей Збаражскихъ,
до князей Четвертеньскихъ,
до князей Курцевичовъ,
до князей Ружынскихъ,
до князей Любецкихъ,
до хоружого земли Волынское,
до всихъ князей и пановъ земли Волынское.
На Русь:
до князей Друцькихъ,
до князей Лукомъскихъ,
до князей Соколенскихъ,
до князя Жылинского,
до Крошынскихъ,
до Нелединского,
до князей и пановъ въ повете Полоцькомъ и Витебскомъ,
съ хоружимъ до Мстиславля.
По Виленскому повету по Ошменьской стороне:
до Медникъ,
до Ошмены,
до Крева,
до Маркова,
до Красного Села,
до Айны,
до Менъска,
до Новгородка,
до Лиды,
до Белицы.
По Виленскому повету по Завельской стороне:
до Мойшакголы,
до Кернова,
до Вилькомира,
до Оникштъ,
до Ушполь и Пенянъ,
до Браславля.
По Троцкому повету:
до Волькиникъ,
до Лепунъ,
до Ейшишокъ,
до Радуни,
до Коневы,
до Дубичъ,

до Василишокъ,
до Жолудка,
до Волъковыйска,
до Слонима,
до Каменъца,
до Берестья,
до Мельника,
до Бельска,
до Дорогичына,
до Пиньска.
По другой стороне Троцкой:
до Сомилишокъ,
до Жыжморъ,
до Ковна,
до Упиты,
до Дорсунишокъ,
до Бирштанъ,
до Пунь,
до Кормялова,
до Стоклишокъ,
до Высокого Двора,
до Довкговъ,
до Перелаи,
до Ожы,
до Перелома,
до Меречы.
До Жомойти:
до тивуна Бержаньского,
до Берженянского и Тверского,
до Дирвяньского и Кгондинского, Ретовского,
до Керстомони,
до Велены,
до Шовдовъского,
до Вешвеньского,
до Тельшовъского обеюхъ половинъ,
до Ойракгольского,
до Поюрского и Коршовского,
до Вилькеи,
до Ясвони.

(Литов. Метр. кн Запис. XXXVII, л. 97—100).

№ 32.

Листъ, писаный до скарбного Зарецъкого а до писара скарбного Лерыона Ивановича, абы на мещанехъ Виленскихъ податку имъ отпущоного не правили *).

Жыкгимонтъ Августъ...

Скарбному нашому, ключнику Виленьскому, Ивану Зарецкому, а писару нашому скарбъному Лерыону Ивановичу. Што бурмистры, радцы и вси мещане места нашого Виленьского при положеньи и уфаленьи податку серебщизного на всю землю повинъни до скарбу нашого по пятисотъ копъ грошей платити, якожъ року пятдесятъ пятого и отъдали дей по пяти сотъ копъ грошей, а въ року пятдесятъ шостомъ и семомъ, ижъ не давали панове рада и кнежата, паната и вси земяне шляхта зъ своихъ именей, для того и они листомъ нашымъ отъ того вызволены, за оказаньемъ права ихъ, на которомъ то опи-

*) Къ сейму 1554 года.

сано маютъ, же не давати имъ податку, одно въ тотъ часъ, кгды и шляхта зъ своихъ именей даютъ, на што они и листъ съ подписью руки нашое господарское до насъ присылали, поведаючи, же дворанинъ за листомъ нашымъ на отправу того податку за тые два года посланъ спольна тисячи копъ грошей правити на месте Виленьскомъ; а особно прынесенъ до нихъ листъ нашъ, абы въ нинешнемъ року пятьдесятъ девятомъ на Громницы прошлого свята при томъ податку, который зъ шляхетскихъ людей маетъ быти данъ за рокъ пятдесятъ осмый и потомъ другой у-въ осень року нине идучого выдавали завжды по полътретяста копъ грошей, кгды за погореньемъ места вызволены суть листомъ нашымъ ажъ до певного часу, на ономъ листе описаного, не давати таковаго податку, уфаленого на всю землю, только половицу, то естъ полътретяста копъ грошей. О чомъ били намъ чоломъ, абыхмо для упадку и скараньня Божъего огнемъ ласку нашу, тому месту вчиненую, держали и обътежати ихъ надъ тые листы нашы податками не велели, якожъ и воевода Виленьскій, маршалокъ земъскій, канцлеръ великого князства Литовъского, староста Берестейскій и Ковеньскій, державца Шовленьскій панъ Миколай Радивилъ, такежъ прекладаючы упадъ ихъ, который отъ огню приняли и оные долеглости местъскіе, насъ за ними жедалъ, абыхмо въ томъ податку ульженье имъ вчинили. Ино, што ся дотычетъ тыхъ листовъ нашыхъ, на таковые сумы до нихъ о заплату выданыхъ, то учинено за справою, даною зъ скарбу. А коли жъ имъ таковые листы и вызнанье зъ ласки нашое дано, хочемъ мети, абы тому дворанину именемъ нашымъ оповедали есте, же бы тыхъ пятсотъ копъ грошей на нихъ за рокъ пятьдесятъ шостый и пятдесятъ семый не правилъ, и вжо бы есте того на нихъ въ скарбе нашомъ не смотрели и, въ реистра скарбные оный листъ нашъ вписавшы, съ того ихъ квитовали. А што ся дотычетъ тыхъ двухъ податковъ, што они повинъни давати, мы на жеданье пана воеводы Виленского и для упадку и шкоды ихъ, которую они отъ огню приняли, ласку нашу имъ чинячи, того податку полътретяста копъ грошей имъ отъпустили, а другую полътретяста копъ грошей на двои роки, то естъ на каждый рокъ по сту по двадцати и по пяти копъ грошей до скарбу нашого они отдавати будутъ, кгды жъ и шляхта зъ своихъ именей уфаленую серебщизну по половицы на двои роки до скарбу нашого отдавати маютъ. Которую всю суму на одно зложившы, то естъ полътретяста копъ грошей, имъ поличите въ заплату сумы, взятой въ нихъ въ скарбъ нашъ, кгды до Ифляптъ войско шло, а яко великая сума на листе, съ подписомъ руки нашое имъ даномъ на тые пенези, окажеться, абы есте на остатокъ тыхъ пенезей съ пенезей серебщизны

земское заплатили имъ, а то вамъ за онымъ симъ листомъ нашимъ на личбе приняти роскажемъ. Писанъ у Кракове лет. Бож. Нарож. 1559, месеца марца 1 дня. Подписъ руки господарское.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 223—224).

№ 33.

У Петръкове листы писаны по въсему паньству великому князьству Литовъскому, абы пенези серебъщизные на потребу земъскую въ року теперешънемъ 58 и 59 зъ именей своихъ до скарбу господаръского давали на Громницы, и розосланы тые листы съ Петрикова месеца декабра 7 дня *).

Анъдрей дьякъ понесъ на Волынь:
до маршалъка земли Волыньское,
до владыки Луцъкого,
до владыки Володимерского,
до старосты Луцъкого,
до старосты Кремяницкого,
до старосты Ковелского,
до князя Коширского мар.,
до пана Загоровского,
до пана Кирдея,
до князей Чорторийскихъ,
до князей Збаражъскихъ,
до князей Санъкгушъковичовъ,
до князей Вишъневецкихъ,
до князей Четвертеньскихъ,
до кнегини Ильиное,
до князей, пановъ, хоружого и земянъ земли Волыньское,
листъ до пана воеводы Виленьского.

А тые листы Островицъкий тутъ же роздалъ:
пану Яну Шимъковичу,
пану Довойну,
пану Григорью Воловичу,
пану конюшому.

А тые листы черезъ Островицъкого же до скарбу посланы:
до пановъ радъ:
до бискупа Виленьского,
до бискупа Луцъкого,
до бискупа Жомойтского,
до бискупа Киевъского,
до пана Троцъкого,
до пана воеводы Киевъского,
до воеводы Подляшского,
до князя Юря Слуцъкого,
до князя Семена Слуцъкого;
до митрополита;
до панятъ:
до Остиковъ,
до Немиричовъ,
до Сологубовичовъ,
до Хребътовичовъ,
до кн. Кгедроитскихъ,
до Зеновъевичовъ,
до Глебовичовъ,
до Сопегъ,
до Завишъ,
до Петковичовъ,
до кн. Пронского,

*) Къ сейму 1554 г.

до кн. Друцъкихъ,
до Одынъцевича,
до князей Свирскихъ,
до кн. Соколеньскихъ;
до маршалъковъ:
до пана Яна Кмиты,
до пана Юря Тишъковича,
до Олександра Владыки,
до пана Василья Тишковича,
до князя Ярослава,
до пана Миколая Жомойтина,
до пана Халецъкого,
до пана Оникея Горностая,
до пана Скумина;
до врядниковъ дворныхъ:
до пана подчашого Кишъки,
до подскарбего дворного,
до пана кухмистра Ясеньского,
до мечного Сирутя,
до подстолего,
до чашника;
до вдовъ:
до воеводиное Виленьское Глебовичовое,
до воеводиное Троцкое Костенътиновое,
до воеводиное Витебское Носиловъское,
до подскарбиное Богушовое,
до пани Копътевое;
до старостъ и державецъ:
до Подсентковского,
до пана Венцнеславуса,
до Ивана Кунъцевича,
до пана Миколая Нарушевича,
до Матуша Кгедройтя,
до пана Каменицъкого,
до Миколая Остика,
до Мартина Тура,
до князя Богдана Соломерицкого,
до князя Ивана Соломерицкого,
до пана Анъдрея Шолухи,
до князя Ивана Крошиньского,
до Коледы Өедоровича,
до пана Яна Волчковича,
до пана Герцыка;
до тивуновъ Жомойтскихъ:
до Берженского,
до Берженяньского,
до Тверского,
до Ужвентского,
до Вешвеньского,
до Кгондыньского,
до Поюрьского,
до Дирваньского,
до Ретовъского,
до Коршевъского,
до Шовъдовского,
до другого Дирваньского;
до хоружихъ и поветовъ:
до хор. Мемежъского,
до хор. Довъдовского,
до бояръ Вилькейскихъ,
до хор. Содорвиньского,
до хор. Медницкого,
до бояръ Виленьскихъ,
до бояръ Меньскихъ,
до хор. Оникштеньского,
до хор. Волки, и Лепун.,
до хор. Ейшишъского,
до хор. Ошъменьского,
до хор. Лидского,
до хор. Рудоминского,
до хор. Жолудъского,
до хор. Берестейского,
до хор. Мельницъкого,
до хор. Бельского,
до хор. Дорогицкого,
до хор. Сомилишского,
до хор. Ковеньского,

до хор. Пуньского, до хор. Высокодворского.
до хор. Кормяловъского,

А тые листы, едучи до Вильни, Островицкий маеть роздати: до пана крайчого, до пановъ Воловичовъ, до хор. Ожъского и Переломъского, до хор. Городенского.

А едучи зъ Вильни, Островицкий маеть роздати листы до старосты Брасълавъского пана Остика, а другий листъ зашитый до пана Остика жъ, абы зъ замку нигде не зъездчалъ и у-въ осторожъности былъ; до князя воеводы Витебъского, а другий листъ до него жъ, абы пенези серебщизные за рокъ 57 до скарбу отдалъ; третий листъ до князя воеводы жъ, абы зъ замку нигде не зъездчалъ и у-въ осторожъности былъ; до воеводы Полоцького, а другий листъ до него жъ, абы пенези серебщизные за рокъ 57 до скарбу отдалъ, третий листъ до пана воеводы жъ, абы въ осторожъности на замку былъ и нигде не зъеждчалъ; а понесъ листы у фастыкуле особливе до пана воеводы Полоцъкого и до князя воеводы Витебъского, а до пана старосты Браславъского Остика о рушенье земли Полоцкое и повету Витебъского и Браславъского, естлибъ потреба вказала; листь до владыки Полоцького а до хоружого и повету Полоцъкого, до хоружого и повету Витебъского, а листь до мещанъ Витебскихъ о неотданье пенезей серебщизныхъ до скарбу за рокъ 57; а листъ понесъ Островицкий до мешчанъ Полоцкихъ о неотданье серебщизны за рокъ 57 и тотъ листъ у Полоцку Роману маеть отъдати, а Романъ на нихъ тые пенези справити маеть. А къ тому Островицъкий же листы понесъ до врядниковъ и до мешчанъ писаные о неотданье пенезей серебъщизныхъ за прошълые роки и до скарбу ихъ отъдати маеть:

на первей до тыхъ увяжчие:
до пана Юрья Тишкевича,
до хоружого Жижморского,
до пана Яна Кмиты, маршалка,
до наместника Шерешовъского,
до пана Анъдрея Шолухи,
до пана Хрщоновича,
до Матея Войтеховича,
до Герцыка,
до Морштыновое;
а до местъ:
до мешчанъ Вилкейскихъ,
до мешъчанъ Невяжъскихъ,
до мешчанъ Виленьскихъ,
до мешчанъ Веленьскихъ,
до мещанъ Каменецькихъ,
до мещанъ Волькиницкихъ,
до мешчанъ Волъковыйскихъ;
а до пановъ радъ навъпомипанье:
до пана воеводы Троцкого,
до пана Троцкого,
до пана подъчашого Кишъки.

Тые листы Кирдей понесъ: до владыки Пиньского, до пана Григоря Воловича, маршалька, до старосты Пиньского, до хоружого и повету Новъгородского, до хоружого и повету Кобриньского.

А тые серебъщизны за прошлые роки не отдали: до Яна Викторина, до пана Василья Тишъкевича, до мещанъ Новъгородскихъ, до пана Ивана Горностая.

А тые листы серебъщизные Анъдрей дьякъ понесъ до тыхъ, которые за прошлые роки не отдали: до мещанъ Луцъкихъ, до мещанъ Володимерскихъ.

А Хоружичъ листы понесъ: до пана воеводы Троцкого серебъщизный, а два листы зашитые: одинъ—ку службе земъской поготову былъ, а другой, же бы Гурина съ кухмистромъ досмотрелъ, и яко ся речъ ихъ передъ нимъ точити будеть, абы королю ознаймилъ; до старостиное Слонимъское серебъшчизный, до князя Александра Чорторийского о посланье почту на войну при брате его, князи Иване.

Пану Троцъкому... Што на прошъломъ вальномъ сойме Виленьскомъ въ року тисяча пятьсотъ пятьдесятъ четвертомъ при насъ господари вси ваша милость панове рада наша обоего стану духовъные и светские съ княжаты и паняты и со въсими земълями оного паньства нашого великого князьства Литовъского на люди прибылые служебъные постановили и въфалили податокъ серебъшчизный на три лета съ подданыхъ князскихъ, паньскихъ, духовъныхъ и светскихъ и земяньскихъ по десети грошей отъ сохи, а отъ полъсохи по пяти грошей, такъ же и отъ земли, а отъ огородника по три гроши, а для которое потребы таковое постановленье было, то ваша милость панове рада наша добре ведаете; кгды намъ то на онъ часъ вси станове оного паньства объявили и о то просили, абымъ и (зъ) нашихъ именей таковый же податокъ былъ, мы на то призволили и зъ нашихъ именей таковый же податокъ на тую потребу земъскую давати казали. Кгде жъ першого году тотъ податокъ уфаленый выданъ естъ зъ именей вашихъ, а хто не отдалъ, то на именьяхъ непослушъныхъ за листы нашими отправовать послано; а за два годы, чинячи фолькгованье, двухъ податковъ тыхъ брати не казали есьмо и до сего часу. И за оказываньемъ некоторихъ причинъ и небезпечъностей при вкраине, але ижъ отъ часу большие небезпечъности примножаються съ тое жъ стороны и отъ того суседа паньствъ нашихъ, противъ которому то уфалено, што впередъ опатруючи, ваша милость панове рады наши и обачиваючи то, же не малой потребе речи посполитое приходить зъ небезпечностью отъ границъ неприятельскихъ, для чого потреба въ готовости а осторожъности быти, а весъны пришълое и люди служебъные мети, и прото зъ намовъ спольныхъ некоторихъ вашое милости пановъ радъ нашихъ податокъ невыданый съ своихъ людей вжо выбираючи, и до скарбу па-

шого отдавати велели есте, яко листы нашими ознаймено вашое милости будеть. Ведже, прекладаючи намъ трудность подданыхъ за неврожай по тыи лета, жадали есте насъ, абыхмо въ тыхъ податъкахъ фолькгу имъ учинили. Ино мы на жадане вашой милости вчинивъши, половицу того податку, за два годы невыданого, отпущаемъ, а тую причину неврожаевъ збожъя за слушную важачи и фолькгу чинячи, другую половину того зосталого податъку роскладаемъ на два роки выдавати, то есть на Громницы прийдучого свята въ року тисеча пятьсотъ пятьдесятъ девятомъ, а другую половицу въ годъ на тотъ же день и на сьвято Громницъ въ року шестьдесятомъ. Ваша бы милость и тотъ податокъ на потребу речи посполитое водле первшое уфалы соймовое и водле намовъ вашихъ, съ подданыхъ своихъ казавъши выбрати, и отдавати велели до скарбу нашого съ сохи воловое и коньское по пети грошей, а отъ полсохи по полътретя гроша, такъ же и отъ земли, а (зъ) огородника по полтора гроша, а зъ мешчанъ водле первшого листу нашого. Котораий увесь податокъ, выбраны со въсихъ именей твоихъ, на тые роки и дни менованые на Громъницы, первые въ року пятьдесятъ девятомъ, а другую въ року шестдесятомъ до скарбу нашого отдавати казалъ и яко въ речи и потребе земъской роковъ а часу зложоного ничимъ не омешъкалъ. Писанъ у Петрикове лет. Бож. Нарож. 1558, месеца ноября 28 дня.

А до бискуповъ въ тоежъ слово, только доложоно, жебы съ подданыхъ своихъ именей отчизныхъ, купъленыхъ, заставныхъ и костельныхъ и тежъ со въсихъ дей меней духовеньства своего у бискупъстве твоей милости потому, яко то перъвшими листы нашими тобе ознаймено есть.

А до старость и державецъ, хоружихъ и повету тымъ обычаемъ писано:

Кухмистру нашому, тивуну Виленьскому,... и тежъ хоружому Ушпольскому и Пеняньскому и всимъ бояромъ, вдовамъ и дворяномъ нашимъ, и татаромъ, которие именья свои въ хоружстве Ушпольскомъ и Пеняньскомъ мають. Што на прошломъ вальномъ сойме Виленьскомъ въ року тисеча пятьсотъ пятдесятъ четвертомъ при насъ господари панове рада наши обоего стану духовные и светские, княжаты и паняты и со всими землями оного панства нашого великого князства Литовского на люди прибылые служебные постановили и уфалили податокъ серебщизный на три лета съ подданыхъ князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и светскихъ, и земяньскихъ по десети грошей отъ сохи, а отъ полъсохи по пяти грошей, также и отъ земли, а отъ огородника

по три грошп; а для которое потребы таковое постановенье было, того вамъ повторе припоминать не надобе, кгды жъ сами добре ведаете, и на першихъ листехъ нашихъ описана причина того; и кгды намъ то объявили и о то просили, абы и зъ нашихъ именей таковый податокъ былъ, мы на то призволили и зъ нашихъ имепей таковый же податокъ на тую потребу земскую давати казали. Гдежъ первшого году тотъ податокъ уфаленый выданъ естъ зъ именей вашихъ; а хто не отдалъ, то на именьяхъ непослушныхъ за листы нашими отправовать послано; а за два годы, чынячы фолькговане двухъ податковъ брати не казали есмо до сего часу. И за оказываньемъ некоторыхъ прычынъ и небеспечностей при вкраине, але нжъ отъ часу большие небеспечности прымножаются съ тое жъ стороны и отъ того суседа панствъ нашихъ, противъ которому то уфалено, што впередъ опатруючи панове рады наши, обачиваючи и то ихъ милости, же ку не малой потребе речи посполитое приходить зъ небеспечностью отъ границъ неприятельскихъ, для чого потреба въ готовости а осторожъности быти, а весны пришлое и люди служебные мети, а прото податокъ невыданый съ своихъ людей вжо выбираючи и до скарбу нашого отдавати велели, яко листы нашими ознаймено будеть ихъ милости. Ведже прекладаючи намъ трудности подданыхъ за неврожай по тые лета, жадали намъ ихъ милость за вами, абыхмо въ тыхъ податкахъ фолькгу вамъ учинили. Ино мы на жаданье ихъ милости вчинивши, половицу того податку, за два годы невыданого, вамъ всимъ отпущаемъ, а тую причину неврожаевъ збожья за слушную важачи и фолькгу чиняни, другую половицу того зосталого податку роскладаемъ на два годы выдавати, то естъ на Громницы придучого свята (въ) року тисеча пятьсотъ пятьдесятъ девятомъ, а другую половицу въ годъ на тотъ же день и на сьвято Громницъ въ року шестьдесятомъ. Вы бы о томъ ведали, и тотъ податокъ на потребу речи посполитое водле первшое уфалы соймовое и водле сего листу нашого съ подданыхъ своихъ выбравши, отдавалъ бы ты, пане Ясеньский, до скарбу нашого, а вы вси бояре шляхта до хоружого своего отдавали бы есте съ сохи воловое и коньское по пети грошей, а отъ сохи по полтретя гроша, такъ же и отъ земли, а отъ огородника по полътора гроша, а зъ мешчанъ водле першого листу нашого; а пишчого и бирчого не большъ, одно по два пенези отъ сохи маете давать, а то вжо будеть ему и за квитъ. Которий увесь податокъ ты, хоружий, абы еси выбравши со всихъ именей шляхетскихъ въ хоружстве своемъ и зъ своихъ, на тые роки и дни менованые, на Громницы первые въ року пятьдесятъ девятомъ, а другие въ року шестьдесятомъ, до скарбу нашого отдалъ, а яко въ речи и по-

требе земской, роковъ а часу зложоного ничимъ не омешкалъ, бо после кождого року на именьи недбалого водле уфалы соймовое отправовапо будеть. Писанъ у Петркове лет. Бож. Нарож. 1561 (1558), месеца ноябр. 25 дня.

А листы тые, до которихъ за прошълые роки о неотъданье серебъшчизны писаны тымъ обычаемъ:

Жикгимонтъ.

Войту и всимъ мещаномъ места нашого Невяжъского. Маемъ того ведомость зъ скарбу нашого, ижъ вы за рокъ... пенези серебъщизпы десяти копъ грошей до скарбу нашого не отдали и при собе то задержали, што намъ есть дивъпо, ижъ вы смеете того ся важити, а у-въ отданьи того податъку, на потребу речи посполитое уфаленого, омешканье чинити. Для чого послали есьмо дворанина нашого и росказали есьмо ему за тотъ рокъ помененый вси тыи пенези на васъ самыхъ и на маетностяхъ вашихъ зъ детьскованьемъ моцъпо отправити и до скарбу нашого отдати, кгды бы есте на отданье тое серебшины квитовъ зъ скарбу нашого не оказали. Вы бы о томъ ведаючи, тому дворанину нашому въ томъ противъни не были. Писанъ у Петркове лет. Бож. Нарож. 1558, месеца декабра 1 дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 1—6).

№ 34.

Рокъ 58. У Петркове жъ писаны листы серебъшчизные до воеводъ, старостъ и державецъ, абы зъ местъ господаръскихъ перво сего меновите на мешчанъ положоную серебъшчизъну, а зъ волостей съ сохъ выбравъши на день Громъницъ до скарбу отдавали и личъбу чинили, которое свято Громницы будеть въ року пятьдесятъ девятомъ. И посланы тые листы до скарбу господарского месеца декабра 23 дня черезъ дворанина Семена Юршиньского *).

То есть напервей писано:

до пана воеводы Виленского,
до пана воеводы Троцкого,
до пана Троцъкого,
до пана воеводы Киевского,
до пана воеводы Полоцкого,
до князя воеводы Витебъского,
до пана воеводы Подляшского,
до державъцы Кревъского,
до старосты Мстиславского,
до Станислава Райского,
до пана Каленицъкого,
до пана Оникея Горностая,

*) Къ сейму 1554 г.

до пана Лукаша Ленского,
до Кришътофа Оленьского,
до державъцы Чечерского Зенов.
до наместника Шерешовъского,
до хоружого Жижморского,
до старосты Браславского,
до пана кухмистра Ясенского,
до старосты Слонимского пана Григорья,
до Морштыновое,
до пана Влошъка,
до пана Яна Шимковича,
до Дыбовъского,
до Подсентковъского,
до державцы Перевалского,
до наместника Роконтишъского,
до пана крайчого,
до пана Яна Шимъковича,
до пана Андрея Шолухи,
до пана Петра Фвалчевского,
до пана Венъцыслауса,
до державъцы Рошъского,
до Матуша Кгедройтя,
до пана Миколая Жомойтина,
до пана старосты Кремяницкого,
до пана Яна Кмиты,
до стар. Пиньского,
до Яна Викторина,
до пана Герцыка, до Иопа,
до наместника Котриньского,
до справцы старосты Мелницкого Ивана Сопеги.

А тые листы тутъ розданы:
до пана Остафъя,
до пана Гайка,
до пана Довойна,
до пана Шимковича,
до пана Григорья Воловича.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны:

Воеводе Троцкому... Што который податокъ на потребу речи посполитое мещане и подъданые местъ и волостей нашихъ на нихъ положоный по тые прошлые лета до скарбу нашого давали, гдежъ и тамошние мещане Мозырские по тые лета на годъ по пятидесятъ копъ грошей, а мещане Лидские по двадцати копъ грошей, а Белицкие мещане по пятинадцати копъ грошей, а подданые наши волости Мозырское а волости Белицъкое отъ сохи по десети грошей, а отъ польсохи по пети грошей, такъ же и отъ земли, а отъ огородника по три гроши серебщизны до скарбу нашого платили, ино мы для лихолятья и неврожаю, который по тые лета зъ Божего допущенья былъ, чинечи всимъ подданымъ нашимъ ласку нашу и съ фолькгованьемъ того податъку уставъленого и на места наши меновите перво сего положоного, на сесь рокъ половицу того податку первого, двадцать пятъ копъ грошей, а мешчаномъ Лидскимъ десять копъ, а Белицкимъ мещаномъ полъосмы копы грошей и тежъ подданымъ нашымъ тыхъ волостехъ на сесь часъ отъпущаемъ и съ нихъ складаемъ, а другую половину до скарбу нашого мети хочемъ. Для чого жъ абы твоя милость зъ мещанъ места нашого Мозырского половину податъку перво сего на нихъ положоного, то естъ двадцать и пять копъ грошей, а зъ Лидскихъ мешчанъ десеть копъ грошей, а зъ мещанъ Белицъкихъ полъосъмы копы гро-

шей, а съ тыхъ волостей Мозырское и Белицкое серебщизны отъ сохи выбрати бы твоя милость казалъ, то есть отъ сохи воловое и коньское по пети грошей, а отъ польсохи по польтретя гроша, а писъчого и бирчого не болшъ одно по два пенези отъ сохи маеть брано быти. И тотъ весь податокъ выбравши, на день Громъницъ свята теперешънего пришълого до скарбу нашого отдати и личъбу вчинити бы еси казалъ, никоторого омешъканья и съплошеньства въ томъ, яко въ речи земъской, не чинечи конечъно. Писанъ у Петркове лет. Бож. Нарож. 1558, месеца декабра 20 дня.

Черезъ Юршыньского жъ послано листы до скарбу: до бискупа Жомойтского, до каноника Виленьского князя Станислава Кгабриядовича, до войта Виленьского, до судьи повету Виленьского Островицкого, до Марътина Володъковича, абы ехали а статутъ поправовали. А на страву казано имъ пенезей на статутъ складаныхъ давати на кажъдый месецъ князю бискупу по 20 копъ, а тымъ всимъ особамъ по 15 копъ грошей, и тотъ квитъ въ листе князя бискуповомъ до него посланъ.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 6—7).

№ 35.

Листъ, писаный до князей бискуповъ и иншыхъ некоторыхъ пановъ рады, около отправы мистра Ифлянского *).

Жыкгимонтъ Августъ...

Князю Валерыану, бискупу Виленьскому, князю Яну Андрошевичу, бискупу Луцкому и Берестейскому, князю Яну зъ Доманова, бискупу Жомойтьскому, князю Миколаю Пацу, бискупу Киевъскому, воеводе Виленьскому, маршальку земъскому, канъцлеру нашому великого князьства Литовского, старосте Берестейскому и Ковеньскому, державцы Шовленьскому, пану Миколаю Радивилу, воеводе Троцкому, гетману нашому великого князьства Литовского, старосте Мозырскому, державцы Лидскому, Белицкому и Сомилишъскому, пану Миколаю Юрьевичу Радивилу, пану Троцкому, старосте Жомойтьскому, державцы Плотельскому, Вилькейскому и Тельшовъскому пану Ярониму Александъровичу Ходкевича, а воеводе Новгородскому пану Павлу Ивановичу Сопезе, а въ небытносты всихъ ихъ милости на местцу у Вильни, ино тымъ паномъ радамъ нашымъ, которые на тотъ часъ тамъ зъехалися будуть. Яко есмо перво сего ознаймили вашой милости

*) Къ сейму 1559 года.

причину, для которой мели есте зъехатися на одно местцо тамъ, до Вильни, такъ и теперъ поведаемъ вашой милости, ижъ мистръ Ифлянтскій за приеханьемъ своимъ сезде до насъ господара просилъ, абыхмо, паметаючи на докончанье и списанья съ панствомъ нашимъ, великимъ князьствомъ Литовскимъ, помочъ учынили ему ку обороне противко великого князя Московъского, шыроко прекладаючы плевъ и окрутеньство, которое Московъский войскомъ своимъ въ земли его чинилъ, и якобы простерегаючи небеспечность панствъ нашихъ, где бы Московъский землю оную опановалъ; потомъ въ розмовахъ съ паны радами нашыми, которые на то высажоны, скланяеться въ подданьство и оборону нашу, и ачъ нешто послушеньства зоставуючи ку решы Немецкой, а ведже подалъ ужо, хотячы чотыры замки на границы московской намъ поступити, отъ насъ тежъ ему подано, которые бы места и замки намъ мелъ подати, яко на цедуле списавшы, въ семъ листе нашомъ до васъ посылаемъ и тое речи зъ нимъ до конца становити хочемъ, звлаща, што онъ зоставуеть звирхности въ той земли на Решу. Прото абы ваша милость, намовившыся достаточне а взважаючы у себе и то, съ чымъ послы наши отправлены отъ князя великого, чого вжо ведомость отъ нихъ мети можете, бо ачъ до насъ кротце писали, на устное мовенье отзываючися, ведже и того листу препись вашой милости посылаемъ. Воевода тежъ Витебъскій князь Щепанъ Андреевичъ Збаражскій далъ намъ знати, ижъ войска Московъского, которое пры границы Ифлянтской лежитъ, ведомость его дошла, естли быхмо которую помочъ Ифлянтомъ хотели учинити, тогды тые люди нигде индзе, одно подъ тые украинные городы нашы обернутися маютъ, и для того на Витебскъ о люди служебные проситъ. Ваша бы милость, на тые вси речи нарадившыся, и одностайне зданье и раду свою намъ выписали, што бы ся вашой милости лепшого и пожыточнейшого повиделo ку большой беспечности и престреженью тамошнего панства нашего отчизного, великого князьства Литовъского, не мней уважаючы таковую отправу пословъ нашыхъ, ку чому тотъ непрыятель умыслъ свой скланяеть, и прыйдеть ли къ тому, чымъ таковую потребу отправовати, кгды жъ скарбъ нашъ не вынесеть съ такъ можнымъ непрыятелемъ, а естли не теперъ, тогды вборзде, того Боже не дай, зъ большою небеспечностью на тое жъ прыйдеть по выйстью перемерья, звлаща, где бы землю Ифлянтскую опановалъ. То ваша милость, передъ себе въземшы, и яко ся передъ тымъ потребы и валки съ тымъ непрыятелемъ отправовали, достаточную зъ спольное намовы вашое подали и выписали раду, которые на тотъ часъ у Вильни есте, не ожыдаючи иныхъ, чимъ наборздей того дворанина къ намъ отправили съ тымъ,

бо мистръ Ифлянтский ехати квапиться, якожъ маеть для чого, слышачи о непрыятели вжо при границахъ своихъ; а мы не ради быхмо отправовали ажъ первей отъ васъ зданье и раду вашое милости мети будемъ. А особливе о томъ абы ваша милость обмысливши, къ намъ отписали, яко бы и чимъ Полоцко и Витебъско и другие замки въ томъ краи посели, кгдыжъ пенезей съ податковъ першихъ земскихъ не сподевамыся въ скарбе и ведомость того маемъ, ижъ многие, звлаща особы значные, еще не выдали першихъ податковъ, а за прошлый рокъ 58 мало штось дано, чому абы есте обычай нашли, жебы таковые податки недоданые выданы; также где бы который зъ ихъ милости пановъ радъ нашыхъ не выдалъ еще того податку, абы отдалъ, помнячи на то, што есте обецали намъ передъ выеханьемъ нашымъ, а тымъ и другимъ прыкладъ будеть. Писанъ у Кракове лет. Бож. Нарож. 1559, месеца апреля 22 дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, лл. 237—238).

№ 36.

Року 61 месяца марта писаны листы до всихъ местъ о серебъщину за рокъ 59, 60 не отданую и росланы черезъ дворанъ месеца апреля *).

Юрый Быковский понесъ:

до мещанъ Ейшишскихъ,
до мещанъ Радуньскихъ,
до мещанъ Городеньскихъ,
до мещанъ Берестейскихъ,
до мещанъ Мостовскихъ,
до мещанъ Волковыйскихъ,
до мещанъ Свислоцкихъ.
до мещанъ Каменецкихъ,
до мещанъ Луцкихъ,
до мещанъ Василишскихъ,
до мещанъ Шерешовскихъ,
до мещанъ Кремянецкихъ,
до княгини Ильиное.

А листъ до Василья Семашъка и Микиты Сербина, бирчихъ Волыньскихъ, абы у чотырохъ неделяхъ по Великодни пенези серебщизные и поконевъские отдали до скарбу; а естли не отдадуть, въ именья ихъ по року увяжуться на господара.

Янъ Квинта понесъ:

до мещанъ Медницкихъ,
до мещанъ Ошмянскихъ,
до мещанъ Кревскихъ,
до мещанъ Марковскихъ,
до мещанъ Аинъскихъ,
до мещанъ Меньскихъ,

*) Къ сейму 1559 г.

до мещанъ Борисовскихъ,
до волости Борисовское,
до мещанъ Могилевскихъ,
до мещанъ Оршаньскихъ,
до мещанъ Мстиславскихъ,
до мещанъ Кричовскихъ,
до мещанъ Пропойскихъ,
до мещанъ Чечерскихъ,
до мещанъ Витебскихъ,
до мещанъ Полоцкихъ,
до мещанъ Виленьскихъ,
до мещанъ Красьноселскихъ,
до мещанъ Воложиньскихъ.

Яковицкій понесъ:

до мещанъ Новъгородскихъ,
до мещанъ Пиньскихъ,
до мещанъ Ляховичскихъ,
до мещанъ Селецкихъ,
до мещанъ Цериньскихъ,
до мещанъ Рожаньскихъ,
до мещанъ Лидъскихъ,
до мещанъ Белицкихъ.

Закревскій понесъ:

до мещанъ Росеинъскихъ,
до мещанъ Довъкговъскихъ,
до мещанъ Ковеньскихъ,
до мещанъ Браславъскихъ,
до мещанъ Мойшокголскихъ,
до мещанъ Олитскихъ,
до мещанъ Больницкихъ,
до мещанъ Керновъскихъ,
до мещанъ Троцкихъ,
до мещанъ Довкгялишскихъ,
до мещанъ Юрборскихъ,
до мещанъ Оникштеньскихъ,
до мещанъ Скерстомоньскихъ,
до мещанъ Пеняньскихъ,
до мещанъ Вилькейскихъ,
до мещанъ Веленьскихъ.

Семенъ Ораньскій понесъ:

до мещанъ Бельскихъ,
до мещанъ Дорогичскихъ,
до мещанъ Клещелезскихъ,
до мещанъ Бронъскихъ,
до мещанъ Мельницъкихъ,
до мещанъ Тыкотиньскихъ,
до мещанъ Лосичскихъ,
до мещанъ Волькиницкихъ,
до мещанъ Крипскихъ,
до мещанъ Саражъскихъ,
до мещанъ Оделскихъ,
до мещанъ Ожъскихъ,
до мещанъ Кнышинскихъ,
до мещанъ Меречъскихъ,
до мещанъ Переломскихъ,
до мещанъ Перелайскихъ,
до мещанъ Милейчинскихъ.

Василій Хомичъ понесъ:

до мещанъ Речицкихъ,
до мещанъ Мозырскихъ,
до мещанъ Любечъскихъ,
до мещанъ Рогачевъскихъ,
до мещанъ Гомейскихъ.

Тые листы такъ писаны:

Войту и всимъ мещаномъ места Межиречъского. Маемъ того ведомость зъ скарбу нашого, ижъ вы серебщизны, на потребу речи посполитое уфаленое, за два годы, то есть за рокъ прошлый шестьде-

сятый и теперъ идучый шестьдесятъ первый зъ места Межиречьского за кождый рокъ по десяти копъ грошей, то есть двадцати копъ грошей, до скарбу нашого не отдали и въ недбалость то себе положившы и до сего часу никоторое чуйности въ томъ мети есте не хотели. А такъ мы послали до васъ дворанина нашого... и приказуемъ вамъ, ажъбы есте тотъ податокъ за тые оба два роки на певъный часъ и рокъ, то есть по святе теперешънемъ Великодни у неделяхъ, до скарбу нашого отослали и отъдали, никоторое проволоки и сплошеньства въ томъ не чинечи. Бо, естли бы есте на тотъ рокъ назначоный того податъку, на потребы речи посполитое уфаленого, до скарбу нашого не отъдали, ведайте, ижъ зъ совитостью и децкованьемъ отъправити то на васъ роскажемъ. Писалъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1561, месеца апреля шостого дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 19, 20).

№ 37.

Листъ до писаровъ скарбныхъ и до скарбного, абы пенезей поконевскихъ и серебщизныхъ зъ именей князя воеводы Витебского до скарбу не правили *).

Жыкгимонтъ Августъ...

Писаромъ нашымъ скарбнымъ, ардьякону и канонику Варшавъскому, плебану Кобрыньскому и Ломъзеньскому, князю Яну Маковецькому, а деръжавцы Ясвенъскому Ерониму Квилецъкому и скарбному нашому, ключнику Виленьскому, Ивану Семеновичу Зарецъкому. Которые пенези поконевские зъ именей своихъ подольскихъ, подляскихъ, литовскихъ, рускихъ за прошлый рокъ шестьдесятый, всего сто копъ грошей, а серебъщызны съ тыхъ же именей своихъ и зъ другихъ, што по малъжонце своей маеть въ Литве и на Руси, за теперешний рокъ шестьдесятъ первый браное за сохи по десети грошей, сто копъ шестьдесятъ осмъ копъ двадцать тры грошы и чотыры пенези виненъ былъ до скарбу нашого дати, ино мы тые пенези поконевъские зъ именей его и серебъщизну теперешнего году, суму верху мененую, князю воеводе Витебъскому отпустили для того, же его милость, будуючы замокъ Суражъ, немалый накладъ вчинилъ, къ тому и теперъ зо всимъ почтомъ слугъ своихъ маеть на замъку Витебскомъ, воеводстве своемъ, мешкати. Вы бы о томъ ведали и тыхъ пенезей поконевъскихъ прошлого року и зъ серебъщизныхъ теперешнего року браное зо всихъ

---

*) Къ сейму 1559 года.

именей его и мальжонки его милости князя воеводу въ скарбе нашомъ квитовали. Писанъ у Вильни лета Божего Нароженья 1500 шестьдесятъ первого, месеца мая семого дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVII, л. 457).

№ 38.

Року 61 писаны листы военные по всему паньству, великому князьству Литовскому, и розосланы тые листы въ месецы декабри *).

Прокопъ Икговъскпй понесъ въ Жомойть до тивуновъ:
Берженьского,
Дирваньского,
Дирваньского,
Коршовъского,
Шовдовского,
Тверского,
Берженяньского,
Ужвенского,
Ойракголского,
Поюрского,
Кгондинского,
Вешъвеньского,
Ретовского.

Өедоръ Кошъка понесъ:
до хор. Лидского,
до хор. Новгородского,
до хор. Слонимского,
до хор. дворного,
до хор. Городеньского,
до митрополита,
до кн. Юрья Слуцъкого,
до Яна Викторина,
до пани Глебовичовое,
до пана Довойна, старосты Пиньского,
до пановъ Тишъковичовъ,
до пана старосты Слонимскогот
до пановъ Глебовичовъ,
до пановъ Сологубовъ,
до князей Лукомскихъ,
до князей Друцкихъ,
до князей Соколеньскихъ,
до хоружого Ожъского.

Григорей Елецъ понесъ:
до пана Станисл. Влошъка,
до пана Миколая Жомойтина,
до пана Станисл. Губы,
до пана Юря Тишъковича,
до Иопа,
до пана Войны,
до пана Дыбовского,
до Перевалъки,
до войта Виленьского,
до Халецкое,
до пановъ Волчковичовъ,
до Хребътовичовъ,
до старосты Бранского и Саражского,
до пани Кищиное,
до пана Миколая Кишки,
до старостиное Мстиславское,
до кнегини Зофеи Сонъкгушъковъны,
до пани Богушовое Боговитиновое,
до пановъ Горностаевъ,

*) Къ сейму 1561 года.

до хор. Пиньского,
до пана Претслава Кноелского,
до хор. Берестейского,
до хор. Кобриньского,
до владыки Пиньского,
до хор. Дорогицкого.

Богъданъ Мамъчичъ понесъ:
до кн. Ярослава Матѳеевича,
до пана Григорья Тризны,
до пана Юрья Тишковича,
до пановъ Вольчковичовъ,
до пана Петра Фалчевского,
до пана крайчого,
до пановъ Щитовичовъ,
до пановъ Горностаевъ,
до пана Гаврила Горностая,
до князя Крошиньского,
до хор. Скерстомоньского,
до хор. Волькиницкого,
до хор. Медницкого,
до хор. Кревского,
до хор. Высокодворского,
до хор. Ейшишского,
до пана столника,
до хор. Мемежъского,
до хор. Василишъского,
до князей Свирскихъ,
до пани Комаевское,
до старосты Люценьского,
до пана Станислава Райского,
до Петра Оборского,
до пана Юря Остика,
до пана Яна Кмиты,
до пана чашъника,
до князя Матуша Кгедройтя,
до пана Александра Владыки,
до хор. Ковеньского,
до хор. Ушпольского,
до хор. Вилькомирского,
до хор. Ошменьского,
до хор. Сомилишского,
до хор. Упитского,
до хор. Стоклишъского,
до хор. Жижморского,
до хор. Волковыского,
до хор. Мойшакголского,
до хор. Рудоминьского,
до хор. Дорсунишъского,
до хор. Довкговъского,
до пановъ Зеновъевичовъ.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны:

Княземъ, паномъ, княгинямъ, панямъ, хоружому, вдовамъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ и всимъ тымъ, которие подъ хоруговью Бельскою становитися повинни. Ознаймуемъ вамъ, ижъ тыхъ часовъ княжата, арцыбискупъ, мистръ, лянтъмаршалокъ, кунторове, шляхта рицерство и вси станы, обователи земли Лифлянтское, сами а некоторые черезъ пословъ своихъ до насъ господара, пана и оборонцы своего, приездили, поведаючи великие а тяжкие утиски, которие отъ неприятеля нашого великого князя Московского терпятъ, яко негодно слышати отъ хрестиянъ такового наруганья и розлитья крови народови християньскому,—а бачечи ласку нашу господарскую и споможенье ихъ ку обороне съ того отчизного панства нашого, великого князьства Литовского, при першой а звыклой верности своей противко намъ господару подданство вызнаваючи, присягою утвердили и били намъ чоломъ, абыхмо отъ такового окрутеньства и незбожности того паньства,

яко властности нашое, боронили. Ино мы, съ паны радами нашыми намовивши а о всемъ добромъ хрестьянскомъ обмышляючи и маючи на бачности (прозбы) княжатъ, панятъ и всего рицерства отчизныхъ паньствъ нашихъ, которие чинили на недавно минуломъ сойме у Вильни, жедаючи тое земли Лифлянтское зъ иншыми паньствы нашими за ровно стати ся, хотечи сполне и отпоръ неприятелеви давати, а кгды жъ то зъ воли и презренья Божого вжо досконале утвержоно, за таковыми прозбами княжатъ и всихъ становъ оного паньства нашого отправили есьмо тамъ на сесь часъ на отпоръ силамъ неприятельскимъ пана Троцкого, гетмана дворного, державцу Кормяловского, пана Григорья Александровича Ходкевича, а воеводе Троцкому казали есьмо со всими землями рушитися, стегнувшися зъ гетманомъ и войскомъ служебныхъ людей польскихъ, кашталяномъ Любечскимъ, паномъ Флорияномъ Жебридовскимъ, на день свята Нароженья Божьего въ замку нашомъ Лифлянтское земля Трикасте, съ помочью Божьею неприятеля въ границахъ его спирали а шкодити болшей тое земли не допустили. Але, ижъ панъ воевода Троцкий далъ намъ того справу, же великость войска въ оной земли про спустошенье отъ неприятеля выживенье трудно мети могуть, звлаща земъство, которие многими и возы забяются, што въ личбу войска не бываеть ставълено,— а прото виделося намъ съ порадою пановъ радъ ихъ милости такъ постановити: хто бы хотелъ самъ ехати, абы на тотъ день менованый съ почтомъ, яко повиненъ на потребу речи посполитое, становился у Трикате и въ реистръ пана гетмановъ уписался; а которые бы тежъ не хотели ехати, абы съ кождого коня, колько ихъ повиненъ ставити ку войне, по две копе грошей давалъ, ажъбы за тые пенези служебные приняты и до тое земли отправлены безъ мешканья, якобы на тотъ рокъ становитися могли у Трикате. А прото приказуемъ тобе, ажъбы твоя милость, бачечи то, ижъ земля Лифлянтская однако, яко и вси панства наши, въ подданости и въ службахъ верность свою намъ утвердили, для того абы еси тому панству нашому на оборону конно, збройно тягнули, беручи зъ собою живности на немалый часъ, и на тотъ день Нароженья Сына Божьего передъ паномъ гетманомъ у Трикате становилися и увесь почотъ свой у реистра гетманские вписали, и въ службе нашой во всемъ послушни его милости будучи; а естли бы есте на тую службу нашу ехати не хотечи, вы бы пенези съ кождого коня, колько ихъ ку войне зъ именей своихъ повиненъ ставити, по две копе грошей до скарбу нашого земского отославъ и отдати велелъ, абы на местце твое и почту слугъ твоихъ служебнымъ службу въ часъ приповедано, нижли абы еси съ пенезми не омешкалъ передъ тымъ рокомъ, естли бы еси самъ

ехати не хотелъ, яко бы и служебнымъ пенези роздавати не омешкалося, бо дбалый и охотный ку таковой потребе речи посполитое земское въ ласковомъ нашомъ господарскомъ баченью будеть, а своволь-ный, омешкавши року назначоного, подле статуту каранье приметь. Писанъ въ Тыкотине лета Божего Нароженья 1561, месеца декабр. 8 дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, лл. 75—78).

№ 39.

Листы поборовые у Вилни до скарбу даны суть тые *):

Алек. Бриндза: 1) до кн. бпск. Виленского, 2) до войта и рады места Виленьского;

Аврамъ Кунъцевичъ: 3) до пана воеводы Виленьского, 4) до места и рады места Ковеньского;

Василей Григорьевичъ: 5) до Берестья, Воиня, Пещатки, Ломазъ, Милейчичъ;

Александръ Гинъца: 6) до Дорогичина, Мельника, Городка, Высокого;

Иванъ Макаровичъ: 7) до старосты Городеньского Лва и до мешчанъ Городеньскихъ, 8) до всихъ врадниковъ Городеньскихъ;

Лукашъ Гарабурда: 9) до пана воеводы Полоцкого, 10) до бурмистровъ и мещанъ Полоцкихъ;

Чижъ: 13) до пана воеводы Новъгородского, 14) да войта и мещанъ Новъгородскихъ, Церинскихъ, Ляховицкихъ;

Василей Загоровский: 15) до князя бискупа Луцъкого, 16) до князя старосты, войтовъ и мещанъ Луцъкихъ и Кременецъкихъ и Володимерскихъ;

Левъ Голенища: 17) до пана старосты Пиньского и Кобрина, Добучина, Городка, Сельца и 18) до Каменъца—до старосты и мещанъ;

Тымоѳей Гурко: 19) до войтовъ и мещанъ Витебъскихъ;

Войтехъ Дявилътовъский: 20) до Вилькии, Велены, Бойсакголы, Новое Воли, Юрборка, Скерстомонъ, Росеинь;

Степанъ Мостовъничий: 21) до Меньска, Айны, 22) Красного Села, Радошковичъ.

---

*) Къ сейму 1561 года. Въ оглавленіи книги стоитъ: «Листы, писаные до врадниковъ замковъ и дворовъ господаръскихъ и всихъ месчанъ и подданыхъ, у великомъ князьстве Литовъскомъ будучыхъ, о отдаванье податковъ въ року 61 уфаленого».

А тые листы въ Городне отправлены (Матеей дьякъ вашое милости взялъ ихъ):

Богушъ Овсяный: 23) до Слонима, Локъницы, Лискова, Межиреча, Лосиное, Рожаное;

Ленартъ: 24) Молчади, Здитова, Волковыйска, Порозова, Нового Двора;

Богуфалъ молодый взялъ: 25) Тыкотина, Авъгустова, Кнышина;

Мартинъ плебанъ: 26) до Ожи, Перелома, Святкова, Перевалъки, Ротницы;

Өедоръ Кунъцевичъ: 27) до Олиты, Немоноитъ, Симна, Пунь, Вистанцы, Бирштанъ, Дорсунишокъ;

Яковицкий: 28) до Могилева, Мстиславъля, Орши, Кричева.

Тамъ же у Городне посланы въ Жомойть:

Янъ Кградовский и Лашковский (посланы черезъ Прокопа Илкговъского зъ сторожовъ заразъ зъ военными, и квитъ отъ него мамъ): 29) до пана Виленьского, старосты Жомойтьского, 30) до бискупа Жомойтского, 31) до тивуновъ Жомойтскихъ, 32) до Кградовъского и Лашковъского;

Жданъ Словикъ (черезъ его слугу послано ему за листомъ вашей милости): 33) до Бельска, Нарви, Клещелегъ, Бранска и Саража.

А то листы зъ Ломзы черезъ пана Ивана Павъловича посланые:

Михаилъ Бурнасъ: 1) до Кгеренониъ, Липънишокъ, Трокель, Девенишокъ, Трабъ, Ошмяны, Медникъ, Воложина, Крева;

Люля: 2) до пана воеводы Троцкого, до Трокъ, Сомилишокъ, до Жижъморъ, Жослей, Стоклишокъ, Мойшакголы, Кернова;

Иванъ Олексевичъ: 4) до пана Довойна, до Ушполь, Пенянъ и Купишокъ, и Обеля—до войтовъ, лавъниковъ и мещанъ;

Делиницкий (тому маетъ панъ Иванъ въ дорозе отдати): 5) до пана Довойна, до войтовъ и мещанъ Меречъскихъ, Стобинковскихъ, Сейвенскихъ, Довъкговъскихъ, Перелайскихъ;

Бритковъский: 6) до Браславля, Веницы, Житомира—до старостъ, войтовъ и мещанъ;

Селицъкий: 8) до Киева, Мозыра, Чорнобыля, Овручого, Любеча, Остра;

Угликъ (тому маетъ панъ Иванъ въ дорозе отдати): 9) до Волпы, Мостовъ, Скидля, Нового Двора по Светицкомъ, Лунъное, Берзникъ;

Янъ Мацковичъ: 10) до Вилъкомира, Оникштъ, Утены, Браславъля, Довъкгялишокъ, Больникъ;

Князь Крошиньский самъ (а ку нему Иванъ Олексевичъ): 11) Упитъская волость;

Коморовский: 12) до Мстибогова, Яловъки, Зельви, Кринокъ; до владыкъ; до митрополита, до владыки Луцкого, до владыки Пинского, до владыки Полоцкого, до владыки Володимерского;
самъ князь тивунъ до тивуньства Виленьского: Лынигмянъ, Швынтянъ, Неменчины, Конътяжина, Дисъны;
конюш. Вил. панъ Волъчекъ: 15) до Лиды, Белицы, Острина, Радуни, Василишокъ; листовъ зашитыхъ 8 до Понемонскихъ дворовъ о збожя ку спусту;
Войтехъ Дявилтовъский: 16) до Ясвоинъ, Крожъ и Ботокъ, 17) до капитулы Виленьское;
Василью Загоровскому: 18) до князя бискупа Луцкого до Торчина, ижъбы ся водле першого листу заховалъ;
19) до мытъниковъ у Бобруйску Стома Маскевичъ.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны:

Воеводе Подляшскому, старосте Менскому, державцы... Ознаймуемъ твоей милости, ижъ тыхъ часовъ, чинячи намовы съ паны радами нашими ихъ милостью, духовными и светскими, коло обороны земское и уваживши, же многие обыватели паньствъ нашихъ и прибылые люди не малые пожитки съ паньства выносятъ а выхованье и выживенье маютъ, въ томъ отчизномъ паньстве нашомъ, великомъ князьстве Литовъскомъ, перемешъкиваючи, а ничимъ до службы земское не прикладаются, которие, кгды бы водлугъ повинъности своее и статуту правъ земскихъ служити речи посполитой обернены, мусели бы купецкие люди гандлевъ, а иншие зъ становъ меншихъ домы и маетности свои позаставити на тотъ часъ и выживенья а обештья своего нехати. А кгды жъ за обороною нашою господарскою речи посполитое войски нашими народу шляхетского убезпечоны, каждый въ томъ вольность уживаетъ водлугъ своего поволанья, прото виделося намъ и паномъ радамъ нашимъ на тую теперешнюю потребу речи посполитое и ку обороне земли Ифлянтское, поколя война стоитъ, на всихъ таковыхъ, которие неповинъни войны служити, певный платъ уставити въ местехъ и при коморахъ мытныхъ нашихъ господарскихъ, то естъ отъ речей, што за границу провадятъ: отъ каменя воску дванадцать грошей, отъ каменя лою полтретя гроша, отъ скури воловое три гроши, отъ скури яловичое два гроши, отъ скури козловое петнадцать пенезей, а отъ инъшихъ дробныхъ по осьми пенезей, отъ юхти три гроши, отъ тимца одинъ грошъ, отъ скуръ зверинъныхъ водле того, яко будетъ ошацовано, маетъ быти плачоно отъ каждое копы десятый грошъ, то естъ отъ скури лосьи, медвежое, зубъриное, оленьи, серниное и иныхъ всякихъ и зверинъныхъ скуръ; а отъ каменя конопель два гроши, отъ

каменя лну три гроши, отъ захцыка прадива пять пенезей; отъ каменя хмелю два гроши; отъ солянки жита два гроши, отъ солянки пшеницы три гроши, отъ солянки ечъменю петнадцать пенезей, отъ солянки овъса два пенези, отъ солянки гороху два гроши, отъ солянъки крупъ два гроши, отъ солянки пшона три гроши, отъ солянки гречихи одинъ грошъ; отъ вола дванадцать грошей, отъ яловицы десеть грошей, отъ вепра шесть грошей, отъ быдляти малого три гроши, отъ капълупа два пенези, отъ курицы одинъ пенязь, отъ гуси два пенези, отъ бочки мяса дванадцать грошей, отъ полтя вепрового мяса три гроши; отъ бочъки меду пресъного двадцать чотыри гроши, отъ бочки меду кислого дванадцать грошей; отъ локтя простого сукна два пенези, отъ локтя полотна всякого два пенези; а попелъ, ваньчосъ клепъки, васильки и вси товари лесьные абы купъцы волно провадили, не складаючи на коморахъ, ведже повинъни платити монетою польское личъбы, въ золотый по двадцати чотыри гроши литовъскихъ, которые до Кгданьска, до Кролевъца провадять: отъ лашту попелу по чотыри золотые, отъ ста клепокъ чотыри золотые, отъ ста ваньчосу два золотые, отъ васильковъ шесть золотыхъ, отъ копы цамру три золотые, отъ копы дылевъ одинъ золотый, отъ бальки дубовое два гроши, отъ лашъту смолы вареное три золотые, отъ лашту невареное смолы два золотые; а хто Двиною пускаеть, тотъ отъ того всего половицою меншъ платити маеть, кроме отъ лашъту попелу по три золотые тое жъ личьбы, по двадцати и чотыри гроши въ золотый; а ведже отъ всихъ тыхъ товаровъ лесьныхъ шляхта, зъ своихъ пущъ и лесовъ выробивъши и съпущаючи своимъ накладомъ, такъже збожъя зъ своихъ властныхъ гуменъ провадечи, не маютъ платити того податку, одно жъ черезъ справцу альбо слугу своего, который то провадити будеть, присягу вчинити маеть, ижъ своего именья выробилъ и провадить своимъ накладомъ, а не купецкимъ. А отъ речей привозныхъ зъ заграничья— питья, соли, рибъ, селедцовъ потому маютъ давати: отъ берковеску соли дванадцать грошей, отъ бочки соли крупястое деветь грошей, отъ тисячи соли толъпястое одинъ грошъ; отъ бочъки селедцовъ двадцать чотыри гроши, отъ воза рибъ мерзлихъ чотыри гроши; отъ гарнца вина вгорского пять пенезей, отъ гарнца малмазыи осмъ пенязей, отъ гарнца вина ринского чотыри пенези, отъ гарнца мушъкатели семъ пенезей, отъ бочки пива кгданьского осмъ грошей, отъ фасы пива того жъ шестнадцать грошей, отъ кгарнца горелъки два гроши; отъ фунъта перцу полтора гроши, отъ фунъта имберу полтора гроши, отъ фунъта гвоздиковъ два гроши, отъ фунъта цынамону два гроши, отъ фунъта мушъкату два гроши, отъ фунта кгалкгану чотыри гроши, отъ

фунъта шафърану чотыри гроши, отъ каменя конару цукру осьмъ грошей, отъ каменя кгомысу цукру чотыри гроши; отъ оливы, фарбъ, овощу и иныхъ дробъныхъ речей крамъныхъ и купецкихъ и отъ косматыхъ товаровъ—соболей, кунъ, рисей, лисовъ, волковъ, белки сибирки, росомаки, такъжо отъ всихъ едвабъныхъ речей и злотоглавовъ, крамъныхъ вселякихъ товаровъ и отъ суконъ, которые дорожшие, нижли люньские альбо пурпуриянъ, водле шацунку десятый грошъ; а ижъ тыхъ суконъ, нижей мененыхъ, потребней въ земли, прото меньшая устава на нихъ: отъ локътя пурпурияну пять пенезей, отъ локътя сукъна люнъского чотыри пенези, отъ колътришу мышинского и цвыковъского по два пенези, отъ подлейшихъ по одному пенезю; отъ железа, меди и всего того, што ку стрельбе и войне належить, неповиннъни ничого платити, але абы коней, зброи, железа нигде не выпускано за границу, хочемъ мети и грозно приказуемъ. А къ тому зъ млыновъ и съ корчомъ въ местехъ нашихъ и на передместьяхъ такъ наши, яко князские, паньские и духовныхъ люди, кто кольвекъ якого стану будучи и уживаючи шинъковъ або гапъдлю, любо ремесла, альбо иныхъ местскихъ пожитковъ и обештья, повинъни платити въ млынехъ нашихъ, духовныхъ и воеводскихъ: отъ солянъки муки ржаное двانадцать пенезей, отъ солянъки муки пшеничъное петнадцать пенезей, отъ солянъки солоду дванадцать пенезей, отъ солянъки крупъ дванадцеть пенезей; а хто дома мелеть жорнами, на млынъ не везучи, тотъ повиненъ дати отъ жорновъ на тыйдень по два гроши, а на селахъ по два пенези отъ жорновъ на тыйдень; а въ корчмахъ, хто бы на шинкъ медъ сытилъ, пиво варилъ и горелку палилъ, отъ солоду посполитого съ кожъдое солянъки три гроши, отъ солоду пшеничного солянъки три гроши; отъ кожъдое медницы меду пресного два гроши, а отъ пуда пятерного дванадцеть пенезей, отъ каменя дванадцеть пенезей, отъ кваръты горелки, одинъ разъ перепусканое, два пенези, а отъ литрованое пять пенезей. И въ тыхъ млынехъ, съ корчомъ и отъ жорновъ въ местехъ, по волостяхъ и на селахъ въ тыхъ державахъ вашихъ, где не естъ право майтборское пжъбы выбирали тотъ поборъ черезъ войтовъ и лавъниковъ и мужовъ, на то уставъленыхъ, а въ местахъ прелатовъ духовъныхъ тотъ платъ отъ товаровъ и отъ млыновъ, и жорновъ, и съ корчомъ маетъ быти бранъ на тую жъ потребу речи посполитое черезъ нашихъ посланъцовъ; а князи, панове, бояре шляхъта во въсихъ местахъ и именьяхъ мають то брати на себе, абы тымъ можъней и способъней на служъбу речи посполитое выправовалися и абы кажъдый на войну ехалъ, въ однакой барве слуги маючи и кони рослые, а на кожъдомъ пахолку зброя, тарчъ, древо съ пра-

порцомъ водле статуту; а хто бы не хотелъ брати въ своихъ именьяхъ таковою побору, фолькгуючи тому, абы зъ иншихъ местъ нашихъ, князьскихъ, паньскихъ, где тотъ поборъ будеть бранъ, до него люди сходили и тамъ перемешъкивали, въ таковою именьи и на тую жъ потребу речи посполитое маеть быти бранъ поборъ черезъ нашихъ поборцовъ. Якожъ послали есьмо до тыхъ местъ нашихъ дворанина нашого и хочемъ мети, абы вы, войтове, посполу зъ радою местскою того же часу, скоро сесь нашъ листъ оказанъ вамъ будеть, установили въ местехъ сотники, пятдесятники и десятники, ижъ бы кождый сотникъ, пятдесятникъ и десятникъ, где въ которой улицы подъ ихъ справу и ведомость домы местские поручоны будуть, всихъ господарей домовыхъ и ихъ гостей, што въ домехъ ихъ торгують, у ведомости своей маючи, моцю враду нашого на ратуши ставили; а таковые вси абы кажъдый подъ присягою товаръ свой оповедалъ и, въ реистръ въписавши, далъ, якъ много товаровъ своихъ до оныхъ местъ нашихъ зъ заграничъя привозныхъ въ собе маеть, и подали передъ врадъ вашъ; на што абы вы, войтове и мещане, ку тому посланьцу нашому съ посродку рады местское обрали и уставили особъ людей добрыхъ и побожъныхъ по три, а они бы съ тымъ дворанином нашимъ всимъ товаромъ, што шацовати описано, шацунокъ чинили, а посполу съ тыми, чого не потреба шацовати, яко вышей описано, водле уфалы тотъ податокъ подъ ихъ присягами справедливе выбирали со всихъ мещанъ нашихъ и тежъ князскихъ, паньскихъ и духовныхъ, и зъ гостей приеждчихъ, хто кольвекъ въ тыхъ местехъ и на передместьяхъ тыхъ замъковъ и дворовъ нашыхъ вышей описаныхъ перемешкиваеть, и до скарбу земского отдавали съ тыхъ товаровъ, што описано въ личъбе привозныхъ, на певъный рокъ, на день Трехъ Кролей, половицу, а другую половицу, вступивши въ постъ великий въ тыйдень; а естли бы которие купъцы, подданые наши и тежъ чужеземъские, оселостей въ местехъ нашихъ не мели, таковый кожъдый нехай бы певъное рукоемство по собе далъ по заплате на тые часы менованые альбо заразъ ижъбы по ошацованю тотъ поборъ отдалъ; а съ тыхъ товаровъ, што зъ земли вывозять, на тотъ часъ, кгды за границу попровадять, повинни платити; а зъ млыновъ, отъ жорновъ и съ корчомъ ижъбы почали брати тотъ податокъ третего дня по оказаню вамъ того листу нашого; а такъ кождого году будуть выбирати и отдавати тотъ податокъ на часы назначоные, поколя война ся успокоить. И што ся дотычеть местъ нашихъ и волостей въ тыхъ державахъ вашихъ, вышей мененыхъ, где не есть упривильеваны, тамъ нехай бы врадники ваши съ тымъ посланьцомъ нашимъ становили тымъ порадкомъ поборъ и

черезъ войтовъ и иный врадъ местский, а въ селахъ ку войтомъ и лавъникомъ придаючи по двухъ мужовъ вери годныхъ, и нехай бы везде посполите выбирали и до того посланьца нашого отдавали завжды въ чотыри недели; нижли по выданью податку, который на тотъ часъ прийдеть водлугъ реистру списанья зъ новопривозныхъ товаровъ, отъ чого при границахъ тотъ поборъ плочонъ будеть, повторей вжо давати ненадобе, хотя бы и до иншое земли за границу проважонъ товаръ; а где бы тежъ и провадячи въ паньство не могъ заплатити на границы побору, або шацунокъ не могъ вчиненъ быти про трудность людей купецкихъ, ино вси товари достаточъне списати въ реистръ поборцовъ граничъныхъ, ничого не утаиваючи, и квитъ на то взяти за печатью, зъ скарбу на то даною, за которимъ квитомъ тыхъ поборцовъ, при границахъ коморахъ мытныхъ уставленыхъ, маеть быти шацунокъ и отдаванье поборовъ на местцу у Вильни, альбо до которого места и комори головное купець провадить товаръ; а ижъбы въ томъ никоторая помылъка и помешканье не деяло ся, прото мытники наши не мають товаровъ купецкихъ шацовати безъ поборцовъ, а поборцы безъ нихъ, але спольне шацовати и въ реестра мытные и поборные писати. А ижъ бы тежъ нихто не смелъ утаити ничого съ товаровъ, што кольвекъ ихъ въ себе мети будеть, и все справедливе въ реистра писалъ и выдалъ поборъ, то бы вы, яко врадъ нашъ, въ местехъ тамошнихъ обволати и оповедати казали; бо где бы што кольвекъ найдено въ кого надъ тое, што оповедаеть и въ реистръ упишеть, таковый, яко шкодникъ добра речи посполитое, маеть быти каранъ забраньемъ всее маетности лежачое и рухомое на потребу речи посполитое, што черезъ тыхъ же бирчихъ маеть быти забирано и до скарбу земъского отдавано; а бирчие въ томъ и во въсей той справе никому фолькгованья чинити не мають подъ караньемъ таковое жъ вины и забраньемъ всее маетности ихъ на потребу речи посполитое. А ижъ въ тыхъ местехъ нашихъ некоторая часть отъ князьскихъ, паньскихъ, земенскихъ и духовныхъ людей, прото нехай бы духовъныхъ люди передъ врадомъ духовъным, а князьские и паньские передъ врядомъ вашимъ подъ присегами кождый товари свои при тыхъ же бирчихъ оповедали и, въ ихъ реистра вписавъши, до тыхъ же бирчихъ платили, во въсемъ тымъ же порадкомъ справуючися, на тые раты розложеные; такъже отъ млыновъ, броварное, отъ жорновъ, хто всхочеть въ дому своемъ держати, жебы отъ дня назначоного платити вжо почали и справедливе отдавали за дозреньемъ тыхъ бирчихъ и враду, чого они повинни будуть такъ догледати, абы яко отъ товаровъ, такъ въ млынехъ и отъ жорновъ въ домехъ, а отъ броваровъ все достаточъне до скарбу земъского на по-

требу речи посполитое справедливе выдавано, ничого не утаиваючи, подъ виною, вышей описаною. А где бы при тыхъ местехъ нашихъ князские, панские и земянские млыны были, а мещане бы для недостатку млива у нашихъ млынехъ, на млыны таковые збожъя свои провадили, таковымъ, отдавъши тотъ поборъ вышей описаный, вольно то имъ маеть быти допущоно. А ижъбы ся отъ того податку каждая парсуна, въ местехъ и на передместью мешкаючи, купъцы приеждчие правы и вольностями жадными боронити и закривати и наперидъ таковыхъ вольностей держивати не смели, про то вшелякие листы, якимъ кольвекъ обычаемъ на вольности даные, подносимъ съ тое теперешънее потребы речи посполитое и на сторону откладаемъ до часу успокоенья войны и такъ мети хочемъ, абы нихто противъ той уфале ничимъ стояти не смелъ; бо хто бы чимъ кольвекъ переказу чинилъ и противится сей уставе нашой смелъ або, вольностями якими закрываючися, упорне того податку не выдалъ, таковый маеть быти каранъ, яко сказца добра речи посполитое, стъраченьемъ всее маетности своее лежачое, рухомое. А для того абы есте зъ урадовъ своихъ въ тыхъ державахъ вашихъ пильности о томъ вчинили, ижъбы того жъ часу, яко сесь листъ нашъ до которого зъ васъ принесено будеть, тыхъ бирчихъ съ посродку рады въ местехъ установено ку той справе и служъбе речи посполитое, на выбиранье того побору, и онымъ поборцомъ, где бы потреба, вижовъ и слугъ врадовыхъ и записыванья до книгъ безъ заплаты додавали и помочь на непослушныхъ давали и до того ся съ пильностью причинали, яко бы ся той потребе речи посполитой ничого не омешкивало и слушне а порадне водле тое науки нашое выбиранъ тотъ податокъ; особливе, абы черезъ поборцовъ утискъ никому не былъ чиненъ, того бы есте зъ ураду своего пригледали, бо где бы въ томъ якая недбалость черезъ врадъ стала, тогъды и всю шкоду речи посполитое, которая бы, чого Боже вховай, пришла зъ незаплаченья служъбы служебънымъ, каждый врадъ, недбале поступуючи, въ томъ повиненъ будеть намъ, господару, справоваться. А ижъбы поборцы тые не дармо працовали, таковымъ съ того жъ побору, водлугъ важъности працы ихъ, зъ скарбу земъского будеть плачоно и нагорожано, яко того шкодни не будуть; а для того абы се жаденъ не смелъ вымовляти, хто на то обранъ будеть. При томъ тежъ естъ того потреба, абы есте въ державахъ своихъ хоружимъ и всимъ земянамъ шляхте оповедали, абы они у своихъ именьяхъ по той уставе нашой заховалися, а зъ нашихъ местъ и волостей подданыхъ на свои именья не приймовали конечъно. Писанъ у Тыкотине лет. Бож. Нарож. 1561, месеца декабра 7 день.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, лл. 78—86).

№ 40.

Листъ подскарбему земъскому пану Остафью Воловичу на выбиранье поборовъ местскихъ.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што тыхъ часовъ съ паны радами нашими духовными, светскими уфалили и постановили есьмо поборъ на потребу речи посполитое къ обороне земли Лифлянтское въ местахъ нашихъ господаръскихъ и духовъныхъ, который вжо вышейменованый поборъ маеть быти бранъ до скарбу господаръского земъского через справецъ, уставеныхъ на то отъ маршалка дворного, подъскарбего земъского, писара нашого, державцы Могилевъского, пана Остафъя Воловича. Естъли бы хто якого стану будучи на таковый податокъ повинный каковые вольности передъ тымъ одержалъ отъ насъ або отъ продковъ нашихъ поборъ на потребу речи посполитое уфаленыхъ не платити, тыхъ листовъ подъскарбий земъский приймовати и ихъ держати не маеть, кгды жъ есьмо таковые листы и права постановеньемъ и уфалою съ паны радами нашими съ потребы кгвалтовное и выправы противко неприятелеви до часу певного на сторону отъложили и отъкладаемъ, и хочемъ мети, абы нихто таковыми ся листы не щитилъ; и хотя жъ бы съ канцляреи нашое листы хто одержалъ напротивко той уставе нашой, тыхъ держати подскарбий земский не повиненъ, але, подле уставы и листовъ нашихъ, на то выданыхъ, справуючися, маеть на всихъ посполите выбирати. И естъли бы на которого поборцу о таковую вину поборовую жалоба къ намъ, господару, пришъла албо до пановъ радъ нашихъ, таковыхъ всихъ маеть судити и радити подъскарбий земъский и въ кождыи речи, што ся будеть стегати около поборовъ, поборцы мають науку брати и послушеньство чинити ку нему, подъскарбему. А наши листы въ таковыхъ справахъ не мають быти даваны ни до кого иного, только до подъскарбего земъского, абы зъ ведомомъ вси тые справы его поборовъ справованы; особъливе, естли быхъмо хотели аренъдовати кому таковые побори, тогды зъ ведомомъ пана подъскарбего маеть то чинити и никому иному того въ руки и справу пущати не маемъ, одъно хто бы одъ него, подъскарбего земъского нашого, намъ залецонъ на то. А на тотъ часъ онъ, подъскарбий, въ заведанью маеть то мети и того догледати, яко бы слушне и радне во въсимъ поборцы справовалися, которихъ дозънавши верности и служъбы ихъ съ тыхъ поборовыхъ пенезей маеть на выхованье имъ и за працу ихъ опатровати водъле баченья своего, а несправныхъ и недбалыхъ отъменяти и иныхъ на

ихъ местъце уставляти во въсемъ подле баченья своего справуючися, не отступуючи уставы нашое. А естли где хто выбирати не допустить альбо про убозъство и скаженье отъ служебныхъ або отъ войска не может быти тотъ поборъ бранъ, то онъ маеть намъ ознаймовать и зъ наукою нашою таковымъ фолькгу чинити. А тые пенези поборовые и вси платы скарбу нашому зъ дворовъ, волостей, зъ мытъ и иныхъ пожитъковъ до скарбу нашого приходячие маеть панъ подъскарбий выдавати на служебъные до земли Лифлянтское и на замъки украинные и на иные вси потребы наши господаръские и земъские зъ нашого приказанья, а въ небытности насъ, господара, въ тутошънемъ паньстве, ино зъ сполное намовы съ паны радами ихъ милостью водъле баченья своего. А што выдасть и на рейстре покажеть, хотя и безъ листовъ нашихъ и пановъ радъ нашихъ, то маемъ на личбе приймовати водъле его рейстровъ. Тежъ даемъ ему моцъ фольварки дворовъ нашихъ врадъникомъ нашимъ въ суме пенезей арендовати на пожитокъ скарбу нашого; и кому онъ фольварки наши арендовати будеть, таковый тую аренду держати маеть и рушонъ съ того не будеть. И на то есьмо пану подъскарбему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью и съ подписомъ руки нашое господаръское. Писанъ у Городъне лет. Бож. Нарож. 1561, месеца декабр. 7 дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XLV, лл. 12—13).

№ 41.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны *):

Войту, бурмистромъ, радцамъ и всему поспольству, мещаномъ местъ нашихъ Волъковыйского, Здетовъского, Молчадиньского, Порозовъского и Новодворского. Што который поборъ съ паны радами духовными и светскими на оборону земли Ифлянтское постановили есьмо во всемъ паньстве нашомъ великомъ князьстве Литовъскомъ зъ ганъдлевъ и шинъковъ, ино маемъ того справу, же многие, опустивъши ганъдли, пенези на лифу дають и збожья на перекупъ купують, такъже и солодовники на солоды оборочають и подле воли своее цену продаванья уставъляють, щого зъ меншого працою, не ездечи зъ места нигде, болший пожитокъ мають; къ тому золотники золото и серебро робъленое и неробъленое, каменья и перла на перекупъ ховають и, такимъ обычаемъ пожитковъ великихъ уживаючи, а ничимъ ся до потребы речи посполитое не прикладають, але еще таковою дорогостью

---

*) Къ сейму 1561 г.

шкоду не малую двору нашому и всимъ людемъ рицерскимъ чинять. Прото виделося намъ, абы вси тые однако па потребу речи посполитое складалися и десятый грошъ давали зо всего, хто исто на лифу даеть, такъже и солодовники и вси тые, якого кольвекъ будуть стану, и хто збожье на перекупъ купуеть, тежъ и золотники, хто золото и серебро и якие кольвекъ клейноты на продажу держать, абы отъ того всего поборъ платили десятый грошъ. Што бы есте у местахъ казали выволати и всимъ то ознаймили, ижъбы кажьдый оповедалъ подъ присягою, што кольвекъ монеты серебра и золота и инъшихъ речей въ лифу даеть, такъже и солодовники и вси иные, хто збожье на перекупъ купилъ, и почому купълено, отъ того нехай бы поборъ давали, абы водлугъ цены купна, яко куплено, и колько хто побору дасть, постановити, почому мають збожье вшелякое и солоды продавати и по кольку грошей надъ свою цену на мере въ месте звыклой приймовати, якобы безъ шкоды ихъ и безъ обтяжъливости людское продавано; тежъ золотники отъ золота и серебра робъленого и неробъленого, отъ клейнотовъ вшелякихъ, што на продажу ховають, абы также десятый грошъ платили, ошацовавши все. А хто бы што кольвекъ втаилъ съ таковое маетности, которую на продажу ховалъ, а не оповедалъ и побору отъ того не далъ, таковый при томъ всю маетность свою рухомую и лежачую, яко въ першихъ листехъ описано, тратитъ. Водле которихъ листовъ и росказанья нашого абы ся есте заховали и тотъ поборъ выдавати всимъ казали и платити велели отъ показанья вамъ сего листу нашого на тыйдень до дворанина нашого NN и до иншихъ поборцовъ, на то уставъленыхъ въ тыхъ местехъ Волковыйскомъ, Здетовскомъ, Молчади, Порозовскомъ, Новодворскомъ. И впередъ солодовъники и вси тые, хто на перекупъ збожья купують, ижъбы певные особы были, которые бы въ реистрахъ враду вашого и поборовыхъ описаны, ижъ бы, отъ того поборъ платячи, не подвышали цены по воли своей, одно яко кому будеть постановена цена отъ васъ зъ ураду продаванья водле уваженья, по чому которое збожье куплено будеть въ торгу. А хто бы инъший якого кольвекъ стану будь, на перекупъ збожье куповалъ, а не тотъ, который поборъ платить, и въ реистре вашомъ поборовомъ не описанъ будеть, таковый всю маетность свою лежачую и рухомую тратить. Ведже на живъность и выхованье дому своего всимъ обователемъ тамошънихъ местъ и приездчимъ гостемъ вольно куповати въ ринъку; такъ тежъ шляхъта, которые зъ имений своихъ и тежъ подданые збожъя свои до места на продай возять, отъ того побору не повинни давати, але поборъ мають давати солодовъники и перекупъни, яко вышей описано. А въ томъ бы есте таковую

опатреность чинили зъ урадомъ замъковымъ, таковыхъ всихъ перекупъневъ, хто бы у реистрахъ поборовыхъ не былъ описанъ, якого кольвекъ стану будь и чий будь, и чий кольвекъ подданый, всю маетность рухомую и лежачую забирали и половицу до скарбу нашого земъского давали, а другую половицу на урадъ обои за працу свою брати будете и тымъ, хто доводить и высветчить того, бо таковаго безрадья въ местехъ должей терпети не хочемъ, а тежъ у нашихъ господаръскихъ местехъ не можеть нихто таковаго безрадку ку шкоде двору нашого и людей приеждчихъ чинити, а дешово купуючи, въ часы погодные, зъ дорогостью подле воли своей, а не водле уставы нашое, продавати. Писанъ у Вильни лета Божьего Нароженья 1562, месеца апреля 29-го дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, лл. 107—109).

№ 42.

Року 62 месеца июля 18 дня писаны листы серебъщизные по всимъ врадникомъ, жебы серебщизну выбравъши на день светого Михала отъдавали до скарбу. И розосланы тые листы того жъ месеца июля 18 черезъ дворанъ *).

Станиславъ Коневникъ:

до Радуньского и до подданыхъ Радуньскихъ,
до Ковъля и до подданыхъ Ковельскихъ,
до Мостовъ и Скидля и до под. тыхъ дворовъ,
до Мстибогова, Ейшишокъ, Воранъ, Коневы, Дубичъ и Зельвы и до под. тыхъ дворовъ,
до Житомири и до подданыхъ того замку;
до Ковъля и до подданыхъ того замъку,
до Кремянца и до подданыхъ того замъку;
до Пиньска, Кобрина, Меречи, Острыны, Довкговъ, Перелаи, Ушполь и Пенянъ и до подданыхъ тыхъ дворовъ;
до селъ ключа Луцкого: Чернчегородка, Невичина, Колесце, Радунь и Бриховичъ, и до подданыхъ тыхъ селъ;
до Луцка, Браславъля и Веницы и до под. тыхъ замъковъ.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 115).

*) Къ сейму 1561 г. Въ оглавленіи книги стоитъ: «Листы, писаные о отданье серебщыны, въ року 61 уфаленое, на день светого Михайла».

Року 62 писаны листы серебъщизные до врадниковъ и до подданыхъ, жебы отъдавали на день светого Михала до скарбу, и посланы тые листы черезъ дворанъ.

Янъ Жемла понесъ:
до тивуна Ретовъского и до подданыхъ того тивуньства,
до тивуна Поюрского и до подданыхъ,
до тивуна Коршовъского и до подданыхъ,
до тивуна Тверского и до подданыхъ,
до тивуна Шовъдовского и до подданыхъ,
до тивуна Берженьского и до подданыхъ,
до тивуна Ужвеньского, Вешъвеньского и до подданыхъ,
до Плотель и Вилькеи и до подданыхъ,
до тивуна Ойракголского и до подданыхъ,
до тивуна Дирваньского и до подданыхъ,
до тивуна Кгонъдиньского и до подданыхъ,
до дер. Упитского и до подданыхъ.

Семенъ Ораньский понесъ (Городно):
до Квасовки и Красницъ и до подданыхъ оныхъ дворовъ,
до Шерешовъского и до подданыхъ,
до старосты Высоцкого и Кгроденьского и до подданыхъ,
до держ. Каменецького и до подданыхъ,
до стар. Кнышиньского и Забельского и до подданыхъ,
до дер. Бержницъкого и Лабеньского и до подданыхъ,
до стар. Мельницъкого и Кгереновинского, и Лосичского и до подданыхъ,
до стар. Тыкотиньского и до подданыхъ,
до стар. Дорогицъкого и до подданыхъ,
до дер. Волькиницъкого и Лепуньского и до подданыхъ,
до дер. Ожского и Переломского и до подданыхъ,
до стар. Бельского и до подданыхъ,
до подстар. Берестейского и до подданыхъ,
до дер. Новодворского, Озерского и Молявицъкого и до подданыхъ,
до дер. Кринского и Котреньского и до подданыхъ,
до дер. Перевалского и до подданыхъ,
до дер. Броньского и Саражъского.

Янъ Жемла понесъ (Ковно):
до дворовъ тивуньства Виленьского,
до подстар. Ковеньского и Румъшишъского и до подданыхъ,
до дер. Пуньского и Жижъморского и до подданыхъ,
до дер. Мойшакгольского и Керновъского и до подданыхъ,

до дер. Вилькомирского и Оникштеньского и до подданыхъ.

Янъ Томковичъ понесъ (Новгородокъ):
до стар. Слонимъского и до подданыхъ,
до воеводы Новгородского и до подданыхъ.

Өедоръ Каменецкий понесъ:
до дер. Бирштаньского и до подданыхъ,
до дер. Дорсунишского и до подданыхъ,
до дер. Пуньского и Жижъморского и до подданыхъ,
до державцы Олитского, Симненьского и Немоноитского и до подданыхъ.

Павелъ Ораньский понесъ:
до стар. Кревъского и до подданыхъ,
до державцы Ошменьского, Вилькейского и Красносельскаго и до подданыхъ,
до Маркова и до Мяделы и до подданыхъ,
до Менска, Анны, Здитова, Лыскова и Межиречи и подданыхъ,
до Воложина и Жосель и до подданыхъ,
до державъцы Утеньского и до подданыхъ,
до Мозыра и до подданыхъ,
до Володимера, до Вонячина и до подданыхъ,
до державъцы Овъруцъкого и до подданыхъ,
до дер. Речицъкого и до подданыхъ,
до Бобруйска и до подъданыхъ,
до дер. Рогачовъского и до подданыхъ,
до дер. Свислоцького и до подданыхъ,
до стар. Меньского и до подданыхъ,
до дер. Любошаньского и до подданыхъ,
до дворовъ староства Жомоитского листъ до пана Троцкого о бранье серебщизныхъ и до подданыхъ того староства и двора Кормяловъского.

Тые листы такъ писаны:

Старосте Браславскому пану Юрью Юрьевичу Остику. Ижъ потребы великие земские для обороны границъ паньства и подданыхъ нашихъ на скарбъ нашъ пришли, прото положили есьмо и покладаемъ серебщину на всихъ мещанъ и подданыхъ замковъ, дворовъ, именей и волостей нашихъ господарскихъ, то естъ: где волоки вжо померены, съ кождое волоки на литовскую личбу по двадцати грошей, а съ полволоки по десети грошей, а зъ моркга по семи пенезей, а съ прутовъ чотырохъ пенезь одинъ; а где волоки не мероны, ино отъ сохи воловое або коньское по двадцати грошей, а отъ полсохи по десети грошей; а хто воловъ не маетъ, ино отъ земли по десети грошей, а отъ

огорода по пяти грошей. А выбираючи тую серебщину, не маеть быти большей брано, только бирчого отъ кождое волоки або отъ сохи пенезь одинъ, а пищого такежъ пенезь одинъ. А такъ приказуемъ тобе, ажъ бы еси тую серебщину водлугъ сего росказанья и листу нашого зъ мещанъ и всихъ подданыхъ нашихъ враду своего выбравши на певный рокъ, то естъ въ тыйдень по светомъ Михаиле, теперешнемъ пришломъ святе въ нинешнемъ року шестьдясятъ второмъ, до скарбу нашого отдалъ, никоторими причинами вымовы въ томъ не чинечи и ничимъ въ таковой речи земской, стерегучи ласки нашое господарское, не омешкиваючи. А яко есьмо до всихъ врядниковъ замковъ, дворовъ и местъ нашихъ писати велели, такъ и тобе приказуемъ, естли где тамъ во враде твоемъ до сего часу торгъ бывалъ въ день недельный, ажъбы еси выкликати казалъ, абы въ недельный день люди до церквей ходили, Богу ся молили, молитвы и набоженьства пилни были, а на торгъ въ неделю не ездили, продажою и куплею ся не бавили и черезъ то въ день неделный тыхъ торговъ не вживали, але преложилъ бы еси тотъ торгъ на иншій которий день, маючи бачность на то, жебы торгомъ иншихъ местъ, тамъ близко прилеглымъ, оный торгъ на переказе не былъ. А мы до войтовъ, старцовъ, десятниковъ и всихъ подданыхъ нашихъ тамошнихъ писати велели, приказуючи, жебы они тую серебщину на часъ, отъ тебе назначоный, отдали, проволоки и сплошеньства въ томъ не чинечи, такъ же въ торгу жебы ся заховали потому, яко отъ тебе за симъ росказаньемъ и листомъ нашимъ постановено будеть. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1562, месеца июл. 25 дня.

А до подданыхъ тымъ обычаемъ писано:

Войтомъ, старцомъ, десятникомъ, мещаномъ и всимъ подданымъ нашимъ волости Браславъское, местъскимъ и волостнымъ. Ижъ потребы великие земские для обороны границъ паньства и подданыхъ нашихъ на скарбъ нашъ пришли, прото положили есьмо и покладаемъ серебъщину на вси подданые наши замъковъ, дворовъ, имеией и волостей нашихъ господаръскихъ, то есть: где волоки вжо померены, съ кожъдое волоки на литовъскую личьбу по двадцати грошей, а съ полъволоки по десети грошей, а зъ моркгу по семи пенезей, а съ прутовъ чотырохъ пенезь одинъ; а где волоки не мероны, ино отъ сохи воловое або коньское по двадцати грошей, а отъ полсохи по десети грошей; а хто однымъ воломъ ореть, не припрегаючы, и отъ того, яко отъ полъсохи, по десети грошей; а хто воловъ не маеть, ино отъ земъли по десети грошей; а отъ огорода по пяти грошей. А выбираючи тую серебъщину, не маеть быти большей брано, только бирчого отъ кожъ-

дое волоки або отъ сохи пенезь одинъ, а пищого такъ же пенезь одинъ. И росказали есьмо листъ нашъ писати до старосты тамошънего пана Юрья Юрьевича Остика, жебы тую серебъщину, на васъ выбравши на певъный рокъ, то естъ въ тыйдень по светомъ Михале, теперешънемъ пришломъ святе въ нинешънемъ року шестьдесятъ второмъ, до скарбу нашого отъдалъ. А яко есьмо до всихъ врадниковъ замъковъ дворовъ и местъ нашихъ писати велели, такъ и ему росказали, естли где во враде его торгъ бывалъ въ день недельный, жебы выкликати казалъ, абы есте въ недельный день до костеловъ ходили, Богу ся молили, молитвы и набоженьства пильни были, а на торгъ въ неделю не ездили, продажою и купълею не бавили. И росказали есьмо тотъ торгъ преложити на иные дни, маючи бачъность на то, жебы торгомъ инъшихъ местъ, тамъ близко прилегълымъ, оный торгъ на перекaзе не былъ. А такъ приказуемъ вамъ, ажъбы есте тую серебъщину на часъ, отъ враду тамошънего назначоный, до старосты тамошънего пана Юрья отдали, проволоки и сплошеньства въ томъ не чинечи; такъ же въ торгу заховалися бы есте потому, яко отъ враду тамошънего за симъ росказаньемъ и листомъ нашимъ постановено то будеть. Писанъ у Вильни подъ лет. Бож. Нарож. 1562, месеца июл. 25 дня.

(Литов. Метр. кн. Переписс. Литов. VII, л. 118—120).

№ 43.

Отписъ до пановъ радъ отъ его королевское милости на прозбы ихъ милостей *).

Паномъ радамъ нашимъ и тежъ княжатомъ, панятомъ, старостамъ, державцамъ, наместникомъ, хоружимъ, бояромъ, двораномъ и всему рицерству нашому, до войска при пане гетмане великомъ зебранымъ. Што есте присылалы до насъ братью вашу, стольника нашого великого князьства Литовского, державцу Плотельского и Тельшовъского, пана Яна Яронимовича Ходкевича а тивуна въ земли Жомоитской волости Берженьское пана Малхера Шемета, бьючи намъ чоломъ о роспущеньи зъ войска для причинъ недостатку живности: ино, кгды есьмо у войско росказали збиратися, мели есте науку не на малый часъ живъности брати, звлаща же тежъ, многие зъ васъ дня и часу назначоного омешъкали становитися въ пана гетмана, и для того въ таковой великой потребе речи посполитое не хотели были есьмо того

*) Къ полевому сейму 1562 года.

вчинити, але, ижъ прекладалъ намъ панъ гетманъ многие причины прозбъ вашое милости пановъ радъ нашихъ и всего рицерства, про то призволивъши, абы было войско роспущоно, поручили есьмо справцамъ местца гетманского, воеводе Подляшскому пану Василью Тишковичу а подчашому нашому пану Миколаю Кишъце, подъ тымъ обычаемъ: хто омешъкалъ часу назначоного до войска приехати, абы также много дослуговалъ на местцу певъномъ, где есьмо таковыхъ розложити розказали. А зъехавши зъ службы нашое, абы есте вси одностайне и одинако вборзде рушенья ожидали, а кони выховавши и въ таковой готовости были, кгды бы листы наши господарские або пановъ радъ нашихъ а и одного пана гетмана листы обослали, а часъ и местце ку збиранью назначоно будеть, абы есте на тотъ часъ и местце назначоное конно збройно съ тарчи и зъ древы, яко на кгвалтъ, ку отпору неприятелю поспешили, ничимъ часу, въ листехъ назначоного не омешъкиваючи и срокгости права выстерегаючи ся. А у-въ иныхъ речахъ, въ которыхъ черезъ тую жъ братью свою до насъ усказывали, на то отъ насъ они отказъ взели и будуть вашой милости волю нашу вамъ ознаймити. Писанъ у Вильни року 62, месеца сентебра 24 дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 127).

№ 44.

Того жъ месеца (ноября 1562 года) присланы листы съ Петркова, писаные о долги скарбные, и розосланы тые листы того жъ месеца декабра 9 дн. *).

Станиславъ Коневъникъ понесъ:

до пана Михайла Козинского зъ именей его,
до Кирдея Кричовского зъ именей Дубровицъкого,
до кнегини Матьөеевое Васильевича Четьвертеньское и до сыновъ ее зъ именей ихъ,
до князя Юрья Збаражъского зъ именей его,
до Яновое Суходольское зъ именей ее,
до кнегини Александровое Вишневецкое зъ именей мужа ее,
до хор. земъли Волынское,—отъ бояръ тое земли Волынское не отдалъ,
до старосты Житомирского зъ именей его,
до владыки Володимерского и Берестейского и до Ивана Борздобогатого зъ именей ихъ;

*) Къ сеймамъ 1559 и 1561 г.

до пана Михайла Козыньского зъ именей жоны его,
до стар. Кремянецкого зъ именей его,
до бискупа Луцъкого зъ именей бискупства Луцкого,
до бискупа Луцкого зъ именей его отчизныхъ.

Войниловичъ понесъ:
до Станислава, до Олбрахтовъ Немиричовъ зъ именей ихъ,
до княгини Жеславское зъ именей ее,
до Зубъковича зъ именья его,
до пани Миколаевое Сологубовое зъ именья ее,
до Өедора Лецъковича,
до старосты Кревъского зъ именей его жъ,
до пани Ивановое Служчиное зъ именей ее,
до Өедора Ивашенъцевича зъ именья его,
до Андрея Кгостомъского зъ именья его,
до всихъ бояръ Кгеренонньскихъ,
до Миколая Володковича,
до пани Ивановое Петровича Багриновъское зъ именей ее,
до бискупа Киевского и до братьи его, пана Станислава и пана Доминика, зъ именей ихъ;
до князя Богуша Дмитровича Любецкого,
до князя Анъдрея Одинъцевича зъ именей его,
до князя Григорья Багриновъского,
до всихъ бояръ Кревъскихъ,
до Миколая Глебовича Немировича.

Властный понесъ:
до бискупа Виленского зъ дворовъ бискупъства Виленского,
до всихъ прелатовъ и каноликовъ костела головъного Виленского,
до дер. Дорсунишского зъ именей его,
до земянъ шляхты волости Коршовъское,
до хор. Курклевъского,
до земянъ шляхты волости Жомойтское,
до пана Юрья Остика зъ именей его,
до пана Малхера Шемета,
до князя Ивана Крошиньского,
до пана Войтеха Шемета,
до пана Миколая Станькевича.

Князю Өедору Петровичу Острожецкому. Дано намъ того справу зъ скарбу нашого, што жъ дей ты податьку на потребу речи посполитое, на сойме валномъ отъ насъ уфаленого, зъ именья своего Рожанки, поконевъскихъ грошей семъ копъ а серебъщизны за рокъ пят-

десять пятый петнадцати копъ и пети грошей, а за рокъ петьсоть (пятдесять) шостый семи копъ тридцати двухъ грошей и пяти пенезей, а за рокъ шестьдесятый и шестьдесять первый тридцати копъ и десети грошей до скарбу нашого не отдалъ и при собе то задержалъ, о што дей не однокроть листы нашими наупоминанъ еси былъ. А такъ, ижъ въ томъ часе великие бремена на скарбъ нашъ пришли, мы, не хотячи вжо далей терпливости въ томъ мети, послали до тебе дворанина нашого... И естли квитовъ на то зъ скарбу нашого передъ нимъ не окажешъ, же то все сполна до скарбу нашого отдалъ еси, мы велели въ люди которого именья твоего, што бы за то стояло, моцне увезатися и ку которому замъку або двору нашому, где наближей будеть, привернути и держати подати до того часу, поколь тые вси пенези до скарбу нашого отдаси або се того у скарбе нашомъ справишъ. Ты бы о томъ ведалъ и тому дворянину нашому въ томъ ничимъ противенъ не былъ, враднику, слугамъ и подданымъ своимъ противитися не казалъ конечьно. Якъ же объвариваючи беспечность здоровъя того дворанина нашого, приказуемъ, ажъбы еси никоторое небезпечъности и здоровю его самого и слугъ его не чинилъ, слугамъ и подданымъ своимъ то делати не казалъ подъ закладомъ нашимъ петьмасты копами грошей. А за працу того дворанина нашого велели есьмо ему брати отъ кождое копы по три гроши. Писанъ у Петркове лет. Бож. Нарож. 1562, месеца ноябр. 28 дня.

(Литов. Метр. кн. Перепис. Литов. VII, л. 140, 141).

№ 45.

Панъ скарбный взялъ листы соймовые розослати*):

до хор. Маръковского,
до хор. Аинского,
до хор. Керъновского,
до хор. Пуньского,
до хор. Коневского,
до хор. Волкиницкого,
до хор. Ошменского,
до конюшого Троцкого,
до князя Матуш. Кгедройт.,
до хор. Красноселского,
до хор. Браславъского,

*) Къ сейму Виленскому 1563 г.

до хор. Утеньского,
до хор. Кревского,
до хор. Мойшакголского,
до хор. Медницкого,
ко всимъ паномъ Остикомъ,
до воеводы Витебского,
до князя Слуцкого.

И зашитый листъ пана его милости писаный до мар. господар. Станислава Авкгуштиновича.

Яковицкий понесъ:
до пана воеводы Под.,
до пана чашника.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны:

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский...

Князю Юрью Юрьевичу Слуцкому. Ижъ для важныхъ а пилныхъ потребъ панъства нашого отчизного, великого князьства Литовского, звлашча тое пригоды вынятя Полоцка, абы зъ Божъею помочью за слушнымъ обмышленемъ тотъ ушчербокъ отчизне нашой не былъ, про то умыслили есьмо зъ ихъ милостью паны радами нашими всимъ землямъ валный съемъ зложити, яко жъ певный часъ и день тому сойму вжо складаемъ въ месте нашомъ столечномъ у Вильни, месеца мая дванадцатого дня въ нынешнемъ року шестьдесятъ третьемъ. Твоя бы милость, о томъ ведаючи, ку оному часу на съемъ до насъ господара ехалъ, а будучи при насъ господари восполокъ зъ иными паны радами нашими о таковыхъ потребахъ земъскихъ, которые тобе на онъ часъ ширей отъ насъ оповеданы будуть, обмышлялъ и радилъ, яко бы было зъ добрымъ нашимъ господарскимъ и речи посполитое земское. Писанъ у Петркове лет Бож. Нарож. 1563, месеца апреля 8 дня.

(Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 3).

№ 46.

Року 63 посланы листы серебъщизные по Жомойти, и посланы тые листы месеца июля 15 дня черезъ дворанина Ѳедора Каменицкого; до тыхъ понесъ *):
до тивуна Берженского и до подъданыхъ того тивунства;
до Квилецкого зъ Ясвени и до подданыхъ;
до тивуна Кгодинского и до подданыхъ;

---

*) Къ Виленскому сейму 1563 г.

до тивуна Дирваньского и до подъданыхъ;
до тивуна Коршовского и до подданыхъ;
до тивуна Поюрского и до подданыхъ;
до тивуна Ретовского и до подъданыхъ;
до тивуна Шовдовского и до подданыхъ;
до тивуна Бертженского и до подданыхъ;
до тивуна Ойракгольского и до подданыхъ;
до тивуна Дирваньского и до подданыхъ;
до Кградовъ(ского) со Твери абы выбиралъ и до подданыхъ;
до пана чашника Скерстомон. и Росеин. и до подданыхъ;
до пана столника съ Плотель и Телшъ и до подданыхъ;
до тивуна Ужъвенского и Вешвеньского и до подданыхъ.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны о серебщизну:

Тивуну земли Жомоитской волости Дирмяньское Яну Крадовскому. Ижъ для потребы речи посполитое уфалили и постановили есьмо серебшчизну яко съ подданыхъ нашихъ, такъ зъ людей князьскихъ, паньскихъ и духовныхъ съ кождое сохи воловое и конское по полукопю грошей, а съ полсохи, то есть одного вола або одное клячи, по петнадцати грошей; а хто бы воловъ ани клячъ не мелъ, тогъды зъ земли суполное служъбу, которую пашуть, по петнадцати грошей; а зъ огородника по пяти грошей; а въ местехъ, которые пашни не мають ани огородовъ, отъ воротъ по три гроши; якожъ однесенью и отданью тое серебъшчизны рокъ певный, на день свята Нароженя Панны Марии въ року теперешнемъ шестьдесятъ третемъ, месеца сентебра осьмого дня назначонъ. А такъ приказуемъ тобе, ажъбы еси отданю тое серебъшчизны рокъ подданымъ нашимъ державы своее зложилъ и самъ або черезъ урядника своего тую серебъшчизну потому, яко вышей ознаймено, съ подданыхъ нашихъ волости тамошнее выбравши, до скарбу нашого отдалъ, ничимъ того року назначоного, дня Нароженя Панны Марии, не омешкиваючи; а выбираючи тую серебъшчизну не бралъ бы еси въ нихъ болшей, толко отъ кожъдое сохи бирчого пенязь одинъ, а пишчого такожъ пенязь одинъ. А мы до войтовъ, десятниковъ и всихъ подъданыхъ нашихъ тамошнихъ листъ нашъ писати казали, жебы они на рокъ, отъ тебе назначоный, тую серебъшчизну до тебе або до врадника твоего отдали, сплошенства и никоторое проволоки въ томъ не чинили. Къ тому, ижъ мы сами господаръ особою нашою господаръскою, дастъ ли Богъ, у войску быти маемъ, прото хочемъ мети, абы вси подданые наши тамошние люди волостные зъ двадцати волокъ двухъ чоловековъ и возъ двема клячами добрыми выправили, давши имъ у войско провадити живность на хлебъ сухий

муки бочку, гороху два корцы, крупъ овсяныхъ два жъ корцы або толькна такъже два корцы, пшона корецъ, лоппны два камени, соли два камени, чосноку корецъ, сыровъ десеть; а тые два чоловеки, которыхъ выправять, абы мели по рогатине и по сокери, и сами тежъ для себе ижъбы они приложилися живностю такъ, якобы на полрока зъ собою живности мели; а за то имъ всимъ съ каждое волоки, што повинни на годъ одъ жоръновъ давати по десети грошей и по чотыри пенези, ажъбы еси отпустилъ; а будуть ли они за теперешний рокъ тые пенязи одъ жорновъ вжо выдали, ино серебъшчизныхъ пенезей съ кождое волоки по десети грошей и по чотыри пенези абы еси въ нихъ не добиралъ. И со всими тыми людми, которыхъ они за росказаньемъ нашимъ выправять, жебы еси на часъ певный, на который и войску нашому у Креве збиратися есмо казали, тамъ до войска былъ, ничимъ того часу и дня не омешкиваючи. А того бы еси съ пилностью досмотрелъ, якобы враднпки и войты никоторыхъ пожитковъ зъ выправы тыхъ людей не привлашчали. А особливе росказали есмо мешчаномъ волости Дирманьское зъ девети чоловековъ десятого выправити, которые абы скупуючи за пенези свои живность вшелякую и тежъ тою живность, где на которыхъ местцахъ за пенези наши господарские скуплена будеть, беручи въ пенезехъ, отвозили до войска, а то въ нихъ у войску куповано будеть не уставою, але торгомъ, не чинечи никоторое кривды. А ижъ есмо тыхъ часовъ тивуну Тверъскому Миколаю Станькевичу зъ ласки нашое господарское дали тивунъство Ойракголское, для того росказали есьмо ему тивунъство Тверское тобе въ моцъ подати. А такъ приказуемъ тобе, ажъбы еси, яко ревизоръ земли Жомоитское, тое тивунъство Тверское въ него зъ моцы оземъши, у справе своей мелъ до науки нашое и съ подданыхъ того тивунства серебъшчину выбиравши, на тотъ же рокъ назначоный посполъ зъ иншими пенязьми серебшчизными до скарбу нашого отдалъ. И якую есьмо выправу на войну и инымъ подданымъ нашимъ вчинити росказали, потому жъ бы еси и съ того тивунъства людемъ въ томъ заховатися велелъ, справуючися водлугъ листу нашого, о серебшчизну и о той выправе до нихъ писаного, который до тебе послати есьмо казали. Писанъ у Вилни лет. Бож. Нарож. 1563, месеца июля 14 дня.

А то по панъству Литовскому листы писаны:

Толочъко понесъ:

До державцы Ожского и Переломъского о серебъшчизну и выправу людей зъ волокъ и зъ местъ тамошнихъ, о способене живности съ фольварковъ, а съ подданыхъ яловицы и бараны абы бралъ; о бояре путные; о томъ же листъ и до подданыхъ.

До Дыбовского зъ Нового двора, Озеръ и Молявицъ о серебщизну и выправу людей зъ волокъ и зъ места, о способене живности съ фолварковъ, а съ подданыхъ яловицы, бараны абы бралъ; бояромъ тамошнимъ путнымъ абы на войну ехати велелъ.

До пана Фальчевского съ Кнышина, Забеля о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До пана Войны Гричины зъ Бержникъ, Перстунъ и Лабунъ о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До пана Шимъковича съ Тыкотина о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До Лаврина Войны съ Квасовки и Красницъ о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До Андрея Таръновъского съ Кринокъ и Котри о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До Иопа зъ Волькиникъ и Лепунъ о серебъшчизну, о выправу людей зъ волости и зъ места, о способене живности съ фолварковъ, о бранъ(е) съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куръ и яецъ, о послане бояръ путныхъ, а до подданыхъ листъ.

До Размыса Довкгирда съ Перевалки только о серебщизну, а до подданыхъ листъ.

Станиславъ Кульза у Вилни отдалъ листы до пана Троцкого: первый листъ, абы зъ дворовъ староства Жомоитского серебщизну выбрати казалъ, другий листъ до его жъ милости съ Кормялова о серебщизну, о выправене людей зъ местъ и волостей, о живностъ съ фолварковъ, о бране съ подданыхъ яловицъ, барановъ; о томъ же до подданыхъ листъ.

А то тутъ роздалъ у Вилни Яковицкий:

До пана Леньского зъ Воложина и Жоселъ о серебщизну и выправоване людей зъ волокъ и зъ места, о бояре путные.

До пана Оникъя Горъностая зъ Речицы о серебъшчизну.

До пана Григоря Воловича со Мстибогова, зъ Ейшишокъ, Воранъ, Коневы, Дубичъ и Зельвы о серебъшчизну, о выправу людей зъ волостей и зъ местъ, о способенъе живности съ фолварковъ, о бранье съ подъданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ и яецъ, и о бояре путные, а до подданыхъ о томъ листъ.

До пана Довойна съ Кобрына о серебшчизну, о выправу людей зъ места и зъ волости, о живность съ фолварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ а барановъ, о бояре путные.

До него жъ другий листъ зъ Меречи, Острины, Довкговъ, Перелай, Стобинокъ, и Сейвовъ о серебъшчизну, о выправу людей зъ

местъ и волостей, о живность съ фолварковъ, о бояре путные; о томъ листъ до подданыхъ тамошнихъ.

До него жъ съ Пиньска, зъ Ушполь и Пенянъ только о серебщизну.

До Оборского зъ дворовъ тивунства Троцкого и тежъ зъ Мойшакголы и Керънова о серебъшчизну, о живность зъ дворовъ тамошнихъ, о бране съ подданыхъ яловицъ, барановъ, куръ, гусей и яецъ; о томъ же листъ до подданыхъ.

До пана Яна Волъчковича зъ Василишокъ о стацею, о выправу людей зъ места и зъ волости, о живность съ фолварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ и яецъ, о бояре зъ ручницами; о томъ до подданыхъ листъ.

До пана Влошка съ Пунь, зъ Жижъморъ о серебъшчизны, о выправу людей зъ волости и зъ местъ, о живность съ фолварковъ, о побранье съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ и яецъ, о бояре путные, о томъ же листъ до подданыхъ.

До пана конюшого дворного зъ Кгераноннъ о серебъшчизну, о выправу людей зъ места и волости, о живность съ фолварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ и яецъ, и о бояре путные; о томъ до тыхъ подданыхъ листъ.

До него жъ листъ другий о томъ писаный, только абы яловицы а бараны съ подданыхъ бралъ; до подданыхъ о томъ листъ.

До пана Ленского зъ Воложина и Жосель о серебъшчизну, о выправу людей зъ местъ и волостей, о живность съ фолварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей и куровъ, о бояре путные.

До Рудомины зъ Утены о серебъшчизну, о выправоване подводъ зъ места и зъ волости.

Панъ Дривиньский отдалъ:

Пану воеводе его милости Виленьскому зъ Берестья о выправу людей зъ местечокъ и зъ волости, о живность съ фолварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ и барановъ, о бояре путные.

До Ковеньскихъ дворовъ о томъ же листъ особливый, толко приложено, абы зъ волости яловицы, бараны, гуси и куры, яица брано.

До Борисова о серебъшчизну, а до подданыхъ тыхъ местъ особливые листы.

На Подляшье понесъ Богушъ Кошля.

До старосты Бронского и Саражского о стацею, о выправу людей зъ местъ и волостей, о живность съ фольварковъ, о бранье съ подданыхъ яловицъ и барановъ, о бояре путные, а до подданыхъ листъ.

До пана крайчого зъ Белска о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До пана подъчашого зъ староства Дорогицкого о томъ же.

До пана Каменицкого зъ Шерешова о стацею и выправенье зъ места и волости подводъ, о бояре путные а до подданыхъ о томъ же листъ.

На Волынь понесъ Юри Радошинский:

До Яна Палуского зъ Мостовъ и зъ Скидля о серебъщчизну, о выправене зъ места и зъ волости, о готоване съ фолварковъ живности, о бранье съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ, яецъ, о бояре путные; о томъ же листъ до подданыхъ.

До пана Гаврила Горностая съ Каменца о томъ же, а листъ до подданыхъ.

До пана Юря Тишковича зъ Волковыйска о томъ же; и маетъ куры, гуси и яйца брати, а до подданыхъ листъ.

До старосты Гомейского о серебъщчизну, о выправенье зъ места и зъ волости, о готованье съ фолварковъ живности и о бранье съ подданыхъ яловицъ и барановъ, а до подданыхъ о томъ листъ.

До Радуньского державцы о все, яко и до инишихъ, а до подданыхъ листъ.

До князя Корецкого зъ Браславля и Веницы о серебъщизну, а до подданыхъ листъ.

До пана Тарла съ Ковля о серебщчизну, а до подданыхъ о томъ же писано.

До князя Миколая Збаражского съ Кремянца о серебъщчизну, а до подданыхъ листъ.

До старосты Житомирского зъ Житомира, а до подданыхъ листъ.

До Фронца Фалчевъского зъ селъ ключа Луцкого о серебъщчизну, а до подданыхъ листъ.

До князя воеводы Киевского зъ Володимера и зъ Вонячина о серебъщчизну, а до подданыхъ листъ.

На Новгородокъ понесъ Ѳедоръ Полуяновичъ:

До врадника Трабъского о вси речи, яко и до инишихъ, а до подданыхъ о томъ же листъ.

До Лиды и Белицы такъ же о вси речи, а до подданыхъ листъ.

До державцы Ляховицкого зъ Ляховичъ о серебъщчизну, о выправованье подводъ зъ места и зъ волости, о бояре путные; о томъ же листъ до подданыхъ.

До воеводы Новгородского зъ дворовъ воеводства Новгородского толко о серебщчизну, а до подданыхъ листъ.

Богданъ Макаровичъ, где крыжовъ нетъ, понесъ; кгде крыжи Иванъ Ѳедоровичъ понесъ:

Зъ Велены ревизоръ Веленскій маетъ брати серебъщизну, и тежъ о выправу людей, о живность съ фолварковъ и о бране съ подданыхъ яловицъ и барановъ, о бояре путные, а до подданыхъ о томъ листъ.

До врадника Бирштанского зъ Бирштанъ о томъ же, яко и до Велены, а до подданыхъ листъ.

До пана Кмиты зъ Вилкомира и Оникшътъ о томъ же, толко доложоно о кури, гуси и яйца, а до подъданыхъ листъ.

До князя Окгинского зъ дворовъ тивунства Виленьского о томъ же, яко и до Кмиты, а до подданыхъ листъ.

До пана Райского до Олиты, Симна и Немоноитъ о томъ же, а до подданыхъ листъ.

До пана Хрыщоновича зъ Дорсунишокъ о серебъщизну, а о выправу людей, о бояре путные, а до подданыхъ о томъ же листъ.

До врадника Сомилишъского зъ Сомилишокъ о серебъщизну.

До державцы Упитского о серебъщизну.

На Русь понесъ Павелъ Войниловичъ:

До воеводы Подляшского зъ Аины, Лыскова, Межиреча о серебъщизну, о выправу людей зъ местъ и волостей, о бояре путные, а до подданыхъ листъ о томъ же.

До князя Слуцкого зъ Бобруйска о серебъщизну, а до подданыхъ листъ.

До князя Одинцевича о серебъщизну зъ Орши.

Богушъ Дривинскій понесъ:

До старосты Браславского только о серебъщизну, а до подданыхъ листъ.

До державцы Упитского зъ Упиты толко о серебъщизну, а до подданыхъ листъ.

Пану Баркулабу самому отданъ листъ, абы серебъщизну выбралъ зъ Свислочи.

Пану Ивану Макаровичу самому данъ листъ зъ Нового Двора такъ же, яко и до инъшихъ.

Павелъ Хоружичъ:

Пану Гайку отдалъ листы зъ Ошмены и съ Красного Села о серебъщизну, о выправу людей зъ местъ и зъ волостей, о способене живности съ фольварковъ, о бояре путные, о бране съ подданыхъ яловицъ, барановъ, гусей, куровъ и яецъ; зъ Вилькеи о томъ же, только не брати гусей, куровъ, яецъ.

Янъ Левданскій понесъ:
до старосты Мстиславского и до подданыхъ,

до державцы Рогачевского и до подданыхъ;
до державцы Чичерского и Пропойского и до подданыхъ;
до Леричовъского и до подданыхъ.

Онъ же тутъ отдалъ Рейналту Крокову, абы онъ съ Полонки и Кретинки серебъщчизну выбралъ.

Новоселецкий понесъ:

до княжати Слуцкого зъ Бобруйска о серебщчизну, до старосты Гомейского зъ Гомъя о серебъщчизну;

до державцы Любечского зъ Любеча о серебъщчизну;

до Скумина зъ Чорнобыля о серебъщчизну;

до дер. Овруцкого зъ Овручого о серебъщчизну.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны:

Тивуну Виленьскому князю Матѳею Богдановичу Окгинскому. Ижъ для потребы речи посполитое уфалили и постановили есмо серебъщчизну яко съ подданыхъ нашихъ, такъ зъ людей князьскихъ, панскихъ и духовныхъ съ кождое сохи воловое и коньское по полукопъю грошей, а съ полсохи, то естъ, одного вола або одное клячи, по петнадцати грошей; а хто бы воловъ ани клячъ не мелъ, тогды зъ земли суполное служъбы, которую пашутъ, по петнадцати жъ грошей, а зъ огородника по пети грошей; а въ местехъ, которые пашни не маютъ ани огородовъ, отъ воротъ по три гроши; якожъ отнесенью и отданью тое серебщчизны рокъ певный, на день свята Нароженья Панъны Марии въ року теперешнемъ шестьдесятъ третемъ, месеца сенътября осмого дня назначонъ. А такъ приказуемъ тобе, ажъбы еси отданью тое серебщчизны мещаномъ и подданымъ нашимъ дворовъ тивунства Виленьского рокъ зложилъ и самъ або черезъ врадника своего тую серебъщчину потому, яко вышей ознаймено, съ подданыхъ нашихъ тамошнихъ выбравши, до скарбу нашого отдалъ, ничимъ того року, дня Нароженья Панны Марии, не омешкиваючи; а выбираючи тую серебъщчину, не бралъ бы еси въ нихъ большъ, только бирчого отъ кожъдое сохи пенязь одинъ, а пишчого такежъ пенязь одинъ. А мы до войтовъ, десятниковъ, мещанъ и всихъ подданыхъ нашихъ тамошнихъ листъ нашъ писати казали, жебы они на рокъ, отъ тебе назначоный, тую серебъщчину до тебе або до врадника твоего тамошнего отдали, сплошеньства и проволоки въ томъ никоторое не чинечи. Къ тому, ижъ мы сами господаръ особою нашою господарскою, дастъ ли Богъ, у войску быти маемъ, прото хочемъ мети, абы вси подданые наши тамошние люди волостные въ десети волокъ одного человека и возъ одною клячою доброю выправили, давши на кождую таковую подъводу живности, которая до обозу нашого проважона быти

маеть, то есть: муки полбочки, съ которое тамъ же на местъцы (хлебъ) абы спечонъ и зсушонъ былъ, гороху корецъ, крупъ овсяныхъ корецъ або толокна такъже корецъ, пшона або крупъ полкоръца, лошпны полоть, соли камень, чоcноку полкоръца, сыровъ пять, и тежъ тому чоловеку, которого выправять абы такежъ живность хлебомъ, мясомъ, крупами и солью зложили, уважпвши, якобы ему тое живности на полрока стати могло, и пашню того чоловека оная жъ деветь чоловековъ, которые его выправять, абы заробили; а тотъ чоловекъ, которого выправять, абы мелъ рогатину и секиру и самъ тежъ для себе пжъ бы онъ приложился живностью. А за тую стацею и выправу имъ всимъ съ кождое волоки, што повинни на годъ отъ жоръновъ давати по десети грошей и по чотыри пенязи, ажъбы еси отступилъ; а будуть ли они за теперешний рокъ тые пенязи отъ жорновъ вжо выдали, ино серебъщизныхъ пенезей съ кождое волоки такежъ по десети грошей и по чотыри пенези абы еси въ нихъ не добиралъ. А того бы еси съ пилностью досмотралъ, якобы врадники и войты никоторыхъ собе пожитковъ зъ выправы тыхъ людей не привлащчали. А особливе росказали есмо мещаномъ тыхъ дворовъ нашихъ враду твоего зъ девети чоловековъ десятого выправити, которыи абы скупуючи за пенези свои живность вшелякую и тежъ тую живность, где на которыхъ местцахъ за пенези наши господарские скуплена будеть, беручи въ пенезяхъ, отвозили до войска, а то въ нихъ у войску куповано будеть не уставою, але торгомъ, не чинечи никоторое кривды. Тежъ приказуемъ тобе, ажъбы еси съ фолварковъ нашихъ тамошнихъ, што быти можеть, готовати казалъ муки пшеничные и орженые и солоды пшеничные и посполитые, мясо старое полти и рыбы вялые, крупы, масла, сыры и цыбулю; а где бы такъ много тое живности съ фольварковъ нашихъ не могъ еси способити, ты бы за пенези серебъщизные, што теперь брати будешь, то куповалъ а съ подданыхъ тамошнихъ яловицы, бараны, гуси и куры и яица данные бралъ; яко оную живность, што подданые зложать, такъ и тую, которую съ фольварковъ нашихъ або за пенези способишъ, накладаючи на тые подводы, которые подданые выправять, и тежъ яловицы, бараны, гуси и куры безъ кождого мешканя до насъ до Крева слалъ; и тую стацею отдавати бы еси велелъ до тыхъ, которые на отбиранье тыхъ стацей уставлены будуть; а на той же подъводе тотъ чоловекъ и собе живность везти маеть. А же бы еси, што наборздей быти можеть, далъ намъ знати, якъ много которое живности въ себе мети можешъ; къ тому абы еси всимъ боярομъ нашимъ тамошнимъ путнымъ зъ ручницами, зъ саблями або зъ мечами на войну ехати велелъ и со всими тыми людьми, яко зъ бояры

путными, такъ и съ тыми подводами, што стацею повезуть, жебы еси на часъ певный, то естъ теперешнего пришлого месеца августа осьмого дня, въ тыйдень по томъ року, на который къ войску нашому збиратися есмо казали, у Креве*) былъ. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1563, месеца июл. 17 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 12—20).

№ 47.

Писаны листы до пословъ, абы ехали на съемъ до Варшавы, и розосланы тые листы месеца окт. 20 дня**).

Туминский понесъ:
до князя Ярослава Өедоровича Санъкгушковича,
до Өедора Өедоровича Солтана,
до князя Владислава Андреевича Збаразского,
до князя Ивана Өедоровича Чорторыйского,
до пана Михайла Ела Малинского,
до пана Петра Загоровского,
до сына пана Виленского, пана Яронима Ходкевича.

Новоселецкій понесъ:
до пана Малхера Сновского.

Павелъ Орансквй:
до писара Дорогицкого Адама Косицкого,
до пана подчашого,
до старосты Бранского и Саражского.

Павелъ Войниловичъ понесъ:
до тивуна Жомойтского пана Малхера Шемета,
до пана Миколая Володковича.

Иванъ Толоконский понесъ:
до пана Василья Копътя,
до хор. Витского.

Быковский понесъ:
до пана Петра Хребътовича,
до пана Шчасного Герцыка, хор. земъского.

Жданъ Момонтъ понесъ:
до мостовничого Витебъского Ивана Совы.

---

*) Въ подлинникѣ ошибочно: «у Кракове».

**) Къ Виленскому сейму 1563 года.

Станиславъ Стревинский понесъ:
до земенина Мстиславского Каменьского.

А то тутъ роздалъ Семенъ Оранский:
пану Каспору Островицкому,
пану воеводе Виленьскому,
князю бискупу Виленскому,
войту Виленскому,
воеводе Витебъскому,
пану воеводичу Троцкому,
князю бискупу Киевъскому,
пану Михайлу Козинскому.

Тые листы такъ писаны:

Мостовничему Витебъскому Ивану Совце. Што на томъ, недавно прошломъ валномъ сойме того паньства нашого отчизного, великого князьства Литовъского, въ року нине идучомъ шестьдесятъ третемъ у Вилни зъ волею и ведомостью нашою господарскою, а при насъ, господари, и зъ зволеньемъ ихъ милости пановъ радъ нашихъ обоего стану такъ духовного, яко и светского, и тежъ княжатъ, панятъ, врадниковъ нашихъ земъскихъ и дворныхъ, хоружихъ, шляхты и всего рыцерства, обователей того панства нашого, поданы и менованы суть послы на близко пришлый съемъ коруны Польское, который есьмо зложили въ року нинешнемъ шестьдесятъ третемъ на день светого Мартина у Варшаве, для отновенья и вжо наконецъ скутечного утверженья отъ того часу унии, то естъ, сполного и нероздельного подле давныхъ списовъ и привилевъ злученья того отчизного панъства нашого съ панствомъ нашимъ коруны Полское, и которымъ бы обычаемъ тые послы въ томъ поступовати и справовати мели, о томъ наука достаточная на писме естъ дана, такъ тежъ, которые послы тамъ на тотъ съемъ корунъный съ того панства нашого ехати мають, тымъ есмо черезъ листы наши ознаймити росказали; а къ тому съ певныхъ причинъ виделося намъ за потребно тымъ всимъ посломъ, которые на тотъ съемъ за ознайменьемъ черезъ листы наши поедуть, росказати, якожъ есьмо и росказали, жебы напервей вси зъехались на одно местъцо—до Угрова на Подляшъи на часъ певный, то естъ, на день свята Оферованя Панъны Марии, ноябра двадцать первого дня, ничимъ не омешкиваючи того часу и дня отъ насъ назначоного, и отголь жебы вжо до Варшавы ехали. Гдежъ, ижъ тежъ въ томъ посельстве менованъ и обранъ естъ хоружий Витебъский, одно, ижъ есмо для службы нашое, въ томъ часе на него преложеное, тамъ на тотъ съемъ ехати ему не казали, прото хочемъ меть и приказуемъ

тобе, ажьбы еси на местце его въ томъ поселстве на тотъ пришлый съемъ корунъный, за часу выправившися, до Варшавы ехалъ и на тотъ вышейописаный часъ и день тамъ у-въ Угрове на Подляшьи былъ, ничимъ далей вжо того часу и дня не омешъкиваючи, кгды жъ пилъные и важъные потребы речи посполитое суть и болшого предлуженья и омешкиванья, звлашча въ таковыхъ небезпеченствахъ и тривогахъ, терпети не могуть, а оттоль зъ Угрова до насъ до Варъшавы на тотъ сьемъ корунъный поспешатися будешъ сполне со всими иными послы, которие на тотъ сьемъ тамъ поедуть. Якожъ и на выправу твою на тую дорогу росказали есьмо тобе осмотрети зъ скарбу земъского, и ты бы не мешкая по тую отправу свою послалъ, которая подле росказанья нашого учинена тобе будеть. Писанъ у Вильни летъ Бож. Нарожъ. 1563, месеца окт. 8 день.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 48—50).

№ 48.

Привилей всимъ обывателемъ вел. княз. Литовского, у Белску выданый на сойме, па права и волности ихъ и на отправованье справъ всякихъ нововыданнымъ статутомъ и способомъ, въ немъ описаномъ... въ року 64 *).

Жикгимонтъ Августь, Божью милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ привильемъ всимъ посполите, нинешнимъ и напотомъ будучымъ, кому будеть потребъ того ведати або чтучы его слышати. Знаючы то, ижъ речи и справы людские, бы тежъ и налепъшие на свете оказывалися, съ часомъ и споломъ зъ людми съ паметей людскихъ сплывати и въ забытье прiприходити бы мусели, где бы писмомъ на пришлые веки по насъ будучимъ не ознаймены и утвержоны не были; а естли менъшие речи звычай отъ початку вековъ для помененыхъ причинъ писмомъ опатривати, тогды большъ таковую, которая зъ обу сторонъ подле воли и приказанья Божого, што господару и пану хрестиянъскому противо верныхъ подданыхъ, а зася отъ цнотливыхъ и верныхъ подданыхъ ку пану належить, полнитьея: а прото мы, досветъчивши не одно черезъ весь часъ панованья нашого, але зъ давныхъ вековъ щастливого тежъ панованья продковъ нашихъ, королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, велебныхъ въ Бозе, вельможъныхъ, шляхетъне урожоныхъ

*) Къ Бѣльскому сейму 1564 г.

князей, пановъ, шляхъты бояръ и въсего рицерства, обывателей великого князства Литовского и всихъ земль того паньства, не толко зъ особъ теперешнихъ, але ихъ звечныхъ продковъ, цалое веры, статечное цноты, правъдивыхъ, значъныхъ а пожиточныхъ заслугъ ку намъ, паномъ ихъ, отъ нихъ же самихъ вольне, яко отъ людей вольныхъ, выбранымъ, и ку речи посполитой того паньства не въ частехъ особливыхъ, але во всемъ чиненыхъ и выполъненыхъ, не выличаючи траченья маетности, а што большого—выливанья крови, выношенья горлъ и животовъ противъ кожъдому неприятелеви, мужне а стале, яко належало на правыхъ рыцеровъ шляхетского народу и крови, въ потребахъ речи посполитое того паньства и въ службахъ насъ, господарей ихъ, не мней тежъ не опущаючи, але на всемъ зъ стороны нашое и продковъ нашыхъ, великихъ князей Литовскихъ, а звлаща зъ особы нашое досыть делаючы, и хотячы на вси пришлые часы чынити досыть звыклости добротъливой и пристойной а поприсяжоной,—зъ милостью повинъности нашой ку тому паньству и обывателемъ вышейменеnымъ, межы которою повинъностью тая ижъ не менъшая естъ—справедливость чинити, простерегати и розмножати ее звирхностью а належностью вряду нашого господарского (прото отецъ нашъ светое и славное памети Жикгимонтъ, король и великий князь Литовский, часу щастливого панованья своего и при подношеню парсоны нашого маестату на тое паньство за вольнымъ обраньемъ тыхъ же всихъ становъ и обывателей великого князьства зъ ухъвалы, постановенья и прозъбы ихъ же всихъ выдати и утвердити рачилъ ку справованью и захованью тоежъ справедливости светое статутъ правъ и поступъковъ хрестиянъскихъ, которая справедливость, ачъ и передъ тымъ въ томъ панстве нашомъ, великомъ князьстве, извычаемъ стародавнымъ была, ведже письмомъ не объяснена, ани утвержона; который статутъ тотъ же светое, годное и фалебное памети отецъ нашъ и мы потомъ въ дорослыхъ летехъ нашихъ не только привильями съ помноженьемъ иныхъ вольностей хрестиянъскихъ, здавна тому паньству наданыхъ, але присегами нашыми утвердили, и тымъ же статутомъ порядокъ правный шолъ и теперъ идеть въ томъ панъстве межи всими ажъ до сихъ местъ), то пакъ, же ся въ справахъ бегу правного мало не што день на розныхъ местцахъ и урядахъ потрафляють речы и артыкулы новые а розные, которые въ томъ статуте не были и не суть описаны, одны—противные статутови, а ку принятью и ухвале годные, другихъ тежъ, яко часъ а потреба приносить, надобе естъ поправить и еще новыхъ прибавить, згожаючы и примножаючы ихъ справъ выбраныхъ и ухвалы годныхъ, хрестияньскихъ и зъ добрыхъ лепъшие обираючи, — допу-

ставшы и удячне у насъ съ похвалою и позволеньемъ нашимъ принявшы прозбу и жадливость тыхъ же-то передъмененыхъ становъ великого князьства, посветъчаючы и видячы быти прозбу ихъ слушную, допустилисмы имъ того статуту первшого съ тыхъ-то припадковъ а потребъ, наверхъ назначоныхъ, поправити, прибавити, розширити, суняти и доложити подле налепъшого и напотребнейшого скутку и досконалости; якожъ за волею и допущеньемъ нашимъ а съ позволеньемъ радъ нашыхъ обраны на то были черезъ нихъ же самыхъ и съ посродку тыхъ же становъ особы певные, рады наши, маршалкове, врядники земские, хоружие и иные особы ряду и народу шляхетъского и доктори правъ чужоземъскихъ, которые зашедшы не одно поправили тотъ статутъ старый, але тежъ новымъ кшталътомъ некоторые розделы, звлаща судовый, зъ саженьемъ новымъ обычаемъ суду и порядку судового постановили и написали. А ижъ ку ровной и однакой справедливости всихъ была того потреба, абы стародавный обычай владности суду воеводъ и иныхъ врядовъ старыхъ уступилъ судомъ, новымъ порядкомъ въ семъ часе учиненымъ, постановенымъ и въ статуте описанымъ, а тому засе противно было и забегло звечные, звыклые упривилеваные вряды, достоенства и належности судовъ пановъ воеводъ, маршалъковъ земского, дворного и земли Волынъское и иныхъ старостъ и державецъ врядовъ: прото сами тые панове воеводове, а меновите на тыхъ достоенствахъ теперъ и на сесь часъ будучие: воевода Виленский, маршалокъ земский, канъцлеръ нашъ великого князьства Литовского, староста Берестейский и Ковеньский; панъ Миколай Радивилъ; воевода Троцъкий, гетъманъ нашъ навышъшый великого князьства Литовского, староста Мозырский, державца Лидский, Белицъкий и Сомилишъский, панъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ; староста Жомоитский, державца Плотельский и Тельшовский, панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевича; воевода Киевский, маршалокъ Волынское земли, староста Володимерский, князь Костанътынъ Констанътыновичъ Острожский; воевода Новгородский панъ Павелъ Ивановичъ Сопега; староста Луцъкий, Браславъский и Венпцъкий князь Богушъ Өедоровичъ Корецъкий; воевода Витебский князь Щефанъ Андреевичъ Збаражский; воевода Подляшъский, староста Меньский, панъ Василей Тышкевичъ; маршалокъ дворный, подскарбий земский великого князьства Литовского, писаръ нашъ, староста Могилевский, панъ Остафей Воловичъ и иные вси врядники земские, и старостове, и вси державцы, и которыхъ кольвекъ владности судовые въ томъ паньстве нашомъ великомъ князьстве перекажали и впередъ перекажати бы могли тому статутови и порядку а засаженью судовъ, въ немъ постановеному и описаному, пришедши

и постановившисе перредъ нами обличне, по доброй воли своей, маючы напродъ пана Бога и справедливость светую передъ очима своими, важачы большъ тую, а нижли которые въ томъ поваги, зверхности, владности и пожитъки свои, а надо все наследуючы приказанья Божего, которое учить миловати ближнего своего, яко себе, а съ того жъ показываеться, абы одинъ на другого ничого не пожедалъ, а естли чого иного, тогды надо все тое-то справедливости инакъшое мети не хотелъ,—милуючи речь посполитую, а въ ней братью свою молодшую, народъ шляхетский и рыцарский, суды свои зо всими владностями и пожитъки, которыи по звирхности судовъ нашыхъ господарскихъ не мней на нихъ належали и зъ обычаю перво помененого, и водлугъ статуту старого, выпустили и зо всими пожитъки таковыхъ судовъ и врядовъ ихъ милости и ихъ врядниковъ, слугъ и децкихъ, пересудовъ и винъ, и отозвовъ, а въ теперешнемъ новомъ статуте апеляцеи, т. е. отъзыванья, и тежъ водле звычаю права корунъного вецовъ, судовъ и справъ всихъ воеводскихъ отъступили и вырекли накопецъ; не только ихъ милость панове воеводове и иные вряднікя владности и пожитъковъ своихъ судовыхъ и за владностью и поступъкомъ судовымъ належачихъ отъступили, але тежъ посполъ князи, паны маршалъки, паната и якимъ кольвекъ обычаемъ назваными врядники нашыми и вся шляхта, никого не выймуючи, почонъ отъ старшого по насъ, господари, ажъ до наменъшого, такъ духовныи, яко и светскии великого, малого роду, — вси обыватели великого князьства на томъ сойме великомъ вальномъ Бельскомъ въ одно ровное право, въ однакий и не инакший судъ и моцъ а властность и поступъки судовые, и въ послушеньство а въ порядокъ врядовъ, на судъ выбраныхъ и высажоныхъ, сами и съ потомки своими поддали и поддають, на себе приняли тому досыть чинити, вечными часы обецали, яко въ томъ статуте зъ ухъвалы всихъ а черезъ особы, отъ нихъ на то обраные и высажоные, описано, постановено и розложоно; и надъто спольне а одностайне вси жедали и били намъ чоломъ, абыхмо мы, господаръ, на то позволивши, а кгде бы тежъ въ чомъ перекажало што зъ стороны звирхности уряду нашого господарского, яко великого князьства, и зъ стародавныхъ судовъ нашыхъ тому статутови, порядку и артыкуломъ, въ немъ описанымъ, зложивши и пустивши то, и недопускаючы тымътому и такъ светобливой справе перекажати, утвердили имъ въ посполитости оный статутъ нашимъ листомъ. А такъ, кгдыжъ початокъ тое побожъное справы въ становенью того статуту былъ зъ воли а за ведомостью нашою, а вси станове и обователи великого князьства за доконаньемъ его на него ся зволившы и подъ него въ шафованью

справедливости своее поддавшы, насъ о то съ челобитьемъ своимъ просять,— мы, знаючы тотъ народъ и обователи того паньства быть годными всякихъ вольностей нелепъшихъ и справедливости, которая за розправою и порядкомъ правнымъ, слушнымъ задерживаеть и заховываеть и еще примъножаеть, не одно вольности и пожитъки плодячы, але тежъ способяючы, розширяючы паньства, а надо все полнечи волю и приказанье Божое, не одно того есмо имъ не отмовили, але съ хутью ради позволили, волю и учынъность нашу къ тому прихылили, и утвержаемъ всимъ обывателемъ великого князьства Литовского тотъ статутъ новый не только симъ нашимъ привильемъ, але тежъ словомъ нашимъ господаръскимъ за насъ и за вси потомки наши, короли и великие князи Литовские, обывателемъ здешнимъ шлюбуемъ, обецуемъ и прирекаемъ подъ тоюжъ присегою, которую есьмо тому паньству великому князьству и всимъ чинили, держати, ховати, ведля того ихъ радити, судити, справовати и отъ кожъдого насилья, моцы, кгвальту и намнейшое образы въ томъ статуте боронити и недопущати ни въ чомъ никому; такъ же паномъ воеводамъ и всимъ врядникомъ, где бы хотели— чого о нихъ не держимъ—зася въ старые владзы судовъ, одозъвовъ и пожитъковъ своихъ вдавати и ихъ попирати и выламоватися мели зъ ровности судовъ, въ которую ся теперъ передъ нами вызънаньемъ своимъ поддали, мы сами и потомки нашы, короли и великие князи Литовские, не допустимъ и не дозволимъ, але боронити и стеречы будемъ, абы во всемъ и во всихъ артыкулехъ цело тотъ статутъ былъ захованъ. Ведьже, естли бы въ чомъ потреба была того статуту а артыкуловъ которыхъ въ немъ поправити, тогды на сойме(хъ) тыхъ, которые на сесь часъ при становеньи унии великого князьства Литовского съ коруною Польскою захованъ естъ впередъ при моцы великому князьству, за волею нашою господаръскою можно и вольно будеть сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ, радою и зволеньемъ всихъ становъ, родичовъ а обывателей оного паньства великого князьства тотъ статутъ и артыкулы въ немъ поправляти, прибавити, розширити, будь тежъ чого доложити альбо уняти, што бы одно зъ лепъшимъ ку доскональшому захованью и порядку справедливости светое вынайти и постановитися могло. А мы и то все, што впередъ въ томъ статуте таковымъ обычаемъ, яко верхъ доложоно, зъ спольного зволенья всихъ обывателей поправълено, постановлено и уфалено будеть, утвержаемъ симъ же нашымъ привильемъ и хочемъ а обецуемъ то во всемъ моцно держати и ховати подъ обовязками нашими вышейменеными. Къ тому тежъ дозволили есмо и допущаемъ теперъ и заразомъ тотъ новый порядокъ и росправу въ засаженью судовъ, обиранью на то врядниковъ

и розложенью местецъ на судъ и на положенье и хованье книгъ судовыхъ учинити и постановити; а которымъ способомъ они, вси станове—панове рады ихъ милость, княжата, паната, врядники земские, дворные и въсе рыцерство шляхта, обыватели того панства великого князьства, сполне на то зволившися и згодившы, тотъ порядокъ и кшталътъ засаженья судовъ, обиранья и въстановенья на то врядниковъ, розложенья поветовъ и местецъ, и роковъ на судъ и на хованье книгъ судовыхъ учинять и постановять, то вжо въ той мере и таковымъ обычаемъ впередъ трвати и моцне ховано и справовано быти маеть. А маеть ся тотъ статутъ и въси справы, поступъки, порядки и въступъ а початокъ его зачати отъ дня свята светого Мартина въ року теперешнемъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ четвертомъ и владностью, моцью, а описаньемъ артыкуловъ, яко се вышей въ семъ привилью нашомъ поменило, ити и деяти а полъниться вечными часы непорушно. Одножъ, што ся дотычеть речей и розницъ, а долегълостей прошлыхъ, кому бы до кого о што кольвекъ дело было, и хто бы право которое свое водлугъ першого обычаю и бегу права посполитого статуту и уфалъ соймовыхъ объварованое мелъ, тогъды о то все, ачкольвекъ одинъ другого вжо отъ часу замереного до суду кшталътомъ, теперъ ново постановленымъ, и передъ судьи и иные вряды судовые, тымъ новымъ порядкомъ засажоные, росправленые и постановленые притегати маеть, ведже таковые давные а прошлые речы, розницы и долегълости всякого стану мають быти сужоны и росправованы черезъ тыхъ же судей новыхъ поветовыхъ водлугъ старого статуту и обычаю права, а тотъ новый статутъ и артыкулы его не будуть мочы моцью и владностью своею у жадного суда прошлыхъ речей и и справъ, а справедливости людское, водлугъ першого статуту и бегу права посполитого слушне обварованыхъ и опатроныхъ, касовати и казити. Ведже, што ся дотычеть правъ и судовъ духовныхъ, костеловъ Божихъ рымского и греческого закону належачыхъ, которые подле стародавного обычаю и наданья привильевъ продковъ нашыхъ и нашыхъ господарскихъ княземъ бискупомъ, архиепископу и владыкамъ и ихъ милости судьямъ въ томъ паньстве нашомъ великомъ князьстве прислушать, то при моцы зоставуемъ и заховываемъ тежъ вечными часы. Къ тому тежъ права обычаи въ судехъ земль великого князьства Литовъского стародавныхъ Подляскихъ—Дорогицкое, Бельское, Мельницкое заховываемъ во всемъ водлугъ наданья и привильевъ ихъ, ни въ чомъ не нарушываючи; надъто права майдеборские яко въ месте нашомъ столечномъ Виленьскомъ, такъ и во всихъ иныхъ местехъ того паньства нашого, великого князьства Литовского, въ целости заховы-

ваемъ. А на утверженье и моцность сего нашого привилья, подписавши его властною рукою нашою, печать нашу къ нему привесити есмо казали. При томъ были и того добре сведоми: князь Валерiянъ, бискупъ Виленьский; князь Юрей Юрьевичъ Слуцъкий; князь Янъ Анъдрушевичъ, бискупъ Луцкий и Берестейский; князь Станиславъ Кгабрияловичъ, бискупъ Жомойтьский; воевода Виленьский, маршалокъ земский, канцлеръ нашъ великого князьства Литовского, староста Берестейский и Ковеньский, панъ Миколай Радивилъ; панъ Виленьский, гетьманъ нашъ дворный великого князьства Литовского, староста Городеньский, панъ Григорей Александровичъ Ходкевичъ; воевода Троцкий, гетъманъ нашъ навышъший великого князьства Литовского, староста Мозырский, державца Лидский, Белицкий и Сомилишский, панъ Миколай Юревичъ Радивилъ; староста Жомоитъский, державца Плотельский и Тельшовский, панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ; воевода Киевский, маршалокъ земли Волынское, староста Володимерский, князь Костанътинъ Костанътиновичъ Острожский; воевода Новгородский панъ Павелъ Ивановичъ Сопега; воевода Витебский князь Щефанъ Анъдреевичъ Збаражский; воевода Подляшский, староста Меньский, державца Лысковский и Межирецкий, панъ Василей Тишкевичъ; маршалокъ дворный, подскарбий земский великого князьства Литовского, писаръ нашъ, староста Могилевский, панъ Остафей Воловичъ; князь Алексанъдро Өедоровичъ Чорторыйский; князь Миколай Анъдреевичъ Збаражский, староста Кремянецкий; князь Андрей Ивановичъ Вишневецъкий; князь Иванъ Романовичъ Любецкий Бабича; князь Андрей Петровичъ Мосальский; подчашый нашъ великого князьства Литовского, староста Дорогицкий, панъ Миколай Петровичъ Техоновский Кишка; крайчый нашъ великого князьства Литовского, староста Бельский, панъ Юрый Александровичъ Ходкевичъ; маршалки нашы великого князьства Литовского: панъ Янъ Шимковичъ, писаръ нашъ, староста Тыкотинский; панъ Петръ Богдановичъ Загоровский; панъ Юрьи Васильевичъ Тишковичъ, державца Волъковыйский; панъ Григорей Грииковичъ Воловичъ, староста Слонимъский; панъ Алексанъдро Өедоровичъ Владыка, державца Берштаньский; панъ Григорей Есиөовичъ Тризна; панъ Михайло Тихновичъ Козинський, городничий Володимерский; панъ Янъ Гайко, писаръ нашъ, державца Ошменьский, Вилькейский и Красносельский; а писаръ и секретаръ нашъ, державца Марковский и Мядельский, и Куренецкий панъ Миколай Павловичъ Нарушевичъ; мечъный нашъ великого князьства Литовского панъ Щасный Сирутевичъ; чашникъ нашъ того паньства панъ Матей Петькевичъ, державца Керстомоньский и Росеньский, и иные панове врядники, старосты, державцы,

тивунове земли Жомойтское, хоружие, послове зо всихъ земль и поветовъ того паньства великого князьства и множъство шляхты рыцерства нашого, а обывателей здешнихъ, яко на съемъ великий вальный отъ насъ листы нашими возъваныхъ и собраныхъ; а иныхъ пановъ радъ нашихъ, князей, пановъ, панятъ, врядниковъ, старостъ и иного рыцерства ачъ на тотъ часъ для собранья у войско противъ неприятеля нашего, великого князя Московского, при насъ не было, ведже на то на все, што вышей въ семъ привильи нашомъ описано, черезъ пословъ своихъ позволили. И на то есмо дали всимъ станомъ и обывателемъ великого князьства Литовского сесь нашъ привилей. Писанъ у Бельску лета Бож. Нарож. 1564, месеца июля первого дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 485—493).

№ 49.

Привилей, даный мещаномъ Виленьскимъ, потвержаючи право майдеборское и иншие вольности ихъ и варуючи имъ, же статутъ правъ земскихъ, теперь нововыданый, праву ихъ майдеборскому ничого шкодити не маетъ *).

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Ифлянтский и иныхъ. Ознаймуемъ симъ нашымъ листомъ всимъ посполите и кому будеть потреба того ведати, нинешнимъ и на потомъ будучымъ. Што тыхъ часовъ, будучы намъ господару въ паньстве нашомъ великомъ князьстве Литовскомъ, въ замку Бельскомъ, на сойме великомъ вальномъ, зъ звыклое щодробливости, ласки и доброти нашое господаръское, за жеданьемъ и прозбою велебныхъ въ Бозе, вельможныхъ, шляхетъне урожоныхъ князей, пановъ такъ вышъшого стану пановъ радъ нашихъ духовныхъ и светьскихъ, яко княжатъ, панятъ, врядниковъ нашихъ земскихъ, дворныхъ, хоружыхъ, шляхты бояръ и всего рыцерства нашого, обывателей оного паньства великого князьства Литовского, объдаровали и дали есмо имъ всимъ землямъ того паньства права новые, то естъ статутъ справъ судовыхъ, допустивши поправити старого статуту съ прибаеньемъ а примноженьемъ въ немъ артыкуловъ и поступъковъ зъ инъшихъ правъ хрестиянъскихъ, ку лепъшой а доскональшой справедливости, который же статутъ выдавши имъ, и привильемъ есмо нашымъ его потвердили; где жъ въ ономъ привильи земскомъ, ачъ кольвекъ то объварованo и доложоно, же

---

*) Къ Бѣльскому сейму 1564 г.

права майдеборские яко въ месте нашомъ столечномъ Виленьскомъ, такъ и во всихъ иныхъ местехъ того паньства нашого великого князьства Литовского, въ целости захованы суть, ведже предъсе послове места нашого столечъного Виленьского, которые отъ братьи своее, всихъ мещанъ Виленьскихъ, на тотъ съемъ Бельский для постереженья правъ и вольностей ихъ посланы суть, бурмистры Виленьские—Лукашъ Опаховский, Зеновъ Зарецский а писаръ местъский Еронимъ Опаховский били намъ чоломъ, абыхмо ласку нашу господарскую вчинили, а то имъ особливымъ привилеемъ нашымъ опатрили и объваровали и упевнили, а ясне тотъ артыкулъ въ немъ описати казали. А такъ, ижъ мы господаръ яко съ продковъ нашыхъ, такъ и за нашого щастливого пановья зъ ласки и доброти нашое звыкли не только при правехъ и вольностяхъ давныхъ кожъдый станъ подданыхъ нашыхъ заховати, але еще ихъ за прозбами и радливостью подданыхъ нашыхъ што отъ часу примножати и приспоряти, где жъ и тыхъ подданыхъ нашыхъ перво речоныхъ пословъ места нашого столечного Виленьского видячи быть въ томъ прозбу слушную, и чинечи ласку нашу господаръскую всему месту нашому столечному Виленьскому, на чоломбитье ихъ то ёсмо вделали и симъ привильемъ нашимъ то имъ объваровываемъ, объясняемъ и умоцняемъ, ижъ тотъ статутъ правъ земскихъ, теперь ново на томъ сойме Бельскомъ всимъ станомъ рыцерству нашому, обывателемъ великого князьства Литовского, выданый и утьвержоный, праву ихъ местъскому немецкому майдеборскому и въ немъ вольности и привильемъ ихъ местъскимъ, отъ продковъ нашыхъ наданымъ и отъ насъ господара утвержонымъ, ничого шкодити и жадного уближенья и нарушенья а переказы нести и чинити не маеть, але тому месту нашому столечному Виленьскому и въ немъ всимъ подданымъ нашымъ, мещаномъ тамошнимъ, тое право ихъ местъское майдеборское и вси вольности привилья ихъ местъские, отъ продковъ нашихъ имъ даные и отъ насъ прибавленые и утвержоные, во всемъ при зуполной моцы и безъ кожъдое образы и уменьшенья зоставуемъ и заховываемъ; и потвержаемъ то имъ симъ нашимъ привильемъ, который даемъ имъ съ печатью нашою привесистою и подписаньемъ руки нашое. При томъ были и того добре сведоми панове рада наша ихъ милость: князь Валерiянъ, бискупъ Виленский; князь Юрей Юревичъ Слуцкий; князь Янъ Анъдрушевичъ, бискупъ Луцкий и Берестейский; князь Станиславъ Кгабрияловичъ, бискупъ Жомойтский; воевода Виленский, маршалокъ земский, канъцлеръ нашъ великого князьства Литовского, староста Берестейский и Ковеньский, панъ Миколай Радивилъ; панъ Виленьский, гетьманъ нашъ дворный великого князьства Литовского,

староста Городеньский, панъ Григорей Александровичъ Ходкевичъ; воевода Троцкий, гетьманъ нашъ навышъшый великого князьства Литовского, староста Мозырский, державца Лидский, Белицкий и Сомилишъский, панъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ; староста Жомоитъский, державца Плотельский и Тельшовский, панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевича; воевода Киевский, маршалокъ земли Волыньское, староста Володимерский, князь Костанътынъ Костанътыновичъ Острожский; воевода Новъгородский панъ Павелъ Ивановичъ Сопега; воевода Витебский князь Стефанъ Анъдреевичъ Збаражъский; воевода Подляшъский староста Меньский, державца Лысковский и Межиречъский, панъ Василей Тишкевичъ; маршалокъ дворный, подскарбий земъский великого князьства Литовского, писаръ нашъ, староста Могилевский, панъ Остафей Воловичъ. Писанъ у Бельску лета Божего Нароженья 1564, месеца июля семого дня. Подписъ руки господарское.

(Литов. Метр. кн. Запис. XXXVIII, л. 498—500).

№ 50.

Року 1564, месеца ноября 23 дня листы военные отъ господара его милости принесены съ Петрикова, писаны по всему паньству великому князству Литовскому и складаючи рокъ ку збиранью въ Меньску по светомъ Мартине у двухъ неделяхъ; розосланы тые листы зъ Новагородка черезъ дворанъ господарскихъ ноябра 24 дня *).

Грыгорей Лытупский понесъ:

до тивуна Дирваньского,
до тивуна Ужвеньского и Вешвенского,
до тивуна Берженского,
до тивуна Шовдовского,
до тивуна Ойракгольского,
до тивуна Коршовъского,
до кн., пановъ, всихъ обоват. зем. Вол.,
до земянъ Полонкговъскихъ,
до земянъ Юрборскихъ,
до земянъ Жижъморскихъ,
до хор. Кгераноинского,
до хор. Высокодворского,
до дер. Ясвенского,
до земянъ Плотельскихъ и Тельшовскихъ,
до тивуна Поюрского,
до тивуна Дирваньского,
до тивуна Тверского,
до тивуна Кгондинского,
до тивуна Берженяньского,
до тивуна Ретовъского,
до земянъ Ботоцкихъ,
до земянъ Крозскихъ,
до князя Ярослава,

---

*) Къ Минскому военно-полевому сейму 1564 года.

до хор. Стоклишского,
до хор. Ковеньского,
до всихъ пановъ Шеметовъ,
до дер. Вольского.

Павелъ Войниловичъ понесъ:

до пана Козиньского,
до пановъ Остиковъ,
до хор. Керновъского,
до хор. Вилкомирского,
до хор. Оникштенского,
до хор. Медницкого,
до хор. Мойшакголского,
до хор. Дорсунишъского,
до князей Кгедройскихъ,
до дер. Вилькомирского,
до папа скарбъного,
до пани Комаевъское,
до хор. Судеревъского,
до хор. Мемежского,
до хор. Упитского,
до хор. Рудоминьского,
до хор. Кгедройского,
до хор. Бирштаньского,
до хор. Пенянского,
до пановъ Завишъ,
до тивуна Троцкого,
до городничого Виленского,
до конюшого Троцкого,
до хор. и стяговъ татарскихъ,
до хор. Ошменского,
до пана чашника,
до князей Пронскихъ.

Семенъ Оранский:

до пана Гаврила Горностая,
до хор. Василишского,
до хор. Ейшишского,
до хор. Волковыйского,
до дер. Любечского,
до дер. Волковыйского,
до старосты Мстибоговского,
до пановъ Шимъковичовъ,
до дер. Радошковского,
до хор. Радуньского,
до бояръ Мстибоговскихъ, Лысковскихъ и Межирецкихъ,
до старосты Гомейского,
до дер. Речицкого,
до старосты Жомойтского,
до пановъ Илиничовъ,
до пановъ Волчковичовъ,
до конюшого Виленского.

Павелъ Оранский:

до дер. Олитского,
до пановъ Воловичовъ,
до хор. Коневского,
до земянъ Кнышинскихъ,
до конюшого дворного,
до хор. Довкговского,
до хор. Остриньского,
до царевича Остринского,
до хор. Лепуньского,
до земянъ Тыкотинскихъ,
до подскарбего дворного,
до хор. Меречъского,
до хор. Пуньского,
до хор. Городеньского,

Новгородокъ:

до пани воеводиное Виленское,
до князей Полубенскихъ,
до хор. Новгородского,
до пановъ Глебовичовъ,
до пановъ Шчитовичовъ,
до пановъ Хребтовичовъ,

до князей Масалскихъ,
до хор. Лидского,
до пановъ Зеновьевичовъ,
до пановъ Немировичовъ,
до дер. Ляховицкого,
до маршалковъ, хоруж. и стяговъ татарскихъ.

Михайло Малышевичъ:

до хор. Марковского,
до князей Соколенскихъ,
до князей Друцкихъ,
до хор. Меньского,
до князей Видиницкихъ,
до князей Лукомъскихъ,
до пановъ Сологубовъ,
до хор. дворного,
до хор. Кревского,
до воеводиное Витебское,
до земянъ Витебскихъ,
до старосты (?) Слуцкого,
до старосты Мстиславского,
до пана Троцкого,
до хор. Мстиславского,
до пана подстолего,
до дер. Оршаньского,
до старосты Чечерского и Пропойского,
до земянъ Чечерскихъ и Пропойскихъ.

Иванъ Бака понесъ:

до земянъ Киевъскихъ,
до земянъ Чорнобыльскихъ,
до князя Чорторыйского,
до земянъ Овруцкихъ.

Ѳеонасей понесъ:

до пана старосты Слонимского,
до пановъ Нарбутовъ,
до хор. Слонимского.

Въ Новагородку роздалъ Лынтупский:

пану воеводе Троцкому,
пану воеводе Виленскому,
пану Ярошу Синявскому,
митрополиту,
князю бискупу Киевскому,
князю бискупу Виленскому,
пану Миколаю Синявскому,
паномъ Пацомъ.

Стома Мацкевичъ понесъ:

до князя Юрья Слуцкого.

До пана воеводы Подляшского посланъ листъ черезъ его слугу, въ листе паньскомъ и гетманьский.

Жикгимонтъ.

Чашнику нашому великого князства Литовского, державцы Скерстомонскому и Росеинскому, пану Матею Петковичу. Што тыхъ часовъ, роспушчаючы войско нашо зъ Лепля, воевода Троцкий, гетманъ наивышший для слуховъ небезъпечныхъ, которыхъ его милость певную ведомость взялъ о неприятелю нашомъ, великомъ князю Московскомъ, ижъ онъ, злый умыслъ маючи, на тое паньство нашо хотячи самъ головою своею зо всими силами своими тягнути по светомъ Ми-

коле въ земли наши казити и пустошити ихъ або подъ замъки украинные, моцъю ихъ добываючи, чого ему панъ Богъ не допоможеть, росказалъ всимъ именемъ нашимъ господарскимъ и зъ уряду своего гетманьского ку отпору тому неприятелю а обороне того паньства великого князьства збиратися у Меньску на часъ и рокъ певный у двухъ неделяхъ по святомъ Мартине, близко пришломъ святе въ року нинешнемъ шестьдесятъ четвертомъ: прото, ижъ пильная потреба указываеть, абы ся тому досыть стало, што вамъ отъ пана гетмана его милости именемъ нашимъ при роспущченью войска росказано, кгды жъ зо всихъ украинъ до насъ пишутъ и зъ иныхъ сторонъ вести насъ доходять, же тотъ неприятель нашъ запевне того злого предъсязвзятья и умыслу своего на тое панъство нашо попирати хочеть, прото приказуемъ тобе абы еси подле уфалы земъское статутовое и сойму Виленского, въ року шестьдесятъ третемъ минулого, съ почтомъ зупольнымъ зъ имeней своихъ на местце и на рокъ, отъ пана гетьмана зложоный и въ семъ листе тебе ознайменый, становилъ и съ почтомъ своимъ предъ его милостью оказалъ и пописалъ, ничимъ того року не омешкиваючя, абы нихто повинный войне, который одно кольвекъ шляхтичомъ естъ, того тытулу, права шляхетьского и именья земъского уживаеть, дома зостати а ни року омешкивати не смелъ. А ижъ потреба способу большого ку отпору тому неприятелеви зъ нашое стороны лепъшому, который такъ ся не помалу збираеть зъ великими моцами на тое паньство нашо и замки украинные, а звлашча, же онъ часу того зимнего, на который ся готуеть, звыкъ воевати, а намъ и панству нашому больш шкодити людьми пешими, потреба бы тежъ и въ нашихъ войскахъ при ласце и помочи Божой для безпечнейшое обороны и становенья битвы зъ ними, пешихъ мети не мало; лечъ, ижъ ты на то не естесь повиненъ, а наболей тотъ кождый таковый, который будеть водлугъ уфалы сойму Виленского на томъ рушенью, которое первшое по томъ сойме у томъ же року шестьдесятъ третемъ было, досыть тому учинили и оныхъ пешихъ становили и у пана гетьмана пописали, жедаемъ тобе, естли будешь въ онъ часъ тыхъ пешихъ не становилъ и въ пана гетьмана не пописалъ, приказуемъ тобе, ажъ бы еси тою повинностью уфалы соймовое, видячи такъ великую потребу речи посполитое, вашу властную, зъ милости своее ку намъ, пану своему, и ку той матце и отчизне нашой и своей речи посполитой того-тамъ панъства великого князьства ратунокъ чинечи и забегаючи всякой небезпечности, при езномъ почтте межи двема конными третего пешего зъ ручницою або рогатиною и сокирою мелъ и зъ ними тамъ у пана гетьмана становилъ, што мы охотнымъ и по-

19

спешнымъ, а хто надъ повинность свою и уфалу соймовую то вчинить, особливе ласкою нашою господарскою паметовати будемъ; и тымъ листомъ нашимъ обваровываемъ и упевняемъ на вси пришлые або потомъные часы, же тое становенье пешихъ, и подъ симъ часомъ не уфаленые, хто учинить по доброй воли своей и на жеданье а про потребу свою властную речи посполитое того панства великого князьства, въ жадную пошлину вамъ не пойдеть и шкодити николи не будеть. Къ тому, ижъ то наша властная повинность господарская а преднейшая къ вамъ верънымъ подданымъ нашимъ оборона и справедливость, што звыклисмы намней съ хути а милости нашое полнити и приспарати вамъ, а такъ помнечи на то добре, яко привилей нашъ на сойме Бельскомъ выдати вамъ зъ ласки и доброты нашое казалисмы на статутъ новый, на порядокъ и обиранье местецъ, на положенье книгъ и засаженье судовъ и врадниковъ судовыхъ, а ижъ тымъ новымъ порадкомъ и статутомъ справы судовые мелися почати и пти отъ свята святого Мартина, близко вжо пришлого свята въ року шестьдесятъ четвертомъ, для чого ку намовамъ и становенью тыхъ речей потреба была по опомъ сойме Бельскомъ зъеханья нашого зъ радами и всими станы сполного, на што добре паметалисмы и тотъ зъездъ учинити хотели на светый Мартинъ при границахъ польскихъ на Подъляшью въ Угрове, нижли дойти не могъ за долгимъ омешканьемъ войска нашого на той службе военной и лежанье(мъ) подъ Полоцкомъ, якожъ и теперь трудно въ сихъ часехъ борздо маеть доити, звлашча зъ нами, господаремъ, за тымъ, ижъ намъ отъ сойму тутошнего корунного, которому вжо рокъ близко припадываеть, а зложонъ естъ въ великоважныхъ потребахъ, нельзе отъеждчати тамъ до Литвы, а вы тежъ, вси обователи великого князьства, зъ неменшихъ потребъ и обороны того панства борздо вжо на войну ехати мусите: прото, ачъ сами не могучи на сесь часъ тамъ до Литвы ехати и хотяжъ маемъ волю, дасть Богъ, отправивши тотъ съемъ, неомешкане, въ рыхломъ часе, тамъ до того панства нашого великого князьства къ вамъ вернымъ подданымъ нашимъ быти, предъся же не занехиваючи, жебы ся справедливости ничого не омешкивало и тымъ речамъ а порадкомъ, которыи ку той же становити естъ потреба, писали есьмо до пановъ радъ нашихъ, князей, пановъ и всихъ становъ, якожъ и тобе приказуемъ, абы еси подъ тымъ жо зъеханьемъ своимъ ку пану гетьману на войну и въ томъ же часе, где вси будете споломъ, о томъ о всемъ, яко вышей описано, и на што есте привилей одержали, и чого до порадку судовъ, права и справедливости потреба, намовилися, зголливе и одностайне тые речи постановивши и докончивши а списавши, намъ

ознаймили и послали; а мы вжо на то позволимъ и то съ тымъ учинимъ, што будеть слушного и годного. При томъ знаючи мы то, ижъ на таковый зъездъ военный и ку справованью потребъ земъскихъ такъ важныхъ естъ всихъ становъ такъ духовныхъ, а зъ нихъ меновите князей бискуповъ ихъ милости, яко... потреба, писати есмо казали до пановъ радъ ихъ милости, а особъливе до пана гетмана, естли бы ся ихъ милости где ближе, нижъ въ Меньску, тое збиранье военное и для тыхъ справъ перво назначоныхъ виделo, пушчаючи то на зданье ихъ милости. А прото, где ся ихъ милость паны рады, а звлашча панъ гетманъ великий на тотъ рокъ и день у дву неделяхъ по светомъ Мартине зъедуть, зберуть и будуть, а хотя бы иныхъ пановъ радъ нашихъ такъ борздо тамъ не было, ино ку самому его милости пану гетману до Меньска або тамъ, где въ онъ часъ будеть его милость зъехалъ, ничимъ того року и часу не омешкиваючи, на войну и для отправы тыхъ справъ становился конечно. Писанъ у Петръкове лет. Бож. Нарож. 1564, месеца нояб. 20 дня.

(Лит. Метр. кн. Публич. VII, л.л. 59—63).

№ 51.

Листъ до всихъ подданыхъ волости Шовленское около податку серебщизного и отправе военъной *).

Войтомъ местскимъ и волостнымъ, мешчаномъ, слугамъ путънымъ и всимъ подданымъ нашимъ местечокъ и волости Шовленъское, особливе теслямъ, пивоваромъ, ковалемъ и инымъ всякимъ ремесникомъ, што съ постановенья волочъного до тамошнего враду отъставлены, и тежъ кухаромъ и пекаромъ, которие у двору нашого служити повинни. Што который податокъ на потребу речи посполитое, пенези серебъщизные зъ сойму уфаленъ естъ на три лета, ино, естъли будете того податъку за роки прошлые шестьдесятъ третий и шестьдесятъ четвертый не отъдали, жебы есте и теперь безъ кожъдого омешканья тотъ податокъ выдали до рукъ враду вашого тамошнего. А што ся дотычеть бранья того податъку за теперешний рокъ шестьдесятъ пятый, ино, хотя жъ епче рокъ светого Михаила не пришолъ, на который бы тотъ податокъ выбиранъ быти мелъ, але, ижъ пильные потребы нашы и земские на тотъ часъ припали, прото приказуемъ вамъ, ажъбы есте и за нинешний рокъ шестьдесятъ пятый оный податокъ серебъщизный водле соймовое уфалы потому жъ, яко и прошлыхъ годовъ давали есте кромъ всякого омешканья, до враду жъ тамошнего выдали, ни-

*) Къ Виленскому сейму 1563 г.

чимъ никоторого омешканья и сплошеньства чинити не смеючи. Къ тому, ижъ мы, господаръ, особою нашою до войска тягънемъ, прото конечъне мети хочемъ, жебы есте зо всее волости тамошънее зъ двадцати волокъ двохъ чоловековъ и возъ зъ двема клячами добрыми выправили и послали при враде своемъ до войска нашого, давши имъ на кожъдый возъ живности на хлебъ сухий муки бочъку, гороху два корцы, крупъ овсяныхъ два жъ корцы, або толокъна такъ же два корцы, пшона корецъ, лошины два камени, соли два камени, чосноку корецъ, сыровъ десеть. А тые два чоловека, которыхъ выправите, абы мели по рогатине и по сокире и къ тому при кожъдомъ возе по два серпы и по одной косе, и сами тежъ для себе ижъ бы приложилися живностью такъ, якобы на полгода выховатися могли, а на той же подводе оные два чоловеки и собе живность везти мають. А за то вамъ всимъ отъпускаемъ съ кожъдое волоки, што есте повинни отъ жорновъ на годъ давати, по десети грошей и по чотыри пенези за рокъ нинешний шестьдесятъ пятый. А вамъ, всимъ ремесникомъ вышей описанымъ, приказуемъ, ажъбы есте при тамошнемъ враду до войска нашого шли, беручи собе живность также не на малый часъ. Къ тому абы вы, мещане тамошнихъ местечокъ нашихъ, выбравши межи собою зъ девети чоловековъ десятого, межи которыми жебы были пивовары, пекари, дойлиды и ковали, до войска нашого при враде своемъ выправили и послали, осмотревшы ихъ зъ сполного вашого плату всими потребами, которие до ремесла ихъ належать, и возы имъ живностью добре наспижовавши, яко бы целую полрока выховатися могли. Надъ то абы вы, мещане, складалися на всякие живности, звлашча на овъсы и ячъмени, и провадили при враде своемъ до войска нашого, а тамъ не уставою, але торгомъ плачоно вамъ будеть. А вамъ, бояромъ нашимъ путьнымъ, приказуемъ, ажъбы есте зъ ручъницами, зъ шаблями або зъ мечами при враде вашомъ на войну ехали; тежъ особливе росказали есьмо враду вашому тамошънему съ фольварковъ нашихъ тамошнихъ, што быти можеть, готовати муки пшеничные и посполитые, мясо старое, полти и рыбы вялые, крупы, масла, сыри и цыбулю и тежъ овсы и ячъмени; а къ тому ешче велели есьмо ему таковые живности, звлашча овсы и ячмени за пенези серебшчизные, што теперь зъ васъ брати будеть, куповати и способяти, а зъ васъ, подданыхъ нашихъ волости тамошнее, стацию, то есть: яловицы, бараны, гуси, кури, яйца подлугъ уставы за рокъ нине идучий шестьдесятъ пятый выбрати теперь за разомъ, а при выбиранью цыншовъ пенезей за стацыю на васъ брати есьмо не велели, яко уставе около того написано, и тые вси живности и стацыю росказали есьмо ему вами, поддаными нашыми волости тамошнее, до войска нашого при собе про-

вадити на часъ и местъце, которое ку збиранью войска через листы наши всимъ землямъ ознаймено. А такъ, кгды то вамъ отъ него росказано будеть, приказуемъ вамъ, ажбы есте кромъ всякого омешъканья и послушенъства тому всему, яко въ семъ листе нашомъ помено и описано, досыть чинили, ничимъ сего росказанья нашого ослухатися не смеючи конечно. (Между 4 іюня и 24 августа 1565 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 88—90).

№ 52.

Отправа посланцовъ съ Петръкова на списыване шкодъ вшелякихъ, у великомъ князьстве Литовскомъ отъ жолнеровъ починеныхъ, року 1565, месяца июня 4 дня *).

Панъ Иванъ Карпъ.

Первая дорога—Подляшъе, отъ границы корунъное почавши Берестейскимъ поветомъ и границою въ Кобрынский поветъ ажъ по реку Яселду и до Пинскихъ волостей, где служебные досегали, а Яселдою рекою уверхъ ажъ до Нарви, Нарвою до Кнышина, Августова, оттоль до Тыкотина, съ Тыкотина до Бельска, до Дорогичина, Мельника, Лосичъ, Шерешова, Каменца алижъ до того местца, отколе на первей пописовати почнуть: межи границы корунъное и вышей менованыхъ рекъ, где кольве именья есть, мають менованые посланцы везде, до замъку або до двора господарского едучи, дать о собе за день або за два знать, ижъбы подданые сходилися и земяне шляхъта въ именьяхъ своихъ справедливе списали, которая рота въ тягненю стацей, то есть, живности вшелякое, въ нихъ безъ заплаты брали; такъ же и иные речи будуть ли брали и въ чомъ колве долеглость учинили и подъ которымъ часомъ. А маеть ся зъехати посланецъ великого князьства съ посланцемъ коруны Полское до Воиня месеца июня 24 дня.

Панъ Иванъ Вагановский.

Другая дорога отъ Здитова и Спорова у Шчарю реку до верхъ Молчади и Молчадью въ Немонъ, а черезъ Немонъ до Василишокъ и дорогою Виленскою ажъ по реку Меречъ, а Меречью вниз въ Немонъ, а черезъ Немонъ ажъ до пущъ его кролевское милости, а подле пущи ажъ въ Наревъ, а Нарвою до верху реки Яселды. Яселдою алижъ до вышейменованого местца Здитова; такъ же и Пинские волости, которые прилегли, где жолнеры досегали, мають списать. Въ томъ тракъте замъки господарские: Городно, Слонимъ, Лысковъ, Мсти-

*) Къ Минскому военно-полевому сейму 1564 г.

боговъ, а дворы: Волковыйскъ, Зельва, Межпречъ, Острина, Конева, Дубичъ, Ейшишки, Радунь, дворы Городеньскіе. А маеть ся (зъехати) посланецъ великого князства съ посланцомъ корунънымъ до Спорова месеца іюня 24 дня.

Панъ Василей Рагоза.

Третяя дорога отъ реки Шчари почавши, то естъ, отъ Слонима до Миши, до Ляховичъ, до Клецка ажъ до Слуцка по Пинскую границу, до Бобруйска, до Свислочи, до Рогачева ажъ до Мозырское волости, где служебные досегали, и по великую дорогу, которая идеть зъ Менска до Борисова, а черезъ тую дорогу до Логойска, до Аины, и ажъ по великую дорогу Долгиновскую до верху реки Вельи и ажъ до Маркова, подле реки Вельи и ажъ до Вильни въ дорогу вышей менованую, которая на Василишки идеть. Въ томъ тракте замки господарскіе: Новгородокъ, Ляховичи, Бобруйскъ, Рогачевъ, Свислочъ. А маеть ся посланець великого князьства съ корунньмъ зъехати у Молчади месеца іюня 24 дня.

Панъ Андрей Хоружичъ Новгородскій.

Четвертая дорога—зъ другое стороны Березины, почавши отъ Борисова внизъ Березины до Быхова и въ реку Днепръ, а Днепромъ уверхъ до Могилева ку Орши, досегаючи Мстиславскихъ, Чечерскихъ, Пропойскихъ и Гомейскихъ волостей. Тые, естли могуть списовать кривды свои, ознаймовать на писме въ тыхъ менованыхъ замъкахъ: въ Быхове, въ Могилеве, въ Шклове, въ Кописи и на Орши, а отголь до Оболець, Смолнянъ, до Лепля, переймаючи по дорогу великую Долгиновскую, где встала река Велья, где могуть досегать всихъ тыхъ волостей, што ку Полоцку неприятель привлашчилъ. А маеть ся посланецъ литовъскій съ посланцомъ корунънымъ зъехати у Борисове месеца іюня 30 дня.

Панъ Третякъ.

Пятая дорога до Мядела, оттоле до Дунилова, до Глыбокого и ажъ по Дисну замокъ его кор. мил. и черезъ Дисну унизъ Двины и по дорогу великую, которая идеть на Браславль до Лифлянтъ зъ Вилни, а тою дорогою ажъ до Вилни. А маеть ся посланецъ литовскій съ посланцомъ коруны Полское зъехати у Вилни месеца іюня 30 дня.

Панъ Кухмистровичъ.

Шостая дорога съ Ковна границою земли Жомоитское ажъ до границы Лифлянтъское, а оттоле въ дорогу вышейменованую, которая зъ Браславля идеть, и подле тое дороги ажъ до Вилни, а отъ Вилни

Велею внизъ до Ковна. Тамъ же ся у Ковне посланцы зъехати мають месеца июня 30 дня.

Панъ Малхеръ Завиша.

Семая дорога, почавши зъ Мереча, уверхъ тое реки Меречи, поколе заходить дорога, идучая зъ Васплишокъ, ажъ ку Вильни, надъ Велью по Ковно въ Немонъ и черезъ Немонъ до Вирболова и подле пущчи его кор. мл. ажъ до того местца Меречи, рекою Немномъ ажъ подъ пущчу, которая естъ ку Городну. А мають ся посланцы зъехати до Мереча месеца июня 28 дня.

Жыкгимонтъ Августъ, Божью *)...

Княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, кнегинямъ, панямъ, державцамъ, наместникомъ, тивуномъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ врадникомъ нашимъ господарьскимъ, княвьскимъ, паньскимъ, шляхетскимъ и духовныхъ въ панъстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, почавши отъ Вильни до Мядела, до Дуниловичъ, до Глубокого ажъ по Дисну замокъ, а черезъ Дисну внизъ Двины по Дыномъборкъ и по дорогу великую, которая идеть на Солокъ до Лифлянтъ зъ Вилни, а отголь дорогою ажъ назадъ до Вилни. Што, на сойме будучи у Менску, ваша милость панове рады наши писали есте къ намъ и братью свою присылали именемъ своимъ и тежъ за прозьбою рыцерства и иныхъ всихъ становъ тамошнего панъства нашого, великого князьства, ознаймую вамъ **), ижъ служебные, которые тамъ въ ономъ панъстве нашомъ, великомъ князстве Литовъскомъ, на именьяхъ нашихъ господарскихъ и тежъ на именьяхъ вашихъ лежать, яко живности всякие и тежъ стацеи безъ заплаты беруть, такъ надъто еще и иные долеглости свои, которые ся тамъ отъ нихъ деють, въ кгвалтехъ, наездехъ, бояхъ, у браныо маетностей и въ иншихъ многихъ речахъ, прекладали есте и просили насъ, абы посланъцы наши зосланы ку огледанью и списанью тыхъ вашихъ долеглостей. Ино мы, хотечи, абы кожъдому за живность заплата, въ кривдахъ поделаныхъ справедливость сталася, посылаемъ посланъцевъ нашихъ зъ стороны коруны Полское , а зъ стороны великого князства Литовъского дворанина нашого Себестьяна Третяка и росказали имъ тотъ край увесь вышшей назначоный обехати и достаточне выведатися коло таковoго ушкоженья васъ самыхъ и подъданыхъ нашихъ и вашихъ и пописати на реистра шкоды и кривды,

---

*) Къ Минскому военно-полевому сейму 1564 г.

**) Испорчено переписчикомъ; надо читать: «ознаймуючи вамъ».

отъ служебныхъ починеные, то есть, хто бы не толко стацыи и живности бралъ, але што большая где бы ся отъ кого въ чомъ кривда деяла, яко въ кгвалтехъ, наездехъ, въ зобраньи маетностей и въ инъшихъ якихъ кольвекъ речахъ; которые жъ посланъцы маютъ то все списовати по достатьку, маючи кожъдый свой реистръ особливый, але однако вшелякую речъ выписаную и обема печатьми ихъ запечатати и подписаны *) для ведомости певное намъ господару и скарбу нашому. Прото, на чиемъ бы именью служебные такъ польские, яко и и великого князства, были и таковые живности брали, або чимъ бы хто колвекъ отъ нихъ утисненъ, таковый нехай бы до тыхъ посланъцовъ нашихъ на певные местца до дворовъ нашихъ господарскихъ, где хто прилеглость маеть, зъеждчалися и вси таковые речи, што собе ку укривженью и обтеженью быти менуете, справедливе передъ тыми посланъцы нашими оповедали и въ реистра ихъ вписывали. А мы, веземши ведомость съ попису ихъ, роскажемъ не толко за стацыи и живности черезъ служебныхъ побраные заплату чинити, але тежъ хто бы што иного уделалъ и чимъ кольвекъ обътежилъ кого надъ росказанье нашо, тогды кажемъ справедливость кождому чиныти при заплате службы тымъ служебнымъ нашимъ. А то вамъ всимъ и кождому зъ особна приказуемъ, ажъбы есте подлугъ першого росказанъя нашого, на листехъ нашихъ вамъ, старостамъ и державцамъ и всимъ врадникомъ нашимъ ознайменого, такъ первей приеханья, яко ешче засе за приеханьемъ тыхъ посланцовъ нашихъ где колвекъ до замъковъ, дворовъ, местъ и волостей нашихъ и князьскихъ, и паньскихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, въ местехъ, торгохъ и въ дни светые при костелехъ сее росказанье нашо часто кроть волати казали и всимъ ознаймили и оповедили, иначей того не чинечи конечно. Писанъ у Петръкове року 65, месеца мая 19 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 73—76).

№ 53.

Року 65 въ месецы октебры писаны листы до всихъ обователей великого князства Литовского отъ господара его милости, складаючы ку збиранью сейму по светомъ Мартыне въ тый день и розосланы тые листы того жъ месеца октебра 26 дня **).

---

*) Надо читать: «подписати».

**) Къ Трабскому сейму 1565 г. и Виленскому сейму 1565—1566 г.

Хлопецъ пана маршалка дворного Василей Фурсъ понесъ:

до пана Юрья Тишковича,
до князя Александра Кошерского,
до пана Григорья Гризны, мар.,
до пана мечного Сирутя,
до хор. Радуньского,
до хор. Берестейского,
до хор. Ейшишского,
до всихъ пановъ Пацовъ,
до пана Яна Волчковича,
до пана Каленицкого Тишковича,
до пана Михайла Ела,
до пана Оникъя Горностая,
до пановъ Горностаевъ,
до хор. Пинского,
до хор. Кобринского,
до хор. Волковыйского,
до старосты Житомирского,
до бискупа Луцкого.

На Волынь:

до старосты Кремянецкого,
до пана Козинского, маршалка,
до всихъ князей Ружинскихъ,
до всихъ князей Четвертенскихъ,
до всихъ князей Курцевичовъ,
до князей Збаразскихъ,
до пана Петра Загоровского, мар.,
до всихъ князей Вишневецкихъ,
до князя Александра Чорторыйского,
до всихъ князей Санъкгушковичовъ,
до князя Корецкого.

Хлопецъ пана маршалка дворного Билцеръ Садовский понесъ:

до пана старосты Слонимского,
до всихъ пановъ Хребтовичовъ,
до хор. Новгородского,
до хор. Кгеранопнского,
до хор. Слонимъского,
до всихъ пановъ Глебовичовъ,
до хор. Лидского,
до пана воеводы Подляшского.

Семенъ Олексеевичъ понесъ:

до тивуна Ужвенского,
до тивуна Поюрского Станислава Шемета,
до хор. Ковенского,
до тивуна Шовдовского,
до тивуна Берженского Собестыяна,
до тивуна Берженянского (маетъ Шеметъ),
до пана чашника,
до хор. Жижморского,
до тивуна Коршовского,
до тивуна Кгодинского Бурбы,
до бискупа Жомойтского,
до всихъ пановъ Шеметовъ,
до хор. Дорсунишского,
до всихъ пановъ Завишъ,
до тивуна Дирваньского Вонтеха Шемета,
до тивуна Вешвеньского,
до тивуна Тверского Илкговского,
до тивуна Шовдовского,
до хор. Городеньского,
до хор. Меречъского,
до всихъ пановъ Воловичовъ,
до хор. Бельского,
до пана Виленского,
до хор. Мельницкого,
до хор. Высокодворского,
до хор. Ожъского,
до хор. Дорогицкого,

до пана Яроша, конюшого,
до пана подчашого,
до конюшого Троцкого,
до всихъ пановъ Остиковичевъ,
до хор. Ушпольского,
до хор. Бирштанского,
до хор. Стоклишского,
до хор. Довкговъского,
до хор. Сомилишъского,
до хор. Керновъского,
до хор. Пунского,
до хор. Мойшакгольского,
до всихъ князей Лукомскихъ,
до хор. Красноселского,
до хор. Марковъского,
до хор. Медницкого,
до хор. Кревского,
до всихъ князей Соколенскихъ,
до всихъ князей Друцкихъ,
до хор. Витебъского,
до хор. Мстиславского,
до хор. Линского,
до всихъ пановъ Сологубовъ,
до хор. Браславского,
до всихъ князей Крошинскихъ,
до хор. Витского.

А то туть роздалъ Макаровичъ Якубъ:

князю Лукашу Свирскому,
пану Павлу Островицкому,
паномъ Собегамъ,
пану старосте Любечскому,
пану маршалку дворному,
до всихъ пановъ Довойновъ,
пану Яну Гайку.

Каменицкій понесъ:

до бискупа Киевского,
до пана воеводы Троцкого.

Тые листы такъ писаны:

Ко всимъ паномъ Щитовичомъ. Што тыхъ часовъ зъ волею и росказаньемъ нашимъ господарскимъ съ потребъ великоважныхъ а пильныхъ речи посполитое здешнего панства нашого, великого князства Литовъского, зъехавшися ихъ милости паномъ радамъ нашимъ и всимъ инымъ станомъ, обователемъ—рыцерству всихъ земль того панъства, до двора нашого Трабъского, виделося всимъ зъ сполныхъ намовъ, абы для обмышляньа о тыхъ таковыхъ пилныхъ и великихъ потребахъ земъскихъ, а меновите коло обороны противъ неприятелю нашому и коло постановенья справедливости и поправенья стату(ту), съемъ звыклый великий вальный того панства нашого великого князьства Литовского отъ насъ зложонъ былъ, о што вси одностайне жадливость и прозъбы свои зъ зданьемъ и радою ихъ милости пановъ радъ нашихъ намъ донесли. А прото, яко есмо вжо перво сего, на то призволивши, паномъ радамъ ихъ милости и всимъ станомъ спольне ознаймили рокъ зложенью сейму по светомъ Мартине пришлого свята въ року нинешнемъ шестдесятъ пятомъ въ томъ столечномъ месте нашомъ у Вильни або въ Городне, естли бы,—чого Боже вховай,—поветрее у Вильни перекажало; а такъ, ижъ зъ ласки Божъи сезде у

Вильни поветрие моровое не показуется, тогды мы вжо на тотъ часъ, въ тыдень по светомъ Мартине, у Вильни съемъ мети хочомъ. Вы бы къ тому часу до насъ ехали и сполне зъ иными станы, обователми всихъ земль тутошнего панъства нашого, о тыхъ таковыхъ потребахъ речи посполитое при насъ, господари, радили и обмышляли бы есте, жебы зъ лепъшимъ и пожиточнейшимъ речи посполитое и нашимъ господарскимъ то все оправити и наконецъ постановитися могло. А што ся дотычеть справъ судовыхъ, которые преложоны по роспущеню войска на судъ нашъ за мандаты нашыми або бы которымъ кольвекъ обычаемъ, кому рокъ передъ нами припадывалъ, мы, постерегаючи, абы подъ симъ часомъ въ зобранью людей поветрее сезде въ месте Виленскомъ не замножилося, для того тые вси справы судовые откладаемъ на тотъ же съемъ пришлый; о томъ ведаючи, абы нихто для таковыхъ справъ судовыхъ первей того сойму на дворъ нашъ не приездилъ, але вжо на сойме кождыи тыхъ справъ своихъ судовыхъ пильновати будутъ. Писанъ у Вильни лета Божъего Нороженья 1565, месеца октебра 20 дн. Миколай Нарушевичъ писаръ.

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ VII, лл. 82—84).

№ 54.

Упевненье маршалъку дворному пану Остафью Воловичу на заслужоное *).

Жикгимонтъ Августъ...

Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, што тыхъ часовъ за волею и росказаньемъ нашимъ до Трабъ зъехавшися, панове рада наша ихъ милость, духовные и свецкие, и тежъ княжата, панята и вси станы здешнего панъства нашого великого князьства Литовского зъ сполное намовы постановили и поднелися ку першимъ служебънымъ ездънымъ ешче чотыри тисечи людей служебъныхъ приняти для потужнейшое обороны противъ неприятеля и писали до насъ, ижъ некоторые съ пановъ радъ ихъ милости и зъ иныхъ становъ, врадниковъ и дворанъ нашихъ, подъняли ся своимъ коштъомъ почъты вести, абыхмо тымъ, которые ся того вжо подняли, заплату упевнили, а чого ешче до чотырохъ тисечей людей не достало, же быхмо таковыхъ особъ обрали, которие бы своимъ коштъомъ почты вести подъналися, а они насъ въ томъ упевънили, ижъ на сойме, который есмо въ тыйдень по светомъ Мартине зложили, на заплату тымъ служебнымъ зложи-

*) Къ Трабскому сейму 1565 года.

тися мели и насъ о то просили, абыхмо тымъ служебнымъ листы нашими и заплату упевнили, якожъ тамъ же у Трабахъ за прозьбою всихъ становъ подиялься двесте коней вести маршалокъ дворный, подскарбий земъский, справца воеводства Виленского, писаръ нашъ, староста Берестейский, державца Могилевскій, панъ Остафей Воловичъ, а зъ нашого росказанья и жеданья ешче пятьдесятъ коней коштомъ своимъ, того всего полтретяста коней вывелъ. А ижъ панъ маршалокъ дворный, милуючи насъ, пана своего, и речъ посполитую, на свой коштъ принемъши, тые люди вывелъ и способилъ въ часъ первей светого Мартина тотъ почетъ увесь, двесте коней, нижли, ижъ писаръ польный ку пописови всихъ тыхъ людей поспешне прибыти не могъ, яко ся у Трабахъ постановило, ижъ отъ попису служба имъ ити мела, мы будучи сведоми, же люди способеные и зведеные маеть, постановили есьмо и постановляемъ всимъ тымъ служебънымъ служъбу отъ свята и дня светого Мартина недавно минулого въ року нинешънемъ шестьдесятъ пятомъ, якожъ и пану маршалъку дворному на тотъ почотъ его, которий онъ вести подънялъся, полтретяста коней, служъба отъ того дня и свята святого Мартина начинаеться и за четверть году, то есть, за дванадцать недель по светомъ Мартине, заплата на каждый конь по пяти копъ грошей за симъ листомъ нашимъ дойти маеть, а за другую чверть лета потомъ у восми неделяхъ, такъ, яко на листе своемъ обовезалися панове рада наша и вси станы рицерства нашого у Трабахъ будучие. А въ томъ упевняемъ его о заплату на властной маетъности именей нашихъ господарскихъ, когды жъ намъ обовязокъ и упевъненье отъ всихъ становъ, такъ отъ пановъ радъ нашихъ, яко отъ всего рицерства о заплату, тымъ служебънымъ учинено. Прото и мы тежъ ему дозволяемъ тыхъ пенезей на именьяхъ нашихъ смотрети, где бы его заплата на тые часы назначоные не дошла. И на то ему даемъ сесь нашъ листъ, рукою нашою господарскою подписаный и зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни лета Божъего Нароженья тысяча пять сотъ пятьдесятъ пятого, месеца декабра первого дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XLV, л. 120—121).

№ 55.

Описанье поветовъ и границъ *).

Поветъ Виленский.

Къ хоругви до Вильни тые маютъ быть прилучоны: Керновская, Курклевская, Кгедройтская, Судеревская, Неменъчинская, Мойшакгольская, Рудоминьская, Мемежъская.

---

*) Къ Виленскому сейму 1565—1566 г.

Граница того повету.

Почпнаеться отъ уштья реки Ошмены у Велью и тою рекою Ошмяною уверъхъ до сутокъ Олоши реки, Олошою уверхъ до Кгервятъ, отъ Кгеръвятъ Олошою до Островца, отъ Островца Олошою до Палуша, отъ Палуша до Тюденишокъ, съ Тюденишокъ до Каменъного логу, съ Каменъного логу што напростей до веръха реки Мереча, оттоля до Каменки, съ Каменъки до Великихъ Солечниковъ, до Свинца, отъ Свинца подъле пущчи Рудъницкое, займуючи вси Яшуны, просто въ реку Порудомину, Порудоминою въ Чоръную Ваку, Чорною Вакою въ Белую Ваку, Белою Вакою у Велью, Вельею внизъ до Вилькомиръского повету, до устья реки Светое, Светою уверхъ до речъки Цесарки, Цесаркою уверхъ ажъ до того местца, где повстала; оттоль займуючи Дубинъки въ поветъ Виленьский, просто до устья реки Дубинъки у Жеймену реку, Жейменою у Велью, Вельею уверъхъ до устья Ошмены, где Ошмена впала у Велью, отколе ся почала граница того Виленского повету.

Одны книги и судьи у Вильни, други(е) книги въ Кернове, а судьи тые жъ будуть судити.

Граница повету Ошъменьского.

Отъ устья реки Жеймены, где у Велью впадываеть, рекою Жейменою уверхъ ажъ до озера Жеймена, отъ озера Жеймены у-въ озеро Шорковъ, а зъ Шоръковы въ озеро Дрывкгме, отътоль въ озеро Дисны, а зъ озера рекою Дисною ажъ до устья реки Березвеча, уверхъ рекою Березъвичомъ ажъ до озера Березвеча, оттоль у Великое озеро, а оттоль въ Глубокое, речкою Кривою у-въ озеро Кривое, а озеромъ Кривымъ у Ластовицу реку, Ластовицою што напростей у болото Березово, отколь Березыня встала, оттоль до мосту великого на Березини, где граница пришла Меньская.

Книги перъвшие у Ошмене, другие въ Мяделе, третие у Швинтанехъ, естлибы потреба. Суды того повету напервей мають почпнати въ Ошъмене, а потомъ въ Мяделе, а наконецъ въ Швинътанехъ.

Поветъ Браславский.

Напервей, почонъши отъ границы Лифлянтское, где снялася граница Пенянская зъ Лифлянтскою, зоставуючи Пенянъскую границу и Куръклевскую ку Вилкомиру, и тою границою ажъ у Виленьскую границу до устья реки Дубинъкги, где впадываеть въ Жейму реку, а Жеймою рекою уверхъ ажъ до Дисны озера, съ озера рекою Дисною по границу Ошъменьскую, где впадываеть Березъвечъ река, приходечи рекою Дисною ку Игуменину селу, пущчаючи полеву погость

Икажно, а Икаженьские границы полеву жъ, а Голомысль поправу, и къ тому села Фронцковы Есмановы и села мешчанъские, которые лежатъ противъ Дрисы, а нижей Дрисы по границу Усвятъскую у Двину, а Двиною внизъ по Индрицу реку на другой стороне Двины.

Поветъ Упитъский.

Самъ въ собе зоставаеть, которого естъ миль 17.

Граница того повету.

Зъ одное стороны Жомойть, зъ другое стороны поветъ Ковеньский, съ третье стороны поветъ Вилкомирский, съ четвертое стороны Лифлянты.

Повету Вилкомирского граница.

Приймуючи меньшие поветы Оникшенский, Пенянъский, Куръклевский зъ одное стороны, наперъвей, починаючи при границы повету Виленьского рекою Светою уверхъ мимо Вилкомира до устья реки Цесарки, тою рекою уверъхъ, займучи именье пана Кмитины Скачуны, до устья тое речки Цесарки, отколе ся почипаеть, отъ того местъца яко може быть напростей при границы повету Браславъского, зоставуючи волость Курклевскую ку Вилкомиру, ажъ до границы Лифлянтьское, зъ другое стороны границы Лифлянтьское при повете Упитьскомъ, яко можеть напростей, до реки Лавянъки, а отъ реки Лавяна внизъ при границы того жъ повету Упитьского, прилучаючи волость Пеняньскую ку Вилкомири, до речки Услеп, границою того жъ повету Вилькомирского до речки Лынкесы, отъ речки Лынкесы, яко можеть быть напростей, при границы повету Ковеньского у Велью до устья реки Светое ку границы повету Виленского.

Поветъ Ковеньский.

Ковно замокъ, тамъ книги головные мають лежати; до Ковна мають быти прилучоны тые хоругви: Дорсунишская, Бирштаньская, Пуни, Стоклишъская; роки одны мають быти въ Ковне; другие въ Поняхъ, и такий порадокъ маеть быти на рокохъ, то есть: одны две недели судити мають въ Ковне, другие две недели въ Пуняхъ, а роки мають быти четверы до году.

Граница того повету.

Съ одное стороны рекою Невяжою до границы Упитское, зъ другое стороны по границу Вилкомирскую, займуючи Кольвы и Жеймы, съ третее стороны, займуючи Войкгово и полеве Окгинты, по границу Жижъморъскую, съ четвертое стороны уверъхъ Немна, займуючи Барберишки, ажъ по пущу его кролевское милости по границу Жомоитскую.

Поветъ Троцкий.

Троки замокъ, тамъ книги головные; а ку Трокамъ прилучоны тые хоругви: Сомилишъская, Жижъморская, Высокодворская, Лепуньская, Волкиницкая, Довгкговъская, Перелайская и Меречъская, Олитъская и Немоноитская. Одны роки и книги мають быти въ Троцехъ а другие роки и книги въ Меречи; роки четверы до году.

Граница того повету.

Съ одное стороны отъ Поволя реки границы Ковенское ажъ до Ламени реки, займуючи Кгекгужинъ, а Ламенoю рекою уверхъ ажъ до Вельи реки, рекою Вельею уверхъ ажъ до устъя реки Белое Ваки, которая входитъ у Велю; а съ другое стороны граница зъ верху реки Солчи, Солчею рекою на низъ мимо Солечники ажъ до границы кгрунту господаръского Меречъского, оттоля границею Городенскою по речъку Ротницу въ Немонъ, а Немномъ уверъхъ; зъ другое стороны Немъна по границу, Городъну положоную, ажъ въ границу Прускую, по Ковеньскую границу; съ четвертое стороны отъ Немна мимо Кгинейтишки до реки Веркни, и за реку Веркню мимо у Жукготь, именье пана Мальхера Завиши, и мимо Жижъморы, зоставуючи ихъ вправе, до речки Керъты, мимо Войкгово ажъ до петы до Поволя у Велью реку, а Вельею уверхъ по Белую Ваку.

Повету Лидского гранаца.

Почавши отъ устья реки, где Солча впала въ Меречъ, Солчою уверхъ мимо дворъ пана Яна Волъчка и мимо Бенесъкойцы и Кгейтунишки зъ границею шляхты присуду Виленского и Ошменского въ Жижъму, Жижъмою внизъ мимо Ремезовъ и Гарманишки въ реку Кговъю, Кговъею въ Немонъ, Немномъ внизъ по границу Городеньскую, где Туря впадываеть въ Немонъ, оттоль по Шчутиньскую границу межи Шчутина и Ятвезка, займуючи Ятвезко къ Городну, просто въ реку Котру, Которою уверхъ границею Городеньскою, Бирштаньскою, простуючи до села Скробли въ границу Мерецкую, тою границею въ реку Меречъ або яко укажеть простость, а Меречью уверхъ ажъ до устья, где Солча река встала, отколь ся граница почала.

Повету Городенского граница.

Зъ Черейской границы просто въ границу Прускую черезъ верхъ, где встала река Довспуда, границею Прускою до Точилова, оттоль границою Мазовецкою въ реку Бобру, Боброю внизъ ку Нарви, Нарвою уверъхъ до Сливны, Сливною яко зашла граница Веневъская, займуючи Тыкотинъ весь ку границы Форощъского именья, а тою границею Форощъскою въ Белостоцъкую границу и далей именями тыхъ

пановъ шляхъты, которые належать подъ правомъ Подляшъскимъ, ажъ въ Заблудовъскую границу, а тою Заблудовъскою границою въ дорогу великую, которая идеть до Королева мосту, оттоля, зоставуючи пана крайчого Берестовицу къ старому дворцу Вольпеньскому, границею Волпеньскою въ Немонъ, вышей Лунное, до устья Зельвы реки, а уверхъ Зеливы, яко граница Мостовская заходитъ, и где ся кончить тая Мостовская граница, вышей Мостовъ, въ Немонъ засъ, а Немномъ уверхъ до реки, зъ другое стороны приходячие, названое Тури, а рекою Турею уверъхъ по дорогу, зъ Новагородка идучую до Городна, а съ тое дороги межи Щутина и Ятвезка въ реку Котру, всихъ бояръ Городенскихъ именья зоставуючи къ Городну, а Котрою уверхъ въ границу, которая описана естъ Троцкому и Лидскому повету.

Граница Волковыйского повету.

Отъ Королева мосту, держачи именья Берестовицкие къ Городну полеве, ажъ до старого дворца Вольпеньского, границою Волпеньскою до Кгудевичовъ, отъ Кгудевичъ до Лунъное, межи Лунъное и границы Волпеньское въ Немонъ, Немномъ до Зелвы реки, где въ Немонъ впадываеть, Зельвою рекою уверъхъ ажъ до Рожаное речки, где въ Зельву впадываеть, засе Зельвою мимо Шепичи и Байковичи до Жолобатыхъ Мостовъ границою Подляшъскою, отъ Жолобатыхъ Мостовъ до Наровъское дороги, которая идеть пущчою Беловезъскою, зъ бору и пущчи ажъ до Королева мосту.

Слонимский поветъ у своихъ границахъ змосталъ зъ одное стороны, съ другое стороны Городенский, съ третее стороны Волковыйский, съ четвертое стороны Новгородский и потомъ Пиньский и зъ Берестейскимъ.

Берестейский поветъ у своихъ границахъ зосталъ, яко ся описалъ съ Пинскимъ и Подляшскимъ поветомъ.

Поветъ Бельский....

Поветъ Дорогицкий....

Повету Мельницкого граница.

Почавши отъ Янова места и отъ Бугу реки на полденъ ажъ до границъ корунъныхъ съ тою всею прилеглостью, которая се засажаеть, ажъ до повету Дорогицкого, яко здавна.

Поветъ Луцкий съ Володымерскимъ.

Почонъши отъ границы корунъное повету Бельского села Лучичъ у границу Милятицкую, зоставуючи поветъ Луцкий поправе, а Володымирский Порыцкий полеве, на Вхолькецъ и Подберезъе, зоставуючи такъ же направе а Завидовъ налеве, а именье пана Миколая

Сопеги Козятинъ и Лемешовъ направо, а Белое поле, Корпытовъ, Свинюхи налево, а Рачинъ направо, Корытница налево, Пустомытъ, Блудовъ, Бубновъ, Садовъ направо, Марковичи, Холопецъ Мойманово, Оздютичи налево, Витонижъ, Дрозневъ и Бытинъ, Радонишъ направо, Роботовъ, Купечовъ налево, Мелница, Бруховичи и вси ловы Стербли направо, Ковле, Несухонжъ и Коширъ Камень налево, Обзыръ, Червища направо у-въ Илбязскую границу, а тамъ ся починаетъ поветъ Пиньскій, весь Олбязь и зъ селы до Пиньска ажъ до Черчегородка, границою Черчегородьскою до Чорторыйска, оставуючи Чорторыйскъ со всими селы направо, въ Дубровицкую границу, зоставуючи Дубровицу всю и Высоцко налево въ Пиньскій поветъ, Степань со всими селы и Чернь князя Чорторыйского направо, у границу Стрельскую, держачи Стрельско налево, въ реку Случь а рекою Случью уверхъ, где пришла граница Кремянецкая, до Баранцовъ и Чорьторыйска: Барановцы—Луцкий поветъ, а Чорьторыйско—Кремянецкий поветъ.

Поветъ Луцкий съ Кремянецкимъ.

Почонши отъ границы Полское отъ Стренмелча, замочъку Лащова, по пол. реки Стыра до устья реки Плашовки, отъ того устья въ Перемильскую и Вербельскую границу, зоставуючи налево Теслуговъ, Жабокърики направу къ Кремяньцу, Рогозное, Волница съ приселки Вольницкими налево въ Луцкий поветъ, Козинъ, Белогородка, Милче направо, Загоре пановъ Яловицкихъ, другое Здоровъе и Детиники князя воеводы Киевского, Повная въ Луцкий поветъ, Перерослъ въ Кремянецкий поветъ, направо Семи, Дубно налево, Антоновцы направо, Обговъ налево, Бушча направо, Глухи налево, Махово направо, Болотъковцы налево, Родогошча направо, Окуновъ налево, Боровица направо, Плужъное налево, Мокрецъ, Жославль направо, Белотинь налево, отъ Белотина черезъ Горыню реку до устья реки Цветохи, а Цветохою уверхъ до лесу Великого Цвету,—налево поветъ Луцкий, а направо поветъ Кремянецкий,—а тымъ лесомъ до реки Случи, по половицы тотъ лесъ держачи, налеве поветъ Луцкий, а направе поветъ Кремянецкий; надъ рекою Случъю село Барановцы въ Луцкий поветъ, а Чорторыя Кремянецкий поветъ; а оттоль уверхъ Случи Киевскій поветъ ажъ до могилы Гончарихи, которая стоитъ надъ великимъ чорнымъ шляхомъ татарскимъ, и до границъ корунъныхъ, а границами коронъными ажъ до того местца помененого Стрымилича, отколь ся тая граница почала.

Граница повету Пинского.

Почонши Дубровица и Высоцко, и Городокъ Давыдовъ, Туровъ, такъ же отъ Турова уверхъ реки Припяти, займуючи Лару и Хотеничи и Выгонощъ, болотами у-въ озеро Светицкое, оттоль болотами мимо Гичичи, займуючи Здитовъ Великий и зъ именья(ми) его милости пана Миколая Нарушевича Хомъско и Жаберъ, оттоль уверхъ рекою по Яселду, по границу Кобрыньскую, займуючи всю волость Бородицкую, по границу Ратеньскую къ селу Повсти, тою жъ границою Ратенскою, займуючи Олбязъ со всими селами къ Чернчегородку, оттоль Пинскою границою отъ Чорторыйска ажъ до Дубровицы.

Воеводство Киевское.

Книги абы были розложоны на трехъ местцахъ для далекости дороги и тежъ, ижъ не естъ шляхъта частая: перъшие книги въ Киеве, другие въ Житомири.

Граница Киевская съ Кремянецкою.

Починаеться отъ Гончарихи у Случъ, а Случью на долъ Чорторыи пани Семашковое, старостиное Кремянецкое, а отътоль до Колодезное, села Шаулина и далей Случью до Каменъного села пана Бабинского въ границу Дубровицкую, держачи поправе поветъ Киевъский, а полеве Пинский, Дубровицкій кгрунтъ, а Дубровицкою границою ажъ до устья реки Уборти, займуючи кгрунтовъ и границъ Городеньскихъ и Туровъскихъ ажъ до Мозырское границы, держачи по Уборти по праву села бискупъи и каноницкие, до Припети, Мозырскою границою до Брагинъское границы, а Брагиньскою границою до Днепра, по левой стороне пушчаючи волость Речицкую, до Любеча, а зъ Любеча внизъ Днепромъ по обема сторонамъ Днепра ажъ до реки Десны, до Островца, оттоль до Киева, Днепромъ доловъ до Черкасъ и Канева и до Белое церкви, оттоль черезъ поле просто межи Слободицкого и Пъскова по Вецкую границу ажъ до тое жъ пяты могилы Гончарихи.

Граница Киеву зъ Житомиромъ.

По Брусиловъ, отъ Брусилова просто черезъ дуброву до реки Тетерева и до именья пана Кухмистровича Макалевичъ, до села митропольего Воробьевичъ, а оттоль на замочокъ Хабное до реки Уши, оттоль на село Мухоедовичи, а отъ Мухоедовичъ до Словешни, а Словешнею доловъ ажъ до Припети, по правой стороне поветъ Киевъский, а по левой Мозырский, а черезъ реку Припеть, оставуючи полеве Речицу со всими границами, а поправу Брагинъ со всимъ поветомъ Киевскимъ ажъ до Днепра, черезъ Днепръ Любецкими границами

до Остра и до Киева. Мозыръ, Овручовъ вжо околичность границъ своихъ маетъ, а въ Мозыри жъ господаръ судъ засажаеть, а во Вручомъ другие книги. А съ четвертое стороны Житомиру граница зо Вручовомъ по селище Шерневичи, оттоль Лежною уверхъ до села Исайковичъ, а оттоль просто до Барашовъ, а отъ Барашова у Случъ, а тамъ вжо пришли границы Волынские.

Браславль и Венница такъ, яко на тотъ часъ есть у своихъ границахъ, зостало.

Воеводство Витебъское.

Напервей почавши границою Московскою зъ Усвята и Всвята ажъ по Оболю реку у Двину, а рекою Двиною уверхъ до границы села Милковичъ, а оттоль суходоломъ селы направо у границу села Свежища и въ границу Лугиновъскую, у границу Кривинскую, у границу Светскую, у границу Селедцовъскую, у границу Бочейковъскую, въ границу Селецкую, Ведъреньскую, Чашницкую и иныхъ селъ, у границу Мещицкую, у границу Тяпинскую, у границу Болиньскую, кгрунътомъ Болиньскимъ въ реку Березыню, где впадываеть у Двину, на другую сторону Двину, где впадываеть Кривина у Двину, уверъхъ Кривиною, займуючи Сено зо всимъ и Вятцо плебаньское, по границу князей Лукомъскихъ, Белицу со всимъ, Полоное, Илемница а Оболцо, вси Смолняне, вси Засекль по Белевъ бродъ, сельцо Мошковый Баранъ со всимъ, Романово, Дубровна со всимъ, Рососна, Любавичи, Микулино и вси княжата, панята въ той границы. Водлугъ постановеня и ласки его кролевъское милости мають одны суды и роки быти у Витебъску а другие у двухъ неделяхъ въ Орши.

Граница Оршаньская.

Почавчи отъ границы Любавицкое границою давною Витебъскою, займуючи Судиловичи, Веретею, што напростей ку Дивину у-въ Оршанский поветъ ку границы Межевъской, оттоль Козечиньскую и Пашковъскую границу што напростей ку Прихабомъ, Прихабы ку Орши, а Стецево и Великое село ку Витебъску, оттоль ку границы Оболецкой, зоставуючи Обольцо, Илемницу, Белицу ку Орши до границы князей Лукомъскихъ и весь Лукомль ку Орши, яко граница Леплю написана, ажъ до Березыни, Березынею внизъ до Быховъское границы у Днепръ, а черезъ Днепръ граница Чечерску и Пропойску, Кричову зъ Могилевомъ, у Мстиславскую границу, а Мстиславъскою границею ажъ въ границу Смоленскую, а Смоленьскою границою ажъ до Любавичъ, отколе ся почала пета.

Поветъ Полоцкий.

Яко зошла граница Браславская, Ошменская и Витебская.

Граница Мстиславская.

Почонъши отъ границы Московъское шляхта вся зъ замкомъ Радомъскимъ по границу Могилевъскую, замокъ Кричовъский со всею шляхтою ажъ по границу Гомейскую.

Книги и роки одны абы были въ Мстиславли, а другие книги и роки въ Радомли.

Чечерскъ и Пропойскъ, Гомей, Речица, Горволь Стрешинъ, Бобруйскъ, Рогачовъ, Глускъ — книги одны въ Речицы, а другие въ Бобруйску; границы тыхъ замъковъ вжо обышли Мозырская, Киевская, Менская, Оршанская, Мстиславская, а зъ другое стороны Московская.

Тые границы маютъ быти черезъ кашталяна и увесь врадъ кождого повету выпростованы и копцами засыпаны водле наболшого уважаня, яко наслушней быти розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можетъ быти, тогды копцами осыпывати ихъ.

(Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, лл. 117—125).

№ 56.

Року 66 месеца марца писаны листы соймовые, которые розосланы съ Кнышина того жъ месеца марца 24 дня *).

Князь Соколеньский, коморникъ, понесъ:

до повету Витебъского,
до повету Оршаньского,
до повету Мстиславского,
до повету Меньского,
до повету Новгородъского,
до хоружого дворного,
до всихъ пановъ Иллиничовъ,
до пана воеводы Подляшского,
до пана кашталяна Новгородского,
до пановъ Хребътовичовъ,
до кашталяна и старосты Мстиславского,
до кашталяна Полоцкого пана Зеновевича.

Павелъ, хоружичъ Дорсунишский, понесъ:

до повету Луцкого,
до повету Володымерского,
до повету Кремянецкого,
до повету Браславского и Веницкого,
до всихъ князей Збаразскихъ,
до пана Загоровъского маршалка,
до князя воеводы Киевъского,
до князя старосты Луцкого,
до князя старосты Житомирского,
до всихъ князей Вишневецкихъ,
до воеводы Киевъского.

---

*) Къ Берестейскому сейму 1566 г.

Балакиръ, писаръ Мозырский, понесъ:

до повету Киевского,
до повету Речицкого,
до княжати его милости Слуцкого.

Демъянъ Володковичъ:

до повету Вилькомирского,
до повету Троцкого,
до повету Ковеньского,
до повету Витьского,
до повету Браславля Литовского,
до повету Городеньского,
до всихъ пановъ Остиковъ,
до всихъ пановъ Кипчичовъ,
до всихъ князей Кгедройтовъ,
до всихъ пановъ Завишъ,
до всихъ пановъ Нарбутовъ,
до пана Остика воеводы Мстиславского,
до пана Павла Паца, каштеляна Витебского,
до конюшого Троцкого,
до всихъ князей Крошинскихъ,
до тивуна Троцкого,
до всихъ пановъ Воловичовъ,
до пана чашника.

Адамъ Шембель понесъ:

до повету Лидского,
до повету Ошменьского,
до повету Виленского,
до пана Волъвича маршалка,
до пана Оникея Горностая,
до пана Гаврила Горностая, воеводы Меньского,
до пана Каленицкого Тишковича, маршалка,
до пана Григорья Тризны, маршалка,
до пана мечного.

Иванъ Кривоболоцкий понесъ:

до повету Волковыйского,
до повету Слонимъского,
до повету Пинского.

Рудковский понесъ:

до повету Дорогицкого,
до повету Бельского,
до повету Мельницкого,
до пана воеводы Новгородского,
до пана подчашого.

Листы, до Жоймойти писаные, даны до рукъ его милости пана старосты Жомоитского черезъ Головню, писара земского Новгородского.

До повету Виленьского Домашовский понесъ.

А тые листы тутъ розданы черезъ князя Михаила Масальского:

пану Михайлу Елу, маршалку;
пану Гайку, кашталяну Берестейскому;
пану Михайлу Козиньскому,
княземъ Свирскимъ,
пану подскарбему земъскому,
пану подскарбему дворному,
пану Глебовичу,
паномъ Сологубомъ,
пану тивуну Виленьскому,
пану Кухъмистровичу, столнику.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью. Княземъ, паномъ, врадникомъ земскимъ въ повете Браславскомъ и Виницкомъ, отъ насъ господара установленымъ, и всимъ бояромъ шляхте, обывателемъ того повету, которые за листы нашими господарскими первей того въ границахъ своихъ певныхъ постановено есть. Што на теперешнемъ валномъ сойме Виленьскомъ, будучи намъ господару зо всими паны радами нашими ихъ милостью духовными и свецкими и зо всими землями здешнего панства нашого великого князьства Литовского, за прозбою всихъ становъ постановили есмо соймики поветовые въ чотырохъ неделяхъ передъ вальныхъ великимъ соймомъ складати ку зъеханю всимъ обывателемъ стану рыцерского для обираня пословъ на съемъ валный въ потребахъ тыхъ, которые листы нашими ознаймены будуть, а къ тому жедали насъ панове рады наши съ прозбами покорными отъ всихъ становъ рыцерства, на тотъ съемъ зобраныхъ, о примноженe радъ и достоенствъ врадовъ въ кождомъ повете, а особливе донесена прозба до насъ о съемъ валный сполный около унеи съ коруною полскою, а къ тому на оборону и тежъ служебнымъ новопринятымъ и старымъ жолнеромъ на заплату зволилисе на податокъ головный зъ мешчанъ и зъ сельскихъ людей, съ татаръ и зъ жидовъ музчизнего и зъ невестего рожаю, яко на уфале соймовой и на особливыхъ листехъ нашихъ описано, гдежъ вжо тотъ податокъ и выдають, а еслибы того мало было, ино на тыхъ соймикохъ докладать половицою меншъ, якъ теперь дають, то естъ зъ местъского чоловека три гроши, а зъ селского одинъ грошъ и зъ иншихъ всихъ становъ потому жъ половицою меншъ, нижъ теперь дають: што все бачачи зъ добрымъ и пожиточнымъ речи посполитой, ласкаве на то призволили есьмо, а постановивши воеводы, капталяны въ земляхъ и въ поветехъ, а у иншихъ поветехъ маршалковъ для службы речи посполитой, умыслили есьмо съемъ валный въборъзе мети, якожъ тому сойму вальному складаемъ часъ певный, у двухъ неделяхъ по Велице Дни, свята близко прийдучого, въ Берестьи для тыхъ потребъ речи посполитое около унеи и поправы статуту, на теперешнемъ сойме выданого, чого бы еще вамъ потреба поправити; а зъ Берестья зъедетеся на местцо, где будетъ назначоно отъ насъ господара, при границахъ съ паны радами и послами земль коруны Польское, которые на теперешний съемъ въ Люблине... зъ Берестья для постановеня скуточного въ справахъ, унеи сполной братской, одностайной милости, згоде належачихъ. И ачъ въ статуте описано соймикомъ въ чотырохъ неделяхъ передъ вальнымъ соймомъ быти, ведже, ижъ сесь часъ скротилъ за выеханьемъ нашимъ господарскимъ, для того водле тое жъ уфалы сойму нинешнего скла-

даемъ рокъ певный на соймики малые собранью вашему въ поветехъ по кветной недели месеца апреля десятого дня въ теперешнемъ року шестьдесятъ шостомъ; а то не маеть быти на переказе часу и року, въ статуте описаному на соймики поветовые, але на передные часы тымъ порадкомъ справоваться будеть, яко въ статуте есть описано, ижъ передъ соймомъ въ чотырохъ неделяхъ соймики поветовые отправоватьсе мають для обиранья пословъ на съемъ вальный. А ижъбы то вже своимъ порадъкомъ дошло, тогды хочемъ мети, абы есте на день помененый, месеца апреля 10 дня, на соймики до поветовъ своихъ ехали, а такъ зъ врадники земскими поветовыми и зо всимъ рыцерствомъ стану шляхетьского въ тыхъ потребахъ речи посполитое вышей помененыхъ и въ иныхъ справахъ земскихъ намовляли; такъ же на тыхъ соймикахъ жебы есте, отъ бирчихъ земскихъ взявши ведомость отъ великости сумы податку поголовного, а на остатокъ заплаты служебнымъ водле уфалы соймовой половицою меншъ съ кождое парсуны, тому податку належачое, ижъбы есте сполна, межи собою намовившися, вжо выбирати съ подданыхъ своихъ и до бирчихъ поветовыхъ отдавали; а бирчие поветовые жебы до бирчихъ земскихъ относити будуть, кгдыжъ тымъ податъкомъ, што теперь дають, жаднымъ обычаемъ выплачено быти не можетъ. А на тыхъ соймикохъ поветовыхъ жебы есте пословъ, обравши зъ зупольною моцъю становити въ тыхъ речахъ вышейпомененыхъ и у иншихъ потребахъ земъскихъ, яко будеть отъ насъ ширей ознаймено, на съемъ вальный до Берестья у двухъ неделяхъ по велице дни послали, а тамъ за волею нашою господарскою и за намовами пановъ радъ нашихъ ихъ милостью духовныхъ и свецкихъ и всихъ обывателей панства нашого, великого князьства Литовского, стану шляхетского о таковыхъ потребахъ речи посполитое становити будете, яко бы за помочъю Божю дела земъские слушнымъ порадкомъ ку доброму застановенью приведены были. Писанъ въ Кнышине лет. Бож. Нарож. 1566, месеца марца 22 день.

И Матысъ Савицкий, писаръ и секретарь.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 92—95).

№ 57.

Наука и злецене зъ росказанья его кролевское милости посельства на соймикъ поветовый Мельницкий, зложоный въ тыхъ часехъ, передъ кветною неделею за тыйдень, року шестьдесятъ шостого *).

---

*) Къ Берестейскому сейму 1566 года.

Напервей посолъ, приехавши до Мелника на местьце, на часъ и день, тому соймику поветовому зложоный, маеть ознаймити паномъ радамъ ихъ милости господарскимъ, духовнымъ и светскимъ, которые тамъ на онъ часъ будуть, такъ же и паномъ врадникомъ земъскимъ и судовымъ того повету о посланьи своемъ отъ его королевъское милости; а потомъ въ собранью всихъ становъ сполне, где ся на одно местцо зберуть, маютъ поведити паномъ радамъ ихъ милости, яко члонъкомъ ихъ милости господарскимъ, ласкавое поздоровенье отъ его корол. милости, а инымъ всимъ становъ рыцерства его кролевъское милости ласку его милости господарскую. А притомъ листъ веручий его кролевскае милости маеть отдати. Потомъ преложити маеть, яко то его кролевъская милость на сойме прошломъ вальномъ позволити рачилъ и соймики мевати допустилъ передъ вальнымъ соймомъ, и для того на онъ часъ посла своего, рефендара Подляшъского пана Собестияна Суходолского, послати рачилъ на тотъ соймикъ, яко естъ обычай въ корунѣ Полской и захо̀ване около соймиковъ, кгдыжъ тые соймики звычаемъ коруны Полское подати и уприви̇левати его милость господаръ рачилъ. И прото на томъ соймику абы въ тыхъ речахъ, о которыхъ листы его кролевское милости соймовыми обвещчено всимъ посполите, намовивши панове рады и вси станы межи собою, двухъ особъ бачныхъ послали на вальный съемъ, который зложонъ у двухъ неделяхъ по великодни у Берестьи, а отправили бы зъ достаточною и зупол̀ьною моцью ку становенью всихъ становъ потребъ земскихъ, чого речъ посполитая для захованья ее въ целости и поратованья отъ неприятеля, а посилку можнейшого потребують.

О чомъ его кролевская милость, не литуючи працы своее кролевское для того панъства своего и для всихъ верныхъ слугъ и подданыхъ, зъ Божьею помочью усиловати и ку лепъшому и слушному застановеню зволеньемъ радъ своихъ и всихъ становъ приводити ласкавымъ усилованьемъ своимъ господарскимъ переставати не хочеть, бачачи поволность, верность подъданства и вси цнотливые заслуги помнячи ку продъкомъ его кролевское милости и ку его милости господару отъ всихъ становъ рыцеръства панъствъ его милости господарскихъ.

И естли бъ потребовали, абы панъ посолъ взновилъ тое межи ними, што на листе соймовомъ естъ написано, и то можеть учинити.

То тежъ припоменути маеть посолъ, ижъ его кролевъская милость для лепшого вечныхъ часовъ порадку и оздобы речи посполитое подле прозбъ, на прошломъ сойме Виленскомъ учиненыхъ, причинити рачилъ достоенствъ для лавицы рады своее, яко воеводъствъ, капита-

ляней, такъ тежъ маршалъковъ и подкоморыхъ, и можеть имъ обвестити особы, хто на каковое преложенъство везванъ, также и врадъ судовый въ поветехъ, къ тому и хоруговъ кождого повету подъ гербомъ звыклымъ великого князства Литовъского Погонею надавати рачилъ, якожъ и тому повету Мелницкому хоруговъ его милость господаръ давати рачилъ и съ такимъ же гербомъ и въ таковомъ поли... оповедать въ скарбе его кролевское милости и подъ... того вжо часу войну вси, хто повиненъ, подъ хоруговъю становитися, мають ся збирати до хоружого, водле нового статуту и артыкуловъ, въ немъ описаныхъ о войну, заховываючися.

Особливе тежъ съ пилностью навпоменути всихъ становъ именемъ его кролевское милости, яко о томъ на листехъ соймовыхъ естъ доложоно, о ведомости отъ бирчихъ и выданья податъку поголовного, яко великую суму вынесло; а ижъ тымъ податкомъ заплата людемъ служебнымъ жаднымъ обычаемъ чинена быти не можеть, што его кролевская милость съ податкомъ именей своихъ господарскихъ знати рачить, кгдыжъ нигде такъ много не вчинить, яко серебщизна выносила, для чого вси служебные уставичне великое набеганье чинять на его кролевскую милость, далей на службе зостати и вытрвати не можечи, стягнути хочуть, што ижъ кромя неменъшого небезъпеченьства того панъства звлаща часомъ... быти не можеть,—прото, намовивши зъ собою о томъ, водле уфалы сойму прошлого Виленьского выбравши ешче зънову по половицы отъ першого, тотъ податокъ поголовный кромъ всякого омешканья до биръчихъ отдавали; а хто бы ешче першого податку поголовного не выдалъ, на томъ подле уфалы соймовое его кролевская милость отправити росказати рачить, а то вжо водле уфалы соймовое совито маеть быти отправовано, кгды жъ за недбалостью и сплошенъствомъ таковыхъ много потребъ речи посполитое омешкиваеть.

Напоменути тежъ хоружихъ, што обецали ведомость дати при поголовщине первой всихъ, хто на войнахъ минулыхъ не бывалъ, абы то на собе не зоставляли, кгды жъ то шкода речи посполитое, ижъ бы черезъ того посла его кролевское милости на валный съемъ отослали таковые реистра и ведомость достаточную по кролевъской милости вчинили, также и серебъшчизну хто не отдалъ.

Лавринъ Война, писаръ.

(Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 115—117).

№ 58.

Року 66 месеца сентебра писаны листы серебъщизные и розосланы зъ Люблина *).

Янъ Скирмонтъ понесъ:

до Мелника,
до Дорогичина,
до Бельска,
до Браньска,
до Саража,
до Высокого,
до Тыкотина,
до Кнышина,
до Городна,
до Ожи и Перелома,
до Перстуня,
до Квасовки,
до Олиты,
до Симъна,
до Немоноитъ.

А то онъ же въ Люблине роздалъ:

пану Войне съ Красницъ и Квасовки,
пану Довойну зъ урадовъ его,
пану столнику зъ Велены,
пану Пясецкому зъ Кгераноинъ.

Посланецъ его милости пана подскарбего понесъ:

до Каменца,
до Шерешова,
до Мстибогова,
до Волковыйска,
до Василишокъ,
до Радуни.

Скроботъ понесъ:

до Берестья,
до Кобрыня,
до Новгородка,
до Ляховичъ,
до Пинска,
до Слонима.

На Волынь:

до Володимера,
до Луцка,
до Кремянца,
до Браславля,
до Веницы,
до Житомира.

А то до скарбу послано:

до тивуна Берженянского,
до тивуна Берженского,
до тивуна Вешвеньского,
до тивуна Ужвенского,
до тивуна Ретовского,
до тивуна Коршовъского,
до тивуна Ойракголского,
до тивуна Дирвянского,
до тивуна Тверского,
до тивуна Шовдовского,

---

*) Къ Берестейскому сейму 1566 г.

до тивуна Кгондинского,
до державцы Жосленьского,
до державцы Жижморского,
до пана Оникея Горностая,
до тивуна Поюрского,
до державцы Пуньского,
до воеводы Троцкого,
до пана подскарбего,
до тивуна и городничого Троцкого,
до князя Ярослава съ Ковна,
до воеводы Виленьского,
до воеводы Мстиславского,
до старосты Жомоитского,
до кашталяна Берестейского,
до пана Михайла Гарабурды,
до Свислоча,
до кашталяна Полоцкого,
до войта Виленского,
до державцы Рогачовского,
до кашталяна Киевского,
до пана Иопа,
до кашталяна Браславского,
до Скерстомонъ и Росеинъ,
до Впиты,
до князя Одинцевича,
до кашталяна Витебского,
до Ясеньского,
до Оникштъ,
до Утены,

Тые листы тымъ обычаемъ писаны до князей, пановъ и до поветовъ:

Жикгимонтъ Августъ.

Княземъ, паномъ воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, кнегинямъ, панямъ, державцамъ и врадникомъ земъскимъ, земяномъ и двораномъ нашимъ тымъ, которые именья и оселости свои въ повете Луцкомъ маютъ. Ознаймуемъ вамъ, ижъ тыхъ часовъ писали и вскազали до насъ панове рада наша ихъ милость великого князьства Литовского, же, бачачи то, ижъ податки, на соймехъ прошлыхъ ку потребе речи посполитое уфаленые, не естъ сполна выданы, за чимъ люди служебные, не маючи заплаты заслужоного своего, зъ границъ прочъ розъежъдчаются, а зъ неприятелемъ не естъ жадное постановенье вчинено, прото и для отправы служебъныхъ ку границамъ и для иныхъ потребъ земъскихъ на томъ теперешнемъ прошломъ сойме Берестейскомъ ихъ милость уфалили и постановили зо всими станы духовными и светъскими, же, хто бы плату поголовного, на прошломъ сойме Виленьскомъ уфаленого, третего гроша, такъ и першихъ двухъ грошей, такъже и серебщизну за рокъ шестьдесятъ третий и за рокъ шестьдесятъ четвертый до сего часу не отдали, абы съ подданыхъ своихъ выбравши вжо конечно на прошлое свято Нароженье Панъны Марии месеца сенътебра осмого дня, до бирчихъ того повету сполна выдалъ, ниякого сплошенъства и вымовки собе въ томъ не чинечи; а хто бы за недбалостью своею того податъку на тотъ рокъ не отдалъ, на таковомъ тотъ поголовный платъ посланъцы наши зъ совитостью отправовати и до бирчихъ отдавати маютъ. А кгды жъ ся такъ

великое омешканье въ отправахъ речи посполитое, а звлаща въ незаплаченю служебънымъ людемъ дееть, тогды и мы, господаръ, на таковую уфалу призволивши, на отправенье яко серебщизнъ вышеймемованыхъ, такъ поголовъшчизного податъку послали есьмо до того повету дворанина нашого , которому росказали есьмо зъ бирчими того повету Гулевичомъ и Еломъ абы съ кождого зъ васъ имены... приехавъши а о невыданью на тотъ вышейпомененый рокъ на день Нароженья Панъны Марии того поголовшчизного податъку такъ третего гроша, яко и первшихъ двухъ грошей и о серебщизнахъ прошлыхъ задержаныхъ, и тежъ хто бы водле уфалы соймовое на службу нашу господарскую и земъскую военную тыхъ прошлыхъ войнъ не ездилъ и у пана гетьмана великого не становилъся, о томъ отъ хоружого оного повету выведанье взяти. А такъ приказуемъ вамъ, ажъбы есте якъ отданья своего серебъщизны вышейописаное и поголовщизны, на сойме недавно прошломъ Виленьскомъ уфаленое, квиты бирчихъ поветовыхъ або земъскихъ а службы земъское военное квиты пана гетмана великого передъ онымъ дворанином нашимъ и бирчимъ поветовымъ оказали; пакли жъ бы есте того передъ ними показати не хотели, мы росказали якъ тотъ поголовъщизный податокъ зъ совитостью, такъ и серебщизну задержаную, такъже и за неслуженье войны отъ кождого коня по пети копъ грошей отправовати и, за то все въ люди ваши увязавшися, ихъ до замку або до двору нашого оного повету приворочати. Вы бы о томъ ведали, а водле сего росказанья нашого и водле уфалъ соймовыхъ заховавшися, въ отправованью того податъку поголовного и серебъщизного и за неслуженье войны отъ коня по пети копъ грошей тому дворанину нашому и бирчому поветовому противни не были и, яко посланцомъ нашимъ господарскимъ, где на отправу въ тыхъ потребахъ речи посполитое приедуть, никоторое небезъпечности здоровъю ихъ чинити не важили конечно. Писанъ у Люблине лет. Бож. Нарож. 1566, месеца сенътебра 10 день.

Лавринъ Война, писаръ.

Листы, писаны до поветовъ о невыданье податку поголовщизного, зъ Люблина розосланы.

Янъ Скирмонтъ понесъ:

до Бельска—отправчимъ Григорий Вагановъский;
до Дорогичина—отправчимъ Янъ Кгротъ;
до Мелъника—отправчимъ Станиславъ Ивановский;
до Городна—отправчимъ Шимонъ Сопотько.

Петръ Скроботъ понесъ:

до повету Новгородского—отправчимъ Станиславъ Чижъ;
до повету Слонимского—отправчимъ тотъ же Скроботъ;
до повету Волковыйского—отправчимъ тотъ же Скроботъ;
до повету Пинского—отправчимъ онъ же.

На Волынь:

до повету Луцкого, до повету Кремянецкого, до повету Володимерского, тамъ отправчимъ Михайло Сосновский;
до повету Браславского и Веницкого—отправчимъ Василей Коледа;
до повету Киевского посланъ листъ служебникомъ каштадяна Киевского, а отправчимъ Михайло Девочъка.

А то до скарбу посланы:

до повету Троцкого,
до повету Виленьского,
до повету Ковеньского,
до повету Впитьского,
до повету Вилкомирского,
до повету Браславского,
до повету Ошменского,
до повету Меньского,
до повету Лидьского,
до повету Оршаньского.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 111—114).

№ 59.

Листъ до воеводы Подляшъского пана Василья Тишкевича о зданье, на которомъ бы местцу пословъ московскихъ приняти розумелъ, и о небеспеченствахъ отъ князя Московъского *).

Жыкгимонтъ Августъ.

Воеводе Подляскому, старосте Менскому и Пинскому, държавцы Лысковскому и Межирецкому, пану Василью Тишкевичу. Даемъ твоей милости ведати, ижъ дня вчерашнего, месеца августа семогонадъцать, писали и присылали до насъ панъ Троцкий, староста Белский, панъ Юрей Александровичъ Ходкевича а воевода Берестейский, державца Волковыйский, панъ Юрей Тишкевичъ и писаръ нашъ, державца Свислоцкий, панъ Михайло Гарабурда, даючи намъ знати, и(жъ), будучи въ томъ посельстве одъ насъ, господара, до неприятеля нашого, великого князя Московского, посыланы, по долгихъ а многихъ намовахъ, которие такъ съ нимъ самимъ, яко и зъ бояры его мевали, ничого певного а слушного постановити не могли и на речи новые а никгды въ постановенью перемирья и покою не звыклые съ тое стороны были

*) Къ Городенскому сейму 1566—1567 г.

вытегани, ажъ ледво къ тому привести могли, ижъ до недолгого часу, то есть до Божого Нароженя, свята въ року теперешнемъ шестъдесятъ шостомъ блиско пришлого, застановенье покою вделали подъ тымъ способомъ, ижъ онъ самъ ку тому часу пословъ своихъ до насъ послати и постановенье чинити маеть. А ижъ тотъ неприятель подле звыклого предъсевзятья своего не только абы ку становенью покою а завстягненью розлянья крови хрестианское нахиляти мелъ, але еще новые а незвыклые речи передъ себе береть, за чимъ вжо никоторая надея около постановенья покою быти не можеть, а ижъ тежъ за зъездомъ вашей милости пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ, сойму належачихъ, которые на сойме Берестейскомъ ничого ся около обороны земъское не постановили, то до стягненья войска было отложоно, хотячи у войску около обороны обмышлявати и обычай поратованья потребъ земскихъ вынайдовати: ино вже за таковымъ застановеньемъ, черезъ пословъ нашихъ вделанымъ, збиранья войска потребы быти не розумеемъ, одножъ, ижъ тотъ неприятель надъ звыклый обычай ничого певного съ послы нашими не постановивши, своихъ пословъ послати маеть,—а если бы зъ якими речми непристойными до насъ ихъ пошлеть, тогъды бы трудно якое застановенье вделати ся могло; а къ тому, ижъ ваша милость, панове рада наша, зъ сойму Берестейского до насъ есте всказали, жедаючи насъ, ижъ быхмо тамъ до оного панства нашого, великого князьства Литовского, зъехавши, около обороны и одпору противъ того неприятеля объмышлевали, тогды съ таковыхъ причинъ и припадковъ и праве для кгвалтовныхъ потребъ земъскихъ и отправы пословъ его есть великопилная потреба вашой милости панамъ радамъ нашимъ зо всими станы подъ часомъ приеханья пословъ его о Божьемъ Нароженьи на местцу, одъ насъ сойму зложономъ, для приймованья и одправы тыхъ пословъ его и для намовъ и постановенья около обороны потужное быти. А мы, господаръ, водлугъ звыклое хути и повинности нашой, хотя жъ для такъ великихъ працъ, трудностей и невчасовъ, которыхъ зъ нелютованьемъ здоровья и маетности нашое въ потребахъ земскихъ безъ перестанку уживаемъ, предъ се не литуючи працы и не фолькгуючи въчасомъ здоровья своего, въ границахъ великого князьства Литовского и недалеко границъ корунъныхъ, отъ которихъ глубоко въ панство нашо великое князъство Литовское для пильныхъ тежъ потребъ земскихъ здешнего паньства, коруны Польское, выеждчати подъ тымъ часомъ не можемъ, на местце, за зданьемъ вашой милости пановъ радъ нашихъ на таковый съемъ черезъ насъ означоное, ку Божьему Нароженью зъехати не омешкаемъ. И ачъ колвекъ таковые зъезды соймовые зъ великимъ труженьемъ на-

шимъ а немалою трудностью и шкодами вашой милости пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ рицерскихъ быти розумеемъ, але, нжъ ся тотъ неприятель отъ злого умыслу своего успокоити не хочеть, а на зъездехъ соймовыхъ никоторое постановенье около обороны земское не стало ся, тогды на томъ сойме о поратованью потребъ земскихъ обычай ся вынайдовати можеть. Прото бы ваша милость, яко рада наша, въ томъ намъ зданье свое выписалъ, где бы есн и на которомъ местцу въ границахъ того панства нашого и недалеко границъ корунныхъ местце ку таковому сойму и принятью оныхъ пословъ московскихъ быти розумелъ, на котория, хотяжъ станы, сойму належачие, ся зъедуть, а ведже абы вси въ домехъ предъсе въ таковой готовости были, еслибы ся якая колвекъ небезъпечность оказала, абы яко на кгвалтъ ехали и оборону чинили. Писанъ въ Люблине лет. Бож. Нар. 1566, месеца августа 18 дня.

(Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, лл. 28—30).

№ 60.

Року 66, месеца октебра 18 дня зъ Варшавы розсылано листы соймовые и иные *).

Андрей Пугачъ понесъ:

до пана воеводы Подляшского,
до кашталяна Подляшского,
до кашталяна Новгородского,
до маршалка и писаря земли Дорогицкое Адама Косинского,
до всихъ пановъ Нарбутовъ,
до пана Ивана Яцнича, маршалка,
до пана подчашого Кишки,
до князей Соколенскихъ,
до повету Слонимского,
до повету Новгородского,
до повету Оршаньского,
до повету Меньского,
до пана Миколая Сопеги, маршалка,
до пана подскарбего земского.

Онъ же понесъ листы:

до князей Лукомскихъ,
до князей Друцкихъ,
до повету Ошменского,
до повету Витебъского,
до повету Мстиславского,
до повету Дорогицкого,
до повету Мельницкого,
до повету Бельского,
до повету Волковыйского.

До старосты Оршаньского, абы онъ жадныхъ вязней, которыхъ бы хто кольве на отмену за кого хотелъ пустити, жебы за границу не пропускалъ безъ особливого росказанья господарского; до воеводы

*) Къ Городенскому сейму 1566—1567 г.

Витебъского и до старосты Оршаньского, абы зъ замковъ на съемъ не зъеждчали; до старостъ Мстиславского и Кричовского, абы зъ замковъ не зъедчали; другий до старосты Мстиславъского, абы вязневъ никоторыхъ за границу не пропускалъ.

Дьякъ канцлереи господарское Михайло Дубницкий понесъ листы соймовые отвороные до тыхъ особъ:

до пана Ела маршалка,
до пана Загоровъского,
до воеводы Браславского,
до кашталяна Луцкого,
до пановъ Хребътовичовъ,
до воеводы Волынского,
до князей Ружинскихъ,
до князей Вишневецкихъ,
до пана Олизара Кирдея,
до князей Збаражскихъ,
до пана столъника,
до князей Санъкгушковичовъ,
до повету Луцкого,
до повету Володымерского,
до повету Кремянецкого,
до кашталяна Берестейского,
до воеводы Меньского.

Онъ же понесъ до князя Корецкого, абы на съемъ не ехалъ, але въ староствахъ зосталъ; онъ же понесъ листы, абы людей своволъныхъ Волоховъ при собе не задержывали и ихъ съ панства его королевское милости высылали;

до воеводы Браславъского,
до воеводы Волынского,
до старосты Луцкого,
до воеводы Киевского,
до повету Луцкого,
до повету Володымерского,
до повету Кремянецкого;

а ешче листъ до всихъ обователей земли Волыньское.

Тые жъ листы соймовые Григорей Мартиновичъ Прощолыка понесъ:

до кашталяна Браславского,
до пана Онпкея Горностая,
до пана Каленицкого,
до княжати Слуцкого,
до повету Пинского,
до повету Мозырского,
до повету Киевского,
до воеводы Киевского,
до старосты Остръского, Ратомского, абы на съемъ не ехалъ, але у-въ Остре зосталъ;
до кашталяна Киевского, абы на съемъ не ехалъ, але въ Киеве на местцы воеводиномъ зосталъ;
до кашталяна Киевского,
до старосты Острского и до старосты Гомейского, абы вязневъ за границу не пропушчали.

А тые листы панъ Рагоза, хоружий, тутъ у Варшаве роздалъ:

пану Виленскому,
пану Троцкому,

воеводе Берестейскому, пану Глебовичу,
пану подканьцлерому,
и листъ соймовый, до него писаный, самъ взялъ.

Князь Өедоръ Жижемский понесъ до Жомойти:

до бискупа Жомоитского,
до тивуна Ужвеньского,
до тивуна Берженяньского,
до тивуна Вешвеньского,
до тивуна Поюрского,
до тивуна Кгондиньского,
до тивуна Коршовъского,
до тивуна Шовдовского,
до тивуна Ретовъского,
до князей, пановъ земли Жомоитское,
до кашталяна Жомоитского,
до пановъ Завишъ,
до пана чашника,
до повету Городенского,
до тивуна Дирваньского,
до тивуна Берженьского,
до тивуна Ойракгольского,
до тивуна Тверского,
до тивуна Дирваньского,
до маршалъка пана Ивана Воловича,
до пановъ Воловичовъ,
до пана Шимковича,
до повету Ковенского,
до князя Ярослава.

Послано листъ зашитый до пана старосты Жомоитского черезъ хлопца его милости Павла Жолковского о зданье его милости, если слати гонца до Москвы, а другий отвороный соймовый.

До бискупа Луцкого листъ соймовый посланъ черезъ слугу его Степана Гречъку; до воеводы Новгородского листъ соймовый посланъ черезъ слугу его Михаила Митковича.

Посланъ листъ зашитый до воеводы Троцкого о зданье, если слати гонъца до Москвы, отвороный и листъ соймовый отвороный черезъ слугу его Миколая Нарковича.

Стретъ Тишкевичъ тые жъ листы соймовые понесъ:

до пана Волчка маршалка,
до хоружого земского,
до бискупа Киевъского,
до повету Троцкого,
до повету Лидского,
до бискупа Виленского,
до повету Виленьского,
до князей Свирскихъ,
до князя Лукаша Свирского,
до князей Кгедройтевъ,
до пановъ Остиковъ,
до конюшого Троцкого,
до воеводы Виленского,
до Островицкого маршалка,
до повету Вилькомирского,
до воеводы Мстиславского,
до повету Браславского,
до повету Оршаньского.

Тые листы посланы черезъ служебника пана Зеновъевича Яна Стрыеньского: до всихъ князей, пановъ, которые именья свои въ земли Полоцкой маютъ; до всихъ пановъ Зеновьевичовъ.

Черезъ того жъ Стрыеньского послано листъ до пана Полоцкого и до пана Боркулаба, абы зъ замковъ староствъ своихъ не зъездчали.

Пану Станиславу Нарушевичу, тивуну Виленскому, листъ соймовый тутъ у Варшави самому отданъ.

Тые листы такъ писаны:

Жикгимонтъ Августъ...

Княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадникомъ дворнымъ и земъскимъ и поветовымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ тымъ, которые маютъ именья свои въ повете Киевъскомъ. Што перво сего за прозбою и порадою пановъ раднихъ ихъ милости панъства нашого великого князства Литовского, не прагнучи кровопролития у хрестьянстве, посылали есмо пословъ нашихъ до неприятеля нашого, великого князя Московского, за листомъ его кглейтовнымъ, хотечи зъ нимъ покой и застановенье слушное вделати, и которые вжо зъ земли его вернувшися намъ того справу дали, же тотъ неприятель, жадного застановенья заприсяжного зъ ними не вчинивши, ихъ отпустилъ, а уймуючи предъсявзятьемъ своимъ на панъства наши, подъ часомъ бытности пословъ нашихъ въ его земли, на кгрунте нашомъ на Усвяте, замокъ збудовалъ, а способляючися тымъ большей ку войне береться, хотечи несправедливе поседати панъства наши: для чого съ повинное и звыклое милости ку оному панъству, отчизне нашой, умыслили есьмо, опустивши справы здешнего панства нашого, коруны Польское, тамъ до великого князьства Литовского зъехати и съемъ вальный для намовы и потужнейшое вальки съ паны радами нашими и зо всими землями мети, якожъ и местце сойму въ Берестью месеца пришлого декабра первого дня, а водле статуту соймики поветовые въ чотырохъ неделяхъ передъ вальнымъ соймовъ складаемъ, то естъ месеца ноября третего дня, на который соймикъ около потужъное вальки и обороны и о иныхъ потребахъ пильныхъ земъскихъ яко маете намовляти, отъ насъ господара черезъ посла нашого достаточне вамъ ознамено будеть. Про то приказуемъ вамъ, абы есте на тотъ день помененый, на местце до Киева на соймикъ поветовый зъехавшися, при после нашомъ намовляли и радили, а яко соймику поветовому, такъ тежъ и сойму вального назначоного ижъбы нихто не важился омешкати, кгдыжъ недбалостью и неспешнымъ еханьемъ на соймы и на войны шкодное омешканье деламъ земскимъ дееться. На которомъ соймике абы есте того жъ дня а не далей другого навтрее при после нашомъ, не ждучи инъшыхъ, съ тыми только, съ которыми зъедете(ся), намовивши о всемъ и обравши послами водле статуту двухъ особъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, зъ зупольною моцъю ку намовамъ сполнымъ зо всими станы на

съемъ вальный выправили, а иншыхъ зъездовъ въ поветехъ ниякихъ ку предлуженью справамъ земскимъ по томъ соймику бы есте чинити не смели: кгды жъ зъ ласки нашое господарское за прозьбою всихъ становъ надали есьмо вамъ тые соймики порадкомъ коруны Польское, прото водле того жъ обычаю корунъного маеть ся заховати, бо мы, господаръ, не ждучи иныхъ, одно съ тыми, хто до насъ на часъ, сойму зложоный, приедеть, зъ Божью помочью отправовати будемъ съемъ, кгды жъ вжо теперь таковая великая потреба и часъ погодный омешканья жадного вытерпети не может. Тежъ того естъ потреба, абы ку служъбе военной всякая готовость была способяна отъ кождого стану, хто повиненъ войну служити, ижъбы на местце, потомъ ознайменое, кождый у пана гетмана становитися не омешкалъ. При томъ бачачи тежъ мы и того потребу, абы границы поветовъ помешанья не терпели, хотечи, абы зъ ведомостью пана воеводы Киевского подокорый *) Киевский зъ судьею и подсудкомъ тамошними Киевскими, обославшися зъ иными врадниками другихъ поветовъ прилеглыхъ, объехати спольне границы, покуль тотъ поветъ Киевский замеренье свое въ правахъ судовыхъ маеть мети; а где бы потреба знаки новые положити, менуючи урочищчами, то бы есте, все меновите списавши, черезъ послы на съемъ до насъ послали; а мы, намовивши около того съ паны радами нашими ихъ милостью, учинимъ съ тымъ и отправити кажемъ такъ, яко ся намъ, господару, наслушней будеть видети. Писанъ у Варшаве лет. Бож. Нарож. 1566, месеца октебра 15 дня.

Тые послами до поветовъ маютъ быти:

до повету Оршаньского панъ Андрей Пугачъ, и самому посельство отдано;

до повету Меньского панъ Мартинъ Володковичъ, поселъство до него понесъ Пугачъ;

до повету Новгородского панъ Өедоръ Юряга, тотъ же Пугачъ поселъство понесъ;

до повету Бельского панъ Ириковичъ, тотъ же Пугачъ до него понесъ поселъство;

до повету Слонимъского панъ Михайло Воловичъ, тотъ же Пугачъ до него поселство понесъ;

до повету Дорогицкого панъ Суходольский, референдаръ, тотъ же Пугачъ поселство до него понесъ;

до повету Витебъского князь Павелъ Соколенский, тотъ же Пугачъ поселство до него понесъ;

---

*) Ошибоч. вм. «подкоморый».

до повету Мстиславъского Богушъ Олексеевичъ, тотъ же Пугачъ посельство до него понесъ;
до повету Мельницкого Александро Гинца; тотъ же Пугачъ поселъство до него понесъ.

Михно понесъ: до повету Луцкого панъ Иванъ Чапличъ; до повету Володымерского панъ Семашко, и поселство самъ взялъ.

Въ поветъ Браславъский поселство послано до князя воеводы Браславъского, а его милость маетъ обрати и въписати, кого ся его милости видети будетъ.

Григорей Мартиновичъ понесъ: до повету Мозырского Өедоръ Балакиръ, до повету Киевъского Өедоръ Тиша, до повету Пинского Степанъ Григорьевичъ.

Князь Жижемский понесъ: до повету Городеньского панъ Иванъ Макаровичъ, до повету Ковенского панъ Млечко.

До пана старосты Жомоитского послано поселство до Жомойти, а его милость маетъ уписати посломъ, кого ся видети будетъ.

Панъ Стретъ Тишковичъ понесъ: до повету Ошменьского панъ Миколай Конча; до повету Вⅱитского князь Крошинский; до повету Браславля Литовъского панъ Иванъ Бося; до повету Лидского панъ Волчко, маршалокъ; до повету Виленского князь Янъ або князь Лукашъ Болько; до повету Троцкого панъ Завиша або панъ Держко.

До пана Полоцкого послана справа соймовая.

Тымъ обычаемъ поселства писаны:

Наука и злеценье поселства отъ его кролевское милости черезъ . . . . на соймикъ Виленский, зложоный месеца ноября 3 дня року тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостого, месеца октебра.

Напервей, посолъ, приехавши до Вильни на часъ и день тому соймику поветовому, маетъ поведити отъ его кролевское милости паномъ радамъ ихъ милости духовнымъ и светскимъ, которые на тотъ часъ будуть, ласкавое поздоровенье отъ его кролевъское милости, а инымъ всимъ станомъ рыцерства его кролевъское милости ласку его милости господаръскую.

А при томъ листъ верушчий его кролевское милости маетъ отдати. Потомъ посолъ маетъ мовити: што прошлого сойму Виленьского рачилъ его кролевъская милость съемъ зложити въ Берестьи для взновенья и змоцненья унеи съ коруною Польскою великому князьству Литовъскому, а то для способнейшое и потужнейшое вальки зъ неприятелемъ его кролевъское милости, великимъ княземъ Московъскимъ, што его кролевская милость вделалъ, чинечи прозбе вашой досыть, которую на початъку першое вальки (зъ) подъ Витебъска зъ войска его

кролевъское милости есте просячи посылали и на соймехъ у Вильни о то просили.

До чого его милость господарь працы и усилованья немалого усиловати рачылъ частыми соймы такъ въ коруне, яко и въ великомъ князьстве; а кгды жъ таковое постановенье ешче по сесь часъ дойти не могло и къ тому на сойме прошломъ Берестейскомъ о потужной вальце противко тому неприятелю не постановено:

То все его кролевская милость зъ немалымъ политованьемъ рачитъ вспоминати, кгды жъ яко коруне Польской, такъ и тому отчизному панъству своему, великому князьству Литовъскому, всего доброго ровно зычачи, причинятися рачитъ, не фолькгуючи вчасу, здоровья и накладу скарбу своего господаръского, доводечи того, абы на сполъный съемъ съ паны поляки зъехавши, о вальце потужной постановенье вчинитися могло, а тому неприятелю слушне и водле потребы отпоръ стался зъ нагородою таковогo укривженья славы и панъства его милости господарского.

И ачъ его кролевская милость, не жадаючи кровопролитья хрестияньского и въ таковыхъ речахъ немалыхъ знаходечи посродокъ ку застановенью кровопролитья, за посыланъ(емъ) кглейту отъ того неприятеля пословъ своихъ посылати рачилъ, што вашой милости паномъ радамъ ведомо, а и вамъ, вернымъ слугамъ и подданымъ своимъ, его кролевъская милость ознаймить казать рачилъ, ижъ тотъ неприятель и теперь пословъ его кролевъское милости отправилъ, жадного постановенья не вчинивши, а то вжо по двакроть такъ чинить.

И хотя жъ пословъ своихъ до его кролевъское милости послати обецалъ, ведьже такий поступокъ вчинилъ, же на властной отчизне его милости господаръской, на Усвяте, задержавши послы, замокъ збудовалъ и на инъшихъ местцахъ вжо буд(у)еть, а съ того и зъ иныхъ всихъ поступъковъ того неприятеля лацно кожъдый можеть обачить, яко онъ на панъства его милости господарские усилуеть. А такъ его кролевъская милость для потребы речи посполитое, яко звыкъ ничого не литовати, опустивши справы коруны польское, до того панства своего ехати рачить якожъ съемъ въ ..... на день ..... его кролевская милость зложилъ ни для чого иного, только для намовъ и ку постановенью о потужной вальце не на малый часъ. А ижъ то идеть о славу панованья его кролевское милости и васъ самыхъ и вольности ваши, о посеганьи въ границахъ панъства его кролевъское милости господарскихъ и братьи вашое, народу, зацностью вшелякою учтеного, прото напоминати рачить васъ, верныхъ подданыхъ своихъ, его милость господаръ, абы есте вжо о таковой войне мыслили, которая бы за Божъею

помочъю съ пострахомъ и зъ упадкомъ его быти могла и до часу немалого стояла, для чого абы есте, обравши межи собою водле порадку статутового двухъ особъ бачныхъ послали на вальный съемъ до ......, давши имъ достаточную и зуполную моцъ ку намовамъ и становенью о таковой потужной войне, кгдыжъ его кролевъская милость, вси речи отложивши, ни о чомъ иномъ, только о войне намовляти и становити на томъ сойме хочетъ.

А то его кролевская милость росказалъ вамъ поведити, абы есте таковыхъ пословъ отправовали, которые бы дня, сойму назначоного, не омешкали и въ речи посполитой окромъ затрудненья справоватися вмели, бо его кролевъская бачитъ потребу, абы тотъ съемъ безъ кождого предлуженья отправовати ся могъ, якожъ и такъ отправовать бы его милость хотелъ, иле часъ знесетъ таковое потребы речи посполитое.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л.л. 124—131).

№ 61.

Року 66 у Варшаве писаны листы до поветовъ о отложенье сойму зъ Берестья до Городна, и розосланы тые листы месеца ноябра 5 дня *).

На Подляшъе Юръи Быковъский понесъ:

до повету Дорогицкого, до повету Мельницкого.
до повету Бельского,

Иванъ Дутый понесъ:

до повету Городеньского, до земли Жомоитское;
до повету Ковеньского;
ещче тамъ же листы зашитые до бискупа Жомоитского;
а къ тому листы до Ожи и Перелома, до Меречи, до Острины, до дворовъ Городеньскихъ, абы за стацыю у подданыхъ пенезьми не брано; особливе листъ, абы зъ Вильни и съ Ковна для поветрея не пропускано.

На Русь Жданъ Гайко понесъ:

до повету Волъковыйского, до повету Оршаньского,
до повету Новгородского, до повету Витебъского,
до повету Слонимского, до повету Мстиславъского;
до повету Меньского,
и къ тому листы зашитые онъ же понесъ до бискупа Виленского.

---

*) Къ Городенскому сейму 1566—1567 г.

На Волынь Жоравницкий понесъ:

до повету Кремянецкого, до повету Браславъского,
до повету Луцкого, до повету Пинского,
до повету Володимерского, до повету Берестейского.

До повету Киевского листъ князю воеводе Киевскому посланъ, абы его милость тамъ отослалъ, и къ тому листы зашитые до бискупа Луцкого.

До повету Полоцкого и до повету Витебъского послано до пана Боркулаба черезъ слугу его, а онъ маеть розослати.

До пана подскарбего послано ку розсыланью:

до повету Виленьского, до повету Мозырского,
до повету Троцкого, до повету Лидьского,
до повету Упитского, до повету Ошменьского,
до повету Браславъского, до повету Вилькомирского.

Тые листы такъ писаны:

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецъкий, Лифлянтъский и иныхъ.

Воеводе Берестейскому, державцы Волковыйскому, пану Юрю Василевичу Тишкевича, кашталяну Берестейскому, конюшому Городенскому, державцы Вилькейскому, Красносельскому и Трабъскому, пану Яну Миколаевичу Гайку и тежъ княземъ, паномъ, маршалъкомъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ—всимъ тымъ, которыи именья и оселости свои въ повете Берестейскомъ маютъ. Што перво сего для потребъ того тамъ панъства нашого, великого князьства Литовъского, зложили были есьмо съемъ въ месте нашомъ Берестейскомъ месеца теперешнего пришлого декабра первого дня, яко то вамъ черезъ пословъ нашихъ, у поветы послаными, и листы соймовыми достаточне ознаймено: ино, ижъ ведомость насъ тыхъ часовъ дошла, же неприятель нашъ, князь великий Московский, вжо на сей стороне Двины на устью реки Улы замокъ будуеть, а врадники наши некоторие украинные, ачъ колве охотне поспешившися о ратунокъ оного городища куспилися, але, ничого не вчинивши, еще зъ шкодою оттоль одошли, а тотъ неприятель, хотя жъ пословъ своихъ до насъ послати обецалъ, нижли, бачечи съ тыхъ поступъковъ, ижъ ся онъ тымъ большей способяючи ку войне береться, маючи умыслъ несправедливе посядати панъство нашо: прото хотели быхмо въ месте нашомъ Виленьскомъ съемъ мети, але, ижъ за небезъпечностью повтрея то быти не можеть, тогды предся хотечи, глубей до тамошнего панъ-

ства нашого приехавши, о потужной войне противко того неприятеля зъ вашою милостью паны радами нашими и зо всими станы, сойму належачими, радити и объмышлевати, яко бы за помочъю Божъю тому неприятелю отпоръ, а панъству нашому слушная оборона вчинена быти могла, и для того вжо не у Берестьи, але ближей, у Городне, а где бы—чого Боже вховай—и въ Городне за поветреемъ тотъ съемъ дойти не могъ, тогды у Кнышине певное местце сойму складаемъ на тотъ же рокъ и часъ, перво сего ознайменый, месеца декабра первого дня. Вы бы о томъ ведали а ослухавшися, где мы, господаръ, дворомъ нашимъ будемъ, если въ Городне або у Кнышине, тамъ где бы есте, ку тому дню назначоному ничимъ не омешкиваючи, пословъ своихъ слали, давши имъ науку достаточную и моцъ зуполную, будучи на сойме, о потужной вальце на немалый... и отпору противко тому неприятелю нашому радити и становити, кгдыжъ то идеть о васъ самыхъ и о волости ваши. А которие зъ васъ на съемъ не поедуть, приказуемъ, ажъбы есте со всимъ, што ку войне належить, въ готовости скоро по сейме ку рушенью на службу военну(ю)... конечно. Писаны у Варшаве летъ Божъ. Нарож. 66, месеца ноябра 5 дня. Михайло Гарабурда.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 132—134).

№ 62.

Листъ, писаный до воеводы Витебского пана Станислава Паца въ многихъ речахъ коло небеспеченства отъ князя Московского *).

Воеводе Витебскому пану Станиславу Миколаевичу Пацу. Што писалъ твоя милость до насъ, даючи ведати, якимъ обычаемъ людъ московский, упередивши людъ нашъ, на устьи реки Улы замокъ зарубили, и яко тежъ наши люди служебные, не зобравшисе въ одно местце, подъ тотъ замокъ подъходили и, ничого людемъ неприятельскимъ не учинивши, назадъ зъ немалою шкодою отойти мусели и делъ три, которие еси зъ Витебъска послалъ, утратили, о томъ всемъ ведомость перво сего насъ дошла. А ведже, ижъ твоя милость предъся то съ чуйности своее намъ ознаймилъ и людей служебныхъ, также и шляхту Витебъскую и слугъ своихъ ку добыванью того замку Ульского посылалъ, то отъ твоей милости, яко рады нашое, вдячне приймуемъ а зъ немалымъ политованьемъ того уживаемъ, ижъ тотъ неприятель, поседаючи панство нашо, замки собе будуеть, якожъ обачаемъ

*) Къ Городенскому сейму 1566—1567 г.

то, ижъ замокъ Ульский ку великому небезъпеченству паньству нашому заложенъ естъ. А ижъ еще твоя милость пишешь, што князь Московский немалое войско Псковичанъ и Новгородцовъ ку тому замъку Ульскому отправилъ, ино за таковыми поступъками его не видимо, же бы ся ку покою хрестианскому заносить мело, чому тежъ мы забегаючи и о потужной обороне противъ тому неприятелю объмыслить хотячи, зложивши съемъ въ здешнемъ панстве нашомъ, великомъ князьстве Литовъскомъ, вже есьмо въ границы того паньства въехали и около обороны съемъ, въ Городне зложоный, месеца теперъ пришълого декабра зачавши, съ помочью Божою безъ умешканья быхмо рады отправили, ку которому часу и пословъ ся московскихъ сподеваемъ; и естли бы за приеханьемъ тыхъ пословъ што ся о покою постановити могло, о томъ тобе ведомость отъ насъ дана будеть; а твоя милость, естли бы еси тежъ што о послехъ неприятельскихъ, которые до насъ ити мають, послышалъ, не омешкивай намъ давати знати. А што пишешь до насъ, кгды бы на кгруньте капитулы Виленское на Сорицы замокъ забудованъ былъ, тогды бы ку великой помочи замъку Витебъскому и къ убезъпеченью паньства нашого вельми потребный быти могъ, то твоя милость добре учинилъ, ижъ еси намъ ознаймилъ, а мы теперъ въборзде, зъехавшися съ паны радами нашими, намовимъ и науку твоей милости дати роскажемъ, а если бы тотъ замокъ подъ теперешнимъ часомъ забудоватися могъ. Къ тому што пишешъ до насъ, жедаючи, ижъ быхмо тобе на часъ малый ку намъ, господару, съ того замку нашого Витебъского зъехати позволили, хотечи намъ достаточнейшую справу о всякихъ потребахъ тое украины дати: ино, ачъ рады быхмо то видели, же бы твоя милость до насъ приехалъ и о всемъ намъ певную ведомость донесъ, але, ижъ ся такъ великие небезпечности одъ того неприятеля оказують, тогды ся то намъ не видить, ижъ бы твоя милость теперъ съ того замку нашого зъеждчати; ижъ бы твоя милость во всякой чуйности и осторожности на томъ замъку нашомъ мешъкалъ, служачи намъ, господару, и речи посполитой, ведля звыклое хути и вери своее, которую завжды по твоей милости, яко верной раде нашой, узнаваемъ. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. (въ ноябрѣ 1566 года).

(Литов. Метр. кн. Запис. XLVII, лл. 114—115).

№ 63.

Року 67, месеца сетебра 6 дня, въ суботу, съ Кнышина розосланы листы господарские о положенье сумъ на места упривильеваные и неупривильеваные.

До Богдана Туминьского черезъ Михайла Дубницкого понесъ:

до места Берестейского — о 200 копъ;
до места Каменецкого—о 60 копъ;
до Шерешова—о 30 копъ;
до Войня—о 30 копъ;
до Милейчичъ—о 30 копъ;
до Ломазъ—о 10 копъ.

На Подляшье понесъ Богуфалъ Туръ:

до места Бельского — о 150 копъ (Завиши наново);
до Дорогичина—о 60 копъ;
до Клещелегъ—о 50 копъ (Завиши наново);
до Тыкотина—о 60 копъ;
до Нарви — о 30 копъ (Завиши наново);
до Лосичъ—о 50 копъ;
до Браньска—о 60 копъ;
до Мелника—о 50 копъ;
до Саража—о 40 копъ;
до Августова—о 20 копъ;
до места Высоцкого—о 30 копъ.

Семенъ Ораньский понесъ:

до места Пиньского—о 150 копъ;
до Слонима—о 50;
до Молчади у старостве Слонимскомъ—о 10;
до Лукомницы тамъ же—о 8;
до Кобрыня—о 50;
до Городца у старостве Кобрынскомъ—о 10;
до Добучина тамъ же—о 40;
до Сельца—о 15;
до Здитова—о 10;
до Ляховичъ—о 40;
до Ме(жи)реча—о 6;
до Лыскова—о 6;
до Новагородка—о 100;
до Цырина у воеводстве Новгородскомъ—о 10;

(Захарьяшу съ тыхъ местъ Кобрынскихъ 100 копъ у его заслужоного дано).

Ротмистръ господарский Мартинъ Стравиньский понесъ:

до места Троцкого—о 100 копъ;
до Городна—о 120;
до Жижъморъ—о 15;
до Жосель—о 15;

(Стравинскому а Косоковскому то дано).

Богушъ Древиньский понесъ:

до Мстибогова—о 30 копъ;
до Вольпы—о 20;
до Мостовъ—о 15;
до Лунъное—о 6;
до Нового Двора—о 20;
до Острыны—о 10;
до Порозова—о 20;
до Крынокъ—о 30;
до Васплишокъ—о 15;
до Одельска—о 12;
до Волъковыйска—о 50;
до Кузницы—о 15;
до Нового Двора—о 6.

Онъ же понесъ до поборцовъ повету Волковыйского о ревидованье.

На Волынь понесъ до Павла Ораньского Михайло Дубницкий:
до Луцка—о 150 копъ;
до Кремянца—о 50;
Михайло Дубницкий взялъ до Володимера—о 60 копъ.

Станиславъ Пришифостский понесъ:

до Довъкговъ—о 15 копъ (Завишинаново);
до Перелай—о 20 копъ;
до Мереча — о 40 копъ (Завишинаново).

А то до пана подскаръбего ку розосланью послано черезъ Пришифостского жъ:

до Немонойти—о 10 копъ;
до Велены—о 15;
до Утены—о 10;
до Бирштанъ—о 10;
до Обель—о 10;
до Шовль—о 30;
до Радивилишокъ у волости Шовленской—о 10;
до Янишокъ—о 20;
до Кернова—о 20;
до Ужвенъ—о 10;
до Ойракголы—о 20;
до Вешвены—о 15;
до Кгодинъ—о 15;
до Биржанъ—о 10;
до Ботокъ—о 8;
до Плонки—о 10;
до Кретины—о 10;
до Телшовъ и Плотелъ—по 15;
до Дорсунишокъ—о 10;
до Юрборку—о 30;
до Вирболова—о 40;
до Сомилишокъ—о 8;
до Радуни—о 15;
до Оникштъ—о 8;
до Свислочи—о 60;
на Кгеранонны и на Липнишки—по 15;
до Вистпица—о 8;
до Ейшишокъ—о 15;
а до Лоздей—о 8;
до Олиты—о 20;
а до Симна—о 8;
до Конътяжина—о 5;
до Шадова—о 40;
до Поневяжи—о 30;
до Купишокъ—о 10;
до Швинтянъ—о 8;
до Болницы—о 15;
до Лыкгмянъ—о 6;
до Берзникъ—о 10;
до Борисова—о 20;
до Крожи—о 8;
до Киева—о 200;
до Мозыра—о 100;
до Меньска—о 150;
до Бобруйска—о 80;
до Радошковичъ—о 15;
о Вилкеи—о 15;
до Браславля—о 15;
а до Довкгялишокъ—о 20;
до Вилкомира—о 15;
до Ковна—о 1000;
до Могилева—о 150;
до Лиды—о 30;
до Пупь—о 30.

Тые листы до местъ упривилеваныхъ такъ писаны:

Жыкгимонтъ Августъ...

Войту, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ места Милейчицкого. Ижъ мы сами, господаръ, особою нашою господаръскою у войско тягнемъ, до которое потребы и служъбы нашое земъское вси станы рыцеръство великого князьства Литовского рушитися повинни, давши еще податокъ земъский; и ачъ и вы на податокъ земъский складатся, але, ижъ для таковое служъбы речи посполитое пилные, кгвалтовные потребы на скарбъ нашъ пришли, которые поспешне отправованы быти мусять, прото на отправу тыхъ таковыхъ потребъ речи посполитое покладаемъ на тое место нашо Милейчицкое, на всихъ васъ, подданыхъ нашихъ того места, податокъ—певную суму пенязей, тридцать копъ грошей, для чого и дворенина нашого Богдана Туминского до васъ есмо послали, и жадаемъ васъ, жебы есте, чинечи то для насъ, господара, ку таковой потребе земъской тую суму зложивши, кромъ всякаго омешканья дали и за разомъ черезъ того дворенина нашого до скарбу нашого отослали; бо, ижъ пилъная потреба есть на то до скаръбу нашого, тогды мы, фолкгуючи, абы есте кромъ всякаго омешканья тую суму пенезей съ оного места зложили, не утежаючи тымъ васъ, подданыхъ нашихъ, малую суму на оное место положити казали. Мы потомъ, часу инъшого, тую суму пенязей, до скарбу нашого отъ васъ позычоную, або зъ скарбу нашого отдати, або зъ якихъ доходовъ вытрутити роскажемъ. Пакъли жъ бы есте зъ якимъ сплошенъствомъ тое сумы пенязей, на васъ положоное, за разомъ теперъ тому дворенину нашому не отдали и не заплатили, тогды мы оную суму пенезей людемъ служебнымъ въ заплату заслужоного ихъ отъ того места совито отправити роскажемо. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. 1567, месеца сенътебра 2 дня.

А до неупривилеваныхъ листъ такъ писано:

Жикгимонтъ Августъ...

Маршалъку нашому, конюшому и подконюшому Виленскому, державцы Василишъскому, а въ небытности его самого у Василишкахъ, ино врадннку его тамошнему и тежъ войту и всимъ мешчаномъ места нашого Василишского. Што перво сего для потребы нашое господарское земъское военъное росказали есмо были вамъ, мешчаномъ того места нашого, живность и стацею до войска нашого провадити и зъ девети домовъ десятого чоловека выправити водлугъ першихъ листовъ нашихъ, о томъ до васъ писаныхъ, ино мы теперъ, трудъность и омешканье въ роботахъ и потребахъ вашихъ властныхъ бачачи, ульженье отъ того тягненья до войска нашого вамъ вчинити хотечи, уже есмо

чимъ инъшимъ водле потребы осмотрели, а за то покладаемъ на тое место нашо Василишки плату певного петнадцать копъ грошей литовъскихъ, для чого посылаемъ дворенина нашого... и приказуемъ вамъ, ижъбы есте тую суму пенезей, за выправу на васъ положоную, безъ омешканья заплатили и заразомъ до рукъ тому дворенину нашому отдали; а где бы есте тое сумы пенезей не заплатили и до рукъ того дворенина нашого не отдали, ты бы, пане маршалъку, яко державца тамошний, а въ небытности его самого у Василишкахъ тобе, врьднику его тамошний, приказуемъ, ажъ бы еси то на нихъ моцно отправовалъ; або, естли бы платити не хотели, и ты бы имъ того жъ часу передъ тымъ же дворениномъ нашимъ со всякою выправою и стацею военъною водлугъ первшихъ листовъ и росказанья нашого по(дъ) карностью нашою господарскою до войска спешне тягнути велелъ, никоторого сплошенства въ томъ не чинечи, конечно абы то иначей не было. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. 1567, месеца сенътебра 3 дня.

(Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 153—156).

№ 64.

Листы ротъмистромъ, на заплату заслужоного ихъ съ постановенъя Лебедевского въ року шестьдесятъ семомъ выдаваные *).

Таковымъ обычаемъ:

Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецъкий, Лифлянътъский и иныхъ.

Князю Юрью Юрьевичу Слуцкому. Што въ тыхъ часехъ, зъехавшися ваша милость—панове рада наши, кнежата, панята и вси станы панства нашого, великого князства Литовского, у войско и зобравъшися въ Лебедеве вси станы, объмышлеваючи, чимъ бы люди служебъные для потребъ земъскихъ задержаны были, уфалили и постановили есте, ижъ податокъ серебъщизный, зъ сойму Городеньского уфаленый, который року шестьдесятъ осмого по святе Трехъ Кролевъ выдаванъ быти мелъ, въ тыхъ часехъ, передъ Божьимъ Нароженьемъ, въ року нинешнемъ шестьдесятъ семомъ пришломъ святе, выбравши, на люди служебные отдати поднялися и ухвалили. Ино, ижъ воеводе Браславскому, старосте Житомирскому, князю Роману Өедоровичу Санкгушку,

---

*) Къ военно-полевому Лебедевскому сейму 1567 года.

платечи на роту его милости на двесте коней, на кождого коня по четыри копы грошей, прийдеть на чверть году осмъ сотъ копъ грошей, твоя бы милость на тую роту князя воеводы Браславъского за одну чверть году, которую теперъ водъле реестру пана гетьмана великого служыть, податъку верхупомененого, который зъ именей твоей милости въ семъ року шестьдесятъ семомъ передъ Божьимъ Нароженьемъ выдаванъ быти маеть, князю воеводе Браславскому осмъ сотъ копъ грошей далъ и безъ мешканья его въ томъ отъправилъ, якобы онъ, тые пенези отъ твоей милости маючы, товаришовъ роты своее для службы земъское задержати и тымъ способней въ потребахъ речи посполитое служити могъ. А што за симъ листомъ нашимъ князю воеводе Браславскому на роту его того податъку земъского твоя милость зъ именей своихъ выдаси, на то, кгды твоя милость квитъ князя воеводы Браславъского поборцамъ поветовымъ або поборцамъ головнымъ окажешъ, то въ рахунокъ податъку серебъщизного, который зъ именей твоей милости водъле уфали сойму Городеньского и водъля постановенья, въ Лебедеве вчиненого, прыходить, на личъбе прынято будеть. Писанъ у Лебедеве лета Божьего Нароженья тисяча пятсотъ шестдесятъ семого, месеца ноября девятогонадъцать дня.—Подпись руки господаръское.

Таковымъ обычаемъ листы писаныи ротмистромъ его кролевское милости:

пану Зеновьевичу, кашталяну Полоцкому, до поборцовъ повету Ошменьского на роту его милости двесте коней, на копъ осмъ сотъ...

пану Володимеру до поборцовъ повету Новгородского на коней двесте, копъ осмсотъ...

пану Мартину Курчу до пана Троцкого на коней двесте, копъ осмсотъ;

пану Корсаку на коней двесте до пановъ воеводычовъ Виленскихъ, на трыста копъ, а до пана кашталяна Подляшского на пятсотъ копъ;

князю Костантыну Вишневецкому до князя Корецкого на коней двесте, копъ пятсотъ, а до князя бискупа Виленского на копъ трыста...

князю Янушу Збаражскому до князя воеводы Троцкого на коней двесте, копъ осмъ сотъ...

пану Борколабови до князя Слуцкого на коней двесте, копъ осмъ сотъ...

князю Масальскому до пановъ Горностаевъ на коней сто пятдесятъ, копъ шесть сотъ...

пану Мартину Яцыницу до пани Кищиное на коней двесте, копъ осмъ сотъ;

князю Шахметю а князю Олисатю до пана воеводы Новгородского на коней сто, копъ чотыриста;
пану Филону Кмите до пана воеводы Подляшского...
князю Соколинскому до поборецъ повету Оршанского на коней двесте, копъ осмъ сотъ...
пятигорцомъ Теремку а Кантымеру до пана воеводы Мстиславского на коней сто десеть, копъ чотыриста и сорокъ;
князю Сентъманцеру до пановъ воеводичовъ Виленскихъ на коней сто, копъ чотыриста...
князю Лукомъскому до пановъ воеводичовъ Виленскихъ, ижбы додали на роту его коней сто, копъ двесте тридцать семъ...
пану Мартину Яцыничу до повету Слонимского на коней двесте, копъ осмъ сотъ...
царевичу Пунскому до повету Ошменьского на сто коней, копъ чоториста...

Таковые жъ листы писано ротмистромъ драбскимъ на заплату заслужоного ихъ съ постановенья Лебедевского, яко и езнымъ ротмистромъ..., тымъ на имя, то естъ: пану Дмитровскому до князя бискупа Жомоитъского на драбовъ двесте, копъ пятьсотъ и две; пану Харлинъскому до княгини Ярославовое на драбовъ двесте, копъ пятьсотъ и две; пану Кголбицъкому до князя бискупа Луцкого на драбовъ двесте, копъ пятьсотъ и две...

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, лл. 11, 12).

№ 65.

Року 67 месеца ноябра писаны листы господарские о податокъ серебъщизный до тыхъ становъ, нижей помененыхъ, и розосланы тые листы зъ Радошковичъ того жъ месеца ноября 30 дня *).

На Волынь:

до повету Пинского,
до митрополита,
до князя воеводы Волынского,
до владыки Володимерского,
до владыки Луцкого,
до повету Луцкого,
до повету Кремянецкого,
до повету Володимерского,
до повету Волковыйского,
до повету Новгородского,
до повету Слонимъского,
до повету Берестейского,
до митрополита.

*) Къ военно-полевому Лебедевскому сейму 1567 года.

На Подляшье Богданъ Воловичъ понесъ:

до повету Лидского,	до повету Мельницкого,
до повету Бельского,	до повету Городеньского.

До Жомойти и Завелья Богушъ Несвецкий понесъ:

до повету Браславъского,	до земли Жомоитское,
до повету Ковенского,	до бискупа Виленского,
до повету Вилькомирского,	до повету Троцкого,
до повету Ошменьского,	до повету Упитьского.

Къ Киеву Богушъ Древинский понесъ:

до повету Меньского,	до кашталяна Киевъского,
до повету Речицкого,	до повету Браславъского и Веницкого.
до повету Мозырского,	
до повету Киевъского,	

Юрий Ветвинский понесъ:

до повету Оршанъского,	до повету Мстиславъского,
до повету Витебъского,	до пана воеводы Витебъского.

А то тутъ роздано:

пану воеводе Новгородскому,	пану подканъцлерому,
пану Новгородскому,	князю воеводе Троцкому,
пани воеводиной Витебъской,	пану Виленьскому,
пану воеводе Берестейскому,	пану воеводе Подляшскому,
пану подчашому,	князю бискупу Киевъскому,
пану Берестейскому,	князю воеводе Киевъскому,
пану стольнику,	кашталяну Подляшскому,
князю воеводе Браславскому,	пану старосте Жомоитскому,
князю старосте Луцкому,	кашталяну Полоцкому,
князю Слуцкому,	пану воеводе Мстиславъскому,
пану Троцкому,	пану воеводе Меньскому.

Жикгимонтъ Августъ.

Княземъ, паномъ воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ поветовымъ, кнегинямъ, панямъ, земяномъ, бояромъ и двораномъ нашимъ и всимъ станомъ духовнымъ, которые именья и оселости свои во всемъ окрузе повету Лидского маютъ. Што на сойме великомъ вальномъ въ року нинешнемъ шестьдесятъ семомъ въ Городне, при бытности и за зезволеньемъ пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ, уфалили есте для потужнейшое войны противку неприятелю нашому, великому князю Московскому, на оборону земскую певный податокъ серебъщчызный водле достаточного описанья и ознайменья въ рецесе, зъ сойму выданого, поступили есте на два годы,

якожъ и роки певные выданью тыхъ податъковъ зъ оного жъ сойму уфалены и постановены были: ку выданью першого податку отъ выволанья того сойму Городеньского въ десети неделяхъ, а ку выданью другого податку съ того жъ сойму рокъ уфале(нъ) и постановенъ былъ отъ свята Трехъ Кролевъ въ року близко пришломъ шестьдесятъ осмомъ за дванадцать недель: ино теперъ для великихъ а пильныхъ потребъ земъскихъ при бытности нашой господарской до войска се зъехавши, а великие и гвалтовные налеглые потребы земъские бачачи, и хотечи людей служебныхъ для потужнейшое войны задержати, сами есте съ призволеньемъ нашимъ господаръскимъ уфалили и постановили, ижъ што на заплату людей служебъныхъ податокъ земъский въ року шестьдесятъ осмомъ по Трехъ Кролехъ у дванадцати неделяхъ отдавати зложонъ былъ, тогды для поспешнейшое и прудъшое заплаты людей служебъныхъ, которые вжо пенези, первей имъ даные заслужившы, на ново служать, зезволили есте вси станы подъ обовязки, въ уфале сойму Городенского описаными, податки земъские, которые на часъ вышейпомененый въ року шестьдесятъ осмомъ отданы быти мели, теперъ, въ семъ року шестьдесятъ семомъ передъ Божьимъ Нароженьемъ, выдати и сполна заплатити, якожъ есте съ тымъ постановеньемъ и людей служебныхъ при служъбе земъской задержали, которые служачи, заплаты на насъ, черезъ васъ самихъ уфаленыи, ожидають, а где бы ихъ не дошла, далей жаднымъ обычаемъ служити не хочуть. Съ тыхъ причинъ тому постановенью и уфале, которую ихъ милость панове рада наша зо всими станы здесе въ Лебедеве уфалили, мы, господаръ, позволивши, податокъ водле постановенья и уфалы сойму Городеньского—съ кождое волоки оселое по тридцати грошей, зъ огородниковъ по три гроши, а зъ дымовъ Киевскихъ, Волынскихъ, Рускихъ, Поднепръскихъ и Полесскихъ съ кождого дыму по петнадцати грошей, то естъ зъ двадцати дымовъ, яко зъ десети службъ, пять копъ грошей, а зъ людей лезныхъ податокъ поголовный водле уфалы сойму Виленьского, въ року шестьдесятъ шостомъ пришлого, поборцы, въ томъ повете на сойму Городеньскомъ обраного, Адаму Кгинбутю а земенину повету Лидского Яну Кантраму спешне выбирати казали. Вы бы, вси станы и каждый зъ особна, такъ великие а кгвалтовне налеглые потребы земские бачачи, а постановенью, черезъ васъ самихъ въ Лебедеве вделаному, досыть чинити*), тотъ податокъ земъский, который въ року шестьдесятъ осмомъ по Трехъ Кролехъ у дванадцати недель выданъ быти мелъ, теперъ заразомъ, яко

*) Ошибочно вм. «чинечи».

наспешней быти можеть, съ подданыхъ своихъ выбирали або въ небытности своей врадникомъ и слугамъ своимъ выбирати казали, и теперъ заразомъ, а не далей передъ Божъимъ Нароженьемъ, въ року нинешнемъ шестьдесятъ семомъ пришломъ святе, за тыйдень до тыхъ поборцовъ поветовыхъ относили и отдавали и никоторого сплошенъства въ отданью тыхъ податковъ не делали; бо, где бы хто въ тыхъ часехъ надалей передъ Божьимъ Нароженьемъ въ тыдень того податку земъского выдати омешкалъ, таковый виною, въ уфале сойму Городенского описаною, безъ литости каранъ будеть, и именья его людемъ служебнымъ въ заплату подаваны быти мають. А поборцы поветовые, тые податки земъские въ поветехъ выбравши, до поборцовъ головныхъ, намененого бискупа Жомоитского князя Юрья Петьковича а тивуна Виленьского пана Станислава Нарушевича относити мають; нижли, ижъ многие панове рада наша, воеводове, кашталяны, князи и панове, упевняючи никоторыхъ ротмистровъ, сами имъ заплату пенезей на роты имъ прирекли, тогды, естли хто съ пановъ радъ нашихъ, такъже князей и пановъ для поспешнейшое людемъ служебнымъ заплаты податокъ зъ именей своихъ которому ротмистру отдасть, а квитъ ротмистровъ на то окажеть, отъ таковаго поборъца поветовый зъ реистромъ его, якъ податокъ зъ именья своего выбралъ, и квитъ ротмистровъ, якъ много пенезей отдалъ, вместо готовыхъ пенезей приймовати якъ съ тыхъ квитовъ ротмистровъскихъ, такъ и зъ бранья пенязей готовыхъ передъ бирчими земъскими головными... чинити повинъни будуть подъ винами обовязками, на поборцовъ поветовыхъ въ уфале сойму Городенского описаными. Писанъ въ Радошковичахъ летъ Бож. Нарож. 1567, месеца ноябра 28 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, лл. 168—171)

№ 66.

Року 1567, месеца декабра, будучи его королевъской у Радошковичахъ, съ призволеньемъ его милости господарскимъ и за уфалою пановъ радъ ихъ милости, на сесьчасъ у войску будучихъ, писаны листы господаръские съ подписанемъ руки его кролевъского милости до поветовъ нижейпомененыхъ о бранье именей шляхетскихъ на господара его милости за нееханье на войну, и розосланы тые листы зъ Радошковичъ же того жъ месеца декабра 14 дня *).

---

*) Къ военно-полевому сейму пановъ-рады въ Радошковичахъ въ 1567 г.

То есть:

въ поветъ Виленьский послано писара того жъ повету Андрея Мацкевича;

въ поветъ Ошменьский послано дворенина господаръского Якуба Шемета;

въ поветъ Лидъский послано маршалка его кролевское милости пана Яна Волчка;

въ поветъ Троцкий послано дворенина господаръского Шимона Сопотка;

въ поветъ Новгородский послано дворенина господарского Богуфала Овсяного;

въ поветъ Бельский князя Петра Жижемского;

въ поветъ Ковенский Войтеха Дявилтовского;

до земли Жомоитское пана Станькевича и пана Илкговъского;

въ поветъ Городенский подъкоморий тамошний панъ Павелъ Котовичъ;

въ поветъ Упитский панъ Бартломей Левонъ;

въ поветъ Вилкомирский панъ Семенъ Война;

въ поветъ Браславля Литовъского Иванъ Евтикъ;

въ поветъ Пинский подкоморий тамошний панъ Война;

въ поветъ Берестейский подсудокъ тамошний Яковъ Гричина;

въ поветъ Дорогицкий и Мелницкий панъ Ирпковичъ;

въ поветъ Луцкий панъ Василей Загоровский;

въ поветъ Володимерский подкоморий тамошний панъ Александро Семашко;

въ поветъ Кремянецкий панъ Иванъ Кирдей Мышинский;

въ поветъ Мозырский и Речицкий панъ Андрей секретаръ;

въ поветъ Волъковыйский Остафей Михайловичъ Халецкий.

Тые листы такъ писаны:

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью.

Княземъ, паномъ воеводамъ, кашталяномъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, вдовамъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, хоружимъ татарскимъ, уланомъ, мурзамъ, татаромъ и всимъ тымъ, которые именья и оселости свои шляхетские въ повете Менскомъ маютъ. Ижъ на сойме вальномъ Городеньскомъ съ призволеньемъ всихъ становъ, сойму належачихъ, уфалено и постановено: хто бы, маючи особливый домъ и хлебъ свой, зъ именья земъского на войну не выехалъ безъ слушныхъ причинъ, тотъ не маетъ волъностей шляхетьскихъ уживати и ешче имене тратить; а особливе на томъ же сойме Городеньскомъ уфалено и постановено, ижъ вси и хто бы кольвекъ

якого нибудь народу и стану жону зъ именьями понялъ, альбо выслужилъ и якимъ обычаемъ и способомъ именей набылъ, съ тыхъ всихъ именей и оселостей своихъ женьскихъ, и хотя бы жоны мужомъ своимъ не записали, тогды вси таковые особами своими завжды на потребу земъскую у войско на войну ездити и податъки водле уфалы соймовое давати мають подъ страченьемъ именей своихъ; а и жоны, где мужи на войну не поедуть, тые менья свои за то тратять; а надто, хто бы маючи имене въ опеце, съ тыхъ именей самъ не выехалъ и почъту не поставилъ и податъку не далъ, таковый опеку тратить и вину понести виненъ водле уфалы и статуту; а къ тому уфалено и постановено на томъ же сойме Городенскомъ: хто бы податку, на томъ сойме уфаленого, на рокъ назначоный не отдалъ, на таковомъ зъ совитостью маеть быти отправлено, яко о томъ шпрей въ рецесе сойму Городеньского описано; а пакли бы хто, не отдавши податъку, увязанья боронилъ въ именья, таковый за доводомъ тое именье на речь посполитую тратить. То пакъ маемъ ведомость, ижъ многие съ того повету на войну не выехали, а иные, толко пописавшися, зъ войны прочъ ехали, въ недбалость вину статутовую и уфалу соймовую положили: прото хотечи, абы ся нихъто того важити не смелъ, будучи намъ сезде, у Радошковичахъ, съ паны радами нашими ихъ милостью, въ томъ застановене есмо такимъ обычаемъ вчинили, ижъ въ кожъдомъ повете посланецъ, на то отъ насъ посланый, маеть выведатися отъ бирчихъ того жъ повету подъ ихъ повинностью и верою ку намъ, господару и отъ инншихъ врадниковъ и суседовъ, хто бы, повиненъ будучи войну служити, яко въ статуте и уфале сойму Городенского описано, въ дому зосталъ, або выехавшися и пописавшися въ реистръ гетманьскій и не дождавши шику або и по шику отъехалъ альбо почотъ отослалъ, не жъдучи роспущенья войска зъ войны, таковогo кождого именья со всимъ маеть взяти ку руце нашой господарской; и где бы у другихъ поветехъ именья мелъ, тогды маетъ ознаймовати одинъ другому посланецъ, абы ся въ нихъ увязывали; а увезавшися мають подавати посланъцы старостамъ и державцамъ нашимъ, где ближей будеть, ку руце нашой господарской; а которого часу ему подано и съ чимъ подаеть, того посланецъ реистръ старосте маеть дати, а отъ старосты собе также реистръ противний взяти, а староста вжо маеть намъ, господару, ознаймити, которого часу ему подано, ижъбы посланцы не задерживали при собе именья, увезавшися; а хто бы посланцу нашому спротивился и не поступилъ увязанья въ именья, тотъ маеть быти, яко противникъ, горломъ каранъ. Якожъ мы посылаемъ въ тотъ поветъ Менский NN, росказавши ему въ томъ, яко вышей поме-

нено, водлугъ уфалы и статуту заховатися подъ его телесною присягою, которую на тую справу намъ господару вделалъ, ижъбы ани по дарохъ *), ани по приязни, ани для жадное речи таковымъ непослушнымъ въ службе речи посполитое фолкги не делалъ; бо, где бы ся иначей показало, тогды посланецъ маеть быти каранъ, яко кривоприсяжца. Такъ же и за неотданье податковъ, веземши отъ бирчихъ ведомость, тому жъ посланцу нашому увязыватися въ именья казали есмо водле уфалы соймовое. О чомъ ведаючи, абы кождый сему росказаню и тому посланцу нашому спротивитися не смелъ, стерегучися срогкости права и всего того, яко въ семъ листе поменено. Писанъ у Радошковичахъ лет. Бож. Нарож. 1567, месеца декабря 10 дня.

Подписъ руки господарское.

При тыхъ листехъ науки посланцомъ, такъ писаные, даваны:

Наука отъ кролевское милости за постановенемъ съ паны радами ихъ милостью, будучи въ Радошковичахъ, дана, яко ся маетъ заховати въ томъ повете Менскомъ противко тыхъ, которые на войну (не) выехали, летъ Бож. Нарож. 1567, месеца декабра 13 дня.

Маеть отъ бирчихъ того повету выведыватися подъ ихъ повинностью и верою ку господару его милости и отъ иншихъ врадниковъ его милости господаръскихъ и суседъ обаполныхъ, хто бы, повиненъ будучи войну служити водле статуту и уфалы сойму Городеньского, а дома осталъ, або который бы, пописавшися до реистру гетьманского, а не дождавши шиху або и по шиху отъехалъ або почотъ отослалъ, тогды такового именье маеть взяти на господара его милость; и где бы у другихъ поветехъ имепя мелъ, маеть посланецъ одинъ другому ознаймовати, абы ся увязывали; а увязавшися подати старостамъ и державцамъ, где будеть наближей, и маеть дати реистръ старосте, которого часу подалъ и съ чимъ, а отъ старосты другий реистръ собе взяти; и будеть повиненъ староста господару его милости ознаймити, которого часу и съ чимъ ему подано.

А маеть взяти реистръ отъ пана гетмана, хто писался, и отъ хоружихъ взяти ведомость, хто при шику не былъ, ижъ бы неведомостью вымовлятися не могъ.

А не толко абы у бирчихъ ведомость бралъ, але самъ маеть быти въ дому кождого шляхтича, и если на войну не ехалъ, або пописавшися зъехалъ и въ шику не былъ або по шику отъехалъ, въ такового имене взяти.

---

*) Въ подлинникѣ ошибочно: «по дорогахъ».

А пакъ ли бы ся хто хоробою вымовлялъ, а почотъ повинный послалъ, тогды справедливе маетъ ознаймити господару его милости, если знаки хоробы есть, и оповедалъ на вряде тую хоробу подле статуту; а хотябъ бы и такие знаки были, предся маетъ дати знати господару его милости, самъ не вызволяючи, а господаръ его милость рачить дати науку, если увязыватися або ни.

И не маеть никому таковому, хто бы войны не служилъ албо зъ войны зъехалъ, яко вышей помепено, фолкги по приязни, по дарохъ ани по жадной речи чинити, подъ присегою, которую вчинилъ его кролевъской милости, едучи на тую справу, а въ томъ водле росказанья господарского и сее науки маетъ ся заховати.

Бо, где бы въ томъ былъ дознанъ, ино будеть каранъ, яко кривоприсяжца.

Къ тому тежъ и за неотданье того податъку, вземши отъ бирчихъ ведомость, маеть увязывати въ именья водле рецесу сойму Городеньского.

Ведъже, еслибы хто былъ отпущонъ отъ господара короля его милости або отъ пана гетьмана навышъшого великого князьства Литовского отсель зъ войска до дому назадъ, а будеть мети на то листы его кролевское милости або гетьманьские, або тежъ на якую послугу его кролевское милости былъ отосланъ, таковые повинни будуть тые листы его кролевское милости и гетьманьские передъ тымъ посланъцомъ его кролевское милости оказывати, а онъ ихъ огледавши не маеть въ его имене увязыватися и не задавати таковымъ иякое трудности.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 171—174).

№ 67.

Листъ, до всихъ вобецъ писаный о зложенью сойму *).

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польский...

Княземъ, паномъ старостамъ и всимъ врадъникомъ нашимъ дворнымъ и земъскимъ поветовымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ и всимъ тымъ, которые маютъ именья свои въ повете N. Ведомость естъ не одно паномъ радамъ, але и вамъ, всему рицерству нашому, обователемъ земли тутошнего панства великого князства, же подъ кождымъ часомъ потребъ того панства, розно по веи прошълые лета панованья нашого припалыхъ, не омешкивали есьмо николи подъле звыклости и

*) Къ Городенскому сейму 1568 г.

належности, а особъливе зъ милости и хути нашое господаръское обмышляти и становити о въсемъ добъромъ и пожиточъномъ того панства. Што, кгды жъ чинили есьмо подъ часомъ не такъ небеспечънымъ, а теперъ, за посягненьемъ отъ неприятеля нашого, князя великого Московского, не мало того панства и еще за предсявзятьемъ его жъ злымъ на панство нашо, тымъ зъ набольшимъ усилованьемъ старати и обмышляти не переставаючи, а бачемъ, же за роспущеньемъ войска земъского границы украиные вси безъ слушного опатренья зостати мусятъ: прото, што лепъшого и пожиточнейшого ку доброму речи посполитое здалося намъ, не опущаючи, по два кроты подъканцлерого великого князьства Литовъского, маршалъка дворного, старосту Берестейского и Кобриньского, пана Остафъя Воловича съ Койданова до Борисова до пановъ радъ ихъ милости и всихъ становъ, тамъ на онъ часъ у войску будучихъ, посылали есьмо, перекладаючи таковые потребы речи посполитое и напоминаючи, абы ся змовяли и вынайдовали обычай, чимъ бы, такимъ небезъпечъностямъ забегаючи, границы змоцнити. Нижли, яко панове рада, такъ и вся шляхта, безъ сойму въ то ся не вдаючи, никоторого вынайденья и постановенья не чинечи, просили насъ, абыхмо ку обмышлянью о таковыхъ потребахъ земъскихъ што на борздей съемъ зложили. А такъ мы, хотечи, абы около обороны того панства нашого, ничого не мешкаючи, постановено, для того за зданьемъ радъ нашихъ и за прозбою васъ, всихъ становъ рыцерства нашого, складаемъ съемъ звыклый великий вальный великого князъства на часъ певный, то естъ по Велице дни, теперешнемъ пришломъ святе, въ тыдень, месеца апреля двадцать пятого дня; а местце ку зъеханью пановъ радъ и тежъ князей, пановъ въфадниковъ дворныхъ и земъскихъ и пословъ поветовыхъ, и всихъ становъ, сойму належачихъ, у Городъне. А што ся дотычеть соймиковъ поветовыхъ, тые во всихъ судовыхъ поветехъ складаемъ водлугъ статуту, передъ рокомъ сойму за чотыри недели, и початися маютъ теперешънего месеца марца двадцать осмого дня; на которыхъ соймикохъ около потъребъ земскихъ яко маете намовляти, отъ насъ, господара, черезъ посла нашого вамъ ознаймено. Вы бы о томъ ведали и на тотъ день помененый на местце до на соймикъ поветовый зъехавшися, при после нашомъ около обороны и убезъпеченья границъ зъ собою намовивъши и порозумевъшися, и обравъши послами водлугъ статуту двухъ особъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, зъ зупольною моцъю ку намовамъ сполнымъ на соймъ валный выправили и послали; которые зъ иншими станы, сойму належачими, жебы около обороны и потъребъ того панства намовили и становили и при-

ехати ку тому сойму не омешкали, кгды жъ того бачымы потребу, абы тотъ съемъ безъ кождого предлуженья отъправитися могъ. Къ тому жебы есте, на томъ же соймику будучи, поборцамъ поветовымъ бранья ихъ податковъ обудвухъ, на сойме Городеньскомъ уфаленыхъ, и шафунку, за листы нашими и пана Виленъского, гетьмана найвышшого великого князъства Литовского, старосты Городеньского, державцы Могилевского, пана Григорья Александровича Ходкевича выданого, до Вилны ехавъши, личбу передъ бирчими головъными вчинити казали и ревидованья всихъ именей князъскихъ, панскихъ и шляхетъскихъ, съ чого войну служити повинни и тые поборы дали, што тые жъ поборцы поветовые водлугъ уфалы того жъ сойму Городенъского вделати мели, справу на письме тымъ же бирчимъ головънымъ дати велели; а головъные бирчие, якъ великую суму оные податки вчинили, абы того ведомость достаточную на съемъ принесли. (Въ Кнышинѣ, между 12—19 февраля 1568).

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ IX, лл. 42—43)

№ 68.

Въ року 1568, месеца февраля двадцать семого дня писаны листы до всихъ поветовъ, хто податъку серебщизного водъле уфалы соймовое Городеньское и водъле постановенья, въ Лебедеве вделаного, зъ именей своихъ не отдалъ, абы увязанья въ истизне и въ совитости въ именье свое поступилъ *).

До тыхъ поветовъ Павелъ Оранский листы понесъ, то есть:

до повету Белского,
до повету Берестейского,
до повету Пинского,
до повету Володимерского,
до повету Луцкого,
до повету Кремянецкого,
до повету Волковыйского,
до повету Меньского,
до повету Лидъского,
до повету Новгородъского,
до повету Городенского,
до повету Слонимского,
до повету Троцкого,
до повету Виленского,
до повету Вилькомирского,
до повету Ковенского,
до повету Мелницкого,
до повету Дорогицкого,
до повету Браславля Литовского,
до повету Браславля Подолъского,
до повету Оршанъского,
до повету Витебского,
до повету Мозырского,
до повету Ошмянского,
до повету Речыцкого,
до повету Мстиславского,

*) Къ сеймамъ Городенскимъ 1567 и 1568 г.

до повету Упитского, до земли Жомоитское.

Жикгимонтъ Августъ.

Поборцомъ повету N о то: на прошломъ сойме великомъ Городенскомъ, который былъ въ року шестьдесятъ шостомъ, отъ всихъ пановъ радъ нашихъ духовныхъ и светскихъ, такъже князей, пановъ врадниковъ дворныхъ, пословъ земъскихъ и всихъ становъ, сойму належачихъ, уфалено и постановено на оборону земъскую певный податокъ водъле постановенья оного сойму Городенского, которое по всихъ поветехъ черезъ листы наши господаръские было ознаймено; где жъ и въ томъ повете N водле оное уфалы податъки земъские иншие станы до васъ выдавали, а иншие, уфалы соймовые въ недъбалость собе положивши, и до сихъ часовъ тыхъ податковъ серебщизныхъ не отдали, што ся изъ личбъ некоторыхъ поборцовъ на сойме теперъ прошломъ Городенскомъ оказало; але дей есте именей шляхетскихъ въ ономъ повете водле постановенья сойму прошлого Городенского еще не ревыдовали, въ чомъ ся не малое омешканье въ службахъ земъскихъ и потребахъ речи посполитое дееть, для чого на сойме теперешнемъ Городеньскомъ отъ всихъ становъ прозбы до насъ доношоны были, абы вси таковые непослушные, которые водъле постановенья сойму прошлого оныхъ податъковъ не выдали, винами, въ уфале оного сойму прошлого описаными, скараны были, а тые податъки до рукъ вашихъ, яко поборцовъ тамошнихъ, съ совитостью выдавали. А такъ мы, уфалы оного сойму, въ року шестьдесятъ шостомъ прошлого, и прозбъ на сойме теперешнемъ, отъ всихъ становъ до насъ донесеныхъ, попираючи, приказуемъ вамъ, ижъбы есте кромъ жадного замешканья водъле уфалы соймовъ Городенскихъ, въ року шестьдесятъ шостомъ и въ року нинешнемъ шестьдесятъ осмомъ вделаныхъ, податъки земъские въ ономъ повете выбирали; а хто бы за впоромъ своимъ отъдавати не хотелъ, вы бы ся люди и земъли именей ихъ въ истизне и совитости, што серебъщизъны съ которого именья приходить, увязывали и то на насъ, господара, до того часу, покуль отъ таковыхъ тотъ податокъ земъский съ совитостью до васъ водъле уфалы соймовое отъданъ и заплачонъ будеть, держали; и вси тые податъки выбравши, также и именья тые, которыхъ есте еще не ревидовали, зревидовавши, певне на день светого Михаила, въ року нинешнемъ шестьдесятъ осмомъ близко пришлого свята, личбы достаточные зъ обудвухъ податъковъ, которие есте въ року шестьдесятъ осмомъ выбирали, передъ поборцами головными, бискупомъ Жомоитъскимъ княземъ Юрьемъ Петковичемъ а тивуномъ Виленскимъ паномъ Станиславомъ Нарушевичомъ учинили и во всемъ ся водъле уфалъ соймовыхъ захо-

вали, никоторого сплошенства въ томъ не чинечи. Пакъ ли жъ бы есте, о постановенье соймовое и о сее росказанье наше ничого недъбаючи, на тотъ рокъ, на день светого Михаила въ року нинешнемъ шестьдесятъ осмомъ, личбы передъ бирчими головными не вчинили и пенязей, што ся зъ личбы вашое окажетъ, не отъдали, тогды мы скоро по ономъ року назначономъ во властные именья ваши увязоватися и людемъ служебънымъ въ заплате подавати роскажемъ, и кромъ жадъного фолькгованья на васъ самыхъ, яко на тыхъ, черезъ которыхъ непилность въ потребахъ земъскихъ великое ся омешканье и небезъпечность деетъ, смотрети будемъ. Писанъ у Кнышине лет. Божьего Нарож. 1568, месеца февраля 27 дня.

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ IX, лл. 47—49).

№ 69.

Тые листы писаны до всихъ поборцовъ поветовыхъ *).

Жыкгимонтъ Августъ.

Поборцамъ повету N. Што на прошломъ сойме великомъ Городенъскомъ, который былъ въ року нинешнемъ шестьдесятъ осмомъ, отъ всихъ пановъ радъ нашихъ духовъныхъ и светъскихъ, такъже пановъ врадниковъ дворныхъ, пословъ земъскихъ и всихъ становъ, сойму належачихъ, уфалено и постановлено на оборону земъскую певный податокъ водле постановенья оного сойму Городенского, што по всихъ поветехъ черезъ листы нашы господаръские было означоно, где жъ и въ томъ повете N податокъ земъский серебщчызный, на оборону речы посполитое уфаленый, вамъ выбирати злецоно и постановлено: ино водле уфалы соймовое вы вси пенези серебщчызные въ ономъ повете на рокъ и день певный, то естъ отъ выданья рецесу соймового въ року нинешнемъ шестьдесятъ осмомъ, отъ месеца июля десятого дня, за шесть недель, выбравъшы, на люди служебные отъдати есте мели; а хто бы до того року, вышей означоного и въ рецесе соймовомъ описаного, того податъку не выдалъ, таковыхъ до вряду кгродского спозываючы, въ именья ихъ вамъ же зъ урадомъ кгродскимъ увязоватися або людемъ служебънымъ въ заплату подавати уфалено, што шырей въ рецесе соймовомъ описано. То пакъ маемъ того ведомость, ижъ вы вельми малую часть пенезей зъ оного повету за листы пана гетмана великого людемъ служебнымъ выдали, а иншые пенези пры собе задержываючы, тымъ собе пожытки прывлашчаете, а о тыхъ, которые

*) Къ Городенскому сейму 1568 г.

оного податъку уфаленого не выдали, никоторое ведомости пану гетьману и враду кгродскому не даете и въ именья ихъ водле постановенья соймового у-въ истизне податъку уфаленого и въ совитости не увязываете, але ешче таковымъ фолькгуючи и ихъ укрываючи, снать и теперъ по року, въ рецесе соймовомъ описаномъ, отъ инъшыхъ тые податки земъские для некоторыхъ пожитъковъ своихъ прыймуючы, таковые квиты свои, якобы на рокъ, въ рецесе зложоный, тотъ податокъ отъдавали, давати смеете; за которыми поступки вашыми люди служебъные и до тыхъ часовъ не отъправлены, а войска непрыятельские, частокроть въ границы панства нашого вторжки чинячы, сказу панству нашому делаютъ, якожъ и тыхъ часовъ, подъ замокъ Витебский прышедши, безъ мала великое небезъпечности оному замку нашому вчинили, што ся все за непоспешнымъ черезъ васъ для пожитъковъ вашихъ выданьемъ податъковъ земъскихъ, чого не только ихъ мы, господаръ, ласкаве отъ васъ прыймовати не можемъ, але и сами то у себе лацъно уважати можете, што за каранье таковые поборцы, которые бы ся въ чомъ кольвекъ не водъля постановенья соймового заховали, яко тые, которые въ небезпечъности речъ посполитую приводять, понести мусять. Якожъ о томъ, хто тотъ податокъ выдалъ, а въ чые бы тежъ именья за невыданье податъку въ истизне и въ совитости ся есте увязали, такъ тежъ естли бы ешче съ чыего именья податъку земского не отдано або увязанья не поступлено, хотячи певную ведомость мети, посылаемъ дворанина нашого NN и прыказуемъ вамъ, ижъбы есте тотъ податокъ земъский, который на рокъ першый, водле уфалы сойму Городенского зложоный, выданъ быти мелъ, кромъ жадного замешканья людемъ служебнымъ за листы пана Виленского, гетъмана навышшого великого князьства Литовъского, старосты Городеньского, державцы Могилевъского, пана Грыгорья Ходкевича водле постановенья соймового отъдавали, а въ именья таковыхъ, которые оного податъку земъского не выдали, кромъ жадного фолькгованья, увязывалися и реистра достаточные тыхъ, которые оный податокъ водъле уфалы земъское выдали, и которые тежъ ешче не отъдали, кгде есте тые пенези податъковые обернули, черезъ того посланца нашого абы есте конечно до насъ, господара, отослали, абыхмо дбалость и чуйность вашу а поспешность, непослушныхъ такъже и сплошенство въ речи посполитой недбалыхъ зъ реистровъ вашихъ обачывъшы, противъ непослушнымъ каранье стягнули, ижъбы для того речъ посполитая въ небезпечъность не прыходила, а потребы земъские не омешкивалися; а особливе другий податокъ, который съ того жъ сойму великого Городеньского въ року нинешнемъ шестьдесять осмомъ на рокъ певный

по святе святого Мартина близко прышлого въ чотырохъ неделехъ отдавати уфалено, прыказуемъ вамъ, конечно то мети хотечы, нжъбы есте на тотъ рокъ, кромъ жадного замешканья, выбирали и на люди служебные за листы пана гетъмана великого отъдавали, заховываючися во въсемъ водле уфалы соймовое, въ рецесе описаное, и выстерегаючыся вины, съ того жъ сойму постановленое, и неласки нашое господаръское, противъ которымъ, где бы ся въ чемъ не водля постановенья соймового заховали, безъ жадного фолькгованья карность въ рецесе соймовомъ и въ статуте, яко противко тымъ, которые въ небезпечность речъ посполитую приводять, описаная, стягнена будеть. Писанъ у Варшаве лета Божъего Нароженья тисеча пятсотъ шестьдесятъ осмого, месеца октебра двадцать третего дня.

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ IX, лл. 92, 93).

№ 70.

Року 68, месеца октебра писаны листы соймовые по панству его кролевъской милости, великому князьству Литовъскому, складаючи соймики поветовые на день светого Мартина, а зъеханье всимъ станомъ обывателемъ великого князьства Литовъского до Воиня месеца декабра девятого дня, а съемъ великий вальный у Люблине месеца декабра 23 дня, и розосланы тые листы того жъ месеца октебра двадцать шостого дня. При тыхъ же листехъ посланы листы до поборцовъ о неспешное податъковъ писаные *).

Миколай Коризна понесъ:

въ поветъ Виленский: до бискупа Виленьского, до воеводы Виленьского, до пана Виленьского, до пана крайчого, до тивуна Виленьского, до князей, пановъ и всее шляхты повету Виленьского, и тежъ листы до поборцовъ повету Виленьского; а поселство ему самому, послу, дано.

Черезъ того жъ Миколая Коризну послано листы до пана подскарбего ку розсыланью:

въ поветъ Ошменьский: до маршалъка пана Островицкого и до князей, пановъ и шляхты того повету, и листъ до поборцовъ повету Ошменьского;

въ поветъ Браславля Литовъского: до маршалъка князя Болка, до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Браславскихъ;

*) Къ Люблинскому сейму 1568—1569 года.

въ поветъ Вилькомирский: до маръшалъка Яна Шимъковича, до шляхъты того повету и листъ до поборцовъ Вилькомирскихъ;
въ поветъ Упитский: до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Упитскихъ;
въ поветъ Троцкий: до воеводы Троцкого, до пана Троцкого, до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Троцкихъ, а посельство самому послу дано.

Криванский понесъ:

въ поветъ Городенский: до маршалъка пана Ивана Воловича, до всихъ пановъ Воловичовъ, до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Городенскихъ; а поселъство самому послу дано;
въ поветъ Ковенский: до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Ковенскихъ, листъ зъ наукою и зъ листомъ верущимъ до посла;
до земли Жомоитское: до бискупа Жомоитского, до старосты Жомоитского, до кашт. Жомоитского, до пана столника, до пана чашника, до шляхъты земли Жомоитское и листъ до поборцовъ Жомоитскихъ и тежъ листъ зъ наукою и зъ листомъ верушчимъ до посла.

Лазаръ Иваницкий понесъ:

въ поветъ Луцкий: до бискупа Луцкого, до воеводы Волынского, до старосты Луцкого, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Луцкихъ, листъ до посла зъ наукою и листомъ верущимъ;
въ поветъ Володымерский: до маршалка пана Петра Загоровского, до маршалка пана Василья Загоровского, до князей Четвертеньскихъ, до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Володимерскихъ;
въ поветъ Кремянецкий: до князей Вишневецкихъ, до князей Ружиньскихъ, до князей Збаражскихъ, до шляхты того повету и листъ до поборцовъ Кремянецкихъ;
въ поветъ Браславъля Подолского: до воеводы Браславъского, до кашт. Браславъского, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Браславскихъ и листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верушчимъ;
въ поветъ Киевский: до бискупа Киевъского, до воев. Киевского, до кашт. Киевъского, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Киевъскихъ; а поселство самому послу дано.

Григорей Перепеча понесъ:

въ поветъ Бельский: до маршалъка пана Миколая Сопеги, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Бельскихъ и листъ до посла зъ наукою и листомъ верущимъ;
въ поветъ Дорогицкий: до воев. Подляшъского, до пана подчашого, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Дорогицкихъ и листъ до посла зъ наукою и листомъ верушчимъ;

въ поветъ Мелницкий: до пана Адама Косиньского, маршалка, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Мелницкихъ, листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верушчимъ;

въ поветъ Волковыйский: до шляхты того повету, до поборцовъ Волковыйскихъ, листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верущимъ;

въ поветъ Слонимский: до маршалька пана Палуского, до князей Деречинскихъ, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Слонимъскихъ и листъ до посла зъ наукою и листомъ верушчимъ;

въ поветъ Новгородский: до воев. Новгородского, до кашт. Новгородского, до пановъ Хребътовичовъ, до князей Масалскихъ, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Новгородскихъ и листъ до посла зъ наукою и листомъ верушчимъ.

Онъ же понесъ листы до княжати Слуцкого зашитый и отвороный.

Костровицкий понесъ:

въ поветъ Меньский: до воеводы Меньского, до кашталяна Меньского, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Меньскихъ, листъ до посла зъ наукою и листомъ верущимъ;

до земли Полоцкое: до каштъ. Полоцкого, до шляхты тамошнее, до поборцовъ земли Полоцкое и листъ до посла зъ наукою и листомъ верущимъ;

въ поветъ Мстиславский: до воев. Мстиславъского, до кашт. Мстиславского, до шляхты того повету и тежъ листъ до посла зъ наукою и листомъ верущимъ;

въ поветъ Оршаньский: до князей Друцкихъ, до князей Лукомъскихъ, до князей Соколенскихъ, до шляхты того повету, до поборцовъ Оршаньскихъ и листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верущимъ.

Петръ понесъ:

въ поветъ Лидский: до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Лидскихъ; а особливе листы до воеводы Троцкого зашитый и отвороный.

Өедоръ Якубовичъ понесъ:

въ поветъ Берестейский: до воеводы Берестейского, до кашт. Берестейского, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Берестейскихъ и тежъ листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верущимъ;

въ поветъ Пинский: до маршалька пана Кирдея Мылского, до шляхты того повету, листъ до поборцовъ Пиньскихъ и листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верущимъ;

въ поветъ Мозырский: до маръшалка пана Каленицкого, до шляхъты того повету, до поборъцовъ Мозырскихъ и листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ верущимъ;

въ поветъ Речицкий: до шляхъты того повету, до поборъцовъ Речицкихъ и листъ до посла зъ наукою и зъ листомъ веруцимъ.

Въ поветъ Витебъский послано листы черезъ служебъника пана воеводы Витебъского.

Послы до поветовъ:

до Вильни—Миколай Коризна, каноникъ Виленский;
до Трокъ—князь Петръ Жижемъский;
до Киева—Лазаръ Иваницкий;
до Ковна—Янъ Млечко, писаръ земъский Ковеньский;
до Упиты—князь Крошиньский;
до Дорогичина—Собестьянъ Суходольский;
до Бельска—Каспоръ Ириковичъ, подъкоморий Мельницкий;
до Берестья—Адамъ Потей, писаръ земъский Берестейский;
до Городъна—Юрьи Быковъский;
до Мозыра—Өедоръ Балакиръ, писаръ земъский Мозырский;
до Луцка—панъ Александро Семашко, подкоморий Володымерский;
до Волъковыйска—Василей Дюка;
до Жомойти—Войтехъ Дявилътовский;
до Слонима—Иванъ Есманъ;
до Мелника—Нетецкий;
до Пинска—Степанъ, мостовъничий,
до Речицы—Өедоръ Солътанъ;
до земли Полоцъкое—князь Богданъ Соколиньский;
до Браславля Подольского—Василей Коляда;
до Меньска—Давидъ Есмнанъ;
до Оръши—Богушъ Селицкий, ротмистръ Оршаньский;
до Мстиславля—Бобоедъ, ротмистръ тамошний;
до Новгородка—Богушъ Овсяный;
до Витебъска—Тимоөей Гурко.

Жикгимонтъ Августъ...

Княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадникомъ нашимъ дворнымъ, земъскимъ, въ поветехъ отъ насъ, господара, уставленымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые именья и оселость свою маютъ въ повете Новгородскомъ... Будучи намъ на съезде и собранью у войску въ Лебедеве, приездили послы отъ пановъ радъ ихъ милости и всихъ становъ обывателей панства нашого коруны Полское до пановъ радъ ихъ милости духовныхъ и светскихъ, княжатъ, панятъ, врадниковъ земъскихъ и дворныхъ и всихъ становъ рыцерства, обывателевъ тамошнего панства нашего великого князства Литовъского, жадаючи и упоминаючи зъ милости братьское о постановенье и скоп-

ченье спольными намовами и зволеньемъ сполнымъ уніи межи тыми паньствы, за продъковъ нашихъ господаръскихъ и за продъковъ вашихъ, обывателевъ тыхъ панствъ обеюхъ, коруны Полское и великого князьства Литовского, зачатое. Якожъ на онъ часъ въ Лебедеве вси станы тамошнего панства нашого великого князьства Литовъского, около того зъ собою намовивши и сполъне и згодливе на то зволивши намъ господару донесли и оповедили, же ни съ которое иное причины и якого мушенья, одно зъ доброе воли своее а съ таковое жъ хути и милости, зъ якою ся обыватели корунъные, братья и суседы ваши, черезъ пословъ своихъ ку вамъ оповедають, естъ есте прихильни до принятья и постановенья зъ ними сполку братъского, то естъ уніи въ таковомъ взвязъку, милости, згоды братъское, который бы былъ однако и заровно во всемъ пожиточный обеюмъ тымъ панъствамъ такъ коруне Полской, яко и великому князьству Литовъскому. А што ся дотычеть часу и року ку зъеханью обывателемъ обеюхъ тыхъ панъствъ для намовы и становенья, въ томъ то есте на онъ часъ дали на насъ, господара, пущаючи то баченью и уваженью нашому господарскому, абыхмо въ року теперешнемъ шестьдесятъ осмомъ часъ и местъце зложили и ознаймили. На которое постановенье и зволенье вашо, всихъ становъ, мы, господаръ, позволивши, листомъ рецесомъ нашимъ то утвердили, на которомъ то ширей естъ описано. А потомъ на сойме недавно минуломъ въ Городне за прозьбою васъ, всихъ становъ, обывателевъ тамошнего панъства нашего, постановили есмо зложити и черезъ листы наши ознаймити соймики поветовые, а съ тыхъ соймиковъ зъеханье всимъ станомъ при границахъ, а оттоль вжо зъеханье всимъ станомъ корунънымъ и великого князьства Литовъского при границахъ же для становенья уніи въ нинешнемъ же року шестьдесятъ осмомъ, што достаточне на уфале сойму Городенского описано. Водле которого жъ постановенья и зволенья вашого складаемъ соймикомъ поветовымъ часъ певный, на день светого Мартина свята пришлого, то естъ месеца октебра одинънадцатаго дня, а съ тыхъ соймиковъ въ чотырохъ неделяхъ зъеханью обывателемъ тамошнего панъства нашого великого князьзства Литовского до насъ, господара, до Воиня назначаемъ и складаемъ рокъ, месеца декабра девятого дня такъже въ четвергъ, а оттоль вжо зъедетеся для становенья уніи зъ станы короны Польское до Люблина на съемъ вальный сполный, который зложили есмо такежъ на певный часъ, месеца декабра двадцать третего дня. Бо, ачкольвекъ водлугъ постановенья сойму Городенского и тотъ съемъ сполный при границахъ же у Парцове або въ Ливе волю есмо зложити мели, але, ижъ тымъ местечкамъ зъ допущенья Божьего отъ

огню шкода стала, съ тое причины про недостатокъ будова(ня), которого для стоянья подъ часомъ зимнымъ естъ потреба, и для латвейшого выживенья тотъ съемъ сполный тамъ на местцы менованомъ поблизу жъ границъ въ Люблине есмо зложили. И приказуемъ вамъ, ажъбы есте до места нашого до Новагородка на часъ, соймикомъ поветовымъ назначоный, зъехавшися, людей бачныхъ и ростропныхъ, которые бы, со всякою учтивостью будучи при насъ, господари, речи посполитой въ таковой великой важной потребе служити могли и умели, водлугъ статуту двухъ особъ послами обравши, зъ моцъю супольною отправили, за которою же бы они на часъ назначоный до Воиня приехати не омешкали, а за тою жъ моцъю при насъ, господари, съ паны радами ихъ милостью и зъ иными станы, сойму належачими, около тое речи и потребы а спольного звязъку доконченья унии на сойме становили, што бы было ку доброму и пожиточному речи посполитое земъское, яко черезъ посла нашого на томъ соймику поветовомъ о томъ вамъ отъ насъ достаточне преложоно будеть. Писанъ у Варъшаве.

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ VII, л. 181—187).

№ 71.

Инструкцыя до повету Белского на соймикъ.

Наука и злецене поселства отъ его королевское милости писару земъскому повету Белского пану Томашу Овсяному на соймикъ Бельскый, зложоный месеца ноября одинадцатого дня року 1568 *).

Напервей посолъ, прыехавшы до Бельска на часъ и день, тому жъ соймику поветовому зложоный, маеть поведети отъ его королевское милости паномъ радамъ ихъ милости духовънымъ и светъскимъ, которые на тотъ часъ будуть, ласкавое позъдоровене, а инымъ всимъ станомъ, рыцерству его королевское милости, ласку его милости господаръскую, а прытомъ листъ верушчый отъ его королевское милости отъдати маеть.

Потомъ посолъ будеть мовити: Господаръ король его милость рачылъ росказати вашей милости, паномъ радамъ, и вамъ, рыцерству своему поведити:

Што перво сего, будучы его королевъской милости на зъезъде и собраню у войску въ Лебедеве, ваша милость панове рада духовъные и светъские, княжата, панята и все рыцерство а обыватели того панства, великого князьства Литовъского, отъ пановъ радъ ихъ милости и

*) Къ Люблинскому сейму 1568—69 г.

всихъ становъ короны Полское черезъ пословъ ихъ зъ милости братское были напоминаны о постановене и кончене унии межи тыми панствы; якожъ на опъ часъ въ Лебедеве вси станы тутошнего панства, около того зъ собою намовившы и сполне а згодливе на то зволившы, его королевское милости донесли и оповедели, же таковое жъ хути и милости, зъ якою ся обователи корунные, братья и суседи вашы, черезъ пословъ своихъ ку вамъ оповедають, естъ есте прыхилни до прынятья и становенья зъ ними зполку братъского, то естъ унеи, въ таковомъ звязъку милости, згоды братерское, который бы былъ одънаково и заровно во всемъ пожыточный обеюмъ тымъ панствамъ, такъ коруне Польской, яко и великому князьству Литовскому. А што ся дотычеть часу и року ку зъеханю обывателемъ обеюхъ тыхъ панствъ для намовы и постановеня въ томъ, то есте на опъ часъ дали на его королевскую милость, пушчаючи то уваженью и баченю его милости господаръскому, же бы его королевская милость въ року теперешнемъ шестьдесятъ осмомъ тому зъеханю часъ и местцо зложыли *) ознаймити рачылъ, на которое постановене и зволенье ваше, всихъ становъ, его королевская милость позволивши, листомъ рецесомъ его милости господаръскимъ то утвердити рачылъ, на которомъ то шырей описано. А потомъ на сойме недавно минуломъ въ Городьне за прозьбою всихъ становъ тутошнего панства постановити его королевская милость рачылъ, же черезъ листы его милости господаръские мели быти ознаймены соймики поветовые, а съ тыхъ соймиковъ зъехане всимъ становъ обоего народу, короны польское и великого князьства Литовского, пры границахъ же для становеня унеи въ нинешънемъ року шестъдесятъ осмомъ, што достаточне на уфале сойму Городенского доложоно.

Его королевъская милость рачылъ росказати вашой милости, паномъ радамъ и вамъ рыцерству своему, поведити:

Ижъ, ачъкольвекъ его королевская милость бачыти и ласкаве прыймовати рачыть отъ вашое милости пановъ радъ и ото всихъ становъ рыцерства своего, же и податъками не малыми прыкладаетеся и нелитованемъ крови и здоровъя своего противъ тому непрыятелю, великому князю Московъскому, и надъ повинность свою чыните досыть, але, ижъ опый непрыятель посягненемъ панства его королевское милости и зневоленемъ братьи вашое, верныхъ подданыхъ его королевское милости, и не по малу змоцняеть, прото, хотячы его королевъская милость способомъ большымъ противъ тому непрыятелю войну вести, якобы съ помочю Божъю слушный отпоръ взялъ а не шырился и не

---

*) Ошибочно вм. «зложити».

владалъ властного его милости господарского, радъ бы то виделъ, абы большый посилокъ а зъ меншимъ накладомъ валнимъ быти могъ, што лацно быти можеть за злученемъ въ унею зъ станы короны Полское, одностайною а сполною рукою чынечы отпоръ оному непрыятелю, а то не только противъ тому непрыятелю, але и противъ кажъдому у многихъ речахъ не мало пожытъку речы посполитое прыняти можеть, кгдыжъ згода а милость межы кажъдыми панствы особливого добра прымножене чынить: для того его королевская милость водле постановеня и зволеня вашое милости, пановъ радъ и всихъ становъ того панства, рачылъ зложыти соймикомъ поветовымъ часъ певъный, на день светого Мартина прышлого свята у четвергъ, то есть, месеца ноябра одиннадъцатого дня, а съ тыхъ соймиковъ въ чотырохъ неделяхъ зъеханю обывателей того панства великого князьства Литовского до его королевское милости до Войня назначыти и зложыти рокъ месеца декабра девятого дня, а отътоль вже ку зъеханю для становеня унеи зъ станы короны польское до Люблина на съемъ вальный спольный, который есть зложонъ такежъ на певный часъ, месяца декабра двадцать третего дня.

Бо, ачъ водлугъ постановеня сойму Городенского и тотъ съемъ сполный пры границахъ вже въ Парцове або въ Ливе его королевская милость рачылъ мети волю зложыти, але, ижъ тымъ местечкомъ зъ допушченя Божъего отъ огню шкода стала, съ тое прычыны про недостатокъ будованя, которого для стояня подъ часомъ зимъным есть потреба, и для лацвейшого выжывеня тотъ съемъ сполный тамъ на местъцу менованомъ поблизу границъ, въ Люблине, его королевская милость зложыти рачылъ.

И напоминати рачыть его королевская милость вашу милость, пановъ радъ, и васъ, рыцерство, верныхъ подданыхъ своихъ, жебы есте, межы собою водле порадъку статутового обравъшы двухъ особъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, которые бы, со всякою учтивостью будучы пры его королевской милости, речи посполитой въ таковой великой важъной потребе служыти могли (и) умели, зъ моцью зуполною отъправили, за которою жебы они на часъ назначоный до Войня прыехати не омешкали, а за тою жъ моцью пры его милости господари съ паны радами ихъ милостью и зъ иными станы, сойму належачыми, около тое речы и потребы а сполного звязъку, доконченья унеи, на сойме становили, што бы было ку доброму и пожиточному речи посполитое и земъское.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 103—105).

№ 72.

Мандатъ по дворанина его кролевское милости Миколая Корызны *).

Жикгимонтъ Августъ.

Дворанину нашому Миколаю Корызне. Што отправленъ еси былъ отъ насъ, господара, зъ листы соймовыми посломъ до повету Виленского, и къ тому посланы были черезъ тебе (до) подскарбего земского великого князства Литовъского, писара нашого, державцы Марковъского, Мяделского, Ушполского и Пенянского, пана Миколая Нарушевича листы соймовые, до инъшихъ поветовъ писаные, которые зъ отправою твоею дано до рукъ твоихъ съ канцляреи нашое месеца октебра осмнадцатого дня, где ты съ тыми листы нашыми, въ пильныхъ потребахъ нашыхъ господаръскихъ и земскихъ належачыми, кромъ жадного замешканья до Вильны поспешитися еси и, кому которые належить, отъдати, также и поселство на соймику поветовомъ Виленскомъ отъ насъ, господара, отправовати мелъ: то пакъ маемъ того ведомость, ижъ ты, положивъшы собе въ недбалость такъ пильные потребы нашы господаръские и земъские, съ оными листы до Вильна ся еси не поспешилъ и, нетъ ведома, для которое прычины съ ними омешкалъ, и ажъ дей еси до Вилна месеца ноябра девятого дня прыехалъ; за которымъ омешканьемъ твоимъ соймики поветовые въ земъли Виленской и въ иншихъ поветехъ не дошли, а за тымъ ся немалое замешканье и затрудненье въ потребахъ земъскихъ стало. А такъ, ижесь ты, съ такъ важъными и пильными потребами пашими господаръскими и земъскими отъ насъ, господара, отправленъ будучы, за непоспешнымъ еханьемъ и небордзымъ отъданьемъ листовъ, черезъ тебе посланыхъ, таковое омешканье въ потребахъ земъскихъ уделалъ, тогды мы, господаръ, хотячы о томъ на дворе нашомъ, зачымъ ся то стало, достаточное выведанье вчинити и таковые недбалости слугъ нашихъ завстягнути, прыказуемъ тобе, ижъбы еси передъ нами, господаремъ, сталъ и того, для чого еси таковое омешканье вделати важылъ, намъ ся, господару, справилъ по прыеханью нашомъ въ границы великого князства Литовского до Воиня за тыйдень. Писанъ у Варшаве летъ Божьего Нароженья тисеча пятьсотъ шестьдесятъ осмого, месеца ноябра двадцать перваго дня.

(Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ IX, л. 113).

---

*) Къ Люблинскому сейму 1568—1569 г.

№ 73.

Листъ до пана Миколая Дорогостайского, столника, о еханье его до Вопня *).

Жикгимонтъ Августъ.

Столнику нашому великого князьства Литовъского, державцы Веленскому и Мойсакголскому, тивуну Кгондынъскому, пану Миколаю Дорогостайскому. Маемъ того ведомость, ижъ ты подле звыклое хути и веры своее, которую еси въ служъбахъ нашыхъ господаръскихъ и потребахъ речы посполитое завжды оказовати и чынити звыкъ, и теперъ еси на соймикъ повету Виленского зъехати не омешкалъ; а ижъбы ся на немъ потребы земъскіе къ зъеханью на съемъ сполный народомъ князьства Литовъского зъ народы становъ корунныхъ слушне отъправили, и абы ся въ томъ воли нашой господаръской досыть стало, пильного старанья чынити еси не занехалъ, вдячъне то отъ тебе, яко верного, ласку нашу пильне заслугуючого слуги, прыймуемъ. А ижъ еси, яко того ведомость до насъ дошла, на тотъ съемъ сполный посломъ отъ земъли и поветовъ воеводъства Виленского обранъ, тогды, абы ся за непоспешнымъ зъеханьемъ пословъ потребы земъскіе, такъ велице важъне, не омешъкивали, жедаемъ, ижъбы еси, даючы зъ себе и иншымъ прыкладъ, до поспешъного еханья ку намъ, господару, до Вопня съ тымъ поселствомъ, съ которымъ еси отъ земли и поветовъ воеводства Виленского отъправленъ, пильне ся поспешылъ и на день прыеханья нашого до Вопня быти, ничого собе для ласки нашое господаръское за трудне не покладаючи, не омешкалъ, въ чомъ намъ речъ вдячъную вделаешъ. А што ся дотычеть того, ижъ ся тому обычай на соймику поветовомъ не нашолъ, чымъ бы вы, послове, на тотъ съемъ на страву и выправу опатрени были, ты бы того передъ себе не бралъ, кгды жъ мы, господаръ, скоро ся съ паны радами нашыми у Вопню зъедемъ, обычай тому, за чымъ бы есте въ той потребе речы посполитой водле потребы служыти могли, вынайдемъ. Писанъ у Варшаве лета Божьего Нароженья тисеча пятьсотъ шесгьдесятъ осмого, месеца ноябра тридцатого дня.

Таковый до тивуна Виленского пана Станислава Нарушевича, до подкоморого Виленского, старосты Дынебморского, до князя Лукаша Болеславовича Свирского, до секретаря Кгрыпы.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 118).

---

*) Къ Люблинскому сейму 1568—1569 г.

№ 74.

Листъ до обывателевъ повету Мозырского о даванье пенезей посломъ на сеймы *).

Княземъ, паномъ воеводамъ, кашталяномъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, бояромъ и двораномъ нашымъ и всимъ обывателемъ такъ духовного, яко и светского стану рымского, греческого закону, которые именья, оселости свои, въ повете Мозырскомъ маютъ. Тыхъ часовъ на томъ валномъ и сполномъ сойме панствъ нашыхъ коруны Полское и великого князства Литовского въ Люблине многие съ пословъ зъ земль и поветовъ того паньства нашого великого князства Литовского упоминалися и просили въ насъ опатреня зъ скарбу нашого на сътраву, за чымъ бы въ потребахъ речы посполитое на томъ сойме травити могли; гдежъ есмо зъ властъного скарбу нашого пословъ зъ многихъ земль и поветовъ оного панства нашого на страву осмотрети велели, на што не мало пенезей нашыхъ имъ роздано; ведъже подъ тымъ обычаемъ, же потомъ въ поветехъ то отъ васъ зложоно и до скарбу нашого отъдано быти маеть. А такъ, кгдыжъ то есть власная потреба земъская, тогды то на скарбъ нашъ слушъно складано быти не можеть; якожъ, ижъ у многихъ поветехъ на выправу и на страву посломъ земъскимъ податокъ зъ особна подле доброволного на то зволеня обывателей ихъ зложонъ есть, и послы тымъ отправлены, съ тое прычыны и зъ иныхъ поветовъ такъ же слушъне таковый податокъ отъ васъ складанъ быти маеть. Якожъ хотячы, абы то, што тымъ посломъ роздано, въ скарбъ нашъ вернено и отъдано было, прыказуемъ вамъ, ажъбы есте, безъ кождого омешканя за симъ листомъ нашынъ зъехавшыся, о томъ межы собою намовившы, для тое властное потребы земъское який податокъ подълугъ воли своее, яко се вамъ видети будеть, зложыли и то черезъ послы земъские, которые на тотъ съемъ отъ васъ были отъправлены, до скарбу нашого отъдали. А хотяжъ панове рады и иные врадники нашы земъские на томъ сойме сами особами своими были, тогды, ижъ не зъ оселости, але зъ месцъ своихъ на то суть повинни, а на соймикахъ поветовыхъ сполне зъ оными станы пословъ обирають и выправують, для того нихто съ пановъ радъ ани зъ урядниковъ нашыхъ и земъскихъ съ того выламовати се не можеть, абы зъ иными на то складати се не мелъ. Для чого жъ абы есте въ томъ никоторого омешканья и сплошенства не

*) Къ Люблинскому сейму 1568—1569 г.

чынили, бо где бы зъ отданьемъ тыхъ пенезей зъ скарбу нашого, онымъ посломъ розданыхъ, омешканье которое быти мело, тогды тому таковый обычай вынайдовати мусить, яко бы скарбъ нашъ тое шкоды незвыклое не поносилъ. Писанъ у Люблине лета Божъего Нароженья тисеча пять сотъ шестьдесятъ девятого, месеца февраля 15 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IX, л. 156, 157).

№ 75.

Креденсъ до князей, пановъ на соймикъ до поветовъ, черезъ дворанина посланый *).

Жыкгимонтъ Августъ.

Княземъ, паномъ, старостамъ, маршалъкомъ, державцамъ, такъже урядникомъ нашымъ дворнымъ и земъскимъ, въ поветехъ отъ насъ установленымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ всимъ тымъ, которые именья свои въ поветехъ Виленъскомъ, Ошменъскомъ, Лидскомъ, Вилкомирскомъ, Браславъскомъ мають. Што который соймикъ поветовый въ месецы маи зложили есмо передъ зъеханемъ до насъ, господара, до Люблина на рокъ певъный, то есть месеца мая десятого дня, а оттуль ку зъеханью съ станы короны Польское для становенья и доконъченья униеи на сполный валный съемъ у Люблинѣ на часъ певъный, то естъ месеца мая трицатого дня, у понеделокъ светочный: а такъ мы на той соймикъ поветовый послали до васъ посломъ дворанина нашого NN и росказали есьмо ему въ некоторыхъ речахъ и потребахъ земъскихъ словомъ отъ насъ мовити. Вы бы о томъ ведаючи, его выслухали и въ томъ ему веру дали, бо то суть наши слова, черезъ него до васъ вказаные. Писанъ у Люблине лета Божъего Нароженья тисеча пять сотъ шестьдесятъ девятого месеца, апрыля 26 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ X, л. 11)

№ 76.

Листъ до дворанина, ижъбы на соймикъ до повету посломъ ехалъ и тамъ водле листу поселство справовалъ **).

Жыкгимонтъ Августъ.

Дворанину нашому NN. Што который соймикъ поветовый въ семъ року шестдесятъ девятомъ въ месецы маи десятомъ дни, близко приш-

*) Къ Люблинскому сейму 1569 г.

**) Къ Люблинскому сейму 1569 г.

ломъ, зложыли есмо передъ зъеханьемъ до насъ господара до Люблина на рокъ певный, яко вышей описано естъ, а оттоль ку зъеханю съ станы короны Полское для становенья и доконченья унеи теперешнее на спольный вальный съемъ у Люблине на часъ певный, то естъ месеца мая трыдцатого дня, у понеделокъ сяточъный: а такъ приказуемъ тобе, ижъбы еси на тотъ соймикъ на местце назначоное (тутъ местцо) отъ насъ господара посломъ ехалъ и паномъ радамъ нашымъ ихъ милости и всимъ становъ, тому соймику належачымъ, которые ся тамъ зъедуть, листъ нашъ зашитый, до нихъ писаный, который прысемъ листе нашомъ до тебе посылаемъ, подавши, именемъ нашимъ господаръскимъ въ речахъ земъскихъ мовилъ и посельство отправовалъ, заховаючыся и правуючыся въ томъ водле науки нашое, которую есмо въ семъ листе нашомъ до тебе послати казали. Писанъ у Люблине лета Божъего Нароженья тисеча пятсотъ шестдесятъ девятого, месеца апрыля двадцать шостого дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ X, л. 12).

№ 77.

При тыхъ листехъ науки посланцомъ, такъ писаные, даваны *):

Наука, злецене поселства отъ его кролевское милости черезъ NN.

На соймикъ Виленскій месеца мая десятого дня року тисеча пять сотъ шестдесятъ девятого.

Посолъ, приехавши до Вилня на часъ и день, тому соймику поветовому зложоный, маеть поведити отъ его кролевское милости паномъ радамъ ихъ милости духовнымъ и светъскимъ, которые на тотъ часъ будуть, ласкавое поздоровене отъ его кролевское милости, а инымъ всимъ становъ, рыцерству его кролевской милости, ласку его милости господарскую, а потомъ листъ верущий его кролевское милости маеть отдати.

Потомъ посолъ маеть мовити: господаръ король его милость рачилъ росказати вашей милости, паномъ радамъ, и вамъ, рыцерству своему, поведити:

Што перъво сего, за початьемъ валки зъ неприятелемъ его кролевъское милости, великимъ княземъ Московъскимъ, доношоны прозбы отъ всихъ становъ ку его кролевъской милости, абы его кролевъская милость для способу большого ку вальце съемъ спольный съ коруною

---

*) Къ Люблинскому сейму 1569 г.

Польскою на унею зложити рачилъ; где потомъ и на сойме Виленскомъ, взновивши тую прозбу, на съемъ до Варъшевы послы ку застановенью и скопъченью унеи отправлены были, а оттоль зась на Бельский съемъ всю справу, о што ся послы князьства Литовского зъ станы корунъными у Варъшаве згодити не могли, знесли, и што тамъ застановили, на съемъ Парьцовский черезъ пословъ своихъ отослали; а ижъ и на томъ сойме скутечного *) тая справа не приняла, потомъ, будучи господару его милости у войску у Молодечне, кгды черезъ певные **) и рады, послы съ коруны Полское, напомнени ваша милость были о сконченью тое справы унеи зъ жаданьемъ братерскимъ и взыванъемъ на съемъ сполный, што есте вси станы одностайне, у войску зобраные, ку его милости господару принесъши и зъ волею его кролевъское милости на певное зъеханье призволивъши, о часъ и местце ку таковому зъезду сойму спольного на волю его милости господаръскую пустили; а потомъ и на сойме прошломъ Городеньскомъ, недавно въ року шестьдесятъ осмомъ минуломъ, зъ жадливостью своею ку его кролевъской милости рецесомъ соймовымъ стверъдили, абы тотъ съемъ сполъный въ року прошломъ шестьдесятъ осмомъ дошолъ. Зачимъ его кролевъская милость, чинячи досыть такъ частымъ прозбамъ вашимъ, тыхъ недавно прошлыхъ часовъ въ томъ же року то за жаданьемъ и призволеньемъ всихъ становъ коруны Польское и великому князьству Литовъскому ***), около становенья унеи зложити рачилъ съемъ спольный и всимъ обывателемъ коруны Польское и великого князьства Литовъского около постановенья унеи тыхъ обудвухъ панъствъ на певномъ местцу, въ Люблине. Якожъ на тотъ съемъ сполный до Люблина вси станы обоихъ панъствъ ку той справе застановенья унеи до господара его милости здеся до Люблина, кгды ся зъехали и въ томъ згодити ся не могли, же бы отъ старыхъ списовъ альбо отъ намовъ на соймахъ прошлыхъ справу унеи починати мели, кгды жъ яко панове рады великого князьства, такъ и вси иные станы дали се въ томъ слышети его милости господару, ижъ отъ пратьи ****) своее отправлени, абы не отъ старыхъ списовъ, але зъ милости братеръское знову унею становили, а панове рады и иные станы коруны Полское старыхъ привильевъ, звлаща привилья короля его ми-

---

*) Пропущено «застановенья». См. Публичныхъ дѣлъ кн. X, л. 17.

**) Пропущено «особы». См. тамъ же.

***) Ошибочно вм. «и великого князьства Литовъского». Ср. Публичныхъ дѣлъ кн. X, л. 17.

****) Ошибочно вм. «братьи». Срав. Публич. дѣлъ кн. X, л. 18.

лости и великого князя Алексанъдра, стрыя нашого, которымъ вси иные списы и привилья перъвшие на обе стороне змеркованы, на сторону не откладаючи, а оттого почати хотечи, и въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилью короля Алексанъдра што противного виделo милости и сполку братерскому, и о томъ хотечи намовляти и въ ровность всякого доброго братеръства кождый артыкулъ приводячи, около екзекуцыи добръ або именей, отъ столу его милости господаръского отдаленыхъ, которую екзекуцыю коруна польская съ потребы речи посполитое на себе приняла и уфалили, хотечи, абы у великомъ князьстве не было, то сполнымъ зволеньемъ сами межи собою и потомъ зъ звирхности его милости господаръское обваровати упевняли; а за тымъ, по долгихъ намовахъ, которые межи собою мели, ничого не постановивши, отехали отъ его кролевской милости. Гдежъ за таковымъ отъеханьемъ станы коруны Полское оказовали передъ его кролевъскою милостью права и привилья, домовляючи ся, абы съ повинъности его милости господаръское ку скукъткуви *) ихъ приведены были, чого ижъ водле поприсяженья противъ **) его милости господарскихъ и самого господара на сторону откладати его кролевъской милости не годило, звлаща за таковымъ розъеханемъ никоторого упевненья не вчинивши, якожъ то вжо вамъ, всимъ подъданымъ его кролевъское милости, тайно ***), што около некоторыхъ земль, ку границамъ коруны Полское прилеглыхъ, деетъ. Для чого панове рада великого князьства Литовъского, которые ся на тотъ часъ до Вильни зъехати могли, пословъ своихъ до господара его милости и до пановъ радъ корунъныхъ присылали, оповедаючи то, ижъ, естли ся за першимъ зъеханьемъ всихъ становъ великого князьства Литовъского на томъ сойме еще тая справа унеи, або зъедноченья тыхъ обудвухъ панъствъ, знести ся не могла, тогды ихъ милость водле давного братского сприязненья и зъедноченья тыхъ обудвухъ панъствъ и теперъ того звязъку унеи жадливи будучи, зложенье иньшого сойму ку застановенью тое справы просятъ. Але, ижъ многие небезъпечности зъ стороны неприятельское ку ведомости его кролевъское милости доходятъ, для того его кролевъская милость, помнечи перъвшие прозбы ваши и зъедноченье для сполное обороны и хотечи ку скутъку тую справу унеи зъ Божею помочъю безъ продолженья привести, зъвлаща, ижъ вси станы корунъные на томъ же сойме теперешнемъ приеханья вашого до свя-

---

*) Ошибочно вм. «ку скутъкови». Срав. Публ. дѣлъ кн. X, л. 18.

**) Ошибоч. вм. «продковъ». См. Публич. дѣлъ кн. X, л. 18.

***) Ошибоч. вм. «не тайно». См. тамъ же.

токъ, близко пришлыхъ, при его милости господари ожидати обецалися, тогды его кролевская милость, хотечи въ добромъ порадку и вбезъпеченью обои панъства свои мети и бачечи, же тою причиною, замероною моцъю становити, тая справа унеи не дошла, прото зложити рачилъ ку намовамъ и зъеханю всихъ васъ, обывателей того повету, сойминъ на день теперешний, месеца мая десятого дня, близко пришлого, яко то ширей и достаточней на листехъ его кролевъское милости до вашой милости, пановъ радъ и всего васъ рыцеръства его кролевское милости, описано. А особливе его кролевъская милость вашей милости, паномъ радамъ, и вашей милости, всему рыцерству своему, оповедити росказати рачилъ, ижъ его кролевская милость съ подивеньемъ приймуеть, ижъ сами доброволъне просите о зуппеванье для валъки потужъное и о соймы сполъные для того, а кгды на съемъ пословъ выправуете, замероную имъ моцъ даете и на становенье унеи новый обычай—не только старыхъ листовъ не держите, але тежъ и певныхъ намовъ, на соймехъ около унеи вчиненыхъ, отступуете, зачимъ речь посполитую затрудняете, панъства въ нелюбость и въ ростыркъ приводите, неприятелеви потуху большую съ того подаете, звлаща, ижъ водле потребы потужъная война не йдеть, зачимъ ся неприятель въ панъстве его кролевъское милости ширить, братью и приятелей вашихъ одныхъ у везеню держитъ, другихъ маетности поседаеть, вы тежъ сами частыми войнами и немалыми податъки на тую жъ войну вытегаетеся, што добре бачить его кролевъская милость, якое трудъности и нарушенья на маетности приймуете, а то не лацне бы ити могло за злученьемъ обоихъ панствъ. Што хотечи его кролевъская милость зъ Божою помочью видети и досыть прозбе вашой чинечи, радъ бы тую справу унею ку скутъкови привелъ, але на кожъдомъ зъезде сойму што нового податку *) и затруднивъши тую справу розъеждчаються, якожъ и на тотъ часъ розъехалися, жадного постановенья не вчинивши, чимъ и сприятелей а давно сповиночоныи братьи порушоныхъ противко собе чинять. Тому забегаючи его кролевъская милость всказовать рачи, напоминаючи съ повинности веръного подданъства, абы кожъдый, обездревшися на то, што повиненъ естъ славе его кролевъской милости и отчизне своей, такъ о томъ мыслили, на томъ соймику зъехавшися, якобы за обрань **) пословъ людей бачныхъ годныхъ, ку тому часу на нинешний съемъ Любельский, на понеделокъ светочный, прислати не омешкали а дали имъ зупольную моцъ

*) Ошибоч. вм. «подадуть». См. Публич. дѣлъ кн. X, л 20.

**) «За обраньемъ». См. тамъ же.

становити такъ около унеи, яко и спольное обороны, кгды жъ въ той справе унеи постерегати хочеть, нжъ бы въ ровности тые панъства захованы были, а одно на другое ся не вывышало, и въ своей зацности, у-въ учтивости и въ достоенствахъ обои панства цале захованы были, чого—дали Богъ—съ потехою будуть уживати на вечные часы, сполне кожъдому неприятелеви отпираючи и въ кождой учтивости правъ, волъностей и свободъ своихъ уживати будуть. А его кролевъская милость обецуеть самъ працы не литуючи и вчасу здоровъю своему не фолкгуючи, дотоль речи зносити, яко на всемъ томъ, што на листехъ его кролевъское милости и въ томъ поселъстве вамъ черезъ мене росказано, ласку его кролевъское милости ку тому панъству, великому князьству Литовъскому, и ку особамъ своимъ кождый познаеть; и яко доброволне приедуть, такъ тежъ доброволне и отъедуть; нижъли, естли бы на тотъ часъ назначоный ехати не хотели, а што бы ся затымъ великому князству уближило альбо зъ стороны неприятельское небезъпечность,—его Боже уховай,—якая пришла, въ томъ, яко зостануть права его кролевъское милости и оному панъству, то кожъдый нехай лепъшимъ росказанемъ въ себе поважаеть. Писанъ у Люблине лет. Божъ. Нарож. 1569, месеца апреля 27 дня.

(Литов. Метр. кн. Пуолич. дѣлъ VII, л. 192—195).

№ 78.

Року 1569 писаны листы до всихъ обователей великого князьства Литовъского, узываючи ихъ на съемъ Любельский ку сконченью унеи, и розосланы тые листы месеца апреля 28, а остаточные 29 до пана Виленьского коморъникъ его милости взялъ. *)

Ему жъ дано и до повету Городеньского, а посломъ тамъ панъ Григорей Война.

До повету Слонимъского и до пана кашталяна Новгородского послано черезъ пахоле его милости самого; тамъ посломъ князь Полубеньский, а поселъство ему до пана старосты Жомонтъского послано.

Васплей Подбийпета, служебъникъ пана подскаръбего земъского, понесъ: на первей, до пана подскаръбего у фастыкуле послано: до поветовъ Лидъского, Ошменьского, Вилькомирского, Браславъского (до тыхъ поветовъ двои листы послано, одны, абы до повету Виленьского на соймикъ зъеждчали, другие, абы у своихъ поветехъ соймики справовали, што здано на баченье пана воеводы Виленьского и пана под-

*) Къ Люблинскому сейму 1569 года.

скаръбего); до повету Виленьского, до повету Троцкого, до повету Упитъского; до тыхъ всихъ поветовъ пословъ маеть панъ подскарбий обирати, а листы верущие и инструкъцеи до пана подъскаръбего посланы.

Тые листы до пана подскаръбего также ку розданью и розосланью посланы: до бискупа Виленьского, до бискупа Жомоитского, до бискупа Киевъского, до пана воеводы Виленьского, до кашталяна Меньского, до тивуна Виленьского, до тивуна Троцкого, до мар. князя Яна Свиръского, до мар. князя Лукаша Свиръского, до мар. пана Павла Островицкого, до мар. пана Яна Палуйского, до князей Кгедройтевъ, до князей Свирскихъ.

Тотъ же посланецъ маеть въ дорозе роздати: пану Яну Волчку, мар., у Василишкахъ; пану Каленицкому, мр., у Шерешове; пану воеводе Меньскому въ Болоткове; до повету Волковыйского листъ, до обывателей того повету и листъ верущий и инструкцыя; до повету Берестейского листы: до пана воеводы, до пана кашталяна, до обователей того повету листъ верущий и инструкцыя.

До его милости пана стар. Жомоитского черезъ посланца его милости до его милости послано: листъ до самого его милости, до кашталяна земли Жомоитъское, до пана столника, до тивуна Беръжаньского Станислава Миколаевича, до тивуна Коръшовского князя Михайла Боровъского, до тивуна Шодовъского Ивана Илькговъского, до тивуна Дирваньского Яна Кградовъского, до тивуна Ойракгольского Миколая Станькевича, до тивуна Тверъского Анъдрея Илковъского, до тивуна Поюрского Станислава Шемета, до тивуна Вешъвеньского пана Лавриновича, до тивуна Ретовъского Марка Внучка, до князей, пановъ и обывателей земли Жомоитское (тамъ посломъ Иванъ Илкговский, тивунъ Вешвенский), до повету Ковенского вся отправа (а посломъ Борейша, кгродский писаръ).

Князю Ивану Болубеньскому посельство до Слонима послано, а панъ староста маеть ему отдати.

Посланецъ пана Филона, старосты Оршаньского, понесъ: фастыкулъ листовъ до вряду Новгородского, въ которомъ: листъ до обователей того повету, послу листъ верущий и инструкъцея, до маръшалъка пана Миколая*) Сопеги, до маръшалъка пана Сновъского, до пана Анъдрея, секретара, и до Головни, абы который зъ нихъ посломъ былъ; фастыкулъ листовъ до вряду Меньского, въ которомъ: листъ до обователей того повету, листъ верущий послу, инструкцыя, листъ до

*) Въ подлинникѣ ошибочно: «Мисковая».

князей Лукомъскихъ, листъ до писара Оршаньского Воропая, абы посломъ былъ; фастыкулъ листовъ до повету Витебъского, въ которомъ: листъ до обователей того повету, листъ верущий, инструкцыя, листъ до князей Соколенскихъ, листъ до Тимоѳея Гурка, абы посломъ былъ; фастыкулъ листовъ до повету Мстиславского, въ которомъ: листъ до обователей того повету, листъ верущий, инъструкцея (тамъ во Мстиславли посломъ городничий Радомъский).

До тыхъ двохъ поветовъ Витебъска и Мстиславля панъ Филонъ зъ Орши маеть отослати.

Александеръ Воловичъ понесъ: до воеводы Троцкого, до пана Троцкого, до бискупа Луцкого, до кашталяна Берестейского, до пана ловчого, до пана Ивана Воловича, до хоружого земъского, до воеводы Киевъского.

Скроботъ понесъ: до пана подскаръбего, до повету Полоцкого, до воеводы Полоцкого, до воеводы Мстиславского.

Русинъ понесъ: до воеводы Новгородского, до повету Пиньского (посолъ Куренецкий), до повету Мозырского (посолъ Балакиръ, писаръ), до повету Речицкого (посолъ панъ Богданъ Солтанъ), до повету Киевъского (посолъ Девочка).

Тые листы такъ писаны:

Жикгимонтъ Августъ.

Ко всимъ паномъ Зеновъевичомъ. Што перво сего, за початьемъ валки зъ неприятелемъ нашимъ, великимъ княземъ Московъскимъ, доношоны прозбы отъ всихъ становъ ку намъ, господару, абы для способу большого ку валце съемъ спольный съ коруною Польскою на унею зложонъ былъ, где потомъ и на сойме Виленьскомъ взновивъши тую прозбу на съемъ до Варшавы послы ку застановенью и сконъченью унеи отъправлены были, а отголь зась на Бельский съемъ всю справу, о што ся послы великого князьства Литовъского зъ станы корунъными у Варшаве згодити не могли, знесли и, што тамъ застановили, на съемъ Паръчовский черезъ пословъ своихъ отослали; а ижъ и на томъ сойме скутечного застановенья тая справа не приняла, потомъ, будучи намъ, господару, у войску у Молодечне, кгды черезъ певные особы и рады, послы съ коруны Польское, напомнены есте были о сконъченье тое справы унеи зъ жеданьемъ братеръскимъ и възываньемъ на съемъ сполъный, што есте вси станы одностайне, у войску зобраные, ку намъ, господару, принесши и зъ волею нашою на певное зъеханье призволивши, о часъ и местцо ку таковому зъезду сойму сполного на волю нашу господаръскую пустили; а потомъ и на

сойме прошломъ Городеньскомъ, недавно въ року шестьдесятъ осмомъ минуломъ, зъ жадливостью своею ку намъ, господару, рецесомъ соймовымъ ствердили, абы тотъ съемъ сполный въ року прошломъ шестьдесятъ осмомъ дошолъ. Зачимъ мы, чинячи досыть такъ частымъ прозбамъ вашимъ, тыхъ недавно прошлыхъ часовъ, въ томъ же року, за жеданьемъ и призволеньемъ всихъ登 становъ коруны Польское и великого князьства Литобского около становенья... тыхъ обудвухъ панъствъ на певномъ местцу, въ Люблине..... Якожъ на тотъ съемъ сполный до Люблина вси станы обоихъ панъствъ ку той справе застановенья унии ку намъ, господару, сезде кгды ся зъехали и въ томъ згодитися не могли, же бы отъ старыхъ списовъ альбо отъ намовъ на соймехъ прошлыхъ справу унеи почпнати мели,—кгды жъ яко панове рады великого князьства, такъ и иные вси станы дали ся въ томъ слышати намъ, господару, ижъ отъ братьи своее отправлены, абы не отъ старыхъ списовъ, але зъ милости братерское знову унею установили, а панове рады и иные станы коруны Польское старыхъ привильевъ, злаща привилья славное памети короля и великого князя его милости Александра, стрыя нашого, въ которомъ вси иные списы и привилья першие на обе стороны змеркованы, на сторону не откладаючи, а отъ того почати хотечи, и въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилью короля Александра што противного видело милости и сполку братьскому, и о томъ хотечи намовляти и въ ровность всякого доброго братеръства кождый артыкулъ приводячи, около екзекуцыи добръ або именей, отъ столу нашого господаръского отдаленыхъ, которую екзекуцыю коруна Польская съ потребъ речи посполитое на себе приняла и уфалила, хотечи, абы у великомъ князьстве Литовъскомъ не была, то спольнымъ зволеньемъ сами межи собою и потомъ зъ звирхности нашое господаръское обварпвати упевняю(чи), а затымъ по долгихъ намовахъ, которые межи собою мели, ничого не постановивши, отъ насъ, господара, отъехали; гдежъ за таковымъ отъеханьемъ станы коруны Польское оказовали передъ нами права и привилья, домовляючися, абы повинности нашое господаръское ку скуткови ихъ приведены были, чого жъ и водле поприсеженья продковъ нашихъ и насъ, господара, на сторону намъ откладати не годило, звлаща за таковымъ отъеханьемъ никоторого упевненья ни вчинивши, якожъ то вжо вамъ, всимъ подданымъ нашимъ, не тайно, што около некоторыхъ земль, ку границамъ коруны Польское прилеглыхъ, деетъ. Для чого панове рада наша великого князьства Литовского, которые ся на тотъ часъ до Вильни зъехати могли, пословъ своихъ сезде до насъ, господара, и до пановъ радъ корунъныхъ присылали,

оповедаючи, ижъ, естли ся за першимъ зъеханьемъ всихъ становъ великого князьства Литовъского на томъ сойме еще тая справа унеи не дошла и зъедноченье обудвухъ панъствъ нашихъ зиестися не могло, тогды ихъ милость водле давного братского сприязненья и зъедноченья тыхъ обудвухъ панъствъ нашихъ и теперъ того звязку унеи жадливи будучи, о зложенью иншого сойму ку застановеню тое справы просять. Але, ижъ многие небезпечности зъ стороны неприятельское ку ведомости намъ доходять, для того мы, помнечи першие прозьбы ваши и зъедноченье для сполное обороны и хотечи тую справу унею зъ Божьею помочью ку скутку безъ предолъженья привести, звлаща, ижъ вси станы корунъные на томъ же сойме теперешнемъ приеханья вашого до святокъ, близко пришлыхъ, при насъ, господару, ожидати обецалися, тогды, хотечи въ добромъ порадку и вбезъпеченъю обои панъства наши мети и бачечи, же тою при(чи)ною, замероною моцъ(ю) становити, тая справа унеи не дошла, прото складаемъ ку намовамъ и зъеханью всихъ васъ, обывателей великого князства Литовъского, соймики во всихъ поветехъ оного панства на день певный, то есть месеца мая десятого дня у волторокъ, а хочемъ мети и приказуемъ вамъ, ажъбы есте, не беручи передъ себе на тотъ часъ роковъ, около збиранья соймиковъ поветовыхъ въ статуте описаныхъ и некоторыхъ причинъ инъшихъ, кгдыжъ тымъ статуту нарушати не хочомъ, але, при моцы зоставуючи, только на одинъ теперешний зъездъ таковый рокъ складаемъ, и то для того, абы есте, бачачи такъ великоважные потребы земъские, кгды жъ не толко около унеи застановенье не дошло, але и зъ неприятелемъ нашимъ око(ло) обороны постановенье не вчинено, и оборона на пришлый часъ не намовена, а податки земъские вжо на служебные, яко отъ пана гетьмана ведомость маемъ, вышли, на тотъ часъ помененый до повету того, въ которомъ большую головнейшую оселость маете, на соймикъ поветовый... и тамъ, зъ иными станы намовивъши, тыхъ же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первей были альбо иныхъ, людей бачныхъ и ростропныхъ, не зъ замероною моцъю науку, яко есте перво сего посломъ были дали, але зъ зуполною и достаточною ку сконъченью тое справы унеи, такъже и для объмышлеванья около обороны оного панъства нашого, великого князьства Литовского, чимъ бы ся безъпечити могло, зъ оного повету на тотъ же перво вамъ зложоный сполный съемъ здесе до Люблина ку намъ, господару, отправили и спешне ихъ посылали, жебы тутъ были на часъ певный, въ понеделокъ святокъ пришлыхъ, месеца мая тридцатого дня, сезде у Люблине у насъ, господара, водле давного звычаю становилися, а тутъ приехавъши зо

всякою зацностью, учтивостью кромъ жадного нарушенью правъ, свободъ и всякихъ волностей въ оном панъстве нашомъ, великомъ князьстве Литовскомъ, къ тому зо всякимъ обварованьемъ экъзекуцыи, то есть, отбиранья добръ столу нашого господарского, што коруна Полская съ потребы речи посполитое на себе приняли, чому оное панъство, великое князьство Литовъское ни въ чомъ не подлегло такъ у вечностяхъ, дожиботьяхъ, ... нахъ, въ заставахъ, въ заменахъ и въ иныхъ речахъ, тую справу унеи скончивши и замкнувши, а подъ справою на томъ сполъномъ сойме врадовъ всякихъ, оному панству належныхъ, будучи,—панове рады наши ихъ милость великого князьства Литовъского и съ паны радами корунъными, а врадники и иные станы, такъ же и послы земль и поветовъ оного панства зъ врадники, станы и послами земскими корунъными местца свои, черезъ насъ, господара, съ кождою пристойностью и учтивостью назначоные, заседши, о всемъ добромъ, славномъ и пожиточномъ обоихъ панъствъ нашихъ радили и намовляли и зъ волею нашою господаръскою становили. А мы, господаръ, зъ звирхности нашое господаръское, не литуючи працы и не фолькгуючи въчасу здоровья нашого, хочемъ съ помочью Божью таковые речи ку доброму скonченью зъ славнымъ, учтивымъ и пожиточнымъ обоихъ панствъ такъ приводити, яко бы ку чти и фале Божой зъ вечнымъ споминаньемъ имени нашого господарского таковое братерское межи тыми панствы нашими зъедноченье на вечные часы въ доброй милости и въ ровномъ одиноцътве зобополне держано и ховано было. Для чого абы есте, вжо на иншии часъ сойминовъ собе вси споломъ альбо которые кольвекъ особы прекладати не смеючи, але певне, неотменъне, дня вышейменованого зъехавшися до повету того, въ которомъ головнейшую оселость свою маете, пословъ своихъ, яко ся вышей въ семъ листе поменило, отправовали, и сами бы есте поспешитися ку намъ, господару, тутъ до Люблина на часъ назначоный не омешкивали. А хотя бы есте не въси станы на день помененый зъехали, вы бы съ тыми, которые ся того дня на местцо належное зъедуть, пословъ зъ зуполною моцъю выправовали. Писанъ у Люблине лет. Бож. Нарож. 1569, месеца апреля 26 дня.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 187—189).

№ 79.

Списанье поветовъ великого князства Литовского и врадниковъ въ нихъ.*)

Воеводство Виленское:

воевода—панъ Миколай Юревичъ Радивилъ,
кашталянъ—панъ Григорей Александровичъ Ходкевичъ;
хоруговъ того воеводства чирвоная, въ белымъ полю гербъ.

Поветы ку воеводству Виленскому:

1) Виленский поветъ, ку которого справованю урядники:
подъкоморый—панъ Янъ Левонъ;
хоружий;
судя;
подсудокъ—панъ Юрий Белозоръ;
писаръ—панъ Анъдрей Мацковичъ.

2) Ошменский поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—панъ Павелъ Островицкий;
подкоморий—панъ Янъ Палуский;
хоружий;
судя—панъ Станиславъ Хоружичъ;
подсудокъ—панъ Станиславъ Борода;
писаръ—панъ Станиславъ Косинский.

3) Вилькомирский поветъ, ку которого справованью врадники:
маршалокъ;
подкоморий—панъ Голубицкий;
хоружий;
судя;
подъсудокъ—панъ Григорей;
писаръ—панъ Станиславъ Девялтовский.

4) Браславский поветъ, ку которого справованю врядники:
маршалокъ—князь Лукашъ Болеславовичъ Свирский;
подкоморий—князь Иванъ Тимоѳеевичъ Крошинский;
хоружий;
судя—панъ Иванъ Баса;
подсудокъ—панъ Митько Путята;
писаръ—панъ Янъ Сиповичъ.

---

*) Къ Виленскому сейму 1565—1566 г.

Воеводство Троцкое:

воевода—князь Стефанъ Андреевичъ Збаражский;
кашталянъ—панъ Юрий Александровичъ Ходкевичъ;
хоруговъ того воеводства лазуровая, въ беломъ полю гербъ.

Поветы къ воеводству Троцкому:

1) Троцкий поветъ, ку которого справованью врядники:
подкоморый—панъ Андрей Держко;
хоружий;
судя—панъ Еразмусъ Довкгирдъ;
подсудокъ—панъ Иванъ Селицкий;
писаръ—панъ Янъ Кгудяньский.

2) Городенский поветъ, ку которого справованю врядники:
маршалокъ—панъ Иванъ Воловичъ;
подъкоморий—панъ Павелъ Котовичъ;
хоружий—панъ Богушъ Мицута;
судя—князь Масальский;
подсудокъ—панъ Иванъ Макаровичъ;
писаръ—панъ Ѳедоръ Кунцевичъ.

3) Ковенский поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—князь Ярославъ;
подъкоморий—панъ Девялтовъский;
хоружий;
судя—панъ Михалъ Кулметь;
подсудокъ—панъ Андрей Мацковичъ;
писаръ—панъ Бенедиктъ Ивановичъ.

4) Лидъский поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—панъ Янъ Волчекъ;
подкоморий—панъ Миколай Олехновичъ;
хоружий;
судя—панъ Себестьянъ Третякъ;
подсудокъ—панъ Миколай Новицкий;
писаръ—панъ Янъ Спруть.

5) Упитский поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—панъ Александръ Ѳедоровичъ Владыка;
подкоморий—панъ Янъ Вольминьский;
хоружий;
судя—панъ Бальтромей Левонъ;
подъсудокъ—панъ Якубъ Кемешъ;
писаръ—панъ Янъ Млечъко.

Староство Жомоитское:

Староста—панъ Янъ Ходкевичъ;
кашталянъ—панъ Мальхеръ Шеметъ;
хоруговъ белая, въ чирвономъ полю гербъ.

Воеводство Киевъское:

воевода—князь Костентинъ Острожский;
кашталянъ—панъ Павелъ Сопега;
хоруговъ папужъковая, въ чирвономъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Киевъский поветъ, ку которого справованью врядники:
подкоморий—панъ Малхеръ Носиловъский;
хоружий;
судя—панъ Есиѳъ Ивановичъ Немира;
подсудокъ—панъ Ѳедоръ Тиша;
писаръ—панъ Богушъ Павша.

2) Мозырский поветъ, ку которого справованю врядники:
маршалокъ—панъ Каленицкий Василевичъ Тишковичъ;
подкоморий—панъ Миколай Служъка;
хоружий;
судя—Анъдрей Елецъ;
подсудокъ—панъ Ѳедоръ Левковичъ и Погорский;
писаръ—панъ Ѳедоръ Балакиръ.

Воеводство Волынское:

воевода;
кашталянъ—панъ Козинский;
хоруговъ брунатная, въ белумъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Луцкий поветъ, ку которого справованю врядники:
подкоморий—панъ Михайло Сербинъ;
хоружий—панъ Григорей Гулевичъ;
судъя—панъ Гаврило Бокей;
подсудокъ—князь Остаѳей Сокольский;
писаръ—панъ Михайло Корытенский.

2) Володымерский поветъ, ку которого справованью врядники:
маршалокъ—панъ Петръ Богдановичъ Загоровский;
подкоморий—панъ Александро Богдановичъ Семашко;
хоружий;
судя—панъ Богданъ Костюшъковичъ Хоболтовский;

подсудокъ—князь Михайло Курцевичъ;
писаръ—панъ Өедоръ Сольтанъ.

3) Кремянецкий поветъ, ку которого справованью врядники:
маршалокъ—панъ Михайло Ело;
подкоморий—панъ Олекший Белецкий;
хоружий;
судья—панъ Аньдрей Куневъский;
подсудокъ—панъ Иванъ Патрокей;
писаръ—панъ Григорей Болбасъ.

Полоцкое:

кашталянъ;
хоруговъ сикоража, въ беломъ полю гербъ.

Воеводство Новгородское:

воевода—панъ Павелъ Ивановичъ Сопега;
кашталянъ—панъ Григорей Воловичъ;
хоруговъ пелистая, въ беломъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Новгородский поветъ, ку которого справованью врадники:
подкоморий—панъ Клюковъский;
хоружий—панъ Иванъ Хар.;
судья—панъ Мальхеръ Сновъский;
подъсудокъ—панъ Богданъ Палусовъский;
писаръ—панъ Есипъ Головня.

2) Слонимъский поветъ, ку которого справованю врядники:
маръшалокъ—панъ Иванъ Яцыничъ;
подъкоморий—панъ Наръбутъ;
хоружий;
судья—панъ Михайло Соколовъский;
подъсудокъ—панъ Елецъ;
писаръ—панъ Богушъ Душеринский.

3) Вольковыйский поветъ, ку которого справованью врадники:
маршалокъ;
подкоморий—панъ Юрей Юндель;
хоружий—панъ Пукшта;
судья—панъ Ярославъ Роский;
подъсудокъ—панъ Ленартъ Узловский;
писаръ—панъ Янъ Ходаковский.

Воеводство Витебъское:

воевода Витебъский—панъ Станиславъ Пацъ;

каштялянъ—панъ Павелъ Пацъ;
хоруговъ зеленая, въ беломъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Витебъский поветъ, ку которого справованю врадники:
подкоморий—князь Соколеньский;
хоружий—панъ Ѳедоръ Данилевичъ;
судья—панъ Иванъ Щолко;
подъсудокъ—панъ Тимоѳей Гурко;
писаръ—панъ Василей Богдановичъ.

2) Оршаньский поветъ, ку которого справованью врадники:
маръшалокъ—князь Одинцевичъ;
подкоморий—Григорей Подберезъский;
хоружий—Богушъ Олексеевичъ Сколокъ;
судья—князь Тимоѳей Соколеньский;
подсудокъ—Подъбипета;
писаръ—Анъдрей Воропай.

Воеводство Подляшское:

воевода Подляшский—панъ Василей Тишкевичъ;
каштялянъ Дорогицкий—панъ Григорей Тризна;
хоруговъ Дорогицкая и Мельницкая жолто-горачая, въ беломъ полю гербъ.

Поветы того воеводства:

1) Дорогицкий поветъ, ку которого справованью врадники водле права ихъ и звычаю постановены.

2) Мельницкий поветъ, ку которого справованью врадники:
маръшалокъ—панъ Косинский;
иные врадники здавна постановены.

3) Бельский поветъ, ку которого справованью врядники:
маршалокъ—панъ Миколай Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородский;
подкоморий—панъ Богданъ Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородский;
иные врадники здавна постановени.

Воеводство Берестейское:

воевода Берестейский—панъ Юрей Василевичъ Тишкевичъ;
каштялянъ—панъ Янъ Гайко;
хоруговъ блякитная, въ чирвономъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Берестейский поветъ, ку которого справованю врядники:
подкоморий—панъ Доминикъ Пацъ;

хоружий;
судя—панъ Кирьдей Криковский;
подсудокъ—панъ Яковъ Гричина;
писаръ—панъ Адамъ Патей;

2) Пиньский поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—панъ Олизаръ Кирдей Мылский;
подкоморий—панъ Война Гричина;
хоружий—панъ Өедюшко;
судья—панъ Иванъ Фурьсъ;
подсудокъ—панъ Иванъ Домановский;
писаръ—панъ Гуринъ Фурсъ.

Воеводство Мстиславское:

воевода Мстиславский—панъ Юрий Юревичъ Остикъ;
кашталянъ—князь Иванъ Богдановичъ Соломерецкий;
хоруговъ жолътая, въ чирвономъ полю гербъ.

Поветъ ку тому воеводству только Мстиславль одинъ, ку которого справованю врадники:
подъкоморий—панъ Миколай Суходолский;
хоружий;
судья—панъ Богданъ Селицкий;
подсудокъ—панъ Станиславъ Каспоровичъ;
писаръ—панъ Иванъ Олеша.

Воеводство Браславля Подольского:

воевода—князь Романъ Өедоровичъ Санькгушковича;
кашталянъ—князь Анъдрей Тимоөеевичъ Капуста;
хоруговъ шарая, въ чирвономъ полю гербъ.

Поветы того воеводства толко Браславль а Веница, где ку справованю врадники:
подкоморий—панъ Семенъ Дешковский;
хоружий;
судья—панъ Петничанский;
подъсудокъ—панъ Петръ Микулинский;
писаръ—панъ Иванъ Дешковъский.

Воеводство Менское:

воевода Меньский—панъ Гаврило Ивановичъ Горъностай;
кашталянъ—панъ Миколай Тальвошъ;
хоруговъ гвоздиковая, въ беломъ полю гербъ.

Поветы ку тому воеводству:

1) Меньский поветъ, ку которого справованю врадники:
подъкоморий—панъ Станиславъ Сологубъ;
хоружий;
судья—панъ Григорей Рагоза;
подсудокъ—панъ Дмитръ Сава;
писаръ—панъ Мартинъ Володковичъ.

2) Речицкий поветъ, ку которого справованю врадники:
маршалокъ—панъ Оникей Горностай;
подкоморий—панъ Иляшъ Жабка;
хоружий;
судья;
подсудокъ;
писаръ.

Въ земли Жомоитской:

судья—Станиславъ Вековичъ;
подсудокъ—Крыштофъ Станькевичъ;
писаръ—Станиславъ Кгруздя.

(Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 197—203).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ.[1]

[1] Цыфры курсивомъ означаютъ нумерацію приложеній.

В.

Д.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ц.

Ч.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.[1]

---

[1]) Цыфры курсивомъ означаютъ нумерацію приложеній.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.[1]

---

[1] Цыфры курсивомъ означаютъ нумерацію приложеній.

Г.

Д.

Ж.

З.

И.

Л.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

ПОГРѢШНОСТИ ТЕКСТА.

Стр.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Надо исправить:*
4	5	сверху	о начатіи	о продолженіи
26	16	снизу	неблагопріатно	неблагопріятно
31	16	сверху	Городнѣ	Городлѣ
33	11	»	Городнѣ	Городлѣ
35	6 и 10	сверху	обѣихъ	обоихъ
36	17	снизу	per acclamationen	per acclamationem
38	15	сверху	въ XII в.	въ XII и XIII вв.
39	пр. 97		Ятяжскихъ	Ятвяжскихъ
54	14	»	государства	государства
69	13	»	важнѣйшія	вашнѣйшіе
71	7	снизу	недовольнымъ	недовольными
99	6	сверху	и о юрисдикціи	и отъ юрисдикціи
114	5	снизу	земли	записи
117	7	»	мѣста съѣзда	для съѣзда мѣста
118	7	сверху	Казмиръ	Казимиръ
137	13	»	знати	власти
149	2	снизу	Сигизмундомъ	Сигизмунду
»	пр. 307		de elekcyi	do elekcyi
176	» 10		400 конъ	400 копъ
200	3	»	Польшу	въ Польшу
219	9	»	гарнизомъ	гарнизономъ
221	6	»	ее	ея
235	» 217		кн. Запис.	кн. Запис. XIV
253	» 263		датировалъ	датированъ
271	17	сверху	вѣстій	извѣстій
272	5	снизу	расписать	росписать
278	13	»	повѣт	повѣты
309	4	»	соотоявшіяся	состоявшіяся
318	8	сверху	*подключницыво*	*подключництво*
319	10	»	кн. Гольшинскіе	кн. Гольшанскіе
320	7	снизу	Дорсунишскій	Дорсунишскій
331	12	сверху	господар	господаря
341	2	»	*мечникъ*	*мечникъ* и *чашникъ*.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Надо исправить:*
342	1 »	подскорбие	подскарбие
»	1 снизу	*въ ряде*	*въ раде*
343	11 сверху	радѣ	рады
»	» 114	*зъвоеводства*	*зъ воеводства*
350	14 снизу	*Костевичи*: Станиславъ, его сыновья Янушъ и Венцлавъ	—
360	9 сверху	надъ нанесеніемъ	надъ населеніемъ
386	5 »	марърамъ	мамърамъ
401	7 »	квитацію	«квитацію»
409	1 снизу	заимныхъ	взаимныхъ
417	» 421	1561	1566
»	» 424	titeris	literis
421	5 »	insisor	incisor
452	12 снизу	Пропойскѣ, Кричевѣ	Пропойскѣ
461	1 »	усчиплового	усчипливого
481	12 сверху	землевладенія	землевладѣнія
483	9 »	Żrodła	Źródła
492	11 »	писарь и подкоморій	писарь
»	» 179	str. 118—124.	str. 118—121.
519	12 »	пожалованныя	пожалованные
523	» 22	Żrodła	Źródła
529	» 32	Михалокъ	Михалонъ
545	» 66	подававшегося	подававшеюся
548	3 и 4 сверху	воеводскіе	воеводскія
569	15 »	данныя	данные
626	3 »	онолченію	ополченію
628	17 »	поскарбію	подскарбію
662	14 снизу	экцекуціонистовъ	экзекуціонистовъ
»	7 »	экцекуціонистамъ	экзекуціонистамъ
663	4 »	въ 1561 году	въ 1501 году
665	10 »	проэктировали	проектировали
670	4 сверху	Тишкевича	Ходкевича
673	12 снизу	проэктировали	проектировали
734	15 »	обѣихъ	обоихъ
»	20 »	едининеніи	единеніи
745	7 »	воедвода	воевода
756	4 снизу	дальныйшей	дальнѣйшей
764	4 »	сейма	сейма,
770	9 сверху	княжества	княжества,
778	6 снизу	года	года,
795	11 сверху	За отпускъ,	За отпускъ
796	13 снизу	Моравіи	Мазовіи

Стр.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Надо исправить:*
801	12	снизу	увеличенными,	увеличенными
802	10 и 9	»	ходатайстоовали	ходатайствовали
809	3	сверху	урядниковъ	урядниковъ,
811	10	снизу	«наданья»	«наданья»,
819	4	»	на инкорпорацію	на инкорпораціи
823	пр. 199		Прилож. № 76	Прилож. № 74.
850	7	сверху	представитей	представителей

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ.

Стр.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Надо исправить:*
21	2	снизу	господарскаго	господарского
24	8	сверху	и панятамъ	и панятамъ,
33	5	снизу	войский	Вольский
34	4	сверху	падскарбий	подскарбий
55	10	снизу	они	ани
57	9	»	продовоно	продавано
60	17	»	зь ихъ	зъ ихъ
81	8	»	шконика	шкодника
135	17	»	и Ковеньский;	и Ковеньский,
209	1	»	оть пановъ	отъ пановъ